

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

8

1?6.

СБОРНИКЪ ТЕЗИСОВЪ,

ИЗВЛЕЧЕННЫХЪ ИЗЪ РѢШЕНІЙ ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

РАЗЪЯСНЯЮЩИХЪ:

Кодексъ Наполеона, Гражд. улож. Ц. Польск. 1825 г., Торг. Код., Полож. о прим. Суд. Устав. къ Варш. Судеб. окр.

и

ДРУГІЯ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЯ, ДѢЙСТВУЮЩІЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

СОСТАВИЛЪ

Кандидатъ правъ В. П. Домновскій.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
УЛИЦА КОРОЛЕВСКАЯ № 13.

1885.

Дозволено Цензурою,
Варшава, 6 Сентября 1885 г.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Наступающій—1886—годъ явится годомъ десятилѣтняго примѣненія Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года Императора Александра II въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Положеніе о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года къ округу Варшавской Судебной Палаты распространило на губерніи Царства Польскаго власть Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и дало Сенату возможность истолкованія тѣхъ узаконеній, сфера примѣненія коихъ ограничивается исключительно округомъ Варшавской Судебной Палаты, каковы: Кодексъ Наполеона, Гражд. Улож. Ц. Польс. 1825 г., Полож. о Союзѣ Брачн. 1836 г., Ипотеч. Уст., Торг. Код., Постан. Учред. Ком. по дѣл. Царства Польскаго, Полож. о прим. Судебн. Уст. къ окр. Варш. Суд. Пал. и проч. Сенату пришлось, такимъ образомъ, въ теченіи этого десятилѣтія высказать свой взглядъ на многіе вопросы, имѣющіе серьезный интересъ для юридической жизни привислянскаго края, разъяснить смыслъ многихъ статей выше перечисленныхъ узаконеній и установить рядъ принципіальныхъ положеній какъ по матеріальному праву и преимущественно по ученію о доказательствахъ, такъ и по Полож. о Прим. Суд. Уст. къ Варш. Суд. округу.

Всѣ эти рѣшенія были разъединены между собою—въ сборникахъ сенатскихъ рѣшеній—рѣшеніями, касающимися матеріальнаго права Имперіи и имперскаго судопроизводства и поэтому юристамъ—практикамъ округа Варшавской судебной палаты представляло не мало затрудненій отыскивать нужныя имъ по Царству Польскому рѣшенія среди массы рѣшеній, до Царства Польскаго вовсе не касающихся. Затрудненіе это становилось съ каждымъ годомъ все серьезнѣе и ощутительнѣе, почему и представилось — составителю настоящаго сборника—полезнымъ сдѣлать для юристовъ округа Варшавской Судебной Палаты то, что давно уже дѣлается по отношенію къ законамъ, дѣйствующимъ въ Имперіи, а именно: систематизировать въ отдѣльномъ сборникѣ въ формѣ мотивированныхъ тезисовъ всѣ рѣшенія Сената, разъясняющія законоположенія, дѣйствующія исключительно въ губерніяхъ Царства Польскаго. Въ сборникъ этотъ вошли всѣ подобныя рѣшенія,—помѣщенныя въ оффиціальномъ сборникѣ,—по октябрь 1884 года включительно; кромѣ того въ немъ помѣщены и нѣкоторыя рѣшенія, Сената, изданныя по съѣзду Мир. Суд. 2 Окр. Ломжинской губ. и въ оффиціальный сборникъ не вошедшія. Въ концѣ сборника помѣщены рѣшенія, разъясняющія 409 ст. уст. гр. суд. Это кажущееся отступленіе отъ программы сдѣлано составителемъ въ виду практическаго удобства лицъ, имѣющихъ пользоваться настоящимъ сборникомъ, такъ какъ подъ этою статьею сгруппированы всѣ рѣшенія Сената по Царству Польскому, помѣщенныя вмѣстѣ съ тѣмъ и подъ другими статьями различныхъ узаконеній, — разъясняющія всесторонне случаи примѣненія 409 ст. уст. Гр. Суд. въ округѣ Варшавской судебной Палаты.

В. Ломновскій.

КОДЕКСЪ НАПОЛЕОНА.

КОДЕКСЪ НАПОЛЕОНА.

6 ст. Частными сдѣлками не могутъ быть нарушаемы законы, охраняющіе общественный порядокъ и добрую нравственность.

Договорныя отношенія между возчиками и хозяевами грузовъ объ ограниченіи отвѣтственности возчика за пропажу или поврежденіе—не могутъ быть признаваемы вообще противорѣчащими общественному порядку и доброй нравственности. Не могутъ соглашенія эти почитаться таковыми, напр., въ случаѣ утраты или поврежденія могущихъ произойдти вслѣдствіе похищенія посторонними людьми или непринятія надлежащихъ мѣръ предосторожности при перевозкѣ предметовъ особенно цѣнныхъ (драгоцѣнныхъ), хрупкихъ, подлежащихъ усышкѣ и скорой порчѣ *(рѣш. 82 г. № 105 по дѣлу рос. общ. страх. съ Гл. Общ. рос. жел. дор.)*.

Противными же общественному порядку и доброй нравственности могли бы являться такія лишь сдѣлки, заключеніе коихъ было бы поставлено въ условія, устраняющія возможность исполненія постановленій, опредѣляющихъ дѣйствительность договоровъ, т. е. когда бы отправители были вынуждены соглашаться на ограниченную за утрату грузовъ отвѣтственность со стороны возчиковъ—желѣзныхъ дорогъ—не потому, что видѣли бы для себя въ этомъ какую либо выгоду, а только потому, что желѣзныя дороги, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, недопускающимъ никакой конкурренціи со стороны другихъ возчиковъ, допускали бы пріемъ грузовъ

къ отправленію не иначе, какъ при согласіи отправителей на такую ограниченную отвѣтственность. (Тоже Сен. рѣш.).

Договоры объ ограниченной отвѣтственности желѣзной дороги съ отправителями грузовъ, когда они заключены при соблюденіи условій ст. 1108—1133 код. (т. е. условій, существенныхъ для дѣйствительности каждаго договора),—должны быть признаваемы дѣйствительными. Соглашеніе по этому предмету представляется противнымъ закону—въ виду ст. 6, 1382, 1384, 1782 и 1784 код.—въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ цѣлью освобожденіе возчика отъ отвѣтственности въ полной стоимости груза за пропажу, могущую послѣдовать отъ собственныхъ его, возчика, дѣйствій, ибо, по общему началу, выраженному въ 1382 ст. код., всякое дѣйствіе, причиняющее вредъ, обязываетъ лицо, по винѣ коего онъ произошелъ вознаградить потерпѣвшаго, и потому переносить эту отвѣтственность и ея послѣдствія, путемъ гражданской сдѣлки, на другое и притомъ еще само же потерпѣвшее лицо—было бы несогласно съ постановленіемъ закона *(Тоже рѣш. Сен.)*.

Условіе объ ограниченной отвѣтственности желѣзной дороги не можетъ имѣть законной силы и въ тѣхъ случаяхъ, когда пропажа или поврежденіе послѣдовали отъ дѣйствій лицъ, состоящихъ на службѣ возчика (т. е. агентовъ желѣзной дороги), ибо, по 1384 ст. код., всякій дѣлается отвѣтственнымъ не только за вредъ, причиненный своими личными дѣйствіями, но и за вредъ нанесенный лицами, за которыхъ онъ долженъ отвѣчать или предметами, находящимися въ его завѣдываніи *(тоже рѣш. Сен.)*.

520 ст. Произрастенія на корню и несобранные съ деревьевъ плоды равнымъ образомъ суть имущества недвижимыя.

Сжатый хлѣбъ и отдѣльные плоды, хотя бы они и не были убраны, признаются движимостью. Если сжата только часть произрастеній, то она одна признается движимостью.

544 ст. Право собственности есть право пользовать-

ся и распоряжаться вещами безъ всякаго ограниченія, съ тѣмъ однако, чтобы не дѣлать изъ нихъ употребленія, законами или особыми правилами воспрещеннаго.

Собственникъ недвижимаго имѣнія, согласно ст. 544 Гр. Код., дѣйствительно, имѣетъ право неограниченно пользоваться и распоряжаться своимъ имѣніемъ, но, при этомъ, онъ обязанъ не нарушать правъ сосѣднихъ владѣльцевъ. Нельзя, напримѣръ, допустить, чтобы собственникъ мельницы могъ по произволу возвышать уровень воды на мѣльницѣ, не смотря на то, что, вслѣдствіе возвышеннаго уровня воды, затопляются вышележащія имѣнія и тѣмъ причиняются убытки ихъ собственникамъ. Каждый собственникъ вправѣ требовать, въ силу лишь своего права собственности, чтобы сосѣдъ не подтоплялъ его имѣнія, и чтобы, въ случаѣ подтопа, онъ вознаградилъ его за понесенные имъ убытки. Для охраненія имѣнія отъ подтопа не нужно сервитута въ пользу имѣнія, а, наоборотъ, необходимъ сервитутъ для того, чтобы имѣть право подтоплять чужое имѣніе. *(Рѣш. Сен. № 193—81 г. по дѣлу Босукскаго съ Дзержиновскимъ и др.)*.

549 ст. Простой владѣлецъ дѣлается собственникомъ плодовъ только въ томъ случаѣ, если владѣніе его добросовѣстно; въ противномъ случаѣ, онъ обязанъ по требованію собственника возвратить ему, вмѣстѣ съ вещью, и плоды.

По смыслу 549 и 550 ст. Гражд. Кодекса, *добросовѣстность* есть необходимое условіе, требуемое отъ владѣльца для пріобрѣтенія плодовъ вещи, а *законный титулъ* требуется, какъ составная часть добросовѣстности. Супругъ, пріобрѣтающій недвижимость отъ другаго супруга безъ законной причины, не можетъ почитаться добросовѣстнымъ пріобрѣтателемъ, и, слѣдовательно, онъ обязанъ, по требованію собственника, возвратить ему, вмѣстѣ съ имѣніемъ, и доходы съ онаго (583 и 584 ст. Гр. код.) (*Рѣш. Сен. 83 г. № 56 по д. Квецинской съ Квецинскимъ*).

555 ст. Если насажденія, сооруженія и работы сдѣ-

ланы третьимъ лицомъ изъ своихъ матеріаловъ, то собственникъ земли имѣетъ право или удержать ихъ или заставить третье лицо снести ихъ.

Если собственникъ земли потребуетъ, чтобы насажденія и сооруженія были снесены, то это производится на счетъ того, кто ихъ сдѣлалъ, безъ всякаго въ его пользу вознагражденія; онъ можетъ быть даже присужденъ къ вознагражденію за вредъ и убытки, если таковые понесены собственникомъ земли.

Если собственникъ предпочтетъ удержать эти насажденія и сооруженія, то долженъ уплатить стоимость матеріаловъ и цѣну работы, независимо отъ того, въ какой степени возвысилась стоимость земли. Если однако насажденія, сооруженія и работы сдѣланы третьимъ лицомъ, отъ котораго отсуждена собственность, но которое, въ уваженіе его добросовѣстности, не присуждено къ возвращенію доходовъ, то собственникъ не можетъ требовать снесенія упомянутыхъ работъ, насажденій и сооруженій, но ему предоставляется на выборъ, или возвратить стоимость матеріаловъ и цѣну работы, или уплатить сумму, равную той, на какую увеличилась стоимость земли.

Принимая во вниманіе, что лѣсъ на корню, на осн. ст. 520 и 521 код. Нап., принадлежитъ къ имуществамъ недвижимымъ и что акты о переходѣ или ограниченіи права собственности на недвижимыя имѣнія должны быть совершаемы всегда у нотаріусовъ (ст. 24 Выс. утв. 19 февр. 75 г. Прав. о Прим. къ Варш. Суд. Окр. Полож. о Нотар. части),—принятіе за доказательство права отвѣтчика на спорный лѣсъ домашняго условія является нарушеніемъ приведенныхъ законовъ и ст. 81 ус. Гр. Суд. (*Не вошед. въ сборн. рѣш. Сен. 81 г. по дѣлу Энгельгардта съ Лемпицкимъ).*

Присужденіе лица, возведшаго постройку на чужой землѣ, къ уплатѣ собственнику земли *стоимости* строеній является несогласнымъ со смысломъ 555 ст. Кодекса, такъ какъ таковый способъ вознагражденія не указанъ въ законѣ этомъ, ни на

тотъ случай, когда постройки возведены владѣльцемъ добросовѣстнымъ, ни на тотъ, когда онѣ возведены владѣльцемъ недобросовѣстнымъ *(рѣш. Сен. 80 г. № 13 по д. Пищека съ Власевичемъ).*

688 ст. Сервитуты бываютъ или постоянные или непостоянные. Постоянные сервитуты суть тѣ, пользованіе которыми продолжается или можетъ продолжаться непрерывно, не требуя всякій разъ дѣйствія человѣка; таковы: водопроводы, стоки, право на видъ и другіе того же рода.

Непостоянные сервитуты суть тѣ, для пользованія которыми необходимо каждый разъ дѣйствіе человѣка; таковы: право прохода, право черпать воду, право пастьбища и т. п.

689 ст. Сервитуты бываютъ явные или неявные.

Явные сервитуты суть тѣ, существованіе которыхъ выражается внѣшними постройками, каковы: дверь, окно, водопроводъ.

Сервитуты неявные суть тѣ, которые не имѣютъ внѣшняго признака своего существованія, какъ напримѣръ: запрещеніе строить на извѣстной землѣ или строить не выше опредѣленной высоты.

Гражданскій кодексъ (ст. 688 и 689) раздѣляетъ сервитуты на *постоянные* и *непостоянные*, *явные* и *неявные*. Это раздѣленіе имѣетъ существенное вліяніе на опредѣленіе самыхъ способовъ ихъ пріобрѣтенія. Сервитуты постоянные и явные, по ст. 690 код., могутъ быть пріобрѣтаемы или посредствомъ правоснованій (актовъ, *titres*), или посредствомъ тридцатилѣтняго владѣнія (т. е. пользованія); сервитуты же постоянные неявные и сервитуты непостоянные, какъ явные, такъ и неявные, по ст. 691 Гр. код., могутъ быть установляемы не иначе, какъ посредствомъ *правооснованій* (актовъ, *titres*) и для установленія ихъ недостаточно *владѣнія* (т. е. пользованія) *даже незапамятнаго*. Основаніе этаго запрещенія пріобрѣтать сервитуты непостоянные и неявные посредствомъ владѣ-

нія не только тридцатилѣтняго, но даже и незапамятнаго (ст. 691 код.), заключается въ предположеніи закона, который въ тѣхъ дѣйствіяхъ, въ коихъ внѣшнимъ образомъ, повидимому, выражается осуществленіе сервитута (т. е. владѣніе или пользованіе), по существу и свойству сихъ дѣйствій, не признаетъ въ нихъ пользованіе сервитутомъ, а, напротивъ того, всегда предполагаетъ, что дѣйствія, въ коихъ внѣшнимъ образомъ выражается осуществленіе непостояннаго и неявнаго сервитута, — совершаются не въ силу принадлежащаго на то права, а лишь въ силу простаго односторонняго дозволенія или допущенія собственника (хозяина), ради отношеній добраго сосѣдства; причемъ, ни тотъ, кто сіи дѣйствія совершаетъ, ни тотъ, кто ихъ дозволяетъ или допускаетъ, не соединяютъ съ этимъ положеніемъ вещей никакой идеи о *правѣ* или объ *обязанности*, такъ что владѣніе или пользованіе этими сервитутами, по слову закона, по существу своему, всегда есть владѣніе прекарное (*possession precaire*), т. е. зависимое отъ односторонней доброй воли собственника; а добрая воля исключаетъ всякую идею о правѣ. Тотъ, кто, по предположенію закона, пользуется чужимъ имуществомъ лишь по доброй волѣ и простому дозволенію или допущенію хозяина,—не имѣетъ ни какого другаго основанія, кромѣ этой единосторонней воли собственника, кромѣ простаго его дозволенія, которое можетъ быть, во всякое время, взято назадъ. Коль скоро простое дозволеніе исключаетъ всякую идею о правѣ, то оно и не можетъ служить основаніемъ тому самостоятельному владѣнію, которое, служа выраженіемъ предполагаемаго права, охраняется и защищается именно потому, что предполагается внѣшнимъ выраженіемъ и осуществленіемъ *права*. Такимъ образомъ, раздѣленіе сервитутовъ на роды имѣетъ рѣшительное вліяніе на способы ихъ пріобрѣтенія, а способы пріобрѣтенія, въ свою очередь, вліяютъ и на способъ ихъ судебной защиты. *(Рѣш. Сен. 82 г. № 77 по дѣлу Шафрана съ Езерскимъ).*

724 ст. Законные наслѣдники вступаютъ, по силѣ

самаго закона, въ обладаніе имуществами, правами и исками умершаго, съ обязанностью удовлетворить всѣмъ обремененіямъ наслѣдства; дѣти, рожденныя внѣ брака, пережившій супругъ и государство, должны требовать судебнаго ввода ихъ во владѣніе, въ порядкѣ для сего опредѣленномъ.

На осн. 724 ст. Гр. Кодекса законные наслѣдники вступаютъ, по силѣ самаго закона, въ обладаніе имуществами, правами и исками умершаго, принимая на себя и всѣ тягости наслѣдства. Отъ обязанности платить долги наслѣдователя они могутъ освободиться лишь отреченіемъ отъ наслѣдства (ст. 784 и 785 код.) по правиламъ, установленнымъ въ 111-й ст. Уст. объ особ. произв. въ Варш. Суд. округѣ, или же принятіемъ наслѣдства на правѣ инвентарномъ (ст. 793, 802 код., 103 ст. Уст. объ ос. произв.). Посему, если законные наслѣдники не докажутъ, что они отреклись отъ наслѣдства или приняли оное на правѣ инвентарномъ, то они должны быть признаны принявшими наслѣдство безусловно (ст. 777 и 778 Гр. код.), а слѣдовательно и обязанными платить долги наслѣдодателя совершенно независимо отъ того, получили ли они что либо послѣ наслѣдодателя, такъ какъ подъ наслѣдствомъ по закону разумѣется, по смыслу приведенной 724 ст. Гражд. код., совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ умершаго, которыя переходятъ къ законнымъ наслѣдникамъ съ минуты смерти наслѣдодателя. Такимъ образомъ, отказъ судомъ въ искѣ кредитору на томъ лишь основаніи, что онъ не представилъ доказательствъ о томъ, что умершій должникъ оставилъ послѣ себя имущество и что наслѣдство было принято законнымъ его наслѣдникомъ, — является нарушающимъ 724 ст. Гражд. Кодекса. *(Рѣш. Сен. 80 г. № 108 по д. Нейфельдтъ съ Клабскими).*

765 ст. Наслѣдство, оставшееся послѣ рожденнаго внѣ брака дитяти, безпотомственно умершаго, поступаетъ къ тому изъ родителей, который его призналъ, или пополамъ къ обоимъ, если дитя признано тѣмъ и другимъ.

766 ст. Въ случаѣ кончины отца и матери прежде рожденнаго внѣ брака дитяти, имущества, какія отъ нихъ оно получило, переходятъ къ его законнымъ братьямъ или сестрамъ, если эти имущества находятся, въ натурѣ, въ составѣ наслѣдства; къ нимъ равнымъ образомъ переходятъ иски, если они есть, о возвратѣ этихъ имуществъ, или покупная оныхъ цѣна, если таковая еще не уплачена. Всѣ другія имущества поступаютъ къ рожденнымъ внѣ брака братьямъ и сестрамъ или къ ихъ нисходящимъ.

Родственники родителей безпотомно умершаго лица рожденнаго внѣ брака не призываются къ наслѣдованію послѣ него. Выводъ этотъ основанъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. По ст. 723-й Кодекса, законъ опредѣляетъ порядокъ наслѣдованія между *законными наслѣдниками*, т. е. между такими лицами, которыя связаны между собою законными узами кровнаго родства. За неимѣніемъ ихъ, имущество переходитъ къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, затѣмъ къ пережившему супругу, а если нѣтъ и этихъ лицъ, то къ государству; по точному смыслу ст. 302 Гр. Улож. 25 г. и ст. 755 и 756 Гр. Кодекса, дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, не предоставляются права дѣтей законно рожденныхъ: они не признаются законными наслѣдниками, они не имѣютъ никакого права на имущество родственниковъ ихъ отца или матери, т. е. между дѣтьми, рожденными внѣ брака, и родственниками ихъ родителей законъ не установляетъ никакой родственной связи. Даже самая родственная связь между лицомъ, рожденнымъ внѣ брака, и его родителями установляется, согласно 300 ст. Гр. Улож. 25 г., лишь вслѣдствіе признанія, и это признаніе имѣетъ силу только по отношенію къ тому родителю, который рожденнаго внѣ брака призналъ, а для другаго родителя, въ признаніи не участвовавшаго, никакой силы и дѣйствія не имѣетъ. Этими основными положеніями закона опредѣляются какъ наслѣдственныя права дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, въ имуществѣ ихъ родителей (ст. 756 Гр. Код.), такъ и право наслѣдованія

въ имуществѣ, оставшемся послѣ незаконно рожденныхъ, безпотомно умершихъ (ст. 765 и 766 код.). По ст. 723 и 756 код., дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, съ одной стороны, предоставляется право на имущество ихъ родителей въ извѣстномъ опредѣленномъ размѣрѣ (ст. 757 и 758 код.), и то въ томъ лишь случаѣ, если они въ законномъ порядкѣ были признаны, и только въ имуществѣ того родителя, которымъ они признаны; а съ другой стороны, въ случаѣ безпотомной смерти лица, рожденнаго внѣ брака, законъ (ст. 765) предоставляетъ оставшееся послѣ него имущество исключительно тому изъ родителей, который его призналъ, или обоимъ родителямъ пополамъ, если рожденное внѣ брака лицо было признано обоими родителями, т. е. и въ первомъ и во второмъ случаѣ, при опредѣленіи права наслѣдованія, законъ руководствовался тѣмъ главнымъ и основнымъ положеніемъ, что родственная связь, а затѣмъ и наслѣдоспособность, даже между родителями и рожденными внѣ брака дѣтьми ихъ, установляется единственно признаніемъ дѣтей своими въ установленномъ на то порядкѣ (ст. 298—301 Гр. Ул. 25 г.). За симъ, не признавая родственной связи между лицомъ, рожденнымъ внѣ брака, и родственниками его родителей, законъ, на тотъ случай, если бы отецъ и мать рожденнаго внѣ брака лица умерли прежде него, а потомъ и оно умерло безпотомно, въ видѣ исключенія, тѣ имущества, которыя лицо, рожденное внѣ брака, получило отъ отца и матери, предоставляетъ его законнымъ братьямъ и сестрамъ въ видѣ наслѣдственнаго возврата (*retour successorae*), а всѣ другія имущества предоставляетъ рожденнымъ внѣ брака его братьямъ и сестрамъ и ихъ нисходящимъ (ст. 766 код.), т. е. въ этихъ послѣднихъ имуществахъ законъ не призываетъ къ наслѣдованію даже законныхъ братьевъ и сестеръ лица, рожденнаго внѣ брака. Это правило находитъ свое объясненіе въ томъ, что лицо, рожденное внѣ брака, не почитается родственникомъ своихъ законныхъ братьевъ и сестеръ и въ свою очередь не имѣетъ послѣ нихъ права наслѣдованія. — Не предоставляя права наслѣдованія послѣ безпотомно умершаго, рожденнаго

внѣ брака, лица, даже его законнымъ братьямъ и сестрамъ, законъ тѣмъ менѣе имѣлъ основанія и поводъ призывать къ наслѣдованію родственниковъ его родителей ибо съ этими родственниками онъ также въ законной родственной связи не состоитъ, и послѣ нихъ не наслѣдуетъ. Вслѣдствіе сего, указывая и опредѣляя прямо и положительно (ст. 765 и 766) тѣ лица, къ коимъ переходитъ имущество, оставшееся послѣ безпотомно умершихъ, рожденныхъ внѣ брака, Гражданскій Кодексъ о случаяхъ наслѣдованія родственниковъ родителей лица, рожденнаго внѣ брака, вовсе не считаетъ нужнымъ и упоминать; а въ виду такого неупоминанія,—за недостаткомъ лицъ, въ ст. 765 и 766 код. указанныхъ, наслѣдство, по ст. 767 Гр. код., переходитъ прямо къ оставшемуся въ живыхъ неразведенному супругу, а если и другаго супруга нѣтъ въ живыхъ, то къ государству (ст. 768), минуя родственниковъ родителей рожденнаго внѣ брака лица, безпотомно умершаго *(рѣш. Сен. 81 г. № 151 по д. Кочаровскихъ)*.

820 ст. Кредиторы также могутъ требовать опечатанія наслѣдства въ силу акта, подлежащаго исполненію, или съ разрѣшенія суда.

Ст. 820 Гр. Код. и ст. 38 и 77 Уст. объ особ. произв. въ Варшавс. Суд. окр. предоставляютъ кредитору лишь право, но не налагаютъ на него непремѣнной обязанности, просить объ опечатаніи наслѣдства послѣ должника. Кредиторъ, не воспользовавшійся таковымъ правомъ, не лишается права требовать удовлетворенія его претензіи отъ тѣхъ лицъ, къ которымъ по закону можетъ быть обращено имъ такое требованіе *(рѣш. Сен. 80 г. № 108 по д. Нейфельдъ съ Клабскими)*.

841 ст. Всякое лицо, даже состоящее съ умершимъ въ родствѣ, но неимѣющее права послѣ него наслѣдовать, въ случаѣ, если бы кто либо изъ сонаслѣдниковъ уступилъ ему свое право на наслѣдство, можетъ быть отъ раздѣла устранено, либо всѣми сонаслѣдниками, либо однимъ изъ нихъ, подъ условіемъ возвращенія ему цѣны уступки.

Хотя содержаніе ст. 841 кодекса прямо не разрѣшаетъ вопроса о томъ: *какая* цѣна разумѣется: уступки ли первоначальной или позднѣйшей (въ случаѣ послѣдовательнаго перехода права на наслѣдство къ нѣсколькимъ пріобрѣтателямъ отъ однаго—къ другому), но смыслъ ея состоитъ въ томъ, что пріобрѣтатель имѣнія, *выкупаемаго въ силу* не договорнаго соглашенія, а *закона*, долженъ выйдти изъ отношенія своего къ этому имѣнію безъ потери того, что онъ заплатилъ за имѣніе; равно и наслѣдники, выкупающіе оное, не должны пользоваться выкупомъ, какъ средствомъ обогащенія на счетъ пріобрѣвшаго имѣніе. Принимая во вниманіе, что законъ этотъ составляетъ исключеніе изъ общихъ условій силы сдѣлокъ объ отчужденіи имѣній (ст. 849, 953, 1658 и др. Гр. код.); что всякій исключительный законъ, устанавливающій какъ бы привилегію для однихъ лицъ, не можетъ быть истолковываемъ въ пользу сихъ лицъ далѣе тѣхъ предѣловъ, которые въ законѣ означены; что пріобрѣтатель имѣнія, подлежащій устраненію, долженъ выйдти изъ своего отношенія къ выкупаемому наслѣдниками имѣнію безъ потери и безъ прибыли; что наслѣдники могутъ по прошествіи весьма продолжительнаго времени обратиться къ средству выкупа имѣнія, по 841 ст. Гр. код., по неустановленію для сего въ законѣ краткаго срока; что, если бы, притомъ, допускалось еще и право выкупа по цѣнѣ первоначальной, а не позднѣйшей уступки, то такое право выкупа, не соотвѣтствуя точному смыслу 841 ст. Гр. код., служило бы къ явному ущербу пріобрѣтателя имѣнія; въ случаѣ возвышенія цѣнъ на землю и улучшенія имѣнія, что, между тѣмъ, отъ сонаслѣдниковъ того лица, который произвелъ первоначальное отчужденіе своей части постороннему лицу, вполнѣ зависитъ воспользоваться своевременно, до новой сдѣлки, правомъ выкупа по 841 ст. Гр. код., и что Гражд. Кас. Департ., въ рѣшеніи 80 г. № 170, коснувшись только *отчасти* вопроса о правѣ выкупа по 841 ст., призналъ, что наслѣдники не обязаны выкупать имѣніе за цѣну, означенную въ такомъ актѣ, который совершенъ *уже послѣ предъявленія ими по 841 ст. ис-*

ка,—Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что по смыслу 841 ст. Гр. код., если лицо, которому одинъ изъ сонаслѣдниковъ уступилъ свою наслѣдственную часть, переуступило эту часть другому лицу за иную цѣну, а не ту, которая составляла цѣну первоначальной уступки, то послѣднему пріобрѣтателю остальные сонаслѣдники, осуществляющіе свое право выкупа, обязаны уплатить не первоначальную цѣну, а цѣну уступки по послѣднему акту, существовавшему въ моментъ предъявленія наслѣдниками иска о выкупѣ *(рѣш. Кас. Деп. Сен. 84 г. № 86 по д. Войткевичъ съ Якобсонъ).*

895 ст. Завѣщаніе есть актъ, посредствомъ котораго завѣщатель распоряжается на время, имѣющее наступить, когда уже не будетъ его въ живыхъ, всѣмъ своимъ имуществомъ или частію его, и который онъ можетъ отмѣнить.

За силою вышеприведенной 895 ст. код., а такъ же ст. 967 того же кодекса, по которой всякое лицо можетъ распорядиться своимъ имуществомъ посредствомъ завѣщанія, въ видѣ ли назначенія наслѣдника, или въ видѣ отказа, *или же подъ всякимъ другимъ наименованіемъ (dénomination), служащимъ для изъявленія его воли,*—распоряженіе завѣщателя, коимъ онъ *безусловно* переноситъ на другое лицо право отмѣны выраженной имъ въ завѣщаніи воли и отдаетъ, такимъ образомъ, на полное усмотрѣніе или произволъ этаго лица судьбу завѣщаннаго имущества, не можетъ почитаться дѣйствительнымъ: ибо въ подобномъ завѣщательномъ распоряженіи нельзя видѣть выраженія завѣщателемъ своей собственной самостоятельной, относительно завѣщаннаго имущества, воли, которая по закону могла бы быть отмѣнена или измѣнена только имъ самимъ (895 и 1035 ст. код.). *(Рѣш. Сен. 82 г. № 145 по дѣлу Григовичъ съ Ронде).*

913 ст. Щедроты, дѣлаемыя по акту дарственному либо завѣщательному, не могутъ превышать: половины имуществъ распорядителя, если послѣ его смерти остается только одно законное дитя; третьей части, если по-

слѣ него остается двое дѣтей; четвертой части, если ихъ остается трое или болѣе.

Ни въ ст. 913 кодекса, ни въ какомъ либо другомъ изъ дѣйствующихъ въ губерніяхъ царства польскаго законовъ, не содержится того правила, чтобы завѣщательное или дарственное распоряженіе теряло во всемъ его составѣ всякое значеніе въ томъ случаѣ, когда оно превышаетъ долю, подлежащую свободному распоряженію. Напротивъ того, въ ст. 920 Гр. код. положительно выражено, что если распоряженія дарственныя или завѣщательныя превышаютъ долю, подлежащую свободному распоряженію, то они при открытіи наслѣдства только сбавляются, по правилу 922 ст. того же кодекса, до размѣра этой доли, но никакъ не теряютъ всякаго значенія всецѣло. Тоже самое видно и изъ ст. 844 кодекса, по смыслу которой дары и отказы, сдѣланные не въ зачетъ наслѣдства, наслѣдникъ можетъ удержать и не возвращать ихъ въ массу до размѣра той части, которою дозволено свободно распоряжаться, и только излишекъ подлежитъ возврату въ наслѣдственную массу. *(Рѣш. Сен. 1879 г. № 232 по дѣлу Залевскихъ).*

Общее завѣщаніе (*legs universel*) (ст. 1002 код.), само по себѣ, предполагаетъ желаніе завѣщателя предоставить все свое имущество лишь тѣмъ своимъ наслѣдникамъ, въ пользу которыхъ оно составлено, съ устраненіемъ остальныхъ; по сему, при уничтоженіи общаго завѣщанія относительно той части наслѣдственнаго имущества, которою завѣщатель, по ст. 913 Гр. код., не могъ распорядиться, и при оставленіи его, слѣдовательно, въ силѣ относительно той части сего имущества, которою онъ, на основаніи этаго закона, могъ распорядиться,— воля завѣщателя относительно этой послѣдней части, оставаясь въ силѣ, можетъ быть истолкована лишь въ томъ смыслѣ, что эта часть должна быть предоставлена исключительно назначенному въ завѣщаніи наслѣднику и не можетъ идти въ общій раздѣлъ наслѣдства, или, иначе говоря, не можетъ при раздѣлѣ быть засчитана въ часть, причитающуюся этому наслѣднику по закону. Такимъ образомъ, въ подобномъ случаѣ,

для исключенія такой части наслѣдственнаго имущества изъ раздѣла, нѣтъ никакой надобности въ требуемомъ ст. 843 и 919 Гр. код. заявленіи завѣщателя о томъ, что эта часть должна достаться наслѣднику по завѣщанію сверхъ его наслѣдственной по закону доли. *(Рѣш. Гр. Кас. Деп. Сен. 84 г. № 94 по дѣлу о раздѣлѣ наслѣдства послѣ Викентія Кендзіора).*

919 ст. Часть, подлежащая свободному распоряженію, можетъ быть, вполнѣ или отчасти, по акту дарственному либо завѣщательному, предоставлена дѣтямъ дарителя или другимъ лицамъ, призываемымъ къ наслѣдству послѣ него, и не подлежитъ возврату въ массу со стороны одареннаго или легатарія, вступающихъ въ наслѣдство, если только распоряженіе было сдѣлано именно въ видѣ преимущественной или сверхнаслѣдной доли.

Заявленіе о томъ, что даръ или отказъ сдѣланъ въ видѣ преимущественной или сверхнаслѣдной доли, можетъ быть совершено или въ актѣ, содержащемъ это распоряженіе, или впослѣдствіи, въ формѣ распоряженій дарственныхъ либо завѣщательныхъ.

Правило 919 ст. код. — о необходимости заявленія со стороны наслѣдодателя — не относится до завѣщанія *общаго* (*legs universel*) (ст. 1002 код.), такъ какъ подобное завѣщаніе само по себѣ предполагаетъ желаніе завѣщателя предоставить все свое имущество лишь тѣмъ своимъ наслѣдникамъ въ пользу которыхъ оно составлено, съ устраненіемъ всѣхъ остальныхъ; по этому, для исключенія въ подобномъ случаѣ части наслѣдственнаго имущества, которою завѣщатель могъ распорядиться, изъ раздѣла,—нѣтъ никакой надобности въ требуемомъ ст. 843 и 919 код. заявленіи завѣщателя о томъ, что эта часть должна достаться наслѣднику по завѣщанію сверхъ его наслѣдственной по закону доли *(рѣш. Сен. 84 г. № 94 по дѣлу о разд. насл. послѣ Кендзіора).*

970 ст. ***Собственноручное*** **завѣщаніе только тогда дѣйствительно, когда оно во всемъ его пространствѣ написано, числомъ помѣчено и подписано рукою завѣ-**

щателя; никакой другой формальности оно не подлежитъ.

Такъ какъ для совершенія завѣщательныхъ актовъ на крестьянскія имущества въ Царствѣ Польскомъ не установлено никакого изъятія изъ общихъ о порядкѣ составленія завѣщаній правилъ, изложенныхъ въ Гражданскомъ Кодексѣ, то поэтому, сила и значеніе подобнаго завѣщательнаго акта могутъ быть опредѣлены только на основаніи относящихся къ этому вопросу законовъ Гражд. кодекса *(рѣш. Сен. 84 г. № 43 под. Крэжтонь съ Вальчакомъ).*

По ст. 1340 Гр. код., утвержденіе, добровольное исполненіе *даренія* наслѣдниками дарителя, послѣ его смерти, заключаетъ въ себѣ отказъ ихъ отъ возраженія противъ формальныхъ недостатковъ дарственнаго акта и отъ всѣхъ другихъ отводовъ. Хотя статья эта говоритъ только о *дареніяхъ при жизни,* но разумъ установленнаго въ той статьѣ правила даетъ полное основаніе къ примѣненію онаго, *по аналогіи,* и къ духовнымъ завѣщаніямъ. Дѣйствительно, если,—по закону,—дареніе, не дѣйствительное по формѣ и не могущее по сему быть подтвержденнымъ самимъ дарителемъ (ст. 1339 Гр. код.), признается тѣмъ не менѣе въ силѣ, если по смерти дарителя наслѣдники его подтвердятъ дареніе исполненіемъ онаго, выражая этимъ отказъ свой отъ права оспорить по означеннымъ формальнымъ недостаткамъ дареніе, то нѣтъ также основанія не считать законныхъ наслѣдниковъ лица, оставившаго неудовлетворяющее требуемымъ закономъ формамъ духовное завѣщаніе, отказавшимися отъ права своего оспорить это завѣщаніе въ томъ случаѣ, когда они, наслѣдники, исполнили и подтвердили таковое завѣщаніе. *(Тоже рѣш. № 43).*

1096 ст. Всѣ даренія между супругами въ продолженіи брачнаго союза, хотя бы и были названы дареніями при жизни, всегда могутъ подлежать повороту.

Жена можетъ отмѣнить даръ, не испрашивая дозволенія ни мужа, ни суда.

Даренія эти не подлежатъ повороту по случаю последующаго рожденія дѣтей.

Ст. 1174 кодекса (по которой ничтожно всякое обязательство, заключенное подъ условіемъ, исполненіе котораго зависитъ отъ произвола стороны обязавшейся) содержитъ общее правило для всѣхъ обязательствъ, а ст. 1096 установляетъ исключеніе изъ этаго общаго правила, иначе необходимо было бы придти къ невозможному заключенію, что законодатель, допуская дареніе между супругами, въ тоже время обставилъ оное такими условіями, которыя дѣлаютъ дареніе ничтожнымъ. (*Рѣш. Сен. 1879 г. № 73 по д. супр. Піотровскихъ.*

Дареніе между супругами въ ст. 1096, установляющей это дареніе, названо дареніемъ между живыми, и поэтому, какъ при дареніи между живыми по исполненіи всѣхъ законныхъ условій и формальностей, подаренный предметъ переходитъ немедленно въ собственность одареннаго, который во всякое время можетъ требовать передачи его судомъ какъ отъ лица дарившаго, такъ и отъ третьихъ лицъ, во владѣніи которыхъ одаренный предметъ могъ бы находиться (ст. 932, 958 и 939 код.), то такой же переходъ и осуществленіе даренія имѣетъ мѣсто и при дареніи между супругами по ст. 1096 код. (*Тоже Сенат. рѣшеніе*).

Получившій безусловно отъ своего супруга даръ, принятый и осуществленный по ст. 1096 код., немедленно пріобрѣтаетъ на подаренный предметъ не иное право, а право собственности, такъ какъ, хотя со смертью дарителя и прекращается возможность отмѣны даренія, но нѣтъ правильнаго основанія утверждать, что право собственности одареннаго возникаетъ лишь съ момента смерти дарителя, а до того времени у него было какое-то иное право на имущество, не соотвѣтствующее условіямъ ни одного изъ установленныхъ закономъ правъ. Что по гражданскому кодексу, посредствомъ даренія одаренный супругъ и при жизни дарителя пріобрѣтаетъ право собственности, а не иное право на даримый предметъ, ясно видно изъ ст. 1094. По статьѣ 953 код. и обыкновенное да-

реніе подлежитъ отмѣнѣ въ случаяхъ, которыя не могутъ быть предусмотрѣны ни третьими лицами, ни дарителемъ, ни одареннымъ. Кромѣ неисполненія одареннымъ условій даренія или неблагодарности его, къ поводамъ отмѣны даренія причислено и прижитіе дарителемъ дѣтей, между тѣмъ никогда не возникало сомнѣнія въ томъ, что посредствомъ обыкновеннаго даренія пріобрѣтается право собственности, а записка этого даренія въ ипотеку, по ст. 939 код., даже обязательна. *(Тоже рѣшеніе).*

Не смотря на записку даренія—послѣдовавшаго по 1096 ст. кодекса—въ ипотечную книгу, отмѣна его будетъ дѣйствительна, въ какой формѣ она ни выразилась. Отмѣна эта будетъ дѣйствительна и обязательна съ того момента, когда она послѣдуетъ и независимо отъ того обстоятельства, будетъ ли эта отмѣна внесена въ ипотечныя книги или нѣтъ. Если отмѣна даренія послѣдуетъ въ пользу третьяго лица, то новое право этаго третьяго лица подлежитъ внесенію въ ипотечныя книги, совершенно безразлично, было ли прежде записано дареніе или нѣтъ *(тоже Сен. рѣш.).*

1108 ст. Для дѣйствительности договора существенны четыре слѣдующія условія:

Согласіе стороны, принимающей на себя обязательство;

Способность ея вступать въ договоры;

Опредѣленный предметъ, составляющій содержаніе обязательства;

Дозволенная причина обязательства.

Отсутствіе на актѣ *подписей сторонъ,* съ замѣною ихъ крестами, не равносильно отсутствію согласія сторонъ на заключеніе самой сдѣлки. Противное тому заключеніе представляется умѣстнымъ въ примѣненіи лишь къ такимъ договорнымъ соглашеніямъ, самое существованіе которыхъ связано съ облеченіемъ ихъ въ опредѣленную закономъ форму. По отношенію же къ сдѣлкамъ *консенсуальнымъ* (т. е. не требующимъ необходимо облеченія ихъ въ извѣстную форму), въ отношеніи которыхъ письменный актъ составляетъ лишь доказа-

тельство, способъ удостовѣренія изложенныхъ въ нихъ сдѣлокъ, отсутствіе подписей сторонъ можетъ лишь дать суду основаніе для признанія этихъ актовъ лишенными *доказательнаго* значенія, но отнюдъ не для того безусловнаго вывода, что и самыя сдѣлки,—будто бы,—вовсе не состоялись, по отсутствію, будто бы, согласія сторонъ. Существенное значеніе этаго различія заключается въ томъ, что въ случаѣ признанія недоказаннымъ подобнымъ актомъ, что изложенная въ немъ *консенсуальная* сдѣлка получила осуществленіе,—это не устраняетъ еще возможности доказать послѣднее другими законными способами, между прочимъ, и добровольнымъ исполненіемъ *такой* сдѣлки сторонами (ст. 1338). *(Рѣш. Сен. 1884 года № 17 по дѣлу Когана съ Климовичемъ).*

1116 ст. Обманъ составляетъ причину недѣйствительности договора, если уловки, употребленныя одною изъ сторонъ были таковы, что, не будь этихъ уловокъ, другая сторона очевидно незаключила бы договора. Обманъ не предполагается и долженъ быть доказанъ.

Правило ст. 1116 кодекса, состоящее въ томъ, что обманъ не предполагается, имѣетъ лишь то значеніе, что обманъ долженъ быть доказанъ тѣмъ, кто на него ссылается; а такъ какъ *существованіе обмана можетъ*, согласно 1 п. ст. 1348 Гр. код., *быть удостовѣряемо свидѣтельскими показаніями*, то въ подтвержденіе онаго могутъ быть допущены *и предположенія*, неустановленныя закономъ, какъ это вытекаетъ изъ смысла ст. 1353 Гражд. кодекса. (*Рѣш. Сен. 1882 года № 41 по дѣлу Рейхмана съ Гоголевскимъ).*

1131 ст. Обязательство, не имѣющее причины (*sans cause*), или причина котораго ложна либо недозволена, не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

Переуступка домохозяевами деревни, населенной не исключительно евреями, пропинаціоннаго права—еврею, въ виду прим. къ 364 ст. и прил. къ 377 ст. Уст. о Пит. Сб. изд. 76 г., незаконна, почему и правильно примѣненіе къ договору такой

переуступки ст. 1131 кодекса. (*Рѣш. Сен. 1879 г. № 323 по д. Пакцнржа съ Хорощемъ и др.*).

1133 ст. Причина (обязательства) признается недозволенною, когда она воспрещена закономъ или противна доброй нравственности либо общественному порядку.

Договоръ сторонъ о томъ, чтобы въ то время, когда одна изъ нихъ будетъ покупать данное имѣніе и давать за него извѣстную цѣну, другая не возвышала бы этой цѣны,—такой договоръ, какъ заключенный съ цѣлью понизить цѣнность имущества третьяго лица, и—очевидно—клонящійся ко вреду послѣдняго,—не можетъ быть признанъ правильнымъ въ силу 1133 ст. кодекса. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 62 по д. Менделя Вайсманъ*).

Заключеніе такой сдѣлки между супругами, которою они—хотя бы и косвенно—побуждались постоянно къ возобновленію бракоразводнаго дѣла, пока не добьются окончательнаго признанія недѣйствительности брака, развода или разлученія,—не согласуется съ доброю нравственностью, и по этой причинѣ подобный договоръ не дѣйствителенъ, на точномъ основаніи ст. 1131—1133 Гр. кодекса. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 56 по д. супр. Квецинскихъ*).

Такъ какъ въ Гл. VII Полож. о Союзѣ Брачн. 1836 года, относящейся къ лицамъ какъ христіанскихъ, такъ и не христіанскихъ вѣроисповѣданій, прямо постановлено, что всякіе договоры, клонящіеся къ расторженію брака, признаются недѣйствительными (ст. 211), то отсюда ясно, что не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительности нотаріальнаго договора, въ которомъ выражено сторонами предварительное согласіе на разводъ. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 127 по дѣлу супр. Торопани*).

1139 ст. Должникъ впадаетъ въ просрочку или вслѣдствіе вызова къ передачѣ либо другаго равносильнаго акта, или же въ силу самаго договора, если въ немъ опредѣлено, что должникъ будетъ считаться въ просрочкѣ, безъ особаго акта, тотчасъ по наступленіи срока.

При установленіи судомъ, что данное обязательство было

условнымъ и что условленное событіе должно было совершиться въ точно опредѣленное время, суду нельзя руководствоваться ст. 1139 кодекса, такъ какъ ненаступленіе событія въ теченіи опредѣленнаго срока (ст. 1176 код.) имѣетъ послѣдствіемъ признаніе условія несбывшимся, и, слѣдовательно, — самаго обязательства не существующимъ, безъ всякаго со стороны кредитора напоминанія должнику и безъ особаго постановленія въ договорѣ о томъ, что должникъ считается въ просрочкѣ тотчасъ по наступленіи срока. (*Рѣш. Сен. 1879 г. № 11 по дѣлу Чосняка съ Гродзицкими*).

1156 ст. Въ договорахъ скорѣе надлежитъ изслѣдовать общее намѣреніе договаривающихся сторонъ, нежели останавливаться на буквальномъ смыслѣ выраженій.

Признаніе судомъ въ каждомъ данномъ случаѣ, что договоръ требуетъ толкованія по ст. 1156 и слѣд. ст. кодекса и затѣмъ установленіе смысла договора согласно симъ правиламъ относится къ существу дѣла и не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 113 по дѣлу Петрасевича съ Клечковскими*).

1166 ст. Кредиторы могутъ однако осуществлять всѣ права и иски должника, съ изъятіемъ тѣхъ, которые исключительно связаны съ его личностью.

Законъ изображенный въ 1166 ст. Гр. код., предоставляя кредиторамъ право осуществлять права и иски должника, не требуетъ, чтобы претензіи кредиторовъ существовали уже въ то время, когда возникло правоотношеніе, подавшее поводъ къ иску со стороны должника (*рѣш. Сен. 83 г. № 56 по д. супр. Квецинскихъ*).

1176 ст. Если обязательство заключено подъ условіемъ, что какое либо событіе совершится въ опредѣленное время, то условіе считается не сбывшимся, коль скоро срокъ прошелъ безъ наступленія событія. Если же опредѣленнаго времени назначено не было, то условіе можетъ осуществиться во всякое время и считается не

сбывшимся только тогда, когда сдѣлается достовѣрно извѣстнымъ, что событіе не наступитъ.

При примѣненіи судомъ 1176 ст. кодекса, то есть при установленіи имъ, что данное обязательство было условнымъ и что условленное событіе должно было совершиться въ точно опредѣленное время, — нельзя руководствоваться ст. 1184 код., такъ какъ обязательства, возникновеніе коихъ отлагается до наступленія извѣстнаго событія (ст. 1168 и 1181 код.), и которыя, въ случаѣ ненаступленія этаго событія, вовсе не возникаютъ, не нуждаются въ рѣшеніи суда для признанія ихъ потерявшими свою силу. Въ вышеприведенномъ случаѣ суду нельзя также руководствоваться и ст. 1139 кодекса, такъ какъ ненаступленіе событія въ теченіи опредѣленнаго срока (ст. 1176 код.) имѣетъ послѣдствіемъ признаніе условія несбывшимся и, слѣдовательно,—самаго обязательства не существующимъ безъ всякаго со стороны кредитора напоминанія должнику и безъ особаго постановленія въ договорѣ о томъ, что должникъ считается въ просрочкѣ тотчасъ по наступленіи срока. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 11 по дѣлу Чосняка съ Гродзицкими*).

1184 ст. Условіе отмѣнительное подразумѣвается всегда въ договорахъ двустороннихъ, на случай, если одна изъ сторонъ не исполнитъ своего обязательства.

Въ этомъ случаѣ договоръ не отмѣняется въ силу самаго закона. Сторона, по отношенію къ которой обязательство не исполнено, въ правѣ или принудить другую сторону исполнить обязательство, если это возможно, или требовать его отмѣны и вознагражденія за вредъ и убытки.

Отмѣны договора должно требовать судебнымъ порядкомъ, и при этомъ отвѣтчику можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, дана отсрочка.

При примѣненіи судомъ ст. 1176 кодекса, то есть при установленіи имъ, что данное обязательство было условнымъ и что условленное событіе должно было совершиться въ точно опредѣленное время,—нельзя руководствоваться ст. 1184, такъ

какъ обязательства, возникновеніе коихъ отлагается до наступленія извѣстнаго событія (ст. 1168 и 1181 код.) и которыя, въ случаѣ не наступленія этаго событія, вовсе не возникаютъ, не нуждаются въ рѣшеніи суда для признанія ихъ потерявшими своею силу. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 11 по дѣлу Чосняка съ Гродицкими*).

1229 ст. Неустойка служитъ вознагражденіемъ за вредъ и убытки, понесенные кредиторомъ отъ неисполненія главнаго обязательства.

Кредиторъ не можетъ требовать вмѣстѣ и исполненія главнаго обязательства и неустойки, развѣ послѣдняя установлена договоромъ за простое промедленіе.

Изъ сопоставленія ст. 1229 и 1153 кодекса явствуетъ, что въ обязательствахъ, предметъ которыхъ ограничивается платежемъ опредѣленной суммы, условленная неустойка ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать установленныхъ закономъ процентовъ. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 74 по д. Фейнда съ Башинскимъ*).

1250 ст. Вступленіе въ права кредитора бываетъ договорнымъ:

1) когда кредиторъ, получая платежъ отъ третьяго лица, передаетъ ему свои права, иски, привиллегіи и ипотеки противъ должника; передача этихъ правъ должна быть выражена положительно и послѣдовать одновременно съ платежомъ.

2) Когда должникъ дѣлаетъ заемъ съ цѣлью уплотить долгъ и передать заимодавцу права кредитора. Для дѣйствительности такаго вступленія необходимо, чтобы актъ займа и платежная росписка совершены были у нотаріуса, чтобы въ актѣ займа было объяснено, что заемъ сдѣланъ съ цѣлью уплатить долгъ, и чтобы въ платежной роспискѣ было заявлено, что платежъ сдѣланъ деньгами, данными для этой цѣли новымъ кредиторомъ. Это вступленіе совершается и безъ согласія кредитора.

Хотя въ ст. 1250 кодекса обязательность письменной фор-

мы совершенія суброгаціи (замѣны въ лицѣ кредитора) каттегорически выражена не вполнѣ, а только частью, именно только въ отношеніи втораго вида договорнаго вступленія третьяго лица въ права кредитора, т. е. когда должникъ дѣлаетъ заемъ съ цѣлью уплатить долгъ и передать заимодавцу права кредитора (2 п. 1250 ст.), но это обстоятельство не можетъ служить препятствіемъ къ признанію обязательности *письменной* формы и при первомъ видѣ договорнаго вступленія третьяго лица въ права кредитора, когда кредиторъ, получая платежъ отъ третьяго лица, передаетъ ему свои иски, права, привиллегіи и ипотеки (1 п. 1250 ст.), въ виду слѣдующихъ соображеній. Изъ статьи 1250 видно, что на письменную форму ея, — какъ выше сказано,—указываетъ прямо только 2 п. 1250 ст., который предусматриваетъ лишь одинъ видъ суброгаціи, тѣмъ не менѣе, не представляется никакаго сомнѣнія, что и другой видъ ея (п. 1) совершается не иначе, какъ письменно же, съ тою лишь разницею, что, въ отличіе отъ суброгаціи, предусмотрѣнной во 2 п., она можетъ быть совершена и въ формѣ *домашняго* акта. Положеніе это, по самому свойству договорной суброгаціи,—юридической базисъ которой, какъ это видно изъ содержанія того и другаго пунктовъ 1250 ст., составляетъ платежъ, обусловливающій собою вступленіе третьяго лица въ права кредитора, — еще болѣе представляется несомнѣннымъ и нагляднымъ въ томъ случаѣ, когда третье лицо, вступая въ права продающаго ему претензіи свои кредитора по соглашенію съ симъ послѣднимъ (п. 1), производитъ платежи не наличными деньгами, а долговымъ обязательствомъ, принимаемымъ имъ на себя предъ кредиторомъ. Такое обязательство, какъ имѣющее валютою своею не деньги, а пріобрѣтаемыя третьимъ лицомъ права на претензіи кредитора, конечно, не подходитъ подъ понятіе о *денежномъ займѣ* (ст. 1895), но, тѣмъ не менѣе, оно, по природѣ своей, какъ составляющее платежъ, очевидно не можетъ быть совершено иначе, какъ письменно, ибо платежъ по существу своему есть передача цѣнности, воплощенной въ извѣстномъ матеріальномъ знакѣ

ея; слѣдовательно, если платежъ не производится наличными деньгами, то онъ можетъ быть совершенъ не иначе, какъ врученіемъ письменнаго долговаго акта, составляющаго ихъ эквивалентъ, а не словеснымъ обѣщаніемъ произвести платежъ въ будущемъ. На этомъ основаніи и начала „*lettres passent témoins*,“ нельзя не придти къ заключенію, что и погашеніе долга по такому акту можетъ быть, согласно 148 ст. Полож. 19 февр. 75 г., удостовѣрено только письменнымъ же порядкомъ, а не свидѣтельскими показаніями и предположеніями. *(Рѣш. Сен. 84 г. № 13 по дѣлу Девонизкаго съ Тоболовскимъ и Фридманомъ).*

1257 ст. Если кредиторъ отказывается принять платежъ, то должникъ можетъ ему сдѣлать наличное предложеніе платежа и, въ случаѣ отказа кредитора принять его, внести предложенную сумму или вещь на храненіе.

Наличное предложеніе, за которымъ послѣдовалъ взносъ на храненіе, освобождаетъ должника отъ обязательства, и по отношенію къ нему замѣняетъ платежъ, если оно совершено какъ слѣдуетъ, а вещь, внесенная такимъ образомъ на храненіе, остается на страхѣ кредитора.

Изъ сопоставленія ст. 1257 кодекса съ правилами, исполненіемъ коихъ обусловлена дѣйствительность наличнаго предложенія и взносъ на храненіе (ст. 1258 и 1259 код.), несомнѣнно явствуетъ, что подъ *наличнымъ предложеніемъ платежа* законъ разумѣетъ не одно лишь заявленіе должника кредитору о нахожденіи у перваго въ готовности суммы, подлежащей платежу, а прямое предложеніе кредитору получить отъ должника эту сумму въ опредѣленномъ мѣстѣ, и что взносъ этой суммы на храненіе тогда только признается правильнымъ, когда оному предшествовалъ буквальный отказъ кредитора отъ принятія предложеннаго ему должникомъ платежа. *(Рѣш. Сен. 82 г. № 28 по д. Сапѣги и Трылѣскаго съ Якубовскимъ).*

1273 ст. Обновленіе не предполагается; необходимо чтобы намѣреніе совершить его ясно вытекало изъ акта.

Ст. 1273 кодекса, говоря объ „актѣ“ разумѣетъ подъ ак-

томъ не письменную форму новаго соглашенія, а *самое соглашеніе*, то есть такія *дѣйствія сторонъ*, въ которыхъ выразилась воля ихъ по предмету обновленія договора, и требуетъ, чтобы воля сторонъ ясно вытекала изъ такихъ дѣйствій. (*Рѣш. Сен. 1881 г. № 120 по дѣлу Сенкульскаго и Михаловскаго съ Сержпутовскимъ*).

Замѣна однаго документа другимъ можетъ быть доказываема свидѣтельскими показаніями (*Рѣш. Сен. 82 г. № 41 д. Рейхмана съ Гоголевскимъ*).

1305 ст. Простая убыточность влечетъ за собою возможность уничтоженія, въ пользу несовершеннолѣтняго, непризнаннаго самостоятельнымъ, всякаго рода договоровъ, а въ пользу несовершеннолѣтняго, признаннаго самостоятельнымъ, всѣхъ договоровъ, выходящихъ за предѣлы его правоспособности.

Хотя несовершеннолѣтній и признается неспособнымъ вступать въ договоръ, но договоръ, вопреки сему правилу заключенный несовершеннолѣтнимъ, признается недѣйствительнымъ лишь въ случаѣ его убыточности для несовершеннолѣтняго. Что таковъ общій смыслъ закона—это доказывается сопоставленіемъ статей 1124, 1125, 1305 и 1306 Кодекса. Если бы каждый договоръ, заключенный несовершеннолѣтнимъ, могъ быть признанъ недѣйствительнымъ и необязательнымъ для несовершеннолѣтняго, какъ лица, неспособнаго вступать въ договоры, то этому общему правилу очевидно противорѣчила бы ст. 1125, которая даетъ право несовершеннолѣтнему оспаривать свои обязательства не всегда, а только въ случаяхъ, обозначенныхъ въ законѣ. Затѣмъ представлялось бы излишнимъ указывать въ законѣ на убыточность, какъ на причину уничтоженія заключеннаго несовершеннолѣтнимъ договора. Наконецъ, ст. 1306 положительно высказываетъ, что даже убыточность договора для несовершеннолѣтняго, происшедшая по случайнымъ и непредвидѣннымъ событіямъ, не даетъ несовершеннолѣтнему права требовать уничтоженія договора. Вслѣдствіе сего, для признанія заключеннаго несовершеннолѣтнимъ дого-

вора недѣйствительнымъ, несовершеннолѣтній, или его представитель, долженъ доказать убыточность договора для несовершеннолѣтняго и, въ такомъ случаѣ, все, поступившее къ несовершеннолѣтнему по договору, не можетъ быть отъ него истребовано, развѣ бы противная сторона доказала, что уплоченное послужило въ пользу несовершеннолѣтняго. (*Рѣш. Сен. 81 г. № 25 по д. Люксенбурга съ Гольденгоеромъ*).

1318 ст. Актъ не признаваемый оффиціальнымъ по некомпетентности или неспособности должностнаго лица, или же по несоблюденію предписанныхъ формъ, имѣетъ силу частнаго документа, если онъ подписанъ сторонами (статья эта въ числѣ прочихъ — отмѣнена ст. 148 Пол. о Пр. Суд. уст. къ В. С. О.; содержаніе первой ея половины воспроизведено въ 460 ст. уст. Гр. Суд., Прим. составителя).

Домашній актъ, подписанный вмѣсто лица, отъ имени котораго онъ выданъ, по неграмотности его, другимъ лицомъ, не можетъ быть — по дѣйствующимъ въ Царствѣ Польскомъ законамъ—признанъ для перваго обязательнымъ, при удостовѣреніи войта гмины о томъ, что актъ подписанъ по просьбѣ того, отъ имени коего онъ составленъ. Къ выводу этому слѣдуетъ придти въ силу слѣдующихъ соображеній. Въ ст. 1318, 1322 и 1326 дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ Гражданскаго Кодекса выражено общее правило о томъ, что *домашній* актъ имѣетъ обязательную силу для лица, отъ имени котораго онъ выданъ, лишь въ томъ случаѣ, когда онъ этимъ лицомъ подписанъ, и это правило понимается въ томъ смыслѣ, что актъ долженъ быть подписанъ *самимъ* лицомъ, его выдающимъ, а не кѣмъ либо другимъ за это лицо; вслѣдствіе чего неграмотныя лица не могутъ обязываться частными актами. Но при введеніи въ дѣйствіе въ Царствѣ Польскомъ, въ 1879 году, судебной реформы, указанныя статьи кодекса, вмѣстѣ съ другими статьями онаго о письменныхъ доказательствахъ, отмѣнены и замѣнены соотвѣтствующими статьями устава гражданскаго судопроизводства 1864 года (ст. 148 Пол. о Прим.). Хотя,

такимъ образомъ, указанное правило нынѣ уже не имѣетъ силы, но такъ какъ статьями уст. гр. судопр. о письменныхъ доказательствахъ (438—478) разсматриваемый вопросъ не разрѣшается, а дѣйствующій въ Имперіи законъ о томъ, что при безграмотности лица, обязывающагося домашнимъ актомъ, онъ долженъ быть подписанъ кѣмъ либо другимъ по его просьбѣ, по системѣ свода законовъ,—отнесенный къ *матеріальному* гражданскому праву (св. зак. т. X. ч. I ст. 919),—на губерніи Царства Польскаго не простирается, то изъ отмѣны указанныхъ статей Кодекса не вытекаетъ, что нынѣ въ *Варшавскомъ судебномъ округѣ* долженъ соблюдаться тотъ же порядокъ подписанія домашнихъ актовъ, а, напротивъ, слѣдуетъ заключить, что и нынѣ въ семъ округѣ этотъ порядокъ, какъ совершенно неизвѣстный законамъ, въ семъ округѣ дѣйствующимъ, не примѣнимъ и *домашніе акты могутъ быть подписываемы лишь самимъ обязывающимся лицомъ.* А такъ какъ подписаніе акта способомъ, не признаваемымъ закономъ, такимъ способомъ, который по закону не можетъ считаться выраженіемъ принятія на себя обязательства лицомъ, отъ имени котораго актъ выдается, равносильно неподписанію акта, то засвидѣтельствованіе какою бы то ни было властью того, что актъ подписанъ за неграмотное лицо по его просьбѣ, относясь къ факту, неимѣющему по закону никакого значенія, не дѣлаетъ подписанный такимъ образомъ актъ дѣйствительнымъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что такой выводъ не противорѣчитъ, какъ можетъ казаться, обязательнымъ и для Варшавскаго судебнаго округа узаконеніямъ о томъ, что *исковыя прошенія* (а слѣдовательно и другія *процессуальныя бумаги) и нотаріальные акты за лицъ, неумѣющихъ писать, подписываются тѣмъ, кому они это довѣрятъ.* (Ст. 260 Уст. Гр. Суд. и ст. 113 Пол. о Нот. части), ибо процессуальныя бумаги не имѣютъ значенія обязательствъ, *а принятіе обязательства*, изложеннаго въ нотаріальномъ актѣ, удостовѣряется не только подписаніемъ онаго (какъ при составленіи домашняго акта), но и заявленіемъ о такомъ принятіи нотаріусу со стороны лица, отъ имени котораго

актъ совершается; слѣдовательно, изъ того, что *подписаніе* акта однимъ лицомъ за другое допустимо въ *нотаріальномъ* актѣ, не слѣдуетъ, что оно примѣнимо и къ *домашнему*. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 71 по д. Вихи съ Кетлинскими*).

Къ тому же точно выводу и въ силу тѣхъ же самыхъ соображеній приходитъ и *рѣшеніе Сената за 83 же годъ № 70 по дѣлу Кизель съ Кондзелли*. Независимо отъ сего въ рѣшеніи № 70 изложено слѣдующее: „вопросъ о дѣйствительности акта, представляемаго въ видѣ доказательства, возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда лицо, отъ имени котораго онъ составленъ, *оспариваетъ принятіе* имъ *на себя обязательства*, въ актѣ изложеннаго, и, само собою разумѣется, что, *въ случаѣ признанія имъ возникновенія этого обязательства*, *значеніе подписи на актѣ устраняется* и разрѣшеніе спора зависитъ отъ оцѣнки судомъ этого *признанія*.

1320 ст. Акты, какъ оффиціальные, такъ и частные, имѣютъ силу доказательства между сторонами, даже относительно того, что въ нихъ приведено только въ выраженіяхъ упоминающихъ, лишь бы упоминаніе имѣло прямое отношеніе къ предмету договора. Заявленія, чуждыя предмету договора, служатъ только началомъ доказательства.

Третье лицо вправѣ ссылаться на свидѣтельскія показанія въ подтвержденіе симулятивности акта, хотя бы онъ былъ совершенъ нотаріальнымъ порядкомъ, такъ какъ, не участвуя въ сдѣлкѣ, третье лицо лишено возможности оградить свои права посредствомъ письменнаго акта, кромѣ того, всякая симулятивная сдѣлка, направленная ко вреду третьихъ лицъ, должна быть признана противозаконнымъ дѣяніемъ, на основаніи же 1348 ст. Код. изъ общаго правила о недопущеніи свидѣтельскихъ показаній дѣлается изъятіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда было невозможно составить письменный актъ, или когда права частныхъ лицъ нарушаются противозаконнымъ дѣяніемъ. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 261 по д. Литвиновскаго о покупкѣ недвижимости съ публичныхъ торговъ*).

1328 ст. Частные акты имѣютъ достовѣрное число

совершенія, по отношенію къ третьимъ лицамъ, лишь со дня ихъ зареестрованія (не существующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго), или со дня смерти того лица, либо однаго изъ тѣхъ лицъ, которыя подписали акты, или же съ того времени, когда содержаніе оныхъ удостовѣрено посредствомъ актовъ, совершенныхъ должностными лицами, каковы протоколы опечатанія или описи.

По точному и буквальному смыслу, ст. 1328 имѣетъ характеръ ограничительный въ томъ отношеніи, что лишь акты, время совершенія которыхъ можетъ быть опредѣлено однимъ изъ исчисленныхъ въ этой статьѣ событій, въ отношеніи къ третьимъ лицамъ имѣютъ опредѣленное число, всѣ же остальные почитаются — неимѣющими этаго опредѣленнаго числа. Статья эта имѣетъ въ виду огражденіе третьихъ лицъ отъ претензій, основанныхъ на домашнихъ актахъ, составленныхъ заднимъ числомъ, поэтому, и статьѣ этой могъ бы быть присвоенъ иной смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы приведенное въ оной исчисленіе событій было сдѣлано въ видѣ примѣровъ, но тогда самое правило этой статьи не имѣло бы практическаго значенія, потому что въ дѣйствительности встрѣчалось бы значительно больше исключеній, нежели случаевъ, предусмотрѣнныхъ этою статьею, и этимъ совершенно изгладилось бы установленное ею различіе между третьими лицами и участвовавшими въ договорѣ сторонами. *(Рѣш. Сен. 79 г. № 75 по д. Гонсовскаго и Носальскаго съ кресть. Пожарликомъ и др.).*

Такъ какъ квитанція вообще, по существу своему, есть актъ, коимъ прекращается опредѣленное отношеніе между сторонами, то посему, по отношенію къ этаго рода документамъ, дѣлается исключеніе изъ общаго правила ст. 1328 Гражд. Код. о недостовѣрности числа и необязательности домашнихъ документовъ для третьихъ лицъ, и, сообразно съ симъ, квитанціи признаются письменнымъ доказательствомъ, противъ коего третьимъ лицамъ не предоставляется права оспаривать достовѣрность времени совершенія. *(Рѣш. Сен. 80 г. № 280 по д. Новицкихъ съ Варшавскимъ).*

1338 ст. Подтвержденіе, утвержденіе или добровольное исполненіе, при соблюденіи порядка и срока, закономъ опредѣленныхъ, вмѣщаетъ въ себѣ отреченіе отъ средствъ и отводовъ, которые можно было бы противопоставить акту, не нарушая однако правъ третьихъ лицъ.

Исполненіе сдѣлки, заключенной между супругами на случай постановленія о разлученіи, послѣдовавшее еще до расторженія брачнаго союза,—преждевременно и незаконно. Не подходя подъ требованія 1338 ст. Гр. Кодекса, разумѣющей добровольное исполненіе обязательства при соблюденіи порядка и срока, закономъ опредѣленныхъ, исполненіе подобной сдѣлки не можетъ покрыть недостатковъ ея и сдѣлать ее дѣйствительною. *(Рѣш. Сен. 83 г. № 56 по д. супр. Квецинскихъ).*

Добровольное исполненіе сторонами сдѣлки имѣетъ значеніе лишь по отношенію къ такимъ сдѣлкамъ, которыя могутъ быть признаны недѣйствительными *по требованіямъ заинтересованныхъ лицъ*, но не имѣетъ значенія въ отношеніи къ сдѣлкамъ, недѣйствительнымъ *въ силу самаго закона.* (*Рѣш. Сен. 84 г. № 17 по д. Когана съ Климовичемъ*).

1340 ст. Подтвержденіе, или утвержденіе, или добровольное исполненіе даренія по смерти дарителя, его наслѣдниками или вступившими въ его права, вмѣщаетъ въ себѣ и отказъ ихъ отъ возраженія противъ формальныхъ недостатковъ акта и отъ всѣхъ другихъ отводовъ.

По ст. 1340 Гр. Код. утвержденіе, добровольное исполненіе *даренія* наслѣдниками дарителя, послѣ его смерти, заключаетъ въ себѣ отказъ ихъ отъ возраженія противъ формальныхъ недостатковъ дарственнаго акта и отъ всѣхъ другихъ отводовъ. Хотя статья эта говоритъ только *о дареніяхъ при жизни*, но разумъ установленнаго въ той статьѣ правила даетъ полное основаніе къ примѣненію онаго, *по аналогіи*, и къ духовнымъ завѣщаніямъ. Дѣйствительно, если,—по закону,—дареніе, недѣйствительное по формѣ и не могущее быть по сему подтвержденнымъ самимъ дарителемъ (ст. 1339 Гр. Код.), признается тѣмъ не менѣе въ силѣ, если, по смерти дарителя,

наслѣдники его подтвердятъ дареніе исполненіемъ онаго, выражая этимъ отказъ свой отъ права оспорить по означеннымъ формальнымъ недостаткамъ дареніе, то нѣтъ также основанія не считать законныхъ наслѣдниковъ лица, оставившаго неудовлетворяющее требуемымъ закономъ формамъ духовное завѣщаніе, отказавшимся отъ права своего оспорить это завѣщаніе въ томъ случаѣ, когда они, наслѣдники, исполнили и подтвердили таковое завѣщаніе. (*Рѣш. Сен. 84г. № 43 по д. Кржчонь съ Вальчакомъ*).

1341 ст. **Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ договора превышаетъ сумму или цѣнность ста пятидесяти франковъ (36 р.), не исключая и добровольной поклажи, долженъ быть составленъ нотаріальный или частный актъ, и вовсе не допускается доказательство посредствомъ свидѣтелей ни противъ содержанія актовъ, ни въ дополненіе онаго, ни въ подтвержденіе того, что якобы было говорено до составленія актовъ, во время и послѣ сего, хотя бы дѣло шло о суммѣ или цѣнности менѣе ста пятидесяти франковъ (ст. эта отмѣнена статьею 148 Пол. о Пр. Суд. Уст. къ Варш. Суд. Окр.).**

1341 ст. кодекса замѣнена 409 ст. Ус. Гр. Суд. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 30 по дѣлу Трушковской съ Сисновскимъ*).

1348 ст. **Изъ тѣхъ же правилъ (о необходимости письменныхъ доказательствъ въ закономъ указанныхъ случаяхъ) дѣлается, кромѣ того, исключеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда кредитору было невозможно достать письменное доказательство въ подтвержденіе обязательства, возникшаго въ его пользу. Это второе исключеніе (первое установлено было ст. 1341 для договоровъ на сумму менѣе 150 фр.) примѣняется:**

1) Къ обязательствамъ, возникающимъ изъ какъ-бы-договоровъ (*quasi-contrats*), **изъ проступковъ** (*delits*) **и изъ какъ-бы-проступковъ** (*quasi-delits*).

2) Къ поклажѣ необходимой, въ случаѣ пожара, разрушенія, смятенія и караблекрушенія, а также въ случаѣ

отдачи вещей на сохраненіе путешественниками во время ихъ пребыванія въ гостинницахъ,—принимая во вниманіе всякій разъ свойства лицъ и обстоятельства событія.

3) Къ обязательствамъ, заключеннымъ при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, когда невозможно было бы совершить письменнаго акта.

4) Къ случаямъ, когда кредиторъ, вслѣдствіе событія случайнаго, непредвидѣннаго и вызваннаго непреодолимою силою, утратилъ документъ, служившій ему письменнымъ доказательствомъ.

Въ статьѣ 1348 кодекса изложено исключеніе изъ общаго правила, изложеннаго въ ст. 1341, а такъ какъ это общее правило касательно письменныхъ документовъ относится къ обѣимъ договаривающимся сторонамъ, т. е. и къ кредитору, и къ должнику, и къ истцу, и къ отвѣтчику, то и исключеніе изъ сего общаго правила равнымъ образомъ относится къ обѣимъ сторонамъ, а не исключительно къ истцу. *(Рѣш. Сен. 80 г. № 163 по д. Гульбасъ съ Захрисомъ).*

По точному смыслу п. 3 ст. 1348 код., свидѣтельскія показанія по обязательствамъ, заключеннымъ при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть допускаемы лишь при двухъ главныхъ условіяхъ, а именно: а) необходимо, чтобы обязательство возникло при обстоятельствѣ непредвидѣнномъ и в) необходимо, кромѣ сего, чтобы обстоятельство непредвидѣнное было такого свойства, что исключало бы возможность совершенія письменнаго акта. *(Тоже рѣшеніе Сената).*

Такъ какъ уставъ гражданскаго судопроизводства и гражданскій кодексъ, ограничивая допущеніе свидѣтельскихъ показаній по гражданскимъ дѣламъ, имѣютъ исключительно въ виду охранить интересы тяжущихся устраненіемъ, по возможности, такого доказательства, которое представляетъ менѣе достовѣрности въ сравненіи съ письменными документами, то въ случаѣ состоявшагося между тяжущимися соглашенія о допущеніи свидѣтельскихъ показаній, судъ не имѣетъ законнаго основанія не допускать допроса свидѣтелей, хотя бы законъ,

по данному дѣлу, и устранялъ свидѣтельскія показапія. *(Рѣш. Сен. 81 г. № 180 по д. Доманяковъ).*

Заявленіе стороны о неуничтоженіи документа, замѣненнаго другимъ, и о требованіи вторичной по неуничтоженному документу уплаты—является указаніемъ на такой фактъ, въ подтвержденіе котораго могутъ быть допущены, по точному смыслу ст. 1348 код., свидѣтельскія показанія (*Рѣш. Сен. 82 г. № 41 по д. Рейхмана съ Гоголевскимъ).*

Третье лицо вправѣ ссылаться на свидѣтельскія показанія въ подтвержденіе симулятивности акта, хотя бы онъ былъ совершенъ нотаріальнымъ порядкомъ, такъ какъ, не участвуя въ сдѣлкѣ, третье лицо лишено возможности оградить свои права посредствомъ письменнаго акта. Кромѣ того, всякая симулятивная сдѣлка, направленная ко вреду третьихъ лицъ, должна быть признана противозаконнымъ дѣяніемъ, на основаніи же 1348 ст. код. изъ общаго правила о недопущеніи свидѣтельскихъ показаній дѣлается изъятіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда было невозможно составить письменный актъ, или когда права частныхъ лицъ нарушаются противозаконнымъ дѣяніемъ *(Рѣш. Сен. 79 г. № 261 по д. Литвиновскаго о покупкѣ недвижимости съ публичныхъ торговъ).*

1353 ст. Предположенія, неустановленныя закономъ, предоставляются усмотрѣнію и благоразумію суда, который долженъ допускать только предположенія основательныя, точныя и между собою согласныя и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ допускаетъ доказательство посредствомъ свидѣтелей, или же, если актъ оспаривается по причинѣ обмана или злаго умысла.

Согласно 1353 ст. Кодекса, судъ, при разрѣшеніи вопроса о фиктивности договора, (по заявленію о томъ одной изъ сторонъ, причемъ обвиненія въ обманѣ не заявлено) въ томъ лишь случаѣ могъ бы разрѣшить возникшій между тяжущимися споръ на основаніи предположеній, неустановленныхъ закономъ, если бы по закону можно было доказывать свидѣтельскими показаніями фиктивность письменнаго договора. На основаніи

1341 ст. кодекса доказательство посредствомъ свидѣтелей не допускается ни противъ содержанія актовъ, ни въ ихъ дополненіе, ни въ подтвержденіе того, что было говорено до составленія актовъ, во время и послѣ сего. Для того, чтобы доказать фиктивность письменнаго договора, очевидно нужно опровергнуть его содержаніе, т. е. нужно доказать, что стороны не имѣли въ виду заключить изложенный на письмѣ договоръ. Вслѣдствіе сего фиктивность письменнаго договора не можетъ быть доказываема свидѣтелями, а потому не можетъ быть установлена судомъ на основаніи предположеній, неустановленныхъ закономъ. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 231 по д. Гельперна съ Пуцятыцкимъ*).

Въ виду того, что биржевая игра воспрещена закономъ (ст. 1133 и 1965 код.), долговая росписка, проистекающая изъ биржевой игры, имѣетъ въ виду обойдти законъ (*in fraudem legis*), поэтому возраженіе отвѣтчика о происхожденіи росписки изъ биржевой игры должно быть отнесено къ числу предусмотрѣнныхъ въ 1353 ст. кодекса споровъ по причинѣ обмана. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 85 по д. Лихтенберга съ Гольденрингомъ*).

Допущенныя судомъ предположенія, какъ выводъ изъ обстоятельствъ дѣла и какъ предоставленныя самимъ закономъ усмотрѣнію и благоразумію суда, не могутъ подлежать повѣркѣ Сената въ кассаціонномъ порядкѣ. Но изъ этого общаго правила должно быть сдѣлано исключеніе для того случая, когда судъ допускаетъ предположенія противорѣчащія закону, т. е. когда судъ изъ какого либо факта дѣлаетъ выводъ противоположный закону, или же прямо нарушаетъ постановленіе закона (*тоже Сенатское рѣшеніе*).

Такъ какъ, на осн. ст. 1291 Гр. Код., зачетъ имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда оба долга подлежатъ удовлетворенію, т. е. когда срокъ обоимъ долгамъ уже наступилъ (ст. 1186 код.), то противорѣчитъ закону предположеніе, основанное на непроизводствѣ зачета росписки, *срокъ платежа по которой еще ненаступилъ*, въ уплату по сдѣлкѣ, *совершенной* на *наличныя деньги*. (*Тоже рѣшеніе*).

Допущеніе тѣхъ или другихъ предположеній, предоставленныхъ усмотрѣнію и благоразумію суда, не подлежитъ повѣркѣ Сената въ кассаціонномъ порядкѣ. (Р. 79 г. № 231). (*Рѣш. Сен. 82 г. № 75 по д. конкурса Лелишевскаго съ Борувкою и Пневскимъ*).

При установленіи судомъ—посредствомъ выводовъ изъ обстоятельствъ дѣла — наличности злаго умысла при совершеніи акта во вредъ кредиторамъ,—заключеніе суда можетъ быть основано на фактическихъ предположеніяхъ, предоставленныхъ усмотрѣнію судей (*Тоже рѣшеніе № 75, 82 г.*).

Актъ, оспариваемый стороною по причинѣ обмана или злаго умысла, можетъ быть признанъ судомъ недѣйствительнымъ на основаніи фактическихъ предположеній, въ силу 1353 ст. кодекса. (*Тоже рѣшеніе*).

1376 ст. Кто по ошибкѣ или завѣдомо получилъ то, что ему не слѣдовало, обязанъ возвратить полученное тому, отъ кого бездолжно получилъ.

1377 ст. Кто считалъ себя по ошибкѣ должникомъ и уплатилъ долгъ, тотъ имѣетъ право обратнаго требованія противъ кредитора. Однако право это не имѣетъ мѣста въ томъ случаѣ, когда кредиторъ уничтожилъ свой документъ вслѣдствіи платежа, въ семъ случаѣ уплатившій имѣетъ право обратиться съ требованіемъ платежа къ настоящему должнику.

По содержанію ст. 1235, 1376 и 1377 код., коими опредѣляются взаимныя юридическія отношенія между лицомъ бездолжно уплатившимъ и лицомъ получившимъ по ошибкѣ или завѣдомо то, что ему не слѣдовало,—право обратнаго требованія бездолжно и по ошибкѣ уплаченнаго допускается въ трехъ случаяхъ,—а именно: а) когда уплата произведена такимъ лицомъ, которое къ предполагаемому кредитору въ долговыхъ отношеніяхъ вовсе не состояло; б) когда уплата произведена хотя и самимъ должникомъ, но не кредитору и не его представителю, а лицу постороннему, и в) когда уплата сдѣлана кредитору, но не должникомъ и не его представителемъ, при чемъ

во всѣхъ сихъ случаяхъ существенное условіе заключается въ томъ, чтобы уплата произведена была по ошибкѣ, не отъ имени должника, не для его освобожденія и не въ видѣ даренія. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 81 по д. Пацкевича съ Сурдскимъ и др.*).

1382 ст. Всякое дѣйствіе человѣка, причиняющее другому вредъ, обязываетъ то лицо, по винѣ котораго вредъ произошелъ, вознаградить за оный.

Возложеніе судомъ на общество (Гл. Общ. Рос. Жел. дор.) отвѣтственности за принятый—и затѣмъ оказавшійся пропавшимъ—товаръ, въ размѣрѣ дѣйствительной его стоимости, вполнѣ согласно съ точнымъ смысломъ ст. 1382 и 1383 код., обязывающихъ каждаго, по чьей винѣ произошелъ вредъ, вознаградить за оный потерпѣвшаго. Выводъ этотъ не нарушаетъ ни въ чемъ ст. 101 Торг. Код. и ст. 1134 Гр. Код., такъ какъ основываться на договорномъ значеніи накладной можно было бы лишь въ томъ случаѣ, гдѣ было бы доказано отсутствіе всякой вины желѣзнодорожнаго общества въ пропажѣ товара. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 131 по д. Комп. „Надежда" съ Гл. Общ. Рос. Жел. дор.*).

Подтопъ, причиняемый состоящею въ арендѣ мельницею, можетъ происходить какъ отъ устройства самой мельницы, непозволяющаго пользоваться ею безъ подтопа сосѣднихъ имѣній, такъ и отъ неправильнаго пользованія мельницею арендаторомъ. Въ первомъ случаѣ отвѣтственнымъ въ убыткахъ представляется собственникъ мельницы, во второмъ—арендаторъ. (*Рѣш. Сен. 81 г. № 193 по д. Босугскаго съ Дзержановскимъ и др.*).

Договоры объ ограниченной отвѣтственности желѣзной дороги съ отправителями грузовъ, когда они заключены при соблюденіи условій 1108—1133 ст. Гр. Код. (т. е. условій существенныхъ для дѣйствительности каждаго договора),—должны быть признаваемы дѣйствительными. Соглашеніе по этому предмету представляется противнымъ закону—въ виду ст. 6, 1382, 1384 и 1784 код.—въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ цѣлью освобожденіе возчика отъ отвѣтственности въ полной

стоимости груза за пропажу, могущую послѣдовать отъ собственныхъ его, возчика, дѣйствій, ибо, по общему началу, выраженному въ 1382 ст. Гр. Кодекса, всякое дѣйствіе, причиняющее вредъ, обязываетъ лицо, по винѣ коего онъ произошелъ, вознаградить потерпѣвшаго, и потому переносить эту отвѣтственность и ея послѣдствія, путемъ гражданской сдѣлки, на другое и притомъ еще само же потерпѣвшее лицо—было бы несогласно съ постановленіемъ закона. *(Рѣш. Сен. 82 г. № 105 по д. Рос. Общ. Страх. съ Гл. Общ. Рос. Жел. дор.).*

Желѣзная дорога можетъ—путемъ соглашенія съ хозяевами грузовъ—ограничивать свою отвѣтственность за пропавшій грузъ въ извѣстной, условленной впередъ, суммѣ, на тотъ случай, когда эта утрата произойдетъ помимо ея вины, вслѣдствіе дѣяній постороннихъ лицъ. *(Тоже рѣшеніе).*

1384 ст. **Каждый отвѣтствуетъ не только за вредъ, причиненный его собственными дѣйствіями, но и за вредъ, причиненный лицами, за которыхъ онъ долженъ отвѣчать, или предметами, находящимися подъ его надзоромъ.**

Отецъ, а по смерти отца, мать, отвѣтствуютъ за вредъ, причиненный несовершеннолѣтними дѣтьми, которыя съ ними вмѣстѣ живутъ. Хозяева и дающіе порученія (*commettans*) отвѣчаютъ за вредъ, ихъ служителями и надзирателями (*preposés*) причиненный при исполненіи порученныхъ имъ обязанностей. Наставники и ремесленники отвѣчаютъ за вредъ, причиненный ихъ воспитанниками и учениками, пока они состоятъ подъ ихъ надзоромъ.

Вышеупомянутая отвѣтственность имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если родители, наставники и ремесленники не докажутъ, что не могли воспрепятствовать совершенію дѣянія, влекущаго за собою эту отвѣтственность.

1384 ст. Гр. Код., опредѣляя отвѣтственность хозяина за вредъ и убытокъ, причиненный дѣйствіемъ его рабочаго, необходимымъ для сего условіемъ требуетъ, чтобы дѣйствіе это сопровождалось или совершено было при исполненіи даннаго рабочему порученія. Слѣдовательно для правильнаго и впол-

нѣ безошибочнаго примѣненія сказанной статьи, на обязанности суда, разрѣшающаго вопросъ о такого рода отвѣтственности, лежитъ установить: во 1-хъ) что вредъ причиненъ дѣйствительно рабочимъ, и во 2-хъ) что, причиняя этотъ вредъ, рабочій находился при исполненіи возложеннаго на него порученія. *(Рѣш. Сен. 79 г. № 230 по д. бургомистра г. Цѣханова съ Плоскимъ).*

По буквальному и точному смыслу ст. 1384 код., отвѣтственность хозяина обусловливается не тѣмъ дѣйствіемъ рабочаго, которое можетъ быть слѣдствіемъи сполненнаго порученія, а тѣмъ, которое совершено при самомъ исполненіи онаго. *(Тоже рѣшеніе).*

Условіе объ ограниченной отвѣтственности желѣзной дороги не можетъ имѣть законной силы и въ тѣхъ случаяхъ, когда пропажа или повреждение послѣдовали отъ дѣйствій лицъ, состоящихъ на службѣ возчика (т. е. агентовъ желѣзной дороги), ибо, по ст. 1384 код., всякій дѣлается отвѣтственнымъ не только за вредъ, причиненный своими личными дѣйствіями, но и за вредъ, нанесенный лицами, за которыхъ онъ долженъ отвѣчать, или предметами, находящимися въ его завѣдываніи. *(Рѣш. Сен. 82 г. № 105 по д. Рос. Общ. страх. съ Гл. Общ. Рос. Жел. дор.).*

1582 ст. Продажа есть договоръ, по которому одна сторона обязывается передать вещь, а другая заплатить за нее.

Разрѣшая общій вопросъ о допустимости, въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, свидѣтельскихъ показаній и предположеній для доказательства долга и платежа по продажѣ движимости, Правительствующій Сенатъ находитъ: при обсужденіи сего вопроса существенно слѣдуетъ отличить порядокъ, дѣйствовавшій въ Царствѣ Польскомъ до введенія въономъ судебныхъ уставовъ, отъ того порядка, который установленъ ст. 148 Полож. 19 февр. 75 г. До сего законодательнаго акта, относительно свидѣтельскихъ показаній дѣйствовала ст. 1341 Гр. Код. (о недопустимости свидѣтельскихъ показаній по догово-

рамъ на сумму свыше 150 фр.). Изъ правила, устанавливаемаго этою статьею, сдѣланы три исключенія: а) когда есть въ виду начало письменнаго доказательства (ст. 1348); б) когда кредитору невозможно добыть письменное доказательство въ подтвержденіе обязательства, возникшаго въ его пользу (ст. 1348), и в) если, согласно ст. 1358, актъ оспаривается по причинѣ обмана или злаго умысла. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, свидѣтельскія показанія допускались вообще по сдѣлкамъ, превышающимъ цѣнность въ 150 франковъ. Что же касается до предположеній, какъ выводовъ суда изъ факта извѣстнаго, неподлежащаго спору, о фактѣ неизвѣстномъ (ст. 1349),—то этотъ способъ доказательства допускался во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ законъ допускалъ вообще доказательство посредствомъ свидѣтелей (ст. 1353). По содержанію указанныхъ выше законовъ и по соображеніи оныхъ съ ст. 932, 933, 948 Гр. Код., со ст. 207 Гр. Ул. Ц. П. 25 г. и со ст. 1 Ипот. Уст. 1818 года, оказывается, что вообще всѣ сдѣлки, по отношенію къ формѣ совершенія ихъ, можно раздѣлить на сдѣлки *консенсуальныя* и *торжественныя*. Перваго рода сдѣлки подраздѣляются: а) на сдѣлки, превышающія по цѣнности 150 франковъ, которыя—за нѣкоторыми изъятіями—удостовѣряются только письменными доказательствами; б) на сдѣлки ниже этой цѣнности, которыя могутъ быть *доказываемы* свидѣтельскими показаніями и предположеніями. Что же касается до торжественныхъ сдѣлокъ, то онѣ должны быть совершаемы *не иначе*, какъ *письменнымъ* порядкомъ, хотя бы по суммѣ ихъ онѣ и не превышали 150 фр., подъ страхомъ *недѣйствительности* ихъ въ случаѣ несоблюденія сего правила. По сдѣлкѣ, требующей по закону совершенія письменнымъ порядкомъ, ни платежъ, ни уплата не могутъ быть доказываемы ни свидѣтельскими показаніями, ни предположеніями. Эти общія правила Гражданскаго Кодекса, по введеніи въ краѣ судебной реформы, подверглись значительному измѣненію. Статьею 148 Пол. о пр. и Выс. ут. мн. Гос. Сов. 17 мая 77 года изъ *общихъ правилъ* о доказательствахъ, изложенныхъ въ ст. 1341—1353 Гр. Код.,

отмѣнено основное положеніе, выраженное въ ст. 1341, и одно изъ трехъ исключеній, изложенное въ ст. 1347, а оставлены въ силѣ остальныя два исключенія, предусмотрѣнныя въ ст. 1348 и 1353 Гр код. Изъ упомянутыхъ въ ст. 148 Пол. 19 февр. 75 г. особыхъ постановленій Гр. Кодекса, касающихся порядка совершенія разныхъ сдѣлокъ, отмѣнены только ст. 1715, 1716, 1781 и 2275 код., всѣ же прочія оставлены въ силѣ. Вмѣсто же указанныхъ выше отмѣненныхъ общихъ правилъ, введены въ дѣйствіе общія правила, преподанныя въ ст. 409 и 410 Уст. Гр. Суд., а посему эти послѣднія безспорно подлежатъ примѣненію къ дѣламъ, разрѣшаемымъ по законамъ, дѣйствующимъ нынѣ, по введеніи судебной реформы, въ Царствѣ Польскомъ, съ тѣми измѣненіями, которыя вызываются оставленіемъ въ силѣ ст. 1348 и 1353 Гр. код.—Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ разрѣшенію вопроса о томъ, по какимъ же именно сдѣлкамъ, въ настоящее время, въ виду ст. 148 Пол. 19 февр. 75 г., допускаются свидѣтельскія показанія и предположенія,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что—не говоря о сдѣлкахъ *торжественныхъ,* по которымъ и нынѣ этотъ родъ доказательствъ безусловно не допускается, такъ какъ самая дѣйствительность ихъ обусловливается строгимъ соблюденіемъ письменной формы,—по отношенію къ сдѣлкамъ *конссенсуальнымъ*, слѣдуетъ признать, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Гражд. Кодексѣ, въ статьяхъ, оставшихся не отмѣненными, вовсе не содержится особаго указанія на обязательность для нихъ письменной формы (какъ, напр., сдѣлки, указанныя въ ст. 1779—1799, 1800—1819, 1875—1892, 1894, 1896 и 1897); относительно другихъ—дѣйствующій законъ или прямо допускаетъ доказательство посредствомъ свидѣтелей (ст. 1950), или хотя упоминаетъ о письменной формѣ, но лишь рядомъ съ словесною (ст. 1714); наконецъ, относительно третьей каттегоріи конссенсуальныхъ сдѣлокъ, законъ *преимущественно* указываетъ на письменную форму (ст. 1834, 2074, 1984, 1985), либо установляетъ *одну* письменную форму (ст. 1250, 1253, 1255, 1256, 1895, 1907, 1908 и 2044). Такимъ обра-

зомъ, конссенсуальныя сдѣлки первыхъ двухъ каттегорій,— при отсутствіи въ особыхъ постановленіяхъ Гражд. Кодекса, сохранившихъ силу, указанія объ обязательности для нихъ письменной формы и въ виду отмѣны ст. 1341 Гр. код.,—могутъ быть совершаемы и *словесно*; если же онѣ могутъ быть совершаемы словесно, то и *доказательство посредствомъ свидѣтелей и предположеній*, въ силу приведенной ст. 148 Пол. 19 февр. 75 г., должно быть по отношенію къ нимъ допущено и притомъ въ удостовѣреніе не только совершенія самой сдѣлки, но и долга, изъ оной возникшаго, а также платежа или уплаты онаго, при отсутствіи письменнаго акта, удостовѣряющаго существованіе долга (рѣш. 74 г. № 254, 77 г. № 183, 82 г. № 3). Этотъ выводъ долженъ быть примѣненъ и къ продажѣ *движимости* въ виду слѣдующаго соображенія: на осн. 1703 ст. Гр. Код., — заключающей въ себѣ частное подтвержденіе общаго правила, положеннаго въ основу всѣхъ конссенсуальныхъ сдѣлокъ (ст. 1108 Гр. код.),—продажа совершается простымъ изъявленіемъ согласія. Со введеніемъ въ Царствѣ Польскомъ судебной реформы, правило это измѣнено въ отношеніи продажи *недвижимости*, для которой безусловно требуется нынѣ строгое соблюденіе письменной и притомъ нотаріальной формы, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, недѣйствительности самой сдѣлки (ст. 24 Пол. о пр. къ В. С. О. Выс. утв. 14 Апр. 66 г. Пол. о нот. части. Такимъ образомъ, въ силу новаго закона, продажа недвижимости отнесена къ торжественнымъ сдѣлкамъ, а продажа движимости сохранила, по прежнему, характерѣ конссенсуальнаго договора. Засимъ, единственное указаніе на форму продажи, которое, въ виду новаго закона, можетъ быть отнесено нынѣ только къ продажѣ *движимости*, содержится въ ст. 1582 Гр. Код., въ которой значится, что продажа *можетъ быть* совершена посредствомъ оффиціальнаго или частнаго *акта*. Но помѣщенное въ ней выраженіе *можетъ быть* показываетъ, что законъ этотъ не принудительный а дозволительный, и что, слѣдовательно, изъ него можно вывести не обязанность, а право только совершить договоръ однимъ

изъ указанныхъ въ немъ способовъ. Очевидно, что статья 1582 имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что договоръ продажи (движимости), *если* онъ заключается *на письмѣ*, можетъ быть совершенъ не только посредствомъ нотаріальнаго, но и посредствомъ частнаго акта, и въ этомъ смыслѣ, законъ этотъ вовсе не содержитъ въ себѣ правила объ *обязательномъ совершеніи* продажи именно *на письмѣ*, а только правило о *порядкѣ* составленія ея на письмѣ, если стороны пожелаютъ облечь сдѣлку въ письменный актъ. Отсюда вытекаетъ, что и продажа движимости, — подобно консенсуальнымъ сдѣлкамъ упомянутыхъ выше двухъ каттегорій, не требуетъ для удостовѣренія ея письменной формы и, слѣдовательно, можетъ, вмѣстѣ съ возникающими изъ нея правоотношеніями (существованіе долга, платежъ и уплата онаго), быть доказываема свидѣтельскими показаніями и предположеніями. *(Рѣш. Сен. 84 г. № 12 по д. Зеллера съ Діаменштейномъ).*

1583 ст. Продажа считается совершившеюся между сторонами и право собственности пріобрѣтеннымъ по закону для покупщика по отношенію къ продавцу, коль скоро послѣдовало соглашеніе о предметѣ и цѣнѣ, хотя бы предметъ и не былъ еще переданъ, и цѣна его еще не уплачена.

Въ силу общихъ гражданскихъ законовъ о продажѣ и мѣнѣ имуществъ вообще, а, слѣдовательно, и недвижимости (ст. 1583 и 1703 код.), для сдѣлокъ о *продажѣ* и *мѣнѣ* неустановлено никакой формы, обусловливающей ихъ дѣйствительность. Поэтому, до распространенія въ 1876 году на Варшавскій судебный округъ дѣйствія нотаріальнаго положенія, опредѣляющаго обязательную форму для сдѣлокъ о переходѣ права собственности на недвижимыя имущества (ст. 24 прав. о прим. нот. Пол.), продажа и мѣна недвижимыхъ имуществъ признавались состоявшимися, въ силу одного о томъ *соглашенія* сторонъ, а актъ, въ который облечено было это соглашеніе, составлялъ лишь *доказательство*, *способъ удостовѣренія* состоявшагося соглашенія. Исключеніе изъ сего составляли лишь

сдѣлки о переходѣ права собственности на *ипотекованныя* недвижимыя имущества. *(Рѣш. Сен. 84 г. № 17 по д. Когана съ Климовичемъ).*

1591 ст. Покупная цѣна должна быть опредѣлена и точно обозначена сторонами.

Ни въ 1591 ст., ни вообще въ Гражданскомъ Кодексѣ не заключается правила о томъ, что письменный актъ, въ которомъ продавецъ удостовѣряетъ о полученіи имъ, до совершенія акта, покупной цѣны, долженъ, тѣмъ не менѣе, содержать въ себѣ опредѣленіе и точное обозначеніе цѣны. Удостовѣреніе продавца въ актѣ о полученіи имъ покупной цѣны уже доказываетъ, что цѣна была опредѣлена сторонами. Затѣмъ, означеніе цѣны въ актѣ представляется излишнимъ, такъ какъ въ моментъ совершенія акта покупщикъ не состоитъ болѣе должнымъ продавцу за купленную имъ вещь. *(Рѣш. Сен. 81 г. № 168 по д. Гельперна съ Пущатьицкимъ).*

1596 ст. Не могутъ, подъ опасеніемъ недѣйствительности, пріобрѣтать съ публичнаго торга ни сами, ни чрезъ подставныхъ лицъ:

Опекуны—имуществъ лицъ, подъ ихъ опекою состоящихъ;

Повѣренные — имуществъ, продажа коихъ имъ поручена;

Администраторы—тѣхъ имуществъ, принадлежащихъ общинамъ и общественнымъ управленіямъ, которыя ввѣрены ихъ управленію;

Должностныя лица — имуществъ государственныхъ, продажа которыхъ на нихъ возложена.

Лицо, состоящее опекуномъ—блюстителемъ по опекѣ несовершеннолѣтняго, не вправѣ пріобрѣтать имѣніе сего послѣдняго съ публичныхъ торговъ. Выводъ этотъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: хотя, согласно принятой въ Гражд. Уложеніи 25 года и въ Гражд. Кодексѣ терминологіи, слово „опекунъ“ не представляется выраженіемъ общимъ, подъ которое подходило бы понятіе какъ главнаго опекуна,

такъ и опекуна—блюстителя, а употребляется часто вмѣсто слова „главный опекунъ", тогда какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда говорится объ опекунѣ—блюстителѣ, употребляется, именно, этотъ полный терминъ,—однако въ этомъ обстоятельствѣ нельзя усмотрѣть достаточнаго основанія для заключенія, что статьи Уложенія (424) и Кодекса (1596), установляя изложенныя въ нихъ запрещенія *для опекуновъ*, представляются спеціальными ограничительными законами *для однихъ главныхъ опекуновъ*, не могущими быть по сему распространенными и на опекуновъ—блюстителей. При примѣненіи законовъ судебныя мѣста обязаны руководствоваться ихъ точнымъ разумомъ (ст. 9 Ус. гр. суд.); уясненіемъ же смысла, разума закона, служитъ та цѣль, для которой законъ этотъ изданъ. Цѣль, для которой установлено ограниченіе опекуновъ въ правѣ пріобрѣтать имѣнія подопечныхъ имъ лицъ, вполнѣ очевидна и заключается въ желаніи оградить интересы несовершеннолѣтняго, которые могутъ пострадать отъ того, что лицо, обязанное охранять таковые, при пріобрѣтеніи имѣнія несовершеннолѣтняго, является уже защитникомъ своихъ личныхъ интересовъ, которые могутъ и не сходиться съ интересами несовершеннолѣтняго. Если же такова цѣль означенныхъ законовъ, то не представляется основаній не подводить подъ ихъ дѣйствіе и опекуновъ—блюстителей, такъ какъ дѣятельность послѣднихъ, въ смыслѣ обязанности огражденія интересовъ несовершеннолѣтняго, совершенно тождественна съ дѣятельностью главнаго опекуна. Правда, изъ дѣлаемаго закономъ перечисленія отдѣльныхъ дѣйствій какъ того, такъ и другаго опекуна, усматривается различіе, заключающееся въ томъ, что опекунъ-блюститель, не управляя непосредственно опекаемымъ имѣніемъ,—что лежитъ на обязанности главнаго опекуна,—является лишь надзирающимъ за дѣйствіями сего послѣдняго, дѣйствуя, по ст. 389 Гр. Ул., въ пользу несовершеннолѣтняго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда интересъ несовершеннолѣтняго находится въ противорѣчіи съ интересомъ опекуна, а по ст. 390 сообщая, сверхъ того, семейному совѣту о всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ

опекуна, въ которыхъ можно усмотрѣть или предвидѣть вредныя послѣдствія для несовершеннолѣтняго, но таковое различіе въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ того и другаго опекуна нисколько не ослабляетъ правильности вышеприведеннаго заключенія, ибо, не смотря на это различіе, дѣятельность того и другаго опекуна должна быть направлена къ одной и той же цѣли: *къ огражденію интересовъ несовершеннолѣтняго* по завѣдыванію учрежденною надъ нимъ опекою. Поэтому, коль скоро представляется несогласнымъ съ этою цѣлью пріобрѣтеніе главнымъ опекуномъ имѣнія подопечнаго, то въ той же степени несовмѣстимо съ дѣятельностью опекуна-блюстителя пріобрѣтеніе имъ этого имѣнія. *(Рѣш. Сен. 84 г. № 18 по д. насл. Влодковскаго съ Якобзеномъ).*

1605 ст. Обязанность передать недвижимость считается исполненною со стороны продавца, если онъ передалъ ключи, когда дѣло касается строенія или если онъ передалъ документы на право собственности.

Отказъ съѣздомъ покупщику недвижимости съ публичныхъ торговъ въ ходатайствѣ его о командированіи судебнаго пристава для понудительной передачи ему имѣнія натурою, отказъ—основанный на 1605 ст. Гр. Код.—не соотвѣтствуетъ законамъ, такъ какъ 1605 ст. Кодекса въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть примѣненія, какъ имѣющая въ виду частнаго продавца, если же проситель обращается съ просьбою о понудительной передачѣ имѣнія въ натурѣ—къ предсѣдателю мироваго съѣзда, то онъ обращается къ нему какъ къ лицу должностному, имѣющему право и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность дѣлать законныя распоряженія о приведеніи рѣшеній и опредѣленій въ исполненіе. *(Рѣш. Сен. 79 г. № 261 по д. Литвиновскаго о покупкѣ недвиж. съ публ. торговъ).*

1616 ст. Продавецъ обязанъ передать предметъ въ томъ объемѣ, какой означенъ въ договорѣ, при соображеніи нижеуказанныхъ изъятій.

1617 ст. Если, при продажѣ недвижимаго имущества, было означено пространство его и была опредѣлена цѣна

на извѣстную мѣру, то продавецъ обязанъ передать покупщику, если онъ того требуетъ, то количество, которое опредѣлено въ договорѣ.

Если-бы это было для продавца невозможно или если-бы пріобрѣтатель этаго не требовалъ, то продавецъ обязывается къ соразмѣрному уменьшенію цѣны.

1618 ст. Если же, напротивъ того, въ случаѣ, предшедшею статьею предусмотрѣнномъ, пространство имѣнія окажется болѣе обширнымъ нежели какъ оно обозначено въ договорѣ, то пріобрѣтателю предоставляется на выборъ: или уплатить добавочную цѣну, или отказаться отъ договора, если излишекъ превышаетъ двадцатую часть того пространства, которое въ договорѣ обозначено.

1619 ст. Во всѣхъ другихъ случаяхъ,—

Когда проданъ предметъ опредѣленный и обозначенный границами,

Или когда предметъ продажи составляютъ различныя и отдѣльныя имѣнія,

Или же когда въ договорѣ означена сперва мѣра либо сперва опредѣленъ продаваемый предметъ и затѣмъ означена мѣра,

Обозначеніе этой мѣры невлечетъ за собою никакой надбавки въ цѣнѣ въ пользу продавца за излишекъ мѣры, и никакой сбавки въ цѣнѣ въ пользу покупщика за меньшую мѣру, если разница между мѣрою дѣйствительною и мѣрою, въ договорѣ обозначенною, не будетъ болѣе или менѣе двадцатой части цѣнности всѣхъ проданныхъ предметовъ, и если не было противнаго тому условія.

Статьи 1617 и 1619 кодекса говорятъ о вліяніи на покупную цѣну разницы, могущей оказаться между количествомъ земли, означеннымъ въ договорѣ, и тѣмъ количествомъ, которое въ дѣйствительности принадлежитъ продавцу и которое онъ можетъ передать покупщику, но обѣ статьи предполагаютъ, что продавецъ обязанъ передать покупщику проданное имъ

имѣніе сполна, т. е. условленное количество земли (ст. 1617) или же все проданное, опредѣленное имѣніе (ст. 1619). Поэтому, отказъ покупщику въ требованіи передачи ему недостающаго, по его мнѣнію, противъ акта продажи количества земли—можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если судомъ установлено будетъ—при продажѣ, предусмотрѣнной въ 1617 ст. Код.,—что у продавца нѣтъ всего проданнаго имъ числа морговъ, а при продажѣ, предусмотрѣнной въ 1619 ст. Гр. Код.,—что продавецъ передалъ покупщику все проданное имъ имѣніе, т. е. въ границахъ, указанныхъ въ договорѣ. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 244 по д. Янковскаго съ Хойновскимъ*).

Признаніе судомъ продажи—подходящею подъ опредѣленіе ст. 1619 кодекса и отказъ затѣмъ въ искѣ о передачѣ недостающаго количества земли не на томъ основаніи, что покупщикъ получилъ уже все купленное имъ у продавца опредѣленное имѣніе, а потому, что недостающее у покупщика количество земли менѣе $^1/_{20}$ части всего проданнаго количества,—является нарушеніемъ 1619 ст. Гр. Код., такъ какъ статья эта не даетъ продавцу права удерживать часть проданнаго имѣнія, хотя бы эта часть не превышала $^1/_{20}$ всего имѣнія. (*Тоже рѣшеніе*).

1633 ст. Если проданный предметъ окажется во время отсужденія повысившимся въ цѣнѣ, независимо даже отъ дѣйствія пріобрѣтателя, то продавецъ обязанъ заплатить ему стоимость вещи свыше ея покупной цѣны.

Статья 1633 Кодекса, опредѣляющая отвѣтственность продавца предъ покупщикомъ въ случаѣ отсужденія у сего послѣдняго проданной ему вещи, настолько же примѣнима и въ томъ случаѣ, когда продавецъ, присужденный судебнымъ рѣшеніемъ къ отдачѣ покупщику проданной вещи, не сдаетъ ему таковой и такимъ образомъ лишаетъ покупщика возможности воспользоваться проданною ему вещью. (*Рѣш. Сен. 81 г. № 105 по д. Блюмрозена съ Шенякомъ*).

1689 ст. При переводѣ долговаго требованія, права или иска на третье лицо, передача производится между

правоуступателемъ и правопринимателемъ чрезъ отдачу документа.

Если, по 529 и 2279 ст. Гр. Код., долговыя росписки и причисляются къ движимымъ имуществамъ, и владѣніе по отношенію къ движимостямъ равносильно правооснованію, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы долговые документы, безъименные или выданные на извѣстное лицо, могли быть признаваемы собственностію держателей единственно въ силу матеріальнаго обладанія ихъ сими документами, ибо для выдачи и перехода долговыхъ документовъ отъ однаго лица къ другому установлены особыя правила. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 160 по д. Гольдберга съ Бѣльскимъ*).

1690 ст. Правоприниматель, по отношенію къ третьимъ лицамъ, считается вступившимъ въ право лишь по врученіи должнику перевода претензіи. Впрочемъ, правоприниматель можетъ считаться вступившимъ въ право и чрезъ одобреніе перевода, учиненное должникомъ въ оффиціальномъ актѣ.

1691 ст. Если должникъ, прежде врученія ему перевода, правоуступателемъ или правопринимателемъ, произвелъ платежъ правоуступателю, то считается уплатившимъ правильно.

Изъ содержанія ст. 1691 Код. явствуетъ, что должникъ освобождается отъ отвѣтственности передъ правопринимателемъ, въ случаѣ незаявленія ему о переводѣ претензіи, не безусловно, а тогда, когда онъ произвелъ платежъ правоуступателю прежде заявленія ему о переводѣ претензіи. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 208 по д. Тительмана*).

По точному смыслу ст. 1689, 1690 и 1691 кодекса, при переуступкѣ долговыхъ претензій, правъ или исковъ третьему лицу, передача между правоуступателемъ и правопринимателемъ совершается посредствомъ врученія документа, но по отношенію къ третьимъ лицамъ, къ числу коихъ принадлежитъ и должникъ, правоприниматель пріобрѣтаетъ переуступленное право, претензію или искъ, только съ того времени, когда долж-

никъ будетъ оффиціально увѣдомленъ о переуступкѣ или самимъ правоуступателемъ, или правопринимателемъ, или когда переуступка будетъ акцептирована должникомъ въ установленномъ порядкѣ. Формальность увѣдомленія или оповѣщенія (*notification*) имѣетъ цѣлью сдѣлать переуступку гласною, дабы предохранить третьихъ лицъ отъ убытковъ, могущихъ произойдти отъ сдѣлки, совершенной безъ ихъ участія, и соотвѣтствуетъ вполнѣ правиламъ о договорѣ купли—продажи (ст. 1583 Код.), различающей время, когда договоръ этотъ получаетъ силу и дѣйствіе для самихъ договаривающихся сторонъ и для третьихъ лицъ. Согласно съ симъ ст. 1691 Код. и установляетъ правило, что если должникъ уплатитъ долгъ правоуступателю до извѣщенія его, должника, о переуступкѣ, то считается сдѣлавшимъ уплату на законномъ основаніи и освобождается, по закону, отъ дальнѣйшей отвѣтственности передъ правопріобрѣтателемъ. Изъ означенной статьи слѣдуетъ, что хотя правоуступатель, посредствомъ переуступки, перестаетъ быть собственникомъ долговой претензіи, какого либо права, или иска по отношенію къ правопринимателю, но онъ сохраняетъ это качество относительно должника до тѣхъ поръ, пока должникъ не будетъ извѣщенъ о переуступкѣ посредствомъ увѣдомленія его о томъ (*notification*), или пока самъ не признаетъ эту переуступку въ установленномъ порядкѣ (ст. 1690). Въ виду сего, по общему правилу, только правоуступатель, до момента извѣщенія должника о переуступкѣ, имѣетъ право предъявить противъ должника искъ объ исполненіи обязательства, а правопріобрѣтатель не допускается къ оспориванію сдѣланной должникомъ правоуступателю, до извѣщенія, уплаты, даже и въ томъ случаѣ, если бы изъ обстоятельствъ дѣла и оказывалось, что должникъ частнымъ образомъ зналъ о переуступкѣ, долговой претензіи, такъ какъ, согласно ст. 1690 код., должникъ почитается законно и положительно увѣдомленнымъ только тѣми способами, которые указаны въ означенной выше статьѣ. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 280 по д. Новицкихъ съ Варшавскимъ*).

1693 ст. Кто продаетъ долговое требованіе или иное невещественное право, тотъ отвѣтствуетъ за существованіе ихъ во время перевода, хотя бы онъ былъ совершенъ и безъ гарантіи.

Въ случаѣ совершенія договора уступки—не усадьбы, состоящей во владѣніи продавца, а лишь права на полученіе усадьбы отъ третьяго лица,—къ дѣлу должны быть примѣнены не правила о гарантіи продавца вещи, по которымъ продавецъ долженъ гарантировать покупщику спокойное владѣніе проданною вещью (ст. 1625 и слѣд. Гр. Код.), а правила о гарантіи при переводѣ или уступкѣ долговыхъ требованій и другихъ невещественныхъ правъ (ст. 1693—1697 Код.). Буквальное содержаніе 1693 ст. Кодекса показываетъ, что правоуступатель отвѣчаетъ предъ правопринимателемъ только за существованіе своего права въ отношеніи должника, а не за исполненіе должникомъ его обязательства. Поэтому при договорѣ уступки права на полученіе усадьбы отъ третьяго лица правоуступатель отвѣчаетъ предъ правопринимателемъ лишь за дѣйствительность договора купли, заключеннаго имъ съ третьимъ лицомъ, за существованіе, на основаніи этого договора, своего права требовать отъ третьяго лица передачи недвижимости, но не за существованіе права третьяго лица на проданную имъ правоуступателю недвижимость. Поэтому, въ случаѣ если окажется, что третье лицо не имѣло права на проданную имъ правоуступателю недвижимость, то правоприниматель имѣетъ право отыскивать убытки, которые онъ понесъ отъ неполученія усадьбы, съ третьяго лица, а не съ правоуступателя (*Рѣш. Сен. 81 г. № 67 по д. Бухмана съ Слочинскою*).

1708 ст. Договоры найма бываютъ двухъ родовъ: наемъ имуществъ и наемъ работъ.

1714 ст. Договоръ найма можно заключать или письменно или словесно.

Закономъ не воспрещено доказывать фактъ найма рабочихъ и производства ими работы — свидѣтельскими показанія-

ми. (*Рѣш. Сен. 80 г. по д. Карловичъ и др. со Скалою и Цыгамонъ—не вошедшее въ сборникъ*).

Такъ какъ ст. 1714 Кодекса помѣщена въ главѣ о наймѣ имуществъ въ отдѣленіи о наймѣ домовъ и сельскихъ имѣній, то статья эта не можетъ быть примѣнена къ дѣлу о личномъ наймѣ. Разрѣшеніе же вопроса о допущеніи по данному дѣлу о личномъ наймѣ свидѣтельскихъ показаній зависитъ отъ опредѣленія того, для какихъ именно услугъ заключенъ договоръ личнаго найма и какіе законы должны быть примѣнены къ данному договору: гражданскій или торговый кодексъ, или же постановленіе Намѣстника 24 декабря 1824 года и замѣнившія это постановленіе правила о наймѣ слугъ и о взаимныхъ обязанностяхъ господъ и служителей, содержащіяся въ Выс. утв. 24 мая 60 г. Уст. о сельс. гм. судахъ (ст. 515—589). (*Рѣш. Сен. 80 г. № 292 по д. Липшица съ Гликсманомъ*).

Искъ домовладѣльца можетъ быть доказываемъ фактомъ проживанія не только во время фактическаго дѣйствія наемнаго договора, но и по прекращеніи таковаго, такъ какъ по силѣ ст. 2277 Кодекса искъ *о наемной платѣ за квартиру* можетъ быть предъявляемъ до истеченія пятилѣтней давности, и въ законѣ нѣтъ указанія на то, чтобы юридическій характеръ этого иска, какъ истекающаго изъ договора найма, измѣнялся вслѣдствіи того, что еще до предъявленія иска фактическое дѣйствіе договора прекратилось, а именно вслѣдствіе того, что жилецъ оставилъ уже квартиру. Поэтому, имѣя право предъявить *подобный* искъ въ теченіи установленнаго давностнаго срока, внѣ зависимости отъ того, продолжаетъ ли отвѣтчикъ пребываніе въ квартирѣ, или же оставилъ ее, истецъ, очевидно, можетъ приводить, въ качествѣ доказательства, и фактъ проживанія отвѣтчика въ квартирѣ, продолжающагося или уже прекратившагося. Само собою разумѣется однако, что отъ суда въ каждомъ данномъ случаѣ зависитъ оцѣнять доказательную силу объясненнаго факта по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и обсужденіи доводовъ сторонъ. (*Рѣш. Сен. 70 г. № 38 по д. Лашевскаго съ Вафель и др.*)

1716 ст. Если возникаетъ споръ о наемной платѣ по словесному договору найма, исполненіе котораго уже началось, и нѣтъ росписки въ полученіи оной, то собственникъ *(удостовѣряетъ свое показаніе присягой*[1]*)*, **будe наниматель не предпочтетъ оцѣнки чрезъ свѣдущихъ людей; въ этомъ случаѣ онъ несетъ издержки оцѣнки, если она будетъ превышать цѣну имъ показанную.**

Лишено основанія указаніе истца-кассатора на то, будто бы споръ отвѣтчиковъ противъ самаго размѣра суммы, за какую они нанимали въ его домѣ квартиру, и противъ неуплаты ими этой суммы даже въ той ея части, какую они сами признаютъ слѣдовавшею съ нихъ,—не можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями, а долженъ быть разрѣшенъ силою 1716 ст. Гр. Код., т. е. либо присягою истца-хозяина, которою онъ удостовѣрилъ бы свое показаніе, либо на основаніи оцѣнки черезъ свѣдущихъ людей, если бы отвѣтчикъ-наниматель предпочелъ таковую для подтвержденія имъ показываемаго. Это разсужденіе кассатора неправильно потому, что присяга, въ смыслѣ доказательства по дѣламъ гражданскимъ, возникшимъ въ губерніяхъ Царства Польскаго со времени введенія тамъ въ 1876 году въ дѣйствіе Суд. Устав. 20 ноября 1864 года, отмѣнена еще въ 1875 году при самомъ обнародованіи Положенія 19 февраля этого года—о примѣненіи сихъ уставовъ къ Варш. Суд. Округу (ст. 148), а Выс. утв. мнѣніемъ Госуд. Совѣта 17 мая 1877 года отмѣнена въ числѣ другихъ и самая 1716 ст. Гр. Кодекса. Указаніе же кассатора на нарушеніе съѣздомъ (допросомъ свидѣтелей по вопросу объ уплатѣ квартирной платы по словесному договору найма)—409-й статьи Уст. гр. суд.—подлежащей нынѣ примѣненію и въ губерніяхъ Царства Польскаго на общемъ основаніи съ прочими мѣстностями Имперіи—тогда лишь можно было бы признать основательнымъ,

---

[1] Ср. ст. 148 Пол. о пр. Суд. Уст. къ В. С. Окр.

если бы обстоятельства дѣла, свидѣтелями удостовѣренныя, принадлежали бы къ числу такихъ событій относительно которыхъ свидѣтельскія показанія не допускаются какъ буквальнымъ смысломъ означенной статьи, такъ и послѣдовавшими, въ разъясненіе оной, рѣшеніями Гражд. Кас. Департ. Прав. Сената; между тѣмъ изъ таковыхъ рѣшеній усматривается, напротивъ, что содержаніе не только словесныхъ, но даже и письменныхъ актовъ, коль скоро сіи послѣдніе не совершены или не засвидѣтельствованы въ нотаріальномъ порядкѣ, можетъ быть доказываемо и опровергаемо свидѣтельскими показаніями, и лишь въ томъ случаѣ, когда споръ возникаетъ *объ уплатѣ* по тому договору или обязательству, на основаніи котораго предъявленъ искъ о взысканіи, должно быть различаемо, заключены ли эти договоръ или обязательство *словесно* или же *письменно*, хотя бы и не формальнымъ но лишь домашнимъ порядкомъ; значеніе же этого различія и состоитъ именно въ томъ, что *только противъ письменнаго условія* нельзя возражать заявленіемъ объ уплатѣ по оному, подтверждаемымъ не письменнымъ же доказательствомъ, а лишь ссылкою на *свидѣтелей,* ибо такое возраженіе равнялось бы доказыванію ихъ показаніями *уничтоженія* того права, которое содержится въ неуничтоженномъ еще письменномъ *актѣ*; при отсутствіи же письменнаго договора и *платежъ денегъ* можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями. (*Рѣш. Сен. 1884 г. по д. Нетребы съ Надборными*).

1728 ст. **Наниматель имѣетъ двѣ главныя обязанности:**

1) Пользоваться вещью, въ наемъ ему отданною, какъ заботливый хозяинъ, и сообразно съ тѣмъ назначеніемъ, на которое она ему была отдана, или, при отсутствіи о томъ соглашенія, сообразно съ назначеніемъ, которое слѣдуетъ предполагать по обстоятельствамъ найма;

2) Вносить наемную плату въ условленные сроки.

Одинъ только фактъ оставленія квартиры нанимателемъ

не можетъ еще служить, самъ по себѣ, полнымъ доказательствомъ того, что заключенный между нимъ и домовладѣльцемъ договоръ найма со стороны его, нанимателя, исполненъ, и что всѣ юридическія отношенія, истекающія изъ сего договора, уже прекратились. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 37 по д. Лашевскаго съ Вафель и др*).

1743 ст. Если наймодавецъ продаетъ вещь, въ наемъ отданную, то пріобрѣтатель не можетъ удалить арендатора либо наемщика, имѣющаго оффиціальный актъ найма, либо частный актъ, день совершенія котораго достовѣренъ, развѣ бы наймодавецъ удержалъ это право за собою по договору найма.

Пріобрѣтатель недвижимаго имущества въ отношеніи къ арендному контракту, заключенному прежнимъ собственникомъ, очевидно является третьимъ лицомъ, поэтому, на осн. 1328 ст. Код., нельзя не признать, что въ отношеніи къ нему домашніе аредные контракты не могутъ пріобрѣтать опредѣленнаго числа ни вслѣдствіе владѣнія, предшествовавшаго продажѣ, ни вслѣдствіе того, что пріобрѣтатель зналъ объ этомъ владѣніи или о существованіи контракта, иначе, въ нарушеніе правила ст. 1328 Кодекса, вмѣсто установленныхъ ею точно опредѣленныхъ письменныхъ доказательствъ, исключительно допускаемыхъ для удостовѣренія обязательности для третьихъ лицъ времени заключенія договора, пришлось бы допустить доказательство чрезъ свидѣтелей или иными, неуказанными въ ст. 1328, способами факта владѣнія арендатора или факта знанія покупателя. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 75 по д. Гонсовскаго и Носсальскаго съ кресть. Пожарикомъ и др.*).

Изъ того обстоятельства, что въ ст. 1743 означены лишь тѣ арендаторы и наниматели, которыхъ новый пріобрѣтатель можетъ удалить,—а удалить можно лишь такое лицо, которое владѣетъ,—невозможно выводить обязательность для новаго пріобрѣтателя всѣхъ домашнихъ арендныхъ контрактовъ,

по которымъ *не*[1]) началось владѣніе. Это можетъ привести лишь къ тому убѣжденію, что статьею этою не разрѣшается прямо вопросъ объ обязательности для новаго пріобрѣтателя такихъ арендныхъ контрактовъ, нотаріальныхъ и домашнихъ съ опредѣленнымъ числомъ въ смыслѣ ст. 1328, по которымъ до продажи не началось еще владѣніе (*Тоже рѣшеніе*).

Постановленія Гражданскаго Кодекса не признаютъ, что владѣніе по арендному контракту сообщаетъ этому контракту силу вещнаго права, обязательнаго для третьихъ лицъ, какъ это установлено законодательствомъ италіанскимъ и нѣкоторыхъ другихъ государствъ. Начало исполненія по контракту о наймѣ или арендѣ, поэтому и владѣніе имуществомъ по контракту, имѣетъ вліяніе на право нанимателя или арендатора только въ двухъ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 1715 и 1716 Кодекса, и то въ отношеніи къ наймодателю, а не въ отношеніи къ третьимъ лицамъ. (*Тоже рѣшеніе*).

Ни въ ст. 1743, ни въ другихъ статьяхъ Гражд. Кодекса примѣненіе правила объ обязательности контрактовъ о наймѣ или арендѣ для новаго пріобрѣтателя не поставлено въ зависимость отъ добросовѣстности новаго пріобрѣтателя въ томъ смыслѣ, что для него обязательны всѣ контракты о существованіи которыхъ онъ зналъ до пріобрѣтенія имѣнія, въ какой бы формѣ и въ какое бы число контракты эти не были заключены. Напротивъ того, необходимо придти къ заключенію, совершенно противоположному, что по точному смыслу ст. 1743 для новаго пріобрѣтателя обязательны и всѣ означенные въ этой статьѣ контракты, о существованіи которыхъ онъ не зналъ до продажи ему недвижимаго имущества, если только въ формальномъ отношеніи они соотвѣтствуютъ требованіямъ этой статьи. (*Тоже рѣшеніе*).

---

[1]) Въ подлинномъ рѣшеніи частичка *не* вѣроятно по ошибкѣ пропущена. Прим. состав.

Контракты о срочномъ наймѣ или арендѣ, по существу своему, принадлежатъ къ ограниченіямъ права собственности, поэтому можно было бы предположить, что и эти контракты, для того, чтобы имѣть силу общественной достовѣрности по отношенію къ третьимъ лицамъ, подлежатъ внесенію въ ипотечныя книги. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что ни въ ст. 43, исчисляющей ограниченія права собственности, ни въ ст. 44, исчисляющей вѣчныя обремененія, ни во всемъ Ипотечномъ Уставѣ не упоминается о срочныхъ арендныхъ контрактахъ; изъ этого нельзя не вывести заключенія, что внесеніе въ ипотечную книгу срочныхъ контрактовъ объ арендѣ или наймѣ недвижимыхъ имуществъ, хотя не воспрещается въ случаѣ желанія заключившихъ договоръ сторонъ, но не требуется Ипотечнымъ Уставомъ, что поэтому вопросъ объ обязательности для третьихъ лицъ, въ томъ числѣ для новаго пріобрѣтателя имѣнія, срочныхъ арендныхъ контрактовъ не можетъ быть разрѣшенъ на основаніи правилъ Ипотечнаго Устава и что, въ отношеніи къ этимъ контрактамъ, законы, дѣйствовавшіе до изданія Ипотечнаго Устава, остались въ своей силѣ, въ томъ числѣ и ст. 1743 Гр. Кодек. *(Тоже рѣшеніе)*.

1759 ст. Если наемщикъ дома или квартиры, по окончаніи срока найма, заключеннаго на письмѣ, продолжаетъ ими пользоваться безъ препятствія въ томъ со стороны наймодавца, то подразумѣвается, что онъ остается въ нихъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ на время опредѣляемое мѣстными обычаями, и не можетъ ни оставить помѣщенія, ни быть изъ него удаленъ иначе, какъ послѣ отказа сдѣланнаго въ срокъ, опредѣляемый мѣстными обычаями.

Въ правилахъ Кодекса о наймѣ домовъ и сельскихъ имѣній, а равно и въ особыхъ правилахъ о наймѣ домовъ,—вовсе не выражено того правила, что, при продолженіи пользованія по окончаніи срока найма, заключеннаго на письмѣ, вновь воз-

никшій на тѣхъ же условіяхъ договоръ почитается, по истеченій каждаго квартала, прекращеннымъ. *(Рѣш. Сената 80 г. № 37 по д. Лашевскаго съ Вафель и др.).*

1784 ст. Возчики отвѣчають за утрату и поврежденіе ввѣренныхъ имъ вещей, развѣ докажутъ, что вещи тѣ утрачены или повреждены вслѣдствіе случайнаго событія или непреодолимой силы.

Точное содержаніе ст. 1784 кодекса не оставляетъ сомнѣнія, что виновность возчика всегда предполагается. Такое предположеніе вытекаетъ изъ того, что обязанность возвращенія грузоотправителю принятыхъ отъ него для перевозки предметовъ вытекаетъ уже изъ существа договора перевозки (ст. 1782 и 1942 Код.); слѣдовательно, если возчикъ, не смотря на предъявленное къ нему требованіе, не возвращаетъ ввѣренныхъ ему вещей, то онъ, по силѣ 366 ст. Уст. гражд. суд., долженъ доказать, что имѣетъ на это законное основаніе. Поэтому, и въ тѣхъ случаяхъ, когда заключено условіе объ ограниченной отвѣтственности за утрату груза, нѣтъ основанія освобождать возчика отъ упомянутой обязанности и тягость доказательства виновности возчика, въ семъ случаѣ, возлагать на грузоотправителя *(Рѣш. Сен. 72 г. № 105 по д. Рос. Общ. страх. съ Гл. Общ. Рос. жел. дор.).*

Освобождать желѣзныя дороги отъ обязанности доказывать наличность законнаго основанія невыдачи ими грузовъ грузоотправителямъ тѣмъ менѣе представляется основаній, что обязанность стараться о сбереженіи поклажи, по 1927 ст. Код., возникаетъ со времени ея принятія, а какъ утрата груза можетъ послѣдовать на мѣстѣ отправленія, въ пути и въ мѣстѣ назначенія груза, грузоотправитель же можетъ узнать о томъ только въ мѣстѣ, обусловленномъ для полученія груза обратно, когда, по предъявленіи квитанціи, ему будетъ отказано въ выдачѣ по этой причинѣ клади, то требовать отъ грузоотправителя доказательствъ виновности желѣзной дороги въ утратѣ значило бы возлагать на него обязанность выяснить

время, мѣсто и обстоятельства пропажи груза, что, по значительности расходовъ и по другимъ затрудненіямъ, для него можетъ быть совершенно невыполнимо. Возложеніе на грузоотправителя такой обязанности было бы почти равносильно созданію полной безотвѣтственности, въ сихъ случаяхъ, желѣзной дороги.—Напротивъ того, эта послѣдняя, имѣя на всемъ протяженіи не только своихъ агентовъ, но и особую желѣзно-дорожную полицію, учрежденную именно съ цѣлью оказывать ей немедленное и всевозможное содѣйствіе въ нужныхъ случаяхъ (711 ст. Т. XII Уст. пут. сооб. по прод. 76 г.), и препровождая грузы при своихъ служащихъ, поставлена въ полную возможность своевременно обнаружить пропажу, принять мѣры къ отысканію груза, а въ случаѣ похищенія онаго, къ обнаруженію какъ обстоятельствъ, при которыхъ это послѣдовало, такъ и виновныхъ въ томъ лицъ и къ привлеченію этихъ послѣднихъ къ законной отвѣтственности. *(Тоже рѣшеніе).*

1834 ст. Всякій договоръ товарищества долженъ быть заключенъ письменно, если предметъ товарищества превышаетъ стоимость ста пятидесяти франковъ.

Доказательство посредствомъ свидѣтелей недопускается ни противъ содержанія акта, ни относительно того, чего въ немъ не содержится, ни въ подтвержденіе того, что якобы говорилось до совершенія, или во время и послѣ совершенія акта, хотя бы дѣло шло о суммѣ или цѣнности менѣе ста пятидесяти франковъ.

Ст. 1834 кодекса, предписывая, что договоръ товарищества долженъ быть заключенъ письменно, допускаетъ представленіе, въ подтвержденіе существованія договора товарищества, всякаго рода письменныхъ доказательствъ. *(Рѣш. Сен. 80 г. № 280 по д. Новицкихъ съ Варшавскимъ).*

1895 ст. Обязательство, возникающее изъ денежнаго займа, обнимаетъ собою только числовую сумму, обозначенную въ договорѣ. Если до наступленія срока платежа послѣдовало увеличеніе или уменьшеніе цѣнности де-

нежныхъ знаковъ, то должникъ обязанъ отдать только взятую въ заемъ числовую сумму и притомъ монетою, находящеюся въ обращенiи во время платежа.

Въ Гражданскомъ Кодексѣ имѣется такая каттегорiя консенсуальныхъ сдѣлокъ, для которыхъ законъ или *преимущественно* указываетъ на письменную форму (ст. 1834, 2074, 1984, 1985), либо установляетъ исключительно *одну* письменную форму (ст. 1250, 1253, 1255, 1256, 1895, 1907, 1908 и 2044); по отношенiю къ сдѣлкамъ, совершаемымъ, въ силу этого закона, не иначе, какъ на письмѣ, *доказательство посредствомъ свидѣтелей и предположенiй*, на осн. ст. 148 Пол. 19 февр. 75 г., очевидно *не можетъ быть допущено*, и притомъ не можетъ служить удостовѣренiемъ не только совершенiя самой сдѣлки, но и долга, изъ оной возникшаго. Что касается *платежа* долга по договорнымъ сдѣлкамъ вообще, то новый законъ не коснулся вопроса о томъ, какимъ порядкомъ онъ долженъ быть удостовѣряемъ, и, слѣдовательно, не отмѣнилъ дѣйствовавшаго до того въ практикѣ начала, согласно которому, какое доказательство требуется для удостовѣренiя существованiя долга, такое нужно и для удостовѣренiя платежа, и на оборотъ, новый законъ не отмѣнилъ также и юридическаго правила „*lettres passent témoins*", въ силу котораго платежъ долга по всякой сдѣлкѣ, хотя бы и не требующей по кодексу письменной формы, но облеченной тѣмъ не менѣе добровольно въ письменный актъ, находящiйся въ рукахъ кредитора,—требуетъ для удостовѣренiя онаго письменнаго же акта; слѣдовательно, это правило должно оставаться неприкосновеннымъ, тѣмъ болѣе, что, въ примѣненiи къ денежнымъ платежамъ, оно подтверждено и въ кассацiонной практикѣ Имперiи, установившей оное не въ силу той или другой статьи 1 ч. X. тома, а въ разъясненiе подлежащихъ статьей Устава гражд. судопр., дѣйствующихъ теперь въ Варшав. суд. округѣ (74 г. № 254, 77 г. № 183, 82 г. № 3). Изъ спецiальныхъ постановленiй Гр. Кодекса, касающихся консенсуальныхъ сдѣлокъ, ст. 1895, 1907 и 1908 относятся къ договору денежнаго *займа*.—Хотя въ

этихъ законахъ обязательность письменной формы совершенія займа каттегорически выражена не вполнѣ, а только частью, именно только въ отношеніи опредѣленія количества договорныхъ процентовъ (ст. 1907), но это обстоятельство не можетъ служить препятствіемъ къ признанію обязательности *письменной* формы и при соглашеніи о займѣ капитала. Положеніе это подтверждается тѣмъ, что, если законъ (ст. 1907), для опредѣленія процентовъ, т. е. меньшей части долга, требуетъ письменной формы, то на одномъ этомъ основаніи слѣдуетъ уже заключить, что законъ тѣмъ болѣе признаетъ эту форму необходимою и для большей части долга, т. е. капитальной по займу суммы; ибо, въ противномъ случаѣ, слѣдовало бы признать, что по иску, основанному на одномъ и томъ же договорѣ словеснаго займа, судъ можетъ присудить главную часть требованія, относящуюся къ капитальному долгу, безъ всякаго документа, и въ то же время отказать, за непредставленіемъ документа, въ сравнительно ничтожномъ требованіи процентовъ, составляющихъ обыкновенную принадлежность займа. Правильность этого взгляда явствуетъ и изъ буквальныхъ выраженій французскаго текста 1895 ст. и изъ общаго смысла закона, выведеннаго изъ сопоставленія означенной ст. 1895 съ ст. 1896, 1897 и 1908. Содержаніе сей послѣдней статьи, въ которой изображено, что „росписка въ полученіи капитала, данная безъ оговорки о процентахъ, влечетъ за собою предположеніе о томъ, что они уплочены, и имѣетъ слѣдствіемъ освобожденіе отъ платежа ихъ",—указываетъ также на признакъ письменной формы займа: въ ней говорится *о роспискѣ* въ платежѣ *капитальнаго* долга, что, конечно, объясняется только тѣмъ, что, по общему началу, для удостовѣренія погашенія долга необходимо такое же доказательство, какое нужно для удостовѣренія его существованія. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что, при наличности въ Гражданскомъ Кодексѣ особыхъ постановленій о письменной формѣ для денежнаго займа, заемъ этотъ, долгъ, изъ него возникшій, и платежъ этого долга, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ быть удостовѣряемы свидѣтель-

скими показаніями и предположеніями. (*Рѣш. Сен. 84 г. № 13 по д. Девонискаго съ Тоболовскимъ и Фридманомъ*).

1965 ст. Законъ не предоставляетъ права иска о долгахъ по игрѣ и о платежѣ пари.

Въ виду того, что биржевая игра воспрещена закономъ (ст. 1133 и 1965 код.), долговая росписка, проистекающая изъ биржевой игры, имѣетъ въ виду обойдти законъ (*in fraudem legis*), поэтому возраженіе отвѣтчика о происхожденіи росписки изъ биржевой игры должно быть отнесено къ числу предусмотрѣнныхъ въ 1353 ст. Кодекса споровъ по причинѣ обмана (*Рѣш. Сен. 80 г. № 85 по д. Лихтенберга съ Гольдеринґомъ*).

По общему понятію о пари, это такое соглашеніе, которое, имѣя всѣ внѣшніе признаки договора, вызывается не дѣйствительными и серьезными потребностями жизни, а прихотью или страстью, и въ которомъ стремленіе достигнуть извѣстнаго результата лишь путемъ риска составляетъ единственный мотивъ соглашенія. Этимъ отличительнымъ свойствомъ пари только и можно объяснить, почему французскій гражданскій кодексъ, относя пари къ числу рисковыхъ договоровъ и признавая за другими рисковыми же договорами право на покровительство закона, требованіямъ, возникающимъ изъ пари, на равнѣ съ игрою, отказываетъ въ защитѣ со стороны суда (ст. 1965). Очевидно, что въ этомъ законѣ выразилось нежеланіе законодателя покровительствовать сдѣлкамъ пари вслѣдствіе отсутствія серьезности въ ихъ содержаніи, вслѣдствіе ничтожности интереса, представляемаго ими для гражданской жизни общества. Посему, для того, чтобы подвести какой либо договоръ подъ дѣйствіе этого закона, необходимо, чтобы онъ обладалъ именно этими свойствами. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 57 по д. Горбута съ Грживачемъ*).

1985 ст. Полномочіе можетъ быть дано посредствомъ оффиціальнаго либо частнаго акта, или же простымъ письмомъ. Оно можетъ быть также дано словесно; но доказательство посредствомъ свидѣтелей допускается по отношенію къ нему не иначе, какъ сообразно правиламъ, из-

ложеннымъ въ раздѣлѣ *о договорахъ или обязательствахъ по взаимному соглашенію вообще.*

Принятіе полномочія можетъ быть также безмолвное и вытекать изъ самаго исполненія повѣреннымъ порученныхъ дѣйствій.

Хотя по ст. 1985 дѣйствующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго Гражданскаго Кодекса довѣренность всякому лицу, могущему быть повѣреннымъ, можетъ быть дана въ формѣ частнаго акта, но это правило вовсе не препятствуетъ примѣненію ст. 247 Уст. гр. суд. (требующей довѣренностей, засвидѣтельствованныхъ въ установленномъ порядкѣ, для лицъ, не состоящихъ въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ), такъ какъ, на осн. 249 ст. Пол. о пр. Суд. Уст. къ В. С. Окр., оно, какъ несогласное съ этимъ узаконеніемъ, должно считаться отмѣненнымъ относительно веденія дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ и сохранившимъ силу лишь для дѣйствій внѣ-судебныхъ. *(Рѣш. Сен. 83 г. № 58 по д. Шпмистера съ Пудерами).*

2044 ст. Мировая сдѣлка есть договоръ, по которому стороны прекращаютъ споръ, уже возникшій, или предупреждаютъ споръ, могущій возникнуть.

Мировая сдѣлка, заключенная въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, дѣйствительна, хотя бы она касалась такого предмета, который по роду своему не подвѣдомъ этимъ установленіямъ. Выводъ этотъ сдѣланъ въ силу того соображенія что ни въ ст. 2053—2057 Код. Нап.,—въ коихъ указаны случаи недѣйствительности мировыхъ сдѣлокъ, ни въ ст. 1357 Уст. гр. суд. и послѣд.,—не значится того, что мировая сдѣлка почитается недѣйствительною, если она относится къ предмету, неподсудному тому суду, предъ которымъ она послѣдовала. *(Рѣш. Сен. 81 г. № 27 по д. Дрижнюса съ Соколовскимъ).*

2073 ст. Закладъ предоставляетъ кредитору право получить удовлетвореніе изъ цѣнности вещи, составляющей предметъ заклада, съ привилегіею и преимуществомъ предъ кредиторами.

Толкованіе 2073 ст. Код. въ томъ смыслѣ, что кредиторъ,

долговая претензія коего обезпечена закладомъ, въ случаѣ неисполненія должникомъ обязательства имѣетъ право требовать удовлетвореніе *исключительно* изъ стоимости заклада, а если бы вырученная отъ продажи заклада сумма была недостаточна для покрытія долга, то не можетъ уже обращать взысканіе на прочее имущество должника,—подобное толкованіе представляется неправильнымъ въ виду слѣдующихъ соображеній: 1) что по договору займа (ст. 1892 Код.) должникъ обязанъ возвратить кредитору полученное отъ него количество вещей того же рода и качества; 2) если подобное личное обязательство обезпечено залогомъ (ст. 2071 и 2072), то договоръ залога составляетъ лишь обязательство придаточное, установляющее для кредитора вещную гарантію, цѣль коей состоитъ въ увеличеніи, а не въ ослабленіи или уничтоженіи силы и дѣйствія обязательства главнаго; 3) что ст. 2073 даетъ кредитору привилегію на заложенной вещи, но не ограничиваетъ его, кредитора, правомъ получить удовлетвореніе долга *исключительно* и только изъ стоимости заклада, а равно и не освобождаетъ должника отъ тѣхъ обязанностей, которыя вытекаютъ для него изъ главнаго обязательства (ст. 1902 код.); и 4) что продажа заклада съ публичныхъ торговъ не указана въ числѣ способовъ прекращенія обязательствъ (ст. 1234 код.); а посему, если при продажѣ заклада съ публичныхъ торговъ, вырученная сумма оказалась бы недостаточною на покрытіе долга, то главное обязательство симъ не уничтожается, а кредиторъ, по точному смыслу вышеприведенныхъ статей Гражд. Кодекса, имѣетъ право требовать удовлетворенія и изъ прочаго имущества должника, на основаніи общихъ правилъ о взысканіи долговъ. (*Рѣш. Сен. 79 г., № 328 по д. Сарны съ Рязановымъ*).

2074 ст. Эта привилегія (по удовлетворенію изъ цѣнности заклада) существуетъ лишь тогда, когда есть актъ, оффиціальный либо частный, въ которомъ обозначено количество долга, а равно родъ и свойство отданныхъ въ закладъ вещей, или къ которому приложена опись ихъ съ обозначеніемъ качества, вѣса и мѣры.

Однако составленіе письменнаго акта требуется только по предметамъ, цѣнность которыхъ превышаетъ сто пятьдесятъ франковъ.

Статья 2074 Кодекса, какъ не показанная отмѣненною ни въ ст. 148 Пол. о пр. Суд. Уст. къ В. С. О., ни въ Выс. утв. 18 мая 77 г. мн. Гос. Сов. о согласованіи содержащихся въ Уставѣ гр. судопр. правилъ о доказательствахъ съ дѣйствующими въ губ. Ц. Польскаго гражданскими законами, осталась въ своей силѣ и по введеніи, въ губерніяхъ Царства Польскаго Судебныхъ Уставовъ 1864 года. *(Рѣш. Сен. 1879 г. № 322 по д. Масленниковой съ Пейсакомъ и Свецъ).*

Буквальное содержаніе ст. 2074 кодекса показываетъ, что представленіе письменнаго акта требуется лишь отъ кредитора, отыскивающаго удовлетвореніе своей претензіи изъ цѣнности заложенныхъ вещей, преимущественно предъ другими кредиторами (ст. 2073 код.), и что вслѣдствіе сего собственникъ заложенныхъ вещей можетъ во исполненіе договора заклада отыскивать отъ кредитора самыя вещи, или ихъ стоимость, и безъ представленія письменнаго акта. *(Тоже рѣшеніе).*

2261 ст. Давность считается наступившею съ истеченіемъ послѣдняго дня срока.

По общему коренному началу, давность исчисляется не со времени заключенія обязательства, но съ момента когда возникло право требовать исполненія его; заключеніе же Съѣзда о томъ, что долгъ въ суммѣ, *признанной* отвѣтчикомъ, не подлежитъ удовлетворенію въ силу 2272 ст. за давностью, неправильно, какъ противное точному разуму 112 ст. Уст. гр. суд. *(Рѣш. Сен. 83 г. по д. Рацлава съ Грабинскимъ, не вошедшее въ сборникъ).*

2271 ст. Иски рабочихъ и наемниковъ о платежѣ имъ за рабочіе дни, за поставки и объ уплатѣ имъ жалованья—подлежатъ шестимѣсячной давности.

Артель, представляющаяся по характеру своей дѣятельности предпринимателемъ для производства работъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подведена подъ понятіе поденщи-

ка или простаго рабочаго, о коихъ говоритъ ст. 2271 Кодекса. Въ тоже время, отыскиваемое артелью вознагражденіе за работы не можетъ быть названо ни поденною платою, ни жалованьемъ. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 207 по д. Варшав. Тамож. Артели*).

2280 ст. **Если владѣющій похищенною или потерянною вещью купилъ ее на ярмаркѣ, или на рынкѣ, или съ публичныхъ торговъ, или у торговца, продающаго подобныя вещи, то первоначальный собственникъ можетъ требовать ея возвращенія не иначе, какъ уплативъ владѣльцу сумму, въ какую вещь ему обошлась.**

Покупка банкиромъ или мѣнялою въ своей конторѣ или мѣняльной лавкѣ похищенной или потерянной вещи не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, какія имѣетъ въ виду ст. 2280 Гр. Кодекса. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 171 по д. Рудницкой съ Вильчинскимъ*).

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ

ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО 1825 г.

ПОЛОЖЕНІЕ О СОЮЗѢ БРАЧНОМЪ

1836 г.

ИПОТЕЧНЫЙ УСТАВЪ 1818 ГОДА,

ЗАКОНЪ О ПРИВИЛЕГІЯХЪ И ИПОТЕКАХЪ

И

ТОРГОВЫЙ КОДЕКСЪ.

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ

ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО 1825 ГОДА.

1 ст. Законы получаютъ обязательную силу во всемъ Царствѣ Польскомъ со дня, слѣдующаго за ихъ обнародованіемъ.

Статья эта за воспослѣдованіемъ Высоч. Указа 23 Марта 1871 года о распространеніи на губерніи Царства Польскаго общаго въ Имперіи порядка обнародованія законовъ, потеряла свою силу. *(Рѣш. Сен. 78 г. № 1 по д. Шимановскаго съ Страхов. Общ. „Якорь"*.

Ст. 188. Споры о недѣйствительности по недостатку законнаго уполномочія могутъ быть возбуждаемы только женою, мужемъ, или ихъ наслѣдниками, и то въ томъ лишь случаѣ, когда мужъ, зная о дѣйствіи жены, ни положительно, ни безмолвно такого дѣйствія не утвердилъ.

По ст. 184 Гр. Ул. 25 г., уполномочіе женѣ на вступленіе въ гражданскія сдѣлки можетъ быть дано мужемъ лишь въ двухъ формахъ, а) въ формѣ личнаго содѣйствія посредствомъ соучастія мужа въ самомъ актѣ въ качествѣ лица уполномочивающаго, или въ качествѣ договаривающейся стороны и б) въ формѣ предварительнаго дозволенія на совершеніе той или другой сдѣлки. Статья эта — 184 Гр. Ул. 25 г.—соотвѣтствуетъ 217-й ст. Кодекса Наполеона, но затѣмъ въ ст. 188-й Гражд. Уложеніе Ц. Польск. 25 года, дѣйствующее въ губерніяхъ Царства Польскаго взамѣнъ 1-й книги Кодекса Наполеона, сдѣлало касательно формъ уполномочія весьма существенное отъ правилъ Наполеонова Кодекса отступленіе. По ст. 188 Гр. Улож. 25 года, споры о недѣйствительности по недостатку законнаго

уполномочія могутъ быть возбуждаемы указанными въ той же статьѣ лицами и то *въ томъ лишь случаѣ, когда мужъ, зная о дѣйствіи жены, ни положительно, ни безмолвно такого дѣйствія не утвердилъ.* Подчеркнутыя слова, въ ст. 188 Гр. Ул. 25 года, составляютъ добавку противъ редакціи ст. 225 Код. Наполеона, въ коей сихъ словъ не заключается, а изъ этого добавленія слѣдуетъ, что Гр. Ул. 25 года (какъ то видно и изъ оффиціальной объяснительной къ нему записки), кромѣ уполномочія, даваемаго при самомъ совершеніи сдѣлки, и кромѣ письменнаго дозволенія, предшествующаго сдѣлкѣ, допустило еще и уполномочіе или одобреніе послѣдующее, т. е. данное уже по совершеніи замужнею женщиною того или другаго акта безъ уполномочія мужа, въ формахъ ст. 184 предписанныхъ, причемъ, по смыслу той же 188 ст., допускаемое Гражданскимъ Уложеніемъ 1825 года, послѣдующее уполномочіе или одобреніе можетъ быть дано не только въ формѣ положительной, но даже и въ формѣ безмолвной. Въ виду этаго послѣдняго обстоятельства свидѣтельскія показанія—по 409 ст. Уст. гр. суд.—о фактѣ послѣдующаго одобренія дѣйствій жены должны быть допускаемы. *(Рѣш. Сен. 81 г. № 153 по д. Заорскаго съ Вырочкими).*

Ст. 196. Искъ, относящійся къ правамъ жены, не можетъ быть начатъ мужемъ, безъ ея на то согласія или привлеченія ея къ дѣлу. Подобный искъ не можетъ быть начатъ третьимъ лицемъ иначе, какъ посредствомъ вызова обоихъ супруговъ.

Производство дѣла противъ замужней женщины безъ вызова ея по 196 ст. Гр. Ул. 1825 года, вмѣстѣ съ мужемъ, должно считаться недѣйствительнымъ, поэтому судъ 2-й инстанціи, усмотрѣвъ изъ исковаго прошенія, что отвѣтчица замужняя и сама, слѣдовательно, не способна, по силѣ 17-й ст. Уст. гр. суд., къ защитѣ своихъ правъ, не вправѣ, по смыслу 3 п. 584 ст. Уст. гр. суд., принимать такое дѣло къ разсмотрѣнію въ существѣ. *(Рѣш. Сен. 78 г. № 251 по дѣлу Дуцкой съ Киселевской).*

Ст. 233. Если нѣтъ дѣтей, но есть родственники умершаго супруга до четвертой степени включительно, оставшійся супругъ получаетъ четвертую часть наслѣдства въ собственность. Если бы не было родственниковъ этой степени, то къ оставшемуся въ живыхъ супругу переходитъ въ собственность половина наслѣдства.

Случай, когда все имущество умершаго супруга переходитъ въ собственность оставшагося въ живыхъ супруга, опредѣляется въ раздѣлѣ о наслѣдованіи.

Хотя по Гражданскому Кодексу (ст. 723) пережившій супругъ не отнесенъ къ числу законныхъ наслѣдниковъ умершаго супруга, но въ этомъ отношеніи Гражданскій Кодексъ подвергся измѣненію закономъ позднѣйшимъ, именно ст. 233 Гр. Ул. 25 года, въ томъ смыслѣ, что пережившій супругъ принадлежитъ къ числу законныхъ наслѣдниковъ умершаго супруга, если послѣдній не оставилъ послѣ себя дѣтей, такъ какъ, по ст. 233 Гр. Ул. 25 года, если нѣтъ дѣтей, а есть родственники умершаго супруга, то оставшійся въ живыхъ супругъ получаетъ означенную въ этой статьѣ часть наслѣдства въ собственность. *(Рѣш. Сен. 80 г. № 108 по д. Нейфельдтъ съ Клабскими).*

Ст. 422. Опекунъ долженъ имѣть попеченіе объ особѣ несовершеннолѣтняго, заступать его во всѣхъ гражданскихъ дѣйствіяхъ, исключая тѣхъ, которыя, по закону, должны быть совершаемы лично или которыя самому несовершеннолѣтнему дозволены закономъ и долженъ управлять имуществомъ несовершеннолѣтняго какъ заботливый хозяинъ.

Требованіе опекуна къ содержателю учебнаго заведенія о передачѣ ему помѣщеннаго въ заведеніи несовершеннолѣтняго можетъ быть предметомъ гражданскаго иска по слѣдующимъ соображеніямъ. На основаніи 1-й ст. Уст. гр. суд., „всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій.“ Въ приведенной статьѣ высказывается общее начало о томъ, что гражданскій судъ имѣетъ своею цѣ-

лью охраненіе и возстановленіе гражданскихъ правъ. Права опекуна въ отношеніи несовершеннолѣтняго опредѣляются гражданскимъ уложеніемъ, а потому должны быть признаны гражданскими правами. На опекунѣ, согласно 422 ст. Граж. Уложенія, лежитъ обязанность имѣть попеченіе объ особѣ несовершеннолѣтняго. Для исполненія этой обязанности опекунъ имѣетъ право помѣщать несовершеннолѣтняго въ учебныя заведенія и брать его изъ этихъ заведеній. Вслѣдствіе сего опекунъ имѣетъ также право обратиться въ гражданскій судъ съ искомъ о понужденіи содержателя заведенія передать ему несовершеннолѣтняго. Мнѣніе, полагающее, что опекунъ не можетъ предъявить въ судѣ требованія о передачѣ несовершеннолѣтняго въ виду того, что постановленіе суда о выдачѣ лица не можетъ быть приведено въ исполненіе ни однимъ изъ способовъ, указанныхъ въ Уставѣ гражд. судопроизводства,—мнѣніе это не можетъ быть признано правильнымъ. Всякое гражданское право можетъ быть предметомъ гражданскаго иска, независимо отъ того, можетъ ли судебное рѣшеніе, удовлетворяющее искъ, быть приведено въ исполненіе однимъ изъ способовъ, указанныхъ въ Уст. гр. судопр. (рѣш. Сен. 74 г. №№ 307 и 900, 1879 г. № 236). Вообще Уставъ гражд. судопр. предусматриваетъ лишь наиболѣе встрѣчающіеся въ практикѣ способы исполненія рѣшенія и не касается приведенія въ исполненіе рѣшеній по многимъ искамъ, о которыхъ упоминается въ томъ же уставѣ, какъ, напримѣръ, по искамъ объ охраненіи нарушеннаго владѣнія (4 п. 29 ст.), о правѣ участія частнаго (5 п. 29 ст.), по спорамъ о привилегіяхъ (ст. 349), по дѣламъ брачнымъ (ст. 1337, 1345), и о законности рожденія. *(Рѣш. Сен. 81 г. № 66 по д. Крупе съ Ясинской).*

Общій смыслъ всѣхъ статей Гражд. Уложенія объ опекѣ приводитъ къ тому заключенію, что семейный совѣтъ составляетъ опекунское установленіе, которому предоставлено наблюденіе за исполненіемъ опекуномъ всѣхъ лежащихъ на немъ по закону обязанностей, и что посему опекунъ подчи-

немъ семейному совѣту не только по управленію имуществомъ, но и въ отношеніи попеченія о лицѣ несовершеннолѣтняго. (*Тоже рѣшеніе*).

Ст. 424. Опекунъ не можетъ ни покупать собственности несовершеннолѣтняго, ни брать ее въ арендное содержаніе или наемъ, развѣ бы семейный совѣтъ уполномочилъ опекуна—блюстителя заключить съ нимъ договоръ объ арендномъ содержаніи имущества или наймѣ; онъ не можетъ также пріобрѣтать, посредствомъ уступки, какого либо права или долговаго обязательства противъ лица, состоящаго подъ его опекой.

Однако опекунъ, если онъ изъ восходящихъ родственниковъ несовершеннолѣтняго, можетъ съ публичныхъ торговъ покупать имущества, принадлежащія сему послѣднему.

Такъ какъ дѣятельность какъ главнаго опекуна, такъ и опекуна-блюстителя должна быть направлена къ одной и той же цѣли: *къ огражденію интересовъ несовершеннолѣтняго* по завѣдыванію учрежденною надъ нимъ опекою, то, коль скоро представляется несогласнымъ съ этою цѣлью пріобрѣтеніе главнымъ опекуномъ имѣнія подопечнаго, то въ той же степени несовмѣстимо съ дѣятельностью опекуна-блюстителя пріобрѣтеніе имъ этого имѣнія. (*Рѣш. Сен. 84 г. № 18 по д. насл. Влодковскаго съ Якобзеномъ*). (*Подробныя соображенія этого рѣшенія приведены подъ ст. 1596 кодекса*).

Ст. 436. Семейный совѣтъ не можетъ разрѣшить отчужденіе недвижимыхъ имѣній несовершеннолѣтняго другимъ способомъ, какъ посредствомъ продажи ихъ съ публичнаго торга, которая должна быть произведена на основаніи правилъ Уст. гражд. суд., въ присутствіи опекуна-блюстителя.

Если изъ соображенія статей Гражд. Код. 1825 года, содержащихъ въ себѣ общее опредѣленіе обязанности опекуна-блюстителя (ст. 389—397), оказывается, что существо этой обязанности заключается въ надзорѣ за дѣятельностью глав-

наго опекуна, который и есть дѣйствительный представитель несовершеннолѣтняго во всѣхъ гражданскихъ дѣйствіяхъ (ст. 422), причемъ опекунъ-блюститель тогда только представляетъ самостоятельно несовершеннолѣтняго, когда интересы несовершеннолѣтняго находятся въ противорѣчіи съ интересами главнаго опекуна,—то изъ сего законнаго опредѣленія характера обязанностей опекуна-блюстителя еще не слѣдуетъ тотъ выводъ, что въ производствѣ о раздѣлѣ и продажѣ недвижимаго имѣнія несовершеннолѣтняго, въ которомъ, согласно закону, опекунъ-блюститель принимаетъ личное участіе, присутствуя на публичной продажѣ (ст. 436, 437 Гр. Ул.),—такое участіе опекуна-блюстителя, хотя бы въ видѣ контроля надъ дѣйствіемъ главнаго опекуна, должно ограничиваться формальнымъ присутствіемъ перваго на торгахъ, безъ всякаго съ его стороны дѣйствительнаго вмѣшательства въ дѣло, несмотря на то, что интересы малолѣтняго видимо страдаютъ отъ неправильныхъ дѣйствій главнаго опекуна. Такое узкое пониманіе участія опекуна-блюстителя въ дѣлѣ о продажѣ имѣнія несовершеннолѣтняго было бы несогласно съ тою цѣлью, для которой учреждена должность опекуна-блюстителя, и которая заключается, согласно мотивамъ по изданію Граж. Улож. 25 года, въ томъ, чтобы, путемъ постояннаго надзора за главнымъ опекуномъ, устранить возможность причиненія дѣйствіями главнаго опекуна ущерба подопечному. *(Рѣш. Сен. 84 г. № 41 по д. Станишевскаго съ наслѣд. Иташинскаго)*.

Ст. 463 п. 2. Опекунъ-блюститель, подлежитъ солидарной съ опекуномъ отвѣтственности въ случаяхъ, когда по закону дѣйствія возложены на него совокупно съ опекуномъ.

Публичная продажа недвижимаго имѣнія несовершеннолѣтняго,—въ которой опекунъ-блюститель принимаетъ личное участіе совокупно съ главнымъ опекуномъ,—представляется именно однимъ изъ тѣхъ случаевъ, которые предусмотрѣны во 2-мъ п. 463 ст. Гр. Улож., а именно—случаемъ совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ опекуновъ. (*Тоже рѣшеніе*).

Ст. 502. Гр. Ул. Дѣйствія, послѣдовавшія до постановленія рѣшенія о признаніи лица состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ по причинѣ слабоумія, сумасшествія или бѣшенства, могутъ быть признаны недѣйствительными, если, во время ихъ совершенія, причина признанія лица состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ была очевидна или общеизвѣстна, безъ нарушенія однако правъ, добросовѣстно пріобрѣтенныхъ третьими лицами.

Судъ, разсматривая ходатайство лица, домогающагося признанія недѣйствительными такихъ дѣйствій больнаго, состоящаго подъ законнымъ прещеніемъ, которыя совершены имъ до постановленія рѣшенія объ интердикціи, вправѣ, безъ сомнѣнія, установить какъ то, въ какой мѣрѣ очевидны и общеизвѣстны были, въ указанное истцемъ время, причины, по которымъ впослѣдствіи времени больной подвергнутъ законному прещенію, такъ и то, въ какой степени, въ данномъ случаѣ, эти очевидныя и общеизвѣстныя причины достаточны или недостаточны для признанія,—по тѣмъ или другимъ соображеніямъ суда, основаннымъ на фактическихъ данныхъ,—недѣйствительными такихъ дѣйствій больнаго, которыя совершены имъ до постановленія рѣшенія объ интердикціи. Но требовать отъ истца,—доказавшаго, по мнѣнію самого уже суда, ненормальность умственныхъ способностей больнаго въ извѣстный періодъ времени, предшествующій интердикціи,—еще доказательствъ и того, что больной, страдавшій разстройствомъ умственныхъ способностей въ извѣстное, установленное судомъ, время, страдалъ онымъ *постоянно*, *безъ ясныхъ промежутковъ*, и что, такимъ образомъ, и въ моментъ совершенія извѣстнаго дѣйствія онъ не былъ въ здравомъ умѣ,—не согласно какъ съ 502 ст., такъ равно и со ст. 489 Гр. Ул. 25 г., ибо, при такомъ толкованіи 502 ст. Гр. Ул. 25 г., эта послѣдняя, въ виду ст. 1108, 1123, 1124 и 1133 Гр. Код., являлась бы закономъ излишнимъ, такъ какъ, при наличности причинъ, препятствующихъ свободному управленію воли однимъ изъ контрагентовъ, всѣ вообще сдѣлки подлежатъ уничтоженію, а, съ другой сто-

рон ы, изъ смысла 489 ст. Гр. Улож. видно, что проявленіе проблесковъ разсудка у лица, страдающаго разстройствомъ ума, не можетъ быть сочтено поводомъ къ непризнанію его подлежащимъ законному прещенію, если не подлежитъ сомнѣнію, что лицо это вообще находится въ состояніи постояннаго слабоумія, сумасшествія или безпамятства. *(Рѣш. Сен. 84 г. № 19 по д. Шарейки съ Шапиро и Рубинчикомъ).*

189 ст. Пол. о С. Бр. При сужденіи о законности брака лицъ упомянутыхъ выше исповѣданій (евреевъ и магометанъ), принимаются въ основаніе правила того закона, къ которому принадлежитъ жалующаяся сторона. Разводъ послѣдовать можетъ въ случаяхъ, сими же правилами допускаемыхъ, по просьбѣ супруговъ. Бракоразводныя дѣла сихъ лицъ подлежатъ разсмотрѣнію судилищъ, гражданскихъ. Разсмотрѣніе сіе производится при закрытыхъ дверяхъ, и защитника брачнаго союза въ семъ случаѣ не назначается.

Согласіе на разводъ (лица еврейскаго вѣроисповѣданія) не можетъ быть доказываемо нотаріальнымъ актомъ, оно можетъ быть выражено лишь *на судѣ*, разбирающемъ бракоразводное дѣло между лицами еврейскаго вѣроисповѣданія. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 127 по д. супр. Тарапани).*

Ст. 189 Полож. о Союзѣ Брач. 1836 года прямо устанавляетъ, что бракоразводныя дѣла сихъ лицъ (не христіанъ) подлежатъ разсмотрѣнію гражданскихъ судилищъ, обязанныхъ, при сужденіи о законности брака, принимать въ основаніе правила того закона, къ которому принадлежатъ заинтересованныя стороны. Само собою разумѣется, что, если законъ возложилъ на судебныя мѣста разбирательство бракоразводныхъ дѣлъ евреевъ на основаніи правилъ ихъ религіи, то судебныя мѣста обязаны не провѣрять только фактъ расторженія брака раввиномъ или компетентность духовной власти, постановившей разводъ, а обязаны установить соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе указанныхъ сторонами поводовъ развода еврейскимъ

религіознымъ законамъ и, сообразно тому, признать бракъ расторгнутымъ, или нѣтъ. (*То же рѣшеніе*).

Законъ, не ввѣряя духовенству нехристіанъ никакихъ функцій правительственной или судебной власти, вполнѣ послѣдовательно устранилъ его отъ разсмотрѣнія бракоразводныхъ дѣлъ. Въ виду сего, постановленіе раввина объ уважительности причинъ къ разводу не имѣетъ *обязательнаго для суда* значенія, хотя, конечно, такое постановленіе, исходя отъ лица, спеціальнаго знакомаго съ религіозными постановленіями евреевъ, не можетъ быть оставлено судомъ, разсматривающимъ бракоразводное дѣло, безъ обсужденія, какъ и всякія заключенія свѣдущихъ лицъ по предметамъ, требующимъ особыхъ, спеціальныхъ знаній. (*То же рѣшеніе*).

132 ст. Ип. Уст. Охранительныя статьи бываютъ трехъ родовъ: в) когда представленъ актъ, имѣющій обязательную силу, или вошедшее въ законную силу судебное рѣшеніе, коихъ послѣдствія суть: законное прещеніе, назначеніе совѣтника, уступка имѣній въ пользу кредиторовъ (*cessio bonorum*); б) когда предъявленъ актъ, удостовѣряющій, что началось производство, по причинѣ котораго ипотечныя дѣйствія должны быть пріостановлены, какъ-то: актъ о смерти, актъ коммерческаго суда, предваряющій о начатомъ конкурсномъ производствѣ; б) когда предъявлена повѣстка о вызовѣ въ судъ отъ стороны, желающей доказать судебнымъ порядкомъ какое либо право на имѣнія или на права обезпеченныя ипотекою.

Сила и значеніе охранительныхъ отмѣтокъ (ст. 129, 130 и 132 Ипот. Уст.) состоитъ въ томъ, что пока статья, проэктированная для внесенія въ ипотечный указатель, не утверждена ипотечнымъ начальствомъ въ видѣ чистой статьи (ст. 131 Ипот. Уст.), то она, съ разрѣшенія ипотечнаго начальства (ст. 139), можетъ быть внесена въ видѣ охранительной отмѣтки (ст. 129, 130 и 132), чѣмъ и сохраняется для проэктированной статьи въ ипотечномъ указателѣ мѣсто, или иначе—старшинство вещнаго права (ст. 12 Ипот. Уст. 1818 г.) на тотъ случай, если-

бы статья, внесенная въ видѣ охранительной отмѣтки, впослѣдствіи была ипотечнымъ начальствомъ утверждена въ видѣ статьи чистой, т. е. что чистая статья, хотя бы и впослѣдствіи утвержденная, получаетъ то мѣсто или то старшинство, которое въ ипотечномъ указателѣ имѣла охранительная отмѣтка. Но охранительная отмѣтка, сохраняя мѣсто или старшинство для статьи чистой на случай ея утвержденія, сама по себѣ никакихъ ипотечныхъ правъ не установляетъ (ст. 11, 20, 22, 30, 62, 129, 131, 132, 139 Ипот. Уст. 1818 года). Вслѣдствіе сего, если утвержденіе чистой статьи ипотечнымъ начальствомъ пріостановлено, по какимъ бы то ни было причинамъ и поводамъ, то тотъ, въ чью пользу охранительная отмѣтка внесена, не можетъ на нее ссылаться для осуществленія охраненныхъ правъ своихъ въ порядкѣ ипотечномъ. (*Рѣш. Сен. 81 г. № 71 по д. Роговской съ Шеллеръ*).

7 ст. 5-й п. Зак. о привил. 25 г. Привиллегію на опредѣленной движимости имѣютъ:

п. 5-й) Продавецъ движимой вещи до тѣхъ поръ, пока она находится еще въ рукахъ покупщика, имѣетъ на ней привиллегію въ обезпеченіе условленной за нее цѣны, независимо отъ того, былъ ли опредѣленъ срокъ уплаты или нѣтъ. Если продажа состоялась безъ означенія срока уплаты, или если уплата должна была быть произведена немедленно, то продавецъ можетъ отыскивать проданную вещь даже во вредъ кредиторамъ покупщика, если только эта вещь еще находится въ рукахъ покупщика, а равно можетъ препятствовать перепродажѣ ея, лишь бы онъ заявилъ свое требованіе о возвратѣ въ продолженіи восьми дней со дня ея передачи и лишь бы вещь эта находилась еще въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ она была передана. Настоящія правила ни въ чемъ не ослабляютъ силы торговыхъ законовъ и обычаевъ объ обратномъ требованіи проданныхъ и переданныхъ вещей.

Такъ какъ законъ 1825 года о привиллегіяхъ послѣдовалъ въ отмѣну и замѣну относящихся къ вопросу о привиллегіяхъ

статей Кодекса Наполеона или Гражданскаго Кодекса, то содержащіяся въ этихъ статьяхъ правила ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть принимаемы въ разъясненіе означеннаго самостоятельнаго закона, изданнаго законодательною властью Царства Польскаго. (*Рѣш. Сен 83 г. № 42 по д. Торг. дома Теплицъ и К. съ Левестамомъ*).

Къ отношеніямъ о продажѣ движимости исключительно *торговаго* характера примѣняется, по закону, лишь *ревиндикація*, т. е. право продавца на обратное требованіе проданнаго и переданнаго имъ товара, но *не привиллегія*, т. е. право преимущественнаго удовлетворенія покупной цѣны изъ проданной вещи, находящейся на лицо у покупщика (*то же рѣшеніе*); (*подробныя соображенія помѣщены подъ ст. 576 Торг. Код.*).

109 ст. Торг. Код. Купля и продажа удостовѣряются:—актами оффиціальными,—актами частными,—свидѣтельствомъ (*bordereau*) или счетомъ биржеваго агента или маклера, съ надлежащими подписями сторонъ,—принятою накладною (*facture*),—перепиской,—книгами сторонъ,—показаніями свидѣтелей, въ случаѣ, когда судъ считаетъ это доказательство возможнымъ.

Въ дѣлахъ коммерческаго судопроизводства, по дѣйствующимъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ законамъ, свидѣтельскія показанія могутъ быть допускаемы въ подтвержденіе безденежности векселей, съ тѣмъ, однако, что удовлетвореніе въ этомъ случаѣ ходатайства сторонъ о допросѣ свидѣтелей зависитъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ, по правилу, выраженному въ 109 ст. Торг. Код., отъ усмотрѣнія суда. Заключеніе это основано на слѣдующихъ соображеніяхъ. Въ ст. 1341 Гр. Код., отмѣненной Выс. утв. 19 Февр. 75 г. Положеніемъ о прим. Суд. Уст. 1864 г. къ Варш. суд. окр. (ст. 148), выражено основное правило относительно допустимости свидѣтельскихъ показаній въ подтвержденіе или въ опроверженіе содержанія договоровъ и обязательствъ. Въ силу этаго правила, возможность допущенія свидѣтельскихъ показаній ограничена суммою предмета договора или обязательства (не свыше 150 фран.). Въ концѣ

же 1341 ст. оговорено, что изложенное въ ней постановленіе не отмѣняетъ законовъ, относящихся до торговли, т. е. до сдѣлокъ торговыхъ. Такая оговорка прямо указываетъ на существованіе въ Торговомъ Кодексѣ особыхъ постановленій, при дѣйствіи которыхъ выраженное въ 1341 ст. ограниченіе допустимости свидѣтельскихъ показаній не имѣетъ мѣста. И дѣйствительно, въ 109 ст. Торг. Код., не отмѣненной упомянутымъ выше Положеніемъ 19 Февр. 75 г. (ст. 148), постановлено, что купля-продажа можетъ быть удостовѣряема—и *показаніями свидѣтелей, въ томъ случаѣ, когда судъ признаетъ возможнымъ допущеніе доказательствъ посредствомъ свидѣтелей.* Такимъ образомъ, по точному смыслу приведеннаго закона, содержаніе торговой сдѣлки купли-продажи можетъ быть удостовѣряемо, а слѣдовательно и опровергаемо, показаніями свидѣтелей, съ тѣмъ однако, что удовлетвореніе въ этомъ случаѣ ходатайства сторонъ о допросѣ свидѣтелей зависитъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ отъ усмотрѣнія суда. Хотя въ 109 ст. Торг. Код. говорится о *куплѣ-продажѣ*, но, согласно практикѣ французскихъ и бывшихъ польскихъ судебныхъ мѣстъ, существующія въ законахъ гражданскихъ воспрещенія касательно допущенія свидѣтельскихъ показаній не распространяются на торговыя дѣла, за исключеніемъ случаевъ, положительно указанныхъ въ Торговомъ Кодексѣ. Вслѣдствіе сего и до введенія въ Варш. округѣ Суд. Уст. 1864 года, безденежность векселей могла быть доказываема посредствомъ свидѣтелей. Въ настоящее время, за отмѣною 1341 ст. код., къ возбужденному въ данномъ дѣлѣ вопросу должна примѣнена 410 ст. Уст. гр. суд., которая воспрещаетъ опровергать посредствомъ свидѣтелей содержаніе лишь такихъ актовъ, кои совершены или засвидѣтельствованы установленнымъ порядкомъ, т. е. актовъ крѣпостныхъ, нотаріальныхъ или явленныхъ къ засвидѣтельствованію, и не распространяется на акты домашніе (рѣш. Гр. Код. Деп. Сен. 67 г. № 122, 69 г. № 254 и др.), къ числу коихъ должны быть отнесены векселя. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя Гр. Кас. Деп. Прав. Сената, основываясь на точномъ

смыслѣ 549 ст. XI т. уст. о векс., и признаетъ, что возраженіе о неполученіи валюты по векселю должно быть подтверждено письменными доказательствами (Сб. рѣш. 71 г. № 724 и 72 г. № 143), но положеніе это не примѣнимо къ вексельнымъ обязательствамъ, составленнымъ по дѣйствующему въ Варш. суд. округѣ Торговому Кодексу, такъ какъ въ немъ не содержится закона, тождественнаго съ постановленіемъ, изложеннымъ въ 549 ст. т. XI уст. о векс. *(Рѣш. Сен. 83 г. № 27 по дѣлу Раухмана съ Лопацинскимъ)*.

Заключеніе о возможности доказывать безденежность векселя свидѣтельскими показаніями не примѣнимо къ возраженію о безденежности векселя, предъявленнаго ко взысканію послѣдующимъ векселедержателемъ, пріобрѣвшимъ тотъ вексель въ собственность по установленной надписи (ст. 136—139 Торг. Код.), такъ какъ для него не могутъ быть обязательны вообще никакія разсчеты векселедателя съ первымъ векселедержателемъ. *(То же рѣшеніе)*.

188 ст. Торг. Код. На простомъ векселѣ выставляется число, мѣсяцъ и годъ;—въ немъ означается—сумма, которую слѣдуетъ уплатить,—имя и фамилія того, по чьему приказу вексель подписанъ, срокъ платежа, валюта, какая была доставлена въ деньгахъ, товарахъ, счетахъ или другимъ образомъ.

188 ст: Торг. Код. предписываетъ лишь форму составленія простаго векселя, но не изъемлетъ онаго изъ числа домашнихъ (неоффиціальныхъ) актовъ. *(Рѣш. Сен. 83 г. №   по дѣлу Раухмана съ Лопацинскимъ)*.

189 ст. Торг. Код. Всѣ иски, по переводнымъ и простымъ векселямъ, подписаннымъ негоціантами, купцами или банкирами, или вслѣдствіе торговыхъ дѣйствій, подлежатъ пятилѣтней давности, считая со дня протеста или послѣдняго судебнаго дѣйствія, если не послѣдовало присужденія или если долгъ не былъ признанъ особымъ актомъ.

(2-ая часть этой статьи—о присягѣ должниковъ—отмѣнена

со введеніемъ въ Царствѣ Польскомъ судебной реформы). (Примѣчаніе составителя).

По истеченіи установленной 189 ст. Торг. Код. пятилѣтней давности, вексель не сохраняетъ значенія долговаго обязательства, подлежащаго дѣйствію 2262 ст. Гр. Код., но обязательство по оному совершенно прекращается. Основанія къ этому выводу слѣдующія: по ст. 1234 Кодекса давностью обязательство *прекращается*, также какъ платежемъ или удовлетвореніемъ по обязательству. Поэтому ст. 2219 постановляетъ, что давность есть способъ *освобождаться отъ* исполненія *обязательства* чрезъ истеченіе извѣстнаго времени и подъ условіями, опредѣленными въ законѣ. Что таковъ смыслъ и 189 ст. Торг. Код., т. е. что она вполнѣ *освобождаетъ отъ обязательства,* которое, такимъ образомъ, *прекращается,* доказывается еще: во 1) тою частію этой статьи, гдѣ постановлялось о присягѣ, потому что предоставлять присягу *о погашеніи долга* не было бы, очевидно, никакого основанія, если бы векселедержатель, по истеченіи пяти лѣтъ, терялъ не всякое право на взысканіе, а только право на взысканіе, какъ по векселю,— и во 2) статьями Гражданскаго Кодекса о сокращенныхъ: 6-ти мѣсячной, годичной и 5-ти лѣтней давностяхъ (ст. 2271—2273), относительно коихъ въ 2275 ст. также постановлялось, что тѣ, коимъ будутъ противопоставляться давности этаго рода, могутъ предложить тѣмъ, которые на нихъ ссылаются, присягу въ томъ, дѣйствительно ли былъ произведенъ платежъ, при чемъ какъ по ст. 2275 Код., такъ и по 189 ст. Торг. Код., присяга совершенно отлична отъ той, которая установлена была 1367 ст. Гр. Код., т. е. когда признавалось, что хотя искъ или возраженіе не вполнѣ доказаны, но они и не вовсе бездоказательны, потому что въ такомъ случаѣ *судъ* а не истецъ, предлагалъ присягу, и не *противной сторонѣ,* а тому, чье утвержденіе не было вовсе бездоказательно. Тотъ же, кто ссылается на общую (30-ти лѣтнюю) давность, напротивъ, не обязанъ предъявлять, по 2262 ст. Гр. Код., никакого правооснованія, а равно нельзя и ему противопоставлять,

возраженій, основанныхъ на его недобросовѣстности. Такимъ образомъ, сокращенныя и общая давность по обязательствамъ, различаясь въ томъ, что при ссылкѣ на первыя нужно еще заявить на судѣ о другомъ правоосновані (платежъ), имѣютъ, однако, одинаковое дѣйствіе въ томъ отношеніи, что истеченіе сокращенной давности освобождаетъ отъ обязательства также, какъ освобождаетъ общая давность, такъ какъ вообще давность по обязательству основывается на предположеніи о погашеніи долга, тѣмъ или другимъ способомъ. (*Рѣш. Сен. 84 г. № 31 по д. Шпана съ Шляйхертомъ*).

576 ст. Торг. Код. Продавецъ можетъ, въ случаѣ несостоятельности, требовать возврата (*revendication*) проданныхъ и выданныхъ имъ товаровъ, цѣна которыхъ не была ему уплачена, въ случаяхъ и при условіяхъ нижеуказанныхъ.

Къ отношеніямъ о продажѣ движимости исключительно *торговаго* характера примѣняется, по закону, лишь *ревиндикація*, т. е. право продавца на обратное требованіе проданнаго и переданнаго имъ товара, но *не привиллегія*, т. е. право преимущественнаго удовлетворенія покупной цѣны изъ проданной вещи, находящейся еще на лицо у покупщика. Къ этому выводу слѣдуетъ придти въ виду нижеслѣдующихъ соображеній. Въ Торговомъ Кодексѣ 1807 года, дѣйствующемъ въ Царствѣ Польскомъ, говорится лишь о ревиндикаціи, какъ о способѣ огражденія продавца товара на случай несостоятельности покупщика къ платежу покупной цѣны (ст. 576 и послѣд.). Одно упоминаніе въ ст. 533 код. о томъ, что синдикъ представляетъ коммисару списокъ *кредиторовъ, имѣющихъ притязаніе на привиллегію на движимостяхъ*, и что коммисаръ разрѣшаетъ удовлетвореніе сихъ кредиторовъ изъ первыхъ собранныхъ суммъ, не можетъ, само по себѣ, служить указаніемъ на существованіе для продавца по торговой сдѣлкѣ права привиллегіи на проданномъ товарѣ, ибо, изъ этого выраженія закона нельзя заключить, о какихъ именно привиллегіяхъ разумѣетъ здѣсь законъ, а несостоятельность торговаго лица не исключаетъ воз-

можности существованія отношеній къ нему *гражданскаго* характера, дающихъ право на привиллегію. Конечно отсутствіе въ Торговомъ Кодексѣ закона, установляющаго право продавца по торговой сдѣлкѣ на привиллегію, не даетъ еще основанія къ безусловному заключенію о томъ, что такого права у продавца по такой сдѣлкѣ не существуетъ, ибо въ семъ случаѣ слѣдуетъ обратиться къ гражданскимъ законамъ, касающимся вопроса о привиллегіяхъ, и если въ нихъ усмотрѣно будетъ общее правило, подъ которое возможно подвести то договорное отношеніе, на которомъ истецъ строитъ свое право на привиллегію, то это правило должно быть признано примѣнимымъ и къ данному случаю, въ силу того основнаго правила, что гражданскіе законы имѣютъ примѣненіе и къ торговымъ отношеніямъ на столько, на сколько въ законѣ неустановлено для этихъ отношеній спеціальнаго правила или изъятія изъ гражданскихъ законовъ. Между тѣмъ, именно въ гражданскихъ законахъ о привиллегіяхъ заключается положительное указаніе на то, что право продавца движимой вещи на привиллегію ограничено исключительно *неторговыми* отношеніями. Это указаніе находится въ законѣ о привиллегіяхъ 1825 года, изданныхъ для Царства Польскаго въ отмѣну относящихся къ этому предмету статей Гражд. Кодекса,—а именно въ п. 5 ст. 7-ой означеннаго закона. Въ статьѣ этой перечисляются лица, *имѣющія по закону, привиллегію на опредѣленной движимости*, причемъ въ порядкѣ этого перечисленія упоминается, въ пунктѣ 5, привиллегія продавца движимой вещи, пока она находится въ рукахъ покупщика; затѣмъ, въ томъ же пунктѣ, признается за продавцами также право отыскивать проданную вещь, если она находится въ рукахъ покупщика, съ соблюденіемъ указанныхъ при томъ условій; въ заключеніе, пунктъ этотъ заканчивается слѣдующими словами: „*настоящія правила ни въ чемъ не ослабляютъ силы торговыхъ законовъ и обычаевъ объ обратномъ требованіи проданныхъ и переданныхъ вещей*“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти заключительныя слова относятся не ко второму положенію, установля-

емому этимъ пунктомъ, а ко всему пункту. Въ этомъ убѣждаютъ какъ начальныя слова: *настоящія правила*, такъ и то, что заключительная часть не составляетъ продолженія того, что изложено въ пунктѣ относительно права продавца отыскивать проданную вещь, а начинается съ новой строки. Поэтому, изложенная въ такой формѣ заключительная часть 5-го пункта не можетъ быть истолкована иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что законодатель, установляя по *гражданскимъ* сдѣлкамъ привиллегію продавца движимой вещи и право его на обратное требованіе вещи, противопоставляетъ этимъ двумъ установленнымъ имъ правамъ право продавца но *торговой* сдѣлкѣ на ревиндикацію, уже существующее по торговымъ законамъ и обычаямъ, и признавая, что настоящія правила не ослабляютъ силы этихъ законовъ и обычаевъ о ревиндикаціи, тѣмъ самымъ не распространяетъ на торговыя сдѣлки какъ право продавца на привиллегію, такъ и установленное имъ для гражданскихъ сдѣлокъ о продажѣ движимости право ревиндикаціи, отличное, по условіямъ его осуществленія, отъ права ревиндикаціи, установленнаго торговыми законами. (*Рѣш. Сен. 84 г. № 42 по д. Торг. дома Теплицъ и К. съ Левестамомъ*).

ПОЛОЖЕНІЕ

О ПРИМѢНЕНІИ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

20 Ноября 1864 года.

КЪ ВАРШАВСКОМУ СУДЕБНОМУ ОКРУГУ.

УСТАВЪ ОБЪ ОСОБЫХЪ ПРОИЗВОДСТВАХЪ

ВЪ ВАРШАВСКОМЪ СУДЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

И

ПРАВИЛА О ПРИМѢНЕНІИ

КЪ ВАРШАВСКОМУ СУДЕБНОМУ ОКРУГУ

Высочайше Утвержденнаго 14 Апрѣля 1866 года.

ПОЛОЖЕНІЯ О НОТАРІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Ст. 1 Пол. о пр. Высочайше утвержденные 20 Ноября 1864 года Судебные Уставы распространяются на Варшавскій судебный округъ, съ дополненіями и измѣненіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанными.

По ст. 1 и 3 Учрежд. судеб. установ. власть судебная въ мѣстностяхъ, на которыя распространено дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 Ноября 1864 года въ полномъ объемѣ послѣднихъ, принадлежитъ единолично—мировымъ судьямъ, затѣмъ какъ установленіямъ коллегіальнымъ, съѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и, въ качествѣ верховнаго уголовнаго суда, Правительствующему Сенату; изъ всѣхъ этихъ установленій только мировымъ судьямъ предоставляется, по 30 ст. Уст. гражд. судопр., право принимать къ своему разсмотрѣнію, кромѣ дѣлъ, отнесенныхъ къ ихъ компетенціи предшедшими статьями, еще и *всякій* споръ и искъ гражданскій, если обѣ тяжущіяся стороны будутъ просить о рѣшеніи ихъ дѣла *по совѣсти;* по статьѣ же 1-й Выс. Указа 19 Февр. 1875 года (Пол. о прим. суд. уст. къ В. С. О.), уставы эти распространяются на сей округъ только съ тѣми дополненіями и измѣненіями, какія указаны въ послѣдующихъ статьяхъ означеннаго положенія; а такъ какъ по 2-й изъ нихъ къ вышеисчисленнымъ судебнымъ установленіямъ присоединенъ и гминный судъ безъ всякаго при этомъ однакоже измѣненія ст. 30 Уст. гр. суд., которая за симъ и остается въ полной силѣ и для губерній Царства Польскаго,—то изъ буквальнаго смысла всѣхъ сихъ законовъ, совершенно яснаго и опре-

дѣленнаго, возможно лишь то единственно заключеніе, что въ случаѣ желанія тяжущихся, чтобы споръ ихъ былъ разрѣшенъ судомъ, но не по правиламъ, предустановленнымъ въ законахъ, а по совѣсти, они должны для сего обращаться къ единоличному суду мироваго судьи, а не къ какому либо судебному установленію, дѣйствующему коллегіально, въ томъ числѣ и не къ гминному суду, состоящему изъ гминнаго судьи и лавниковъ (ст. 3 пол. о пр.). *(Рѣш. Сен. 81 г. № 164 по д. Ротштейна съ Цукеромъ).*

Ст. 46. Обязанности непремѣннаго члена мироваго съѣзда возлагаются на предсѣдателя съѣзда.

На постановленія и распоряженія предсѣдателя мироваго съѣзда въ Варшавскомъ округѣ, дѣлаемыя имъ въ виду 46 ст. Пол. о пр., могутъ быть лишь приносимы частныя жалобы тому же мировому съѣзду, а не кассаціонныя просьбы Правительствующему Сенату. *(Рѣш. Сен. 81 г. № 132 по д. Зисмана).*

Ст. 115. Вѣдомству мировыхъ судей и гминныхъ судовъ подлежатъ:

1) иски по личнымъ обязательствамъ и договорамъ и о движимости цѣною не свыше *двухсотъ пятидесяти* рублей;

2) иски о вознагражденіи за ущербъ и убытки, когда количество оныхъ не превышаетъ *двухсотъ пятидесяти* рублей, или же во время предъявленія иска не можетъ быть положительно извѣстно;

3) иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не болѣе *шести мѣсяцевъ*.

4) иски о нарушеніи пользованія указанными въ книгѣ второй гражданскаго кодекса сервитутами, когда со времени нарушенія прошло не болѣе *года*. (Въ измѣн. ст. 29 и отмѣну п. 3 и 5 сей статьи).

Временное пользованіе землею съ согласія другихъ совладѣльцевъ не можетъ служить основаніемъ для иска о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. *(Рѣш. Сен. 78 г. № 130 по д. Котовскаго съ Пенскими и др.).*

Нарушеніе владѣнія, устраняемое въ порядкѣ, указанномъ въ 3 п. 115 ст. Пол. о прим. Суд. Уст. въ В. суд. окр., предполагаетъ необходимымъ условіемъ самовольное дѣйствіе отвѣтчика относительно вступленія его во владѣніе спорнымъ имуществомъ. *(То же рѣшеніе)*.

Самовольное распоряженіе общимъ имѣніемъ со стороны одного изъ участниковъ не можетъ быть признаваемо нарушеніемъ владѣнія другихъ и не можетъ служить основаніемъ къ иску о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, а даетъ лишь право на искъ объ уничтоженіи безъ согласія ихъ сдѣланнаго распоряженія или о взысканіи причиненныхъ имъ убытковъ. *(То же рѣшеніе)*.

Отказъ въ искѣ *о возстановленіи нарушеннаго владѣнія* на томъ основаніи, что „спорная земля составляетъ общую нераздѣльную собственность сторонъ, и что поэтому искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія не можетъ имѣть мѣста“ — представляется послѣдовавшимъ въ нарушеніе п. 3 ст. 115 и 122 Пол. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., такъ какъ по смыслу этихъ статей искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія защищаетъ самый фактъ владѣнія, независимо отъ права на владѣніе, въ разсмотрѣніе коего мировыя судебныя установленія не вправѣ входить, и всякій фактическій владѣлецъ, въ томъ числѣ и владѣлецъ общей собственности, вправѣ защищаться такимъ искомъ. (Рѣш. Сен. 75 г. № 487, 496 и др.) *(Рѣш. Сен. 83 г. по дѣлу Добковской съ Добковскимъ, невошедшее въ сборникъ)*.

Съѣздъ вывелъ вступленіе истцевъ въ фактическое владѣніе составляющею предметъ сего дѣла землею изъ того, что по судебному рѣшенію, разрѣшившему споръ объ этой землѣ между истцами и непричастными къ сему дѣлу лицами, послѣдовалъ, въ исполненіе того рѣшенія, вводъ истцевъ во владѣніе тою землею. На семъ основаніи Съѣздъ отвергъ ссылку настоящихъ отвѣтчиковъ на свидѣтелей въ доказательство того, что они фактически владѣли тою землею до самаго ввода во

владѣніе ею истцевъ и продолжали это владѣніе по возбужденіи истцами настоящаго дѣла, при чемъ Съѣздъ исходилъ изъ того положенія, что владѣніе отвѣтчиковъ землею, если оно даже и имѣло мѣсто, прервалось вводомъ истцевъ во владѣніе по означенному судебному рѣшенію. Это положеніе не можетъ быть признано правильнымъ, въ виду преподаннаго нынѣ Правитель. Сенатомъ въ рѣшеніи 16 Мая сего 1884 года по дѣламъ Сакуна и Борзиковскаго и друг. разъясненія по закону дѣйствительнаго значенія обряда ввода во владѣніе, изъ каковаго разъясненія вытекаетъ, между прочимъ, то положеніе, что и въ томъ случаѣ, когда вводъ во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ имѣетъ мѣсто въ исполненіе судебнаго рѣшенія, послѣдовавшаго въ разрѣшеніе спора о томъ имѣніи, означенное исполнительное дѣйствіе по рѣшенію имѣетъ по послѣдствіямъ значеніе дѣйствительной передачи того имѣнія лицу, въ пользу коего состоялось рѣшеніе, только по отношенію къ противнику его въ спорѣ, но въ отношеніи третьяго лица, не участвующаго въ разрѣшенномъ спорѣ и владѣющаго имѣніемъ или частью онаго, вводъ во владѣніе имѣніемъ стороны, коей присуждено имѣніе, не доказываетъ еще безусловно вступленіе этой стороны въ фактическое обладаніе имѣніемъ, владѣемымъ третьимъ лицомъ, а потому, при отсутствіи иныхъ доказательствъ таковаго вступленія, не прерываетъ владѣнія имѣніемъ третьяго лица. (*Рѣш. Сен. 84 г. по дѣлу Рыжевскихъ съ Зарембою и др., не вошедшее въ сборникъ*).

Предметомъ иска о возстановленіи пользованія сервитутами могутъ быть всѣ сервитуты безъ исключенія, въ томъ числѣ и сервитутъ прохода и проѣзда. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 211 по дѣлу Смяровскаго*).

Въ случаѣ установленія судомъ, что пользованіе истцевъ спорнымъ настьбищемъ происходило либо съ дозволенія отвѣтчиковъ либо тайнымъ образомъ, таковое пользованіе не можетъ быть признано пользованіемъ подлежащимъ возстановленію, такъ какъ, по точному смыслу ст. 2232 Гр. Код., дѣйствія, зависящія отъ одной лишь доброй воли, а равно и простаго допу-

щенія, не могутъ служить основаніемъ ни владѣнія, ни давности; владѣніе же, по ст. 2228 того же Кодекса, есть обладаніе или пользованіе вещью или правомъ, слѣдовательно дѣйствія, указанныя въ ст. 2232 Кодекса, не могли служить основаніемъ и для пользованія истцевъ. А тамъ, гдѣ законъ не признаетъ владѣнія т. е. обладанія или пользованія вещью, тамъ не можетъ имѣть основанія и защита посредствомъ иска о возстановленіи нарушеннаго владѣнія по 4 п. 29 ст. Уст. гражд. суд. (3 п. 115 ст. Пол. о прим.), ибо гдѣ нѣтъ владѣнія, тамъ не можетъ быть и владѣльческихъ исковъ. (*Рѣш. Сен. 81 г. № 70 по д. Вандоловскáго и др. съ Нецрче и др.*).

Выраженіе „пользованіе", въ п. 4 ст. 115 Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., употреблено вмѣсто выраженія „владѣніе". Къ выводу этому слѣдуетъ придти въ силу слѣдующихъ соображеній. Статьями 115 п. 4 и 117 Пол. о прим. опредѣляется подсудность исковъ о возстановленіи пользованія сервитутами и исковъ о правѣ на сервитуты; но самыя понятія какъ о сервитутахъ, такъ и о пользованіи находятъ свое опредѣленіе въ дѣйствующемъ въ губерніяхъ Царства Польскаго Гражданскомъ Кодексѣ. Гражданскій же Кодексъ, ни въ одной изъ статей своихъ, не дѣлаетъ различія между понятіемъ „владѣнія", и понятіемъ „пользованія", въ смыслѣ осуществленія права; поэтому всѣ правила Кодекса о владѣніи должны примѣняться и къ пользованію. Доказательствомъ тому служитъ ст. 2228 Кодекса, по силѣ коей владѣніе есть обладаніе или *пользованіе* вещью, которую кто либо имѣетъ, *или правомъ*, которое кто либо осуществляетъ самъ, либо чрезъ посредство другаго лица, обладающаго вещью или осуществляющаго право отъ его имени, изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, что, по терминологіи Кодекса, владѣніе и пользованіе суть два понятія тождественныя; самое владѣніе опредѣляется словомъ обладаніе, или *пользованіе*, въ виду чего выраженіе *пользованіе* сервитутами должно быть признано равносильнымъ выраженію „владѣніе сервитутами", какъ то вытекаетъ и изъ несомнѣннаго текста ст. 691 Гр. Код., по которой владѣніе (т. е. пользованіе), даже

незапамятное, недостаточно для установленія сервитутовъ непостоянныхъ. Къ этому же выводу приводитъ и то соображеніе, что Положеніе о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ само никакого новаго понятія о пользованіи, въ противоположность понятію о владѣніи, не только не установило, но, напротивъ того, въ ст. 122, иски о возстановленіи нарушеннаго пользованія сервитутами приравниваетъ вполнѣ къ искамъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. (*Рѣш. Сен. 82 г. № 77 по д. Шафрана съ Езерскимъ*).

Иски о нарушеніи пользованія (ст. 115 п. 4) могутъ имѣть въ виду защиту и охраненіе только такого пользованія, которое, по Гражданскому Кодексу, предполагается самостоятельнымъ осуществленіемъ права (ст. 2230 Код.). При какихъ условіяхъ и относительно какихъ сервитутовъ осуществленіе ихъ предполагается *самостоятельнымъ* опредѣляется Гражданскимъ Кодексомъ, въ главѣ объ установленіи сервитутовъ (ст. 690—696). (*То же рѣшеніе*).

Такъ какъ сервитуты постоянные и явные, независимо отъ правооснованій, могутъ быть пріобрѣтаемы и посредствомъ владѣнія (т. е. пользованія), то владѣніе, при осуществленіи этихъ сервитутовъ, будетъ внѣшнимъ выраженіемъ предполагаемаго сервитутнаго права, а потому и можетъ быть защищаемо и охраняемо посредствомъ исковъ, указанныхъ въ 4 п. 115 ст. Пол. о прим., такъ какъ законъ предполагаетъ, что владѣніе сервитутами этого рода составляетъ осуществленіе *права*, а не основано лишь на простомъ одностороннемъ дозволеніи или допущеніи хозяина, ради отношеній добраго сосѣдства. Но, конечно, предположеніе это при искахъ о возстановленіи нарушеннаго пользованія (т. е. владѣнія) сервитутами, постоянными и явными (ст. 688, 689 и 690 Код.), можетъ быть ослаблено и опровергнуто заинтересованною стороною, т. е. собственникомъ, хозяиномъ имѣнія, посредствомъ доказательства, что владѣніе сосѣда даже сервитутомъ постояннымъ и явнымъ было прекарное, т. е. основанное на доброй волѣ хозяина. (*То же рѣшеніе*).

При защитѣ и охраненіи пользованія (владѣнія) сервитутами постоянными и явными, судъ долженъ опредѣлить основаніе и свойство владѣнія, т. е. установить, выражалось ли въ немъ осуществленіе предполагаемаго сервитутнаго права, или же владѣніе это зависѣло лишь отъ доброй воли и простаго дозволенія (ст. 2232 Код.), которыя по закону не служатъ основаніемъ владѣнія, охраняемаго и защищаемаго закономъ (ст. 2232 Код.). *(То же рѣшеніе)*.

Защита пользованія сервитутами непостоянными и неявными посредствомъ владѣльческихъ исковъ—закономъ не допускается. Законъ положительно и безусловно ни въ какомъ случаѣ *не признаетъ владѣнія* или пользованія этими сервитутами осуществленіемъ сервитута, а всѣ дѣйствія, въ которыхъ, внѣшнимъ образомъ, выражается пользованіе сервитутомъ, считаетъ лишь дѣйствіями, совершаемыми съ дозволенія или допущенія хозяина, по доброй его волѣ, по отношеніямъ добраго сосѣдства, т. е. законъ предполагаетъ, напр., что, если сосѣдъ ходитъ по землѣ сосѣда, то ходитъ не въ силу предполагаемаго сервитутнаго права, а потому только, что хозяинъ это дозволяетъ. Такое одностороннее позволеніе хозяина, его добрую волю, обращать для него въ обязанность и тѣ или другія дѣйствія, совершаемыя въ настоящемъ лишь по простому дозволенію, возводить, на будущее время, въ отношенія правовыя противорѣчило бы тѣмъ способамъ пріобрѣтенія сервитутныхъ правъ, которые указаны въ законѣ. Если же законъ осуществленію, т. е. владѣнію или пользованію непостоянными сервитутами, сколько бы это владѣніе или пользованіе не продолжалось, не придаетъ никакого значенія, какъ способу пріобрѣтенія самаго *права* на сервитутъ, то нѣтъ уже никакаго основанія допускать, по отношенію къ этаго рода сервитутамъ, защиту фактическаго ихъ осуществленія. *(То же рѣшеніе)*.

Мировыя судебныя установленія, при обсужденіи, на осн. п. 4 ст. 115 Пол. о прим., исковъ о возстановленіи пользованія сервитутами, должны, прежде всего, обсудить, къ какому роду принадлежатъ спорные сервитуты, дозволяетъ ли Гражданскій

Кодексъ пріобрѣтеніе права на спорный сервитутъ посредствомъ владѣнія, и если не дозволяетъ, то въ искѣ о возстановленіи нарушеннаго пользованія прямо и положительно отказывать по недопускаемости въ силу самого закона, причемъ заинтересованной сторонѣ остается возможность требовать признанія права ея на сервитутъ посредствомъ иска, установленнаго 117 статьею Положенія и доказывать это право тѣми способами, которые указаны въ Гражданскомъ Кодексѣ (ст. 691 Гр. Код.). (*То же рѣшеніе*).

Въ статьяхъ 231 — 237 Выс. утв. 19 Февр. 75 г. Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр. содержатся измѣненія постановленій 1337—1345 ст. Уст. гражд. судопр. о производствѣ дѣлъ брачныхъ. Поэтому, хотя въ ст. 237 и упомянуто, что дѣла, возникающія изъ союза брачнаго и семейственнаго и вообще касающіяся гражданскаго состоянія лицъ и опеки, производятся въ окружномъ судѣ, но это упоминаніе сдѣлано не въ смыслѣ опредѣленія *подсудности* сихъ дѣлъ, а въ видахъ содержащагося въ послѣднихъ словахъ этой статьи предписанія касательно соблюденія при производствѣ такихъ дѣлъ правилъ, установленныхъ по симъ предметамъ Гражданскимъ Уложеніемъ 1825 года. Въ рѣшеніи же по дѣлу Рабенека 1868 года, № 595, въ разъясненіе статей 1337 и 1339 Уст. гр. суд., примѣнимыхъ, согласно 231 ст. Пол. 19 Февр. 75 г., и къ Варш. суд. округу, — Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено, что эти статьи опредѣляютъ исключительную подсудность и особый порядокъ судопроизводства въ дѣлахъ гражданскихъ по дѣламъ, относящимся до личныхъ и имущественныхъ правъ супруговъ и ихъ дѣтей, которыя обусловливаются непризнаніемъ надлежащею властью законности брака, но постановленія этихъ статей не относятся до тѣхъ дѣлъ, которые вытекаютъ изъ постановленій гражданскаго права, опредѣляющихъ власть, права и обязанности личныя и имущественныя родителей къ ихъ дѣтямъ, рожденнымъ въ бракѣ, законность котораго никѣмъ не оспаривается. То же положеніе выражено и въ рѣшеніи по дѣлу Токарчуковой 75 года № 1002.

Въ виду сего искъ о доставленіи алиментовъ, какъ вытекающій изъ личныхъ обязанностей дѣтей по отношенію къ ихъ родителямъ, опредѣленныхъ гражданскими законами, долженъ слѣдовать *общимъ правиламъ о подсудности исковъ.* (*Рѣш. Сен. 83 г. № 28 по д. Тычковской съ Тычковскимъ*).

Ст. 116. Кромѣ дѣлъ, означенныхъ въ предъидущей статьѣ, гминнымъ судамъ подсудны дѣла по наслѣдованію и возникающимъ изъ сего раздѣламъ имуществъ между сельскими жителями:

а) когда наслѣдственное имущество состоитъ изъ поземельныхъ участковъ, поступившихъ въ собственность сихъ жителей на основаніи Высочайшихъ Указовъ 19 Февраля (2 Марта) 1864 года, безъ различія пространства недвижимаго, равно цѣнности принадлежащаго къ тому же наслѣдству движимаго имущества, и

б) когда имущество состоитъ изъ поземельныхъ участковъ, поступившихъ въ собственность сельскихъ жителей на основаніи упомянутыхъ указовъ, и кромѣ того изъ участковъ, пріобрѣтенныхъ независимо отъ сихъ участковъ, и когда это послѣднее имущество обнимаетъ пространство не болѣе *одной уволоки* и на немъ нѣтъ другихъ строеній, кромѣ необходимыхъ въ обыкновенномъ хозяйствѣ, а стоимость движимаго не достигаетъ *тысячи пятисотъ* рублей.

Лицо, пріобрѣвшее право на полученіе причитающейся наслѣднику части наслѣдства, не можетъ еще считаться— впредь до выдѣла—пріобрѣтателемъ недвижимаго имущества, а является только преемникомъ наслѣдственныхъ правъ продавца, вслѣдствіе чего лицо это можетъ отыскивать пріобрѣтенную часть изъ владѣнія остальныхъ сонаслѣдниковъ не иначе, какъ только искомъ, принадлежавшимъ прежде наслѣднику, т. е. искомъ о раздѣлѣ наслѣдства. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 202 по д. Фридмана съ Гелгутою*).

Такъ какъ, въ силу Выс. Указа Прав. Сенату 1 Іюля 1869 года объ уменьшеніи числа городовъ въ Царствѣ Поль-

скомъ, повелѣно было тѣ изъ городовъ, которые не имѣли въ дѣйствительности значенія городскихъ поселеній, переименовать въ посады и распространить на нихъ дѣйствіе Указа 19 Февраля 1864 года объ устройствѣ сельскихъ гминъ и всѣхъ изданныхъ въ развитіе его постановленій, то посему выраженіе ст. 116 „сельскихъ жителей" заключаетъ въ себѣ какъ жителей деревень, такъ и мѣщанъ-рольниковъ, жителей сельскихъ посадовъ. *(Рѣш. Сен. 79 г. № 327 по дѣлу Лясковскихъ).*

Буквальный смыслъ ст. 116 Полож. о прим. показываетъ, что дѣла по раздѣламъ упомянутыхъ въ этой статьѣ имуществъ подсудны гминнымъ судамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлъ возникаетъ *изъ наслѣдованія*, а *не изъ какого либо другаго правооснованія*, и одно то обстоятельство, что наслѣдники означены въ ликвидаціонной табели по имени не служитъ основаніемъ къ признанію подобной просьбы о раздѣлѣ неподсудною мировымъ судебнымъ установленіямъ. *(Рѣш. Сен. 80 г. № 189 по д. Микличъ съ Гурскимъ).*

По 116 ст. Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., гминнымъ судамъ подсудны лишь такіе дѣла о крестьянскомъ *недвижимомъ* имуществѣ, которые касаются *наслѣдованія и раздѣла по наслѣдству*, т. е. такіе, предметомъ которыхъ служитъ наслѣдственное имущество и въ которыхъ участвуютъ лишь наслѣдники лица, послѣ котораго открылось данное наслѣдство, или лица, представляющіе ихъ права. Споры, выходящіе изъ этихъ предѣловъ, не подлежатъ разбирательству гминныхъ судовъ. На этомъ основаніи, гминные суды, вообще говоря, не могутъ входить въ разсмотрѣніе спора о томъ, входитъ ли данное имущество въ составъ наслѣдственнаго. Когда такой споръ возникаетъ между наслѣдниками, то, при извѣстныхъ условіяхъ,—когда, напр., возникаетъ вопросъ о дѣйствительности раздѣла, сдѣланнаго при жизни наслѣдодателя, когда—во всякомъ случаѣ—споръ не выходитъ изъ предѣловъ понятія о *раздѣлѣ*, — онъ можетъ быть подсуденъ гминнымъ судамъ. Но если возни-

каетъ споръ о принадлежности имущества, — раздѣлъ котораго требуется въ качествѣ наслѣдственнаго,—постороннему лицу, то такой споръ, выходя изъ предѣловъ дѣла о наслѣдованіи или о раздѣлѣ и касаясь *правъ посторонняго лица* на спорное имущество, не можетъ подлежать разрѣшенію гминнаго суда, на основ. 117 ст. п. 1 — тогоже положенія. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 73 по д. Недерля съ Каворжъ*).

Ст. 117. Вѣдомству мировыхъ судей и гминныхъ судовъ не подлежатъ:

1) иски о правѣ собственности, а также о правахъ: эмфитевтическомъ, безсрочной аренды, вѣчно-чиншевомъ, на поверхность или же на нѣдра земли, на сервитуты, заставномъ и о всякомъ вещномъ правѣ на недвижимость;

2) иски, сопряженные съ интересомъ казенныхъ управленій, за исключеніемъ исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія;

3) споры о привилегіяхъ на открытія или изобрѣтенія (въ измѣн. ст. 31).

Судъ, не входя въ разсмотрѣніе существенныхъ при разрѣшеніи споровъ о возстановленіи пользованія правами — вопросовъ о срокѣ, истекшемъ съ момента нарушенія права, и о доказательствахъ фактическаго осуществленія такого права со стороны истцевъ до этого момента, а основывая свое рѣшеніе о правѣ пользованія исключительно на фактѣ истеченія 30-ти лѣтней давности, — разрѣшаетъ споръ не подлежащій вѣдомству мировыхъ судебныхъ учрежденій. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 4 по дѣлу мѣщанъ гор. Влодавы съ Шварценбергомъ и Гр. Замойскимъ*).

Правительствующій Сенатъ уже разъяснилъ (рѣш. 72 г. №№ 467, 759, 1875 г. № 914 и др.), что искъ объ уничтоженіи договора найма недвижимаго имѣнія не можетъ быть отнесенъ къ числу предусмотрѣнныхъ въ 1 п. 31 ст. Уст. гр. суд. исковъ о владѣніи недвижимостью, основанномъ на формальномъ актѣ, и подсуденъ мировымъ судебнымъ установленіямъ на осн. 1 п. 29 ст. Уст. гр. суд.—въ зависимос-

ти отъ цѣны иска. Это разъясненіе Сената тѣмъ болѣе примѣнимо къ Привислянскимъ губерніямъ, что, на осн. 117 ст. Пол. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій исключаются иски о правѣ безсрочной аренды, а потому споры о срочной арендѣ подсудны симъ установленіямъ. *(Рѣш. Сен. 80 г. № 300 по дѣлу Лестнеръ съ Горовичъ).*

Искъ о прекращеніи владѣнія и пользованія отвѣтчика недвижимымъ имуществомъ,— какъ было уже разъяснено въ рѣш. Сената за 82 г. № 134,—можетъ быть подсуденъ мировымъ судебнымъ установленіямъ или на основ. 4 пункта, или же на основаніи 1 п. 29 ст.; къ перваго рода искамъ относятся требованія о *возстановленіи нарушеннаго владѣнія*, и существеннымъ признакомъ оныхъ является утвержденіе истца, что онъ дѣйствительно владѣлъ имѣніемъ и что владѣніе это нарушено самовольнымъ дѣйствіемъ отвѣтчика; на основаніи же 1 п. 29 ст., мировому суду подсудны иски, возникающіе не вслѣдствіе самовольнаго завладѣнія, а въ силу юридическихъ между сторонами отношеній, установленныхъ договоромъ, будетъ ли это договоръ найма недвижимаго имущества, или сдѣлка о безмездномъ пользованіи имѣніемъ, но ни тѣ, ни другіе иски не должны быть смѣшиваемы съ исками о самомъ *правѣ собственности* или о *правѣ на владѣніе* недвижимостью, утвержденномъ на формальномъ актѣ, каковые иски—по 117 ст. Пол. о прим.—не подсудны Мировымъ судебнымъ установленіямъ. Въ виду вышеизложеннаго должно считаться неподсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ такое исковое требованіе, которое хотя и имѣетъ предметомъ прекращеніе владѣнія и пользованія недвижимостью, но которое основывается на нотаріальномъ актѣ и выводится изъ того, что, въ силу этого акта, право собственности на спорное имущество принадлежитъ ему, а не отвѣтчику, который, вслѣдствіе сего, не имѣетъ права проживать въ той недвижимости и подлежитъ выселенію. *(Рѣш. Сен. 83 г. № 38 по дѣлу Шпырки съ Шаварскимъ).*

Ст. 127. Гминный судъ, при постановленіи рѣшенія, можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями. По дѣламъ, для разбирательства коихъ установлены особыя правила, изданныя въ развитіе Высочайшихъ Указовъ 19 Февр. (2 Марта) 1864 года и 28 Окт. (10 Нояб.) 1866 г., а равно въ случаяхъ, положительно въ законахъ означенныхъ, гминный судъ обязанъ постановлять свои рѣшенія на основаніи сихъ особыхъ правилъ и дѣйствующихъ законовъ.

Примѣненіемъ къ дѣлу существующаго будто бы обычая, по собственному почину и безъ требованія о томъ тяжущихся сторонъ или одной изъ нихъ, нарушается главное и коренное условіе, при наличности коего только и можетъ быть допущено примѣненіе обычая къ спорнымъ право-отношеніямъ, какъ то явствуетъ изъ 127 ст. Пол. о прим. *(Рѣш. Сен. 80 г. № 282 по дѣлу Ракутисъ съ Кубилисъ).*

Ст. 137. Искъ предъявляется суду, въ округѣ коего отвѣтчикъ имѣетъ мѣстожительство (ст. 26—35 гр. улож. 25 г.). Изъ сего исключаются положительно указанные въ законѣ случаи, въ коихъ для подсудности установлены особыя правила. (Въ отмѣну ст. 203 и 204 Уст. Гр. Суд.).

Такъ какъ ст. 224 Уст. гр. суд.,—(въ силу которой дѣла иностранцевъ, *находящихся* въ Россіи, какъ между собою, такъ и съ русскими подданными, подлежатъ вѣдомству русскихъ судебныхъ установленій *по общимъ законамъ о подсудности*)— не подверглась въ Выс. Утв. 19 Февр. 75 г. Пол. о прим. Суд. Уст. 1864 года къ Варш. суд. окр. ни отмѣнѣ, ни измѣненію, то статья эта должна сохранять полную силу въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. *(Рѣш. Сен. 79 г. № 20 по д. Розенштейна съ Кротохвилемъ).*

При разрѣшеніи вопроса о подсудности дѣла по иску, предъявленному къ иностранному подданному, находящемуся въ Россіи, судъ не долженъ обращаться къ 13 ст. Гр. Ул. Ц. П. 25 г., а обязанъ, не упуская изъ виду Именнаго Высочайшаго Указа, послѣдовавшаго въ 19-й день Февраля 1875 г., обра-

титься, прежде всего, къ Судебнымъ Уставамъ 1864 года въ связи съ Положеніемъ 19 Февраля 1875 года, имѣя притомъ въ виду 249 ст. сего Положенія, по силѣ коей, всѣ узаконенія, несогласныя съ Судебными Уставами 1864 года и съ тѣми измѣненіями, которыя въ нихъ сдѣланы приведеннымъ Положеніемъ,—отмѣняются. *(То же рѣшеніе).*

Ссылка въ 137-й ст. Полож. о прим. на ст. 26—35 Граж. Ул. 25 г. учинена лишь въ цѣли объясненія, что именно слѣдуетъ разумѣть, на пространствѣ территоріи края, мѣстомъ жительства *каждаго туземца* и *каждаго жителя края*, и статья эта не исключаетъ вовсе обязательности разрѣшенія вопроса о подсудности иска, предъявленнаго къ иностранному подданному, находящемуся въ Россіи, — на осн. 224 Ус. гр. суд., дающей общее руководящее основаніе, въ силу коего дѣла иностранцевъ, находящихся въ Россіи, подвѣдомственны русскимъ судебнымъ установленіямъ. (*То же рѣшеніе*).

Ст. 148. При примѣненіи ст. 366—498 Ус. гр. суд. къ искамъ, проистекающимъ изъ обязательствъ, соблюдаются также особыя постановленія о доказательствахъ, изложенныя въ Гражд. Кодексѣ, за исключеніемъ статей 1315—1319, 1322—1327, 1329, 1330, 1333—1336, 1341—1347 и 1357—1369.

Ст. 1341 Гр. Код., въ которой содержится общее правило о допущеніи свидѣтельскихъ показаній, со введеніемъ въ Варш. судеб. округѣ Суд. Уставовъ 1864 года, замѣнена ст. 409 и 410 Уст. гр. суд. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 85 по д. Лихтенберга съ Гольденрингомъ*).

Мировой Съѣздъ нарушилъ 148 ст. Полож. 19 Февр. 75 г., отклонивъ допросъ свидѣтелей на томъ основаніи, что отпускъ товара въ кредитъ не можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями, тогда какъ нигдѣ въ Гражданскомъ Кодексѣ такого правила не имѣется. (*Рѣш. Сен. 83 г. по д. Рацлава съ Грабинскимъ, не вошедшее въ сборникъ*).

Ст. 226. Предъявленіе исковъ и отвѣтовъ по онымъ со стороны казенныхъ и городскихъ управленій, больницъ,

богоугодныхъ заведеній, духовныхъ и другихъ учрежденій, состоящихъ въ вѣдѣніи правительственныхъ установленій, возлагается на обязанность губернскихъ правленій, казенныхъ палатъ, губернскаго и городскаго общественнаго призрѣнія и другихъ мѣстныхъ управленій, подлежащаго вѣдомства. а за неимѣніемъ ихъ—на обязанность мѣстныхъ по каждому вѣдомству начальствъ. Означеннаго рода дѣла производятся посредствомъ прокураторіи. (Въ отмѣну 1284 ст.).

Ст. 227. Управленія и учрежденія, защищающія дѣла, сопряженныя съ интересомъ казны или правительственныхъ и общественныхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи правительствъ, учрежденій, ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ въ лицѣ прокураторіи. (Въ отмѣну ст. 1285).

Ст. 229. Установленныя въ статьяхъ 1310, 1313 и 1315 Уст. гражд. судопр. правила относительно мировыхъ судей распространяются и на гминные суды. (Въ дополн. ст. 1310, 1313 и 1315).

Въ виду распространенія Выс. Утв. 19 Февр. 75 г. Положеніемъ (ст. 229) дѣйствія ст. 1313 Уст. гр. суд. и на гминные суды Варш. суд. окр., слѣдуетъ признать, что изъ числа дѣлъ, кои, по ст. 226 и 227 Полож. 19 Февр. 75 года, защищаются въ судебныхъ учрежденіяхъ Варшавскаго округа Прокураторіей, исключаются иски о нарушеніи владѣнія. Подобные иски могутъ быть предъявляемы въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ тѣми учрежденіями или лицами, въ непосредственномъ завѣдываніи которыхъ состоитъ спорное имущество. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 19 по д. Ситоржа и др. съ Сѣдлецкимъ правосл. пріютомъ и др.*).

Ст. 241. Судопроизводство въ судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго судебнаго округа происходитъ на русскомъ языкѣ.

По смыслу 241 ст. Полож. о прим. Суд. Уст. къ В. С. О., слѣдуетъ признать, что правило, изложенное во 2 п. 263 ст. Уст. гражд. суд. (о необходимости представлять при исковомъ

прошеніи переводы документовъ, писанныхъ на иностранномъ языкѣ), относится ко всѣмъ вообще актамъ, писаннымъ не на русскомъ языкѣ,—слѣдовательно и на польскомъ, ибо правило то (2 п. 263 ст. Уст. гр. суд.), имѣя процессуальное значеніе, должно распространяться и на акты, совершенные въ Царствѣ Польскомъ до введенія судебной реформы и представляемые не только при исковыхъ прошеніяхъ, но и въ апелляціонной инстанціи. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 92 по д. Тетковскихъ и др. съ Вернеръ и др.*).

Если въ означенной 241 ст. говорится, что вообще все *судопроизводство* должно происходить на русскомъ языкѣ, то подъ это правило должны, очевидно, подходить и всѣ представляемые тяжущимися бумаги и документы, входящіе въ составъ дѣла и подлежащіе обсужденію суда, для выводовъ его о правильности требованій и возраженій сторонъ и для постановленія рѣшеній и опредѣленій, а не одно изложеніе на русскомъ языкѣ приговоровъ, рѣшеній, постановленій и опредѣленій и вообще всѣхъ письменныхъ актовъ отъ суда исходящихъ. (*То же рѣшеніе*).

Ст. 242. Производство по губернскимъ и окружнымъ ипотекамъ подчиняется дѣйствующимъ по сему предмету правиламъ съ примѣненіемъ оныхъ къ порядку гражданскаго судопроизводства, предписанному настоящимъ Положеніемъ.

Такъ какъ въ Положеніи о прим. суд. уст. къ В. С. О. не сдѣлано никакаго отступленія отъ предписаннаго судебнымъ уставомъ порядка обжалованія частныхъ опредѣленій окружныхъ судовъ и не установлено для частныхъ опредѣленій сихъ судовъ, въ порядкѣ ипотечнаго производства, никакихъ особыхъ отъ общаго порядка изъятій; на основаніи же ст. 781—791 Уст. гр. суд., по общему правилу, жалобы на частныя опредѣленія окружныхъ судовъ приносятся подлежащимъ судебнымъ палатамъ въ сроки, тѣмъ же уставомъ опредѣленные, то въ виду вышеизложеннаго слѣдуетъ придти къ тому выводу, что частныя опредѣленія окружныхъ судовъ по жалобамъ на

ипотечныя отдѣленія при мировыхъ судьяхъ, т. е. частныя опредѣленія, постановляемыя окружными судами въ качествѣ ипотечнаго начальства, не почитаются окончательными и поэтому подлежатъ обжалованію не въ Правительствующій Сенатъ въ порядкѣ кассаціонномъ, а въ судебную палату на основаніи порядка, уставомъ гражд. суд. опредѣленнаго. (*Рѣшеніе Сен. 82 г. № 31 по д. Шреттера съ Биренцвайгомъ*).

Ст. 248. Постановленія Судебныхъ Уставовъ, которыя, на основаніи настоящаго Положенія, не примѣняются въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, вслѣдствіе дѣйствія въ сихъ губерніяхъ ипотечнаго порядка, особыхъ гражданскихъ законовъ либо иныхъ узаконеній, или же въ примѣненіи видоизмѣняются по причинамъ, указаннымъ въ предъидущихъ 243—245 статьяхъ, должны быть соблюдаемы въ точности по отношенію къ правамъ, опредѣляемымъ и охраняемымъ дѣйствующими въ прочихъ частяхъ Имперіи узаконеніями.

Ст. 249. Всѣ узаконенія, несогласныя съ постановленіями Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года и съ тѣми измѣненіями, которыя въ нихъ сдѣланы настоящимъ Положеніемъ, отмѣняются.

Въ виду того, что Выс. Утв. 5 Іюля 1844 г. мнѣніе Госуд. Совѣта вошло въ X т. ч. 1 Св. зак. гражд., изложено въ ст. 1287—1295 и составляетъ законъ, коимъ суды при опредѣленіи правъ жителей Имперіи и Царства Польскаго обязаны руководствоваться, притомъ со всѣми измѣненіями и дополненіями, кои въ нихъ послѣдовали и могутъ послѣдовать; въ виду также того, что Выс. утв. вр. прав. 5 Апр. 69 года,—въ ст. 16 коихъ изображено, что духовныя завѣщанія должны быть представляемы для утвержденія къ исполненію въ окружный судъ, или по мѣсту нахожденія завѣщаннаго имущества, или же по мѣсту жительства наслѣдодателя,—вошло въ видѣ примѣчанія не къ ст. 1408 Уст. гр. суд., а къ статьямъ 1283—1295 т. X. ч. 1, а въ сихъ послѣднихъ, именно, изложены тѣ самыя правила, кои находятся и въ Выс. утв. 5 Іюля 1844 г. мнѣн. Госуд.

Сов.,—слѣдуетъ признать, что судебныя учрежденія, образованныя на основаніи Судебныхъ Уставовъ, и обязанныя безусловно примѣнять эти правила 69 года, изданныя въ дополненіе къ Выс. утв. 5 Іюля 44 г. мн. Гос. Совѣта, имѣютъ право и обязаны принимать завѣщанія къ утвержденію уже не по мѣсту водворенія, не по званію или состоянію наслѣдодателя (какъ установлено было Мн. Гос. Сов. 5 Іюля 44 г.), а лишь исключительно или по мѣсту жительства, или же по мѣсту нахожденія имущества. Вслѣдствіе сего духовныя завѣщанія постоянныхъ жителей Имперіи, временно пребывающихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, не могутъ быть принимаемы судебными учрежденіями Имперіи къ утвержденію, коль скоро завѣщательное распоряженіе касается такого имущества, которое находится въ предѣлахъ губерній Царства Польскаго и если самъ завѣщатель имѣлъ мѣстопребываніе не въ томъ краѣ, къ коему по состоянію и званію или постоянному водворенію принадлежалъ. Такимъ образомъ въ губерніяхъ Царства Польскаго во всѣхъ случаяхъ, кои имѣлъ въ виду законъ 5 Іюля 44 года, единственныя судебныя учрежденія, имѣющія право принимать духовныя завѣщанія къ утвержденію, суть суды мѣстные, образованные, подобно судамъ Имперіи, на основаніи Судебныхъ Уставовъ. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 117 по д. Гликсонъ съ Польскимъ Банкомъ*).

Ст. 87 Уст. объ особ. произ. Опечатанное или описанное имущество сохраняется по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 1009—1020 Уст. гражд. суд.

Ст. 87 Устава объ особ. произв. въ окр. Варш. суд. пал., указывая, что опечатанное или описанное имущество сохраняется по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 1009—1020 Уст. гр. суд., тѣмъ самымъ опредѣляетъ, что распоряженіе о храненіи можетъ касаться того лишь имущества, которое подлежитъ опечатанію или, описи, по предъидущимъ статьямъ. Изъ сопоставленія этихъ статей, въ томъ числѣ ст. 37, 43, п. 5 ст. 50, ст. 82, 84 и 85, ясно, что опечатанію и описи подвергается наличное имущество наслѣдодателя, а въ отношеніи долговаго

его имущества—опечатаніе и опись распространяются только на документы, удостовѣряющіе права наслѣдодателя; но самое имущество, причитающееся по этимъ документамъ наслѣдодателю и находящееся у другихъ лицъ по договорамъ ихъ съ наслѣдодателемъ, не отбирается отъ контрагентовъ, у которыхъ оно находится, для наложенія печатей и включенія въ опись. Если же такое имущество не отбирается отъ третьихъ лицъ для опечатанія и описи, то, въ силу 87 ст., это имущество не можетъ быть взято понудительнымъ способомъ и для принятія мѣръ къ его охраненію. Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что законъ не предоставляетъ мировому судьѣ, въ порядкѣ охраненія наслѣдства, дѣлать распоряженія о прекращеніи договоровъ наслѣдодателя посредствомъ понудительнаго истребованія его имущества отъ его контрагентовъ. Понудительное отобраніе имущества, находящагося у кого либо по договору съ наслѣдодателемъ, можетъ быть произведено, на основаніи ст. 1 и 4 и п. 1 ст. 933 Уст. гр. суд., только по судебному рѣшенію, состоявшемуся въ исковомъ порядкѣ, по иску, предъявленному наслѣдникомъ или надлежащимъ представителемъ правъ наслѣдодателя къ лицу, которому по договору было передано имущество. Поэтому, распоряженіе мироваго судьи, въ порядкѣ охраненія наслѣдства, объ истребованіи изъ частнаго Банка закладныхъ листовъ наслѣдодателя, находившихся въ Банкѣ по договору поклажи,—представляется неправильнымъ. (*Рѣш. Сен. 82 г., № 70 по д. Варш. Ком. Банка съ Улановскимъ*).

Ст. 95 Уст. объ особ. пр. Жалобы на несоблюденіе при опечатаніи, снятіи печатей и составленіи инвентарной описи установленныхъ закономъ правилъ, а также споры, возникающіе при исполненіи дѣйствій по охраненію имущества умершаго, предъявляются подлежащему мировому судьѣ или гминному суду въ теченіе срока, установленнаго въ статьѣ 1202 Уст. гражд. судопр.

Необжалованіе инвентарной описи въ срокъ, установленный ст. 95 Уст. объ особ. произв. и 1202 ст. Уст. гр. суд., не

дѣлаетъ еще всѣхъ статей этой описи безспорными и не лишаетъ наслѣдниковъ права возражать впослѣдствіи противъ существованія того или другаго показаннаго въ описи долга наслѣдодателя. (*Рѣш. Сен. 83 г. по д. Попелярскаго съ Попелярскими, не вошедшее въ Сборникъ*).

113 ст. Просьба о раздѣлѣ наслѣдственнаго недвижимаго имущества, указаннаго въ ст. 116 Пол. о пр. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., подается подлежащему гминному суду.

Возраженія отвѣтчика—по иску о раздѣлѣ наслѣдства—о состоявшемся уже раздѣлѣ наслѣдственной усадьбы на основаніи духовнаго завѣщанія наслѣдодателя и представленіе имъ къ дѣлу такого завѣщанія никакъ не могутъ иску, подсудному по роду своему гминному суду, придать значеніе иска, ему неподсуднаго, такъ какъ—по неоднократнымъ разъясненіямъ Сената. (Рѣш. 74 г. № 303, 75 г. № 203, 76 г. № 90, 77 г. № 214 и др.).—Подсудность дѣла опредѣляется свойствомъ исковаго требованія, а не возраженіями отвѣтчика. Вышеуказанное возраженіе и представленіе къ дѣлу духовнаго завѣщанія могли имѣть вліяніе только на исходъ дѣла по существу, на опредѣленіе судомъ, по соображеніи этого акта съ закономъ, правъ сонаслѣдниковъ на причитающіяся имъ доли изъ наслѣдственной усадьбы. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 232 по д. Залевскихъ*).

120 ст. Уст. объ особ. произв. Правила о раздѣлѣ наслѣдства, установленныя Гражданскимъ Кодексомъ, не обязательны для гминныхъ судовъ, которые руководствуются въ семъ отношеніи особыми правилами.

Указаніе просителя на нарушеніе съѣздомъ—при разборѣ дѣла о наслѣдствѣ—ст. 824 и 827 Код. представляется незаслуживающимъ уваженія въ виду 120 ст. Уст. объ ос. произв. въ Варш. суд. окр. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 327 по д. Ясковскихъ*).

120-ю статьею Прав. объ особ. произв. отмѣнены только правила о раздѣлѣ, а не законы о матеріальномъ правѣ наслѣдованія, изложенные въ Гражд. Кодексѣ, при дѣйствіи которыхъ съѣздъ, въ виду 120 ст., не имѣлъ основанія руковод-

ствоваться обычаемъ, опредѣляя наслѣдственныя права тяжущихся сторонъ. (*Рѣш. Сен. 83 г. по д. Гричко съ Рыбакъ, не вошедшее въ Сборникъ*).

Гминные суды, по предъявленіи кѣмъ либо изъ сонаслѣдниковъ требованія о раздѣлѣ крестьянской усадьбы, должны дѣлать распоряженіе о вызовѣ къ дѣлу всѣхъ имѣющихся въ виду сонаслѣдниковъ или ихъ законныхъ представителей, хотя бы лицо, заявившее требованіе о раздѣлѣ, и не просило само о таковомъ вызовѣ; этотъ вызовъ, необходимый по самому существу подготовительныхъ къ совершенію раздѣла дѣйствій (опредѣленіе общей наслѣдственной массы и вычисленіе причитающихся сонаслѣдникамъ долей), требуется еще вслѣдствіе особаго правила, изложеннаго въ Постановленіи Учредительнаго Комитета 30 Дек. 65 г. (11 Янв. 66 г.). Правило это воспрещаетъ дѣлить въ натурѣ крестьянскія наслѣдственныя усадьбы на части менѣе 6-ти морговъ новопольской мѣры, подъ опасеніемъ недѣйствительности акта о раздѣлѣ и отвѣтственности должностныхъ лицъ, совершившихъ оный. Посему гминные суды, для разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса о томъ, возможенъ ли раздѣлъ наслѣдственной усадьбы въ натурѣ, обязаны приводить въ точную извѣстность размѣръ причитающейся каждому сонаслѣднику доли, а это можетъ быть исполняемо только при вызовѣ къ раздѣлу всѣхъ имѣющихся въ виду сонаслѣдниковъ, для заявленія и огражденія ими предъ судомъ своихъ правъ. (*Рѣш. Сен. 81 г. № 167 по д. о раздѣлѣ наслѣдства Гелуда*).

2 ст. Прав. о прим. къ В. С. О. Полож. о нотар. части. Завѣдываніе нотаріальною частью, подъ наблюденіемъ судебныхъ установленій, поручается нотаріусамъ, состоящимъ при ипотечныхъ канцеляріяхъ окружныхъ судовъ и мировыхъ судей. Должности же старшаго нотаріуса не учреждается.

Нотаріусы, состоящіе при уѣздныхъ ипотечныхъ канцеляріяхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, могутъ исполнять свои должностныя обязанности во всемъ томъ округѣ окруж-

наго суда, въ которомъ они имѣютъ мѣстопребываніе. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 37 по предлож. Оберъ-Прокурора*).

23 ст. Прав. о прим. къ В. С. О. Полож. о нотар. части. Кругъ дѣйствій нотаріусовъ заключается:

1) Въ совершеніи для желающихъ всякаго рода актовъ, кромѣ особо изъятыхъ отъ сего закономъ;

2) Въ выдачѣ выписей изъ актовъ и копій оныхъ;

3) Въ совершеніи засвидѣтельствованій;

4) Въ принятіи на храненіе представляемыхъ частными лицами документовъ, и

5) Въ совершеніи дѣйствій, указанныхъ въ Уставѣ объ особыхъ производствахъ.

Въ виду того обстоятельства, что по 23 ст. Прав. о пр. нот. Полож. къ Варш. суд. окр., установленный симъ Положеніемъ порядокъ засвидѣтельствованія явки актовъ вообще (ст. 65 п. 4) и довѣренностей въ особенности (ст. 128 п. 6) на этотъ округъ не простирается, и что, затѣмъ, для формальныхъ (т. е. не домашнихъ) довѣренностей въ этомъ округѣ остается лишь одна форма—нотаріальная (нот. Пол. ст. 79 и слѣд.): полномочіе лицу, несостоящему въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, на веденіе въ Гражд. Кас. Департаментѣ дѣлъ этого округа, по смыслу ст. 247 Уст гр. суд., можетъ быть удостовѣрено лишь нотаріальною довѣренностью. (*Рѣш. Сен. 83 г. № 58 по д. Шплистера съ Пудеромъ*).

ПОСТАНОВЛЕНІЕ
УЧРЕДИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА
ПО ДѢЛАМЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО

30 Декабря 1865 года

и

ДРУГІЯ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЯ, ОТНОСЯЩІЯСЯ

ДО ГУБЕРНІЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО,

а также

409 ст. Уст. гражд. суд.

7 ст. Выс. Ук. 24 Мая 62 г. Со дня обнародованія настоящаго Указа никакіе письменные акты, гражданскіе или торговые, какъ напримѣръ: завѣщанія, договоры, условія, обязательства, векселя, счеты, торговыя книги и переписки, и всякіе иные акты и документы, не будутъ совершаемы или подписываемы на еврейскомъ или жидовско-нѣмецкомъ языкѣ, ниже на какомъ либо иномъ языкѣ еврейскимъ письмомъ, подъ опасеніемъ недѣйствительности акта по самому закону.

Правило, выраженное въ приведенной ст. 7, является не согласнымъ съ постановленіями Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года, а именно со ст. 263, 539 и 540 Уст. гражд. суд., разъясненными неоднократно въ томъ смыслѣ, что документъ не можетъ быть признанъ ничтожнымъ единственно по той причинѣ, что онъ писанъ и подписанъ по еврейски, а равно не предусмотрѣно это правило и въ Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., по точному же смыслу 249-й ст. этаго Положенія „всѣ узаконенія, несогласныя съ постановленіями Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года и съ тѣми измѣненіями, которыя въ нихъ сдѣланы настоящимъ Положеніемъ, отмѣняются"; поэтому надлежитъ признать, что послѣ введенія въ Царствѣ Польскомъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года — ст. 7 Указа 24 Мая 1862 года потеряла свою силу. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 219 по д. Хондзинскаго съ Лигитъ*).

Ст. 2 Пост. Ком. по дѣл. Ц. П. 30 Нояб. 65 г. Въ имѣніяхъ частныхъ, институтскихъ, маіоратныхъ и прочихъ, вне-

сеніе въ ликвидаціонной табели крестьянина, какъ дѣйствительнаго владѣльца и хозяина усадьбы, служитъ для него доказательствомъ права собственности, противъ котораго никакого спора не принимается.

На осн. п. 2 Выс. утв. 30 Ноября 1865 года Полож. Комитета по дѣламъ Царства Польскаго (Дневн. Зак. т. 63 стр. 396) и подтвержденнаго Выс. ч. повелѣніемъ 23 Сентября 1871 года, въ имѣніяхъ частныхъ, [illegible], майоратныхъ и прочихъ, внесеніе въ ликвидаціонную табель крестьянина, какъ дѣйствительнаго владѣльца и хозяина усадьбы, служитъ для него доказательствомъ права собственности, противъ котораго никакого спора не принимается. Въ соображеніяхъ къ означенному Положенію Комитета по дѣламъ Царства Польскаго прямо и положительно высказано, что разборъ и рѣшеніе споровъ крестьянъ объ усадьбахъ, утверждаемыхъ въ ихъ собственность на основаніи указа 19 Февраля (2 марта) 1864 года, и разрѣшеніе вопроса о томъ, кому изъ крестьянъ должна быть предоставлена усадьба, принадлежитъ къ роду тѣхъ дѣйствій, кои составляютъ существенную часть приведенія въ исполненіе указовъ 19 Февраля и относятся къ вѣдомству учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Тамъ же высказано, что дозволеніе предъявлять (судебнымъ порядкомъ) иски объ усадьбахъ противъ тѣхъ крестьянъ, кои по ликвидаціонной табели признаны уже владѣльцами усадьбы, представляло бы собою такую мѣру, которая вовлекла бы крестьянъ въ нескончаемыя тяжбы, уничтожила бы въ нихъ всякую увѣренность въ твердости дарованныхъ имъ правъ на усадьбы и отдалила бы на неопредѣленное время окончательное устройство крестьянъ, столь необходимое для развитія ихъ благосостоянія. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 227 по д. Следзъ*).

Въ виду редакціи 2 п. Выс. утв. 30 Нояб. 65 г. Пол. Ком. по дѣламъ. Ц. Польс., тотъ взглядъ, что ликвидаціонная табель регулируетъ лишь отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, а никакъ не можетъ регулировать отношенія между крестьянами, права которыхъ основываются на общихъ граждан-

скихъ законахъ,—находится [illegible]ъ противорѣчіи съ соображеніями и текстомъ вышеупомянутаго Положенія Комитета по дѣламъ Царства Польскаго. Независимо отъ сего, на осн. ст. 3215 Пост. Учрежд. Комит. (Т. 21, стр. 78), исправленіе ликвидаціонныхъ табелей и данныхъ послѣ окончательнаго ихъ утвержденія подлежитъ, равнымъ образомъ, вѣдомству учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и допускается лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, кои въ семъ Постановленіи прямо и положительно указаны; изъ чего ясно вытекаетъ, что никакое другое учрежденіе, кромѣ учрежденій, завѣдывающихъ крестьянскимъ дѣломъ, не вправѣ разсматривать правильно или ошибочно тотъ или другой крестьянинъ внесенъ въ ликвидаціонную табель или данную, какъ дѣйствительный владѣлецъ и хозяинъ усадьбы, и рѣшеніемъ своимъ отсуждать отъ него право собственности, предоставленное ему въ силу Выс. указа 19 Февраля 1864 года и укрѣпленное за нимъ ликвидаціонною табелью. (*То же рѣшеніе*).

По точному смыслу Положенія Комитета по дѣл. Ц. Польск. отъ 30 Ноября 1865 года и на осн. 116 ст. Пол. о пр. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., гминнымъ судамъ принадлежитъ право разсматривать и разрѣшать споры по наслѣдованію и возникающимъ изъ сего раздѣламъ недвижимыхъ имуществъ, поступившихъ въ собственность крестьянъ на основаніи Указа 19 Февраля 1864 года, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдство открылось уже послѣ лица, въ ликвидаціонную табель записаннаго, или когда въ самой ликвидаціонной табели усадьба записана за наслѣдниками того или другаго лица; но гминнымъ судамъ не предоставлено право разсматривать и разрѣшать споры о томъ, поскольку внесеніе въ ликвидаціонную табель извѣстнаго опредѣленнаго лица, какъ владѣльца и хозяина усадьбы, нарушало наслѣдственныя права другихъ лицъ, отъ общаго родоначальника съ нимъ происходящихъ. Разрѣшеніе этого рода споровъ подлежитъ вѣдомству учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, ибо споры сіи, въ конечномъ результатѣ и по своимъ послѣдствіямъ, клонятся къ исправленію ликвидаціонныхъ табелей и

къ отсужденію правъ собственности на усадьбы отъ тѣхъ лицъ, кои въ ликвидаціонныхъ табеляхъ записаны, — посредствомъ предоставленія, по праву наслѣдованія, участвовать въ раздѣлѣ стоимости усадьбы такимъ лицамъ, права коихъ возникли еще до утвержденія табели, и притомъ послѣ такихъ лицъ, кои, хотя до изданія Выс. ук. 19 Февр. 64 г. усадьбами и владѣли, но при утвержденіи табелей хозяевами усадьбъ не показаны. (*То же рѣшеніе*).

1 ст. Пост. Учред. Ком. по д. Ц. Польс. отъ 30 Дек. 65 года.—Каждому усадебнику предоставляется право отдавать въ наймы, закладывать и отчуждать пріобрѣтенную имъ въ собственность усадьбу; но въ видахъ предупрежденія разстройства въ хозяйственномъ быту крестьянъ, это право подчиняется слѣдующимъ временнымъ ограниченіямъ:

а) домъ и надворныя строенія, находящіеся на усадьбѣ, не могутъ быть ни закладываемы, ни отчуждаемы отдѣльно отъ земли;

б) брать въ залогъ и пріобрѣтать усадьбы, предоставляемыя крестьянамъ въ собственность на льготныхъ для нихъ условіяхъ Высочайшаго указа 19 Февраля (2 марта) 1864 года объ устройствѣ крестьянъ, могутъ только крестьяне.

2 Ст. Всѣ договоры объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ крестьянскихъ усадьбъ должны быть совершаемы только формальнымъ явочнымъ порядкомъ, у регента, съ соблюденіемъ всѣхъ существующихъ правилъ при совершеніи подобнаго рода актовъ. Договоры, совершенные инымъ порядкомъ, считаются недѣйствительными въ силу самаго закона.

Ст. 3—12.

Ст. дополнительная. **Всѣ договоры объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ крестьянскихъ усадьбъ, заключенные до изданія настоящихъ правилъ, должны быть облечены въ предписанныя настоящимъ постановленіемъ формы; а**

тѣ, которые состоялись вопреки ст. 18 Высочайшаго указа 19 февраля (2 марта) 1864 года, считаются недѣйствительными со всѣми послѣдствіями, установленными въ настоящихъ правилахъ.

По точному смыслу этого Постановленія Учредительнаго Комитета, имъ воспрещается отчужденіе крестьянскихъ усадебныхъ мѣстъ по домашнимъ сдѣлкамъ, т. е. передача по такимъ сдѣлкамъ права собственности, и только въ этомъ отношеніи оно считаетъ домашнія сдѣлки—недѣйствительными. Согласно сему нельзя требовать осуществленія домашней сдѣлки объ отчужденіи крестьянской усадьбы, но когда послѣ состоявшагося объ отчужденіи усадьбы предварительнаго соглашенія сторонъ, изложеннаго въ видѣ домашняго акта, будетъ совершенъ договоръ купли-продажи порядкомъ нотаріальнымъ, то въ случаѣ спора между покупщикомъ и продавцемъ о сущности условій этого нотаріальнаго договора, вышеозначенное Постановленіе Учредительнаго Комитета не препятствуетъ имъ, для разъясненія предъ судомъ дѣйствительнаго смысла условій нотаріальнаго договора, ссылаться на тотъ домашній актъ, и судъ не можетъ отказываться отъ принятія его въ соображеніе подъ предлогомъ недѣйствительности его, ибо актъ этотъ недѣйствителенъ лишь въ томъ отношеніи, что самъ по себѣ не можетъ имѣть послѣдствій нотаріальнаго договора—отчужденіе усадьбы, тѣмъ не менѣе однако можетъ, въ случаѣ сомнѣнія, удостовѣрить, въ чемъ именно состояли воля и соглашеніе договаривавшихся сторонъ и какія были дѣйствительныя условія сего соглашенія. (*Рѣш. Сен. 78 г. № 244 по д. Янковскаго съ Хойновскимъ*).

Постановленіе Учредительнаго Комитета 30 Дек. 1865 г. предписываетъ совершать нотаріальнымъ порядкомъ лишь договоры объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ крестьянскихъ усадьбъ, разумѣя подъ отчужденіемъ, главнымъ образомъ, договоръ купли-продажи, какъ то вытекаетъ изъ точнаго смысла п. 3, 4, 6 и 7 того же Постановленія, раздѣлъ же между сонаслѣдниками общаго наслѣдственнаго имущества не составляетъ

отчужденія и не принадлежитъ къ числу сдѣлокъ о переходѣ права собственности отъ однаго лица къ другому, ибо, по ст. 883 Гр. Код., каждый сонаслѣдникъ признается единственнымъ и непосредственнымъ преемникомъ наслѣдодателя во всѣхъ имуществахъ, содержащихся въ его долѣ, либо доставшихся ему съ публичныхъ торговъ, и никогда не имѣвшимъ права собственности на другіе предметы наслѣдства, т. е. каждый сонаслѣдникъ, по совершеніи раздѣла, производитъ свои права прямо и непосредственно отъ наслѣдодателя, а не отъ своихъ сонаслѣдниковъ: ни одинъ изъ наслѣдниковъ отъ другихъ своихъ сонаслѣдниковъ ничего не пріобрѣтаетъ, и въ свою очередь ничего имъ не передаетъ, а по сему и сдѣлки о раздѣлѣ наслѣдства, не принадлежа къ числу сдѣлокъ о переходѣ права собственности, дѣйствію Постановленія Учредительнаго Комитета не подлежатъ. Напротивъ того, раздѣлъ наслѣдства, согласно 919 ст. Код., можетъ быть произведенъ въ такой формѣ и посредствомъ такого акта, какъ заинтересованныя стороны признаютъ это удобнымъ. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 216 по д. Янковскихъ*).

Постановленіе Учредительнаго Комитета 30 Декабря 65 г. касается порядка совершенія *договоровъ объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ* крестьянскихъ усадьбъ, и поэтому, по самому назначенію своему, не можетъ имѣть никакого примѣненія *къ завѣщательнымъ актамъ. (Рѣш. Сен. 84 г. № 43 по дѣлу Кржтонь съ Вальчакомъ).*

Постановленіе Учредительнаго Комитета отъ 30 Декабря 65 г. (11 Января 66 г.) о порядкѣ отчужденія пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность усадьбъ, установляя, что для отчужденія такихъ усадьбъ необходимо совершеніе акта отчужденія формально-явочнымъ порядкомъ у регента и что, при неисполненіи сего порядка, сдѣлка признается недѣйствительною (ст. 2 и 6), говоритъ затѣмъ въ дополнительной статьѣ о сдѣлкахъ, заключенныхъ до изданія настоящихъ правилъ, и изъ содержанія ея нельзя не усмотрѣть, что въ ней *о недѣйствительности* сдѣлокъ, заключенныхъ до изданія этихъ правилъ домашнимъ порядкомъ, —какъ послѣдствіи не

обращенія ихъ въ формальные акты — ничего не установлено. Одно уже то обстоятельство, что въ этой статьѣ не опредѣленъ даже *срокъ* для обращенія прежнихъ частныхъ сдѣлокъ въ явочные акты, устраняетъ возможность выводить изъ нея недѣйствительность сдѣлокъ, относительно которыхъ неисполнено будетъ выраженное въ такой формѣ требованіе этой статьи. При томъ же, исполненіе этого требованія, т. е. облеченіе частной сдѣлки въ формальный актъ, немыслимо безъ согласія обѣихъ сторонъ, а достигнуть этого не всегда возможно, слѣдовательно, было бы несправедливо ставить сторонѣ, готовой исполнить это требованіе, въ вину невозможность осуществить таковое, за несогласіемъ на это другой стороны. Подтвержденіемъ того, что законодатель не придавалъ приведенной дополнительной статьѣ того значенія, чтобы совершенная до изданія этихъ правилъ частная сдѣлка за необлеченіемъ ея затѣмъ въ формальный актъ—считалась недѣйствительной въ силу самаго закона, служитъ Постановленіе Учредительнаго Комитета отъ 27 Февраля 71 года, разъяснившее, что, при отказѣ сторонъ, заключившихъ частную сдѣлку объ отчужденіи крестьянской усадьбы до изданія настоящихъ правилъ, облечь ее въ установленную тѣми правилами форму, вопросъ о принадлежности усадьбы, въ случаѣ спора, разрѣшается мѣстными по крестьянскимъ дѣламъ коммиссіями (со введеніемъ судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ дѣла сего рода, какъ возникающія изъ договорныхъ отношеній, перешли въ вѣдомство судебныхъ мѣстъ). Такимъ образомъ, согласно этому разъясненію, подобнаго рода неформальныя сдѣлки не только не признаются недѣйствительными въ силу закона, но, напротивъ того, принимаются какъ доказательство при разрѣшеніи спора о принадлежности крестьянской усадьбы, относительно которой была заключена подобная сдѣлка. (*Рѣш. Сен. 84 г. № 17 по дѣлу Когана съ Климовичемъ*).

Одно непредставленіе, при совершеніи акта объ отчужденіи крестьянской усадьбы, требуемаго закономъ удостовѣренія о принадлежности пріобрѣтателя усадьбы къ крестьянскому со-

словію—не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ признанію недѣйствительности совершеннаго безъ таковаго удостовѣренія акта отчужденія, если при этомъ по дѣлу не возбуждается сомнѣнія о дѣйствительной принадлежности пріобрѣтателя, во время совершенія акта, къ означенному сословію. Къ выводу этому слѣдуетъ придти въ виду нижеслѣдующихъ соображеній. Правила о порядкѣ отчужденія, отдачи въ залогъ и дробленія крестьянскихъ усадьбъ (Пост. Учр. Ком. 30 Декаб. 65 г.) установляютъ слѣдующія существенныя условія, безъ которыхъ отчужденіе или залогъ крестьянской усадьбы признаются недѣйствительными въ силу закона: 1) принадлежность пріобрѣтателя или залогодержателя къ крестьянскому сословію (ст. 1 и 3 означенныхъ правилъ); 2) неотдѣлимость усадебныхъ строеній, при ихъ продажѣ или залогѣ, отъ земли, на которой онѣ возведены (ст. 1 и 3); 3) нераздробляемость усадьбы, продаваемой или закладываемой по частямъ, на участки менѣе 6 морговъ (ст. 11), и 4) совершеніе договоровъ объ отчужденіи или залогѣ усадьбы формально-явочнымъ (нотаріальнымъ) порядкомъ, *съ соблюденіемъ всѣхъ существующихъ при совершеніи подобнаго рода актовъ* правилъ (ст. 2). Затѣмъ въ 4-й ст. этихъ правилъ указывается на то, какимъ именно способомъ слѣдуетъ удостовѣряться, при совершеніи актовъ на крестьянскія усадьбы, о принадлежности пріобрѣтателя или залогодержателя къ крестьянскому сословію, для чего прилагается къ акту свидѣтельство мѣстнаго гминнаго войта, основанное на приговорѣ мѣстнаго сельскаго схода, и самый приговоръ о таковой принадлежности, о чемъ отмѣчается на актѣ, а свидѣтельство и приговоръ хранятся въ дѣлахъ, при подлинникѣ акта. Установляя такой способъ удостовѣренія принадлежности покупщика или залогодателя къ крестьянскому сословію, означенная 4-я статья не опредѣляетъ однако того, чтобы неисполненіе этого требованія закона влекло за собою, само по себѣ, признаніе сдѣлки о продажѣ или залогѣ недѣйствительною. Нѣтъ также основанія подводить такое неисполненіе приведеннаго правила подъ дѣйствіе 2-й статьи означеннаго

Постан. Учред. Ком., ибо законъ, установляя въ этой статьѣ, что договоръ объ отчужденіи или залогѣ крестьянской усадьбы долженъ быть непремѣнно совершенъ формально-явочнымъ (нотаріальнымъ) порядкомъ, *съ соблюденіемъ всѣхъ существующихъ при совершеніи подобнаго рода актовъ правилъ,* разумѣетъ здѣсь тѣ общія формальныя правила, которыя установлены для совершенія нотаріальныхъ актовъ вообще, подъ которыя, конечно, не можетъ подходить означенное спеціальное правило о способѣ удостовѣренія правоспособности покупщика или залогопринимателя крестьянской усадьбы. Если, затѣмъ, остановиться на цѣли и значеніи этого правила, то нельзя не придти къ тому заключенію, что неисполненіе этого правила и не могло быть признаваемо законодателемъ въ смыслѣ самостоятельнаго основанія для недѣйствительности акта. Правило это установлено для того, чтобы предотвратить возможность отчужденія или залога крестьянскихъ усадьбъ лицамъ, не принадлежащимъ къ крестьянскому сословію. Поэтому, если оказывается, что крестьянская усадьба по акту отчуждена въ дѣйствительности лицу, имѣющему право пріобрѣтать таковую, то неисполненіе, при совершеніи этого акта, означеннаго правила должно лишь сводиться къ признанію должностнаго лица, совершившаго актъ, виновнымъ въ томъ, что дѣйствительная правоспособность пріобрѣтателя установлена въ актѣ не надлежащимъ для того способомъ, за что лицо это можетъ быть привлечено къ личной отвѣтственности, по ст. 5 означеннаго Постановленія Учредительнаго Комитета. *(Рѣш. Сен. 84 г. № 95 по д. Козбялъ съ Цудзинскимъ).*

Ст. 1 Выс. утв. Пол. Ком. по дѣл. Цар. Поль. отъ 4 мая 76 года. Всѣ иски и споры, возникающіе изъ *ликвидаціонныхъ табелей* и данныхъ, какъ о правѣ собственности на земли, угодья (сервитуты) и рыбныя ловли, признанныя за крестьянами въ силу Указа 19 Февраля 1864 года и 28 Октября 1866 года, такъ и о возстановленіи нарушеннаго владѣнія означенными землями, равно и о нарушеніи правъ на сервитуты и рыбныя ловли, оставлены въ вѣдѣніи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

Совокупный смыслъ выше приведенной статьи, ст. 116 Пол. о пр. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр. и Правилъ 6 Авг. 76 г. о распредѣленіи нѣкоторыхъ обязанностей и проч. — показываетъ, что въ вѣдѣніи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ остаются только иски и споры, возникающіе изъ самыхъ ликвидаціонныхъ табелей и данныхъ, т. е. о пространствѣ и границахъ земель, поступившихъ въ собственность крестьянъ по этимъ табелямъ и даннымъ. *(Рѣш. Сен. 78 г. № 227 по дѣлу Узембло).*

На основаніи п. а. ст. 1 Выс. повел. 21 мая 76 г., крестьянскимъ учрежденіямъ подсудны не только споры о размѣрѣ сервитутныхъ правъ крестьянъ, опредѣленныхъ ликвидаціонными табелями, но и требованія денежнаго вознагражденія за причиненный ущербъ. *(Рѣш. Сен. 83 г. № 29 по д. Сапѣги съ крестьянами дер. Оксы).*

Мировой Съѣздъ, установивши въ своемъ рѣшеніи, что усадебная земля, о которой производилось дѣло въ порядкѣ иска о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, — составляетъ принадлежность крестьянъ по ликвидаціонной табели и что настоящій споръ, по существу своему, есть споръ о границахъ крестьянскаго землевладѣнія, — имѣлъ полное основаніе признать подобное дѣло себѣ неподсуднымъ, въ силу ст. 1 Высоч. Указа 21 Мая 76 года, согласно коей иски не только о правѣ собственности, но и о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, относящіеся до земель этого рода, подсудны учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. *(Рѣш. Сен. 80 г. по д. Шельковскаго съ Болонами и др., невошедшее въ сборникъ).*

Указъ Прав. Сен. отъ 2 Іюля 1876 г. п. 1. При разбирательствѣ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ въ гминныхъ судахъ можетъ быть, кромѣ русскаго языка, допускаемо употребленіе и того языка, на которомъ говоритъ и мѣстное населеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны и участвующія въ дѣлѣ лица не знаютъ русскаго языка.

Но и въ сихъ случаяхъ, на точномъ основаніи ст. 241 Выс. утв. Пол. 19 Февраля 75 г., приговоры, рѣшенія, по-

становленія и опредѣленія и вообще всѣ письменные акты, ***отъ суда исходящіе,*** **должны быть излагаемы на русскомъ языкѣ.**

Соображеніе этой второй части Высочайшаго повелѣнія, въ которой подробно перечислены тѣ акты и бумаги, которые должны быть писаны на русскомъ языкѣ и къ которымъ исковыя прошенія не отнесены, съ первою частью этого повелѣнія, со всею очевидностью показываетъ, что оно такого рода прошенія причисляетъ къ бумагамъ, относящимся до разбирательства тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ и слѣдовательно разрѣшаетъ написаніе таковыхъ прошеній, при незнаніи просителемъ русскаго языка, на томъ, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе. *(Рѣш. Сен. 78 г. № 210 по дѣлу Ностицъ-Яцковскаго).*

Прошенія, подлежащія разсмотрѣнію мироваго съѣзда, въ томъ числѣ и апелляціонныя жалобы, должны быть писаны по русски. *(Рѣш. Сен. 82 г. № 153 по д. Лещевской).*

Въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, при представленіи въ гминный судъ документовъ, писанныхъ на языкѣ, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, не требуется приложенія перевода. Что же касается до представленія документовъ непосредственно въ мировые съѣзды безъ приложенія къ нимъ перевода или копіи, то они могутъ быть оставлены безъ разсмотрѣнія только въ томъ случаѣ, ежели такое представленіе документовъ сдѣлано въ самомъ засѣданіи суда, при словесныхъ объясненіяхъ (рѣш. гр. кас. Деп. Пр. Сен. 78 г. № 292); если же документы представлены ранѣе, при особомъ прошеніи, то, согласно п. 3 ст. 269 Уст. гр. суд., такое прошеніе оставляется безъ движенія и просителю назначается срокъ, установленный ст. 270 того же Устава, для доставленія недостающихъ приложеній. *(Рѣш. Сен. 82 г. № 154 по дѣлу Гацке съ Гацке).*

П 9 Выс. утв. 6 Авг. 76 г. Прав. о распредѣленіи и т. д. Дѣла о нарушеніи правилъ объ отчужденіи, и отдачѣ въ залогъ и дробленіи усадьбъ, поступившихъ въ собствен-

ность сельскихъ жителей на основаніи Высочайшихъ Указовъ 19 Февраля (2 Марта) 1864 года, подчиняются вѣдѣнію вновь учрежденныхъ гминныхъ судовъ и начинаются ими какъ вслѣдствіе просьбы о томъ заинтересованныхъ лицъ, такъ и по требованію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, либо чиновъ прокурорскаго надзора. Опредѣленія гминнаго суда по означенному предмету могутъ подлежать обжалованію на основаніи общихъ правилъ объ обжалованіи мировыхъ судебныхъ установленій, изложенныхъ въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства. Если при разсмотрѣніи гминнымъ судомъ подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ, имъ замѣчены будутъ случаи нарушенія упомянутыхъ въ семъ пунктѣ правилъ, то гминный судъ обязанъ сообщать о такихъ случаяхъ мѣстнымъ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія.

Содержаніе и смыслъ 9 п. Высочайше утвержденныхъ 6 Августа 1876 года Правилъ о распредѣленіи и соображеніе онаго съ п. 1 ст. 116 Высоч. утв. 19 Февр. 1875 года Полож. о прим. Суд. Уст. 20 Ноября 1864 года къ Варш. окр. (собр. узак. 1875 г. № 254, ст. 1490 Уст. гр. суд. Императ. Александра II) не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ для дѣлъ о наслѣдованіи и возникающихъ изъ сего раздѣловъ имуществъ между сельскими жителями, такъ и спеціально для дѣлъ объ отчужденіи, отдачѣ въ залогъ и дробленіи крестьянскихъ усадьбъ установлена особая подсудность, независящая, по отношенію къ участкамъ, поступившимъ въ собственность сихъ жителей на основаніи Высочайшихъ Указовъ 19 Февраля (2 Марта) 1864 г., ни отъ пространства недвижимаго, ни отъ цѣнности принадлежащаго къ наслѣдству движимаго имущества. Въ силу этой особой подсудности, п. 1 ст. 117 Положенія 19 Февраля 1875 года (ст. 1491 Уст. гр. суд. Императора Александра II) не можетъ быть примѣняемъ къ дѣламъ объ отдачѣ въ залогъ и дробленіи крестьянскихъ усадьбъ, для изъятія ихъ изъ спеціальной

подсудности гминнымъ судамъ. Что же касается, засимъ, вопроса о примѣненіи ст. 39 Уст. гр. суд.,—по которой по иску предъявленному у мироваго судьи, судья предоставляетъ сторонамъ разобраться въ окружномъ судѣ, если противъ иска предъявленъ встрѣчный искъ, по цѣнѣ своей не подлежащій вѣдомству мироваго судьи,—то эта общая статья къ указаннымъ выше сего дѣламъ не имѣетъ безусловнаго примѣненія, ибо ни въ какомъ случаѣ дѣла тѣ общимъ судебнымъ мѣстамъ не подсудны. Вслѣдствіе сего и такъ какъ специальная подсудность гминнымъ судамъ дѣлъ, о которыхъ упомянуто въ ст. 116 Пол. 19 Февр. 75 г. (ст. 1490 Уст. гр. суд. Императора Александра II) и въ ст. 9-й Высочайше утвержденныхъ правилъ 6 Августа 1876 года, не можетъ измѣняться вслѣдствіе того только, что отвѣтчикъ, къ которому предъявленъ искъ, заявитъ встрѣчный искъ, неподсудный, на основаніи п. 1 ст. 115 Полож. 19 Февр. 1875 года (ст. 1489 Уст. гр. суд. Императора Александра II), по цѣнѣ онаго, гминнымъ судамъ, — Правительствующій Сенатъ находитъ, что если по дѣлу, поступившему, на основаніи указанныхъ выше специальныхъ законовъ, на разсмотрѣніе гминнаго суда, противъ иска будетъ предъявленъ встрѣчный искъ, по суммѣ превышающій подсудность гминныхъ судовъ, то этотъ судъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, обязанъ войдти въ обсужденіе вопроса о томъ, существуетъ-ли между встрѣчнымъ искомъ, по суммѣ неподсуднымъ гминнымъ судамъ и мировымъ учрежденіямъ, и между главнымъ искомъ, только этимъ учрежденіямъ подсуднымъ, необходимая тѣсная связь. Если такая связь будетъ признана существующею, то встрѣчный искъ подлежитъ разрѣшенію совокупно съ главнымъ искомъ; если же такой связи встрѣчнаго иска съ первоначальнымъ усмотрѣно не будетъ, то судъ, не отказываясь отъ разсмотрѣнія первоначальнаго иска, правильно предъявленнаго, долженъ предоставить отвѣтчику, предъявившему встрѣчное исковое требованіе, обратиться съ онымъ, отъ дѣла особо, въ общія судебныя установленія. *(Рѣш. Сен. 84 г. № 98 по д. Мадей съ Куфелемъ).*

Выс. утв. 17 Мая 77 г. Мн. Гос. Сов. (объ отмѣнѣ 1716 и др. статей Кодекса).

Хотя ст. 1716 Гр. Код., въ которой говорится о возможности опредѣленія размѣра наемной платы черезъ свѣдущихъ людей, и отмѣнена Выс. утв. 17 Мая 1877 года Мнѣніемъ Гос. Совѣта, но, согласно 122 ст. Уст. гр. суд., способъ повѣрки доказательствъ черезъ свѣдущихъ людей можетъ быть примѣненъ и къ спорамъ о размѣрѣ наемной платы. *(Рѣшеніе Сен. 80 г. по дѣлу Вышинскаго съ Домбровскою, невошедшее въ сборникъ).*

Выс. утв. Мн. Гос. Сов. 4 Мая 1882 года.

Такъ какъ Выс. утв. 4 Мая 82 г. Мнѣніе Госуд. Сов., коимъ дѣйствіе 200-й ст. Уст. гр. суд. по продол. 1879 года (образовавшейся изъ Мнѣнія Гос. Сов. 10 Мая 77 г. о введеніи суд. пошл. и сбора въ мир. суд. устан.) распространено и на губерніи Царства Польскаго, составляетъ лишь *разъясненіе* ст. 200 Уст. гр. суд. по прод. 79 г., то оно, по силѣ ст. 61 Св. Зак. т. I Зак. Основн., имѣетъ *обратную силу* и на прежнее время.

Ст. 409 Уст. гр. суд. Свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ, по закону, не требуется письменнаго удостовѣренія. Изъ сего общаго правила исключаются случаи:

1) когда актъ объ отдачѣ имущества на сохраненіе не могъ быть составленъ по случаю пожара, наводненія и другихъ бѣдствій;

2) когда актъ утраченъ вслѣдствіе какого либо внезапнаго бѣдствія, напримѣръ пожара, наводненія и проч., но существованіе и содержаніе онаго можетъ быть доказано, кромѣ показанія свидѣтелей и другими доказательствами;

3) когда право на недвижимое имѣніе основывается на спокойномъ, безспорномъ и непрерывномъ владѣніи или пользованіи въ теченіе установленнаго закономъ срока давности.

Третье лицо вправѣ ссылаться на свидѣтельскія показанія

въ подтвержденіе симулятивности акта, хотя бы онъ былъ совершенъ нотаріальнымъ порядкомъ, такъ какъ, не участвуя въ сдѣлкѣ, третье лицо лишено возможности оградить свои права посредствомъ письменнаго акта. Кромѣ того, всякая симулятивная сдѣлка, направленная ко вреду третьихъ лицъ, должна быть признана противозаконнымъ дѣяніемъ, на основаніи же 1348-й ст. Код. изъ общаго правила о недопущеніи свидѣтельскихъ показаній дѣлается изъятіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда было невозможно составить письменный актъ, или когда права частныхъ лицъ нарушаются противозаконнымъ дѣяніемъ. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 261 по д. Литвиновскаго о покупкѣ недвиж. съ публичн. торговъ*).

Буквальное содержаніе ст. 2074 Код. показываетъ, что представленіе письменнаго акта требуется лишь отъ кредитора, отыскивающаго удовлетвореніе своей претензіи изъ цѣнности заложенныхъ вещей, преимущественно предъ другими кредиторами (ст. 2073 Код.) и что вслѣдствіе сего собственникъ заложенныхъ вещей можетъ во исполненіе договора заклада отыскивать отъ кредитора самыя вещи, или ихъ стоимость, и безъ представленія письменнаго акта. (*Рѣш. Сен. 79 г. № 322 по д. Масленниковой съ Пейсакомъ и Свѣцъ*).

Искъ домовладѣльца можетъ быть доказываемъ фактомъ проживанія не только во время фактическаго дѣйствія наемнаго договора, но и по прекращеніи такового, такъ какъ по силѣ ст. 2277 Код. искъ *о наемной платѣ за квартиру* можетъ быть предъявляемъ до истеченія пятилѣтней давности, и въ законѣ нѣтъ указаній на то, чтобы юридическій характеръ этого иска, какъ истекающаго изъ договора найма, измѣнялся вслѣдствіе того, что еще до предъявленія иска фактическое дѣйствіе договора прекратилось, а именно вслѣдствіе того, что жилецъ оставилъ уже квартиру. Поэтому, имѣя право предъявить *подобный* искъ въ теченіе установленнаго давностнаго срока внѣ зависимости отъ того, продолжаетъ ли отвѣтчикъ пребываніе въ квартирѣ, или же оставилъ ее, истецъ, очевидно, можетъ приводить, въ качествѣ доказательства, и фактъ проживанія от-

вѣтчика въ квартирѣ, продолжающагося или уже прекратившагося. Само собою разумѣется однако, что отъ суда въ каждомъ данномъ случаѣ зависитъ оцѣнить доказательную силу объясненнаго факта по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и обсужденіи доводовъ сторонъ. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 37 по д. Лашевскаго съ Вафель и др.*).

Одинъ только фактъ оставленія квартиры нанимателемъ не можетъ еще служить, самъ по себѣ, полнымъ доказательствомъ того, что заключенный между нимъ и домовладѣльцемъ договоръ найма со стороны его, нанимателя, исполненъ и что всѣ юридическія отношенія, истекающія изъ сего договора, уже прекратились. (*То же рѣшеніе*).

Закономъ не воспрещено доказывать фактъ найма рабочихъ и производства ими работы—свидѣтельскими показаніями. (*Рѣш. Сен. 80 г. по д. Карловича и др. со Скалою и Цынамонъ, не вошедшее въ сборникъ*).

По точному смыслу п. 3 ст. 1348 Кодекса, свидѣтельскія показанія—по обязательствамъ, заключеннымъ при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ могутъ быть допускаемы лишь при двухъ главныхъ условіяхъ, а именно: а) необходимо, чтобы обязательство возникло при обстоятельствѣ непредвидѣнномъ и б) необходимо, кромѣ сего, чтобы обстоятельство непредвидѣнное было такого свойства, что исключало бы возможность совершенія письменнаго акта. (*Рѣш. Сен. 80 г. № 163 по д. Гульбасъ съ Захрисомъ*).

Такъ какъ ст. 1714 Кодекса помѣщена въ главѣ о наймѣ имуществъ въ отдѣленіи о наймѣ домовъ и сельскихъ имѣній, то статья эта не можетъ быть примѣнена къ дѣлу о личномъ наймѣ. Разрѣшеніе же вопроса о допущеніи по данному дѣлу о личномъ наймѣ свидѣтельскихъ показаній зависитъ отъ опредѣленія того, для какихъ именно услугъ заключенъ договоръ личнаго найма и какіе законы должны быть примѣнены къ данному договору: Гражданскій или Торговый Кодексъ или же Постановленіе Намѣстника 24 Декабря 1824 года и замѣнившія это постановленіе Правила о наймѣ слугъ и о взаимныхъ

обязанностяхъ господъ и служителей, содержащіяся въ Выс. утв. 24 мая 1860 г. Уставѣ о сельс. гм. судахъ (ст. 515—589). (*Рѣш. Сен. 80 г. № 292 по д. Гликсмана съ Липшицемъ*).

Такъ какъ Уставъ гражданскаго судопроизводства и Гражданскій Кодексъ, ограничивая допущеніе свидѣтельскихъ показаній по гражданскимъ дѣламъ, имѣютъ исключительно въ виду охранить интересы тяжущихся устраненіемъ, по возможности, такого доказательства, которое представляетъ менѣе достовѣрности въ сравненіи съ письменными документами, то въ случаѣ состоявшагося между тяжущимися соглашенія о допущеніи свидѣтельскихъ показаній, судъ не имѣетъ законнаго основанія не допускать допроса свидѣтелей, хотя бы законъ, по данному дѣлу, и устранялъ свидѣтельскія показанія. (*Рѣш. Сен. 81 г. № 180 по д. Доманяковъ*).

По ст. 184 Гр. Ул. 25 г. уполномочіе женѣ на вступленіе въ гражданскія сдѣлки можетъ быть дано мужемъ лишь въ двухъ формахъ, а) въ формѣ личнаго содѣйствія посредствомъ соучастія мужа въ качествѣ лица уполномочивающаго, или въ качествѣ договаривающейся стороны, и б) въ формѣ предварительнаго дозволенія на совершеніе той или другой сдѣлки. Статья эта—184 Гр. Ул. 25 г.—соотвѣтствуетъ 217 ст. Код. Напол., но затѣмъ—въ ст. 188 Гр. Ул. Ц. П. 25 г., дѣйствующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго взамѣнъ 1-ой книги Кодекса Наполеона, сдѣлано касательно формъ уполномочія весьма существенное отъ правилъ Наполеонова Кодекса отступленіе. По ст. 188 Гр. Ул. 25 г., споры о недѣйствительности по недостатку законнаго уполномочія могутъ быть возбуждаемы указанными въ той же статьѣ лицами и то *въ томъ лишь случаѣ, когда мужъ, зная о дѣйствіи жены, ни положительно, ни безмолвно такого дѣйствія не утвердилъ*. Подчеркнутыя слова, въ ст. 188 Гр. Ул. 1825 года, составляютъ добавку противъ редакціи ст. 225 Код. Наполеона, въ коей сихъ словъ не заключается, а изъ этого добавленія слѣдуетъ, что Гражд. Ул. 25 года (какъ то видно изъ оффиціальной объяснительной къ нему записки), кромѣ уполномочія, даваемаго при самомъ со-

вершеніи сдѣлки и кромѣ письменнаго дозволенія, предшествующаго сдѣлкѣ, допустило еще и уполномочіе или одобреніе последующее, т. е. данное уже послѣ совершенія замужнею женщиною того или другаго акта безъ уполномочія мужа, въ формахъ ст. 184 предписаннаго, причемъ, по смыслу той же 188 ст., допускаемое Гр. Ул. 25 г. послѣдующее уполномочіе или одобреніе можетъ быть дано не только въ формѣ положительной, но даже и въ формѣ безмолвной. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства свидѣтельскія показанія—по 409 ст. Уст. гр. суд.—о фактѣ послѣдующаго одобренія дѣйствій жены должны быть допускаемы. *(Рѣш. Сен. 81 г. № 153 по д. Заорскаго съ Вырочкими).*

Заявленіе стороны о неуничтоженіи документа, замѣненнаго другимъ, и о требованіи вторичной по неуничтоженному документу уплаты—является указаніемъ на такой фактъ, въ подтвержденіе котораго могутъ быть допущены, по точному смыслу 1348 ст. Гр. Код., свидѣтельскія показанія. *(Рѣш. Сен. 82 г. № 41 по д. Рейхмана съ Гоголевскимъ).*

Въ дѣлахъ коммерческаго судопроизводства, по дѣйствующимъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ законамъ, свидѣтельскія показанія могутъ быть допускаемы въ подтвержденіе безденежности векселей, съ тѣмъ, однако, что удовлетвореніе въ этомъ случаѣ ходатайства сторонъ о допросѣ свидѣтелей зависитъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ, по правилу, выраженному въ 109 ст. Торг. Код., отъ усмотрѣнія суда. *(Рѣш. Сен. 83 г. № 27 по дѣлуРаухмана съ Лопацинскимъ). (Подробныя соображенія приведены подъ 109 ст. Торг. Код.).*

Заключеніе о возможности доказывать безденежность векселя свидѣтельскими показаніями не примѣнимо къ возраженію о безденежности векселя, предъявленнаго ко взысканію послѣдующимъ векселедержателемъ, пріобрѣвшимъ вексель тотъ въ собственность по установленной надписи (136—139 ст. Торг. Код.), такъ какъ для него не могутъ быть обязательны вообще никакіе разсчеты векселедателя съ первымъ векселедержате-

лемъ (рѣш. Пр. Сен. 20 окт. 82 г. по д. Купцѣ съ Розенбергомъ). (*То же рѣшеніе*).

По разъясненію Сенатомъ 409 ст. Уст. гр. суд. въ рѣшеніяхъ 1877 г. № 183 и др., отвѣтчикъ не можетъ свидѣтельскими показаніями доказывать прекращеніе такого обязательства, существованіе котораго со стороны истца удостовѣрено письменнымъ доказательствомъ, хотя бы по закону и не требовалось облеченія даннаго договора въ письменную форму. (*То же рѣшеніе*).

Ст. 1341 Кодекса—отмѣнена Положеніемъ о примѣненіи Суд. Уст. къ В. С. О. (ст. 148). (*Рѣш. Сен. 83 г. № 30 по д. Трушковской съ Сисновскимъ*).

Мировой Съѣздъ нарушилъ 148 ст. Пол. 19 Февр. 75 г., отклонивъ допросъ свидѣтелей на томъ основаніи, что отпускъ товара въ кредитъ не можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями, тогда какъ нигдѣ въ Гражданскомъ Кодексѣ такого правила не имѣется. (*Рѣш. Сен. 83 г. по д. Рацлава съ Грабинскимъ, не вошедшее въ сборникъ*).

Продажа движимости не требуетъ для *удостовѣренія* ея письменной формы и, слѣдовательно, можетъ, вмѣстѣ съ возникающими изъ нея правоотношеніями (существованіе долга, платежъ и уплата онаго), быть доказываема свидѣтельскими показаніями и предположеніями. (*Рѣш. Сен. 84 г. № 12 по д. Зеллера съ Діаменштейномъ*). (*Подробныя соображенія приведены подъ ст. 1582 Кодекса*).

При наличности въ Гражданскомъ Кодексѣ особыхъ постановленій о письменной формѣ для денежнаго займа, заемъ этотъ, долгъ, изъ него возникшій, и платежъ этого долга, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ быть удостовѣряемы свидѣтельскими показаніями и предположеніями. (*Рѣш. Сен. 84 г. № 13 по д. Девонискаго съ Тоболовскимъ и Фридманомъ*). (*Подробныя соображенія приведены подъ ст. 1895 Код.*).

Не представляется никакого сомнѣнія, что оба вида суброгаціи, предусмотрѣнные 1 и 2 п. 1250 ст. Код., совершаются не иначе, какъ письменно и удостовѣряются только письмен-

нымъ же порядкомъ, а не свидѣтельскими показаніями и предположеніями. (*То же рѣшеніе*). (*Подр. сообр. подъ ст.* 1250 Код.).

Лишено основанія указаніе истца—кассатора на то, будто-бы споръ отвѣтчиковъ противъ самаго размѣра суммы, за какую они нанимали въ его домѣ квартиру, и противъ неуплаты ими этой суммы даже въ той ея части, какую они сами признаютъ слѣдовавшею съ нихъ,—не можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями, а долженъ быть разрѣшенъ силою 1716 ст. Гр. Код., т. е. либо присягою истца—хозяина, которою онъ удостовѣрилъ бы свое показаніе, либо на основаніи оцѣнки черезъ свѣдущихъ людей, если бы отвѣтчикъ—наниматель предпочелъ таковую для подтвержденія имъ показываемаго. Это разсужденіе кассатора неправильно потому, что присяга, въ смыслѣ доказательства по дѣламъ гражданскимъ, возникшимъ въ губерніяхъ Царства Польскаго со времени введенія тамъ въ 1876 году въ дѣйствіе Суд. Уст. 20 Нояб. 64 г., отмѣнена еще въ 1875 году при самомъ обнародованіи Положенія 19 Февраля этого года о примѣненіи сихъ уставовъ къ Варш. суд. окр. (ст. 148), а Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Сов. 17 мая 77 года отмѣнена въ числѣ другихъ и самая 1716 ст. Гр. Код. Указаніе же кассатора на нарушеніе съѣздомъ (допросомъ свидѣтелей по вопросу объ уплатѣ квартирной платы по словесному договору найма)—409 ст. Уст. гр. суд., подлежащей нынѣ примѣненію и въ губерніяхъ Царства Польскаго на общемъ основаніи съ прочими мѣстностями Имперіи,—тогда лишь можно было-бы признать основательнымъ, если-бы обстоятельства дѣла, свидѣтелями удостовѣренныя, принадлежали бы къ числу такихъ событій, относительно которыхъ показанія свидѣтелей не допускаются какъ буквальнымъ смысломъ означенной статьи, такъ и послѣдовавшими, въ разъясненіе оной, рѣшеніями Гр. Кас. Деп. Пр. Сената: между тѣмъ изъ таковыхъ рѣшеній усматривается, напротивъ, что содержаніе не только словесныхъ, но даже и письменныхъ актовъ, коль скоро, сіи послѣдніе не совершены или не засвидѣтельствованы въ нотаріальномъ порядкѣ, а заключены порядкомъ домашнимъ,

может быть доказываемо и опровергаемо свидѣтельскими показаніями, и лишь въ томъ случаѣ, когда споръ возникаетъ *объ уплатѣ* по тому договору или обязательству, на основаніи котораго предъявленъ искъ о взысканіи, должно быть различаемо, заключены ли эти договоръ или обязательство *словесно* или же *письменно*, хотя бы и не формальнымъ, но лишь домашнимъ порядкомъ; значеніе же этаго различія и состоитъ именно въ томъ, что *только противъ письменнаго условія* нельзя возражать заявленіемъ *объ уплатѣ* по оному, подтвержденнымъ не письменнымъ доказательствомъ, а лишь ссылкою на *свидѣтелей*, ибо такое возраженіе равнялось бы доказыванію ихъ показаніями *уничтоженія* того права, которое содержится въ неуничтоженномъ еще письменномъ *актѣ*; при отсутствіи же письменнаго договора и *платежъ денегъ* можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями. (*Рѣш. Сен. 84 г. № 15 по дѣлу Нетребы съ Надборнымъ*).

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

Рѣшеній Сената, вошедшихъ въ настоящій сборникъ.

Годъ и № рѣшенія	Кодексъ Наполеона	Граж. Улож. 1825 г.	Пол. о Союзѣ Брачномъ 1836 г.	Положеніе о примѣненіи	Прочія Узаконенія
1878 г.					
1	—	1	—	—	
4	—	—	—	117	
62	1133	—	—	—	
130	—	—	—	115	
133	1156	—	—	—	
202	—	—	—	116	
207	2271	—	—	—	
208	1691	—	—	—	
210	—	—	—	—	Ук. Пр. Сен. 2 іюля 1876 г.
211	—	—	—	115	
227	—	—	—	—	Выс. утв. Пол. Ком. по д. Ц. П. 4 мая 1876 г.
244	1617, 1619	—	—	—	Пост. Учред. Ком. по д. Ц. Польс. 30 Дек. 1865 г.
1879 г.					
11	1139, 1168, 1176, 1184	—	—	—	
19	—	—	—	226, 227, 229	
20	—	—	—	137	
73	1096	—	—	—	
75	1328, 1743	—	—	—	
230	1384	—	—	—	
231	1353	—	—	—	
232	913	—	—	—	113 ст. Уст. объ особ. производствахъ.
261	1320, 1353, 1605	—	—	—	
322	2074	—	—	—	
323	1131	—	—	—	
327	—	—	—	116	
328	2073	—	—	—	
1880 г.					
13	555	—	—	—	
37	1714, 1728, 1759	—	—	—	
74	1229	—	—	—	
81	1376, 1377	—	—	—	
85	1353, 1965	—	—	148	
160	1689	—	—	—	
163	1348	—	—	—	
171	2280	—	—	—	
189	—	—	—	116	
216	—	—	—	—	Пост. Учред. Ком. 30 Дек. 1865 г.
219	—	—	—	—	Выс. ук. 24 мая 1862 г.
227	—	—	—	—	Выс. утв. Пол. Ком. по д. Ц. П. 30 Ноября 1865 г.
280	1328, 1690, 1691, 1834	—	—	—	

Годъ и № рѣшеній	Кодексъ Наполеона	Граж. Улож 1825 г.	Пол. о Союзѣ Брачномъ 1836 г.	Положеніе о примѣненіи	Прочія Узаконенія
1880 г.					
282	—	—	—	127	
292	1714	—	—	—	
300	—	—	—	117	
1881 г.					
66	—	422	—	—	
67	1693	—	—	—	
70	—	—	—	115	
71	—	—	—	—	132 Ипот. Уст.
105	1633	—	—	—	
108	724, 820	233	—	—	
117	—	-	—	248, 249	
120	1273	—	—	—	
131	1382	—	—	—	
151	765, 766	—	—	—	
25	1305	—	—	—	
27	2044	—	—	—	
153	—	188	—	—	
167	—	—	—	—	120 ст. Уст. объ ос. производствахъ.
168	1591	—	—	—	
180	1348	—	—	—	
193	544, 1382	—	—	—	
1882 г.					
28	1257	—	—	—	
31	—	—	—	242	
41	1116, 1273, 1348	—	—	—	
70	—	—	—	—	87 ст. Уст. объ особ. производствахъ.
74	—	—	—	—	Выс. ук. 28 Окт. 1866 г.
75	1353	—	—	—	
77	688, 689	—	—	115	
105	6, 1382, 1384, 1784	—	—	—	
145	895	—	—	—	
153	—	—	—	—	Ук. Прав. Сен. 2 Іюля 1876 г.
154	—	—	—	—	Выс. ук. 28 Окт. 1866 г.
1883 г.					
28	—	—	—	115	
[illegible]	—	—	—	—	Выс. пов. 21 мая 1876 г.
[illegible]	[illegible]	—	—	—	
[illegible]	[illegible]	—	—	—	
[illegible]	[illegible]	—	—	—	
	—		—	[illegible]	
				—	
					Пост. Учр. Ком. 30 Дек. 1865 г.
					1?9 ст. Торг. Код.

Годъ и № рѣшеній	Кодексъ Напалеона	Граж. Улож. 1825 г.	Пол. о Союзѣ Брачномъ 1836 г.	Положеніе о примѣненіи	Прочія узаконенія
1884 г.					
37	—	—	—	—	2 ст. Прав. о пр. въ В. С. О. Нот. Пол.
38	—	—	—	117	
42	—	—	—	—	576 ст. Торг. Код. и 5-й п. 7 ст. Пр. о прив.
43	970, 1340	—	—	—	Пост. Учр. Ком. 30 Дек. 1865 г.
86	841	—	—	—	
87	—	—	—	—	Выс. утв. мн. Гос. Сов. 10 Мая 1877 г.
94	913	—	—	—	
95	—	—	—	—	Пост. Учр. Ком. 30 Дек. 1865 г.
98	—	—	—	—	Выс. утв. 6 Авг. 1876 г. Прав.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

фамилій лицъ, по дѣламъ коихъ состоялись помѣщенныя въ настоящемъ сборникѣ рѣшенія Сената.

	№№	Годъ
Свецъ	322	79
Сенкульскій	120	81
Сержпутовскій	120	81
Сисновскій	30	83
Ситаржъ	19	79
Скала		80
Следзь	227	80
Слочинскій	67	81
Смяровскій	211	78
Соколовскій	27	81
Тарапани	127	83
Теплицъ	42	84
Тетковскій	92	83
Тительманъ	208	78
Тоболовскій	13	84
Трушковскій	30	83
Тычковская	28	83
Узембло	227	78
Уланевскій	70	82
Файнда	74	80
Фридманъ	13	84
Фридманъ	202	78
Хойновскій	244	78
Хондзинскій	219	80
Хороцъ	323	79

	№№	Годъ
Цудзинскій	95	84
Цукеръ	164	81
Цынамонъ		80
Чеснякъ	11	79
Шаварскій	38	84
Шапиро	19	84
Шарейко	19	84
Шафранъ	78	82
Шварценбергъ	2	78
Шеллеръ	71	81
Шельковскій		80
Шимановскій	1	78
Шляйхертъ	31	84
Шпанъ	31	84
Шпилистеръ	58	83
Шпырка	38	84
Энгельгардтъ		81
Якобзенъ	18	84
Якобсонъ	80	84
„Якорь“ (Стр. Общ.)	1	78
Якубовскій	28	82
Янковскій	244	78
Янковскій	216	80
Ясинская	66	81

Важнѣйшія опечатки и исправленія:

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
8	31	Отдѣльные	Отдѣленные
15	26	Successorae	Successoral
23	12	рѣт.	рѣш.
24	4	отнюдъ	отнюдь
32	31	1879	1876
37	6	отказавшимся	отказавшимися
44	10	и сполненнаго	исполненнаго
75	16	лнчнаго	личнаго
111	32	вошло	вошли

30.
15.
20.
22½
24
8 –
119½

№ 5.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ предисловіи авторъ „Руководства для мировой юстиціи Царства Польскаго“ желалъ высказать причины, побудившія его предпринять настоящій трудъ.

Главными пособіями для членовъ мироваго института Варшавскаго судебнаго округа при примѣненіи Устава о наказаніяхъ могли бы служить—и служатъ на самомъ дѣлѣ — три труда: Руководство для мировыхъ судей Н. А. Неклюдова, Уставъ о наказаніяхъ, изданія Н. С. Таганцева и Руководство для гминныхъ судовъ г.г. Микляшевскаго, Окольскаго и Будзинскаго. Не говоря уже о трудѣ Н. А. Неклюдова, доставившемъ автору его столь почетную извѣстность, нельзя не замѣтить, что и остальные поименованные выше труды приносятъ несомнѣнную пользу лицамъ, пользующимися ими, и не автору настоящаго Руководства, прибѣгавшему къ ихъ помощи при составленіи своего труда, умалять это несомнѣнное ихъ значеніе. Но отдавая полную справедливость этимъ трудамъ, особенно Руководству Н. А. Неклюдова, нельзя не замѣтить, что ни каждое изъ нихъ въ особенности, ни всѣ вообще, они уже не удовлетворяютъ въ настоящее время и въ полной мѣрѣ потребности разъясненія Мироваго Устава. Со времени втораго изданія Руководства Н. А. Неклюдова прошло уже пятнадцать лѣтъ и десять лѣтъ прошло со времени изданія Руководства г. Микляшевскаго; въ этотъ промежутокъ времени изданы новые законы, измѣнена редакція многихъ статей Устава о нак., получились многочисленныя Сенатскія разъясне-

нія большинства статей Мироваго Устава. Независимо отъ сего, нельзя не замѣтить, что Руководство Н. А. Неклюдова не имѣло вовсе въ виду губерній Царства Польскаго, въ которыхъ дѣйствуютъ многіе законы, въ Имперіи неизвѣстные, почему и сопоставленіе этихъ законовъ съ содержаніемъ Мироваго Устава не могло быть предметомъ изслѣдованій талантливаго коментатора Судебныхъ Уставовъ. Трудъ этотъ взяло на себя Руководство г. Микляшевскаго (для краткости мы не перечисляемъ каждый разъ всѣхъ лицъ, работавшихъ по этому Руководству), но поспѣшность, вызванная необходимостью, невольно на немъ отразилась, и недостатокъ мотивировки оставляетъ его читателей въ большинствѣ случаевъ неудовлетворенными. Что же касается труда Н. С. Таганцева, то онъ — по своему плану — обладаетъ всѣми достоинствами, а вмѣстѣ и недостатками, сборниковъ Сенатскихъ рѣшеній и, давая массу сырого матеріала, предоставляетъ обработку его лицамъ, пользующимся имъ, что для нихъ бываетъ не всегда возможно.

Вотъ это-то положеніе вопроса о пособіяхъ членамъ мировой юстиціи Царства Польскаго при примѣненіи Устава о нак. и вызвало настоящій трудъ. Авторъ его задался мыслью соединить въ своемъ трудѣ изложеніе и разъясненіе статей Мироваго Устава въ послѣдней ихъ редакціи, критическій разборъ Сенатскихъ рѣшеній, изданныхъ по 86 годъ включительно, и толкованіе Мир. Устава на почвѣ узаконеній, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Будучи далекъ отъ мысли о полнотѣ и непогрѣшимости своего труда, вызваннаго желаніемъ принести посильную пользу своимъ товарищамъ по Мировому институту, авторъ настоящаго Руководства съ неподдѣльною признательностью отнесется къ лицамъ, которыя почтятъ своими замѣчаніями его трудъ и укажутъ на неизбѣжные въ немъ промахи и упущенія.

В. Ломновскій.

Пултускъ,
20-го Декабря 1886 года.

УСТАВЪ О НАКАЗАНІЯХЪ, НАЛАГАЕМЫХЪ МИРОВЫМИ СУДЬЯМИ.

ГЛАВА I.

Положенія общія.

1 ст. За проступки, означенные въ семъ Уставѣ, Мировые Судьи опредѣляютъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, слѣдующія наказанія:

1) выговоры, замѣчанія и внушенія;

2) денежныя взысканія не свыше *трехсотъ рублей;*

3) арестъ не свыше *трехъ мѣсяцевъ,* и

4) заключеніе въ тюрьмѣ не свыше *одного года и шести мѣсяцевъ.*

Примѣчаніе 1. Мировые Судьи при опредѣленіи взысканій за нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ, о торговлѣ и о промышленности фабричной, заводской и ремесленной, руководствуются Уложеніемъ о Наказаніяхъ и означенными уставами, не выходя изъ указанныхъ въ сей статьѣ предѣловъ предоставленной имъ власти.

Примѣчаніе 2. Проступки, предусмотрѣнные въ статьяхъ 155, 156, 158, 159 и 161 сего Устава, подлежатъ вѣдомству Мировыхъ Судей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна похищенныхъ, самовольно срубленныхъ или поврежденныхъ лѣсныхъ произведеній не превышаетъ трехсотъ рублей.

Статья 1-я говоритъ: за *проступки, означенные въ семъ Уставѣ* и т. д.; выраженіе это указываетъ, что всѣ нарушенія закона, караемыя по Уставу о наказ., носятъ названіе *про-*

ступков, хотя-бы наказаніемъ за нихъ по Уставу о нак. положено было и тюремное заключеніе. Болѣе серьезныя уголовныя правонарушенія называются *преступленіями*, но изъ того, что Уставъ о наказ. говоритъ только о проступкахъ, еще нельзя выводить, что другой карательный русскій кодексъ—Уложеніе о наказ. — предусматриваетъ только однѣ преступленія. Напротивъ того, 1-я ст. Улож. о наказ. говоритъ о преступленіяхъ и о проступкахъ, безразлично опредѣляя ихъ „какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано". Правительствующій Сенатъ—въ рѣшеніи своемъ за 68 г. № 10—разъяснилъ, что „слова *преступленіе* и *проступокъ*, употребляемыя въ различныхъ статьяхъ Уложенія, не противополагаются другъ другу, такъ какъ законъ не даетъ имъ значенія строго опредѣленныхъ терминовъ, а нерѣдко употребляетъ ихъ безразлично, для обозначенія всякаго рода преступныхъ дѣяній". Какъ на доказательство того, что слова „проступокъ" и „преступленіе" не имѣютъ въ законѣ строго опредѣленнаго значенія, можно указать еще на ст. 1236 Уст. уг. суд. Имп. Ал. II, въ которой говорится о *преступленіяхъ*, совершенныхъ военнослужащими и подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ. Въ практикѣ же мировой юстиціи принято преступленіями называть тѣ преступныя дѣянія, которыя караются—хотя-бы и по Уставу о нак.—тюремнымъ заключеніемъ; такъ: кражу, мошенничество и т. п. принято называть не проступкомъ, а преступленіемъ; съ другой стороны, назовутъ не преступленіемъ, а проступкомъ обнаженіе оружія на поединкѣ лицомъ принявшимъ вызовъ, такъ какъ за такое дѣяніе законъ наказываетъ всего арестомъ отъ трехъ до семи дней, и не назовутъ преступленіемъ нанесенное кому либо оскорбленіе.

Далѣе въ той же статьѣ говорится: „мировые судьи опредѣляютъ наказанія *на основаніи изложенныхъ ниже* (т. е. въ Уст. о нак.) *правилъ*. Это постановленіе закона требуетъ слѣдующаго разъясненія. Мировыя судебныя установленія разсматриваютъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—въ силу примѣчанія къ

1-й ст. Уст. о наказ.—и проступки, предусмотрѣнные Уложеніемъ о наказ. Нѣкоторыя юридическія понятія опредѣляются иначе въ Улож. о наказ., нежели въ Уставѣ о наказ.; таковы понятія: повторенія, совокупности; различаются также по Уложенію и по Уставу правила примѣненія какъ этихъ понятій, такъ и однородныхъ: давности и т. д. Спрашивается теперь: которыми изъ этихъ опредѣленій и какими правилами должна руководствоваться мировая юстиція при разсмотрѣніи проступковъ, подсудныхъ ей въ силу этого примѣчанія къ 1-й ст. и предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ, или иначе: должна-ли мировая юстиція при разсмотрѣніи этого рода дѣлъ примѣнять опредѣленія и правила о повтореніи, совокупности и давности, установленныя Уставомъ о наказ., или же руководствоваться опредѣленіями и правилами, установленными на этотъ предметъ Уложеніемъ? Практика Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената неоднократными рѣшеніями своими установила, что хотя при нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія, мировыя установленія и примѣняютъ статьи Уложенія, но при опредѣленіи самой мѣры взысканія по обстоятельствамъ увеличивающимъ или уменьшающимъ отвѣтственность, также въ случаяхъ совокупности нарушеній уставовъ казеннаго управленія, или же при признаніи кого либо виновнымъ въ неумышленномъ нарушеніи этихъ уставовъ, а также по вопросу о давности, мировыя судебныя установленія должны руководствоваться не Уложеніемъ, а Мировымъ Уставомъ, при опредѣленіи же самаго понятія о повтореніи нарушеній уставовъ казенныхъ управленій мировыя установленія должны руководствоваться опредѣленіемъ повторенія Уложенія а не Устава. Однакоже, въ рѣшеніяхъ своихъ за 75 г. № 552 и за 71 г. № 375 Правительствующій Сенатъ—въ отступленіе отъ вышеизложеннаго—пояснилъ, что при опредѣленіи отвѣтственности малолѣтнихъ за нарушенія Питейнаго Устава судъ не можетъ руководствоваться ст. 11 Мироваго Устава, а долженъ примѣнять постановленія Уложенія, и что въ дѣлахъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія мировыя установленія должны

руководствоваться Уложеніемъ, а не Уставомъ какъ вообще, такъ и по вопросу объ обстоятельствахъ увеличивающихъ вину—въ особенности. Вышеизложенныя рѣшенія Сената противорѣчатъ другимъ его рѣшеніямъ и, притомъ же, ни одно изъ нихъ не выдѣляется мотивировкою устанавливаемыхъ положеній на столько, чтобы какое либо изъ этихъ рѣшеній могло считаться руководящимъ по занимающему насъ вопросу. Въ авторитетномъ „Руководствѣ для мировыхъ судей“ Н. А. Неклюдова нѣтъ также общаго указанія по этому вопросу. По нашему мнѣнію, онъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что примѣненіе общихъ статей Устава о наказ. должно быть признаваемо обязательнымъ для мировыхъ судебныхъ установленій *какъ общее правило,* слѣдовательно, общія эти статьи должны быть примѣняемы и по отношенію къ проступкамъ предусмотрѣннымъ примѣчаніемъ къ 1-й ст. Уст. о наказ., такъ какъ никакого исключенія по отношенію къ этого рода проступкамъ Уставомъ не сдѣлано, и указаніе примѣчанія этого на необходимость руководствоваться Уложеніемъ имѣетъ въ виду лишь *опредѣленіе взысканій,* то есть, имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что наказаніе къ проступкамъ противъ уставовъ казеннаго управленія слѣдуетъ примѣнять то, которое именно за этотъ проступокъ и положено въ Уложеніи о наказ. или же въ соотвѣтствующемъ уставѣ казеннаго управленія. Толковать иначе это выраженіе примѣчанія къ 1-й ст. и вообще полагать, что къ однимъ проступкамъ мировыя установленія должны примѣнять одни постановленія — Устава о наказ., — къ другимъ же проступкамъ примѣнять другія постановленія—Уложенія о наказ.,—значило бы придавать нѣкоторую двойственность дѣятельности мировой юстиціи, и притомъ,—двойственность, основанную на различіи чисто формальномъ, проистекающемъ лишь изъ того, въ какой книжкѣ говорится о томъ или другомъ проступкѣ. Намъ кажется, что ссылка въ примѣчаніи къ 1-й ст. Устава на Уложеніе о наказ. обусловлена была единственно лишь тѣмъ, что ко времени изданія Мироваго Устава уставы казеннаго управленія не были еще пересмотрѣны и согласованы

съ новымъ карательнымъ кодексомъ; взглядъ этотъ подтверждается съ одной стороны тѣмъ разъясненіемъ, которое имѣется подъ примѣчаніемъ къ 1-й ст. Уст. о наказ. изд. Государств. Канц., и въ которомъ сказано, что большая часть отдѣльныхъ уставовъ Министерства Финансовъ подвергнута пересмотру въ особо учрежденныхъ для сего коммисіяхъ, при чемъ предположено взысканія за нарушенія сихъ уставовъ подвергнуть существенному измѣненію (журн. 1864 г. № 46 стр. 2); съ другой стороны мнѣніе наше подтверждается измѣненіемъ редакціи самого примѣчанія къ 1-й ст.; въ изданіи Судеб. Уставовъ 1864 года говорится: „впредь до пересмотра уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ и о торговлѣ, мировые судьи при опредѣленіи и т. д. руководствуются *Уложеніемъ о наказаніяхъ* и т. д.; въ изданіи же 1883 года фраза „*впредь до пересмотра*" и т. д. выкинута, къ фразѣ же „руководствуются Уложеніемъ о наказ." добавлено „*и означенными уставами*". Это измѣненіе редакціи вызвано именно тѣмъ, что въ періодъ времени отъ 1864 по 1883 г. многіе уставы казенныхъ управленій переработаны и ими установлены новыя наказанія за проступки, причемъ и проступки и наказанія помѣщены въ этихъ уставахъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что къ проступку, помѣщенному въ спеціальномъ уставѣ, примѣняются правила Устава о наказ., какое же основаніе. кромѣ формальнаго, можно пріискать для примѣненія *къ тому же проступку* правилъ не Устава, а Уложенія въ томъ случаѣ, когда о проступкѣ этомъ говоритъ не спеціальный уставъ, а Уложеніе? И такъ, общимъ правиломъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать необходимость примѣненія общей части Устава о наказ. ко всѣмъ проступкамъ, подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ. Въ видѣ же исключенія необходимо примѣнять *въ нѣкоторыхъ случаяхъ правила повторенія*, а слѣдовательно *и совокупности* не Устава, а Уложенія. Случаи эти именно тѣ, которые могутъ вызвать коллизію, или столкновеніе, понятій, устанавливаемыхъ Уложеніемъ о наказ. и Мировымъ Уставомъ. Такъ, напримѣръ, по ст. 1175 Улож., изобличенному

въ употребленіи хотя и вѣрныхъ, но неклейменныхъ вѣсовъ или мѣръ болѣе трехъ разъ воспрещается—сверхъ денежнаго штрафа—производить торговлю; въ силу этого дополнительнаго наказанія, четвертое такое нарушеніе правилъ о производствѣ торговли является неподсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ (п. I. 34 ст. Уст. уг. суд.). Если эти установленія будутъ придерживаться опредѣленія повторенія, устанавливаемаго 3 п. 14 ст. Уст. о наказ., а общія судебныя установленія будутъ принимать во вниманіе лишь 131 ст. Улож. о наказ., то очевидно, что это отсутствіе единства во взглядахъ на то, что считать повтореніемъ, должно повлечь за собою на практикѣ цѣлый рядъ затрудненій и не можетъ быть терпимо. Вышесказанное относится и къ случаю третьей кражи, неподсудной мировымъ судебнымъ установленіямъ въ силу 2 п. 181 ст. Устава о наказ.

По поводу 1-й ст. устава о наказ. падлежитъ замѣтить еще слѣдующее. Въ статьѣ этой говорится о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировымъ Уставомъ за предусмотрѣнные имъ проступки; проступкомъ же признается — какъ мы то видѣли выше—какъ противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано. Чтобы признать, что данное дѣяніе или неисполненіе составляютъ проступокъ, необходимо установить, что оно заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ признаки, наличность которыхъ требуется закономъ, для признанія даннаго дѣянія запрещеннымъ подъ страхомъ наказанія. Другими словами, судъ при обсужденіи вопроса о томъ, подлежитъ ли поступившее на его разсмотрѣніе дѣяніе наказанію, долженъ, прежде всего, установить: является ли доказаннымъ, по обстоятельствамъ дѣла, что данное дѣяніе заключаетъ въ себѣ *составъ* преступленія, т. е., что на лицо находятся всѣ признаки, требуемые закономъ для подведенія преслѣдуемаго дѣянія подъ ту или другую статью карательнаго кодекса. Въ Уставѣ о наказ. нал. мир. суд. отсутствуетъ опредѣленіе какъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ проступковъ, такъ и тѣхъ юридическихъ понятій, каторыя имѣютъ общее значеніе и съ ко-

торыми можно столкнуться при разсмотрѣніи каждаго уголовно-преслѣдуемаго дѣянія. Таковы понятія: участія, укрывательства, покушенія; для поясненія же сказаннаго объ отдѣльныхъ проступкахъ, укажемъ на кражу, мошенничество, клевету. Подобное отсутствіе опредѣленій или указанія на *составъ* даннаго преступленія или проступка затрудняетъ, конечно, вышеуказанную работу подведенія разбираемаго дѣянія подъ ту или другую статью Устава о наказ. и невольно возбуждается вопросъ: можно ли обращаться къ Уложенію о наказ. при отсутствіи тѣхъ или другихъ юридическихъ опредѣленій въ Уставѣ о наказаніяхъ? Сенатъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно; во многихъ рѣшеніяхъ Сената изложено, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Мировой Уставъ указываетъ на какія либо общія условія преступленія, не давая имъ болѣе точныхъ опредѣленій, мировыя судебныя установленія должны руководствоваться опредѣленіями Уложенія. Точно также Сенатъ призналъ, что въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Мировой Уставъ совершенно умалчиваетъ о какихъ либо элементахъ, входящихъ въ понятіе преступленія или опредѣляющихъ существо и мѣру отвѣтственности (какъ, напр., ст. 64 Уст. о наказ., говоря объ отвѣтственности укрывателей преступниковъ, вовсе умалчиваетъ о вліяніи родственныхъ отношеній на отвѣтственность укрывателей),—Сенатъ—говоримъ мы—призналъ, что въ подобныхъ случаяхъ мировыя установленія должны руководствоваться постановленіями Уложенія (въ данномъ случаѣ—постановленіемъ 128 ст. Улож.). Независимо отъ сего, Угол. Кас. Деп. Сената — тоже въ рядѣ рѣшеній — призналъ, что, для разъясненія смысла и содержанія нѣкоторыхъ постановленій Устава о наказ., судъ можетъ—а иногда и долженъ—обращаться къ содержанію тѣхъ статей Уложенія изд. 1857 года, которыя замѣнены разсматриваемыми статьями Устава.

По поводу же устанавливаемыхъ 1-ю статьею Устава наказаній слѣдуетъ замѣтить слѣдующее.

Выговоры, замѣчанія и внушенія *теоретически* различаются въ томъ смыслѣ, что выговоръ—изъ числа этихъ трехъ

наказаній — признается самымъ строгимъ, внушеніе же — самымъ легкимъ; *практическаго* же различія эти три вида наказаній не представляютъ ни въ какомъ отношеніи, особенно для тѣхъ классовъ населенія, съ которыми мировой юстиціи приходится преимущественно имѣть дѣло и которые не придаютъ особеннаго значенія юридическимъ тонкостямъ, не влекущимъ за собою матеріальныхъ послѣдствій. Законъ ставитъ всегда рядомъ эти три вида наказаній, говоритъ же о нихъ законъ— т. е. Уставъ о наказ.—лишь въ двухъ статьяхъ: 1-й и 9-й. Обѣ эти статьи общія: въ 1-й ст. перечисляются вообще тѣ наказанія, которыя могутъ быть налагаемы мировою юстиціею, въ 9-й же статьѣ указывается, что выговоръ, замѣчаніе или внушеніе предоставляется суду дѣлать виновнымъ лишь за проступки, *совершенные безъ намѣренія.* Ни въ одной затѣмъ изъ остальныхъ статей Мироваго Устава объ этихъ наказаніяхъ не говорится, и изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что судъ только въ томъ случаѣ можетъ ограничиться сдѣланіемъ выговора, замѣчанія или внушенія виновному, когда удостовѣрится изъ обстоятельствъ даннаго дѣла въ *ненамѣренномъ* совершеніи имъ проступка. Ниже, при толкованіи ст. 9-й Уст. о наказ., мы будемъ имѣть случай подробнѣе разсмотрѣть вопросъ о случаяхъ примѣненія этого наказанія. теперь же замѣтимъ лишь, что во 1-хъ) судъ, подвергая виновнаго наказанію выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ, обязанъ, при исполненіи приговора, употреблять именно эти выраженія, не замѣняя ихъ другими, и во 2-хъ) что *объявленіе* подобнаго приговора не должно быть смѣшиваемо — какъ это нерѣдко встрѣчается на практикѣ—съ *исполненіемъ* приговора; гминные суды обыкновенно довольствуются однимъ объявленіемъ приговора, считая, что этимъ ограничиваются всѣ формальности по исполненію подобнаго рода приговора, на самомъ же дѣлѣ судъ обязанъ — по вступленіи приговора въ законную силу— вызвать приговореннаго къ этому наказанію въ судебное засѣданіе, въ которомъ и сдѣлать ему выговоръ, замѣчаніе или внушеніе согласно своему приговору (ст. 184—186 Уст. уг. суд.).

Мимоходомъ обратимъ вниманіе на существующее въ юридической литературѣ мнѣніе, утверждающее, что выговоры, замѣчанія и внушенія, о которыхъ говоритъ Уставъ о наказ., могутъ быть болѣе или менѣе строгими. Мнѣніе это высказываетъ Н. А. Неклюдовъ (Руководство для мир. суд. изд. 2-е 72 г. т. 2-й стр. 12) а затѣмъ повторяетъ его — по отношенію къ выговорамъ—и „Руководство для гминныхъ судовъ" (гг. Миклашевскаго, Окольскаго и Будзинскаго т. 2 стр. 398). Н. А. Неклюдовъ указываетъ на слѣдующія двѣ причины, „побуждающія его придерживаться того мнѣнія, что наказанія эти (выговоры, замѣчанія и внушенія) могутъ быть *болѣе* или *менѣе строгія:* а) самое выраженіе закона, т. е. употребленіе этихъ наказаній въ *множественномъ* числѣ, указываетъ на то, что онѣ могутъ быть различныя; б) въ ст. 65 Уложенія, умалчивающей совершенно о внушеніяхъ,—выговоры и замѣчанія раздѣляются на болѣе или менѣе строгіе". Первое изъ этихъ основаній представляется намъ мало убѣдительнымъ, потому что и денежное взысканіе и арестъ, къ коимъ судъ приговариваетъ въ силу той же 1-й ст. Уст. о наказ., тоже бываютъ различны по суммѣ или же по сроку, между тѣмъ въ статьѣ этой о денежныхъ взысканіяхъ говорится во множественномъ числѣ, объ арестѣ же — въ единственномъ; очевидно, что законъ въ этомъ случаѣ не связывалъ особаго значенія съ употребленіемъ того или другаго выраженія во множественномъ или же въ единственномъ числѣ. Второе основаніе тоже представляется намъ не болѣе убѣдительнымъ. Статья 65 Улож. о наказ. имѣетъ въ виду особенныя наказанія за преступленія и проступки по государственной службѣ; проступки эти столь многочисленны и разнообразны, что понятно желаніе закона дать возможность суду—при опредѣленіи наказаній за эти проступки—сообразовать размѣръ наказанія со всѣми оттѣнками даннаго проступка, что и достигается путемъ дробленія этого рода наказаній—выговоровъ и замѣчаній — на болѣе или менѣе строгіе; это являлось тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ ст. 65 Улож. отсутствуетъ третій видъ этого рода наказанія—внуше-

ніе. Уставъ о наказ. знаетъ всѣ эти три вида—выговоръ, замѣчаніе и внушеніе, сфера же примѣненія этихъ наказаній по Уставу значительно уже сферы тѣхъ же наказаній по Уложенію, поэтому вполнѣ понятно умолчаніе Устава о наказ. о подраздѣленіяхъ этихъ наказаній, такъ какъ и самыя эти наказанія являются подраздѣленіями одного и того же рода наказанія, вполнѣ достаточными при примѣненіи Устава о наказ. Укажемъ при этомъ, что ст. 9 Уст. о наказ. говоритъ, что „мировымъ судьямъ предоставляется дѣлать *виновнымъ, смотря по обстоятельствамъ, выговоръ, замѣчаніе* или *внушеніе*". Употребленіе въ данной статьѣ этихъ выраженій въ единственномъ числѣ опровергаетъ соображеніе, основанное на множественномъ числѣ тѣхъ выраженій, употребленномъ въ 1-й ст. Устава о наказ. Замѣтимъ далѣе, что, будучи послѣдовательною, мировой юстиціи слѣдовало бы примѣнять и тотъ видъ *строжайшаго* выговора, о которомъ говоритъ ст. 40 Уложенія; отличительный признакъ этого выговора тотъ, что онъ дѣлается „при открытыхъ дверяхъ"; однакоже, примѣненіе мировою юстиціею этого послѣдняго вида наказанія уже потому невозможно, что—по нашему мнѣнію — всѣ выговоры, замѣчанія и внушенія въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ дѣлаются при открытыхъ дверяхъ, и, слѣдовательно, всѣ выговоры являлись бы—по терминологіи Уложенія—строжайшими, при чемъ нѣтъ уже мѣста и для подраздѣленія вообще этого наказанія на болѣе или менѣе строгія. Къ этому послѣднему взгляду мы пришли въ силу того соображенія, что — по ст. 185 Уст. уг. суд.—выговоры, замѣчанія и внушенія дѣлаются всегда изустно, въ судѣ, — какъ это видно изъ ст. 184 того же Устава; въ судѣ — слѣдовательно въ засѣданіи суда и непремѣнно въ судебномъ засѣданіи, такъ какъ въ кругъ предметовъ распорядительныхъ засѣданій исполненіе приговоровъ не входитъ; судебныя же засѣданія мѣстъ, образованныхъ по Судебнымъ Уставамъ 20 Ноября 1864 года, происходятъ всегда публично, при открытыхъ дверяхъ, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ ст. 89 и 620 Уст. уг. суд. Затѣмъ всѣ вышеизло-

женныя соображенія приводятъ къ тому заключенію, что Уставъ о наказ. не знаетъ подраздѣленія выговоровъ, замѣчаній и внушеній на болѣе или менѣе строгіе.

Относительно денежныхъ взысканій слѣдуетъ замѣтить, что хотя—опять таки теоретически—этотъ родъ наказанія считается менѣе строгимъ сравнительно съ арестомъ, но что на практикѣ, особенно же по дѣламъ, разсматриваемымъ гминными судами, нерѣдко наказанія эти мѣняются ролями, а именно: арестъ считается наказаніемъ менѣе строгимъ, а денежный штрафъ — болѣе строгимъ. Не говоря уже о томъ, что, положимъ, сто рублей штрафа и теоретически слѣдуетъ признавать наказаніемъ болѣе строгимъ нежели, напр., два дня ареста, такъ какъ законъ двумя днями ареста замѣняетъ лишь десяти—рублевый штрафъ, практика указываетъ, что нерѣдко и довольно продолжительный арестъ считается въ глазахъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ наказаніемъ менѣе строгимъ нежели денежный штрафъ, хотя бы и незначительный. Какъ намъ кажется, причина этого явленія заключается не только въ сравнительной матеріальной необезпеченности классовъ населенія подвергающихся, преимущественно, наказанію по приговорамъ гминныхъ судовъ, но и въ матеріальномъ взглядѣ ихъ на наказаніе, признаваемое ими — въ большинствѣ случаевъ — наказаніемъ лишь настолько, насколько оно отражается на имущественныхъ интересахъ виновнаго, хотя бы и обладающаго сравнительнымъ достаткомъ.

Замѣтимъ далѣе, что, какъ бы не смотрѣть на соотношеніе наказаній арестомъ и штрафомъ, но что въ силу точнаго смысла закона денежное взысканіе можетъ быть замѣняемо — при несостоятельности виновнаго — арестомъ, хотя бы по закону полагалось за данный проступокъ лишь денежное взысканіе, но *арестъ штрафомъ* — въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону полагается лишь арестъ, — *никогда замѣняемъ быть не можетъ*.

Статья 1-я Устава о наказ., говоря о денежныхъ взысканіяхъ, арестѣ и тюремномъ заключеніи, устанавливаетъ тѣ

maximum'ы, выше которыхъ налагать взысканія мировой юстиціи не полагается, но она ничего не говоритъ о тѣхъ *minimum'ахъ*, ниже которыхъ суду тоже нельзя идти; изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ, что этой минимальной границы вовсе не существуетъ: напротивъ того, граница эта указана —по отношенію къ наказанію арестомъ—въ ст. 12-й того же Устава, по отношенію же къ наказанію тюремнымъ заключеніемъ подлежащія статьи Устава о наказ. установляютъ и высшую и низшую мѣру; по отношенію же къ денежнымъ взысканіямъ законъ—ни въ общей статьѣ, ни въ статьяхъ, предусматривающихъ отдѣльные проступки, — не устанавливаетъ—за весьма малыми исключеніями (ст. 91 и ст. 155 Уст. о наказ. изд. 85 года)—ни minimum'а денежнаго взысканія, ни опредѣленнаго его размѣра, а ограничивается вездѣ выраженіемъ: „не свыше" такой то суммы. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда для исчисленія денежнаго взысканія указанъ извѣстный способъ (напр., въ дѣлахъ казенныхъ управленій и по обвиненіямъ въ лѣсныхъ порубкахъ), судъ не вправѣ уклоняться отъ этого способа исчисленія, какія бы не существовали въ дѣлѣ обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія вину подсудимаго; равнымъ образомъ, въ томъ случаѣ, когда указанъ минимумъ денежнаго взысканія (91 ст. Мир. Уст. изд. 85 года), — судъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ назначить штрафъ меньшій этого минимума, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ минимумъ денежныхъ взысканій не установленъ и установить его предоставляется—въ каждомъ данномъ случаѣ благоразумію суда, налагающаго взысканіе. Къ сожалѣнію, практика мировой юстиціи даетъ поводъ высказать, что не всегда суды оказывались на высотѣ своего въ этомъ отношеніи назначенія и доводили минимумъ денежнаго взысканія до границъ полной безнаказанности виновнаго. Суды должны помнить, что власть законодательная имъ не предоставлена и что они не могутъ признавать дѣяніемъ не преступнымъ такое дѣяніе, которое закономъ признается таковымъ; признавая же подсудимаго виновнымъ въ совершеніи извѣстнаго проступка,

судъ обязанъ налагать на него такое — въ предѣлахъ указанныхъ закономъ — взысканіе, которое можно было бы признать наказаніемъ; играть же закономъ и подъ видомъ его исполненія только обходить его — недостойно лицъ, коимъ ввѣрено отправленіе правосудія, какъ недостойно и самаго правосудія. Прав. Сенатъ высказался тоже въ смыслѣ необходимости ограничить власть судовъ въ установленіи низшаго размѣра денежнаго взысканія и въ рѣшеніи своемъ за 72 годъ № 1553 выразилъ, что „опредѣленіе денежнаго взысканія въ 5 коп. за такое преступленіе, за которое высшая норма наказанія 100 руб., безъ объясненія основаній, составляетъ нарушеніе 12-й ст. Мир. Устава“.

Арестъ, которымъ наказываютъ гминные суды, есть арестъ *при полиціи*, за тѣмъ исключеніемъ, которое будетъ указано ниже — при толкованіи 4-й ст. Устава о наказ. Хотя и въ губерніяхъ Царства Польскаго предполагается устроить особыя мѣста заключеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей и гминныхъ судовъ, но по настоящее время подобныхъ мѣстъ въ округѣ Варшавской судебной палаты не существуетъ и истекшее со времени введенія въ этомъ округѣ судебной реформы десятилѣтіе видѣло лишь первые въ этомъ направленіи шаги, а именно въ 80 году собирались подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ коммисіи, разсматривавшія основанія и подробности вопроса объ устройствѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго подобныхъ мѣстъ заключенія; предположенія этихъ коммисій были затѣмъ направлены по принадлежности, и что съ ними сталось — неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что наступающее — второе—десятилѣтіе примѣненія къ округу Варш. судеб. палаты Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года Имп. Алек. II будетъ въ этомъ отношеніи счастливѣе перваго десятилѣтія и дождется осуществленія этой—крайне необходимой—реформы. Необходимость же ея усматривается изъ того, что съ устройствомъ особыхъ мѣстъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей и гминныхъ судовъ возможно будетъ во 1-хъ лицъ, подсудныхъ

мировой юстиціи за проступки, караемые арестомъ, и въ большинствѣ случаевъ стоящихъ въ нравственномъ отношеніи не ниже общаго уровня населенія,—изолировать вполнѣ отъ вреднаго вліянія тѣхъ отверженцевъ общества, для которыхъ преступленіе является дѣломъ обыденнымъ и которые живутъ только преступленіями, и во 2-хъ при этой реформѣ мѣстъ заключенія судебная власть будетъ имѣть болѣе возможности нежели теперь слѣдить за точнымъ исполненіемъ своихъ приговоровъ и—болѣе основаній надѣяться, что приговора ея исполняются безъ послабленій въ пользу арестованныхъ, чего — къ сожалѣнію—нельзя сказать при существованіи нынѣшнихъ порядковъ.

Самое строгое наказаніе въ лѣстницѣ наказаній, налагаемыхъ мировою юстиціею,—тюремное заключеніе. Хотя въ 1-й ст. Уст. о наказ. говорится о заключеніи въ тюрьмѣ *не свыше одного года и шести мѣсяцевъ*, но гминнымъ судамъ предоставлено наказывать тюремнымъ заключеніемъ лишь на время *не свыше одного года*, къ году же и шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія могутъ приговаривать только мировые судьи. До изданія Высочайшаго Повелѣнія 18 Мая 1882 года предѣлы вѣдомства мировыхъ судей и гминныхъ судовъ были одинаковы и мировые судьи тоже не могли приговаривать къ тюремному заключенію на время свыше одного года. Законъ 18 Мая 1882 года объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ ввелъ дополненіе къ 170 ст. Уст. о наказ., которое будетъ нами своевременно разсмотрѣно, а результатомъ этого дополненія явилось и измѣненіе редакціи 1 й ст. Уст. о наказ. Такъ какъ проступки, предусмотрѣнные Уставомъ о наказ. подсудны и гминнымъ судамъ, и такъ какъ въ законѣ 18 Мая 1882 года ничего не сказано о томъ, что дополненіе къ 170 ст. Уст. о наказ. не относится до гминныхъ судовъ, то, въ первое время по изданіи этого закона, практика колебалась по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли признавать подсудными и гминнымъ судамъ дѣла по дополненію къ 170 ст. Устава о квалифицированныхъ кражахъ. Сенатъ— въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Возняка (№ 13

—83 г.) разъяснилъ, что такъ какъ въ законѣ 18 Мая 1882 года, измѣнившемъ подсудность дѣлъ о квалифицированныхъ кражахъ и предоставляющемъ нѣкоторыя изъ сихъ дѣлъ разрѣшенію мировыхъ судебныхъ установленій, говорится о расширеніи карательной власти въ этомъ отношеніи лишь мировыхъ судей, гминные же суды въ этомъ законѣ не упомянуты; что, равнымъ образомъ, и въ Высоч. утв. 18 того же Мая мнѣніи Госуд. Совѣта объ измѣненіи подсудности нѣкоторыхъ дѣлъ судебнымъ установленіямъ Варшавскаго округа — не сдѣлано никакихъ указаній на предоставленіе вѣдомству гминныхъ судовъ дѣлъ о квалифицированныхъ кражахъ, то посему должно признать, что гминные суды по закону не уполномочены на разсмотрѣніе дѣлъ этого рода.

Вообще же изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій губерній Царства Польскаго изъяты нѣкотораго рода дѣла въ силу ст. 12>9 и 1329 уст. угол. суд. Имп. Алек. II (ст. 75 и 110 Пол. о примѣн. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр.). Хотя статьи эти помѣщены не въ Уставѣ о наказ., а въ Уставѣ угол. судопр., но въ виду тѣсной связи этихъ статей съ 1-ю ст. Уст. о наказ., мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть и эти статьи.

Въ ст. 1289 Уст. угол. суд. сказано: „дѣла, означенныя въ ст. 1287 (содержаніе которой тождественно съ содержаніемъ 1-й ст. Мир. Уст.), изъемлются изъ разбирательства мировыхъ судей и гминныхъ судовъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда наказаніе за проступокъ сопряжено по закону съ высылкою виновнаго изъ мѣста жительства, съ запрещеніемъ производить торговлю или промыселъ или же съ закрытіемъ торговаго или промышленнаго заведенія; 2) когда искъ о вознагражденіи за причиненные проступкомъ вредъ или убытки превышаетъ триста рублей; 3) когда проступки совершены чинами войскъ, расположенныхъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, а также должностными лицами мѣстнаго гражданскаго управленія и полиціи, и 4) когда проступокъ состоитъ въ оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ (уст. о наказ. ст. 31 п. 1 и

2), нанесенномъ нижнимъ чинамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, при отправленіи ими обязанностей службы". Два первые пункта 1289 ст. повторяютъ содержаніе первыхъ пунктовъ 34 ст. Уст. угол. суд. (различаясь лишь размѣрами иска о вознагражденіи), 3-й же и 4-й п. п. составляютъ особенность округа Варшавской судебной палаты, изъ нихъ 4-й п. является послѣдствіемъ закона 18 Мая 1882 года, 3-й п. имѣетъ въ виду чиновъ войскъ, *расположенныхъ* въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, а также должностныхъ лицъ *мѣстнаго* гражданскаго управленія и полиціи, слѣдовательно, проступки, совершенные чинами войскъ *не расположенныхъ* въ губерніяхъ Царства Польскаго и должностными лицами *не мѣстнаго* гражданскаго управленія и полиціи не изъяты изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій округа Варшавской судебной палаты. Въ виду же цѣли, преслѣдуемой 3-мъ пунктомъ 1289 ст., заключающейся въ установленіи высшей подсудности для должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія и полиціи, пунктъ этотъ толкуется распространительно, и дѣло считается подлежащимъ изъятію изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій не только въ томъ случаѣ, когда обвиняемый и состоялъ должностнымъ лицомъ во время совершенія проступка и состоитъ на службѣ во время судебнаго преслѣдованія, но и въ томъ случаѣ, когда онъ только во время совершенія проступка состоялъ на службѣ, а также, если онъ хотя и не былъ должностнымъ лицомъ во время совершенія проступка, но состоитъ на таковой во время судебнаго преслѣдованія.

Въ статьѣ же 1329 Уст. уг. суд. Имп. Алек. II (ст. 110 Пол. о пр.)—общей для всѣхъ судебныхъ установленій округа Варшавской судебной палаты, сказано: „нарушенія общественнаго благоустройства и благочинія, а также уставовъ казеннаго управленія, которыя, на основаніи дѣйствующихъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа узаконеній, не предоставлены непосредственному разбирательству административныхъ или казенныхъ управленій, преслѣдуются по общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства, съ изъятіями, въ ст. 1125—

1235 сего Устава указанными". Выраженію „нарушенія общественнаго благоустройства и благочинія" слѣдуетъ придавать болѣе широкій смыслъ, нежели какой ему придается въ Мировомъ Уставѣ (говорящемъ лишь о „церковномъ благочиніи" и „общественномъ благоустройствѣ"), тогда какъ въ главѣ второй Уст. угол. суд. о „производствѣ по преступленіямъ и проступкамъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія" говорится и о нарушеніяхъ постановленій о печати и о нарушеніяхъ уставовъ: врачебнаго, о паспортахъ, строительнаго и путей сообщенія. Опредѣленіемъ же Сената отъ 20 Марта 1884 года установлено, что подъ упомянутыми въ 110 ст. Пол. о пр. (ст. 1029 Ус. уг. суд.) административными и казенными управленіями слѣдуетъ разумѣть управленія, поименованныя въ приложеніяхъ къ ст. 1124 и 1214 Уст. уг. суд. Им. Алек. II а не полицію, судебная власть которой, принадлежавшая ей прежде по нѣкоторымъ нарушеніямъ правилъ общественнаго благоустройства и благочинія, съ введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ прекратилась.

Въ силу такого толкованія 1329 ст. Уст. угол. суд. слѣдуетъ признать, что проступки, предусмотрѣнные въ ст. 58, 59, 61, 73, 74 и 95, (въ случаѣ совершенія проступка въ предѣлахъ казенной собственности), 99 и 113 Мир. Уст., а также проступки противъ казеннаго имущества,—изъяты изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій губерній Царства Польскаго. Напротивъ того, проступки, предусмотрѣнные статьями: 41, 116 и 127 Уст. о наказ. — какъ подсудные прежде полиціи нынѣ должны считаться подсудными судебнымъ установленіямъ.

Равнымъ образомъ слѣдуетъ признавать подсудными судебнымъ установленіямъ проступки, предусмотрѣнные не Мир. уставомъ, а отдѣльными законоположеніями, не отмѣненными и по настоящее время, и подлежавшіе прежде вѣдѣнію магистратовъ въ силу ихъ полицейской или же судебно-полицейской власти. Таковы проступки евреевъ противъ правилъ о еврейской одеждѣ, бритьѣ головъ и проч. Бритье головъ еврie-

слѣдовательно, осталась безъ дополненія и 1-я ст. Уст. о наказ. по буквальному смыслу которой, за проступки, въ семъ Уставѣ означенные, наказаніе можетъ быть налагаемо только мировыми судьями. Тѣмъ не менѣе, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что гминнымъ судамъ подсудны именно проступки, означенные въ семъ Уставѣ, и что текстъ 1-й статьи Устава о наказаніяхъ слѣдуетъ дополнить словами „*и гминные суды*“, подобно тому, какъ дополнена этими словами *тождественная съ 1-ю ст. Уст. о наказ.*, ст. 33 Устава уголовнаго судопроизводства (ст. 74 Пол. о пр. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр.); въ виду этой 74-й ст. Пол. о пр., прямо поставившей гминные суды рядомъ съ мировыми судьями, а также въ виду ст. 2-й Пол. о пр., тоже поставившей рядомъ съ судебною властью мировыхъ судей—судебную власть гминныхъ судовъ, и представляется несомнѣннымъ, что гминнымъ судамъ подсудны именно проступки, означенные въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Равнымъ образомъ въ положительномъ смыслѣ долженъ быть, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ вопросъ о томъ, должны ли руководствоваться гминные суды примѣчаніемъ 1-мъ къ 1-й ст. Уст. о наказ., или иными словами, подлежатъ ли разбирательству гминныхъ судовъ нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ, о торговлѣ и о промышленности фабричной, заводской и ремесленной. Противное этому мнѣніе высказано въ Руководствѣ для гминныхъ судовъ Царства Польскаго, составленномъ гг. Микляшевскимъ, Окольскимъ и Будзинскимъ, а именно,—въ тезисѣ 9 подъ ст. 1 Уст. о наказ. (т. II стр. 400) сказано, что „примѣчаніе ст. 1-й (Уст. о наказ.) не имѣетъ обязательной силы для гминныхъ судовъ, ибо въ ст. 33-й Уст. угол. суд., буквально согласной съ поименованною статьею, это примѣчаніе, за силою 74 ст. Пол. о прим. Суд. Уст., устранено“. Однакоже, одно это устраненіе не является, на нашъ взглядъ, достаточнымъ основаніемъ для признанія необязательнымъ для гминныхъ судовъ этого примѣчанія въ 1-й статьи. Нельзя не обратить, прежде всего, вни-

манія на то, что ст. 74 Пол. о прим. говоритъ одинаково о вѣдомствѣ и мировыхъ судей и гминныхъ судовъ Царства Польскаго; отсутствіе примѣчанія подъ ст. 74 относится, слѣдовательно, одинаково и до мировыхъ судей, какъ и до гминныхъ судовъ, между тѣмъ никто не сомнѣвается въ томъ, что примѣчаніе къ 1-й ст. Уст. о наказ. сохранило свою обязательную силу для мировыхъ судей округа Варшавской судебной палаты, несмотря на то, что подъ ст. 74 Пол. о прим., замѣнившею 33 ст. Уст. угол. судопр. (ст. 128 Уст. уг. суд. Имп. Алек. II), подъ которою помѣщено было то же примѣчаніе, примѣчаніе это отсутствуетъ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что Положеніе о примѣн., желая указать на неподсудность какой либо категоріи дѣлъ гминнымъ судамъ, недовольствуется однимъ оставленіемъ редакціи данной статьи Судебныхъ Уставовъ безъ измѣненія, а прямо указываетъ на то, что извѣстныя нарушенія не подлежатъ вѣдомству гминныхъ судовъ. Такъ, въ ст. 102-й Пол. о прим. прямо указывается, что „нарушенія поименованныя въ ст. 1010—1013, 1015—1019, 1030 и 1032 Улож. о наказ. изд. 66 г., предоставленныя, на основаніи дополненія къ ст. 1000 Уст. уг. суд. (по продолж. 1868 года*), вѣдѣнію мировыхъ судей, не подлежатъ вѣдомству гминныхъ судовъ". Если редакторы Полож. о прим. нашли необходимымъ особо указать на изъятіе изъ подсудности гминныхъ судовъ вышеперечисленныхъ проступковъ, сравнительно рѣдко

*) Законы россійской Имперіи собраны въ одинъ Сводъ Законовъ, заключающій въ себѣ 15 томовъ и изданный въ послѣдній разъ въ 1857 году; выходящія затѣмъ новыя узаконенія печатаются въ Собраніяхъ Узаконеній и собираются, по мѣрѣ накопленія, въ особыя изданія наз. продолженіями Свода Законовъ; „ст. 1000 уст. уг. суд. по продолж. 1868 г." значитъ, что прежняя редакція 1000 ст. уст. уг. суд. измѣнена новымъ закономъ, который вошелъ въ продолженіе Свода Законовъ, изданное въ 1868 году. Иногда же послѣдующіе законы, касающіеся отдѣльной отрасли, издаются въ формѣ отдѣльныхъ уставовъ—Судебные Уставы Имп. Алек. II, Уставъ о воинской повинности, Уставъ фабричный, заводскій и промышленный и т. д. Но послѣдующія измѣненія этихъ отдѣльно изданныхъ уставовъ входятъ тоже въ издаваемыя періодично продолженія.

встрѣчающихся въ судебной практикѣ, то тѣмъ болѣе необходимымъ должны были бы они признать указаніе на изъятіе изъ подсудности гминныхъ судовъ столь многочисленной каттегоріи дѣлъ по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій, о повинностяхъ и о торговлѣ. Независимо отъ сего, нельзя не обратить вниманія при обсужденіи настоящаго вопроса на тотъ фактъ, что—по собраннымъ нами свѣдѣніямъ — въ практикѣ мировыхъ судебныхъ установленій округа Варшавской судебной палаты *повсемѣстно* установился взглядъ, разрѣшающій въ положительномъ смыслѣ вопросъ о подсудности гминнымъ судамъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ примѣчаніемъ къ 1-й ст. Устава о наказ. Въ положительномъ разрѣшеніи этого вопроса не сомнѣваются, слѣдовательно, ни казенныя управленія, ни судебныя установленія, ни прокурорскій надзоръ ни одной изъ губерній Царства Польскаго. Кажется, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что и самъ Правительствующій Сенатъ не сомнѣвался въ правильности разрѣшенія этого вопроса въ томъ же смыслѣ, такъ какъ, если бы Сенатъ былъ противнаго взгляда на обсуждаемый вопросъ, то онъ несомнѣнно высказалъ бы, что этого рода дѣла не подсудны гминнымъ судамъ; между тѣмъ ежегодно десятки, если не сотни, подобныхъ дѣлъ доходятъ до Сената (особенно много было жалобъ на неправильное примѣненіе къ акцизнымъ дѣламъ Выс. Манифеста 15 Мая 1883 г.)—и ни по одному изъ нихъ Сенатъ не нашелъ нужнымъ указать, что гминнымъ судомъ неправильно принято къ разсмотрѣнію дѣло по нарушенію устава казеннаго управленія, хотя Сенатъ неоднократно высказывалъ въ своихъ рѣшеніяхъ тотъ взглядъ, что судъ высшей инстанціи можетъ выходить изъ предѣловъ апелляціонной или кассаціонной жалобы въ случаѣ нарушенія судомъ низшей инстанціи публичнаго интереса, напр. въ случаѣ постановленія приговора по дѣлу неподсудному. Мало того, въ одномъ изъ своихъ рѣшеній (*№ 77 за 1877 годъ по дѣлу Климченка*). Сенатъ довольно близко подходитъ къ обсуждаемому нынѣ вопросу и изъ соображеній этого рѣшенія видно, что и въ данномъ случаѣ не воз-

буждалось сомнѣнія въ подсудности подобныхъ дѣлъ гминному суду. Именно: гминный судъ призналъ Климченка виновнымъ въ водвореніи контрабандныхъ питей (слѣдовательно, разсмотрѣлъ дѣло по обвиненію его въ нарушеніи одного изъ уставовъ казеннаго управленія—устава о питейномъ сборѣ); съѣздъ мировыхъ судей призналъ, что гминный судъ не вправѣ былъ опредѣлять виновность Климчика по непосредственному своему усмотрѣнію, безъ требованія со стороны акцизнаго управленія; Сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ съѣзда о томъ, что гминный судъ не имѣлъ права возбуждать по непосредственному усмотрѣнію дѣла о безпатентной торговлѣ питьями, въ соображеніяхъ своихъ исходитъ изъ того положенія, что дѣла казенныхъ управленій подлежатъ разсмотрѣнію — безразлично — мировыхъ судей и гминныхъ судовъ округа Варшавской судебной палаты.

Къ сказанному выше прибавимъ еще одно соображеніе; если гминные суды должны руководствоваться Уставомъ о наказаніяхъ, то они должны руководствоваться имъ въ полномъ его объемѣ, статьями и примѣчаніями, если только нѣтъ особаго указанія на неподсудность имъ даннаго рода дѣлъ, что въ настоящемъ случаѣ не имѣло мѣста; статью же 74 Пол. о прим. Суд. Уст. слѣдуетъ понимать такъ, что ею отмѣненъ *текстъ* статьи 33 Уст. уг. судопр., а не примѣчаніе къ ней, текстъ же 33-й ст. Уст. уг. суд. подлежалъ отмѣнѣ, такъ какъ въ немъ ничего не упоминалось о гминныхъ судахъ, созданныхъ лишь Положеніемъ о прим. Суд. Уст. (ст. 2).

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ тому несомнѣнному убѣжденію, что проступки, караемые по прим. къ 1-й ст. Уст. о наказ. подлежатъ вѣдомству и гминныхъ судовъ, наравнѣ съ мировыми судьями.

Разсмотримъ же теперь какіе именно проступки подсудны мировой юстиціи губерній Царства Польскаго согласно этому примѣчанію къ 1-й статьѣ Уст. о наказ.

Примѣчаніе къ 1-й ст. Уст. о наказ. говоритъ объ уставахъ: казенныхъ управленій, о повинностяхъ и о торговлѣ; къ

уставамъ казенныхъ управленій относятся: 1) Уставъ о питейномъ сборѣ, 2) Уставъ таможенный, 3) Уставъ о гербовомъ сборѣ, 4) Уставы: монетный, горный и о соли, 5) Постановленія объ акцизѣ съ табаку и 6) Постановленія объ акцизѣ съ сахарнаго песку; къ Уставамъ о повинностяхъ относится Уставъ о воинской повинности, къ Уставамъ же о торговлѣ — Уставъ торговый и Уставъ фабричной, заводской и ремесленной промышленности. Изъ числа Уставовъ казенныхъ управленій на первомъ мѣстѣ—по количеству возбуждаемыхъ въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ о нарушеніяхъ устава—слѣдуетъ поставить Уставъ о питейномъ сборѣ, къ разсмотрѣнію котораго мы въ настоящее время и обратимся.

При обсужденіи дѣлъ о нарушеніяхъ Устава о питейномъ сборѣ мировой юстиціи слѣдуетъ руководствоваться *Уставомъ о питейномъ сборѣ изд. 76 года* и *Выс. утв. 28 Мая 1883 года правилами о взысканіяхъ за нарушеніе постановленій о питейномъ сборѣ.* До изданія этихъ правилъ 28 Мая 83 г. въ губерніяхъ Царства Польскаго дѣйствовали „Правила о взысканіяхъ за нарушеніе постановленій по питейному сбору и о судопроизводствѣ по симъ дѣламъ въ губерніяхъ Царства Польскаго", вошедшія въ раздѣлъ девятый Устава о пит. сб. изд. 76 г. и изложенныя въ ст. 523 — 559 этого устава. Статьею II Выс. утв. мнѣнія Госуд. Совѣта о введеніи въ дѣйствіе Правилъ 28 Мая 1883 года, статьи 523—543 и 548—559 Уст. о пит. сб.—отмѣнены, и остались неотмѣненными изъ всего девятаго раздѣла Устава о пит. сб. изд. 76 г. лишь статьи: 544, 545, 546 и 547. Изъ числа этихъ четырехъ статей двѣ—544 и 547—предусматриваютъ проступки, подсудные мировымъ судебнымъ установленіямъ по роду и размѣру установленнаго за нихъ взысканія — безусловно (такъ какъ по этимъ статьямъ Устава о пит. сб. изд. 76 г. штрафъ не превышаетъ 30 р.); ст. 545 предусматриваетъ проступокъ, лишь условно подсудный мировымъ судебнымъ установленіямъ, а именно въ томъ случаѣ, когда стоимость всего количества проданныхъ и находящихся на лицо питей не превышаетъ 150 р., такъ какъ денеж-

ное взысканіе по ст. 696 Улож. о наказ. изд. 66 г. (замѣнившей ст. 566 Улож. о наказ. изд. 47 года, къ которой отсылаетъ ст. 545 Уст. о пит. сб. изд. 76 г.) должно равняться двойной стоимости этого количества, мировыя же судебныя установленія не могутъ налагать штрафа свыше 300 руб.; наконецъ ст. 546 Уст. о пит. сб. предусматриваетъ проступки и подсудные и не подсудные мировымъ судебнымъ установленіямъ, такъ какъ статья эта, для опредѣленія размѣра наказанія за предусматриваемые ею проступки, отсылаетъ къ ст. 871, 872 и 873 Улож. о наказ. изд. 1847 года, замѣненнымъ ст. 1175, 1176 и 1177 Улож. о наказ. изд. 76 г., по второй же изъ этихъ статей наказаніе сопряжено съ лишеніемъ на всегда права на торговлю, а подобное наказаніе, въ виду 1 п. 34 ст. Уст. уг. суд. и 1287 ст. Уст. уг. суд. Имп. Алек. II, изъемлетъ дѣло изъ разбирательства мировыхъ судей и гминныхъ судовъ, наказаніе же опредѣляемое ст. 1175 и 1177 Улож. о наказ. изд. 66 г. не выходитъ изъ предѣловъ, указанныхъ статьею 1-ю Устава о наказ., нал. мир. судьями.

Такимъ образомъ, въ губерніяхъ Царства Польскаго карательнымъ кодексомъ для нарушеній Устава о питейномъ сборѣ являются — за исключеніемъ вышеперечисленныхъ статей Устава о пит. сб. изд. 76 г. — Правила 28 Мая 1883 года. Но выше было уже указано, что гминнымъ судамъ и мировымъ судьямъ, при разсмотрѣніи дѣлъ о нарушеніяхъ Устава о питейномъ сборѣ, необходимо принимать въ соображеніе, кромѣ правилъ 28 Мая 1883 года, и самый Уставъ о пит. сб. изд. 76 г.; необходимо же это потому, что во многихъ статьяхъ Правилъ 28 Мая 83 года прямо сдѣлана ссылка на статьи Устава о питейномъ сборѣ (напр. въ ст. 2, прим. къ 3, 8, 14, 18, 25 и т. д.) или же говорится объ „установленныхъ правилахъ", которыя именно и слѣдуетъ искать въ Уст. о пит. сб. изд. 76 г.

Изъ числа проступковъ противъ Устава о питейномъ сборѣ наиболѣе часто встрѣчаются въ практикѣ мировой юстиціи Царства Польскаго случаи преслѣдованій по ст. 22 Прав. 28 Мая 83 г., а именно: за торговлю крѣпкими напитками безъ

патента, по чужому патенту, или по патенту просроченному; проступокъ этотъ —въ случаѣ учиненія его въ третій разъ— является неподсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, въ виду упомянутой выше ст. 1287 Ус. уг. суд. Имп. Алек. II, такъ какъ этотъ третій проступокъ влечетъ за собою — сверхъ денежнаго взысканія, опредѣленнаго во второй разъ, — заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ и лишеніе права на производство торговли крѣпкими напитками, и вотъ это послѣднее. дополнительное наказаніе выводитъ проступокъ противъ 22 ст. Прав. 28 Мая 83 г., — въ третій разъ учиненный — изъ предѣловъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій. Затѣмъ встрѣчаются нерѣдко въ практикѣ мировой юстиціи Царства Польскаго дѣла по обвиненію въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 21-ю статьею тѣхъ же правилъ, т. е провозѣ сокрытыхъ отъ оплаты акцизомъ питей: статья эта отсылаетъ къ Уложенію о наказ. и къ Таможенному Уставу, а именно къ тѣмъ статьямъ этихъ узаконеній, которыми преслѣдуется противозаконный провозъ питей изъ мѣстъ, на которыя не распространяется дѣйствіе Устава о питейномъ сборѣ, или изъ заграницы. Въ Улож. о наказ. изд. 66 года — о тайномъ провозѣ изъ заграницы, или изъ мѣстъ, на которыя не распространяется дѣйствіе Устава о пит. сб., — говоритъ ст. 761, въ таможенномъ же Уставѣ имѣется аналогичная ей статья 1583 (т. VI Св. Зак. по продолж. 1863 г.).

Обѣ категоріи вышеуказанныхъ проступковъ (караемыхъ по ст. 21 и 22 Прав.) имѣютъ въ виду тайныхъ торговцевъ питьями, лицъ наносящихъ ущербъ фискальнымъ интересамъ государства путемъ обхода законовъ, устанавливающихъ въ пользу государства извѣстные сборы съ ввоза питей и съ торговли таковыми. Другія статьи Правилъ 28 Мая имѣютъ въ виду лицъ, дѣятельность которыхъ происходитъ открыто, съ разрѣшенія акцизнаго начальства, но которыя—умышленно или по небрежности — нарушаютъ правила Устава о пит. сб., нормирующія эту ихъ дѣятельность по выдѣлкѣ питей и по торговлѣ оными. Изъ числа проступковъ этихъ лицъ чаще всего приходится ми-

ровой юстиціи имѣть дѣло съ проступками, предусмотрѣнными ст. 20, 23 и 27 Правилъ, такъ какъ большинство составляемыхъ лицами акцизнаго надзора протоколовъ имѣетъ предметомъ своимъ: неведеніе или нехраненіе, въ мѣстахъ раздробительной продажи питей, книгъ для записки прихода вина и нумеровъ провозныхъ свидѣтельствъ, производство такой торговли крѣпкими напитками, на которую взятый торгующимъ патентъ не даетъ права (преимущественно — оптовую продажу пива изъ мѣстъ раздробительной его продажи) и храненіе въ заведеніяхъ для торговли крѣпкими напитками, не имѣющихъ права торговать водками изъ раскупоренной посуды, — водочныхъ издѣлій въ открытой посудѣ, а также храненіе въ упомянутыхъ заведеніяхъ порожней посуды съ неснятымъ бандеролемъ. Въ виду недавняго введенія въ дѣйствіе Правилъ 28 Мая 1883 года, не могло еще воспослѣдовать ни по перечисленнымъ выше статьямъ, ни вообще по какимъ либо статьямъ этихъ Правилъ, разъясненій Уголов. Кассаціон. Департ. Правительствующаго Сената; нельзя не замѣтить при этомъ, что Правила 28 Мая составлены такъ полно и въ нихъ такъ всесторонне разработаны случаи возможныхъ нарушеній Устава о питейномъ сборѣ, что по настоящее время примѣненіе Правилъ 83 г. судебными установленіями не вызывало, насколько намъ извѣстно, какихъ либо недоразумѣній. Разсмотримъ, однакоже, нѣсколько подробнѣе тѣ изъ статей разбираемыхъ нынѣ Правилъ, которыя — по важности своей или въ виду не полной ихъ ясности - требуютъ этого разсмотрѣнія.

Прежде всего укажемъ на ст. IX Выс. утв. мн. Гос. Сов. о введеніи въ дѣйствіе Прав. 28 Мая, въ которой сказано: „статью 1154 Уст. уг. суд. изд. 76 г. (42 ст. Ус. уг. суд. Имп. Ал. II) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: дѣла о безпатентной торговлѣ крѣпкими напитками могутъ быть возбуждаемы по непосредственному усмотрѣнію мировыхъ судей (ст. 42 п. 3)“. До установленія этого правила подобнаго рода дѣла не могли быть возбуждаемы по непосредственному усмотрѣнію мировыхъ судей и гминныхъ судовъ, какъ это разъяснено бы-

ло Правительствующимъ Сенатомъ въ упомянутомъ уже выше рѣшеніи его за 1877 годъ по дѣлу Войцика и Климчика. Въ рѣшеніи этомъ Сенатъ отрицалъ это право мировыхъ судей и гминныхъ судовъ по отношенію къ дѣламъ казенныхъ управленій, за неизмѣненіемъ Положеніемъ о прим. Суд. Уст. къ Варш. о. 1129 и слѣд. ст. Уст. уг. суд., указывающихъ, что возбужденіе дѣлъ по нарушенію частными лицами уставовъ казеннаго управленія возлагается на присутственныя мѣста и должностныя лица сего управленія, а также на общую полицію, въ предѣлахъ предоставленной ей подлежащими уставами власти. Нынѣ, въ виду новаго закона, аргументація эта падаетъ, а такъ какъ ст. 79 Пол. о прим. (ст. 1293 Уст. уг. суд. Имп. Алек. II) распространяетъ и на гминные суды право возбужденія—въ извѣстныхъ рамкахъ — дѣлъ по непосредственному усмотрѣнію, Сенатъ же, въ указанномъ выше рѣшеніи своемъ, не отдѣляетъ гминные суды отъ мировыхъ судей въ вопросѣ о подсудности имъ дѣлъ по нарушенію уставовъ казеннаго управленія, то слѣдуетъ признать, что дополненіе къ п. 3 ст. 42 Уст. уг. суд. Имп. Алек. II имѣетъ значеніе и для гминныхъ судовъ.

Затѣмъ, введеніе правилъ 28 Мая 83 г. повлекло за собою возбужденіе на практикѣ слѣдующаго вопроса: согласно п. 3 ст. VII Выс. утв. мн. Гос. Сов. о введ. въ дѣйс. Прав. 28 Мая, по дѣламъ о нарушеніяхъ, влекущихъ одни лишь денежныя взысканія, съ конфискаціею питей и другихъ предметовъ или безъ оной, составленный должностнымъ лицомъ акцизнаго надзора протоколъ представляется управляющему акцизными сборами, который обязанъ, не позднѣе семи дней, сдѣлать постановленіе о взысканіи съ обвиняемаго; постановленіе это объявляется лицу, на которое налагается взысканіе, а затѣмъ, если взысканіе это не будетъ внесено въ двухнедѣльный со дня объявленія постановленія срокъ, то дѣло обращается въ судебныя установленія; до введенія же въ дѣйствіе Правилъ 28 Мая подобный порядокъ не существовалъ и дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію судебныхъ установленій, передавались имъ тотчасъ

же по составленіи протокола, не восходя предварительно на разсмотрѣніе управляющаго акцизными сборами. Въ то время, т. е. до введенія въ дѣйствіе новаго порядка производства дѣлъ по Прав. 28 Мая, акцизному надзору не представлялось затруднительнымъ—своевременнымъ возбужденіемъ обвиненія въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ — избѣгать послѣдствій 21 ст. Уст. о наказ., нал. мир. судь., въ силу которой виновные освобождаются отъ наказанія, когда проступки ихъ (кромѣ кражи, мошенничества, присвоенія чужаго имущества и лѣсо-истребленія — покрываемыхъ болѣе продолжительною давностью) не сдѣлались извѣстными въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени ихъ совершенія, мировому судьѣ или полиціи, или когда въ теченіе тѣхъ же сроковъ не было никакого по нимъ производства. Послѣ введенія въ дѣйствіе Прав. 28 Мая, ст. 21 Устава о наказ., какъ не отмѣненная ни этими правилами, ни какимъ либо другимъ узаконеніемъ, примѣнялась по прежнему къ дѣламъ акцизнымъ, но акцизный надзоръ, затрудняясь предварительнымъ разсмотрѣніемъ дѣла въ 6-ти мѣсячный срокъ, желалъ провести ту мысль, что въ виду новыхъ правилъ о производствѣ этихъ дѣлъ, представленіе дѣла на обсужденіе управляющаго акцизными сборами должно считаться тѣмъ „началомъ производства“ дѣла, о которомъ говорится въ 21-й ст. Уст. о наказ. Вопросъ этотъ доведенъ нынѣ до разсмотрѣнія Сената (7 Дек. 1885 г. по д. о Бродзикахъ) и въ концѣ 1885 года состоялось рѣшеніе Сената по Съѣзду Мировыхъ Судей 2 Округа Ломжинской губер., признавшее правильнымъ взглядъ акцизнаго надзора. Намъ представляется, однако, что съ юридической точки зрѣнія требованіе акцизнаго надзора, за отсутствіемъ какого либо намека въ Правилахъ 28 Мая на измѣненіе 21-й ст. Устава о наказ. или же — на приравниваніе управляющаго акцизными сборами „судебному мѣсту“, о которомъ говоритъ эта статья, подобное требованіе — говоримъ мы—врядъ ли можетъ считаться основательнымъ, тѣмъ болѣе что и практическія основанія въ пользу этого взгляда едва-ли могутъ считаться убѣдительными. Главный аргументъ въ

пользу этого взгляда объ измѣненіи 21 ст. Уст. о наказ. — это невозможность для акцизнаго надзора въ шесть мѣсяцевъ успѣть: составить протоколъ, провѣрить его, представить его управляющему, получить его постановленіе, объявить таковое виновному и выждать двухъ недѣльный срокъ, назначенный для добровольнаго исполненія этого опредѣленія. Но составленіе протокола и провѣрка его имѣли мѣсто и до введенія въ дѣйствіе правилъ 83 года, однакоже въ то время никто не говорилъ о краткости 6-ти мѣсячнаго срока; при дѣйствіи же новыхъ Правилъ новымъ является лишь постановленіе управляющаго и выжиданіе двухнедѣльнаго срока, требующія вмѣстѣ —считая и время на переписку—самое большее шесть недѣль; намъ кажется, что при этихъ новыхъ условіяхъ производства акцизныхъ дѣлъ, шести-мѣсячный срокъ является вполнѣ достаточнымъ, и нѣтъ необходимости въ установленіи новаго — болѣе продолжительнаго — срока давности для этой категоріи дѣлъ; въ рѣшеніи же Сената не имѣется никакихъ мотивовъ, оправдывающихъ приравниваніе начала дѣла у управл. акц. сб. началу *судебнаго* производства, приравниваніе тѣмъ болѣе не убѣдительное, что исполненіе опредѣленія акцизнаго надзора предоставлено доброй волѣ привлеченнаго къ отвѣтственности.

Та же статья, предоставляющая управляющимъ акцизными сборами право дѣлать постановленія о взысканіи съ обвиняемыхъ, и, въ случаѣ неплатежа добровольно обвиняемымъ денежнаго взысканія, представлять дѣло въ подлежащій судъ (ст. 4 Прав. о пор. произв. дѣлъ), та же статья—говоримъ мы— возбудила на практикѣ, правда, только въ акцизномъ вѣдомствѣ, слѣдующее сомнѣніе. Акцизное вѣдомство полагало, что судъ, разсматривая подобное дѣло и признавъ обвиняемаго виновнымъ, не вправѣ назначать ему наказаніе менѣе того, которое было опредѣлено ему въ постановленіи управляющаго акцизными сборами. Подобное желаніе акцизнаго надзора стѣснить судъ въ его правѣ постановлять наказаніе въ предѣлахъ предоставленной ему данною статьею карательнаго кодекса власти —не находитъ себѣ подкрѣпленія ни въ разумѣ закона, ни въ

текстѣ Правилъ 28 Мая 1883 года. Мнѣніе это не нашло себѣ подкрѣпленія и въ толкованіяхъ Угол. Кас. Департ. Прав. Сената, такъ какъ Сенатъ въ рѣшеніи своемъ за 1885 годъ по дѣлу Рухли Левинъ—по жалобѣ управляющаго акцизными сборами на меньшее сравнительно съ его постановленіемъ наказаніе обвиняемой—высказалъ, что жалоба эта—какъ жалоба на слабое наказаніе обвиняемой — не подлежитъ разсмотрѣнію Сената за силою 5-й ст. Учрежд. судеб. установленій.

Нѣсколько неясными—хотя въ нѣкоторыхъ лишь отношеніяхъ — признаются въ практикѣ мировой юстиціи Царства Польскаго, насколько намъ извѣстно, статьи Правилъ 28 Мая: 14, 22 и 23.

По отношенію къ 14-й статьѣ возбуждается сомнѣніе въ томъ, слѣдуетъ ли ее примѣнять въ губерніяхъ Царства Польскаго къ случаямъ обнаруженія въ селахъ и деревняхъ нарушенія правилъ о вареніи пива и меда въ корчагахъ и котлахъ, собственно для домашняго обихода, или же примѣнять къ этимъ случаямъ ст. 4 Прав., предусматривающую выдѣлку обложенныхъ акцизомъ питей на заводахъ, существующихъ тайно и преслѣдованіе по которой выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій. На нашъ взглядъ 14-й ст. Прав. не можетъ имѣть примѣненія въ Привислянскомъ краѣ въ виду слѣдующихъ соображеній. Въ силу прим. 3 къ ст. 107 Уст. о пит. сб. изд. 76 г. дѣйствіе изложеннаго въ этой статьѣ дозволенія варить дома въ нѣкоторыхъ случаяхъ пиво, брагу и медъ для себя — на губерніи Царства Польскаго не распространяется; разъ же, что это такъ, то очевидно, что жители губерній Царства Польскаго не могутъ быть наказываемы по той статьѣ (14-й) Правилъ, которая караетъ отступленіе отъ такихъ правилъ, которыя въ этихъ губерніяхъ и не примѣняются, но безнаказаннымъ подобное пиво — и медовареніе оставляемо быть не можетъ, такъ какъ въ ст. 107 Уст. о пит. сб. заключается *дозволеніе* — въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ — варить пиво и проч. для домашняго обихода, и дозволеніе это на губерніи Царства Поль-

скаго не распространяется, почему и слѣдуетъ считать, что въ этихъ губерніяхъ вообще запрещается — при какихъ бы то ни было условіяхъ—варить медъ, пиво и брагу, хотя бы и для домашняго обихода. Въ случаѣ же нарушенія этого запрещенія виновныхъ слѣдуетъ наказывать и проступокъ ихъ подводить подъ дѣйствіе 4-й ст. Прав., не стѣсняясь употребленнымъ въ этой статьѣ выраженіемъ „заводъ", такъ какъ въ примѣчаніи къ ст. 1-й тѣхъ же Правилъ высказано, что „устройствомъ завода почитается приспособленіе къ выдѣлкѣ питей и издѣлій (на которыя распространяется дѣйствіе Устава о пит. сб.) зданія или другихъ помѣщеній, посредствомъ постановки въ нихъ перегоннаго аппарата или куба, пивоваренннаго или медоваренннаго котла *или иныхъ необходимыхъ для производства сей выдѣлки аппаратовъ или снарядовъ*". Эта послѣдняя фраза указываетъ, что понятію „заводъ" законъ въ данномъ случаѣ придаетъ самое широкое толкованіе, указывая тѣмъ самымъ на необходимость подводить подъ дѣйствіе 4-й ст. Прав. всѣ случаи домашняго приготовленія пива, меда или браги въ губерніяхъ Царства Польскаго.

При примѣненіи 22-й ст. Правилъ возбуждается на практикѣ вопросъ собственно лишь о стоимости того патента ко взятію котораго виновный приговаривается въ силу этой статьи. Акцизный надзоръ, толкуя эту статью, нерѣдко требуетъ присужденія виновнаго ко взятію патента *по шинокъ* даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный уличается въ торговлѣ безъ патента или по чужому патенту *изъ корчмы*, тогда какъ патентъ, на корчму стоитъ 30 р. (по прил. къ ст. 5 прим. 3 Уст. о пит. сб. изд. 76 г.), патентъ же на шинокъ въ мѣстностяхъ 3-го разряда стоитъ уже 70 р. Прав. Сенатъ разъяснилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ взысканія стоимости патента *на корчму* (Рѣш. Уг. Кас. Деп. отъ 13 Дек. 84 года по дѣлу Росса по Съѣзду Мир. Суд. 2-го Окр. Ломж. губ.) и съ подобнымъ разъясненіемъ нельзя не согласиться.

При примѣненіи 23-й ст. Прав. является иногда вопросъ: признавать ли оптовою продажею пива продажу таковаго въ

боченкахъ малаго размѣра. Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ—по нашему мнѣнію—утвердительно въ виду того, что въ ст. 381 Уст. о пит. сб. изд. 76 г. подъ оптовою продажею пива и меда подразумѣвается продажа *бочками всякой мѣры*, боченокъ же есть не что иное, какъ бочка малой мѣры, слѣдовательно, продажа пива и меда боченками должна быть подводима подъ дѣйствіе 23-й ст. Правилъ.

До послѣдняго времени замѣтно было въ практикѣ мировыхъ судебныхъ установленій губерній Царства Польскаго колебаніе и разнорѣчіе по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли устройство въ шинкахъ игръ, допущеніе въ нихъ музыки, продажу позже 10 часовъ вечера или же въ запрещенное время (ст. 397 — 401 Уст. о пит. сбор. изд. 76 года) принимать къ своему производству и подводить подъ дѣйствіе 41 ст. Уст. о наказ., или же, въ виду 110 ст. Пол. о пр. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., оставлять эти проступки въ вѣдѣніи полицейской власти. Въ первое время по введеніи въ Царствѣ Польскомъ судебной реформы практика мировыхъ судебныхъ установленій склонялась къ примѣненію къ указаннымъ выше проступкамъ ст. 110 Пол. о пр. и даже предложено было прокуратурѣ давать въ этомъ смыслѣ свои заключенія при разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ на Съѣздахъ Мировыхъ Судей, но затѣмъ Правительствующій Сенатъ — опредѣленіемъ своимъ, состоявшимся 20 Марта 1884 года, и ссылаясь на рѣшеніе свое отъ 11 Февраля 1881 года по дѣлу о Борухѣ Бухнеръ, — разъяснилъ, что во 1-хъ) подъ упомянутыми въ 110 ст. Пол. о пр. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр. (вошедшей въ видѣ примѣчанія къ ст. 567 Уст. о пит. сб. изд. 76 г.) административными и казенными управленіями слѣдуетъ разумѣть управленія, поименованныя въ приложеніи къ ст. 1149 и 1239 Уст. уг. суд· изд. 76 г. (ст. 1124 и 1214 Уст. уг. суд. Имп. Алек. II), а не полицію, судебная власть которой, принадлежавшая ей прежде по нѣкоторымъ нарушеніямъ правилъ общественнаго благоустройства и благочинія, со введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ прекратилась, и что во 2-хъ) посему никакое дѣло, имѣющее

своимъ предметомъ нарушеніе Устава о питейномъ сборѣ, не можетъ подлежать разсмотрѣнію полиціи, какъ власти судебной.

Правилами 28 Мая 1883 года, а именно статьею 35-ю, вводится новое начало въ постановленія Устава о наказ. по вопросу о примѣненіи правилъ о совокупности проступковъ къ проступкамъ противъ Уставовъ казеннаго управленія. Изложимъ вкратцѣ содержаніе ученія о совокупности. Въ случаяхъ совершенія однимъ и тѣмъ же лицомъ нѣсколькихъ преступленій или проступковъ, законъ различаетъ—и различіе это отражается на мѣрѣ наказанія виновнаго — совершенъ ли имъ послѣдующій проступокъ послѣ присужденія къ наказанію за первый проступокъ, или до того: если второй проступокъ совершенъ по присужденіи къ наказанію за первый — является повтореніе (при однородности проступковъ и не истеченіи годичнаго срока); если же второй проступокъ совершенъ до присужденія къ наказанію за первый (приговоромъ вошедшимъ въ законную силу)—является совокупность проступковъ, влекущая за собою присужденіе виновнаго къ одному наказанію за оба проступка. Такимъ образомъ, понятіе совокупности проступковъ связано съ понятіемъ повторенія, и въ виду того, что подъ повтореніемъ Уставъ о наказ. (п. 3 ст. 14) понимаетъ совершеніе того же самаго или однороднаго проступка до истеченія года *послѣ присужденія* къ наказанію — подъ совокупностью проступковъ слѣдуетъ понимать совершеніе двухъ или болѣе проступковъ до присужденія виновнаго къ наказанію за одинъ изъ нихъ. Послѣдствіемъ совокупности является необходимость присужденія обвиняемаго къ одному наказанію за всѣ проступки, по которымъ не состоялся еще приговоръ; напротивъ того, присужденіе къ наказанію за первый проступокъ дѣлаетъ не нужнымъ постановленіе гминнымъ судомъ — въ случаѣ совершенія тѣмъ же виновнымъ послѣ этаго присужденія втораго проступка — одного приговора по совокупности проступковъ обвиняемаго, хотя бы первый приговоръ еще не былъ приведенъ въ исполненіе; въ такомъ случаѣ виновный

долженъ отбывать отдѣльно оба наказанія, назначенныя ему судомъ за два его проступка, причемъ повтореніе проступка—при наличности извѣстныхъ условій — считается обстоятельствомъ увеличивающимъ вину. Таково общее начало, устанавливаемое путемъ сопоставленія 3 п. 14-й и 16-й ст. Уст. о наказ.; начало это должно имѣть примѣненіе ко всѣмъ проступкамъ, предусмотрѣннымъ статьями Устава о наказаніяхъ — за исключеніемъ кражъ, мошенничествъ, присвоеній и растратъ, къ которымъ (какъ это будетъ изложено подробнѣе при толкованіи ст. 181 Уст. о наказ.) должна быть примѣняема ст. 131 Улож. о наказ. изд. 66 г., устанавливающая, что для признанія даннаго дѣянія повтореніемъ необходимо, чтобы обвиняемый *отбылъ* наказаніе за первое свое, такое же преступленіе. Тою же 131 ст. Улож. о наказ. должны были мировыя судебныя установленія руководствоваться—согласно разъясненію Рѣш. Уг. Кас. Деп. Прав. Сен. за 69 г. № 471 — и при разрѣшеніи дѣлъ, предусмотрѣнныхъ примѣчаніемъ къ 1-й ст. Уст. о наказ., — до введенія въ дѣйствіе Правилъ 28 Мая. Статья же 35-я этихъ Правилъ вводитъ, какъ сказано выше, новое начало по отношенію къ нарушеніямъ Устава о питейномъ сборѣ, а статья 50 тѣхъ же Правилъ распространяетъ это начало и на проступки по нарушенію постановленій о табачномъ сборѣ. Въ статьѣ этой сказано, что „опредѣленнымъ въ настоящихъ правилахъ денежнымъ взысканіямъ и конфискаціи, а также уплатѣ акциза и цѣны патента, виновный подвергается особо за каждое нарушеніе постановленій о питейномъ сборѣ, хотя бы этимъ лицомъ учинено было нѣсколько такихъ нарушеній, за которыя оно не понесло наказанія и которыя не покрыты давностью“ и т. д. Правило это распространило дѣйствіе примѣчанія къ 16 ст. Уст. о наказ., въ силу котораго денежное взысканіе за нарушеніе устава казеннаго управленія — при совокупности этихъ проступковъ съ какими либо *другими* преступными дѣйствіями — не покрывалось наказаніями за *другіе* проступки (а при совокупности нѣсколькихъ проступковъ противъ уставовъ казеннаго управленія — виновный подвергался

одному лишь наказанію), новое правило распространило силу этого примѣчанія и на учиненіе нѣсколькихъ проступковъ *исключительно* противъ уставовъ казеннаго управленія. По поводу этого правила необходимо сдѣлать одно замѣчаніе. Такъ какъ въ статьѣ этой говорится только о *денежныхъ* взысканіяхъ и конфискаціи, а также объ уплатѣ акциза и цѣны патента, то изъ этого слѣдуетъ вывести, что въ случаѣ несостоятельности обвиняемаго къ уплатѣ штрафовъ, присужденныхъ съ него отдѣльно по каждому нарушенію съ примѣненіемъ правилъ 35-й статьи—наказаніе его арестомъ—въ виду 7-й ст. Уст. о наказ.—должно быть постановлено съ примѣненіемъ общихъ правилъ о совокупности, а не начала, вводимаго 35 статьею Правилъ 28 Мая 1883 года.

Изъяснимъ все вышеизложенное примѣрами.

Положимъ, что нѣкій Янъ 1 Января 1885 года нанесъ нѣкоему Юзефу обиду дѣйствіемъ (ст. 133 Уст. о наказ.), на что Янъ и принесъ тогда же жалобу въ гминный судъ; гминный судья назначилъ дѣло это къ слушанію на 21 Января того же года, но 8 Января Янъ нашумѣлъ въ пьяномъ видѣ въ шинкѣ, о чемъ былъ составленъ полиціею протоколъ и дѣло поступило въ тотъ же гминный судъ (по 38 ст. Уст. о наказ.). Въ данномъ случаѣ судъ разобравъ оба дѣла и опредѣливъ по каждой изъ жалобъ особое Яну наказаніе, — приговоривъ его, положимъ, за обиду къ 10 днямъ ареста, а за нарушеніе общественной тишины къ пятидневному аресту при полиціи, — долженъ постановить о немъ одинъ общій приговоръ *по совокупности* и приговорить его за оба проступка къ одному наказанію не ниже одинадцати и не выше четырнадцати дней (въ виду ст. 16 Уст. о наказ., признающей совокупность проступковъ во всякомъ случаѣ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину). Если же тотъ же Янъ, будучи присужденъ 21 Января къ 10 днямъ ареста за нанесенную имъ Юзефу обиду, нашумѣлъ въ шинкѣ 10 Февраля того же года, т. е. по вступленіи постановленнаго о немъ по первому дѣлу приговора въ законную силу, хотя и до приведенія еще этого приговора въ испол-

неніе, т. е. до отбытія имъ наказанія, то приговоренный затѣмъ къ пяти днямъ ареста за нарушеніе общественной тишины Янъ долженъ отсидѣть десять дней по первому приговору и затѣмъ пять дней по второму. Положимъ далѣе, что тотъ же Янъ, будучи приговоренъ за кражу къ тюремному заключенію на четыре мѣсяца и отданный—до обращенія приговора къ исполненію—на поручительство, тотчасъ же по вступленіи этого приговора въ законную силу совершилъ новую кражу, за совершеніе таковой онъ присужденъ судомъ тоже къ 4-хъ мѣсячному тюремному заключенію, но, примѣняя къ данному его дѣянію правило 131-й ст. Улож. о наказ. изд. 66 г., судъ, — въ виду того, что вторая кража учинена имъ до отбытія наказанія за первую кражу, хотя и послѣ осужденія его за нее, — долженъ постановить о немъ одинъ приговоръ по совокупности и приговорить его за обѣ кражи къ заключенію въ тюрьмѣ на время свыше 4-хъ и менѣе 8-ми мѣсяцевъ. Заставимъ теперь того же Яна торговать безпатентно питьями, въ чемъ онъ и былъ дважды уличенъ акцизнымъ надзоромъ: 15 Января 85 года и 20 Марта того же года, о чемъ и составлены два протокола. Судъ, разбирая эти дѣла, долженъ приговорить Яна по каждому изъ нихъ отдѣльно и къ конфискаціи и къ уплатѣ штрафа и стоимости патента на 1885 г., *не постановляя затѣмъ одного приговора по совокупности*, и вся сумма, образовавшаяся изъ сложенія взысканій по обоимъ приговорамъ, должна быть взыскана съ Яна полностью. Но предположимъ, — что, впрочемъ, очень вѣроятно,—что Янъ несостоятеленъ къ уплатѣ всѣхъ этихъ денегъ: тогда судъ, приговорившій его по 7 ст. Уст. о наказ къ аресту на три недѣли на случай несостоятельности къ уплатѣ штрафа по первому дѣлу и къ такому же аресту по второму дѣлу, долженъ постановить о немъ одинъ общій приговоръ по правиламъ 16-й статьи Устава о наказ. и приговорить его по обоимъ дѣламъ къ аресту недѣль на 4 или на 5.

Всѣ разсмотрѣнныя выше и встрѣчающіяся въ практикѣ мировой юстиціи — преимущественно въ практикѣ гминныхъ судовъ недоразумѣнія представляются на нашъ взглядъ весьма

незначительными въ сравненіи съ тѣмъ серьезнымъ недоразумѣніемъ, которое нерѣдко встрѣчается въ этой практикѣ по отношенію къ дѣламъ о нарушеніи уставовъ казеннаго управленія вообще и уставовъ о питейномъ сборѣ и таможеннаго въ особенности. Мы имѣемъ въ виду въ настоящее время тотъ сравнительно значительный процентъ оправдательныхъ приговоровъ, замѣченный въ практикѣ гминныхъ судовъ по этого рода дѣламъ. На увеличеніе числа подобныхъ приговоровъ вліяютъ, на сколько намъ извѣстно, два обстоятельства: 1) кажущаяся безвредность тѣхъ несоблюденій извѣстныхъ формальностей, требуемыхъ этими уставами, которыя являются предметомъ обвиненія, и 2) появленіе въ качествѣ свидѣтелей лицъ, могущихъ разчитывать на извѣстное вознагражденіе въ случаѣ признанія обвиненія доказаннымъ. Оба эти явленія дѣйствительно существуютъ. По Уставу о питейномъ сборѣ дѣятельность лицъ, занимающихся—выдѣлкою и продажею питей, подходящихъ подъ дѣйствіе этого устава, обставлена цѣлымъ рядомъ формальностей, нерѣдко, быть можетъ, для нихъ и стѣснительныхъ. Такъ же вѣрно и то, что въ большинствѣ случаевъ нарушеній Уставовъ питейнаго и таможеннаго свидѣтелями являются открыватели нарушеній, а открывателямъ полагается по закону (ст. 48 и 63 Прав. 28 Мая 83 г. и ст. 1808 и слѣд. Тамож. Уст., Т. VI по прод. 63 года) опредѣленное вознагражденіе. Но тѣмъ не менѣе, ни одно изъ этихъ обстоятельствъ, на нашъ взглядъ, нисколько не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для постановленія по этого рода дѣламъ—въ силу только этихъ обстоятельствъ—оправдательныхъ приговоровъ. Обставленіе дѣятельности лицъ, выдѣлывающихъ питья и торгующихъ ими, извѣстными формальностями необходимо для огражденія фискальныхъ интересовъ государства, такъ какъ только точное исполненіе всѣхъ предписанныхъ закономъ формальностей можетъ дать чинамъ казенныхъ управленій возможность наблюденія за правильнымъ поступленіемъ въ казну всѣхъ причитающихся платежей. Съ другой стороны, возможность полученія открывателями извѣстнаго вознагражденія не

должна влiять на ослабленiе вѣры въ достовѣрность ихъ показанiй: гминнымъ судамъ, при взвѣшиванiи и оцѣнкѣ достовѣрности подобнаго рода показанiй, не слѣдуетъ забывать, что дѣятельность чиновъ казеннаго управленiя является дѣятельностью служебною, и что если показанiя ихъ и не подкрѣплены почему либо свидѣтельскою присягою, то, тѣмъ не менѣе, нѣтъ основанiй предполагать, — безъ особенныхъ на то серьезныхъ данныхъ,—что подобные свидѣтели, забывъ долгъ службы, будутъ показывать ложно изъ за сравнительно ничтожнаго нерѣдко вознагражденiя. Гораздо менѣе довѣрiя могутъ — по нашему убѣжденiю — внушать къ себѣ показанiя обвиняемыхъ, прямо бросающiяся въ глаза своею вздорностью и неправдоподобностью, и подкрѣпленныя показанiями родственниковъ и прiятелей, оказывающихъ попавшему сегодня въ бѣду ту услугу, на полученiе которой отъ него они могутъ разсчитывать завтра. Къ подобнаго рода объясненiямъ и показанiямъ судъ долженъ относиться съ особою осмотрительностью, хотя бы на первый взглядъ по внѣшнему своему виду показанiя эти и могли бы показаться убѣдительными. Кончая же разборъ Правилъ 28 Мая 83 года, замѣтимъ еще, что съ 1 Iюля 1885 года введены въ дѣйствiе Постановленiя, изданныя 15 Января 1885 года, объ измѣненiи и дополненiи дѣйствующихъ правилъ о пивоваренiи и о торговлѣ пивомъ; въ постановленiяхъ этихъ—въ статьяхъ: 21, 22 и 23 — говорится объ отвѣтственности: а) за несвоевременное или несогласное съ правилами опечатанiе на пивоваренныхъ заводахъ опорожненной посуды, б) за разбавленiе пива водою, смѣшенiе пива разныхъ заводовъ и прибавленiе къ нему веществъ, не вредныхъ для здоровья, и в) объ отвѣтственности пивоваровъ. Затѣмъ, также съ 1 Iюля 1885 г. введены въ дѣйствiе „Правила о порядкѣ храненiя, выпуска изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ, передвиженiя и продажи вина и спирта въ раiонѣ дѣйствiй корчемной стражи на границѣ съ Пруссiею и Австрiею“, а съ 1-го Января 1886 года введены въ дѣйствiе измѣненныя мнѣнiемъ Гос. Совѣта 14 Мая 1885 года правила о торговлѣ крѣпкими напитками,

причемъ правила эти примѣняются къ губерніямъ, „управляемымъ по общему учрежденію (Св. Зак. Т. II ч. I ст. 3)", предоставивъ Министру Финансовъ, „по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, войдти въ соображеніе вопроса о примѣненіи новыхъ правилъ о раздробительной торговлѣ напитками" и къ губерніямъ, управляемымъ не по общему учрежденію. На губерніи Царства Польскаго правила эти, слѣдовательно, не распространяются.

Укажемъ еще, что Правила 28 Мая 83 года вызвали опредѣленіе Правит. Сената отъ 20 Декабря 1884 года, разъясняющее, что Правила эти *не отмѣняютъ* дѣйствіе ст. 32 Устава о пит. сб. изд. 76 г.; статьею же этою установлено, что „лица акцизнаго управленія при нарушеніяхъ постановленій Устава о пит. сборѣ, не сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ, сообщаютъ лишь о такихъ нарушеніяхъ мѣстной полиціи и казенныя управленія по дѣламъ сего рода не принимаютъ участія въ дальнѣйшемъ производствѣ сихъ дѣлъ; по дѣламъ же, сопряженнымъ съ ущербомъ для казны, лица казеннаго управленія обязаны какъ возбуждать противъ виновныхъ преслѣдованіе, такъ и принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла сего рода въ порядкѣ административнаго производства". Слѣдовательно, и при дѣйствіи Правилъ 28 Мая 83 г., суды должны обращать вниманіе на правильное примѣненіе ст. 32 Уст. о пит. сб. изд. 76 г., т. е. давать ходъ только тѣмъ обвиненіямъ въ нарушеніяхъ Устава о пит. сб., не сопряженныхъ съ ущербомъ для казны, которыя предъявлены не акцизнымъ надзоромъ, а полиціею.

Вслѣдъ за нарушеніями постановленій о питейномъ сборѣ ближе всего будетъ разсмотрѣть нарушенія постановленій о табачномъ сборѣ, такъ какъ Правила о взысканіяхъ за эти нарушенія изданы одновременно съ только что разобранными выше Правилами о взысканіяхъ за нарушенія постановленій о питейномъ сборѣ, а именно 28 Мая 1883 года. Большинство проступковъ, предусматриваемыхъ этими Правилами, подсудно— по установленнымъ за совершеніе ихъ наказаніямъ—мировымъ

судебнымъ установленіямъ. Правила о взысканіяхъ за нарушенія постановленій о табачномъ сборѣ представляютъ ту особенность, что за нѣкоторые изъ предусмотрѣнныхъ этими правилами проступковъ наказаніе установлено двухъ родовъ—и штрафъ и арестъ одновременно; таковы статьи: 20, 22, 23, 24 и 38 Правилъ 28 Мая. По отношенію къ первымъ четыремъ изъ этихъ статей не возбуждается сомнѣнія въ томъ, что большинство изъ предусматриваемыхъ ими проступковъ не подсудно мировой юстиціи, такъ какъ наказаніемъ за нихъ установленъ арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ и *сверхъ того* денежный штрафъ *свыше* трехсотъ рублей. Въ виду того, что по 1-й ст. Уст. о наказ. вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій подлежатъ проступки, за которые назначается *или* арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, *или* же денежный штрафъ до трехсотъ рублей, то несомнѣнно, что проступки, за которые—кромѣ ареста до 3-хъ мѣсяцевъ — полагается еще и денежный штрафъ, должны почитаться изъятыми изъ подсудности мировой юстиціи. Иначе представляется вопросъ по отношенію къ 38-й ст. Правилъ, карающей — за продажу или храненіе табачныхъ издѣлій безъ бандеролей, либо съ бандеролями поврежденными и т. д. — арестомъ не свыше двухъ мѣсяцевъ плюсъ денежный штрафъ не свыше двухсотъ руб. сер. Проступки, предусматриваемые этою статьею, подсудны, по нашему мнѣнію, мировымъ судебнымъ установленіямъ въ силу слѣдующихъ соображеній. Арестъ до двухъ мѣсяцевъ не есть высшая мѣра ареста, къ которой могутъ приговаривать мировыя установленія, такъ же какъ и 200 руб. не представляются высшею мѣрою денежнаго штрафа; считать, что 200 р. штрафа непремѣнно равносильны двумъ мѣсяцамъ ареста не представляется достаточно основаній, такъ какъ по 7-й ст. Уст. о наказ. установлено, что вмѣсто денежнаго взысканія отъ 15—300 р. можно приговаривать къ аресту—на случай несостоятельности,—не свыше трехъ мѣсяцевъ, безъ установленія, слѣдовательно, болѣе узкихъ рамокъ для руководства при замѣнѣ штрафа арестомъ. Въ виду этой статьи нельзя утверждать, что двѣсти руб. штра-

фа всегда равносильны двумъ мѣсяцамъ ареста и что 200 руб. штрафа не могутъ быть замѣнены однимъ мѣсяцемъ ареста при полиціи. Въ виду выше сказаннаго слѣдуетъ признать, что наказаніе по 38-й ст. Правилъ нельзя считать превышающимъ предѣлы власти мировой юстиціи, и что при примѣненіи этой статьи слѣдуетъ лишь при замѣнѣ штрафа арестомъ на случай несостоятельности обращать вниманіе на то, чтобы весь срокъ ареста, къ которому приговоренъ виновный въ нарушеніи 38 ст. Прав., не превышалъ въ общей сложности трехмѣсячнаго срока.

Въ большинствѣ случаевъ нарушеній Правилъ о взыск. за наруш. Табач. Ус. мировой юстиціи приходится имѣть дѣло съ обвиненіями въ продажѣ или въ храненіи табачныхъ издѣлій безъ бандеролей, или съ бандеролями поврежденными, или же съ обвиненіями въ продажѣ табачныхъ издѣлій по штучно. Нарушенія эти прямо предусмотрѣны 38 ст. Прав. 28 Мая 83 года; но нарушители этихъ Правилъ нерѣдко стараются доказывать,—при разборѣ подобнаго рода дѣлъ, — что дѣяніе ихъ предусматривается не 38-ю а 36-ю статьею этихъ Правилъ, болѣе легкою сравнительно съ 38-ю статью. Мнѣніе это лишено, однакоже, основанія, такъ какъ ст. 36 Правилъ имѣетъ въ виду лишь недозволенную торговлю табачными издѣліями, *правильно обандероленными*, и, слѣдовательно, не можетъ относиться до проступковъ продажи и храненія табачныхъ издѣлій безъ бандеролей или съ бандеролями поврежденными.

Дѣла по нарушенію Устава Таможеннаго (Т. VI Св. Зак., Улож. о наказ. Разд. IX) встрѣчаются въ практикѣ мировой юстиціи сравнительно рѣдко; еще рѣже могутъ дойдти до ея разсмотрѣнія дѣла по нарушеніямъ уставовъ: монетнаго, горнаго и о соли, особенно двухъ послѣднихъ, о которыхъ безошибочно можно предположить, что въ практикѣ мировой юстиціи Царства Польскаго дѣлъ по ихъ нарушенію и не встрѣчалось съ самаго ея возникновенія; нарушеніе же устава монетнаго можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія мировой юстиціи лишь въ случаѣ обвиненія кого либо въ томъ, что, получивъ

случайно фальшивую монету, или фальшивый билетъ Государственнаго Казначейства, или кредитный, или билетъ одного изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, и узнавъ достовѣрно, что монета эта или билетъ—фальшивые, не представитъ ихъ начальству, а передастъ подъ видомъ настоящихъ другому (ст. 567 ч. 2 и 576 ч. 2 Улож. о наказ. изд. 76 г.): за учиненіе этого преступленія наказываются какъ за мошенничество. По роду наказанія подсуденъ мировой юстиціи еще проступокъ, предусмотрѣнный ст. 568 Улож. о наказ., а именно: выписываніе изъ за границы, для выпуска въ обращеніе, запрещенной низкопробной иностранной монеты (биллонъ), а также скупъ биллона внутри государства, торгъ или мѣна таковымъ.

Дѣла по нарушеніямъ Устава о гербовомъ сборѣ тоже рѣдко могутъ подлежать разбирательству мировой юстиціи въ *уголовномъ* порядкѣ. Въ Уложеніи о наказ. изд. 66 г. имѣется собственно только одна статья (581), предусматривающая преступленіе, подсудное мировой юстиціи, а именно: употребленіе завѣдомо гербовой бумаги поддѣльной, безъ сообщничества съ поддѣлывателями таковой и безъ знанія о нихъ, или же передача завѣдомо поддѣльной бумаги подъ видомъ настоящей другому лицу; преступленіе это приравнивается мошенничеству. Употребленіе же простой бумаги вмѣсто гербовой при выдачѣ обязательствъ домашнихъ, а также и принятіе обязательствъ, на простой бумагѣ написанныхъ, хотя и предусмотрѣно 585 ст. Улож. о наказ., но взысканіе гербоваго штрафа должно производиться не въ порядкѣ уголовнаго процесса, а по опредѣленію того судебнаго мѣста, въ которое актъ представленъ для взысканія. Этотъ порядокъ взысканія установленъ былъ еще въ 1871 году, слѣдовательно до введенія въ дѣйствіе новаго Гербоваго Устава 1874 года,—рѣшеніемъ Сената № 480 по д. Сусленникова. Затѣмъ, въ Гербовомъ Уставѣ 1874 года, дѣйствующемъ нынѣ — съ 1-го Іюля 1884 года и въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ ст. 111-й сказано, что взысканіе съ частныхъ лицъ штрафовъ, опредѣленныхъ въ ст. 107 — 110

(именно за выдачу и принятіе обязательствъ съ нарушеніемъ правилъ Гербоваго сбора), по нарушеніямъ, обнаруженнымъ общими судебными и мировыми установленіями, производится самими сими установленіями, на общемъ основаніи. Это послѣднее выраженіе слѣдуетъ понимать какъ указаніе на то, что взысканія эти производятся, безъ передачи дѣла въ уголовный судъ самими гражданскими судами обнаружившими нарушеніе Устава о гербовомъ сборѣ, подобно тому, какъ ими же производятся взысканія въ случаѣ неявки свидѣтелей, или же нарушенія кѣмъ либо порядка во время судебнаго засѣданія; повсемѣстная практика судебныхъ мѣстъ придерживается этого толкованія ст. 111 Уст. о герб. сб. изд. 74 года.

Согласно тому же примѣчанію къ 1-й Ст. Уст. о наказ. вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій принадлежатъ также нѣкоторые изъ проступковъ по нарушенію постановленій объ акцизѣ съ сахарнаго песку (ст. 736—743 Улож. о наказ.) и по нарушенію уставовъ торговыхъ и фабричной, заводской и ремесленной промышленности (ст. 1169—1404 Улож. о наказ.). По этимъ послѣднимъ уставамъ 5 Іюня 1884 года состоялось въ дополненіе Устава о наказ. Выс. утв. мн. Гос. Совѣта о взысканіяхъ за нарушеніе постановленій о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и т. д. Самыя правила, нарушеніе которыхъ преслѣдуется Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Сов. 5 Іюня 1884 года, установлены 1 Іюня 82 года; ими запрещается занимать малолѣтнихъ, отъ 12—15 лѣтъ, работою болѣе восьми часовъ въ сутки, занимать ихъ работою между девятью часами вечера и пятью часами утра а также въ воскресные и высокоторжественные дни и воспрещается допускать ихъ къ такимъ производствамъ, которыя, по своимъ свойствамъ, вредны для здоровья малолѣтнихъ или должны быть признаваемы для нихъ изнурительными (подраздѣленіи этихъ производствъ состоялось въ 1884 году). Кромѣ того владѣльцы заводовъ и т. д. должны предоставлять малолѣтнимъ возможность посѣщать училища не менѣе восемнадцати часовъ въ недѣлю. Отвѣтственность завѣдывающихъ заводами за нарушеніе этихъ

правилъ—денежное взысканіе не свыше ста рублей, а въ первомъ случаѣ арестъ не свыше мѣсяца или штрафъ не свыше ста рублей. Наконецъ, подсудны имъ и проступки по нарушенію Устава о воинской повинности.

Уставъ о воинской повинности 1876 года замѣнилъ прежній рекрутскій уставъ. Въ этомъ уставѣ о воинской повинности изд. 1876 года взысканіямъ за нарушеніе законовъ о воинской повинности посвящена 14 глава перваго раздѣла, ст. 112—224 включительно. Въ статьяхъ этихъ мѣра наказанія за предусматриваемые ими проступки неопредѣлена, а онѣ отсылаютъ по вопросу о наказаніи къ различнымъ пунктамъ 506 ст. Улож. о наказ. Нужно замѣтить, однакожъ, что Уставъ о воинской повинности имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ ст. 506 Улож. о наказ. не старой редакціи изд. 1866 года, а 506 ст. Улож. въ редакціи по продолженію 1876 г. Независимо отъ сего слѣдуетъ замѣтить, что 5 п. 506 ст. Улож. о наказ. по прод. 76 былъ измѣненъ по прод. 1879 г. въ томъ смыслѣ, что высшею мѣрою наказанія за неявку къ времени освидѣтельствованія лицъ, подлежащихъ, по вынутому нумеру жеребья, поступленію въ постоянныя войска и признанныхъ неспособными къ службѣ,—опредѣленъ трехнедѣльный—вмѣсто трехмѣсячнаго — арестъ при полиціи. Дополненъ былъ также п. 5 ст. 506 Улож. о наказ. по прод. 76 года опредѣленіемъ наказанія для виновныхъ, неявившихся по призыву на службу въ ополченіе въ назначенный срокъ, безъ уважительныхъ причинъ, въ случаѣ открытія ихъ по роспускѣ ополченія, въ которое они были призваны: наказываются такія лица заключеніемъ въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ. Нынѣ же слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніи уклоненія отъ исполненія воинской повинности ст. 506 — 508 Улож. о наказ. изд. 1885 г., причемъ необходимо имѣть въ виду тоже содержаніе ст. 224 Устав. о воин. пов. изд. 76 г. устанавливающей, что на лицъ, уклонившихся отъ воинской повинности, не распространяется сила общихъ постановленій о давности.

По дѣламъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія, о повинностяхъ и о торговлѣ примѣчаніе къ 1 ст. Уст. о нак. отсылаетъ—какъ мы видѣли—мировую юстицію къ Улож. о наказ. Въ этихъ только случаяхъ мировая юстиція можетъ руководствоваться Улож. о наказ., во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ нарушеній, хотя-бы наказаніе, устанавливаемое Уложеніемъ, не выходило по роду и размѣрамъ своимъ изъ предѣловъ подсудности мировой юстиціи, эта послѣдняя не можетъ карать за учиненіе тѣхъ проступковъ и преступленій, предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ о наказ. Однакоже, въ извѣстномъ Руководствѣ для мировыхъ судей Н. А. Неклюдова указаны нѣкоторые проступки, не предусмотрѣнные примѣчаніемъ къ 1-й ст. и предусмотрѣнные Уложеніемъ, наказанія за которые должны—по его мнѣнію — налагаться мировою юстиціею, такъ какъ въ самомъ текстѣ статей Уложенія, предусматривающихъ эти проступки, или прямо или косвенно указано, что они должны быть караемы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по Уставу о наказ. Статьи эти слѣдующія: 218, 229, 231, 233, 913, 921, 959, 1003, 1060 п. 3, 1512 п. 2, 1573, 1584, 1590, 1600, 1701, 1704, 1705, 1706, 1709 и 1711.

По отношенію къ ст. 1709 Улож. о наказ. Правит. Сенатомъ, однакоже, высказано,—въ рѣшеніяхъ его: за 75 г. № 636 (по Угол. Кас. Деп.) и за 79 г. № 8 (по Общ. Собр. 1-го и Угол. Кас. Деп.), — что предусмотрѣнное 1709-ю статьею Уложенія преступленіе—злонамѣренное нарушеніе повѣреннымъ предѣловъ его полномочія или же учиненіе сдѣлокъ съ противниками довѣрителя во вредъ ему—не можетъ подлежать разсмотрѣнію мировыхъ судебныхъ установленій, именно какъ предусмотрѣнное Уложеніемъ о наказ., и не подходящее подъ дѣйствіе примѣчанія въ 1 ст. Уст. о нак., при этомъ Сенатъ высказалъ, что вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій подлежатъ лишь проступки, наказанія за которые опредѣляются въ Мировомъ Уставѣ, (кромѣ проступковъ, подходящихъ подъ дѣйствіе примѣчанія къ 1-й ст. Уст. о наказ.), и что то обстоятельство, что въ 1709 ст. Улож. не установлено особаго наказанія за это пре-

ступленіе, не изъемлетъ еще подобныя преступленія изъ подсудности общимъ судебнымъ мѣстамъ, такъ какъ подсудность опредѣляется не только наказаніемъ, полагаемымъ закономъ за судимое дѣяніе, но и самымъ свойствомъ сего дѣянія, въ противномъ случаѣ всѣ предусмотрѣнныя въ Улож. о наказ. преступленія, наказанія за которыя не превышаютъ перечисленныхъ въ 1-й ст. Уст. о наказ., слѣдовало бы передать въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ установленій, что, очевидно, противорѣчило бы воли законодателя, издавшаго для руководства мировыхъ судей особый Уставъ о наказаніяхъ и съ точностью ограничившаго опредѣленіе мировыми судьями взысканій по статьямъ Улож. о наказ.

Точно также, по отношенію къ ст. 913 Улож. о наказ., Сенатомъ высказано,—въ рѣшеніи № 89 за 77 г.,—что соображеніе ст. 1180 Улож. со ст. 913 того же Уложенія и съ примѣчаніемъ къ ст. 33 Уст. уг. суд. (или къ ст. 1 Уст. о наказ.) приводитъ къ заключенію, что первое условіе для того, чтобы мировыя судебныя установленія имѣли право, на основаніи прим. къ 1 ст. Уст. о наказ., принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, не предусмотрѣнныхъ въ Уставѣ о наказ., а караемыхъ только на основаніи Уложенія о наказ., заключается именно въ томъ: чтобы въ дѣяніи, подлежащемъ, въ данномъ случаѣ, обсужденію, заключалось одно изъ тѣхъ фискальныхъ нарушеній, о которыхъ упомянуто въ указанномъ выше примѣчаніи, между тѣмъ, стачка промышленниковъ съ цѣлью возвышенія жизненныхъ потребностей, предусмотрѣнная въ ст. 913 Улож. о наказ., вошла также и въ раздѣлъ восьмой Уложенія, содержащій въ себѣ законы о преступленіяхъ и проступкахъ противу общественнаго благоустройства и благочинія, а преступныя дѣянія этого рода, такъ какъ о нихъ въ примѣчаніи къ 1-й ст. Уст. о наказ. не упомянуто, подлежатъ обсужденію мировыхъ судебныхъ установленій единственно на столько, на сколько онѣ предусмотрѣны въ Уставѣ о наказ. Всякая стачка заключаетъ въ себѣ, прежде всего, нарушеніе законовъ благоустройства и благочинія, а изъ этихъ наруше-

ній подсудны мировымъ установленіямъ лишь исчисленныя въ ст. 37—57 Уст. о наказ. нал. мир. судьями.

Хотя въ рѣшеніи своемъ за 74 годъ № 357 Прав. Сенатъ и призналъ, что проступки, — предусмотрѣнные въ Уставѣ о пред. и прес. прест. (Т. XIV Св. Зак.) и невошедшіе ни въ Улож. о наказ., ни въ Уст. о наказ., наказанія за которые притомъ не превышаютъ по размѣрамъ своимъ наказаній, установленныхъ Уставомъ о наказ., – подсудны мировымъ судебнымъ установленіямъ, но такъ какъ въ рѣшеніи этомъ не затрогивался вопросъ о подсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ *Уложеніемъ о наказ.*, то слѣдуетъ признать, что только вышеприведенныя рѣшенія Сената —№ 636 за 75 г., № 8 за 79 г. и № 89 за 77 годъ — заключаютъ въ себѣ взглядъ Сената на вопросъ о подсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ ст. 913 и 1709 Улож. о наказ.

Въ рѣшеніи своемъ за 75 г. № 52 Сенатъ призналъ, что по точному смыслу ст. 1701 Улож. о наказ. обвиняемый подлежалъ наказанію какъ за участіе въ кражѣ, почему Съѣздъ правильно опредѣлилъ ему наказаніе по 172 ст. Уст. о наказ. По отношенію же къ 921 ст. Улож. о наказ. Сенатомъ — въ рѣш. за 81 г. № 17—высказано, что такъ какъ дѣяніе обвиняемаго по указанію 921 ст. Улож. о наказ. подлежитъ наказанію за кражу опредѣленному, то примѣненіе къ этому дѣянію ст. 169 Уст. о наказ. является вполнѣ правильнымъ.

Сводя къ одному высказанное Сенатомъ въ вышеизложенныхъ рѣшеніяхъ, можно установить, что по взгляду Сената— для признанія даннаго проступка, предусмотрѣннаго Уложеніемъ о наказ., подсуднымъ мировой юстиціи, необходимо или а) чтобы проступокъ этотъ подходилъ подъ дѣйствіе примѣчанія къ 1-й ст. Уст. о наказ., или б) чтобы въ Уложеніи о наказ. было высказано, что данный проступокъ подлежитъ наказанію по Уставу о наказ., или в) чтобы, при отсутствіи въ Уложеніи особаго за данный проступокъ наказанія, было бы указано, что онъ подлежитъ наказанію какъ за одинъ изъ проступковъ, под-

вѣдомыхъ мировымъ установленіямъ, при чемъ необходимо, чтобы данный проступокъ по свойству дѣянія ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ же проступковъ, караемыхъ по Уставу о наказ. Согласно этому взгляду Сената, достаточно аргументированному въ рѣшеніяхъ за 75 г. № 696 (по Угол. Деп.) и № 8 за 79 г. (по Общ. Собр.), изъ числа вышеперечисленныхъ преступныхъ дѣяній слѣдуетъ признать подсудными мировымъ судебнымъ установленіямъ дѣянія, предусмотрѣнныя статьями Уложенія о наказ.: 218, 229, п. 3—231, 233, 921, 959, 1003, 1512 п. 2, 1584, 1590, 1600, 1701, 1704—1706 и 1711. Къ статьямъ этимъ слѣдуетъ еще причислить ст. 893, отсылающую прямо къ наказанію устанавливаемому ст. 106 Устава о нак.

Для полноты изложенія укажемъ еще, что мировымъ судебнымъ установленіямъ въ губерніяхъ Царства Польскаго подсудны нарушенія правилъ о слугахъ и рабочихъ и правилъ объ охотѣ 17 Іюня 1871 года, и что дѣла по нарушеніямъ ст. 1010—1013. 1015—1019, 1030 и 1032 Улож. о наказ., а также дѣла о кражахъ, мошенничествахъ и т. д. (а также и о лѣсныхъ порубкахъ) на сумму свыше 30 р. и о кражахъ со взломомъ необитаемыхъ помѣщеній (дополн. къ 170 ст. Уст. о наказ.) подсудны лишь мировымъ судьямъ и неподсудны гминнымъ судамъ округа Варшавской судебной палаты. О кражахъ, неподсудныхъ гминнымъ судамъ, будетъ нами подробнѣе изложено при разсмотрѣніи ст. 170 Уст. о наказ., теперь же скажемъ нѣсколько словъ о нарушеніяхъ правилъ о слугахъ и правилъ объ охотѣ.

Правила о слугахъ и о рабочихъ помѣщены въ Уставѣ о сельск. гм. судахъ въ Царст. Пол. 24 Мая 1860 года—нынѣ въ общемъ недѣйствующемъ). Къ силу 515 ст. этихъ правилъ „слугою по сему уставу называется тотъ, кто нанимается для какой либо работы, на извѣстное время, а не поденно", по статьѣ же 518-й правила эти не относятся „къ прикащикамъ и служителямъ высшаго разряда, какъ-то: управляющимъ, коммисарямъ, секретарямъ, дворецкимъ, конюшимъ, мургграбямъ, экономамъ, конторщикамъ и другимъ лицамъ обоего пола, на-

нимающимся для занятій, требующихъ высшаго образованія, къ деньщикамъ военныхъ лицъ, помѣщеннымъ въ военныхъ штатахъ, къ подмастерьямъ и состоящимъ въ обученіи при купцахъ или ремесленникахъ и т. п., о коихъ существуютъ особыя правила, означенныя въ Постановленіяхъ Намѣстника отъ 31 Дек. 1816 г. (Дн. Зак. VI стр. 114) и отъ 11 Янв. 1817 года (Дн. Зак. Т. IV стр. 159)". Статьи 538, 541, 544, 584 и 589 этихъ правилъ устанавливаютъ тѣ случаи, въ которыхъ господинъ или слуга могутъ быть подвергнуты уголовному наказанію за нарушеніе этихъ правилъ; господинъ подвергается наказанію всегда лишь денежнымъ штрафомъ, слуга же — только арестомъ, за отмѣною тѣлеснаго наказанія.

Въ рѣш. Сен. 84 г. № 24 высказано, что денежное взысканіе съ господина за передержаніе слуги далѣе срока—по 538 ст. Уст. 60 г. — можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что слуга получилъ задатокъ отъ новаго хозяина, такъ какъ по 529 ст. этого Устава только такое полученіе задатка можетъ служить доказательствомъ найма. Редакція Высоч. утв. 6 Ав. 1876 г. Правилъ о распр. и т. д. (ст. 1288 Уст. уг. суд. Им. Ал. II), а именно 12 ихъ пункта, ввела нѣкоторыхъ въ заблужденіе. Въ немъ говорится, что нарушенія правилъ о слугахъ подлежатъ вѣдомству мировыхъ судей и гминныхъ судовъ „въ предѣлахъ предоставленной имъ власти"; изъ этого нѣкоторые выводили, что за проступки, предусмотрѣнные этими правилами, мировыя судебныя установленія могутъ налагать взысканія по своему усмотрѣнію, только лишь не выходя изъ предѣловъ 1-й ст. Уст. о наказ. Неосновательность подобнаго взгляда очевидна. Не слѣдуетъ забывать, что законъ, установившій подсудность этого рода дѣлъ мировой юстиціи, есть законъ чисто — судопроизводственный, не вносящій, слѣдовательно, никакого измѣненія ни по вопросу о составѣ проступковъ, предусматриваемыхъ правилами о слугахъ, ни по вопросу о размѣрѣ наказаній, налагаемыхъ за эти проступки, почему наказанія эти должны остаться безъ измѣненій. Высшій размѣръ наказаній за нарушеніе этихъ правилъ

установленъ ст. 544 и не превышаетъ трехъ сутокъ ареста; къ аресту въ этомъ же размѣрѣ слѣдуетъ приговаривать и по 584 ст. Устава о сельс. гм. суд. въ виду отмѣны тѣлеснаго наказанія и въ виду того, что по 544-й статьѣ 10 ударовъ розгами приравнены тремъ днямъ ареста. Поэтому не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что мировыя судебныя установленія не могутъ налагать взысканій за нарушенія правилъ о слугахъ свыше трехъ дней ареста при полиціи. Наказаніе арестомъ слуги, неявившагося на службу, можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаѣ неявки его, несмотря на приказаніе полиціи; приказаніе же это можетъ послѣдовать лишь въ силу судебнаго рѣшенія по гражданскому иску объ исполненіи договора, причемъ понудительное препровожденіе слуги къ мѣсту его служенія не можетъ имѣть мѣста, какъ не можетъ имѣть мѣста наказаніе его арестомъ за простую неявку къ мѣсту служенія въ томъ случаѣ, когда ему не было это приказано полиціею — въ силу судебнаго рѣшенія, по гражданскому дѣлу. Таковъ смыслъ ст. 539, 540 и 541 Уст. о сельс. гм. судахъ.

Проступки, предусматриваемые правилами объ охотѣ 17 Іюня 1871 года, весьма разнообразны; большинство этихъ проступковъ подсудно мировой юстиціи и примѣненіе правилъ 71 года не представляетъ затрудненій. Подробнѣе мы ихъ разсмотримъ ниже, при изложеніи 57 ст. Мир. Устава.

Примѣчаніе 2 къ 1-й ст. Мир. Уст. явилось результатомъ Выс. утв. мн. Гос Сов. 18 Дек. 1885 г., озаглавленнаго такъ: о расширеніи подсудности судебно-мировыхъ учрежденій относительно нѣкоторыхъ проступковъ и нарушеній, предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Это Высочайше утвержденное мн. Гос. Сов. слѣдуетъ считать имѣющимъ силу и въ Варшавскомъ судеб. окр., такъ какъ оно имѣетъ предметомъ своимъ измѣненіе нѣкоторыхъ статей Уст. и Улож. о нак., дѣйствующихъ и въ округѣ Варш. судеб. палаты, и при томъ въ зак. 18 Дек. 1885 г. не упоминается о томъ, чтобы для этого судеб. окр. редакція данныхъ статей Уст. и Улож. осталось безъ измѣненія. Нѣкоторые юристы Варш. судеб. окр. полагали затѣмъ, основы-

ваясь на заглавіи новаго закона, что и упоминаемые въ немъ проступки Улож. тоже должны отнынѣ считаться подсудными мир. суд. учреж. Взглядъ этотъ, какъ основанный единственно на заглавіи зак., несогласный съ текстомъ Уст. о нак. *изд. 1885 г.*, представляется намъ лишеннымъ основанія и мы считаемъ что до мир. юст. относятся лишь ст. Мир. Уст., при чемъ находимъ что проступки ст. 104[1], 104[2], 106[1] и 180[1] и въ новой своей ред. подсудны и гми. суд. такъ какъ въ ст. этихъ говорится не только о мир. суд., а вообще о судеб. мир. учреж.; примѣчаніе же 2 къ 1 ст. слѣдуетъ считать по буквальному его смыслу относящимся только до мир. суд. и расширающимъ предѣлы только ихъ компетентности, подобно тому какъ зак. 18 Мая 1882 г. расширилъ тоже предѣлы вѣд. только мир. судей по дѣламъ о порубкахъ на сумму свыше 30 р.

2 ст. **Къ наказаніямъ, опредѣляемымъ по сему Уставу, присоединяется въ нѣкоторыхъ, именно означенныхъ случаяхъ, отобраніе орудій, употребленныхъ для совершенія проступка, или иныхъ принадлежащихъ виновному вещей.**

Постановляющимъ приговоры по существу судебнымъ установленіямъ приходится иногда, не ограничиваясь опредѣленіемъ виновности или невиновности подсудимаго въ совершеніи приписываемаго ему проступка и назначеніемъ —въ первомъ случаѣ— мѣры слѣдуемаго ему наказанія, постановлять опредѣленія по вопросамъ, соприкасающимся съ дѣятельностью подсудимаго по данному дѣлу. Таковы постановленія: о мѣрахъ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда, о вознагражденіи вызванныхъ по дѣлу свидѣтелей и свѣдущихъ людей, о вещественныхъ доказательствахъ, т. е. о тѣхъ предметахъ, которые были представлены къ судебному слѣдствію въ цѣли разъясненія обстоятельствъ даннаго дѣла и т. п. Обо всѣхъ этихъ частныхъ опредѣленіяхъ суда говорится въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства, статья же 2-я Мироваго Устава имѣетъ въ виду „отобраніе орудій, употребленныхъ для совершенія проступка, или иныхъ принадлежащихъ виновному вещей". Предметы эти не слѣдуетъ смѣшивать съ вещественными доказательствами, отъ которыхъ они отличаются тѣмъ, что не только

являются доказательствами виновности подсудимаго, но или сами по себѣ признаются подлежащими изъятію изъ обращенія въ видахъ общественнаго блага или же отобраніемъ ихъ отъ подсудимаго имѣется въ виду усилить его наказаніе. Этотъ отличительный признакъ влечетъ за собою и остальныя особенности, отличающія постановленія объ этихъ предметахъ отъ постановленій о вещественныхъ доказательствахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Особенности же эти слѣдующія: а) отобраніе орудій или вещей, о коихъ говоритъ ст. 2-я, является тоже частію наказанія виновнаго и постановленіе о нихъ является поэтому частью приговора, а не отдѣльнымъ частнымъ опредѣленіемъ; б) постановленіе объ этого рода вещахъ можетъ послѣдовать лишь въ нѣкоторыхъ, *именно означенныхъ*, случаяхъ; смыслъ же этого послѣдняго выраженія тотъ, что подобная частная конфискація имущества виновнаго можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаяхъ, именно указанныхъ въ законѣ, т. е. —при разсмотрѣніи проступковъ, поименованныхъ въ Уставѣ о наказ.—лишь въ случаяхъ, въ Уставѣ особенно указанныхъ. Случаи эти предусмотрѣны слѣдующими статьями Мироваго Устава: 45, 47, 48, 85, 106, 115, 117; отобранію въ силу этихъ статей подлежатъ: явно соблазнительныя издѣлія и изображенія, публично выставленныя (ст. 45), билеты или промессы устроенной безъ надлежащаго разрѣшенія или же иностранной лотереи (ст. 47), деньги, собранныя на церкви, монастыри и т. п. безъ надлежащаго разрѣшенія (ст. 48), рыболовные матеріалы, препятствующіе судоходству (ст. 85), матеріалъ и посуда, употребленные для приготовленія для продажи лекарственныхъ веществъ безъ надлежащаго разрѣшенія (ст. 106), припасы, напитки и посуда вредные для здоровья, приготовленные для продажи (ст. 115), запрещенное оружіе (ст. 117). Кромѣ того, подобную частную конфискацію знаютъ и уставы казенныхъ управленій, такъ что мировымъ судебнымъ установленіямъ приходится постановлять о конфискаціи и при постановленіи приговоровъ по подсуднымъ имъ дѣламъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія.

Хотя въ „Руководствѣ для Мировыхъ Судей“ Н. А. Неклюдова къ числу случаевъ частной конфискаціи отнесены и случаи конфискаціи лѣса и лѣсныхъ матеріаловъ при совершеніи проступковъ похищенія или повреждения чужаго лѣса, но мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ и намъ кажется, что опроверженіе этого взгляда можно найдти въ этомъ же самомъ Руководствѣ. При разсмотрѣніи 2-й ст. мир. уст. (стр. 12 Т. II-й) сказано, что „существенный признакъ конфискаціи тотъ, что предметы отбираются въ пользу казны или извѣстнаго общественнаго учрежденія“; по статьѣ же 168 Уст. о наказ. лѣсъ и лѣсныя произведенія, отобранные отъ виновныхъ, обращаются въ пользу казны *или частнаго владѣльца*, по принадлежности. Самый текстъ 2-й ст. тоже противорѣчитъ опровергаемому нами взгляду Руководства Н. А. Неклюдова, такъ какъ статья эта говоритъ объ *орудіяхъ*, употребленныхъ для совершенія проступка, и объ „иныхъ *принадлежащихъ виновному* вещахъ“; очевидно, что лѣсъ и лѣсныя произведенія не подходятъ ни подъ то, ни подъ другое опредѣленіе 2-й статьи. Намъ представляется болѣе согласнымъ съ закономъ признать, что—устанавливаемое статьями Устава о нак. о лѣсныхъ порубкахъ — возвращеніе частному владѣльцу или казнѣ лѣса или лѣсныхъ произведеній либо ихъ стоимости носитъ характеръ не конфискаціи, а вознагражденія за причиненные вредъ и убытки, какъ это признано косвенно и Прав. Сенатомъ, высказавшимъ въ рѣш. за 79 г. № 70, что въ случаѣ смерти виновнаго лица взысканіе стоимости порубленнаго и невозвращеннаго лѣса обращается на имущество умершаго.

Не можемъ мы согласиться и съ тѣмъ взглядомъ выше названнаго Руководства, что „не могутъ быть отобраны отъ подсудимаго вещи ему не принадлежащія, но употребленныя имъ для совершенія преступленія“. Въ текстѣ 2-й статьи принадлежность виновному орудія, употребленнаго для совершенія проступка — вовсе не указывается какъ conditio sine qua non отобранія подобнаго орудія. Напротивъ того, объ этомъ признакѣ говорится лишь при упоминаніи объ *иныхъ* вещахъ,

а не объ орудіяхъ, употребленныхъ для совершенія проступка, которыя —по смыслу этой статьи—отбираются только какъ таковыя, т. е. какъ предметы, служившіе орудіемъ для совершенія проступка. Въ силу *этого* своего качества подобные предметы подлежатъ отобранію отъ виновнаго независимо отъ того, принадлежитъ ли ему, или нѣтъ, на эти предметы право собственности. Намъ кажется, что еще и слѣдующія соображенія подкрѣпляютъ защищаемую нами мысль. Подобная частная конфискація присоединяется къ наказанію въ цѣли или уничтоженія предметовъ, существованіе которыхъ признается вреднымъ, или же — въ цѣли усиленія наказанія виновнаго. Въ первомъ случаѣ вещи эти подлежатъ, конечно, уничтоженію безразлично отъ того, кому онѣ принадлежатъ (съ чѣмъ, впрочемъ, согласенъ и Н. А. Неклюдовъ), во второмъ же случаѣ отобраніе подобнаго орудія, употребленнаго для совершенія проступка, необходимо въ цѣляхъ достиженія равенства наказанія для одинаковыхъ проступковъ, ибо, въ противномъ случаѣ, наказаніе уменьшалось бы единственно въ силу того посторонняго соображенія, что орудіе для совершенія проступка было взято подсудимымъ у третьяго лица. На указаніе, что отнятіе отъ подсудимаго орудія ему не принадлежащаго не можетъ считаться для него усиленіемъ наказанія, мы можемъ возразить, что, напротивъ того, считаемъ это отнятіе вещи именно усиленіемъ наказанія въ томъ соображеніи, что третье лицо, собственникъ вещи, будетъ имѣть право путемъ гражданскаго иска — взыскать съ виновнаго стоимость отобранной вещи, получить которую въ натурѣ оно уже лишено возможности. Самый этотъ признакъ—принадлежность вещи виновному, — упоминаемый во 2-й ст. Уст. о наказ., представляется намъ не имѣющимъ того значенія, какое придается ему въ руководствѣ Н. А. Неклюдова. По нашему мнѣнію, ст. 2-я, говоря о принадлежности вещей виновному, говоритъ не о его правѣ собственности на эти вещи, а о *фактической* принадлежности ему таковыхъ и должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что разъ данная вещь оказалась въ моментъ совершенія проступка у виновнаго, то

она признается ему принадлежащею и отбирается отъ него, лицу же, предъявляющему на нее извѣстныя права, предоставляется обращаться со своими требованіями къ виновному въ подлежащій гражданскій судъ. Не забудемъ упомянуть, что за наше толкованіе говоритъ и 2279 ст. Кодекса Нап., устанавливающая извѣстный юридическій принципъ: *„en fait de meubles possession vaut titre“*, т. е. что по отношенію къ движимости владѣніе равносильно правооснованію. Намъ представляется вполнѣ правильнымъ примѣнить — по аналогіи — принципъ этотъ и къ разбираемому нами случаю, тѣмъ болѣе, что при противномъ толкованіи усиленіе или уменьшеніе мѣры наказанія стояло бы—какъ было указано выше и вопреки основнымъ началамъ уголовной репрессіи — въ зависимости отъ обстоятельствъ, вполнѣ постороннихъ вопросу о большей или меньшей степени вины подсудимаго.

Хотя выше было упомянуто, что подобная конфискація имѣетъ характеръ уголовнаго наказанія, но необходимо, однакоже, замѣтить, что приравнивать эту конфискацію наказанію во всѣхъ указанныхъ Уставомъ случаяхъ — нельзя. Различіе между конфискаціею *въ нѣкоторыхъ* случаяхъ и наказаніемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова выясняется всего рельефнѣе при примѣненіи 16-й ст. Уст. уг. суд., т. е. при прекращеніи уголовнаго преслѣдованія „за смертью обвиняемаго, за истеченіемъ давности, за примиреніемъ обвиняемаго съ обиженнымъ, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, и за Высочайшимъ указомъ или общимъ милостивымъ манифестомъ, дарующимъ прощеніе“. Въ этихъ случаяхъ прекращенія уголовнаго преслѣдованія объ уголовной карѣ, о наказаніи за учиненный проступокъ—не можетъ быть и рѣчи, но нельзя того же сказать и объ отобраніи „орудій, употребленныхъ для совершенія проступка, или иныхъ принадлежащихъ виновному вещей“, о которомъ ст. 2-я говоритъ, что оно, т. е. это отобраніе „присоединяется къ наказаніямъ“. На первый взглядъ, конечно, казалось бы, что если нѣтъ наказанія, то не можетъ быть и того, что *присоединяется къ наказанію,* но на самомъ дѣлѣ это не

такъ. Какъ мы видѣли выше, при перечисленіи отдѣльныхъ случаевъ частной конфискаціи, орудія совершенія проступка отбираются или какъ подлежащія уничтоженію, какъ вредныя сами по себѣ, или же въ цѣли усиленія виновному наказанія; къ первой категоріи подлежащихъ конфискаціи слѣдуетъ отнести предметы, отбираемые въ силу ст. 45, 47, 115 и 118 Уст. о наказ. (явно соблазнительныя издѣлія и изображенія, билеты или промессы лоттерей, припасы, напитки и посуда, вредные для здоровья и запрещенное оружіе); ко второй же категоріи относимъ предметы, указываемые въ ст. 85 и 106 Уст. о наказ. (рыболовные снаряды и матеріалы, посуда и матеріалы, употребленные для приготовленія лекарственныхъ веществъ); предметы первой категоріи несомнѣнно подлежатъ уничтоженію и въ случаѣ прекращенія преслѣдованія виновнаго по 16 ст. Уст. уг. суд. или въ случаѣ отмѣны наказанія по тѣмъ же причинамъ въ силу 22 ст. Уст. о наказ. и только предметы 2-й категоріи слѣдуетъ—по нашему мнѣнію—судьбѣ главнаго наказанія, т. е. возвращаются обвиняемому при подведеніи его проступка подъ дѣйствіе 16-й ст. Уст. уг. суд. или же 22 ст. Уст. о наказ.; особнякомъ стоятъ деньги, отбираемыя въ силу 48-й ст. Уст. о наказ. не какъ орудіе проступка и не въ цѣли усиленія наказанія, а какъ плодъ преступнаго дѣянія; подобныя деньги не подлежатъ возвращенію ни подсудимому, ни его наслѣдникамъ.

3 ст. Присужденные, на основаніи сего Устава, къ заключенію въ тюрьмѣ употребляются на работы, введенныя въ сихъ мѣстахъ заключенія.

4 ст. Присужденные къ аресту занимаются работами лишь по собственному желанію. Они содержатся отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ.

5 ст. Священнослужители и монашествующіе, осужденные къ аресту или заключенію въ тюрьмѣ, отсылаются не въ мѣста заключенія, а къ епархіальному ихъ начальству, для исполненія приговора по его распоряженію.

5[1] ст. Въ случаѣ присужденія къ аресту офицеровъ, не

состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, они подвергаются аресту на военной гаубтвахтѣ.

6 ст. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ учреждены исправительные пріюты, несовершеннолѣтніе отъ десяти до семнадцати лѣтъ могутъ, въ замѣнъ заключенія въ тюрьмѣ, быть обращаемы въ эти пріюты на срокъ, опредѣляемый Мировымъ Судьею, но съ тѣмъ, чтобы не оставлять ихъ тамъ по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста.

7 ст. Присужденные къ денежнымъ взысканіямъ, въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ оныхъ, подлежатъ:

1) вмѣсто денежнаго взысканія не свыше пятнадцати руб.—аресту не свыше трехъ дней;

2) вмѣсто денежнаго взысканія свыше пятнадцати и до трехсотъ рублей—аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ;

3) вмѣсто денежнаго взысканія свыше трехсотъ рублей и до девятисотъ рублей -- заключенію въ тюрьмѣ на срокъ не свыше четырехъ мѣсяцевъ.

8 ст. Несостоятельные къ уплатѣ денежныхъ взысканій крестьяне и мѣщане могутъ быть отдаваемы въ общественныя работы или же заработки на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 188-й Общаго Положенія о крестьянахъ (Особ. прим. къ зак. о сост. 1) и въ статьѣ 651 Устава о податяхъ. Несостоятельныя лица другихъ сословій отдаются въ общественныя работы или въ заработки лишь въ случаѣ собственной ихъ о томъ просьбы.

Всѣ выше приведенныя статьи Мироваго Устава имѣютъ между собою то общаго, что всѣ онѣ предметомъ своимъ имѣютъ исполненіе приговоровъ въ различныхъ, могущихъ представиться на практикѣ, случаяхъ. Мы нашли возможнымъ соединить въ одномъ изложеніи толкованіе всѣхъ этихъ статей. Устава въ виду того соображенія, что статьи эти не вызываютъ много практическихъ разъясненій, а также въ виду единства содержанія этихъ статей.

Статья 3-я Устава не требуетъ никакихъ разъясненій, такъ какъ исполненіе ея лежитъ на обязанности тюремнаго на-

чальства, наблюденіе же за точнымъ исполненіемъ этимъ начальствомъ своихъ обязанностей не входитъ въ кругъ обязанностей мировой юстиціи. Равнымъ образомъ и содержаніе 4-й ст. Мироваго Устава, по скольку она имѣетъ предметомъ своимъ установить *способъ* отбыванія ареста приговоренными къ этому наказанію, практически не можетъ интересовать судъ, постановившій приговоръ, такъ какъ наблюденіе и надзоръ за мѣстами заключеній не лежитъ на обязанности ни мировыхъ судей; ни гминныхъ судовъ; вторая половина этой статьи требуетъ, однакоже, нѣкоторыхъ разъясненій.

Ст. 1 Уст. о наказ. устанавливаетъ — въ числѣ прочихъ наказаній — и арестъ, каковой арестъ лица подвергаемыя ему по приговорамъ мировыхъ судей должны отбывать — въ силу 190 ст. Уст. уг. суд. — въ особыхъ мѣстахъ заключенія; на предметъ устройства этихъ мѣстъ заключенія и должны быть обращаемы въ силу 27 ст. Уст. о наказ. денежныя взысканія, налагаемыя мировыми судебными установленіями. Въ губерніяхъ Царства Польскаго подобныхъ мѣстъ заключенія не имѣется, и приговоренные къ аресту отбываютъ это наказаніе въ полицейскихъ арестахъ. Въ силу Выс. утв. 4 Іюля 1866 года мн. Гос. Сов. (прим. къ 9 п.) впредь до отвода отдѣльныхъ помѣщеній для лицъ высшихъ сословій, въ отношеніи къ нимъ соблюдается правило, изложенное въ ст. 57 Улож. о наказ. изд. 66 г.; въ статьѣ же этой сказано: „дворяне и чиновники, присуждаемые къ наказанію кратковременнымъ арестомъ, могутъ, по усмотрѣнію суда или начальства, быть подвергаемы сему аресту или въ тюрьмѣ, или на военной гаубтвахтѣ, или въ собственномъ мѣстѣ жительства, или же въ одномъ изъ домовъ вѣдомства, къ коему они принадлежатъ, буде состоятъ на службѣ". Выраженіе: *высшія сословія*, употребленное въ Выс. утв. мн. Гос. Сов. 4 Іюля 1866 года разъяснено рѣшеніями Угол. Кас. Деп. Прав. Сената за 66 г. № 44 и 69 г. № 685 въ томъ смыслѣ, что подъ высшими сословіями должно разумѣть единственно лицъ, указанныхъ въ 57-й ст. Улож., т. е. дворянъ и чиновниковъ. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ во 1-хъ), что

дворяне и чиновники не отбываютъ ареста при полиціи, и во 2-хъ) что въ тюрьмѣ лица эти могутъ отбывать наказаніе арестомъ лишь въ томъ случаѣ, если въ тюрьмѣ имѣется особое помѣщеніе для лицъ привиллегированныхъ, въ противномъ же случаѣ дворяне и чиновники отбываютъ наказаніе арестомъ на военной гаубтвахтѣ или же въ собственномъ мѣстѣ жительства. Военныя гаубтвахты, приспособленныя для этой цѣли, имѣются, главнымъ образомъ, въ крѣпостяхъ, поэтому судъ, имѣющій привести въ исполненіе приговоръ — содержаніемъ подъ арестомъ на гаубтвахтѣ—долженъ, прежде всего, снестись съ комендантомъ ближайшей крѣпости, прося его сообщить суду, не встрѣчается ли съ его стороны препятствій къ высылкѣ въ подвѣдомственную ему крѣпость лица, приговореннаго къ аресту на военной гаубвахтѣ; въ случаѣ утвердительнаго съ его стороны отвѣта, исполнительный листъ препровождается мѣстному—по жительству виновнаго — войту гмины для надлежащаго съ его стороны исполненія, случаи же затрудненій, могущіе при томъ встрѣтиться, разрѣшаются путемъ сношеній съ начальникомъ штаба округа.

Въ практикѣ мировой юстиціи губерній Царства Польскаго могутъ встрѣтиться случаи необходимости примѣненія вышеизложенныхъ правилъ преимущественно по отношенію къ дворянамъ, такъ какъ въ силу 3 п. 75 ст. Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр. (ст. 1289 Уст. уг. суд. Имп. Ал. II) проступки, совершенные должностными лицами мѣстнаго гражданскаго управленія, изъемлются изъ разбирательства мировыхъ судей и гминныхъ судовъ. Чтоже касается дворянъ, то таковыми слѣдуетъ признавать лишь лицъ, утвержденныхъ въ дворянствѣ герольдіею, на что они и должны представить надлежащія удостовѣренія въ случаѣ если пожелаютъ воспользоваться льготою, предоставляемою имъ 4 ст. Мир. Устава; сами же суды доказательствъ о дворянскомъ происхожденіи лицъ, приговоренныхъ къ аресту, не собираютъ и начинаютъ исполненіе подобнаго приговора обыкновенною отсылкою исполнительнаго листа подлежащему войту гмины; въ случаѣ же по-

слѣдующаго заявленія лица приговореннаго къ аресту, и притомъ заявленія подтвержденнаго доказательствами, исполненіе пріостанавливается и въ дальнѣйшемъ судъ поступаетъ согласно вышеизложенному.

5-я ст. Уст. о наказ. имѣла въ виду — въ первоначальной своей редакціи—только священнослужителей и монашествующихъ; Выс. утвержд. 8 Іюня 1871 года мнѣніемъ Гос. Совѣта ст. 5-я дополнена постановленіемъ объ офицерахъ, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Самое выраженіе 5-й статьи: „священнослужители и монашествующіе" показываетъ, что статья эта имѣетъ въ виду духовныхъ лицъ исключительно *христіанскихъ* вѣроисповѣданій и притомъ именно *священнослужителей*, а не *церковнослужителей;* по отношенію же къ офицерамъ, рѣшенія Сената (72 г. №№ 448 и 1105) разъяснили, что *отставные* офицеры отбываютъ арестъ, по приговорамъ мировыхъ судебныхъ установленій, въ арестныхъ домахъ, а не на гаубтвахтѣ.

По отношенію къ 5-й статьѣ—съ дополненіемъ — слѣдуетъ еще замѣтить, что какъ по отношенію къ лицамъ духовнаго званія, такъ и по отношенію къ лицамъ военнаго званія, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, слѣдуетъ соблюдать правило отсылки приговора къ начальству виновнаго для исполненія таковаго по его распоряженію. Правило это—помимо 5-й ст. Уст. о наказ.—помѣщено еще въ ст. 1029 и 1245 Уст. уг. суд. Имп. Ал. II, обязательныхъ—въ силу 118 ст. того же Устава—и для мировыхъ судебныхъ установленій.

Въ практикѣ мировой юстиціи губерній Царства Польскаго могутъ встрѣтиться случаи необходимости примѣненія 5-й ст. Уст. о наказ. въ полномъ ея объемѣ, такъ какъ по точному смыслу 3 п. 75 ст. Пол. о пр. (ст. 1289 Уст. уг. суд. Имп. Ал. II), священнослужители и монашествующіе не изъяты изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій, за исключеніемъ, само собою разумѣется, тѣхъ случаевъ и тѣхъ противозаконныхъ дѣяній, за которыя въ законахъ опредѣлено подвергать ихъ отвѣтственности по усмотрѣнію духовнаго начальства.

Чтоже касается офицеровъ и вообще лицъ военнаго вѣдомства, то—по точному смыслу этой статьи—изъемлются изъ разбирательства мировыхъ судей и гминныхъ судовъ проступки, совершенные чинами войскъ, *расположенныхъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа,* а также должностными лицами *мѣстнаго* гражданскаго управленія и полиціи. Слѣдовательно, по смыслу этой статьи, подлежащей — какъ исключеніе изъ общихъ правилъ о подсудности—*ограничительному* толкованію, проступки, совершенные чинами войскъ *не расположенныхъ* въ губерніяхъ Царства Польскаго и должностными лицами *не мѣстнаго* управленія,—подлежатъ разбирательству мировыхъ судебныхъ установленій и округа Варшавской судебной палаты. Въ этихъ случаяхъ, т. е. въ случаяхъ разсмотрѣнія дѣлъ о лицахъ военнаго званія, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, слѣдуетъ помнить во 1-хъ) что дѣла объ этихъ лицахъ тогда только подлежатъ разсмотрѣнію судовъ гражданскаго вѣдомства, когда въ совершеніи проступка или преступленія, не относящагося до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, военнослужащіе обвиняются *вмѣстѣ съ лицами гражданскаго вѣдомства* (ст. 1246 Уст. уг. суд. Им. Ал. II), и во 2-хъ), что налагаемыя на лицъ военнаго званія, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, взысканія по Уст. о наказ.—должны быть замѣняемы наказаніями по военно-уголовнымъ законамъ (ст. 1244 того же Уст. Им. Ал. II). Законы эти находятся въ XXII книгѣ Св. Воен. Пост. 1869 года.

Оканчивая разсмотрѣніе ст. 4 и 5 Мир. Устава, замѣтимъ еще, что въ случаѣ присужденія виновнаго къ домашнему аресту (по 57 ст. Ул. о наказ., согласно Выс. утв. мн. Гос. Сов. 4 Іюля 1866 г.) должно имѣть силу и примѣчаніе къ 57 Улож. о наказ., въ коемъ значится, что въ случаѣ присужденія по сей статьѣ къ домашнему аресту лицъ, въ сей статьѣ поименованныхъ, когда они проживаютъ не въ городѣ, а въ уѣздѣ, они для исполненія сего должны быть вызываемы въ губернскій или уѣздный городъ, ближайшій къ ихъ мѣсту жительства, и тамъ подвергаемы аресту или въ собственномъ домѣ, или же,

при неимѣніи онаго, въ частномъ помѣщеніи, нанятомъ на ихъ счетъ.

6-я статья Уст. о наказ. нал. мир. суд. выражаетъ въ нѣсколькихъ словахъ и въ сжатой формѣ одно изъ тѣхъ человѣчныхъ, гуманныхъ началъ, которыя положены въ основу Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и составляютъ лучшее ихъ украшеніе. Статья эта — какъ это видно изъ объясн. зап. II Отд. (Суд. Уст. изд. Госуд. Канц. ч. 3 ст. 6 Уст. о наказ.)—выходитъ изъ того начала, что „въ отношеніи къ дѣтямъ законъ долженъ имѣть въ виду менѣе цѣль карательную, чѣмъ исправительную, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, что посему и наказаніе для нихъ должно быть не столько возмездіемъ за содѣянное, за прошедшее, сколько залогомъ лучшаго будущаго,—слѣдовательно, имѣть преимущественно характеръ воспитанія, быть средствомъ искоренія дурныхъ зачатковъ и развитія добрыхъ качествъ". Результатомъ подобнаго взгляда законодателя явилось разрѣшеніе несовершеннолѣтнихъ отъ десяти до семнадцати лѣтъ, въ замѣнъ заключенія въ тюрьмѣ, обращать въ исправительные пріюты тамъ, гдѣ они будутъ учреждены. Убѣжденіе законодателя въ пригодности подобныхъ исправительныхъ пріютовъ для достиженія выше указанныхъ цѣлей явилось результатомъ не апріорнаго, отвлеченнаго мышленія, а тѣхъ наблюденій, которыя можно было сдѣлать надъ дѣятельностью подобныхъ учрежденій въ Западной Европѣ, въ которой—по словамъ той же объяснительной записки—отдача въ подобныя заведенія сдѣлалась нынѣ почти единственнымъ средствомъ наказанія преступныхъ дѣтей, такъ какъ—мало по малу—Англія, Франція, Швейцарія, Германія и Италія покрылись множествомъ особаго рода заведеній, куда отдаются, по приговорамъ судовъ, впавшіе въ преступленіе дѣти; тамъ они содержатся подъ строгимъ присмотромъ, получаютъ элементарное образованіе и пріучаются къ ремесленнымъ или земледѣльческимъ работамъ. Н. А. Неклюдовъ въ Руководствѣ своемъ (Т. 2 стр. 23) указываетъ, что въ то время, когда въ правительственныхъ тюрьмахъ 75% осужденныхъ

впадало снова въ преступленія, въ то время въ колоніи Метрейской (во Франціи, основанной въ Метре Куртелемъ и Демецемъ) процентъ рецидивистовъ (т. е. лицъ, впавшихъ снова въ преступленіе) не превышалъ $4\frac{1}{2}\%$.

Фактъ этотъ признанъ и Правительствующимъ Сенатомъ, который въ указѣ своемъ отъ 4 Декабря 79 года высказалъ, что „нерѣдко несовершеннолѣтній, весьма мало испорченный при вступленіи въ тюрьму, по выходѣ изъ нея уноситъ съ собою всѣ задатки для новыхъ правонарушеній и является въ общество уже совершенно закаленнымъ для будущей преступной дѣятельности. Такимъ образомъ значительное число случаевъ рецидива между несовершеннолѣтними преступниками должно быть почти всецѣло приписано вредному вліянію тюремъ“.

Изъ помѣщенной въ издаваемомъ въ Варшавѣ Обществомъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ Ежегодникѣ статьи М. А. Мольденгавера (за 78 г.), основанной на отчетахъ директора колоніи Меттре—Blanchard'а—видно, что колонія эта основана въ 1839 году и что число воспитанниковъ этой колоній въ 1873 году было 742, къ 76 же году возросло до 756, пятую часть коихъ доставлялъ колоніи Парижъ; $^5/_6$ всѣхъ поступившихъ въ колонію малолѣтнихъ преступниковъ были лишены всякаго нравственнаго воспитанія и умственнаго развитія; за все же время съ 1839 по 1876 годъ 3640 дѣтей испытали на себѣ благотворное вліяніе дѣятельности колоніи Меттре. Вышеизложенное доказываетъ съ полною очевидностью, что отдача малолѣтнихъ преступниковъ въ исправительные пріюты является мѣрою въ высшей степени желательною, на что съ особенною силою указываетъ Сенатъ въ циркулярномъ Указѣ своемъ отъ 4 Дек. 79 г., разъясняя, что „хотя законъ, выраженный въ 6-й ст. Уст. о наказ., и предоставляетъ исключительно усмотрѣнію судьи разрѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли подвергнуть малолѣтняго, впавшаго въ преступленіе, заключенію въ тюрьмѣ или же отдать его въ мѣстный исправительный прі-

ютъ, тѣмъ не менѣе, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ тюремъ, возможно широкое примѣненіе ст. 6 Уст. о наказ. должно составлять одно изъ важнѣйшихъ нравственныхъ обязанностей мировыхъ судей“.

Къ сожалѣнію дѣло устройства исправительныхъ пріютовъ, — принявшее въ Западной Европѣ столь широкіе размѣры, что даже выяснилась необходимость созванія международныхъ конгресовъ, имѣвшихъ мѣсто въ 83 году въ Парижѣ и въ концѣ 85 года—въ Римѣ,—въ Россіи находится еще въ зачаткѣ, хотя потребность въ устройствѣ этихъ пріютовъ ощущается настолько, что вызвала за послѣднее время ходатайство земствъ нѣкоторыхъ губерній объ учрежденіи у нихъ этихъ пріютовъ. Въ округѣ Варшавской судебной палаты имѣется одинъ только исправительный пріютъ, а именно, такъ называемая, Студзенецкая земледѣльческо-ремесленная колонія (Варшавской губ. Скерневицкаго уѣзда), уставъ которой утвержденъ Мин. Вн. Д. 5 Марта 1876 года. До послѣдняго времени колонія эта дѣйствовала въ очень узкихъ рамкахъ, и поэтому поступленіе въ нее малолѣтнихъ преступниковъ не всегда было возможно, но съ тѣхъ поръ, какъ—въ 1880 году — Правленіе колоніи нашло возможнымъ увеличить число воспитанниковъ, доступъ въ колонію сдѣлался значительно легче, и благодѣтельное вліяніе 6-й ст. Мировагo Устава не парализуется уже невозможностью примѣненія ея въ жизни.

Въ виду того живаго и глубокаго интереса, который должно возбуждать въ каждомъ сочувствующемъ гуманнымъ общественнымъ начинаніямъ—учрежденіе, подобное Студзенецкой колоніи, преслѣдующей цѣли по истинѣ христіанскія, — мы намѣрены представить — въ краткомъ очеркѣ—положеніе въ настоящее время этой колоніи.

Какъ упомянуто уже выше, колонія основана въ 1876 году, уставъ же Общества земл. кол. и ремесл. пр. утвержденъ Мин. Вн. Д. еще 20 Февраля 1871 года. Цѣль этого общества заключается, согласно § 1 Устава, „въ стараніяхъ о нравственномъ усовершенствованіи дѣтей обоего пола, присужденныхъ

судомъ за учиненныя ими преступныя дѣянія къ наказанію, на каковой предметъ общество имѣетъ устраивать, по мѣрѣ своихъ средствъ, земледѣльческія колоніи и ремесленные пріюты, согласно Указу Прав. Сената отъ 21 Декабря 1866 года". Студзенецкая колонія явилась первымъ шагомъ на этомъ пути Общества. Въ силу 3 § Устава 76 года въ эту—земледѣльческо-ремесленную—колонію принимаются малолѣтніе преступники, безъ различія ихъ вѣроисповѣданій, приговоренные въ округѣ Варшавской судебной палаты къ отдачѣ въ исправительные пріюты; максимумъ воспитанниковъ можетъ доходитъ до 200, открыта же колонія сначала только для 15 малолѣтнихъ преступниковъ, но уже въ 80 году въ ней могло помѣститься 120 воспитанниковъ. Образъ жизни колоніи долженъ соотвѣтствовать, по отношенію къ распредѣленію занятій и по отношенію къ содержанію воспитанниковъ, образу жизни мѣстныхъ крестьянъ и ремесленниковъ (§ 3); каждый малолѣтній обязанъ помимо ознакомленія съ земледѣльческимъ трудомъ, изучить еще одно изъ слѣдующихъ главныхъ ремеслъ: столярное, кузнечное, портняжное, сапожничье и т. д. (§ 19); обученіе воспитанниковъ наукамъ происходитъ по программѣ начальныхъ училищъ (§ 23). По мѣрѣ своего исправленія воспитанники переводятся постепенно въ высшіе отдѣлы, оставаясь въ заведеніи или все время, означенное въ приговорѣ, или же время, сокращенное—по представленію директора, утвержденному Совѣтомъ Общества—Министромъ Юстиціи, въ виду достиженія по отношенію къ этому воспитаннику цѣли исправленія, преслѣдуемой колоніею (§ 25). Выпущенному изъ пріюта воспитаннику даютъ бѣлье, обувь и одежду, соотвѣтственную будущимъ его занятіямъ, а также и часть денегъ, заработанныхъ имъ во время нахожденія его въ пріютѣ (§ 35), причемъ на обязанности директора колоніи лежитъ доставить выходящему воспитаннику — при содѣйствіи почетнаго попечителя — соотвѣтственное занятіе, и затѣмъ забота о немъ лежитъ на мѣстномъ опекунѣ, выбираемомъ изъ числа членовъ Общества, который обязанъ не выпускать порученнаго его наблюденію во-

спитанника изъ виду и слѣдить за его нравственностью и вообще за его поведеніемъ (§§ 37 и 38).

Слѣдующія таблицы уясняютъ движеніе дѣлъ Общества за время съ 77 по 83 г. включительно; предварительно же замѣтимъ, что доходъ и расходъ обозначены—для упрощенія—въ круглыхъ цифрахъ (рубляхъ), и что доходъ Общества составляется, главнымъ образомъ, изъ членскихъ взносовъ, единовременныхъ пожертвованій (литтер. чтеній, лекцій и т. п.), казенныхъ стипендій и выручки отъ продажи продуктовъ, являющихся результатомъ работы воспитанниковъ колоніи.

Таблица доходовъ:

	Членскій взносъ.	Един. пожертв.	Стипендіи.	Продажа пред.
въ 77 г.	8700	8700	1500	140
— 79 г.	8700	7600	4300	1100
— 80 г.	9500	17000	5300	1700
— 81 г.	7000	9700	9000	3200
— 82 г.	7600	7500	10600	1800
— 83 г.	6700	3500	12750	3100

Таблица расходовъ:

	Постройка строеній.	Вознагр. служащ.	Расходы по ремесл. и землед.	Содержаніе и др. расходы.
въ 77 г.	13000	2500	2000	2300
— 79 г.	2400	4300	5100	6300
— 80 г.	1600	5600	5600	10000
— 81 г.	1900	6200	7300	14000
— 82 г.	3800	7630	5000	8100
— 83 г.	1000	8400	2000	11900

Число членовъ:

въ 77 г. — 2251.

— 79 г. — 2197.

— 80 г. — 2097.

— 81 г. — 2048.

— 82 г. — 2048.

— 83 г. — 1995.

Число воспитанниковъ колоніи:

	Оставалось отъ пред. года.	При-было.	Всего.
въ 79 г.	86	52	138
— 80 г.	103	43	146
— 81 г.	115	45	160
— 82 г.	118	37	155
— 83 г.	132	32	164

Къ 1884 году оставалось въ колоніи 123 воспитанника, такъ какъ 33 воспитанника выпущены изъ колоніи за истеченіемъ срока, опредѣленнаго приговорами, 2 — умерло, 3 — вытребованы обратно судебными установленіями, а 3—выпущены условно, ранѣе срока. Выше приведенныя цифры показываютъ съ достаточною ясностью тотъ грустный фактъ, что, несмотря на усилія Правленія развить дѣятельность колоніи до возможно широкихъ размѣровъ, сочувствіе къ ней общества, насколько оно выражается въ денежныхъ пожертвованіяхъ какъ постоянныхъ, такъ и единовременныхъ, — выражавшееся прежде въ такихъ крупныхъ пожертвованіяхъ, какъ пожертвованіе гр. Кицкаго,—постепенно ослабѣваетъ и 83 годъ явился въ этомъ отношеніи печальнымъ годомъ для всѣхъ, сочувствующихъ дѣлу исправительныхъ пріютовъ.

Укажемъ теперь на тѣ условія, которыми законъ обставилъ примѣненіе 6-й ст., а затѣмъ и на тѣ условія, которыя необходимо соблюдать при примѣненіи этой статьи въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что отдача въ исправительные пріюты является все таки замѣною наказанія, и что поэтому малолѣтняго, признаннаго по суду оправданнымъ, нельзя отдавать въ пріютъ, какъ нельзя его наказывать.

Замѣняется же отдачею въ пріютъ одинъ только родъ наказанія, а именно—заключеніе въ тюрьмѣ; слѣдовательно, присуждать къ отдачѣ въ пріютъ можно только тѣхъ малолѣтнихъ преступниковъ, которые признаны судомъ виновными: въ кражѣ, мошенничествѣ, обманѣ или присвоеніи (ст. 154, 169 и слѣд.) и въ прошеніи милостыни по лѣни и привычкѣ къ праздности или же съ дерзостью и грубостью (ст. 49 и 50).

Ограниченіе закономъ случаевъ замѣны отдачею въ исправительные пріюты только одного изъ видовъ наказанія, а именно тюремнаго заключенія находитъ свое объясненіе во 1-хъ въ томъ, что тюремнымъ заключеніемъ наказываются болѣе серьезныя нарушенія закона, указывающія на большую степень испорченности виновнаго, а слѣдовательно, и на большую необходимость принятія мѣръ къ его исправленію, во 2-хъ же—тѣмъ гибельнымъ вліяніемъ, которое можетъ имѣть—и имѣетъ—заключеніе въ тюрьмѣ на нравственность заключенныхъ въ тюрьму преступниковъ, тѣмъ болѣе малолѣтнихъ, особенно же при невозможности—во многихъ изъ тюремъ—содержать малолѣтнихъ арестантовъ отдѣльно отъ остальныхъ заключенныхъ. Объ этомъ вліяніи тюрьмы объяснитель. записка къ Суд. Уст. 20 Ноября 64 года говоритъ что „тюремное заключеніе, въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно исполняется надъ взрослыми, въ отношеніи къ ребенку, едва вступившему на путь порока, очевидно имѣло бы послѣдствіемъ окончательную его порчу и гибель“.

6-ю статью можно примѣнять лишь къ малолѣтнимъ отъ десяти до семнадцати лѣтъ. Дѣтей моложе десятилѣтняго возраста потому нельзя отправлять въ исправительные пріюты, что по 10-й ст. Уст. о наказ. проступки не вмѣняются вовсе въ вину, когда они совершены въ малолѣтствѣ до десяти лѣтъ, проступокъ же не вмѣняющійся въ вину, не влечетъ за собою ни наказанія, ни той мѣры, которая замѣняетъ наказаніе; семнадцати же лѣтній возрастъ принятъ въ этой статьѣ въ виду 11-й ст. Уст. о наказ., которая лицъ старше семнадцатилѣтнаго возраста приравниваетъ уже по отношенію къ пре-

ступнымъ дѣяніямъ, караемымъ по Мировому Уставу—къ совершеннолѣтнимъ. Но практика еще отодвигаетъ эту границу, сдвигая границы примѣненія 6-й ст. и съуживая, такимъ образомъ, рамки ея примѣненія. Дѣлается это, однакоже, въ силу необходимости и вызывается самымъ смысломъ 6-й статьи. Цѣль отдачи въ пріютъ—исправительная, исправленіе же это невозможно во 1-хъ) въ короткій срокъ, во 2-хъ) по отношенію къ преступникамъ, почти уже взрослымъ. Уставъ исправительныхъ пріютовъ предусматриваетъ эти препятствія и поэтому въ уставахъ этихъ опредѣленъ тотъ минимумъ срока, на который можетъ быть принятъ въ пріютъ малолѣтній преступникъ, въ законѣ же установленъ тотъ максимумъ возраста, который дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе воспитанника въ пріютѣ или колоніи. Такъ въ Уставѣ Студзенецкой колоніи (§ 12) сказано, что несовершеннолѣтніе преступники должны оставаться въ колоніи не менѣе двухъ лѣтъ; сопоставляя же это правило съ правиломъ 6-й ст. о восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ, — выйдетъ, что преступника, имѣющаго болѣе 16 лѣтъ, уже нельзя отдавать въ колонію; но насколько намъ извѣстно Правленіе Студзенецкой колоніи считаетъ и этотъ — 16-ти лѣтній — возрастъ слишкомъ великимъ для цѣлей, преслѣдуемыхъ пріютомъ, и отказываетъ въ пріемѣ такихъ преступниковъ, возрастъ которыхъ превышаетъ 14 лѣтъ.

Срокъ, на который виновный подлежитъ обращенію въ пріютъ, опредѣляется, во всякомъ случаѣ, самимъ судомъ, который—при опредѣленіи его — долженъ принимать въ соображеніе возрастъ малолѣтняго преступника, но при томъ имѣть всегда въ виду, что если слишкомъ малый срокъ лишитъ возможности колонію достигнуть исправленія *этого* преступника, то слишкомъ продолжительный срокъ лишитъ возможности другихъ дѣтей — въ виду ограниченности числа вакансій въ пріютѣ — избѣжать заключенія въ тюрьмѣ, куда по необходимости приходится заключать малолѣтнихъ преступниковъ, не принятыхъ въ исправительную колонію. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что при опредѣленіи

срока содержанія въ исправительномъ пріютѣ судъ ничуть не связанъ тѣми сроками, кои законъ устанавливаетъ для заключенія въ тюрьмѣ; мнѣніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ указанномъ выше объясненіи къ 6-й ст. Уст. о наказ. изд. Гос. Канц., въ которомъ сказано, что „срокъ содержанія несовершеннолѣтнихъ въ пріютѣ ни въ какомъ случаѣ не долженъ совпадать со временемъ, назначеннымъ въ законѣ для тюремнаго заключенія, потому что сроки для тюремнаго заключенія несовершеннолѣтнихъ (отъ 10—17 лѣтъ) весьма коротки и вслѣдствіе того не могутъ быть достаточны для достиженія полезныхъ результатовъ отъ содержанія въ исправительномъ пріютѣ".

Постановляя приговоръ, суду слѣдуетъ опредѣлять одновременно и отдачу въ исправительный пріютъ и заключеніе въ тюрьмѣ для избѣжанія необходимости — въ случаѣ отказа въ пріемѣ малолѣтняго въ пріютъ—постановленія дополнительнаго приговора о заключеніи его въ тюрьмѣ.

Только что изложенное относится преимущественно до малолѣтнихъ отъ четырнадцати до семнадцати-лѣтняго возраста, такъ какъ малолѣтнимъ недостигшимъ четырнадцати лѣтъ законъ (ст. 11 Уст.) оставляетъ еще возможность избѣгнуть порчи, сопряженной съ тюремнымъ заключеніемъ въ столь юномъ возрастѣ, предоставляя суду право, не подвергая наказанію, отсылать ихъ къ родителямъ, опекунамъ или родственникамъ для домашняго исправленія. Выраженіе 11-й ст. „*не подвергая наказанію*" указываетъ, однакоже, что въ приговорѣ суда не можетъ совмѣщаться отдача на исправленіе въ пріютъ съ отдачею на исправленіе родителямъ, и что въ случаѣ непринятія малолѣтняго преступника въ пріютъ или колонію судъ невправѣ уже отдавать его на исправленіе родителямъ, а долженъ распорядиться заключеніемъ его въ тюрьмѣ на опредѣленный приговоромъ срокъ. Судъ не лишенъ во всякомъ случаѣ права снестись съ правленіемъ колоніи относительно вакансій и до постановленія приговора и сообразовать съ отвѣтомъ правленія свой приговоръ по вопросу объ отдачи винов-

наго (отъ 10—14 лѣтъ) въ колонію или же на исправленіе родителямъ.

При отсылкѣ же малолѣтняго въ колонію—по изъявленіи на то согласія правленіемъ колоніи—слѣдуетъ предварительно поручить мѣстному войту или бургомистру осмотръ его совмѣстно съ врачемъ для удостовѣренія въ томъ, что малолѣтній не одержимъ какою либо прилипчивою болѣзнью, и выдать войту исполнительный листъ на предметъ отправленія виновнаго въ колонію; листъ этотъ — вмѣстѣ съ метрическою о рожденіи малолѣтняго выписью и свидѣтельствомъ врача объ отсутствіи прилипчивыхъ болѣзней и о томъ, что отсылаемому въ колонію привита оспа, — войтъ долженъ отослать вмѣстѣ съ преступникомъ въ правленіе колоніи.

Въ 7-й ст. Уст. о наказ. изложены правила замѣны денежнаго взысканія арестомъ въ случаѣ несостоятельности виновнаго къ уплатѣ денежнаго взысканія. Статья эта вызвана тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что судъ, устанавливая фактъ виновности подсудимаго и находя по обстоятельствамъ дѣла справедливымъ опредѣлить ему наказаніе въ формѣ денежнаго взысканія, бываетъ часто не въ состояніи знать при постановленіи приговора степень имущественной состоятельности подсудимаго или же возможность для него уплатить наложенный на него штрафъ и приговариваетъ его къ уплатѣ таковаго, между тѣмъ, уже при исполненіи приговора, оказывается несостоятельность виновнаго къ уплатѣ наложеннаго на него взысканія; обстоятельство это, препятствующее приведенію въ исполненіе приговора о денежномъ взысканіи, не можетъ, тѣмъ не менѣе, влечь за собою полную безнаказанность лица, признаннаго виновнымъ въ совершеніи преступнаго дѣянія, и вотъ эти то соображенія и указали на необходимость установленія замѣны денежнаго взысканія—при несостоятельности виновнаго къ уплатѣ таковаго—арестомъ. Еврейское населеніе губерній Царства Польскаго даетъ обширный матеріалъ для примѣненія 7-й ст. Уст. о наказ.; рѣдкій изъ евреевъ, будучи приговоренъ къ уплатѣ денежнаго взысканія (преимущественно за

безпатентную торговлю водкою), окажется настолько неловкимъ, чтобы не успѣть скрыть своего имущества и не оказаться передъ лицомъ исполнителя приговора неимѣющимъ—говоря языкомъ протоколовъ о несостоятельности—ни движимости, ни недвижимости, ни надежды получить когда либо какое бы то ни было наслѣдство. Въ виду необходимости столь частаго примѣненія 7-й ст. мировою юстиціею Царства Польскаго, первымъ практическимъ указаніемъ, которое можно сдѣлать по поводу этой статьи, явится совѣтъ—постановлять опредѣленіе о замѣнѣ денежнаго взысканія арестомъ на случай несостоятельности одновременно съ постановленіемъ приговора о денежномъ взысканіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ суду приходилось бы—для постановленія приговора о замѣнѣ—вызывать вновь стороны въ судебное засѣданіе, объявлять имъ приговоръ о замѣнѣ вновь на правѣ обжалованія, выжидать исполненіемъ приговора до вступленія его — по отношенію къ замѣнѣ—въ законную силу, однимъ словомъ, повторять вновь всю процедуру судопроизводства и отдалять еще болѣе моментъ исполненія приговора отъ момента совершенія проступка, подвергая возможность этого исполненія всѣмъ случайностямъ, сопряженнымъ съ истеченіемъ значительнаго періода времени. Независимо же отъ вышеизложеннаго слѣдуетъ указать, что совѣтуемый нами порядокъ постановленія приговоровъ о замѣнѣ указанъ и въ ст. 121 Уст. уг. суд.

Въ силу 7-й ст., арестомъ при несостоятельности къ уплатѣ замѣняются *денежныя взысканія*. На практикѣ возбуждался вопросъ о томъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ этимъ выраженіемъ закона; вопросъ этотъ могъ возникнуть вслѣдствіе того, что кромѣ денежныхъ взысканій, предусматриваемыхъ Уставомъ о наказ., имѣются еще денежныя взысканія, тоже налагаемыя мировыми судебными установленіями и тоже имѣющія характеръ уголовнаго наказанія. Такъ по ст. 67 Учр. суд. уст. (распространенной и на гминные суды ст. 32 Пол. о пр.), виновный въ нарушеніи правилъ благопристойности, порядка и тишины подлежитъ взысканію до трехъ руб.; по ст. 69

Устава уг. суд. свидѣтель, не представившій уважительныхъ оправданій своей неявки въ судъ къ назначенному сроку, подвергается денежному взысканію не свыше 25 р.; по ст. 135 того же Устава обвинитель по дѣлу, не могущему окончиться примиреніемъ, подвергается такому же денежному взысканію, и тому же взысканію подвергается—по 141 ст. Уст. уг. суд.—обвиняемый, не обязанный являться въ судъ и неявившійся вторично, т. е. къ разбору дѣла по его отзыву на заочный о немъ приговоръ суда. Въ этихъ случаяхъ — ст. 67 Учр. суд. уст.—подобныя лица называются виновными, взыскиваемыя съ нихъ деньги тоже носятъ названіе денежныхъ взысканій, но, тѣмъ не менѣе, взысканія эти не могутъ быть замѣняемы арестомъ при несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ таковыхъ. Не говоря уже о томъ, что самый процессъ наложенія подобнаго рода денежныхъ взысканій — ни въ чемъ не похожій на обставленный всевозможными гарантіями для обвиняемаго уголовный процессъ по началамъ Суд. Уставовъ — указываетъ на то, что судъ въ данномъ случаѣ имѣетъ дѣло не съ настоящимъ обвиняемымъ, но и самый характеръ проступковъ и помѣщеніе указаній на возможность оштрафованія ихъ не въ карательномъ кодексѣ, а въ уставѣ судопроизводства—съ достаточною ясностью указываетъ на то, что наложеніе денежныхъ взысканій за нарушеніе порядка и за неявку въ судъ имѣетъ въ виду не столько наказаніе виновныхъ, сколько поддержаніе порядка въ судѣ и доставленіе ему возможности безъ затрудненій и излишнихъ проволочекъ времени дѣлать свое дѣло отправленія правосудія; помѣщеніе же ст. 7-й въ карательномъ кодексѣ — т. е. въ Уст. о наказ. — указываетъ, что арестомъ можетъ быть замѣняемо лишь то денежное взысканіе, которое наложено какъ *наказаніе* на виновнаго, за совершенный имъ *проступокъ*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ виновные обязываются приговоромъ уголовнаго суда къ уплатѣ денежнаго взысканія для вознагражденія потерпѣвшихъ за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ. Этого рода взысканія, равнымъ обра-

зомъ, не могутъ быть замѣняемы — при несостоятельности виновныхъ къ ихъ уплатѣ — арестомъ, такъ какъ взысканія эти ни коимъ образомъ не могутъ быть разсматриваемы какъ наказанія. Законъ (ст. 17 и 18 Уст. уг. суд.) называетъ требованіе уплаты этого вознагражденія — искомъ, и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что подобное требованіе есть не что иное, какъ гражданскій искъ лица потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія, присоединенный для большаго удобства къ уголовному преслѣдованію. На это указываетъ, помимо цѣлаго ряда статей Уст. уг. суд., и ст. 24 Уст. о наказ., въ которой сказано что, за причиненные проступкомъ вредъ и убытки, виновные обязаны вознаградить на основаніи законовъ гражданскихъ. Это же подтвердилъ и Прав. Сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ за 67 г. № 212 и за 82 г. № 60. Въ виду вышеизложеннаго, суду, при постановленіи приговора, необходимо отличать взысканія, налагаемыя на виновнаго въ видѣ наказанія отъ взысканій, носящихъ характеръ вознагражденія потерпѣвшаго за вредъ и убытки, хотя и не названныхъ такъ ни въ данномъ законѣ, ни въ жалобѣ по данному случаю. Такъ характеръ иска о вознагражденіи имѣютъ тѣ сборы, о коихъ упоминается въ ст. 60 — 62 Уст. о наказ., что они подлежатъ внесенію, независимо отъ денежнаго взысканія, налагаемаго какъ наказаніе; тотъ же характеръ носитъ и указываемое въ отдѣлѣ II гл. 13-й Уст. о наказ.—о похищеніи и поврежденіи чужаго лѣса — отобраніе похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса или лѣсныхъ матеріаловъ или уплата его стоимости, такъ что виновный въ порубкѣ лѣса можетъ быть приговоренъ къ аресту въ случаѣ несостоятельности — лишь въ размѣрѣ той суммы, которая слѣдуетъ съ него какъ штрафъ за его проступокъ, а та сумма, въ которую опредѣлена стоимость подлежащаго возвращенію лѣса, не можетъ быть замѣнена арестомъ. Равнымъ образомъ и при признаніи даннаго лица виновнымъ въ нарушеніи какого либо изъ уставовъ казеннаго управленія, виновный этотъ можетъ быть подвергнутъ аресту по 7-й ст. Уст. лишь при несостоятельности къ уплатѣ того денежнаго взыска-

нія, которое наложено въ наказаніе, при несостоятельности же виновнаго къ уплатѣ стоимости патента, или же акциза, а также разныхъ сборовъ, соединенныхъ со взятіемъ патента, судъ не можетъ приговаривать его къ аресту по 7-й ст. Уст. о нак.

Независимо отъ сего и въ силу примѣчанія къ 1124 ст. Уст. уг. суд. Им. Ал. II, денежныя взысканія, наложенныя *казеннымъ управленіемъ* по дѣламъ, подлежащимъ ихъ непосредственному разсмотрѣнію, не замѣняются заключеніемъ или работами по ст. 84 и 85 Улож. о наказ. или же по Уставу о нак., какъ это неоднократно было разъяснено Сенатомъ.

По тому же вопросу о замѣнѣ по 7-й ст. арестомъ денежнаго взысканія по дѣламъ о лѣсныхъ порубкахъ и по нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія слѣдуетъ еще замѣтить, что а) *по дѣламъ о лѣсныхъ порубкахъ* — какъ неоднократно разъяснялъ Сенатъ по Угол. Кас. Деп. (Рѣш. за 70 г. № 1476, за 71 г.—№ 1440, за 76 г.—№ 83 и др.) и разъяснилъ циркулярнымъ указомъ по Соед. Прис. 1-го и Кас. Деп. отъ 1 Февраля 1879 года всѣмъ Съѣздамъ Мировыхъ Судей—„при постановленіи приговоровъ по дѣламъ о порубкахъ и другихъ нарушеніяхъ Лѣснаго Устава, какъ Мировые Судьи такъ и Съѣзды ихъ не должны присуждать крестьянъ и мѣщанъ, въ случаѣ несостоятельности ихъ къ уплатѣ наложенныхъ на нихъ взысканій, къ аресту по ст. 7 Уст. о наказ., если о такой замѣнѣ взысканія не было положительно выраженнаго требованія со стороны лѣсовладѣльца“. Циркулярный же Указъ Общ. Собр. Кас. Деп. Пр. Сен. отъ 6 Ноября 1878 г. разъяснилъ, что такъ какъ денежныя взысканія за поврежденіе и похищеніе лѣса, владѣемаго на правѣ частной собственности, обращаются въ пользу владѣльца (168 ст. Уст. о наказ.), и возбужденіе дѣла и преслѣдованіе виновнаго зависитъ исключительно отъ лѣсовладѣльца (586 ст. Лѣсн. Уст.), то взысканіе за лѣсную порубку „должно производиться по правиламъ для исполненія судебныхъ рѣшеній, въ Уст. гр. суд. установленнымъ, т. е., по получаемымъ взыскателями, вслѣдствіе собственнаго требованія, исполнительнымъ листамъ, безъ всякаго участія уголовной

власти. Только лишь въ случаѣ несостоятельности виновнаго, лѣсовладѣлецъ можетъ обратиться къ уголовной судебной власти съ просьбою объ отдачѣ несостоятельнаго въ общественныя работы или о заключеніи его подъ арестомъ, на осн. ст. 7 и 8 Уст. о наказ.“; б) *по дѣламъ же о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія* вышеупомянутымъ циркулярнымъ указомъ отъ 1 Февраля 1879 года разъяснено, что „и по дѣламъ о нарушеніи уставовъ казеннаго управленія, судъ, приговаривая виновнаго къ денежному взысканію, обязанъ опредѣлить въ приговорѣ, на случай несостоятельности осужденнаго, замѣну сего взысканія (1234 ст. Уст. уг. суд.). Но различіе отъ общаго порядка состоитъ здѣсь въ томъ, что судъ не можетъ обратить къ исполненію ту часть приговора, въ которой опредѣлена замѣна денежнаго взысканія общественными работами по 8-й ст. Уст. о наказ. и 85-й ст. Улож. о наказ., или арестомъ, такъ какъ, въ силу 1236 ст. Уст. уг. суд., неоплаченное денежное взысканіе должно быть покрыто изъ имущества осужденнаго а указанныя въ приговорѣ, на случай его несостоятельности, мѣры исполняются лишь въ томъ случаѣ, если не представится возможности покрыть денежное взысканіе изъ его имущества“. Далѣе въ томъ же Указѣ разъяснено, что при оказавшейся несостоятельности осужденнаго судебныя учрежденія пріостанавливаются дальнѣйшимъ исполненіемъ приговора, сообщая о семъ подлежащему казенному начальству (т. е. препровождая ему исполнительный листъ со всею перепискою о неудавшемся взысканіи, и только въ томъ случаѣ, когда и за принятыми, въ гражданскомъ порядкѣ исполненія, мѣрами денежное взысканіе не будетъ покрыто изъ имущества осужденнаго, и казенное управленіе обратится къ тѣмъ судебнымъ властямъ, отъ которыхъ исходятъ распоряженія объ исполненіи приговора, — съ просьбою о приведеніи въ дѣйствіе той его части, которою опредѣлена замѣна денежнаго взысканія соотвѣтственнымъ арестомъ или работами, то здѣсь „судебная власть опять вступаетъ въ права и обязанности исполнителя и наблюдателя за исполненіемъ приговора“. Опредѣленіемъ же Общаго Собранія

Кас. Деп. Прав. Сен. разъяснено, что казенному управленію предоставлено *право* обращенія къ гражданскому порядку исполненія, но что для приведенія въ исполненіе приговора о замѣнѣ судъ не вправѣ требовать отъ казеннаго управленія ни предварительнаго обращенія къ гражданскому порядку, ни представленія доказательствъ несостоятельности осужденнаго.

Замѣтимъ еще, что такъ какъ тотъ арестъ, которому подвергается виновный при несостоятельности къ уплатѣ денежнаго взысканія, ничѣмъ не отличается отъ ареста, къ которому виновный можетъ быть и прямо присужденъ въ силу Устава о наказ., и отбывается арестъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ тѣхъ же самыхъ помѣщеніяхъ и при одинаковыхъ условіяхъ обстановки, то все сказанное выше о порядкѣ и мѣстахъ содержанія подъ арестомъ лицъ высшихъ классовъ, т. е. дворянъ и чиновниковъ—должно быть примѣняемо и къ случаямъ заключенія ихъ подъ арестъ по причинѣ несостоятельности къ уплатѣ наложеннаго на нихъ денежнаго взысканія.

Самымъ спорнымъ вопросомъ при примѣненіи 7-й ст. Мироваго Устава является вопросъ объ обязательности *пропорціональности* замѣны арестомъ — денежному взысканію, т. е. вопросъ о томъ, насколько судъ обязанъ соблюдать извѣстную мѣру при замѣнѣ арестомъ денежнаго взысканія и установляетъ ли на этотъ предметъ законъ извѣстныя нормы, обязательныя для суда. Статья 7-я дѣйствительно даетъ поводъ къ сомнѣніямъ. 1-й п. этой статьи устанавливаетъ, что вмѣсто денежнаго взысканія *не свыше 15 р.* виновные подлежатъ аресту *не свыше трехъ дней*, 2-й же п. 7-й ст. устанавливаетъ вмѣсто денежнаго взысканія свыше 15 р. и до 300 р. арестъ *не свыше трехъ мѣсяцевъ*. Безспорнымъ въ 7-й ст. является лишь то правило, что за 15 и менѣе рублей штрафа нельзя приговаривать къ четыремъ и болѣе днямъ ареста и что за денежное взысканіе въ 16 и болѣе рублей нельзя приговаривать къ тремъ и менѣе днямъ ареста или же болѣе трехъ мѣсяцевъ; не слѣдуетъ, кажется, сомнѣваться еще и въ томъ, что такъ какъ 7-я ст. говоритъ — подобно 1-й ст. — только о дняхъ и мѣсяцахъ

ареста, то дробить сутки и приговаривать, напр., къ 6-ти часамъ ареста или къ тремъ суткамъ и 5 часамъ ареста—законъ не дозволяетъ. Затѣмъ спрашивается: слѣдуетъ ли признавать, что законъ устанавливаетъ для примѣненія 7-й ст. еще какія либо границы кромѣ указанныхъ выше трехъ дней и трехъ мѣсяцевъ? Въ самой статьѣ 7-й такихъ промежуточныхъ границъ нѣтъ; Н. А. Неклюдовъ же въ своемъ Руководствѣ (стр. 25 Т. 2) указываетъ, что по 1-му пункту 7-й ст. каждые пять р. замѣняются однимъ днемъ ареста, а по 2-му п. той же статьи арестъ на одну недѣлю соотвѣтствуетъ двадцати пяти рублевому штрафу, двѣ недѣли ареста — 50 рублевому, а мѣсяцъ ареста—ста рублевому штрафу, указывая, въ подтвержденіе своего взгляда, на тотъ фактъ, что соотвѣтствіе это проявляется во всѣхъ тѣхъ статьяхъ Устава о наказ., которыя устанавливаютъ альтернативныя наказанія, т. е. наказаніе или арестомъ или штрафомъ по усмотрѣнію суда (ст. 31, 33, 35, 36, 37, 38, 130, 133 и слѣд.); принимая же эти посредствующія рамки и считая ихъ обязательными при примѣненіи и 7-й ст. Уст. о наказ., г. Неклюдовъ далѣе указываетъ, что въ виду того, что „вообще по Уставу о наказ. минимумъ наказанія зависитъ отъ усмотрѣнія суда, *можно согласиться* съ тѣмъ, что судъ, не имѣя права замѣнить 25 рублеваго штрафа арестомъ на три мѣсяца, можетъ замѣнить его арестомъ на 4, 5, 6 или 7 дней по своему усмотрѣнію“. Подчеркнутое выше выраженіе *можно согласиться* имѣетъ въ виду взглядъ Сената по разбираемому нынѣ вопросу; со взглядомъ этимъ г. Неклюдовъ рѣшительно расходится, соглашаясь съ Сенатомъ лишь въ цитированной нами подробности; взглядъ же Сената, высказанный имъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній съ 1871 по 1875 годъ, заключается въ томъ что „при замѣнѣ денежнаго взысканія свыше 15 р. и до 300 р. арестомъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, судъ ограниченъ только въ назначеніи высшаго предѣла ареста, но не обязывается закономъ къ пропорціональному въ этихъ предѣлахъ расчисленію продолжительности ареста соотвѣтственно величинѣ денежнаго взысканія, — иначе законъ указалъ бы и основанія къ та-

кому расчисленію, какъ это было постановлено въ Уложеніи изд. 1857 года въ ст. 92, замѣненной ст. 84 изд. 1866 года“. Намъ кажется, что — по данному вопросу — Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ стоитъ болѣе на почвѣ закона, нежели Н. А. Неклюдовъ въ своемъ „Руководствѣ“. Единственная статья, занимающаяся установленіемъ правилъ для руководства въ случаяхъ замѣны денежнаго взысканія арестомъ при несостоятельности осужденнаго, — это статья 7-я, и въ ней указаны только двѣ конечныя черты, — за которыя судъ не вправѣ выходить; никакихъ же другихъ, болѣе мелкихъ, подраздѣленій статья эта въ себѣ не заключаетъ, и поэтому Сенатъ вполнѣ основательно принимаетъ это обстоятельство за даваемое закономъ суду разрѣшеніе замѣнять денежное взысканіе арестомъ въ предѣлахъ отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ по своему усмотрѣнію. Указаніе Н. А. Неклюдова на пропорціональность, соблюдаемую отдѣльными статьями Устава о наказ. назначающими наказаніемъ и арестъ и денежный штрафъ, — вполнѣ основательное само по себѣ,—не можетъ еще, на нашъ взглядъ, служить достаточнымъ основаніемъ для признанія *обязательнымъ* для мировыхъ судебныхъ установленій и при замѣнѣ денежнаго взысканія арестомъ *въ виду несостоятельности* осужденнаго держаться пропорціональности, не устанавливаемой 7-ю ст., а могущей быть выведенною лишь путемъ сопоставленія отдѣльныхъ статей Мироваго Устава. Хотя 12 ст. Уст. уг. суд. и обязываетъ судебныя установленія въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судебное дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ, но слѣдуетъ помнить, что въ данномъ случаѣ пришлось бы разъяснить 7-ю статью путемъ выводовъ изъ статей, съ нею не аналогичныхъ и предусматривающихъ не тѣ именно случаи, которые составляютъ предметъ разбираемой нами статьи. Сводя вышеизложенное къ одному, мы полагаемъ что нельзя признавать несогласною съ закономъ замѣну, выходящую изъ предѣловъ соразмѣрности, устанавливаемой для случаевъ отдѣльныхъ право-

нарушеній, но не нарушающую предѣловъ, устанавливаемыхъ 7-ю ст. Устава о наказ.

Послѣднее замѣчаніе, вызываемое 7-ю ст. Устава о наказ. касается той *несостоятельности*, которая можетъ влечь за собою замѣну денежнаго взысканія арестомъ, и способовъ ея опредѣленія. Выраженіе „несостоятельность“ законъ употребляетъ въ данномъ случаѣ не въ смыслѣ той несостоятельности, о которой говорятъ гражданскіе законы и установленіе наличности коей обусловливается соблюденіемъ извѣстныхъ, тѣми же законами опредѣляемыхъ, формальностей. Подъ несостоятельностью въ смыслѣ 7-й ст. Уст о наказ. слѣдуетъ понимать именно и только неимѣніе у виновнаго средствъ къ уплатѣ присужденнаго съ него денежнаго взысканія. Средства каждаго лица составляются изъ наличныхъ денежныхъ средствъ, движимости, долговыхъ обязательствъ и недвижимаго имѣнія, предметомъ взысканія, поэтому, можетъ быть и движимость виновнаго и недвижимость его и принадлежащія ему долговыя обязательства, причемъ по отношенію къ недвижимостямъ должно быть соблюдаемо правило, установленное 129 ст. Пол. о прим. (ст. 1503 Уст. гр. суд. Им. Ал. II) и требующее, чтобы опредѣленіе гминныхъ судовъ объ обращеніи взысканія на недвижимое имущество приводилось въ исполненіе не иначе, какъ посредствомъ состоящаго при мировомъ съѣздѣ судебнаго пристава. Въ подобномъ случаѣ войтъ гмины, исполняющій приговоръ гминнаго суда о денежномъ взысканіи и не нашедшій у осужденнаго ни наличныхъ средствъ, ни движимости, а только одну недвижимость, долженъ, не описывая таковой, донести о томъ подлежащему суду съ возвращеніемъ исполнительнаго листа, а судъ долженъ поручить исполненіе подлежащему судебному приставу.

При возвращеніи же войтами исполнительныхъ листовъ съ такъ называемыми „протоколами о несостоятельности“, суду слѣдуетъ обращать вниманіе на то, чтобы протоколы эти удостовѣряли фактъ дѣйствительной несостоятельности осужденнаго, иными словами, чтобы протоколы эти удостовѣряли про-

изводство войтомъ розыска имущества виновнаго, хотя бы лишь путемъ личнаго осмотра его жилища и опросомъ его ближайшихъ, заслуживающихъ вѣры, сосѣдей. Мы считаемъ нужнымъ обратить на это обстоятельство вниманіе мировой юстиціи во 1-хъ) въ виду существующаго у мѣстной сельской полиціи обычая довольствоваться однимъ заявленіемъ осужденнаго, сдѣланнымъ по разъ на всегда установленному шаблону безъ малѣйшаго намека на провѣрку этого его заявленія; во 2-хъ) же, потому что, по нашему мнѣнію, законъ предоставилъ выборъ наказанія денежнымъ взысканіемъ либо арестомъ суду, постанавляющему приговоръ, а не виновному, о коемъ приговоръ этотъ постановленъ; при указанной же нами выше практикѣ сельской полиціи, санкціонированной и практикою нѣкоторыхъ судебныхъ установленій, выходитъ на оборотъ, то есть, что когда судъ находитъ болѣе справедливымъ приговорить виновнаго къ денежному взысканію, а сей послѣдній находитъ для себя болѣе пріятнымъ арестъ, — дѣлается такъ какъ желаетъ осужденный, а не такъ, какъ постановитъ судъ; а такъ какъ еврейское населеніе губерній Царства Польскаго должно быть причислено—съ крайне рѣдкими лишь исключеніями—къ каттегоріи лицъ, предпочитающихъ „отсиживать“ свои проступки, а не расплачиваться за нихъ денежными взысканіями, то громадное большинство денежныхъ взысканій замѣняется арестомъ единственно потому, что такъ желательно осужденнымъ. Намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздахъ Привислинскаго края привилась такая практика, что полицейская власть, получивъ исполнительный листъ о денежномъ взысканіи, даетъ виновному повѣстку съ назначеніемъ ему опредѣленнаго срока для добровольной уплаты штрафа, а затѣмъ, не получивъ отъ него, разумѣется, никакого отвѣта, прямо приступаетъ къ арестованію осужденнаго. Подобная практика представляется намъ прямо неправильною и мы совѣтовали бы мировымъ судьямъ и гминнымъ судамъ — во избѣжаніе предоставленія власти, исполняющей приговоръ, дѣлаться судьею по вопросу о несостоятельности осужденнаго—не прописывать въ

исполнительномъ листѣ постановленной въ приговорѣ замѣны на случай несостоятельности и такимъ путемъ вынуждать исполнительную власть представлять обратно въ судъ исполнительный листъ съ протоколомъ о несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ денежнаго взысканія.

Не скроемъ, что высказанный нами взглядъ на несостоятельность осужденныхъ и на способъ исполненія приговоровъ о денежныхъ взысканіяхъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи со взглядомъ на этотъ вопросъ Прав. Сената. Взглядъ этотъ выраженъ въ упомянутомъ уже выше циркулярномъ указѣ Общ. Собр. Кас. Деп. Прав. Сената отъ 6 Ноября 1878 года, и ближайшимъ его разсмотрѣніемъ мы нынѣ и считаемъ своимъ долгомъ заняться, особенно въ виду непризнанія нами убѣдительными тѣхъ доводовъ, коими Прав. Сенатъ подкрѣпляетъ свой взглядъ по обсуждаемому нами вопросу.

По мнѣнію Сената законъ, изложенный въ 7-й ст. Уст. о наказ. и въ ст. 84 и 85 Улож. о наказ. изд. 66 г. (тоже говорящихъ о замѣнѣ на случай несостоятельности), разумѣетъ не общую несостоятельность осужденнаго, но лишь *фактическое неимѣніе наличныхъ средствъ къ уплатѣ въ данное время, предъявленную невозможность пополнить взысканіе одновременно съ поступившимъ о немъ требованіемъ.* Этими словами Сенатъ установляетъ, что при исполненіи приговоровъ о денежномъ взысканіи достаточно, чтобы осужденный *предъявилъ,* или просто *заявилъ,* что у него нѣтъ *наличныхъ средствъ* въ моментъ взысканія,—для того, чтобы взысканіе это было замѣнено арестомъ, то есть иначе, предоставляется на полную волю осужденнаго не только выбирать между арестомъ и денежнымъ взысканіемъ, но и попросту измѣнять постановленный о немъ и вошедшій въ законную силу судебный приговоръ. Подтвержденіемъ этого взгляда Сенатъ считаетъ содержащееся въ 23 ст. Уст. о наказ. правило, предписывающее освобождать виновнаго отъ ареста и работъ, когда онъ внесетъ часть слѣдующаго съ него взысканія, соразмѣрную остающемуся сроку заключенія. На нашъ взглядъ, ссылка на 23 ст. вовсе не убѣдительна

такъ какъ статья эта равнымъ образомъ можетъ предвидѣть и тотъ случай, когда власть, исполняющая приговоръ, не съумѣла найдти имущество осужденнаго, не смотря на произведенные розыски, и осужденный былъ заключенъ подъ арестъ и тогда только нашелся вынужденнымъ открыть свое, скрытое до тѣхъ поръ, имущество, а также и случай позднѣйшаго полученія обвиняемымъ средствъ, коихъ онъ вовсе не имѣлъ въ моментъ взысканія. Толкованіе Сенатомъ 25 ст. Уст. о наказ. тоже представляется намъ натянутымъ. Въ статьѣ этой говорится, что въ случаѣ несостоятельности присужденнаго *къ уплатѣ вознагражденія и къ денежному взысканію*, изъ имущества его сначала покрывается вознагражденіе за вредъ или убытокъ и исполняются всѣ безспорныя на виновнаго требованія, а денежное взысканіе обращается на остальное затѣмъ имущество его. Изъ содержанія этой статьи можно вывести лишь то, что вознагражденію за вредъ или убытокъ и другимъ безспорнымъ требованіямъ отдается предпочтеніе передъ денежнымъ взысканіемъ и дѣлается это, очевидно, потому, что денежное взысканіе можно замѣнить при несостоятельности арестомъ, чего нельзя сдѣлать по отношенію къ гражданскимъ взысканіямъ. Трудно усвоить себѣ взглядъ Сената на эту статью, по которому взысканіе штрафа съ имущества осужденнаго производится, такъ сказать, по пути, благодаря единственно тому, что производится уже взысканіе присужденнаго частному взыскателю вознагражденія за вредъ или убытки. Тѣмъ болѣе трудно усвоить себѣ этотъ взглядъ Сената, что статьи 187—189 Уст. уг. суд., имѣющія предметомъ своимъ порядокъ взысканія штрафовъ, постоянно говорятъ въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ о денежныхъ взысканіяхъ, наложенныхъ въ наказаніе, и о вознагражденіи, присужденномъ за вредъ и убытки. Ст. 189 Уст. уг. суд. прямо устанавливаетъ, что денежное взысканіе *или* вознагражденіе, не уплаченное къ назначенному сроку, *взыскивается* по исполнительнымъ листамъ. Статья эта вполнѣ опровергаетъ выше приведенное толкованіе Прав. Сенатомъ 25 ст. Уст. о наказ. Въ статьѣ же 974 Уст. уг. суд. указано, что при

исполненіи приговоровъ о денежныхъ взысканіяхъ, наложенныхъ въ наказаніе, или для вознагражденія потерпѣвшаго вредъ и убытки, судебные пристава поступаютъ порядкомъ, установленнымъ для исполненія судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ. Содержаніе этихъ статей не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что уплата денежнаго взысканія не можетъ быть предоставлена доброй волѣ осужденнаго и что нѣтъ никакого законнаго основанія ограничиваться при исполненіи приговора о денежномъ взысканіи выслушиваніемъ голословнаго заявленія осужденнаго о его „несостоятельности". Въ ст. 25 Уст. о наказ. говорится, что денежное взысканіе обращается на *имущество* осужденнаго, подъ имуществомъ же законъ подразумѣваетъ, какъ мы говорили уже выше, не одни только наличныя деньги, но и остальную движимость и недвижимость и долговыя обязательства въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Можно было бы еще согласиться съ правильностью разбираемаго нами взгляда Сената, если бы арестъ всегда признавался закономъ наказаніемъ болѣе строгимъ, нежели денежное взысканіе, такъ какъ въ подобномъ случаѣ было бы основаніе предполагать, что никто не захочетъ выбрать изъ двухъ золъ большее и если предпочитаетъ арестъ, то единственно лишь въ силу печальной необходимости. Но не говоря уже о томъ, что для весьма значительной доли лицъ, подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, денежное взысканіе представляется наказаніемъ болѣе строгимъ, нежели арестъ, законъ, съ своей стороны, не считаетъ арестъ наказаніемъ болѣе строгимъ, нежели денежное взысканіе: и ст. 16 Уст. о наказ. и ст. 152 п. 7 Улож. о наказ., указывая, что тюремное заключеніе признается всегда наказаніемъ болѣе строгимъ, чѣмъ арестъ или денежное взысканіе, ставитъ эти два послѣднія наказанія рядомъ, что видно, впрочемъ, и изъ того, что законъ устанавливаетъ замѣну денежнаго взысканія арестомъ безъ малѣйшаго указанія на то, что арестъ является въ его глазахъ наказаніемъ болѣе строгимъ, нежели денежное взысканіе. При равенствѣ же въ гла-

захъ закона этихъ двухъ родовъ наказанія и при предоставленіи закономъ права выбора между арестомъ и денежнымъ взысканіемъ суду, разсматривающему дѣло по существу, нѣтъ никакого основанія — ни прямо, ни косвенно — предоставлять право этого выбора самому осужденному; это впрочемъ каттегорически высказано и Сенатомъ въ рѣш. Угол. Кас. Деп. за 1867 г. № 114 по д. Волковой, въ коемъ Сенатъ установилъ, что „мировой судья отнюдь не долженъ предоставлять подсудимому выборъ, по его желанію, между налагаемымъ за нѣкоторые проступки арестомъ или денежнымъ взысканіемъ, а обязанъ самъ сдѣлать этотъ выборъ, по сопровождавшимъ преступное дѣйствіе обстоятельствамъ“.

Выше приведенныя соображенія и вынуждаютъ насъ не согласиться со взглядомъ Сената, высказаннымъ въ Указѣ его отъ 6 Ноября 1878 года по вопросу объ уголовной несостоятельности. 3-й же пунктъ 7 ст. можетъ быть примѣняемъ, какъ мы видѣли это выше, только мировыми судьями и является результатомъ закона 18 Декабря 1885 года о расширеніи подсудности судебно-мировыхъ учрежденій.

Статья 8 Уст. о наказ., устанавливающая возможность отдачи въ общественныя работы или въ заработки лицъ несостоятельныхъ къ уплатѣ присужденнаго съ нихъ денежнаго взысканія, на сколько намъ извѣстно, не примѣняется на практикѣ въ округѣ Варшавской судебной палаты. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, администрація губерній Царства Польскаго признаетъ въ виду существующихъ въ этихъ губерніяхъ узаконеній — невозможнымъ примѣненіе въ нихъ 8-й ст. Уст. о нак. Извѣстно, однакоже, что при дѣйствіи отмѣненной нынѣ Инструкціи Гминнымъ Судамъ отъ 30 Декабря 1866 года, несостоятельные къ уплатѣ денежныхъ взысканій тоже могли быть отдаваемы на общественныя работы. Въ виду непримѣненія нынѣ на практикѣ 8-й ст. ограничимся указаніемъ на неосновательность — на нашъ взглядъ—мнѣнія руководства г. Миклашевскаго (стр. 408), въ силу коего одинъ день работы долженъ равняться дню ареста. Мнѣніе это ни на чемъ не основано и

при примѣненіи 8-й ст. судамъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что работою замѣняется не арестъ, а денежное взысканіе, почему и число дней принудительной работы должно стоять въ зависимости отъ размѣра денежнаго взысканія въ связи съ высотою въ данной мѣстности и въ данное время заработной платы.

9 ст. За проступки, совершенные безъ намѣренія, мировымъ судьямъ предоставляется дѣлать виновнымъ, смотря по обстоятельствамъ, выговоръ, замѣчаніе или внушеніе. Болѣе строгія наказанія опредѣляются за ненамѣренные проступки только въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда симъ Уставомъ назначено наказаніе именно за неосторожность и

2) когда проступокъ состоитъ въ неисполненіи, по небрежности, какой либо особенной обязанности, возложенной закономъ.

Для уясненія точнаго смысла 9-й ст. Уст. о наказ., особенно первой ея части, и для правильнаго затѣмъ ея примѣненія, необходимо — по нашему мнѣнію — установить предварительно общее понятіе о *составѣ* преступленія или проступка. Выше мы уже упоминали, что для признанія даннаго дѣянія преступнымъ необходимо установить, что въ немъ заключаются всѣ тѣ элементы, наличность которыхъ необходима для признанія этого дѣянія запрещеннымъ подъ страхомъ наказанія тою или другою изъ статей карательнаго кодекса. Элементы эти—въ главныхъ чертахъ—заключаются: въ умыслѣ или намѣреніи и въ томъ измѣненіи, которое является какъ послѣдствіе осуществленія этого умысла во внѣшнемъ мірѣ; совокупность этихъ элементовъ и называется *составомъ преступленія* —въ обширномъ смыслѣ слова. Для состава большинства преступленій, предусматриваемыхъ Уложеніемъ о наказ., *умыселъ* или *намѣреніе*, направленное къ тому, чтобы вызвать во внѣшнемъ мірѣ извѣстныя послѣдствія, является необходимымъ элементомъ; отсутствіе подобнаго намѣренія вызываетъ — въ подобнаго рода преступленіяхъ и проступкахъ — ненаказуемость

ихъ, такъ какъ за отсутствіемъ одного изъ элементовъ преступнаго дѣянія, дѣяніе это перестаетъ быть преступнымъ. Но Уложеніе о наказ. знаетъ и преступленія *неумышленныя;* такъ 3 ст. Улож. о наказ. говоритъ, что „преступленія и проступки суть *умышленные* или *неумышленные*", понимая подъ послѣдними преступленія, совершенныя *безъ намѣренія* (ст. 110 Ул. о наказ.), т. е. по неосторожности. Уложеніе о наказ. — какъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильно толкуетъ 110 ст. Ул. Н. С. Таганцевъ въ примѣчаніи къ этой статьѣ въ своемъ изданіи Уложенія (стр. 59 изд. 73 г.) — наказываетъ причиненіе вреда или нарушеніе закона, учиненное по неосторожности, только тогда, когда законъ прямо говоритъ о наказуемости не только умышленнаго, но и неосторожнаго его нарушенія, причемъ Н. С. Таганцевъ указываетъ, какъ на примѣръ, на постановленія Уложенія о превышеніяхъ власти, понимаемыхъ закономъ только какъ умышленныя, а не неосторожныя дѣянія, почему неосторожное превышеніе власти есть дѣяніе, незапрещенное подъ страхомъ наказанія. Согласно этому толкованію, преступныя дѣянія, совершенныя по неосторожности, тогда только наказываются по Уложенію о наказ., когда онѣ именно предусмотрѣны отдѣльными постановленіями Улож. о наказ.

Въ Уставѣ о нак., нал. мир. судь. предвидѣны тоже случаи наказуемости именно *неосторожности* а также *неисполненія по небрежности* какой либо особенной обязанности, возложенной закономъ (2 ч. 9 ст.). Объ этой 2-й части 9 ст. упомянемъ подробнѣе ниже, теперь же обратимся къ содержанію 1-й части этой статьи, дозволяющей мировымъ судебнымъ установленіямъ дѣлать виновнымъ, смотря по обстоятельствамъ, выговоръ, замѣчаніе или внушеніе за проступки, совершенные безъ намѣренія и не предусматриваемые 2-ю частью этой статьи.

Прежде всего установимъ, что примѣненіе 1-й ч. 9-й ст. возможно только по отношенію къ *преступнымъ* дѣяніямъ, а не къ дѣяніямъ безразличнымъ въ глазахъ закона и что послѣдствіемъ примѣненія ея является *наказаніе*. Въ этомъ отноше-

ніи, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія: самый текстъ 9 ст. является полнымъ тому доказательствомъ: „за *проступки*, совершенные безъ намѣренія и т. д... болѣе строгія наказанія“ (нежели налагаемыя по 9 ст.) и т. д. эти выраженія 9 ст. и были всегда истолковываемы въ томъ смыслѣ, что для примѣненія 1 ч. 9 ст. необходимо, чтобы дѣяніе, въ неосторожномъ учиненіи коего подсудимый признанъ виновнымъ, было запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія (рѣш. Сен. 66 г. № 50, 69 г.—№ 323, 70 г. — №№ 50 и 717; Таганцевъ изд. Уст. 73 г. стр. 25; Неклюдовъ „Руков.“ Т. II стр. 36). Правильное толкованіе 1-й ч. 9-й ст. на томъ, однакоже, и остановилось, такъ какъ хотя по вопросу о томъ, ко *всѣмъ* ли проступкамъ относится 1-я ч. 9-й ст., существуетъ цѣлый рядъ кассаціонныхъ рѣшеній, но нельзя не согласиться и въ этомъ случаѣ съ Н. С. Таганцевымъ, высказавшимъ въ примѣчаніи къ своему изданію Устава о нак. (изд. 73 г. стр. 24), что Сенатъ по вопросу о примѣненіи 1-й ч. 9-й ст. — не установивъ никакого руководящаго начала, пришелъ къ выводамъ и противорѣчивымъ и несостоятельнымъ“. Въ рѣшеніи за 67 г. № 111 Сенатъ высказалъ, что „первая часть 9 ст. относится *ко всѣмъ проступкамъ*, которые мировой судъ признаетъ совершенными безъ намѣренія и которыхъ неумышленное совершеніе непредусмотрѣно въ особыхъ о каждомъ проступкѣ постановленіяхъ“;—исходя изъ этого положенія, Сенатъ затѣмъ призналъ правильнымъ примѣненіе 1-й ч. 9-й ст.: 1) *къ обидамъ*, — установивъ, что „онѣ не исключаютъ возможности неосторожнаго ихъ совершенія“ (рѣш. 68 г. № 139, 71 г. №№ 67 и 1276 и 76 г. № 215) и что „произнесеніе неприличныхъ словъ, хотя бы въ шутку, можетъ разсматриваться какъ неосторожность, наказуемая по ст. 9, (рѣш. 69 г. № 82); 2) *къ самоуправству*—„такъ какъ постановленія за самоуправство не назначаютъ особаго наказанія за неосторожность“ (рѣш. 67 г. № 111); 3) *къ имущественнымъ присвоеніямъ:*—а) къ ненамѣренному присвоенію чужаго имущества (рѣш. 69 года № 507 и 70 г. № 707); б) къ небрежному обращенію съ ввѣреннымъ на храненіе имуществомъ (рѣш. 71 г. № 1710), в) къ

тайному взятію и удержанію у себя чужихъ вещей въ шутку или только по знакомству, безъ умысла на похищеніе ихъ, „что составляетъ въ сущности только самовольное владѣніе чужимъ имуществомъ, но по образу дѣйствій подсудимаго и способу захвата имущества можетъ повлечь наказаніе по 1-й ч. 9-й ст.“ (рѣш. 72 г. № 1196); г) къ нарушеніямъ Лѣснаго Устава (рѣш. 71 г. № 151, 72 г. №№ 1061 и 1212) и д) къ нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія „въ тѣхъ случаяхъ, когда совершеніе ихъ безъ намѣренія оказывается возможнымъ“ (рѣш. 72 г. № 212 и 73 г. № 139).

Высказанное Сенатомъ положеніе, что 1-я ч. 9-й ст. относится *ко всѣмъ проступкамъ*, являясь положеніемъ основнымъ по разбираемому нами вопросу, вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть признано положеніемъ ошибочнымъ и влекущимъ за собою неправильное примѣненіе 1-й ч. 9-й ст. Н. А. Неклюдовъ (стр. 39 Т. 2-й Рук.) при толкованіи 10-й ст. Уст. о наказ. указываетъ вкратцѣ, не останавливаясь подробно на этомъ вопросѣ, что „есть множество такихъ дѣяній, которыя могутъ быть совершены или умышленно или случайно, но не могутъ быть совершены неосмотрительно, а стало быть и не могутъ быть обложены взысканіемъ по силѣ 9-й ст.“ Н. С. Таганцевъ—въ указанномъ выше примѣчаніи—говоритъ, что по его мнѣнію „1-я ч. 9-й ст. можетъ быть примѣняема при наличности того условія, чтобы совершенное дѣяніе не относилось къ числу тѣхъ, которыя считаются уголовно-наказуемыми только тогда, когда онѣ совершены умышленно, или, другими словами, чтобы это дѣяніе, по своему составу, допускало неосторожное его совершеніе“. Выше мы видѣли, что необходимымъ составнымъ элементомъ значительной части преступныхъ дѣяній является умыселъ или намѣреніе; однакоже законъ по отношенію къ цѣлому ряду преступленій и проступковъ не признаетъ необходимымъ наличность умысла для признанія даннаго дѣянія преступнымъ, и это относится не только къ тѣмъ дѣяніямъ, о которыхъ законъ говоритъ, что онѣ караются, хотя бы и были совершены по неосторожности (1-й п. 9-й ст.), и не только къ тѣмъ проступкамъ

которые состоятъ въ неисполненіи по небрежности какой либо особенной обязанности, возложенной закономъ (2 п. 9 ст.), но къ тѣмъ проступкамъ, которые могутъ быть совершены и съ умысломъ и безъ умысла, и по отношенію къ этого послѣдняго рода проступкамъ только и можетъ быть примѣняема 1-я ч. 9-й ст. Мир. Уст. Съ другой стороны, законъ предусматриваетъ такого рода преступныя дѣянія, которыя преслѣдуются главнымъ образомъ въ виду того намѣренія или той цѣли, которыя преступникъ имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ, такъ что отсутствіе подобнаго намѣренія дѣлаетъ данное дѣяніе ненаказуемымъ за неимѣніемъ состава преступленія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ 1 ч. 9 ст. не можетъ быть примѣнима, — потому что по 1-й ч. 9-й ст. можно приговаривать только за проступки, если же отсутствіе намѣренія уничтожаетъ возможность признанія даннаго дѣянія преступнымъ, то тѣмъ самымъ оно дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе 1-й ч. 9 ст. Мир. Устава.

Подобными преступными дѣяніями, въ которыхъ необходимымъ элементомъ состава преступленія является намѣреніе (animus), слѣдуетъ признать дѣянія, направленныя противъ личности (оскорбленія чести) и тѣ изъ проступковъ противъ чужой собственности, которыя имѣютъ своею цѣлью присвоеніе чужаго имущества (кража, мошенничество, обманъ, присвоеніе и растрата). Для признанія даннаго дѣянія оскорбленіемъ необходимо установить, что обвиняемый имѣлъ намѣреніе оскорбить (animus injurandi), въ противномъ случаѣ не будетъ оскорбленія. Хотя Прав. Сенатъ — въ приведенныхъ выше рѣшеніяхъ — устанавливаетъ возможность неумышленной, т. е. неосторожной обиды, по взглядъ этотъ противорѣчитъ во 1-хъ) другимъ рѣшеніямъ Сената, а во 2-хъ) не согласенъ и съ юридическою наукою. Въ рѣшеніи № 284, 72 г. сказано, что „ругаться, по общепринятому понятію, значитъ или употреблять бранныя и поносительныя слова, или дерзко и язвительно насмѣхаться, съ тѣмъ въ обоихъ случаяхъ намѣреніемъ, чтобы безчестить, позорить или унизить лицо, противъ котораго употребляется тотъ или другой способъ оскорбленія“. Въ рѣше-

ніяхъ № 430—70 г. и № 177 — 71 г. высказано, что „подъ оскорбленіемъ на словахъ слѣдуетъ разумѣть произнесеніе словъ, заключающихъ въ себѣ брань, или же выраженія, сравненія и намеки, явно оскорбительные для чести и сказанные съ цѣлью унизить и оскорбить достоинство лица, къ которому они относились". Далѣе Сенатъ высказываетъ (въ рѣш. 69 г. № 856 и 71 г.—№№ 978 и 1792), что „виновные въ оскорбленіи подлежатъ отвѣтственности за оскорбленіе только въ томъ случаѣ, когда самая обида нанесена умышленно; поэтому, произнесеніе оскорбительныхъ словъ въ шутку, безъ намѣренія высказать презрѣніе къ личности, не считается оскорбленіемъ, а также и представленіе въ судъ въ качествѣ доказательства письма, содержащаго въ себѣ позорящія кого либо обстоятельства, не можетъ быть признано оскорбленіемъ, если представленіе письма не было сдѣлано для того, чтобы прочтеніемъ письма на судѣ нанести оскорбленіе тому лицу, къ которому относятся позорящія обстоятельства". Юридическая наука высказываетъ тотъ же взглядъ. Такъ, Бернеръ, въ своемъ учебникѣ уголовнаго права (Т. II ч. особ. перев. Н. А. Неклюдова, стр. 18) говоритъ: „неосторожной обиды, напр. отъ непреднамѣреннаго нарушенія свѣтскихъ приличій—быть не можетъ. Но, съ другой стороны, отрицаніе намѣренія обидѣть не имѣетъ юридическаго значенія, коль скоро дѣйствіе, обидное *по самой своей природѣ*, совершено съ сознаніемъ и волею. Только это и могъ имѣть въ виду прусскій законодатель, когда онъ повидимому отвергаетъ необходимость оскорбительнаго намѣренія, безъ котораго обида немыслима". Существованіе этого взгляда въ юридической науки подтверждаетъ и Н. А. Неклюдовъ, излагающій въ своемъ Руководствѣ (Т. II стр. 551), что „теорія и до сихъ поръ еще продолжаетъ требовать для наличности обиды такъ называемаго animus injurandi, т. е. желанія, намѣренія оскорбить", и далѣе „наука уголовнаго права не признаетъ обидъ неосторожныхъ или по неосмотрительности; причиною такого взгляда все тотъ же animus injurandi". Самъ Н. А. Неклюдовъ не раздѣляетъ этого взгляда юридической науки, но

аргументація его недостаточно убѣдительна. Представляя нѣсколько примѣровъ оскорбленій словомъ и дѣйствіемъ, Н. А. Неклюдовъ (стр. 551 Рук.) устанавливаетъ сначала, что для признанія наличности обиды достаточно того, чтобы оскорбитель *зналъ*, что предпринимаетъ оскорбительное дѣйствіе, хотя и *нежелалъ* нанести оскорбленія, далѣе же онъ утверждаетъ, что „тасканіе за волосы чисто какъ бы изъ расположенія къ обиженному, причемъ не было и рѣчи о намѣреніи оскорбить, а также и сознанія, что дѣяніе будетъ проступкомъ по отношенію къ обиженному тоже не видно—не можетъ счесться ни неоскорбительнымъ, ни неосторожнымъ". Этотъ послѣдній примѣръ опровергаетъ, слѣдовательно, первоначальное положеніе Руководства о необходимости знанія оскорбителемъ оскорбительности дѣянія; но и помимо этого противорѣчія намъ представляется труднымъ согласиться съ г. Неклюдовымъ, такъ какъ по нашему мнѣнію не все то, что кому либо *обидно* въ смыслѣ *непріятно* можетъ служить основаніемъ для судебнаго преслѣдованія. Намъ кажется, что цѣль карательныхъ за оскорбленіе чести законовъ, заключается — въ огражденіи личности именно отъ *умышленно оскорбительнаго* къ ней отношенія другихъ членовъ общества, и что ставить другія основанія для наказуемости оскорбленій—значило бы заставлять судъ вторгаться въ область ему чуждую, въ область утонченной вѣжливости „деликатнаго" обращенія и изящныхъ манеръ, и развивать или поддерживать въ обществѣ излишнюю обидчивость и щепетильность и наказывать уголовнымъ порядкомъ то, что подлежитъ исправленію—если ужъ это необходимо—воздѣйствіемъ самаго общества. Честь человѣка безспорно составляетъ его лучшее сокровище и благо тому обществу, члены котораго заботливо относятся къ охраненію своей чести, но развитіе излишней обидчивости,—особенно при существующей въ обширныхъ размѣрахъ наклонности оцѣнивать свою честь во столько то рублей и считать свою честь возстановленною по уплатѣ обиженному обидчикомъ этихъ рублей, — не представляется намъ желательнымъ, и мы думаемъ, что на судѣ лежатъ болѣе

важныя обязанности, нежели удовлетвореніе не въ мѣру обидчивыхъ охранителей своего внѣшняго достоинства. Всѣ мы знаемъ, какъ далеко можетъ идти эта обидчивость; Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ даетъ намъ нѣсколько краснорѣчивыхъ тому примѣровъ: такъ, былъ наказанъ какъ неосторожный обидчикъ нѣкто, въ пьяномъ до безпамятства видѣ, облокотившійся въ лавкѣ вмѣсто стойки на одну изъ покупательницъ *и тотчасъ же передъ нею извинившійся;* по рѣшенію Сената за 69 г. № 82 нѣкто Дудкинъ—*въ шутку* распространявшій, что Вороновъ продаетъ вредный чай — былъ признанъ виновнымъ „въ произнесеніи неприличныхъ словъ“; по рѣшенію 68 г. № 138 нѣкто былъ признанъ виновнымъ въ произнесеніи „неосмотрительнаго выраженія“: посмотрись въ зеркало. Въ 1871 году (№ 67) Сенатомъ было признано правильнымъ примѣненіе 1-й ч. 9 ст. при слѣдующихъ условіяхъ и въ виду слѣдующихъ соображеній Ковровскаго мироваго съѣзда: „дѣйствіе Кокушкина состояло въ томъ, что онъ, при натискѣ толпы, обернулся и простеръ впередъ руки, чтобы остановить натискъ, а какъ сзади стоялъ Минѣевъ, который ростомъ менѣе Кокушкина, и къ которому послѣдній не имѣлъ никакой особенной непріязни, то очень вѣроятно, что руки Кокушкина попали въ голову Минѣева, который, *съ досады на такое непріятное для него дѣйствіе, призналъ его за личное для себя оскорбленіе.* Хотя такое насильственное дѣйствіе слѣдуетъ отнести къ разряду недозволенныхъ, такъ какъ Кокушкинъ, если былъ въ силахъ, могъ всѣмъ своимъ корпусомъ останавливать натискъ толпы, а не долженъ былъ простирать свое дѣйствіе на опредѣленную личность, которая сама была тѣснима другими, однако не подлежитъ сомнѣнію, что *такое дѣйствіе слѣдуетъ признать только неосторожнымъ*“.

Мы нарочно остановились нѣсколько подробнѣе на только что приведенныхъ Сенатскихъ рѣшеніяхъ, чтобы показать на сколько далеки всѣ эти шутки, нечаянныя облокачиванія съ немедленными извиненіями, удерживаніе натиска толпы человѣкомъ высокаго роста и т. п.—насколько далеки всѣ эти дѣй-

ствія отъ проступка обиды. Натяжки, преувеличенія, крайняя обидчивость бросаются въ этихъ случаяхъ въ глаза и суды:—санкціонированные Сенатомъ—караютъ во всѣхъ этихъ случаяхъ не обиды словомъ или дѣйствіемъ, а „необращеніе вниманія на окружающее въ лавкѣ“ „употребленіе неосмотрительныхъ выраженій“ „шутку“ и наконецъ „непріятное для обидившагося дѣйствіе, принятое имъ, съ досады, за личное для себя оскорбленіе“!

Не менѣе, если только не болѣе, неправиленъ, по нашему мнѣнію, взглядъ, признающій возможность примѣненія 1 ч. 9-й ст. къ преступленіямъ, требующимъ непремѣнно для своего состава наличность *присвоенія* чужаго имущества. Къ такимъ преступленіямъ относятся: кража,—какъ тайное похищеніе съ цѣлью присвоенія, мошенничество и обманы, присвоеніе и растрата; отличительный признакъ этихъ преступленій тотъ, что совершаются онѣ именно съ цѣлью присвоенія, т. е. обращенія въ свою пользу — путемъ ли тайнаго похищенія, обманныхъ увѣреній или обмана, или же путемъ нарушенія довѣрія—чужой собственности; присвоеніе — какъ признакъ всѣхъ этихъ преступленій—заключается въ томъ, что преступникъ *хотѣлъ* обратить въ свою пользу чужую вещь, что и исполнилъ; отсутствіе этого признака лишаетъ данное дѣяніе характера преступности и дѣлаетъ его ненаказуемымъ за отсутствіемъ состава преступленія; если это такъ, то примѣненіе 1-й ч. 9-й ст. къ подобнаго рода дѣяніямъ не должно имѣть мѣста, такъ какъ нельзя себѣ представить неосторожнаго присвоенія, т. е. безсознательнаго желанія обратить въ свою собственность чужую вещь. Одно изъ двухъ: или изъятіе вещи изъ собственности другаго лица и обращеніе ее въ собственность обвиняемаго было совершено съ намѣреніемъ присвоить себѣ эту вещь, — въ такомъ случаѣ дѣяніе это является уголовно наказуемымъ по ст. 169, 173, 174 или 177 Устава о наказ., или же фактъ перехода вещи въ собственность обвиняемаго имѣлъ мѣсто, но намѣренія присвоить себѣ эту вещь обвиняемый не имѣлъ; въ такомъ случаѣ данный фактъ можетъ послужить

основаніемъ для гражданскаго иска, но никакъ не для примѣненія 1 ч. 9 ст., такъ какъ она можетъ быть примѣняема лишь въ случаяхъ совершенія по неосторожности дѣянія—не безразличнаго въ глазахъ уголовнаго закона, а преслѣдуемаго закономъ подъ страхомъ наказанія. Сенатъ иначе смотритъ на этотъ вопросъ и признаетъ возможность совершенія неосторожныхъ кражъ и присвоеній, что и вызвало хотя краткую, но рѣзкую критику этихъ Сенатскихъ рѣшеній Н. С. Таганцева въ примѣчаніи къ 1-мъ изд. его Уст. о наказ. Взглядъ Сената по разсматриваемому нами вопросу выразился особенно рельефно въ рѣшеніяхъ его: 71 г.—№ 1710 и 72 г. — № 1196. Рѣшеніе № 1710 состоялось по слѣдующему дѣлу: Елизаветградскій мировой съѣздъ призналъ Щербакову виновною „въ небрежномъ обращеніи съ ввѣреннымъ ей на храненіе имуществомъ" и на осн. 9 ст. Уст. о наказ. сдѣлалъ ей выговоръ. Сенатъ призналъ, что „въ примѣненіи къ проступку Щербаковой 9 ст. не заключается никакого нарушенія закона, такъ какъ за неосторожное совершеніе такого проступка законъ не назначаетъ особаго наказанія". Къ сожалѣнію, Сенатъ не указалъ какою статьею Устава о наказ. предусмотрѣнъ „проступокъ" Щербаковой и въ чемъ именно онъ заключается, по смыслу же Сенатскаго рѣшенія выходитъ, что будто бы существуетъ проступокъ сознательнаго храненія чужихъ вещей, небрежное коихъ храненіе влечетъ за собою наказаніе по 1 ч. 9 ст. Уст. о наказ. Рѣшеніе № 1196 не менѣе оргинально: Юрьевецкимъ мировымъ съѣздомъ установленъ тотъ фактъ, что Андреяновымъ взяты часы Любимовой въ видѣ шутки, по знакомству, и безъ намѣренія скрыть ихъ или воспользоваться ими съ корыстною цѣлью, поэтому съѣздъ призналъ его виновнымъ въ совершеніи кражи безъ намѣренія и сдѣлалъ ему выговоръ въ силу 1 ч. 9 ст. Сенатъ нашелъ, что хотя „такое тайное взятіе подсудимымъ и удержаніе у себя чужихъ вещей въ шутку и по знакомству, безъ умысла на похищеніе ихъ, составляло въ сущности только самовольное владѣніе чужимъ движимымъ имуществомъ, но самый образъ дѣйствій при

этомъ Андреянова и способъ, посредствомъ котораго онъ вступилъ въ обладаніе этимъ имуществомъ, принадлежатъ именно къ такого рода поступкамъ, которыя влекутъ за собою взысканія, опредѣленныя 1-ю ч. 9-й ст. Уст. о наказ.“ И такъ въ данномъ случаѣ Сенатъ нашелъ правильнымъ наказывать за „способъ вступленія“ въ пользованіе чужимъ имуществомъ безъ цѣли присвоенія! Это Сенатское рѣшеніе не имѣлось въ виду Н. С. Таганцевымъ, предсказавшимъ, однакоже, что „будучи послѣдовательнымъ, Сенатъ долженъ будетъ признать за мировымъ судьею право привлечь къ отвѣтственности и подвергнуть наказанію (выговору, замѣчанію или внушенію) и человѣка, нечаянно надѣвшаго чужія калоши или шубу—неосторожная кража, и человѣка, съѣвшаго въ разгоряченномъ состояніи мороженнаго — покушеніе на неосторожное самоубійство и т. д.“.

Быть можетъ, что найдутся защитники взгляда проводимаго Сенатомъ, которые, смотря съ точки зрѣнія пользы осужденія разнаго рода безнравственныхъ поступковъ съ высоты судейскаго кресла, признаютъ полезнымъ возможно болѣе широкое примѣненіе 1-й ч. 9-й ст. Предположеніе это тѣмъ болѣе возможно, что первоначально—какъ это видно изъ Объяснительной Записки II отдѣленія—предполагалось именно такое широкое примѣненіе 1 ч. 9 ст., причемъ на выговоръ, ею опредѣляемый, не смотрѣли какъ на наказаніе и признавали, что подобное внушеніе „изъ устъ лица, избраннаго всѣми сословіями и пользующагося во всей мѣстности значительнымъ вѣсомъ, можетъ имѣть очень полезное вліяніе“.

Однакоже, при окончательной редакціи 9-й ст. установлено, что примѣнять ее слѣдуетъ лишь къ проступкамъ и что ею опредѣляются наказанія за проступки. При этомъ смыслѣ 9 ст. взглядъ на дѣятельность судебную, какъ имѣющую своею задачею произнесеніе „съ высоты судейскаго кресла“ „изъ устъ лица“ и т. д. разнаго рода нравственныхъ афоризмовъ, — взглядъ этотъ долженъ отступить на второй планъ, а на первый планъ должно выступить постановленіе приговоровъ на

точномъ основаніи карательнаго кодекса, т. е. дѣятельность чисто—юридическая, цѣли же чисто нравственныя могутъ преслѣдоваться лишь по стольку, по скольку это не будетъ сопряжено съ нарушеніемъ правъ личности и не будетъ являться вторженіемъ въ чуждую для суда сферу.

Нашъ очеркъ по вопросу о примѣненіи 1 ч. 9 ст. былъ бы неполнымъ, если бы мы прошли молчаніемъ дѣла уставовъ казеннаго управленія. По отношенію къ этого рода дѣламъ Сенатъ проявилъ взглядъ крайне строгій и во многихъ рѣшеніяхъ проводилъ то положеніе, что „къ дѣламъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія не можетъ быть примѣняема 9 ст. Мир. Уст., такъ какъ казенный ущербъ долженъ быть взысканъ съ нарушителя независимо отъ того, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія послѣдовало нарушеніе (рѣш. 71 г. №№ 625, 1219, 1478 и 72 г. №№ 635 и 1215). Въ другихъ своихъ рѣшеніяхъ Сенатъ пошелъ еще далѣе и высказалъ, что „при нарушеніяхъ Питейнаго Устава законъ наказываетъ одинаково, какъ умышленныя, такъ и неосторожныя и даже случайныя дѣянія“. (Рѣш. 69 г. № 728) и что „общія начала уголовнаго права о безнаказанности случайныхъ нарушеній не имѣютъ примѣненія къ дѣламъ о нарушеніяхъ правилъ Питейнаго Устава, такъ какъ законъ здѣсь допускаетъ исключеніе“ (рѣш. 72 года № 486). Неклюдовъ (Рук. стр. 39) высказываетъ, что подобный взглядъ основанъ на соображеніяхъ полиціи, а не юстиціи, мы, съ своей стороны, должны высказать, что не усматриваемъ въ законѣ никакихъ основаній для выдѣленія группы фискальныхъ правонарушеній въ отношеніи примѣненія или не примѣненія къ нимъ 1-й ч. 9-й ст. и полагаемъ, что дѣла о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій на столько лишь должны быть выдѣляемы изъ числа другихъ дѣлъ, подлежащихъ судебному разбирательству, насколько это прямо установлено закономъ и что всякаго рода правила и постановленія, выдѣляющія ихъ изъ общаго уровня, должны быть толкуемы ограничительно—какъ и всякія другія исключенія; такимъ образомъ, разъ, что мы не находимъ въ законѣ прямаго указанія

на невозможность примѣненія 1 ч. 9 ст. къ этого рода дѣламъ, то утверждать это мы не вправѣ. Послѣдующія рѣшенія Сената высказываются, впрочемъ, въ такомъ же смыслѣ; такъ въ рѣш. 72 г. № 212 высказано, что „за нарушеніе Устава о Питейномъ Сборѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда совершеніе ихъ безъ намѣренія оказывается возможнымъ, мировыя судебныя установленія, на осн. 9 ст. Уст. о наказ., вправѣ присуждать виновныхъ къ опредѣленнымъ въ ней взысканіямъ“; положеніе это повторено Сенатомъ и въ рѣшеніи за 73 г. № 139.

Окончивая съ 1-ю ч. 9-й ст. и резюмируя все вышеизложенное, мы приходимъ къ тому заключенію, а) что 1 ч. 9 ст. можетъ быть примѣняема лишь къ случаямъ неосторожнаго совершенія дѣяній, запрещаемыхъ подъ страхомъ наказанія и непредусмотрѣнныхъ 2-ю частью этой статьи, б) что 1 ч. 9 ст. не можетъ быть примѣняема къ такого рода преступленіямъ, въ составъ которыхъ необходимо должна входить извѣстная цѣль а именно не примѣняется къ оскорбленіямъ чести и къ присвоеніямъ чужаго имущества, и в) что 1-я ч. 9-й ст. можетъ быть примѣняема и къ нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія. 2-я ч. 9-й ст. говоритъ во 1-хъ) о тѣхъ случаяхъ, когда Уставомъ о наказ. назначено наказаніе именно за неосторожность; случаи эти предусмотрѣны статьями: 42, 90, 91, 94, 95, 101, 102, 118, 119, 120, 123, 125 и 129 Устава о наказ.; во 2-хъ) же вторая часть 9-й ст. предусматриваетъ неисполненіе, по небрежности, какой либо особенной обязанности, возложенной закономъ. Во всѣхъ случаяхъ примѣненія 2-й ч. 9-й ст., 1-я ея часть примѣняема быть не можетъ. Объ особенныхъ обязанностяхъ говорятъ напр. ст. 40, 44, 48, 51, 52, 54, 55, 57, 58, 59 —61, 65, 69, 74, 76[1], 79, 81, 83, 85 и др.

10 ст. Проступки не вмѣняются вовсе въ вину, когда они совершены:

1) случайно, не только безъ намѣренія, но и безъ всякой неосторожности или небрежности;

2) въ малолѣтствѣ до десяти лѣтъ;

3) въ безуміи, сумасшествіи и припадкахъ болѣзней, приводящихъ въ умоизступленіи или въ совершенное безпамятство;

4) по принужденію отъ непреодолимой силы, и

5) по необходимой оборонѣ.

10-я статья перечисляетъ случаи невмѣняемости въ вину совершенныхъ проступковъ, и такъ какъ невмѣняемость является исключеніемъ, а общимъ правиломъ должна почитаться наказуемость уголовныхъ дѣяній, то статья эта должна быть толкуема ограничительно, т. е. при примѣненіи ея нельзя выходить изъ рамокъ точно предусмотрѣнныхъ ею случаевъ. Подъ *невмѣняемостью* слѣдуетъ понамать такое состояніе обвиняемаго, которое обязываетъ судъ освобождать его отъ наказанія и при доказанности совершенія имъ того преступнаго дѣянія, за которое онъ привлеченъ къ суду; дѣятельность же суда, устанавливающая наличность такого состоянія подсудимаго, называется *невмѣненіемъ*. Первые три пункта 10-й ст. указываютъ на невмѣняемость подсудимаго въ виду полнаго отсутствія съ его стороны намѣренія вызвать данное нарушеніе закона, въ виду полнаго отсутствія связи между его волею и преступнымъ фактомъ; это отсутствіе связи можетъ являться у субъекта, одареннаго вполнѣ волею и сознаніемъ, при случайности проступка, или же отсутствіе связи между намѣреніемъ и преступнымъ фактомъ можетъ имѣть причиною своею такое душевное состояніе виновнаго, которое лишаетъ возможности предположить у него наличность сознательнаго отношенія къ содѣянному имъ — въ случаяхъ малолѣтства или безумія виновнаго. 4-й и 5-й п. п. 10-й статьи предусматриваютъ тѣ случаи учиненія преступныхъ дѣяній, при которыхъ воля и сознаніе подсудимаго, хотя и вполнѣ нормальныя, до того были подчинены дѣйствовавшимъ на нихъ извнѣ вліяніямъ, что содѣянное такимъ лицомъ не можетъ быть отнесено на счетъ его воли и не можетъ быть вмѣнено ему въ вину: это случаи: принужденія отъ непреодолимой силы и состоянія не-

обходимой обороны. Разсмотримъ теперь ближе каждый изъ пунктовъ 10-й статьи.

Случайность содѣяннаго можетъ быть установлена и устанавливается 10-ю статью—путемъ отвлеченія, а именно, по 10 ст. Уст. о наказ. слѣдуетъ признавать случайнымъ такой проступокъ, который нельзя признать совершеннымъ ни съ намѣреніемъ, ни по неосторожности. Отличить совершенное съ умысломъ отъ совершеннаго случайно легче, нежели провести границу между неосторожнымъ и случайнымъ дѣяніемъ; установить эту границу теоретически очень трудно и судъ долженъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ, отвергнувъ умыселъ, обсудить по обстоятельствамъ дѣла, можно ли признать, что данное лицо, поступивъ съ большею осмотрительностью или меньшею небрежностью, могло избѣжать послѣдствій, носящихъ характеръ преступнаго дѣянія, или же слѣдуетъ считать доказаннымъ, что въ данномъ дѣлѣ обвиняемый не могъ ни въ какомъ случаѣ предусмотрѣть послѣдствія, явившіяся чисто случайно, или же дѣйствовалъ подъ вліяніемъ обмана, ошибки или заблужденія, избѣгнуть которыхъ онъ не могъ при всемъ желаніи.

Проступокъ совершенный малолѣтнимъ до 10 лѣтъ невмѣняется ему въ вину; выраженіе закона *до 10 лѣтъ* показываетъ, что преступное дѣяніе малолѣтняго, имѣющаго оконченные уже 10 лѣтъ, т. е. которому уже минуло 10 лѣтъ и идетъ одинадцатый годъ, не можетъ быть подведено подъ дѣйствіе 2 п. 10-й ст. Убѣжденіе въ томъ, что малолѣтнему нѣтъ еще 10 лѣтъ можетъ образоваться лишь путемъ обозрѣнія оффиціальныхъ документовъ, т. е. метрической выписи о его рожденіи, въ дѣлахъ же, могущихъ оканчиваться примиреніемъ, признаніе обвинителемъ этого факта безспорнымъ дѣлаетъ излишнимъ собираніе документовъ о лѣтахъ обвиняемаго; если же обстоятельство это устанавливается самою жалобою обвинителя по дѣламъ кончающимся примиреніемъ, то нѣтъ необходимости въ постановленіи приговора, а достаточно постановленія опредѣленія о недачѣ жалобѣ дальнѣйшаго хода съ возвращеніемъ ея обвинителю на правѣ частнаго обжалованія въ съѣздъ.

Случаи примѣненія 3 п. 10 ст. въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ до крайности рѣдки, такъ что ни по этому пункту, ни по пунктамъ 4 и 5 ст. 10 не имѣется ни одного кассаціоннаго рѣшенія; въ виду преслѣдуемыхъ нашимъ руководствомъ практическихъ цѣлей, мы считаемъ излишнимъ останавливаться на теоретическихъ опредѣленіяхъ различныхъ формъ душевныхъ болѣзней и укажемъ лишь, что въ виду 118 ст. Уст. уг. суд., отсылающей мировую юстицію въ затруднительныхъ случаяхъ къ правиламъ судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, гминный судъ или мировой судья долженъ, предварительно примѣненія 3-го п. 10-й ст., соблюсти правила, изложенныя въ ст. 553 Уст. уг. суд., въ коей сказано, что „если по слѣдствію окажется, что обвиняемый не имѣетъ здраваго разсудка, или страждетъ умственнымъ разстройствомъ, то слѣдователь, удостовѣрясь въ томъ, какъ чрезъ освидѣтельствованіе обвиняемаго судебнымъ врачемъ, такъ и чрезъ разспросъ самого обвиняемаго и тѣхъ лицъ, коимъ ближе извѣстенъ его образъ дѣйствій и сужденій, передаетъ на дальнѣйшее распоряженіе прокурора все производство по этому предмету, съ мнѣніемъ врача о степени безумія или умственнаго разстройства обвиняемаго“. Первая часть этой статьи показываетъ, что примѣненіе ея необходимо лишь въ томъ случаѣ, если по слѣдствію *окажется*, т. е. если у суда возникнутъ серьезныя сомнѣнія въ нормальности умственныхъ способностей обвиняемаго; въ этомъ лишь случаѣ вызывается врачъ и т. д., и только если сомнѣніе это еще болѣе окрѣпнетъ, слѣдуетъ примѣнять 2-ю часть этой статьи, т. е. направлять дѣло къ прокурору.

Мы полагаемъ, что въ практикѣ мировой юстиціи могутъ встрѣчаться, однакоже, довольно часто случаи совершенія обвиняемыми проступковъ въ такомъ состояніи, которое можетъ вызвать вопросъ о необходимости примѣненія 10-й ст. Устава. Замѣтимъ кстати, что законъ не предоставляетъ усмотрѣнію суда вмѣнять или не вмѣнять въ вину обвиняемому совершенное имъ дѣяніе при наличности обстоятельствъ, перечислен-

ныхъ въ 10-й ст., а требуетъ безусловнаго невмѣненія при установленіи судомъ наличности одного изъ такихъ обстоятельствъ. Случай же, къ которому мы хотимъ въ настоящее время обратиться, это—совершеніе проступка *въ пьяномъ видѣ*. Спрашивается: приговаривать ли и къ чему именно лицо, совершившее проступокъ въ пьяномъ видѣ? Прежде всего выдѣлимъ случай намѣреннаго опьяненія въ цѣли совершенія преступленія: при подобномъ опьяненіи немыслимо невмѣненіе содѣяннаго въ вину подсудимому, такъ какъ въ противномъ случаѣ указывался бы преступникамъ самый легкій способъ безнаказаннаго совершенія преступленій. Ст. 106 Улож. о наказ. прямо устанавливаетъ, что „за преступленіе, учиненное въ пьянствѣ, когда доказано, что виновный привелъ себя въ сіе состояніе именно съ намѣреніемъ совершить сіе преступленіе опредѣляется также высшая мѣра наказанія, за то преступленіе въ законахъ положеннаго". Уставъ о нак. не ставитъ такого требованія, но такъ какъ 14 ст. Устава указываетъ на тѣ обстоятельства, которыя *преимущественно* только, а не исключительно, признаются увеличивающими вину подсудимаго, то судъ, конечно, вправѣ признать такое опьяненіе тоже обстоятельствомъ увеличивающемъ вину, такъ какъ фактъ злоумышленнаго опьяненія указываетъ несомнѣнно на заранѣе обдуманное намѣреніе. Въ случаѣ же совершенія проступка въ пьяномъ видѣ, но безъ злоумышленнаго опьяненія, слѣдуетъ отличать опьяненіе до безпамятства отъ простаго опьяненія. Хотя опьяненіе до безпамятства не можетъ служить причиною невмѣненія по 3 п. 10 ст., такъ какъ въ немъ говорится о безпамятствѣ, являющемся послѣдствіемъ болѣзни, но въ виду 1 п. той же статьи мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Н. А. Неклюдова (стр. 43 Руков.), высказавшаго, что „такъ какъ Уставъ о наказаніяхъ умалчиваетъ вовсе о состояніи опьяненія и предоставляетъ совѣсти судьи разрѣшить вопросъ о томъ: совершено ли дѣяніе случайно, неосмотрительно или умышленно, причемъ законъ нигдѣ не предписываетъ ему придерживаться предустановленныхъ причинъ случайности, умы-

шленности, то стало быть не воспрещаетъ его совѣсти сказать, что дѣяніе подсудимаго совершено ненамѣренно, безсознательно по причинѣ нахожденія его въ состояніи совершеннаго опьяненія". Затѣмъ простое опьяненіе, большею частью и встрѣчающееся въ судебной практикѣ, не можетъ, никоимъ образомъ, служить ни обстоятельствомъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину, ни—тѣмъ менѣе—причиною невмѣненія обвиняемому въ вину совершеннаго имъ въ пьяномъ видѣ преступнаго дѣянія.

4-й п. 10-й ст. указывающій на „принужденіе отъ неопреодолимой силы" какъ на одну изъ причинъ невмѣняемости, разъясняется 100 ст. Улож. о наказ., въ которой сказано, что „учинившему противозаконное дѣяніе вслѣдствіе неопреодолимаго къ тому отъ превосходящей силы принужденія и токмо для избѣжанія непосредственно грозившей его жизни въ то самое время неотвратимой другими средствами опасности, содѣянное имъ также не вмѣняется въ вину". Врядъ ли нужно прибавлять къ этому, что трудно представить себѣ случай подобнаго принужденія въ практикѣ мировой юстиціи и что всякого рода указанія обвиняемыхъ на принужденіе, указанія, незаключающія въ себѣ наличность всѣхъ выше перечисленныхъ признаковъ,—не должны влечь за собою примѣненія 4 п. 10-й ст. Мир. Устава. Подобная ссылка на принужденіе можетъ имѣть послѣдствіемъ своимъ лишь облегченіе участи осужденнаго, такъ какъ, если будетъ доказано, что обвиняемый дѣйствовалъ подъ вліяніемъ или по указанію лица, власть надъ нимъ имѣющаго (напр. сынъ по приказанію родителей, работникъ по приказанію хозяина), то подобное принужденіе, хотя и не подходящее подъ понятіе принужденія отъ неопреодолимой силы, можетъ служить въ глазахъ суда обстоятельствомъ уменьшающимъ вину этого обвиняемаго.

Такъ же рѣдко примѣненіе на практикѣ и 5 п. 10-й ст. Н. А. Неклюдовъ (стр. 48 Рук.) пытается провести различіе между необходимою обороною противъ оскорбленія чести и между взаимными обидами, но мы, признаться, съ трудомъ при-

мѣчаемъ это различіе и полагаемъ, что на практикѣ это различіе чрезвычайно трудно установить, такъ какъ весьма вѣроятно предположеніе, что лицо, отвѣчающее ударомъ на ударъ, имѣетъ тоже намѣреніе отвѣтить оскорбленіемъ же на нанесенное оскорбленіе.

Вопросъ о примѣняемости 10-й ст. ко всѣмъ вообще проступкамъ возбуждался только по отношенію къ 1-му пункту 10-й ст., а именно Сенатъ (рѣш. 69 г. № 728 и 72 г. № 486) высказалъ, что общія начала уголовнаго права о безнаказанности случайныхъ нарушеній не имѣютъ примѣненія къ дѣламъ о нарушеніяхъ правилъ Питейнаго Устава, такъ какъ законъ здѣсь допускаетъ исключеніе. Можно, однакоже, считать несомнѣннымъ, что Сенатъ впослѣдствіи отказался безповоротно отъ этого своего взгляда, такъ какъ ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ рѣшеній къ этому взгляду не возвращается, а высказываетъ взглядъ, прямо ему противоположный. Такъ въ рѣшеніи за 72 г. № 102 Сенатъ высказалъ что случайное нахожденіе вина въ харчевнѣ, безъ всякой неосторожности или небрежности со стороны содержателя харчевни, влечетъ за собою примѣненіе 1-й ч. 10 ст. Тотъ же взглядъ Сенатъ высказалъ и по дѣлу № 1121—73 г.; равнымъ образомъ и въ рѣш. 80 г. № 43 Сенатъ установилъ, что „не всякій случай нахожденія въ питейномъ заведеніи низко—пробнаго вина подлежитъ преслѣдованію по уголовнымъ законамъ и что въ случаѣ признанія судомъ, что найденное въ заведеніи вино хранилось въ немъ не для продажи и не для собственнаго употребленія, а оставлено кѣмъ либо въ заведеніи—лишь на время, или оказалось въ ономъ случайно, безъ всякого со стороны хозяина или его сидѣльца умысла, неосторожности или небрежности, сіи послѣдніи не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности“. Мы, съ своей стороны, признаемъ, что въ законѣ нѣтъ никакихъ основаній для непримѣненія 1 ч. 10-й ст. къ дѣламъ уставовъ казеннаго управленія, такъ какъ въ 10 ст., ни въ какихъ либо статьяхъ этихъ уставовъ не содержится никакихъ указаній на непримѣнимость 1 п. 10 ст. къ дѣламъ подобнаго рода,

11 ст. Несовершеннолѣтнимъ отъ десяти до семнадцати лѣтъ наказанія назначаются въ половинномъ размѣрѣ. Недостигшихъ четырнадцати лѣтъ мировой судья можетъ, не подвергая наказанію, отсылать къ родителямъ, опекунамъ или родственникамъ для домашняго исправленія.

Первая часть 11-й ст. заключаетъ въ себѣ правило, которому судъ обязанъ подчиняться; вторая же ея часть предоставляетъ усмотрѣнію суда: отсылать малолѣтнихъ преступниковъ на исправленіе родителямъ, или же нѣтъ. Въ виду 1-й ч. разбираемой нынѣ статьи судъ, установивъ виновность преступника, недостигшаго 17-ти лѣтняго возраста, долженъ назначить ему наказаніе какъ бы взрослому, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства даннаго дѣла какъ увеличивающія, такъ и уменьшающія его вину, и затѣмъ уже, въ виду каттегорическаго требованія 1-й ч. 11-й ст., долженъ уменьшить ему это наказаніе на половину. Такимъ образомъ наказаніе малолѣтняго преступника должно сообразоваться не съ мѣрою наказанія тѣхъ взрослыхъ, которые, быть можетъ, обвиняются по тому же дѣлу, а наказаніе его должно быть вдвое меньше того наказанія, которое было бы опредѣлено ему въ томъ случаѣ, если бы онъ совершилъ тотъ же проступокъ, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, но уже, будучи взрослымъ, т. е. достигнувъ семнадцати лѣтъ. Несовершеннолѣтніе отъ семнадцати лѣтъ до двадцати одного года не пользуются по Уставу о нак. какимъ либо снисхожденіемъ, и наказаніе имъ опредѣляется то же, къ какому приговариваются совершеннолѣтніе проступники. Сопоставляя первую часть 11-й ст. съ отдѣльными статьями Мироваго Устава, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что высшая мѣра наказанія для недостигшаго 17 лѣтъ малолѣтняго можетъ быть: денежный штрафъ не свыше 150 р., арестъ не свыше полутора мѣсяцевъ и тюремное заключеніе не свыше шести мѣсяцевъ (въ виду 170 ст. Уст. о нак.) и девяти мѣсяцевъ (въ виду дополненія къ этой статьѣ); низшая же мѣра наказанія для такого преступника можетъ быть: двухдневный арестъ при полиціи (въ виду 2 п. 12 ст.) и тю-

ремное заключеніе на одну недѣлю (въ виду 2 ч. 178 ст. Уст. о наказ.). Нужно замѣтить еще,—что въ виду общности устанавливаемаго 11-ю статьею правила—она должна быть примѣняема ко всякаго рода проступкамъ, предусматриваемымъ Уставомъ о наказ. Это начало высказано Сенатомъ въ рѣш. 78 г. № 40 въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „такъ какъ правило 11-й ст. помѣщено въ общихъ положеніяхъ Устава о нак., то оно должно распространяться въ равной мѣрѣ на всѣ части этого Устава“. Въ рѣшеніи же № 552 за 75 годъ высказано, что ст. 11 имѣетъ примѣненіе исключительно къ проступкамъ, за которые наказаніе полагается именно въ Уставѣ Мировомъ и что при опредѣленіи взысканій за нарушенія уставовъ казеннаго управленія судъ руководствуется Уложеніемъ, а не можетъ примѣнять 11 ст. Уст. о нак.

Что же касается 2 ч. 11 ст., то, какъ выше уже было замѣчено, примѣненіе ея предоставлено усмотрѣнію суда, который долженъ конечно, при ея примѣненіи, обращать вниманіе во 1-хъ на то, какъ велика надежда на исправленіе, подаваемая малолѣтнимъ, на сколько можно вывести то или другое заключеніе изъ обстоятельствъ даннаго дѣла и во 2-хъ) — главнымъ образомъ—на то, благотворно ли и исправительно можетъ подѣйствовать на малолѣтняго преступника та среда, въ которую онъ возвращается, причемъ судъ необходимо долженъ имѣть въ виду, что ему не предоставлено закономъ выбирать изъ числа родственниковъ осужденнаго родственника болѣе отдаленнаго, съ обходомъ ближайшихъ родственниковъ, такъ какъ 2 ч. 11 ст. не имѣетъ въ виду нарушать законы семейственные, которыми устанавливается власть родителей и опекуновъ надъ малолѣтними; такимъ образомъ, при жизни родителей судъ не вправѣ отдавать малолѣтняго на исправленіе другимъ его родственникамъ и вообще не можетъ отдавать его на исправленіе тѣмъ лицамъ, которые не обязаны по закону имѣть о немъ попеченіе, а также не можетъ выходить изъ рамокъ, намѣченныхъ 11-ю статьею, и отдавать его на исправленіе лицамъ, не принадлежащимъ къ каттегоріи лицъ, перечисленныхъ въ 11 ст,

Хотя отдача на исправленіе можетъ послѣдовать лишь по признанію малолѣтняго виновнымъ, но по точному смыслу 11-й статьи эта отдача на исправленіе не приравнивается закономъ къ наказанію („не подвергая наказанію"—говоритъ 11 ст.); на это надо обращать вниманіе въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ напр. по обвиненіямъ въ кражахъ, отбытіе наканія является необходимымъ условіемъ для установленія наличности повторенія. Въ этомъ смыслѣ высказался Сенатъ въ рѣшеніи за 73 г. № 613, мотивируя свой взглядъ еще и тѣмъ, что „въ общей лѣстницѣ наказаній, установленной въ Уложеніи, равно и въ отдѣльныхъ его постановленіяхъ, опредѣляющихъ особыя его наказанія, а также въ Уставѣ о нак., отдача малолѣтнихъ или несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ родителямъ или родственникамъ для домашняго исправленія не помѣщена и не указана въ числѣ наказаній; равнымъ образомъ, ни существо ни размѣръ сего исправленія не опредѣляются въ уголовныхъ законахъ".

12 ст. При опредѣленіи мѣры наказаній за проступки, мировой судья назначаетъ оную по сопровождавшимъ преступное дѣйствіе обстоятельствамъ, уменьшающимъ или увеличивающимъ вину. При семъ соблюдаются слѣдующія правила:

1) при осужденіи виновнаго къ заключенію въ тюрьмѣ, наказаніе это назначается въ предѣлахъ высшей и низшей мѣры, опредѣляемой подлежащими статьями сего Устава;

2) при назначеніи ареста, когда высшій предѣлъ этого наказанія положенъ въ размѣрѣ болѣе трехъ дней, оно не можетъ быть опредѣлено въ размѣрѣ трехъ или менѣе дней;

и 3) при наложеніи денежнаго взысканія, опредѣленнаго закономъ только въ одномъ высшемъ размѣрѣ, оно можетъ быть смягчаемо по усмотрѣнію судьи.

12-я ст. Мироваго Уст. имѣетъ цѣлью установленіе двухъ началъ: начала предоставленія суду возможно большей свободы

въ смягченіи взысканій и — начала огражденія подсудимыхъ отъ излишней судейской строгости. Первое начало рельефнѣе всего выразилось въ 3 пунктѣ 12-й ст. при установленіи правилъ, коимъ надлежитъ слѣдовать при наложеніи денежныхъ взысканій, такъ какъ при этихъ взысканіяхъ законъ дозволяетъ суду доходить до возможно низшаго размѣра денежнаго взысканія, и мы выше уже указывали, что руководящимъ началомъ при наложеніи денежныхъ взысканій долженъ служить судейскій тактъ, согласно указаніямъ котораго судъ и долженъ налагать такія денежныя взысканія, которыя, не обременяя излишне виновнаго, служили бы, все таки, наказаніемъ за совершенный имъ проступокъ. 2-й п. 12-й ст. хотя и устанавливаетъ низшую мѣру ареста, но сдѣлано это не съ цѣлью отягченія участи подсудимаго, а въ цѣли доставленія ему возможности обжалованія обвинительнаго приговора суда І-й инстанціи по существу. Объяснительная Записка II Отд. Гос. Канц. высказываетъ, что „чрезвычайно важно, чтобы всякій недовольный приговоромъ мироваго судьи имѣлъ право приносить отзывъ мировому съѣзду, потому что арестъ, даже и самый кратковременный, состоя въ лишеніи человѣка свободы, слѣдовательно касаясь его личности, по самому свойству своему есть наказаніе весьма тяжкое для каждаго, въ коемъ сколько нибудь развито чувство чести“. Въ силу ст. 124 Уст. уг. суд. приговоръ мироваго судьи, коимъ опредѣляется арестъ не свыше 3-хъ дней,—считается окончательнымъ; въ виду этой статьи, для предоставленія обвиняемому возможности обжаловать въ *апелляціонномъ* порядкѣ всякій приговоръ суда І-й инстанціи, опредѣляющій арестъ, и необходимо было установить, — что и сдѣлано было во 2-мъ п. 12 ст.,—что судъ не вправѣ приговорить къ аресту на трое и менѣе сутокъ въ случаѣ признанія обвиняемаго виновнымъ въ такомъ проступкѣ, за который по Уставу высшій предѣлъ наказанія положенъ въ размѣрѣ болѣе трехъ дней ареста. Подъ правило 2 п. 12-й ст. не подходитъ изо всѣхъ проступковъ, караемыхъ по Уставу о нак., лишь проступокъ битья скота внѣ скотобоень (ст. 114), а также—въ

губерніяхъ Царства Польскаго—проступки противъ правилъ о слугахъ (ст. 544 и 584) и правилъ объ охотѣ (§ 50), такъ какъ въ ст. 114 Уст. о наказ. и въ указанныхъ выше ст. и § правилъ высшій предѣлъ наказанія положенъ въ размѣрѣ не болѣе трехъ дней. Что же касается тюремнаго заключенія, то для такового установленъ низшій предѣлъ въ виду дознанной безполезности заключенія на слишкомъ краткій срокъ—за тѣ преступленія, которыя влекутъ за собою тюремное заключеніе.

Выяснивъ цѣль, преслѣдуемую 12-ю статьею, обратимся къ ближайшему ея разсмотрѣнію.

Общимъ началомъ 12-я статья ставитъ, что „мѣра наказанія за проступки назначается по сопровождавшимъ преступное дѣйствіе обстоятельствамъ, уменьшающимъ или увеличивающимъ вину". Хотя обстоятельства эти не опредѣляются закономъ, а только „преимущественно" указываются въ ст. 13 и 14, такъ что судъ, рѣшающій дѣло по существу, можетъ признать обстоятельствомъ уменьшающимъ или увеличивающимъ вину подсудимаго такое обстоятельство, о которомъ не упоминаютъ 13 и 14 ст. Мироваго Устава, хотя при наличности обстоятельствъ и увеличивающихъ и уменьшающихъ вину суду предоставляется дать перевѣсъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ,—однакоже, намъ представляется, что при наличности исключительно обстоятельствъ уменьшающихъ вину, судъ не можетъ приговорить подсудимаго къ высшей мѣрѣ наказанія, за тотъ проступокъ положеннаго, какъ, равнымъ образомъ, не можетъ приговорить къ низшей мѣрѣ наказанія, установивъ наличность исключительно обстоятельствъ увеличивающихъ вину; установить же или отвергнуть, вообще — обсудить наличность тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, судъ обязанъ въ виду 130 ст. Уст. уг. суд. и при указаніи сторонъ на эти обстоятельства. Можно кажется установить, что начало это признано и Сенатомъ, такъ какъ во 1-хъ) въ рѣш. № 1732 за 71 г. высказано, что въ виду признанія присяжными засѣдателями обвиняемаго заслуживающимъ снисхожденія, окружный судъ въ виду 12 и 13 ст. Уст. о нак. не имѣлъ права опредѣлить указанное въ

ст. 170 того же Уст. наказаніе въ высшей его мѣрѣ; и во 2-хъ), хотя въ рѣш. № 263 за 68 г. и № 316 за 70 г. Сенатомъ и высказано, что „въ Мировомъ Уставѣ вовсе не содержится правила, по которому наказаніе за извѣстный проступокъ могло бы быть опредѣляемо въ высшей мѣрѣ только въ случаѣ признанія обстоятельствъ, усиливающихъ вину подсудимаго“, но а) рѣшенія эти не утверждаютъ, что можно приговаривать къ высшей мѣрѣ наказанія при наличности обстоятельствъ исключительно уменьшающихъ вину, и б) вторая часть приведенныхъ соображеній ни чуть—по нашему мнѣнію—не подкрѣпляетъ первую ихъ половину, такъ какъ въ этой 2-й части высказано, что „на осн. 12 ст. назначеніе мѣры взысканія, *по обстоятельствамъ сопровождавшимъ преступное дѣяніе*, вполнѣ предоставлено усмотрѣнію мировыхъ судей“. Изъ смысла подчеркнутаго выраженія явствуетъ, что, все таки, мѣра наказанія назначается по сопровождавшимъ преступное дѣяніе обстоятельствамъ; обстоятельства эти обсуждаются судомъ вполнѣ свободно, но про постановленное послѣ такого обсужденія наказаніе нельзя сказать, что оно постановлено безъ признанія наличности обстоятельствъ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину подсудимаго. По нашему убѣжденію, судъ, приговаривая къ высшей мѣрѣ наказанія при наличности обстоятельствъ исключительно уменьшающихъ вину обвиняемаго, и наоборотъ, а также назначая наказаніе въ высшей или низшей мѣрѣ безъ установленія наличности обстоятельствъ увеличивающихъ или уменьшающихъ его вину — поступаетъ вопреки правилу, преподанному 12-ю статьею Устава.

Къ сожалѣнію, мы расходимся въ этомъ случаѣ со взглядомъ Руководства Н. А. Неклюдова съ аргументаціею котораго по данному вопросу (стр. 50—51) мы не можемъ согласиться. По мнѣнію автора „Руководства“ — разбираемое нами выраженіе 12-й статьи „означаетъ только право суда *понижать* наказаніе, опредѣленное въ законѣ“. Мы не беремъ на себя согласовать это толкованіе съ выраженіемъ 12-й ст. „по обстоятельствамъ *увеличивающимъ* вину и т. д. Слѣдующее со-

ображеніе заключается въ томъ, что „всѣ обстоятельства, увеличивающія и уменьшающій вину, исчислены въ ст. 12 и 13 (очевидно, въ ст. 13 и 14?) только въ видѣ примѣровъ, такъ что суду предоставлено право создавать самому новыя, неуказанныя въ законѣ, причины къ смягченію или усиленію наказанія; но очевидно, что предоставленіе усмотрѣнію суда права созданія вышеуказанныхъ обстоятельствъ равносильно праву назначать мѣру наказанія по его усмотрѣнію". Откровенно сознаемся, что на нашъ взглядъ это вовсе не такъ очевидно, какъ оно представляется почтенному автору Руководства. Прежде всего намъ кажется, что въ созданіи обстоятельствъ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину судъ не можетъ считаться такъ безусловно свободнымъ отъ контроля, какъ это признаетъ г. Неклюдовъ, если бы, напр., судъ призналъ въ своемъ приговорѣ обстоятельствомъ уменьшающимъ вину оскорбителя тотъ фактъ, что ему непонравилась форма носа потерпѣвшаго, то врядъ ли можно усомниться въ томъ, что подобный приговоръ подлежалъ бы кассаціи. Съ другой стороны, мы не видимъ связи между правомъ созданія новыхъ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину и правомъ игнорированія этихъ обстоятельствъ при опредѣленіи мѣры наказанія. Наконецъ, ссылка на 135 ст. Уложенія о нак. представляется намъ неубѣдительною, какъ въ виду особенностей, отличающихъ порядокъ постановленія приговоровъ общими судебными установленіями, такъ, равнымъ образомъ, въ виду Сенатскихъ рѣшеній, устанавливающихъ необходимость уменьшенія наказанія на одну степень при признаніи присяжными засѣдателями подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія и необходимость указанія въ приговорѣ суда тѣхъ обстоятельствъ, въ силу коихъ обвиняемому понижено наказаніе.

Высказываясь за необходимость указанія въ приговорѣ на тѣ обстоятельства, въ силу которыхъ судъ примѣнилъ къ данному дѣянію самую высшую или же самую низшую мѣру наказанія, мы ограничиваемъ свободу судей при постановленіи приговоровъ только этими рамками и, конечно, единственно въ

силу того соображенія, что такое ограниченіе представляется вытекающимъ изъ точнаго смысла 12-й статьи, причемъ, главнымъ образомъ, настаиваемъ на томъ, что установленіе наличности обстоятельствъ исключительно увеличивающихъ вину лишаетъ судъ права опредѣлять наказаніе въ самомъ низшемъ размѣрѣ и на оборотъ, требованіе же указанія въ приговорѣ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину, при опредѣленіи мѣры наказанія въ самомъ высшемъ или низшемъ размѣрѣ—представляется вопросомъ болѣе формальнаго, нежели матеріальнаго права. Но, устанавливая эти рамки, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ согласиться со взглядомъ Руководства г. Микляшевскаго (стр. 416), требующаго, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, чтобы судъ опредѣлялъ наказаніе въ самой средней мѣрѣ и затѣмъ уже отдалялся отъ нея въ ту или другую сторону, причемъ производилъ бы еще поглощеніе обстоятельствъ увеличивающихъ вину — обстоятельствами уменьшающими вину и наоборотъ. Подобныя упражненія, не имѣющія ничего за себя въ теоріи, тѣмъ менѣе могутъ имѣть значенія на практикѣ по своей крайней отвлеченности, тѣмъ болѣе, что законъ вовсе не ставитъ суду такихъ задачъ, понимая вполнѣ ихъ безцѣльность. Кажется, что авторъ этого Руководства и самъ признаетъ излишнюю теоретичность своего взгляда о средней мѣрѣ наказанія, оговариваясь, что судъ долженъ приговорить къ наказанію если не въ средней мѣрѣ, то въ мѣрѣ „приближенной къ оной“, но по отношенію къ теоріи поглощенія обстоятельствъ однѣ другими Руководство г. Микляшевскаго остается во всей своей математической отвлеченности.

Въ отношеніи отдѣльныхъ пунктовъ 12-й ст. укажемъ слѣдующее.

1) *Въ отношеніи 1-го пункта.* При какомъ бы то ни было стеченіи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго, судъ не можетъ переходить отъ тюремнаго заключенія къ аресту, и наоборотъ; тоже самое относится, впрочемъ, и до переходовъ отъ ареста къ денежному взысканію и — тѣмъ болѣе — до переходовъ отъ тюрьмы къ денежному взысканію и на обо-

ротъ. Выходить изъ предѣловъ наказанія, установленнаго закономъ за данный проступокъ, судъ не вправѣ за исключеніемъ особо указанныхъ въ законѣ случаевъ. При наличности нѣсколькихъ обстоятельствъ, особо уменьшающихъ вину, дающихъ право суду уменьшить наказаніе до половиннаго размѣра, судъ можетъ уменьшить наказаніе только на половину въ виду наличности всѣхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго, подобно тому, какъ наличность многихъ обстоятельствъ, особо увеличивающихъ его вину (ст. 170), не даетъ права суду выходить изъ предѣловъ, положенныхъ этою статьею и наказывать тюрьмою свыше года (за исключеніемъ дополн. къ 170 ст.). По отношенію къ коллизіи ст. 11-й и 12-й слѣдуетъ указать на нѣкоторую непослѣдовательность Сенатскихъ рѣшеній, выразившуюся въ томъ, что въ рѣш. Сената №№ 1409 и 1411 за 72 г. высказано, что при обвиненіи въ кражѣ по ст. 171 Уст. о нак., т. е. при наличности такихъ обстоятельствъ, которыя даютъ право суду приговорить взрослаго преступника лишь къ 1 $^{1}/_{2}$ мѣсячному тюремному заключенію, наказаніе малолѣтнему — въ виду 11-й ст., какъ спеціальнаго закона,—можетъ быть назначено въ размѣрѣ менѣе полутора мѣсяца. Въ рѣшеніи же за 69 г. № 748 Сенатъ высказалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ назначено тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до трехъ (ст. 173 Уст. о наказ.), судъ не можетъ приговорить малолѣтняго виновнаго къ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ менѣе двухъ недѣль, хотя бы онъ и находилъ какія либо особо уменьшающія вину обстоятельства. Съ этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ Сената трудно согласиться, такъ какъ нельзя понять, почему 11-я ст. Устава не должна играть никакой роли и теряетъ всякое свое значеніе при однихъ преступныхъ дѣяніяхъ малолѣтняго и сохраняетъ свое значеніе при другихъ, тогда какъ законъ не даетъ никакихъ основаній для этого различія. Между тѣмъ, различіе это устанавливается Сенатомъ, и выходитъ такъ, что за кражу, совершенную взрослымъ и малолѣтнимъ, при однихъ и тѣхъ же особо уменьшающихъ вину обстоятельствахъ (ст. 169 и 171), малолѣтній мо-

жетъ быть наказанъ на половину менѣе строго, чѣмъ взрослый преступникъ, при совершеніи же ими—при тѣхъ же условіяхъ мошенничества (ст. 173 и 176), малолѣтній можетъ понести тоже наказаніе, какъ и взрослый, если судъ, по обстоятельствамъ дѣла, признаетъ справедливымъ уменьшить наказаніе до половины и взрослому и подвергнуть его тюремному заключенію на двѣ недѣли, на что онъ несомнѣнно имѣетъ право въ виду ст. 173 и 176 Уст. о наказ.; дѣйствіе же 11-й ст. Уст. о нак. какъ спеціальнаго закона будетъ въ данномъ случаѣ вполнѣ парализовано. Поэтому мы полагаемъ, что и за преступленія, предусмотрѣнныя ст. 173, при примѣненіи 176 ст. Уст. о наказ., малолѣтнихъ можно наказывать заключеніемъ въ тюрьмѣ на одну недѣлю, подобно тому, какъ за кражу—при примѣненіи 171 ст. — его можно заключать въ тюрьму на три недѣли.

2) *Въ отношеніи 2-го пункта.* Если и признавать, что наказаніе арестомъ считается нѣсколько высшимъ сравнительно съ денежнымъ взысканіемъ, то это теоретическое предположеніе можетъ устраняться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и для значительнаго класса населенія арестъ представляется наказаніемъ менѣе тяжелымъ, нежели денежное взысканіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ предоставляетъ суду выборъ между арестомъ и денежнымъ взысканіемъ, выборъ этотъ не можетъ быть никоимъ образомъ предоставленъ самому обвиняемому, а дѣлается судомъ по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла. О тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ судъ можетъ приговаривать къ аресту менѣе чѣмъ на четверо сутокъ, было нами уже упомянуто выше.

3) *Въ отношеніи 3-го пункта.* Выше мы уже видѣли, что въ отношеніи денежныхъ взысканій право суда на уменьшеніе мѣры наказанія, не ограниченное закономъ, должно быть ограничиваемо судейскимъ тактомъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда законъ положительно опредѣляетъ размѣръ денежнаго взысканія, сообразуя его съ какою либо опредѣленною величиною (при порубкахъ или же нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія),—суду не предоставлено права понижать размѣръ денежнаго взысканія по своему усмотрѣнію.

13 ст. Обстоятельствами, уменьшающими вину подсудимаго, преимущественно признаются:

1) слабоуміе и крайнее невѣжество;

2) сильное раздраженіе, происшедшее не отъ вины самаго подсудимаго;

3) крайность и неимѣніе никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ;

4) прежнее безукоризненное поведеніе;

5) добровольное, до постановленія приговора, вознагражденіе понесшаго вредъ и убытокъ, и

6) признаніе и чистосердечное раскаяніе.

14 ст. Обстоятельствами, увеличивающими вину подсудимаго, преимущественно признаются:

1) обдуманность въ дѣйствіяхъ виновнаго;

2) извѣстная степень его образованности и болѣе или менѣе высокое положеніе его въ обществѣ;

3) повтореніе того же, или совершеніе однороднаго проступка до истеченія года послѣ присужденія къ наказанію,

и 4) упорное запирательство и въ особенности возбужденіе подозрѣнія противъ невиннаго.

Въ обѣихъ статьяхъ употреблено выраженіе *преимущественно*, указывающее, что законодатель не желалъ стѣснять судъ при наложеніи мѣры взысканія и предоставилъ ему обращать вниманіе на всѣ обстоятельства даннаго дѣла, признавая увеличивающими или уменьшающими вину подсудимаго и такія обстоятельства, которыя прямо не предусмотрѣны въ 13 и 14 ст. Уст. о нак. Несомнѣнно, однакоже, что при пользованіи этимъ своимъ правомъ судъ долженъ придерживаться указаній закона, такъ что признаніе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину подсудимаго такого обстоятельства, которое, до очевидности, не могло играть никакой роли ни при совершеніи проступка, ни при его обсужденіи, должно считаться нарушеніемъ 13 или 14 ст. Мир. Устава.

Вникая глубже въ значеніе тѣхъ обстоятельствъ, которымъ законъ, въ видѣ примѣровъ, придаетъ характеръ обстоя-

тельствъ, уменьшающихъ и увеличивающихъ вину подсудимаго, нельзя не замѣтить, что законъ требуетъ отъ суда обращенія вниманія, при обсужденіи вины подсудимаго, какъ на его душевное состояніе при совершеніи проступка, такъ и на нравственную его физіономію вообще и на ту обстановку, которая могла воздерживать его отъ преступныхъ дѣяній или же наталкивать его на совершеніе таковыхъ, при чемъ требуетъ отъ суда обращенія вниманія и на то, какою представляется личность обвиняемаго и послѣ совершенія проступка. Замѣтимъ еще разъ, что мы сознательно употребляемъ выраженіе *требуетъ*, такъ какъ, какъ мы подробно указали выше, статью 12-ю Устава слѣдуетъ понимать именно въ томъ смыслѣ, что судъ *долженъ* обращать вниманіе на обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія вину подсудимаго и сообразно съ тѣмъ налагать и мѣру взысканія. Сравнивая же обстоятельства, признаваемыя Мировымъ Уставомъ за увеличивающія или уменьшающія вину съ таковыми, указанными въ Уложеніи о нак. (ст. 129—134), мы видимъ, что хотя примѣровъ такихъ обстоятельствъ указано въ Улож. о пак. болѣе, нежели въ Уставѣ, но внутренній смыслъ этихъ примѣровъ тотъ же, что и въ Уставѣ, такъ что примѣрами этими можетъ руководствоваться и мировая юстиція. Различіе заключается въ томъ, что Уставъ относится болѣе мягко къ обвиняемымъ, нежели Уложеніе; такъ, *невѣжество* по Уставу служитъ обстоятельствомъ уменьшающимъ вину безъ всякихъ оговорокъ, по Уложенію же требуется, чтобы это было такое невѣжество, „которымъ воспользовались другіе для вовлеченія его въ преступленіе“; тоже самое и съ „сильнымъ раздраженіемъ“, которое по Уставу должно произойти только „не отъ вины подсудимаго“, по Уложенію же раздраженіе это должно произойдти отъ „обидъ, оскорбленій или иныхъ поступковъ лица, коему подсудимый сдѣлалъ или покусился сдѣлать зло“. Очевидно, что мировая юстиція должна въ подобныхъ случаяхъ руководствоваться примѣрами, указанными въ статьяхъ Устава, какъ болѣе снисходительными для подсудимаго.

Разберемъ нѣкоторые изъ отдѣльныхъ пунк. 13 и 14 ст. Уст.

Слабоумie слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ душевной болѣзни, о которой говоритъ 10-я ст., какъ о причинѣ полной невмѣняемости, а въ смыслѣ умственной неразвитости. Подъ *раздраженiемъ*, происшедшимъ не отъ вины подсудимаго, нужно понимать то раздраженіе, которое въ немъ вызвано посторонними, внѣ его лежащими, причинами, и притомъ такими причинами, которыя могутъ произвести раздраженіе и у субъектовъ не слишкомъ легко раздражающихся. *Крайность*, о которой говоритъ 3 п. 13-й ст., имѣетъ значеніе при совершеніи проступковъ, совершенныхъ для избѣжанія матеріальной нужды; она можетъ имѣть значеніе и въ отношеніи другихъ проступковъ, какъ стимулъ для того раздраженія, о которомъ говоритъ 2-й п. той же статьи.

Признанiе важно при чистосердечномъ раскаяніи и такое признаніе должно имѣть громадное значеніе при обсужденіи мѣры наказанія; вынужденное же признаніе схваченнаго съ поличнымъ или на мѣстѣ происшествія или уличаемаго всѣми обстоятельствами дѣла подсудимаго не можетъ имѣть въ глазахъ суда значенія обстоятельства, уменьшающаго его вину.

Изъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину подсудимаго, остановимся на *повторенiи* проступка. Понятіе повторенія важно, главнымъ образомъ, для опредѣленія понятія совокупности, о чемъ мы говорили уже при толкованіи примѣчанія къ 1-й ст. и къ чему мы скоро опять вернемся при толкованіи ст. 16 Устава. Теперь же напомнимъ лишь, что понятіе повторенія по Уставу вполнѣ отлично отъ понятія повторенія по Уложенію о наказаніяхъ и что по дѣламъ, какъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія, такъ и по предусмотрѣннымъ 181 ст. Мироваго Устава, мировая юстиція должна руководствоваться понятіемъ повторенія не Устава, а Уложенія о нак.; 3-й же пунктъ 14-й ст. примѣняется затѣмъ ко всѣмъ проступкамъ, караемымъ по Уставу, за исключеніемъ предусмотрѣнныхъ въ ст. 155 и 178, за повтореніе которыхъ законъ полагаетъ особое наказаніе. Подъ *однороднымъ* проступкомъ слѣду-

етъ разумѣть проступокъ, предусмотрѣнный тою же главою Устава о наказ., въ которой помѣщенъ и тотъ проступокъ, за который подсудимый былъ уже приговоренъ къ наказанію, такъ какъ въ Уставѣ въ одну и туже главу помѣщены именно однородные проступки.

Преклонный возрастъ и опьяненіе не указаны въ числѣ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину. О состояніи опьяненія мы уже высказались при толкованіи 10-й ст., относительно же преклоннаго возраста замѣтимъ, что онъ можетъ считаться обстоятельствомъ уменьшающихъ вину лишь какъ причина слабоумія, упоминаемаго въ 1 п. 13-й ст., если это слабоуміе будетъ установлено судомъ при разсмотрѣніи даннаго дѣла.

Наконецъ, въ числу обстоятельствъ увеличивающихъ вину законъ относитъ соучастіе и совокупность, выдѣляя ихъ въ особыя 15 и 16 статьи Устава.

15 ст. При участіи двухъ или болѣе лицъ въ совершеніи проступка, тѣ изъ виновныхъ, которые сами его совершили, или подговорили къ тому другихъ, наказываются строже, нежели ихъ соучастники.

15-я ст. Устава о нак. имѣетъ въ виду тотъ случай, когда проступокъ совершенъ нѣсколькими лицами. Уложеніе о нак., въ виду большей важности преслѣдуемыхъ имъ преступныхъ дѣяній и налагаемыхъ за нихъ наказаній, съ большею тщательностью разработало вопросъ о соучастіи въ преступленіи и опредѣлило понятія: а) главныхъ виновниковъ, отнеся къ этой каттегоріи зачинщиковъ, подстрекателей и сообщниковъ, б) пособниковъ и в) лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію: попустителей, недоносителей и укрывателей. Маловажность проступковъ, преслѣдуемыхъ Мировымъ Уставомъ, сдѣлала излишнею эту подробную классификацію, какъ и высказано въ Объяснительной Запискѣ Госуд. Канцеляріи. 15 ст. отличаетъ: а) лицъ, совершившихъ проступокъ, б) подговорившихъ къ его совершенію и в) соучастниковъ; лица, совершившія проступокъ и подговорившія къ его совершенію должны быть наказываемы строже, нежели соучастники, при равенствѣ

другихъ условій, причемъ судъ не стѣсняется содержаніемъ этой статьи въ примѣненіи правилъ объ обстоятельствахъ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину; къ этому заключенію можно, какъ кажется, придти въ виду слѣдующихъ словъ Объясн. Записки: „съ выдѣленіемъ изъ Уложенія проступковъ маловажныхъ, необходимо постановить въ отношеніи къ нимъ и особое, менѣе сложное, правило насчетъ участія нѣсколькихъ лицъ въ ихъ совершеніи. По мнѣнію Втораго Отдѣленія Собственной Его Имп. Вел. Канцеляріи, невозможно было бы связывать въ этомъ отношеніи мироваго судьи положительнымъ предписаніемъ, въ какой мѣрѣ онъ долженъ возвысить наказаніе одному и уменьшить другому, ибо невозможно предусмотрѣть заранѣе, кто изъ участниковъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, будетъ болѣе виновенъ, кто менѣе, и въ какой именно степени. Этимъ уничтожилось бы даже основное начало настоящаго проекта, предоставляющее мировымъ судьямъ смягчать взысканія, соображаясь съ обстоятельствами, сопровождавшими совершеніе проступковъ“.

Кого слѣдуетъ понимать подъ соучастниками? На этотъ вопросъ Сенатъ даетъ два отвѣта: одинъ — въ рѣш. 71 года № 1791 — состоитъ въ томъ, что подъ словомъ соучастникъ, употребленнымъ въ 15-й статьѣ, разумѣются не только тѣ изъ участниковъ, которыя упоминаются въ 12 и 13 ст. Улож., но и тѣ, о коихъ говорится въ 14-й ст., т. е. попустители и укрыватели; въ рѣшеніи же 67 г. № 373 сказано, что участниками по Мировому Уставу, какъ и по Уложенію, признаются только тѣ, которые помогали главнымъ виновникамъ въ содѣяніи преступленія или доставляли для сего средства или же старались устранить препятствія, представляющіяся къ содѣянію преступленія, но не виновные въ укрывательствѣ преступниковъ, такъ какъ подобные укрыватели отвѣчаютъ по 64 ст. Мир. Устава. Н. А. Неклюдовъ (стр. 64 Руков.) еще яснѣе высказывается въ смыслѣ этого Сенатскаго рѣшенія, и намъ кажется, что, дѣйствительно, нѣтъ основаній расширять понятіе соучастія по Уставу для сравнительно маловажныхъ проступковъ и вводить

въ это понятіе — понятіе прикосновенности къ дѣлу, отличное по своему содержанію отъ понятія соучастія. Поэтому намъ представляется вполнѣ правильнымъ мнѣніе Н. А. Неклюдова о ненаказуемости по Уставу о нак. попустительства и недонесенія и о наказуемости укрывательства только въ случаяхъ, особо предусмотрѣнныхъ особою частью Устава о нак.

16 ст. Въ случаѣ совокупности проступковъ, виновный подвергается тому изъ наказаній, опредѣленныхъ за учиненные проступки, которое мировой судья признаетъ болѣе строгимъ для виновнаго. Тюремное заключеніе признается всегда наказаніемъ болѣе строгимъ, чѣмъ арестъ или денежное взысканіе. Совокупность проступковъ считается во всякомъ случаѣ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину.

Примѣчаніе 1. При совокупности какихъ либо преступныхъ дѣйствій съ проступками противъ уставовъ казеннаго управленія, или же съ самовольною порубкою, похищеніемъ или инымъ поврежденіемъ частныхъ лѣсовъ, денежное взысканіе за нарушеніе устава казеннаго управленія, или за поврежденіе частнаго лѣса не покрывается наказаніями за другіе проступки.

Примѣчаніе 2. Особыя постановленія о наложеніи взысканій, при совокупности нарушеній уставовъ о питейномъ и табачномъ сборахъ и объ акцизѣ съ сахара, изложены въ правилахъ о взысканіяхъ за нарушеніе постановленій сихъ уставовъ.

При разсмотрѣніи вопроса о совокупности слѣдуетъ разсмотрѣть отдѣльно понятіе совокупности и правила примѣненія этого понятія на практикѣ.

Понятіе совокупности опредѣляется понятіемъ повторенія. Это положеніе, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ считать безспорнымъ: такъ Н. А. Неклюдовъ (стр. 66 Руков.) прямо начинаетъ свое разъясненіе понятія совокупности проступковъ слѣдующими словами: „такъ какъ подъ повтореніемъ Уложеніе понимаетъ совершеніе новаго проступка послѣ суда и отбытія наказанія за первый, *то посему* подъ именемъ совокупности проступковъ слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ проступки, которые совершены подсудимымъ до отбытія наказанія за какой либо одинъ изъ нихъ“. Тоже противоположеніе понятій совокупно-

сти и повторенія встрѣчаемъ мы и у Лохвицкаго (Курсъ рус. угол. пр. стр. 176), и въ рѣшеніяхъ Сената 67 г. № 499 и 69 года № 583 и въ другихъ рѣшеніяхъ, между прочимъ и въ рѣш. 73 года № 194, въ которомъ сказано, что сущность понятія совокупности преступленій состоитъ не въ одновременномъ сужденіи обвиняемаго въ двухъ или болѣе преступленіяхъ, а въ томъ, чтобы за два или болѣе еще ненаказанныхъ преступленія было опредѣлено одно общее наказаніе. Такимъ образомъ, и подъ совокупностью проступковъ караемыхъ по Уставу — слѣдуетъ понимать совершеніе двухъ или нѣсколькихъ проступковъ до наступленія такого факта, совершеніе проступка послѣ котораго должно уже считаться повтореніемъ. Такимъ фактомъ *по Уложенію* считается *отбытіе наказанія* за одинъ изъ проступковъ: преступленіе, учиненное послѣ суда и наказанія за другое преступленіе, является уже повтореніемъ и должно быть судимо по началамъ Уложенія о повтореніи, а не о совокупности. Наказаніе является тою же граничною чертою областей примѣненія правилъ о совокупности и правилъ о повтореніи и для нѣкоторыхъ изъ проступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію мировой юстиціи, но только для нѣкоторыхъ, а именно для преступленій, предусмотрѣнныхъ ст. 169 и слѣд. Устава о наказ. и для проступковъ противъ уставовъ казеннаго управленія, такъ какъ за учиненіе этого рода проступковъ (такъ же, какъ и за третью кражу и пр.) наказаніе нерѣдко должно быть назначаемо общими судебными установленіями, но и къ этого рода проступкамъ примѣняется только *понятіе* Уложенія о совокупности въ цѣли избѣжанія коллизіи двухъ понятій,—правила же о совокупности, т. е. правила, указывающія, что именно должно сдѣлать въ виду установленія въ данномъ случаѣ наличности совокупности, должны быть примѣняемы и въ этихъ случаяхъ тѣ, которыя указаны 16 ст. Устава, а не 152 статьею Уложенія. Въ отношеніи же всѣхъ другихъ проступковъ, предусматриваемыхъ Мировымъ Уставомъ, граничною чертою, отдѣляющею совокупность отъ повторенія, должно служить *не отбытіе наказанія* за одинъ изъ

проступковъ, *а вступленіе о немъ приговора въ законную силу, или иначе, присужденіе къ наказанію*, ибо таково понятіе повторенія, устанавливаемое 3 п. 14-й ст. Мироваго Устава. Другія условія, требуемыя этимъ пунктомъ, а именно: однородность проступковъ и неистеченіе года по присужденіи къ наказанію — указываютъ лишь на тѣ условія, при которыхъ повтореніе служитъ обстоятельствомъ, увеличивающихъ вину, главный же моментъ въ понятіи повторенія, важный для отграниченія области совокупности, это—совершеніе новаго проступка по присужденіи къ наказанію. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что понятіе повторенія по Уставу вполнѣ отлично отъ того же понятія по Уложенію; это признаетъ и Н. А. Неклюдовъ (стр. 14) говоря прямо, что „понятіе повторенія по Уставу отлично отъ понятія повторенія по Уложенію"; въ виду этого признанія и въ виду зависимости понятія совокупности отъ понятія повторенія, намъ представляется вполнѣ необъяснимымъ взглядъ Н. А. Неклюдова, признающій зависимость понятія совокупности *и по Уставу* отъ факта отбытія наказанія, а не присужденія только къ наказанію.

Хотя Н. А. Неклюдовъ не мотивируетъ подробно это свое положеніе, но можно признать, что основаніемъ къ этому его взгляду послужили слѣдующія данныя: а) понятіе повторенія по Уложенію; б) Сенатскія рѣшенія 69 г.—№ 69 и 68 г. № 473 и в) ст. 24 Прав. 24 Іюля 66 г. о помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей. Но мы уже видѣли, что понятіе повторенія по Уставу не то, что по Уложенію; упомянутыя выше Сенатскія рѣшенія не категоричны и тоже не мотивированы, выходя изъ того лишь положенія, что *понятія* совокупности по Уставу и по Уложенію тождественны; въ рѣшеніи же Сената за 85 г. № 20 опредѣлительно высказано, что новый проступокъ, учиненный послѣ вступленія въ законную силу приговора о первомъ проступкѣ, является повтореніемъ проступка и не можетъ вести за собою постановленіе приговора по совокупности этого проступка съ проступкомъ, приговоръ о которомъ уже вступилъ въ законную силу. Статья

же 24 Прав. 4 Іюля 66 года не можетъ считаться достаточнымъ доказательствомъ въ пользу основательности разбираемаго нами мнѣнія, такъ какъ изъ нея не видно, чтобы она говорила именно о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ Уставомъ о нак., такъ же какъ не видно и того, о какихъ „общихъ законахъ“ она говоритъ и, во всякомъ случаѣ, содержаніе этой статьи, только мимоходомъ касающейся вопроса о совокупности, не можетъ считаться руководящимъ по этому вопросу. Мы тѣмъ болѣе еще склонны къ взгляду, что подъ совокупностью проступковъ по Уставу о нак. слѣдуетъ понимать совершеніе одного или нѣсколькихъ проступковъ до вступленія приговора объ одномъ изъ нихъ въ законную силу, что, придерживаясь противнаго взгляда, слѣдовало бы признать, что къ одному и тому же дѣянію необходимо примѣнить одновременно и правила о совокупности и правила о повтореніи, или же обратить понятіе о повтореніи по 3 п. 14 ст. Уст. о нак. въ мертвую букву; оба эти исхода явились бы прямымъ и безспорнымъ нарушеніемъ закона.

Покончивъ съ понятіемъ совокупности, обратимся къ разсмотрѣнію правилъ примѣненія на практикѣ этого понятія.

Выраженіе ст. 16-й „виновный подвергается тому изъ наказаній, опредѣленныхъ за учиненные проступки, которое мировой судья признаетъ болѣе строгимъ для виновнаго“, выраженіе это—взятое отдѣльно — наводитъ на мысль, что при постановленіи приговора по совокупности проступковъ судъ мировой юстиціи, постановивъ отдѣльные приговора, выбираетъ затѣмъ изъ всѣхъ приговоровъ самый строгій и только къ нему и приговариваетъ подсудимаго; говоря иначе, выраженіе это заставляетъ думать, что изъ трехъ системъ, извѣстныхъ наукѣ права по вопросу о совокупности, въ Мировомъ Уставѣ принята система поглощенія, выражающаяся въ изреченіи: poena major absorbet minorem. Но послѣднія слова 16 статьи опровергаютъ это предположеніе, такъ какъ въ нихъ каттегорически высказано, что „совокупность проступковъ считается во всякомъ случаѣ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину“.

Сопоставленіе этихъ выраженій приводитъ къ тому убѣжденію, что первая часть 16-й ст. не касается вопроса о размѣрѣ наказанія, а указываетъ лишь на то, что судъ, при постановленіи приговора по совокупности, долженъ сперва выбрать то наказаніе, изъ числа опредѣленныхъ имъ за проступки подсудимаго, которое онъ считаетъ болѣе строгимъ, а затѣмъ уже долженъ примѣнить вторую часть этой статьи, т. е. заключительное ея выраженіе.

Далѣе 16 ст. указываетъ, что „тюремное заключеніе признается всегда наказаніемъ болѣе строгимъ, чѣмъ арестъ или денежное взысканіе“. Въ виду этого указанія, судъ, приговоривъ подсудимаго за одинъ проступокъ къ тюремному заключенію, за другой — къ аресту или денежному взысканію, долженъ при постановленіи приговора по совокупности, приговорить подсудимаго непремѣнно къ тюремному заключенію. Выборъ же между арестомъ и денежнымъ взысканіемъ предоставленъ закономъ суду, разсматривающему дѣло по существу и обязанному опредѣлить, какое изъ этихъ наказаній слѣдуетъ признать болѣе строгимъ въ отношеніи даннаго обвиняемаго, съ тѣмъ, чтобы приговорить его къ тому изъ наказаній, которое судъ признаетъ въ данномъ случаѣ болѣе строгимъ. Этотъ взглядъ высказанъ и Сенатомъ въ рѣш. за 74 г. № 561, въ которомъ высказано, что „законъ (Ул. о нак. ст. 30 и Уст. о нак. ст. 1) въ лѣстницѣ наказаній ставитъ арестъ выше денежныхъ взысканій, безъ сомнѣнія въ виду того, что наказаніе перваго рода поражаетъ прямо личность виновнаго, тогда какъ наказаніе втораго рода упадаетъ на личность лишь при замѣнѣ онаго арестомъ по несостоятельности приговореннаго къ взносу присужденной денежной суммы, направляется же оно непосредственно не на личность, а на имущество. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что въ судебной практикѣ могутъ представляться случаи, въ коихъ арестъ составляетъ для даннаго лица менѣе строгое чѣмъ денежное взысканіе наказаніе“. Въ виду этихъ соображеній Сенатъ нашелъ не подлежащимъ отмѣнѣ приговоръ Саратовской судебной палаты, признавшей двух-

недѣльный домашній арестъ наказаніемъ—въ данномъ случаѣ и для даннаго подсудимаго — менѣе строгимъ, чѣмъ денежное взысканіе въ 200 руб.

Требованіе 16-й ст., чтобы совокупность проступковъ считалась судомъ во всякомъ случаѣ обстоятельствамъ, увеличивающимъ вину, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что при совершеніи обвиняемымъ двухъ или болѣе проступковъ, наказаніе, къ коему онъ приговоренъ, хотя бы и постановленное по правиламъ о совокупности, т. е. одно за нѣсколько проступковъ,—должно быть всегда болѣе того наиболѣе строгаго наказанія, къ коему онъ былъ бы приговоренъ за совершеніе одного лишь—самаго важнаго—изъ этихъ проступковъ. Иначе говоря, судъ, выбирая болѣе строгое наказаніе изъ числѣ тѣхъ, къ коимъ подсудимый приговоренъ, долженъ еще увеличить мѣру этого наказанія въ виду именно совокупности проступковъ. Если, напр., подсудимый приговоренъ къ двумъ недѣлямъ ареста за одинъ проступокъ, къ пяти днямъ ареста за другой и къ 10 р. денежнаго взысканія за третій, то судъ, выбравъ ему то одно наказаніе, коимъ онъ приговоренъ къ двумъ недѣлямъ ареста—какъ самое строгое въ данномъ случаѣ—не можетъ ограничиться этими двумя недѣлями, а долженъ увеличить нѣсколько мѣру наказанія, на столько, конечно, чтобы это наказаніе не равнялось суммѣ тѣхъ наказаній, къ коимъ подсудимый приговоренъ за отдѣльные проступки.

Только что разобранное нами правило имѣетъ, однакоже, исключенія. Такъ, въ томъ случаѣ, когда самое строгое изъ всѣхъ наказаній опредѣлено уже въ высшемъ размѣрѣ, то судъ, постановляя приговоръ по совокупности не можетъ увеличить мѣру наказанія, наложеннаго за первый проступокъ, такъ какъ законъ не дозволяетъ суду выходить изъ предѣловъ, устанавливаемыхъ по каждой отдѣльной статьѣ Устава о нак. Равнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда самымъ строгимъ наказаніемъ является денежное взысканіе, опредѣляемое по извѣстнымъ правиламъ соразмѣрно съ какою либо нормою (напр. при лѣсныхъ порубкахъ), то судъ долженъ

оставить это наказаніе по совокупности проступковъ, такъ какъ увеличеніе наказанія въ подобномъ случаѣ шло бы въ разрѣзъ со спеціальными постановленіями закона. Наконецъ, третьимъ исключеніемъ является, по нашему мнѣнію, тотъ случай, когда подсудимый приговоренъ за одинъ изъ проступковъ къ тюремному заключенію, а за другой—къ аресту или денежному взысканію; въ подобномъ случаѣ судъ долженъ оставить —по совокупности — тюремное заключеніе, не увеличивая мѣры наказанія — въ виду несоразмѣрности наказанія тюрьмою съ наказаніемъ арестомъ или денежнымъ взысканіемъ и въ виду могущаго произойти, вслѣдствіе увеличенія мѣры наказанія въ подобномъ случаѣ, нарушенія того принципа, что совокупность, являясь обстоятельствомъ увеличивающимъ вину по отношенію *къ одному* проступку, должна являться по отношенію *къ обоимъ* проступкамъ фактомъ, облегчающимъ участь подсудимаго. Въ силу того же соображенія слѣдуетъ признать, что при наличности наказанія арестомъ или денежнымъ взысканіемъ за одинъ проступокъ и наказанія выговоромъ — за другой, арестъ или денежное взысканіе должны остаться безъ измѣненія и при постановленіи приговора по совокупности проступковъ.

Примѣчаніе 1 къ 16-й ст. устанавливаетъ, что правила о совокупности не должны быть примѣняемы при совершеніи подсудимымъ, съ одной стороны, какого либо преступнаго дѣйствія, съ другой же — проступка противъ какого либо изъ уставовъ казеннаго управленія или же самовольной порубки. Это правило должно быть толкуемо—какъ исключеніе — ограничительно, и поэтому правила о совокупности должны быть примѣняемы и въ отношеніи нѣсколькихъ проступковъ только противъ уставовъ казеннаго управленія, а также и въ отношеніи нѣсколькихъ проступковъ лѣсныхъ порубокъ. Въ этомъ смыслѣ высказывался неоднократно и Сенатъ, указавшій также— въ виду той же исключительности этого примѣчанія — что оно не можетъ быть примѣняемо къ денежнымъ взысканіямъ, налагаемымъ за нарушенія другихъ уставовъ кромѣ уставовъ

казеннаго управленія, какъ, напр., уставовъ о повинностяхъ, торговлѣ или промышленности. На правилѣ, изложенномъ во 2-мъ примѣчаніи, мы не будемъ въ настоящее время останавливаться, такъ какъ подробно говорили уже по поводу затрогиваемаго имъ предмета при разсмотрѣніи Правилъ 28-го Мая 1883 года.

Оканчивая съ вопросомъ о совокупности, мы считаемъ необходимымъ высказать, что защищаемъ изложенный выше взглядъ на понятіе совокупности по Мировому Уставу по убѣжденію столько же въ его юридической правильности, сколько и въ жизненной его практичности—главнымъ образомъ — по отношенію къ преступнымъ дѣяніямъ, караемымъ арестомъ. Выше мы замѣтили, что совокупность является факторомъ, облегчающимъ участь подсудимаго: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подсудимому легче отсидѣть за оба проступка десять дней ареста, чѣмъ двѣ недѣли за каждый проступокъ особо, или же заплатить 30 р. штрафа вмѣсто 50 и т. д.; противъ этого нельзя спорить, это облегченіе является прямымъ послѣдствіемъ закона и правила о совокупности должны быть примѣняемы; но, съ другой стороны, никто не можетъ утверждать, чтобы законъ желалъ полной безнаказанности виновнаго, совершившаго нѣсколько проступковъ, а между тѣмъ взятіе изъ Уложенія понятія повторенія—а затѣмъ и совокупности — и примѣненіе его къ проступкамъ, преслѣдуемымъ по Уставу о наказ., нерѣдко влечетъ за собою такую— если не безнаказанность, то ненаказуемость подсудимаго. Отъ времени вступленія приговора въ законную силу до времени *фактическаго* обращенія его къ исполненію лицами, исполняющими судебные приговоры, проходитъ — за рѣдкими исключеніями — довольно продолжительный срокъ времени, въ этотъ періодъ времени подсудимый совершаетъ новый проступокъ и приведеніе въ исполненіе обвинительнаго приговора по первому дѣлу — пріостанавливается въ виду необходимости (при признаніи повтореніемъ совершенія проступка лишь по отбытіи наказанія) постановленія одного приговора по совокупно-

сти проступковъ; въ промежутокъ времени отъ постановленія приговора по совокупности до его исполненія опять можетъ быть учиненъ новый проступокъ, опять повторяется процедура постановленія приговора по совокупности и т. д. до безконечности, причемъ нужно замѣтить, что при назначеніи, наконецъ, обвиняемому высшей мѣры наказанія, остальные его проступки становятся уже прямо безнаказанными, и эта безнаказанность будетъ тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ больше будетъ область примѣненія правилъ о совокупности; самый большій размѣръ она принимаетъ при примѣненіи понятія о совокупности, принятаго Уложеніемъ, при примѣненіи же понятія, вводимаго Уставомъ, сфера ея съуживается, такъ какъ вошедшій въ законную силу приговоръ долженъ считаться тою чертою, за которою идетъ уже область повторенія и, слѣдовательно, въ эту область отходитъ и все то время, которое протекаетъ отъ момента вступленія приговора въ законную силу до начала дѣйствительнаго его приведенія въ исполненіе.

17 ст. Покушеніе на проступокъ, остановленное по собственной волѣ, не подлежитъ наказанію.

Преступная воля, въ стремленіи своемъ осуществить задуманное, проходитъ нѣсколько ступеней: возникнувъ въ формѣ умысла, она проходитъ ступень приготовленія, характеризуемую какъ пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія, затѣмъ приступаетъ къ приведенію злаго намѣренія въ исполненіе и, наконецъ, совершаетъ преступленіе, признаваемое совершившимся, когда въ самомъ дѣлѣ послѣдовало предположенное виновнымъ или же иное отъ его дѣйствій зло (ст. 6—10 Улож.). Та ступень, на которой преступникъ совершаетъ такое дѣйствіе „коимъ начинается или продолжается приведеніе злаго намѣренія въ исполненіе“—называется покушеніемъ. Къ этому опредѣленію покушенія Уложеніемъ примыкаетъ и Н. А. Неклюдовъ, признавая его лишь „нѣсколько неточнымъ“. Бернеръ (Учебн. уг. пр. Т. I стр. 482) опредѣляетъ покушеніе, какъ „начатое, но недостигшее цѣли исполненіе преступленія“. Сенатомъ—въ рѣш. 67 г. № 191—вы-

сказано, что „Уложеніе признаетъ тѣ главныя основанія уголовнаго права, по которымъ покушеніе, въ отличіе отъ приготовленія, должно заключать въ себѣ начало исполненія преднамѣреннаго зла, а съ другой стороны находитъ, что покушеніемъ, въ отличіе отъ совершившагося преступленія, могутъ быть признаваемы только такія дѣянія подсудимаго, на которыхъ онъ былъ остановленъ собственною волею или независѣвшими отъ него обстоятельствами, прежде чѣмъ преступный умыселъ его былъ приведенъ въ исполненіе".

И такъ, начавъ исполненіе, преступникъ можетъ остановиться не доводя его до конца, и такая остановка можетъ послѣдовать или по собственной волѣ подсудимаго или же по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. Покушеніе, остановленное по собственной волѣ подсудимаго, не наказуемо и по Уложенію (ст. 110), какъ и по Уставу о наказ., но въ Уложеніи о наказ. имѣются затѣмъ статьи, говорящія о наказаніи обвиняемаго за покушеніе, остановленное по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, въ Уставѣ же о наказ. имѣется о покушеніи лишь одна 17-я статья, и изъ буквальнаго ея содержанія можно лишь вывести, что покушеніе, *остановленное по собственной волѣ*, не наказывается. Смыслъ этой статьи, взятой сама по себѣ, могъ бы привести къ тому заключенію, что покушеніе, остановленное *не* по собственной волѣ, наказуемо,— однакоже наличность въ Уставѣ о наказ. спеціальныхъ статей (172 и 176), говорящихъ о наказуемости покушенія на кражу, обманъ и мошенничество, наводитъ уже на мысль, что покушеніе наказуемо только въ этихъ—особо указанныхъ закономъ — случаяхъ; Объяснительная же Записка II Отд. Гос. Канц. приводитъ къ полному убѣжденію въ основательности этого предположенія. Въ Запискѣ этой именно говорится такъ: „въ настоящемъ Уставѣ принято то же самое начало ненаказуемости покушенія, остановленнаго по собственной волѣ подсудимаго. Но по маловажности большей части проступковъ, вошедшихъ въ этотъ Уставъ, необходимо, относительно другаго вида покушенія, сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ Уложенія.

Въ преступленіяхъ тяжкихъ, весьма вредныхъ для общественнаго спокойствія и безопасности, правосудіе не можетъ, конечно, оставлять безнаказаннымъ несомнѣнно обнаруженное внѣшними дѣйствіями проявленіе злой воли преступника. Но при проступкахъ незначительныхъ, состоящихъ отчасти въ неисполненіи законныхъ предписаній, отчасти въ неосторожности, вопроса о покушеніи даже и быть не можетъ. Въ другихъ случаяхъ оно, хотя и возможно, но почти неуловимо, потому что самые проступки не имѣютъ столь рѣзкихъ внѣшнихъ признаковъ, какъ преступленія, а къ совершенію ихъ нерѣдко могутъ служить дѣйствія, совсѣмъ не предосудительныя, которыхъ противозаконная цѣль обнаруживается тогда, только когда самый проступокъ уже совершенъ. Посему, общее правило о наказуемости покушенія на проступки, не способствуя вовсе къ огражденію интересовъ общества, могло бы повлечь только къ напрасному безпокойству и стѣсненію частныхъ людей. Между тѣмъ, по разнообразію подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ дѣлъ, нѣкоторыя изъ нихъ, а именно: кража, мошенничество и лѣсныя порубки, представляются довольно важными для наказанія и самаго покушенія, остановленнаго по независѣвшимъ отъ подсудимаго обстоятельствамъ. По этой причинѣ, въ подлежащихъ статьяхъ, въ видѣ исключенія, означено, что виновные подлежатъ взысканію и за покушеніе на эти преступныя дѣйствія“.

Далѣе въ Запискѣ говорится, что первоначально предполагалось предоставить мировому судьѣ за покушенія во всѣхъ случаяхъ, особо въ Уставѣ неуказанныхъ, дѣлать виновному внушенія, но что затѣмъ, въ виду предстоящаго пересмотра Уложенія, признано болѣе удобнымъ не вводить въ Уставъ такого предположенія, а ограничиться содержаніемъ 17-й статьи. Въ виду этихъ указаній представляется безспорнымъ и никѣмъ —на сколько намъ извѣстно—не оспаривается, что покушеніе наказуемо по Уставу о наказ. лишь въ случаяхъ, особо въ подлежащихъ статьяхъ Устава указанныхъ; этотъ же взглядъ, и тоже основываясь на мотивахъ Объяснительной Записки,

высказалъ и Правительствующій Сенатъ въ рѣшеній своемъ за 79 г. № 20.

18 ст. Проступки противъ чести и правъ частныхъ лицъ, означенные въ ст. 84, 103, 130—143 и 145—153, подлежатъ наказанію не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ обиду, вредъ или убытокъ, или же ихъ супруговъ, родителей или опекуновъ и вообще тѣхъ, которые должны имѣть попеченіе о нихъ.

19 ст. Кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества между супругами, а также между родителями и дѣтьми, подлежатъ наказанію не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго убытокъ лица.

20 ст. Проступки, означенные въ ст. 18 и 19, не влекутъ за собою наказанія, въ случаѣ примиренія обиженнаго или потерпѣвшаго убытокъ съ виновнымъ въ проступкѣ лицомъ.

20[1] ст. Обвиняемый въ такомъ лѣсномъ проступкѣ, совершенномъ въ частныхъ лѣсахъ, за который онъ по закону можетъ подлежать лишь денежному взысканію, имѣетъ право, съ согласія лѣсовладѣльца или его повѣреннаго, прекратить производство дѣла, внеся причитающееся съ него взысканіе.

Статья 18-я Устава о наказ. имѣетъ въ виду группу тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя, хотя и преслѣдуются въ уголовномъ порядкѣ, но не считаются на столько затрогивающими интерессы государства, чтобы оно находило нужнымъ преслѣдовать ихъ номимо непосредственно потерпѣвшихъ отъ подобныхъ проступковъ частныхъ лицъ. Подобные проступки преслѣдуются исключительно въ интересахъ отдѣльныхъ личностей, поэтому законъ и предоставляетъ исключительно имъ почицъ обвиненія, возлагаетъ на нихъ тяжесть представленія доказательствъ, считаетъ возможнымъ прекращать эти дѣла за неявкою обвинителей и за нехожденіемъ ихъ по дѣлу и, наконецъ, дозволяетъ оканчивать примиреніемъ дѣла не только еще возбужденныя, но и тѣ, по которымъ уже состоялся во-

шедшій въ законную силу приговоръ судебнаго мѣста. Выдѣляя такимъ образомъ группу дѣлъ, перечисленныхъ по статейно въ 18-й ст. Устава, по причинамъ вышеизложеннымъ, т. е. въ виду признанія этихъ проступковъ, какъ непредставляющихъ особой опасности для остальныхъ членовъ общества, неподлежащими преслѣдованію самою государственною властью, законъ присоединяетъ къ этимъ проступкамъ и болѣе серьезныя правонарушенія, перечисленныя въ 19-й ст., въ случаѣ учиненія ихъ въ кругу лицъ столь близкихъ между собою, что преслѣдованіе ихъ государствомъ, помимо лицъ потерпѣвшихъ, сопряжено было бы съ вторженіемъ его въ сферу отношеній семейныхъ, и достиженіе цѣлей правосудія совершалось бы нерѣдко въ ущербъ цѣлости этихъ отношеній, тоже оберегаемыхъ закономъ.

Перечисленные въ 18-й ст. проступки суть слѣдующіе: притѣсненія судовщиковъ и вырываніе столбовъ, поставленныхъ для чалки судовъ (ст. 84), сообщеніе другимъ происходящей отъ непотребства заразительной болѣзни (ст. 103), оскорбленія чести, угрозы и насилія (вся 11-я гл. ст. 130—142), отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій и подкинутіе или оставленіе ребенка (вся 12 гл. ст. 143 и 144), и самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ и поврежденіе онаго (вся 13-я гл., ст. 145—153). Независимо отъ этихъ статей Устава, дѣйствію 18-й ст. подлежатъ и лѣсные проступки въ частныхъ лѣсахъ (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже), а также и проступки противъ Правилъ о наймѣ слугъ. Эти послѣдніе проступки потому представляются намъ подлежащими дѣйствію 18-й статьи, что нарушенія эти стоятъ на границѣ правонарушеній чисто гражданскихъ и преслѣдуются только въ цѣли болѣе энергическаго охраненія правъ той стороны, которая наиболѣе терпитъ отъ нарушенія или неисполненія договора найма. Чтоже касается нарушенія правилъ объ охотѣ, то—въ виду преслѣдованія этими правилами цѣлей государственной экономіи—нарушенія эти не подлежатъ дѣйствію 18-й и 20-й статей Устава о наказ., за ис-

ключеніемъ, конечно, § 44 Прав., преслѣдующаго охоту на чужихъ земляхъ безъ дозволенія, т. е. проступокъ, предусмотрѣнный ст. 146 Мир. Уст.

При ближайшемъ разсмотрѣніи 18-й ст. останавливаетъ на себѣ вниманіе выраженіе: потерпѣвшій обиду, вредъ или убытокъ; выраженіе это заключаетъ въ себѣ два понятія: понятіе потерпѣвшаго обиду и понятіе потерпѣвшаго вредъ или убытокъ, что находится въ связи съ тѣмъ что 18-я ст. Устава обнимаетъ собою двѣ каттегоріи проступковъ: а) противъ чести и б) противъ имущественныхъ правъ частныхъ лицъ; подъ потерпѣвшимъ обиду слѣдуетъ понимать того, кому именно было нанесено оскорбленіе непосредственно, а также и того, кого законъ считаетъ потерпѣвшимъ по обидѣ,—такъ называемой *посредственной*; по разъясненіямъ Сената мужа, жену, родителей и дѣтей, какъ членовъ одного семейства, слѣдуетъ считать посредственно оскорбленными въ тѣхъ случаяхъ, когда въ присутствіи ихъ произнесены были оскорбительныя выраженія противъ ихъ жены, мужа, дѣтей или родителей. Подъ потерпѣвшими же вредъ или убытокъ слѣдуетъ понимать тѣхъ лицъ, которыя являются собственниками или же фактическими владѣльцами имущества, составляющаго объектъ проступка и *понесли уже* вредъ или убытокъ, притомъ же *непосредственно* отъ проступка; тѣхъ же лицъ, которыя считаютъ себя почему либо несущими косвенный убытокъ отъ дѣйствій обвиняемаго, не слѣдуетъ признавать въ качествѣ лицъ потерпѣвшихъ, почему и не слѣдуетъ жалобамъ ихъ давать ходъ въ уголовномъ порядкѣ.

Говоря о потерпѣвшихъ обиду, вредъ или убытокъ, законъ ставитъ на ряду съ ними — относительно возбужденія дѣлъ частно-уголовныхъ—ихъ супруговъ, родителей или опекуновъ и вообще тѣхъ, которые должны имѣть попеченіе о нихъ. Эта редакція 18-й ст. послужила основаніемъ для признанія, что законъ допускаетъ осуществленіе права возбужденія подобнаго рода дѣлъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. что возбудить преслѣдованіе можетъ — съ одной стороны—и

самъ малолѣтній и потерпѣвшая жена и—съ другой стороны— могутъ возбудить преслѣдованіе и родители за своихъ потерпѣвшихъ—законныхъ или незаконныхъ—дѣтей, хотя бы и достигшихъ совершеннолѣтія, и опекуны малолѣтняго, и лица, у которыхъ они находятся на попеченіи, хотя бы при живыхъ родителяхъ, и мужъ за жену—безъ ея уполномочія. Съ такимъ широкимъ толкованіемъ 18-й ст. мы не вполнѣ согласны. Не подлежитъ сомнѣнію, что сами потерпѣвшіе могутъ приносить жалобы безъ всякаго ограниченія этого ихъ права какими либо условіями, но по отношенію къ ихъ представителямъ намъ кажется, что по смыслу 2-й ч. 18-й ст. перечисленныя въ ней лица имѣютъ право предъявленія жалобы за другихъ лишь настолько, насколько потерпѣвшее лицо признается нуждающимся въ заботливости и попеченіяхъ о немъ третьихъ лицъ; на это указываетъ окончаніе 18-й ст. „и вообще всѣ тѣ, которые *должны* имѣть попеченіе о нихъ“. При такомъ толкованіи 2-й ч. 18 ст., возбужденіе преслѣдованія родителями за ихъ *совершеннолѣтнихъ* дѣтей слѣдуетъ признать несогласнымъ съ ея смысломъ, такъ какъ совершеннолѣтній, обладающій всѣми своими способностями, не нуждается уже болѣе — по нашему мнѣнію—въ заботахъ родителей объ охраненіи его чести и интересовъ. Равнымъ образомъ, подъ выраженіемъ Устава „опекунъ“ слѣдуетъ понимать главнаго опекуна, такъ какъ на немъ лишь—по смыслу 422 ст. Гр. Ул. Ц. Польс. 25 года — лежитъ попеченіе „объ особѣ несовершеннолѣтняго“, и на него—по 423 ст. того же Улож.—распространяется и родительское право наказанія, опекунъ же—блюститель имѣетъ спеціальныя обязанности по наблюденію за главнымъ опекуномъ и не представляетъ особы несовершеннолѣтняго.

19-я ст. Мироваго Устава говоритъ о—такъ называемыхъ —семейныхъ кражахъ, мошенничествахъ и присвоеніяхъ; выраженія 19-й ст. и смыслъ ея не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ дѣйствіе ея подходятъ перечисленныя въ ней преступленія безразлично отъ того, является ли лицомъ потерпѣвшимъ мужъ или жена, родители или дѣти; несомнѣн-

но также и то, что родственники другихъ степеней и свойственники подъ дѣйствіе этой статьи не подходятъ. Равнымъ образомъ не подлежитъ спору, что примѣненіе 19-й ст. не можетъ имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда вещь, составлявшая предметъ преступленія, принадлежала не однимъ только родителямъ, дѣтямъ или супругу подсудимаго, но и постороннему лицу, и что нельзя ее примѣнять и въ томъ случаѣ, когда вещь эта, хотя бы похищенная у перечисленныхъ въ 19-й ст. лицъ, принадлежала не имъ, а лицу постороннему. Такимъ образомъ, похищеніе братомъ вещи своего роднаго брата, находившейся во владѣніи родителей, не можетъ быть подводимо подъ дѣйствіе 19 ст. и должно быть преслѣдуемо помимо жалобы потерпѣвшаго.

По отношенію къ дѣтямъ усыновленнымъ Сенатъ — въ рѣш. 84 г. № 28 — призналъ, что на нихъ — въ виду постановленій гражданскихъ законовъ Имперіи (146—163 ст. ч. 1 Т. X Св. Зак.) — распространяется дѣйствіе статей 19 и 20 Устава. Гражданское Уложеніе Царства Польскаго 1825 года знаетъ, кромѣ усыновленія (ст. 308—330), узаконеніе дѣтей, рожденныхъ внѣ брака (ст. 291—297) и признаніе дѣтей, рожденныхъ внѣ брака (ст. 298—307). Дѣтямъ узаконеннымъ предоставляются права дѣтей законныхъ; дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, хотя и признаннымъ, не предоставляются права дѣтей законнорожденныхъ и признаніе, сдѣланное отцомъ безъ указанія имъ матери и безъ признанія съ ея стороны, имѣетъ силу только по отношенію къ отцу; усыновленный же не перестаетъ быть членомъ того семейства, къ которому принадлежитъ по своему рожденію, и сохраняетъ въ немъ всѣ принадлежащія ему права. Въ виду вышеизложеннаго слѣдуетъ, кажется, придти къ тому заключенію, что ст. 19-я — подлежащая, какъ исключеніе, толкованію ограничительному—можетъ имѣть примѣненіе лишь въ отношеніи дѣтей 2-й каттегоріи, т. е. дѣтей узаконенныхъ, не распространяясь на дѣтей остальныхъ двухъ каттегорій.

По этому же вопросу о толкованіи понятія „дѣтей“ въ

примѣненіи къ 19-й ст. Уст. о наказ. въ Руководствѣ Миклашевскаго (стр. 434 Т. II) высказано, что слово „дѣти“ слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ, т. е. что оно имѣетъ въ виду также и *пасынковъ* и *падчерицъ;* по нашему же мнѣнію, такъ какъ пасынокъ и падчерица не состоятъ ни въ какихъ отношеніяхъ *родства* къ супругу своей матери или отца, то и примѣненіе 19 ст. въ данномъ случаѣ не должно имѣть мѣста. Но, съ другой стороны, мы находимъ, что сказанное Руководство слишкомъ съуживаетъ область примѣненія 19 ст., утверждая, что она не должна имѣть примѣненія при устраненіи родителей отъ опеки вслѣдствіе ли развода, разлученія отъ стола и ложа, или опредѣленія семейнаго совѣта (ст. 351 — 356 Гр. Улож. Ц. П. 25 г.), или же вслѣдствіе присужденія къ уголовному наказанію вплоть до заключенія въ тюрьмѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ (для лицъ привиллегированныхъ). На нашъ взглядъ нѣтъ основаній связывать прекращеніе дѣйствія 19-й ст. Уст. о наказ. съ лишеніемъ права опеки: лишеніе права опеки не есть синонимъ порванія всѣхъ родственныхъ узъ между родителями и дѣтьми; ст. 363 Гр. Улож., напротивъ того, прямо указываетъ, что „кому бы ни была предоставлена опека надъ дѣтьми, отецъ или мать ихъ, устраненные отъ опеки, равно и мать, отказавшаяся отъ опеки, не лишаются права наблюдать за содержаніемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей“. Еще менѣе основаній имѣется для непримѣненія 19-й ст. по отношенію къ родителямъ или дѣтямъ, потерпѣвшимъ наказанія, не сопряженныя съ лишеніемъ правъ семейственныхъ; лишеніе же правъ семейственныхъ является послѣдствіемъ лишь осужденія въ каторжныя работы или въ ссылку на поселеніе (ст. 25 и 26 Улож. о наказ.).

Возбуждается еще вопросъ о примѣненіи 19-й ст. къ тѣмъ случаямъ, когда въ кражѣ участвовали, кромѣ лицъ, поименованныхъ въ этой статьѣ; и лица, посторонні потерпѣвшему. По этому вопросу Сенатъ — въ рѣш. 79 г. № 23—разъяснилъ, что „хотя возбужденіе помимо воли потерпѣвшаго уголовнаго преслѣдованія противу подстрекателей и участниковъ въ кра-

жѣ не соотвѣтствовало бы видамъ законодателя въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ родители, не желая нарушить тайны семейныхъ отношеній, не признаютъ возможнымъ заявить о кражѣ, совершенной у нихъ дѣтьми и не возбудятъ уголовнаго преслѣдованія ни противъ нихъ, ни противъ ихъ соучастниковъ", но что разъ, что дѣло возбуждено, то оно не можетъ окончиться примиреніемъ между потерпѣвшими и посторонними имъ подсудимыми. По отношенію къ кражѣ между супругами слѣдуетъ упомянуть, что Гр. Ул. Ц. П. 25 г. знаетъ, кромѣ расторженія брака разводомъ, еще разлученіе отъ стола и ложа, которое, будучи постановлено на неопредѣленное время, влечетъ за собою всѣ гражданскія послѣдствія развода (ст. 267) и, слѣдовательно, влечетъ за собою, подобно разводу, невозможность примѣненія 19-й ст. къ кражамъ, учиненнымъ между подобными супругами.

Изъ смысла 20-й ст. съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ, что примиреніемъ могутъ оканчиваться только дѣла по обвиненіямъ въ проступкахъ, перечисленныхъ въ 18 и 19 ст. Устава о наказ., и что дѣла по обвиненіямъ въ остальныхъ проступкахъ, въ этихъ статьяхъ не перечисленныхъ, прекращенію за примиреніемъ ни въ какихъ случаяхъ не подлежатъ. Дѣла же, перечисленныя въ этихъ статьяхъ, подлежатъ прекращенію въ какомъ бы положеніи дѣло не находилось, о чемъ подробно будетъ изложено при разсмотрѣніи 22-й ст. Устава. При столкновеніи по вопросу о примиреніи двухъ волей: воли самого потерпѣвшаго обиду и воли его законнаго представителя, должна быть принимаема въ соображеніе, по нашему мнѣнію, преимущественно воля лица, возбудившаго данное дѣло, такъ какъ принятіе противоположнаго взгляда парализовало бы предоставленное такому лицу право возбужденія преслѣдованія съ пользованіемъ всѣми предоставленными обвинителю правами. По этому вопросу состоялось Сенатское рѣшеніе — за 1876 г. № 826 — въ которомъ изложено, что „заключеніе Мироваго Съѣзда, о томъ, что рѣшеніе Мироваго Судьи, послѣдовавшее по жалобѣ мужа оскорбленной, принесенной безъ ея на то упол-

номочія, и мировая сдѣлка его съ обвиняемымъ, по коей дѣло было прекращено, не обязательны для обиженной—противно точному смыслу 18 и 20 ст. Уст. о наказ., на основаніи которыхъ супругъ обиженной, имѣя право возбуждать судебное преслѣдованіе за оскорбленіе, причиненное женѣ его, имѣетъ право и на прекращеніе начатаго имъ дѣла примиреніемъ съ виновнымъ въ такомъ проступкѣ лицомъ, буде сама оскорбленная не заявила въ свое время прямо и положительно о нежеланіи своемъ примириться съ обидчикомъ". Заявленіе *въ свое время, прямое и положительное*, слѣдуетъ понимать какъ заявленіе, учиненное *до* окончанія дѣла примиреніемъ въ формѣ просьбы о допущеніи поддерживать обвиненіе по жалобѣ поданной мужемъ.

Для тѣхъ лицъ прекраснаго пола, которыя полагаютъ что не мужъ, а жена есть глава семейства и для тѣхъ мужей, которые считаютъ такое положеніе удобнымъ, не лишнимъ считаемъ добавить, что жена жаловаться на обиду, причиненную ея мужу—не можетъ. Это вытекаетъ, какъ изъ буквальнаго смысла 18 ст. Мир. Уст., такъ и изъ содержанія ст. 207 и 209 Пол. о Союзѣ Брачн. 1836 года, въ силу коихъ обязанность защищать жену лежитъ на мужѣ, которому жена, взамѣнъ того, обязана повиноваться, при взаимныхъ: любви, уваженіи и сохраненіи супружеской вѣрности.

Въ 18-й ст. Уст. о наказ. ничего не говорится о лѣсныхъ порубкахъ и поэтому—по буквальному смыслу 20 ст.—слѣдовало бы признавать, что дѣла о лѣсныхъ порубкахъ могутъ начинаться помимо жалобы потерпѣвшаго и, слѣдовательно, не могутъ оканчиваться примиреніемъ. Но п. 21 закона 15 Мая 1867 года о мѣрахъ охраненія частныхъ лѣсовъ подвелъ и дѣла о порубкахъ въ частныхъ лѣсахъ подъ дѣйствіе 18 и 20 ст. Уст. о наказ., а въ Уставѣ о наказ. Имп. Ал. II законъ этотъ введенъ въ текстъ самаго Устава. Введеніе правила этого въ текстъ Устава о наказ. безъ измѣненія той редакціи, которую оно имѣло въ законѣ 1867 года, возбуждаетъ на практикѣ нѣкоторыя сомнѣнія въ виду закона 23 Марта 1882 года, измѣнившаго редакцію 155 ст. Устава о наказ. Дѣло въ томъ, что

до изданія закона 23 Марта 1882 года за похищеніе изъ лѣса деревъ, какъ стоящихъ на корню, такъ буреломныхъ и валежныхъ, виновные наказывались личнымъ взысканіемъ, а именно тюремнымъ заключеніемъ только за третью порубку, первая же и вторая порубки наказывались только денежнымъ штрафомъ; въ то время примѣненіе 21 п. Закона 67 года не представляло затрудненій, такъ какъ пунктъ этотъ говорилъ о „такихъ лѣсныхъ проступкахъ, за которые виновный могъ подлежать по закону лишь денежному взысканію“; въ виду этого правила примиреніемъ не могли оканчиваться лишь третьи порубки и дѣла о нихъ могли возбуждаться помимо жалобы потерпѣвшаго. Законъ же 23 Марта 1882 года, прибавивъ къ денежному взысканію за вторую порубку еще наказаніе арестомъ, далъ суду право наказывать виновнаго арестомъ — при наличности нѣкоторыхъ условій—и за первую порубку. Такимъ образомъ, законъ 23 Марта 82 года уничтожилъ каттегорію лѣсныхъ проступковъ, за которые виновный могъ подвергнуться только денежному взысканію, почему и возбуждается вопросъ: сохранило ли свою силу и во всемъ ли своемъ объемѣ правило, изложенное въ 21 п. Прав. 1867 года? На нашъ взглядъ, отвѣтъ долженъ быть утвердительный, такъ какъ приведенное выше выраженіе 21 пункта слѣдуетъ понимать какъ указывающее на проступки, подходящіе подъ его дѣйствіе, причемъ признакъ „денежнаго взысканія“ употребленъ лишь въ цѣли избѣжанія излишняго перечисленія всѣхъ подобныхъ проступковъ и въ цѣли указанія, что третья порубка не подходитъ подъ дѣйствіе этого пункта, а вовсе не съ цѣлью указанія, что только въ виду обложенія проступковъ этихъ денежнымъ взысканіемъ дѣла о нихъ могутъ оканчиваться примиреніемъ; измѣненіе наказанія за первыя двѣ порубки не измѣняетъ, слѣдовательно, положенія дѣла, и только третья порубка должна по прежнему считаться не подходящею подъ дѣйствіе 18 и 20 ст. Устава о наказ.

Вообще редакція 20[1] ст.—воспроизведшей въ общемъ 21 п. Прав. 67 г.—нѣсколько странная: придерживаясь буквально

смысла этой статьи, слѣдовало бы признать, что окончаніе подобнаго дѣла примиреніемъ обставлено закономъ извѣстными условіями, а именно: вносомъ причитающагося съ обвиняемаго взысканія, но судебная практика, не колеблясь, подвела лѣсные проступки подъ полное дѣйствіе 18 и 20 ст. Уст. о наказ. и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы практика эта была несогласна со смысломъ Правилъ 1867 года.

21 ст. Виновные освобождаются отъ наказанія, когда кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества въ теченіи двухъ лѣтъ, лѣсоистребленіе въ теченіи года, а прочіе проступки въ теченіи шести мѣсяцевъ, со времени ихъ совершенія, не сдѣлались извѣстными мировому судьѣ или полиціи или когда въ теченіе тѣхъ же сроковъ не было никакого по нимъ производства.

21-я ст. Уст. о наказ. заключаетъ въ себѣ ученіе о давности въ примѣненіи къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ этимъ Уставомъ. Законъ признаетъ возможнымъ освобожденіе виновнаго отъ наказанія за истеченіемъ извѣстнаго срока времени; вотъ это то протеченіе извѣстнаго промежутка времени, имѣющее послѣдствіемъ своимъ безнаказанность преступнаго дѣянія и носитъ названіе давности. Наука уголовнаго права знаетъ два рода давности: давность суда или обвиненія и давность наказанія; сущность давности перваго рода состоитъ въ томъ что обвиняемый освобождается отъ суда и наказанія въ случаѣ необнаруженія въ теченіи опредѣленнаго промежутка времени преступнаго дѣянія или виновнаго въ немъ лица; давность же наказанія заключается въ освобожденіе преступника отъ наказанія въ случаѣ истеченія опредѣленнаго времени съ момента постановленія приговора до момента приведенія его въ исполненіе. Наше законодательство знаетъ лишь давность перваго рода, т. е. давность обвиненія или суда, причемъ руководящими въ этомъ отношеніи были слѣдующія соображенія Государственнаго Совѣта 1824 года, воспроизведенныя составителями Уложенія о нак. 1845 г. и помѣщенныя въ рѣшеніи Сената 1880 г. № 23: „хотя въ общемъ правилѣ время не можетъ

изгладить преступленія, но трудность обнаружить истину, давно сокрытую, безъ повода къ ложнымъ доносамъ, къ утѣсненію невинныхъ и потрясенію общаго спокойствія... заставила установить изъ сего общаго правила изъятіе и сіе изъятіе есть давность".

Сроки давности, принятые Уложеніемъ о наказ., представлялись составителямъ Устава о наказ. слишкомъ великими въ виду незначительности преслѣдуемыхъ Уставомъ проступковъ, и для этихъ проступковъ установлены краткіе сроки давности, „такъ какъ" — по словамъ Объяснительной Записки II отдѣленія — „впечатлѣніе дѣяній незначительныхъ скоро изглаживается изъ памяти, а отъ того и показанія свидѣтелей, по неясности и сбивчивости, почти никогда не ведутъ къ изобличенію виновнаго, способствуя между тѣмъ къ напрасному безпокойству людей". Въ виду этихъ соображеній, а также въ виду того, что моментомъ, съ котораго начинается теченіе давности и ст. 158 Уложенія о наказ. и 21 ст. Устава о наказ. считаютъ время совершенія преступленія, Правитель. Сенатъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи своемъ признаетъ, что „изъ двухъ извѣстныхъ въ теоріи родовъ давности: давности обвиненія и давности наказанія, наше законодательство приняло лишь первый". Этотъ же взглядъ высказанъ Государ. Совѣтомъ при обсужденіи 22 ст. Устава о наказ., въ третьемъ пунктѣ которой предполагалось установить отмѣну наказанія за неисполненіемъ окончательнаго приговора въ теченіе опредѣленнаго срока; Гос. Совѣтъ высказалъ по этому поводу, что „третьимъ пунктомъ 22-й ст. установляется новая въ нашемъ законодательствѣ давность по исполненію наказаній. Подобная давность, хотя и допускаемая нѣкоторыми иностранными законодательствами, едва ли имѣетъ убѣдительныя основанія, особенно если неисполненные по какой либо причинѣ приговоры суда будутъ отмѣняться за пропущеніемъ непродолжительныхъ сроковъ. Главнѣйшая причина давности въ уголовныхъ дѣлахъ—опасеніе неправильныхъ приговоровъ по затруднительности изслѣдованія давнопрошедшихъ дѣяній —

не имѣетъ здѣсь мѣста. А между тѣмъ, для утвержденія въ народѣ довѣрія къ силѣ судебныхъ рѣшеній, необходимо, чтобы они исполнялись со всею точностью и не слѣдуетъ даже допускать мысли, чтобы вошедшій въ законную силу приговоръ могъ оставаться долгое время неисполненнымъ". По этимъ соображеніямъ Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта положили п. 3-й ст. 22 исключить.

Такъ какъ то понятіе о давности, которое даетъ Уставъ о наказ., не представляетъ чего либо особеннаго отъ того же понятія, устанавливаемаго Уложеніемъ, то — согласно вполнѣ правильному взгляду Сенатскихъ рѣшеній: 67 г. № 313 и 68 г. №№ 129, 281, 288 и 929—общее понятіе Уложенія о давности, какъ только болѣе полное, равно какъ и опредѣленіе различныхъ ея видовъ, сохраняетъ свою полную силу и для Мироваго Устава. По смыслу же 158 ст. Улож. о наказ., наказаніе отмѣняется за давностью, когда протекло извѣстное время съ момента учиненія какого либо преступленія, „и когда во все сіе время то преступленіе не сдѣлалось гласнымъ, то есть, когда по оному не было никакого дѣлопроизводства или слѣдствія, ниже донесенія или жалобы, извѣта или инаго показанія, или же когда въ теченіе того же времени виновный въ ономъ, не смотря на произведенное слѣдствіе, не былъ обнаруженъ". Это опредѣленіе Уложенія, съ нѣкоторыми измѣненіями въ срокахъ и другихъ подробностяхъ, обусловливаемыми текстомъ 21 ст. Уст. о наказ. (о чемъ будетъ сказано ниже)—должно быть примѣняемо и къ проступкамъ, караемымъ по Уставу, а именно, проступки эти не должны подлежать наказанію въ случаѣ протеченія извѣстнаго времени со дня совершенія проступка а) до дня его обнаруженія и б) — до дня направленія преслѣдованія противъ опредѣленнаго лица, или, какъ говоритъ Н. А. Неклюдовъ (стр. 79 Руков.) „въ давности суда различаютъ: давность происшествія и давность личности подсудимаго или виновнаго. Давность происшествія есть безгласность проступка, давность подсудимаго есть безгласность виновнаго". Кромѣ того Уложеніе предусматриваетъ еще третій видъ давности суда или обвиненія, а именно: оставленіе дѣла безъ хожденія въ теченіе

извѣстнаго срока (6-ти мѣсячнаго для проступковъ, наказываемыхъ арестомъ) въ томъ случаѣ, когда проступокъ принадлежитъ къ числу преслѣдуемыхъ лишь по жалобѣ потерпѣвшаго (ст. 159). Многими рѣшеніями Сената разъяснено, что указанныя въ 159 ст. Улож. правила о погашеніи дѣлъ, такъ называемыхъ, уголовно частныхъ (ст. 18 и 19 Уст.) за нехожденіемъ по дѣлу пострадавшаго — примѣняются и къ дѣламъ, подвѣдомственнымъ мировой юстиціи.

Какой моментъ слѣдуетъ считать началомъ теченія давности? Началомъ теченія давности считается моменъ *совершенія* проступка. Въ большинствѣ проступковъ не представляется затруднительнымъ опредѣлить этотъ моментъ и только нѣкоторые проступки вызвали въ этомъ отношеніи особое разъясненіе рѣшеніями Сената; таковы преступныя дѣянія: невозвращенія оплоченнаго долговаго обязательства съ намѣреніемъ вновь потребовать уплоченное (3 п. 174 ст. Уст. о нак.) и присвоенія. Въ отношеніи перваго изъ этихъ преступленій Сенатомъ разъяснено въ рѣш. 72 г. № 1590, что „преступленіемъ, предусмотрѣннымъ въ 3-мъ п. 174 ст. Уст. о наказ., слѣдуетъ признавать представленіе обвиняемымъ ко взысканію оплаченнаго документа съ утайкой полученной уплаты, а не одно только необозначеніе уплаты на документѣ или отказъ въ выдачѣ росписки въ полученіи денегъ, ибо въ этихъ послѣднихъ дѣяніяхъ, хотя бы учиненныхъ съ цѣлью вторичнаго полученія уплаты впослѣдствіи, заключается лишь приготовленіе къ преступленію, ненаказуемое уголовнымъ закономъ“. Въ отношеніи же присвоенія Сенатомъ высказано, что давность присвоенія заложеннаго имущества начинается съ того дня, когда наступила обязанность возвращенія заклада, и что вообще давность присвоенія начинается не съ того дня, когда вещь дана на сохраненіе или для какого либо употребленія, а съ того, когда получившій отказывается возвратить вещь, или запирается въ ея полученіи.

Какой моментъ слѣдуетъ считать прерывающимъ теченіе давности? Моментомъ этимъ считается по 21-й ст. Уст. о на-

каз.—доведеніе до свѣдѣнія о проступкѣ мировому судьѣ или полиціи, иначе—возбужденіе дѣла, или наличность въ теченіе тѣхъ же сроковъ какого либо производства, направленнаго противъ даннаго лица. По этому вопросу Сенатомъ высказаны слѣдующія положенія: 1) законъ подъ возбужденіемъ преслѣдованія понимаетъ возбужденіе его въ установленномъ порядкѣ, т. е. съ соблюденіемъ тѣхъ формальностей, которыя требуются Уставомъ угол. судопр., и что заявленіе о преступленіи, поданное не въ надлежащее мѣсто, или другого рода существенное отступленіе отъ законнаго порядка возбужденія уголовныхъ дѣлъ,—не прерываютъ теченія давности (рѣш. 71 года № 1419); 2) давность прерывается привлеченіемъ обвиняемаго къ слѣдствію въ каждомъ данномъ дѣлѣ лишь подлежащею судебною властью; производство дѣла, отмѣняемаго по неправильному возбужденію онаго, не можетъ имѣть значенія и должно почитаться какъ-бы не существовавшимъ, такъ какъ оно по закону вовсе быть не могло, и уничтоженное неправильное начало должно повлечь за собою и всѣ его послѣдствія; иначе, оглашеніе преступленія какимъ бы то нибыло образомъ имѣло бы послѣдствіемъ прерваніе давности и въ тѣхъ случаяхъ, когда уголовное дѣло начато было бы гражданскимъ порядкомъ, когда при предоставленіи возбужденія дѣла исключительно лицу потерпѣвшему отъ преступленія, оно начато было бы кѣмъ либо другимъ и т. п., чего, безъ сомнѣнія, допустить нельзя (рѣш. 71 г № 108); 3) перерывъ или замедленіе въ производствѣ дѣла въ полиціи, у судебнаго слѣдователя или у мироваго судьи—при своевременномъ возбужденіи уголовнаго дѣла—не могутъ служить основаніемъ для примѣненія постановленій о давности (рѣш. 73 г. № 623); 4) составленіе протокола акцизнымъ управленіемъ не можетъ быть почитаемо возбужденіемъ преслѣдованія противъ виновнаго, ибо протоколъ заключаетъ въ себѣ удостовѣреніе о дѣйствительности событія нарушенія Питейнаго Устава и служитъ лишь законнымъ поводомъ къ начатію преслѣдованія виновнаго, но преслѣдованіе это должно считаться начатымъ лишь со времени передачи это-

го протокола подлежащей власти для привлеченія виновнаго къ отвѣтственности по закону (рѣш. 1871 г. № 1632); по тому же вопросу Сенатомъ высказано въ рѣш. 74 г. № 649, что ни въ 21 ст. Уст. о наказ., ни въ другихъ законахъ не сказано, чтобы предварительная переписка о проступкѣ, подсудномъ мировому судьѣ, происходившая въ акцизномъ вѣдомствѣ до заявленія суду о семъ проступкѣ, прерывала бы теченіе давности; 5) сообщеніе протокола управляющему акц. сб. должно считаться началомъ производства дѣла (рѣш. 85 г. по Съѣзду 2 окр. Ломж. губ.) и 6) вторая половина статьи 21 словами „не было никакого производства“ объемлетъ и тотъ случай, когда производство не было направлено противъ извѣстнаго лица, а имѣло вообще цѣлью обнаруженіе виновнаго и цѣль эта не была достигнута въ теченіе опредѣленнаго срока (рѣш. 67 года № 589 и 68 г. № 129).

Какіе сроки давности по Уставу о наказ.? Срокъ давности для кражи, мошенничества и присвоенія—двухлѣтній, для лѣсоистребленія — годичный, а для прочихъ проступковъ шестимѣсячный. Подъ двухгодичный срокъ давности Сенатъ подводитъ: а) необъявленіе о находкѣ и б) дѣянія, предусмотрѣнныя въ ст. 180 Устава; эти послѣднія — въ силу слѣдующихъ соображеній: „ст. 180 Уст. о наказ., преслѣдующая покупку или принятіе въ закладъ завѣдомо краденнаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества, помѣщена въ концѣ IV отдѣла главы 13-й Уст. о наказ., заключающаго въ себѣ карательныя постановленія о мошенничествѣ, обманѣ и присвоеніи чужаго имущества, и замѣнила собою ст. Уложенія о наказ. изд. 57 г. 1681, 1687, 2293 и 2297, по которымъ полагались особыя наказанія за покупку, пріобрѣтеніе и принятіе въ закладъ краденныхъ вещей, и виновные въ покупкѣ завѣдомо имущества краденнаго или полученнаго чрезъ насиліе и обманъ подвергались наказанію какъ участники того преступленія, чрезъ которое получено имущество. Такимъ образомъ, проступки, предусмотрѣнные 180 ст. Уст. о наказ., хотя и получили, съ изданіемъ этого Устава, значеніе самостоятельнаго уголовнаго

правонарушенія, но, и по происхожденію 180-й ст., и по мѣсту которое ей отведено въ Уставѣ о наказ., и, наконецъ, по самому существу своему, должны быть отнесены къ разряду проступковъ противъ чужой собственности, именуемыхъ въ законахъ уголовныхъ кражею, мошенничествомъ, присвоеніемъ, и посему не могутъ быть изъяты отъ дѣйствія общихъ правилъ, постановленныхъ относительно преслѣдованія и наказанія кражи, мошенничества и присвоенія, а слѣдовательно не могутъ быть и погашены давностью шести-мѣсячною, установленною 21 ст. Уст. о наказ. для менѣе важныхъ проступковъ" (рѣш. Сен. 79 г. № 47).

Кражу лѣса (ст. 154) слѣдуетъ исключить изъ числа проступковъ лѣсоистребленія и причислить къ проступкамъ, подлежащимъ погашенію *двухлѣтнею* давностью.

Къ „прочимъ проступкамъ", о которыхъ говоритъ 21 статья; и которые подлежатъ шестимѣсячной давности, слѣдуетъ отнести и проступки, предусмотрѣнные примѣчаніемъ къ 1-й ст. Устава, правилами о слугахъ и правилами объ охотѣ и вообще всѣ проступки, подвѣдомственные мировой юстиціи, за исключеніемъ кражъ, мошенничествъ, присвоеній и лѣсоистребленія.

Въ 21-й ст. сказано: виновные освобождаются отъ наказанія, изъ буквальнаго смысла этой статьи вытекаетъ, что постановленія о давности не распространяются на другія, обращенныя къ виновному, дополнительныя требованія, какъ то: а) на требованіе вознагражденія за вредъ и убытки, въ какой бы формѣ требованіе это ни было предъявлено, б) на исполненіе, по мѣрѣ возможности, того, что подсудимымъ упущено (ст. 26) и в) на обязанность сломки, исправленія или перенесенія неправильно возведеннаго строенія (ст. 68 Уст.).

Наконецъ, по отношенію къ дѣламъ уголовно-частнымъ, т. е. возбуждаемымъ исключительно по жалобѣ потерпѣвшихъ, укажемъ, что къ нимъ примѣняются всѣ три вида давности суда, какъ это выражено и въ рѣш. Сената 80 г. № 32: „обвиненіе—сказано въ этомъ рѣшеніи—въ проступкѣ, подлежащемъ

вѣдѣнію и разсмотрѣнію уголовнаго суда не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго лица, погашается уголовною давностью какъ тогда, когда обвиненіе это было возбуждено по истеченіи давностнаго срока со времени самаго событія, такъ и тогда, когда со дня подачи первоначальной жалобы по дѣлу сего рода до возбужденія слѣдственнаго или судебнаго производства по этой жалобѣ, истекъ давностный срокъ, или же, въ теченіе того срока, по возбужденнымъ уже слѣдственному или судебному производствамъ, по дѣлу не было никакого слѣдственнаго или судебнаго дѣйствія со стороны уполномоченныхъ на то властей, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, теченіе давности не было прерываемо хожденіемъ по дѣлу со стороны частнаго обвинителя".

22 ст. Опредѣленное приговоромъ наказаніе отмѣняется:

1) за смертью осужденнаго, и

2) вслѣдствіе примиренія съ обиженнымъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ (ст. 20).

Смерть осужденнаго влечетъ за собою отмѣну наказанія, но тѣ взысканія, которыя не составляютъ личнаго наказанія осужденнаго, его смертью не покрываются; къ такимъ взысканіямъ относятся: взысканіе стоимости порубленнаго лѣса, вознагражденіе за вредъ и убытки, взысканіе стоимости патента или понужденіе взять таковой, уплата акциза; равнымъ образомъ, смертью осужденнаго не отмѣняются опредѣленія суда, постановленныя въ силу ст. 26 и 68 Уст. о нак., объ исполненіи упущеннаго обвиняемымъ и объ исправленіи или сломкѣ всего, неправильно имъ построеннаго.

Примиреніе съ обиженнымъ тоже влечетъ за собою отмѣну наказанія. Изъ этого несомнѣнно явствуетъ, что приговоръ, вступившій въ законную силу, отмѣняется за примиреніемъ сторонъ. Подлежитъ разъясненію лишь вопросъ о томъ: до какого момента примиреніе сторонъ имѣетъ рѣшающее значеніе на исходъ дѣла, а также вопросъ о формѣ, въ какой должно состояться это примиреніе.

По первому вопросу Сенатъ—до 82 года — держался того

мнѣнія, что, подобно Уложенію, и Мировой Уставъ — по смыслу 22-й ст.—освобождаетъ отъ отвѣтственности въ томъ случаѣ, когда примиреніе послѣдовало, хотя и послѣ осужденія, но прежде фактическаго исполненія приговора; въ 82 году—въ рѣш. № 22 — Сенатомъ высказано, что „ст. 157 Улож. о нак. не имѣетъ примѣненія къ дѣламъ о проступкахъ, судимыхъ по Уставу о нак., и что по этимъ дѣламъ мировыя судебныя установленія должны руководствоваться не Уложеніемъ, а Уставомъ о нак. въ этомъ же Уставѣ для случаевъ, указанныхъ въ 157 ст. Улож. о нак., заключаются особыя постановленія; и по буквальнымъ своимъ выраженіямъ, и по содержанію своему отличающіяся отъ упомянутой 157 ст., именно ст. 20 и 22, на основаніи которыхъ проступки, перечисленные въ ст. 18 и 19 Уст. о нак., не влекутъ за собою наказанія, а опредѣленныя за тѣ проступки судебными приговорами наказанія отмѣняются въ случаѣ примиренія обиженнаго или потерпѣвшаго съ виновнымъ въ подобномъ проступкѣ лицомъ. Точный смыслъ означенныхъ статей, а равно отсутствіе въ нихъ какого либо упоминанія о заключающемся въ 157 ст. Улож. о нак. указаніи, относительно ограниченія права сторонъ на примиреніе тѣмъ условіемъ, чтобы примиреніе состоялось прежде исполненія приговора, приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что по дѣламъ о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ 18 и 19 ст. Уст. о нак., примиреніе между сторонами, согласно 20 и 22 ст. сего Устава, влечетъ за собою отмѣну наказанія, опредѣленнаго виновному, безусловно и безъ всякаго ограниченія, въ какомъ бы положеніи какъ самое дѣло о проступкѣ, такъ и исполненіе постановленнаго о виновномъ приговора ни находилось“. Съ выводами этого рѣшенія—на нашъ взглядъ—трудно не согласиться.

По второму же вопросу — о формѣ, въ какой должно состояться примиреніе по вступленіи приговора въ законную силу,—слѣдуетъ замѣтить, что односторонній отказъ обиженнаго или потерпѣвшаго, отказъ отъ преслѣдованія и отъ исполненія приговора, достаточенъ для постановленія опредѣленія по 22 ст. Уст. о нак.; но отказъ этотъ или же и самое примиреніе

должно послѣдовать въ судебномъ засѣданіи суда, постановившаго приговоръ, и въ этомъ отношеніи нельзя удовольствоваться однимъ заявленіемъ власти, приводящей приговоръ въ исполненіе, о примиреніи сторонъ, а суду надлежитъ провѣрить это заявленіе въ судебномъ засѣданіи, такъ какъ послѣдствіемъ его является отмѣна приговора, вошедшаго въ окончательную законную силу.

23 ст. Содержащіеся, въ замѣнъ денежныхъ взысканій, подъ арестомъ, а равно отданные въ общественныя работы или заработки, освобождаются, когда внесутъ часть слѣдующаго съ нихъ денежнаго взысканія, соразмѣрную остающемуся сроку заключенія или работъ.

Въ виду кратковременности заключенія по Мировому Уставу врядъ ли представлялся когда либо на практикѣ случай примѣненія 23-й ст., тѣмъ болѣе, что лица, нежелающія подвергаться аресту по несостоятельности, могутъ избѣгнуть этой необходимости до начала исполненія приговора; разъ же, что приговоръ обращенъ къ исполненію, представляется уже мало интереса, отсидѣвъ часть времени, за другую часть платить деньги и, такимъ образомъ, подвергнуться обоимъ видамъ наказанія.

24 ст. За причиненные проступкомъ вредъ или убытки, виновные обязаны вознаградить на основаніи законовъ гражданскихъ.

Въ губерніяхъ Царства Польскаго ссылка на законы гражданскіе должна означать ссылку на Кодексъ Наполеона, ст. 1382—1386. Какъ выше было уже указано, къ постановленіямъ о присужденіи вознагражденія за вредъ и убытки не примѣняются правила ст. 7 и 21 Уст. о нак., и въ случаѣ несостоятельности подсудимаго къ уплатѣ этого вознагражденія, съ нимъ поступаютъ по правиламъ о несостоятельности не уголовной, а гражданской; равнымъ образомъ и въ отношеніи давности къ нему примѣняются—въ этомъ случаѣ—постановленія Кодекса Наполеона, а именно ст. 2262.

Замѣтимъ еще, что вознагражденіе за вредъ и убытки

присуждается уголовнымъ судомъ только по признаніи обвиняемаго виновнымъ въ совершеніи приписываемаго ему дѣянія; при постановленіи же оправдательнаго приговора судъ вовсе не входитъ въ обсужденіе вопроса о вознагражденіи за вредъ и убытки. Намъ кажется, что слѣдуетъ еще напомнить гминнымъ судамъ, что вознагражденіе за веденіе дѣла, о которомъ говорится въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства, не присуждается сторонамъ въ уголовномъ процессѣ.

Что же касается вопроса о томъ, какъ должны отвѣчать соучастники въ проступкѣ, солидарно или же нѣтъ, то Сенатъ — въ рѣш. 75 г. № 209—подробно разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, нашелъ, что изъ сопоставленія статей Уложенія о нак., Уст. угол. суд. и Т. X ч. I, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что соучастники, дѣйствовавшіе по предварительному соглашенію, отвѣчаютъ съ круговою другъ за друга отвѣтственностью, дѣйствовавшіе же безъ таковаго соглашенія отвѣчаютъ каждый по мѣрѣ причиненнаго убытка или же, при трудности доказать мѣру участія каждаго, поровну; при несостоятельности же соучастниковъ отвѣчаютъ лица прикосновенныя къ дѣлу, т. е. укрыватели. На нашъ взглядъ, правила эти примѣнимы и къ губерніямъ Царства Польскаго, такъ какъ 1382 ст. Кодекса Наполеона допускаетъ подобное толкованіе; статья же 1202 этого Кодекса, высказывающая, что солидарность не предполагается, а необходимо, чтобы она была положительно установлена договоромъ,—относится, какъ это видно изъ буквальнаго смысла 2-й ея части, только къ отношеніямъ договорнымъ, а не къ отношеніямъ, вытекающимъ изъ уголовныхъ правонарушеній.

25 ст. Въ случаѣ несостоятельности присужденнаго къ уплатѣ вознагражденія и къ денежному взысканію, изъ имущества его сначала покрывается вознагражденіе за вредъ или убытокъ, и исполняются всѣ безспорныя на виновнаго требованія, а денежное взысканіе обращается лишь на остальное затѣмъ имущество его.

Предпочтеніе, отдаваемое 25-ю статью частнымъ взыска-

ніямъ предъ уплатою денежнаго взысканія, наложеннаго въ видѣ наказанія, объясняется какъ желаніемъ закона вознаградить потерпѣвшаго за понесенные имъ вредъ или убытки, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что при неуплатѣ виновнымъ денежнаго взысканія, онъ все таки отбудетъ наказаніе въ виду 7-й ст. Мироваго Устава, несостоятельный же къ уплатѣ вознагражденія за вредъ и убытки не можетъ быть подвергнутъ аресту по Уставу о нак.

26 ст. Когда проступокъ состоитъ въ неисполненіи закона или предписаній дѣйствующихъ въ силу закона властей, то виновные, независимо отъ взысканій, приговариваются, по мѣрѣ возможности, къ исполненію того, что ими упущено.

Статья 26-я имѣетъ примѣненіе во всѣхъ случаяхъ неисполненія закона или предписаній дѣйствующихъ въ силу закона властей, поэтому сфера дѣйствія ея не ограничивается только 29 статьею Уст. о нак., а распространяется на всѣ тѣ статьи Мироваго Устава, которыя преслѣдуютъ отступленіе отъ какихъ либо правилъ, несоблюденіе ихъ, и, между прочимъ, неисполненіе законныхъ требованій. На практикѣ возбуждался вопросъ о томъ, распространяется ли дѣйствіе 26-й ст. и на нарушенія Строительнаго Устава въ виду существованія 68 ст. Уст. о нак., спеціально относящійся до нарушеній этого Устава и говорящей объ обязанности виновнаго исправить или подвергнуть сломкѣ все, неправильно имъ построенное. Сенатъ разъяснилъ въ рѣш. 82 г. № 4,—что „хотя по силѣ 68 ст. Уст. о нак., возложеніе на лицо, обвиняемое въ одномъ изъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ предшествующихъ 65—67 ст., обязанности исправить или подвергнуть сломкѣ все неправильное имъ устроенное, обусловливается признаніемъ допущенной неправильности вредною для общественной безопасности или народнаго здравія, но существованіе означеннаго правила, имѣющаго преимущественно въ виду нарушенія допускаемыя при возведеніи строеній и существенною цѣлью котораго представляется стремленіе оградить владѣльцевъ по-

строекъ, возведенныхъ безъ надлежащаго разрѣшенія или съ незначительными нарушеніями строительныхъ правилъ, отъ напрасныхъ убытковъ, вызываемыхъ сломкою или исправленіемъ такихъ построекъ, не устраняетъ безусловно возможности примѣненія къ виновнымъ въ неисполненіи правилъ внѣшняго благоустройства, предписанныхъ закономъ или мѣстными обязательными постановленіями, 26-й ст. Уст. о нак. и возложенія на нихъ, въ силу сей послѣдней статьи, обязанности исполнить то, что ими упущено, хотя бы таковое упущеніе не угрожало общественной безопасности или народному здравію и, слѣдовательно, не могло быть подведено подъ дѣйствіе 68-й ст. Уст. о нак.".

По отношенію къ той же 26 статьѣ Устава о нак. имѣется еще рѣшеніе Сената— 71 г. № 985 — разъясняющее, что по вопросу о подсудности даннаго дѣла мировой юстиціи *по количеству издержекъ* на исправленіе сдѣланныхъ упущеній „должно имѣть мѣсто общее правило, что вѣдомству мировыхъ установленій подлежатъ лишь тѣ дѣла, въ коихъ причиненные вредъ и убытки не превышаютъ цѣнностью 500 р. (300 р. въ губерніяхъ Царства Польскаго); и что хотя правило (Уст. о нак., ст. 26), опредѣляющее, что виновные въ неисполненіи законныхъ предписаній или требованій присуждаются, независимо отъ взысканій, къ исполненію того, что ими упущено, — не указываетъ никакого ограниченія въ этомъ отношеніи, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы власть мировыхъ судей по этому предмету ничѣмъ не была ограничена, а слѣдуетъ только то, что за общимъ положеніемъ о размѣрѣ имущественныхъ исковъ и требованій, могущихъ подлежать разрѣшенію мировыхъ установленій, законодатель не счелъ нужнымъ повторять то же положеніе въ другихъ постановленіяхъ закона. Толкованіе закона въ противномъ смыслѣ указывало бы на непослѣдовательность законодателя, который въ однихъ случаяхъ ввѣрялъ бы разрѣшенію мировыхъ судей только иски, не превышающіе 500 р., а въ другихъ—дозволялъ бы имъ требовать на исправленіе упущеній издержекъ безъ всякаго ограниченія въ

ихъ суммѣ, хотя для отвѣтчика совершенно безразлично, въ той или другой формѣ требуются отъ него извѣстныя издержки или платежъ".

19-го Января 1882 года состоялось Высочайше утвержденное мн. Гос. Сов., въ которомъ сказано: „1) городскому общественному управленію, образованному на основаніи городоваго положенія 1870 года, а также земскимъ учрежденіямъ и полиціи, въ указанныхъ закономъ для каждаго изъ сихъ установленій предѣлахъ вѣдомства, предоставляется независимо отъ возбужденія судебнаго преслѣдованія за такія упущенія по содержанію недвижимаго имущества, которыя угрожаютъ народному здравію или общественной безопасности,—принимать, на счетъ владѣльца, не ожидая воспослѣдованія судебнаго о его виновности приговора, неотлагательно—необходимыя мѣры къ устраненію обнаруженнаго упущенія, если самъ владѣлецъ не исправитъ онаго къ назначенному сими управленіями сроку. 2) дѣйствіе изложеннаго въ статье 1-й правила не распространяется на нарушенія Устава строительнаго, влекущія за собою сломку, переносъ или исправленіе зданій. Административныя управленія приступаютъ къ означеннымъ дѣйствіямъ не иначе, какъ въ исполненіе судебнаго о томъ приговора, вошедшаго въ окончательную законную силу. До воспослѣдованія же онаго, они принимаютъ всѣ предохранительныя мѣры, необходимыя для огражденія общественной безопасности и народнаго здравія отъ такихъ нарушеній".

27 ст. Денежныя взысканія и деньги, вырученныя отъ продажи отобранныхъ вещей, поступаютъ, за исключеніемъ лишь случаевъ, въ семъ Уставѣ именно означенныхъ, въ земскій по каждой губерніи капиталъ на устройство мѣстъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей.

По отношенію къ губерніямъ Царства Польскаго вопросъ о примѣненіи 27-й статьи долгое время оставался открытымъ, пока, наконецъ, не состоялось разъясненіе этой статьи въ томъ смыслѣ, что деньги, взыскиваемыя по приговорамъ мировыхъ

судей, зачисляются въ государственный доходъ, а именно въ общій тюремный капиталъ, деньги же, взыскиваемыя по приговорамъ гминныхъ судовъ, хранятся въ подлежащихъ гминныхъ управленіяхъ, особо отъ другихъ суммъ, до окончательнаго разрѣшенія вопроса объ устройствѣ мѣстъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судебныхъ установленій, — вопроса, давно уже поднятаго въ административныхъ сферахъ, но до сихъ поръ еще не получившаго своего разрѣшенія.

Исключенія, о которыхъ говорится въ 27-й ст., помѣщены въ ст. 48, 60 и 168 Уст. о нак.; по первой изъ нихъ собранныя деньги, но не денежное взысканіе, отсылаются въ мѣстныя богоугодныя заведенія; по второй—денежное взысканіе поступаетъ въ пользу городскихъ доходовъ, а по третьей эти взысканія (за лѣсоистребленіе) поступаютъ въ пользу потерпѣвшаго. По дѣламъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія взысканныя деньги распредѣляются по правиламъ, изложенныхъ въ этихъ уставахъ.

28 ст. Въ случаѣ совершенія проступковъ, означенныхъ въ статьяхъ 30[1], 31 (ч. 2 п. 2), 32—37, 46, 62, 76[1], 87, 104[1], 104[2], 111, 122, 128, 129, 135, 136, 139—142, 144 и 167, съ указанною въ нихъ особенно преступною цѣлью или при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ о наказаніяхъ, наказаніе виновнымъ опредѣляется по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

Статья эта перечисляетъ случаи изъятія изъ подсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ такихъ проступковъ, которые по составу своему были бы имъ подсудны,—если бы не было наличности особо преступной цѣли или особо увеличивающихъ вину обстоятельствъ, *предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ*. Этотъ послѣдній признакъ необходимо имѣть въ виду при признаніи даннаго дѣянія неподсуднымъ мировой юстиціи, т. е. необходимо каждый разъ уяснить себѣ, какою именно статьею Уложенія о нак. данный проступокъ предусматривается. Проступки эти будутъ нами разсмотрѣны своевременно, при раз-

смотрѣніи преступныхъ дѣяній, перечисленныхъ въ 28-й ст. Устава о нак.

Покончивъ съ 1-ю главою Устава, имѣющею предметомъ своимъ общія положенія, мы перейдемъ въ настоящее время къ ближайшему разсмотрѣнію отдѣльныхъ проступковъ, предусматриваемыхъ Уставомъ о наказаніяхъ.

ГЛАВА II.

О проступкахъ противъ порядка управленія.

29 ст. За неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій, когда симъ Уставомъ не опредѣлено за то инаго наказанія, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

29[1] ст. За неисполненіе требованія предсѣдателя общественнаго или сословнаго собранія объ удаленіи изъ онаго, а равно за нарушеніе въ собраніи другимъ способомъ установленнаго законнаго порядка, присутствовавшее при совѣщаніяхъ собранія постороннее лицо подвергается:

денежному взысканію отъ десяти до ста рублей.

Переходя къ толкованію статей особенной части Устава о нак., мы сразу встрѣчаемся со статьею, пріобрѣвшею — въ виду частаго примѣненія ея на практикѣ—крайне важное значеніе и требующею болѣе подробнаго разсмотрѣнія также и въ виду общности ея содержанія. Независимо отъ сего, статья 29 выдѣляется еще и тѣмъ изъ ряда другихъ статей Мироваго Устава, что преимущественно на почвѣ этой статьи возможны столкновенія взглядовъ судебной власти со взглядами другихъ правительственныхъ властей по вопросу о законности того или другаго изъ ихъ требованій, такъ какъ самъ законъ обязываетъ судъ обсуждать, при примѣненіи 29-й статьи, законность или незаконность даннаго требованія, неисполненіе котораго

послужило основаніемъ для привлеченія виновнаго къ отвѣтственности. Вышеизложенное служитъ достаточнымъ основаніемъ для признанія необходимымъ всесторонняго изученія сказанной 29 статьи; для удобства же ея изученія поставимъ рядъ вопросовъ, въ отвѣтахъ на которые и будетъ заключаться нашъ взглядъ на точный ея смыслъ.

1) *Съ какими статьями Устава и Уложенія ст. 29 соприкасается?* Ближайшею къ 29-й ст. по содержанію своему слѣдуетъ признать—ст. 273 Улож. о нак., въ которой сказано: „если и безъ всякаго явнаго возстанія или сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, нѣсколько человѣкъ согласятся не исполнять какое либо предписаніе сихъ властей, или уклоняться отъ исполненія какихъ либо законныхъ государственныхъ или общественныхъ повинностей, то за сіе“ и т. д. И такъ, согласіе или предварительный уговоръ нѣсколькихъ лицъ на неисполненіе законныхъ требованій властей, отъ правительства установленныхъ, изъемлетъ данное преступное дѣяніе изъ подсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ. Въ Уставѣ же о нак. статья 29 граничитъ—по содержанію своему —съ 30 статьею, преслѣдующею ослушаніе полицейскимъ или другимъ стражамъ и т. д. Въ чемъ именно заключается различіе этихъ двухъ статей будетъ нами разсмотрѣно ближе при толкованіи 30-й статьи.

2) *На кого можетъ распространяться дѣйствіе 29 статьи?* Дѣйствіе ст. 29-й распространяется на всѣхъ тѣхъ, коимъ исполненіе законныхъ требованій не вмѣнено въ особую обязанность. Такими лицами являются подчиненные по отношенію къ своему „непосредственному и главному начальству“, нарушеніе коими обязанности повиноваться и ослушаніе „явно оказанное начальству въ дѣлѣ службы“ преслѣдуются ст. 392 и 393 Улож. о нак. Но и эти лица подпадаютъ дѣйствію 29-й ст. въ томъ случаѣ, когда ослушаніе начальству оказано было не „въ дѣлахъ службы“.

3) *Всегда ли неисполненіе наказуемо при наличности всѣхъ признаковъ этого проступка?* Въ судебной практикѣ не-

рѣдко встрѣчаются случаи неисполненія обвиняемыми законныхъ распоряженій правительственныхъ властей и при томъ распоряженій, не обложенныхъ по Уставу „никакимъ инымъ наказаніемъ", причемъ такое неисполненіе, тѣмъ не менѣе, нельзя подводить подъ дѣйствіе 29-й ст. Причина этого заключается въ томъ, что для признанія даннаго неисполненія имѣющимъ преступный характеръ необходимо установить, что это законное распоряженіе было *предъявлено* обвиняемому, извѣстно ему или опубликовано установленнымъ порядкомъ; неисполненіе же кѣмъ либо не объявленнаго вовсе распоряженія не можетъ, очевидно, влечь за собою примѣненія 29 статьи. Распоряженія правительственныхъ или полицейскихъ властей могутъ имѣть въ виду или отдѣльное лицо или же группу лицъ и сообразно этому видоизмѣняется и порядокъ объявленія распоряженія: въ 1-мъ случаѣ ставится въ извѣстность данное лицо путемъ предъявленія ему требованія, во 2-мъ же случаѣ распоряженіе объявляется во всеобщее свѣдѣніе тѣмъ или другимъ порядкомъ. Нѣтъ никакой необходимости въ заявленіи требованія частному лицу непремѣнно *письменно*, какъ это иногда практикуется, полиціею, такъ какъ форма исключительно письменныхъ сношеній полиціи съ обывателями неустановлена закономъ и распоряженіе, объявленное словесно, должно почитаться объявленнымъ правильно, если только судъ убѣжденъ, что объявленіе это дѣйствительно имѣло мѣсто. Объявленіе же во всеобщее свѣденіе производится различными путями; такъ, вывѣшиваются объявленія на видныхъ мѣстахъ, или же данное распоряженіе оглашается устно на улицахъ и площадяхъ города полицейскимъ служителемъ, созывающимъ слушателей барабаннымъ боемъ и т. п. Распоряженіе, оглашенное однимъ изъ принятыхъ въ данной мѣстности способомъ, должно признаваться объявленнымъ и обвиняемый не можетъ отговариваться тѣмъ, что именно онъ этого объявленія не слышалъ или же не читалъ. Кассаціонною практикою Сената начало это установлено въ рѣшеніи 71 года № 276, въ которомъ выражено, что „дѣяніе подсудимыхъ (купанье въ открытомъ

мѣстѣ, не сопровождавшееся дѣйствіями, нарушающими общественное приличіе и благопристойность) могло быть разсматриваемо только какъ ослушаніе распоряженіямъ полиціи, если бы распоряженіе полиціи о запрещеніи купаться въ данной мѣстности было имъ извѣстно или объявлено было установленнымъ порядкомъ". То же высказано и въ рѣшеніи Сената за 1875 г. № 53.

4) *Какія распоряженія, требованія или постановленія слѣдуетъ признавать законными?* 29 статья караетъ неисполненіе только *законныхъ* требованій или распоряженій; въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія, какъ въ виду яснаго смысла этой статьи, такъ и многочисленныхъ Сенатскихъ разъясненій. Положеніе это подкрѣпляется еще и тѣми Сенатскими рѣшеніями, которыми устанавливается во 1-хъ) право суда „требовать отъ полиціи или городскихъ учрежденій подтвержденія законности ихъ требованій" (рѣш. 69 г. №№ 431 и 606 и 71 г. № 443) и во 2-хъ) обязанность его „обсудить и опредѣлить дѣйствительную законность этихъ распоряженій" (тѣ же Сен. рѣш.). То же высказываетъ Сенатъ въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній, причемъ въ одномъ изъ нихъ — 71 г. № 942 — даже высказалъ, что „оставленіе аппеляціонною инстанціею безъ обсужденія объясненій, изложенныхъ въ апеляціонномъ отзывѣ, о незаконности требованій полиціи, лишаетъ приговоръ силы судебнаго рѣшенія". Взгляда этого Сенатъ продолжаетъ придерживаться и до настоящаго времени, такъ какъ въ 86 году имъ былъ кассированъ приговоръ одного изъ Съѣздовъ Варшавскаго судебнаго округа (по д. Рубиновича) за неуказаніемъ съѣздомъ того закона, въ силу котораго имъ признано правильнымъ требованіе полиціи объ устройствѣ обвиняемымъ тротуара около своего дома. Несомнѣнно также и то, что судъ, обсуждая *законность* даннаго требованія, не долженъ вовсе входить въ обсужденіе его *цѣлесообразности* или *практичности.* Вопросъ—и самый существенный—заключается поэтому въ томъ, какія постановленія или распоряженія слѣдуетъ признавать законными? Подходя къ разрѣшенію это-

го вопроса путемъ или способомъ исключенія, укажемъ, прежде всего, что данное постановленіе или распоряженіе нельзя признавать законнымъ единственно въ силу того основанія, что обвиняемый далъ подписку въ исполненіи этого распоряженія, Сенатъ—въ рѣш. 72 г. № 1365 — разъяснилъ, что „одна подписка исполнить извѣстное требованіе не можетъ еще служить безусловнымъ основаніемъ къ признанію таковаго требованія обязательнымъ и подвергать виновнаго наказанію по ст. 29-й Уст. о нак. Въ рѣшеніи своемъ 1869 года № 606 Правительствующій Сенатъ уже объяснилъ, что подобнаго рода подписки могутъ придать обязательную силу только такому распоряженію, которое во 1-хъ) заключаетъ въ себѣ какія либо несущественныя неправильности, но не содержитъ въ себѣ требованій или постановленій, выходящихъ изъ предѣловъ власти мѣста или лица, сдѣлавшихъ распоряженіе и во 2-хъ) послѣдовало въ отношеніи какого либо единичнаго извѣстнаго случая, а не установляетъ для частнаго лица цѣлый рядъ послѣдовательныхъ обязательныхъ дѣйствій на неопредѣленное время“. Тѣмъ менѣе можетъ считаться законнымъ данное распоряженіе единственно въ силу того факта, что обвиняемый не обжаловалъ въ установленный срокъ этого распоряженія; въ этомъ же смыслѣ высказался и Сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ: 69 г. № 606, 70 г. № 1635 и 77 г. № 3 (по Общ. Собр.); наконецъ слѣдуетъ указать еще, что Сенатъ—въ рѣш. 75 г. № 531—высказалъ, что „для примѣненія 29 ст. недостаточно признать, что неисполненное частнымъ лицомъ требованіе полицейскаго чиновника основано на постановленіи полицейскаго управленія, а необходимо обсудить законность самаго постановленія полиціи“.

Установивъ выше *что нельзя признавать законнымъ,* укажемъ теперь на положительные признаки законнаго требованія. Въ этомъ отношеніи руководящимъ рѣшеніемъ слѣдуетъ признать рѣшеніе Сената за 1881 годъ № 2, въ которомъ сказано: „требованіе полицейской или административной власти тогда только можетъ быть признано законнымъ и влечь за собою отвѣтственность за неисполненіе онаго, *когда оно основано на по-*

ложительномъ законѣ, или же вытекаетъ изъ общаго смысла законовъ, опредѣляющихъ кругъ вѣдомства этой власти; поэтому не могутъ быть признаваемы законными такія требованія административной или полицейской власти, которыя хотя и имѣютъ цѣлью охраненіе общественнаго порядка и личной безопасности гражданъ, но не разрѣшены положительнымъ закономъ, и въ тоже время, ограничиваютъ личныя права частныхъ лицъ, или же ихъ права по распоряженію имуществомъ, огражденныя тѣми же законами". Въ этомъ же рѣшеніи высказано далѣе, что „судебная власть не можетъ по своему усмотрѣнію расширять или стѣснять кругъ законныхъ мѣръ, за неисполненіе коихъ виновные подлежатъ наказанію и для этого основываться на какихъ либо иныхъ соображеніяхъ, кромѣ точнаго смысла закона и узаконяя своимъ приговоромъ мѣру, неустановленную закономъ, судъ выходитъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти".

То же начало выражено и въ рѣшеніяхъ Общаго Собранія I-го Кас. Деп. Прав. Сената 76 года № 311 и 77 г. № 3, въ которыхъ сказано: „распоряженія, требованія и постановленія городскаго общественнаго управленія должны быть признаваемы законными, какъ тогда, когда они заключаютъ въ себѣ простое требованіе объ исполненіи прямаго и несомнѣннаго предписанія закона, такъ и тогда, когда они истекаютъ изъ непосредственнаго усмотрѣнія управленія, будучи изданы и объявлены къ исполненію, въ предѣлахъ круга вѣдомства и власти, предоставленныхъ сему управленію городовымъ положеніемъ".

Такимъ образомъ, то требованіе, прежде всего, законно, которое основано на положительномъ законѣ; по отношенію къ этому виду законныхъ требованій Сенатомъ—въ упомянутыхъ выше рѣшеніяхъ 69 г. № 606 и 73 г. № 3 (по Общ. Собр.)—высказано, что „въ тѣхъ случаяхъ, когда требованіе или распоряженіе основано на положительномъ законѣ, осуществленіе судомъ принадлежащаго ему права повѣрять законность предъявленнаго требованія выражается въ простомъ удостовѣреніи, что существуетъ законъ, на основаніи котораго сдѣлано то или

другое распоряженіе. Но если власть, предъявдяющая требованіе, основываетъ законность его на толкованіи закона, то судебная власть должна имѣть право разсмотрѣть правильность этого толкованія; иначе право опредѣленія виновности или невиновности обвиняемаго перешло бы отъ судебной власти къ административнымъ мѣстамъ и лицамъ, указаннымъ вь ст. 29; судъ назначалъ бы наказаніе не по убѣжденію въ томъ, что обвиняемый дѣйствительно нарушилъ законъ, а только потому, что обвинитель требовалъ наложенія наказанія".

Затѣмъ, законнымъ должно быть признаваемо требованіе, вытекающее изъ общаго смысла законовъ, опредѣляющихъ кругъ вѣдомства данной власти. Но этотъ второй видъ законныхъ требованій вызвалъ весьма существенную оговорку, состоящую въ томъ, что подобнаго рода требованія въ томъ только случаѣ могутъ считаться законными, если не ограничиваютъ огражденныхъ закономъ личныхъ или имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Въ развитіе этой оговорки Сенатомъ—въ рѣш. 69 г. № 606—высказано, что неисполненіе требованій полиціи объ освѣщеніи черныхъ лѣстницъ въ Петербургѣ не подходитъ подъ 29 ст., такъ какъ „на распоряженіе объ освѣщеніи лѣстницъ полицейская власть не уполномочена ни общими постановленіями, опредѣляющими предметы вѣдомства этой власти, ни особыми правилами, установленными для дѣятельности С.-Петербургской полиціи; въ числѣ же обязанностей, лежащихъ по закону на домовладѣльцахъ С.-Петербурга, такой обязанности не существуетъ, и самый порядокъ установленія повинностей городскихъ обывателей совершенно изъятъ изъ вѣдомства полицейской власти". По Варшавскому судебному округу есть тоже весьма важное рѣшеніе, проводящее тотъ же взглядъ, а именно—Сен. рѣш. за 81 г. № 38, въ которомъ значится, что какъ требованіе, предъявленное полиціею къ домохозяевамъ объ отводѣ ихъ дворникамъ сухихъ, теплыхъ и свѣтлыхъ помѣщеній, такъ и требованіе полиціи объ увеличеніи числа дворниковъ при домахъ въ Варшавѣ—превышаютъ предѣлы правъ полиціи и неисполненіе этихъ требованій не под-

ходитъ подъ 29 ст., причемъ высказано, что „хотя полиціи, по самой сущности лежащихъ на ней обязанностей, безспорно принадлежитъ право воспрещать проживаніе въ помѣщеніяхъ, устроенныхъ безъ соблюденія правилъ, предписанныхъ закономъ въ огражденіе общественной безопасности или народнаго здравія, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы полиція могла требовать отъ домохозяевъ отвода дворникамъ домовъ ихъ соотвѣтствующихъ ея указаніямъ помѣщеній. То обстоятельство, что это требованіе основано было на распоряженіи бывшаго Намѣстника Царства Польскаго, еще не давало Съѣзду права примѣнять по настоящему дѣлу 29 ст. Уст. о нак., такъ какъ означенное распоряженіе, распубликованное въ приказѣ по Варшавской полиціи и предписывающее отводъ дворникамъ здоровыхъ помѣщеній, какъ одну изъ мѣръ къ улучшенію санитарнаго состоянія города, подлежала исполненію по отношенію къ данному случаю не иначе, какъ въ предѣлахъ установленныхъ закономъ правилъ относительно охраненія народнаго здравія". По вопросу же о количествѣ дворниковъ Сенатомъ высказано: „въ общихъ, дѣйствующихъ какъ въ Имперіи, такъ и въ городахъ Царства Польскаго, законахъ не содержится правила, въ силу котораго представители административной власти могли бы опредѣлять, по своему усмотрѣнію, число дворниковъ для тѣхъ или другихъ домовъ и, какъ исключеніе, это право предоставлено административнымъ властямъ лишь въ мѣстностяхъ, объявленныхъ—въ силу Высочайше утвержденнаго 14 Августа 1881 года Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія—въ состояніи усиленной или чрезвычайной охраны. Поэтому, при обыкновенныхъ условіяхъ, а слѣдовательною и въ г. Варшавѣ, не находящемся и не находившемся во время неисполненія подсудимыми требованія полиціи объ увеличеніи числа дворниковъ, въ какомъ либо исключительномъ положеніи, полиція хотя и можетъ предъявлять къ домохозяевамъ требованія о содержаніи домовъ въ порядкѣ и съ соблюденіемъ санитарныхъ и другихъ правилъ, служащихъ къ огражденію общественнаго бла-

гоустройства и безопасности, и затѣмъ возбуждать преслѣдованіе противъ домохозяевъ, неисполнившихъ ея требованій, но при всемъ томъ, она не въ правѣ, въ измѣненіе или дополненіе законовъ, постановлять, чтобы требованія эти исполнялись посредствомъ опредѣленнаго, по ея собственному усмотрѣнію, числа лицъ, служащихъ при домахъ, въ качествѣ дворниковъ, такъ какъ отъ домохозяина вполнѣ зависитъ исполнять всѣ работы по дому, и въ томъ числѣ и потребованныя полиціею, самому, или же нанимать для этой цѣли одного или нѣсколькихъ рабочихъ".

Въ виду вышеизложеннаго ясно, что для правильнаго примѣненія 29-й ст. весьма важно знать кругъ и предѣлы вѣдомства власти, возбудившей преслѣдованіе за неисполненіе ея требованій, а такъ какъ болѣе всего дѣлъ по нарушенію 29-й ст. возбуждаетъ на практикѣ полиція, то мы и укажемъ здѣсь —въ общихъ чертахъ — предѣлы вѣдомства чиновъ земской стражи, гминныхъ войтовъ и бургомистровъ.

Права и обязанности чиновъ земской стражи изложены въ „Инструкціи нижнимъ чинамъ земской стражи въ Царствѣ Польскомъ"; въ ст. 1 этой инструкціи сказано, что нижніе чины земской стражи въ уѣздѣ подчиняются непосредственно помощнику уѣзднаго начальника по полицейской части, коему, посему, присвоено названіе начальника земской стражи; далѣе сказано,—въ ст. 3 — что на обязанность стражниковъ вообще возлагается полицейское наблюденіе за участкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ: охраненіе общественнаго спокойствія, порядка, благочинія, безопасности и должнаго повиновенія властямъ и предупрежденіе, пресѣченіе и преслѣдованіе преступленій и проступковъ. Въ ст. 10 сказано, что „стражники, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, находясь постоянно въ формѣ и при оружіи, пользуются правами часовыхъ; виновные въ нанесеніи имъ оскорбленій или явномъ сопротивленіи ихъ законнымъ требованіямъ подвергаются отвѣтственности, опредѣленной за оскорбленіе и сопротивленіе часовымъ. Въ частности, на чиновъ земской стражи возлагается обязанность

слѣдить: за исправнымъ отбываніемъ ночныхъ карауловъ, за своевременнымъ закрытіемъ шинковъ и вообще питейныхъ домовъ, за порядкомъ на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, за храненіемъ пороха и оружія (ст. 12), за исправнымъ состояніемъ дорогъ, мостовъ, плотинъ и переправъ (ст. 14), за соблюденіемъ жителями предосторожности отъ огня (ст. 15), за чистотою и опрятностью въ городахъ и селеніяхъ, на улицахъ, площадяхъ, дворахъ, бойняхъ, въ мясныхъ лавкахъ и питейныхъ заведеніяхъ (ст. 17) и т. д.

Что касается гминнаго и сельскаго общественнаго управленія, то, согласно ст. 11 Указа 19-го Февраля 1864 года, въ каждой сельской гминѣ гминное управленіе составляютъ: а) гминный сходъ, б) гминный войтъ —по одному въ каждой гминѣ—и в) солтысы. Сверхъ того, гмины могутъ имѣть, буде найдутъ нужнымъ, особыхъ гминныхъ писарей, сборщиковъ податей, смотрителей училищъ и больницъ, лѣсныхъ и полевыхъ сторожей и другихъ лицъ для хозяйственныхъ должностей, сельское же общественное управленіе составляютъ: сельскій сходъ и солтысъ (ст. 99 Ук. 19 Фев. 64 г.). Гминные войты имѣютъ право требовать предъявленія законныхъ видовъ отъ проѣзжающихъ и отъ временно въ гминѣ проживающихъ и призывать къ явкѣ въ гминное управленіе каждаго изъ жителей гмины (ст. 28); солтысъ есть помощникъ гминнаго войта и власть его простирается на всѣхъ жителей гмины; въ особенности же простирается она на жителей той деревни или колоніи, которою онъ избранъ, ослушаніе или сопротивленіе законнымъ распоряженіямъ солтыса подвергаетъ виновныхъ наказанію на равнѣ съ неповиновеніемъ гминному войту (ст. 32). Гминные войты обязаны принимать предписанныя полицейскія мѣры къ предупрежденію всякаго рода преступленій и проступковъ; къ предотвращенію пожаровъ, скотскихъ падежей и другихъ тому подобныхъ бѣдствій, наблюдать за исправнымъ содержаніемъ въ гминѣ дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ и т. п.; отводить квартиры для располагаемыхъ въ гминѣ войскъ и наряжать подводы подъ военныя и другія правительственныя потребно-

сти; надзирать за шинками и постоялыми дворами и другими того же рода заведеніями, а также за вѣрностью вѣсовъ и мѣръ на базарахъ, вести книги народонаселенія, принимать мѣры по охраненію народнаго здравія, по принятію предосторожности отъ пожаровъ и при нарушеніи ихъ и т. д.

Что касается, наконецъ, бургомистровъ (или президентовъ) городовъ, то кругъ вѣдомства ихъ очерченъ, главнымъ образомъ, въ „правилахъ о разграниченіи полицейскихъ правъ и обязанностей между земскою стражею, бургомистрами и гминными войтами въ Царствѣ Польскомъ“ (утв. Намѣстн. 7 Дек. 1866 года). Въ ст. 6 этихъ правилъ сказано, что на обязанности бургомистровъ лежитъ, между прочимъ, надзоръ за правильнымъ производствомъ торговли вообще и употребленіемъ торговцами клейменныхъ мѣръ и вѣсовъ, надзоръ за продажею хлѣба, мяса, фруктовъ и вообще всѣхъ съѣстныхъ припасовъ и жизненныхъ продуктовъ, а также за точнымъ соблюденіемъ правилъ о развозѣ и продажѣ напитковъ, табаку и соли; надзоръ за размѣномъ денегъ на мѣняльныхъ столикахъ, веденіе книгъ народонаселенія, принятіе мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, завѣдываніе дѣлами по устройству и исправному содержанію въ чертѣ города дорогъ, переправъ и т. д.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ примѣненія 29-й ст., встрѣчающихся—какъ намъ извѣстно—въ практикѣ мировой юстиціи Царства Польскаго.

а) *Неисполненіе требованій объ отводѣ квартиръ или доставкѣ подводъ.* Квартирная и подводная повинности отбываются въ губерніяхъ Царства Польскаго натурою, за исключеніемъ г. Варшавы, гдѣ—согласно Постановленію Совѣта Царства Польскаго отъ 31 Марта 1867 года, состоявшемуся въ отмѣну таковаго же Постановленія отъ 12 Октября 1837 года,—помѣщенія для нижнихъ чиновъ нанимаются магистратомъ на квартирныя суммы, а генераламъ, офицерамъ и проч. квартиры не отводятся отъ города натурою, но чины эти пользуются квартирными деньгами, по тарифу. Въ деревняхъ же и коло-

ніяхъ освобождены отъ квартирной повинности дома утвержденныхъ дворянъ, занимаемые владѣльцами оныхъ (въ силу Высоч. утв. 16 Авг. 1836 г. Полож. о дворянствѣ въ Царствѣ Польскомъ). Затѣмъ остальные домовладѣльцы должны отбывать квартирную или постойную повинность въ натурѣ, при чомъ въ селеніяхъ очередь отбыванія повинности устанавливается сельскимъ сходомъ, а наблюденіе за правильнымъ отбываніемъ очереди возложено на гминныхъ войтовъ; въ городахъ же предметы эти вѣдаются квартирными коммисіями.

Равнымъ образомъ и подводная повинность отбывается въ губерніяхъ Царства Польскаго натурою. Подводная повинность первоначально нормировалась Постановленіемъ отъ 22 го Мая 1810 года Фридриха—Августа „Божіею милостью Короля Саксонскаго, Князя Варшавскаго"; затѣмъ и это постановленіе и всѣ послѣдующія отмѣнены „Правилами для взысканія обывательскихъ подводъ въ Царствѣ Польскомъ" отъ 22 Апрѣля 1658 года, подробно излагающими порядокъ доставленія подводъ, размѣръ этой повинности, производство платежа за доставленныя подводы и т. п. Выс. утв. Полож. Комитета по дѣл. Царс. Польс. отъ 11-го Февраля 1871 года предоставляетъ чинамъ земской стражи—въ извѣстныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ—брать подводы на проѣздъ по дѣламъ службы.

Неисполненіе этихъ повинностей служитъ нерѣдко основаніемъ для возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ виновныхъ въ уклоненіи отъ отбыванія повинности и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что подведеніе подобнаго проступка подъ 29 ст. должно быть признаваемо вполнѣ правильнымъ. Требованіе надлежащей власти объ очисткѣ квартиры или о доставленіи извѣстнаго количества подводъ, какъ основанное на законѣ, является законнымъ, и при разсмотрѣніи обвиненія въ неисполненіи этого требованія суду не слѣдуетъ входить въ обсужденіе того, не нарушена ли очередь въ отбываніи повинности, не превышенъ ли размѣръ ея и т. п., такъ какъ всѣ эти вопросы могли быть возбуждены обвиняемыми своевременно и обжало-

ваны подлежащей власти, а требованіе объ исполненіи повинности—своевременно ему объявленное—подлежало исполненію.

По разсматриваемому нами вопросу возбуждается лишь такого рода сомнѣніе: не слѣдуетъ ли неисполненіе повинности подводить подъ неисполненіе судебнаго рѣшенія или неуплату подати, не влекущія за собою уголовнаго наказанія въ виду того, что законъ разрѣшаетъ понудительное исполненіе рѣшенія или взысканія подати. Сомнѣніе это должно быть—на нашъ взглядъ—разрѣшено въ томъ смыслѣ, что отбываніе натуральной повинности не можетъ быть приравниваемо въ данномъ случаѣ къ уплатѣ денежнаго взысканія. Законъ возлагаетъ на обывателя извѣстную повинность и требуетъ, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній, отбыванія ея натурою и обывателю не предоставлено право замѣнять эту натуральную повинность денежною и возлагать на администрацію обязанность озабочиваться—вмѣсто него — доставленіемъ извѣстнаго предмета натурою. Власть въ правѣ требовать, чтобы данное лицо доставило *натурою* то, что отъ него требуется въ силу закона и уклоненіе отъ исполненія этого требованія несомнѣнно является проступкомъ, преслѣдуемымъ 29-ю статьею Мир. Устава.

б) *Нарушеніе правилъ о перевозахъ.* 21 Іюля 1818 года состоялось Постановленіе Намѣстника въ Царствѣ, по Государственному Совѣту, заключающее въ себѣ „основное законоположеніе о сборахъ за перевозы, подраздѣленіе перевозовъ на разряды, тарифы сборовъ, мѣры безопасности и полицейскія и подробныя правила“. Въ силу ст. 1-й этого Постановленія, всѣ владѣльцы имѣній, на земляхъ коихъ находился „перевозъ на публичной переправѣ“, обязаны были въ двухмѣсячный срокъ —современи опубликованія этого постановленія — подать прошеніе съ объясненіемъ: въ какомъ мѣстѣ, на какомъ трактѣ и за какую плату производилась переправа; просителямъ выдавались свидѣтельства и затѣмъ—въ силу 3-й ст. Пост. 1818 года — никакія переправы не могутъ быть устраиваемы безъ надлежащаго разрѣшенія. Въ послѣдующихъ статьяхъ Постан. 1818 года установлены тарифы сборовъ за перевозъ, правила

наблюденія за исправнымъ содержаніемъ судовъ и прислуги, указываются обязанности содержателей перевозовъ и т. п. 9-го Февраля 1822 года Правит. Ком. Вн. Дѣлъ и Полиц. подтвердила, что перевозныя судна должны быть въ исправномъ состояніи, при нихъ должно находиться нужное число потребныхъ инструментовъ, въѣздные и съѣздные мостики должны быть сдѣланы не изъ хвороста, а изъ дерева, перевозчики же чтобы были люди способные, трезвые и въ достаточномъ количествѣ. Въ 1845 году состоялось распоряженіе Правит. Ком. Внутр. и Духов. Дѣлъ, разрѣшающее, въ чрезвычайныхъ случаяхъ прерванія сообщенія, учреждать временныя переправы, съ прекращеніемъ взиманія сбора вслѣдъ за приведеніемъ мостовъ и плотинъ въ первобытное состояніе. Высочайшимъ же указомъ 19 Февраля 1864 года обязанность наблюденія за исправнымъ содержаніемъ въ гминѣ дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ и проч. возложено—въ ряду другихъ обязанностей—на гминныхъ войтовъ.

Въ виду вышеизложеннаго представляется несомнѣннымъ, что нарушеніе правилъ предосторожности, предписанныхъ для рѣчныхъ перевозовъ, должно быть подводимо подъ дѣйствіе 126 ст. Уст. о нак., устройство же перевозовъ безъ надлежащаго разрѣшенія и незакрытіе ихъ, не смотря на требованіе власти, должно быть преслѣдуемо по 29 ст. Мир. Уст.; по этой же статьѣ Уст. о нак. должны быть наказываемы содержатели перевозовъ за взятіе платы свыше тарифа, согласно разъясненію Прав. Сената—рѣш. 74 г. № 738 по д. Вебера—по аналогичному случаю продажи хлѣба свыше таксы.

в) *Нарушеніе шоссейныхъ правилъ и правилъ о безопасности желѣзныхъ дорогъ.* „Правила касательно благоустройства на шоссейныхъ дорогахъ" изданы 12 Февраля 1822 года Княземъ Намѣстникомъ въ Царствѣ. Порча шоссе, прогонъ скота по шоссе безъ соблюденія установленныхъ для того правилъ и несоблюденіе правилъ, установленныхъ для ѣзды обозами по шоссе, предусмотрѣны ст. 70, 71 и 74 Уст. о нак. и потому эти проступки не могутъ быть подводимы подъ дѣйствіе 29-й

ст., остальныя же нарушенія правилъ 22 года должны быть наказываемы по 29 ст. Правилами этими воспрещается постройка строеній, заборовъ и изгородей на поляхъ и открытыхъ мѣстахъ ближе двухъ саженей отъ канавы шоссейной дороги, пахатныя же поля не должны доходить на три фута до шоссейной канавы, вѣтрянныя мельницы не могутъ быть устраиваемы ближе 20 саженей отъ шоссейной дороги; запрещается выбрасывать на шоссейную дорогу снѣгъ, мусоръ, сорныя травы и т. п., заводить на нихъ торги, затруднять по онымъ проѣздъ и т. д. Въ 1825 году издано правило, чтобы проѣзжающіе по публичнымъ дорогамъ держались правой стороны; распоряженіе же 25 года о томъ, чтобы свиньямъ продѣвались сквозь ноздри проволочныя кольца имѣетъ характеръ только совѣта и потому несоблюденіе этого распоряженія не можетъ влечь за собою преслѣдованія по 29 ст. Уст. о нак.

27-го апрѣля 1857 года состоялось Постановленіе Совѣта Управленія Царства, заключающее въ себѣ правила, охраняющія безопасность желѣзныхъ дорогъ. Переѣздъ черезъ желѣзную дорогу и неумышленное поврежденіе ея преслѣдуется ст. 76 и 76[1] Уст. о нак., умышленное поврежденіе наказывается по Улож. о нак.; складываніе стоговъ сѣна и т. п. ближе 90 фут. отъ середины желѣзной дороги слѣдуетъ подводить подъ 90 ст. Уст. о нак., а остальные проступки, какъ то: ходьба по линіи желѣзной дороги, пастьба скота во рвахъ или за оградою желѣзной дороги и т. д. должны быть наказываемы по 29 ст.

г) *Нарушеніе правилъ о пловучихъ мельницахъ.* Изложеніе правилъ о пловучихъ мельницахъ (Выс. Утв. Прав. 1879 года) отнесено нами къ 86 ст. Мир. Уст., теперь же мы замѣтимъ лишь, что тѣ изъ нарушеній этихъ правилъ, которыя не подходятъ подъ дѣйствіе 86 ст. Уст. о нак.,—какъ напр. неисполненіе распоряженій подлежащей власти по отношенію къ плотинамъ, разрѣшеннымъ на извѣстный срокъ или подъ извѣстными условіями,—должны быть подводимы подъ дѣйствіе 29-й ст. съ примѣненіемъ ст. 26-й того же Устава.

д) *Отказъ въ доставленіи документовъ къ книгамъ народо-*

населенія. Согласно инструкціи 10 Ноября 1861 года, утвержденной Совѣтомъ Управленія Царства, бургомистрами и президентами въ городахъ и войтами въ гминахъ ведутся книги народонаселенія для записыванія лицъ, какъ постоянно проживающихъ въ данной мѣстности, такъ и проживающихъ въ ней временно. Книги эти ведутся по установленнымъ формамъ и составляются на основаніи документовъ, истребованіе которыхъ лицами ведущими эти книги отъ частныхъ лицъ и отказъ сихъ послѣднихъ отъ доставленія требуемыхъ документовъ нерѣдко на практикѣ влечетъ за собою привлеченіе этихъ частныхъ лицъ къ отвѣтственности по 29-й ст. Уст. о нак. На нашъ взглядъ, подобное требованіе представленія документовъ не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ согласно 31-й ст. Инструкціи 1861 года для того, чтобы гминные войты и бургомистры могли съ точностью исполнять изложенныя въ предъидущихъ статьяхъ инструкціи формальности, всѣ чиновники, ведущіе акты гражданскаго состоянія, обязаны сообщать имъ, четыре раза въ годъ, подробныя вѣдомости о родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ. Правило это подтверждено затѣмъ и Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Совѣта отъ 28 Декабря 1882 года, помѣщеннымъ въ 14 № Собр. Узак. за 83 годъ. Установленіе этого правила съ достаточною ясностью показываетъ, что законодатель хотѣлъ освободить частныхъ лицъ отъ всѣхъ хлопотъ и затрудненій, соединенныхъ съ полученіемъ документовъ и, въ виду общегосударственнаго значенія дѣла веденія книгъ народонаселенія, возложилъ обязанность доставленія нужныхъ свѣденій на подлежащихъ должностныхъ лицъ. Но само собою разумѣется, что если лицу, ведущему книги народонаселенія, понадобится разъясненіе какихъ либо подробностей отъ лица, подлежащаго занесенію въ книгу, и лицо это, будучи вызвано въ мѣстное управленіе, не явится и откажется дать нужныя устныя разъясненія, то подобное неисполненіе законнаго требованія административной власти должно быть подведено подъ дѣйствіе 29 ст. Мир. Устава.

e) *Нарушеніе постановленій коммисаровъ по крестьян-*

скимъ дѣламъ. Ниже будетъ указано, что неисполненіе судебнаго *рѣшенія* не можетъ влечь за собою примѣненія 29-й ст.; хотя постановленія коммисаровъ не могутъ быть вполнѣ приравниваемы судебнымъ рѣшеніямъ, такъ какъ сами коммисары не могутъ считаться властью судебною, но, тѣмъ не менѣе, дѣятельность ихъ по разрѣшенію споровъ настолько подходитъ по характеру своему къ дѣятельности судебной, что даже исполненіе ихъ постановленій, имѣющихъ предметомъ денежныя взысканія, возлагается на органы судебной власти. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда коммисары устанавливаютъ извѣстныя нормы, опредѣляющія разъ на всегда отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, уклоненіе отъ ихъ постановленій тоже не подходитъ подъ понятіе неисполненія требованія и можетъ влечь за собою лишь требованіе со стороны потерпѣвшаго возстановленія нарушеннаго права или присужденія вознагражденія за вредъ и убытки. Таковы, напр., случаи нарушенія или превышенія сервитутовъ, отклоненія отъ ликвидаціонныхъ табелей и т. п. Въ виду вышеизложеннаго мы приходимъ къ тому заключенію, что нарушенія большинства постановленій коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ не могутъ быть подводимы подъ дѣйствіе 29 ст.; къ числу же ихъ постановленій, неисполненіе коихъ можетъ влечь за собою преслѣдованіе по 29 ст., мы относимъ постановленія, запрещающія временно лѣсовладѣльцамъ—до устройства лѣснаго хозяйства—рубку ихъ лѣса.

ж) *Нарушенія постановленій губернаторовъ.* Высоч. утвержденнымъ 13 Іюля 1876 года Положеніемъ Комитета Министровъ Губернаторамъ предоставлено право изданія—съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ — обязательныхъ по губерніи постановленій. Постановленія эти объявляются во всеобщее свѣдѣніе и затѣмъ неисполненіе ихъ должно влечь за собою примѣненіе 29 ст. Начальниками губерній Царства Польскаго издано весьма мало постановленій подобнаго рода: такъ намъ извѣстно, что по Петроковской губерніи ихъ за послѣднее время вовсе не было издаваемо, по Люблинской губ. издано одно (по поводу происходившихъ въ 1883 г. безпорядковъ въ Ново-

Александрійскомъ Институтѣ); по Калишской губер.. совсѣмъ нѣтъ обязательныхъ губернаторскихъ постановленій, по Кѣлецкой губ. имѣется одно (для легковыхъ извощиковъ въ гор. Кѣльцахъ); по Ломжинской губерніи ихъ издано два (о веденіи домовладѣльцами книгъ для пріѣзжающихъ и объ освѣщеніи входовъ въ питейныя завед.), и еще одно по г. Острову съ запрещеніемъ купанья и стирки бѣлья въ городскомъ пруду и одно по г. Ломжѣ (объ освѣщеніи лѣстницъ); по Радомской губерніи всего два: о воспрещеніи сношенія постороннихъ лицъ съ арестантами (изд. въ 80 г.) и о санитарномъ содержаніи города Радома (изд. въ 81 г.); по Сувалкской же губерніи имѣется три обязательныхъ постановленія: объ освѣщеніи домовладѣльцами губернскаго города парадныхъ и черныхъ лѣстницъ до 2-хъ часовъ ночи съ освѣщеніемъ и входовъ изъ подъ воротъ, объ очищеніи домовладѣльцами крышъ и водосточныхъ трубъ отъ снѣга и льда и объ установленіи для извощиковъ г. Сувалокъ единообразной кучерской одежды. Эти три послѣднія постановленія объявлены только въ Январѣ и Февралѣ 1886 года.

Оканчивая обзоръ частныхъ случаевъ примѣненія 29 ст., укажемъ еще, что вопросъ о нарушеніи правилъ объ еврейской одеждѣ разсмотрѣнъ нами при толкованіи 1 ст. Мир. Уст. (и ст. 110 Пол. о Прим.), вопросы же объ устройствѣ еврейскихъ моленъ и о продажѣ дутаго мяса будетъ разсмотрѣнъ нами при изложеніи ст. 41 и 173 Мироваго Устава.

з) *Въ какихъ еще случаяхъ, кромѣ указанныхъ въ п. 3, неисполненіе законнаго требованія не подходитъ подъ 29-ю ст.?* Заключительная фраза 29-й статьи ставитъ новую границу для ея примѣненія; въ ней говорится именно, что неисполненіе законныхъ распоряженій и т. д. тогда лишь наказывается по 29 ст. „когда симъ Уставомъ не опредѣлено за то инаго наказанія“. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что если полиція замѣчаетъ учиненіе кѣмъ либо проступка, предусмотрѣннаго какою либо изъ статей Устава о нак. и настаиваетъ на его прекращеніи, то неисполненіе такого ея требованія влечетъ за собою наказаніе не

по 29 ст. Устава, а по той его статьѣ, которая именно предусматриваетъ замѣченный полиціею проступокъ. Употребленное здѣсь выраженіе „Уставъ“ слѣдуетъ понимать шире, т. е. въ смыслѣ вообще карательнаго закона, такъ какъ нѣтъ никакого основанія выдѣлять въ этомъ отношеніи Мировой Уставъ изъ ряда другихъ карательныхъ узаконеній. Это признаетъ и Сенатъ, высказавшій,—въ рѣш. 72 г. № 1249,—что „ст. 29 имѣетъ въ виду такое неисполненіе законныхъ требованій надлежащихъ властей, за которое не опредѣлено наказанія въ какомъ либо иномъ уголовномъ законѣ“. Это же положеніе повторено Сенатомъ и во многихъ другихъ его рѣшеніяхъ и одно только рѣшеніе Сената высказываетъ прямо противоположный взглядъ по отношенію къ неисполненію требованія полиціи о содержаніи въ чистотѣ дворовъ и ретирадныхъ мѣстъ. Въ рѣшеніи этомъ—72 г. № 1359 по д. Владимірова — сказано: ,,въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ разрѣшенію вопросъ, подъ которую именно статью Устава о нак. слѣдуетъ подвести проступокъ обвиняемаго, заключающійся въ неисправномъ содержаніи двора и ретирадныхъ мѣстъ. Въ Уложеніи о нак., изд. 1857 г., поступокъ этотъ предусматривается ст. 1091, замѣненною какъ изъ сравнительнаго указателя къ Улож. о нак. изд. 1866 года видно, ст. 55 Уст. о нак. (позднѣйшимъ указомъ Сенатъ разъяснилъ, что въ сборникѣ Сен. рѣш. ошибочно помѣщена ст. 56 вмѣсто 55-й ст.), которая слѣдовательно и должна быть примѣняема къ означенному поступку. Хотя въ практикѣ Правительствующаго Сената бывали случаи, когда виновные въ неисправномъ содержаніи дворовъ и отхожихъ мѣстъ подвергались наказанію по ст. 102 или 29-й Уст. о нак., но примѣненіе этихъ статей обусловливалось особыми обстоятельствами, сопровождавшими поступокъ обвиняемыхъ; такъ напр. неисправное содержаніе двора подводилось подъ 102 ст., когда поступкомъ этимъ нарушались особыя предписанія полицейской власти или правила медицинской полиціи, установленныя для огражденія народнаго здравія во время существованія въ городѣ повальной болѣзни, а ст. 29 Уст. о нак. примѣнялась въ тѣхъ

случаяхъ, когда обвиняемый не приступилъ къ очисткѣ двора, не смотря па требованіе полиціи“. И такъ въ рѣшеніи этомъ прямо высказано, что хотя проступокъ неисправнаго содержанія двора и отхожихъ мѣстъ предусмотрѣнъ 55-ю ст. Уст. о нак., но что неисполненіе требованія полиціи объ очисткѣ должно быть преслѣдуемо по 29 ст. того же Устава. Противорѣчіе съ другими Сенатскими рѣшеніями очевидное и, на нашъ взглядъ, это мнѣніе Сената—о примѣнимости въ данномъ случаѣ 29-й ст.—можетъ быть согласовано съ другими Сенатскими рѣшеніями по тому же вопросу и принято къ руководству лишь подъ условіемъ признанія, что проступокъ неисправнаго содержанія двора и ретирадъ не предусмотрѣнъ ни одною изъ статей Мироваго Устава. Мы именно держимся того взгляда, что этотъ проступокъ можетъ быть наказуемъ только по 29-й ст. или же — въ случаѣ эпидеміи—по 102 ст. и взглядъ этотъ основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Буквальный смыслъ 55-й ст. самъ по себѣ дѣлаетъ немыслимымъ подведеніе подъ нея проступка неисправнаго содержанія двора и отхожихъ мѣстъ, такъ какъ статья эта говоритъ о несоблюденіи правилъ чистоты и опрятности *на улицахъ* и, слѣдовательно, съ дворами и задворками она ничего общаго не имѣетъ. Сенатское рѣшеніе подводитъ этотъ проступокъ подъ дѣйствіе 55-й ст. единственно въ силу того—какъ мы видѣли выше—соображенія, что ст. 1091 Улож. о нак. изд. 57 г., имѣвшая предметомъ своимъ этотъ проступокъ, замѣнена ст. 55-й Уст. о нак., какъ видно изъ Сравнительнаго Указателя къ Улож. о нак. изд. 1866 года; поэтому намъ необходимо въ настоящее время выяснить значеніе подобныхъ замѣнъ, наличность коихъ установлена Сравнительнымъ Указателемъ. Вопросъ о значеніи этого Указателя является вопросомъ общимъ для большинства статей Устава о нак. и поэтому разрѣшеніе его въ ту или другую сторону имѣетъ несомнѣнно большое практическое значеніе.

Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ и Н. А. Неклюдовъ въ своемъ Руководствѣ весьма часто ссылаются па этотъ Сравнительный Указатель, какъ на аргументъ въ пользу подведенія дан-

наго дѣянія подъ ту или другую статью Устава о нак., но они нигдѣ не устанавливаютъ начала *обязательности* этого Указателя при толкованіи Мироваго Устава. Напротивъ того, можно указать на такіе случаи, въ которыхъ и Сенатъ и Руководство признаютъ неправильнымъ замѣтки Указателя и подводятъ данное дѣяніе—*вопреки* Указателю — подъ одну изъ другихъ статей Устава о нак. Если это такъ, если мы съумѣемъ доказать наличность подобныхъ случаевъ, то явится безспорнымъ, что Сравнительный Указатель не носитъ и въ ихъ глазахъ характера непреложнаго разрѣшителя всякаго рода сомнѣній о томъ, подъ какую статью Устава слѣдуетъ подвести данное дѣяніе обвиняемаго. Случаи же эти слѣдующіе: Н. А. Неклюдовъ, перечисляя статьи Улож. о нак. изд. 1857 года, замѣненныя—согласно Указателю — статьею 29-ю Уст. о нак., останавливается на ст. 1447, преслѣдовавшей (по Улож. 1857 г.) куреніе табаку въ почтовыхъ каретахъ, дилижансахъ и вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, и замѣчаетъ по поводу ея, что „нарушеніе этого запрещенія, какъ предусмотрѣнное 91 и 92 ст. Уст. о нак., не можетъ быть облагаемо взысканіемъ по 29 ст.“ И такъ, Сравнительный Указатель требуетъ подведенія проступка, предусмотрѣннаго въ Улож. о нак. изд. 1857 года статьею 1447, подъ 29 ст., Руководство же подводитъ его подъ ст. 91 и 92, а не подъ 29 статью. Ранѣе того, говоря о ст. 1232 Улож. о нак. изд. 57 году, замѣненной по Указателю тоже 29 статьею, Н. А. Неклюдовъ замѣчаетъ, что проступокъ этотъ (необъявленіе о потерѣ вида) тогда лишь можно подводить подъ 29-ю ст., „когда будетъ существовать опубликованное распоряженіе надлежащей власти, требующее объявленія объ утратѣ“, т. е. вводитъ новый признакъ въ составъ проступка, признакъ не существовавшій въ ст. 1232 и, слѣдовательно, признаетъ что одного помѣщенія въ Указателѣ замѣны данной статьи Улож. 57 г. статьею Устава о нак. не достаточно еще для признанія проступка, прежде предусмотрѣннаго Уложеніемъ 57 года, караемымъ и по Уставу о нак., когда по составу своему онъ не подходитъ вовсе подъ ту или другую статью Мироваго Ус-

тава. Примѣры эти взяты нами только изъ толкованія Руководствомъ 29-й статьи, и хотя и ихъ достаточно для того, чтобы придти къ убѣжденію, что въ глазахъ Н. А. Неклюдова Сравнительный Указатель имѣетъ значеніе не столько безспорнаго аргумента, сколько пособія, дающаго возможность подведенія частныхъ случаевъ подъ болѣе общія нормы Мироваго Устава, съ сохраненіемъ, при томъ, за собою права вполнѣ самостоятельнаго отношенія къ этому Сравнительному Указателю, но, для большей очевидности, мы укажемъ еще на одинъ примѣръ. Въ Сравнительномъ Указателѣ ст. 1337, 1341 и 1342 Улож. о нак. изд. 57 г. показаны *замѣненными* статьею 44-ю Уст. о нак., Н. А. Неклюдовъ же, *изслѣдуя истинный смыслъ 44 статьи*, приходитъ къ тому заключенію, что „постановленія ст. 1337, 1341 и 1342 Улож. 1857 года должны почитаться не замѣненными ст. 44-ю Уст., а *отмѣненными* ею".

Подобное же отношеніе и Сената къ Сравнительному Указателю высказывается--и съ неменьшею ясностью—въ рѣшеніи его за 81 г. № 30 по д. Завадскаго. Въ рѣшеніи этомъ, разсматривая вопросъ о наказуемости продажи надутаго мяса въ его историческомъ развитіи и объяснивъ, что въ Сравнительномъ Указателѣ статей Уложенія, приложенномъ къ изданію 1866 года, противъ 1099 ст. Улож. 1857 г. (имѣвшей предметомъ своимъ именно воспрещеніе надувать мясо для приданія ему лучшаго вида)—сдѣлана отмѣтка, указывающая на ст. 173 Уст. о нак. (предусматривающую мошенническіе поступки), Сенатъ говоритъ: „отсюда возникаетъ вопросъ — какое значеніе слѣдуетъ придавать означенной отмѣткѣ, значеніе ли замѣны 1099 ст. Улож. статьею 173 Уст. о нак., т. е. обязательнаго предписанія признавать дѣйствія лицъ, надувающихъ мясо для приданія ему лучшаго вида, мошенничествомъ, или только значеніе указанія, что подобныя дѣйствія должны быть преслѣдуемы по 173 ст. Уст. о нак., если онѣ совмѣщаютъ въ себѣ всѣ признаки мошенничества? Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія,—говоритъ Сенатъ,—что исключеніе изъ Уложенія 1866 г. ст. 1099 и указаніе, что этой статьѣ соотвѣтствуетъ ст. 173

Уст. о нак., должно быть понимаемо въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Законъ (1665 ст. Улож. о нак.) даетъ прямое объясненіе, что слѣдуетъ разумѣть подъ преступленіемъ мошенничества, а потому онъ противорѣчилъ бы самъ себѣ, если бы дѣйствія лицъ, несовмѣщающія въ себѣ всѣ установленные имъ признаки этого преступленія, предписывалъ бы признавать мошенничествомъ и облагать наказаніями, за мошенничество опредѣленными“. Эти соображенія Сената можно примѣнить къ любой изъ статей Устава о нак., такъ какъ нельзя, въ самомъ дѣлѣ, требовать подведенія даннаго дѣянія подъ ту или другую статью Устава безъ всякого соображенія о томъ, подходитъ ли оно по составу своему подъ данную статью, а единственно въ силу того факта, что проступокъ этотъ преслѣдовался такою—то статьею Улож. о нак. изд. 57 г. и въ Сравнительномъ Указателѣ сдѣлана отмѣтка, что статья эта замѣнена данною статьею Устава о нак.

Не менѣе ясно высказался Сенатъ и въ рѣшеніи своемъ за 72 г. № 1230; въ рѣшеніи этомъ сказано, что хотя ст. 46 значится по Сравнительному Указателю замѣнившею собою ст. 1329 Улож. о нак. изд. 57 г., но что при сравненіи изложенія содержанія этихъ двухъ статей оказывается въ редакціи ихъ существенная разница, почему, и въ виду содержанія 46 ст. Устава, не призналъ возможнымъ подвести подъ ея дѣйствіе проступокъ, предусмотрѣнный статьею 1329 Улож. 57 г., хотя она и показана замѣненною 46 статьею въ Сравнительномъ Указателѣ. По поводу этихъ же статей закона г. Лохвицкій (Курсъ рус. угол. пр. стр. 436) замѣчаетъ, что съ показаніемъ Указателя о замѣнѣ 1329 ст. Улож. статьею 46 Уст. „невозможно согласиться, ибо 46 ст. составляетъ новое постановленіе“.

Въ виду приведенныхъ выше примѣровъ слѣдуетъ считать безспорнымъ, что ни въ глазахъ Прав. Сената, ни въ глазахъ „Руководства“ Н. А. Неклюдова Сравнительный Указатель не имѣетъ значенія чего то непреложнаго и, на нашъ взглядъ, нѣтъ въ дѣйствительности никакихъ основаній придавать ему это значеніе. Возвращаясь же, послѣ этой необходимой оговор-

ки, къ 55 ст. Уст. о нак., считаемъ нужнымъ повторить, что и по отношенію къ этой статьѣ, одна подобная отмѣтка недостаточна еще для подведенія подъ эту статью, говорящую о чистотѣ *на улицахъ*, проступка неисправнаго содержанія отхожихъ мѣстъ и двора, и что *поэтому* подведеніе ея подъ 29 ст. —при наличности предъявленія требованія — вполнѣ правильно и не противорѣчитъ ни смыслу 29-й ст., ни практикѣ Сената по другимъ аналогичнымъ случаямъ.

6) *Неисполненіе чьихъ именно законныхъ требованій подлежитъ дѣйствію 29-й статьи?* 29 статья говоритъ о неисполненіи законныхъ распоряженій, требованій или постановленій *правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій;* слѣдовательно только *власть* можетъ привлекать по 29-й ст. за неисполненіе своихъ распоряженій; понятіе власти не имѣетъ законнаго опредѣленія и этого опредѣленія не даютъ намъ ни Сенатскія рѣшенія, ни Руководство Н. А. Неклюдова; въ послѣднемъ только сказано (стр. 91), что „слово *власть* не должно быть понимаемо въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ; оно расширено уже самою 29 ст. словомъ *учрежденія*", и далѣе „съ другой стороны слово власть не должно быть понимаемо и въ слишкомъ широкомъ смыслѣ. Требованіе должно исходить отъ самой власти въ ея составѣ; ежели она дѣлится на различныя самостоятельныя вѣтви, то отъ этихъ вѣтвей. Простые стражи, городовые, служители и исполнители не могутъ быть объектомъ ст. 29-й. Относительно ихъ возможно только ослушаніе, а не неисполненіе ихъ требованій, распоряженій или постановленій, такъ какъ право *постановленій* имъ вовсе не предоставлено и не входитъ въ кругъ ихъ обязанности, какъ простыхъ исполнителей". И такъ, признакомъ власти слѣдуетъ признавать самостоятельность и право постановленій. Изъ числа разсмотрѣнныхъ нами должностныхъ лицъ властью въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ признавать: начальника земской стражи и бургомистра или президента города, неисполненіе же распоряженій гминнаго войта и солтыса надлежитъ подводить подъ дѣйствіе 30-й ст. Уст. о нак., преслѣдующей ослу-

шаніе „волостнымъ и сельскимъ начальникамъ“, каковымъ начальствомъ и слѣдуетъ несомнѣнно признавать гминныхъ войтовъ и солтысовъ. Само собою разумѣется, что власть не должна предъявлять свое требованіе непремѣнно лично, а можетъ это сдѣлать чрезъ посредствующее лицо; въ такомъ случаѣ виновный въ неисполненіи законнаго требованія можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по 29 ст. за неисполненіе требованія той власти, распоряженіе которой было передано ему лицомъ, самостоятельной власти не имѣющимъ. Спорнымъ является вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли подводить подъ дѣйствіе 29-й ст. неисполненіе требованій власти *судебной*. Сенатомъ высказано въ рѣш. 71 г. № 245, что „ни изъ содержанія 29-й ст. Уст. о нак., ни изъ соображенія тѣхъ статей Улож. о нак. изд. 57 г., которыя замѣнены 29 ст. Уст. о нак., не видно, чтобы ее можно было примѣнять къ случаямъ неисполненія рѣшеній судебныхъ мѣстъ“. Тотъ же взглядъ высказанъ и по отношенію къ неисполненію указа Сиротскаго суда — въ рѣш. Сената за тотъ же годъ № 365. Въ рѣшеніи же Сената за 76 г. № 77—въ развитіе выше указаннаго взгляда — высказано, что „вошедшіе въ законную силу судебные приговоры, при неисполненіи ихъ, по ослушанію приговариваемыхъ лицъ или же по неимѣнію послѣдними наличныхъ средствъ исполнить требуемое судомъ, должны быть приводимы въ исполненіе, на осн. 26 ст. Уст. о нак., мѣрами полиціи, посему и принимая во вниманіе, что мировыя судебныя установленія, постановляя свои приговоры, обязаны, за силою ст. 183 Уст. угол. суд., опредѣлять въ необходимыхъ случаяхъ и способы ихъ исполненія, Правит. Сенатъ не можетъ не признать, что неисполненіе окончательнаго приговора судьи или съѣзда должно влечь за собою, не повтореніе денежныхъ взысканій по ст. 29 Уст. о нак., имѣющей свое особое и опредѣленное значеніе въ законѣ, а приведеніе судебнаго приговора въ исполненіе, на счетъ виновнаго лица, чрезъ полицейскихъ, волостныхъ или сельскихъ начальствъ, тѣми мѣрами, которыя будутъ имъ предписаны судомъ, постановившимъ исполняемый приговоръ“. Въ рѣшеніяхъ Гражд.

Кас. Деп. Прав. Сената высказано, что „отказъ вызываемаго судомъ по гражданскому дѣлу лица отъ принятія повѣстки не подходитъ подъ дѣйствіе ст. 29, а влечетъ только послѣдствія, указанныя въ ст. 64 и 287 Уст. гражд. судопр.". Наконецъ, въ Руководствѣ Н. А. Неклюдова высказано: „предметомъ неисполненія законныхъ требованій можетъ быть также и власть *судебная*: отказъ дворника отъ врученія повѣсти жильцу будетъ неисполненіемъ законныхъ требованій суда".

Остановимся пока на цитированныхъ взглядахъ и прежде всего обратимъ вниманіе на то, что Сенатъ — по Уголовному Кассаціонному Департаменту—говоритъ только о рѣшеніяхъ и приговорахъ, не говоря ничего о частныхъ опредѣленіяхъ, которыхъ мы коснемся ниже, и ко взгляду его въ отношеніи приговоровъ и рѣшеній слѣдуетъ безусловно примкнуть въ силу соображеній, изложенныхъ въ рѣшеніи № 77 за 76 годъ. Дѣйствительно, исполненіе судебнаго приговора вовсе не предоставляется на волю осужденнаго и судъ обладаетъ всѣми средствами къ понудительному исполненію своихъ приговоровъ и помимо доброй воли подсудимаго; въ видѣ снисхожденія ему предоставляется добровольно исполнить приговоръ, но отказъ его отъ этого снисхожденія не можетъ влечь за собою примѣненіе 29 статьи, а влечетъ понудительное исполненіе приговора. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ — на первый взглядъ—возбуждать ст. 8 Уст. о нак., по которой несостоятельные къ уплатѣ денежнаго взысканія могутъ быть отдаваемы въ общественныя работы или же въ заработки, такъ какъ нельзя насильно заставить присужденнаго къ отработкѣ взысканія — приступить къ работѣ, какъ нельзя нанять кого либо отработать за него, ибо самъ онъ присужденъ къ работамъ именно по своей несостоятельности къ платежу денежнаго взысканія. Къ такому лицу можетъ быть лишь предъявлено требованіе исполненія *въ этой формѣ* судебнаго приговора, но, на нашъ взглядъ, отказъ виновнаго отъ исполненія приговора долженъ влечь за собою не новое обвиненіе по 29-й ст., а примѣненіе судомъ другой формы замѣны денежнаго взысканія, а именно присуж-

деніе подобнаго обвиняемаго къ соотвѣтственному аресту по 7 ст.: а уже въ арестъ ему не предложатъ идти, а прямо поведутъ и, такимъ образомъ, судебный приговоръ будетъ исполненъ.

Равнымъ образомъ слѣдуетъ признать, что и тѣ частныя опредѣленія судебныхъ мѣстъ, добровольное исполненіе которыхъ имѣетъ въ виду удобства привлекаемыхъ къ дѣлу лицъ, а также тѣ опредѣленія, неисполненіе которыхъ обложено въ Судебныхъ Уставахъ особыми взысканіями, не могутъ повлечь за собою—при неисполненіи ихъ—примѣненіе 29 статьи. Такъ, обвиняемому предоставлено право добровольно явиться по вызову въ судъ, но онъ можетъ не пожелать воспользоваться этимъ своимъ правомъ и такая его неявка вовсе не можетъ считаться неисполненіемъ требованія, а повлечетъ за собою или постановленіе заочнаго приговора безъ выслушанія оправданій обвиняемаго или же приводъ его въ судъ по такому дѣлу, по которому присутствіе его въ судѣ необходимо. Тоже и принятіе повѣстки вовсе не обязательно для лица вызываемаго въ судъ, такъ какъ врученіе повѣстки важно лишь для признанія возможности дать дѣлу дальнѣйшій ходъ, и это врученіе повѣстки лично сторонѣ замѣнено другими перечисленными въ законѣ способами врученія повѣстокъ. Такъ же точно неявка свидѣтеля влечетъ за собою особое денежное взысканіе и по тому самому не можетъ быть подводима подъ 29 ст.; также и неявка обвинителя по дѣлу не оканчивающемуся примиреніемъ и неисполненіе требованій предсѣдательствующаго о соблюденіи тишины и благопристойности въ засѣданіи суда, какъ влекущія за собою особыя взысканія, не должны быть наказываемы по 29 ст. Случай же, указанный Н. А. Неклюдовымъ, представляется намъ ближе подходящимъ подъ 30 ст. Уст. о нак., какъ ослушаніе сторожа, вручавшаго повѣстки, такъ какъ распоряженіе судьи по поводу врученія повѣстокъ не имѣло въ виду даннаго дворника и судья, передавая сторожу или разсыльному повѣстки, могъ и не предполагать, что явится необходимость для разсыльнаго вручить повѣстку чрезъ посредство дворника дома. Требованіе это, основанное на законѣ, явилось лишь въ

моментъ врученія повѣстокъ разсыльнымъ и отказъ дворника помочь ему въ его дѣлѣ является, конечно, ближе всего ослушаніемъ, преслѣдуемымъ по 30 ст. Но есть еще случаи, когда лицо отказывается исполнить *опредѣленіе* судебнаго мѣста и судъ лишенъ возможности принудить его къ этому или же замѣнить чѣмъ либо это неисполненіе безъ ущерба для отправленія дѣла правосудія. Таковъ именно случай отказа свидѣтеля отъ исполненія присяги, безразлично по уголовному или же по гражданскому дѣлу. Требованіе судебною властью исполненія свидѣтелемъ присяги, какъ основанное на законѣ, является вполнѣ законнымъ, а въ случаѣ отказа свидѣтеля отъ исполненія этого требованія, судъ остается въ безпомощномъ положеніи и не можетъ принудить свидѣтеля принять присягу. Подобное неисполненіе законнаго требованія судебной власти не можетъ, на нашъ взглядъ, оставаться безнаказаннымъ, наказаніе же за него слѣдуетъ опредѣлять по 29-й ст. Мир. Устава.

7) *Можетъ ли—при примѣненіи 29-й ст. Уст. о нак. — примѣняться и 9-я ст. Устава?* Въ другой формѣ вопросъ этотъ можно поставить такъ: наказуемъ ли по 29-й ст. проступокъ неисполненія законнаго требованія правительственной власти и т. д., учиненный безъ намѣренія, или же за таковой, учиненный безъ намѣренія, проступокъ можетъ быть сдѣланъ выговоръ, согласно 9-й статьѣ? Сенатъ не останавливался надъ разрѣшеніемъ этого вопроса; Н. А. Неклюдовъ же (Руков. стр. 9) говоритъ, что „проступки, предусмотрѣнные 29 ст. Уст. о нак., могутъ быть только небрежными въ смыслѣ 2 п. 9 ст. Устава, ибо 29 ст. наказываетъ за самый фактъ неисполненія обязанностей возложенныхъ закономъ, неразличая того, происходитъ ли это неисполненіе умышленно или неумышленно, а по точному смыслу 2 п. 9 ст. неисполненіе обязанностей возложенныхъ закономъ не можетъ быть облагаемо выговорами, замѣчаніями или внушеніями“. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. 2 п. 9-й ст. говоритъ о неисполненіи, хотя бы по небрежности, *особо-возложенной* обязанности, статья же 29-я говоритъ объ обязанности исполненія законныхъ распоряженій, возложенной на

всѣхъ вообще и подлежащей исполненію *всѣми* и *во всякое время*, притомъ же, по составу своему, проступокъ 29-й ст. мыслимъ учиненнымъ и съ намѣреніемъ и безъ намѣренія неисполнить чье-либо законное требованіе. Въ виду этихъ соображеній и признавая, что проступокъ 29-й ст. не подходитъ подъ дѣйствіе 2 п. 9-й ст., мы полагаемъ, что къ нему можетъ быть примѣняемо правило 1-й ч. 9-й ст. Мир. Уст.

Кончая съ 29 статьею и обобщая все о ней нами сказанное, укажемъ, что суду, при разсмотрѣніи предъявленнаго противъ какого либо обвиненія по 29-й ст. Уст. о нак., слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, не является ли данный проступокъ предусмотрѣннымъ 273 ст. Улож. о нак.; затѣмъ, при отрицательномъ отвѣтѣ надо ему разсмотрѣть, является ли въ данномъ дѣлѣ неисполненіе требованія какой-либо *власти*, такъ какъ въ противномъ случаѣ явится вопросъ о примѣненіи 30-й ст. Уст. о нак.; затѣмъ судъ долженъ обратиться къ разсмотрѣнію законности требованія, при чемъ можетъ — для уясненія себѣ дѣла — требовать отъ обвинителя представленія основаній или доказательствъ законности его требованія; установивъ, наконецъ, что проступокъ обвиняемаго не предусмотрѣнъ какою либо особою статьею Устава о нак. и что законное требованіе было предъявлено обвиняемому или извѣстно ему или же опубликовано и исходило отъ надлежащей власти и не было обвиняемымъ исполнено, судъ можетъ постановить обвинительный приговоръ, принимая, конечно, во вниманіе, въ случаѣ выяснившейся необходимости, правила статей 9 и 10 Мироваго Устава.

30 ст. За ослушаніе полицейскимъ или другимъ стражамъ, а также волостнымъ и сельскимъ начальникамъ при отправленіи ими должности, когда требованія сихъ лицъ были законныя, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Когда ослушаніе оказано жандармамъ или другимъ полицейскимъ служителямъ, нарядъеннымъ для соблюденія

порядка при многочисленномъ стеченіи народа, то виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

30[1] ст. За ослушаніе желѣзн. дорожнымъ сторожамъ или другимъ агентамъ желѣзнодорожнаго управленія, при отправленіи ими должности, когда требованія этихъ лицъ были законныя, и если поступокъ этотъ не имѣлъ послѣдствіемъ причиненіе кому либо смерти или поврежденія въ здоровьѣ (ст. 28), виновные подвергаются опредѣленнымъ въ статьѣ 30 наказаніямъ. Въ случаѣ же оказанія сопротивленія законнымъ требованіямъ упомянутыхъ лицъ, когда оно не сопровождалось указанными выше послѣдствіями, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Выясненіе различія содержанія статей 29 и 30 и подведеніе даннаго проступка подъ ту или другую изъ этихъ статей не имѣло существеннаго значенія до измѣненія редакціи 29 ст. въ смыслѣ усиленія наказанія за нарушеніе ея съ 15 до 50 руб., съ оставленіемъ за простое ослушаніе прежняго взысканія не свыше пятнадцати рублей; въ настоящее же время установленіе отличія ст. 30 отъ ст. 29 пріобрѣтаетъ значеніе не только теоретическое, но и практическое.

Ст. 29 преслѣдуетъ неисполненіе распоряженій, требованій или постановленій, 30-я ст. говоритъ объ ослушаніи, но изъ этого различія выраженій не слѣдуетъ выводить, что неисполненіе заключается въ отказѣ что либо *сдѣлать*, ослушаніе же заключается въ отказѣ чего либо *не дѣлать*: требованіе по 29-й ст. такъ же можетъ заключать въ себѣ предложеніе чего либо не дѣлать, какъ предложеніе по 30-й ст. можетъ требовать исполненія чего либо; другими словами, пассивность или активность — конечно, не переходящая въ сопротивленіе или оскорбленіе — не играютъ никакой роли при разграниченіи проступковъ, преслѣдуемыхъ по 29 и 30 ст. Уст. о нак. и вы-

раженія „неисполненіе требованія“ и „ослушаніе“ представляются намъ почти аналогичными.

Единственное различіе ст. 29-й и 30-й заключается въ томъ, что ст. 29 говоритъ о требованіяхъ и т. д. *властей*, статья же 30 говоритъ объ ослушаніи *стражамъ и волостнымъ и сельскимъ начальникамъ*. Въ остальныхъ затѣмъ признакахъ обѣ эти статьи сходны между собою, такъ какъ и въ той и въ другой статьѣ говорится о законности требованій, признакъ „отправленія должности“ 30 ст. входитъ въ выраженіе „власть“ 29-й статьи, окончаніе же 29-й ст. „когда не опредѣлено особаго наказанія“ — очевидно должно подразумѣваться и при примѣненіи 30-й статьи.

Ослушаніе нерѣдко можетъ сопровождаться или осложняться насильственными дѣйствіями противъ лицъ, заявившихъ извѣстныя требованія, но дѣйствія эти не всегда могутъ служить основаніемъ для признанія даннаго дѣянія не ослушаніемъ, а оскорбленіемъ дѣйствіемъ или же сопротивленіемъ. Для признанія даннаго проступка оскорбленіемъ слѣдуетъ установить намѣреніе оскорбить, при сопротивленіи же предполагается всегда закономъ, что объектомъ, предметомъ этого сопротивленія явилась „власть“ или „чиновникъ“, при чемъ, только при „возмущеніи крестьянъ“ волостныя и общественныя управленія приравниваются власти (ст. 267 Улож. о нак.); слѣдовательно, объектомъ сопротивленія вообще не могутъ быть лица, перечисленныя въ 30-й статьѣ.

Чтоже касается этихъ лицъ, то подъ понятіе стражи подходитъ всякое лицо, занимающее—хотя бы и по вольному найму—должность сторожа правительственнаго или общественнаго учрежденія и исполняющее обязанности, сопряженныя съ этою должностью; подъ волостнымъ же и сельскимъ начальствомъ слѣдуетъ понимать должностныхъ лицъ гминнаго и сельскаго управленія; какъ выше было уже говорено, и войтъ гмины, подобно другимъ лицамъ гминнаго и сельскаго управленія, долженъ быть подводимъ подъ понятіе гминнаго начальства, почему и исполненіе его требованій должно быть преслѣдуемо не

по 29, а по 30-й ст. Уст. о нак., такъ какъ только 31 ст.—по вопросу объ оскорбленіи — выдѣляетъ волостнаго старшину (должность котораго въ Россіи имѣетъ одинаковое значеніе съ должностью войта въ губерніяхъ Царства Польскаго) изъ числа остальныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія.

Переходя ко 2-й части 30-й ст., укажемъ мимоходомъ на неправильное, по нашему мнѣнію, подведеніе Руководствомъ г. Микляшевскаго и др. подъ дѣйствіе 30-й ст. неисполненія требованія власти, переданнаго посредствомъ полицейскихъ или другихъ стражей; въ Руководствѣ этомъ (стр. 450) высказывается мысль, что „ст. 29 имѣетъ въ виду случаи, когда распоряженія дѣлаются посредствомъ печатныхъ или письменныхъ объявленій или лично представителями этихъ мѣстъ. Но если требованія или распоряженія передаются посредствомъ полицейскихъ или другихъ стражей, то въ такомъ случаѣ существуетъ ослушаніе, предусмотрѣнное 30-ю статьею". На чемъ основываетъ Руководство сказанное отличіе намъ неизвѣстно; на нашъ же взглядъ, способъ передачи требованія власти не можетъ служить основаніемъ для подведенія даннаго проступка подъ 29 или же 30 статью Мир. Уст. Разъ, что обвиняемому извѣстно, что *власть* требуетъ отъ него того-то и того-то, а онъ этого не исполняетъ, то, очевидно, является неисполненіе требованія власти, а не ослушаніе того лица, которое въ данномъ случаѣ являлось лишь передаточною инстанціею, исполнительницею конкретнаго предписанія, имѣвшаго въ виду именно извѣстный случай и данное лицо; ослушаніемъ же такое неисполненіе требованія стражи будетъ тогда, когда требованіе это, основанное на общемъ распоряженіи начальства, являлось въ данномъ случаѣ самостоятельнымъ распоряженіемъ стражи, а не простою передачею приказанія.

Для примѣненія же 2-й ч. 30 ст. необходима наличность: а) *особаго наряда* жандармовъ или другихъ полицейскихъ служителей и б) *именно для соблюденія порядка при многочисленномъ стеченіи народа;* эта послѣдняя фраза указываетъ лишь на причину особаго наряда полиціи, самый же проступокъ 2 ч.

30-й ст. можетъ быть совершенъ и не въ присутствіи многочисленнаго стеченія народа.

Ст. 30[1], вошедшая въ Уст. о нак. Имп. Алекс. II, первоначально составляла часть закона 1878 года, отдѣльныя статьи котораго размѣщены по Уставу о нак. и подъ другими его статьями (подъ ст. 31, 76); дополнительная 30[1] статья преслѣдуетъ и ослушаніе сторожамъ или другимъ агентамъ желѣзнодорожнаго управленія и сопротивленіе законнымъ требованіямъ упомянутыхъ лицъ, не сопровождавшееся чьею либо смертію или поврежденіемъ здоровья. Употребленное въ ст. 30[1] выраженіе „сопротивленіе“ показываетъ, что 2-я ч. статьи этой не можетъ быть примѣняема ни при простомъ ослушаніи и ни при простомъ неисполненіи законныхъ требованій, а лишь въ томъ случаѣ, когда сопротивляющійся дозволитъ себѣ при подобномъ неисполненіи или ослушаніи „побои или иное явное дѣйствіями насиліе“, какъ опредѣляетъ сопротивленіе ст. 271 Улож. о наказ.

31 ст. За оскорбленіе полицейскихъ или другихъ стражей, служителей судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, а равно полевыхъ и лѣсныхъ сторожей, во время отправленія ими должности, виновные подвергаются:

1) въ случаѣ словесной обиды, аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей, и

2) въ случаѣ обиды дѣйствіемъ, аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Тѣмъ же взысканіямъ подвергаются виновные въ оскорбленіи: 1) должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій, во время отправленія ими служебныхъ обязанностей, за исключеніемъ однако волостныхъ старшинъ и лицъ, занимающихъ соотвѣтственныя должности, за оскорбленіе которыхъ наказаніе опредѣляется виновнымъ общими судебными мѣстами, по Уложенію о наказаніяхъ; 2) желѣзнодорожныхъ сторожей или другихъ агентовъ желѣзнодорожнаго управленія, при отправленіи ими должности, если поступокъ

этотъ не имѣлъ послѣдствіемъ причиненіе кому либо смерти или поврежденія въ здоровьѣ.

Согласно п. *а* ст. 76 Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр., проступокъ, предусмотрѣнный 2-ю ч. 31 ст., не подлежалъ вѣдомству гминныхъ судовъ до Мая 1882 года, когда установлена была подсудность гминнымъ судамъ и проступка, предусмотрѣннаго 2-ю ч. 31-й ст., т. е. оскорбленіе дѣйствіемъ.

Понятіе оскорбленія будетъ нами ближе разсмотрѣно при толкованіи ст. 130 и слѣд. Устава, здѣсь же мы должны его коснуться съ одной стороны, а именно съ той же стороны, съ которой касались его уже при обсужденіи 9-й ст., а именно, со стороны вопроса о намѣреніи или умыслѣ.

При толкованіи 9-й ст. мы уже указывали на необходимость для состава проступка оскорбленія чести наличности умысла или намѣренія оскорбить—animus'a injurandi — отсутствіе котораго лишаетъ, на нашъ взглядъ, дѣяніе преступнаго характера. Мы держимся того же взгляда и на оскорбленія, преслѣдуемыя по 31-й ст. и постараемся доказать основательность нашего взгляда.

Правит. Сенатъ высказалъ,—въ рѣш. 72 г. № 1191,—что „для правильнаго примѣненія 31-й ст. Уст. о нак. не требуется признанія судомъ, что лицо нанесшее оскорбленіе городовому (т. е. низшему чину полиціи) дѣйствовало съ намѣреніемъ унизить достоинство или помрачить честь обиженнаго лица, подобно тому, какъ это требуется для правильнаго примѣненія I-го Отдѣленія XI Главы Устава о нак. (объ оскорбленіяхъ чести частныхъ лицъ), потому что 31-я ст. предусматриваетъ не одинъ изъ проступковъ противъ чести (что составляетъ предметъ I-го Отд. XI Гл.), но одинъ изъ проступковъ противъ порядка управленія“. Въ послѣднихъ словахъ рѣшенія заключается единственный аргументъ противъ поддерживаемаго нами взгляда; но для признанія этого аргумента убѣдительнымъ слѣдуетъ, прежде всего, признать, что проступокъ противъ порядка управленія не можетъ заключаться въ оскорбленіи чести

должностнаго лица, какъ таковаго, или же въ оказанiи неуваженiя лицу или мѣсту, что и выразится въ оскорбленiи ихъ тѣмъ или другимъ путемъ. Спору нѣтъ, что намѣренiе оскорбить данное должностное лицо можетъ быть совмѣстимо съ полнымъ незнакомствомъ съ этимъ лицомъ внѣ сферы его служебной дѣятельности, какъ съ лицомъ частнымъ, но нельзя отрицать того, что законъ можетъ признавать проступкомъ противъ порядка управленiя именно оскорбленiе лицъ, принадлежащихъ къ составу управленiя. Это мы и видимъ въ 31-й ст., помѣщенной въ отдѣлѣ проступковъ противъ порядка управленiя, но преслѣдующей *оскорбленiе* должностныхъ лицъ низшихъ каттегорiй. Употребленiе закономъ въ 31-й ст. выраженiя „оскорбленiе" безъ всякихъ оговорокъ указываетъ, на нашъ взглядъ, что понятiе оскорбленiя должностныхъ лицъ и лицъ частныхъ одно и то же въ глазахъ Устава о нак., и что въ ст. 31-й законъ охраняетъ честь должностнаго лица, такъ же какъ въ I-мъ Отд XI Главы охраняетъ честь частныхъ лицъ. Несомнѣнно, что честь должностнаго лица, какъ таковаго, должна быть нѣсколько тоньше и должностное лицо можетъ требовать къ себѣ —при отправленiи обязанностей службы — болѣе осторожнаго отношенiя, нежели частное лицо, въ виду серьезныхъ требованiй, предъявляемыхъ закономъ къ должностному лицу; въ виду этого, необидное для частнаго лица можетъ считаться обидою лица должностнаго, но это расширенiе области обиды ничуть не аналогично съ признанiемъ наказуемости обиды ненамѣренной, учиненной безъ умысла. Въ этомъ же смыслѣ говоритъ и г. Неклюдовъ (Рук. стр. 110), что „понятiе оскорбленiя стражи будетъ шире понятiя простаго оскорбленiя, обнимая собою всякое неуваженiе или умаленiе достоинства власти". Съ этимъ взглядомъ мы вполнѣ согласны, но никакъ не можемъ согласиться съ выставленнымъ далѣе немотивированнымъ афоризмомъ, что „по обширности понятiя оскорбленiя власти оскорбленiе можетъ быть какъ намѣреннымъ, такъ и неосторожнымъ, въ особенности же оскорбленiе жестомъ и дѣйствiемъ". Хотя афоризмъ этотъ высказываетъ мнѣнiе и несогласное со

взглядомъ Сената, отрицающимъ возможность неосторожныхъ оскорбленій должностныхъ лицъ и подводящимъ всякія оскорбленія ихъ подъ 31 ст., но и взглядъ Н. А. Неклюдова, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, тоже не представляется намъ правильнымъ. Намъ кажется, что аргументомъ въ пользу нашего взгляда, а именно, что оскорбленіе понятно только при наличности умысла, говоритъ и содержаніе ст. 286 Улож. о нак., во 2-й части которой сказано: „когда будетъ доказано, что оскорбленіе чиновника словами учинено *не съ умысломъ оказать неуваженіе къ мѣсту или лицу*, а въ пьянствѣ или по невѣжеству и неразумію“ и т. д. Содержаніе этой второй части *à contrario* доказываетъ, что въ 1-й части 286 ст. Улож. преслѣдуется *умышленное* оскорбленіе чиновника, и хотя статья эта тоже помѣщена въ Главѣ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія, но законъ и на оскорбленіе чиновника смотритъ какъ на оскорбленіе вообще и для состава этого проступка требуетъ наличности умысла. Тамъ же, гдѣ законъ хочетъ наказать оскорбленіе, учиненное безъ умысла, — онъ прямо оговариваетъ это, а тамъ, гдѣ онъ этого недѣлаетъ—какъ и въ 31-й ст. — слѣдуетъ признавать, что отсутствіе умысла дѣлаетъ оскорбленіе ненаказуемымъ, лишая данное дѣяніе характера оскорбленія.

Въ 31 ст. говорится объ оскорбленіи словомъ и дѣйствіемъ; спрашивается: подъ какую статью слѣдуетъ подводить оклеветаніе лицъ, въ этой статьѣ перечисленныхъ, насиліе надъ ними и угрозы имъ, т. е. проступки, предусмотрѣнные по отношенію къ частнымъ лицамъ въ ст. 136, 139 и 142 Устава о наказ.?

Въ отношеніи клеветы и причиненія насилія Сенатъ не высказывалъ своего взгляда; Н. А. Неклюдовъ же вскользь замѣчаетъ, что „оскорбленіе стражей словомъ обнимаетъ собою не только оскорбленіе въ тѣсномъ смыслѣ, но и клевету, оскорбленіе же стражей дѣйствіемъ обнимаетъ собою не только обиду дѣйствіемъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и самоуправство и насиліе, предусмотрѣнное 142-ю статьею Уст. о нак. Съ правиль-

ностью подведенія насилія подъ понятіе оскорбленія дѣйствіемъ можно согласиться, особенно въ виду новѣйшей практики Сената, признающей, что побои всегда оскорбительны; понятіе самоуправства не вяжется съ должностнымъ лицомъ, какъ объектомъ таковаго, поэтому подведеніе его по главному признаку — насилію — подъ 31-ю ст. тоже возможно. Чтоже касается оклеветенія лицъ перечисленныхъ въ 31 ст., то, на нашъ взглядъ, подведеніе оклеветанія ихъ подъ дѣйствіе 31-й ст. было бы неправильнымъ, такъ какъ клевета состоитъ въ распространеніи о комъ либо завѣдомо — ложныхъ слуховъ и совершается заглазно, буквальный же смыслъ 31-й ст. показываетъ, что для состава этого проступка необходимо оскорбленіе въ глаза, ибо въ ней сказано: „при отправленіи имъ должности"; подмѣнить это выраженіе другимъ выраженіемъ, а именно: „по поводу отправленія имъ должности"—нельзя, такъ какъ и оскорбленіе по поводу отправленія должности, преслѣдуемое — по отношенію къ чиновникамъ—по Уложенію о нак., не преслѣдуется по 31 ст. по отношенію къ перечисленнымъ въ ней лицамъ, а признается уже оскорбленіемъ частнаго лица. Намъ кажется поэтому, что и клевета сказанная въ лицо и при отправленіи должности, имѣетъ быть наказываема какъ оскорбленіе по 31-й ст., клевета же, распространяемая за глаза, должна быть подводима подъ дѣйствіе 136 ст. Уст. о нак. и дѣла по обвиненіямъ въ такихъ оклеветаніяхъ могутъ начинаться лишь по жалобамъ потерпѣвшихъ.

Что же касается угрозъ, то о нихъ, на оборотъ, въ Руководствѣ г. Неклюдова ничего самостоятельно не высказано, Сенатъ же касался этого вопроса въ трехъ рѣшеніяхъ. Въ рѣш. за 1871 г. № 38 высказано, что угроза сельскому старостѣ — пришедшему по порученію волостнаго правленія измѣрить лѣсъ—угроза лишить коломъ жизни должна быть подводима не подъ 140, а подъ 30 и 31 ст. Уст. о нак.; въ рѣшеніи за тотъ же годъ № 992 Сенатомъ выражено, что Мировой Съѣздъ, признавъ священника Никольскаго виновнымъ въ произнесеніи угрозъ отсутствующему объѣздчику казеннаго

лѣса и приговоривъ Никольскаго къ аресту на недѣлю по 31-й ст. Уст. о нак., „допустилъ существенное нарушеніе смысла ея, такъ какъ статья эта содержитъ въ себѣ положительное указаніе предусмотрѣнныхъ ею проступковъ, и при такой опредѣлительности не представляется возможнымъ давать ей распространительное толкованіе. На этомъ основаніи и имѣя въ виду, что Уставъ о наказаніяхъ не предусматриваетъ вовсе угрозы должностному лицу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что единственная статья закона, которая могла бы быть примѣнена къ настоящему случаю, есть 139 ст. Уст. о нак., предусматривающая угрозы частному лицу". Наконецъ, въ рѣш. 76 года № 30—по поводу обвиненія частнаго лица въ произнесеніи съ дерзостью и возвышеннымъ голосомъ словъ, обращенныхъ къ полицейскому чиновнику при отправленіи имъ должности: „отдуть его, ссадить съ сѣдла и убить какъ скотину" — Сенатомъ высказано: „въ ст. 139 Уст. о нак. предусмотрѣна угроза причинить кому либо насильственныя дѣйствія, т. е. предвареніе угрожаемаго, на словахъ или на письмѣ, о намѣреніи нарушить личную его неприкосновенность; но подъ дѣйствіе этого закона не можетъ быть подводима выраженная оскорбительнымъ образомъ угроза должностному лицу, по поводу исполненія имъ служебныхъ обязанностей, такъ какъ подобная угроза составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нарушеніе достоинства власти и посягательство на удержаніе должностнаго лица отъ исполненія имъ служебнаго своего долга. Подобнаго рода оскорбительная угроза если и не подходитъ, по своему значенію, подъ дѣйствіе ст. 272 Улож., то, во всякомъ случаѣ, составляетъ не простую личную угрозу, предусмотрѣнную ст. 139 Уст. о нак., а преступленіе противъ порядка управленія, которое по этому своему свойству, и по оскорбительности подобнаго отношенія къ власти, подходитъ прямымъ образомъ подъ дѣйствіе ст. 286 Уложенія".

На первый взглядъ всѣ эти три Сенатскія рѣшенія одно другое исключаютъ, но, присматриваясь ближе къ рѣшенію 76 года, слѣдуетъ признать, что взглядовъ высказано Сенатомъ

только два, въ послѣднемъ же рѣшеніи нужно—по отношенію къ лицамъ перечисленнымъ въ 31-й ст.—статью 286 Улож. замѣнить статьею 31 Устава, такъ какъ Сенатъ говоритъ о 286 ст. Улож. потому, что объектомъ данной угрозы явился полицейскій приставъ, т. е. чиновникъ, объ оскорбленіи же чиновниковъ именно и говоритъ ст. 286 Улож.; слѣдовательно, и рѣш. 76 г. № 30 и рѣш. 71 г. № 38 одинаково высказываютъ, что угроза должностному лицу—изъ числа перечисленныхъ въ 31 ст.—должна быть караема по 31 ст. Устава. Взглядъ этотъ представляется намъ правильнымъ при наличности того, необходимаго для примѣненія 31 ст., условія, чтобы угроза эта была произнесена такому должностному лицу такъ, чтобы онъ могъ ее услышать и при томъ при отправленіи имъ должности. Угроза же заочная, которую обвиняемый поручилъ кому либо передать одному изъ перечисленныхъ въ 31 ст. лицъ по поводу отправленія имъ должности, но не при отправленіи имъ должности, не можетъ быть подводима подъ дѣйствіе 31 ст., а должна быть наказываема по 139-й ст., такъ какъ нельзя признать, чтобы угроза была произнесена при отправленіи угрожаемымъ должности; въ этомъ смыслѣ мы находимъ, что и рѣшеніе 71 г. № 992 не противорѣчитъ остальнымъ двумъ Сенатскимъ рѣшеніямъ по вопросу объ угрозахъ должностнымъ лицамъ.

На необходимость наличности оскорбленія *при отправленіи должности*, а не *по поводу отправленія таковой* для примѣненія 31 ст. мы указывали уже неоднократно; теперь же замѣтимъ, что кромѣ того необходимо, чтобы служебный характеръ дѣйствій оскорбленнаго въ моментъ оскорбленія — былъ извѣстенъ оскорбителю.

По этому вопросу объ оскорбленіи *по поводу* отправленія должности, Сенатъ—въ отношеніи сельскихъ старостъ — разъяснилъ въ рѣш. 80 г. № 21, что „если оскорбленіе наносится сельскому старостѣ вслѣдствіе распоряженія его по должности, то оскорбитель обращается къ старостѣ, какъ должностному лицу, а слѣдовательно оскорбляемый староста находится тогда

при исполненіи обязанностей своей службы и не можетъ уже почитаться потерпѣвшимъ обиду, какъ частное лицо". Далѣе въ томъ же рѣшеніи высказано, что „законодатель не могъ, безъ сомнѣнія, предположить въ обдуманномъ причиненіи оскорбленія должностному лицу, по поводу—или вслѣдствіе исполненія имъ служебныхъ его обязанностей, менѣе важнаго и слабѣе наказуемаго проступка, нежели нанесеніе, иногда по внезапному умыслу и въ порывѣ раздраженія, обиды должностному лицу во время самаго отправленія имъ тѣхъ служебныхъ дѣйствій, которыя послужили поводамъ къ причиненію оскорбленія". Не трудно видѣть, что въ силу приведенныхъ Сенатомъ мотивовъ въ рѣшеніи этомъ можно подставить вмѣсто сельскаго старосты и всякое другое должностное лицо, но, съ другой стороны, нельзя не признать, что мотивы этого рѣшенія противорѣчатъ взгляду Сената на проступокъ 31-й ст., какъ на проступокъ противъ порядка управленія, такъ какъ съ точки зрѣнія порядка управленія оскорбленіе должностнаго лица при отправленіи должности или же только по поводу отправленія должности, очевидно, не безразлично и, наконецъ, развѣ ничего не значитъ умолчаніе 31-й ст. объ оскорбленіи *по поводу* отправленія должности, когда въ Уложеніи 1866 года говорится объ оскорбленіи чиновниковъ и при отправленіи должности и по поводу ея отправленія?

По поводу же перечисляемыхъ въ 31-й ст. лицъ необходимо замѣтить слѣдующее. Подъ понятіе полицейскихъ стражей 31-й ст. нельзя подводить земскихъ стражниковъ, такъ какъ, согласно 10-й ст. Инстр. нижн. чин. земс. стр., виновный въ оскорбленіи земскаго стражника подвергается отвѣтственности какъ за оскорбленіе часового, въ примѣчаніи же къ ст. 286 Улож. о нак. сказано, что „виновные въ оскорбленіи часовыхъ или военнаго караула подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 285 и 286 Уложенія за оскорбленіе должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства". Вышесказанное относится до обоихъ видовъ оскорбленій, т. е. и до оскорбленій словомъ и до оскорбленій дѣйствіемъ. Оскорбленіе гминнаго вой-

та во время отправленія имъ служебныхъ обязанностей влечетъ за собою наказаніе по Уложенію о нак. и подобное дѣло неподсудно мировой юстиціи, такъ какъ гминнаго войта слѣдуетъ признавать лицомъ, занимающимъ должность, соотвѣтствующую должности волостнаго старшины. Оскорбленіе желѣзнодорожнаго сторожа или другого агента желѣзнодорожнаго управленія при отправленіи ими должности не подсудно мировымъ судебнымъ установленіямъ въ томъ случаѣ, если этотъ проступокъ имѣлъ послѣдствіемъ своимъ причиненіе кому либо смерти или повреждения здоровья (28 ст.).

Оскорбленіе слѣдующихъ лицъ подведено рѣшеніями Сената подъ 31 ст. Уст. о нак.: оскорбленіе патруля или ночнаго обхода, командированнаго по распоряженію гражданскаго или полицейскаго начальства; надсмотрщика винокуреннаго завода; оскорбленіе должностнаго лица, служащаго по найму, если такое лицо сравнено и въ порядкѣ отвѣтственности съ состоящими на государственной службѣ; таможенныхъ досмотрщиковъ; оскорбленія всякаго рода стражей, учрежденныхъ закономъ для извѣстной цѣли; стражи, учрежденной въ селахъ и деревняхъ на основаніи Положенія 19 Февраля 1861 года, на обязанности коей лежитъ охраненіе въ деревняхъ въ ночное время общественной безопасности, и, наконецъ, оскорбленіе сторожей, нанимаемыхъ городскимъ обществомъ съ тѣмъ, чтобы для спокойствія и безопасности общества, и въ помощь полиціи при предупрежденіи преступленій, они постоянно въ ночное время находились на улицѣ, обходя дозоромъ извѣстное ея пространство.

Съ другой стороны, Сенатскими рѣшеніями признаны неподходящими подъ дѣйствіе 31-й ст.: оскорбленіе лицъ, временно приставленныхъ полиціею для караула къ заводу, такъ какъ лица эти не могутъ быть отнесены къ числу тѣхъ должностныхъ лицъ, оскорбленіе которыхъ признается проступкомъ противъ порядка управленія и наказывается по 30-й и 31-й ст. Уст. о нак.; оскорбленіе стражей, нанимаемыхъ частными лицами для надзора и охраненія ихъ собственнаго спокойствія или

имущества, такъ какъ „31-я статья, предусматривающая проступки противъ порядка управленія, можетъ быть примѣнена лишь къ оскорбленію такихъ стражей, которые назначаются правительствомъ, или же обществомъ, или частными лицами въ указанныхъ въ законахъ или особыхъ постановленіяхъ случаяхъ". Наконецъ, Сенатъ призналъ неподходящимъ подъ 31 ст., а подходящимъ подъ 823 ст. Улож. о нак. причиненіе побоевъ и насильственныхъ дѣйствій лѣсной стражѣ при отправленіи его обязанностей службы; Н. А. Неклюдовъ, опровергая этотъ взглядъ Сената и находя, что причиненіе побоевъ и насильственныхъ дѣйствій лѣсной стражѣ такъ же подходитъ подъ 31 ст., какъ и учиненіе этихъ проступковъ по отношенію къ другимъ перечисленнымъ въ 31-й ст. лицамъ, указываетъ, что „823 ст. Улож. говоритъ дѣйствительно о побояхъ, нанесенныхъ лѣсному сторожу, но при этомъ сдѣлана ссылка на ст. 1489, т. е. на статью о побояхъ, подвергающихъ опасности жизнь обиженнаго. Стало быть ст. 823 Уложенія не имѣетъ вовсе въ виду побоевъ, предусмотрѣнныхъ ст. 142-й Уст. о нак.". Но въ ст. 823 Улож. имѣется ссылка не только на ст. 1489, а и на ст. 271 и 285 Улож., преслѣдующія именно побои, не подвергающія опасности жизнь обиженнаго, поэтому и опроверженіе г. Неклюдовымъ взгляда Сената представляется намъ лишеннымъ основанія.

Остановимся еще на одномъ рѣшеніи Сената—82 г. № 51—въ которомъ выражено, что „по точному смыслу закона (ст. 31), виновные въ оскорбленіи волостныхъ судей, при отправленіи ими служебныхъ обязанностей, подлежатъ наказанію по 31 ст. Уст. о нак. и примѣненіе въ этомъ случаѣ 282 ст. Улож. не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ волостный судъ, по самому его учрежденію и устройству, вовсе не имѣетъ значенія упоминаемаго въ этомъ законѣ присутственнаго мѣста, а входитъ вмѣстѣ съ волостнымъ сходомъ и волостнымъ правленіемъ въ составъ волостнаго управленія". Спрашивается: могутъ ли эти соображенія быть примѣнены и къ гминнымъ судамъ, дѣйствующимъ въ губерніяхъ Царства Польскаго? На нашъ взглядъ,

отвѣтъ долженъ послѣдовать отрицательный, т. е. слѣдуетъ признать, что оскорбленіе членовъ гминнаго суда при отправленіи ими служебныхъ обязанностей подходитъ подъ 282-ю ст. Улож., а не подъ 31 ст. Уст. о нак., такъ какъ гминные суды новаго устройства, во многомъ отличаясь и отъ волостныхъ судовъ Имперіи и отъ гминныхъ судовъ стараго устройства, введены—2-ю статьею Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр.—въ сферу судебныхъ установленій и поставлены на ряду съ мировыми судьями, по отношенію къ которымъ не возбуждается сомнѣнія въ томъ, что къ оскорбленію ихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей должна примѣняться именно ст. 282 Уложенія.

Въ заключеніе разбора 31-й ст. укажемъ еще, что многочисленными Сенатскими рѣшеніями—вполнѣ согласно со смысломъ 31 ст.—разъяснено: а) что отвѣтственность по 31-й ст. не зависитъ отъ того, правильно ли было назначено оскорбленное лицо къ отправленію должности, или нѣтъ; б) что для примѣненія 31 ст. безразличенъ вопросъ о томъ, были ли законны или нѣтъ дѣйствія самихъ органовъ власти; в) что дѣла по оскорбленіямъ должностныхъ лицъ во время исполненія ими обязанностей службы могутъ подлежать разбирательству суда не только по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ, но и вслѣдствіе сообщенія административныхъ мѣстъ; г) что преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя въ ст. 31, преслѣдуются независимо отъ воли частныхъ лицъ, и начатое производство не можетъ быть оканчиваемо примиреніемъ, и д) что общее начало, установленное въ 1 п. 138 ст. Уст. о нак. о ненаказуемости взаимныхъ обидъ не примѣняется къ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 31-й, „такъ какъ“—сказано въ рѣш. Сената 71 г. № 450—„138 ст. Уст. о нак. относится лишь къ проступкамъ противъ чести частныхъ лицъ (ст. 130—137 Уст. о нак.)“.

32 ст. **За истребленіе, порчу, сносъ или перемѣщеніе постановленныхъ, по распоряженію надлежащихъ властей, знаковъ предостерегательныхъ на сухомъ пути или обезпечивающихъ безопасность мореплаванія или судоходства,**

или же знаковъ межевыхъ или другихъ, служащихъ для означенія границъ, когда при этомъ не было корыстной или иной преступной цѣли (ст. 28); за истребленіе или повреждение устроенныхъ для производства государственной съемки тригонометрическихъ знаковъ или ихъ принадлежностей, а также за истребленіе или поврежденіе знаковъ, выставляемыхъ при производствѣ правительственныхъ изысканій по устройству путей сообщенія, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Тѣмъ же взысканіямъ подлежатъ лица, которыя, безъ намѣренія истребивъ, испортивъ, снявъ или перемѣстивъ предостерегательный на сухомъ пути или же поставленный для безопасности мореплаванія или судоходства знакъ, не объявятъ о томъ ближайшему полицейскому, судоходному или портовому начальству, или же командиру военнаго судна при первой встрѣчѣ съ онымъ.

33 ст. За порчу или истребленіе выставленныхъ, по распоряженію законныхъ властей, гербовъ, надписей, или объявленій, а равно за искаженіе публичныхъ памятниковъ, виновные, если они не имѣли намѣренія оказать неуваженіе властямъ (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Вышеизложенныя двѣ статьи Устава имѣютъ между собою много общаго: и та и другая преслѣдуютъ „истребленіе или порчу", обѣ онѣ указываютъ на неподсудность проступка мировымъ судебнымъ установленіямъ при наличности особыхъ обстоятельствъ и только наказаніе по 32 статьѣ, строже наказанія, налагаемаго по 33-й ст., въ виду большей важности для общежитія тѣхъ прдметовъ, неприкосновенность которыхъ защищается 32 статьею. Къ „корыстной цѣли", о которой упоминается въ 32-й ст., мы еще вернемся; относительно же „иной преступной цѣли, о которой въ ней тоже упоминается, замѣтимъ,

что о такомъ истребленіи пограничныхъ знаковъ „для преданія части принадлежащей государству земли иностранному, требующему или домагающемуся полученія сей земли, правительству“ говоритъ 306 ст. Улож. о нак.; о поврежденіи поставленныхъ по распоряженію правительства предостерегательныхъ знаковъ „съ умысломъ подвергнуть разрушенію, потопленію или иному несчастію какое либо лицо, или нѣсколько лицъ, или же рѣчное или морское судно, или домъ или и цѣлое селеніе или мѣсто“ говоритъ ст. 307 Улож.; объ истребленіи маяковъ „въ намѣреніи причинить караблекрушеніе, или привлечь въ какое либо мѣсто корабль или иное судно для ограбленія онаго“ говорится въ 1204 ст. Улож.; о поруганіи публичныхъ памятниковъ „съ намѣреніемъ оказать неуваженіе властямъ“ говоритъ ст. 278 Улож.; объ истребленіи же или поврежденіи надгробныхъ памятниковъ и о наружномъ поврежденіи могилъ, сдѣлано ли это „по злобному противъ погребенныхъ въ сихъ могилахъ или противъ семействъ ихъ чувству, или же по одному лишь легкомыслію“, говоритъ ст. 235 Улож.; слѣдовательно, поврежденіе надгробныхъ памятняковъ *ни въ какомъ случаѣ* не подсудно мировой юстиціи.

Въ 32 ст. говорится еще о „корыстной цѣли“, наличность которой дѣлаетъ проступокъ 32-й ст. неподсуднымъ мировой юстиціи. Эта корыстная цѣль нерѣдко вводитъ въ заблужденіе гминные суды, которые всякое запаханіе сосѣдней межи подводятъ подъ дѣйствіе 1605 ст. Улож. о нак. и признаютъ поэтому подобнаго рода дѣла себѣ неподсудными. Ст. 1605 Улож. о нак. имѣетъ въ виду „истребленіе граничныхъ межъ и другихъ знаковъ, съ намѣреніемъ присвоить себѣ или кому другому часть чужей недвижимой собственности“; содержаніе этой статьи показываетъ, что она имѣетъ въ виду тотъ случай, когда кто либо намѣренъ присвоить себѣ чужую землю, т. е. когда виновный дѣйствуетъ съ полнымъ сознаніемъ принадлежности земли потерпѣвшему и съ намѣреніемъ присвоить себѣ чужую землю; въ дѣлахъ же, встрѣчающихся въ практикѣ гминныхъ судовъ, виновный обыкновенно увѣренъ въ томъ, что отпахан-

ная имъ земля принадлежитъ ему на правѣ собственности „такъ какъ и дѣды и прадѣды владѣли ею“ и т. д., и что только ухищреніями потерпѣвшаго земля эта отобрана у настоящаго ея собственника и лишь возвращается теперь въ руки законнаго ея владѣльца, хотя бы и незаконнымъ путемъ. Если подобный обвиняемый и имѣлъ въ виду получить въ свое владѣніе спорную землю съ цѣлью пользованія ею, обрабатыванія ея и извлеченія такимъ путемъ барыша, т. е. съ корыстною — въ самомъ широкомъ смыслѣ — цѣлью, то, все таки, никакъ нельзя обвинять его въ намѣреніи присвоить себѣ *чужую* землю, а поэтому дѣла подобнаго рода прямо подходятъ подъ дѣйствіе 32 ст. Уст. о нак., а не ст. 1605 Уложенія.

Въ 33-й статьѣ говорится также объ истребленіи объявленій; Н. А. Неклюдовъ, ссылаясь на то, что ст. 277 и 278 Улож. говорятъ только о гербахъ, надписяхъ и памятникахъ, но не объ объявленіяхъ и что объ объявленіяхъ въ Улож. 57 г. говорилось въ отдѣльной статьѣ, признаетъ, что истребленіе объявленій, несмотря на его цѣль, подлежитъ вѣдомству мировой юстиціи безъ всякихъ исключеній. Съ мнѣніемъ этимъ—въ виду буквальнаго смысла 33-й ст. — трудно согласиться, и, на нашъ взглядъ, истребленіе объявленія, выставленнаго по распоряженію законной власти, причемъ виновный имѣлъ намѣреніе оказать сопротивленіе власти, гораздо ближе подходитъ по составу своему къ ст. 277-й Улож., нежели къ 33-й ст. Устава.

Въ содержаніи ст. 32 и 33-й можно указать еще то сходство, что онѣ преслѣдуютъ за истребленіе или порчу знаковъ, гербовъ и т. п., постановленныхъ или выставленныхъ по распоряженію правительства или законныхъ властей, а также за искаженіе *публичныхъ* памятниковъ; истребленіе же или порча подобнаго рода предметовъ при отсутствіи этого признака можетъ влечь за собою наказаніе лишь какъ за порчу чужаго движимаго имущества по 152 ст. Уст. о нак.

34 ст. За объявленіе чего либо во всеобщее свѣдѣніе, безъ надлежащаго разрѣшенія, когда таковое требуется за-

конокъ, виновные, не имѣвшіе притомъ другой противозаконной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Ст. 34 караетъ за объявленіе чего либо во всеобщее свѣдѣніе безразлично отъ того, въ какой формѣ нослѣдовало это объявленіе: въ формѣ ли печатныхъ или письменныхъ объявленій, вывѣшенныхъ или раздаваемыхъ на руки, или же разсылаемыхъ по домамъ и т. п.; ненаказуемы же во 1-хъ) объявленія, на которыя исходатайствовано надлежащее разрѣшеніе полицейской власти, и во 2-хъ) объявленія о такихъ предметахъ, о которыхъ можно объявлять во всеобщее свѣденіе безъ испрошенія на то предварительно разрѣшенія. Что это за предметы можно видѣть изъ Правилъ о печати 6-го Апрѣля 1865 года, въ силу коихъ типографіи освобождаются отъ обязанности представленія въ Цензурный Комитетъ по отпечатаніи: объявленій присутственныхъ мѣстъ, объявленій о продажѣ вещей, о перемѣнѣ квартиръ и тому подобныхъ произведеній, имѣющихъ предметомъ своимъ общежитейскія и домашнія потребности.

Въ ст. 34 есть также ссылка на ст. 28; въ силу этой статьи не подходятъ подъ дѣйствіе 34 ст. „опубликованіе плановъ россійскихъ крѣпостей или иныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, или гаваней, портовъ, арсеналовъ“ (ст. 256 Улож.); затѣмъ въ 301 ст. Улож., съ ссылкою на ст. 1026 Улож., сказано, что „кто дозволитъ себѣ, безъ надлежащаго разрѣшенія, объявить во всеобщее извѣстіе что либо по цѣли и содержанію своему противное законамъ доброй нравственности, приличіямъ или же для кого либо оскорбительное, или могущее имѣть какія либо вредныя послѣдствія, тотъ подвергается: наказаніямъ на основаніи особыхъ о каждомъ такомъ преступленіи или проступкѣ постановленій“. Изъ статьи же 1026 Улож. видно, что богохуленіе въ распространяемыхъ какимъ либо образомъ сочиненіяхъ преслѣдуется по 181 ст. Улож.; совращеніе православныхъ въ проповѣди или сочиненіи въ иное вѣроисповѣданіе—по ст. 189; распространеніе сочиненій съ цѣлью возбудить неуваженіе къ

Верховной Власти—по ст. 245; — къ членамъ же Императорскаго Дома по 248 ст.; распространеніи объявленій съ цѣлью возбудить къ бунту или съ порицаніемъ установленнаго государственными законами образа правленія или съ намѣреніемъ возбудитъ къ противодѣйствію властямъ и т. п. — по ст. 251, 252 и 274 Улож.; распространеніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью развращеніе нравовъ, преслѣдуется по 1001 ст. Улож.; оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени (диффамація) — преслѣдуется по 1039 ст. и распространеніе сочиненій, оскорбительныхъ для чести родителей или иныхъ родственниковъ по прямой восходящей линіи, преслѣдуется по 1539 ст. Уложенія.

Изъ текста той же 301 ст. Улож. видно, что нѣкоторыя объявленія, напр., оскорбительныя для чести частныхъ лицъ, подлежатъ преслѣдованію по Уставу о нак., но не по 34 ст., а—какъ напр., въ приведенномъ случаѣ—по 136 ст. Устава.

ГЛАВА III.

О проступкахъ противъ благочинія, порядка и спокойствія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О нарушеніи благочинія во время богослуженія.

35. ст. За нарушеніе благоговѣнія въ церкви, часовнѣ, или иномъ молитвенномъ домѣ, непристойнымъ крикомъ и шумомъ; или неблаговидными поступками, однако безъ оскорбленія святыни (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Оскорбленіе святыни, изъемлющее проступокъ 35 ст. изъ подсудности мировой юстиціи, предусмотрѣно въ 3-й главѣ II

раздѣла Улож. о нак. Проступокъ 35-й ст. неподсуденъ мировой юстиціи тоже и въ томъ случаѣ, когда онъ учиненъ священно или церковнослужителемъ какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго духовенства (ст. 218 Улож. о нак.).

Хотя въ текстѣ 35-й ст. ничего не говорится о томъ, что 35 ст. преслѣдуетъ нарушеніе благоговѣнія только во время богослуженія, но къ этому заключенію слѣдуетъ придти въ виду озаглавленія I-го отдѣленія 3-й гл. Устава, въ которой и помѣщается 35 ст.: „о нарушеніи благочинія *во время священнослуженія*“; при отсутствіи этого признака дѣяніе подлежитъ преслѣдованію по 38-й ст. Мир. Уст. Но прерваніе или остановка богослуженія не вліяетъ на измѣненіе подсудности проступка, предусмотрѣннаго 35-ю ст., а можетъ вліять лишь какъ обстоятельство, увеличивающее вину подсудимаго.

Н. А. Неклюдовъ говоритъ по поводу 35-й ст. (стр. 123 Руков.), что „подъ именемъ церкви разумѣется не только соборъ или церкви приходскія, но и домовыя, не только православныя, но и другихъ исповѣданій. Относительно же исповѣданій нехристіанскихъ правильнѣе примѣнять не ст. 35, а ст. 38—о нарушеніи тишины въ публичномъ мѣстѣ, такъ какъ ст. 35 не имѣетъ очевидно въ виду исповѣданій нехристіанскихъ“. Откуда это очевидно и въ силу какихъ соображеній Н. А. Неклюдовъ пришелъ къ такоому выводу—изъ Руководства его не видно, въ рѣшеніи же Сената за 1885 годъ № 15 высказанъ противоположный взглядъ а именно выражено, что такъ какъ „приговорами мироваго судьи и мироваго съѣзда установлено, что дѣйствіями обвиняемыхъ и произнесенными ими неприличными словами было нарушено благоговѣніе въ еврейскомъ молитвенномъ домѣ (синагогѣ) во время совершенія богослуженія, то примѣненіе къ дѣянію подсудимыхъ 35 ст. Уст. о нак. представляется вполнѣ правильнымъ“. Выводъ этотъ основанъ Сенатомъ на томъ соображеніи, что законъ, налагая на всѣхъ обязанность относиться съ особымъ уваженіемъ къ мѣстамъ, посвященнымъ молитвѣ и отправленію богослуженія, „не устанавливаетъ въ семъ отношеніи никакого различія между хри-

стіанскими храмами и молитвенными домами иныхъ вѣроученій, охраняя благочиніе и въ сихъ послѣднихъ“.

Ст. 35 преслѣдуетъ „непристойный“ крикъ и шумъ и „неблаговидные“ поступки; что понимать подъ такими поступками въ Уставѣ не объяснено и вообще Уставъ о нак. употребляетъ выраженія болѣе общія, чѣмъ предоставляется суду и большій просторъ при опредѣленіи и оцѣнкѣ фактической стороны дѣла. Уложеніе о нак. изд. 1857 года было болѣе казуистично и поэтому полезно знать—въ видѣ примѣровъ—какіе именно проступки Уложенія 57 года замѣнены статьями Устава о нак. Въ данномъ случаѣ ст. 35 и 36 замѣнили статьи съ 245 по 252 Улож. о нак. 57 года, преслѣдовавшія, между прочимъ, громкій крикъ, хохотъ, шумъ и вообще всякое дѣйствіе, причиняющее соблазнъ или отвращающее вниманіе молящихся отъ службы Божіей, занятіе во время Божественной службы мѣста, предназначеннаго для священнодѣйствія, а также невыходъ изъ алтаря немедленно послѣ приглашенія священнослужителя. Замѣтимъ при томъ, что не всякій крикъ и не всякое дѣйствіе, отвращающіе вниманіе молящихся отъ службы Божіей, могутъ быть преслѣдуемы по 35 ст.; если, напр., крикъ вызванъ болѣзнью, случившеюся съ обвиняемымъ или съ кѣмъ нибудь изъ близкихъ его, или если этотъ крикъ имѣлъ цѣлью привлечь чье либо вниманіе на злоумышленника, покушавшагося обокрасть кого-либо, то подобное дѣяніе не можетъ считаться уголовно наказуемымъ вообще, а учиненное въ церкви, хотя бы и во время богослуженія, не можетъ влечь за собою примѣненіе 35 статьи.

На основаніи ст. 10 и 11 Т. XIV Уст. о пред. и пресѣч. прест., обязанность охранять миръ и тишину въ церкви возлагается на полицію (ст. 10) и священнослужителей (ст. 11), но изъ этого еще не слѣдуетъ—какъ было указано и Сенатомъ—чтобы священнослужители могли непосредственно возбуждать дѣла по обвиненію въ нарушеніи благочинія въ церкви и являться обвинителями въ судахъ мировой юстиціи по этого рода дѣламъ. Подобное возбужденіе дѣла являлось бы наруше-

ніемъ 42-й ст. Уст. угол. суд. и—въ виду этой статьи — священнослужители, въ случаѣ нарушенія благочинія въ церкви, должны заявлять о томъ представителямъ полицейской власти, чинъ же полиціи, составивъ протоколъ и передавъ его въ подлежащій судъ и явится затѣмъ обвинителемъ при разсмотрѣніи въ судѣ дѣла.

36 ст. За нарушеніе, внѣ молитвенныхъ зданій, благочинія во время священнослуженія общенародными забавами и увеселеніями, или какими либо безчинствами, препятствующими божественной службѣ, виновные, когда ими не совершено при томъ оскорбленія святыни (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Тому же взысканію подвергаются виновные въ нарушеніи порядка при торжественныхъ шествіяхъ и празднествахъ.

Ст. 35—какъ мы видѣли—преслѣдуетъ нарушеніе благочинія *въ церкви*, статья же 36-я наказываетъ за нарушеніе его *внѣ* молитвенныхъ зданій, когда при томъ не имѣло мѣста одно изъ преступленій оскорбленія святыни, предусмотрѣнныхъ ст. 210—218 Улож. о нак.

Необходимыми элементами для состава проступка 36-й ст. являются: совершеніе проступка „во время священнослуженія" и вблизи молитвеннаго дома; послѣднее условіе потому необходимо, хотя и не упомянуто прямо въ 36 ст., что проступокъ долженъ „препятствовать" богослуженію, а препятствовать ему можетъ, очевидно, лишь такое нарушеніе благочинія, которое учинено не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста священнослуженія; вопросъ же о томъ препятствовало ли въ данномъ случаѣ нарушеніе благочинія священнослуженію опредѣляется, конечно, въ каждомъ данномъ случаѣ по обстоятельствамъ дѣла.

Нарушеніе благочинія преслѣдуется по 36 ст. Уст. о нак. въ случаѣ „препятствованія" богослуженію; отсутствіе этого признака тоже лишаетъ возможности подведенія проступка

подъ 36 ст., и нарушеніе благочинія, не препятствующее богослуженію, можетъ влечь за собою преслѣдованіе уже не по 36, а по 29 или 30 ст. Мир. Уст. Подъ нарушеніемъ благочинія слѣдуетъ понимать крикъ, шумъ, драку близъ церкви и т. п.; забавы и увеселенія, преслѣдуемыя по 36 ст., должны быть непремѣнно всенародными, т. е. доступными для публики, забава же, устроенная близъ церкви кѣмъ либо собственно *для себя*, можетъ быть преслѣдуема тоже по 36-й ст., но уже какъ безчинство, препятствующее священнослуженію.

250 ст. Улож. о нак. изд. 1857 года, замѣненная — въ числѣ прочихъ статей—36 статьею Мир. Уст., преслѣдовала открытіе торговой лавки (за исключеніемъ лавокъ съ съѣстными припасами и кормомъ для скота) до окончанія литургіи или во время церковныхъ торжествъ внѣ церкви; въ виду этого Сенатъ—въ рѣш. 69 г. № 1032—призналъ, что ст. 36 Мир. Уст. объемлетъ и случаи производства торговли до окончанія литургіи въ торжественные и табельные дни, за исключеніемъ продажи съѣстныхъ припасовъ, причемъ пояснилъ, что для примѣненія 36-й ст. достаточно факта открытія лавки, а вовсе не требуется дѣйствительное производство въ оной торговли, и что ст. 36 примѣняется не только къ случаямъ открытія лавокъ во время литургіи, но и до начатія литургіи.

Н. А. Неклюдовъ (Рук. стр. 127) высказываетъ, что и открытіе питейныхъ заведеній до окончанія литургіи должно быть подводимо подъ 36-ю ст. Уст. а не подъ 41-ю ст., основываясь на томъ, что 250 ст. Улож. о нак. изд. 57 г. показана въ Уложеніи 66 г. замѣненною исключительно ст. 36-ю Устава, а въ 250 ст. говорится наряду съ торговыми лавками и о питейныхъ домахъ, причемъ открытіе трактировъ до окончанія литургіи не преслѣдуется, статья же 41 говоритъ и о трактирахъ. Но Правительствующій Сенатъ въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ своихъ остановился на томъ взглядѣ, что не только открытіе питейнаго дома до окончанія литургіи подходитъ подъ 41 ст. Уст. о нак., но и открытіе всякой торговой лавки (исключая торгующихъ съѣстными припасами и кормомъ для скота), ос-

новываясь на томъ соображеніи — въ рѣш. 71 г. № 977 — что въ ст. 250 Улож. о нак. изд. 57 г. сдѣлана ссылка на ст. 1291, а эта статья—какъ видно изъ Сравнительнаго Указателя—замѣнена 41 ст. Мир. Устава.

Хотя эта аргументація Сената представляется намъ не убѣдительною, такъ какъ ссылка въ 250 ст. на ст. 1291 сдѣлана лишь для опредѣленія наказанія, но въ виду высказанныхъ нами уже выше соображеній о значеніи Сравнительнаго Указателя, мы и въ данномъ случаѣ находимъ, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи смысла ст. 36 и 41 и признаемъ, что спорный проступокъ подходитъ ближе подъ понятіе 41, нежели 36-й ст. Указанію же г. Неклюдова на то, что трактиры открывать во время священнослуженія не запрещено, мы не придаемъ рѣшающаго значенія, такъ какъ указаніе это вовсе, на нашъ взглядъ, не рѣшаетъ вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону.

Замѣтимъ въ заключеніе разсмотрѣнія 37-й ст., что Сенатъ относитъ къ торжественнымъ процессіямъ и похоронныя шествія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О нарушеніи порядка и спокойствія.

37 ст. За распространеніе ложныхъ слуховъ, хотя не имѣющихъ политической цѣли (ст. 28), но возбуждающихъ безпокойство въ умахъ, а равно за напрасное причиненіе общей тревоги ударомъ въ набатъ, или инымъ образомъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Распространеніе просто слуховъ закономъ не преслѣдуется, и безсмертные вѣстовщики — Бобчинскій и Добчинскій— могли бы и теперь смѣло заниматься своею спеціальностью, не рискуя—въ большинствѣ случаевъ — быть привлеченными къ

отвѣтственности; преслѣдуется лишь распространеніе слуховъ во 1-хъ) *ложныхъ*, во 2 хъ) же—возбуждающихъ *притомъ* безпокойство въ умахъ; соединеніе обоихъ признаковъ необходимо для подведенія дѣянія подъ 37-ю статью, поэтому, отсутствіе хотя бы одного изъ нихъ дѣлаетъ дѣяніе ненаказуемымъ. Такимъ образомъ, распространеніе слуха, хотя и ложнаго, но не возбуждающаго безпокойства въ умахъ, и, равнымъ образомъ, распространеніе слуха, хотя и возбуждающаго безпокойство въ умахъ, но справедливаго, — является дѣяніемъ ненаказуемымъ по 37-й ст. Выраженіе „распространеніе" обнимаетъ собою всѣ формы разглашенія: печатную, письменную и словесную. Намѣреніе должно заключаться въ распространеніи завѣдомо — ложныхъ слуховъ; при доказанности же, что распространитель слуха, несогласнаго съ дѣйствительностью, самъ вѣрилъ въ силу извѣстныхъ серьезныхъ причинъ въ его основательность — правильнымъ будетъ постановленіе о немъ оправдательнаго приговора.

Второй элементъ „возбужденіе безпокойства въ умахъ" указываетъ, что распространяемый слухъ долженъ имѣть предметомъ своимъ такое событіе, наступившее уже или имѣющее наступить, которое грозитъ опасностью обществу, предвѣщаетъ ему нѣчто недоброе, ибо только подобнаго рода слухи и могутъ возбудить тревогу, опасенія, „безпокойство въ умахъ" всѣхъ членовъ даннаго общества или, по крайней мѣрѣ, значительной ихъ части. Иллюстрируя характеръ распространяемыхъ слуховъ примѣрами, Н. А. Неклюдовъ указываетъ, что распространеніе слуховъ безвредныхъ или даже пріятныхъ не составляетъ никакого проступка „и охотникъ можетъ безнаказанно кричать на всѣхъ перекресткахъ о томъ, что на будущій годъ не будетъ въ Россіи казнокрадства, что въ Петербургѣ будетъ постоянно дуть южный вѣтеръ, и не будетъ въ немъ болѣе тифовъ, возвратныхъ лихорадокъ, катаровъ, что цѣнность золота понизится до 5 р. 15 к., а о фальшивыхъ бумажкахъ не будетъ и помину".

Распространеніе ложныхъ слуховъ съ политическою цѣ-

лью преслѣдуется, Улож. о нак., которое знаетъ слѣдующія преступленія, близкія къ проступку 37 ст., но квалифицированныя, а потому и неподсудныя мировымъ судебнымъ установленіямъ: распространеніе ложныхъ слуховъ съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствію или сопротивленію власти (ст. 274); распространеніе, съ умысломъ, имѣющихъ политическую зловредную цѣль, или же явно оскорбительныхъ для верховнаго правительства слуховъ (ст. 932); подложное разглашеніе „ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды о какомъ либо, будто бы случившемся, чудѣ (ст. 933), и стараніе, при помощи приписыванія себѣ сверхъ естественной чудесной силы или святости, произвести въ народѣ тревогу, волненіе или уныніе, или же неповиновеніе установленной закономъ власти“.

Вторая часть 37-й ст. преслѣдуетъ напрасное восбужденіе общей тревоги ударомъ въ набатъ или инымъ образомъ; несомнѣнно, что только *напрасное* возбужденіе тревоги наказуемо по 37-й ст.; возбужденіе же тревоги не напрасной не можетъ никоимъ образомъ считаться преступнымъ. Намѣреніе должно заключаться въ желаніи возбудить именно фальшивую тревогу, т. е. тревога должна быть возбуждена съ знаніемъ, что она возбуждается напрасно, если же обвиняемый, возбуждая напрасную тревогу, дѣйствовалъ добросовѣстно, то такое дѣяніе его, слѣдуетъ признать, ненаказуемымъ по неимѣнію состава проступка, такъ какъ намѣреніе возбудить именно *фальшивую* тревогу составляетъ одинъ изъ признаковъ проступка 37-й статьи.

Выраженіе закона „или инымъ образомъ“ указываетъ, что способъ возбужденія тревоги въ глазахъ закона безусловно безразличенъ; затѣмъ, для состава проступка 37-й ст. необходимо, чтобы тревога сдѣлалась общею, такъ какъ возбужденіе тревоги въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностяхъ закономъ не преслѣдуется; установленіе же общности тревоги по обстоятельствамъ даннаго дѣла будетъ обязанностью суда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. По отношенію къ разбираемымъ нами въ настоящее време проступкамъ, имѣющимъ цѣлью охра-

неніе спокойствія общественнаго, возбуждается вопросъ о томъ, кто можетъ начинать подобнаго рода дѣла, кто въ правѣ требовать отъ суда наказанія виновнаго? Существуетъ на практикѣ мнѣніе, что дѣла подобнаго рода, въ виду охраненія закономъ въ подобныхъ случаяхъ общественныхъ, а не частныхъ интересовъ, могутъ возбуждаться не частными лицами, а только тѣми органами, на обязанности которыхъ лежитъ охраненіе общественнаго благоустройства, порядка и спокойствія. Правит. Сенатомъ по этому вопросу высказано (въ рѣш. 1872 г. № 573, съ ссылкою на рѣш. 69 г. № 964): „дѣла о проступкахъ противъ общественнаго благоустройства могутъ быть возбуждаемы и по жалобамъ частныхъ лицъ, коль скоро эти проступки чѣмъ либо могли принести имъ вредъ или убытки“. Этотъ взглядъ Сената согласенъ съ точнымъ смысломъ 42 ст. Уст. угол. суд., по которой дѣла начинаются и по жалобамъ лицъ потерпѣвшихъ; вопросъ сводится лишь къ тому: можетъ ли частное лицо быть признано потерпѣвшимъ отъ проступка, караемаго единственно въ виду общественнаго его значенія? На нашъ взглядъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть утвердительный въ силу того соображенія, что охраненіе общественнаго порядка и спокойствія имѣетъ въ виду, въ концѣ концевъ, тѣхъ же частныхъ лицъ и, слѣдовательно, эти частныя лица могутъ являться потерпѣвшими и отъ подобнаго рода проступковъ, хотя, конечно, удостовѣреніе такого потерпѣвшаго, само по себѣ, еще не доказываетъ наличность всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ даннаго проступка. Положимъ, какое либо частное лицо возбудило преслѣдованіе по 37-й ст. Уст. о нак. за распространеніе ложныхъ слуховъ, утверждая, что слухъ этотъ вызвалъ „безпокойство въ умѣ“ потерпѣвшаго; такъ какъ ст. 37 имѣетъ въ виду „безпокойство *въ умахъ*“, то судъ, независимо отъ этого заявленія, долженъ обсудить вопросъ, принадлежитъ ли данный слухъ къ категоріи тѣхъ слуховъ, которые могутъ возбудить безпокойство въ умахъ, т. е. въ обществѣ, и только въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, виновный можетъ подлежать отвѣтственности по 37-й ст. Мир. Устава.

38 ст. За ссоры, драки, кулачный бой, или другаго рода буйство въ публичныхъ мѣстахъ, и вообще за нарушеніе общественной тишины, виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Если же въ этихъ нарушеніяхъ будетъ участвовать цѣлая толпа людей, которая не разойдется по требованію полиціи, то упорствующіе подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей;

а если необходимо будетъ прекратить безпорядокъ силою, хотя и безъ употребленія оружія, то они подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Проступокъ, предусмотрѣнный 3-мъ пунктомъ 38-й ст., былъ изъятъ—по Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр. —изъ вѣдомства гминныхъ судовъ; Высоч. утв. мнѣніемъ Госуд. Совѣта отъ 18 Мая 1882 года проступокъ этотъ—въ числѣ прочихъ, тоже прежде изъятыхъ проступковъ — признанъ подсуднымъ и гминнымъ судамъ.

Ближайшее разсмотрѣніе 38-й ст. приводитъ къ тому заключенію, что въ ней соединены два проступка; а именно: 1) ссоры, драки, кулачный бой, или другого рода буйство въ публичныхъ мѣстахъ и 2) нарушеніе общественной тишины. Признакъ *публичнаго мѣста*, упоминаемый въ I-й части 1-го пункта 38-й ст. различаетъ эти два рода проступковъ, такъ какъ для наказуемости нарушенія общественной тишины наличность этого признака не необходима, съ другой же стороны, ссоры, драки, кулачный бой, и другаго рода буйство, учиненныя въ *публичныхъ мѣстахъ*, наказываются по 38-й ст., хотя бы они и не сопровождались нарушеніемъ общественной тишины, такъ какъ случаи эти признаются закономъ несомнѣнно нарушающими общественный порядокъ.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что ссоры, драки, ку-

лачный бой или другого рода буйство не преслѣдуются по 38 ст. разъ, что полемъ для этого рода дѣяній является не публичное мѣсто.

Въ ст. 38-й мы сталкиваемся въ первый разъ съ понятіемъ публичности мѣста; къ разсмотрѣнію этого понятія мы и обратимся въ настоящее время.

Кассаціонная практика очень богата разъясненіями этого понятія какъ въ общихъ его признакахъ, такъ и въ примѣненіи его къ отдѣльнымъ случаямъ. Особенно подробно разобранъ этотъ вопросъ Сенатомъ въ рѣшеніи за 70 г. № 68 по извѣстному—по крайней мѣрѣ въ свое время — дѣлу артиста французской трупы Дево; въ рѣшеніи этомъ Сенатъ во 1-хъ) высказалъ, что въ законѣ нѣтъ точнаго и положительнаго опредѣленія, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ публичнымъ мѣстомъ; далѣе въ рѣшеніи этомъ изложено, что „публичнымъ можетъ быть мѣсто во 1-хъ) по самому его *существу*, совершенно независимо отъ того, находится или не находится кто либо въ данное время въ такомъ мѣстѣ; къ этого рода публичнымъ мѣстамъ принадлежатъ: улицы, площади, проѣзжія дороги, общественные сады и т. п.; во 2-хъ) мѣсто можетъ быть публичнымъ по его назначенію, именно, когда оно, не будучи публичнымъ по своему существу, обращается въ мѣсто публичное вслѣдствіе положительно опредѣленнаго назначенія; къ такимъ публичнымъ мѣстамъ можно отнести: церкви, судебныя установленія, театры, гостинницы и т. п.; мѣста сіи, публичныя по данному имъ назначенію, различаются преимущественно тѣмъ отъ мѣстъ публичныхъ по ихъ существу, что въ извѣстное время, когда публика въ нихъ не допускается, онѣ теряютъ характеръ публичности; въ 3-хъ) мѣсто, по существу и по назначенію своему не публичное, можетъ, *по случайнымъ обстоятельствамъ*, обратиться, на нѣкоторое время, въ публичное, напримѣръ, когда въ квартирѣ частнаго лица дается публичное представленіе или публичный концертъ, то эта квартира. на время такого представленія или концерта, дѣлается мѣстомъ публичнымъ“.

слѣдствіемъ ихъ не было нарушенія публичной тишины, потому что этого рода поступки нарушаютъ порядокъ и поэтому въ публичныхъ мѣстахъ безусловно запрещаются.

Что же касается проступка нарушенія общественной тишины, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать еще на выяснившуюся на практикѣ чрезмѣрную строгость и нѣкоторую неразборчивость, съ которою частныя лица привлекались къ отвѣтственности по 38 ст. Намъ извѣстенъ случай привлеченія къ отвѣтственности по обвиненію въ нарушеніи общественной тишины лица, кричавшаго „караулъ", т. е. призывавшаго на помощь въ виду произведеннаго на него нападенія; аналогиченъ этому тоже имѣвшій мѣсто случай привлеченія по 38-й ст. лица, кричавшаго о задержаніи вора, успѣвшаго убѣжать. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ ни дорого охраненіе общественной тишины, въ смыслѣ общественнаго спокойствія, но нельзя добиваться его путемъ нарушенія правъ еще болѣе дорогихъ: права охраненія своей личности и своего имущества. Вообще монастырскій, такъ сказать, взглядъ на сохраненіе тишины врядъ ли всегда и вездѣ умѣстенъ: тяжелое бремя жизни врядъ ли легче нести при гробовомъ молчаніи и сомнительно, чтобы законодатель требовалъ соблюденія такой же тишины на улицѣ, какъ у постели тяжко больнаго. Нильсонъ, поющая на балконѣ отеля при стеченіи тысячной публики, Сарасате, играющій на скрипкѣ при тѣхъ же условіяхъ, несомнѣнно нарушаютъ общественную тишину; еще болѣе нарушаютъ ее крики восторга ихъ многочисленныхъ слушателей, но неужели это торжество таланта, это поклоненіе искуству и чествованіе лицъ, составляющихъ національную гордость, неужели все это заносить на страницы полицейскаго протокола, краткаго но выразительнаго, подводить подъ 38-й ст. и предавать суду мировой юстиціи, хотя и справедливому, но строгому? Особенно замѣчанія эти имѣютъ значеніе по отношенію къ тѣмъ немногимъ днямъ народнаго веселья, когда беретъ верхъ, хоть на время, энергія жизни и населеніе, забывая свои трудовыя невзгоды, живетъ полною жизнью и несомнѣнно шумитъ, шу-

митъ на улицахъ и площадяхъ, шумитъ въ мѣстахъ публичныхъ и не публичныхъ. Населеніе польскихъ губерній не повинно въ подобныхъ увлеченіяхъ, но за примѣромъ, на этотъ разъ, намъ не придется ходить ни въ Швецію, ни въ Испанію, а достаточно будетъ указать на всю остальную Россію, весело и шумно празднующую широкую масляннмцу. Неужели же все ея многомилліонное населеніе привлекать по 38-й ст., когда это „нарушеніе общественной тишины" узаконено обычаемъ и преданіями предковъ? На нашъ взглядъ, органамъ, наблюдающимъ за порядкомъ и тишиною, слѣдуетъ помнить мудрое изреченіе о необходимости во всемъ мѣры—est modus in rebus—и соблюдать мѣру въ оцѣнкѣ явленій, на первый взглядъ будто бы и подходящихъ подъ 38-ю статью Мироваго Устава.

Примѣненіе 2 ч. 38 ст. возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ нарушеніяхъ, перечисленныхъ въ 1 части той же статьи, т. е. въ ссорахъ, дракахъ, кулачномъ боѣ или другого рода буйствахъ въ публичныхъ мѣстахъ и въ вообще въ нарушеніи общественной тишины,—участвовала „цѣлая толпа людей", которая при томъ „не разошлась по требованію полиціи"; при этихъ условіяхъ возможно примѣненіе болѣе строгаго наказанія, устанавливаемаго 2-ю частью 38-й ст., „къ упорствующимъ", то есть къ тѣмъ изъ этой преступной толпы, которые останутся на мѣстѣ происшествія, несмотря на требованіе полиціи; къ остальнымъ же изъ этой толпы, нарушившимъ порядокъ или тишину, но разошедшимся по требованію полиціи, должна быть примѣнена 1-я ч. 38-й ст. Понятіе „толпы" не установлено ни закономъ, ни Сенатскою практикою; Руководство Н. А. Неклюдова пытается опредѣлить понятіе толпы путемъ соразмѣренія ея съ количествомъ противопоставленной ей полицейской силы, но въ ближайшихъ подробностяхъ не останавливается на этомъ опредѣленіи и не высказываетъ основанія для его установленія. Намъ кажется, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судъ долженъ установить, путемъ сопоставленія всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла, участвовало ли въ нарушеніи нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, или же нѣсколько человѣкъ,

предварительно сговорившихся между собою, или же, наконецъ, установить, что сборище это образовалось путемъ постепеннаго накопленія въ достаточномъ количествѣ отдѣльныхъ личностей, незнакомыхъ до того между собою, но затѣмъ начавшихъ дѣйствовать сообща, подъ вліяніемъ охватившаго ихъ возбужденія.

Примѣненіе же 3-й части 38-й ст., т. е. опредѣленіе виновнымъ наиболѣе строгаго наказанія, обусловливается — кромѣ наличности признаковъ, требуемыхъ 2-ю частью — еще и необходимостью употребленія для прекращенія безпорядка силы; 3-я ч. именно употребляетъ это выраженіе „необходимо"; слѣдовательно, не всякое употребленіе силы для прекращенія безпорядка вызываетъ примѣненіе 3-й ч. 38-й ст., а лишь то употребленіе силы, которое будетъ признано судомъ *необходимымъ* для прекращенія безпорядка, или иначе, когда судъ признаетъ, что полиція вынуждена была прибѣгнуть къ силѣ для прекращенія безпорядка.

Дѣла о проступкахъ, преслѣдуемыхъ по 38-й ст. Мир. Уст. могутъ начинаться какъ по заявленію полиціи, такъ и по жалобѣ потерпѣвшаго, а, равнымъ образомъ, и по непосредственному усмотрѣнію изъ дѣла мироваго судьи или гминнаго суда. Если, напр., судъ разсматриваетъ дѣло по жалобѣ одного лица на другое на оскорбленіе его дѣйствіемъ и изъ обстоятельствъ дѣла усмотритъ, что между сторонами произошла драка въ публичномъ мѣстѣ, то онъ можетъ возбудить преслѣдованіе противъ дравшихся по непосредственному усмотрѣнію изъ дѣла по обвиненію ихъ въ дракѣ въ публичномъ мѣстѣ; при этомъ, помирятся ли стороны по первоначальному обвиненію въ оскорбленіи, признаетъ ли судъ по тому обвиненію взаимность равныхъ обидъ,—дѣло по нарушенію 38-й ст. должно идти своимъ порядкомъ и не можетъ быть прекращено за примиреніемъ сторонъ, какъ не можетъ виновный быть освобожденъ отъ наказанія по 38-й ст. за взаимностью равныхъ обидъ. Вышеизложенное вытекаетъ изъ точнаго смысла ст. 42-й Уст. уг. суд. и ст. 18, 20 и 138 Уст. о нак.

39 ст. За нарушеніе порядка въ публичныхъ собраніяхъ, или во время общенародныхъ увеселеній, театральныхъ представленій и т. п., виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

39-я ст. Мир. Устава весьма схожа по составу преслѣдуемаго ею проступка со статьями 36-ю и 38-ю того же Устава; различіе же между ними заключается въ томъ, что въ статью 36-ю выдѣлено нарушеніе благочинія *во время священнослуженія*, а также при *торжественныхъ шествіяхъ и празднествахъ*, статья же 39-я говоритъ о нарушеніи порядка во всякаго рода другихъ публичныхъ собраніяхъ, не носящихъ столь торжественный характеръ, а также во время общенародныхъ увеселеній и т. п. Отъ ст. 38-й ст. 39-я отличается тѣмъ, что первая изъ нихъ говоритъ о публичныхъ мѣстахъ, хотя бы въ этихъ мѣстахъ не происходило никакихъ собраній и т. п., вторая же преслѣдуетъ нарушеніе порядка именно *въ собраніяхъ* и т. п., причемъ 38-я ст. говоритъ о дракахъ, ссорахъ и т. д., статья же 39 преслѣдуетъ нарушеніе порядка, хотя бы оно и не выразилось въ формѣ буйства или въ другихъ рѣзкихъ формахъ, перечисленныхъ въ 38-й статьѣ, причемъ это нарушеніе порядка, при наличности условій, предусмотрѣнныхъ во 2-й и 3-й частяхъ 38-й ст., должно быть наказываемо по этой послѣдней статьѣ Устава о нак.

Въ статьяхъ Уложенія о нак. изд. 1857 года, замѣненныхъ статьею 39-ю Мироваго Устава, опредѣлено было разстояніе (не свыше ста саженей) отъ мѣста общенародной забавы или театральнаго представленія для подведенія даннаго дѣянія подъ понятіе нарушенія порядка въ собраніяхъ и при театральныхъ представленіяхъ. Ст. 39 не ставитъ суду подобныхъ рамокъ и предоставляетъ вполнѣ его усмотрѣнію рѣшить, было ли въ данномъ случаѣ нарушеніе порядка или нѣтъ, независимо отъ разстоянія отъ мѣста совершенія проступка до мѣста собранія. Это различіе въ статьяхъ стараго кодекса и Устава о нак. интересно въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ высказанную

нами выше мысль, что для опредѣленія состава даннаго проступка по Уставу о нак. нельзя придерживаться буквально опредѣленій статей Уложенія о нак. изд. 1857 года, вошедшихъ въ ту или другую статью Мироваго Устава.

Равнымъ образомъ, ст. 39 предоставляетъ суду разрѣшеніе вопроса, заключалось ли въ данномъ дѣяніи нарушеніе порядка, такъ какъ статья эта не указываетъ, какіе именно факты слѣдуетъ считать нарушеніемъ порядка. Проступокъ, во всякомъ случаѣ, долженъ состоять въ прерываніи, на болѣе или менѣе продолжительное время, предположенной программы занятій или увеселеній, въ отвлеченіи вниманія собравшихся отъ предмета ихъ занятій и вообще въ нарушеніи мирнаго и спокойнаго хода вещей въ публичныхъ собраніяхъ. Въ видѣ же примѣровъ можно указать на перечисленные въ XII Т. Св. Зак. (Уст. о пред. и прес. прест.) случаи нарушенія порядка „шумомъ, крикомъ, громкимъ разговоромъ и вообще перерывами представленія или препятствованіемъ окончанія таковаго“.

Подъ дѣйствіе 39-й ст. Сенатъ — въ рѣш. 68 г. № 36 — подвелъ и нарушеніе порядка въ пріемной суда, „во время публичнаго въ оной собранія“, причемъ высказалъ, что дисциплинарная власть, предоставленная предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ для пресѣченія маловажныхъ нарушеній порядка въ судебныхъ засѣданіяхъ, не устраняетъ примѣненія ст. 39-й въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти нарушенія будутъ имѣть болѣе тяжкій характеръ. Изъ этого рѣшенія слѣдуетъ вывести, что распоряженіе предсѣдателя, имѣющее цѣлью возстановленіе порядка въ засѣданіи, не носитъ характера карательной мѣры и не лишаетъ возможности привлеченія виновнаго къ отвѣтственности и по 39-й ст. Мироваго Устава.

По отношенію къ клубамъ Сенатъ — въ рѣш. 71 г. № 921 — высказалъ, а въ рѣш. за тотъ же годъ № 1505 повторилъ, что „лица, нарушившія благочиніе или порядокъ въ тѣхъ клубныхъ собраніяхъ, кои не относятся къ числу признаваемыхъ закономъ за публичныя (къ публичнымъ же относятся устраиваемые въ клубахъ маскарады, общественныя зрѣлища и кон-

церты, какъ требующіе для устройства оныхъ разрѣшенія полиціи), такія лица могутъ быть преслѣдуемы судебнымъ порядкомъ лишь тогда, когда распорядители собранія, при неуспѣшности обращенныхъ ими къ нарушителю благочинія напоминаній и требованій, обратятся, для прекращенія безпорядка, къ содѣйствію полиціи, а нарушитель не исполнитъ требованія сей послѣдней (29 ст. Уст. о нак.); когда же распорядители собранія не прибѣгаютъ къ таковому содѣйствію полиціи, виновникъ безпорядка можетъ подвергаться только дѣйствію правилъ того клуба, въ собраніи котораго было нарушено имъ благочиніе".

40 ст. За открытіе безъ надлежащаго разрѣшенія, когда таковое требуется закономъ, общенародныхъ игръ, забавъ или театральныхъ представленій виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

40[1] ст. За перепродажу входныхъ билетовъ на театральныя представленія, концерты и маскарады въ Императорскихъ театрахъ, по возвышенной противъ установленной цѣны билетовъ платѣ, или же въ видѣ ремесла или промысла, виновные подвергаются, за каждый проданный при означенныхъ условіяхъ билетъ:

денежному взысканію отъ трехъ до пятидесяти рублей.

Для наличности состава преслѣдуемаго 40-ю статьею проступка требуется: а) открытіе, б) отсутствіе надлежащаго разрѣшенія, когда таковое требуется закономъ, в) общенародность игръ, забавъ или театральныхъ представленій. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ признаковъ.

1) *Открытіе* игръ и т. д. предполагаетъ дѣйствіе какого либо отдѣльнаго лица или нѣсколькихъ лицъ, порѣшившихъ устроить то или другое увеселеніе; слѣдовательно, по 40-й статьѣ наказываются не участники въ увеселеніи, которые, понятно, могли и не знать, что увеселеніе открыто безъ надлежащаго разрѣшенія, а тотъ или тѣ, которые открыли увеселеніе, другими словами, — наказываются только его распорядители, наказывается дѣйствіе даннаго лица, состоявшее въ организа-

ціи увеселенія съ нарушеніемъ полицейскихъ правилъ. Но дѣйствіе это наказуемо лишь съ того момента, съ котораго увеселеніе можно считать открытымъ; спрашивается теперь: что слѣдуетъ считать *открытіемъ* увеселенія? Г. Неклюдовъ (стр. 148 Рук.) полагаетъ, что правильнѣе всего принять за моментъ открытія *раздачу билетовъ* или *самый фактъ впуска* въ мѣсто забавы, увеселенія или представленія. На нашъ взглядъ, раздачу билетовъ тогда только можно считать за моментъ открытія, когда билеты раздаются только при самомъ входѣ и имѣютъ послѣдствіемъ своимъ немедленный впускъ въ мѣсто забавы; другими словами, намъ представляется, что моментомъ открытія можно считать исключительно фактъ впуска въ мѣсто забавы, такъ какъ по отношенію къ раздачѣ билетовъ можно примѣнить соображеніе, высказанное г. Неклюдовымъ по поводу публикаціи о предполагающемся увеселеніи, что „это только предположеніе, проэктъ, который можетъ весьма легко и не осуществиться". Дѣйствительно, плохаяраздача билетовъ весьма легко можетъ убѣдить предпринимателя, что надежды его на ожидаемые имъ барыши не осуществятся, и онъ, въ такомъ случаѣ, можетъ отказаться отъ своего намѣренія задолго до его осуществленія. На нашъ взглядъ, публикаціи и продажи билетовъ являются приготовленіемъ къ проступку и покушеніемъ на него ненаказуемыми по Уставу о нак. за исключеніемъ особо указанныхъ случаевъ.

Хотя въ нашемъ примѣрѣ мы говорили объ организаціи увеселеній съ коммерческою цѣлью, но 40-я ст. не выдѣляетъ этотъ видъ открытія забавъ и наказываетъ вообще за такое открытіе, независимо отъ того, съ какою цѣлью увеселеніе организовано и преслѣдуютъ, или нѣтъ, организаторы какія либо коммерческія цѣли.

2) *Отсутствіе надлежащаго разрѣшенія, когда таковое требуется закономъ.* Дополненіе это „когда таковое требуетъ законъ" является излишнимъ въ виду общаго правила, изложеннаго въ XIV Т. Св. Зак. и гласящаго, что запрещается безъ дозволенія полиціи „чинить въ городѣ или внѣ онаго общенародныя игры

или забавы и театральныя представленія". Запрещеніе это распространяется на всѣ „общенародныя" увеселенія и, слѣдовательно, наличность разрѣшенія необходима для всѣхъ „общенародныхъ" увеселеній.

3) *Общенародность* увеселенія. Подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ понимать публичность увеселенія; общенародными, поэтому, слѣдуетъ признавать тѣ увеселенія, которыя даются за установленную за входъ плату а также и тѣ, входъ на которыя разрѣшается всѣмъ желающимъ даже безплатно. Устройство же безъ разрѣшенія увеселеній не общенародныхъ, а предназначенныхъ для кружка лицъ знакомыхъ, съ обставленіемъ права входа извѣстными условіями, лишающими данное собраніе характера публичности, не подлежитъ дѣйствію 40-й статьи.

Что же касается умысла при совершеніи проступка 40-й статьи, то въ этомъ отношеніи мы, не расходясь въ конечномъ выводѣ со взглядомъ г. Неклюдова, расходимся съ нимъ въ соображеніяхъ. Г. Неклюдовъ полагаетъ, что „проступокъ 40-й ст., по самому свойству своему, не допускаетъ понятія умышленности или предумышленности, или, иначе, онъ наказывается наказаніемъ, опредѣленнымъ въ ст. 40-й, все равно совершенъ ли онъ намѣренно или неосторожно, такъ какъ законъ наказываетъ за самый фактъ открытія". То обстоятельство, что наказывается „самый фактъ открытія", еще ничего само по себѣ не говоритъ, такъ какъ открытіе безъ разрѣшенія можетъ быть умышленное или неосторожное, по небрежности, а такъ какъ проступокъ открытія мыслимъ безъ умышленности, или, иначе, умышленность не входитъ необходимымъ элементомъ въ составъ этого проступка, то, какъ мы видѣли уже при разсмотрѣніи 9-й ст., она могла бы быть примѣнена къ проступку 40-й ст., въ случаѣ неумышленнаго его совершенія. Равнымъ образомъ невѣрно, на нашъ взглядъ, высказанное г. Неклюдовымъ мнѣніе о недопустимости понятія умышленности „по самому свойству понятія 40-й ст.". Отчего нельзя допустить, что предприниматель *умышленно* обошелъ требованіе 40-й ст. объ

исходатайствованіи разрѣшенія? По нашему мнѣнію, онъ точно такъ же могъ умышленно нарушить 40 ст., какъ могъ сдѣлать это и неумышленно. Вышесказанное показываетъ достаточно ясно несостоятельность аргументаціи Руководства г. Неклюдова по разбираемому нами вопросу. Если же мы соглашаемся съ окончательнымъ выводомъ его, заключающимся въ томъ, что 9-я ст. не можетъ быть примѣняема къ проступку 40-й ст., хотя бы и учиненному по небрежности, то это потому, что на нашъ взглядъ, проступокъ этотъ подходитъ подъ дѣйствіе 2-го исключенія изъ 9-й статьи. Подъ это 2-е исключеніе подходятъ проступки, состоящіе „въ неисполненіи, по небрежности, какой либо особенной обязанности, возложенной закономъ"; въ статьѣ же 40-й преслѣдуется открытіе безъ надлежащаго разрѣшенія и т. д., слѣдовательно, проступокъ антрепренера или распорядителя состоитъ, другими словами, въ неисполненіи возложенной на него закономъ особенной обязанности исходатайствовать разрѣшеніе власти на открытіе увеселенія; подобное неисполненіе, хотя бы и по небрежности, должно быть наказываемо— по 2-му исключенію изъ 9-й ст. —строже, т. е. не можетъ быть обложено выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ.

Статья 40^1 содержитъ въ себѣ опредѣленіе проступка, установленнаго закономъ 4-го Января 1880 года; законъ этотъ ввелъ наказаніе за проступокъ перепродажи входныхъ билетовъ на театральныя представленія и т. п. въ виду развившагося въ то время, особенно въ Петербургѣ и Москвѣ, барышничества билетами, развившагося въ виду его безнаказанности а также въ виду охватившей столичныхъ жителей маніи поклоненія заѣзжимъ знаменитостямъ до того, что сдѣлалось почти невозможнымъ полученіе билетовъ по установленной цѣнѣ, самыя же цѣны на билеты — въ особенности на представленія итальянской оперы съ участіемъ Патти — возросли на барышнической биржѣ до размѣровъ баснословныхъ. Новый законъ обуздалъ до извѣстной степени этихъ любителей быстрой наживы, установивъ довольно серьезное наказаніе за проступокъ перепродажи.

При ближайшемъ разсмотрѣніи 40¹ ст. Уст. о нак. выясняется, что наказывается фактъ перепродажи, одна же лишь покупка билетовъ въ кассѣ, хотя бы и извѣстными театральными барышниками, еще не наказывается; равнымъ образомъ не наказывается—въ виду буквальнаго смысла 40¹ ст.—перепродажа билетовъ на представленія, даваемыя не въ Императорскихъ театрахъ, а въ частныхъ театрахъ или залахъ. Перепродажа по возвышенной — противъ установленной цѣны билета — платѣ преслѣдуется этимъ закономъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда продавцемъ является лицо, не сдѣлавшее себѣ изъ этого спеціальности, театральный же барышникъ спеціалистъ, *ex-professo* занимающійся перепродажею, „въ видѣ ремесла или промысла", наказывается за перепродажу и въ томъ случаѣ, когда, по случайнымъ обстоятельствамъ, онъ продастъ билетъ и не выше установленной за него цѣны. Укажемъ, наконецъ, что такъ какъ высшій штрафъ, налагаемый въ губерніяхъ Царства Польскаго мировыми судебными установленіями, не превышаетъ (за исключеніемъ лѣсныхъ порубокъ) 300 р., размѣръ же взысканія можетъ доходить до 50 р. за билетъ, то обвиненіе въ перепродажѣ болѣе 6-ти билетовъ является неподсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, при этомъ замѣтимъ, что такъ какъ Императорскій театръ существуетъ въ губерніяхъ Царства Польскаго только въ Варшавѣ, то и практическое примѣненіе 40¹ ст. Уст. о нак. можетъ имѣть мѣсто только въ Варшавѣ.

41 ст. За открытіе, въ недозволенное время, трактировъ, харчевень и другихъ сего рода заведеній, въ коихъ не производится раздробительная торговля крѣпкими напитками, а равно, за допущеніе въ нихъ недозволенныхъ увеселеній, или игръ, или же безчинствъ и безпорядковъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

40¹ ст. Содержатели заведеній, въ коихъ производится раздробительная продажа крѣпкихъ напитковъ, оказавшіеся виновными въ нарушеніи правилъ относительно впуска въ сіи заведенія нижнихъ воинскихъ чиновъ и отпуска

имъ, изъ тѣхъ же заведеній, крѣпкихъ напитковъ, подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Приступая къ ближайшему разсмотрѣнію 41 ст., укажемъ прежде всего, что Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Совѣта отъ 14 Мая 1885 года въ редакцію 41 ст. введено измѣненіе, заключающееся въ томъ, что отъ дѣйствія ея изъяты заведенія, въ коихъ производится раздробительная торговля крѣпкими напитками, и содержатели этого рода заведеній подвергаются взысканіямъ не по 41 ст. Уст. о нак., а по этимъ правиламъ 14 Мая 1885 года; но это измѣненіе редакціи 41-й ст. не относится, на нашъ взглядъ, до губерній Царства Польскаго, такъ какъ правила 14 Мая 85 года изданы для губерній, управляемыхъ „по общему учрежденію", губерніи же Царства Польскаго къ числу этихъ губерній не принадлежатъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что подъ дѣйствіе 41-й ст. подходятъ и тѣ питейныя заведенія, въ коихъ производится раздробительная продажа питей.

Отвѣчать по 41 ст. могутъ только содержатели заведеній, торгующихъ питьями, или ихъ прикащики, такъ какъ статья эта спеціально посвящена проступкамъ нарушенія порядка лицами, занимающимися торговлею питьями (въ видѣ исключенія подъ дѣйствіе ея подводится—какъ мы видѣли при разсмотрѣніи 36-й ст. — и открытіе всякаго рода торговыхъ лавокъ въ воскресные или праздничные дни до окончанія богослуженія). Вопросъ объ отвѣтственности хозяевъ питейныхъ заведеній понимался различно, сообразно тому, какое толкованіе давали 347 ст. Уст. о пит. сб. изд. 76 г.; въ настоящее время разнорѣчіе это должно исчезнуть въ виду отмѣны этой статьи статьями 38 и 39 Прав. 28 Мая 1883 года, въ силу коихъ содержатели заведеній для торговли крѣпкими напитками подвергаются отвѣтственности за нарушенія правилъ Устава о пит. сб. во всѣхъ случаяхъ „когда нарушеніе учинено ими самими, или кѣмъ либо другимъ съ ихъ согласія или вѣдома (ст. 38), а за учиненное безъ ихъ вѣдома отвѣчаютъ лишь тогда, когда нару-

шеніе учинено прикащикомъ, неимѣющимъ установленныхъ торговыхъ документовъ“ (ст. 39).

Что же касается того, какія именно заведенія — изъ питейныхъ—подходятъ подъ дѣйствіе 41-й ст., то, согласно Уставу о пит. сб. изд. 76 г. (ст. 364), продажа питей дѣлится на оптовую и раздробительную, заведенія же, предназначенныя— въ губерніяхъ Царства Польскаго—для продажи питей слѣдующія: оптовые склады, шинки и корчмы, заѣзжіе или постоялые дворы, если въ нихъ производится продажа крѣпкихъ напитковъ, трактирныя заведенія, кофейныя, кондитерскія и разнаго рода буфеты, если въ нихъ производится питейная продажа, ренсковые погреба и портерныя и пивныя лавки (ст. 297). Изъ оптовыхъ складовъ и заводскихъ подваловъ продажа питей дозволяется только оптомъ (ст. 371); раздробительная же продажа питей производится: 1) распивочно и на выносъ изъ шинковъ, корчемъ, заѣзжихъ или постоялыхъ дворовъ и пивныхъ шинковъ; 2) только распивочно въ гостинницахъ и трактирныхъ заведеніяхъ, кофейныхъ домахъ, кондитерскихъ и буфетахъ; 3) распивочно и на выносъ, или только на выносъ, изъ ренсковыхъ погребовъ, смотря по патенту, который выданъ на открытіе погреба (ст. 384).

Перечисливъ всѣ эти заведенія, укажемъ теперь, какія именно изъ нихъ имѣетъ въ виду 41 ст. Мир. Устава при преслѣдованіи указанныхъ въ ней проступковъ.

Подъ дѣйствіе 41-й ст. подводится цѣлый рядъ проступковъ, которые могутъ быть подраздѣлены на три главныя каттегоріи: А) проступковъ открытія заведеній въ недозволенное время; Б) проступковъ допущенія въ нихъ недозволенныхъ игръ или увеселеній и В) проступковъ допущенія въ нихъ же безчинствъ и безпорядковъ.

А) *Какія заведенія и въ какое время не дозволено отворять?* Выраженіе ст. 41 „въ недозволенное время“ прямо отсылаетъ насъ по вопросу о времени дозволенной продажи питей къ Уставу о питей. сб. изд. 76 года; въ Уставѣ же этомъ—въ раздѣлѣ VII „о торговлѣ напитками въ губерніяхъ Царства

Польскаго" — говорится о времени продажи въ ст. 399 — 401; въ первой изъ этихъ статей сказано, что „продажу въ шинкахъ разрѣшается производить отъ восхожденія солнца до десяти часовъ вечера. Замѣтимъ мимоходомъ, что по 41-й ст. преслѣдуется не самый фактъ *продажи* питей, а открытіе заведенія, т. е. доставленіе каждому возможности свободнаго въ него доступа,—а такъ какъ 399-я ст. Уст. о пит. сб. говоритъ только о *шинкахъ*, то въ силу этой статьи слѣдуетъ подводить подъ дѣйствіе 41-й ст. Уст. о нак. оставленіе открытыми шинковъ послѣ десяти часовъ вечера и до восхода солнца. Продажа питей въ корчмахъ и постоялыхъ дворахъ можетъ производиться—согласно 400 ст. Уст. о пит. сб.—во всякое время, слѣдовательно—и ночью, но только собственно проѣзжающимъ; продажу же въ заведеніяхъ подобнаго рода питей не проѣзжающимъ слѣдуетъ подводить подъ дѣйствіе 41 ст., подобно продажѣ въ шинкахъ, такъ какъ для непроѣзжающихъ заведенія эти имѣютъ значеніе не постоялыхъ дворовъ, а просто шинковъ. Что же касается продажи изъ остальныхъ заведеній, торгующихъ крѣпкими напитками, то се Уставъ о пит. сб. изд. 76 г. не нормируетъ, предоставляя это, очевидно, правиламъ о торговлѣ вообще, но открытіе такихъ заведеній въ недозволенное этими правилами время должно быть подводимо, равнымъ образомъ, подъ 41 ст. Мир. Уст.

Въ 401 ст. Уст. о пит. сб. говорится: „по селеніямъ, гдѣ происходятъ сельскіе и гминные сходы, распивочная продажа запрещается въ тѣ дни, въ которые происходятъ тѣ сходы, до окончанія оныхъ". Выраженіе этой статьи „до окончанія оныхъ" слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что заведенія съ распивочною продажею питей не могутъ быть открываемы не только во время сходовъ, но и до открытія таковыхъ, подобно тому, какъ и запрещеніе открытія заведеній „до окончанія богослуженія" должно быть распространяемо и на открытіе заведеній до начала литургіи. Запрещается же 401 ст. вообще „распивочная продажа"; употребленное въ этой статьѣ выраженіе показываетъ, что запрещеніе это распространяется не только на

шинки, но вообще на всѣ заведенія, занимающіяся распивочною продажею, за исключеніемъ, конечно корчмъ и постоялыхъ дворовъ въ случаяхъ продажи въ нихъ питей „собственно проѣзжающимъ“ (ст. 400 Уст. о пит. сб.).

400 ст. Уст. о пит. сб. запрещаетъ открывать распивочную продажу до окончанія литургіи и во время крестнаго хода. При разсмотрѣніи 36-й ст. Уст. о нак. мы указали причины, побуждающія насъ подводить открытіе не только питейныхъ заведеній, но и всякой торговой лавки (за исключеніемъ торгующихъ съѣстными припасами и кормомъ для скота) до окончанія литургіи подъ дѣйствіе 41 ст. Что же касается собственно питейныхъ заведеній, то Сенатомъ — въ рѣш. 74 г. № 602—разъяснено, что ренсковые погреба съ правомъ продажи вина распивочно и на выносъ составляютъ только особый видъ питейныхъ домовъ и поэтому подходятъ подъ дѣйствіе 41 ст.; въ рѣш. 66 года № 8 Сенатомъ высказано, что воспрещеніе продажи вина во время обѣдни не распространяется на заведенія, носящія названіе заведеній трактирныхъ, къ числу которыхъ относятся: гостинницы, подворья, меблированныя комнаты, собственно трактиры, ресторацiи и т. п.; однакоже, въ ст. 400 Уст. о пит. сб. изд. 76 г. каттегорически запрещается „производить *распивочную* продажу въ селеніяхъ, гдѣ есть храмы, и въ городахъ до окончанія въ приходскомъ храмѣ Божественной Литургіи и во время крестнаго хода“. Статья эта, слѣдовательно, не выдѣляетъ въ этомъ отношеніи трактирныя заведенія изъ числа распивочныхъ заведеній другого наименованія. Наконецъ, по отношенію къ постоялымъ дворамъ Сенатомъ—въ рѣш. 1872 г. №№ 618 и 1131—высказано, что воспрещеніе продажи вина во время обѣдни въ воскресные или табельные дни не распространяется на постоялые дворы, кому бы вино ни продавалось: мѣстнымъ жителямъ или проѣзжающимъ; но эти послѣднія рѣшенія не имѣютъ значенія по отношенію къ губерніямъ Цар. Польск., такъ какъ въ ст. 400 Уст. о пит. сб. изд. 76 г. сказано, что „въ корчмахъ и постоялыхъ дворахъ продажа питей *собственно проѣзжающимъ* можетъ производиться во всякое время“,

Б) *Какія увеселенія и игры слѣдуетъ считать недозволенными въ питейныхъ заведеніяхъ?* Въ Уставѣ о питейномъ сборѣ изд. 1876 года имѣются особыя правила о торговлѣ напитками въ Имперіи (ст. 302 — 363) и особыя же правила о торговлѣ напитками въ губерніяхъ Царства Польскаго (ст. 364 — 405). Не всѣ правила, обязательныя для торговцевъ Имперіи, обязательны и для торговцевъ губерній Царства Польского. Такъ, по занимающему насъ вопросу, въ правилахъ для Имперіи (ст. 362) сказано, что „запрещается во всѣхъ заведеніяхъ, назначенныхъ исключительно для продажи крѣпкихъ напитковъ, имѣть музыку, учреждать увеселительныя игры, равно играть въ карты, или кости, или шашки"; въ правилахъ же для губерній Царства Польскаго (ст. 398) сказано, что „въ шинкахъ и корчмахъ музыка допускается въ дни праздничные, въ будни же запрещается. Впрочемъ для празднованія свадебъ можно употреблять музыку и въ будни въ шинкахъ и корчмахъ"; въ статьѣ же 397 Уст. о пит. сб. сказано, что „запрещается въ шинкахъ учреждать всякія игры". Изъ соображенія вышеприведенныхъ законоположеній слѣдуетъ придти къ тому выводу, что существующія по разбираемому нами вопросу правила въ губерніяхъ Царства Польскаго значительно мягче нежели въ Имперіи: такъ, музыка запрещается въ Имперіи въ питейныхъ заведеніяхъ безусловно, за исключеніемъ трактировъ, въ губерніяхъ же Царства Польскаго музыка въ шинкахъ и корчмахъ разрѣшается по праздникамъ а также для празднованія свадебъ; игры въ питейныхъ заведеніяхъ Имперіи запрещаются не только недозволенныя закономъ, но также и всякія игры въ карты, или кости, или шашки; изъ питейныхъ же заведеній губерній Царства Польскаго запрещеніе учреждать „всякія игры" распространяется только на шинки, въ отношеніи же заведеній другого наименованія — за отсутствіемъ для нихъ подобной запретительной статьи — слѣдуетъ признать, что въ нихъ запрещаются только игры недозволенныя, т. е. тѣ, о которыхъ будетъ рѣчь въ ст. 46-й Уст. о нак.; такимъ образомъ, только относительно увеселеній питейныя заведенія губерній

Имперіи и губерній Царства Польскаго поставлены одинаково, и какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ запрещаются увеселенія не дозволенныя, т. е. общенародныя игры забавы или театральныя представленія, устроенныя безъ надлежащаго разрѣшенія.

В) *Какіе безчинства и безпорядки преслѣдуются по 41-й ст.?* Безчинства, за допущеніе которыхъ 41-я ст. наказываетъ хозяевъ питейныхъ заведеній, несомнѣнно тѣ же, учиненіе которыхъ наказывается другими статьями Мироваго Устава, а такъ какъ Уставомъ этимъ безчинство преслѣдуется въ статьяхъ 38, 43 и 45-й, то хозяева питейныхъ заведеній подлежатъ преслѣдованію по 41 ст. за допущеніе въ заведеніяхъ своихъ: ссоры, драки, кулачнаго боя или другого рода буйства (ст. 38), за допущеніе безстыдныхъ или соединенныхъ съ соблазномъ для другихъ дѣйствій (ст. 43) и за допущеніе выставленія или распространенія въ заведеніи явно соблазнительныхъ издѣлій и изображеній (ст. 45). Статьи 43 и 45 Уст. о нак. будутъ нами вскорѣ подробно разсмотрѣны и тогда выяснится подробнѣе, допущеніе какихъ именно дѣйствій, предусматриваемыхъ этими статьями Устава, влечетъ за собою отвѣтственность по 41-й ст.; Сенатскія же рѣшенія разъяснили: а), что ст. 41 воспрещаетъ допущеніе безпорядковъ не только въ трактирахъ, но и въ другихъ того же рода заведеніяхъ, къ числу которыхъ относятся и гостинницы; б), что статья эта не можетъ быть распространяема на хозяевъ частныхъ помѣщеній, въ случаѣ учиненія въ нихъ безпорядковъ; в), что ст. 41 имѣетъ въ виду отвѣтственность хозяевъ только за допущеніе безпорядковъ въ ихъ заведеніяхъ, но она не имѣетъ въ виду случаевъ участія въ этихъ безпорядкахъ самихъ хозяевъ: въ этомъ послѣднемъ случаѣ виновные наказываются по соотвѣтствующимъ статьямъ, и г), что подъ безчинствами, о которыхъ говоритъ ст. 41-я, подразумѣваются дѣйствія, нарушающія благопристойность, благочиніе и общественную тишину.

Здѣсь будетъ кстати разсмотрѣть вопросъ о впускѣ въ питейныя заведенія распутныхъ женщинъ. Объ этомъ говоритъ ст. 363 Уст. о пит. сб., устанавливающая, что „во всѣхъ пи-

тейныхъ заведеніяхъ отнюдь не должны быть терпимы распутныя женщины". Правило это относится до Имперіи, а въ правилахъ о торговлѣ напитками въ губерніяхъ Царства Польскаго подобной статьи нѣтъ. Отсутствіе же подобной статьи должно приводить къ тому выводу, что одно только присутствіе распутныхъ женщинъ въ питейныхъ заведеніяхъ губерній Царства Польскаго не преслѣдуется, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда присутствіе ихъ въ этихъ заведеніяхъ сопряжено съ безчинствомъ, т. е. когда поведеніе ихъ настолько неприлично, что онѣ подлежатъ отвѣтственности по 43 ст. Мир. Уст.: въ такомъ случаѣ содержатели заведеній должны отвѣчать по 41 ст. того же Устава.

По 41 же статьѣ подлежитъ преслѣдованію и продажа вина и другихъ напитковъ распивочно малолѣтнимъ, запрещаемая 402 статьею Уст. о пит. сб., а потому и носящая характеръ допущенія безпорядка при продажѣ питей; 402 ст. Уст. о пит. сб. говоритъ только о *распивочной* продажѣ, запрещенія же продавать малолѣтнимъ крѣпкіе напитки *на выносъ* въ Уст. о пит. сб. не содержится, а потому такая продажа и не можетъ подлежать дѣйствію 41-й ст. Мир. Уст.

Переходя къ вопросу о допущеніи „безпорядковъ" въ питейныхъ заведеніяхъ, укажемъ, прежде всего, что хотя выраженія „безчинства и безпорядки" связаны въ 41-й ст. въ одну фразу: „за допущеніе.... безчинствъ и безпорядковъ", но выраженіе „допущеніе безпорядковъ" понимается нѣсколько въ иномъ смыслѣ, нежели выраженіе „допущеніе безчинствъ". Какъ мы видѣли выше, содержатели питейныхъ заведеній наказываются за допущеніе безчинствъ, *кѣмъ либо* въ заведеніи учиненныхъ, стало быть, для подведенія проступка содержателя заведенія подъ 41-й ст., необходимо констатировать или установить, наличность учиненія кѣмъ либо въ заведеніи безчинства; за допущеніе же *безпорядка* содержатель отвѣчаетъ не только въ томъ случаѣ, когда безпорядокъ учиненъ кѣмъ либо, но и въ томъ случаѣ, когда безпорядокъ въ заведеніи существуетъ, а кѣмъ онъ учиненъ и почему онъ существуетъ—

для примѣненія 41 ст.—безразлично. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что „безчинство" понимается какъ чье либо дѣйствіе, безпорядокъ же понимается какъ нѣчто безличное и поэтому хозяинъ заведенія отвѣчаетъ за допущеніе совершенія кѣмъ либо безчинства въ заведеніи и за допущеніе въ своемъ заведеніи какого либо отступленія отъ порядка, установленнаго для такого рода заведеній существующими узаконеніями и правилами, безразлично отъ того, кѣмъ этотъ безпорядокъ учиненъ: посѣтителями, прислугою или же имъ самимъ. Понятіе безпорядка, слѣдовательно, гораздо шире понятія безчинства, тѣмъ болѣе, что подъ понятіе безпорядка слѣдуетъ подводить какъ отступленія отъ правилъ, установленныхъ для устройства и открытія заведеній, такъ и правилъ, установленныхъ для производства самой торговли питьями. Правит. Сенатъ въ рѣш. за 73 г. № 450 — опредѣляетъ безпорядки, о которыхъ говоритъ ст. 41, какъ „допущеніе внутренняго неустройства въ заведеніи", и подводитъ подъ 41-ю ст. „неустройство содержателемъ постоялаго двора надзора ночью за цѣлостью вещей постояльцевъ, находящихся на дворѣ" (то же Сен. рѣшеніе).

Замѣтимъ, однакоже, что допущеніе не всякаго безпорядка въ питейномъ заведеніи можетъ быть подведено подъ 41-ю ст. Напр., безпорядокъ, выражающійся въ продажѣ напитковъ вредныхъ для здоровья, долженъ быть подводимъ подъ 115 ст. Мир. Уст., прибавленіе къ пиву веществъ, не вредныхъ для здоровья, разбавленіе пива водою и смѣшеніе пива разныхъ заводовъ наказывается штрафомъ не свыше 50 р. по 22-й ст. Выс. утв. 15 Янв. 85 г. Прав. объ изм. и дополн. Прав. о пивовар. и торговлѣ пивомъ; допущеніе же всякаго рода безпорядковъ, выразившихся въ неправильномъ веденіи книгъ, или же въ продажѣ питей съ нарушеніемъ правилъ Устава о пит. сб., установленныхъ въ цѣляхъ охраненія фискальныхъ интересовъ государства, должно быть преслѣдуемо по Выс. утв. 28 Мая 1883 года Прав. о взыск. за наруш. постан. о пит. сб.; допущеніе безпорядка, выразившившееся въ неохраненіи пьянаго и въ неоказаніи ему нужной помощи, преслѣдуется тоже

не по 41, а по 127 ст. Уст. о нак. Однимъ словомъ, допущеніе всякаго рода безпорядковъ, придавая этому выраженію обширный смыслъ, преслѣдуемое специальными статьями карательнаго кодекса, не можетъ быть подводимо подъ дѣйствіе 41-й ст. Мир. Уст., подобно тому, какъ подъ дѣйствіе 29 и 30-й ст. того же Устава не могутъ быть подводимы такого рода неисполненія законныхъ требованій и ослушаніе, которыя караются Уставомъ о нак. какъ самостоятельные проступки. Подъ 41-ю же статью слѣдуетъ подводить такого рода отступленія отъ порядка, которыя не обложены наказаніемъ какъ самостоятельные проступки. Такимъ допущеніемъ безпорядка, подводимымъ подъ 41 ст., слѣдуетъ считать, какъ мы видѣли выше, продажу питей распивочно малолѣтнему; подъ дѣйствіе той же статьи слѣдуетъ подводить и нарушенія запрещенія, изложеннаго въ ст. 403 Уст. о пит. сб.; въ статьѣ этой говорится: питья не должны быть продаваемы въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, или подъ закладъ платья, посуды или иныхъ вещей, и промѣниваемы на хлѣбъ и другія сельскія произведенія, но могутъ быть продаваемы всегда только на наличныя деньги. Равнымъ образомъ воспрещается виноторговцамъ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, выговаривать и производить уплату, вмѣсто денегъ, виномъ, а также производить подобную уплату по долговымъ обязательствамъ или за произведенныя для нихъ работы". Подъ 41-ю же статью слѣдуетъ подводить и несоблюденіе во всѣхъ мѣстахъ, для продажи питей назначенныхъ, чистоты и опрятности, требуемыхъ ст. 396-ю Уст. о пит. сб. изд. 76 г.

Въ губерніяхъ Имперіи допущеніе внутренняго неустройства въ питейномъ заведеніи слѣдуетъ признавать и въ томъ случаѣ, когда замѣчено отступленіе отъ „Правилъ о внутреннемъ устройствѣ мѣстъ раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ", изложенныхъ въ приложеніи къ ст. 350 Уст. о пит. сб. изд. 76 года. Статья 350 находится въ отдѣлѣ правилъ о торговлѣ напитками въ Имперіи, и поэтому приложеніе къ этой статьѣ не можетъ быть примѣняемо въ губерніяхъ Цар-

ства Польскаго, на которыя дѣйствіе 350-й ст. не распространяется. Это видно и изъ того, что въ примѣч. къ ст. 30 Прав. 28 Мая 83 года, основанной на этомъ же приложеніи къ 350-й ст., сказано, что 30 ст. не распространяется на губерніи Царства Польскаго. Равнымъ образомъ не распространяется на губерніи Царства Польскаго и дѣйствіе „трактирнаго положенія", существующаго въ губерніяхъ Имперіи.

Подъ дѣйствіе 41-й ст. Сенатъ подводитъ еще и недозволенное открытіе еврейской молельни. Мотивы Сената заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, — какъ это выражено въ рѣш. 79 г. № 31,—что во 1-хъ) въ ст. 1061 Т. XI ч. I Св. Зак. (Уст. иностр. испов.) изд. 1857 г. сказано, что „допустившій евреевъ совершать публичное или общественное богослуженіе въ своемъ домѣ или заведеніи, безъ дозволенія на то отъ губернскаго начальства, подвергается взысканію по законамъ уголовнымъ"; во 2-хъ) въ Улож. о нак. изд. 1857 г. въ ст. 1293 значилось: „кто изъ содержателей гостинницъ и другихъ сего рода заведеній, или же изъ домохозяевъ, дозволитъ, безъ особаго на то разрѣшенія надлежащаго начальства, совершать въ его заведеніи или домѣ публичныя или общественныя богомоленія евреевъ, тотъ за сіе подвергается" и т. д.; въ 3-хъ) ст. 1293 Улож. о нак. изд. 57 г. не отмѣнена, а замѣнена 41 статьею Мир. Устава. Вотъ мотивы Сенатскаго рѣшенія; центръ тяжести ихъ лежитъ въ томъ аргументѣ что ст. 1293 Улож. о нак. изд. 57 г. замѣнена —какъ видно изъ Сравнительнаго Указателя—статьею 41 Уст. о нак., но выше мы уже видѣли, что и самъ Сенатъ не придаетъ того значенія отмѣткамъ Сравнительнаго Указателя, что всѣ тѣ проступки, которые преслѣдовались по замѣненнымъ статьямъ Уложенія, должны преслѣдоваться и въ настоящее время по замѣнившимъ ихъ статьямъ Мироваго Устава, независимо отъ того, имѣется ли въ данномъ дѣяніи наличность состава проступка, требуемаго данною статьею Устава о нак. По вопросу о надутомъ мясѣ рѣшеніе Сената прямо высказываетъ, что хотя статья Улож. о нак. изд. 57 г., преслѣдовавшая за продажу надутаго мяса, замѣнена

статьею 173 Уст. о нак., но что надутіе мяса, въ томъ видѣ, въ какомъ оно преслѣдовалось Уложеніемъ изд. 57 г., не можетъ быть подводимо подъ 173 ст. Мир. Уст. Мы указывали выше на примѣры подобнаго же отступленія отъ требованій Сравнительнаго Указателя и въ Руководствѣ г. Неклюдова и полагаемъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что только тотъ проступокъ можетъ быть наказываемъ по данной статьѣ карательнаго кодекса, который по составу своему можетъ быть подведенъ подъ эту статью. Въ данномъ случаѣ подведеніе недозволеннаго открытія въ *частномъ* домѣ еврейской молельни подъ дѣйствіе статьи, преслѣдующей открытіе „трактировъ, харчевень, питейныхъ и другихъ *сего рода* заведеній" нельзя было бы не признать крайнею натяжкою. Поэтому, на нашъ взглядъ, проступокъ недозволеннаго открытія еврейской молельни въ частномъ домѣ не можетъ быть наказываемъ по 41 ст. Мир. Уст., а долженъ быть подводимъ подъ дѣйствіе 29 или 30 ст. того же Устава въ случаѣ неисполненія требованія полиціи разойдтись, требованія а) вполнѣ законнаго, такъ какъ на обязанности полиціи лежитъ недозволять публичныя или общественныя собранія, открытыя безъ надлежащаго разрѣшенія и б) такого притомъ требованія, неисполненіе котораго не преслѣдуется спеціально ни одною изъ статей Мироваго Устава*).

Ст. 41 [1] Уст. о нак. Имп. Ал. II замѣнила собою дополненіе къ 41 ст. Мир. Уст., вошедшее въ Уставъ о нак. въ 71 году Содержаніе этого дополненія и ст. 41 [1] Уст. о нак. изд. 85 году относительно состава проступка аналогично, относительно же наказанія разница является въ томъ, что дополненіе отсылало къ 29 ст. Уст. о нак., статья же 41 [1] Уст. изд. 85 г. прямо опредѣляетъ наказаніе—денежное взысканіе не свыше пят-

---

*) Руководство было уже отдано въ печать, когда разосланъ былъ Циркулярный Указъ Общ. Собр. I-го и Кас. Деп. Сен., разъясняющій, что подведеніе устройства еврейскихъ молеленъ подъ 41 ст. не можетъ имѣть мѣста.

надцати рублей; до изданія закона 28 Мая 83 года это измѣненіе редакціи дополненія не имѣло бы значенія, такъ какъ и по 29 ст. наказаніе не превышало пятнадцати рублей денежнаго взысканія, но законъ 83 года увеличилъ наказаніе по 29 ст. до 50 р. денежнаго взысканія, поэтому указаніе въ ст. 41[1] размѣра наказанія отдѣляетъ эту статью вполнѣ отъ ст. 29 и проступокъ предусматриваемый въ 41[1] ст., не можетъ быть наказываемъ уже по 29-й ст. и не можетъ влечь за собою денежнаго взысканія свыше 15 рублей. По содержанію же своему проступокъ этотъ примыкаетъ къ каттегоріи проступковъ, предусматриваемыхъ 41-ю ст. и заключается во впускѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ въ мѣста раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ и въ отпускѣ имъ изъ тѣхъ же заведеній крѣпкихъ напитковъ съ нарушеніемъ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ. Правила эти изложены въ ст. 360 Уст. о пит. сб. изд. 76 г., въ которой сказано: запрещается впускать нижнихъ воинскихъ чиновъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, въ заведенія, производящія раздробительную продажу крѣпкихъ напитковъ и поименованныя въ п. 1 ст. 1 прилож. къ ст. 350 (питейные дома, шипки, штофныя лавки, водочные магазины, временныя выставки и другихъ названій питейныя заведенія низшихъ разрядовъ); впускъ же въ эти заведенія нижнихъ воинскихъ чиновъ, находящихся во временномъ или безсрочномъ отпускахъ, воспрещается при ношеніи ими форменной одежды. Отпускъ изъ указанныхъ выше заведеній состоящимъ на дѣйствительной службѣ нижнимъ воинскимъ чинамъ крѣпкихъ напитковъ, для потребностей воинскихъ командъ, разрѣшается не иначе, какъ по представленіи на то письменныхъ дозволеній подлежащаго военнаго начальства".

Вышеизложенная статья помѣщена въ раздѣлѣ о торговлѣ напитками въ губерніяхъ Имперіи, въ раздѣлѣ же о торговлѣ напитками въ губерніяхъ Царства Польскаго не повторяется. Однакоже, въ виду того, что правила эти имѣютъ въ виду не столько внутренній распорядокъ питейныхъ заведеній, сколько тотъ порядокъ, который требуется соблюдать въ войскахъ, мы

склоняемся къ тому мнѣнію, что одно помѣщеніе этихъ правилъ въ раздѣлѣ о торговлѣ напитками въ Имперіи — не исключаетъ возможности примѣненія ихъ и въ губерніяхъ Царства Польскаго.

42 ст. За появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства, или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двацати пяти рублей.

Пьянство, какъ мы имѣли уже случай упомянуть при разсмотрѣніи 10 ст., само по себѣ не наказывается; законъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи исключеніе только для управляющихъ аптеками и содержателей оныхъ, которымъ — ст. 890 Улож. о нак.—запрещается вести „нетрезвую жизнь" подъ угрозою лишенія права управленія аптеками или права содержать таковыя. Пьянство же лицъ, незанимающихся этою профессіею, влечетъ за собою наказаніе лишь въ томъ случаѣ, когда оно выражается въ появленіи въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства или безобразномъ видѣ. Что слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ „публичное мѣсто", мы видѣли уже при разсмотрѣніи 38-й ст. и не будемъ болѣе останавливаться надъ этимъ вопросомъ ни теперь, ни при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи Мироваго Устава. Въ статьѣ 42-й два выраженія останавливаютъ на себѣ наше вниманіе: 1) пьяный до безпамятства и 2) безобразный отъ опьяненія видъ.

Выраженіе „пьяный до безпамятства" слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какой придается ему въ обыденной жизни, такъ какъ особаго опредѣленія этого состоянія законъ не даетъ. Шатаніе, т. е. отсутствіе правильности и опредѣленности въ движеніяхъ ногъ, составляетъ одинъ изъ признаковъ этого состоянія, но, взятое само по себѣ, шатаніе еще не доказываетъ состоянія безпамятства, такъ какъ есть лица очень слабыя на ноги, на которыхъ и дѣйствіе вина выражается главнымъ образомъ въ неправильномъ функціонированіи нижнихъ конечностей; съ другой стороны, утверждаютъ, что есть такія вина,

которыя дѣйствуютъ исключительно на ноги, не вліяя на ясность ума и трезвость мысли: такою репутаціею пользуется старое, хорошо выдержанное венгерское вино. Законъ говоритъ о безпамятствѣ т. е. о состояніи умственныхъ способностей напившагося лица, и судить объ этомъ состояніи единственно по большей или меньшей твердости походки могло бы повести—на нашъ взглядъ —къ неправильнымъ выводомъ. Если Уст. пред. и пресѣч. прест. (Т. XIV Св. Зак.) и возлагаетъ на обязанность полиціи „шатающихся въ пьяномъ видѣ забирать и отсылать подъ стражу", но во 1-хъ) это выраженіе могло быть употреблено не въ смыслѣ нетвердости движеній, а въ смыслѣ блужданія по улицамъ — да еще ночью — безъ опредѣленной цѣли (что можетъ явиться послѣдствіемъ сильнаго опьяненія), а во 2-хъ) рѣчь идетъ въ 186 ст. Уст. о пред. и пресѣч. прест. не о наказаніи такихъ шатающихся, а скорѣе объ оказаніи имъ помощи и задержаніи ихъ до вытрезвленія—пока не выспится. Болѣе характерными признаками состоянія безпамятства отъ опьяненія слѣдуетъ считать, при сильномъ шатаніи (когда пронапившагося можно сказать, что онъ „едва стоялъ на ногахъ" или „писалъ мыслете"), безсознательный, мутный взглядъ, взоръ, на все обращающійся и ни на чемъ не останавливающійся, безсвязное бормотаніе себѣ подъ носъ заплетающимся языкомъ или же громкое выкрикиваніе безсмыслицъ, ни къ кому даже въ особенности не обращенныхъ, иначе—цѣлая группа такихъ признаковъ, наличность которыхъ можетъ привести всякаго, болѣе или менѣе опытнаго въ этомъ дѣлѣ, къ тому печальному заключенію, что человѣкъ „нарѣзался" или „нахлестался". Употребленіе этихъ выраженій свидѣтелями можетъ служить, по нашему мнѣнію, такою характеристикою состоянія обвиняемаго, которая даетъ право на примѣненіе къ нему 42 ст. Говорятъ еще иногда про такъ сильно напившагося, что онъ напился „до чертиковъ", но выраженіе это указываетъ уже на высшую степень опьяненія, на развившуюся, путемъ хроническаго пьянства, способность видѣть повсюду маленькихъ чертиковъ, что уже подходитъ близко къ помѣ-

шательству, нерѣдко вызываемому такимъ упорнымъ пьянствомъ.

По отношенію къ этому проступку укажемъ еще, что онъ наказывается по 42-й ст., хотя бы и совершенъ былъ безъ намѣренія, такъ какъ очевидно, что отъ человѣка, находящагося въ состояніи безпамятства, нельзя ждать намѣренія совершить данное дѣяніе, а 42 ст. наказываетъ—какъ мы видѣли—именно появленіе въ пьяномъ *до безпамятства* видѣ.

Другой проступокъ, преслѣдуемый 42-й ст., это появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ. Прежде чѣмъ перейдти къ разъясненію выраженія „въ безобразномъ видѣ", укажемъ, что и этотъ проступокъ наказывается по 42-й ст. помимо намѣренія обвиняемаго совершить его, такъ какъ совершеніе его съ намѣреніемъ должно быть подводимо подъ дѣйствіе 43-й ст., притомъ же и выраженіе ст. 42-й „отъ опьяненія", т. е. вслѣдствіе опьяненія, указываетъ, что намѣренія совершить этотъ проступокъ законъ въ данномъ случаѣ не усматриваетъ. Поэтому, 9-я ст. Уст. о нак., т. е. обложеніе дѣянія, предусмотрѣннаго 42-ю статьею, выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ—не можетъ имѣть мѣста.

Выраженіе „въ безобразномъ видѣ" слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ разъясняетъ это выраженіе Уставъ о пред. и прес преступ., въ которомъ говорится о появленіи въ публичныхъ мѣстахъ или многолюдныхъ собраніяхъ въ безобразномъ, противномъ приличію или даже соблазнительномъ видѣ.

Но, съ другой стороны, понятіе „приличія" не слѣдуетъ очень расширять и нельзя подводить подъ ст. 42 и считать въ этомъ смыслѣ неприличнымъ то, что считается вообще неприличнымъ въ обществѣ. Неприлично, напр., явиться куда нибудь въ общество безъ галстука, но нельзя же наказывать по 42-й ст. за появленіе безъ галстука въ публичномъ мѣстѣ; возможно подведеніе подъ 42-ю статью нарушеній приличій общечеловѣческихъ, а не, такъ называемыхъ, свѣтскихъ приличій. Главнымъ образомъ безобразный, неприличный или со-

блазнительный видъ можетъ быть послѣдствіемъ безпорядковъ въ одеждѣ, въ смыслѣ обнаженія частей тѣла, необнажаемыхъ обыкновенно изъ чувства стыдливости, присущаго каждому, но подъ безобразіе могутъ быть подведены и другого рода случаи: такъ напр., появленіе пьянаго на улицѣ, всего выпачканнаго человѣческими испражненіями, подведено Сенатскимъ рѣшеніемъ—70 г. № 576—подъ дѣйствіе 42 статьи. Ст. 42 говоритъ о безобразномъ видѣ, явившемся послѣдствіемъ опьяненія, слѣдовательно, только этотъ случай появленія въ публичномъ мѣстѣ въ безобразномъ видѣ подлежитъ дѣйствію 42 ст.; судомъ должно быть установлено, что причиною даннаго дѣянія было именно опьяненіе, а не что либо иное. Не надо забывать, что и семейное внезапное горе, и нищета, и пожаръ, и вообще какой либо несчастный случай,—могутъ выгнать человѣка на улицу въ безусловно безобразномъ видѣ, но подобнаго рода появленія въ публичномъ мѣстѣ въ безобразномъ видѣ не могутъ быть, ни коимъ образомъ, подводимы подъ дѣйствіе 42 ст. Мир. Устава.

Преслѣдуя нарушенія благочинія, являющіяся послѣдствіемъ опьяненія, 42 ст. безразлично относится къ вопросу о причинахъ, вызвавшихъ подобное состояніе обвиняемаго, т. е. безразлично въ томъ смыслѣ, что причины эти не вліяютъ на составъ проступка 42-й ст., однакоже, при обсужденіи обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обвиняемаго, суду необходимо обращать вниманіе на эти причины, такъ какъ нельзя же проступокъ обвиняемаго, напившагося въ первый разъ, съ большаго горя или же съ неожиданной радости, либо обвиняемаго, сильное нервное возбужденіе котораго было причиною опьяненія его отъ одной—двухъ рюмокъ, нельзя же—говоримъ мы—мѣрить одною мѣрою съ такимъ же проступкомъ пьяницы, вытрезвляющагося для того только, чтобы снова напиться или—кутилы, кутящаго и безобразничающаго при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Мягкость по отношенію къ первымъ и строгость по отношенію ко вторымъ явятся—на нашъ взглядъ — мѣриломъ истиннаго судьи, вхо-

дящаго во всѣ подробности, быть можетъ и мелкія на первый взглядъ, каждаго даннаго дѣла.

Закончимъ разсмотрѣніе 42 ст. изложеніемъ соображеній, помѣщенныхъ по поводу этой статьи въ Судебныхъ Уставахъ изд. Госуд. Канцел. „Первоначально“ — говорится въ этихъ соображеніяхъ—„было предположено назначить одинъ денежный штрафъ не свыше пяти рублей за учиненіе упомянутаго въ этой статьѣ проступка. Но при дальнѣйшемъ обсужденіи этого предмета принято во вниманіе, что пьянство, особенно въ послѣднее время, стало однимъ изъ самыхъ распространенныхъ у насъ пороковъ, который не можетъ быть оставляемъ почти безъ взысканія, особенно тогда, когда онъ становится соблазномъ“. „Посему“ говорится далѣе—„признано необходимымъ, въ видахъ надежнѣйшаго огражденія народной нравственности, опредѣлить за означенные въ ст. 42-й проступки, арестъ не свыше семи дней или денежное взысканіе не свыше двадцати пяти рублей, предоставивъ такимъ образомъ выбору мироваго судьи въ каждомъ данномъ случаѣ назначать то изъ сихъ двухъ наказаній, которое онъ признаетъ болѣе чувствительнымъ для виновнаго“. Прошло болѣе 20 лѣтъ съ того времени, какъ эти соображенія были высказаны, а, какъ кажется, пьянство остается по прежнему „однимъ изъ самыхъ распространенныхъ у насъ пороковъ“, хотя упрекъ этотъ долженъ относиться болѣе къ населенію губерній Имперіи, нежели къ населенію губерній Царства Польскаго.

43 ст. За безстыдныя или соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

43[1] ст. За причиненіе домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Предусматриваемый 43 статьею Мироваго Устава проступокъ преслѣдуется тоже только въ случаѣ совершенія его въ

публичномъ мѣстѣ, или, иначе говоря, только публичность даннаго дѣянія превращаетъ его въ проступокъ, наказываемый по 43 ст. Самый же проступокъ заключается *въ дѣйствіи.*

Рождается вопросъ: какъ понимать это выраженіе: въ тѣсномъ или широкомъ смыслѣ? Понимая его въ тѣсномъ смыслѣ, слѣдуетъ противопоставить дѣйствіе — слову или жесту, подобно тому, какъ Мировой Уставъ различаетъ обиду дѣйствіемъ, словомъ и символическую; понимая же выраженіе „дѣйствіе" въ данномъ случаѣ въ широкомъ смыслѣ, т. е. какъ всякое выраженіе намѣренія обвиняемаго, необходимо признавать дѣйствіемъ и слово и жестъ. Мы склоняемся къ тому взгляду, что подъ выраженіемъ 43-й ст. „безстыдныя или соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія" слѣдуетъ понимать и безстыдные или соединенные съ соблазномъ для другихъ выраженія и жесты или тѣлодвиженія.

По отношенію къ словесному безстыдству мы не встрѣчаемъ указаній на существованіе противнаго взгляда. Такъ г. Неклюдовъ (Рук. стр. 198) высказываетъ, что „въ наукѣ уголовнаго права слово или рѣчь приравниваются понятію дѣянія; это ясно уже вытекаетъ изъ того, что уголовное право наказываетъ одни только дѣянія, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ въ немъ оскорбленіе словомъ, угрозы словомъ и другіе проступки, совершаемые при посредствѣ дара рѣчи. Въ законодательствѣ нашемъ мы встрѣчаемъ прямыя постановленія, воспрещающія употребленіе явно оскорбительныхъ для добрыхъ нравовъ и благопристойности словъ и выраженій (ст. 1003 Улож. о нак. изд. 66 г.). Изъ сказаннаго уже ясно, что употребляя выраженіе „дѣйствіе", ст. 43 понимаетъ подъ этимъ терминомъ и слова или рѣчь".

Далѣе г. Неклюдовъ, ссылаясь на рѣшеніе Сената 70 г. № 714, высказываетъ, что Сенатъ держится противнаго взгляда. Но въ рѣшеніи этомъ Сенатъ говоритъ только о „ругательныхъ" словахъ, что произнесеніе ихъ нельзя подводить подъ дѣйствіе 43-й статьи, изъ чего еще нельзя, по нашему мнѣнію, выводить, что этотъ свой взглядъ Сенатъ распространяетъ и

на произнесеніе „безстыдныхъ или соединенныхъ съ соблазномъ для другихъ“ словъ, тѣмъ болѣе, что эти двѣ каттегоріи словъ—не синонимы.

Что же касается неприличныхъ жестовъ или тѣлодвиженій, то Сенатомъ—въ рѣш. 69 г. № 504 и 71 г. № 1539—подведеніе ихъ подъ 43 ст. признано правильнымъ. Г. Неклюдовъ говоритъ, что жестъ или тѣлодвиженіе, „прикрытые такою формою, которую каждый можетъ комментировать по своему, — является проступкомъ только безнравственнымъ или неприличенъ, но не преступенъ“. Взглядъ этотъ, очевидно, грѣшитъ смѣшеніемъ понятій безстыдства жеста и доказанности этого безстыдства. Если у судьи нѣтъ убѣжденія въ томъ, что обвиняемый сдѣлалъ безстыдное тѣлодвиженіе или неприличный, соединенный съ соблазномъ для другихъ, жестъ, то, конечно, обвинительный приговоръ не будетъ имѣть мѣста. Но обвиненіе не послѣдуетъ и въ томъ случаѣ, если не будетъ установлено, что данное *дѣйствіе* было безстыдно; сомнѣніе въ характерѣ дѣйствія такъ же возможно, какъ и сомнѣніе въ характерѣ жеста, а утверждать, что нѣтъ такихъ жестовъ или тѣлодвиженій, съ которыми несомнѣнно связано безстыдное представленіе—врядъ ли кто нибудь рѣшится. Не думаемъ, чтобы рѣшился на это и почтенный авторъ „Руководства“, тѣмъ болѣе, что черезъ страницу, разбирая безстыдство сценическое, онъ говоритъ, что „тѣлодвиженіе есть знакъ или символъ извѣстной мысли; между ними есть такія плоскія движенія, подъ которыми мы привыкли разумѣть извѣстныя же, соотвѣтствующія имъ, плоскія или безстыдныя представленія“. Но что безстыдно на сценѣ, то безстыдно и въ театральной залѣ и вообще въ публичномъ мѣстѣ. Въ виду этихъ—то соображеній мы полагаемъ, что подъ дѣйствіе 43 ст. слѣдуетъ подводить какъ дѣйствія въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ и слова или тѣлодвиженія либо жесты.

Но всѣ эти „дѣйствія“ въ обширномъ смыслѣ слова должны быть безстыдны или соединены съ соблазномъ для другихъ, чтобы быть признанными преступными. Гг. авторы „Руковод-

ства для гминныхъ судовъ" полагаютъ (стр. 468), что „дѣянія безстыдныя всегда соединены съ соблазномъ", и что поэтому союзъ „или" въ 43 ст. неумѣстенъ. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и полагаемъ, что дѣйствіе, подводимое подъ 43 ст., должно быть или безстыдно, или соединено съ соблазномъ для другихъ, такъ какъ дѣйствіе безстыдное далеко не всегда соблазнительно. Напр., отправленіе естественной нужды въ публичномъ мѣстѣ должно быть сочтено дѣйствіемъ безстыднымъ, но, спрашивается, что въ этомъ дѣйствіи соблазнительнаго для другихъ? И такъ, дѣйствіе должно быть или безстыдно, или соединено съ соблазномъ для другихъ. Безстыдными почитаются такія дѣйствія, которыя оскорбляютъ прирожденное людямъ чувство стыда или стыдливость, и онѣ заключаются, въ большей части случаевъ, въ совершеніи такихъ актовъ, которые не принято совершать публично или даже просто въ присутствіи кого либо; въ обнаженіи у себя или у другихъ такихъ частей тѣла, которыя въ обществахъ, едва только вышедшихъ изъ состоянія первобытной дикости, принято скрывать отъ глазъ людскихъ; въ стремленіи поставить себя въ отношеніи къ другимъ лицамъ въ положеніе, затрогивающее ихъ чувство стыдливости; въ произнесеніи въ грубой формѣ такихъ словъ или выраженій, которыя порождаютъ въ умѣ другихъ представленія, оскорбляющія ихъ стыдливость. Всѣ эти дѣйствія могутъ одновременно возбуждать и отвращеніе, но это не мѣшаетъ признанію ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и безстыдными. Другой же разрядъ преслѣдуемыхъ по 43-й ст. дѣйствій заключаетъ въ себѣ такія дѣйствія, которыя могутъ возбуждать въ умахъ другихъ лицъ представленія соблазнительныя, въ смыслѣ соблазна плотскаго; однакоже, для признанія дѣйствія соединеннымъ съ соблазномъ для другихъ нѣтъ необходимости въ установленіи того обстоятельства, что данное дѣйствіе было настолько соблазнительнымъ, что вызвало немедленное себѣ подражаніе: достаточно признанія того факта, что дѣйствіе это направило мысль къ предметамъ плотскаго соблазна, возбудило въ умѣ представленіе объ этихъ предме-

тахъ, хотя бы въ самой грубой, неизящной формѣ. И чѣмъ грубѣе, чѣмъ, такъ сказать, животнѣе та форма, въ которой проявилось дѣйствіе обвиняемаго, тѣмъ болѣе оно должно быть признано соединеннымъ съ соблазномъ для другихъ и способнымъ повліять на развитіе въ другихъ лицахъ животныхъ инстинктовъ. Поэтому, vice versa, не можетъ быть подведенъ подъ дѣйствіе 43 ст. проступокъ захваченной въ расплохъ бдительнымъ полицейскимъ окомъ влюбленной парочки, обмѣнявшейся поцѣлуемъ хотя бы и въ публичномъ мѣстѣ, потому что этотъ поцѣлуй является, быть можетъ, залогомъ ихъ „вѣчной любви", имѣющей быть закрѣпленною брачнымъ союзомъ, такъ что поцѣлуй этотъ, само по себѣ, не въ состояніи пробудить въ другихъ лицахъ животныхъ инстинктовъ и непремѣнно возбудить въ нихъ какія либо соблазнительныя представленія.

Изъ числа безстыдныхъ или соединенныхъ съ соблазномъ для другихъ дѣйствій останавливаютъ на себѣ вниманіе наше два дѣйствія, бывшія предметомъ разсмотрѣнія и Кассаціоннаго Сената и Руководства г. Неклюдова, а именно: купанье на открытомъ мѣстѣ и отправленіе естественной нужды въ публичномъ мѣстѣ.

По вопросу о купаньѣ на открытомъ мѣстѣ Руководство г. Неклюдова сходится съ Сенатскою практикою въ томъ, что купанье, само по себѣ, не соединенное съ какими либо дѣйствіями, нарушающими общественное приличіе и благопристойность, не можетъ быть подводимо подъ дѣйствіе 43 ст., а подходитъ подъ ст. 29 въ томъ случаѣ, если запрещеніе купаться въ извѣстномъ мѣстѣ было объявлено установленнымъ порядкомъ. Это мнѣніе высказано Сенатомъ въ рѣшеніи за 71 г. № 276, но съ мнѣніемъ этимъ, во всемъ его объемѣ, намъ представляется труднымъ согласиться. Положимъ, что городской садъ какого либо города расположенъ на самомъ берегу рѣки; воскресный день; звуки военной музыки собрали въ садъ массу гулящей публики: гуляютъ мужья съ женами, отцы семействъ съ дочерями—барышнями, сопровождаемыми молодыми людьми; толпа этой публики группируется въ прибрежной

части сада, слѣдя за катающимися по рѣкѣ на лодкахъ, и вотъ здѣсь же, въ двухъ шагахъ отъ всей этой публики, нѣсколько парней, утомленныхъ жарою лѣтняго дня, сбрасываютъ съ себя одежду и начинаютъ купаться, вовсе не желая оскорбить этимъ стыдливость невольныхъ зрительницъ ихъ откровенной забавы. Полиціи и въ голову не приходило, что такой казусъ можетъ случиться, и никакихъ объявленій или запрещеній на этотъ счетъ не было, да и сама полиція въ данный моментъ отсутствуетъ. 29-й ст. къ случаю этому, такимъ образомъ, примѣнена быть не можетъ, но неужели же не можетъ быть примѣнена и 43 ст. потому лишь, что купанье это не соединялось съ *другими* безстыдными дѣйствіями? Но развѣ самое обнаженіе всего тѣла, всѣхъ его подлежащихъ сокрытію частей, обнаженіе въ публичномъ мѣстѣ не составляетъ само по себѣ дѣйствія безстыднаго? Въ такомъ случаѣ и раздѣваніе въ публичномъ мѣстѣ, полное раздѣваніе до нага, а равнымъ образомъ и гуляніе раздѣтымъ по городскимъ улицамъ не подлежитъ преслѣдованію по 43 ст., а между тѣмъ авторъ Руководства указываетъ, что онъ самъ, будучи мировымъ судьею, подвергъ взысканію мѣщанина, пробѣжавшаго на пари, зимою, голымъ по улицѣ, а вѣдь же эти купающіеся парни тоже бѣгали голыми въ публичномъ мѣстѣ, по берегу рѣки, въ двухъ шагахъ отъ городскаго сада. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, мы приходимъ къ тому заключенію, что Сенатское рѣшеніе 71 г. № 276 расходится по вопросу о появленіи голымъ въ публичномъ мѣстѣ—со взглядами существующими въ обществѣ послѣ вѣтхозавѣтнаго грѣхопаденія, и что ненаказуемымъ такое купанье остаться не можетъ. Вопросъ можетъ возбудиться только о намѣренности поступка, и такъ какъ на нашъ взлядъ, который мы вскорѣ изложимъ, къ проступку 43-й ст. можетъ быть примѣняема 9-я ст. Мир. Уст., то и данный случай представляется намъ подходящимъ подъ дѣйствіе 43 ст., съ примѣненіемъ ст. 9-й въ случаѣ ненамѣренности совершенія даннаго проступка.

По вопросу объ отправленіи въ публичномъ мѣстѣ естест-

венной нужды мы расходимся во взглядѣ только съ г. Неклюдовымъ, такъ какъ Прав. Сенатъ,—въ рѣшеніи за 72 г. № 339, — высказалъ, что отправленіе естественной нужды въ городскомъ саду, въ виду находившейся тамъ публики, вполнѣ подходитъ подъ дѣйствіе 43-й ст. Мир. Устава. Авторъ же Руководства для Мир. Судей высказывается за ненаказуемость отправленія публично естественной потребности мочеиспусканія или испражненія, въ виду отсутствія на улицахъ русскихъ городовъ „писуаровъ", т. е. мѣстъ, приспособленныхъ для отправленія этой потребности, и въ виду того, что „потребность эта можетъ быть до того сильною и побудительною, что при всемъ желаніи человѣка удержаться отъ отправленія оной, онъ этого сдѣлать не въ силахъ". Но г. Неклюдовъ не объясняетъ намъ, почему слѣдуетъ признавать ненаказуемымъ такой проступокъ и въ томъ случаѣ, если не доказано, что онъ вызванъ крайнею необходимостью, а вѣдь самъ г. Неклюдовъ указываетъ, что потребность эта *можетъ быть* столь сильною и т. д., слѣдовательно, можетъ и не быть столь сильною и побудительною, чтобы нельзя было удержаться отъ этого желанія. Почему же, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ признавать дѣяніе это ненаказуемымъ и при отсутствіи того элемента необходимости, который только и приводится какъ основаніе для ненаказуемости проступка? Утверждать же, что отправленіе естественной нужды въ публичномъ мѣстѣ можетъ происходить только подъ вліяніемъ необходимости—никоимъ образомъ нельзя, такъ какъ это можетъ произойти просто вслѣдствіе распущенности и отсутствія сознанія необходимости соблюденія приличій въ публичномъ мѣстѣ. На нашъ взглядъ аргументація Руководства не убѣждаетъ въ непреступности подобнаго рода дѣйствій, такъ какъ наличность состоянія крайней необходимости можетъ встрѣтиться и при каждомъ другомъ проступкѣ и повлечь за собою примѣненіе 10-й ст., т. е. ненаказуемость, но одна возможность подобнаго случая никогда не можетъ влечь за собою ненаказуемость этого проступка, совершеннаго внѣ условій, необходимыхъ для примѣненія 10 ст. Мир. Уст.

Равнымъ образомъ не можемъ мы согласиться съ тѣмъ взглядомъ г. Неклюдова, что „безстыдство должно быть непремѣнно сознательное, намѣренное"; это свое мнѣніе авторъ Руководства подкрѣпляетъ слѣдующими соображеніями (стр. 204 Т. II Рук.); „коль скоро оно (безстыдство) произошло ненамѣренно, во время буйства, ссоры или въ состояніи опьяненія, то правильнѣе наказывать не какъ за безстыдство, а какъ за таковые проступки. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что ст. 42-й Уст. наказываетъ за появленіе публично въ *безобразномъ* отъ опьяненія видѣ, т. е. въ видѣ развращенномъ, соблазнительномъ, а потому безстыдномъ". Единственный аргументъ, какъ видно изъ приведенной тирады, въ пользу взгляда о ненаказуемости ненамѣреннаго учиненія проступка 43-й ст. заключается въ существованіи 42 ст., преслѣдующей лишь одинъ видъ ненамѣреннаго совершенія проступка 43-й ст., а именно въ состояніи опьяненія. Но, по нашему мнѣнію, это исключеніе вовсе не доказываетъ еще, что остальные случаи ненамѣреннаго нарушенія 43-й ст. должны по мнѣнію законодателя оставаться вовсе безнаказанными. Существованіе 42 ст. доказываетъ лишь, что законодатель желалъ болѣе строгаго наказанія ненамѣреннаго безстыдства, вызваннаго опьяненіемъ, нежели то наказаніе, которое влечетъ за собою примѣненіе 9-й ст., или, говоря иначе, уничтожилъ возможность примѣненія 9-й ст. Уст. къ случаямъ ненамѣреннаго совершенія безстыдныхъ дѣйствій вслѣдствіе опьяненія, выдѣленнымъ въ особую 42 ст. Уст. о нак. Затѣмъ мы не усматриваемъ вообще никакихъ причинъ ненаказуемости по 9-й ст. случаевъ ненамѣреннаго совершенія проступковъ 43-й ст. и полагаемъ вполнѣ возможнымъ примѣненіе къ проступку 43-й статьи—9-й статьи Мир. Устава.

Ст. 43[1] Уст. изд. 1885 г. образовалась изъ дополненія къ ст. 43-й, послѣдовавшаго въ 1871 году. Исторія возникновенія этой статьи, преслѣдующей причиненіе домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій, подробно изложена въ Уст. о нак. Им. Ал II, изданномъ Н. С. Таганцовымъ. Изъ этого изложенія видно что вопросъ о наказаніи за жестокое обращеніе съ жи-

вотными возбужденъ былъ еще въ 1860 году Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но проэктъ этотъ не прошелъ, какъ въ виду существовавшихъ въ то время тѣлесныхъ наказаній для людей, такъ и въ виду крайняго несовершенства тогдашнихъ путей сообщенія. Затѣмъ возникли общества покровительства животныхъ, но, какъ изложено въ Объяснительной Запискѣ къ Уст. о нак., всѣ старанія членовъ упомянутыхъ обществъ къ отвращенію безжалостныхъ поступковъ съ животными оставались безуспѣшными, по неимѣнію въ виду закона, который бы угрожалъ взысканіемъ за подобныя дѣйствія; однакоже, въ окончательномъ проэктѣ статья предполагавшая пяти рублевый штрафъ за жестокое обращеніе съ животными, была выкинута. Нѣкоторыя изъ судебныхъ установленій стали подводить это дѣяніе подъ 29 ст. Уст. о нак., но въ большинствѣ случаевъ оно признавалось ненаказуемымъ, пока, наконецъ, вопросъ о наказаніи жестокаго обращенія съ животными не былъ вновь поднятъ въ 1869 году и окончательно разрѣшенъ въ 1871 году, при чемъ принята была редакція, и нынѣ остающаяся въ силѣ, а именно: за причиненіе домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій, виновные подвергаются денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Въ Объясн. Зап. II отд. къ Суд. Уст. высказаны слѣдующіе мотивы, побудившіе проэктировать разбираемую нами нынѣ статью: „сознавая невозможность установить въ законѣ предложенное довольно строгое взысканіе, какъ, напримѣръ, арестъ,—уже не говоря о розгахъ—за такія дѣйствія, которыя въ глазахъ большинства нашего народа еще не признаются предосудительными, нельзя, однако, оставлять вовсе безъ вниманія столь часто встрѣчаемое у насъ, возмущающее душу обращеніе съ животными. Случается слышать возраженіе, что эти животныя составляютъ собственность человѣка и находятся въ полной его власти. Такой взглядъ едва ли вѣренъ. Человѣкъ, безспорно, хозяинъ животнаго, но онъ не долженъ быть его мучителемъ. Всякое злоупотребленіе права собственности можетъ воспрещаться закономъ, а какъ не признать такимъ

злоупотребленіемъ жестокость къ существу живому, но безсловесному, не имѣющему возможности ни къ защитѣ, ни къ жалобѣ. Впрочемъ подобные поступки заслуживаютъ порицанія не только по отношенію къ животнымъ: они вредны даже и для самаго общества, потому что постоянно повторяющимися зрѣлищами этого рода, естественно, притупляются въ людяхъ лучшія и благороднѣйшія чувства". Въ сопоставленіи съ этими прекрасными соображеніями какъ то странно звучатъ разсужденія Руководства г. Неклюдова (стр. 648 Т. II) въ родѣ того, что „доколѣ животное будетъ признаваемо моею собственностію, дотолѣ никому нѣтъ дѣла до моего обращенія съ нимъ", или указаніе на то, что „могъ ли благоразумный законодатель вклеивать въ кодексъ наказанія за жестокое обращеніе съ животными, когда тѣ же равнители кротости, которые требуютъ преслѣдованія жестокаго обращенія съ животными, не допустятъ даже и мысли о томъ, чтобы запретить ѣсть живыхъ устрицъ, варить живыхъ раковъ или рыбу и даже не только изувѣчить, но и убить сѣвшаго на носъ комара или муху"! Вся эта діатриба намъ рѣшительно не понятна: если она направлена противъ мысли о наказаніи „за жестокое обращеніе", то безполезность ея очевидна, такъ какъ законъ 71 года говоритъ не о жестокомъ обращеніи съ животными, а о причиненіи имъ *напрасныхъ* мученій, если же порицаніе это направлено противъ закона 71 года, то не менѣе очевидно, на сколько всѣ эти желчныя выходки не достигаютъ своей цѣли и не ослабляютъ значенія закона, такъ краснорѣчиво выясненнаго въ выше приведенныхъ словахъ Объяснительной Записки.

43[1] ст. преслѣдуетъ напрасное причиненіе мученій домашнимъ животнымъ. По справедливому замѣчанію г. Неклюдова „дѣяніе должно быть совершено непремѣнно въ публичномъ мѣстѣ. Правда, законъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ, но эта недомолвка не существенна въ виду того, что самый законъ помѣщенъ въ главѣ III (о проступкахъ противу общественнаго благочинія, порядка и спокойствія), въ дополненіи къ ст. 43, для примѣненія которой необходимъ общественный соблазнъ, т. е. пуб-

личность совершенія проступка". Итакъ, необходимымъ элементомъ состава этого проступка является публичность его совершенія, что подтверждается и приведенными выше соображеніями Объяснительной Записки. Далѣе, въ статьѣ этой говорится только о домашнихъ животныхъ и запрещается причиненіе имъ мученій; дѣйствія же имѣющія предметомъ своимъ животныхъ не домашнихъ, а также не носящія характеръ мученій, въ смыслѣ истязаній и жестокихъ побоевъ, причиняющихъ животному несомнѣнно сильную боль, или же въ смыслѣ чрезмѣрнаго обремененія животнаго тяжестью, безусловно ему непосильною,—не подходятъ подъ дѣйствіе 43[1] ст. Наконецъ, требуется для состава этого проступка, чтобы мученія были напрасны; необходимость этого признака исключаетъ возможность подведенія подъ эту статью тѣхъ дѣйствительныхъ мученій, причиненіе которыхъ оправдывается достиженіемъ предположенной цѣли. Въ данномъ случаѣ получаетъ санкцію закона іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства; если, напр., мученія причиняются животному въ цѣляхъ уясненія какой либо научной истины, то мученія—въ данномъ случаѣ—не могутъ быть признаны напрасными. Равнымъ образомъ долженъ быть оправданъ по обвиненію въ нарушеніи 43[1] ст. Мир. Уст. тотъ кучеръ, который сдержитъ взбѣсившихся лошадей путемъ причиненія имъ какихъ бы то ни было мученій, такъ какъ въ этомъ случаѣ подобныя мученія, причиненныя животнымъ, повлекутъ, быть можетъ, за собою спасеніе человѣческой жизни. Замѣтимъ еще, что легкіе побои кнутомъ, хотя бы и безцѣльные, никакъ не могутъ быть отнесены къ числу мученій, преслѣдуемыхъ разбираемою нами статьею Мироваго Устава.

44 ст. За неисполненіе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Ст. 44-я заключаетъ въ себѣ—на первый взглядъ—нѣкоторое внутреннее противорѣчіе: въ первой ея части преслѣдуется неисполненіе распоряженій, относящихся до *предупрежденія* непотребства, слѣдовательно, законодатель желаетъ какъ бы полнаго отсутствія непотребства, дѣлаетъ распоряженія въ смыслѣ устраненія его и караетъ въ томъ случаѣ, когда непотребство непредупреждено, вторая же часть 44 ст. говоритъ о неисполненіи такихъ распоряженій правительства, которыя имѣютъ въ виду *пресѣченіе вредныхъ послѣдствій непотребства*, и, слѣдовательно, въ этой второй части 44-й ст. признается фактъ существованіи непотребства и указывается забота правительства объ устраненіи только вредныхъ его послѣдствій. Такимъ образомъ, первая часть 44 ст. какъ бы говоритъ, что непотребства не должно быть, что оно должно быть предупреждено, во второй же части той же статьи какъ бы узаконяется существованіе непотребства и рѣчь идетъ уже о пресѣченіи не самаго непотребства, а лишь вредныхъ его послѣдствій. Противорѣчіе это вызвано, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что ст. 44 употребляетъ одно и то же выраженіе „непотребство“ для обоихъ его видовыхъ подраздѣленій: непотребства терпимаго правительствомъ и для непотребства, правительствомъ не терпимаго. Дѣло въ томъ, что законъ отказался отъ мысли преслѣдовать самый фактъ внѣ — брачныхъ половыхъ отношеній двухъ половъ, фактъ не квалифицированный какими либо осложненіями (напр. изнасилованіе, растлѣніе и т. д.) и незаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею наказываетъ церковнымъ покаяніемъ лишь именно какъ *сожитіе*, т. е. тотъ случай, когда половыя отношенія приняли форму продолжающейся, совмѣстной жизни мужчины съ женщиною, жизни, не освященной таинствомъ брака. Мимолетная же, короткая связь мужчины съ женщиною закономъ не преслѣдуется даже и въ томъ случаѣ, когда удовлетвореніе половой похоти другихъ дѣлается предметомъ ремесла. Въ Улож. о нак. изд. 1857 года преслѣдовалось—статьями 1337 и 1338-ю — „открытіе своего собственнаго или нанимаемаго дома для непотребства и вообще

обращеніе непотребства другихъ себѣ въ ремесло", а также „обращеніе онаго въ ремесло самими женщинами" обѣ эти статьи значатся въ Сравнительномъ Указателѣ вошедшими въ ст. 44 Мир. Уст., ею замѣненными, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что статьи эти просто отмѣнены и что нельзя никоимъ образомъ подводить дѣянія, о коихъ въ этихъ статьяхъ идетъ рѣчь, подъ дѣйствіе 44-й ст. Уст. о нак. Въ этомъ же смыслѣ высказывается каттегорически и г. Неклюдовъ, да трудно быть по этому вопросу инаго взгляда въ виду слѣдующихъ словъ Объяснительной Записки: „несмотря на эти статьи (1337 и 1342 Улож. о нак. изд. 57 г.) публичные дома существуютъ повсемѣстно и оффиціальное запрещеніе ихъ на дѣлѣ нигдѣ не исполняется, да едва ли и исполняемо быть можетъ, тѣмъ болѣе, что непотребство въ видѣ ремесла не только терпимо правительствомъ, но даже распоряженіями его, хотя и негласными, дозволено подъ условіемъ лишь соблюденія извѣстныхъ правилъ. Невозможность примѣненія означенныхъ выше статей Уложенія уже признана Выс. утв. 6-го Апрѣля 1853 года, однако не обнародованнымъ, мнѣніемъ Госуд. Совѣта, которымъ постановлено, что публичныя женщины состоящія подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ, и содержательницы публичныхъ домовъ, имѣющія ихъ съ разрѣшенія правительства, не подвергаются опредѣленному собственно за непотребство наказанію, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ привлекаются къ суду во второй, третій и слѣдующіе раза, если только онѣ не изобличаются ни въ какомъ другомъ преступленіи". Далѣе въ Запискѣ этой говорится: „посему, если, съ одной стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что законъ не долженъ требовать невозможнаго, то, съ другой стороны, нельзя оставлять безъ вниманія, что охраненіе общественнаго здоровья, а въ нѣкоторой степени и нравственности,—если только можно употребить подобное выраженіе, говоря о столь несовмѣстномъ съ нею предметѣ,—требуютъ санкціи закона для дѣйствительнаго исполненія тѣхъ врачебныхъ и полицейскихъ правилъ о непотребствѣ, которыя вездѣ признаются необходимыми".

И такъ, законъ призналъ безполезность борьбы съ внѣ—брачнымъ удовлетворенiемъ половой похоти и не считаетъ преступными ни торговлю своимъ тѣломъ падшими женщинами, ни организацію этой торговли лицами, извлекающими изъ этого выгоду, но счелъ необходимымъ установить извѣстный врачебно-полицейскій контроль какъ надъ публичными домами, такъ и надъ женщинами, практикующими самостоятельно и на свой рискъ. Лица, неисполняющія тѣ правила, въ которыхъ выражается этотъ контроль, и должны признаваться неисполняющими распоряженія правительства, относящіяся къ пресѣченію вредныхъ послѣдствій непотребства. Съ другой стороны ст. 44 преслѣдуетъ и неисполненіе распоряженій правительства, относящихся до *предупрежденія* непотребства. Предупреждать значитъ—устранять, препятствовать возникновенію, слѣдовательно, изъ смысла этихъ словъ 44 ст. слѣдуетъ вывести, что существуютъ распоряженія, препятствующія возникновенію непотребства. Но выше мы видѣли, что непотребство подъ контролемъ органовъ власти терпится ею, и возникаетъ затѣмъ вопросъ о согласованіи этихъ двухъ взглядовъ одной и той же статьи Устава на возможность существованія непотребства. Согласовать же ихъ можно лишь путемъ нами выше уже указаннымъ, т. е. установленіемъ того положенія, что законодательство наше выдѣляетъ въ данномъ случаѣ понятіе непотребства дозволеннаго и преслѣдуетъ лишь отступленіе отъ правилъ, для него установленныхъ; на эту организацію подконтрольнаго непотребства оно смотритъ какъ на средство предупрежденія непотребства вообще, почему и преслѣдуетъ организацію непотребства тайнаго, какъ неисполненіе своихъ распоряженій, относящихся къ предупрежденію непотребства. Необходимо замѣтить при этомъ, что лицъ, прибѣгающихъ къ удовлетворенію внѣ—брачной половой похоти помимо условій признаваемыхъ правительствомъ, законъ не преслѣдуетъ, не требуя, чтобы удовлетвореніе этой потребности происходило непремѣнно въ публичныхъ домахъ или при помощи публичныхъ женщинъ, но онъ преслѣдуетъ лицъ, способствующихъ по ремеслу

такому удовлетворенію, подобно тому, какъ, не преслѣдуя участниковъ азартныхъ игръ, законъ подвергаетъ наказанію лицъ, устроившихъ такую игру.

На почвѣ этихъ то соображеній и возникла 44-я ст. Мир. Устава и эти соображенія уясняютъ истинный смыслъ 44-й ст. преслѣдующей во 1-хъ) пособничество по ремеслу къ удовлетворенію половой прихоти путемъ непотребства тайнаго, скрывающагося отъ контроля правительства, и во 2-хъ) несоблюденіе установленныхъ правительствомъ врачебныхъ и полицейскихъ правилъ лицами, содѣйствующими удовлетворенію половой прихоти съ разрѣшенія и подъ контролемъ правительства.

Изъ вышесказаннаго видно, что редакція 44-й ст. не совсѣмъ точна и что слѣдовало бы рельефнѣе отдѣлить проступки нарушенія врачебно-полицейскихъ правилъ лицами, допущенными правительствомъ къ отправленію непотребства отъ проступковъ лицъ, содѣйствующихъ развитію непотребства. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ видовъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ 44-ю ст.

1. *Нарушеніе правилъ для непотребства.* Правила, нормирующія подконтрольное непотребство, подлежатъ исполненію какъ содержательницами публичныхъ домовъ, такъ и самими публичными женщинами. По отношенію къ содержательницамъ домовъ терпимости правила эти имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, вопросы: пріема публичныхъ женщинъ (возрастъ ихъ, количество и т. д.), доступа въ заведеніе гостей (запрещеніе доступа малолѣтнимъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній) и врачебнаго надзора (представленіе къ освидѣтельствованію, наблюденіе за заболѣвшими, удаленіе захворавшихъ сифилисомъ и т. п.). По отношенію къ публичнымъ женщинамъ, самостоятельно промышляющимъ развратомъ (т. наз. одиночки), правила для непотребства имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, врачебный надзоръ за состояніемъ ихъ половыхъ органовъ, поэтому неявка такихъ женщинъ къ освидѣтельствованію должна быть преслѣдуема по 44 ст. Уст. о нак.

Какъ содержательницы домовъ терпимости, такъ и публичныя женщины могутъ совершать проступки, находящіеся въ связи съ ихъ ремесломъ, но проступки эти тогда только должны быть подводимы подъ дѣйствіе 44-й ст., когда они заключаются въ нарушеніи правилъ, установленныхъ именно въ цѣляхъ пресѣченія вредныхъ послѣдствій непотребства, другіе же ихъ проступки должны быть наказываемы по соотвѣтственнымъ статьямъ Устава о нак. Вопросъ о томъ, по 44-й или по 102 ст. Уст. о нак. слѣдуетъ наказывать проступокъ содержательницы дома терпимости, допустившей публичную женщину, зараженную сифилисомъ, продолжать отправленіе своего ремесла, — вопросъ этотъ представляетъ интересъ только теоретическій, такъ какъ наказаніе по обѣимъ статьямъ одинаковое. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что теоретически правильнѣе подводить дѣяніе это подъ 44 ст. Мир. Уст.

Публичныя женщины и содержательницы домовъ терпимости за неисполненіе установленныхъ правилъ, влекущее за собою примѣненіе 44 ст., отвѣчаютъ независимо отъ намѣренности этого неисполненія, слѣдовательно, въ виду 2 п. 9-й ст., проступки ихъ не могутъ быть наказываемы выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ.

2. *Содѣйствіе по ремеслу развитію непотребства.* Подъ такимъ содѣйствіемъ или пособничествомъ тайному непотребству слѣдуетъ понимать: 1) тайное содержаніе притона для публичныхъ женщинъ, скрывающихся отъ врачебно-полицейскаго надзора (рѣш. Сен. 75 г. № 805), допущеніе непотребства въ номерахъ гостинницъ и въ трактирахъ (рѣш. Сен. 1871 г. № 746 и 72 г. №№ 442 и 856) и сводничество (рѣш. Сен. 67 г. № 170, 68 г. № 474 и 73 г. № 11).

Наличность признака содѣйствія *по ремеслу* потому необходима при примѣненіи 44-й ст. къ этой второй группѣ проступковъ, что единичные случаи содѣйствія непотребству не представляютъ опасности для общественной нравственности и могутъ вызываться исключительными обстоятельствами, а затѣмъ болѣе и не повторяться. Понятіе же „ремесла“ не должно

быть опредѣляемо только какъ средство къ жизни: лицо, содѣйствующее постоянно тайному непотребству можетъ быть обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и заниматься своею позорною практикою изъ какихъ либо другихъ личныхъ цѣлей; признакомъ пособничества по ремеслу слѣдуетъ считать повторяемость подобныхъ случаевъ и сводня, неуклонно занимающаяся своею практикою „изъ любви къ искуству", должна быть тоже преслѣдуема по 44-й ст.

Прежде чѣмъ обратиться къ проступку сводничества, укажемъ еще: а) что для примѣненія 44 ст. къ лицамъ, содѣйствующимъ по ремеслу непотребству, нѣтъ необходимости, чтобы объектомъ этого содѣйствія являлись непремѣнно публичныя женщины: содержатель номеровъ или гостинницы, пускающій и днемъ и ночью въ свое заведеніе мужчинъ съ женщинами, хотя бы и не публичными, исключительно для половаго совокупленія, сводня, съумѣвшая всѣми правдами и неправдами уговорить женщину, не занимающуюся развратомъ въ видѣ ремесла, отдаться обратившему на нее вниманіе мужчинѣ,—также точно служатъ развитію непотребства, какъ если бы объектомъ ихъ ремесла были единственно публичныя женщины; и б) что лица этой катгегоріи отвѣчаютъ только въ случаѣ намѣренности ихъ дѣйствій, на что указываетъ необходимость доказанности дѣятельности ихъ по ремеслу, т. е доказанности, что дѣятельность ихъ сознательно или намѣренно направлялась къ содѣйствію непотребству, отсутствіе же подобной намѣренности дѣлаетъ проступокъ этотъ ненаказуемымъ.

Что же касается сводничества, то понятіе это настолько ясно, что останавливаться надъ опредѣленіемъ его мы не будемъ, а займемся разсмотрѣніемъ вопроса о его наказуемости.

Въ Уложеніи о нак. изд. 57 г. наказывалось сводничество и особенное и простое; преслѣдованіе сводничества особеннаго или квалифицированнаго перешло и въ Улож. о нак. изд. 66 г., а именно, оно преслѣдуетъ: сводничество родителями своихъ дѣтей (ст. 998), мужьями своихъ женъ (ст. 999), сводничество опекунами, учителями или другими какими либо лицами, имѣ-

ющими надзоръ за малолѣтними, сихъ послѣднихъ, состоящихъ подъ ихъ надзоромъ, лицъ (ст. 1000); всѣ эти случаи изъяты изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій; также изъяты и случаи: благопріятствованія лицами, имѣющими надзоръ за малолѣтними, ихъ склонности непотребству (ст. 993) и простаго сводничества малолѣтней моложе 14 лѣтъ, не лишенной невинности, какъ переходящаго уже въ пособничество къ преступленію растлѣнія (ст. 1523 и 1524 Улож. о нак.). Проступокъ же простого сводничества не вошелъ въ Улож. о нак. и не предусмотрѣнъ особою статьею Устава о нак., статьи же Уложенія о нак. изд. 57 года, имѣвшія предметомъ сводничество простое, значатся въ Сравнительномъ Указателѣ въ числѣ статей, замѣненныхъ 44-ю статьею Мироваго Устава. Основываясь на несуществованіи ни въ Уложеніи 66 г., ни въ Уставѣ о нак. особой статьи о проступкѣ сводничества, г. Лохвицкій (Курсъ Рус. Угол. Пр. стр. 440) утверждаетъ, что „законъ оставляетъ этотъ фактъ (сводничество не квалифицированное) безъ наказанія, кромѣ исчисленныхъ (ст. 993, 998—1000 Улож.), потому что иначе произошло бы вторженіе въ сферу частной жизни и притомъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ послѣдствія для спокойствія семействъ и репутаціи женщины были бы неисчислимы". Г. Неклюдовъ (Т. II Рук. стр. 219), напротивъ того, поддерживаетъ мнѣніе о наказуемости простого сводничества по ремеслу; этотъ же взглядъ—какъ мы видѣли выше—высказываетъ и Сенатъ. Мы примыкаемъ къ этому послѣднему взгляду не столько въ силу нѣсколько формальной аргументаціи г. Неклюдова, сколько въ силу того нашего убѣжденія, что проступокъ сводничества по ремеслу вполнѣ подходитъ подъ понятіе проступковъ, преслѣдуемыхъ 44-ю статьею. Дѣйствительно, 44 статья, допустивъ организованное подконтрольное непотребство, считаетъ его, все таки, зломъ, хотя и терпимымъ, а также считаетъ зломъ и непотребство тайное; не наказывая непотребство, какъ вызываемое естественною необходимостью, законъ желаетъ сократить предѣлы его, почему и не можетъ оставлять безнаказанными проступки лицъ, содѣйствующихъ непотреб-

ству и имѣющихъ интересъ въ его ненормальномъ развитіи, не можетъ, поэтому, оставлять безнаказанными сводниковъ и сводницъ, поставившихъ своею задачею торговлю человѣческимъ тѣломъ, не брезгающихъ никакими средствами и уловками для достиженія своей цѣли, плодящихъ плотскій развратъ со всѣми его прискорбными послѣдствіями и фабрикующихъ втайнѣ зло, всплывающее затѣмъ наружу въ такихъ широкихъ размѣрахъ.

Защищающіе по мѣрѣ силъ слабые остатки общественнаго цѣломудрія могутъ найти поддержку себѣ и въ рѣшеніи Прав. Сената за 73 г. № 11; въ рѣшеніи этомъ признанъ правильнымъ приговоръ Мироваго Съѣзда, коимъ содержательница дома терпимости признана виновною въ соучастіи въ сводничествѣ, выразившемся въ томъ, что она, съ цѣлью извлеченія денежныхъ выгодъ, приняла къ себѣ въ публичный домъ дѣвушекъ, которыхъ ей сосводничала сводня, прибѣгнувъ притомъ къ обману. Сенатъ высказалъ при этомъ, что такое дѣяніе содержательницы дома терпимости ближе всего подходитъ подъ 44 ст. Мир. Устава. Признакъ обмана не необходимъ для сводничества, такъ какъ сводничать можно и такое лицо, которое понимаетъ на-что идетъ, и сводня наказывается не за обманъ, а за то, что вліяніемъ своимъ, своими доводами, преувеличеніемъ выгодъ порока и выставленіемъ въ мрачномъ свѣтѣ положенія женщины, остающейся добродѣтельною, наконецъ просто — облегченіемъ возможности тайнаго возврата — устраняетъ всякія колебанія своихъ „кліентовъ“ и даетъ побѣду инстинктамъ порока, которые безъ ея помощи, быть можетъ, и не одержали бы побѣды.

45 ст. За публичное выставленіе или распространеніе явно соблазнительныхъ издѣлій и изображеній, виновные, сверхъ уничтоженія сихъ предметовъ, подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Для подведенія даннаго дѣянія подъ 45-ю ст. слѣдуетъ установить, что оно заключалось: а) *въ публичномъ выставленіи*

или распространеніи, б) *издѣлій и изображеній*, в) *явно соблазнительныхъ*. Подъ публичнымъ выставленіемъ слѣдуетъ понимать выставленіе на показъ публикѣ, напр., въ окнѣ или въ стеклянныхъ дверяхъ дома, наклеиваніе на стѣнѣ дома и т. п.; распространеніе должно быть тоже публичное. Распространяться такимъ образомъ должны издѣлія и изображенія, за исключеніемъ печатныхъ или вообще подлежащихъ разсмотрѣнію цензуры изображеній, распространеніе которыхъ преслѣдуется по 1001 ст. Улож. о нак. и неподсудно мировой юстиціи.

По вопросу о различіи 45 ст. Уст. о нак. и ст. 1001 Улож. о нак. Сенатомъ—въ рѣш. 68 г. № 610—высказано, что „различіе этихъ статей заключается только въ способѣ совершенія проступка, а именно въ большей или меньшей легкости распространенія соблазнительныхъ издѣлій и сочиненій и слѣдовательно, въ большей или меньшей опасности для общественной нравственности“. Въ силу этого соображенія въ томъ же рѣшеніи выражено, что „распространеніе соблазнительныхъ сочиненій, произведенное не раздачею экземпляровъ этого сочиненія, а сообщеніемъ нѣсколькимъ лицамъ одного и того же экземпляра для просмотра и прочтенія, можетъ быть наказуемо не по 1001 ст. Улож., а по 45 ст. Мир. Устава“. Рѣшеніе это подъ понятіе издѣлій и изображеній подводитъ и сочиненія, съ чѣмъ врядъ ли можно согласиться, такъ какъ ни подъ издѣліями, ни подъ изображеніими нельзя понимать произведеній литтературы, поэтому распространеніе *сочиненій* слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, подводить во всякомъ случаѣ подъ дѣйствіе 1001 ст. Уложенія.

Неподсуднымъ мировой юстиціи является и распространеніе сочиненій или изображеній, явно противныхъ добрымъ нравамъ и благопристойности, учителями или наставниками, а равно и опекунами, въ учебныхъ заведеніяхъ или между малолѣтними или несовершеннолѣтними, ввѣренными ихъ надзору.

Распространяемыя издѣлія и изображенія должны быть „явно соблазнительными“. О соблазнительномъ мы уже имѣли случай говорить при разсмотрѣніи 43 ст. и указали, что подъ

этимъ выраженіемъ понимается все, имѣющее отношеніе къ половому разврату, возбуждающее о немъ представленіе; выраженіе „явно“ соблазнительныя указываетъ, что наказывается распространеніе издѣлій и изображеній до очевидности направленныхъ къ непремѣнному возбужденію подобныхъ представленій. Ограничивая примѣненіе 45-й ст., г. Неклюдовъ говоритъ, что статья эта „исключительно имѣеть въ виду только такія издѣлія и изображенія, которыя представляютъ собою открытый половой развратъ во всевозможныхъ безстыдныхъ его проявленіяхъ; голая же натура пріобрѣла право гражданства и не законодателю налагать на нее клеймо безстыдства“. Что „голая натура“ пріобрѣла право гражданства, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, особенно послѣ „Наны“ Сухоровскаго, но что чувство приличія не совсѣмъ еще уничтожило употребленіе винограднаго листа, въ этомъ, къ счастію, тоже нѣтъ сомнѣнія, поэтому намъ кажется, что выставленіе не только изображеній, представляющихъ открытый половой развратъ, но и изображеній половыхъ органовъ — должно быть преслѣдуемо по 45-й статьѣ.

46 ст. За устройство запрещенныхъ игръ въ карты, кости и т. п., однако не въ видѣ игорнаго дома (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

46-ю статьею преслѣдуется *устройство* запрещенныхъ игръ и т. д., *однако не въ видѣ игорнаго дома*, устройство же такихъ игръ *въ видѣ игорнаго дома* преслѣдуется по 990 ст. Улож. о нак. Подъ устройствомъ игорнаго дома понимается устройство такого мѣста, гдѣ игра происходитъ болѣе или менѣе постоянно, напр., въ опредѣленные часы дня, или же въ опредѣленные дни; игра же, устройство которой преслѣдуется по 46 ст. Мир. Уст., устраивается случайно, на одинъ разъ, а если происходитъ и нѣсколько разъ подъ рядъ, то не по опредѣленному заранѣе плану и безъ намѣренія и впредь устраивать подобную игру.

Случайное устройство запрещенной игры должно быть— для наказуемости по 46-й ст. — публичное, т. е. съ правомъ каждаго принять участіе въ этой игрѣ. На этомъ признакѣ— вопреки мнѣнію Сената, выраженному въ рѣшеніяхъ 1872 г. № 1314 и 75 г. № 468,—настаиваетъ, и вполнѣ, на нашъ взглядъ, правильно, г. Неклюдовъ (Рук. стр. 224). Рѣшеніе Сената 75 годъ № 468 не такъ каттегорично, ибо въ немъ говорится о допущеніи азартной игры у себя на дому *для незнакомыхъ* лицъ, допущеніе же незнакомыхъ лицъ придаетъ квартирѣ характеръ мѣста, доступнаго для публики; но въ рѣшеніи за 72 г. № 1314 прямо выражено, что „46 ст. Уст. о нак. предусматриваетъ устройство запрещенныхъ игръ не въ видѣ игорнаго дома, слѣдовательно относится именно къ случаямъ устройства игры *не публичной*". Въ Руководствѣ же г. Неклюдова противоположный этому взглядъ поддерживается слѣдующею аргументаціею: „всѣ проступки, помѣщенные въ третьей главѣ Устава, въ которую входитъ и 46-ю ст. онаго, суть проступки противъ *общественнаго* порядка, т, е. такіе, необходимымъ условіемъ наказуемости которыхъ является совершеніе ихъ на улицѣ, среди общества, словомъ *публично*. По этому и устройство запрещенныхъ игръ должно подвергаться взысканію только лишь въ томъ случаѣ, когда игра устроена или въ *публичномъ мѣстѣ* или *для публики;* при отсутствіи того или другого изъ условій публичности, дѣяніе должно почитаться безразличнымъ, а потому не подлежащимъ наказянію". Взглядъ г. Лохвицкаго (Курсъ Рус. Угол. Пр. стр. 436) занимаетъ положеніе среднее между двумя этими взглядами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень странное, потому что это срединное его положеніе выражается въ томъ, что соображенія его говорятъ въ пользу взгляда г. Неклюдова, а въ конечномъ выводѣ своемъ онъ сходится съ Сенатомъ. Соображенія его таковы: „азартныя игры —говоритъ онъ — представляютъ гораздо большую опасность для общественной нравственности. Надежда сдѣлаться богатымъ въ нѣсколько часовъ, чего не представляетъ коммерческая игра, завлекаетъ людей преимущественно недостаточныхъ;

оставляется трудовая жизнь, честный способъ составлять достатокъ; тысячи людей раззоряются, одинъ обогащается, но и тому обыкновенно идетъ не вопрекъ случайно пріобрѣтенное состояніе". Далѣе онъ говоритъ: „вотъ тѣ достаточныя основанія, по которымъ государство имѣетъ право и обязанность запрещать *публичныя* азартныя игры"; а еще далѣе: „то, что дѣлается публично, прямо входитъ въ сферу государственной дѣятельности". И такъ, соображенія эти говорятъ въ пользу наказанія устройства только публичныхъ азартныхъ игръ. Въ конечномъ же выводѣ г. Лохвицкій высказываетъ, что по 46-й ст. наказывается „устройство азартной игры не въ видѣ игорнаго дома, напр. если у кого нибудь происходитъ на вечерахъ постоянно азартная игра въ кругу знакомыхъ, слѣдовательно не для всѣхъ открыто, безъ той организаціи, которая характеризуетъ игорный домъ". Противорѣчіе конца съ началомъ очевидное и, кажется, несогласимое.

Мы присоединяемся ко взгляду г. Неклюдова еще и въ силу соображенія о непригодности аргумента, употребленнаго Сенатомъ, высказавшимъ, что устройство игры въ видѣ игорнаго дома равносильно устройству *публичной* игры. Но игорные дома часто устраиваются не публично, однакоже и тѣмъ не менѣе учрежденія эти все таки носятъ характеръ игорнаго дома. Нерѣдко доступъ въ подобные дома сопряженъ съ извѣстными затрудненіями, такъ, напр., въ великосвѣтскій игорный домъ нельзя попасть безъ предварительнаго знакомства или же рекомендаціи одного изъ постоянныхъ посѣтителей этого заведенія. Конечно, знакомства эти дѣлаются легко и главное, на что при этомъ обращается вниманіе — это имущественная состоятельность новаго „знакомаго", но все таки эти условія лишаютъ возможности признать подобный игорный домъ публичнымъ мѣстомъ, а игру при такихъ условіяхъ—публичною. Тѣмъ не менѣе устройство такого игорнаго дома должно преслѣдоваться по 990 ст. Улож. о нак., такъ какъ главный признакъ игорнаго дома, дѣлающій его особенно опаснымъ, это возможность постоянно или, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленные

сроки принять участіе въ азартной игрѣ; признакъ этотъ установленъ и Сенатомъ въ рѣш. 70 г. № 1591, въ которомъ сказано, что подъ 990 ст. Улож. „подходятъ тѣ случаи, когда кто либо постоянно даетъ пристанище игрокамъ, съ знаніемъ цѣли, для которой они собираются“. Разъ же, что публичность не есть необходимый элементъ игорнаго дома, отличающій устройство игры въ игорномъ домѣ отъ устройства его не въ видѣ игорнаго дома, то нельзя сказать, что 46-я ст. предвидитъ устройство игры именно не въ публичномъ мѣстѣ; нельзя этого сказать тѣмъ болѣе, что содержаніе 46-й ст. ничего не говоритъ въ пользу этого взгляда, помѣщеніе же ея въ 3-й главѣ говоритъ въ пользу взгляда противнаго, утверждающаго, что только публичность проступка 46-й ст. дѣлаетъ его наказуемымъ.

Въ виду вышеизложеннаго слѣдуетъ признавать ненаказуемымъ случайное устройство запрещенной игры въ частномъ домѣ, въ тѣсномъ кружкѣ знакомыхъ. Что же касается клубовъ, то при разсмотрѣніи 39-й ст. мы видѣли, что за исключеніемъ случаевъ устройства въ нихъ общественныхъ зрѣлищъ или увеселеній, собранія въ клубахъ не могутъ считаться собраніями публичными, поэтому устройство въ клубѣ запрещенной игры не можетъ быть преслѣдуемо по 46-й статьѣ; въ случаѣ же запрещенія такихъ игръ клубными правилами и неисполненія распоряженія призванной дежурнымъ старшиною полиціи о прекращеніи игры, виновные подлежатъ отвѣтственности по 29 ст. Мир. Устава.

46-я ст. преслѣдуетъ *устройство* запрещенныхъ игръ; буквальный смыслъ этой статьи указываетъ на то, что одно *участіе* въ игрѣ не наказывается: законъ преслѣдуетъ только того, кто былъ иниціаторомъ игры, организовалъ, устроилъ ее. Въ этомъ отношеніи согласны между собою всѣ толкователи 46 статьи, несмотря на признаваемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторитетнымъ указаніе Сравнительнаго Указателя на замѣну 46-ю статьею Мир. Уст. статьи 1239 Улож. о нак. изд. 57 года, въ силу которой подвергались наказанію всѣ тѣ, которые

примутъ какое либо участіе въ запрещенныхъ играхъ. И г. Неклюдовъ и г. Лохвицкій признаютъ ст. 1329 Улож. 57 г. не замѣненною, а отмѣненною. Прав. Сенатъ въ рѣшеніи за 72 г. № 1230 высказалъ что „сравнивъ изложеніе этихъ двухъ статей (1329 ст. Улож. 57 г. и 46 ст. Уст. о нак.), оказывается въ редакціи ихъ существенная разница, заключающаяся въ томъ, что по редакціи ст. 46 Уст. о нак. наказываются лишь устроившіе запрещенную игру, тогда какъ ст. 1329 Улож. подвергала взысканію всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ игрѣ. Эту разницу въ редакціи нельзя признать случайною. Напротивъ того, сопоставляя ст. 46 Уст. о нак. со ст. 990 Улож. о нак. изд. 66 г., предусматривающею устройство заведенія въ видѣ игорнаго дома, оказывается, что измѣненіемъ редакціи въ ст. 46 Уст. согласована была та разница въ карательныхъ мѣрахъ, которая существовала въ Улож. о нак. изд, 57 года въ ст. 1330 и 1331 (ст. 990 Улож, о нак. изд. 66 г.), заключавшаяся въ томъ, что по Улож. о нак. изд. 57 года, при случайной запрещенной игрѣ (ст. 1330), наказывались всѣ лица, принимавшія участіе въ игрѣ, а при запрещенной игрѣ въ игорномъ домѣ (ст. 1331) только лица, устроившія такое заведеніе. При настоящей же редакціи этихъ законовъ, т. е. на основаніи 46-й ст. Устава, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, законъ караетъ только главныхъ виновныхъ, т. е. устроившихъ игру, оставляя безъ преслѣдованія лицъ, вовлеченныхъ въ игру или принявшихъ участіе въ игрѣ, уже устроенной".

Преслѣдуется устройство *запрещенныхъ* игръ въ карты, кости и т. п. Какія же игры слѣдуетъ считать запрещенными? Въ рѣшеніи Сената за 71 г. № 1023 выражено, что подъ запрещенными играми слѣдуетъ понимать игры азартныя, т. е. такія, выигрышъ или проигрышъ въ которыхъ зависитъ исключительно отъ случая (jeu de hasard), при чемъ сдѣлана ссылка на 444 ст. Уст. о предупр. и пресѣч. прест. (ст. 278 XIV Т. Св. Зак. изд. 1876 г.). Хотя Уставъ этотъ не введенъ въ дѣйствіе въ губерніяхъ Царства Польскаго, но ссылки на него при разъясненіи статей Мироваго Устава вполнѣ умѣстны, такъ какъ

статьями Уст. о пред. и прес. прест. разъясняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ смыслъ подлежащихъ статей Устава о нак., обязательнаго для губерній Царства Польскаго въ томъ видѣ и смыслѣ, въ какомъ онъ изданъ законодателемъ; конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ Уставъ ссылается на существующія по данному предмету узаконенія, можетъ возбуждаться вопросъ о томъ, дѣйствуютъ ли въ губерніяхъ Царства Польскаго Имперскія узаконенія или же существуютъ особыя узаконенія, нарушеніе которыхъ и должно преслѣдоваться согласно точному смыслу той или другой статьи Мироваго Устава. Въ данномъ же случаѣ ссылка на XIV Томъ вполнѣ умѣстна, какъ разъясняющая только смыслъ употребленнаго въ 46 ст. выраженія „запрещенныя игры". Запрещенными играми признаются статьею 278 Уст. о пред. и пр. прест. изд. 1876 г. игры, основанныя на случаѣ, или исключительно на счастіи, при чемъ разсчетъ и умѣнье не играютъ никакой роли; другой же признакъ азартныхъ игръ тотъ, что въ этихъ играхъ гораздо легче увлечься и проиграться далеко выше своихъ средствъ, такъ какъ самый характеръ игры не ставитъ предѣловъ проигрышу. Въ Руководствѣ г. Миклашевскаго (стр. 472) говорится что „предписаніе б. Прав. Коммиссіи внутр. дѣлъ отъ 2 Окт. 1828 года нѣсколько расширяетъ это понятіе, считая азартною игрою всякую игру, въ которой величина ставки зависитъ отъ произвола играющаго и таковая можетъ быть увеличиваема по мѣрѣ развивающейся страсти игрока". На нашъ взглядъ, этотъ признакъ, принятый буквально, не только не расширилъ бы, а крайне ограничилъ понятіе азартной игры, такъ какъ его можно было бы встрѣтить только при, такъ называемомъ, „отвѣтномъ" штосѣ или банкѣ, когда банкометъ не опредѣляетъ, какую именно сумму онъ закладываетъ, а объявляетъ, что „отвѣчаетъ" во всякомъ случаѣ понтерамъ, какъ бы ни велика была поставленная кѣмъ либо изъ нихъ карта. Но подобный штосъ очень рѣдокъ и въ большинствѣ случаевъ банкъ закладывается на извѣстную сумму, выше которой нѣтъ уже ни выигрыша, ни проигрыша; также и при игрѣ въ рулетку опредѣляется

обыкновенно, тотъ максимумъ, выше котораго не можетъ быть ставки; въ обоихъ этихъ случаяхъ величина ставки не будетъ зависѣть отъ произвола играющаго и не можетъ быть увеличиваема по мѣрѣ развивающейся страсти игрока, какъ того требуетъ предписаніе б. Прав. Коммиссіи, но неужели же ни рулетку, ни штосъ—съ ограниченнымъ банкомъ—нельзя признавать игрою азартною? Не такъ важна при азартной игрѣ величина каждой отдѣльной ставки, какъ величина общаго проигрыша, какъ результатъ совокупности всѣхъ ставокъ, а этотъ результатъ можетъ быть очень великъ и при установленной впередъ ставкѣ, такъ какъ количество ставокъ впередъ не опредѣляется, какъ не опредѣляется и время посвящаемое азартной игрѣ, и возможность выхода за предѣлы благоразумнаго проигрыша существуетъ и при игрѣ на заранѣе опредѣленныя ставки. Самый размѣръ ставки тоже не можетъ вліять на признаніе данной игры азартною или не азартною, такъ какъ во 1-хъ) величина проигрыша — понятіе относительное: что для одного не составитъ разницы, для другого весьма чувствительно, и во 2-хъ) игры, основанныя единственно на случаѣ имѣютъ и ту дурную сторону, что привычка къ нимъ развиваетъ въ обществѣ такія стороны характера, существованіе которыхъ вовсе не желательно. Въ рѣшеніи Сената за 75 г. № 401 высказано, что „ни та, ни другая статьи закона (278 ст. Т. XIV и 46 ст. Мир. Уст.) не указываютъ, что виновные въ устройствѣ азартной игры, или принимающіе въ ней участіе, подлежатъ наказанію только въ томъ случаѣ, когда запрещенная игра принимаетъ большіе или меньшіе размѣры, и что только отъ принятія большихъ или меньшихъ размѣровъ самая игра можетъ быть причисляема или не причисляема къ числу азартныхъ".

Статьею 46-ю наказывается устройство запрещенныхъ игръ не только въ карты, но и въ кости и т. п. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ ограниченій относительно той формы или тѣхъ инструментовъ, при помощи которыхъ игроки отдаются на произволъ судьбы и мѣряются счастіемъ: кости, монеты (игра

въ орлянку), рулетка, лото (рѣш. Сен. 71 г. № 1617) — также должны быть отнесены къ числу игръ азартныхъ, къ которымъ изъ игръ въ карты слѣдуетъ отнести: штосъ, банкъ, ландскнэхтъ, бакару, макао, ухру и т. п.

47 ст. За устройство, безъ надлежащаго разрѣшенія, публичной лоттереи, за недозволенную закономъ раздачу билетовъ иностранной лоттереи или промессовъ, равно за воспрещенную закономъ продажу всякаго рода промессовъ на какіе либо лоттереи, а также и промессовъ на билеты займовъ съ выигрышами, виновные, сверхъ отобранія найденныхъ билетовъ или промессовъ, подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати процентовъ со всей суммы, вырученной за проданные билеты или промессы, а если сумма эта неизвѣстна, то денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей.

47[1] ст. За открытіе ссудной кассы безъ надлежащаго разрѣшенія, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей, а самая касса закрывается.

47[2] ст. За выдачу ссудъ, съ нарушеніемъ правилъ относительно пополненія залога въ случаѣ уменьшенія онаго, а равно за неисправное веденіе шнуровыхъ книгъ, виновные въ томъ содержатели ссудныхъ кассъ подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей. Тому же взысканію подвергаются содержатели ссудныхъ кассъ: 1) за неимѣніе установленной вывѣски, 2) за невыставленіе на видномъ мѣстѣ, во внутреннемъ помѣщеніи кассы, правилъ о порядкѣ открытія и содержанія ссудныхъ кассъ, 3) за неозначеніе на видномъ же мѣстѣ и явственно для каждаго посѣтителя размѣра взимаемаго помѣсячно роста по ссудамъ и платежей за храненіе закладовъ, и 4) за измѣненіе сего размѣра въ теченіе сутокъ.

Проступокъ 47-й ст. подсуденъ и гминнымъ судамъ съ изданія закона 18 Мая 1882 года; статья эта въ первоначаль-

ной своей редакціи заключала въ себѣ лишь первую половину той же статьи въ новой ея редакціи, вторая же ея половина является нынѣ результатомъ закона 1879 года, распространившаго запрещеніе продажи заграничныхъ промессовъ на продажу промессовъ—всякаго рода, въ томъ числѣ и промессовъ на билеты займовъ съ выигрышами; статьи же 47^1 и 47^2 взяты и внесены въ Уст. о нак. изъ Выс. утв. мн. Гос. Сов. отъ 24 Апр. 1879 г. „о порядкѣ открытія и содержанія ссудныхъ кассъ" (Собр. Узакон. 1879 г. № 337).

Лоттерея является однимъ изъ видовъ игры на счастье и опредѣляется Сенатомъ въ рѣш. 72 г. № 1525, съ ссылкою на предыдущія рѣшенія, — какъ „разыгрываніе вещей по тиражу билетовъ, предварительно проданныхъ". Запрещается—какъ и въ 46-й ст.—„устройство лоттереи, слѣдовательно лицо, взявшее билетъ на лоттерею, незаконно устроенную, не наказывается. Преслѣдуется 47-ю статьею устройство *публичной* лоттереи, т. е. такой, билетъ на которую можетъ взять всякій, пожелавшій испробовать счастія, причемъ публичною должна быть именно продажа билетовъ, розыгрышъ же лоттереи можетъ происходить и не публично; лоттереи же частныя, при чемъ продажа билетовъ ограничена кружкомъ знакомыхъ, по 47 ст. не преслѣдуются.

Лоттереи не запрещены закономъ безусловно, но для устройства ихъ требуется надлежащее разрѣшеніе (начальника губерніи, Министра Внутр. Дѣлъ, а въ особыхъ случаяхъ Высочайшее разрѣшеніе) и наказывается по 47-й ст. устройство лоттереи безъ „надлежащаго" разрѣшенія. Однакоже, разрѣшеніе, выданное не надлежаще мѣстною полицейскою властью, покрываетъ собою проступокъ, такъ какъ частное лицо, очевидно, можетъ быть введено въ заблужденіе относительно своего права выдачею подобнаго разрѣшенія властью, обязанною знать предѣлы своихъ правъ лучше частнаго лица. Проступокъ совершенный при подобныхъ условіяхъ, долженъ почитаться учиненнымъ не только намѣренно, но даже „безъ всякой неосторожности" и, слѣдовательно, долженъ подлежать

дѣйствію 10-й ст. Мир. Устава; Сенатомъ тоже признано неподлежащимъ наказанію разыгрываніе лоттереи при наличности такого условія (рѣш. Сен. 69 г. № 499).

Въ Руководствѣ г. Неклюдова возбуждается вопросъ: съ какого времени лоттерея должна считаться устроенною? Такимъ временемъ Руководство считаетъ моментъ выпуска въ продажу лотерейныхъ билетовъ, въ виду того, что хотя моментъ розыгрыша „есть конечно, моментъ совершенія проступка, но моментъ этотъ слишкомъ отдаленный для того, чтобы принимать его за исходный пунктъ для преслѣдованія проступка" (стр. 227), а также въ виду того, что 47-я ст. исчисляетъ наказаніе сообразно „суммѣ, вырученной за проданные билеты". Исчисленіе денежнаго взысканія пропорціально суммѣ, вырученной за проданные билеты, указываетъ лишь на то, что *до* продажи билетовъ не можетъ быть и рѣчи о проступкѣ устройства лотереи, но оно вовсе не указываетъ, само по себѣ, что началомъ устройства лотереи должно считать моментъ продажи билетовъ; ссылка же на „отдаленность" момента розыгрыша мало убѣдительна. На нашъ взглядъ, продажа билетовъ тогда только можетъ считаться устройствомъ лотереи, когда розыгрышъ ея долженъ послѣдовать тотчасъ по продажѣ билетовъ, т. е. когда продажа билетовъ происходитъ только на мѣстѣ розыгрыша, который имѣетъ послѣдовать непосредственно за распродажею билетовъ. Но бываютъ и такія лотереи, при которыхъ продажа билетовъ начинается задолго до розыгрыша, и въ такихъ случаяхъ, по нашему мнѣнію, продажу билетовъ трудно признать устройствомъ лотереи. Легко можетъ случиться, что за малою распродажею билетовъ, или по какимъ либо другимъ причинамъ, розыгрышъ лотереи не послѣдуетъ и деньги будутъ возвращены обратно; нельзя же признать въ подобномъ случаѣ лотерею устроенною? Была попытка ея устроить, покушеніе на устройство лотереи, но самая лотерея не можетъ считаться устроенною. Равнымъ образомъ намъ кажется, что продажа билетовъ до полученія надлежащаго разрѣшенія, впослѣдствіи—передъ розыгрышемъ лотереи—полу-

ченнаго, не можетъ преслѣдоваться какъ устройство лотереи безъ надлежащаго разрѣшенія; нельзя не замѣтить, что самое выраженіе „устройство" показываетъ на нѣчто уже осуществившееся, организованное, а не находящееся еще въ періодѣ формированія, устраиванія, лицо же, продавшее десятокъ билетовъ на лотерею въ нѣсколько тысячъ билетовъ, никакъ не можетъ считаться *устроившимъ* лоттерею, а только можетъ быть признано устраивающимъ ее. Въ виду этихъ соображеній началомъ совершенія проступка устройство лотереи слѣдуетъ считать, по нашему мнѣнію, моментъ приступа къ розыгрышу лотереи, который, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ совпадать съ моментомъ продажи билетовъ на лотерею; случаи же публичной продажи билетовъ на неразрѣшенную лотерею могутъ быть подводимы подъ 29-й ст. Мир. Устава, при наличности всѣхъ условій, требуемыхъ этою статьею.

47-я статья также преслѣдуетъ „раздачу" билетовъ иностранной лотереи или промессовъ и продажу промессовъ. Выраженіе „раздачу" слѣдуетъ понимать въ смыслѣ торговли этими билетами и нельзя подводить поэтому подъ 47-ю статью единичный фактъ передачи однимъ лицомъ другому такого билета, не соединенный съ извлеченіемъ какой либо выгоды; равнымъ образомъ нельзя наказывать по 47 ст. лицъ, купившихъ билетъ иностранной лотереи или промессу. Подъ промессами понимаются обязательства какой либо банкирской конторы выдать лицу, пріобрѣвшему промессу, извѣстную сумму денегъ въ томъ случаѣ, если выигрышъ упадетъ на № билета, обозначенный въ промессѣ. Подобныя промессы имѣютъ характеръ лотерейныхъ билетовъ, а самая операція продажи промессовъ —характеръ лотереи, почему продажа эта и преслѣдуется наравнѣ съ устройствомъ публичной лотереи.

Чтоже касается ст. 47^1 и 47^2, то первая изъ нихъ имѣетъ въ виду проступокъ открытія кассы ссудъ (т. е. выдачи денегъ подъ залогъ движимости) безъ надлежащаго разрѣшенія, вторая же преслѣдуетъ нарушеніе подобными ростовщиками правилъ 24 Апрѣля 1879 года.

48 ст. За хожденіе, безъ надлежащаго дозволенія, съ книгами или образами для сбора на церкви, монастыри и другія богоугодныя заведенія, когда при томъ не было мошенничества (ст. 174, п. 2, 175 и 176), виновные, сверхъ отобранія собранныхъ денегъ, подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

48[1] ст. За писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, а также за торговлю такими предметами, лица нехристіанскихъ вѣроученій, сверхъ отобранія всѣхъ найденныхъ у нихъ предметовъ означеннаго рода, подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

По точному смыслу 48 статьи хожденіе, безъ надлежащаго дозволенія, преслѣдуется въ томъ случаѣ, когда сборщикъ ходилъ съ книгами или образами, потому что разрѣшеніе требуется для хожденія съ цѣлью сбора пожертвованіи именно съ книгами или образами, простой же сборъ пожертвованій не наказуемъ. Равнымъ образомъ не наказуемъ по 48 ст. сборъ пожертвованій, безъ надлежащаго дозволенія, не на церкви, монастыри и другія богоугодныя заведенія, а, напр., для какого либо бѣднаго семейства. Выманиваніе денегъ съ цѣлью присвоенія подъ видомъ благотворительныхъ приношеній наказывается какъ мошенничество, какъ указываетъ ссылка въ 48 статьѣ на ст. 174 — 176 Мир. Устава. Статья же 48[1] взята изъ Выс. утв. мн. Гос. Сов. 15 Янв. 85 года (Собр. узак. 85 г. № 253).

49 ст. За прошеніе милостыни, по лѣни и привычкѣ къ праздности, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ недѣль до одного мѣсяца.

50 ст. За прошеніе милостыни съ дерзостью и грубостью, или съ употребленіемъ обмановъ, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

51 ст. За допущеніе къ прошенію милостыни дѣтей,

виновные въ томъ родители или другія лица, обязанные имѣть о нихъ попеченіе, подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Въ случаѣ обращенія сего проступка въ ремесло, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Три послѣднія статьи 3-й главы Мироваго Устава занимаются вопросомъ о нищенствѣ. Изъ содержанія этихъ статей явствуетъ, что нищенство, само по себѣ, не наказуемо; оно наказывается лишь въ томъ случаѣ, когда является результатомъ лѣни и привычки къ праздности, или же когда соединено съ дерзостью и грубостью или съ употребленіемъ обмановъ; послѣдняя же статья наказываетъ лицъ, допустившихъ дѣтей просить милостыню. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ проступковъ.

1. *Прошеніе милостыни по лѣни и привычкѣ къ праздности*. Наказывая по 49 ст., судъ долженъ установить, что обвиняемый просилъ милостыню, не будучи вынужденнымъ къ тому необходимостью, а по лѣни и привычкѣ къ праздности. Какъ установить наличность этого признака, обращающаго дѣяніе изъ ненаказуемаго въ наказуемое? Нѣкоторыя внѣшнія особенности могутъ помочь въ этомъ отношеніи: такъ, напр., дряхлость, болѣзни, увѣчья, разные физическіе недостатки, дѣлающіе человѣка неспособнымъ къ труду, даютъ полное основаніе для предположенія, что обвиняемый нищенствуетъ не по лѣни и привычкѣ къ праздности, а въ силу тяжкой необходимости заработывать себѣ пропитаніе прошеніемъ милостыни. На оборотъ, по отношенію къ подсудимымъ молодымъ и полнымъ силъ можетъ возникнуть предположеніе, что это прошеніе милостыни вызвано лишь лѣнью и привычкою къ праздности, и хотя бываютъ такія обстоятельства, которыя вынуждаютъ и способнаго къ работѣ просить милостыню, какъ-то: временное отсутствіе работы, стеченіе неблагопріятныхъ случайностей и т. п., но въ существованіи этихъ обстоятельствъ въ

данномъ случаѣ — обвиняемый долженъ убѣдить судъ, такъ какъ внѣшніе признаки говорятъ противъ него.

Нерѣдко случается встрѣчать между нищими, неспособными къ труду по физическимъ недостаткамъ, лицъ, которымъ молва, подчасъ подкрѣпленная и доказательствами, приписываетъ обладаніе капиталомъ, накопленнымъ путемъ прошенія милостыни и дающимъ возможность жить обезпеченно и безъ прошенія милостыни. Спрашивается: можетъ ли прошеніе милостыни подобными лицами быть подводимо подъ 49 ст. Мир. Устава? На нашъ взглядъ, отвѣтъ долженъ быть отрицательный въ виду того, что статья эта преслѣдуетъ прощеніе милостыни по лѣни и прывычкѣ къ праздности, но нищій, хотя бы и капиталистъ, не можетъ обвиняться въ этихъ порокахъ, когда физическіе недостатки лишаютъ его возможности трудиться и праздность его вынужденная, а не по привычкѣ, прошеніе же милостыни лицами обезпеченными, но лишенными возможности трудиться—не предусмотрѣно 49-ю статьею. За то тѣмъ строже слѣдуетъ преслѣдовать подобныхъ нищихъ въ томъ случаѣ, если они позволятъ себѣ нарушеніе 50-й ст. Мир. Устава.

2. *Прошеніе милостыни съ дерзостью и грубостью или съ употребленіемъ обмановъ.* Дерзость и грубость, дѣлающія прошеніе милостыни тоже наказуемымъ, понятія довольно опредѣленныя; подъ нихъ нельзя —съ одной стороны—подводить усиленное клянчанье, упорное приставанье въ формѣ вѣжливой и просительной, съ другой же стороны, для признанія обращенія нищаго дерзкимъ и грубымъ нѣтъ необходимости въ установленіи факта нанесенія имъ личныхъ оскорбленій тому лицу, къ которому онъ обратился: достаточно, если будетъ доказано, что при прошеніи милостыни нищій старался дѣйствовать не только на чувство состраданія, но тономъ настойчиво—требовательнымъ, путемъ насмѣшекъ или угрозъ старался добиться полученія милостыни, или же недобрыми пожеланіями мстилъ за неполученіе ея. Виновность его, конечно, усиливается, если прошеніе милостыни соединено съ личными оскорбленіями, бранными словами и т. п.

Употребленіе обмановъ при прошеніи милостыни сходно съ обманами вообще, преслѣдуемыми 174 статьею Мир. Уст., а въ особенности съ выманиваніемъ денегъ подъ видомъ благотворительныхъ приношеній (п. 2 ст. 174), различіе же ихъ заключается въ томъ, что обманы, преслѣдуемые 2-мъ пунктомъ 174 ст. Уст. о нак., имѣютъ цѣлью вовлеченіе кого либо въ невыгодную *сдѣлку* по имуществу или вообще такое заполученіе отъ кого либо денегъ или вещей, при которомъ обманываемый не руководствовался чувствомъ состраданія къ обманщику и этотъ послѣдній не старался возбудить это чувство и не просилъ милостыни; такъ что тѣ „благотворительныя приношенія", выманиваемыя путемъ обмана у потерпѣвшаго, о которыхъ говоритъ 2 п. 174 ст. Уст., должны только служить предлогомъ и быть выпрашиваемы не въ пользу самого обвиняемаго, а для кого либо третьяго, обращаемы же должны быть въ пользу обвиняемаго. Характерный же признакъ 50-й статьи тотъ, что деньги должны быть выпрашиваемы, какъ милостыня, въ пользу самого обвиняемаго. Но подъ дѣйствіе 50-й ст. не слѣдуетъ подводить тѣ лживые разсказы о небывалыхъ своихъ несчастіяхъ или объ особыхъ своихъ добродѣтеляхъ, путемъ которыхъ (т. е. разсказовъ) нищіе нерѣдко стараются подѣйствовать на сердце благотворителя: подобные нищенскіе пріемы правильнѣе подводить не подъ 50-ю ст. Уст. о нак., а подъ дѣйствіе житейской пословицы: „не любо—не слушай, а врать не мѣшай". Уголовно же наказуемымъ слѣдуетъ считать употребленіе такихъ обмановъ при прошеніи милостыни, которые выражаются въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ именно къ возбужденію чувства состраданія: подвязываніе рукъ, обматываніе тряпками несуществующихъ ранъ, вообще выставленіе внѣшнихъ признаковъ несуществующихъ болѣзней, физическихъ недостатковъ или увѣчій, представленіе себя обремененнымъ дѣтьми при помощи чужихъ дѣтей, взятыхъ на прокатъ,—вотъ тѣ обманы, которые преслѣдуетъ 50-я ст. Мир. Уст., Сенатъ причисляетъ къ нимъ и именованіе себя чужимъ именемъ (рѣш. 74 г. № 513), хотя подобное именова-

ніе себя чужимъ именемъ, на нашъ взглядъ, можетъ быть подводимо подъ 50-й ст. въ томъ лишь случаѣ, если обвиняемый принималъ при томъ какія либо мѣры съ цѣлью убѣдить въ томъ благотворителя.

За представленіе при прошеніи милостыни ложныхъ свидѣтельствъ о бѣдности обвиняемый подлежитъ наказанію по 300 ст. Улож. (Сен. рѣш. 74 г. № 513). Равнымъ образомъ изъято изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій прошеніе милостыни въ томъ случаѣ, если у нищаго „найдено будетъ оружіе или поддѣльные ключи, отмычки и другія т. п. орудія (ст. 984 Улож. о нак.).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что хотя 50-я ст. говоритъ объ обманахъ, но что ст. 175 и 176 Мир. Уст., — имѣющія въ виду обстоятельства особо увеличивающія и уменьшающія вину обманщика, — не могутъ быть примѣняемы при дѣйствіи 50-й ст., такъ какъ въ статьяхъ этикъ каттегорически выражено, что онѣ могутъ быть примѣняемы лишь при дѣйствіи ст. 173 и 174 Уст. о нак.

3. *Допущеніе къ прошенію милостыни дѣтей.* Статья 51 заключаетъ въ себѣ два проступка, различающіеся между собою болѣе серьезно, на нашъ взглядъ, нежели это можно предположить, не всматриваясь глубже въ смыслъ 50 статьи. Первая часть ея преслѣдуетъ простое допущеніе, часть же вторая —допущеніе *въ видѣ ремесла,* и вотъ эта то послѣдняя прибавка весьма существенно измѣняетъ—какъ мы увидимъ ниже — составъ самаго проступка.

Запрещается 51-ю статьею допущеніе къ прошенію милостыни дѣтей; спрашивается, прежде всего, говоритъ ли эта статья о нищенствѣ вообще, или о томъ нищенствѣ, которое преслѣдуется 49-ю статьею? Г. Неклюдовъ утверждаетъ, что „преступнымъ является только то нищенство, которое не вызывается крайнею необходимостью“. Проступокъ, вызываемый крайнею необходимостью, не подлежитъ—въ силу 10 ст.—наказанію, въ чемъ бы онъ ни заключался, — это не подлежитъ сомнѣнію, но нельзя утверждать, что прошеніе милостыни по

лѣни и привычкѣ къ праздности и прошеніе милостыни въ состояніи крайней необходимости исчерпывало бы всѣ случаи прошенія милостыни, особенно дѣтьми, и намъ кажется, что законъ, говоря въ 49-й ст. о прошеніи милостыни по лѣни и привычкѣ къ праздности, исключаетъ возможность преслѣдованія прошенія милостыни по другимъ мотивамъ, говоря же въ ст. 51-й о допущеніи дѣтей просить милостыню, безъ всякой оговорки о мотивахъ этого нищенства, законъ требуетъ наказанія допущенія дѣтей просить милостыню во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ случаевъ ненаказуемости, указанныхъ въ 10 ст. Мир. Устава. По нашему мнѣнію, противорѣчія между статьями 49 и 51, такъ понимаемыми, не будетъ, ибо, преслѣдуя въ людяхъ сформировавшихся выяснившіеся уже пороки—лѣнь и привычку къ праздности, — законъ наказываетъ людей, обязанныхъ имѣть попеченіе о малолѣтнихъ, за возникающую вслѣдствіе ихъ небрежности возможность развитія въ дѣтяхъ — именно вслѣдствіе нищенства — порочныхъ наклонностей и наказываетъ сравнительно съ 49-ю статьею очень легко.

Допущеніе значитъ доставленіе возможности вслѣдствіе пассивнаго отношенія къ дѣлу; поэтому слѣдуетъ подвергать отвѣтственности за допущеніе дѣтей просить милостыню не въ томъ только случаѣ, когда дитя нищенствуетъ съ вѣдома обвиняемаго и съ его согласія, но и тогда, когда дитя просило милостыню и безъ вѣдома обвиняемаго, такъ какъ подобное невѣденіе доказываетъ, что ребенокъ остается безъ присмотра и руководительства и допущенъ до прошенія милостыни, благодаря небрежному отношенію къ нему обвиняемаго; допустить—не значитъ разрѣшить и допущеніе слѣдуетъ понимать какъ поставленіе ребенка въ возможность или въ необхедимость просить милостыню, за что и должно отвѣчать лицо, обязанное имѣть о немъ попеченіе.

Изъ числа этихъ лицъ статья 51-я называетъ только родителей; кромѣ родителей должны имѣть попеченіе о дѣтяхъ сиротахъ—опекуны и вообще лица, у которыхъ они живутъ и подъ постояннымъ надзоромъ которыхъ они находятся; къ чи-

слу этихъ лицъ г. Неклюдовъ причисляетъ и „наставниковъ, учителей и воспитателей“; намъ кажется, что такое толкованіе выраженія „лица, обязанныя имѣть о нихъ попеченіе“—слишкомъ широко: учителя, напр., не могутъ считаться „обязанными имѣть попеченіе“ о дѣтяхъ, которымъ они даютъ уроки, внѣ класснаго времени и занятій, и привлекать ихъ къ отвѣтственности за допущеніе просить милостыню дѣтей, имѣющихъ родителей, врядъ ли будетъ согласно съ закономъ. Наставники—выраженіе равносильное учителю, по поводу же „воспитателей“ нужно сказать, что трудно представить себѣ случай прошенія милостыни ребенкомъ, имѣющимъ особаго воспитателя. Вообще это перечисленіе представляется намъ нѣсколько поспѣшнымъ.

Допущеніе просить милостыню возможно и въ присутствіи лица, обязаннаго имѣть надзоръ за ребенкомъ, причемъ надо отличать этотъ случай отъ случая простого нахожденія ребенка при просящихъ милостыню матери или отцѣ, вынужденныхъ необходимостью брать ребенка съ собою, но не допускающихъ его просить милостыню.

Вторая часть 51-й ст. говоритъ объ обращеніи „сего проступка“—т. е. допущенія — въ ремесло. Подъ ремесломъ понимаются—въ переносномъ смыслѣ—всѣ тѣ дѣйствія даннаго лица, къ которымъ оно умышленно и систематически прибѣгаетъ какъ къ источнику дохода и на которыя оно смотритъ какъ на средства къ жизни, поэтому понятіе ремесла,—какъ чего то активнаго—съ понятіемъ допущенія по небрежности, вслѣдствіе пассивнаго отношенія къ дѣлу, не совмѣстимо, и вторую часть 51-й статьи Мир. Устава слѣдуетъ примѣнять къ тѣмъ лишь случаямъ, когда является доказаннымъ, что обвиняемый посылалъ дѣтей просить милостыню, смотря на это, какъ на источникъ дохода. Изъ вышеизложеннаго видно, насколько существенна разница въ проступкахъ, предусматриваемыхъ первымъ и вторымъ пунктами 51-й ст., чѣмъ и оправдывается та громадная разница въ наказаніяхъ, установленныхъ Мировымъ Уставомъ за простое допущеніе дѣтей просить милостыню и за допущеніе этого въ видѣ ремесла.

Примѣненіе 1-й ч. 9-й ст. къ проступкамъ ст. 49 — 51 не можетъ имѣть мѣста, хотя и по разнымъ причинамъ: ненамѣренное прошеніе милостыни не можетъ имѣть мѣста, какъ не можетъ быть ненамѣреннаго добыванія дохода путемъ посылки дѣтей просить милостыню, такъ что намѣреніе входитъ непремѣннымъ элементомъ въ составъ этихъ проступковъ, допущеніе же, преслѣдуемое по 1-й ч. 51-й ст., наказывается именно какъ небрежность, какъ неисполненіе особой обязанности, возложенной закономъ, поэтому примѣненіе въ данномъ случаѣ 1-й ч. 9-й ст. не должно быть — въ виду 2-й ч. той же 9-й статьи.

ГЛАВА IV.

О проступкахъ противъ общественнаго благоустройства.

52 ст. За засариваніе рѣкъ, каналовъ, источниковъ или колодцевъ, бросаніемъ въ нихъ камней, песку и тому подобныхъ веществъ, отъ которыхъ не можетъ послѣдовать порчи воды, а равно за неисполненіе обязанности чистить колодцы и содержать ихъ въ исправности, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

52[1] ст. За производство, безъ предварительнаго разрѣшенія мѣстнаго горнаго начальства, въ предѣлахъ установленнаго для охраненія минеральныхъ источниковъ и цѣлебныхъ грязей округа охраны, буровыхъ и подземныхъ работъ, а также работъ по увеличенію притока воды въ источникахъ, собиранію и распредѣленію ея, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Тому же наказанію подвергаются лица, приступившія въ предѣлахъ округа охраны къ возведенію новыхъ построекъ, къ устройству фабрикъ и заводовъ, къ сплошной

рубкѣ лѣса или къ производству земляныхъ работъ (канавъ, колодцевъ, погребовъ), безъ соблюденія правила относительно заявленія о томъ, въ установленный срокъ, мѣстному начальству.

Статья 52-я Мир. Уст. имѣетъ въ виду самый, такъ сказать, невинный изъ проступковъ противъ чистоты рѣкъ, источниковъ и вообще воды, а именно случай „засариванія" или бросанія въ нихъ такихъ веществъ, „отъ которыхъ не можетъ послѣдовать порчи воды"; порча же воды преслѣдуется по 111 ст. и наказывается болѣе строго, а учиненная съ умысломъ „нанести вредъ общественному здравію" наказывается уже по Улож. о нак. Наконецъ, особый видъ засариванія рѣкъ или каналовъ проведеніемъ въ нихъ подземныхъ трубъ отъ помойныхъ ямъ, заводовъ или отхожихъ мѣстъ преслѣдуется 53-ю статьею Мир. Уст.

52-я ст., какъ помѣщенная въ главѣ „о проступкахъ противъ *общественнаго благоустройства*", имѣетъ въ виду воду, не состоящую въ исключительномъ чьемъ либо частномъ владѣніи, а являющуюся собственностью общественною, или же предназначенную для общественнаго пользованія; такъ, напр., нельзя привлечь къ отвѣтственности по этой статьѣ частнаго владѣльца засаривающаго принадлежащій исключительно ему прудъ, вырытый имъ для своего собственнаго употребленія и расположенный въ саду его, недоступномъ для посторонней публики; конечно, такой владѣлецъ можетъ не только засаривать свой прудъ, но и совсѣмъ его засыпать. Замѣчаніе это распространяется и на колодцы, такъ какъ исправное или неисправное содержаніе колодца, вырытаго для исключительнаго пользованія его владѣльца, не можетъ служить предметомъ полицейскаго наблюденія, такъ что неисполненіе обязанности чистить и содержать въ исправности колодцы преслѣдуется по 52 ст. въ томъ лишь случаѣ, когда такой колодезь предназначается для общественнаго употребленія. Другое дѣло *порча* воды; она преслѣдуется безразлично отъ того, принадлежитъ ли вода исключительно частному лицу, или нѣтъ; достаточно

только установить, что эту воду берутъ для внутренняго употребленія (ст. 111). Различие это вытекаетъ изъ того, что ст. 52 преслѣдуетъ цѣли общественнаго благоустройства, статья же 111-я заботится о народномъ здравіи. Точно такъ же преслѣдуетъ неогороживаніе колодцевъ, хотя бы и частныхъ, ст. 124-я въ цѣляхъ огражденія личной безопасности.

52-я ст. преслѣдуетъ не бросаніе въ рѣки, каналы и т. д. камней, песку и т. п., а *засариваніе* воды путемъ бросанія этихъ веществъ; слѣдовательно, бросаніе въ рѣку камней, песку и т. п. не въ такомъ размѣрѣ, что бы послѣдствіемъ этого бросанія явилось засариваніе рѣки или канала и т. д. — не можетъ влечь за собою примѣненіе 52-й статьи.

Слѣдуетъ замѣтить еше, что къ 1-й части 52-й статьи 1-я часть 9-я статьи примѣнима, ко 2-й же части 52-й ст., начинающейся со словъ „а равно за неисполненіе обязанности" и т. д.—не можетъ быть примѣняема въ виду того, что 2-я ч. 52-й ст. подходитъ подъ дѣйствіе 2-го п. 9-й ст. и, слѣдовательно, неисполненіе обязанности чистки колодца, хотя бы и по небрежности, подлежитъ наказанію денежнымъ взысканіемъ и не можетъ быть наказываемо выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ.

Ст. 52^1 взята изъ Выс. утв. мн. Гос. Сов. отъ 19 Февраля 1885 года (Собр. узак. 85 г. № 275); дѣйствіе ея распространяется лишь на „округа охраны" минеральныхъ источниковъ и цѣлебныхъ грязей, признанныхъ Высочайшими указами имѣющими общественное значеніе; границы же округовъ охраны опредѣляются Министромъ Госуд. Имуществъ и представляются на Высочайшее утвержденіе. Утвержденіе это состоялось уже 18 Апрѣля 1886 года и въ губерніяхъ Царства Польскаго слѣдующіе минеральные источники признаны имѣющими общественное значеніе: бусскіе — въ Кѣлецкой губ. и цѣхоцинскіе—въ Варшавской губ.

53 ст. За проведеніе подземныхъ трубъ отъ помойныхъ ямъ, заводовъ или отхожихъ мѣстъ въ городскія трубы, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

Въ случаѣ проведенія такихъ трубъ въ рѣки или каналы, виновные подвергаются тому же взысканію вдвое.

Первая часть 53-й ст. говоритъ только о городскихъ трубахъ и поэтому преслѣдуетъ проступокъ, могущій быть совершеннымъ исключительно въ городѣ. Вторая часть этой статьи можетъ имѣть болѣе широкое примѣненіе; содержаніе ея весьма ясно и не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній, какъ ясно и отличіе ея отъ ст. 52 и 111-й.

54 ст. За неосвѣщеніе или неисправное освѣщеніе улицъ, обязанныя къ тому лица, независимо отъ уплаты стоимости освѣщенія, подвергаются:

денежному взысканію не свыше одного рубля съ каждаго фонаря.

Статья эта можетъ быть примѣняема лишь къ тѣмъ лицамъ, которыя обязаны освѣщать улицы; кто именно эти лица —впередъ установить нельзя, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ лицами этими являются домовладѣльцы, въ другихъ же случаяхъ — городское управленіе оставляетъ за собою обязанность освѣщенія улицъ или же сдаетъ ее съ торговъ на извѣстныхъ условіяхъ; вопросъ этотъ подлежитъ разрѣшенію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на основаніи собранныхъ по дѣлу данныхъ; во всякомъ же случаѣ слѣдуетъ признать, что отвѣтственнымъ по 54 ст. лицомъ является не фонарщикъ, несвоевременно зажегшій фонарь, или вовсе его не зажегшій, а то лицо, на обязанности котораго лежитъ заботиться объ исправномъ освѣщеніи улицъ; фонарщикъ можетъ быть отвѣтственнымъ передъ этимъ лицомъ, но передъ закономъ отвѣчаетъ само это лицо.

Подъ неисправнымъ освѣщеніемъ слѣдуетъ понимать не только позднее зажиганіе фонарей или раннее ихъ тушеніе, но и всѣ небрежности, влекущія за собою плохое освѣщеніе, какъ напр., дурной матеріалъ, небрежное содержаніе фонарей, грязныя стекла и т. п.; освѣщеніе съ такими принадлежностями не можетъ считаться исправнымъ освѣщеніемъ.

Укажемъ, наконецъ, что подъ выраженіе „улица" можно подводить и переулки и площади, разъ что обязанность освѣщенія переулковъ или площадей установлена, а затѣмъ нарушена; по отношенію же къ наказанію замѣтимъ, что въ виду точнаго смысла 54-й ст. нельзя взыскивать болѣе одного рубля за каждый неосвѣщенный фонарь, какъ бы ни былъ великъ срокъ времени неисправнаго освѣщенія до привлеченія виновнаго къ отвѣтственности, такъ какъ 54-ю статьею не дается право налагать взысканіе не свыше одного рубля съ каждаго фонаря за какой либо опредѣленный періодъ времени, а взысканіе это опредѣлено вообще за проступокъ, какъ бы долго онъ ни длился до возбужденія уголовнаго преслѣдованія.

55 ст. За несоблюденіе правилъ о чистотѣ и опрятности на улицахъ, а равно за допущеніе бродить по нимъ скотъ тамъ, гдѣ это воспрещено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше одного рубля.

55-я ст. тоже имѣетъ въ виду внѣшнее благоустройство и говоритъ о чистотѣ и опрятности „на улицахъ" и о недопущеніи бродить „по нимъ" скотъ тамъ, гдѣ это воспрещено. Вся 55-я ст. имѣетъ въ виду только города, такъ какъ условія сельской жизни дѣлаютъ невозможнымъ примѣненіе правилъ этой статьи къ деревнямъ и посадамъ, населеннымъ рольниками (землепашцами). Разбираемая нами статья, при ея буквальномъ примѣненіи, не возбуждаетъ дальнѣйшихъ сомнѣній, но на практикѣ сомнѣнія эти явились вслѣдствіе подведенія подъ дѣйствіе этой статьи проступка несоблюденія чистоты на дворахъ и въ ретирадныхъ мѣстахъ.

Проступокъ этотъ подводится подъ 55-ю статью въ виду того, — какъ изложено въ рѣшеніи Сената за 72 г. № 1359,— что ст. 1091 Улож. 57 г., предусматривавшая этотъ проступокъ, вошла въ ст. 55-ю. Въ рѣшеніи этомъ ошибочно приведена ст. 56—вмѣсто 55-й, — что повело за собою на практикѣ подведеніе проступка неисправнаго содержанія дворовъ и отхожихъ мѣстъ подъ дѣйствіе 56-й статьи, вслѣдствіе чего Сенатъ нашелся вынужденнымъ особымъ циркулярнымъ указомъ

разъяснить, что помѣщеніе 56-й статьи въ рѣшеніи этомъ явилось послѣдствіемъ лишь типографской ошибки. И такъ, проступокъ этотъ слѣдуетъ подводить, по мнѣнію Сената, подъ 55 статью Мир. Устава. Но, по нашему мнѣнію, проступокъ этотъ по составу своему вовсе не подходитъ подъ дѣйствіе этой статьи, чѣмъ, отчасти, можно объяснить и ту легкость, съ которою суды стали подводить — согласно Сенатскому рѣшенію — неисправное содержаніе дворовъ подъ 56-ю статью, не думая, чтобы это была только опечатка. Дѣйствительно, ст. 55-я говоритъ исключительно объ улицахъ, какъ же, спрашивается, подводить подъ нее, безъ особой натяжки, дворы и отхожія мѣста?

Натяжка эта тѣмъ болѣе очевидна, что 2-я ч. 55-й ст. запрещаетъ допущеніе бродить „по нимъ" скотъ, между тѣмъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что по дворамъ скоту бродить не воспрещается и воспрещать не предполагается и, слѣдовательно, понятіе улицы нельзя толковать при примѣненіи 55-й статьи такъ широко, чтобы признавать улицами дворы и отхожія мѣста. Несомнѣнно, что и подъ 56-ю статью проступокъ этотъ не подходитъ, почему и слѣдуетъ признать, что въ виду неустановленія особаго въ Уставѣ наказанія за неисправное содержаніе дворовъ и отхожихъ мѣстъ, а также въ виду того, что на обязанности полиціи лежитъ — въ цѣляхъ санитарныхъ — наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ дворовъ и отхожихъ мѣстъ, проступокъ неисправнаго ихъ содержанія подходитъ подъ дѣйствіе 29 ст. (въ особыхъ же случаяхъ — ст. 102) Уст. о нак. въ случаѣ неисполненія виновнымъ требованія полиціи объ очисткѣ въ опредѣленный срокъ двора или ретираднаго мѣста. Сенатъ въ томъ же рѣшеніи признаетъ возможность подведенія этого проступка и подъ 29 ст., но при указаніи имъ возможности подведенія этого проступка и подъ 55 ст. является противорѣчіе съ другими его рѣшеніями, правильно разъясняющими, что подъ 29 ст. Мир. Уст. можно подводить проступки, непредусмотрѣнные другими статьями Устава. Принятіе нашего взгляда устраняетъ это противорѣчіе.

По отношенію къ проступку неисправнаго содержанія дворовъ и отхожихъ мѣстъ возбуждается вопросъ: долженъ ли отвѣчать за этотъ проступокъ всегда только домовладѣлецъ? Сенатъ—въ рѣш. 72 г. № 493—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, разъясняя, что „законъ (845 и 846 ст. XIII Т. Св. Зак. Уст. Врачеб.) возлагаетъ на отвѣтственность домовладѣльцевъ содержаніе чистоты въ дворахъ и принятіе мѣръ, предписанныхъ для предотвращенія развитія эпидемій и затѣмъ за неисполненіе сей обязанности уголовной отвѣтственности должны подвергаться домовладѣльцы; заключеніе хозяиномъ дома условія объ исполненіи сихъ обязанностей посторонними лицами можетъ имѣть послѣдствіемъ лишь отвѣтственность этихъ лицъ предъ хозяиномъ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, но не уничтожаетъ отвѣтственности самихъ хозяевъ предъ закономъ“. На нашъ взглядъ, рѣшеніе это врядъ ли правильно разрѣшаетъ возбужденный вопросъ, и признаніе отвѣтственнымъ за неисправное содержаніе двора или отхожихъ мѣстъ всегда только домовладѣльца—не можетъ быть признано основательнымъ. Предположимъ, напр., что домовладѣлецъ постоянно живетъ заграницею и, имѣя въ домѣ постоянное отвѣтственное лицо, довольствуется полученіемъ отчетовъ и доходовъ; неужели привлекать къ отвѣтственности этого домовладѣльца, и не повлечетъ ли эта за собою съ одной стороны—нарушеніе 15 ст. Уст. уг. суд., — что каждый отвѣчаетъ лишь за проступки имъ совершенные, — съ другой же стороны будетъ имѣть послѣдствіемъ своимъ цѣлую массу проволочекъ и формальностей, соединенныхъ со врученіемъ повѣстокъ и копій заочныхъ приговоровъ лицамъ, проживающимъ заграницею. Намъ кажется, что къ отвѣтственности въ подобномъ случаѣ слѣдуетъ привлекать лицо, облеченное домовладѣльцемъ властью управленія домомъ и обязанностью слѣдить за содержаніемъ его въ чистотѣ и порядкѣ. Подобныя лица не могутъ ссылаться на заключенные ими съ посторонними лицами договоры объ очисткѣ домовъ и отхожихъ мѣстъ, ибо, живя на мѣстѣ, они имѣютъ полную возможность слѣдить

за правильнымъ исполненіемъ ими договоровъ. „Гражданскуя" же отвѣтственность этихъ лицъ передъ домовладѣльцами или ихъ уполномоченными, о которой говоритъ приведенное выше Сенатское рѣшеніе, не слѣдуетъ понимать распространительно: приговоренный къ денежному взысканію домовладѣлецъ не можетъ, на нашъ взглядъ, требовать судебнымъ порядкомъ возмѣщенія этого штрафа третьимъ лицомъ, обязавшимся очищать дворъ и отхожія мѣста, такъ какъ допускать противное значило бы давать возможность домовладѣльцу слагать съ себя наказаніе, наложенное на него судомъ; гражданская отвѣтственость третьяго лица должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что домовладѣлецъ, присужденный къ очисткѣ двора и позаботившійся объ этой очисткѣ, имѣетъ право требовать отъ контрагента возмѣщенія убытковъ, отъ того происшедшихъ.

Укажемъ еще, что, по нашему мнѣнію, привлекать къ отвѣтственности за неисправное содержаніе дворовъ и отхожихъ мѣстъ можно и того арендатора недвижимости, въ исключительномъ фактическомъ владѣніи котораго состоитъ арендуемая имъ недвижимость отсутствующаго собственника.

56 ст. За свозъ мусора, нечистотъ или палаго скота не въ назначенное для того мѣсто, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехъ рублей съ каждаго воза или каждой скотины.

Для примѣненія этой статьи необходимо установить, что назначено было надлежащею властью особое мѣсто для своза мусора, нечистотъ или палаго скота, и что свезены были эти предметы не въ назначенное мѣсто. Оставленіе же палаго скота вовсе не закопаннымъ ближе подходитъ подъ дѣйствіе 112 ст. Мир. Устава, какъ непринятіе мѣръ предосторожности противъ заразы скота и скотскихъ падежей.

57 ст. За охоту, а также рыбную или иную ловлю въ запрещенное время, въ недозволенныхъ мѣстахъ, запрещенными способами, или безъ соблюденія предписанныхъ правилъ, равно какъ за разореніе птичьихъ гнѣздъ, или

продажу дичи, добытой въ недозволенное время, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Примѣчаніе 1. Дѣйствіе сей статьи, относительно лова рыбы, не распространяется на тѣ мѣстности, для которыхъ постановлены особыя по сему предмету правила.

Примѣчаніе 2. Правила о наказаніяхъ за нарушеніе постановленій о общественномъ хозяйствѣ Уральскаго казачьяго войска при семъ приложены.

57[1] ст. Опредѣленному въ 57-й ст. взысканію и, сверхъ того, отобранію всей добычи подвергаются виновные въ нарушеніи правилъ о производствѣ Уствинскаго тюленьяго промысла. Означенное взысканіе опредѣляется съ каждой лодки, въ которой находились нарушители.

Изъ проступковъ, предусматриваемыхъ 57-ю статьею Мир. Устава, одна только рыбная ловля въ запрещенное время и т. д. подлежитъ взысканію по 57-й ст., такъ какъ незаконная охота, предусматриваемая этою статьею, предусмотрѣна и „Правилами охоты для губерній Царства Польскаго", Выс. утв. 23 Іюня 1871 года; дѣла же о нарушеніи этихъ Правилъ въ силу п. 10 Выс. утв. Прав. 6 Авг. 1876 года — „вѣдаются на основаніи правилъ о подсудности, мировыми или общими судебными установленіями, *съ соблюденіемъ особыхъ постановленій по наложенію взысканій, изложенныхъ въ главѣ V означенныхъ правилъ*". Подчеркнутыя нами слова приводятъ къ тому убѣжденію, что судебныя установленія, при разсмотрѣніи дѣлъ о нарушеніяхъ правилъ охоты должны руководствоваться — при опредѣленіи наказаній — этими правилами, такъ какъ V глава ихъ и содержитъ въ себѣ карательный кодексъ за нарушенія правилъ охоты, т. е. главнымъ образомъ именно наказанія за охоту въ запрещенное время, въ недозволенныхъ мѣстахъ, запрещенными способами или безъ соблюденія предписанныхъ правилъ, а также за разореніе птичьихъ гнѣздъ и за продажу дичи, добытой въ недозволенное время. Такимъ образомъ, глава V Правилъ охоты 23 Іюня 1871 года предусматриваетъ всѣ проступки по охотѣ, перечисленные въ 57-й

ст. Мир. Уст., а такъ какъ — въ силу Прав. 6 Авг. 1876 года —при разсмотрѣніи этого рода дѣлъ должны быть соблюдаемы „особыя постановленія (V-й главы) по наложенію взысканій", то слѣдуетъ придти къ тому заключенію, а), что устанавливаемое 57-ю статьею Мир. Уст. наказаніе не можетъ быть примѣняемо къ нарушеніямъ Правилъ охоты вообще, б), что въ данномъ случаѣ нельзя утверждать, будто 57-я ст., какъ законъ позднѣйшій, отмѣнила V главу Правилъ охоты, и в), что за проступки, перечисленные въ 57-й ст., наказаніе слѣдуетъ назначать —по отношенію къ охотѣ — по Правиламъ охоты 1871 года.

Обратимся же къ ближайшему разсмотрѣнію „Правилъ охоты".

Охота въ запрещенное время. Въ § 15 Правилъ сказано: для сохраненія дичи въ періодъ ея размноженія въ извѣстное время года охота вовсе воспрещается: а) на лосей, оленей, и дикихъ козъ съ 1-го Ноября по 1-е Сентября; б) на зайцевъ, глухарей, тетеревей, рябчиковъ, куропатокъ, дрофъ съ 15-го Февраля по 1-е Августа; в) на перелетныхъ птицъ, какъ-то: журавлей, цапель, куликовъ, коростелей, бекасовъ, дупелей, цибисовъ, водяныхъ курочекъ, голубей, перепелокъ, дроздовъ, жаворонковъ, гусей, утокъ, нырковъ съ 1-го Апрѣля по 1-е Іюля". Въ § 16 сказано: „кабановъ, а также самцевъ: глухарей тетеревей, рябчиковъ и вальдшнеповъ на тягѣ, дозволяется стрѣлять круглый годъ въ одиночку и облавами". Въ § 17: „хищныхъ звѣрей и птицъ, какъ-то: медвѣдей, волковъ, барсуковъ, лисицъ, дикихъ кошекъ, рысей, выдръ, куницъ, ласточекъ, орловъ, ястребовъ и т. п. дозволяется стрѣлять круглый годъ и истреблять всякими средствами". Въ § же 18 сказано, —что „пѣвчихъ птицъ и питающихся насѣкомыми, въ особенности же соловьевъ, ни подъ какимъ предлогомъ стрѣлять и ловить не дозволяется". За всякую—въ запрещенное время—охоту, звѣриную и птичью ловлю, кромѣ истребленія хищныхъ звѣрей или птицъ, виновный подвергается штрафу: въ 1-й разъ —10 р., во 2-й разъ — 20 р., а въ 3-й разъ — 40 р.; за ловлю

или истребленіе пѣвчихъ птицъ, въ особенности соловьевъ, виновные подвергаются денежному штрафу отъ 1 до 10 рублей за каждую (§§ 50 и 51).

Охота въ недозволенныхъ мѣстахъ. Право производить охоту предоставляется лицамъ, имѣющимъ во владѣніи въ одной окружной межѣ не менѣе 150 морговъ земли (§ 1). Запрещается пользованіе охотою и рыбною ловлею на чужой землѣ иначе какъ по письменному дозволенію владѣльца (§ 5). Лица, уличенныя въ охотѣ на собственныхъ земляхъ, пространство коихъ составляетъ менѣе 150 морговъ земли, подвергаются: 1-й разъ—предостереженію и замѣчанію; 2-й разъ—денежному штрафу въ 10 р., 3-й — такому же штрафу въ 25 р. и отобранію оружія и собаки (§ 43). Охота на чужихъ земляхъ безъ дозволенія влечетъ за собою въ 1-й разъ—5 р. штрафа, во 2-й 15 р. въ 3-й же разъ — 25 р. съ отобраніемъ ружья и собаки.

Самовольная охота въ звѣринцахъ или огороженныхъ мѣстахъ наказывается какъ воровство (§ 46).

Охота запрещенными способами. Способы воспрещенные закономъ суть слѣдующіе: а) петли, тенета, западни, силки, крючки и всякого рода отрава; б) капканы, поставленные не для истребленія хищныхъ звѣрей и притомъ въ мѣстахъ, угрожающихъ опасностью мѣстнымъ жителямъ (§ 22). Въ видѣ исключенія дозволяется ловля куропатокъ зимою тенетами для разведенія—по особымъ письменнымъ разрѣшеніямъ. Наказаніе за охоту запрещенными способами — денежное взысканіе отъ 1 р. 50 к. до 10 р. или арестъ отъ 3 до 7 дней съ отобраніемъ и уничтоженіемъ снастей или снарядовъ. За охоту въ ночное время или при огненномъ освѣщеніи — штрафъ отъ 10 до 40 р. (§§ 55 и 56).

Охота безъ соблюденія предписанныхъ правилъ. Частныя облавы дѣлаются не иначе, какъ съ вѣдома мѣстной полицейской власти (§ 29). За облаву, устроенную безъ вѣдома полиціи—штрафъ отъ 5 до 25 р. (§ 57).

Раззореніе птичьихъ гнѣздъ — преслѣдуется арестомъ отъ одного до трехъ дней (§ 50), а продажа дичи въ воспрещенное

для охоты время наказывается какъ и самая охота въ воспрещенное время съ конфискаціею привезенной на продажу дичи (§ 53).

Независимо отъ вышеизложеннаго, Правила охоты преслѣдуютъ штрафомъ отъ 50 к. до 3 р. выпускъ собакъ въ лѣсъ или поле безъ хозяина, привязи палки или веревки.

Половина денежныхъ штрафовъ за исчисленныя выше нарушенія идетъ въ пользу доносителя.

Проступокъ же охоты безъ надлежащаго свидѣтельства подлежитъ вѣдѣнію администраціи, въ виду § 47 Правилъ и 110 ст. Полож. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. округу.

Что же касается рыбной ловли, то въ губерніяхъ Царства Польскаго не существуетъ по отношенію къ ней особыхъ правилъ, которыя такъ же нормировали бы рыбную ловлю, какъ Правила 23 Іюня 1871 года нормируютъ охоту и ловлю птицъ и звѣрей.

ГЛАВА V.

О нарушеніяхъ устава о паспортахъ.

58 ст. За необъявленіе или невѣрное показаніе хозяину или завѣдывающему домомъ о перемѣнѣ жительства, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такое объявленіе установлено, жильцы подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

59 ст. За необъявленіе полиціи въ срокъ о прибывшихъ въ домъ или выбывшихъ изъ него, хозяева или завѣдывающіе домомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ установлено объявлять объ этомъ, подвергаются:

денежному взысканію за каждый просроченный день не свыше пятидесяти копѣекъ, но во всякомъ случаѣ, въ общемъ итогѣ взысканія, не болѣе пятнадцати рублей.

Виновные въ томъ содержатели гостинницъ и тому подобныхъ заведеній подвергаются:

денежному взысканію за каждый просроченный день не свыше одного рубля, но во всякомъ случаѣ не болѣе тридцати рублей.

Примѣчаніе. Въ городахъ Ригѣ и Вильнѣ, взыскиваемыя по статьямъ 58 и 59 деньги поступаютъ на покрытіе издержекъ города по устройству адреснаго стола.

59[1] ст. За необъявленіе въ столицахъ о прибывающихъ и выбывающихъ, виновные въ томъ содержатели гостинницъ и тому подобныхъ заведеній подвергаются:

денежному взысканію отъ одного до пяти рублей за каждый просроченный день, но во всякомъ случаѣ, въ общемъ итогѣ взысканія, не болѣе ста пятидесяти рублей.

60 ст. За проживательство въ столицахъ безъ адреснаго билета или съ просроченнымъ билетомъ, а равно безъ внесенія платы на больницу чернорабочихъ, лица обязанныя къ тому закономъ, подвергаются, въ пользу городскихъ доходовъ, независимо отъ внесенія слѣдовавшихъ съ нихъ денегъ:

денежному взысканію не свыше тройнаго адреснаго сбора, или тройной платы за больницу.

61 ст. За отлучку или проживательство безъ установныхъ видовъ, тамъ гдѣ они требуются, или же съ видами просроченными или ненадлежащими, виновные, независимо отъ внесенія слѣдовавшей съ нихъ платы, подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати копѣекъ за каждый день, но во всякомъ случаѣ, въ общемъ итогѣ взысканія, не болѣе десяти рублей.

Такому же взысканію подвергаются виновные въ держаніи у себя человѣка безъ вида на жительство, или же съ видомъ просроченнымъ или ненадлежащимъ.

61[1] ст. За проживательство въ городахъ Харьковѣ и Кронштадтѣ, безъ внесенія установленнаго больничнаго сбора, лица обязанныя къ тому закономъ, подвергаются, независимо отъ внесенія слѣдовавшей съ нихъ платы, денежному взысканію, въ статьѣ 60 сего Устава опредѣлен-

ному. Виновные же въ держанiи у себя такихъ лицъ подлежатъ отвѣтственности по ст. 61-й сего же Устава. Въ обоихъ случаяхъ взысканныя деньги, въ городѣ Харьковѣ, обращаются въ пользу городской больницы, а въ городѣ Кронштадтѣ — причисляются къ капиталу на устройство городской больницы.

62 ст. За отлучку за границу безъ взятiя установленнаго паспорта, виновные, по возвращенiи, подвергаются, независимо отъ внесенiя установленнаго сбора:

денежному взысканiю не свыше тройной за паспортъ платы.

Это правило не распространяется на тѣ случаи, въ которыхъ виновные м гутъ подлежать болѣе строгому наказанiю за преступныя дѣйствiя, совершенныя ими прежде отлучки за границу, или во время оной.

Изъ всей V-й гл. Мир Уст. ближайшему разсмотрѣнiю нашему будутъ подлежать лишь ст. 63 и 64, изъ остальныхъ же статей этой главы, преслѣдующихъ нарушенiя Уст. о паспортахъ, разсмотрѣнiе ст. 59[1], 60 и 61[1] выходитъ изъ предѣловъ постановленной нами себѣ задачи, такъ какъ статьи эти имѣютъ въ виду проступки, могущiя имѣть мѣсто исключительно въ столицахъ (ст. 59[1] и 60) или же въ городахъ Харьковѣ и Кронштадтѣ (ст. 61[1]). Остальныя статьи (58, 59, 61 и 62) говорятъ о нарушенiяхъ Паспортнаго Устава съ употребленiемъ выраженiй: „тамъ гдѣ установлено" соблюденiе извѣстнаго правила (ст. 58 и 59), „установленный" для проживательства или выѣзда за границу паспортъ (ст. 61 и 62); поэтому, для признанiя статей этихъ подлежащими примѣненiю и въ губернiяхъ Царства Польскаго, слѣдовало бы установить, что тѣ правила, отступленiе отъ которыхъ преслѣдуется статьями 58, 59 и 62, существуютъ и въ губернiяхъ Царства Польскаго.

Правила эти всего ближе было бы искать въ Уставѣ о паспортахъ, но такого общаго устава—подобнаго Уставу о паспортахъ, имѣющемуся для губернiй Имперiи—въ Привислянскихъ губернiяхъ нѣтъ, а правила о паспортахъ помѣщены въ

Томахъ Днев. Зак.: 35 (Указъ 5-го Іюля 1844 года о заграничныхъ паспортахъ), 44 (Указъ 27 Ноября 51 г. объ измѣненіи Правилъ 5 Іюля 1844 года и „Уставъ о снабженіи письменными видами жителей Царства Польскаго, отправляющихся въ Имперію Выс. утв. 27-го Февр. 51 г.), 45 (Постан. Сов. Упр. Царства отъ 29 Авг. 1852 г. въ развитіе 11-й ст. Выс· Ук. 27 Нояб. 51 г.), 50 (Ук. 13 Нояб. 1856 г.—въ отмѣну 2 и 3 п. п. ст. 1 Выс. Ук. 27 Нояб. 51 г.) и 51 (Указъ 16-го Окт. 1857 г. объ измѣненіи оснований 5-й ст. Выс. Ук. 27-го Ноября 51 г.) Такимъ образомъ въ Дневникѣ Законовъ имѣются лишь правила о паспортахъ, выдаваемыхъ въ случаѣ отправленія кого либо за границу или же въ Имперію, а правилъ о паспортахъ, для проживанія въ губерніяхъ Царства Польскаго въ Дневникѣ Законовъ не существуетъ. Но существуютъ „Паспортныя правила отъ 2 (14) Августа 1865 года“, утвержденныя Намѣстникомъ Царства на время военнаго положенія и „дополнительныя паспортныя правила“, утвержденныя Намѣстникомъ 13 (25) Декабря того же 1865 года. Правила эти, по соглашенію Варшавскаго Генералъ-Губернатора съ Министромъ Внутрен. Дѣлъ и Шефомъ жандармовъ, оставлены въ своей силѣ впредь до рѣшенія вопроса о порядкѣ наложенія денежныхъ штрафовъ на жителей губерній Царства Польскаго за нарушенія существующихъ постановленій о паспортахъ, и распоряженіе это 7 Іюля 1878 года получило Высочайшее утвержденіе. Разсмотрѣніе же содержанія этихъ паспортныхъ правилъ приводитъ къ тому заключенію, что отступленія отъ нихъ, преслѣдуемыя ст. 58, 59 и 61-й Мир. Уст., изъяты изъ вѣдомства судебныхъ установленій въ силу 110-й ст. Полож. о прим.

Дѣйствительно, въ пунктѣ т. ст. 106 Пол. о губ. и уѣздн. упр. сказано, что „коллегіальному разсмотрѣнію и производству въ присутствіи Уѣзднаго Управленія подлежатъ наложенія штрафовъ въ административномъ порядкѣ—между прочимъ—и за нарушенія паспортныхъ правилъ“. Выше при разсмотрѣніи 1-й ст. Мир. Уст.—мы уже видѣли, какое значеніе

слѣдуетъ, согласно разъясненію Правит. Сената, придавать 110 статьѣ Полож. о примѣн. и въ какомъ смыслѣ ее понимать. Въ этомъ Указѣ Сената отъ 20 Марта 1884 года разъяснено, что подъ упомянутыми въ 110 ст. Пол. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр. административными и казенными управленіями слѣдуетъ разумѣть управленія, поименованныя въ прилож. къ ст. 1149 и 1239 Уст. уг. суд. изд. 76 г. (ст. 1124 и 1214 Уст. уг. суд. Имп. Ал. II), и что дѣла о нарушеніи правилъ благоустройства и благочинія — подсудныя до судебной реформы въ губерніяхъ Царства Польскаго полиціи—нельзя считать изъятыми изъ вѣдомства судебныхъ установленій. Но уѣздныя управленія слѣдуетъ несомнѣнно признавать учрежденіемъ не только полицейскимъ, но и административнымъ, дѣла же о нарушеніяхъ Паспортнаго Устава подходятъ подъ понятіе проступковъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ выраженіе это употреблено въ ст. 1214 Уст. угол. суд.; это видно и изъ того, что въ этомъ же отдѣленіи, трактующемъ о судопроизводствѣ по проступкамъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія, говорится—въ 1220 ст.—о нарушеніяхъ Паспортнаго Устава. Далѣе, изъ содержанія Правилъ 65 года видно, что никто не можетъ оставаться болѣе 24 часовъ въ одномъ мѣстѣ безъ предъявленія подлежащему полицейскому управленію своего паспорта; домовладѣльцы обязаны требовать предъявленія видовъ отъ всѣхъ лицъ, останавливающихся въ ихъ домѣ на какой бы то ни было срокъ; за правильность же видовъ лицъ останавливающихся въ гостинницахъ, на постоялыхъ дворахъ и т. п. — отвѣчаютъ содержатели сихъ заведеній: отвѣтственность всѣхъ этихъ лицъ опредѣлена въ ст. 52 и 60 Пасп. прав., а наложеніе взысканій возложено на Уѣздныя Управленія. Изъ вышеизложеннаго и слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что нарушенія ст. 58, 59 и 61 Мир. Уст. изъято — въ силу 110 ст. Пол. о пр. — изъ вѣдомства судебныхъ установленій губерній Царства Польскаго.

То же слѣдуетъ сказать и о 62-й ст. Мир. Уст., по отно-

шенію къ которой послѣдовало въ 1879 году рѣш. Угол. Кас. Деп. Прав. Сен. № 21, подробно разъясняющее причины признанія дѣлъ о самовольной отлучкѣ за границу изъятыми изъ вѣдомства судебныхъ установленій губерній Царства Польскаго. Въ рѣшеніи этомъ установлено: а), что „при изданіи Высочайшаго Указа 13 Сентября 1876 года имѣлось въ виду лишь замѣнить постановленія, содержавшіяся въ Улож. о нак. изданномъ въ 1847 году для Царства Польскаго, постановленіями общаго для всей Имперіи Уложенія 1866 года, но не распространить дѣйствіе послѣдняго всецѣло и на губерніи Царства Польскаго, а такъ какъ въ Уложеніи 1847 года не были предусмотрѣны нарушенія казенныхъ уставовъ, въ томъ числѣ и таможеннаго, то Указъ 13 Сентября 1876 года вовсе не коснулся этихъ нарушеній, въ виду чего въ Указѣ и сдѣлана оговорка, что и по замѣнѣ Уложенія 1847 года Уложеніемъ 1866 года въ губеніяхъ Царства Польскаго продолжаютъ дѣйствовать особыя узаконенія, Уставы и правила, несогласованныя еще съ соотвѣтственными постановленіями, дѣйствующими въ другихъ губерніяхъ Имперіи“; б), что „судебныя мѣста Варшавскаго судебнаго округа, по дѣламъ о нарушеніяхъ Таможеннаго Устава, обязаны руководствоваться Таможеннымъ Уставомъ 1857 года, а не статьями особенной части Уложенія или Устава о наказаніяхъ“, и в), что въ виду ст. 110-й Пол. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр. и ст. 1167 Тамож. Уст. и примѣчанія къ ней, дѣла о лицахъ, виновныхъ въ тайномъ переходѣ или переѣздѣ черезъ границу Царства Польскаго, не входятъ въ кругъ вѣдомства судебныхъ мѣстъ и подлежатъ разсмотрѣнію Таможеннаго Управленія.

63 ст. За самовольное оставленіе мѣста, назначеннаго для жительства по законному распоряженію судебной или правительственной власти, а равно за самовольное возвращеніе въ мѣста, изъ коихъ виновные высланы, они подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Независимо отъ взысканія, виновные возвращаются въ мѣста, опредѣленныя имъ для жительства.

Тому же наказанію подвергаются также должники, виновные въ нарушеніи подписки о невыѣздѣ изъ мѣста жительства или временнаго нахожденія, данной суду на основаніи правилъ гражданскаго судопроизводства.

Для подведенія дѣянія подъ 63 статью необходимо установить, что мѣсто было назначено виновному для жительства по *законному* распоряженію, т. е., что назначеніе мѣста жительства послѣдовало вслѣдствіе распоряженія компетентной административной власти или же вошедшаго въ законную силу приговора *надлежащаго* судебнаго мѣста. Слѣдовательно, при обсужденіи виновности обвиняемаго по 63-й ст. Мир. Уст., судебныя установленія обязаны входить въ разсмотрѣніе законности распоряженія о назначеніи виновному опредѣленнаго мѣста жительства; тоже самое слѣдуетъ сказать и о дѣлахъ по обвиненіи въ самовольномъ возвращеніи виновнаго въ мѣсто, изъ коего онъ высланъ.

Подъ дѣйствіе 63-й ст. подходитъ и самовольная отлучка поднадзорныхъ изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства, въ силу прим. къ 52 ст. Выс. утв. 12 Марта 1882 г. Полож. о полицейскомъ надзорѣ, учрежденномъ по распоряженію административныхъ властей.

На практикѣ возбуждались—при примѣненіи 63 ст. Мир. Уст.—слѣдующіе вопросы:

Слѣдуетъ ли подводить подъ дѣйствіе 63 ст. отлучку заключенныхъ изъ мѣстъ заключенія? V глава Улож. о нак. изд. 1866 года говоритъ о взломѣ тюремъ, уводѣ или побѣгѣ находящихся подъ стражею или надзоромъ. Ст. 308-я говоритъ о взломѣ тюремъ; 309-я объ учиненіи побѣга съ общаго согласія и совокупными силами съ разломаніемъ двери, окна или же чего либо иного и съ употребленіемъ противъ стражей насилія; 312 ст. наказываетъ побѣгъ хотя бы и одного арестанта, но съ насиліемъ надъ стражею; побѣгъ же одного арестанта безъ всякого противъ стражи насилія не влечетъ за собою—по силѣ

той же 312 ст.—никакого особаго наказанія, а противъ такого арестанта принимаются лишь болѣе строгія мѣры содержанія. Въ виду этихъ статей Уложенія рѣшеніями Сената — за 74 г. № 586 и за 83 г. № 8—разъяснено, что наказаніе арестантовъ, содержащихся при волостныхъ правленіяхъ, за побѣгъ по 63-й ст. Мир. Уст., а также наказаніе по 63 ст. за побѣгъ изъ помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей—является исключеніемъ изъ общаго правила 312-й ст. Улож. о нак., установленнымъ статьею 23 Выс. утв. 4-го Іюля 1866 г. мн. Гос. Сов. Такъ какъ дѣйствіе Высоч. утв. 4 Іюля 1866 г. мн. Гос. Сов. нельзя считать распространяющимся и на гминныя управленія и такъ какъ особыхъ помѣщеній пока въ губерніяхъ Царства Польскаго для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей не существуетъ, то слѣдуетъ признать, что правило 312 ст. Улож. о нак. господствуетъ неограниченно въ сказанныхъ губерніяхъ, т. е. что лица, бѣжавшія изъ подъ ареста безъ насилія и безъ взлома—особому наказанію не подвергаются.

Подходитъ ли подъ дѣйствіе 63 ст. неисполненіе обязанности не отлучаться, безъ разрѣшенія мироваго судьи или судебнаго слѣдователя, изъ того округа или участка, гдѣ производится дѣло? Въ силу 76-й ст. Уст. угол. суд. никто изъ обвиняемыхъ не долженъ отлучаться, безъ разрѣшенія мироваго судьи, изъ того города или участка, гдѣ производится дѣло въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ; то же правило изложено по отношенію къ состоящимъ подъ слѣдствіемъ въ ст. 415; статьи же 77 п. 1 и 416 п. 1 говорятъ объ отобраніи отъ обвиняемаго подписки о неотлучкѣ. Г. Неклюдовъ (стр. 293 Руков.) полагаетъ, что въ отлучкѣ обвиняемаго, давшаго Мировому Судьѣ или Судебному Слѣдователю подписку о невыѣздѣ, заключаются всѣ признаки, требуемые 63-ю статьею; Правительствующій же Сенатъ—въ рѣш. 74 г. № 125—разъяснилъ, что „63 ст. Мир. Уст. можетъ быть примѣнена къ такимъ только лицамъ, которымъ по приговору суда или распоряженію административныхъ властей назначено извѣстное мѣстожительство,

но не къ тѣмъ лицамъ, которыя, будучи отданы подъ полицейскій надзоръ на мѣстѣ своего постояннаго жительства въ видахъ пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, отлучаются изъ онаго; сіи же послѣдніе могутъ подвергаться лишь тѣмъ послѣдствіемъ, которыя указаны въ Уставѣ угол. суд. относительно пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда". Рѣшеніе это ссылается на рѣшеніе 70 года № 248, въ которомъ высказано, что неисполненіе обязанности не отлучаться, безъ разрѣшенія мироваго судьи, изъ того округа или участка, гдѣ производится дѣло, можетъ имѣть только чисто процессуальныя послѣдствія и не подходитъ подъ дѣйствіе 63-й ст. Мир. Устава. Еще яснѣе высказался Сенатъ по этому вопросу въ рѣшеніи своемъ за 70 г. № 327, разъяснивъ, что 63 ст. Уст. о нак. относится до лицъ, коимъ приговорами судебныхъ или распоряженіями административныхъ властей назначено извѣстное мѣсто жительства. Смыслъ этой статьи — говоритъ Сенатъ—ясно опредѣляется второю частью оной, гдѣ оставленіе указаннаго мѣстопребыванія уподобляется возвращенію въ мѣста, изъ коихъ виновные высланы уполномоченными на то законными властями, поэтому статья эта не можетъ быть примѣнена къ выбытію изъ обыкновеннаго мѣста своего жительства, находящагося подъ слѣдствіемъ лица.

Мы, съ нашей стороны, признаемъ болѣе правильнымъ взглядъ Сената на томъ основаніи, что по отношенію къ перечисленнымъ выше статьямъ Уст. угол. суд. не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что обвиняемый не обязанъ бросать свое мѣсто жительства и переѣзжать въ городъ или участокъ, гдѣ производится дѣло если онъ въ немъ безъ того не живетъ, а только долженъ не мѣнять своего мѣстожительства, безъ разрѣшенія подлежащей власти; съ этимъ согласенъ и г. Неклюдовъ (Т. I Руков. стр. 361, 362), а при такомъ положеніи дѣла разница въ дѣяніи обвиняемаго, нарушившаго 76-й ст. Уст. угол. суд. и ст. 63 Мир. Уст.—очевидна.

Можетъ ли имѣть мѣсто укрывательства проступка 63 статьи? По этому вопросу Сенатъ — въ рѣш. 79 г. № 39 —

разъяснилъ, что обвиненіе въ укрывательствѣ лицъ, преслѣдуемыхъ по 63-й ст., вообще не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ укрывательства бѣглыхъ или безпаспортныхъ людей составляютъ особые виды предусмотрѣнныхъ въ 58—61 ст. Уст. о нак. нарушеній Устава о паспортахъ.

Можетъ ли быть примѣняема 63 ст. къ побѣгу лицъ, водворенныхъ въ Сибири? Сенатомъ — въ рѣш. за 79 г. № 64 (по Общ. Собр.)—высказано, что хотя 2 ч. 213 ст. Улож. о нак. говоритъ о побѣгѣ лицъ, сосланныхъ въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи *на житье*, но нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствію этой статьи должны подлежать всѣ удаленные въ Сибирь и учинившіе побѣгъ преступники, водворенію коихъ въ Сибирь предшествовалъ судебный приговоръ; примѣненіе же къ этимъ лицамъ 63-й ст. „представляется совершенно немыслимымъ, если принять въ соображеніе, что законъ этотъ замѣнилъ собою ст. 228, 555 и 556 Улож. о нак. изд. 1857 года, въ которыхъ о самовольныхъ отлучкахъ или побѣгахъ сосланныхъ въ Сибирь преступниковъ, лишенныхъ права состоянія по судебному приговору, очевидно нѣтъ рѣчи".

При разсмотрѣніи ст. 63 мы имѣли уже возможность указать, какіе случаи отлучекъ не подходятъ подъ 63-ю ст. Мир. Уст., теперь же замѣтимъ еще, что есть случай самовольнаго возвращенія, тоже наказываемый по Улож. о нак., а именно случай возвращенія приговоренныхъ къ высылкѣ за границу иностранцевъ, предусмотрѣнный ст. 314 Улож. о нак.

Послѣдняя часть ст. 63-й Мир. Уст. основана на 29-й ст. Прав. судопроизводства по дѣламъ о несостоятельности 1-го Іюля 1868 года, съ измѣненіями, внесенными въ нихъ мнѣніемъ Гос. Совѣта отъ 7 Марта 1879 года.

64 ст. За укрывательство лицъ, обвиняемыхъ передъ Мировымъ Судьею, а также присужденныхъ къ аресту или заключенію въ тюрьмѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Постановленія объ укрывательствѣ Уложенія о нак. и

Устава о нак. — различны. Въ силу ст. 14-й Уложенія о нак. укрывателями признаются „тѣ, которые, не имѣвъ никакого участія въ самомъ содѣяніи преступленія, только по совершеніи уже онаго завѣдомо участвовали въ сокрытіи или истребленіи слѣдовъ его, или же въ сокрытіи самихъ преступниковъ, или также завѣдомо взяли къ себѣ или приняли на сбереженіе, или же передали или продали другимъ похищенныя — или отнятыя у кого либо, или же инымъ противозаконнымъ образомъ добытыя вещи". И такъ, ст. 14 Улож. признаетъ укрывательствомъ и наказываетъ какъ пособничество въ преступленіи сокрытіе какъ слѣдовъ преступленія, такъ и самихъ преступниковъ, не различая притомъ, какое именно преступленіе укрывается; по Уставу же о нак. нал. мир. суд. укрывательство какъ соучастіе наказывается лишь въ нѣкоторыхъ проступкахъ и притомъ единственно укрывательство похищеннаго или добытаго противозаконно инымъ образомъ имущества, укрывательство же преступника выдѣляется въ особую (64) статью, а не наказывается какъ пособничество.

Преслѣдуя укрывательство, какъ соучастіе въ преступленіи, Уложеніе о нак. выдѣляетъ въ особыя статьи укрывательство лицъ, *присужденныхъ* уже: къ которжнымъ работамъ, къ ссылкѣ на поселеніе или на житье, къ работамъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, къ заключенію въ крѣпости, въ рабочемъ или смирительномъ домѣ (ст. 316), а также укрывательство бѣжавшихъ съ каторжныхъ работъ или съ поселенія или же изъ иныхъ мѣстъ заключенія (ст. 974); статья же 64-я Мир. Уст. преслѣдуетъ укрывательство лицъ, *обвиняемыхъ предъ Мировымъ Судьею.*

Для примѣненія 64-й ст. безразлично, въ какомъ именно проступкѣ *обвиняется* лицо, укрываемое виновнымъ;—необходимо лишь, чтобы проступокъ этотъ былъ подсуденъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, самое же укрывательство должно состоять въ *дѣйствіяхъ,* имѣющихъ цѣлью дать возможность обвиняемому или же присужденному къ аресту или къ заключенію въ тюрьмѣ укрыться отъ суда или отъ наказа-

нія. Слѣдовательно, не можетъ считаться укрывательствомъ ложное *заявленіе* о мѣстѣ нахожденія обвиняемаго: показаніе это, данное свидѣтелемъ по дѣлу, подлежитъ наказанію, какъ ложное показаніе, данное на судѣ подъ присягою или безъ присяги, данное же внѣ этихъ условій—ненаказуемо.

Равнымъ образомъ безразлично для правильнаго примѣненія 64-й ст., кѣмъ укрываемый преступникъ приговоренъ къ аресту или тюремному заключенію: общими или же мировыми судебными установленіями; мнѣніе это основывается какъ на буквальномъ смыслѣ 64 ст. Мир. Уст., такъ и на сопоставленіи ея со статьею 316 Улож. о нак., умалчивающею объ укрывательствѣ лицъ, присужденныхъ къ аресту или тюремному заключенію. Подъ дѣйствіе той же 64 ст. слѣдуетъ подводить и укрывательство бѣжавшихъ изъ подъ ареста или изъ тюрьмы, въ виду того, что 974 ст. Улож., равнымъ образомъ, объ этихъ лицахъ не упоминаетъ. Однакоже, укрывательство лицъ приговоренныхъ къ аресту или тюремному заключенію, хотя бы и гминнымъ судомъ, является неподсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ въ томъ случаѣ, когда виновнымъ въ укрывательствѣ является шкиперъ, завѣдомо принявшій къ себѣ на корабль преступника, въ намѣреніи увезти его съ собою (ст. 317 Улож.), что вытекаетъ изъ текста этой статьи, говорящей вообще о преступникахъ, безъ подраздѣленія ихъ на категоріи по степени угрожающаго имъ наказанія.

Какое бы наказаніе ни грозило „обвиняемому предъ мировымъ судьею", укрывательство его влечетъ за собою примѣненіе 64 ст.; укрывательство же лица, *приговореннаго* къ выговору, замѣчанію или внушенію или же денежному взысканію—не наказуемо.

Ненаказуемымъ же слѣдуетъ считать проступокъ 64-й ст. въ случаѣ совершенія его лицомъ, „состоящимъ съ укрываемымъ въ брачномъ союзѣ или близкихъ связяхъ родства или свойства или бывшаго благодѣтелемъ" укрывателя. Въ этихъ именно словахъ говоритъ 128-й ст. Улож. о ненаказуемости укрывательства преступленій, предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ

о нак.; неоднократными же рѣшеніями Сената разъяснено, что хотя 128-й ст. Улож. не повторяется въ Мир. Уставѣ, но если она относится къ важнымъ преступленіямъ, то тѣмъ болѣе сила ея распространяется на маловажные проступки, указанные въ Мировомъ Уставѣ. Въ первой же части 128-й ст. Улож. о нак. подробно перечислены лица, не подлежащія наказанію за укрывательство, это именно: дѣти и вообще нисходящіе по прямой линіи—за укрывательство своихъ родителей или восходящихъ,—родители и восходящіе по прямой линіи, супруги, родные братья и сестры, свойственники до второй степени включительно, а также получившій отъ укрываемаго воспитаніе или инымъ образомъ облагодѣтельствованный имъ.

Въ судебной практикѣ возбуждался и два раза восходилъ на разрѣшеніе Сената вопросъ о преступности дѣянія, заключающагося въ принятіи на себя имени присужденнаго къ аресту и отбытіи за него наказанія. Сенатъ—въ рѣш. Общ. Собр., 79 г. № 65—высказалъ, что „такое дѣяніе совмѣщаетъ въ себѣ всѣ указанные въ 14-й ст. Улож. о нак. признаки укрывательства преступника, и такъ какъ укрываемая была приговорена мировымъ судьею къ аресту, то дѣяніе укрывательницы подлежитъ преслѣдованію по 64-й ст. Уст. о нак. Подводить дѣяніе обвиняемой подъ дѣйствіе 1416 и 1418 ст. Улож. о нак. нѣтъ основанія, такъ какъ первая изъ сихъ статей предусматриваетъ случай самостоятельнаго именованія себя именемъ чужой фамиліи, въ видахъ удовлетворенія тщеславія, въ чемъ обвиняемая не обвиняется, а вторая говоритъ о присвоеніи не принадлежащаго виновному имени фамиліи для совершенія какого либо болѣе или менѣе важнаго обмана, чего тоже въ данномъ случаѣ не усматривается, такъ какъ въ принятіи обвиняемою фамиліи приговоренной къ аресту выразилось исключительно одно укрывательство ея отъ ареста“.

Тотъ же взглядъ высказалъ Сенатъ и въ рѣшеніи своемъ за 83 г. № 8 — по дѣлу Мурашева, подговорившаго Галкина ложно назваться его именемъ и отбыть за него арестъ, къ коему онъ былъ приговоренъ мировыми судебными установле-

ніями. По отношенію къ подстрекателю, Мурашеву, Сенатъ высказалъ, что „наказанію, опредѣленному въ 63 ст., — въ силу 23-й ст. временныхъ правилъ о помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей—могутъ подлежать лица, подвергнутыя уже заключенію"; примѣненіе же 63 ст. къ лицу, не подвергнутому сему заключенію — не можетъ имѣть мѣста. Далѣе Сенатъ разъяснилъ что „уклоненіе отъ исполненія состоявшагося по отношенію къ какому либо лицу судебнаго приговора или рѣшенія, если таковое уклоненіе не сопровождалось никакимъ особымъ съ его стороны дѣйствіемъ, самостоятельно влекущимъ за собою отвѣтственность по уголовнымъ законамъ, не составляетъ само по себѣ никакого преступленія или проступка, такъ какъ порядокъ исполненія судебныхъ приговоровъ и рѣшеній подчиняется особымъ, установленнымъ въ законѣ, правиламъ. Изъ фактовъ же, установленныхъ приговорами Мироваго Судьи и Съѣзда, видно, что уклоненіе Мурашева отъ исполненія состоявшагося о немъ приговора мироваго судьи выразилось въ томъ лишь, что онъ подговорилъ крестьянина Галкина назваться его именемъ и подъ этимъ именемъ отбыть наложенное на Мурашева приговоромъ судьи наказаніе. Но такое дѣйствіе со стороны Мурашева не можетъ подлежать наказанію, такъ какъ совершенный Галкинымъ, по подговору Мурашева, проступокъ составляетъ одинъ изъ видовъ укрывательства осужденнаго, наказуемый по 64-й ст. Уст. о нак., на которую, какъ было уже разъяснено Прав. Сенатомъ, распространяется дѣйствіе ст. 128 Улож. о нак. Если же въ силу 128 ст. Улож. близкіе родственники обвиняемаго или осужденнаго не могутъ подлежать наказанію за укрывательство такого лица, въ уваженіе единственно чувства родства, связывающаго ихъ съ лицомъ укрываемымъ, то несомнѣнно не можетъ считаться виною и подлежать наказанію укрывательство обвиняемымъ или осужденнымъ самого себя, а слѣдовательно, немыслимо и наказуемое по закону участіе съ его стороны въ этомъ дѣяніи, подъ какимъ бы видомъ участіе это ни выразилось".

Хотя укрывательство лицъ можетъ имѣть причиною своею не только корыстную цѣль, но и всякаго рода личныя отнешенія къ обвиняемому или потерпѣвшему или даже возникать изъ личныхъ свойствъ характера укрывателя — и все таки подходить подъ дѣйствіе 64 ст. Мир. Уст., однакоже изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы укрывательство лица, учиненное съ корыстною цѣлью, предусматривалось на 64, а 172 ст Уст. о нак., какъ это—неизвѣстно въ силу какихъ соображеній и вопреки даже рѣшенію своему за 72 г. № 148 — призналъ Сенатъ въ рѣшеніи своемъ за 71 г. № 547. Отсутствіе въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи какихъ либо соображеній и существованіе позднѣйшаго рѣшенія, опровергающаго взглядъ рѣшенія предъидущаго побуждаютъ исключить это рѣшеніе 71 года — даже помимо несоотвѣтствія его съ точнымъ смысломъ 64 и 172 ст. Уст. о нак.—изъ числа руководящихъ Сенатскихъ рѣшеній.

ГЛАВА VI.

О нарушеніяхъ Уставовъ Строительнаго и путей сообщенія.

65 ст. За постройку или наружную перестройку зданія безъ надлежащаго дозволенія, когда оно требуется закономъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Строительный Уставъ, дѣйствующій въ губерніяхъ Имперіи (XII Т. Св. Зак.) не имѣетъ силы въ губерніяхъ Царства Польскаго за исключеніемъ г. Варшавы, по отношенію къ которой онъ получилъ обязательную силу съ 22 Іюня 1870 года (Выс. утв. журн. Ком. по дѣламъ Царства Польскаго). Въ остальныхъ же городахъ Варшавскаго судебнаго округа дѣйствуютъ „Правила Строительной Полиціи для городовъ“, составленныя Правительственною Коммисіею Внутреннихъ Дѣлъ и

Духовныхъ и утвержденныя Княземъ Намѣстникомъ въ Царствѣ 30 Сентября 1820 года. Это признано и рѣшеніемъ Общ. Собр. I-го и Кас. Деп. Прав. Сен. за 1884 г. № 10, которымъ опредѣлено „признать, что дѣйствующія въ Царствѣ Польскомъ строительныя правила не отмѣнены передачею управленія строительною частью Министерству Внутреннихъ Дѣлъ". Кромѣ этихъ правилъ дѣйствуетъ еще предписаніе б. Правитель. Ком. Внутр. и Дух. Дѣлъ отъ 6 Февр. 1859 года „о мѣрахъ предосторожности при отстройкѣ сгорѣвшихъ городовъ и возведеніи въ городахъ новыхъ строеній". Хотя въ предписаніи этомъ говорится о „предположенномъ Правительственною Коммисіею изданіи новыхъ правилъ Строительной Полиціи, для предотвращенія несчастныхъ происшествій отъ случающихся столь часто пожаровъ, а равно для доставленія жителямъ свѣжаго и здороваго воздуха и сухихъ помѣщеній",— но до настоящаго времени правила эти не изданы, а остаются въ силѣ Правила 20 года и временныя правила 59 года, посады же и селенія остаются вовсе безъ правилъ Строительной Полиціи.

Разсмотримъ же эти правила, дѣйствующія въ губерніяхъ Царства Польскаго и сопоставимъ ихъ со статьями Мироваго Устава, имѣющими въ виду нарушенія этихъ правилъ.

Согласно 2-й ст. Общихъ Правилъ 1820 года, „каждый намѣревающійся возвести новое строеніе обязанъ представить планъ, т. е. подробный чертежъ дома, предположеннаго къ постройкѣ, а также ситуаціонный планъ мѣстности и прилегающихъ къ оной мѣстъ, для исходатайствованія утвержденія, безъ котораго воспрещается начинать, а тѣмъ болѣе производить постройку". Въ статьѣ же 18-й Прав. сказано: „каждый предполагающій произвести измѣненія въ наружномъ либо внутреннемъ устройствѣ дома обязанъ заявить о своемъ намѣреніи въ мѣстномъ управленіи для удостовѣренія въ присутствіи экспертовъ, могутъ ли быть произведены эти измѣненія, безъ нарушенія пропорціи или причиненія опасности въ расположеніи постройки".

Приведенныя выше статьи соотвѣтствуютъ статьямъ 322 и 324 Уст. Строит. (Т. XII Св. Зак.), въ которыхъ сказано: въ 1-й—„частныя постройки въ городахъ производятся не иначе, какъ съ дозволенія мѣстнаго начальства", а во 2-й—„каждый владѣлецъ, желающій приступить къ постройкѣ или исправленію на принадлежащемъ ему мѣстѣ строеній, обязанъ получить на то установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе". Разрѣшеніе построекъ зависитъ и въ губерніяхъ Царства Польскаго отъ Губернскихъ Правленій: въ Положеніи о губерн. и уѣздн. Управл. въ губ. Ц. Польс. Высоч. утв. 19 Декабря 1866 года сказано: „разсмотрѣнію и разрѣшенію Губернскаго Правленія, подъ предсѣдательствомъ Губернатора, подлежатъ: утвержденіе плановъ и смѣтъ на постройку, починку и исправленіе зданій городскихъ и проч., а равно дозволеніе постройки всякаго рода промышленныхъ, фабричныхъ и частныхъ зданій въ городахъ (ст. 34 п. IV).

Рѣшеніями Правит. Сената — въ разъясненіе 65 ст. Мир. Устава—установлены слѣдующія положенія:

а) Перестройка дома, хотя бы и съ разрѣшенія полиціи и по плану, составленному архитекторскимъ помощникомъ, но не утвержденному Строительнымъ Отдѣленіемъ Губернскаго Правленія, подходитъ подъ дѣйствіе 65-й ст. Мир. Уст. (рѣш. 68 г. № 440), б) отвѣтственность за возведеніе постройки, несогласной съ даннымъ отъ Строительнаго Отдѣленія планомъ, не уничтожается и въ томъ случаѣ, когда впослѣдствіи было получено разрѣшеніе на сохраненіе таковой постройки (рѣш. 70 г. № 421); в) для примѣненія 65 статьи необходимо признаніе подсудимаго виновнымъ въ постройкѣ или передѣлкѣ чего либо безъ надлежащаго дозволенія, требуемаго закономъ, а вовсе не производство построекъ вопреки смыслу договора, заключеннаго между собственникомъ земли и обвиняемымъ (рѣш. 69 г. № 335), и г) такъ какъ за нарушеніе ст. 322-й Уст. Стр. (о производствѣ частныхъ построекъ не иначе, какъ съ надлежащаго разрѣшенія) положено въ законѣ особое наказаніе ст. 65 Мир. Уст., то наказаніе слѣдуетъ опредѣлять виновному въ

нарушеніи 322 ст. не по 29 ст. Уст. о нак., а по ст. 65-й того же Устава (рѣш. 71 г. № 307).

Въ практикѣ Прав. Сената возбуждался еще вопросъ объ устройствѣ передвижныхъ лавочекъ, и хотя въ рѣшеніи своемъ за 71 г. № 1512 Сенатъ призналъ, что перенесеніе передвижной лавочки съ одного мѣста на площади на другое—безъ разрѣшенія мѣстной полиціи — правильно подведено судомъ подъ дѣйствіе ст. 65 Уст. о нак. и, такимъ образомъ, косвенно какъ-бы призналъ, что и проступокъ возведенія такой лавочки предусматривается 65 статьею Мир. Уст., но въ позднѣйшемъ рѣшеніи своемъ—80 г. № 33—Сенатъ разъяснилъ, что вопроса этого въ сказанномъ рѣшеніи 71 года онъ не касался, и что „ближайшее соображеніе заключающихся въ Стр. Уставѣ постановленій должно привести къ убѣжденію, что всѣ они относятся до строеній въ собственномъ и буквальномъ значеніи этого слова, т. е. до различнаго рода неподвижныхъ зданій и построекъ, жилыхъ и нежилыхъ, съ ихъ принадлежностями и оградами, но не до сооруженій подвижныхъ или переносныхъ". „Отсюда слѣдуетъ придти къ тому заключенію", — говоритъ далѣе въ томъ же рѣшеніи Сенатъ, — „что въ законѣ не установлено особыхъ правилъ собственно для устройства подвижныхъ торговыхъ помѣщеній и что къ строеніямъ, на которыя распространяются правила Строительнаго Устава, передвижныя лавочки относимы быть не могутъ". Въ виду этихъ соображеній Сенатъ призналъ, что постановка подвижной лавочки на базарной площади безъ надлежащаго разрѣшенія подходитъ подъ дѣйствіе не 65, а 29 ст. Мир. Устава.

Въ Правилахъ Строительной Полиціи губерній Царства Польскаго тоже не упоминается ничего о передвижныхъ лавочкахъ, но существуетъ распоряженіе Прав. Ком. Внутр. и Дух. Дѣлъ отъ 7 Авг. 1844 года, въ коемъ постановлено, что „отнынѣ во всѣхъ безъ изъятія городахъ не дозволяется никому на тротуарахъ, въ какой бы то ни было улицѣ, а также въ сѣняхъ домовъ мѣстъ продажи, будокъ, сундуковъ, столиковъ и т. д. (ст. 1), и что „будки со съѣстными припасами и

всякаго рода товарами могутъ быть устраиваемы только на площадяхъ или мѣстахъ, предназначенныхъ исключительно подъ рынокъ".

Что отступленіе отъ этого постановленія должно быть наказываемо — это не подлежитъ сомнѣнію, но затѣмъ возбуждается вопросъ: наказывать ли это нарушеніе по 4 п. Постан. (2 р. штрафа и конфискація товара), или же—по 29-й ст. Мир. Устава? На нашъ взглядъ, разсматриваемое нарушеніе заключаетъ въ себѣ проступокъ неисполненія законнаго распоряженія административной власти, почему и должно быть подводимо подъ дѣйствіе 29 ст. Мир. Уст. Затѣмъ возбуждается еще вопросъ: подлежитъ ли уголовному преслѣдованію перенесеніе будки съ одного мѣста площади, предназначенной исключительно подъ рынокъ, на другое—безъ надлежащаго дозволенія? По нашему мнѣнію, дѣйствіе это, взятое само по себѣ и не влекущіе за собою никакихъ другихъ послѣдствій, могущихъ вредно отразиться на внѣшнемъ порядкѣ,—не наказуемо, но если въ предъявленномъ обвиненіи въ ослушаніи законнаго распоряженія полиціи объ оставленіи будки на прежнемъ мѣстѣ указано будетъ, что распоряженіе это было вызвано необходимостью избѣжать нарушеніе внѣшняго порядка: стѣсненіе прохода или проѣзда и т. п., то такое неисполненіе подлежитъ наказанію по 29 ст. Мир. Уст., причемъ провѣрка *основательности* даннаго распоряженія не входитъ въ кругъ обязанностей суда при примѣненіи 29 й ст. Уст. о нак.

66 ст. За нарушеніе техническихъ и другихъ о постройкахъ правилъ, предписанныхъ въ Уставѣ Строительномъ и въ изданныхъ установленнымъ порядкомъ мѣстныхъ постановленіяхъ, виновные въ томъ подвергаются:

когда допущенное нарушеніе угрожаетъ личной безопасности — денежному взысканію не свыше ста рублей, а въ прочихъ случаяхъ — такому же взысканію не свыше пятидесяти рублей.

66[1] ст. За нарушеніе постановленій, относящихся до сооруженій и работъ вблизи линій желѣзныхъ дорогъ, ви-

новные, въ случаѣ неисполненія требованія закона подвергнутъ уничтоженію или перенесенію все произведенное въ противность означенныхъ постановленій, по сдѣланномъ имъ о томъ полиціею или управленіемъ желѣзной дороги напоминаніи, подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

Содержаніе 66-й ст. Мир. Уст. указываетъ, что нѣкоторыя правила, изъ устанавливаемыхъ Строительнымъ Уставомъ, имѣютъ въ виду огражденіе личной безопасности, другія же преслѣдуютъ цѣли внѣшняго благоустройства; нарушеніе правилъ перваго рода влечетъ за собою болѣе строгое денежное взысканіе (100 р.), нежели нарушеніе правилъ втораго рода (50 р.), поэтому въ практическомъ отношеніи весьма важно разграниченіе нарушеній правилъ Строительнаго Устава и выдѣленіе нарушеній правилъ, установленныхъ въ огражденіе личной безопасности. Подробное разграниченіе проступковъ, подходящихъ подъ правила, изложенныя въ 66-й ст., предоставлено было — при введеніи Судебныхъ Уставовъ 20-го Ноября 1864 г. — взаимному соглашенію Главноуправляющаго путями сообщенія, Министра юстиціи и Главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Результатомъ этого соглашенія явилась записка „о подробномъ разграниченію проступковъ, подходящихъ подъ 66 ст. Уст. о нак.“. Обязательность этой записки для мировыхъ судебныхъ установленій при примѣненіи 66 ст. Мир. Уст. указана цѣлымъ рядомъ Сенатскихъ рѣшеній, но въ 1885 году состоялось (8 Января) Выс. утв. мн. Гос. Сов., въ первомъ пунктѣ котораго установлена новая—выше приведенная — редакція 66 ст., во второмъ же пунктѣ сказано: „Возложенное Высочайше утвержденнымъ 20 Ноября 1864 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта на Министровъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ и на Главноуправлявшаго бывшимъ вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи порученіе относительно подробнаго разграниченія проступковъ, подходящихъ подъ правила ст. 66-й Уст. о нак., а также составленный въ исполненіе сего порученія спи-

сокъ нарушеній Строительнаго Устава, распубликованный при Указѣ Правительствующаго Сената 21 Сентября 1866 года—отмѣнить".

Изъ сопоставленія старой и новой редакцій 66-й ст. явствуетъ, что въ новой редакціи во 1-хъ) добавлены къ Строительному Уставу „изданныя установленнымъ порядкомъ мѣстныя постановленія", во 2-хъ) же отмѣненъ списокъ нарушеній Стр. Уст. 21 Сент. 1866 г. и — сообразно съ этимъ—измѣнена редакція 66 ст. исключеніемъ слова „правила".

Согласно же новой редакціи 66 ст. подъ дѣйствіе ея подходятъ нарушенія „техническихъ и другихъ о постройкахъ правилъ, предписанныхъ въ Уставѣ Строительномъ и въ изданныхъ установленнымъ порядкомъ мѣстныхъ узаконеніяхъ"; объ этихъ узаконеніяхъ мы говорили при изложеніи 29-й ст. Уст. о нак. и видѣли, что таковыхъ постановленій о постройкахъ—въ губерніяхъ Царства Польскаго—не имѣется, теперь же намъ предстоитъ разсмотрѣть правила Строительнаго Устава.

66-я ст. преслѣдуетъ нарушеніе техническихъ „и другихъ о постройкахъ правилъ", но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы правила эти были предписаны Уставомъ Строительнымъ. Прав. Сенатъ—въ рѣш. 80 г. № 1—призналъ, что, такъ какъ 66 ст. Мир. Уст. спеціально предусматриваетъ нарушенія такихъ техническихъ или другихъ о постройкахъ правилъ, которыя исчислены исключительно въ Строительномъ Уставѣ, и такъ какъ въ Уставѣ этомъ не содержится никакихъ указаній на порядокъ производства работъ на паровыхъ фабрикахъ, заводахъ и т. п., то „отступленіе отъ содержащихся въ приложеніи къ ст. 44 Уст. фабр. правилъ предосторожности при введеніи въ употребленіе паровыхъ машинъ высокаго давленія, можетъ влечь за собою только требованіе полиціи объ исправленіи упущеннаго, въ видахъ огражденія общественной безопасности, и, при неисполненіи сего требованія, обвиненіе неповинующагося по 29-й ст. Уст. о нак. и понужденіе его по 26-й ст. того же Устава къ приведенію заведенія его въ

требуемое закономъ устройство". Съ другой стороны, Сенатъ разъяснилъ, что „ст. 66 Уст. о нак. преслѣдуетъ не исключительно только *постройку* зданій съ нарушеніемъ Устава Строительнаго, но нарушеніе предписанныхъ Уст. Стр. техническихъ или другихъ правилъ о постройкахъ вообще" (рѣш. Сен. 72 г. № 915). Возможность же наказанія виновнаго денежнымъ штрафомъ до 100 рублей зависитъ отъ установленія судомъ, что допущенное нарушеніе „угрожаетъ личной безопасности". Вопросъ этотъ — вопросъ существа дѣла, не подлежащій повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, правильное же разрѣшеніе вопросовъ подобнаго рода находится въ зависимости отъ тщательнаго разсмотрѣнія правилъ Стр. Устава, при содѣйствіи, въ тѣхъ случаяхъ, „когда для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства необходимы спеціальныя свѣдѣнія" и т. д. (ст. 112 Уст. уг. суд.), — экспертовъ техниковъ, а иногда и врачей.

Правила Строительной Полиціи для губерній Царства Польскаго изложены, какъ мы уже говорили, главнымъ образомъ, въ Постап. Намѣстника отъ 30 Сент. 1820 года, а также въ Постап. Прав. Ком. Внутр. и Духовныхъ Дѣлъ отъ 6 Февр. 1859 года.

Въ „Общихъ Правилахъ" 20 года имѣются по разсматриваемому нами вопросу слѣдующія указанія: въ ст. 5 сказано: „соломенныя крыши на домахъ, существующихъ по городамъ, повсемѣстно уничтожаются, а вмѣсто таковыхъ дозволяется употреблять черепицу, если кровельныя связи достаточно прочны, если же онѣ не достаточно прочны, въ такомъ случаѣ можетъ быть дозволяемо покрытіе досками или гонтомъ, или же черепицею, выдѣланною изъ соломы, смѣшанной съ глиною. Деревянныя дымовыя трубы, обмазанныя глиною, равномѣрно слѣдуетъ уничтожить а вмѣсто таковыхъ могутъ быть устраиваемы только каменныя, хотя бы и изъ необожженнаго кирпича". 28 же Ноября 1847 года состоялось Постановленіе Совѣта Управленія, въ которомъ (п. 3) указано, „чтобы крыши починяемыхъ деревянныхъ строеній, жилыхъ и нежилыхъ, нахо-

дящихся при домахъ каменныхъ и въ серединѣ городовъ 2, 3 и 4-го разрядовъ, въ главнѣйшихъ улицахъ, равно въ городахъ, чрезъ которые пролегаетъ желѣзная дорога, были крыты листовымъ желѣзомъ или черепицею". Затѣмъ 6-мъ пунктомъ Общ. Правилъ установлено запрещеніе „строить новыя гумна, вблизи жилыхъ домовъ и среди города; дозволяется имѣть оныя только за городомъ, и то въ извѣстномъ отдаленіи; существующія же донынѣ должны быть постепенно удаляемы". Въ ст. 7-й изложено: „сушильни для солода, ни подъ какимъ видомъ, не могутъ быть устраиваемы на чердакахъ, подъ деревянными или простыми соломенными крышами, заведенія эти могутъ быть терпимы въ такихъ только случаяхъ, если строенія, какъ-то: пивоварни и винокурни построены изъ сплошнаго кирпича, покрыты обозженною черепицею или металическими листами и находятся вдали отъ города. Всякія затѣмъ строенія, угрожающія опасностію отъ огня, производящія нечистоту, дымъ и вредное для человѣческаго здоровья зловоніе, какъ-то: сушильни, пивоварни, винокурни, салотопни, мыловарни, скотобойни и т. п., должны быть устраиваемы внѣ города". Въ ст. 12-й сказано: „для безопасности отъ огня, дома должны быть отдѣлены одинъ отъ другого каменною или по крайней мѣрѣ пизанскою стѣною, толщиною въ одинъ или $^3/_4$ локтя, соотвѣтственно вышинѣ строенія, т. е. примыкающія одна къ другой боковыя стѣны домовъ должны имѣть по крайней мѣрѣ по $^1/_2$ локтя толщины, такъ, чтобы между домами не было никакого промежутка". 15-я ст. указываетъ: „для постройки домовъ долженъ быть употребляемъ только хорошій матеріалъ". Въ пунктѣ же 4 Постан. 6-го Февр. 59 г. указано, что „устройство помѣщеній на чердакахъ, обыкновенно низкихъ и малыхъ, по вниманію къ безопасности отъ огня и къ удобству жителей, не должно быть допускаемо, исключая только въ каменныхъ строеніяхъ, подъ крышами, крытыми негорючимъ матеріаломъ и имѣющихъ обширные чердаки; но и въ такихъ на чердакахъ помѣщеніяхъ не должно быть дозволяемо устройство печекъ при деревянныхъ стѣнахъ и притомъ, кро-

мѣ печекъ для отопленія, не должны въ этихъ помѣщеніяхъ находиться ни камины, ни очаги. Вышина такихъ помѣщеній должна быть не менѣе 8-ми футовъ.

По отношенію же къ *деревяннымъ* постройкамъ, въ „Общихъ Правилахъ" 1820 года имѣются слѣдующія указанія: 1) не дозволяется возводить никакихъ деревянныхъ строеній между каменными и даже починять оныя (ст. 3 Об. Пр. 20 г.); 2) воспрещается починять деревянные дома, въ какой бы то ни было ихъ части, за исключеніемъ лишь перемѣнъ кровли и постройки каменной дымовой трубы (ст. 4); и 3) постройка деревянныхъ домовъ тогда только можетъ быть дозволена, если въ окрестности города не имѣется другого годнаго для постройки матеріала; но и эти деревянные дома должны непремѣнно имѣть: крышу, покрытую черепицею и дымовую трубу, каменную съ основанія (ст. 8).

Изъ сопоставленія ст. 8-й и 4-й слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ возведеніе новыхъ деревянныхъ строеній по мѣстнымъ условіямъ допускается, починка таковыхъ не можетъ быть преслѣдуема по 66-й ст., такъ какъ въ данномъ случаѣ уничтожается та цѣль, въ виду которой 4-я ст. запрещаетъ починку деревянныхъ строеній. Въ виду же запрещенія 3-ю статьею Общихъ Правилъ возводить какія бы то ни было деревянныя строенія между каменными, въ регуляціонныхъ планахъ городовъ, представляемыхъ на Высочайшее утвержденіе, города обыкновенно дѣлятся на кварталы: каменный и деревянный, съ распространеніемъ лишь на первый изъ нихъ вышеприведенныхъ правилъ ст. 3-й и 4-й.

Далѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи „Общихъ Правилъ" нельзя не замѣтить дѣлаемаго ими различія между деревянными *домами*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. жилыми помѣщеніями и *хозяйственными постройками*, какъ напр. чуланами для склада дровъ, сараями и т. п., и на различіе это слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, такъ какъ

только 3-я ст. Общ. Пр. 20 г. говоритъ о деревянныхъ *постройкахъ* вообще, въ остальныхъ же статьяхъ этихъ Правилъ, а также и въ другихъ постановленіяхъ по Строительной Полиціи, говорится или о домахъ, или же о хозяйственныхъ постройкахъ.

Но строгость Правилъ 20 г. относительно деревянныхъ построекъ значительно смягчена была послѣдующими постановленіями; такъ, распоряженіемъ Прав. Ком. Вн. и Дух. Дѣлъ отъ 19 Ноября 1847 года дозволяется Губернскимъ Правленіямъ „впредь до изданія новыхъ строительныхъ полицейскихъ правилъ" разрѣшать „возлѣ рынковъ и главнѣйшихъ улицъ, гдѣ фронтовыя строенія каменныя, производство деревянныхъ хозяйственныхъ построекъ, какъ-то: чулановъ для склада дровъ, сараевъ (а потому и конюшень) съ каменными столбами на каменныхъ фундаментахъ и съ кровлями, крытыми жестью или черепицею"; для боковыхъ же улицъ, гдѣ дозволено строить деревянные дома, слѣдуетъ по отношенію къ деревяннымъ хозяйственнымъ постройкамъ — наблюдать только, чтобы строенія эти имѣли каменный фундаментъ и были крыты гонтомъ.

Постановленіемъ же Сов. Упр. отъ 6 Февр. 59 г. разрѣшено было —вслѣдствіе опустошенія въ 58 году многихъ городовъ отъ пожаровъ и „для облегченія отстройки оныхъ послѣ пожара" — возводить деревянныя постройки, но только дѣйствительно недостаточнымъ жителямъ этихъ городовъ и притомъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. Само собою разумѣется, что новые, Высочайше утвержденные, регуляціонные планы этихъ городовъ отмѣняютъ силу вышеуказанныхъ постановленій во всемъ, что касается деревянныхъ построекъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ регуляціонныхъ планахъ содержатся на этотъ счетъ какія либо указанія.

Подъ дѣйствіе 66-й ст. Мир. Уст. должна быть подводима также несломка ветхихъ строеній О сломкѣ ветхихъ деревянныхъ строеній говорится въ 3-й ст. Общ. Прав. 20-го года, съ ссылкою въ отношеніи порядка уничтоженія этихъ домовъ на

Постановленіе Князя Намѣстника отъ 27 Мая 1817 года; согласно же Положенію о уѣздномъ и губернскомъ управленіи въ губерніяхъ Царства Польскаго 19-го Декабря 1866 года — разрѣшеніе дѣлъ о сломкѣ ветхихъ и грозящихъ опасностію отъ разрушенія строеній предоставлено коллегіальному разсмотрѣнію и производству Уѣзднаго Управленія (п. с. 106 ст. Полож.). Въ виду 110 ст. Пол. о прим. казалось бы — на первый взглядъ — правильнымъ признать, что дѣла о сломкѣ ветхихъ строеній изъяты изъ вѣдомства судебныхъ установленій Варшавскаго судебнаго округа, но ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса приводитъ къ противному тому выводу.

Въ Стр. Уставѣ Имперіи существуетъ ст. 404, въ которой самая сломка предоставлена полиціи; статья эта прямо не отмѣнена, однакоже, — въ виду содержанія ст. 1227 и 1235 Уст. уг. суд., устанавливающихъ, что „къ исправленію, сломкѣ или переносу зданія на счетъ виновнаго можетъ быть приступлено лишь по судебному о томъ приговору, вошедшему въ законную силу"—Сенатскимъ рѣшеніемъ 72 г. № 84 разъяснено, что „нѣтъ сомнѣнія, что это постановленіе въ отношеніи къ сломкѣ домовъ на счетъ виновныхъ, по распоряженію административнаго начальства, должно считать отмѣненнымъ силою 1227 и 1235 ст. Уст. уг. суд.". Статьи эти введены безъ измѣненія и въ округѣ Варшавской судебной палаты и нѣтъ никакого основанія—при вполнѣ аналогичныхъ условіяхъ—не примѣнять разъясненіе Сената и въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, т. е., другими словами, слѣдуетъ признавать, что хотя дѣла о сломкѣ ветхихъ строеній по прежнему начинаются и продолжаются въ Уѣздныхъ Управленіяхъ, но что сломка такого строенія можетъ имѣть мѣсто лишь въ силу судебнаго приговора. Невозможность для административныхъ управленій сломки, переноса или исправленія строеній до судебнаго о томъ приговора подтверждена и Высоч. утв. мнѣніемъ Госуд. Сов. отъ 19 Января 82 г., изложеннымъ нами при толкованіи 26 ст. Мир. Уст.

Въ томъ же Сенатскомъ рѣшеніи 72 г. № 84—далѣе разъ-

яснено, что хозяинъ дома, оставившій безъ вниманія напоминаніе полиціи (о сломкѣ строенія, признаннаго въ установленномъ порядкѣ ветхимъ), „долженъ быть привлеченъ къ суду по обвиненію не въ томъ, что онъ не исполнилъ такого распоряженія полиціи, на которое она не имѣла права, т. е. примѣненіе къ такому случаю 29-й ст. Уст. о нак. вовсе неумѣстно, а въ томъ, что онъ нарушаетъ постановленія Устава Строительнаго“.

Въ тѣхъ же Общихъ Правилахъ 1820 года имѣются слѣдующія правила, нарушенія коихъ не угрожаютъ личной безопасности и, слѣдовательно, могутъ быть наказываемы лишь денежными взысканіями не свыше пятидесяти рублей. Требуется: чтобы новое строеніе возводилось не иначе, какъ только по линіи улицы и согласно общему регуляціонному плану города (ст. 1), чтобы каждое строеніе обращено было фасадомъ на улицу, такъ, чтобы оно боковыми стѣнами примыкало къ сосѣднимъ домамъ, чрезъ что устранится необходимость устройства промежъ домами водосточныхъ трубъ (ст. 9); тою же статьею указано, что флигеля, возводимые на дворахъ, если примыкаютъ одною стѣною къ сосѣднему мѣсту, должны имѣть крышу полуоткосную, дабы въ каждомъ случаѣ вода съ крыши стекала на дворъ того же самаго домовладѣльца; требуется, чтобы въ значительнѣйшихъ городахъ, а именно въ городахъ первыхъ 4-хъ разрядовъ, дома на рынкѣ непремѣнно возводились по крайней мѣрѣ въ одинъ верхній этажъ, въ улицахъ же можно строить и безъ верхняго этажа (ст. 10); чтобы вышина верхняго или нижняго яруса составляла не менѣе 5 локтей, считая таковую извнутри, въ воеводскихъ же (губернскихъ) и другихъ значительнѣйшихъ городахъ не менѣе 6 локтей (ст. 10); чтобы вышина каждой крыши составляла, для лучшаго вида, не болѣе какъ $^1/_3$ часть ширины строенія (ст. 11); чтобы окраска домовъ съ улицы производилась со вкусомъ и пріятнымъ цвѣтомъ, при чемъ указано, что всего соотвѣтственнѣе для этого цвѣта: каменный, желтоватый, блѣдно-зеленоватый и т. п., но „ни въ какомъ случаѣ“ темносиній, либо

темно-красный и никакіе яркіе цвѣта (ст. 16). 17-ю же статьею Правилъ „рѣшительно воспрещается“ огораживапіе домовъ съ фронта посреди тротуаровъ, равномѣрно, лѣстницы передъ домами и входы снаружи въ погреба, какъ неудобныя и опасныя для проходящихъ, не могутъ быть допускаемы, „по крайней мѣрѣ не должны значительно выступать на тротуаръ“. Нарушеніе всѣхъ перечисленныхъ выше правилъ подходитъ подъ дѣйствіе не 29-й, а 66-й ст. Мир. Уст.

Въ Варшавѣ же дѣйствуетъ Строительный Уставъ Имперіи (XII Т. I ч. Св. Зак.); Уставъ этотъ введенъ въ дѣйствіе въ Варшавѣ въ силу 2-го п. 2-й ст. Выс. утв. 7 Іюня 1870 г. Полож. ком. по дѣл. Царс. Польс. объ устройствѣ хозяйственнаго управленія въ г. Варшавѣ, причемъ слѣдуетъ замѣтить что такъ Строительный Уставъ не запрещаетъ безусловно возведеніе деревянныхъ строеній, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ, то слѣдуетъ признать, что Уставомъ не отмѣнены постановленія предъидущихъ лѣтъ, касающіяся вопроса о тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ запрещается или разрѣшается возводить въ Варшавѣ деревянныя постройки. Такъ, существуетъ Постановленіе Совѣта Управленія Царства отъ 9-го Февр. 1840 года, предписывающее — съ ссылкою на Постановленіе Намѣстника отъ 3 Февр. 1816 г.—постройку новыхъ деревянныхъ домовъ „ни на одной улицѣ въ Варшавѣ не дозволять“, исправленіе же деревянныхъ домовъ и починку деревянныхъ крышъ дозволять не далѣе конца 1842 года. 27 Декабря 1857 года состоялось Постановленіе Совѣта Управленія, дозволяющее возводить новые деревянные дома въ Варшавѣ, въ частяхъ города, прилегающихъ къ городскому валу, съ перечисленіемъ улицъ, на кои распространяется это дозволеніе. Постановленіемъ же Совѣта Управленіс отъ 12-го Апрѣля 1857 года установлено, что на всѣхъ „существующихъ нынѣ на Прагѣ улицахъ“ дозволяется и впредь возводить жилые деревянные дома и другія строенія, за исключеніемъ пяти главнѣйшихъ улицъ, на коихъ могутъ быть возводимы только каменные дома“. Что же касается самыхъ правилъ техническихъ и прочихъ

о которыхъ говоритъ 66-я ст. Мир. Уст., то они изложены въ ст. 352 — 414 Стр. Устава, и эти именно статьи и слѣдуетъ имѣть въ виду при примѣненіи 66-й ст. Уст. о нак. въ гор. Варшавѣ.

Къ проступку 66 ст. примѣняется правило 128-й ст. Мир. Уст. объ усиленіи наказанія въ случаѣ причиненія кому либо этимъ проступкомъ ранъ или поврежденій въ здоровьѣ и объ изъятіи его изъ подсудности Мир. Суд. Устан. въ томъ случаѣ, если послѣдовала отъ проступка этого смерть.

66[1] ст. Мир. Уст. преслѣдуетъ нарушенія постановленій, относящихся до сооруженій и работъ вблизи линій желѣзныхъ дорогъ. Такія постановленія заключаются по отношенію къ губерніямъ Царства Польскаго—въ Постановленіи Совѣта Управленія отъ 27 Апрѣля 1857 года и въ дополнительномъ къ нему Постановленіи отъ 10 Февраля 1859 года. Въ 5-й ст. Постан. 57 г. сказано: „кромѣ строеній могутъ быть впредь возводимы, не въ меньшемъ отъ желѣзной дороги, т. е. отъ середины ея, разстояніи, какъ въ слѣдующемъ: а) строенія каменныя и деревянныя, крытыя негорючимъ матеріаломъ, на разстояніи 60 футовъ; в) строенія каменныя и деревянныя, крытыя горючимъ матеріаломъ, на разстояніи 120 футовъ". Въ статьѣ же 1-й Постан. 1859 года сказано, что „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ желѣзная дорога проходитъ по раскопанному мѣсту, то кромѣ принадлежащихъ желѣзной дорогѣ строеній, всѣ прочія могутъ быть возводимы только на разстояніи 30 футовъ отъ урѣза внѣшняго края откоса. Ни въ какомъ однако случаѣ, разстояніе этихъ строеній отъ средины желѣзной дороги не можетъ быть меньше разстоянія, опредѣленнаго статьею 5-го Постановленія Совѣта Управленія отъ 27 Апрѣля 1857 года".

66[1] ст. Мир. Уст. можетъ быть примѣнена въ томъ лишь случаѣ, если требованіе объ уничтоженіи или перенесеніи постройки не было исполнено, не смотря на сдѣланное о томъ „напоминаніе полиціею или управленіемъ желѣзной дороги".

67 ст. За отступленіе отъ правилъ, постановленныхъ

для устройства въ городахъ улицъ, площадей, мостовыхъ, мостовъ на поперечныхъ каналахъ, тротуаровъ и канавокъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Ст. 67-я имѣетъ въ виду исключительно города и преслѣдуетъ отступленіе отъ правилъ, постановленныхъ—для губерній Царства Польскаго — въ тѣхъ же „Общихъ Правилахъ“ 1820 года, которыя мы выше разсматривали. Въ этихъ „Общихъ Правилахъ“ сказано: въ ст. 19-й: „ширину улицъ опредѣляетъ утвержденный планъ города, съ которымъ должно строго сообразоваться“; и въ ст. 20-й: „съ каждой стороны улицы, передъ домами въ меньшихъ городахъ, долженъ быть устроенъ вымощенный тротуаръ, шириною не менѣе въ $1\frac{1}{2}$ сажени, считая до водосточной канавы, въ городахъ же воеводскихъ (губернскихъ) и другихъ значительнѣйшихъ—не менѣе двухъ сажень шириною. Устройство таковыхъ тротуаровъ и мощеніе ихъ должно быть произведено собственнымъ иждивеніемъ владѣльца дома, передъ которымъ находится тротуаръ, отъ чего не можетъ быть онъ освобожденъ ни подъ какимъ предлогомъ“. Слѣдовательно, обязанность устройства тротуаровъ лежитъ на домовладѣльцахъ, причемъ тротуаръ долженъ быть извѣстной ширины и мощенный; чѣмъ долженъ быть мощенъ тротуаръ, въ 20-й ст. Общ. Прав. ничего не сказано и поэтому нельзя требовать отъ домовладѣльца мощенія тротуара извѣстнымъ какимъ либо матеріаломъ: устройствомъ „мощеннаго“ какимъ бы то ни было способомъ тротуара домовладѣлецъ вполнѣ исполняетъ возложенную на него обязанность и избѣгаетъ отвѣтственности, устанавливаемой 67 ст. Мироваго Устава.

68 ст. Сверхъ означенныхъ въ статьяхъ 65 — 67 взысканій, виновные обязаны исправить или подвергнуть сломкѣ, въ опредѣленный судьею срокъ, все неправильно ими построенное, если допущенная неисправность будетъ признана вредною для общественной безопасности или для народнаго здравія.

Не при всякомъ нарушеніи ст. 65—67 Мир. Уст. можетъ

быть примѣняема и 68-я статья, такъ какъ непремѣннымъ условіемъ ея примѣненія законъ ставитъ признаніе допущенной неисправности „вредною для общественной безопасности, или для народнаго здравія". Это установленіе грозящей опасности должно быть учинено судомъ по обстоятельной оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла, а не на основаніи одного только заявленія обвинителя или же своего собственнаго предположенія, причемъ судъ долженъ помнить, что случаи нарушенія техническихъ правилъ Строительнаго Устава именно и должны быть отнесены къ каттегоріи тѣхъ случаевъ, „когда, для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства, необходимы спеціальныя свѣденія или опытность въ наукѣ, искуствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ либо занятіи (ст. 112 Уст. уг. суд.), и что, слѣдовательно, при разсмотрѣніи дѣлъ этого рода чаще всего и представляется необходимость въ такъ называемой экспертизѣ или въ допросѣ свѣдущихъ людей. Такими свѣдущими людьми являются по вопросамъ техническимъ ближе всего архитектора, а по дѣламъ, по которымъ возбуждаются вопросы охраненія народнаго здравія — врачи, но при этомъ судамъ надлежитъ не упускать изъ виду, что тѣ спеціалисты, которые принимали участіе въ составленіи протоколовъ, послужившихъ основаніемъ для привлеченія виновныхъ къ судебной отвѣтственности, являются по данному дѣлу въ качествѣ свидѣтелей и что поэтому тѣ же спеціалисты не могутъ уже быть вызываемы по тому дѣлу въ качествѣ свѣдущихъ людей, такъ какъ законъ не допускаетъ смѣшенія этихъ двухъ ролей: свидѣтеля и эксперта.

Нельзя, однакоже, не замѣтить, что не въ каждомъ случаѣ примѣненія 68-й статьи обязательно выслушиваніе мнѣнія свѣдущихъ людей или, другими словами, что судъ можетъ приговорить къ сломкѣ неправильно возведеннаго строенія и безъ допроса экспертовъ. Въ этомъ смыслѣ высказался и Прав. Сенатъ, установивъ, что „виновные въ нарушеніи Строительнаго Устава обязаны подвергнуть сломкѣ неправильно возведенную постройку въ томъ случаѣ: 1) когда допущенное нарушеніе

принадлежитъ къ числу исчисленныхъ въ подробномъ разграниченіи проступковъ, подходящихъ подъ 66-ю ст. Уст. о нак., и 2) когда постройка будетъ признана угрожающею общественной безопасности, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ, какъ разъяснено уже многими рѣшеніями Правительствующаго Сената, судъ дѣлаетъ постановленіе не иначе, какъ по выслушаніи заключенія экспертовъ" (рѣш. 72 г. №№ 1112 и 1150). Отмѣна записки о разграниченіи проступковъ, — ослабляя только аргументацію этихъ Сенатскихъ рѣшеній, не уничтожаетъ справедливости высказаннаго въ этихъ рѣшеніяхъ взгляда, такъ какъ и въ Строит. Уставѣ Имперіи и въ Общихъ Правилахъ Строит. Полиціи губерній Царства Польскаго имѣются такого рода каттегорическія запрещенія, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою примѣненіе 68-й ст. и безъ выслушанія заключенія свѣдущихъ людей. Такъ, 5-ю статьею Общ. Прав. установлено, что „соломенныя крыши повсемѣстно уничтожаются"; если, затѣмъ, въ судъ будетъ предъявленъ протоколъ о нарушеніи этого правила, то спрашивается: къ чему будетъ нужно заключеніе эксперта по этому дѣлу, хотя несомнѣнно, что цѣль, преслѣдуемая 5-ю статьею правилъ, заключается въ обезпеченіи общественной безопасности и несоблюденіе этого правила должно влечь за собою примѣненіе 68 статьи. Ст. 6-я этихъ же Правилъ запрещаетъ строить новыя гумна среди города и, на нашъ взглядъ, для примѣненія 68-й ст. Мир. Уст. къ случаю нарушенія 6-й ст. Прав. достаточно будетъ установленіе того факта, что гумно возведено не за городомъ, а среди города, и нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ помощи свѣдущихъ людей ни для опредѣленія понятія гумна, ниже понятія города. Равнымъ образомъ, 7-ю статьею Правилъ недозволяется устраивать „ни подъ какимъ видомъ" сушиленъ на чердакахъ подъ деревянными или простыми соломенными крышами, и въ данномъ случаѣ экспертиза будетъ, по нашему мнѣнію, безусловно излишнею, хотя и въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ примѣненіе 68 ст. обусловлено признаніемъ нарушенія вреднымъ для общественной безопасности.

Независимо отъ приведенныхъ выше Сенатскихъ рѣшеній, имѣется еще одно рѣшеніе Сената — 80 г. № 3, — которымъ, уже безъ ссылки на записку 1866 г. о распредѣленіи, признано правильнымъ опредѣленіе Мироваго Съѣзда о примѣненіи 68-й ст. къ проступку постройки деревянныхъ подсѣней вопреки Высоч. утв. регуляціонному плану на гор. Щебрицинъ (Любл. губ.), причемъ въ приговорѣ Мироваго Съѣзда *не установлено*, чтобы въ данномъ случаѣ деревянная постройка грозила общественной безопасности; въ соображеніяхъ же этого Сенатскаго рѣшенія высказано, что „воспрещая возведеніе извѣстныхъ построекъ вообще или въ данной мѣстности (напр. деревянныхъ домовъ въ нѣкоторыхъ частяхъ города), законъ тѣмъ самымъ относитъ эти постройки къ числу угрожающихъ общественной безопасности, и судъ, коль скоро онъ устанавливаетъ фактъ возведенія такой постройки, безусловно обязанъ постановить объ уничтоженіи ея, вовсе не касаясь вопроса, насколько въ разсматриваемомъ частномъ случаѣ постройка эта представляется вредною или опасною“.

Но подобные случаи возможности примѣненія 68-й ст. Мир. Уст. безъ выслушанія заключенія свѣдущихъ людей являются, конечно, исключеніемъ изъ общаго правила, въ большинствѣ же случаевъ нарушеній Строительнаго Устава обойдтись безъ ихъ помощи немыслимо; это тѣмъ болѣе вѣрно, что 48 ст. говоритъ не только о сломкѣ неправильно построеннаго, но и объ исправленіи, и такъ какъ къ сломкѣ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ и при невозможности исправленія неправильно устроеннаго, то это уже показываетъ, на сколько необходимо участіе эксперта въ большинствѣ дѣлъ о нарушеніяхъ Строительнаго Устава. Хотя въ рѣш. Сен. за 72 г. № 1256 и высказано, что въ законѣ не предписано, чтобы на судьяхъ лежала непремѣнная обязанность повѣрять, посредствомъ единоличнаго или совмѣстнаго съ экспертомъ осмотра постройки, правильность даннаго экспертами заключенія, но, въ виду важности подобнаго рода осмотровъ для правильнаго разрѣшенія подобнаго рода дѣлъ, мы не можемъ не

высказать, что производство подобныхъ осмотровъ, болѣе частое, нежели оно, какъ намъ извѣстно, практикуется въ настоящее время, — представляется весьма желательнымъ въ цѣляхъ правильнаго отправленія правосудія въ дѣлахъ столь серьезныхъ, какими представляются — въ кругѣ компетентности мировой юстиціи—дѣла, соединенныя съ примѣненіемъ 68-й статьи Мир. Устава.

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній мы тѣмъ болѣе признаемъ правильными указанія Сенатскаго рѣшенія за 74 г. № 473, въ которомъ высказано: во 1-хъ), что постановленіе Съѣзда, построенное исключительно на данныхъ полицейскаго протокола, не можетъ считаться основательнымъ, такъ какъ „признаніе неправильной постройки вредною для общественной безопасности принадлежитъ не полиціи а суду, разсматривающему существо дѣла", и во 2-хъ), что судъ обязанъ излагать въ приговорѣ своемъ обстоятельства, послужившія основаніемъ для примѣненія 68-й ст. Мир. Устава. Это послѣднее указаніе имѣется и въ другихъ рѣшеніяхъ Сената за предъидущіе года.

Вопросу о правильномъ примѣненія 68 статьи посвящено много Сенатскихъ рѣшеній; не останавливаясь на тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ предметомъ своимъ сопоставленіе 68-й ст. съ Правилами 2-й ч. XII Тома, не останавливаясь потому, что Имперскій Строительный Уставъ не дѣйствуетъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, мы считаемъ необходимымъ тѣ Сенатскія рѣшенія, которыя разъясняютъ общій смыслъ 68-й ст., и содержаніе которыхъ еще не было нами изложено, разсмотрѣть подробнѣе, въ виду важности правильнаго пониманія этой статьи Мироваго Устава.

По вопросу о томъ, къ какимъ случаямъ неправильнаго возведенія построекъ не можетъ быть примѣняема 68-я ст., Сенатъ, въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, установилъ, что отвѣтственность по 68 ст. можетъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда постройка выведена не только безъ дозволенія, но и угрожаетъ общественной безопасности или народному здравію; далѣе имъ

установлено, что статья эта не можетъ быть примѣняема ко всякой постройкѣ, сдѣланной съ отступленіемъ отъ правилъ Строительнаго Устава, а тѣмъ болѣе къ постройкѣ только выполненной вопреки условію, заключенному между собственникомъ земли и построившимъ.

Въ рѣшеніи Сената за 72 г. № 277 разъяснено, что „по ст. 68-й Мир. Уст. подвергается сломкѣ не только вполнѣ уже оконченная постройка, но и все неправильно построенное“, почему и признано правильнымъ примѣненіе 68-й ст. къ установленному факту заложенія грозящаго общественной безопасности фундамента.

Другими рѣшеніями Сената установлены слѣдующія положенія: 1) ст. 68 примѣняется, хотя бы постройка и была произведена съ разрѣшенія какой либо административной власти (рѣш. 75 г. № 446); 2) 68-я ст. Мир. Уст., предоставляя уголовному суду въ случаяхъ, въ этой статьѣ указанныхъ, обязывать виновныхъ въ нарушеніи правилъ Строительнаго Устава, исправить или подвергнуть сломкѣ все, неправильно ими построенное, вовсе не уполномочиваетъ судъ дѣлать постановленія о разрѣшеніи новыхъ построекъ или о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онѣ могутъ быть возведены (рѣш. 76 г. № 304); 3) признаніе судомъ, что нарушеніе Устава Строительнаго сдѣлано не только безъ умысла, но и безъ всякой со стороны виновнаго неосторожности, освобождаетъ его отъ отвѣтственности по 66 ст., но не уничтожаетъ обязанности сломать возведенную постройку, согласно 68-й ст. Мир. Уст. (рѣш. 69 г. № 1004); 4) давность, освобождая отъ наказанія, не освобождаетъ владѣльца отъ обязанности исправить или подвергнуть сломкѣ неправильно построенное (рѣш. 68 г. № 21 и др.), такъ какъ исполненіе обязанности сломки или исправленія должно быть разсматриваемо не какъ наказаніе, а какъ послѣдствіе нарушенія, установленное для устраненія опасности отъ нарушенія правилъ Строительнаго Устава (рѣш. 73 г. № 494); и 5) тоже начало слѣдуетъ примѣнять и къ тѣмъ случаямъ нарушенія Строительнаго Устава, когда нарушенія эти были допу-

щены не настоящими домовладѣльцами, а ихъ предшественниками во владѣніи домомъ (рѣш. 68 г. № 421 и др.).

Съ установленными выше Сенатомъ—въ разъясненіе 68-й ст.—началами трудно не согласиться; не таковымъ, однакоже, представляется рѣшеніе Сената за 71 г. № 1411, въ которомъ высказано, что „исправленіе по мѣрѣ возможности нарушенія правилъ Строительнаго Устава, ограждающихъ не личную безопасность, а внѣшнее благоустройство зданій, лежитъ на обязанности домовладѣльца, какъ за силою 26 ст. Уст. о нак., такъ и по разуму 68 ст. того же Устава, которая обусловливаетъ опаснымъ или вреднымъ характеромъ нарушенія только сломку зданія, а не исправленіе по мѣрѣ возможности другихъ нарушеній, относящихся къ внѣшнему благостройству". Не правильнымъ въ этомъ рѣшеніи представляется намъ толкованіе 68 ст., отдѣляющее—совершенно произвольно—обязанность сломки отъ обязанности исправленія, тогда какъ—по буквальному и вполнѣ ясному смыслу 68 ст.—сломка или исправленіе обусловлены совершенно одинаково признаніемъ допущенной неисправности вредною для общественной безопасности или для народнаго здравія. Неправильнымъ представляется намъ въ этомъ рѣшеніи и указаніе одновременно на статьи 26 и 68: подобное усиленіе основаній скорѣе расшатываетъ, нежели укрѣпляетъ утверждаемое, наводя на мысль, что ссылка на второе основаніе вызвана слабостью перваго. Отъ взгляда, выраженнаго въ рѣшеніи за 71 г. № 1411, Сенатъ, надо полагать, вполнѣ отказался, разъяснивъ значеніе 26-й ст. Мир. Уст. для дѣлъ о нарушеніяхъ Строительнаго Устава въ рѣшеніи своемъ за 82 г. № 4, основанномъ на весьма серьезныхъ соображеніяхъ. Рѣшеніемъ этимъ установлено, что хотя примѣненіе 68-й ст. — безразлично уже въ цѣли ли сломки, или же только исправленія неправильно построеннаго — обусловливается признаніемъ допущенной неправильности вредною для общественной безопасности или народнаго здравія, но существованіе означеннаго правила „не устраняетъ безусловно возможности примѣненія къ виновнымъ въ неисполненіи правилъ внѣшняго

благоустройства, предписанныхъ законами или мѣстными обязательными постановленіями, 26-й статьи Уст. о нак. и возложенія на нихъ, въ силу этой статьи, обязанности исполнить то, что ими упущено, хотя бы таковое упущеніе не угрожало общественной безопасности или народному здравію и, слѣдовательно, не могло быть подведено подъ дѣйствіе 68-й ст. Уст. о нак. Задача суда—при разсмотрѣніи дѣлъ о нарушеніяхъ правилъ внѣшняго благоустройства—заключается не только въ присужденіи виновнаго къ наказанію, положенному за совершенный имъ проступокъ, но имѣетъ предметомъ и устраненіе вредныхъ послѣдствій допущеннаго виновнымъ нарушенія, или понужденіе его къ исполненію обязанности, отъ коей онъ уклоняется". „Приговоръ же суда,—говорится далѣе въ этомъ рѣшеніи, — коимъ не возлагалась бы на виновнаго обязанность исправить допущенную неправильность, при невозможности вторичнаго преслѣдованія виновнаго за то же преступленіе и при непризнаніи закономъ за общественными или административными властями права принудить нарушителя къ исполненію обязанности, отъ коей онъ уклоняется, не только узаконялъ бы дальнѣйшее существованіе незаконно устроенныхъ сооруженій и лишалъ бы силы и значенія относящіяся къ сему предмету предписанія закона и законныя постановленія мѣстныхъ властей, но, иногда, обусловливалъ бы несоблюденіе сихъ предписаній и постановленій и на будущее время". Рѣшеніе это представляется намъ выдающимся по убѣдительности соображеній и правильности высказаннаго въ немъ взгляда.

Оканчивая толкованіе 68-й ст., намъ приходится остановиться еще на вопросѣ о подсудности проступковъ, вызывающихъ примѣненіе этой статьи, мировымъ судебнымъ установленіямъ.

Сенатскими рѣшеніями за 81 г. подъ №№ 392 и 985 установлено, что при опредѣленіи подсудности даннаго дѣла о нарушеніи Строительнаго Устава слѣдуетъ обращать также вниманіе и на количество издержекъ, требуемыхъ на исправленіе сдѣланныхъ упущеній или же на сломку, причемъ слѣдуетъ

имѣть въ виду то общее правило, что вѣдомству мировыхъ установленій подлежатъ лишь тѣ дѣла, въ коихъ причиненные вредъ и убытки не превышаютъ цѣнностью 500 р. (Уст. уг. суд. ст. 34 п. 2; триста р. въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ силу 2 п. 1289 ст. Уст. уг. суд. Имп. Ал. II). Взглядъ этотъ основанъ и на слѣдующихъ, между прочими, соображеніяхъ: 1), что по общимъ началамъ, принятымъ въ Судебныхъ Уставахъ 20 Ноября 1864 года, къ вѣдомству мировыхъ судебныхъ установленій отнесены дѣла маловажныя, какъ по свойству правонарушеній и размѣру наказаній, за нихъ опредѣляемыхъ въ порядкѣ уголовнаго суда, такъ и по цѣнѣ исковъ и требованій, подлежащихъ вообще разрѣшенію въ порядкѣ гражданскаго суда, но разрѣшаемыхъ иногда, какъ послѣдствія преступныхъ дѣяній, уголовнымъ судомъ; 2) изъ содержанія 26 ст. Мир. Уст. тоже вовсе нельзя выводить, чтобы власть мировыхъ судей по этому предмету ничѣмъ не была ограничена, и слѣдуетъ только то, что за общимъ положеніемъ о размѣрѣ имущественныхъ исковъ и требованій, могущихъ подлежать разрѣшенію мировыхъ установленій, законодатель не счелъ нужнымъ повторять то же положеніе въ другимъ постановленіяхъ закона; и 3), что толкованіе закона въ противномъ смыслѣ указывало бы на непослѣдовательность законодателя, который въ однихъ случаяхъ ввѣрялъ бы разрѣшеніе мировыхъ судей только иски, не превышающіе 500 р., а въ другихъ дозволялъ бы имъ требовать на исправленіе упущеній издержекъ безъ всякаго ограниченія въ ихъ суммѣ, хотя для отвѣтчика совершенно безразлично, въ той или другой формѣ требуются отъ него извѣстныя издержки или платежъ.

Г. Неклюдовъ (стр. 340 Рук. Т. II). называетъ это толкованіе произвольнымъ, ссылаясь въ подтвержденіе этого своего мнѣнія на I-й Томъ своего Руководства, но и въ I Томѣ онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу этого взгляда, такъ какъ по мнѣнію г. Неклюдова — „неправильность подобнаго толкованія очевидна сама собою и не требуетъ доказательствъ“. Указывается лишь на 1058 ст. Улож. „по силѣ ко-

торой, предусматриваемыя Уставомъ о нак., нарушенія Устава Строительнаго подсудны Окружному Суду лишь въ случаѣ учиненія ихъ въ третій разъ и притомъ не всѣми лицами вообще, а лишь техниками строителями". Въ опроверженіе этого доказательства „достаточно указать"—по нашему мнѣнію—на то, что эта статья Улож. о нак. имѣетъ въ виду подсудность лишь *по свойству преступленія*, а вовсе не по размѣру иска о вознагражденіи за вредъ и убытки. Признаваемое г. Неклюдовымъ „произвольнымъ" толкованіе Сената врядъ ли можетъ быть признано таковымъ въ виду тѣхъ вѣскихъ соображеній, которыя приведены имъ въ подкрѣпленіе этого взгляда.

Укажемъ наконецъ, что отвѣтственными за нарушенія Строительнаго Устава являются не только домовладѣльцы или же техники-строители, но и ремесленники, производящіе работы, признанныя нарушеніемъ Стр. Устава, такъ какъ по силѣ ст. 26 Общ. Прав. 1820 года „никакой ремесленникъ, именно каменщикъ или плотникъ, не можетъ производить работъ, не только относительно новой постройки дома, но даже и относительно измѣненія фасада, не удостовѣрясь, что владѣлецъ дома получилъ на то дозволеніе полиціи. Сверхъ того, ремесленники эти, при постройкѣ новыхъ зданій, обязаны обращать вниманіе на доброкачественность матеріала, въ случаѣ же если бы убѣдились въ негодности онаго, должны доносить о томъ мѣстной полицейской власти. Ремесленники, не соблюдающіе правила сего будутъ подвергаемы полицейскимъ взысканіямъ и даже отвѣчать предъ судомъ, если съ постройкою зданія будетъ сопряжена опасность для здоровья или жизни жителей".

69 ст. За неисправное содержаніе тротуаровъ, мостковъ, мостовыхъ и дорогъ, виновные, не приступившіе къ исправленію и послѣ напоминанія, подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Выше мы видѣли, что Мировой Уставъ караетъ за отступленіе отъ правилъ при *постройкѣ* улицъ, мостовыхъ и т. д. (ст. 67), ниже—въ ст. 70-й говорится о *порчѣ* мостовыхъ, шос-

се, и т. п.; 69-я же статья преслѣдуетъ *неисправное содержаніе* путей сообщенія, наказываетъ за неисполненіе особой обязанности содержанія въ исправности тротуаровъ, мостовыхъ, мостковъ и дорогъ; проступокъ этотъ подходитъ подъ дѣйствіе 2 п. 9-й ст. и, слѣдовательно, не можетъ быть наказанъ ни выговоромъ, ни замѣчаніемъ, ни внушеніемъ. Въ 69-й ст. перечислены тѣ пути сообщенія, которые должны быть содержимы въ исправности обывателями, но о площадяхъ въ этой статьѣ не упоминается, изъ чего слѣдуетъ заключить, что неисправное содержаніе площади не подходитъ подъ дѣйствіе 69-й статьи; вопросъ же о томъ, составляетъ ли данное мѣсто площадь или улицу—разрѣшается на основаніи Высочайше утвержденнаго плана (рѣш. Сен. 1868 г. № 485). Но на комъ лежитъ обязанность исправнаго содержанія перечисленныхъ въ 69 ст. путей сообщенія? Въ рѣшеніи за 1868 г. № 202 Сенатъ разъяснилъ, что 69 ст. налагаетъ взысканіе за неисправное содержаніе тротуаровъ, мостовыхъ, мостковъ и дорогъ на тѣхъ лицъ, на которыхъ эта обязанность лежитъ какъ на *собственникѣ* земли и что въ случаѣ передачи обязанности исправленія другому лицу по договору, различно понимаемому сторонами, мировой судъ не можетъ наложить взысканіе по ст. 69 на другое лицо, прежде разрѣшенія судомъ гражданскимъ самаго вопроса о договорѣ. Подобное толкованіе 69 ст., не оправдываемое буквальнымъ ея содержаніемъ съ юридической точки зрѣнія, съ практической точки зрѣнія представляло то существенное неудобство, что въ подобныхъ случаяхъ заключеніе договоровъ ставило возможность исправленія въ зависимость отъ разрѣшенія гражданскаго процесса со всѣми его формальностями и проволочками времени, оставляя пути сообщенія на произволъ всѣхъ стихій природы, а гражданъ—на произволъ всѣхъ случайностей. Вѣроятно соображеніе этихъ неудобствъ и привело Сенатъ къ убѣжденію въ несостоятельности вышеприведеннаго рѣшенія, такъ какъ уже въ 69 году Сенатомъ было разъяснено, что вопросъ о томъ, на какомъ правѣ подсудимые владѣютъ лавками, противъ которыхъ требуется исправленіе мостовой, не можетъ

имѣть никакого вліянія на примѣненіе 69-й статьи, такъ какъ одно *фактическое владѣніе* этими лавками обязывало бы ихъ, какъ обывателей, чинить мостовую на улицѣ каждаго противъ своего дома или противъ своей лавки (р. 69 г. № 136).

Въ губерніяхъ Царства Польскаго дѣйствуютъ „Правила о содержаніи земскихъ дорогъ", Выс. утв. 19 Іюня 1870 г.; Правила эти введены въ дѣйствіе на три года, но затѣмъ въ 1879 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о продленіи дѣйствія сихъ правилъ „впредь до изданія новыхъ". Въ силу этихъ Правилъ, содержимые на счетъ земскихъ средствъ въ губ. Цар. Поль. сухопутные пути сообщенія раздѣляются на 3 разряда: а) большіе губернскіе тракты, проходящіе чрезъ нѣсколько губерній и соединяющіеся съ желѣзными дорогами или большими государственными трактами, б) побочныя грунтовыя дороги или уѣздныя, пролегающія чрезъ цѣлые уѣзды и примыкающія къ большимъ трактамъ, и в) проселочныя и полевыя дороги (ст. 1). Для содержанія земскихъ дорогъ 1-го разряда (п. а.) или губернскихъ, какъ шоссейныхъ, такъ и грунтовыхъ, съ находящимися на оныхъ мостами и плотинами, установляется, въ замѣнъ натуральной повинности т. е. двухдневнаго весенняго шарварка, общій по каждой губерніи денежный сборъ подъ названіемъ губернскаго земскаго дорожнаго сбора, а лежавшая доселѣ на владѣльцахъ имѣній обязанность содержать своимъ иждивеніемъ на означенныхъ дорогахъ нотарифные мосты и плотины прекращается (ст. 3 и 4). Въ виду содержанія ст. 3 и 4, попеченіе объ исправномъ содержаніи земскихъ дорогъ 1-го разряда лежитъ на обязанности уѣздныхъ начальниковъ, подъ наблюденіемъ губернаторовъ (ст. 10). Земскія дороги 2-то разряда или уѣздныя содержатся на счетъ, такъ называемой, гминной повинности, при чемъ гминнымъ сходамъ предоставляется, буде пожелаютъ, замѣнять натуральную повинность денежною (ст. 11 и 12), на земляхъ же городскихъ содержаніе земельныхъ дорогъ 2-го разряда принадлежитъ къ обязанностямъ городскихъ обществъ (ст. 13). Наконецъ, земскія дороги 3-го разряда, т. е. проселочныя и полевыя, содержатся на счетъ сель-

скихъ обществъ или владѣльцевъ, чрезъ земли которыхъ онѣ проходятъ (ст. 18).

Относительно же, такъ называемыхъ, частныхъ городовъ губерній Царства Польскаго, постановленіемъ Совѣта Управленія Царства отъ 22 Апрѣля 1858 года указано было, что находящіеся на земляхъ владѣльческихъ, коими непосредственно пользуются владѣльцы тѣхъ городовъ, дороги, мосты, плотины и всякаго рода переправы обязаны строить на свой счетъ и содержать своимъ попеченіемъ исключительно сами владѣльцы, а находящіеся на земляхъ, состоящихъ въ безсрочномъ пользованіи у мѣщанъ, должны быть строимы и содержимы общими силами владѣльца города и безсрочныхъ содержателей. Высочайшимъ Указомъ 28 Октября 1866 года вотчинное (доминіальное) право казны, разныхъ учрежденій (институтовъ) и частныхъ лицъ на принадлежавшіе имъ въ Царствѣ Польскомъ города отмѣнено на всегда, со всѣми истекавшими изъ него послѣдствіями, съ оставленіемъ времени за владѣльцами городовъ права пропинаціи т. е. права выдѣлки и продажи питей, причемъ въ ст. 10 Указа сказано, что „доколѣ владѣльцы городовъ сохранять будутъ, на осн. ст. 8 й, право пропинаціи, они должны, въ мѣрѣ лежавшей на нихъ до сихъ поръ обязанности, принимать участіе въ издержкахъ по текущему содержанію городской администраціи, а также нести расходы по ремонту и содержанію въ порядкѣ общественныхъ городскихъ строеній, мостовъ, мостовыхъ, колодцевъ, пожарныхъ инструментовъ и т. п., но они немедленно освобождаются отъ всякихъ расходовъ и поставокъ на новыя городскія постройки, на устройство вновь мостовыхъ и т. д.“. Изъ разсмотрѣнія этихъ узаконеній слѣдуетъ вывести: а), что личной отвѣтственности по 69-й ст. владѣльцы городовъ, хотя бы и сохранившіе право пропинаціи, не несутъ и б), что обязанность исправнаго содержанія путей сообщенія на земляхъ, отошедшихъ въ собственность мѣщанъ — рольниковъ, должна лежать всецѣло на нихъ со времени уничтоженія въ городахъ вотчинныхъ отношеній.

Для правильнаго примѣненія 69-й ст. необходимо устано

вить, что виновный не приступилъ къ исправленію *послѣ напоминанія*. Въ рѣшеніи Сената за 76 г. № 117 разъяснено, что напоминаніе это должно исходить отъ полиціи и что въ томъ случаѣ, если обязанность исправленія лежитъ на томъ крестьянскомъ обществѣ. чрезъ земли котораго проходитъ дорога, то полиція обязана сдѣлать напоминаніе обществу крестьянъ, а за неисправленіе дороги и послѣ напоминанія полиціи „виновныя въ томъ лица, т. е. изъ обязанныхъ исправленіемъ дороги, которымъ сдѣлано было напоминаніе полиціею, непосредственно или чрезъ посредство сельскихъ начальствъ, если они съ умысломъ или по небрежности не исполнили такого законнаго требованія полицейской власти, — подлежатъ наказанію не по 29 ст. Уст. о нак., а по 69-й ст. сего Устава; при чемъ однако опредѣляемое ст. 69-ю денежное взысканіе съ виновныхъ лицъ, въ размѣрѣ не свыше 25 р., можетъ быть обращено только на всѣхъ виновныхъ въ неисправномъ содержаніи опредѣленнаго участка дороги въ совокупности, а не на каждаго изъ сихъ лицъ отдѣльно“.

70 ст. За порчу тротуаровъ, мостковъ, мостовыхъ дорогъ и шоссе, или находящихся на нихъ перилъ, канавъ столбовъ, деревъ, и т. п., виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Изъ проступковъ 70-й ст. исключены въ особую—72-ю—статью случаи болѣе серьезныхъ поврежденій путей сообщенія, а именно мостовъ, переправъ, плотинъ, гатей и т. п. По отношенію къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ ст. 70-ю, а также 72 и 73, которые могутъ возбуждать сомнѣніе, о какихъ именно дорогахъ идетъ рѣчь, Сенатомъ разъяснено, что статьи эти относятся къ поврежденіямъ мостовъ и дорогъ, на которые распространяется право общаго пользованія, т. е. пользованія всѣхъ и каждаго. Въ рѣшеніи Сената за 71 г. № 382 сказано: „не подлежитъ сомнѣнію, что выраженное въ Уставѣ путей сообщенія правило о правѣ всѣхъ и каждаго пользоваться свободно учрежденными въ государствѣ дорогами относится къ такимъ дорогамъ, которыя существуютъ въ силу Устава Пу-

тей Сообщенія и право пользованія коими всѣми безъ исключенія не зависитъ отъ воли владѣльца земли, чрезъ имѣніе коего дороги пролегаютъ, а не касаются вовсе учреждаемыхъ каждымъ владѣльцемъ земли для собственной хозяйственной надобности своихъ дорогъ и гатей". „Слѣдовательно,—говорится далѣе въ этомъ рѣшеніи — при нарушеніи права пользованія дорогами, уголовному суду, въ каждомъ данномъ случаѣ, необходимо собрать отъ мѣстныхъ учрежденій свѣденія, дѣйствительно ли данная дорога принадлежитъ къ тѣмъ, которыми всѣ могутъ свободно пользоваться".

Порча вотъ подобнаго рода дорогъ и преслѣдуется 70-ю статьею Мир. Устава, такъ какъ она помѣщена въ главѣ „о нарушеніяхъ Уставовъ Строительнаго и Путей Сообщенія, Уставъ же Путей Сообщенія имѣетъ въ виду—какъ видно изъ приведеннаго выше Сенатскаго рѣшенія — лишь тѣ дороги, на которыя распространяется общее право пользованія.

71 ст. За прогонъ скота по шоссе, тамъ, гдѣ это запрещено, или же безъ соблюденія установленныхъ для того правилъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

12-го Февраля 1822 года состоялось Постановленіе Князя Намѣстника въ Царствѣ, „заключающее въ себѣ правила касательно благоустройства на шоссейныхъ дорогахъ". Въ Правилахъ этихъ нѣтъ запрещенія прогона скота по шоссе, а существуетъ указанія на необходимость соблюденія нѣкоторыхъ правилъ, а именно: статьею 14-ю Правилъ запрещается *пастьба* скота на дорогахъ и въ канавахъ, а 19-ю статьею преслѣдуется поврежденіе канавъ, происшедшее отъ перегона скота, и, слѣдовательно, преслѣдуется перегонъ скота черезъ канавы.

Независимо отъ сего, въ Постан. Ком. Внутр. Дѣлъ и Дух. 19-го Іюля 1826 года въ ст. 4 сказано: „прогоняющіе для продажи свиней—хотя они большею частію минуютъ, по поводу твердости пути, шоссейные тракты, и слѣдуютъ боковыми дорогами, для большаго удобства въ гоньбѣ скота,—на случай слѣдованія со свиньями шоссейными трактами должны быть

предваряемы дорожными сторожами, что нигдѣ на дорогѣ не дозволяется отдыхать прогоняемымъ свиньямъ, ниже кормить оныхъ возлѣ дороги".

72 ст. За поврежденіе на дорогахъ мостовъ, переправъ, плотинъ, гатей и т. п., виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Бóльшая важность поврежденій, предусмотрѣнныхъ 72-ю статьею, влечетъ за собою и болѣе строгое наказаніе, нежели то, которое установлено за проступокъ 70-й статьи; поврежденіе же съ умысломъ желѣзной дороги преслѣдуется по Уложенію (ст. 1081) и неподсудно мировымъ судебнымъ установленіямъ. Причиненіе проступкомъ 72-й статьи кому либо раны или поврежденія влечетъ за собою возможность болѣе строгаго наказанія по 128-й ст. Уст. о нак., а если отъ проступка этого послѣдовала смерть, то онъ выходитъ — въ силу той же 128-й ст. — изъ предѣловъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій.

73 ст. За препятствованіе проходу по мосткамъ и тротуарамъ, или проѣзду по дорогамъ и улицамъ, оставленіемъ на нихъ громоздкихъ предметовъ или инымъ образомъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

Ст. 73 имѣетъ въ виду тоже тѣ дороги, на которыя распространяются право общаго пользованія; содержаніе этой статьи не можетъ возбуждать сомнѣній; несомнѣнно, что загроможденіе дороги постройками должно преслѣдоваться какъ нарушеніе Строительнаго Устава и что ст. 29-я не можетъ быть примѣняема къ проступкамъ, прямо предусматриваемымъ 73-ю статьею.

Въ Руководствѣ г. Микляшевскаго высказано, что „предусмотрѣнный 73-ю статьею проступокъ, насколько онъ касается почтовыхъ трактовъ, подлежитъ взысканію по опредѣленію Управляющаго почтовою частію, на основаніи 625 и 626 ст. Сбор. почтовыхъ правилъ, утвержденнаго Совѣтомъ Упра-

вленія Царства 8-го Іюня 1860 года". Въ настоящее время почтово-телеграфное вѣдомство руководствуется не этимъ сборникомъ, а „сборникомъ постановленій и распоряженій по почтово-телеграфному вѣдомству", изд. Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, но въ этомъ сборникѣ содержаніе ст. 625 и 626 сборника 1860 года не воспроизведено, изъ чего мы заключаемъ, что правило, содержавшееся въ этихъ статьяхъ, слѣдуетъ считать отмѣненнымъ.

74 ст. За несоблюденіе правилъ, установленныхъ для ѣзды обозами по шоссе и другимъ дорогамъ, виновные въ томъ извозчики подвергаются:

денежному взысканію не свыше тридцати копѣекъ за каждую повозку.

Находящіеся при обозахъ коммисіонеры и приказчики, виновные въ допущеніи этихъ нарушеній, подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Въ ст. 74-й говорится только о шоссе и другихъ *дорогахъ*, подъ которыми нельзя подразумѣвать и улицы, и говорится только о ѣздѣ *обозами*, слѣдовательно, только такую ѣзду и можно подводить подъ дѣйствіе 74-й ст. По отношенію къ этой ѣздѣ, Правилами 1822 года запрещается скорая ѣзда возами по мостамъ большаго протяженія, а также скопленіе возовъ на оныхъ (ст. 21), и на извозчиковъ возлагается обязанность, уступая взаимно половину дороги, осторожно проѣзжать мимо по правой сторонѣ (ст. 24).

По соображеніямъ, приведеннымъ нами подъ ст. 73-ю относительно Сборника Правилъ 1860 года, мы считаемъ и проступокъ 74-й ст. подсуднымъ судебнымъ установленіямъ; относительно же отвѣтственности лицъ, указываемыхъ въ этой статьѣ, считаемъ нужнымъ указать, что извозчики должны быть наказываемы и въ томъ случаѣ, если при обозѣ находится коммисіонеръ или приказчикъ; эти же послѣдніе отвѣчаютъ „за допущеніе" и, слѣдовательно, къ ихъ проступку долженъ быть примѣняемъ 2-й п. 9-й ст. Уст. о нак.

75 ст. За проѣздъ мимо шоссейныхъ заставъ, а равно за уклоненіе инымъ способомъ отъ платежа дорожнаго сбора, виновные, независимо отъ внесенія установленной платы, подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройнаго количества противъ слѣдовавшаго или недобраннаго съ нихъ сбора.

Дорожнаго сбора и шоссейныхъ заставъ — въ собственномъ смыслѣ этого слова — въ губерніяхъ Царства Польскаго нѣтъ; тѣ же заставы, которыя встрѣчаются проѣзжающимъ на нѣкоторыхъ дорогахъ (при въѣздахъ на мосты или же въ Варшаву и пр.) не могутъ считаться заставами шоссейными, установленными для взиманія дорожнаго сбора въ пользу фиска, а поэтому и проступокъ 75-й ст. не можетъ имѣть предметомъ своимъ проѣздъ мимо подобнаго рода заставъ.

76 ст. За переѣздъ, переводъ или перетаскиваніе чего либо черезъ желѣзную дорогу въ то время, когда это не дозволено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

76[1] ст. Кто неумышленно повредивъ или загромоздивъ путь желѣзной дороги, доведетъ о томъ немедленно до свѣдѣнія дорожнаго сторожа или другаго наблюдающаго за безопасностію пути лица, или же приметъ тотчасъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предотвращенію опасности, тотъ въ случаѣ, если судомъ будетъ признано, что поврежденіе или загроможденіе пути произошло отъ явной неосторожности виновнаго, подвергается за такую неосторожность, не имѣвшую, однако же, послѣдствіемъ причиненіе кому либо смерти или поврежденія въ здоровѣ (ст. 28):

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

76[2] ст. За нарушеніе предписанныхъ Общимъ Уставомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ полицейскихъ для публики правилъ, а также изданныхъ подлежащею властью въ развитіе оныхъ постановленій, виновныя въ томъ лица,

когда за совершенный ими проступокъ не опредѣлено инаго наказанія, подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

76[3] ст. Служащіе на желѣзныхъ дорогахъ за нарушеніе или несоблюденіе ими техническихъ или спеціальныхъ правилъ, ограждающихъ безопасность на желѣзныхъ дорогахъ, подвергаются, когда за совершенный ими проступокъ не положено въ законахъ уголовныхъ болѣе строгаго взысканія,

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Когда же сими служащими нарушены предписанныя Общимъ Уставомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ правила о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ или же содержащіяся въ томъ Уставѣ полицейскія правила, а равно изданныя подлежащею властью въ развитіе тѣхъ или другихъ правилъ постановленія, то лица сіи подвергаются, если за учиненный проступокъ не положено въ законахъ уголовныхъ болѣе строгаго наказанія,

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

76-я статья говоритъ о переѣздѣ, переходѣ и перетаскиваніи чего либо черезъ желѣзную дорогу, т. е. черезъ рельсы или полотно желѣзной дороги, не въ томъ *мѣстѣ*, гдѣ это не дозволено, а въ то *время*, когда это не дозволено; время это конечно, не на всей линіи желѣсной дороги одинаково, такъ какъ оно совпадаетъ со временемъ прохода въ данной мѣстности поѣзда; возможность же или невозможность проѣзда выражается открытіемъ или закрытіемъ шлагбаума существующаго при каждомъ переѣздѣ, устроенномъ черезъ рельсы. Поэтому, точнѣе, 76 ст. преслѣдуетъ переѣздъ и т. д. черезъ желѣзную дорогу въ то время, когда шлагбаумъ спущенъ, или дорожный сторожъ запрещаетъ переѣзжать черезъ рельсы. Подъ желѣзною же дорогою понимается только паровая желѣзная дорога, такъ какъ конно-желѣзная дорога, ни въ оффиціальной, ни въ простой жизни, не называется просто желѣзною дорогою.

76-я ст. подходитъ подъ дѣйствіе 128-й ст. Устава о нак.

Содержаніе статьи 76[1] Уст. о нак. Имп. Ал. II воспроизводитъ почти буквально содержаніе 2-го п. Выс. утв. мн. Гос. Сов. 14 Февраля 1878 года о наказаніяхъ за нарушеніе безопасности желѣзныхъ дорогъ и т. д. Статья эта имѣетъ въ виду случай неумышленнаго поврежденія или загроможденія пути желѣзной дороги, съ доведеніемъ о томъ немедленно до свѣдѣнія дорожнаго сторожа или же съ принятіемъ тотчасъ же всѣхъ зависящихъ мѣръ къ предотвращенію опасности. Проступокъ этотъ подлежитъ наказанію лишь въ случаѣ признанія судомъ что учиненъ онъ по *явной* неосторожности виновнаго. Тотъ же проступокъ неумышленнаго поврежденія или загроможденія, но безъ доведенія о томъ немедленно до свѣдѣнія желѣзно-дорожнаго сторожа или безъ принятія тотчасъ же всѣхъ мѣръ къ предотвращенію опасности, наказывается согласно 1 п. мн. 78 г.—общими судебными установленіями и при томъ наказывается даже въ случаѣ простой неосторожности или даже случайности совершенія этого проступка.

Проступокъ 76[1] ст. Мир. Уст. тоже изъемлется изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій въ томъ случаѣ, если послѣдствіемъ его является причиненіе кому либо смерти, или поврежденія въ здоровьѣ, если же послѣдствіемъ этого проступка будетъ сходъ поѣзда съ рельсовъ, но безъ вреда для здоровья пассажировъ, то подобное послѣдствіе не должно влечь за собою, въ виду содержанія 76[1] ст., признаніе дѣла подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ.

Выраженіе 76[1] ст. „*явная* неосторожность“ указываетъ на ненаказуемость проступка 76[1] ст. не только при случайномъ его совершеніи, но и тогда, когда судомъ признано, что хотя проступокъ и совершенъ по неосторожности, но что избѣгнуть этой неосторожности виновный могъ лишь при особомъ съ его стороны вниманіи и при исключительной осторожности.

Ст. 76[2] и 76[3] взяты изъ „Общаго Устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ Выс. утв. 12 Іюня 1885 года; правила же, о которыхъ говорится въ этихъ статьяхъ, помѣщены въ раз-

дѣлѣ третьемъ этого Устава, озаглавленномъ „полицейскія желѣзно-дорожныя правила“. Въ ряду отдѣльныхъ правилъ этого раздѣла встрѣчается и правило, установленное 76 статьею Уст. о нак., но въ виду словъ 76² ст., что подъ дѣйствіе ея слѣдуетъ подводить проступокъ лишь въ томъ случаѣ, когда за него не опредѣлено инаго наказанія, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ст. 76 Уст. о нак. осталась въ своей силѣ.

77 ст. За нарушеніе правилъ, предписанныхъ для судоплаванія и сплава лѣса по рѣкамъ и каналамъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

77-ю статьею начинается рядъ статей, имѣющихъ предметомъ своимъ водяныя пути сообщенія. Въ статьѣ этой говорится о нарушеніи правилъ „предписанныхъ для судоплаванія и сплава лѣса; но такихъ общихъ правилъ, дѣйствующихъ исключительно въ губерніяхъ Царства Польскаго, — не существуетъ, а имѣются только: запрещеніе плотамъ останавливаться ближе 150 саж. отъ Плоцкаго моста, предписаніе о соблюденіи осторожности при миновапіи судовъ по очисткѣ р. Вислы и правила относительно пропуска судовъ и плотовъ чрезъ плашкоутные мосты на р. Вислѣ у крѣпостей (Пост. Ком. Внутр. и Дух. Дѣлъ 37 и 55 г.г.). Поэтому возбуждается вопросъ: считать ли ст. 77-ю, а также и другія статьи Мир. Уст., въ которыхъ говорится о „правилахъ“ существующихъ только въ Имперіи,—считать ли всѣ такія статьи не дѣйствующими въ губерніяхъ Царства Польскаго въ тѣхъ случаяхъ, когда особыхъ правилъ для губерній Царства Польскаго по данному предмету не существуетъ? По этому поводу мы считаемъ нужнымъ высказать слѣдующія соображенія.

Тѣ „установленныя правила“, о нарушеніяхъ которыхъ говорится въ нѣкоторыхъ статьяхъ Устава о нак., сгруппированы въ различныхъ Уставахъ: Строительномъ, Пожарномъ, Врачебномъ и проч.; понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ губерніяхъ Царства Польскаго не дѣйствуетъ тотъ или другой изъ Уставовъ, дѣйствующихъ въ Имперіи, а существуютъ

самостоятельныя по тому или другому предмету узаконенія,— должно быть соблюдаемо правило 245 ст. Полож. о прим., въ которой сказано: во всѣхъ случаяхъ, когда въ Судебныхъ Уставахъ говорится объ уставахъ, учрежденіяхъ, наказахъ и другихъ законоположеніяхъ, не дѣйствующихъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, или дѣлаются на нихъ ссылки, принимаются въ руководство дѣйствующія въ означенныхъ губерніяхъ по симъ предметамъ узаконенія". Но очевидно, съ другой стороны, что при отсутствіи въ губерніяхъ Царства Польскаго самостоятельныхъ по какому либо предмету узаконеній — статья 245 Пол. о прим. не можетъ быть примѣняема. Изъ этого нельзя выводить однакоже, что тѣ статьи Устава о нак., въ которыхъ есть ссылка на „установленныя правила" должны считаться лишенными значенія въ подобныхъ случаяхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, такъ какъ такое толкованіе уничтожало бы смыслъ введенія этихъ статей въ дѣйствіе въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. По нашему мнѣнію, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ въ губерніяхъ Царства Польскаго особыхъ узаконеній и когда, слѣдовательно, примѣненіе 245 ст. Полож. о прим. не можетъ имѣть мѣста, слѣдуетъ обращаться къ тѣмъ правиламъ Уставовъ, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Имперіи, на которыя есть ссылка въ подлежащихъ статьяхъ Мироваго Устава, такъ какъ введеніе въ дѣйствіе— въ числѣ прочихъ — этихъ статей Устава о нак. показываетъ, что законодатель имѣлъ въ виду преслѣдованіе и въ губерніяхъ Царства Польскаго отступленій отъ тѣхъ правилъ, охраненіе которыхъ является предметомъ той или другой статьи Уст. о нак. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признавать, что въ случаяхъ, непредусмотрѣнныхъ 245 ст. Пол. о прим., введеніемъ въ дѣйствіе Мироваго Устава косвенно введены въ дѣйствіе и тѣ правила, о коихъ говорится въ Уставѣ о наказаніяхъ.

Примѣняя соображенія эти къ 77 ст., слѣдуетъ признать что статьею этою преслѣдуются нарушенія постановленій, изложенныхъ во „Временныхъ Правилахъ для плаванія по вну-

треннимъ водянымъ путямъ", утвержденныхъ Министромъ Путей Сообщенія 24 Іюня 1878 года (Собр. узак. 2 полуг. 78 г. № 162), а именно въ раздѣлѣ первомъ, озаглавленномъ: „Общія правила для плаванія по всѣмъ водянымъ путямъ".

78 ст. За выбрасываніе баласта на рейдѣ, фарватерѣ или въ гавани, въ рѣкахъ или каналахъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

Въ случаѣ повторенія сего проступка виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Подъ баластомъ понимается та тяжесть или тотъ грузъ, который является принадлежностью судна, необходимою для правильнаго его функціонированія. Такъ какъ ст. 78 говоритъ только о баластѣ, то выбрасываніе съ судна чего либо другого не можетъ быть подводимо подъ дѣйствіе 78-й ст.; въ виду же того, что статья эта говоритъ только о рейдѣ, фарватерѣ, гавани, рѣкахъ и каналахъ, то выбрасываніе баласта гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ не можетъ, равнымъ образомъ, влечь за собою примѣненіе 78 ст. Мир. Устава.

79 ст. За неисправное исполненіе обязанностей по проводу судовъ, виновные въ томъ проводники или лоцманы подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

80 ст. За принятіе на себя провожать судно, безъ явной необходимости или безъ надлежащаго разрѣшенія, лица, не имѣющія званія проводника или лоцмана, подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Обязанности проводниковъ или лоцмановъ изложены въ Уставѣ Путей Сообщенія; сами же лоцмана раздѣляются — по

Уст. Пут. Соб. — на лоцмановъ внутренняго судоходства и лоцмановъ по торговому мореплаванію.

81 ст. За нарушеніе правилъ объ исправности бечевниковъ, а также за поврежденіе ихъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

По предмету 81 ст. имѣется для губерній Царства Польскаго Постановленіе Совѣта Управленія Царства отъ 26 Марта 1843 года „объ очисткѣ береговъ судоходныхъ рѣкъ въ Царствѣ отъ преградъ для бечеванія судовъ". Подъ бечеваніемъ судовъ разумѣется способъ тяги или передвиженія судна при помощи людей или лошадей, идущихъ по берегу и тянущихъ судно бечевкою; бечевникомъ же называется пространство береговой земли, обязательно оставляемое для этой цѣли свободнымъ. Въ силу 1-й ст. Постан. 43 года, „берега судоходныхъ рѣкъ, на всемъ протяженіи пригодномъ къ судоходству, должны быть очищены и оставлены свободными для бечевниковъ, на семь съ половиною сажень, или сорокъ пять футовъ въ ширину съ каждой стороны рѣки, тамъ гдѣ оба берега оныхъ состоятъ въ предѣлахъ Царства Польскаго, а именно: 1) у р. Вислы отъ границы округа вольнаго города Кракова до Прусской границы, 2) у р. Нарева отъ входа въ предѣлы Царства до впаденія въ р. Вислу, 3) у р. Буга отъ Австрійской границы до впаденія въ р. Наревъ, 4) у р. Нѣмана, вдоль границы Царства, 5) у р. Пилицы отъ Конецполя до впаденія въ р. Вислу, 6) у р. Вепржа отъ Красностава до впаденія въ р. Вислу, 7) у р. Сана вдоль границы Царства, 8) у р. Варты отъ Дзялошина до Прусской границы, 9) у р. Ниды отъ Собкова до впаденія въ р. Вислу и 10) у р. Бѣбржы отъ селенія Дембова до впаденія въ р. Наревъ". Послѣ изданія этого постановленія признана судоходною еще рѣка Пысь или Писна (притокъ р. Нарева), но въ Постановленіи Совѣта Упр. Цар. по этому предмету отъ 23-го Авг. 1857 года ничего объ устройствѣ бечевниковъ по берегамъ ея не говорится, а такъ какъ въ ст. 6-й Постан. 43 года сказано, что распространеніе

правилъ о бечевникахъ на другія рѣки можетъ послѣдовать „когда Правительство признаетъ въ томъ надобность“, то слѣдуетъ признать что устройство бечевниковъ по берегамъ рѣки Писны—не обязательно.

Статьею же 2-ю разбираемаго нами Постановленія 43 года возлагается на владѣльцевъ земель обязанность „очищенія береговъ помянутыхъ судоходныхъ рѣкъ отъ деревьевъ, большихъ камней и другихъ предметовъ, затрудняющихъ бечеваніе судовъ“. Слѣдовательно, за неисправное содержаніе бечевниковъ могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности лишь владѣльцы земель, за поврежденіе же ихъ можетъ быть привлечено къ отвѣтственности всякое лицо, оказавшееся въ томъ виновнымъ.

82 ст. За препятствованіе ходу судовъ перекладываніемъ канатовъ съ одного берега на другой или инымъ образомъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

Статья эта преслѣдуетъ не самое перекладываніе канатовъ, а препятствованіе тѣмъ ходу судовъ, поэтому для возможности примѣненія къ дѣянію обвиняемаго 82 ст., слѣдуетъ признать, что дѣяніе его имѣло послѣдствіемъ своимъ именно препятствованіе ходу судовъ или же—замедленіе ими хода.

83 ст. За неисполненіе обязанности по спуску воды, или разведенію мостовъ, а равно за причиненіе остановки судоходству при проходѣ судовъ мимо паромныхъ перевозовъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Обязанность спускать воду относится до владѣльцевъ мельницъ на рѣкахъ, впадающихъ въ нѣкоторыя, особо перечисленныя въ законахъ Имперіи, рѣки; въ предѣлахъ же губерній Царства Польскаго правило это не имѣетъ примѣненія. Остальные проступки, преслѣдуемые 83 статьею, могутъ имѣть мѣсто и въ Округѣ Варшавской судебной палаты.

84 ст. За притѣсненіе судовщиковъ: при снятіи груза съ судна, подвергшагося крушенію, при съемкѣ судна, занесеннаго на берегъ, при добываніи судна изъ неудобнаго мѣста, при ставкѣ зимовокъ для караула, а равно за вырываніе столбовъ, поставленныхъ для чалки судовъ, прибрежные жители подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Въ 84 статьѣ перечислены тѣ случаи, въ которыхъ законъ находитъ нужнымъ взять судовщиковъ подъ свое особое покровительство отъ тѣхъ притѣсненій, которыя могутъ быть дѣлаемы имъ прибрежными жителями. Притѣсненія эти могутъ принимать различную форму и выражаться или въ затрудненіяхъ по предоставленіи мѣста, или же въ требованіи слишкомъ возвышенной цѣны за услуги, вызванныя необходимостью перенесенія груза съ судна на берегъ. Управленіемъ Путей Сообщенія въ Царствѣ еще въ 1844 году было разъяснено Губернскимъ Правленіямъ, что на ихъ обязанности лежитъ „наблюдать не только затѣмъ, чтобы очищены были дороги для бечеванія, но также не допускать, чтобы землевладѣльцы требовали отъ судовщиковъ платы за временную на этихъ дорогахъ выгрузку продуктовъ или за причаленіе судна къ берегу, въ случаѣ необходимой надобности по поводу повреждения судна или по иной причинѣ, требующей перегрузки“.

Проступокъ 84-й ст. подходитъ подъ дѣйствіе ст. 18 и 20 Уст. о нак., т. е. дѣла по обвиненію въ нарушеніи 84-й ст. могутъ начинаться лишь по жалобѣ потерпѣвшихъ и могутъ оканчиваться примиреніемъ сторонъ.

85 ст. За препятствованіе судоходству устройствомъ рыболовныхъ заведеній тамъ, гдѣ это воспрещено, или безъ соблюденія установленныхъ для того правилъ, а также за засореніе рыболовами рѣкъ и каналовъ, или за порчу ихъ береговъ, виновные, сверхъ отобранія употребленныхъ матеріаловъ, подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Особыхъ правилъ о рыболовствѣ въ судоходныхъ рѣкахъ губерній Царства Польскаго не имѣется, но существуетъ общая статья въ Кодексѣ Наполеона,—ст. 538,—въ которой сказано: „малыя и большія судоходныя рѣки, берега, мѣста морскихъ отливовъ и приливовъ, порты, заливы и стоянки, полагаются составляющими казенную собственность". Статья 85-я Мир. Уст. должна, поэтому, имѣть примѣненіе и въ губерніяхъ Царства Польскаго—къ случаямъ препятствованія судоходству устройствомъ рыболовныхъ заведеній, такъ какъ, разъ что судоходныя рѣки, „малыя и большія", составляютъ казенную собственность, то очевидно, что устройство на нихъ рыболовныхъ заведеній, безъ особаго на то разрѣшенія, не можетъ имѣть мѣста.

Статья 85-я имѣетъ въ виду исключительно рыболововъ, понимая подъ этимъ названіемъ лицъ, занимающихся ловлею рыбы въ видѣ ремесла.

86 ст. За самовольное измѣненіе направленія судоходной рѣки, или за остановку ея теченія плотинами, а равно за ослабленіе онаго каналами или другимъ образомъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

86-я ст. имѣетъ въ виду тоже охраненіе судоходныхъ рѣкъ. Проступокъ ослабленія теченія судоходной рѣки каналами или другимъ образомъ, а также проступокъ самовольнаго измѣненія ея направленія—не требуютъ особыхъ разъясненій, укажемъ лишь, что прорытіе канала отъ судоходной рѣки преслѣдуется въ томъ только случаѣ, если послѣдствіемъ этого дѣянія явится ослабленіе теченія судоходной рѣки; измѣненіемъ же направленія слѣдуетъ признавать тотъ случай, когда кто либо, не получивъ на то надлежащаго разрѣшенія, направитъ теченіе судоходной рѣки въ новое русло, вслѣдствіе чего рѣка покинетъ старое русло. Что же касается третьяго проступка изъ предусмотрѣнныхъ 86-ю статьею, а именно остановки теченія судоходной рѣки плотинами, то въ 1840 году послѣдовало распоряженіе Главноуправляющаго Путями Со-

общенія въ Царствѣ, коимъ вмѣнено въ обязанность Губернскимъ Правленіямъ—съ ссылкою на Постановленіе Намѣстника въ Царствѣ отъ 30-го Мая 1818 года—предварить владѣльцевъ имѣній, что отнюдь никто, безъ предварительнаго исходатайствованія надлежащей власти, не можетъ возводить плотинъ, мельницъ, запрудъ и т. п. устройствъ, производящихъ вредное вліяніе на судоходство и дороги на судоходныхъ рѣкахъ — нигдѣ, на рѣкахъ же несудоходныхъ — на разстояніи 1 $^1/_2$ мили отъ главныхъ и среднихъ трактовъ. Постановленіемъ же Намѣстника 1818 года требуется, чтобы всѣ пловучія мельницы, находящіяся на рѣкахъ судоходныхъ, были сняты, за исключеніемъ тѣхъ, которыя будутъ снабжены особыми дозволительными видами, съ тѣмъ, что если такая мельница окажется впослѣдствіи вредною для судоходства, то владѣлецъ ея, не взирая на консенсовое свидѣтельство, обязанъ будетъ снести оную. Наконецъ, 15-го Марта 1879 года Высочайше утверждены „Правила о постепенномъ закрытіи пловучихъ мельницъ на судоходныхъ рѣкахъ губерній Царства Польскаго“ (Собр. узак. за 80 г. № 77). Въ силу этихъ Правилъ „капитальное исправленіе существующихъ пловучихъ мельницъ, за указанными ниже изъятіями (п. 10), равно устройство новыхъ, воспрещается“ (п. 4). Въ пунктѣ же 10-мъ указано, что правила п. 4 и слѣд. не распространяются на тѣ пловучія мельницы на судоходныхъ рѣкахъ губерній Царства Польскаго, которыя, по надлежащемъ освидѣтельствованіи ихъ, окажутся, по особымъ мѣстнымъ условіямъ, не причиняющими никакого вреда судоходству и берегамъ рѣкъ. Остальнымъ же мельницамъ составляются списки и черезъ каждые три года производится осмотръ мельницъ и по даннымъ, выясненнымъ осмотромъ, опредѣляется время, когда мельница должна быть уничтожена; въ особыхъ же случаяхъ (при регулированіи рѣкъ) и если то окажется нужнымъ, мельницы эти, по распоряженію инженернаго начальства, должны быть упразднены немедленно (п. п. 5, 6 и 7 Прав.)“.

Разсмотрѣніе постановленій этихъ о пловучихъ мельни-

цахъ и о плотинахъ приводитъ къ тому убѣжденію, что устройство плотинъ вопреки запрещенію подходитъ подъ дѣйствіе 86-й ст., неисполненіе же распоряженій подлежащей власти по отношенію къ плотинамъ, разрѣшеннымъ на извѣстный срокъ или подъ извѣстными условіями, слѣдуетъ подводить подъ дѣйствіе 29-й ст. Уст. о нак.

87 ст. За нарушеніе правилъ, установленныхъ для плаванія рѣчныхъ пароходовъ, управляющіе сими послѣдними, когда неисправность ихъ не имѣла послѣдствіемъ смертнаго случая (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Дѣйствію 87-й ст. подлежатъ только управляющіе рѣчными пароходами; проступокъ 87 ст. выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій и преслѣдуется по 1466 ст. Улож. о нак. въ томъ случаѣ, если неисправность управляющаго рѣчнымъ пароходомъ повлекла за собою смертный случай. Проступокъ 87-й статьи—въ виду 2 п. 9 ст.—не можетъ быть обложенъ выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ. Что же касается „Правилъ, установленныхъ для плаванія рѣчныхъ пароходовъ“, то 4 Мая 1856 года изданы были таковыя Совѣтомъ Управленія Царства въ постановленіи „о продолженіи на 10 лѣтъ—по 23 Августа 1866 года—въ пользу пароходной кампаніи исключительной привилегіи содержанія пароходства по рѣкѣ Вислѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ“. Правила эти должны были имѣть силу „до изданія подробныхъ правилъ о паровомъ судоходствѣ“. Таковыя правила изданы—по нашему мнѣнію—въ 1878 году (Временныя правила, утв. Мин. Путей Сообщенія); объ обязательности этихъ правилъ для губерній Царства Польскаго мы говорили уже выше, поэтому, подъ дѣйствіе 87-й ст. Мир. Уст. и слѣдуетъ — на нашъ взглядъ—подводить нарушеніе этихъ Правилъ, въ случаѣ совершенія ихъ управляющими рѣчными пароходами.

ГЛАВА VII.

О нарушеніи правилъ осторожности отъ пожаровъ.

88 ст. **За устройство печей, каминовъ, дымовыхъ трубъ и т. п., безъ соблюденія правилъ установленныхъ для предохраненія отъ пожаровъ, печники или распоряжавшіе работами подвергаются:**

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Правила, соблюденіе которыхъ требуется при устройствѣ печей, каминовъ, дымовыхъ трубъ и т. п., изложены въ 13 и 14-й ст. Общихъ Правилъ Строит. Полиціи 1820 года; въ 13-й сказано: „топки печей, выходящія въ сѣни, должны быть устраиваемы въ соотвѣтственной отдаленности отъ лѣстницъ. Печи, устраиваемыя въ комнатахъ, должны быть отдалены отъ стѣнъ на одинъ локоть, а по крайней мѣрѣ на полъ — локтя. Правило это распространяется и на всѣ деревянныя перегородки, устраиваемыя близь очаговъ въ кухняхъ, или въ жилыхъ комнатахъ и могущія легко загорѣться". Въ статьѣ же 14-й сказано: „такъ какъ устройство крутыхъ, ненадлежаще соединенныхъ и тѣсныхъ отверстій въ дымовыхъ трубахъ чаще всего, при накопленіи сажи, бываетъ причиною пожара, то симъ постановляется, что отверстія въ трубахъ для каждаго особо очага должны имѣть по крайней мѣрѣ $^3/_4$ квадратнаго локтя въ свѣту; такъ, чтобы вытираніе сажи было вовсе не затруднительно. Сверхъ того, выведеніе дымовыхъ трубъ на чердакъ, особенно тамъ гдѣ находится деревянная настилка, симъ воспрещается, такъ какъ подобный родъ постройки признанъ самымъ опаснымъ". Независимо отъ сего, Предписаніемъ Ком. Внутр. Дѣлъ отъ 23-го Іюля 1855 года указано то соотношеніе, въ которомъ должны находиться между собою балки съ дымовыми трубами, а—по отношенію къ селеніямъ— Постановленіемъ той же Коммисіи отъ 29-го Апрѣля 1861 года предписано, чтобы кухонные очаги въ крестьянскихъ избахъ имѣли не менѣе $2^1/_2$ футовъ вышины.

Подъ дѣйствіе 88-й ст. слѣдуетъ подводить не только неправильное *устройство*, но и неисправное *содержаніе* печей, каминовъ и т. п., т. е. неисправленіе ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они по ветхости или по чему либо иному требуютъ починки и испрявленія, такъ какъ опасность отъ пожара грозитъ такъ же отъ оставленія печи въ видѣ, несогласномъ съ правилами Строит. Устава, какъ и отъ устройства печи съ нарушеніемъ этихъ правилъ.

Отвѣтственными лицами по 88-й ст. являются „печники или распоряжавшіеся работами"; выраженіе это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что печникъ, неправильно устроившій что либо не по собственной инниціативѣ, а вслѣдствіе особаго указанія распоряжавшагося работами лица, — будетъ ли это техникъ или владѣлецъ дома, или же его уполномоченный, завѣдующій домомъ, — печникъ, говоримъ мы, не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по 88-й ст. Мир. Уст.; съ другой же стороны, по смыслу этого выраженія, владѣлецъ дома или его управляющій не можетъ отвѣчать по 88 ст. при доказанности полнаго предоставленія ими на усмотрѣніе печника всѣхъ техническихъ подробностей порученной ему работы; само собою разумѣется, что порученіе устройства печи не печнику возлагаетъ всю отвѣтственность по 88 ст. на лицо, полагавшее обойдтись безъ помощи печника, такъ какъ въ подобномъ случаѣ это лицо и должно быть признано распоряжавшимся работами.

89 ст. За несоблюденіе предписанныхъ правилъ о чисткѣ дымовыхъ трубъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Относительно чистки дымовыхъ трубъ существуетъ (въ 14 Т. Дн. Зак.), Постановленіе Намѣстника Царства отъ 15 Іюня 1819 года, въ силу котораго каждый городъ обязанъ договорить, трубочиста, обязаннаго въ городахъ торговыхъ ежемѣсячно, а въ городахъ земледѣльческихъ по крайней мѣрѣ четыре раза въ мѣсяцъ вычищать и обстоятельно осматривать трубы, донося словесно мѣстному бургомистру о состояніи та-

ковыхъ; такой трубочистъ является отвѣтственнымъ лицомъ за несчастные случаи, могущіе послѣдовать отъ небрежности.

Постановленіе 1819 года имѣетъ въ виду исключительно города; относительно же селеній слѣдуетъ признать, что за невозможностью подведенія проступка неисправнаго содержанія дымовыхъ трубъ, т. е. неочистки ихъ отъ сажи и т. п., въ деревняхъ — подъ дѣйствіе 89 ст. Мир. Уст., слѣдуетъ проступокъ этотъ наказывать по 29 ст. того же Устава, при неисполненіи домохозяиномъ требованія полиціи объ очисткѣ, такъ какъ подобное требованіе несомнѣнно должно признавать законнымъ.

90 ст. За выдѣлываніе или складываніе удобовоспламеняющихся веществъ въ опасныхъ отъ огня мѣстахъ или безъ надлежащей осторожности, а равно за продажу фейерверковъ безъ надлежащаго разрѣшенія, и за сожиганіе ихъ или иллюминацій безъ соблюденія установленныхъ правилъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Въ ст. 90-й объ „установленныхъ правилахъ“ говорится лишь по поводу сожиганія фейерверковъ или иллюминацій, но такихъ—особо установленныхъ—правилъ не существуетъ ни въ губерніяхъ Царства Польскаго, ни въ губерніяхъ Имперіи, такъ что слѣдуетъ предполагать, что 90-я ст. имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду проступокъ, предусмотрѣнный ст. 1449 Улож. о нак. изд. 1857 года, замѣненною статьею 90 ст. Уст. о нак., и которою преслѣдовалось сожиганіе фейерверковъ и зажиганіе иллюминаціи въ городахъ близъ домовъ или другихъ деревянныхъ строеній, безъ дозволенія полиціи.

Затѣмъ въ 90 ст. нѣтъ никакихъ ссылокъ на установленныя правила, нѣтъ и другихъ какихъ либо ограниченій, поэтому слѣдуетъ признавать, что проступокъ 90 ст. можетъ быть совершенъ въ любомъ мѣстѣ, и въ роли обвиняемаго въ нарушеніи этой статьи Уст. о нак. можетъ явиться какое угодно лицо.

За разсмотрѣніемъ проступка „сожиганія", намъ остается разсмотрѣть остальные преслѣдуемые 90 статьею проступки, а именно: а) выдѣлываніе и б) складываніе удобовоспламеняющихся веществъ и в) продажа фейерверковъ.

Выдѣлываніе или складываніе наказывается по 90 ст. въ томъ случаѣ, когда оно во 1-хъ) имѣло предметомъ своимъ удобовоспламеняющіяся вещества и во 2-хъ) производилось въ опасныхъ отъ огня мѣстахъ *или* безъ надлежащей осторожности. Законъ не перечисляетъ всѣ вещества, относимыя имъ къ каттегоріи легковоспламеняющихся, поэтому вопросъ о томъ, относится ли данное вещество къ числу легковоспламеняющихся, остается для суда открытымъ и подлежитъ разрѣшенію путемъ допроса свѣдущихъ людей. Нѣкоторыя вещества, однакоже, пріобрѣли и имѣютъ на столько твердо установившуюся репутацію веществъ легковоспламеняющихся, что по отношенію къ нимъ судъ можетъ обойтись и безъ помощи экспертизы, такъ какъ и законъ прямо указываетъ на нихъ, какъ на примѣры легковоспламеняющихся веществъ. Такая ссылка встрѣчается въ Пожарномъ Уставѣ Имперіи и въ Улож. о нак. изд. 57 года, и хотя законы эти не дѣйствуютъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и судебныя установленія Варшавскаго судебнаго округа могутъ смотрѣть на эти вещества, какъ на легковоспламеняющіяся. Къ такимъ веществамъ слѣдуетъ относить: порохъ, сѣру, смолу, сѣно, солому, рогожу, пеньку и ленъ. Опасными же отъ огня мѣстами Уложеніе 1857 года считало печи и мѣста близь оныхъ и чердаки. Какъ перечисленныя выше вещества, такъ и мѣста приводятся въ Уставѣ Пожарномъ и въ Уложеніи 57 года лишь въ видѣ примѣровъ, на что указываетъ и Сенатъ въ рѣшеніи своемъ за 71 годъ № 282, разъяснивъ, что „въ каждомъ данномъ случаѣ судъ рѣшаетъ, была ли опасность отъ храненія въ извѣстномъ мѣстѣ горючихъ веществъ".

Въ томъ же Сенатскомъ рѣшеніи далѣе высказано: „тѣмъ не менѣе изъ дѣла видно, что Писаревъ обвинялся въ храненіи соломы на крышѣ вопреки послѣдовавшему воспрещенію

полиціи. На обязанности полиціи лежитъ, между прочимъ, принятіе предосторожности отъ пожаровъ (Т. II § I и II), и потому она вправѣ опредѣлять, въ какихъ мѣстахъ не могутъ быть хранимы горючія вещества и требованіе ея объ удаленіи изъ этихъ мѣстъ горючихъ веществъ должно быть признаваемо законнымъ и слѣдовательно неисполненіе его влечетъ за собою отвѣтственность по 29 ст. Уст. о нак.". На нашъ взглядъ, рѣшеніе это слишкомъ широко толкуетъ права полиціи, переходя отъ „принятія мѣръ предосторожности" къ опредѣленію мѣстъ храненія горючихъ веществъ, и, притомъ же, конецъ этого рѣшенія предоставляется намъ противорѣчащимъ началу его: въ началѣ сказано, что судъ рѣшаетъ, была ли опасность отъ храненія въ извѣстномъ мѣстѣ горючихъ веществъ; конецъ же рѣшенія приходитъ къ тому заключенію, что вопросъ этотъ рѣшаетъ полиція. Въ виду этого рѣшенія Судья долженъ былъ бы такъ мотивировать свой приговоръ по данному вопросу: находя, что мѣсто, гдѣ хранилъ обвиняемый горючія вещества, не должно считаться опаснымъ отъ огня, признаю обвиняемаго по суду—по 90-й ст.—оправданнымъ, но въ виду того, что полиція признала это мѣсто опаснымъ отъ огня, нахожу необходимымъ постановить о подсудимомъ обвинительный приговоръ, хотя и по другой — 29-й — статьѣ Устава о наказаніяхъ. Но подобнаго рода приговоръ врядъ ли можно было бы признать имѣющимъ силу судебнаго рѣшенія.

Подъ дѣйствіе 90-й же статьи слѣдуетъ подводить содержаніе стоговъ сѣна или соломы и т. п. на протяженіи 90 футовъ отъ середины желѣзной дороги, запрещаемое Правилами 1857 года „о безопасности желѣзныхъ дорогъ".

Та же статья преслѣдуетъ храненіе или выдѣлываніе горючихъ веществъ, хотя и въ мѣстахъ неопасныхъ отъ огня, но безъ надлежащей осторожности. Неосторожность подобнаго храненія можетъ быть установлена и помимо какихъ либо печальныхъ послѣдствій такой неосторожности, такъ какъ о пожарѣ, какъ о послѣдствіи всѣхъ проступковъ противъ Пожарнаго Устава, говоритъ 98-й ст. Мир. Уст. Неосторожность эта

можетъ выразиться въ самой формѣ храненія горючихъ веществъ и быть усмотрѣна ранѣе наступленія тѣхъ послѣдствій, о предупрежденіи которыхъ заботятся разбираемыя нами статьи Устава о наказаніяхъ.

Далѣе въ 90-й ст. говорится о продажѣ фейерверковъ; на продажу ихъ требуется надлежащее разрѣшеніе, приготовленіе же, а равно и храненіе ихъ, производимое съ надлежащею осторожностью, — не можетъ быть преслѣдуемо по 90 статьѣ. Проступки 90 ст., въ чемъ бы они не заключались, выходятъ изъ области примѣненія I-й части 9-й ст. Уст. о нак., такъ какъ они подходятъ подъ дѣйствіе 2-й ея части: продажа фейерверковъ подходитъ подъ дѣйствіе 2-го п. 9 ст. въ виду того, что на продавцевъ фейерверковъ возложена особая обязанность исходатайствованія на то разрѣшенія; храненіе безъ надлежащей осторожности подходитъ подъ дѣйствіе I-го пункта 9 й ст., такъ какъ ст. 90 преслѣдуетъ *неосторожное* храненіе или складываніе горючихъ веществъ, и, равнымъ образомъ, подъ дѣйствіе I-го же пункта 9-й ст. подходитъ храненіе ихъ въ мѣстахъ опасныхъ отъ огня, такъ какъ подобное храненіе должно быть разсматриваемо и наказываемо именно какъ неосторожность, ибо *умышленное* складываніе горючихъ веществъ въ мѣстахъ опасныхъ отъ огня никоимъ образомъ не можетъ быть подводимо подъ дѣйствіе 90-й ст. Мир. Устава.

91 ст. За несоблюденіе установленныхъ правилъ осторожности при обращеніи съ огнемъ въ жилыхъ мѣстахъ, а равно за неимѣніе сосудовъ съ водою или огнегасительныхъ снарядовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это предписано, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

91[1] ст. За нарушеніе правилъ о храненіи и продажѣ освѣтительнаго минеральнаго масла и петролеума, керосина, нефти и другихъ подобныхъ веществъ, виновные, по важности обстоятельствъ, подвергаются, примѣняясь къ статьямъ 89, 90 и 91, денежнымъ взысканіямъ:

въ нервый разъ—отъ десяти до двадцати пяти рублей; а во второй разъ—вдвое.

Въ случаѣ, если произойдетъ отъ нарушенія указанныхъ въ сей (91[1]) статьѣ правилъ несчастіе, какъ-то: пожаръ, взрывъ и проч., отвѣтственность за это, независимо отъ денежнаго взысканія, опредѣляется всякій разъ судомъ примѣняясь къ статьѣ 98, съ обращеніемъ всѣхъ происшедшихъ убытковъ на виновныхъ.

Въ ст. 91-й—въ первоначальной ея редакціи—говорилось и о куреніи табаку на сѣновалахъ, чердакахъ и т. п.; закономъ 21-го Декабря 1876 года редакція этой статьи, а равно и статей 94 и 95, измѣнена въ томъ смыслѣ, что проступки куренія табаку, гдѣ бы то ни было, сгруппированы въ ст. 92 путемъ исключенія этихъ проступковъ изъ статей 91 и 95 и добавленія къ 92-й статьѣ 2-й части.

„Правила“, о которыхъ говоритъ 91-я ст. имѣются въ Постан. б. Прав. Ком. Вн. и Дух. Дѣлъ отъ 6-го Ноября 1845 года, запрещающемъ запираніе печей деревянными заслонками, хожденіе въ конюшни, сараи и т. п. мѣста съ огнемъ не въ фонаряхъ, употребленіе лучинъ, высыпаніе золы въ деревянную посуду, оставленія огня въ каминахъ и печкахъ при уходѣ изъ дому и т. д... Несоблюденіе этихъ правилъ и составляетъ 1-й проступокъ 91-й статьи.

Второй ея проступокъ заключается въ неимѣніи сосудовъ съ водою или огнеспасительныхъ снарядовъ, въ тѣхъ случаяхъ когда это предписано. Имѣющіяся на этотъ предметъ въ губерніяхъ Царства Польскаго постановленія помѣщены въ 6-мъ и 20-мъ Томахъ Дневника Законовъ. Въ 6-мъ Томѣ помѣщено постановленіе Князя Намѣстника въ Царствѣ отъ 15 Іюня 1819 года, въ которомъ сказано, что на каждомъ домѣ въ городѣ должна находиться на крышѣ лѣстница; въ каждомъ домѣ должно быть деревянное ведро для воды, построенное и содержимое на средства домовладѣльца, сверхъ того, па каждые 10 домовъ на счетъ домовладѣльцевъ должны быть пріобрѣтены: два багра, одно ведро кожанное, 4 ручныхъ насоса, 1 боч-

ка для доставки воды и лѣстница, годная для переноски. Постановленіемъ же Административнаго Совѣта отъ 1 Сент. 1836 года предписано, чтобы въ деревняхъ, строенія которыхъ застрахованы, имѣлось по одному багру, длиною отъ 7—12 локтей, на каждые три дома.

Правила, о которыхъ говоритъ 91[1] ст. Уст. о нак. Имп. Ал. II, носятъ названіе Высоч. утв. 6-го Іюля 1867 г. временныхъ правилъ относительно устройства складовъ и продажи освѣтительнаго минеральнаго масла и т. д. Установлены были эти правила въ видѣ опыта сначала на три года, а затѣмъ дѣйствовали до 1879 года; 6 Іюня 1879 года дѣйствіе ихъ продолжено еще на пять лѣтъ, а 6 Іюня 1884 года еще на пять лѣтъ. Самое же содержаніе 91[1] ст. взято изъ 11-й ст. этихъ „Временныхъ Правилъ", причемъ въ 91[1] статью не вошло указаніе на наказуемость проступка нарушенія этихъ Правилъ въ 3-й разъ, въ 11-й же ст. Прав. значится, что наказаніемъ этимъ должно быть лишеніе права производить торговлю; слѣдовательно, проступокъ нарушенія въ 3-й разъ Временныхъ Правилъ изъятъ изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій.

Редакцію 91[1] ст. нельзя назвать удачною, особенно окончаніе ея, а именно то мѣсто, въ которомъ упоминается о 98-й ст. Мир. Уст. и говорится, что отвѣтственность должна налагаться по 98-й ст. „независимо отъ штрафа". Въ 98-й ст. есть наказаніе и арестомъ и денежнымъ взысканіемъ, и такъ какъ въ 11-й ст. Прав. не говорится ничего о необходимости наказывать арестомъ случаи нарушенія Врем. Прав., повлекшія за собою несчастіе, и отъ судей не отнято право выбора между двумя наказаніями, то это окончаніе 11 ст. Прав. слѣдуетъ понимать, на нашъ взглядъ, лишь какъ указаніе на необходимость болѣе строгаго наказанія въ случаѣ примѣненія 98-й ст., нежели какому могъ быть подвергнутъ обвиняемый безъ примѣненія этой статьи Мировато Устава.

92 ст. За куреніе табаку на улицахъ и площадяхъ, тамъ, гдѣ это воспрещено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше одного рубля.

За куреніе табаку на сѣновалахъ, чердакахъ, въ конюшняхъ, и тому подобныхъ мѣстахъ, также въ хвойныхъ лѣсахъ въ жаркую или сухую погоду, равно за куреніе на улицахъ и площадяхъ, тамъ, гдѣ это воспрещено, когда проступокъ сей сопряженъ съ опасностію возникновенія пожара, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Въ 92-й статьѣ Уст. о нак. изд. 85 г. сгруппированы всѣ проступки куренія табаку, разбросанные прежде по различныхъ статьямъ Мироваго Устава.

Окончаніе 2-й части этой статьи предусматриваетъ тотъ же проступокъ, о которомъ идетъ рѣчь и въ 1-й ч 92-й ст., но только при увеличивающемъ вину обстоятельствѣ, а именно тотъ случай куренія табаку на улицахъ и площадяхъ, тамъ гдѣ это воспрещено, „когда проступокъ сей сопряженъ съ опасностью возникновенія пожара“. Такимъ образомъ, 2-я часть 92-й ст. разъясняетъ 1-ю ся часть въ томъ смыслѣ, что этою первою частью 92-й ст. преслѣдуется куреніе табаку на улицахъ и площадяхъ, тамъ, гдѣ это воспрещено, — независимо отъ того, угрожаетъ ли это куреніе опасностью возникновенія пожара, или нѣтъ. Мнѣніемъ Госуд. Сов., Выс. утв. 14 Іюня 1865 года, разрѣшено куреніе табаку на улицахъ, площадяхъ и проч., какъ въ столицахъ, такъ и въ прочихъ городахъ и мѣстностяхъ, съ оставленіемъ запрещенія курить табакъ въ конюшняхъ, сѣновалахъ, чердакахъ и вообще „въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это воспрещено“ и съ добавленіемъ двухъ слѣдующихъ примѣчаній: 1) опредѣленіе тѣхъ мѣстностей, гдѣ куреніе табаку признается вреднымъ или неприличнымъ и потому должно быть запрещено, предоставляется усмотрѣнію главныхъ мѣстныхъ начальствъ, которыя принимаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужныя административныя мѣры для предостереженія, что виновные въ куреніи въ этихъ мѣстностяхъ подвергаются взысканіямъ, означеннымъ въ ст. 92-й Уст. о нак., и 2-е) на желѣзныхъ дорогахъ примѣненіе Правилъ 14 Іюня 1865 года

относительно воспрещенія курить табакъ предоставляется распоряженію Главнаго Управленія Путей Сообщенія.

Такимъ образомъ, въ виду этихъ Правилъ слѣдуетъ признать, что для установленія виновности кого либо въ нарушеніи 92-й ст., необходимо прежде всего установить, что состоялось запрещеніе „главнаго мѣстнаго начальства“ и что начальствомъ этимъ были приняты соотвѣтственныя мѣры для объявленія этого своего распоряженія.

2-я ч. 92-й статьи имѣетъ въ виду сѣновалы, чердаки, конюшни „и тому подобныя мѣста“, т. е. тѣ мѣста, въ которыхъ находятся вещества, на столько легко воспламеняющіяся, что пожаръ можетъ возникнуть отъ случайно зароненной искры, брошенной тлѣющейся спички и т. п. Далѣе 2-я ч. этой статьи говоритъ о лѣсахъ, но исключительно о *хвойныхъ* лѣсахъ, такъ какъ составныя части хвойныхъ деревъ—сосенъ, елей—являются матеріаломъ наиболѣе легко воспламеняющимся. Запрещается же курить табакъ въ хвойныхъ лѣсахъ только „въ жаркую или сухую погоду“. Г. Неклюдовъ признаетъ „болѣе правильнымъ“ разумѣть подъ жаркою или сухою погодою — жаркое или сухое время года, а не тотъ или другой отдѣльный день, но затѣмъ опровергаетъ самъ это свое мнѣніе, указывая что куреніе въ хвойномъ лѣсу *во время дождя,* (а не въ дождливое время года) не можетъ быть облагаемо взысканіемъ. Мы думаемъ, съ свой стороны, что выраженіе „погода“ не можетъ быть замѣнено выраженіемъ „время года“, такъ какъ ничто не указываетъ на намѣреніе законодателя, употребляя какое либо выраженіе, имѣть въ виду не его именно, а другое выраженіе, вовсе ему не равнозначущее. Г. Микляшевскій примыкаетъ къ мнѣнію г. Неклюдова, и даже съ большею рѣшительностью прямо утверждаетъ, что „выраженіе *„въ жаркую или сухую погоду“* собственно значитъ въ жаркую *и* сухую погоду, т. е. въ жаркое время года, съ весны до осени“. Г. Микляшевскій ссылается на 1467 ст. Улож. 57 г. и на Сравнительный Указатель; въ ст. 1467 Улож. 1857 г. говорится, дѣйствительно, о жаркой *и* сухой погодѣ „именно отъ весны до осени“. Но мы

уже видѣли выше, что Сравнительному Указателю нельзя, никоимъ образомъ, придавать рѣшающее значеніе въ вопросахъ толкованія состава того или другого проступка, а потому и въ данномъ случаѣ находимъ, что измѣненіе редакціи ст. 92 Мир. Уст., сравнительно съ редакціею 1467 ст. Улож. 57 г., должно влечь за собою наказаніе за тѣ дѣянія, которыя подходятъ подъ 92 ст. Уст. о нак., а не подъ отмѣненную 1467 ст. Уложенія. Замѣна выраженія *или* выраженіемъ *и* тоже не можетъ имѣть мѣста и слѣдуетъ наказывать за куреніе табаку въ хвойныхъ лѣсахъ во 1-хъ) въ жаркую погоду, причемъ выраженіе *жаркая* погода заключаетъ въ себѣ понятіе и *сухой* погоды, и во 2-хъ) въ сухую, хотя бы и не жаркую, погоду и притомъ безразлично отъ времени года.

2-я часть 92 ст. преслѣдуетъ куреніе табаку въ заранѣе опредѣленныхъ законами случаяхъ, почему виновный въ нарушеніи 2-й ч. 92-й ст. и не можетъ отговариваться отсутствіемъ объявленія о запрещеніи курить табакъ въ хвойномъ лѣсу, на чердакахъ и т. д. и дѣяніе его должно быть разсматриваемо и наказываемо какъ неосторожное обращеніе съ огнемъ, безъ примѣненія къ дѣянію этому 1-й ч. 9-й ст. Уст. о нак. Этого нельзя сказать о куреніи табаку на улицахъ и площадяхъ, въ случаѣ особаго запрещенія, такъ какъ запрещеніе это можетъ послѣдовать независимо отъ опасности отъ огня, могущей послѣдовать вслѣдствіе куренія табаку, и поэтому къ проступку куренія табаку на улицахъ и площадяхъ можетъ примѣняться и 1-я ч. 9-й ст. Мир. Уст.

Затѣмъ слѣдуетъ указать еще, что 8-го Іюля 1885 года утверждены г. Министромъ Путей Сообщенія „Правила о наливной перевозкѣ по внутреннимъ водянымъ путямъ нефтяныхъ произведеній и сырой нефти“. Правила эти помѣщены въ Собр. Узак. за 1886 г. № 24.

93 ст. За вводъ судна въ гавань прежде выгрузки находящихся на немъ удобовоспламеняющихся веществъ, а также за остановку или выгрузку судна, нагруженнаго такими веществами, въ ненадлежащемъ разстояніи отъ другихъ

судовъ, виновные, если они не были принуждены къ тому бурею или другими особенными обстоятельствами, подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Такъ какъ ст. 93 имѣетъ въ виду проступки, совершаемые исключительно въ гаваняхъ, а ихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго нѣтъ, то практическаго значенія въ округѣ Варшавской судебной палаты 93 ст. Уст. о нак. не имѣетъ.

94 ст. За несоблюденіе правилъ, установленныхъ для осторожности отъ огня на судахъ и плотахъ, за исключеніемъ означенныхъ въ 95 статьѣ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Правила, о которыхъ говорится въ 94-й ст., слѣдуетъ искать въ тѣхъ „Временныхъ Правилахъ“ 24 Іюня 1878 года, о которыхъ мы упоминали уже при разсмотрѣніи 77-й ст. Устава о нак., именно въ главѣ VII этихъ Правилъ, въ которой говорится „о мѣрахъ къ предупрежденію пожаровъ на судахъ и о перевозкѣ легковоспламеняющихся веществъ“. Правила эти помѣщены въ Собраніи Узаконеній и распоряженій правительства за 1878 г. (II полугодіе № 162).

95 ст. За нарушеніе правилъ предосторожности отъ огня внѣ жилыхъ мѣстъ, а именно:

1) за раскладываніе огня или неосторожное обращеніе съ огнемъ въ близкомъ разстояніи отъ лѣсовъ, кустарниковъ, стоящаго на корнѣ или сжатаго хлѣба, соломы, сѣна, огородовъ, мостовъ или строеній;

2) за оставленіе огня непотушеннымъ при отбытіи съ того мѣста, гдѣ онъ былъ разложенъ;

3) за выжиганіе кустарниковъ, травы, кореньевъ, сучьевъ и т. п. безъ соблюденія предписанныхъ правилъ, или въ недозволенное время;

4) за сидку смолы или дегтя, жженіе угольевъ и приготовленіе поташа, безъ соблюденія предписанныхъ предосторожностей, или въ недозволенное время;

5) за употребленіе, при стрѣляніи въ лѣсу, для зарядовъ пакли или льна, и

6) за оставленіе овина, во время топки, безъ всякаго надзора, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Статья 91-я Мир. Уст., какъ мы уже видѣли, имѣетъ предметомъ своимъ несоблюденіе установленныхъ правилъ осторожности при обращеніи съ огнемъ въ *жилыхъ* мѣстахъ, 95 же статья преслѣдуетъ нарушеніе правилъ осторожности отъ огня *внѣ жилыхъ* мѣстъ, и рѣшеніемъ Сената за 67 г. № 291 разъяснено, что п. I ст. 95-й относится и къ случаямъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ внутри нежилыхъ строеній.

Разсмотримъ подробнѣе нѣкоторые изъ пунк. 95 ст. Въ п. *а* 95 ст. обращаетъ на себя вниманіе выраженіе „въ близкомъ разстояніи" отъ лѣсовъ, кустарниковъ и т. д. За отсутствіемъ болѣе точнаго опредѣленія этого разстоянія, слѣдуетъ признать, что опредѣленіе того обстоятельства, былъ ли разложенъ огонь и произошло ли неосторожное обращеніе съ огнемъ въ *близкомъ* разстояніи отъ лѣсовъ и т. д. — предоставляется въ каждомъ данномъ случаѣ суду, разбирающему дѣло по существу. Правительствующимъ Сенатомъ — въ рѣшеніи за 73 г. № 312 — разъяснено по этому вопросу, что „хотя въ ст. 95-й Уст. о нак. говорится собственно о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ въ близкомъ разстояніи отъ предметовъ, поименованныхъ въ пунктѣ I-мъ этой статьи, но при всемъ томъ нельзя не признать, что Съѣздъ (установившій, что огонь находился въ верстахъ семи отъ хлѣба и сѣна потерпѣвшаго и былъ разнесенъ внезапно поднявшеюся бурею), постановляя приговоръ свой о виновности подсудимаго по убѣжденію, возникшему изъ совокупнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, раскрытыхъ судебнымъ разбирательствомъ, былъ вправѣ опредѣлить близость легко восгорающихся предметовъ отъ неосторожно разведеннаго виновнымъ лицомъ огня, не только по соображенію разстоянія этихъ предметовъ отъ огня, но и по мѣрѣ предвидѣнной виновнымъ опасности воспламененія

ихъ, отъ неосторожнаго обращенія его съ огнемъ въ данномъ случаѣ".

Разъясненію того, что понимать подъ выраженіемъ п. п. 3-го и 4-го „безъ соблюденія предписанныхъ правилъ или въ недозволенное время" можетъ помочь, за отсутствіемъ другихъ указаній, содержаніе тѣхъ статей Улож. о нак. изд. 57 года, которыя вошли въ ст. 95-ю Мир. Уст., а именно содержаніе ст. 1464, которою преслѣдовалось выжиганіе или производство сидки смолы въ случаѣ сильнаго вѣтра къ сторонѣ лѣсной дачи и „вообще безъ предписанныхъ при семъ предосторожностей"; о предосторожностяхъ же этихъ говоритъ Уставъ Пожарный, предписывающій, чтобы при выжиганіи принесены были на мѣсто метлы, ведра съ водою и другія по возможности пожарныя орудія, чтобы не допустить распространеніе огня далѣе надлежащаго. Что же касается времени выжиганія, то оно не установлено, какъ общее правило, и только по отношенію къ сидкѣ смолы и дегтя и жженію поташа Лѣснымъ Уставомъ запрещается производить таковыя отъ весны до осени.

Совершеніе проступковъ, предусмотрѣнныхъ п. п. 3, 4 и 5, въ предѣлахъ казенной собственности остается подсуднымъ казенному управленію, въ силу 110-й ст. Пол. о прим., такъ какъ дѣла этого рода — согласно 30-й ст. Полож. о введ. въ дѣйствіе Улож. о нак. изд. 47 г. въ Царствѣ Польскомъ—предоставлены „казеннымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ", Уложеніе же 1866 года не ввело въ этомъ отношеніи никакихъ новыхъ правилъ, на что мы указывали уже при разсмотрѣніи ст. 62 Мир. Устава.

96 ст. За неявку на пожаръ съ надлежащими огнеспасительными снарядами въ тѣхъ городахъ или селеніяхъ, гдѣ это установлено, а равно за неявку, безъ уважительныхъ причинъ, по призыву начальства, на пожаръ въ лѣсахъ, или за самовольное оставленіе мѣста пожара, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Въ § 36 распор. Мин. Полиціи отъ 9 Мая 1810 года говорится объ обязанности домовладѣльца присылать работника или являться самому лично на пожаръ съ тѣмъ орудіемъ для гашенія, которое предварительнымъ распоряженіемъ указано ему доставить на пожаръ. Объ обязанности же жителей оказывать содѣйствіе въ тушеніи лѣсныхъ пожаровъ говорятъ: предпис. Мин. Внутр. Дѣлъ отъ 24-го Мая 1808 года и Пост. Сов. упр. отъ 24 Іюня 1834 года.

Организація во многихъ мѣстностяхъ губерній Царства Польскаго пожарныхъ обществъ изъ охотниковъ не отмѣняетъ ни въ чемъ указанныя выше распоряженія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда доказано будетъ, что мѣстное начальство, въ цѣли привлеченія обывателей къ участію денежными взносами въ пожарномъ обществѣ, освободило домовладѣльцевъ отъ явки на пожаръ лично или отъ присылки работниковъ съ инструментами; неявка въ такомъ случаѣ можетъ быть признана неявкою по уважительной причинѣ. Неявка же на пожаръ дѣйствительныхъ членовъ пожарныхъ обществъ не можетъ быть подводима подъ дѣйствіе 96 ст. въ тѣхъ случаяхъ, когда обязанность явки на пожаръ лежала на нихъ единственно въ силу ихъ принадлежности къ пожарному обществу.

97 ст. За необъявленіе полиціи въ надлежащее время о случившемся пожарѣ, обязанныя къ тому лица подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Объ обязанности каждаго обывателя, замѣтившаго пожаръ какъ въ собственномъ, такъ и въ чужомъ помѣщеніи, тотчасъ извѣстить о томъ полицію — говоритъ то же распоряженіе Министра полиціи отъ 9 Мая 1810 года § 33.

98 ст. За совершеніе проступковъ, означенныхъ въ статьяхъ 88—92, 94 и 95, когда отъ сего произошелъ пожаръ, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей;

а за совершеніе проступковъ, означенныхъ въ статьѣ

93, когда отъ сего произошелъ пожаръ, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Нарушеніе пожарныхъ правилъ преслѣдуется предъидущими статьями Устава о нак. независимо отъ того, былъ ли послѣдствіемъ подобнаго нарушенія пожаръ, или нѣтъ; статья же 98-я даетъ право суду усилить наказаніе въ томъ случаѣ, когда послѣдствіемъ нарушенія былъ пожаръ. Что въ 98-й ст. говорится лишь о *правѣ* суда, видно изъ того, что въ статьѣ этой установленъ лишь высшій предѣлъ наказанія и, слѣдовательно, только въ этомъ отношеніи и ограниченъ судъ, руководствуясь въ остальномъ лишь общими правилами 2 и 3 п. п. 12 ст. Мир. Устава.

Для примѣненія 98-й статьи нѣтъ необходимости въ установленіи полнаго развитія пожара: достаточно установить, что пожаръ начался, хотя и былъ прекращенъ въ самомъ началѣ и даже домашними средствами. Безразлично для примѣненія 98 ст. и то обстоятельство, *что* загорѣлось; такъ Сенатъ разъясняетъ, что воспламененіе спирта, потребовавшее тушенія водою, правильно подведено судомъ подъ понятіе пожара, а также призналъ правильнымъ примѣненіе 98-й статьи къ нарушенію правилъ предосторожности отъ огня, хотя бы и при истребленіи собственнаго имущества, въ случаѣ происшедшаго отъ того пожара (рѣш. Сен. 70 г. №№ 1031 и 658).

ГЛАВА VIII.

О нарушеніяхъ Уставовъ Почтоваго и Телеграфнаго.

99 ст. За недозволенный провозъ на сдаточныхъ лошадяхъ проѣзжающихъ по трактамъ вольныхъ почтъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройныхъ прогоновъ по числу лошадей за все разстояніе, которое проѣзжающіе преслѣдовали по линіи вольныхъ почтъ мимо учрежденныхъ на ней станцій.

Выраженіе „вольныя почты“ перешло въ Уставъ о нак. изъ Устава Почтоваго (Т. XII ст. 191 Св. Зак. изд. 1857 г.); въ этой — 191 — статьѣ XII Тома сказано: „въ видахъ облегченія земскаго сбора на почтовую повинность, могутъ быть учреждаемы вольныя почты“. Кромѣ вольныхъ почтъ Уставъ Почтовый знаетъ еще отдачу почтовыхъ станцій въ содержаніе хозяйственнымъ порядкомъ по оцѣночной системѣ (ст. 153 Почт. Уст.). Система почтовой гоньбы въ губерніяхъ Царства Польскаго ближе подходитъ къ этой послѣдней системѣ, нежели къ системѣ вольныхъ почтъ; что же касается губерній Имперіи, то въ ней вольныя почты могутъ быть учреждаемы по всѣмъ почтовымъ дорогамъ, гдѣ находятся станціи отъ казны и на счетъ земской повинности содержимыя, кромѣ только дороги между С.-Петербургомъ и Москвою (ст. 192).

99-я ст. Мир. Уст., говоря о „трактахъ вольныхъ почтъ“, имѣетъ въ виду указать, что недозволенный провозъ на сдаточныхъ лошадяхъ не преслѣдуется, если онъ совершается по тѣмъ дорогамъ, на которыхъ нѣтъ почтовой гоньбы; на это указываетъ и выраженіе „мимо учрежденныхъ по линіи вольныхъ почтъ станцій“, употребленное въ той же 99-й статьѣ при указаніи размѣра денежнаго взысканія, положеннаго за тотъ проступокъ.

Для примѣненія 99-й ст. необходимо установить, что провозъ проѣзжающихъ по такимъ дорогамъ производился „на сдаточныхъ лошадяхъ“, т. е. чтобы существовала цѣлая организація почтовой гоньбы съ содержаніемъ въ опредѣленныхъ пунктахъ дороги лошадей и съ перепряжкою ихъ при перевозѣ пассажировъ. Поэтому не можетъ быть подводимо подъ 99 статью дѣйствіе лица, занимающагося извозомъ и нанявшагося довезти кого либо, хотя бы и по почтовой дорогѣ, но прямо съ мѣста до мѣста на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ. Намъ из-

вѣстны случаи возбужденія уголовнаго преслѣдованія противу частныхъ извозчиковъ, проѣзжавшихъ съ пассажирами по почтовымъ трактамъ; такое преслѣдованіе не можетъ имѣть мѣста ни по 99, ни по 29-й ст. Мир. Уст., такъ какъ лица эти ограждены противъ подобнаго преслѣдованія — независимо отъ смысла 99-й ст.—еще и спеціальными постановленіями губерній Царства Польскаго. Такъ, 13-го Іюня 1847 года состоялось Постановленіе Совѣта Управленія Царства (39 Т. Дневн. Зак.), въ которомъ выражено: „взимаемый нынѣ въ Царствѣ Польскомъ, въ пользу почтовыхъ доходовъ, платежъ съ извозчиковъ провозящихъ собственными лошадьми пассажировъ по почтовымъ дорогамъ, со дня объявленія въ офиціальной газетѣ настоящаго постановленія вовсе отмѣняется, и затѣмъ извозчики не будутъ уже обязаны выкупать въ почтовыхъ кассахъ такъ называемые извозчичьи ярлыки (ст. 1)". Пунктомъ же І-мъ ст. 2-й извозчикамъ этимъ вмѣняется въ обязанность, съ ссылкою на 47 ст. Органическаго Почтоваго Устава 1817 года, „не разставлять своихъ лошадей къ перепряжкѣ для частныхъ лицъ тамъ, гдѣ почты ходятъ".

Г. Микляшевскій, ссылаясь на Сборникъ Почтовыхъ Правилъ изд. 1861 года, находитъ проступокъ 99-й ст. подлежащимъ вѣдѣнію Управляющихъ почтовою частью въ губерніяхъ Царства Польскаго; мы же, съ своей стороны, указывали уже — при разсмотрѣніи 73-й ст. Мир. Уст. — почему не находимъ возможнымъ признавать Сборникъ 61 года сохранившимъ свою силу и значеніе и въ настоящее время, и затѣмъ не считаемъ проступокъ 99 ст. изъятымъ изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій и округа Варшавской судебной палаты.

100 ст. За грубое обхожденіе съ проѣзжающими, а равно за несоблюденіе установленныхъ о почтовой ѣздѣ правилъ, виновные въ томъ почтосодержатели, ихъ довѣренные, писари, приказчики, почтаря и ямщики или извозчики подвергаются:

арссту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Проступки 100 статьи, въ виду 110 ст. Пол. о прим., слѣдуетъ признавать изъятыми изъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій Варшавскаго судебнаго округа.

101 ст. За поврежденіе, по неосторожности, принадлежностей телеграфовъ, отъ котораго можетъ произойти остановка въ телеграфическихъ сообщеніяхъ, виновные, если о сдѣланномъ поврежденіи не извѣстятъ немедленно телеграфное начальство, подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Проступокъ поврежденія принадлежностей телеграфа преслѣдуется по 101-й ст. Мир. Уст. лишь въ случаѣ совершенія его *по неосторожности* и поэтому — въ силу I-го п. 9 ст.—не можетъ быть наказываемъ выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ; умышленное же поврежденіе какой либо изъ принадлежностей телеграфа наказывается по Улож. о нак. (ст. 1140 и слѣд.), по которому преслѣдуется и неосторожное ихъ поврежденіе въ томъ случаѣ, если послѣдствіемъ поврежденія телеграфа „причинятся кому либо раны, увѣчья или иное повреждение въ здоровьѣ, или даже и смерть (ст. 1139).

По 101-й ст. Мир. Уст. преслѣдуется такое поврежденіе телеграфныхъ принадлежностей, отъ которыхъ можетъ *произойти* остановка въ телеграфныхъ сообщеніяхъ; слѣдовательно, наличность этой остановки не является существеннымъ признакомъ проступка 101-й статьи: достаточно, если будетъ установлено, что остановка эта могла имѣть мѣсто; существеннымъ, наоборотъ, признакомъ этого проступка является неизвѣщеніе немедленно телеграфнаго начальства о сдѣланномъ поврежденіи; поврежденіе же, о которомъ телеграфное начальство немедленно извѣщено виновнымъ, по смыслу 101-й статьи —не наказуемо.

ГЛАВА IX.

О проступкахъ противъ народнаго здравія.

102 ст. **За несоблюденіе предписанныхъ закономъ общихъ мѣръ предосторожности противъ распространенія прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней, виновные подвергаются:**

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

102-ю статьею открывается рядъ статей, преслѣдующихъ проступки противъ народнаго здравія. Примѣненіе 102-й статьи обусловливается наличностью существованія въ данной мѣстности прилипчивой или повальной болѣзни и несоблюденіемъ предписанныхъ закономъ общихъ мѣръ предосторожности противъ *распространенія* подобнаго рода болѣзней. Подчеркнутое нами выраженіе 102 статьи подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе, что при несуществованіи въ данной мѣстности эпидеміи статья эта не можетъ быть примѣняема, такъ какъ распространяться можетъ лишь то, что уже существуетъ. Мнѣніе это подкрѣпляется и цѣлымъ рядомъ Сенатскихъ рѣшеній; таковы рѣшенія: 67 г. № 312, 71 г. № 1782, 72 г. № 1359, 74 г. № 149 и проч. Въ рѣшеніи за 75 г. № 398 высказано, что несоблюденіе чистоты въ дворахъ и помѣщеніяхъ не во время эпидеміи не подходитъ подъ 102 ст. Уст. о о Нак.; въ рѣшеніи же за 67 г. № 295 разъяснено, что несоблюденіе чистоты въ домѣ послѣ прекращенія эпидеміи наказывается по 29 ст., а не по 102 ст. Мир. Уст.

Во всѣхъ перечисленныхъ выше Сенатскихъ рѣшеніяхъ говорится о существованіи эпидеміи въ томъ городѣ или уѣздѣ, вообще въ той мѣстности, въ которой совершенъ проступокъ, повлекшій за собою примѣненіе 102-й статьи, и однимъ только рѣшеніемъ — 71 г. № 1819 — признано правильнымъ примѣненіе 102 статьи въ виду появленія повальныхъ болѣзней *въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи*, къ числу которыхъ тотъ

городъ, въ которомъ совершенъ проступокъ, — не принадлежалъ. Хотя фактъ существованія эпидеміи принадлежитъ къ числу фактовъ, устанавливаемыхъ судомъ, разрѣшающимъ дѣло по существу, и не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, но, тѣмъ не менѣе, это не освобождаетъ насъ отъ необходимости ближайшаго разсмотрѣнія вопроса о томъ, когда слѣдуетъ считать эпидемію существующею? Очевидно, что необходимо установить тѣ территоріальныя границы, существованіе внутри которыхъ повальныхъ болѣзней вызываетъ примѣненіе 102 ст., при отсутствіи же такихъ границъ пришлось бы признавать 102 статью дѣйствующею постоянно, такъ какъ извѣстно, что нѣкоторыя эпидемическія болѣзни, напр., холера и сифилисъ, постоянно существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи, а другія прилипчивыя болѣзни: корь, оспа, дифтеритъ и т. п. никогда вполнѣ не прекращаются, и всегда гдѣ нибудь въ Россіи или другихъ Европейскихъ странахъ существуютъ въ эпидемической формѣ. Въ послѣдніе годы холера появлялась на всемъ южномъ побережьи Европы, свирѣпствовала въ Испаніи и Италіи, но, однакоже время это нельзя считать для Россіи временемъ холерной эпидеміи. Если бы холера появилась въ Россіи, напр. на Волгѣ или на Каспійскомъ побережьѣ, то, по нашему мнѣнію, тоже нельзя было бы признавать существованіе эпидеміи въ губерніяхъ Царства Польскаго. Примѣрами этими мы хотимъ высказать, что границы части свѣта и границы даннаго государства не могутъ считаться тѣми границами, переходъ черезъ которыя эпидеміи долженъ былъ бы вызывать примѣненіе 102-й статьи. По нашему мнѣнію, подъ одною мѣстностью въ санитарномъ отношеніи — слѣдуетъ понимать тѣ мѣстности, которыя находятся между собою въ непрерывномъ общеніи, что и можетъ влечь за собою возможность непосредственнаго перенесенія прилипчивой болѣзни изъ одной мѣстности въ другую; мѣстности эти могутъ принадлежать къ различнымъ губерніямъ и даже къ различнымъ государствамъ и все таки составлять въ санитарномъ отношеніи одну мѣстность; мѣстности же, составляющія части одной

страны, но не имѣющія между собою никакихъ сношеній, не могутъ—въ санитарномъ отношеніи — считаться одною мѣстностью. Сенатское рѣшеніе за 85 г. № 24 высказало тоже, что „по смыслу 102 ст., для примѣненія ея вполнѣ достаточно того, чтобы было установлено существованіе повальной болѣзни въ какой бы то ни было мѣстности, если только при этомъ будетъ установлено и то, что изъ этой мѣстности она можетъ быть занесена въ данную мѣстность“. Такимъ образомъ, существованіе эпидеміи въ пограничныхъ Польшѣ мѣстностяхъ Пруссіи или Австріи несомнѣнно должно вызвать въ губерніяхъ Царства Польскаго примѣненіе 102 ст. въ виду постоянныхъ торговыхъ сношеній, существующихъ между жителями пограничныхъ мѣстностей. Тоже слѣдуетъ, конечно, сказать и о прилегающихъ къ Польшѣ губерніяхъ Сѣверо и Юго - Западнаго края и, само собою разумѣется, обо всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго, въ виду крайне незначительныхъ разстояній, существующихъ въ этихъ губерніяхъ и сравнительной плотности ихъ народонаселенія.

Примѣненіе 102-й ст. обусловливается существованіемъ въ данной мѣстности повальной или прилипчивой болѣзни непремѣнно въ формѣ эпидеміи, существованіе же отдѣльныхъ случаевъ какой либо прилипчивой болѣзни, напр., дифтерита, скарлатины и т. п., не можетъ влечь за собою примѣненіе въ извѣстныхъ случаяхъ 102-й статьи. Къ этому взгляду приводитъ насъ содержаніе 103-й статьи Уст. о нак., преслѣдующей зараженіе сифилисомъ независимо отъ того, существуетъ ли эпидемія, или нѣтъ; выдѣленіе же этого проступка въ особую статью было бы излишне при толкованіи 102-й ст., противномъ вышеизложенному ея толкованію.

Для примѣненія 102-й ст. нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы послѣдствіемъ ея нарушенія явилось непремѣнно распространеніе повальной болѣзни: достаточно одного нарушенія предписанныхъ мѣръ предосторожности, могущаго влечь за собою распространеніе эпидеміи; взглядъ этотъ высказанъ и Сенатомъ въ рѣшеніи за 74 г. № 149, въ которомъ — съ ссыл-

кою на Сенатскія рѣшенія предъидущихъ годовъ—высказано, что „несоблюденіе общихъ мѣръ предосторожности противъ распространенія прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней по буквальному смыслу 102-й ст. Мир. Уст. подвергаетъ виновныхъ отвѣтственности за одно нарушеніе этихъ мѣръ, хотя бы предупреждаемое ими зло не совершилось“. Не освобождаетъ также отъ отвѣтственности по 102-й ст. и ссылка виновнаго на неосторожность, такъ какъ 102-я ст. преслѣдуетъ именно несоблюденіе мѣръ предосторожности и слѣдовательно, проступокъ 102-й ст. не можетъ подходить подъ дѣйствіе І-й ч. 9-й ст. Уст. о нак.

Буквальный смыслъ выраженія 102-й ст. „за несоблюденіе предписанныхъ закономъ общихъ мѣръ предосторожности противъ распространенія прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней“ даетъ основаніе къ выводу, что въ законѣ существуютъ „общія мѣры предосторожности противъ распространенія прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней“; но на самомъ дѣлѣ такихъ „общихъ правилъ“ не существуетъ и Сенатскими рѣшеніями подводятся подъ дѣйствіе 102 ст. нарушенія всякаго рода правилъ: о соблюденіи чистоты, объ исправномъ содержаніи ретирадныхъ мѣстъ и вообще всѣ проступки противъ народнаго здравія, предусмотрѣнные законами, а также всѣ дѣянія, признанныя путемъ экспертизы вредными въ санитарномъ отношеніи при существованіи въ данной мѣстности той или другой эпидеміи. Хотя въ Сенатскихъ рѣшеніяхъ за 72 г. № 1359 и за 78 г. № 85 и высказывается, что „неисправное содержаніе ретирадныхъ мѣстъ наказывается по 102-й ст. Уст. о нак. въ томъ только случаѣ, когда такимъ проступкомъ нарушаются особыя предписанія полицейской власти или же правила медицинской полиціи, установленныя для огражденія народнаго здравія, во время существованія въ городѣ повальныхъ болѣзней“, но ни въ этихъ, ни въ другихъ Сенатскихъ рѣшеніяхъ не указывается вовсе, какія именно эти правила, а въ многочисленныхъ Сенатскихъ рѣшеніяхъ подводятся подъ дѣйствіе 102 ст. Уст. о нак. такіе проступки, которые—при несущество-

ваніи въ данной мѣстности эпидеміи — подводятся подъ другія статьи Уст. о нак., что, впрочемъ, высказано даже и въ томъ рѣшеніи 72 г. № 1359, въ которомъ говорится о нарушеніяхъ „особыхъ предписаній". По взгляду же большинства Сенатскихъ рѣшеній, для примѣненія 102 ст. вполнѣ достаточно установить, что въ данной мѣстности, при существованіи эпидеміи, совершены какія либо дѣйствія, признанныя экспертизою могущими способствовать распространенію эпидеміи. Взглядъ этотъ, правда, нѣсколько несогласенъ съ буквальнымъ смысломъ 102-й статьи, но за то онъ не отступаетъ нисколько отъ разума этой статьи и вполнѣ оправдывается тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, при которомъ примѣненіе 102-й ст. можетъ имѣть мѣсто. Строгая придирчивость въ толкованіи статьи закона и исполненіе ея только по буквальному ея смыслу, но несогласное съ разумомъ ея, представляется, на нашъ взглядъ ничѣмъ не оправдываемымъ буквоѣдствомъ, тѣмъ болѣе вреднымъ, что жертвою его можетъ пасть даже и то лицо, въ интересахъ котораго и имѣло мѣсто подобное буквальное толкованіе 102-й статьи.

Поэтому то мы не можемъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ Руководства г. Микляшевскаго и др., что такъ какъ въ Царствѣ Польскомъ не существуетъ *общихъ мѣръ предосторожности* противъ распространенія прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней, то несоблюденіе мѣръ, предписанныхъ въ этомъ отношеніи и въ данномъ случаѣ распоряженіями правительственныхъ властей или полиціи, составляетъ нарушеніе не 102, а 29-й статьи. По отношенію же къ холерной эпидеміи взглядъ Руководства основанъ и на невѣрномъ фактическомъ предположеніи, такъ какъ въ 1852 году состоялось распоряженіе Правит. Ком. Внутр. и Дух. Дѣлъ о предохранительныхъ противъ распространенія холерной эпидеміи мѣрахъ; распоряженіе это предписано къ общему исполненію Княземъ Намѣстникомъ Царства.

Отвѣтственными лицами за нарушеніе санитарныхъ правилъ въ домахъ являются фактическіе владѣльцы недвижимо-

стей, подобно тому, какъ мы это уже видѣли при разсмотрѣніи ст. 56 Уст. о нак. Къ личной или имущественной ихъ отвѣтственности не можетъ, однакоже, присоединяться сломка строенія, какъ это разъяснено Сенатомъ въ рѣшеніи за 77 г. № 85, въ которомъ выражено, что „въ 102 ст.—по прямому ея смыслу—не содержится постановленія о сносѣ какихъ либо построекъ, содержимыхъ въ нечистотѣ или неисправности; слѣдовательно—за силою этой статьи—ретирады, распространяющія зловоніе, могутъ подлежать исправленію и очисткѣ, а не переносу или сломкѣ“.

103 ст. За сообщеніе другимъ происходящей отъ непотребства заразительной болѣзни, виновные подвергаютя:

аресту не свыше двухъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей.

Статья 103-я преслѣдуетъ сообщеніе другимъ заразительной болѣзни (сифилиса), происшедшее только вслѣдствіе неосторожности зараженнаго, что видно изъ того, что умышленное зараженіе кого либо повальною или прилипчивою болѣзнью вообще—преслѣдуется по 854 ст. Улож. о нак. Статья же 855 Уложенія преслѣдуетъ виновныхъ въ поступленіи въ кормилицы или няньки, будучи одержимыми заразительною или иною вредною болѣзнью.

Проступокъ 103 ст. преслѣдуется—въ силу 18-й ст. Уст. о нак. — единственно по жалобѣ потерпѣвшаго. Для состава этого проступка необходимо, чтобы сообщеніе болѣзни уже послѣдовало, т. е., чтобы было установлено, что потерпѣвшій заболѣлъ, причемъ была бы установлена и причинная связь между этимъ послѣдствіемъ и дѣйствіемъ виновнаго, одержимаго заразительною болѣзнью.

Выраженіе 103 ст. „болѣзни, происходящей отъ непотребства“ указываетъ, что ею предусматриваются, такъ называемыя, венерическія болѣзни, сифилисъ. Субъектомъ и объектомъ этого проступка могутъ быть и мущины и женщины, при чемъ послѣднія могутъ быть и изъ каттегоріи честныхъ женщинъ и изъ каттегоріи женщинъ публичныхъ; на практикѣ же, конечно,

виновными въ проступкѣ 103-й ст. могутъ быть преимущественно падшія женщины, т. е. проститутки.

Такъ какъ законъ не указываетъ, вслѣдствіе какихъ именно дѣйствій обвиняемаго можетъ произойти зараженіе потерпѣвшаго, то поэтому дѣломъ суда является установленіе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, причинной связи между дѣйствіемъ виновнаго и появленіемъ заразительной болѣзни у потерпѣвшаго, при чемъ трудно, конечно, обойтись безъ врачебной экспертизы.

104 ст. За употребленіе лицами, не имѣющими права заниматься врачебною практикою, при врачеваніи, ядовитыхъ или сильнодѣйствующихъ веществъ (Уст. Врач. ст. 879 и прил.), виновные, сверхъ отобранія сихъ веществъ въ пользу мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній, подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Правило это не примѣняется къ лицамъ, которыя, по человѣколюбію, безмездно помогаютъ больнымъ своими совѣтами и извѣстными имъ средствами леченія.

104[1] ст. За продажу ядовитыхъ или сильнодѣйствующихъ веществъ (Уст. Врач. ст. 879-й и прил.), лицами, не имѣющими на то по закону права, если нарушеніе это не имѣло своимъ послѣдствіемъ причиненія кому либо смерти (ст. 28), виновные, сверхъ отобранія сихъ веществъ въ пользу мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній, подвергаются:

въ первый разъ, или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ, или же денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей,

а во второй и послѣдующіе разы — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ.

104[2] ст. За несоблюденіе предписанныхъ мѣръ предосторожности при храненіи и употребленіи ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ, не имѣвшее, впрочемъ, своимъ послѣдствіемъ смертнаго случая (ст. 28), лица, коимъ

дозволено имѣть такія вещества для продажи или употребленія въ промыслѣ или ремеслѣ, подвергаются:

въ первый разъ — денежному взысканію не свыше тридцати рублей,

а во второй разъ—денежному взысканію не свыше ста рублей.

Лица, изобличенныя въ семъ проступкѣ въ третій разъ, подвергаются наказанію по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

Редакція 104-й статьи дважды подвергалась измѣненію: 11-го Марта 1875 года и 18-го Декабря 1885 года; нынѣшняя редакція 104 статьи не отличается существенно отъ редакціи 75 года, такъ какъ въ послѣдней редакціи прибавлены лишь слова „сверхъ отобранія сихъ веществъ въ пользу мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній" и измѣнены—вовсе не существенно —послѣднія слова 2-й части 104-й статьи.

Пунктомъ *д* ст 76 Пол. о прим. Суд. Уст. къ Варш. суд. окр. проступокъ 104 ст. изъятъ былъ изъ вѣдомства мировой юстиціи губерній Царства Польскаго, и только Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Сов. 18-го Мая 1882 года проступокъ этотъ снова введенъ былъ въ сферу ихъ компетентности, то есть признанъ былъ подсуднымъ и мировымъ судьямъ и гминнымъ судамъ. Затѣмъ, хотя ст. 104-я въ новой редакціи помѣщена была—до введенія ея въ Уставъ о нак. изд. 85 года — въ законѣ 18 Декабря 1885 года, не упоминающемъ о гминныхъ судахъ, но, тѣмъ не менѣе, въ виду несущественности измѣненій, произведенныхъ въ текстѣ 104-й статьи, а также въ виду того, что законъ этотъ говоритъ вообще о судебно-мировыхъ учрежденіяхъ (за исключеніемъ статей о порубкахъ), мы признаемъ, что проступокъ 104 ст. и въ новой редакціи подсуденъ и гминнымъ судамъ наравнѣ съ мировыми судьями губерній Царства Польскаго. 104-я ст. въ первоначальной ея редакціи преслѣдовала „врачеваніе изъ корыстныхъ видовъ, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда"; въ новой же своей редакціи ст. 104-я не преслѣдуетъ врачеванія изъ корыстныхъ видовъ, хо-

тя бы послѣдствіемъ его явилось ухудшеніе состоянія здоровья паціента, а запрещаетъ лишь „употребленіе лицами, не имѣющими права заниматься врачебною практикою, при врачеваніи ядовитыхъ или сильнодѣйствующихъ веществъ“, при чемъ вредныя послѣдствія для здоровья выдѣляютъ этотъ проступокъ изъ круга вѣдомства мировой юстиціи (ст. 871[1] Улож. о нак. изд. 85 г.). Такимъ образомъ, врачеваніе разрѣшено и не спеціалистамъ съ запрещеніемъ имъ лишь употребленія ядовитыхъ или сильнодѣйствующихъ веществъ; но и эта послѣдняя оговорка имѣетъ въ виду исключительно лицъ, занимающихся врачеваніемъ за вознагражденіе, къ лицамъ же, „по человѣколюбію, безмездно помогающимъ больнымъ своими совѣтами и извѣстными имъ средствами леченія“, правило I-й ч. 104-й ст. не примѣняется, какъ это установлено 2-ю частью этой статьи. Для безнаказанности такого врачеванія сильно дѣйствующими веществами необходимо: 1) чтобы врачъ-доброволецъ прибѣгъ къ такому средству не необдуманно, а испытавъ уже прежде сего его хорошія свойства, и 2) чтобы отъ этого его леченія не послѣдовало вреда, ибо въ противномъ случаѣ онъ подпадаетъ тоже дѣйствію 871[1] ст. Улож. о нак.

Такое новое разрѣшеніе вопроса о леченіи не спеціалистами докторами послѣдовало, само собою разумѣется, вопреки мнѣнію Медицинскаго Совѣта, ссылавшагося на безусловную необходимость леченія людей *только* испытанными врачами и на таковую же необходимость преслѣдованія „эмпириковъ и шарлатановъ по врачебной и фармацевтической профессіи“. Но Государственный Совѣтъ, взглянувъ здраво на требованія и указанія обыденной жизни, не поддержалъ это мнѣніе ученой коммисіи о вредѣ „эмпирическаго шарлатанизма“, принявъ во вниманіе при разсмотрѣніи проэктовъ 68 и 74 г. г., что „простолюдины наши, обыкновенно избѣгающіе помѣщенія въ госпитали и больницы, и не имѣя до сихъ поръ большого довѣрія къ медикамъ и фармацевтамъ, несравненно охотнѣе обращаются, въ случаѣ болѣзней и недуговъ, къ такъ называемымъ знахарямъ и знахаркамъ, которые самыми простыми,

иногда даже неизвѣстными въ наукѣ способами нерѣдко доставляютъ страждущимъ желаемое облегченіе". По этому Государственный Совѣтъ „преслѣдованіе такихъ людей нашелъ очевидною несправедливостью и вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ препятствіемъ къ ознакомленію съ народными нашими средствами". Далѣе Государственный Совѣтъ высказалъ, что „едва ли возможно подвергать отвѣтственности всякаго не—медика, дающаго кому либо положительно извѣстное ему цѣлебное средство, только потому, что средство это принадлежитъ къ разряду, такъ называемыхъ, сильнодѣйствующихъ веществъ. Къ числу такихъ веществъ принадлежатъ и различныя травы, цѣлебныя свойства которыхъ очень хорошо извѣстны въ нашемъ народѣ, не имѣющимъ иногда даже возможности обратиться за совѣтомъ къ доктору. При такихъ обстоятельствахъ опредѣленіе въ законѣ наказанія лицамъ, желающимъ подать помощь страждущимъ, и, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно имъ помагающимъ, было бы очевидною несправедливостью".

По вопросу о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ ядовитыми или сильнодѣйствующими веществами, въ ст. 104-й сдѣлана прямо ссылка па ст. 879 съ прим. Врач. Устава, и ссылка эта, какъ замѣняющая лишь подробное перечисленіе этихъ веществъ, обязательна и для мировой юстиціи губерній Царства Польскаго. Списокъ этихъ веществъ несомнѣнно полнѣе и подробнѣе списка ядовитыхъ веществъ, помѣщеннаго въ приложеніи къ Постановленію Совѣта Царс. Польс. отъ 7-го Сент. 1862 г. (Т. 61 Дневн. Зак.), и помѣщенъ онъ въ четырехъ приложеніяхъ къ ст. 879 (А. Б. В. и Г.).

Статьею 104[1] (образованною изъ закона 18 Дек. 85 года) преслѣдуется продажа тѣхъ же ядовитыхъ или сильнодѣйствующихъ веществъ; въ случаѣ же если нарушеніе это будетъ имѣть послѣдствіемъ своимъ чью либо смерть, то проступокъ этотъ—въ силу 28 ст. Уст. о нак. — выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства мировой юстиціи и преслѣдуется по 869 ст. Улож. о нак. Проступокъ 104[1] ст. подсуденъ, на нашъ взглядъ, - по

соображеніямъ, изложеннымъ при толкованіи 104 ст.—и гминнымъ судамъ. Проступокъ этотъ преслѣдуется независимо отъ того, послѣдовалъ ли отъ недозволенной продажи ядовитыхъ или сильнодѣйствующихъ веществъ какой либо вредъ, или нѣтъ; продажа эта выдѣлена въ особый проступокъ, такъ какъ о продажѣ вообще лекарственныхъ веществъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, говорятъ ст. 106 и 106 [1].

Проступокъ ст. 104 [2] является неподсуднымъ мировой юстиціи въ двухъ случаяхъ: 1) въ случаѣ совершенія его въ третій разъ и 2) когда послѣдствіемъ его будетъ смертный случай (ст. 869 Улож. о нак.). Субъектами этого проступка, т. е. лицами, на которыхъ можетъ распространяться дѣйствіе 104 [2] ст., являются лишь тѣ лица, коимъ дозволено имѣть ядовитыя и сильно дѣйствующія вещества для продажи или употребленія въ промыслѣ или ремеслѣ. Веществамъ этимъ разрѣшается находиться—согласно упомянутому выше Пост. Сов. Управ. Цар. 7 Сентября 1862 года—въ лавкахъ аптечныхъ матеріаловъ, содержимыхъ имѣющими на то право матеріалистами, и въ аптекахъ. Кромѣ того, купцы, имѣющіе особыя позволенія продавать всякаго рода красильные матеріалы, могутъ изъ числа ядовитыхъ веществъ, поименованныхъ въ спискѣ, содержать мышьяковистыя краски (ст. 2). Въ этомъ же Постановленіи содержатся подробныя правила храненія и продажи ядовитыхъ веществъ, нарушенія которыхъ и должно влечь за собою примѣненіе 104 [2] ст. Мир. Уст., причемъ это несоблюденіе должно быть разсматриваемо именно какъ неосторожность, т. е. безъ возможности примѣненія 1-й ч. 9-й ст. Уст. о нак.

105 ст. За производство оспопрививанія безъ надлежащаго дозволенія, виновные, въ случаѣ вредныхъ отъ того послѣдствій, подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехъ рублей.

Проступокъ 105 ст. остался безъ измѣненія съ 1864 года и преслѣдуется онъ лишь въ случаѣ вредныхъ отъ того послѣдствій, къ числу коихъ слѣдуетъ отнести даже и смерть, если только возможно установить причинную связь между осно-

прививаніемъ и смертію, такъ какъ причиненіе смерти путемъ недозволеннаго оспопрививанія не выдѣляетъ этого проступка изъ сферы компетентности мировой юстиціи. Оспопрививаніе въ губ. Цар. Поль. введено Королевскимъ Декретомъ 4 Сент. 1811 г. (Дн. Зак. Т. 3-й) и въ статьѣ 5-й этого Декрета указано, что заниматься прививаніемъ оспы дѣтямъ могутъ и не спеціалисты, но только съ разрѣшенія Врачебныхъ Управъ.

106 ст. За приготовленіе для продажи, а также за продажу, безъ надлежащаго разрѣшенія, лекарственныхъ веществъ и составовъ, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда, виновные, сверхъ отобранія найденныхъ у нихъ матеріаловъ и посуды въ пользу мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній, подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

106^{1} ст. За продажу лекарственныхъ веществъ изрѣзанными, изрубленными или приведенными въ порошокъ (исключая однако же тѣхъ, которыя въ семъ видѣ получаются съ фабрикъ или обращаются въ торговлѣ), равно и за приготовленіе или составленіе лекарствъ по рецептамъ врачей, виновные въ семъ торговцы лекарственными веществами оптомъ (матеріалисты), или въ розницу, подвергаются:

въ первый разъ—денежному взысканію не свыше ста рублей,

а во второй разъ — денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей.

Лица, изобличенныя въ семъ проступкѣ въ третій разъ, подвергаются наказанію по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

106-я ст. Мир. Уст. тоже не подверглась никакимъ измѣненіямъ, но законъ 18-го Декабря 1885 года создалъ ст. 106^{1}, имѣющую въ виду исключительно торговцевъ лекарственными веществами—оптомъ (матеріалистовъ), или въ розницу. Статья же 106-я запрещаетъ приготовленіе для продажи а также продажу, безъ надлежащаго разрѣшенія, лекарственныхъ ве-

ществъ и составовъ, въ случаѣ лишь послѣдовавшаго отъ того вреда; поэтому, приготовленіе и продажа такихъ веществъ безъ разрѣшенія, сами по себѣ, не наказуемы, хотя бы въ составъ ихъ входили и сильно—дѣйствующія вещества, какъ это разъяснено и рѣшеніемъ Сената за 1885 годъ № 19.

По вопросу о свободной торговлѣ лекарственными веществами, такъ же какъ и по вопросу о преслѣдованіи „эмпириковъ и шарлатановъ", медицинскій совѣтъ высказался за безусловное запрещеніе продажи лекарственныхъ веществъ помимо надлежащаго разрѣшенія, но Государственный Совѣтъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ, высказавъ, что „если стремленіе къ устраненію прежней запретительной въ этомъ отношенію системы усвоивается Государствами, гдѣ скорѣе избытокъ, чѣмъ недочетъ въ лицахъ, получившихъ фармацевтическое образованіе, то едва ли возможно у насъ, при сознаваемомъ всѣми недостаткѣ врачей и аптекъ, даже во многихъ городахъ, не только удерживать въ полной силѣ начало столь стѣснительной для населенія аптечной монополіи, но еще усугублять существующія по сему предмету мѣры взысканія".

Въ статьѣ 128 Уст. о нак., говорящей объ усиленіи наказанія при причиненіи извѣстными проступками ранъ или поврежденія въ здоровьѣ, помѣщена и 106 ст., но въ 106 статьѣ тоже говорится о наказуемости даннаго проступка лишь въ случаѣ причиненія имъ вреда здоровью, поэтому, — желая согласовать содержаніе ст. 106 и 128, — г. Неклюдовъ высказываетъ весьма убѣдительныя соображенія въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, что выраженіе „въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда" помѣщено въ 106 ст. по недоразумѣнію. Но вышеприведенныя разсужденія Госуд. Совѣта уничтожаютъ значеніе этихъ соображеній и приводятъ скорѣе къ заключенію о необходимости исключенія 106 ст. изъ текста ст. 128 Уст. о нак., такъ какъ разсужденіями этими прямо устраняется возможность преслѣдованія продажи лекарственныхъ составовъ безъ разрѣшенія въ случаѣ безвредности таковой продажи.

Статья же 106[1] имѣетъ въ виду ограниченіе матеріали-

стовъ въ приготовленіи лекарствъ, хотя бы и по рецептамъ врачей, и затѣмъ преслѣдуетъ продажу ими лекарственныхъ веществъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ могутъ быть отпускаемы лишь изъ аптекъ. Причиненіе или непричиненіе въ такомъ случаѣ вреда безразлично для примѣненія 106[1] ст. Мир. Уст., такъ что торговцы лекарственными веществами поставлены въ болѣе тяжелыя условія, нежели лица, занимающіяся приготовленіемъ для продажи и продажею лекарственныхъ веществъ и составовъ безъ всякаго разрѣшенія и безъ зачисленія даже въ классъ матеріалистовъ.

107 ст. За погребеніе мертвыхъ не въ назначенныхъ для того мѣстахъ, или безъ соблюденія установленныхъ правилъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

107-я ст. преслѣдуетъ проступки двоякаго рода: а) погребеніе мертвыхъ не въ назначенныхъ для того мѣстахъ и б) погребеніе ихъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ. И мѣста погребенія мертвыхъ и правила, подлежащія при томъ соблюденію, установлены Постановленіемъ Совѣта Управленія Царства отъ 31-го Мая 1846 года, помѣщеннымъ въ 38 Томѣ Дневника Законовъ. По статьѣ 14-й этого Постановленія „мертвыя тѣла должны быть погребаемы только на кладбищахъ"; погребеніе тѣлъ въ церковныхъ подвалахъ на всегда воспрещается съ допущеніемъ исключенія только для Епископовъ, для нѣкоторыхъ изъ монаховъ и монахинь и для основателей церкви (кромѣ гор. Варшавы), и притомъ только въ каменныхъ склепахъ (ст. 20). Тѣла умершихъ должны быть погребаемы не прежде, какъ по истеченіи 48 часовъ съ минуты кончины (ст. 1), съ продолженіемъ или съ сокращеніемъ этого срока въ нѣкоторыхъ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 2 и 3, напр., во время существованія эпидемическихъ болѣзней; разрѣшать погребеніе предоставляется чиновникамъ, содержащимъ гражданскія, метрическія книги (ст. 4); на врача акушера и повивальную бабку возлагается обязанность вынутія младенца изъ утробы

матери въ случаѣ смерти женщины беременной во второй половинѣ беременности, а также въ случаѣ смерти женщины во время родовъ и предъ разрѣшеніемъ ея (ст. 7); съ минуты смерти и до преданія тѣла землѣ ни одинъ умершій не долженъ быть оставляемъ безъ надлежащаго присмотра (ст. 9). Нарушеніе всѣхъ этихъ правилъ должно быть преслѣдуемо по 107-й ст. Мир. Уст.; уклоненіе же священника отъ погребенія умершаго, безъ законныхъ къ тому причинъ, и проступокъ священника, заключающійся въ погребеніи тѣла не на кладбищѣ, а въ городѣ при церкви, а также погребеніе мертваго прежде судебно-медицинскаго осмотра тѣла въ такихъ обстоятельствахъ, когда закономъ сіе не дозволено, — преслѣдуются по ст. 859 и 860 Улож. о нак.

108 ст. За вырытіе, безъ надлежащаго разрѣшенія, гробовъ или мертвыхъ тѣлъ, для перенесенія ихъ въ другія мѣста, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

Вырытіе гробовъ или мертвыхъ тѣлъ тогда лишь подходитъ подъ дѣйствіе 108-й ст. Мир. Уст., когда оно учинено единственно въ цѣли перенесенія ихъ въ другія мѣста; разрытіе же могилъ для ограбленія мертвыхъ, или для поруганія надъ погребенными, или же для какихъ либо суевѣрныхъ дѣйствій, а также по шалости или въ пьянствѣ, — предусмотрѣно 234-ю статьею Уложенія о нак. О вырытіи мертвыхъ тѣлъ „по желанію родныхъ перемѣстить останки умершаго изъ одной могилы въ другую“ говоритъ 22 ст. Постановленія 31-го Мая 1846 г. (38-й Т. Дн. Зак.), указывая, что въ такомъ случаѣ потребно разрѣшеніе Прав. Коммисіи Внутр. и Духовн. Дѣлъ. Коммисія эта нынѣ не существуетъ и предметы вѣдомства ея сосредоточены въ Министерствѣ Внутр. Дѣлъ.

109 ст. За привозъ мертваго тѣла изъ—за границы или за провозъ онаго изъ одной губерніи въ другую, или же изъ одного уѣзда въ другой, безъ надлежащаго разрѣшенія, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Разрѣшеніе перевозки мертвыхъ тѣлъ въ предѣлахъ губерніи подлежитъ личному распоряженію Губернатора по губернскому Правленію, согласно п. *м.* ст. 16-й Полож. о уѣзд. и губ. упр. въ губерніяхъ Царства Польскаго (Дн. Зак. Т. 66), дозволеніе же провоза тѣла въ другую губернію, за границу, или изъ — за границы, дается Министерствомъ Внутр. Дѣлъ по сношеніи съ надлежащимъ Губернаторомъ, согласно Постан. Учред. Ком. отъ 24 Ноября 1867 года. На перевозку же мертваго тѣла по уѣзду не требуется особаго разрѣшенія.

110 ст. За устройство боенъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ, а равно за оставленіе при бойняхъ нечистотъ неубранными, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

Предписаніемъ б. Ком. Внутр. Дѣлъ отъ 14 Апрѣля 1821 года скотобойни въ городахъ должны быть возводимы, по мѣрѣ возможности, на берегахъ рѣкъ. Особыхъ правилъ для устройства боенъ не существуетъ, поэтому на практикѣ примѣняется преимущественно вторая часть 110 статьи.

111 ст. За порчу воды въ мѣстахъ, гдѣ ее берутъ для внутренняго употребленія, моченіемъ льна или конопли, сваливаніемъ или выливаніемъ нечистотъ, или же бросаніемъ вредныхъ веществъ, когда при томъ не было умысла нанести вредъ общественному здравію (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Порча воды съ намѣреніемъ лишить кого либо жизни преслѣдуется какъ предумышленное убійство; порча воды путемъ устройства фабрики, мануфактуры и т. п. преслѣдуется по 863 ст. Улож. о нак.; порча воды, имѣвшая послѣдствіемъ поврежденіе здоровья можетъ быть наказываема по 128 ст. Мир. Уст., простое засореніе воды, безъ порчи ея,—преслѣдуется по 52-й ст. Уст. о нак., а порча ея проведеніемъ трубъ отъ помойныхъ ямъ и т. п. предусмотрѣна 53-ю статьею Мир. Уст.

Дѣяніе 111-й ст. заключается въ порчѣ воды бросаніемъ въ нее вредныхъ веществъ или сваливаніемъ въ нее нечистотъ и т. п.; самое бросаніе или сваливаніе — даже и безъ умысла нанести вредъ общественному здравію — можетъ быть умышленное, сознательное, или же учиненное по неосторожности, почему, въ послѣднемъ случаѣ, къ дѣянію этому можетъ быть примѣнена 1-я ч. 9-й ст. Мир. Уст.

Подъ порчею воды слѣдуетъ понимать обращеніе ея въ негодную для внутренняго употребленія, и преслѣдуется по 111 ст. порча именно той воды, которая берется для внутренняго употребленія и притомъ людей, а не животныхъ; поэтому при примѣненіи 111 ст. въ приговорѣ суда должно быть точно установлено, что отъ дѣйствій виновнаго происходитъ порча воды въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жители берутъ воду для внутренняго употребленія. Въ такомъ смыслѣ истолковали 111-ю ст. и рѣшенія Сената за 76 г. № 231, поэтому нельзя признать правильнымъ рѣшеніе Сената за 1871 г. № 772, въ которомъ [illegible]

[illegible]

112 ст. За недонесеніе о появленіи заразы на скотѣ, а также за непринятіе установленныхъ мѣръ предосторожности противъ заразы скота и скотскихъ падежей, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

112[1] ст. За несоблюденіе установленныхъ мѣръ предосторожности противъ распространенія разнаго рода насѣкомыхъ и животныхъ, вредныхъ для сельско-хозяйственныхъ растеній, а также для плодовъ и древесныхъ насажденій, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

112[2] ст. За нарушеніе правилъ о мѣрахъ противъ филоксеры и издаваемыхъ, въ развитіе ихъ, обязательныхъ постановленій, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей, или аресту на время не свыше трехъ мѣсяцевъ.

При разсмотрѣніи 112 ст. остановимся, прежде всего, на выраженіяхъ „зараза скота“ и „скотскій падежъ“. При первомъ взглядѣ на 112 статью представляется, что „зараза скота“ является чѣмъ то самостоятельнымъ по отношенію къ скотскимъ падежамъ“ и что по 112-й ст. преслѣдуется какъ недонесеніе о появленіи, такъ и непринятіе мѣръ предосторожности противъ такихъ заразительныхъ болѣзней скота, которыя не сопровождаются скотскимъ падежемъ. Но въ рѣшеніи Сената за 77-й г. № 10 изложены соображенія, приводящія къ противоположному взгляду. Въ немъ именно говорится: „хотя употребленіе 112-ю статьею Уст. о нак. выраженія „противъ заразы и скотскихъ падежей“ и можетъ подать поводъ къ мнѣнію, что статьей этой налагается взысканіе за недонесеніе полиціи и непринятіе мѣръ предосторожности не только противъ скотскаго надежа, но и вообще всякой заразительной болѣзни скота, однакоже подобное толкованіе 112 ст. Уст. о нак. было бы несогласно съ точнымъ смысломъ и значеніемъ ея. Употребленный

въ этой статьѣ терминъ „зараза“ представляется заимствованнымъ изъ 1084 и слѣд. статей Улож. о нак. изд. 1857 г. Въ этихъ же послѣднихъ статьяхъ терминъ этотъ не противополагается понятію скотскаго падежа, но означаетъ лишь заразительную, повальную болѣзнь скота, не развившуюся еще до значенія скотскаго падежа. Подобный смыслъ термина „зараза“ ясно вытекаетъ изъ начальныхъ словъ 1084 и 1085 статьи Улож. о нак., изд. 1857 года, изъ которыхъ первая, имѣющая своимъ предметомъ недонесеніе о болѣзни скота, появившейся только, но не распространившейся еще и не получившій характеръ повальной, употребляетъ выраженіе „зараза“, а вторая, говорящая о непринятіи мѣръ предосторожности противъ болѣзни, уже распространившейся, называетъ эту болѣзнь скотскимъ падежемъ. Изъ сего очевидно, что такой же смыслъ должно имѣть и употребленіе въ 112 ст. Уст. о нак. терминовъ „зараза“ и „скотскій падежъ“, и что для опредѣленія обвиняемому наказанія по 112 ст. Уст. о нак. необходимо, чтобы болѣзнь скота, о появленіи которой онъ не донесъ полиціи или же противъ распространенія которой онъ не принялъ мѣръ предосторожности, была бы не только заразительной, но болѣзнью эпидемической и сопровождавшеюся смертностью среди заболѣвающаго ею скота“.

112-я ст. преслѣдуетъ недонесеніе о заразѣ и непринятіе мѣръ предосторожности; въ виду этого состава проступка 112 статьи: а) для подведенія подъ нее дѣянія обвиняемаго нѣтъ необходимости въ установленіи факта зараженія чужаго скота: достаточно, если доказано непринятіе обвиняемымъ мѣръ предосторожности; б) примѣненіе 1-й ч. 9-й ст. къ проступку 112 ст. не можетъ имѣть мѣста; и в) *умышленное* сообщеніе заразы чужому скоту преслѣдуется не по 112 ст. Уст. о нак., а по 862 ст. Улож. о нак. Независимо отъ сего слѣдуетъ замѣтить, что проступокъ 112 ст.—при совершеніи его сельскими начальниками и членами полиціи — преслѣдуется по 861-й ст. Улож. о нак. и подсуденъ общимъ судебнымъ установленіямъ.

Субъектами проступка 112-й ст. Мир. Уст. являются фак-

тическіе владѣльцы скота, а также лица, попеченію коихъ скотъ этими владѣльцами ввѣренъ.

Статья 112 сходна со статьею 102 въ томъ, что обѣ онѣ могутъ имѣть примѣненіе лишь въ случаѣ появленія эпидеміи для примѣненія 102-й ст. и заразы—для примѣненія 112-й ст. Уст. о нак. Правило это относится не только къ недонесенію—о чемъ не можетъ быть и спора,—но и къ принятію мѣръ предосторожности, такъ какъ мѣры эти предписаны къ соблюденію въ случаѣ появленія въ данной мѣстности заразы.

Мѣры предосторожности имѣютъ въ виду скотъ какъ мѣстный, такъ и пригоняемый изъ другимъ мѣстностей; правила относящіяся до прогоняемаго скота, носятъ названіе *карантинныхъ мѣръ* и нарушеніе ихъ предусмотрѣно 113 статьею Мир. Уст.; въ настоящее же время мы разсмотримъ тѣ мѣры предосторожности, которыя должны быть предпринимаемы по отношенію къ мѣстному скоту въ случаѣ появленія заразы.

Мѣры эти изложены какъ въ Уставѣ для ветеринарной полиціи противъ всякаго рода заразительныхъ болѣзней скота, такъ и въ Постановленіи Сов. Упр. Царства отъ 28 Мая 1857 года о страхованіи скота отъ чумы. Въ силу 1-й ст. этого Постановленія всякій рогатый въ Царствѣ Польскомъ скотъ считается обязательно застрахованнымъ отъ чумы рогатаго скота; по 25-й ст. Пост. 57 года о появившейся чумѣ рогатаго скота владѣлецъ онаго долженъ тотчасъ увѣдомить гминнаго войта, бургомистра или президента города; по 29-й ст. убой и зарытіе скота производятся немедленно подъ неотступнымъ надзоромъ командированнаго медицинскаго чиновника, либо ветеринара и мѣстной полицейской власти; въ силу же 37 ст. развитіе этого Постановленія возложено на Прав. Ком. Внутр. и Дух. Дѣлъ. 8-го Ноября 1863 года изданы Совѣтомъ Управленія Царства „обязательныя въ Царствѣ Польскомъ правила на счетъ чумы домашнихъ животныхъ"; въ правилахъ этихъ заключаются, съ ссылкою на Уставъ ветеринарной полиціи, постановленія обязательныя во время чумы рогатаго скота. Постановленія эти имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, тѣхъ

должностныхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о принятіи мѣръ предосторожности противъ чумы, но имѣются и постановленія, имѣющія въ виду частныхъ лицъ. Такъ, по § 33 Прав., въ окрестностяхъ мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ чума, хозяевамъ постоялыхъ дворовъ запрещается принимать въ свои сараи скотъ, пригоняемый въ городъ на убой, или животныя произведенія (продукты), тайно провозимыя проселочными дорогами; § 35 Прав. строжайше воспрещено жителямъ селеній сосѣднихъ съ тѣми, гдѣ господствуетъ чума, неимѣющимъ зараженнаго скота, — покупать тайнымъ или явнымъ образомъ въ зараженныхъ мѣстахъ скотъ, мясо и проч. и провозить въ мѣста, гдѣ нѣтъ заразы. Владѣльцамъ же зараженнаго скота воспрещается противодѣйствовать убою подъ угрозою наказаніемъ „какъ оказывающаго явное неповиновеніе начальству". Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что принятіе мѣръ предосторожности, кромѣ донесенія о заразѣ, возложено въ губерніяхъ Царства Польскаго на должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія, медицинскихъ чиновниковъ, комитеты и т. п. должностныхъ лицъ, проступки которыхъ неподсудны мировымъ судебнымъ установленіямъ; проступки же частныхъ лицъ должны быть подводимы подъ 29 и 30 ст. Уст. о нак., такъ какъ они заключаются въ нарушеніи и неисполненіи законныхъ предписаній и распоряженій власти, каковыя распоряженія должны быть объявляемы имъ, о чемъ упоминается и въ разсматриваемыхъ нами Правилахъ 1863 года.

Мѣры предосторожности, о которыхъ говоритъ ст. 112[1] Уст. о нак., помѣщены въ Собр. Узак. за 81 годъ и имѣютъ въ виду югъ Россіи, также какъ и статья 112[2], имѣющая въ виду охраненіе виноградниковъ отъ истребленія ихъ филоксерою; статьи эти поэтому не могутъ имѣть практическаго примѣненія въ губерніяхъ Царства Польскаго.

113 ст. За прогонъ скота безъ установленнаго осмотра, гуртовщики подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Осмотръ скота установленъ для губерній Царства Польскаго Постановленіемъ Совѣта Упр. Царства отъ 26 Февраля 1857 года объ усиленіи карантинныхъ мѣръ. Постановленіемъ этимъ установлено, что степной рогатый скотъ, не смотря на то, свирѣпствуетъ ли, или не свирѣпствуетъ, въ сосѣдственныхъ губерніяхъ Имперіи чума, можетъ быть вводимъ въ Царство только черезъ два назначенные для сего пункта; не степной же рогатый скотъ изъ губерній смежныхъ съ Царствомъ, если только тамъ чумы рогатаго скота нѣтъ, можетъ быть вводимъ въ Царство чрезъ всѣ мѣста, безъ предварительнаго осмотра и наблюденія; при свирѣпствованіи же въ смежныхъ съ Царствомъ губерніяхъ чумы, скотъ изъ зараженнаго уѣзда вовсе не долженъ быть впускаемъ, а изъ другихъ уѣздовъ зараженной губерніи и не степной скотъ можетъ входить въ Царство лишь чрезъ назначенныя для сего карантинныя заставы (ст. 2, 3 и 4). Прогонъ скота безъ осмотра, т. е. помимо заставъ, долженъ быть наказываемъ по 113 ст., нарушенія же другихъ установленныхъ Постановленіемъ 1857 года Правилъ, не подходящія подъ дѣйствіе 113 ст., должны быть преслѣдуемы по 29 ст. Уст. о нак.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что проступки нарушенія Постановленія о карантинахъ мы признаемъ подсудными судебнымъ установленіямъ, вопреки мнѣнію Руководства г. Микляшевскаго (стр. 522), признающаго, въ силу 106-й ст. Пол. объ уѣздн. и губ. упр. и 110 ст. Пол. о прим. Суд. Уст., что опредѣленіе взысканій вообще за нарушеніе карантинныхъ правилъ предоставлено уѣздному управленію. Но въ п. *т*. ст. 106-й Пол. объ уѣзд. и губ. упр. (66 Т. Дн. Зак.) говорится лишь—по занимающему насъ вопросу — что „коллегіальному разсмотрѣнію и производству въ присутствіи уѣзднаго управленія подлежитъ наложеніе разнаго рода штрафовъ административнымъ порядкомъ по предметамъ и въ предѣлахъ предоставленной уѣздному управленію власти какъ-то: за введеніе или ввозъ, — въ противность карантинныхъ правилъ, рогатаго скота или животныхъ продуктовъ“; въ ст. 110-й Пол. о прим.

сказано, что изъяты изъ вѣдомства судебныхъ установленій нарушенія, предоставленныя, на основаніи дѣйствующихъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа узаконеній, непосредственному разбирательству административныхъ управленій; въ статьѣ же 1 Постан. Сов. Упр. Царства отъ 13-го Мая 1858 года, изданнаго въ развитіе Постан. Сов. Упр. отъ 26-го Февр. 1857 года, установлено, что виновные въ нарушеніе карантинныхъ мѣръ подлежатъ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ Улож. о нак. изд. 57 г., въ ст. 547 и 549. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ узаконеній вытекаетъ, что нарушенія карантинныхъ правилъ не могутъ быть изъяты изъ вѣдомства судебныхъ установленій, если же 106-я ст. Пол. объ уѣзд. и губ. упр. и говоритъ объ опредѣленіи взысканій за нарушенія карантинныхъ правилъ, то, на нашъ взглядъ, правило это можетъ относиться лишь до „контравенціонныхъ“ штрафовъ; опредѣленныхъ ст. 25 и 26 Постан. 26 Февр. 57 г. и налагаемыхъ за невзносъ хозяевами рогатаго скота установленнаго 22-ю статьею Постан. платежа для покрытія издержекъ по учрежденію и содержанію карантиновъ.

114 ст. За нарушеніе правила бить скотъ не иначе, какъ въ скотобойняхъ (тамъ, гдѣ онѣ устроены), виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ дней, или денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Проступокъ 114 ст. можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ устроены скотобойни. Подъ выраженіемъ „скотъ“ слѣдуетъ понимать лишь рогатый скотъ; слѣдуетъ также замѣтить, что ст. 114 имѣетъ въ виду битье скота не для собственнаго употребленія, а на продажу, такъ какъ статья эта помѣщена въ отдѣлѣ, охраняющемъ народное здравіе, или „общественное“ здравіе, какъ выражается ст. 111, а не имѣющемъ въ виду заботы объ охраненіи здоровья отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Мнѣніе это находитъ себѣ особенно убѣдительное подтвержденіе въ текстѣ статей, слѣдующихъ непосредственно за 114 статьею, а именно въ текстѣ ст. 115 и 116, преслѣдующихъ

приготовленіе вредныхъ для здоровья припасовъ и несоблюденіе чистоты ихъ только въ томъ случаѣ, если припасы эти предназначены не для собственнаго употребленія виновнаго, а для продажи.

Ст. 114 выдѣляется изъ числа другихъ статей Мир. Уст. тѣмъ, что наказаніемъ за нарушеніе ея назначенъ арестъ не свыше трехъ дней, что даетъ возможность приговаривать за нарушеніе ея къ аресту на сутки, двое и трое сутокъ — безъ нарушенія 2 п. 12 ст. Уст. о нак.

115 ст. За приготовленіе для продажи, или за продажу съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, вредныхъ для здоровья или испортившихся, а равно за выдѣлку посуды изъ вредныхъ для здоровья матеріаловъ, виновные, сверхъ уничтоженія припасовъ, напитковъ или посуды, подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Изъ всѣхъ статей разбираемой нами главы 115-ю статью приходится болѣе всего примѣнять на практикѣ, что и имѣло послѣдствіемъ болѣе подробное разъясненіе ея Прав. Сенатомъ, хотя содержаніе ея не вызываетъ особыхъ недоразумѣній. Въ статьѣ этой преслѣдуются двѣ каттегоріи проступковъ: приготовленіе и продажа съѣстныхъ припасовъ и выдѣлка посуды.

Ст. 115-я преслѣдуетъ *приготовленіе для продажи* и самую *продажу;* изъ буквальнаго смысла этой статьи вытекаетъ, что приготовленіе *не для продажи,* а также *покупка для собственнаго употребленія* съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, вредныхъ для здоровья или испортившихся, не подлежитъ наказанію по 115 ст. Съ другой стороны, подъ первую часть 115 ст. слѣдуетъ подводить не только приготовленіе и продажу въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и храненіе такихъ припасовъ и напитковъ для продажи, а также и покупку ихъ для продажи. Это послѣднее положеніе оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что законъ не требуетъ наличности послѣдовавщаго отъ упо-

требленія такихъ припасовъ или напитковъ вреда для примѣненія 115 ст., а преслѣдуетъ даже приготовленіе для продажи вредныхъ для здоровья припасовъ или напитковъ, поэтому понятно, что, преслѣдуя актъ — такъ сказать — первоначальный, возникновеніе такихъ припасовъ или напитковъ, законъ не можетъ оставлять безнаказанными и тѣ послѣдующіе моменты, которые отдѣляютъ моментъ возникновенія отъ момента продажи, а именно: покупку этихъ припасовъ для продажи и храненіе ихъ съ тою же цѣлью. Въ этомъ же смыслѣ высказался и Сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ за 1872 г. подъ №№ 864 и 1661. Въ рѣшеніи же Сената за 76 г. № 116 высказано—съ ссылкою на рѣшенія 68 и 69 г.г. — что „ст. 115 Уст. о нак. примѣняется и къ тѣмъ случаямъ, когда кто либо отпускаетъ недоброкачественные припасы для продовольствія рабочихъ своихъ или же продаетъ, хотя бы и купленные имъ у другихъ, но завѣдомо негодные припасы; слѣдовательно, для примѣненія закона, выраженнаго въ ст. 115-й Уст. о нак., нѣтъ безусловной необходимости въ томъ, чтобы было доказано, что виновный въ продажѣ или отпускѣ, по условію, недоброкачественныхъ и вредныхъ для здоровья припасовъ извлекъ для себя изъ этого противозаконнаго дѣянія имущественную выгоду, если только доказано, что онъ завѣдомо отпускалъ и продавалъ другимъ, для продовольствія, недоброкачественные и вредные для здоровья припасы“.

Другими Сенатскими рѣшеніями тоже разъясняется составъ проступка 115-й статьи. Такъ въ рѣш. 69 г. № 263 высказано, что въ случаѣ употребленія продавцемъ при продажѣ вредныхъ для здоровья припасовъ какихъ либо особыхъ мѣръ для введенія покупателя въ обманъ на счетъ доброкачественности товара, торговецъ наказывается не по 115-й статьѣ, а по 173-й ст. Уст. о нак. — какъ за мошенничество; въ рѣш. 72 г. № 709 выражено, что приготовленіе вредныхъ для здоровья припасовъ и продажа ихъ во время существованія холерной эпидеміи должны быть наказываемы по 102 ст. Мир. Уст. (впрочемъ наказанія по 102 и по 115 ст.—одинаковы). Въ рѣ-

шеніи же Сената за 79 г. № 63 разъяснено, что ст. 115 Уст. о наказ. невозможно примѣнять къ случаямъ продажи такихъ припасовъ, которые, не будучи употребляемы въ пищу людьми, оказались вредными для животныхъ. Къ этому убѣжденію Сенатъ пришелъ въ силу тѣхъ соображеній: а) что въ ст. 115 говорится о *съѣстныхъ* припасахъ и помѣщена она въ главѣ, обнимающей цѣлый рядъ проступковъ противъ народнаго здравія, и б) что ст. 115 замѣнила тѣ статьи Уложенія 57 года, въ которыхъ говорится о нарушеніи правилъ, охраняющихъ безвредность *жизненныхъ* припасовъ и напитковъ.

Подъ съѣстными припасами и напитками слѣдуетъ понимать все то, что предназначено людямъ для пищи и питья; вредны ли данные припасы или напитки для здоровья должно быть опредѣляемо при помощи врачебной экспертизы въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ этотъ требуетъ для своего разрѣшенія спеціальныхъ свѣденій. Въ практикѣ Сената были случаи обвиненій въ продажѣ или храненіи для продажи: хлѣба съ пескомъ, негодной къ употребленію муки, испорченной рыбы, испортившагося сыра и мяса отъ больнаго заразительною болѣзнью скота; всѣ эти случаи, а также случай приготовленія съѣстныхъ припасовъ въ нелуженой посудѣ, признаны Сенатомъ подходящими подъ дѣйствіе 115 ст. Гораздо болѣе сложнымъ является вопросъ о продажѣ дутаго мяса; мы признаемъ болѣе удобнымъ заняться вопросомъ этимъ при разсмотрѣніи ст. 173 Уст. о нак.

Относительно выдѣлки посуды изъ вредныхъ для здоровья матеріаловъ слѣдуетъ замѣтить, что выдѣлка эта должна быть преслѣдуема наравнѣ съ приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, т. е. въ томъ случаѣ, если посуда выдѣлывалась для продажи, а также, по соображеніямъ, изложеннымъ выше, слѣдуетъ признать, что подъ дѣйствіе 115 ст. подходитъ не только выдѣлка такой посуды, но и покупка ея для продажи, храненіе для той же цѣли и самая продажа, независимо тоже отъ того, послѣдовалъ ли какой либо вредъ отъ проступка, или же нѣтъ.

Причиненіе проступкомъ 115-й ст. кому либо смерти изъемлетъ проступокъ этотъ изъ вѣдомства мировой юстиціи, такъ какъ, хотя онъ и не указанъ въ 28 ст. Мир. Уст., но преслѣдуется въ подобномъ случаѣ по 865 ст. Улож. о нак.

По вопросу же о томъ, на кого должна падать отвѣтственность за нарушеніе ст. 115-й Мир. Уст. въ томъ случаѣ, если продажа или приготовленіе производились не тѣмъ лицомъ, которому принадлежали припасы, напитки или посуда, признанные вредными для здоровья, Сенатомъ—въ рѣш. 78 г. № 14—разъяснено: „къ обвиненію въ торговлѣ припасами, вредными для народнаго здравія, и къ отвѣтственности вообще за нарушеніе правилъ о производствѣ торговли могутъ быть привлекаемы хозяинъ и приказчикъ торговаго заведенія, какъ порознь, такъ и оба совокупно, но судъ установляя по обстоятельствамъ дѣла непосредственную виновность того или другого изъ нихъ или обоихъ вмѣстѣ по возбужденному противъ нихъ обвиненію, обращаетъ отвѣтственность на хозяина торговаго заведенія за дѣйствія, по торговлѣ совершенныя, не имъ непосредственно, а приказчикомъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда судомъ признано будетъ, что приказчикъ дѣйствовалъ по порученію и приказанію своего хозяина, или же съ его вѣдома и воли; при этомъ однако суду не можетъ быть поставлено въ безусловную обязанность, освобождать самого приказчика отъ наказанія за противозаконный его поступокъ, хотя бы онъ и дѣйствовалъ согласно волѣ своего хозяина, равно какъ и хозяинъ торговаго заведенія не можетъ ограждать себя отъ уголовной отвѣтственности за неправильныя дѣйствія по торговлѣ въ принадлежащемъ ему торговомъ заведеніи, ссылкою исключительно на то обстоятельство, что дѣйствія эти учинены были не имъ непосредственно, а приказчикомъ его, если только хозяиномъ не будетъ доказано, что приказчикъ былъ уполномоченъ имъ на веденіе торговли на полномъ его отчетѣ“.

116 ст. За несоблюденіе надлежащей опрятности и чистоты при продажѣ съѣстныхъ припасовъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Изложенныя только что правила объ отвѣтственности хозяевъ за неправильныя дѣйствія приказчиковъ по производству торговли не могутъ быть примѣняемы во всей строгости къ проступку 116 ст., такъ какъ соблюденіе или несоблюденіе чистоты и опрятности при продажѣ есть дѣло лица продающаго, и хозяину заведенія нельзя ставить въ вину нечистоту и неопрятность приказчиковъ, за исключеніемъ, разумѣется, того случая, когда доказано будетъ, что нечистота эта и неопрятность существуетъ съ вѣдома хозяина заведенія или продаваемыхъ продуктовъ, а тѣмъ болѣе, когда доказано будетъ, что продукты были переданы хозяиномъ приказчику для продажи именно въ такомъ видѣ.

Хотя 116 ст. говоритъ только о съѣстныхъ припасахъ, но изъ сопоставленія ея со ст. 115 слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что примѣнять ее слѣдуетъ и къ продажѣ напитковъ и что путемъ того же сопоставленія несомнѣнно устанавливается, что по 116 ст. подлежитъ наказанію несоблюденіе надлежащей чистоты и опрятности не только при продажѣ, но и при приготовленіи для продажи припасовъ и напитковъ а также и при храненіи ихъ съ тою же цѣлью.

ГЛАВА X.

О проступкахъ противъ личной безопасности.

117 ст. За храненіе или ношеніе запрещеннаго оружія, за стрѣльбу изъ огнестрѣльнаго или другаго опаснаго оружія въ мѣстахъ гдѣ это запрещено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Запрещенное оружіе отбирается.

Въ первоначальной редакціи 117-й ст. говорилось и о храненіи пороху, въ количествѣ болѣе дозволеннаго, нынѣ о храненіи пороху говорится только въ 118-й статьѣ, въ 117-й же статьѣ говорится только объ оружіи, огнестрѣльномъ и

другомъ. Что понимать подъ „запрещеннымъ" оружіемъ, ст. 117-я не говоритъ, поэтому слѣдуетъ признать, что запрещеннымъ ст. 117 считаетъ во 1-хъ) то оружіе, которое признается таковымъ 243 статьею Уст. о пред. и прес. прест. изд. 76 г., а во 2-хъ) запрещеннымъ должно быть признано всякое оружіе вообще, если оно хранится или носится лицомъ, которому запрещено имѣть оружіе вообще безъ особаго на то разрѣшенія, ибо по отношенію къ такому лицу оружіе это явится запрещеннымъ предметомъ.

Запрещеннымъ оружіемъ 243-я ст. Уст. Пред. и прес. прест. считаетъ: трости со вдѣланными въ нихъ потаенными кинжалами, клинками и другими орудіями. Что же касается запрещенія вообще имѣть оружіе, то, согласно утвержденнымъ 20 Апрѣля 1867 года Намѣстникомъ правиламъ, частныя лица губерній Царства Польскаго должны имѣть разрѣшеніе на право содержанія оружія и покупки пороха: за храненіе же или ношеніе оружія безъ надлежащаго разрѣшенія виновные должны быть привлекаемы къ отвѣтственности по 117 статьѣ Мир. Уст.

2-я ч. 117 ст. говоритъ о стрѣльбѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это запрещено; такими запрещенными мѣстами слѣдуетъ признавать — въ силу п. 3-го ст. 243 и 247 Уст. о пред. и прес. прест. — дома, дворы, улицы и площади, а также и тѣ мѣста „гдѣ по вѣроятности могутъ въ то время быть и часто бываютъ люди"; запрещается въ нихъ „стрѣльба" изъ огнестрѣльнаго или другого „опаснаго" оружія. Выраженіе „стрѣльба" —въ виду указанія 117-й ст. и на неогнестрѣльное оружіе— слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, именно, какъ метаніе снарядовъ или предметовъ и не при помощи пороха, а подъ другимъ „опаснымъ оружіемъ" слѣдуетъ понимать всякое оружіе, которымъ можетъ быть причиненъ вредъ здоровью напр. лукъ и т. п.

118 ст. За храненіе заряженнаго или другаго опаснаго оружія, безъ надлежащей осторожности, и за ношеніе оного тамъ, гдѣ это запрещено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

За несоблюденіе предписанныхъ закономъ или изданныхъ, въ установленномъ порядкѣ, постановленій о предосторожностяхъ при храненіи и перевозкѣ пороха, объ устройствѣ и содержаніи складовъ взрывчатыхъ веществъ для надобностей горнозаводской и соляной промышленности, а равно пріобрѣтеніи, доставкѣ, храненіи и отпускѣ сихъ веществъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Тому же наказанію подвергаются виновные въ такой неосторожности или безпечности при обращеніи съ порохомъ или съ взрывчатыми веществами, которыя хотя и не предусмотрѣны именно въ законѣ или въ изданныхъ по сему предмету постановленіяхъ, но относительно которыхъ виновный долженъ былъ съ вѣроятностію предвидѣть имѣющую произойти отъ неосторожности или безпечности его опасность.

118[1] ст. За производство работъ на пороховомъ заводѣ или въ капсюльномъ для приготовленія капсюлей къ охотничьему оружію заведеніи, хотя и устроенныхъ съ надлежащаго разрѣшенія и съ соблюденіемъ опредѣленныхъ для сего правилъ, но безъ освидѣтельствованія завода или заведенія въ установленномъ порядкѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

За нарушеніе прочихъ, особо установленныхъ для частныхъ пороховыхъ заводовъ или капсюльныхъ заведеній, правилъ, а также за несоблюденіе изданныхъ въ надлежащемъ порядкѣ постановленій относительно сихъ заводовъ и заведеній, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Первоначальная редакція 118-й статьи тоже измѣнена, а именно: проступокъ ненадлежащаго храненія пороха перене-

сенъ изъ 1-й ч. 118 ст. во 2-ю ея часть, имѣющую предметомъ своимъ несоблюденіе вообще постановленій о предосторожностяхъ при храненіи и перевозкѣ пороха. Въ 1-й же части 118 ст. говорится только объ оружіи, и хотя для состава этого проступка нѣтъ необходимости въ храненіи *запрещеннаго* оружія, но съ другой стороны, храненіе всякаго оружія наказывается по 118 ст. лишь въ томъ случаѣ, если а) оно хранилось безъ надлежащей осторожности и б) если оно было притомъ заряженное или „опасное" — въ выше разъясненномъ смыслѣ (см. толк. ст. 117).

1-ю частью 118-й ст. преслѣдуется и ношеніе такого оружія „тамъ, гдѣ это запрещено"; запрещено же это, какъ слѣдуетъ понять изъ смысла 246 ст. Уст. о пред. и прес. прест. изд. 76 г., во всѣхъ общественныхъ и публичныхъ мѣстахъ, причемъ оговорено, что запрещеніе это не распространяется на лицъ, „имѣющихъ особую въ томъ надобность", какъ напр., отправляющихся на охоту, въ дорогу и т. п.

Правила храненія и перевозки пороха, о которыхъ говорится во 2 и 3 частяхъ 118 ст. изданы 6 Мая 1874 года и дополнены 20 Января 1881 года (Собр. Узак. отъ 10-го Сент. 82 г. № 82); временныя же правила „о частныхъ складахъ взрывчатыхъ веществъ для надобностей горнозаводской и соляной промышленности" изданы 11 Мая 1882 года (Собр. Узак. 82 г. № 60), подробныя же дополнительныя о нихъ правила, изложенныя въ Постановленіи Мин. Гос. Имущ. отъ 7 Авг. 82 г. помѣщены въ № 3 Собр. Узак. за 83 г. Проступки, поименованные въ ст. 26, 28 и 31 этихъ правилъ 20 Января 1881 года изъяты изъ вѣдомства мировой юстиціи, подсудные же ей проступки тоже не подлежатъ разбирательству мировыхъ судебныхъ установленій въ случаѣ совершенія проступка въ 3-й разъ (ст. 31); когда послѣдствіемъ проступка будетъ штрафъ или причиненіе кому либо смерти, ранъ или увѣчья (ст. 30); а также если будетъ доказано, что виновный въ нарушеніи этихъ правилъ имѣлъ при этомъ въ виду какую либо противную государственной безопасности или спокойствію цѣль (ст.32).

3-я ч. 118 ст. предвидитъ случаи неосторожности или безпечности при обращеніи съ порохомъ или съ взрывчатыми веществами, не предусмотрѣнные въ законѣ или въ изданныхъ по сему предмету узаконеніяхъ. Для подведенія даннаго дѣянія подъ дѣйствіе 3-й ч. 118-й ст. необходимо установить, что виновный „долженъ былъ съ вѣроятностью предвидѣть имѣющую произойти отъ неосторожности или безпечности его опасность“. Обвиняемый, слѣдовательно, долженъ быть признанъ виновнымъ въ явной неосторожности, но для состава этого проступка нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы опасность отъ его неосторожности произошла, что видно изъ словъ „имѣющая произойти“, каковыя слова несомнѣнно были бы замѣнены словами „происшедшая опасность“, если бы наличность опасности признавалась закономъ необходимою для наказанія неосторожности обвиняемаго.

Ст. 118[1] имѣетъ въ виду нарушеніе правилъ о частныхъ пороховыхъ заводахъ и капсюльныхъ заведеніяхъ, изданныхъ 22 Мая 1876 г. и 15 Ноября 1883 г. (Собр. Узак. за 84 г. № 36).

Проступки 117 и 1-й ч. 118 ст. наказываются строже (ст. 128) въ случаѣ причиненія кому либо совершеніемъ того проступка ранъ или поврежденій въ здоровьѣ; въ случаѣ же причиненія смерти проступки эти наказываются по Улож. о нак.

119 ст. За несоблюденіе надлежащей осторожности при бросаніи камней или иныхъ твердыхъ предметовъ, при выкидываніи или выливаніи чего либо, а также при складываніи или возкѣ тяжестей, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Неосторожность, предусматриваемая 119 статьею, наказывается и въ томъ случаѣ, если она не имѣла никакихъ послѣдствій; если послѣдствіемъ ея явится причиненіе раны или поврежденіе здоровья, наказаніе усиливается по 128 ст. Мир. Уст.; если же послѣдствіемъ ея будетъ смерть, то такая неосторожность наказывается—уже общими судебными мѣстами—по 1466 ст. Улож. о нак.

Бросаніе, выливаніе и т. п. должны быть именно *неосто-*

рожными, чтобы влечь за собою примѣненіе 119-й ст.: проступокъ этотъ, совершенный случайно, будетъ ненаказуемъ, учиненный же умышленно — будетъ заключать въ себѣ признаки какого либо другого проступка, какъ—то: обиды дѣйствіемъ и т. д., смотря по обстоятельствамъ, его сопровождавшимъ.

Сенатскимъ рѣшеніемъ 71 г. № 354 подведено подъ дѣйствіе 119-й ст. непоставленіе ограды, какъ предохранительной мѣры отъ несчастныхъ случаевъ при производствѣ постройки, вслѣдствіе чего кирпичь и куски дерева летѣли на улицу и тротуаръ. На нашъ взглядъ, дѣйствіе это или, лучше сказать, упущеніе правильнѣе подводить подъ дѣйствіе ст. 124 Мир. Уст., помѣщенной въ томъ же отдѣлѣ о проступкахъ противъ личной безопасности и предусматривающей именно подобнаго рода упущенія „при производствѣ построекъ и другихъ работъ“.

120 ст. За держаніе дикихъ звѣрей безъ соблюденія мѣръ, необходимыхъ для огражденія общественной безопасности, а равно за выпускъ ихъ, по неосторожности, изъ мѣстъ содержанія, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

120 ст. говоритъ только о *дикихъ* звѣряхъ, о домашнихъ же животныхъ говоритъ ст. 121; изъ содержанія 120 ст. видно, что законъ требуетъ держанія дикихъ звѣрей, безразлично, прирученныхъ или нѣтъ, взаперти, такъ какъ преслѣдуетъ самый выпускъ ихъ, по неосторожности, изъ мѣстъ содержанія. Въ виду же начальныхъ словъ 120 ст. слѣдуетъ признать, что и содержаніе дикихъ звѣрей взаперти, но безъ соблюденія надлежащихъ мѣръ предосторожности, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать ихъ безвредными для окружающихъ, тоже должно быть наказываемо по 120 ст. Мѣры эти не перечислены въ законѣ и предоставляется суду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ установить, какія мѣры были необходимы для огражденія общественной безопасности и были ли онѣ нарушены.

121 ст. За непринятіе установленныхъ мѣръ къ отвра-

щенію опасности, могущей произойти отъ домашнихъ животныхъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Изъ сопоставленія ст. 121 со статьею 120 вытекаетъ, что домашнія животныя, какъ непредставляющія вообще опасности для людей, не должны быть содержимы постоянно взаперти, и что ст. 121 имѣетъ въ виду тѣ исключительные случаи, когда домашнія животныя являются почему либо опасными для людей. Опасными же они являются во 1-хъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда они бросаются на людей и во 2-хъ) — когда взбѣсятся, и вотъ такихъ то домашнихъ животныхъ, имѣющихъ привычку бросаться на людей, а также взбѣсившихся, хозяева ихъ должны поставить въ невозможность вредить людямъ, а если они этого совсѣмъ не сдѣлаютъ, или сдѣлаютъ плохо, то должны отвѣчать по 121-й ст. Кромѣ сопоставленія со ст. 120-й, смыслъ 121 ст. еще выясняется содержаніемъ ст. 1306 и 1307 Улож. 57 г., замѣненныхъ 121 статьею, а также выясняется и содержаніемъ ст. 245-й Уст. о пред. и прес. прест., указывающей тѣ „установленныя мѣры", о которыхъ говоритъ 121 ст. Въ ст. 1306 и 1307 Улож. 57 г. говорится о хозяинѣ домашняго животнаго, который, „зная злыя его свойства", а также зная, что принадлежащей ему собакѣ или другому животному „приключилась болѣзнь, именуемая бѣшенствомъ или водобоязнью", не приметъ надлежащихъ мѣръ для предупрежденія опасности. Статьею же 245 Уст. о пред. и прес. прест. требуется, чтобы хозяинъ животныхъ „метающихся на людей" держалъ таковыхъ животныхъ не иначе, какъ взаперти или на привязи.

Въ городахъ губерній Царства Польскаго существуютъ, такъ называемые, чистители (иначе называемые профосами), на обязанности которыхъ лежитъ, по соглашенію съ магистратомъ, уборка съ городскихъ улицъ и площадей павшаго скота, задержаніе бродячаго по городу скота, а также ловля собакъ, не имѣющихъ владѣльцевъ. Въ основу заключаемыхъ магистратами съ чистителями контрактовъ положено Постан. Ком.

Дѣлъ Внутр. и Пол. 27-го Іюля 22 года. Въ постановленіи же той же Коммиссіи отъ 17-го Іюля 1858 года высказано, что отъ забиранія освобождаются собаки, находящіяся при своихъ хозяевахъ, спящія въ воротахъ домовъ или подлѣ нихъ, комнатныя собачки и пуделя, и что употребленіе веревочекъ или намордниковъ для собакъ предоставляется ихъ хозяевамъ, которые не могутъ быть принуждаемы полиціею къ употребленію таковыхъ.

Къ проступку 121 ст. имѣетъ примѣненіе и 128 ст. Мир. Уст.; проступокъ 121 ст., осложненный смертью, преслѣдуется — подобно проступкамъ 122 и 127 ст. Мир. Уст. въ тѣхъ же случаяхъ—по 1466 ст. Улож. о нак.

122 ст. За травленіе человѣка, безъ преступнаго впрочемъ умысла (ст. 28), собакою или другими животными, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Умышленное травленіе человѣка собакою или другими животными, съ намѣреніемъ сдѣлать вредъ, преслѣдуется по 988-й ст. Улож. о нак., какъ умышленное нанесеніе ранъ или увѣчья; статья же 122 преслѣдуетъ травленіе, хотя и умышленное, — такъ какъ самое выраженіе „травить“ показываетъ, что воли обвиняемаго направлена была на то, чтобы собака или другое животное бросилось на человѣка, — но когда дѣлается это безъ цѣли нанесенія ранъ или увѣчья, а просто изъ желанія попугать травимаго: „по легкомыслію или по шалости“, какъ сказано было въ 1308-й ст. Ул. о нак. 57 г., замѣненной 122 статьею Мир. Устава.

123 ст. За неосмотрительную или непомѣрно скорую ѣзду въ городахъ и селеніяхъ, а также за порученіе управленія лошадьми лицу неспособному или пьяному, виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Изъ всей настоящей главы ст. 123-я вызвала наиболѣе

разъясненій Прав. Сената, какъ чаще всего примѣняющаяся въ практикѣ мировой юстиціи. Въ статьѣ этой говорится о трехъ проступкахъ: 1) о ѣздѣ неосмотрительной, 2) ѣздѣ непомѣрно скорой и 3) о порученіи управленія лошадьми лицу неспособному или пьяному.

Ѣзда неосмотрительная или непомѣрно скорая запрещается 123-ю статьею только въ городахъ и селеніяхъ; это выраженіе „въ городахъ и селеніяхъ“ не должно быть понимаемо въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ проступокъ 123-й статьи не имѣетъ собственно никакого отношенія къ городамъ и селеніямъ, какъ таковымъ: о городахъ и селеніяхъ говорится потому, что возможность печальныхъ послѣдствій проступка 123 статьи вѣроятнѣе въ городахъ и селеніяхъ—мѣстахъ, назначенныхъ для жительства людей—чѣмъ на большихъ дорогахъ, проходящихъ нерѣдко по мѣстамъ, вполнѣ ненаселеннымъ. Преслѣдуется же проступокъ 123 ст. какъ проступокъ *противъ личной безопасности*, поэтому вездѣ, гдѣ личная безопасность была нарушена путемъ неосмотрительной или непомѣрно скорой ѣзды, примѣненіе 123 ст. можетъ послѣдовать и въ мѣстности ненаселенной, такъ какъ лицами, охраняемыми этою статьею являются не только пѣшеходы или лица, не находящіяся въ моментъ совершенія проступка въ экипажѣ обвиняемаго, но и лица, ввѣрившія ему свою судьбу и потерпѣвшіе вслѣдствіе его неосторожности. Ни съ чѣмъ не сообразнымъ было бы, въ самомъ дѣлѣ, выдѣлять въ этомъ отношеніи лицъ, болѣе всего и могущихъ потерпѣть отъ неосмотрительности кучера, и отдавать довѣрчивыхъ сѣдоковъ на произволъ возчиковъ, лишь только путники миновали городъ или селеніе; несообразность же эта явилась бы непремѣнно, если бы ограничиться слишкомъ узкимъ пониманіемъ 123 статьи, такъ какъ ни подъ какую другую статью Устава или Уложенія нельзя подвести проступокъ неосмотрительной ѣзды. Проступокъ 123-й статьи можетъ начинаться и по сообщеніямъ полиціи и по жалобамъ лицъ потерпѣвшихъ и неужели же не признавать потерпѣвшимъ отъ проступка — сѣдока,

опрокинутаго на шоссе неосторожнымъ кучеромъ, вмѣстѣ и съ экипажемъ, и получившаго отъ того ушибы, хотя и безъ повреждения въ здоровьѣ? Несомнѣнно, что въ подобномъ случаѣ есть и проступокъ 123 ст. и потерпѣвшій отъ этого проступка, по жалобѣ котораго виновный долженъ понести соотвѣтственное наказаніе. Для лицъ, сомнѣвающихся — въ виду каттегоричности 123 ст.—въ этомъ нашемъ выводѣ, мы ссылаемся на 151 ст. Улож. о нак., разрѣшающую суду приговаривать виновнаго въ преступномъ дѣяніи, за которое не опредѣлено особаго наказанія, къ одному изъ наказаній, „предназначенныхъ за преступленія по важности и роду своему наиболѣе съ онымъ сходныя". Для примѣненія закона по аналогіи суду необходимо установить, что „существуетъ законъ, который предусматриваетъ преступленіе, по признакамъ своимъ имѣющее близкое сходство съ даннымъ случаемъ" (рѣш. Сената 68 г. № 160, 69 г. № 992, 75 г. № 73); на нашъ взглядъ, разбираемый нами случай даетъ полное основаніе для примѣненія по аналогіи ст. 123 Мир. Уст.

123-я статья говоритъ о *ѣздѣ*, не ограничивая это понятіе никакими дополненіями, въ виду чего, проступкомъ 123-й ст. можетъ быть признана всякая ѣзда, лишь бы было установлено, что она была неосмотрительною или непомѣрно скорою. Подъ ѣздою вообще понимается передвиженіе при помощи каколибо приспособленія, замѣняющаго человѣку ноги и ускоряющаго или, по крайней мѣрѣ, долженствующаго облегчить и *ускорить* его передвиженіе; этотъ подчеркнутый нами признакъ необходимъ, ибо иначе подъ ѣзду пришлось бы подводить и ходьбу на костыляхъ и на ходуляхъ. Для примѣненія 123 ст. безразлично, къ какому именно приспособленію прибѣгнули для передвиженія, и неосмотрительный ѣздокъ долженъ быть наказанъ по 123 статьѣ, ѣхалъ ли онъ въ какомъ либо экипажѣ, или управлялъ вагономъ конно-желѣзной дороги (рѣш. Сената 77 г. № 17), ѣхалъ ли онъ на лошади или на какомъ иномъ животномъ, или же, наконецъ, на велосипедѣ.

Защитникамъ неосторожныхъ велосипедистовъ посвятимъ

нѣсколько словъ въ подкрѣпленіе нашей мысли. Извѣстно что велосипеды, особенно двухколесные, развиваютъ чрезвычайную быстроту, причемъ представляютъ инструментъ довольно тяжелый, поэтому несомнѣнно, что послѣдствія неосторожной ѣзды на велосипедѣ могутъ быть довольно серьезныя. Про велосипедиста нельзя сказать, что онъ ходитъ, а говорятъ—онъ ѣздитъ; велосипедъ представляетъ изъ себя экипажъ, и хотя движеніе онъ получаетъ вслѣдствіе мускульнаго напряженія самого ѣздока, но благодаря механическимъ приспособленіямъ быстрота движенія получается такая, которой никогда не получилось бы безъ помощи велосипеда. Извѣстно, что велосипедисты обгоняютъ быстро бѣгущихъ лошадей; не менѣе извѣстно, что сила паденія является произведеніемъ массы на тяжесть; принявъ же все это во вниманіе, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что испытать на себѣ — при благосклонномъ содѣйствіи г. г. велосипедистовъ — практическія послѣдствія справедливости этой формулы—не приходится пожелать и злѣйшему своему врагу. Нельзя, по нашему мнѣнію, ссылаться въ данномъ случаѣ и на малое развитіе у насъ этого вида спорта: въ Англіи клубы велосипедистовъ считаются уже десятками, а сами велосипедисты—десятками тысячь; почта развозится тамъ на велосипедахъ, а въ ближайшей нашей сосѣдкѣ—Пруссіи—поговариваютъ о снабженіи велосипедами лицъ акцизнаго надзора, такъ что, при нашей страсти къ заимствованіямъ, можно надѣяться, что примѣненіе 123 ст. къ велосипедистамъ не останется мертвою буквою.

Относительно выраженія „ѣзда“ необходимо замѣтить еще слѣдующее. Въ ст. 123 выраженіе это слѣдуетъ понимать не только въ смыслѣ движенія, но также подводить подъ него и тѣ промежуточные моменты остановки, которые весьма часты при ѣздѣ. Такимъ образомъ, кучера, бросившаго своихъ лошадей на улицѣ безъ всякаго присмотра, такъ же слѣдуетъ подводить подъ дѣйствіе 123-й ст., какъ и кучера, неосмотрительно правящаго лошадью.

Прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію признаковъ от-

дѣльныхъ проступковъ 123-й статьи, укажемъ еще по отношенію ко всѣмъ этимъ проступкамъ, что для состава ихъ нѣтъ необходимой необходимости въ томъ, чтобы послѣдствіемъ ихъ явилось такое либо происшествіе или послѣдовалъ несчастный случай. Положеніе это вытекаетъ изъ точнаго смысла 123 ст. и высказано было неоднократно и Прав. Сенатомъ (въ рѣш. 67 года № 258 и 68 г. №№ 587 и 813). Въ Руководствѣ своемъ (стр. 522) г. Неклюдовъ высказывается въ противномъ смыслѣ относительно только неосмотрительной ѣзды, и то, какъ это можно понять изъ его аргументаціи, допускаетъ исключенія. Съ мнѣніемъ его, конечно, нельзя не согласиться въ той его части, въ которой высказывается, что „неосмотрительность ѣзды можетъ быть выведена не умозрѣніемъ, не *à priori*, а только изъ какого либо внѣшняго дѣйствія"; но согласиться съ тѣмъ, что такимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ должно быть непремѣнно какое либо происшествіе или приключеніе нельзя, такъ какъ кучеръ, заснувшій на ѣздѣ на козлахъ или распустившій возжи до того, что онѣ запутались въ колесѣ, конечно долженъ быть признанъ виновнымъ въ неосмотрительной ѣздѣ и въ этомъ случаѣ, хотя бы неосмотрительность его и была во время замѣчена и не повлекла за собою никакого происшествія, если не считать такимъ происшествіемъ остановку экипажа и пробужденіе кучера отъ сна. Впрочемъ, на слѣдующей страницѣ г. Неклюдовъ еще болѣе съуживаетъ примѣненіе своего взгляда, говоря, что подъ ст. 123-ю слѣдуетъ подводить оставленіе лошади безъ надзора, „причемъ рѣшительно все равно, будетъ ли послѣдствіемъ этого какое либо приключеніе, или нѣтъ", и что наличность происшествія необходима только для установленія неосмотрительнаго *управленія* лошадью.

Подъ *неосмотрительною* ѣздою слѣдуетъ понимать такую ѣзду, когда ѣздокъ или кучеръ не прилагаетъ къ дѣлу всю ту осмотрительность и внимательность, которыя вызываются исключительностью его положенія. Какъ мы видѣли уже выше, неосмотрительность эта можетъ выразиться въ формахъ весьма разнообразныхъ: въ плохомъ управленіи лошадью или

экипажемъ, въ оставленіи ея вовсе безъ управленія при движеніи или во время остановки и, наконецъ, въ небрежномъ отношеніи къ элементамъ передвиженія: къ лошади или къ экипажу. Такъ, кучеръ, выѣхавшій въ экипажѣ дряхломъ или испорченномъ, или запрегшій невыѣзженную лошадь, долженъ отвѣчать по 123 статьѣ.

Непомѣрно же скорою ѣзда можетъ быть признана лишь по ближайшемъ соображеніи каждый разъ всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ эта ѣзда имѣла мѣсто, такъ какъ самое выраженіе „непомѣрная" показываетъ на относительность этого понятія и на то, что одна и та же скорость ѣзды можетъ быть признана при извѣстныхъ условіяхъ, напр., при особомъ стеченіи народа, на извѣстныхъ бойкостью движенія улицахъ — непомѣрною, при условіяхъ же обыкновенныхъ та же самая ѣзда можетъ быть признана ненаказуемою.

3-й проступокъ 123 й статьи заключается въ порученіи управленія лошадьми лицу неспособному или пьяному. Проступокъ порученія управленія лошадьми лицу пьяному преслѣдуется именно потому, что пьяный, конечно долженъ быть признанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неспособнымъ *къ надлежащему, осмотрительному* управленію лошадьми, такъ что управленіе пьянымъ лицомъ или же лицомъ неспособнымъ — безразлично въ глазахъ закона; это высказалъ и Сенатъ въ рѣш. 79 г. № 60: „порученіе управленія лошадьми лицу неспособному и порученіе управленія лошадьми лицу пьяному составляютъ одинъ и тотъ же проступокъ, и отъ суда во всякое время зависитъ признать, что кучеръ, если и не былъ пьянъ, то оказывается не менѣе того неспособнымъ къ управленію лошадьми. Признаніе „неспособнымъ" къ ѣздѣ, кучера, обвинявшагося въ нетрезвомъ состояніи во время ѣзды, не заключаетъ въ себѣ никакого измѣненія въ существѣ обвиненія". По смыслу 123 ст. достаточно установить,—для ея примѣненія — что управленіе лошадьми было поручено лицу пьяному, хотя на практикѣ всѣмъ намъ знакомы случаи счастливаго управленія лошадьми кучерами, еле—еле держащимися на козлахъ, но все таки умѣло

отправляющими свои обязанности, однакоже, случаи эти конечно, слѣдуетъ считать лишь исключеніями и ихъ нельзя принимать въ соображеніе при разсмотрѣніи проступка 123-й ст., подобно тому, какъ неблагоразумно было бы дѣлать опыты бросанія пьяныхъ въ море на основаніи одной лишь пословицы, что „пьяному море по колѣна“. Таковы основанія для привлеченія къ отвѣтственности лица, поручившаго управленіе лошадьми пьяному, но конечно, для того, чтобы признать данное лицо виновнымъ въ порученіи управленія лошадьми лицу пьяному, необходимо установить, что тотъ, кому поручено это управленіе, былъ пьянъ въ то время, когда порученіе давалось, а не напился позднѣе.

Неспособными же управлять лошадьми должны почитаться: во 1-хъ) малолѣтніе, какъ недостаточно сильные для сдержанія лошадей при всѣхъ могущихъ встрѣтиться случайностяхъ и вообще недостаточно опытные, а во 2-хъ) лица, не знакомыя съ практикою ѣзды. Наказанію подлежатъ лица, поручившія управленіе, а такъ какъ поручать управленіе лошадью можетъ не только хозяинъ животнаго, то, съ одной стороны, отвѣтственности по 123-й ст. подлежитъ всякій, поручившій управленіе лошадью лицу неспособному, а съ другой стороны, хозяинъ лошадей не отвѣчаетъ по 123 ст. въ томъ случаѣ, если не давалъ никому никакого порученія. Мнѣніе это выражено Сенатомъ въ рѣшеніи 77 года № 17, въ которомъ сказано: мнѣніе Съѣзда, что порученіе, о которомъ говорится въ 123-й статьѣ, можетъ исходить только отъ хозяина лошадей, нельзя считать правильнымъ. Каждому частному лицу принадлежитъ право завѣдывать имуществомъ своимъ лично или черезъ довѣренныхъ лицъ, и никакой законъ не дѣлаетъ въ этомъ случаѣ исключенія для хозяевъ лошадей, будь они лица частныя или хозяева разъѣздныхъ лошадей“.

Въ виду точнаго смысла 123-й ст. отвѣчаетъ по ней лицо *поручившее* управленіе лошадьми лицу неспособному или пьяному, лицо же, *принявшее* порученіе въ пьяномъ видѣ или будучи неспособнымъ къ исполненію порученія, не отвѣчаетъ;

но оно, конечно, должно отвѣчать по той же 123 ст. за неосмотрительную или непомѣрно скорую ѣзду, хотя бы эта неосмотрительность была послѣдствіемъ пьянаго состоянія или же неспособности къ управленію лошадьми, если только наличность этого проступка будетъ установлена и если обвиняемый не можетъ защищаться ссылкою на 10 ст. Мир. Уст., которая имѣетъ примѣненіе и къ 123-й ст., подобно тому, какъ она примѣняется и къ остальнымъ статьямъ Устава о наказаніяхъ.

По 123 ст. должно преслѣдовать порученіе управленія не только „лошадьми", но и одною *лошадью*, такъ какъ изъ смысла статьи вовсе не вытекаетъ, чтобы ее необходимо было примѣнять только къ порученію управленія именно нѣсколькими лошадьми.

Послѣдній вопросъ, который намъ остается разсмотрѣть при толкованіи 123-й ст., это кто долженъ отвѣчать по ней въ томъ случаѣ, когда въ экипажѣ ѣдетъ хозяинъ, а лошадьми правитъ кучеръ: одинъ ли кучеръ, или одинъ хозяинъ, или же оба вмѣстѣ? Въ силу 15 ст. Уст. уг. суд. „въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность только самъ за себя", поэтому въ томъ случаѣ, когда неосмотрительная или непомѣрно быстрая ѣзда имѣла мѣсто по причинамъ, отъ владѣльца лошадей не зависѣвшимъ если онъ не приказывалъ кучеру гнать лошадей или сдѣлать что либо, признанное судомъ преступнымъ въ виду 123-й ст., то отвѣчаетъ за проступокъ одинъ только кучеръ, привлекать же въ подобномъ случаѣ къ отвѣтственности владѣльца лошадей — нѣтъ основаніи. Но если судомъ будетъ признано, что неосмотрительная или непомѣрно быстрая ѣзда послѣдовала по распоряженію владѣльца лошадей, то отвѣчать за проступокъ должны и самъ владѣлецъ лошадей, какъ зачинщикъ или подстрекатель, а также — и правившій лошадьми, какъ не обязанный исполнять незаконныя приказанія своего хозяина. Въ этомъ же смыслѣ высказался и Правительствующій Сенатъ въ рѣш. 74 г. № 301, установивъ, что „Мировой Судья и Съѣздъ, признавая подсудимаго (владѣльца лошадей) соучастникомъ проступка кучера его, предусматри-

ваемаго 123 ст. Уст. о нак., вправѣ былъ на основанiи 15-й ст. того же Устава приговорить его къ наказанiю, опредѣленному 123 ст. Уст. о нак.". Соучастiе же въ данномъ случаѣ выразилось именно въ понужденiи кучера къ скорой ѣздѣ.

124 ст. За неприставленiе подпоръ къ ветхимъ заборамъ, а равно за неимѣнiе предостерегательныхъ знаковъ или заборовъ при производствѣ построекъ и другихъ работъ, или же около колодцевъ, помойныхъ ямъ, творилъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда заборы или предостерегательные знаки необходимы для огражденiя личной безопасности, виновные подвергаются:

денежному взысканiю не свыше пятнадцати рублей.

Примѣненiе ст. 124-й не возбуждаетъ въ судебной практикѣ никакихъ сомнѣнiй, особенно въ виду заключительныхъ ея словъ, предоставляющихъ суду широкiй просторъ при установленiи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что заборъ или предостерегательные знаки были необходимы для огражденiя личной безопасности. Замѣтимъ лишь, что подъ словомъ „заборъ" слѣдуетъ понимать и огражденiя болѣе легкаго свойства, напр., перила, и что поэтому, какъ это разъяснено и Сенатомъ въ рѣш. 67 г. № 556, неимѣнiе перилъ на мосту, необходимыхъ для личной безопасности, подвергаетъ отвѣтственности по 124 ст. тѣхъ лицъ, коимъ принадлежитъ мостъ, то есть,—въ чьемъ фактическомъ владѣнiи онъ находится.

125 ст. За выставленiе, безъ надлежащей осторожности, клѣтокъ, горшковъ, съ цвѣтами и тому подобныхъ вещей на окна, а равно за недостаточное прикрѣпленiе вывѣсокъ или ставней, виновные подвергаются:

денежному взысканiю не свыше десяти рублей.

Выраженiе ст. 125-й „и тому подобныхъ предметовъ", помѣщенное послѣ словъ „клѣтокъ, горшковъ съ цвѣтами", показываетъ, что 125 ст. преслѣдуется неосторожное выставленiе предметовъ твердыхъ, могущихъ при паденiи ушибить того, на кого они свалятся, такъ что выставленiе на окна предметовъ болѣе мягкихъ, напр., подушекъ, одѣялъ, ковриковъ и т. п. съ

цѣлью, положимъ, провѣтрить или просушить ихъ, не слѣдуетъ подводить подъ дѣйствіе 125 статьи.

Статья 125-я преслѣдуетъ неосторожность, и вторая ея часть тоже имѣетъ въ виду недостаточное прикрѣпленіе вывѣсокъ или ставень по недосмотру, вслѣдствіе недостаточной осмотрительности, поэтому 1 часть 9-й ст. не можетъ имѣть примѣненія къ 125-й ст., какъ и вообще ко всѣмъ статьямъ разбираемой нами главы Мир. Устава.

Причиненіе проступкомъ 125-й ст. ранъ или поврежденій въ здоровьѣ должно влечь за собою примѣненіе 128 ст., а причиненіе смерти — ст.1466 Улож. о нак.

126 ст. За перевозъ людей въ ветхихъ или худыхъ лодкахъ, и вообще за нарушеніе правилъ предосторожности, предписанныхъ для рѣчныхъ перевозовъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Ст. 126 преслѣдуетъ нарушеніе правилъ предосторожности, „предписанныхъ для рѣчныхъ перевозовъ“. Въ Руководствѣ г. Микляшевскаго (стр. 532) говорится, что правилъ этихъ въ Царствѣ Польскомъ не существуетъ. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ—на что мы уже указывали при разсмотрѣніи 29 ст. Уст. о нак.—21 Іюня 1818 года состоялось Постановленіе Намѣстника въ Царствѣ, по Государственному Совѣту, заключающее въ себѣ „Основное законоположеніе о сборахъ за перевозы, подраздѣленіе перевозовъ на разряды, тарифы сборовъ, *мѣры безопасности и подробныя полицейскія правила*“. Въ законоположеніи этомъ указаны, между прочимъ, обязанности содержателей перевозовъ; въ изданномъ же въ развитіе и на основаніи этого законоположенія Постановленіи Коммиссіи Внутр. Дѣлъ и полиціи отъ 9 Февраля 1822 года указано, что перевозные суда должны быть въ исправномъ состояніи, при нихъ должно находиться нужное число потребныхъ инструментовъ, въѣздные и съѣздные мостики должны быть сдѣланы не изъ хвороста, а изъ дерева, перевозчики же должны быть люди трезвые и способные и имѣть

ихъ слѣдуетъ въ достаточномъ количествѣ. Несоблюденіе всѣхъ этихъ правилъ и должно быть подводимо подъ дѣйствіе 126 ст. Уст. о нак.

127 ст. За неохраненіе пьянаго, который не могъ, безъ очевидной опасности, быть предоставленъ самому себѣ, продавцы въ питейныхъ заведеніяхъ подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

Отвѣчать по 127-й ст. могутъ только продавцы въ питейныхъ заведеніяхъ; настоящею статьею возлагается на нихъ особая обязанность, поэтому примѣненіе къ этому ихъ проступку 1 ч. 9 ст. Уст. о нак., т. е. наказаніе его только выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ, не должно имѣть мѣста. Сравнительно незначительное наказаніе за проступокъ 127 ст. должно быть увеличиваемо по 128-й ст. въ случаѣ причиненія тѣмъ проступкомъ неохраненному пьяному ранъ или поврежденій въ здоровѣ, причиненіе же тѣмъ ему смерти влечетъ за собою примѣненіе ст. 1466 Улож. о нак. и изъемлетъ проступокъ 127 статьи изъ вѣдомства мировой юстиціи.

Относительно разбираемой нами статьи въ Руководствѣ г. Микляшевскаго имѣется два тезиса, и ни съ однимъ изъ нихъ мы не находимъ возможнымъ согласиться. Въ первомъ изъ нихъ говорится, что проступокъ 127-й ст., какъ подлежавшій—до введенія въ губерніяхъ Царства Польскаго судебной реформы — вѣдѣнію полиціи, долженъ и нынѣ, по силѣ 110 ст. Пол. о прим., почитаться изъятымъ изъ вѣдомства судебныхъ установленій. Но выше уже, а именно при разсмотрѣніи 1 ст., мы уже указывали на опредѣленіе Сената отъ 20 Марта 1884 года, коимъ правильно разъясняется, что „судебная власть полиціи, принадлежавшая ей прежде по нѣкоторымъ нарушеніямъ правилъ общественнаго благоустройства и благочинія, со введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ прекратилось“. Во второмъ же тезисѣ проводится та мысль, что „опасность“, о которой говорится въ 127 статьѣ, касается не только пьянаго, но и другихъ лицъ. Съ этимъ мнѣніемъ, основаннымъ на 25-й ст. нынѣ не дѣйствующихъ правилъ о взыск. за наруш.

постан. о питей. сб. 1860 года, мы не можемъ согласиться въ виду употребленнаго въ 127-й ст. выраженія „за *неохраненіе* пьянаго"; это выраженіе прямо показываетъ, что ст. 127-я заботится только о самихъ пьяныхъ, доведенныхъ, благодаря, быть можетъ, радушію самого продавца въ питейномъ заведеніи, до состоянія полной безпомощности, и только ихъ ст. 127 приказываетъ *охранять*, иначе, — оберегать отъ опасностей, а не другихъ лицъ, не лишенныхъ способности самимъ позаботиться о своей безопасности. Взглядъ нашъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ ст. 448 Уст. о пит. сб. изд. 76 г., соотвѣтствующей статьѣ 127-й Уст. о нак. Въ этой 448 ст. до очевидности ясно высказано, что на обязанности продавцевъ питейныхъ заведеній лежитъ охраненіе только самихъ пьяныхъ отъ грозящихъ имъ опасностей.

128 ст. За совершеніе проступковъ, означенныхъ въ статьяхъ 66, 72, 76, 106, 111, 117, 118 (ч. 1), 119 и 121—127, въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо ранъ или поврежденій въ здоровьѣ, когда однако отъ сего не послѣдовало смерти (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Суды мировой юстиціи тогда только могутъ разбирать дѣла по обвиненіямъ въ совершеніи такихъ проступковъ, послѣдствіемъ которыхъ было причиненіе кому либо раны или поврежденья въ здоровьѣ, когда проступокъ этотъ подходитъ подъ дѣйствіе 128-й ст., т. е. принадлежитъ къ числу проступковъ, въ ней перечисленныхъ; остальные же проступки, имѣвшіе послѣдствіемъ причиненіе раны или поврежденія въ здоровьѣ преслѣдуются уже по 1494 ст. Улож. о нак. Это признано и Сенатомъ, установившимъ въ рѣш. 82 г. № 136, что „ст. 128 Уст. о нак. караетъ причиненіе ранъ и поврежденій въ здоровьѣ, бывшихъ послѣдствіемъ нарушеній, предусмотрѣнныхъ Уставомъ о нак. и опредѣлительно перечисленныхъ въ сей статьѣ, постановленій, ограждающихъ общественное благоустрой-

ство, благочиніе и личную безопасность"; и что „ст. 128 Мир. Уст. составляетъ непосредственное дополненіе къ ст. 1494-й Улож. о нак. Дѣла о нанесеніи легкихъ ранъ подсудны мировой юстиціи лишь въ порядкѣ примирительнаго разбирательства, причиненіе же смерти даже и однимъ изъ проступковъ 128-й статьи изъемлетъ дѣло изъ вѣдомства мировой юстиціи. Наличность раны или поврежденія въ здоровьѣ должна быть установлена при содѣйствіи экспертизы врача эксперта.

Кромѣ ранъ и поврежденій въ здоровьѣ, Уложеніе о нак. говоритъ еще объ увѣчьяхъ, которыя отличаются отъ ранъ тѣмъ, что могутъ не сопровождаться разорваніемъ наружныхъ покрововъ тѣла, а отъ поврежденій въ здоровьѣ отличаются тѣмъ, что могутъ не отзываться вредно на общемъ состояніи здоровья потерпѣвшаго. Сенатъ опредѣляетъ увѣчье какъ „совершенное отпаденіе какого либо тѣлеснаго органа, или приведеніе его въ состояніе, не соотвѣтствующее его назначенію". Нанесенія увѣчій поставлены Уложеніемъ наравнѣ съ нанесеніемъ ранъ или поврежденій въ здоровьѣ, поэтому нѣтъ никакого основанія не подводить проступка, послѣдствіемъ котораго было причиненіе *увѣчья* подъ дѣйствіе 128 статьи. Такихъ основаній не даетъ намъ и Руководство г. Микляшевскаго, утверждающее, что причиненіе увѣчья однимъ изъ проступковъ 128 ст. изъемлетъ дѣло изъ вѣдомства мировой юстиціи наравнѣ съ причиненіемъ смерти, хотя въ 128 статьѣ говорится въ этомъ отношеніи только о смерти. Прав. Сенатъ высказался по данному вопросу въ смыслѣ, подкрѣпляющемъ поддерживаемый нами взглядъ. Такъ въ рѣш. 68 г. № 443 выражено, что ст. 128 имѣетъ въ виду не одно только причиненіе ранъ, но и вообще наружныхъ поврежденій; въ приведенномъ же выше рѣшеніи 82 года № 36 сказано: „точный смыслъ ст. 989 Улож. о нак. (карающей за совершеніе проступковъ, означенныхъ въ ст. 128 и 129 Уст. о нак. въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо смерти) удостовѣряетъ, что изъ подсудности мировымъ судебнымъ установленіемъ по ст. 128 и 129 Уст. о нак. изъемлются одни случаи причиненія кому либо смерти отъ дѣяній,

указанныхъ въ этихъ узаконеніяхъ, а не случаи причиненія, кромѣ сего, и увѣчій, которыя въ ст. 1494 и 1495 Улож. о нак. о неосторожномъ и случайномъ нанесеніи кому либо высшихъ видовъ насильственныхъ дѣйствій, упоминаются наравнѣ съ ранами и другими повреждениями въ здоровьѣ. Если объяснять иначе смыслъ ст. 128 и 129 Уст. о нак., то утратилось бы точное разграниченіе ст. 1494 Улож. и ст. 128 Уст. о нак., основанное исключительно на значеніи тѣхъ проступковъ, послѣдствіемъ которыхъ были тѣлесныя поврежденія, указанныя въ этихъ узаконеніяхъ, и въ особенности осталось бы совершенно безнаказаннымъ причиненіе увѣчій отъ дѣяній, упоминаемыхъ въ ст. 129 Уст. о нак., явно неосторожныхъ, но ни въ Уложеніи, ни въ Уставѣ о нак., не воспрещаемыхъ подъ страхомъ наказанія, тогда какъ раны и иныя поврежденія въ здоровьѣ, послѣдовавшія при тѣхъ же условіяхъ, подлежали бы наказанію по ст. 129-й Уст. о нак. Правильность вышеприведеннаго вывода о точномъ значеніи ст. 128 и 129 Уст. о нак. подтверждается и содержаніемъ ст. 2044 Улож. о нак. изд. 1857 года, замѣненной ст. 129 Уст. о нак., въ которой говорилось о причиненіи не только ранъ и поврежденій въ здоровьѣ, но и увѣчій отъ дѣяній, закономъ не воспрещенныхъ, но явно неосторожныхъ. Сами составители Устава о нак., въ объясненіяхъ къ одной изъ статей, поименованныхъ въ ст. 128, а именно къ ст. 125, упоминаютъ, что предположенное, за предусмотрѣнные этою статьею маловажные проступки, денежное взысканіе представляется достаточнымъ, такъ какъ въ случаѣ дѣйствительнаго причиненія отъ этихъ проступковъ ранъ или увѣчья, виновные будутъ подвергаемы наказаніямъ по 128 ст. Наконецъ, въ ст. 448 Уст. о пит. сб. изд. 76 г., соотвѣтствующей ст. 127 Уст. о нак., изъяснено: что за неохраненіе пьянаго, который не могъ, безъ очевидной опасности, быть предоставленъ самому себѣ, продавцы питейныхъ заведеній подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 127 и 128 Уст. о нак.; если же пьяный будетъ обокраденъ, или изувѣченъ, или изувѣчитъ самъ себя, продавецъ вина или сидѣлецъ обязанъ вознаградить

его за убытки и лечить на свой счетъ, а если пьяный умеръ отъ увѣчья или излишняго употребленія вина, то виноторговецъ подвергается наказанію по 1466 ст. Улож. Такимъ образомъ, и содержаніе этого узаконенія слѣдуетъ разъяснить такъ, что виновный въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 127 Уст. о нак., подлежитъ наказанію по 128-й ст., когда послѣдствіемъ сего проступка было причиненіе увѣчья потерпѣвшему лицу. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ Прав. Сенатъ не можетъ не признать, что за причиненіе не только ранъ и поврежденій въ здоровьѣ, но и увѣчій, приравниваемыхъ вообще въ законѣ къ ранамъ и инымъ поврежденіямъ въ здоровьѣ, когда увѣчья эти были послѣдствіемъ проступковъ, указанныхъ въ ст. 128 и 129-й Уст. о нак., наказаніе опредѣляется по этимъ послѣднимъ узаконеніямъ.

Въ другомъ тезисѣ подъ тою же 128-ю статьею Руководство г. Микляшевскаго устанавливаетъ, что неосторожное причиненіе легкихъ ранъ и увѣчій или поврежденія здоровья преслѣдуется только по жалобѣ потерпѣвшаго. Изъ помѣщенія этого тезиса подъ 128-ю статьею слѣдуетъ заключить, что по мнѣнію г. г. составителей Руководства проступки 128-й ст. могутъ начинаться только по жалобамъ потерпѣвшихъ и подлежатъ прекращенію за примиреніемъ сторонъ. Съ мнѣніемъ этимъ нѣтъ никакой возможности согласиться. Изъ проступковъ Мироваго Устава подлежатъ возбужденію не иначе, какъ по жалобѣ лица потерпѣвшаго и могутъ быть прекращаемы за примиреніемъ сторонъ лишь проступки, перечисленные въ 18 и 20 ст. этого Устава, проступки же, перечисленные въ 128 ст. Уст. о нак. не входятъ въ число этихъ проступковъ, указанныхъ въ ст. 18 и 20, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что проступки ст. 66, 72, 76, 106, 111, 117, 118 (ч 1), 119 и 121—127 Мир. Уст. не принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ частно-уголовныхъ проступковъ, т. е. дѣла по обвиненію въ совершеніи этихъ проступковъ могутъ быть начинаемы и помимо жалобы потерпѣвшаго и не могутъ быть прекращаемы за примиреніемъ сторонъ. Въ этомъ не сомнѣвается и Руковод-

ство г. Микляшевскаго, почему же, спрашивается, тотъ же проступокъ, но только причинившій болѣе серьезныя послѣдствія, рану или поврежденіе въ здоровьѣ и преслѣдуемый поэтому Уставомъ болѣе строго, долженъ быть причисленъ къ каттегоріи проступковъ болѣе легкихъ — частно-уголовныхъ, тогда какъ тѣ же проступки, но безъ серьезныхъ послѣдствій, къ этой каттегоріи не причисляются. Руководство г. Микляшевскаго опирается на примѣчаніе къ 1496 ст. Улож. о нак., но въ примѣчаніи этомъ говорится, что „въ тѣхъ случаяхъ, когда увѣчье или раны были послѣдствіемъ одной неосторожности, дѣла по онымъ начинаются не иначе, какъ по жалобѣ того, который подвергся симъ ранамъ или увѣчью". „Послѣдствіемъ одной неосторожности" говорится въ этомъ примѣчаніи, тѣ же раны и поврежденія въ здоровьѣ, о которыхъ говоритъ ст. 128 Мир. Уст., являются послѣдствіемъ не одной неосторожности, а послѣдствіемъ *проступковъ*, предусмотрѣнныхъ Мировымъ Уставомъ, поэтому и примѣчаніе къ 1496 ст. Улож. о нак. никоимъ образомъ не можетъ считаться подкрѣпляющимъ оспариваемую нами мысль Руководства г. Микляшевскаго. Въ этомъ же смыслѣ, по отношенію къ 128 ст. Мир. Уст., высказывается и Руководство г. Неклюдова (стр. 530).

129 ст. За совершеніе дѣянія, хотя и не предусмотрѣннаго въ семъ Уставѣ, но явно неосторожнаго, въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо ранъ или поврежденій въ здоровьѣ, когда отъ сего не послѣдовало смерти (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Нанесеніе съ умысломъ увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровья преслѣдуется ст. 1477—1493 Улож. о нак.; ст. 1494 Улож. о нак. преслѣдуетъ „дѣйствія, противныя ограждающимъ общественный порядокъ постановленіямъ" въ томъ случаѣ, когда неожиданнымъ послѣдствіемъ ихъ будутъ болѣе или менѣе тяжкія раны, увѣчья или поврежденія въ здоровѣ; ст. 128-й Уст. о нак. преслѣдуетъ нарушеніе извѣстныхъ статей

Уст. о нак. съ тѣми же послѣдствіями; наконецъ, ст. 129 Мир. Уст. и ст. 1468 Улож. о нак. преслѣдуютъ совершеніе дѣяній хотя и явно неосторожныхъ, но ненаказуемыхъ въ томъ случаѣ, если послѣдствіемъ ихъ не будетъ причиненіе кому либо увѣчья, ранъ или поврежденій въ здоровьѣ, или же смерти, причемъ 1468 ст. Улож. о нак. примѣняется въ случаѣ причиненія смерти, а въ остальныхъ случаяхъ должна быть примѣняема 129 ст. Мир. Уст.

Относительно увѣчій слѣдуетъ имѣть въ виду высказанное при толкованіи 128 ст., но во всякомъ случаѣ, для примѣненія 129-й ст. необходима *наличность* раны и т. п., а не одна только возможность причиненія этихъ вредныхъ послѣдствій, самое же дѣяніе, повлекшее за собою эти послѣдствія, должно быть признано явно — неосторожнымъ, т. е. такимъ, котораго легко было избѣжать, относясь къ дѣлу не столь легкомысленно, а съ большею обдуманностью.

Въ Руководствѣ г. Неклюдова мы встрѣчаемся (стр. 530—533) съ тремя положеніями, съ которыми намъ представляется труднымъ согласиться. *Положеніе первое.* Подъ дѣйствіе 129 ст. слѣдуетъ подводить дѣянія и предусмотрѣнныя Уставомъ о нак., но не подходящія подъ дѣйствіе 128 ст., и имъ не предусмотрѣнныя. Это положеніе свое г. Неклюдовъ основываетъ на словахъ 129 ст. „хотя и не предусмотрѣннаго, но явно неосторожнаго“. Но слова эти, на нашъ взглядъ, должны лечь въ основаніе взгляда, противоположнаго высказываемому г. Неклюдовымъ, такъ какъ изъ этихъ словъ вполнѣ ясно вытекаетъ, что 129 ст. имѣетъ въ виду только дѣянія вполнѣ ненаказуемыя въ томъ случаѣ, если послѣдствіемъ ихъ не было ни ранъ, ни увѣчій, ни поврежденій въ здоровьѣ, ни смерти. Проступки же, предусмотрѣнные Уставомъ, но не перечисленные въ 128 ст., должны влечь за собою, въ случаѣ причиненія ими этихъ послѣдствій, примѣненіе ст. 1466 или 1494 Улож. о нак. Въ рѣш. Сен. № 36 за 82 г. сказано: ст. 128-я Уст. о нак. составляетъ непосредственное дополненіе къ ст. 1494 Улож. о нак., а ст. 129 Уст. о нак., согласно точному смыслу замѣнен-

ной ею 2044 ст. Улож. о нак. изд. 57 г., караетъ явно—неосторожныя дѣйствія, ни Уложеніемъ, ни Уставомъ о нак. не предусмотрѣнныя, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія эти сопровождались указанными въ означенной статъѣ послѣдствіями".
Положеніе второе. Нарушеніе договора можетъ быть признано дѣяніемъ явно неосторожнымъ и влечь за собою—въ случаѣ причиненныхъ вредныхъ послѣдствій — примѣненіе 129-й ст. Г. Неклюдовъ признаетъ вполнѣ безразличнымъ для примѣненія 129 ст., нарушена ли была виновнымъ обязанность, принятая имъ на себя по договору, или же лежавшая на немъ по долгу природы или гражданина; въ видѣ же примѣра указываетъ на оставленіе кормилицею ребенка безъ кормленія. Сенатъ же — въ рѣш. 70 г. № 1116 — высказываетъ противоположный взглядъ, а именно, что „обязательство жить у нанимателя для услуги ему или семейству вытекаетъ изъ договора, между ними заключеннаго, а слѣдовательно оставленіе наемщикомъ своего нанимателя можетъ составлять лишь нарушеніе договора со стороны наемщика, а не закона. На основаніи такихъ соображеній, напр., оставленіе кормилицею дома своихъ нанимателей, хотя бы безъ предупрежденія ихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны повода, даже при вредныхъ отъ того послѣдствіяхъ для здоровья оставленнаго ребенка, не можетъ быть признано проступкомъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 129, ибо попеченіе о ребенкѣ возложено на кормилицу не силою закона, но силою договора, продолжительность котораго зависитъ отъ взаимнаго согласія договорившихся сторонъ". Мы склоняемся на сторону взгляда Сената въ силу тѣхъ соображеній, что а) послѣдствія неисполненія договоровъ предусматриваются гражданскими законами и о послѣдствіи по 129 ст. Мир. Уст. въ нихъ ничего не говорится; б) что не говорится ничего о томъ и въ статьяхъ Улож. о нак., о преступленіяхъ и проступкахъ по договорамъ и другимъ обязательствамъ; в) что равнымъ образомъ и въ другихъ отдѣлахъ Улож. о нак., какъ напр. въ отдѣлѣ о произвольномъ оставленіи человѣка въ опасности, о разбираемомъ нами проступкѣ не упоминяется, и г)

что нарушеніе договора не можетъ быть признано дѣяніемъ явно — неосторожнымъ уже и потому, что противная сторона, вступившая въ договоръ, должна предвидѣть не только исполненіе договора, но и возможность его неисполненія. *Положеніе третье.* Проступокъ 129 ст. можетъ преслѣдоваться не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго. Положеніе это основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: въ Прим. 1 къ ст. 1496 сказано, что когда увѣчье или раны были послѣдствіемъ одной неосторожности, дѣла по онымъ начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго; законодательство наше знаетъ два рода неосторожныхъ тѣлесныхъ поврежденій: 1) поврежденія отъ дѣяній (полицейскихъ нарушеній) воспрещенныхъ подъ страхомъ наказанія (ст. 1494 Улож и ст. 128 Уст. о нак.) и б) поврежденія, являющіяся послѣдствіемъ не преслѣдуемой закономъ неосторожности (ст. 129 Уст. о нак.), а такъ какъ изъ этихъ двухъ категорій поврежденіями, являющимися послѣдствіемъ „одной неосторожности", могутъ быть названы поврежденія, предусматриваемыя 129-я ст. Уст. о нак., то и слѣдуетъ признать, что Прим. 1 е къ 1496 ст. Улож о нак. относится прямо и положительно къ ст. 129-й Уст. о нак., тѣмъ болѣе, что проступокъ 129-й ст. Мир. Уст. прежде предусмотрѣнный 2044 статьею Улож. о нак. изд. 57 г., преслѣдовался только по жалобѣ потерпѣвшаго, такъ что слѣдуетъ признать, что Прим. къ 1496 ст. Улож. о нак. попало въ Уложеніе 66 г., а не въ Уставъ о нак., лишь по недосмотру. Не смотря на всю логичность этихъ соображеній, намъ представляется труднымъ согласиться со взглядомъ Руководства г. Неклюдова въ виду того непреодолимаго препятствія, которое представляетъ въ данномъ случаѣ содержаніе 18-й ст. Мир. Уст., ничего о ст. 129 не упоминающей; не можемъ при томъ не замѣтить, что „недосмотръ" этотъ сохранился и въ послѣдующихъ изданіяхъ Устава и Уложенія о нак., и даже въ послѣднемъ ихъ изданіи 1885 года ст. 18-я оставлена въ прежней редакціи, а примѣчаніе къ 1496-й ст. Уложенія осталось по прежнему въ немъ, а не перенесено въ Уставъ о Наказаніяхъ.

ГЛАВА XI.

Объ оскорбленіяхъ чести, угрозахъ и насиліи.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ оскорбленіяхъ чести.

130 ст. За нанесеніе обиды, на словахъ или на письмѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Дѣла объ оскорбленіяхъ чести и вообще дѣла о проступкахъ, о которыхъ говоритъ одиннадцатая глава Мироваго Устава, несомнѣнно составляютъ самую значительную часть всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разбирательству мировой юстиціи, въ виду чего является чрезвычайно важнымъ правильное разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, возникающихъ при обсужденіи подобнаго рода дѣлъ. Мнѣніе это не можетъ быть опровергнуто и тѣмъ соображеніемъ, что большинство этихъ дѣлъ оканчивается примиреніемъ съ денежнымъ вознагражденіемъ потерпѣвшаго, такъ какъ во 1-хъ) этого нельзя вовсе сказать о всѣхъ дѣлахъ объ обидахъ, а во 2-хъ) нельзя утверждать, чтобы дѣла эти и возбуждались съ единственною цѣлью полученія денежнаго вознагражденія. Во всякомъ же случаѣ окончаніе большинства дѣлъ объ обидахъ примиреніемъ, преимущественно послѣ состоявшагося обвинительнаго приговора, не должно влечь за собою небрежнаго отношенія къ дѣламъ этого рода, такъ какъ характеръ и подробности приговора вліяютъ и на подробности примиренія. Если потерпѣвшій дѣйствительно обиженъ, то строгій обвинительный приговоръ послужитъ основаніемъ для примиренія сторонъ на болѣе выгодныхъ для обвинителя и, слѣдовательно, на болѣе тяжкихъ для обвиняемаго условіяхъ, и этотъ послѣдній потерпитъ—хотя и въ другой формѣ—наказаніе за свой проступокъ, соотвѣтственное своей винѣ.

Первое отдѣленіе XI главы говоритъ объ оскорбленіяхъ чести, называемыхъ въ дальнѣйшемъ изложеніи обидами. Понятіе оскорбленія, какъ презрительнаго, унизительнаго для достоинства человѣка обращенія съ нимъ, въ грубѣйшихъ своихъ формахъ ясно каждому. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всякій признаетъ себя оскорбленнымъ ругательствами, къ нему обращенными, или же ударами, ему нанесенными. Оскорбленіе, учиненное въ столь примитивной формѣ, можетъ возбуждать вопросъ лишь о томъ, не переходитъ ли проступокъ этотъ въ какой либо другой проступокъ сходный съ нимъ по своему составу, сомнѣнія же въ преступности такого дѣянія быть не можетъ. Но при разнообразіи человѣческихъ отношеній, при различіи взглядовъ на приличное и неприличное, на оскорбительное и неоскорбительное—въ различныхъ слояхъ общества и при многообразіи тѣхъ формъ, въ которыя можетъ вылиться оскорбительное обращеніе, суду не всегда бываетъ такъ легко рѣшить вопросъ объ обидѣ, какъ въ случаяхъ произнесенія прямо ругательныхъ словъ или же нанесенія ударовъ, и при разрѣшеніи вопроса о виновности обвиняемаго въ оскорбленіи чести суду нерѣдко болѣе, чѣмъ когда либо приходится принимать въ соображеніе всѣ обстоятельства даннаго дѣла во всѣхъ его бытовыхъ подробностяхъ. Суду не приходится смущаться мелочностью этой работы, такъ какъ результатомъ ея является судебный приговоръ, достоинства или недостатки котораго также влекутъ за собою то или другое отношеніе общества къ отправленію правосудія, какъ и достоинства или недостатки приговора по дѣлу болѣе важному.

Работа суда при разсмотрѣніи дѣлъ объ обидахъ должна быть непремѣнно направлена къ уясненію двухъ обстоятельствъ: доказано ли намѣреніе оскорбить и доказана ли оскорбительность дѣйствія. При разсмотрѣніи 9 ст. мы подробно остановились на вопросѣ о необходимости для состава проступка обиды наличности намѣренія оскорбить, animus'a injurandi; отсылая поэтому читателей къ изложенному подъ 9-ю

статьею, добавимъ лишь, что въ пользу защищаемаго нами взгляда высказался—вопреки другимъ своимъ рѣшеніямъ—и Прав. Сенатъ въ рѣшеніяхъ за 69 г. № 856 и за 71 г. № 1792, и что это намѣреніе оскорбить слѣдуетъ—по нашему мнѣнію — понимать какъ сознательно—презрительное отношеніе къ данному лицу, такое съ нимъ обращеніе, которое въ глазахъ самого подсудимаго представлялось оскорбительнымъ или вообще, или же по отношенію къ этому лицу. Произнесеніе ругательныхъ или бранныхъ словъ само по себѣ уже доказываетъ и намѣреніе оскорбить и наличность оскорбительнаго дѣйствія, но очевидно, что произнесеніе подобныхъ словъ въ шутку не должно считаться оскорбленіемъ, какъ это высказано и Сенатомъ въ рѣш. за 1869 г. № 856. Опредѣлять, что такое бранное слово, намъ представляется излишнимъ; въ большинствѣ ихъ приписывается тому лицу, къ которому оно обращено, наличность какихъ либо позорящихъ свойствъ или отрицаніе принадлежности ему качествъ, присущихъ каждому человѣку. Бываютъ бранныя слова вполнѣ безсмысленныя; по отношенію къ нимъ замѣтимъ, что какъ бы ни было безсмысленно бранное слово, но одно уже обращеніе съ нимъ къ другому лицу является оскорбленіемъ сего послѣдняго. Такое же безспорно оскорбительное значеніе слѣдуетъ придавать и предложенію, дѣлаемому мужчиною женщинѣ вступить съ нимъ въ незаконную любовную связь. Хотя въ подобномъ случаѣ оскорбленіе женской чести часто и не является прямою и непосредственною цѣлью предложенія, но самый фактъ подобнаго предложенія заключаетъ въ себѣ сознательно—оскорбительное отношеніе къ той женщинѣ, которой предложеніе это дѣлается, и она вправѣ обидѣться этимъ предложеніемъ, какъ, конечно, вправѣ, съ другой стороны, предложеніемъ этимъ не обидѣться и таковое принять по предварительномъ обсужденіи финансовой стороны любовнаго договора. Утверждать, что мужчина, дѣлая подобное предложеніе женщинѣ, не желалъ ее обидѣть—на нашъ взглядъ—можно только въ томъ смыслѣ, что мужчинѣ этому было безразлично, обидится ли женщина

эта или нѣтъ, но что, дѣлая подобное предложеніе, мужчина относится сознательно—оскорбительно къ женщинѣ, оскорбляетъ ее, въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Согласно съ приведеннымъ подъ 9 ю статьею мнѣніемъ Бернера (Учебн. угол. пр.), Прав. Сенатъ въ рѣшеніи за 72 г. № 121 высказываетъ, что такъ какъ „обвиняемый, по собственному его объясненію въ кассаціонной жалобѣ, имѣлъ въ виду противо—нравственное и постыдное для женской чести предложеніе, то тѣмъ самымъ устраняется вопросъ о намѣреніи оскорбить или унизить достоинство лица, къ коему слова относились; ибо слова эти не принадлежали къ разряду тѣхъ, которыя получаютъ оскорбительное значеніе по намѣренію, съ коимъ они сказаны, или по обстоятельствамъ, при коихъ они были произнесены, но по самому значенію своему они исключали возможность отрицать намѣреніе на обиду, коль скоро лицо оскорбившее дѣйствовало сознательно“.

Въ развитіе этой мысли Сенатомъ—въ рѣш. 76 г. № 215 —разъяснено, что „въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное выраженіе или дѣйствіе представляется безусловно оскорбительнымъ, когда намѣреніе оскорбить лежитъ, такъ сказать, въ самомъ произнесеніи этого выраженія или допущеніи виновнымъ дѣйствія, судъ по существу, для возможности повѣрки правильности его вывода въ кассаціонномъ порядкѣ, необходимо долженъ указать тѣ особенныя причины или основанія, по которымъ онъ заключилъ, что несмотря на безусловную оскорбительность употребленнаго выраженія или дѣйствія, въ данномъ случаѣ, у подсудимаго не было намѣренія оскорбить потерпѣвшаго; въ противномъ случаѣ суду былъ бы предоставленъ полный произволъ освобождать подсудимыхъ отъ наказанія, опредѣленнаго закономъ за преступленіе или проступокъ, указавъ лишь въ своемъ приговорѣ на отсутствіе намѣренія совершить это преступленіе или проступокъ“.

И такъ, въ вышеприведенныхъ случаяхъ суду не приходится останавливаться надъ вопросомъ, было ли у подсудимаго намѣреніе оскорбить: достаточно установить наличность

произнесенія оскорбительныхъ или бранныхъ словъ или же наличность безстыднаго предложенія. Въ рѣшеніи Сената за 74 г. № 34 высказано, что „въ томъ случаѣ, когда употребленное подсудимымъ выраженіе, уже само по себѣ, въ общепринятомъ его смыслѣ, оскорбительно, то входить въ обсужденіе, съ намѣреніемъ ли нанести обиду произнесено или написано означенное выраженіе, можетъ и не представляться необходимымъ".

Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ нанесенія обидъ Сенатъ—тѣмъ же рѣшеніемъ — ставитъ судамъ въ обязанность указывать въ приговорѣ „на то, во первыхъ, имѣлъ ли подсудимый намѣреніе оскорбить обвинителя, и, во вторыхъ, совершилъ ли онъ дѣяніе, въ которомъ намѣреніе оскорбить положительно выражено, а также въ чемъ именно заключалось это дѣяніе. Безъ сего приговоръ суда не можетъ быть признанъ въ силѣ судебнаго рѣшенія". Въ томъ же смыслѣ высказался Сенатъ и въ рѣшеніяхъ: за 70 г. № 871, за 71 г. № 469 и за 74 г. № 134. Въ развитіе этой мысли Сенатомъ въ рѣш. за 75 годъ № 299 разъяснено: „для того, чтобы извѣстныя слова или выраженія, неоскорбительныя сами по себѣ, признать оскорбленіемъ, недостаточно еще одного намѣренія нанести ими оскорбленіе, такъ какъ, очевидно, законъ не можетъ наказывать произнесеніе выраженій совершенно безразличныхъ по своему прямому смыслу, хотя бы и сказанныхъ съ намѣреніемъ оскорбить, если въ этихъ выраженіяхъ не скрывается чего либо оскорбительнаго для даннаго случая или въ отношеніи къ данному лицу".

По отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ оскорбленій Сенатомъ установлено, что выраженіе „мѣщанка" съ прибавленіемъ слова „всякая" („вы хуже всякой мѣщанки") и выраженіе „торговецъ" съ прибавленіемъ словъ „какой нибудь" („какой нибудь торговецъ смѣетъ")—оскорбительны. По отношенію же къ обращенію на „ты" Сенатомъ въ рѣш. 74 г. № 694 высказано, что „слово ты, хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего обиднаго, но оно, смотря по обстоятельствамъ дѣла, можетъ

получить оскорбительный характеръ, если признано будетъ, что оно было употреблено съ цѣлью выразить презрительное отношеніе говорящаго къ другому лицу“. Въ данномъ же случаѣ было установлено судомъ, что обвиняемый „въ разговорѣ перемѣнилъ всегда употреблявшееся имъ въ сношеніяхъ съ обиженнымъ слово вы на ты при такихъ обстоятельствахъ, которыя явно высказывали презрѣніе обвиняемаго къ обвинителю“.

Явность выраженія презрѣнія, о которой говорится въ этомъ рѣшеніи, имѣетъ тоже рѣшающее значеніе въ дѣлахъ объ обидахъ. Г. Лохвицкій называстъ эту явность грубостью и указываетъ, что „въ вопросахъ объ обидахъ судья по необходимости долженъ ограничиваться только грубой стороной“. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что презрѣніе, выраженное въ утонченной формѣ, ускользаетъ отъ суда и наказанія: „принуждать къ извѣстнымъ дѣйствіямъ вѣжливости не дѣло суда“. Равнымъ образомъ не дѣло суда поощрять излишнюю обидчивость, поэтому—то судъ и долженъ наказывать только оскорбленіе, выразившееся въ рѣзкой формѣ, причемъ, конечно, установить границы, отдѣляющія наказуемое отъ ненаказуемаго, предоставляется благоразумію и такту представителей судебной власти.

Въ томъ же своемъ сочиненіи (Курсъ рус. угол. права) г. Лохвицкій замѣчаетъ, что „судья долженъ непремѣнно знать обычаи извѣстной мѣстности при сужденіи объ обидахъ“. Дѣйствительно, неоскорбительное въ одной мѣстности имѣетъ оскорбительное значеніе въ другой и всѣми, какъ обидчикомъ, такъ и обиженнымъ, признается оскорбительнымъ; то же нужно сказать и объ отдѣльныхъ классахъ общества. Въ видѣ примѣра сошлемся на слово „чаровница“ иначе - волшебница.

Среди образованныхъ классовъ общества слово „волшебница“ потеряло свой зловѣщій характеръ и, обращенное къ кому либо въ переносномъ смыслѣ, можетъ вызвать только благосклонную улыбку на уста особы, получившей эпитетъ очаровательницы или волшебницы. Не такъ встрѣчается это выраженіе въ низшемъ, сельскомъ населеніи: среди крестьянокъ

слово это не утратило еще своего первоначальнаго смысла, и быть названною чаровницею, слѣдовательно быть обвиненною въ прямыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ чортомъ, для нихъ не менѣе, если не болѣе, страшно, нежели быть обвиненными въ преступной связи съ лицомъ болѣе реальнымъ. Поэтому дѣла объ оскорбленіяхъ обозваніемъ словомъ „чаровница“ очень нерѣдки въ гмин. судахъ, и врядъ ли есть основаніе, становясь на пьедесталъ цивилизованнаго человѣка конца XIX столѣтія, не вѣрящаго ни въ хвостъ, ни въ рога чорта, врядъ ли, говоримъ мы, слѣдуетъ признавать отсутствіе обиды въ произнесеніи такого выраженія, съ которымъ и обидчикъ и обиженная соединяютъ понятіе чего-то, если не унизительнаго, то отвратительнаго и несогласнаго ни съ природою человѣческою, ни съ началами религіи, какъ они ее понимаютъ. Нельзя въ этомъ случаѣ опираться—для постановленія оправдательнаго приговора—и на тотъ страхъ, который наводитъ „чаровница“ на окружающихъ ее, страхъ, будто бы свидѣтельствующій о почтеніи къ ней; нельзя—по тому соображенію, что такой же страхъ возбуждаетъ въ населеніи и разбойникъ, однакоже обозваніе словомъ разбойникъ всякій считаетъ оскорбленіемъ. Поэтому на нашъ взглядъ, обозваніе словомъ „чаровница“, волшебница, слѣдуетъ признавать въ извѣстныхъ случаяхъ обидою.

Считать ли оскорбленіемъ возвышеніе голоса? Вообще говоря, возвышеніе голоса, взятое само по себѣ, не должно считаться оскорбленіемъ, но нельзя не признать унизительнымъ для даннаго лица, если это возвышеніе голоса измѣняло смыслъ извѣстныхъ выраженій, тоже не оскорбительныхъ сами по себѣ и показывало, что обидчикъ считаетъ себя вправѣ обращаться съ обиженнымъ какъ съ низшимъ себѣ, какъ съ лицомъ, обязаннымъ выслушивать его замѣчанія и исполнять его приказанія. Такимъ образомъ, возвышеніе голоса при указаніи на какія либо неправильныя—по мнѣнію обидчика—дѣйствія обиженнаго, или же предложеніе ему удалиться, сдѣланное возвышеннымъ голосомъ, — должны почитаться оскорбленіемъ. Сенатъ— въ рѣш. 71 г. № 177 — высказалъ, что возвы-

шеніе голоса и приказаніе выдти вонъ не могутъ считаться оскорбительными въ томъ случаѣ, когда въ дѣйствіяхъ этихъ обвиняется учитель ученикомъ, „такъ какъ на наставникѣ или учителѣ лежатъ особыя обязанности, для успѣшнаго выполненія которыхъ необходимы съ одной стороны извѣстная степень власти надъ ученикомъ или ученицею, а съ другой—подчиненіе и смиреніе передъ наставникомъ". Тамъ же, слѣдовательно, гдѣ подобнаго смиренія и подчиненія быть не должно, тамъ — и по мнѣнію Сената — возвышеніе на кого либо голоса должно почитаться оскорбленіемъ.

Оскорбительнымъ же должно почитаться и приписываніе кому либо при немъ же какихъ либо дѣяній противныхъ правиламъ чести, въ томъ случаѣ, конечно, когда подобное приписываніе не заключаетъ въ себѣ признаковъ проступка клеветы.

Обидою признается оскорбленіе очное, т. е. учиненное въ присутствіи оскорбляемаго; заочная же обида не наказуема по закону. По этому вопросу Сенатомъ—въ рѣш. за 72 г. №1170 — высказано: „не слѣдуетъ давать хода жалобамъ на такія ругательства, которыя произнесены въ отсутствіи обруганнаго лица, такъ какъ ругательства этого рода не заключаютъ въ себѣ законныхъ признаковъ проступка, именуемаго личною обидой, которая можетъ имѣть мѣсто лишь въ присутствіи обруганнаго лица. Мѣсто произнесенія заочныхъ ругательствъ или званіе обруганнаго не могутъ обратить заочную брань въ личную обиду. Но само собою разумѣется, что обиженный можетъ принести жалобу на лицо, принявшее на себя порученіе передать ругательныя слова, и что въ такомъ случаѣ можетъ быть привлечено къ отвѣтственности и лицо, давшее незаконное порученіе, если оно при этомъ дозволило себѣ дѣйствія, признаваемыя по закону подстрекательствомъ или подговоромъ къ преступленію или къ проступку". Рѣшеніемъ этимъ Сенатъ уничтожилъ значеніе рѣшенія своего за 69 г. № 1053, коимъ установлено было, что заочное оскорбленіе не подвергаетъ отвѣтственности даже и въ томъ случаѣ, когда обвиняе-

мый поручилъ кому либо передать его слова оскорбленному. Изъ того же Сенатскаго рѣшенія за 72 г. 1170 вытекаетъ, что если изъ жалобы прямо и ясно видно, что брань была заочная и при отсутствіи тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ ее наказуемою, то жалобѣ „не слѣдуетъ давать хода“, то есть дѣло подлежитъ прекращенію за неимѣніемъ состава преступленія—до разсмотрѣнія его по существу и на правѣ частнаго обжалованія этого опредѣленія обвинителемъ. Къ очнымъ или личнымъ обидамъ слѣдуетъ относить и оскорбленія словомъ, высказанныя хотя и не прямо въ глаза обиженному, но въ его присутствіи и съ тою цѣлью, чтобы онъ услышалъ это оскорбленіе. Съ другой стороны, оскорбительныя выраженія, очевидно не предназначавшіяся для уха потерпѣвшаго и только случайно и непредвидѣнно имъ подслушанныя, не могутъ признаваться личнымъ оскорбленіемъ и влечь за собою уголовную отвѣтственность.

Право же возбужденія дѣлъ объ обидахъ принадлежитъ только потерпѣвшимъ, какъ мы это видѣли уже при разсмотрѣніи 18 и 20 ст. Мир. Уст., но на потерпѣвшихъ не возложена непремѣнная обязанность обращаться съ своими жалобами непремѣнно въ судъ, и они вправѣ заявлять о случившемся полиціи, „которая обязана произвесть розысканіе и о послѣдствіяхъ представить Мировому Судьѣ“, какъ сказано въ 48-й ст. Уст. угол. суд. Такъ разъяснилъ и Сенатъ въ рѣш. за 72 годъ № 174. Поэтому судъ не вправѣ не принять къ своему производству дѣла объ обидѣ, начатаго въ полиціи и дошедшаго до суда въ формѣ полицейскаго протокола, развѣ что изъ этого протокола ясно видна воля потерпѣвшаго начать преслѣдованіе обидчика за учиненное имъ оскорбленіе.

Говоря о ненаказуемости заочныхъ обидъ, кстати будетъ замѣтить здѣсь, что и очныя, личныя обиды при существованіи нѣкоторыхъ условій не могутъ быть признаваемы таковыми. Мы говоримъ объ оскорбленіяхъ родителями дѣтей и супругами супруговъ. Ст. 339 Граж. Улож. Ц. П. 1825 года даетъ право родителямъ, „имѣющимъ поводы быть недовольными

поступками своихъ дѣтей", „наказывать ихъ безъ вреда ихъ здоровью и успѣхамъ въ наукахъ". Несомнѣнно, что наказанія эти могутъ быть и тѣлесныя, и на наказанія эти законъ уголовный не можетъ смотрѣть какъ на оскорбленія дѣйствіемъ, разъ что законъ гражданскій санкціонируетъ ихъ своимъ авторитетомъ. Право большее заключаетъ въ себѣ и меньшее, и несомнѣнно, что отъ родителей зависитъ способъ исправленія, зависитъ выбрать исправленіе словесное, которое такъ же не можетъ почитаться оскорбленіемъ словомъ, какъ исправленіе путемъ тѣлеснаго наказанія не можетъ быть признаваемо оскорбленіемъ дѣйствіемъ.

Супруги же, съ другой стороны, на столько связаны между собою во всемъ и на всю жизнь, что составляютъ какъ бы одно цѣлое, имѣющее какъ бы одну общую честь, почему и немыслимою является обида однимъ изъ супруговъ другаго, подобно тому, какъ немыслимо само оскорбленіе. Подобный взглядъ высказанъ и Сенатомъ главнымъ образомъ въ рѣш. за 69 г. № 551; въ рѣшеніи этомъ Сенатомъ высказано, что „нѣтъ сомнѣнія, что иски, какъ гражданскіе, такъ и уголовные, основанные на оскорбленіи однимъ супругомъ чести другаго, несовмѣстимы съ существомъ отношеній, возникающихъ изъ брачнаго союза"; и далѣе, что „иностранныя законодательства не знаютъ исковъ объ удовлетвореніи за оскорбленіе однимъ супругомъ чести другаго, но принимаютъ тяжкія оскорбленія за основаніе или къ расторженію брака, гдѣ оно допускается, или къ разрѣшенію супругамъ раздѣльной жизни". И дѣйствительно, п. 2 ст. 62 Полож. о Союзѣ Брач. 1836 года указываетъ на жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ какъ на поводъ къ разлученію супруговъ отъ стола и ложа.

На практикѣ возбуждался нерѣдко вопросъ о наказуемости оскорбленій, нанесенныхъ лицами, имѣющими по отношенію къ обиженнымъ извѣстную дисциплинарную власть. По этому вопросу Сенатомъ высказано было, что такъ какъ заявленіе порицанія лицомъ, имѣющимъ на то право, не считается оскорбленіемъ, то и укоръ лицамъ, находящимся у обвиняема-

го въ услуженіи, за нерадивое исполненіе ими ихъ обязанностей и выраженіе при этомъ мнѣнія о томъ, что они способны исполнять лишь иныя обязанности, не заключающія въ себѣ притомъ ничего унизительнаго, не можетъ считаться оскорбленіемъ (рѣш. 70 г. № 410), а также, что внушеніе, сдѣланное учителемъ ученицѣ, хотя бы и сопровождавшееся возвышеніемъ голоса и приказаніемъ выдти вонъ, не составляетъ оскорбленія.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ оскорбленіями, такъ называемыми, непосредственными, т. е. съ оскорбленіями, имѣющими предметомъ своимъ то именно лицо, въ присутствіи котораго оно учинено. Но существуютъ еще оскорбленія такъ наз. *посредственныя*, имѣющія мѣсто тогда, когда кѣмъ либо произносится что либо оскорбительное о лицѣ отсутствующемъ, но находящимся въ близкихъ, кровныхъ отношеніяхъ къ присутствующему при оскорбленіи лицу, т. е. о супругѣ его или же объ одномъ изъ членовъ его семейства. Въ подобномъ случаѣ признается, что оскорбленіе наносится посредственно находящемуся на лицо родственнику того, кого оскорбляли за глаза, и этотъ присутствующій родственникъ вправѣ жаловаться на оскорбленіе, но только отъ своего имени, а не отъ имени своего отсутствующаго родственника. Сенатъ выводитъ наказуемость посредственныхъ обидъ изъ замѣны статьею 130 Мир. Уст. между прочими и ст. 2091 Улож. о нак. изд. 57 г., предусматривавшей произнесеніе оскорбительныхъ выраженій въ чьемъ либо присутствіи о членахъ его семейства. Г. Неклюдовъ присоединяетъ къ этому еще и то соображеніе, что и Уложеніемъ 1866 года подвергается наказанію, какъ клеветникъ, тотъ, кто дозволитъ себѣ въ поданной въ присутственное мѣсто бумагѣ оклеветать кого либо несправедливо, обвиняя его, или жену его или членовъ его семейства (ст. 1535).

Въ рѣш. Сената 70 г. № 116 разъяснено, что для отвѣтственности за обиду посредственную необходимо, чтобы обидчикъ зналъ, что оскорбительное выраженіе произносится въ

присутствіи члена семейства того лица, о которомъ онъ говоритъ, и что именно этимъ способомъ онъ хотѣлъ оскорбить это присутствующее лицо. Спрашивается, затѣмъ, что понимать подъ семьей. Семейство составляютъ — родители и ихъ дѣти, поэтому оскорбленіе дядей, тетокъ, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ и т. д. не можетъ считаться посредственною обидою. Бернеръ объ обидахъ этого рода говоритъ такъ (Особ. ч. Учебн. угол. пр.): третье лицо относитъ подобную обиду къ самому себѣ потому, что считаетъ свою личность сросшеюся съ личностью обиженнаго. Подобное сочетаніе личностей принимается по отношенію къ отцу семейства и его домочадцамъ, по отношенію мужа къ женѣ. Необходимымъ послѣдствіемъ принятія понятія посредственной обиды есть то, что обоимъ оскорбленнымъ должно быть предоставлено право самостоятельнаго иска.

Какъ непосредственная, такъ и посредственная обида могутъ имѣть предметомъ своимъ нѣсколько лицъ разомъ, т. е. иначе, нѣсколько лицъ одновременно могутъ быть обижены однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ. Въ такомъ случаѣ—по разъясненію Сената въ рѣш. за 72 г. № 51—правильность примѣненія къ одновременному оскорбленію двухъ лицъ 16-й ст. Уст. о нак., т. е. постановленіе приговора по совокупности проступковъ „не подлежитъ никакому сомнѣнію". Въ другомъ рѣшеніи—71 г. № 536—Сенатъ тоже призналъ, что бездоказательное обвиненіе дѣвицы въ адресованномъ на имя отца ея чрезъ посредство третьяго лица распечатанномъ письмѣ въ любовной связи съ мужчиною составляетъ—въ отношеніи дѣвицы—клевету на письмѣ, а въ отношеніи отца и всего семейства ея — оскорбленіе на письмѣ.

Что же касается обидъ на письмѣ, то по отношенію къ нимъ возбуждается вопросъ главнымъ образомъ о заочности обиды, и, слѣдовательно, о ея ненаказуемости въ тѣхъ случаяхъ, когда письмо или бумага въ которыхъ заключается оскорбленіе, адресованы не на имя самаго обиженнаго. Въ этомъ отношеніи Сенатъ разъяснилъ: а), что сообщеніе о комъ либо

оскорбительнаго отзыва въ письмѣ къ третьему лицу, съ просьбою сохранить написанное втайнѣ, не можетъ разсматриваться какъ обида (рѣш. 1872 г. № 1343); б), что „обидный о комъ либо отзывъ, изложенный оскорбителемъ въ письмѣ къ третьему лицу, теряетъ значеніе заочнаго оскорбленія и становится непосредственною личною обидою въ тѣхъ только случаяхъ, когда оскорбитель принялъ, съ своей стороны, мѣры къ тому, чтобы письмо его, заключающее въ себѣ оскорбленіе, сдѣлалось извѣстно обиженному лицу, и это намѣреніе его осуществилось на самомъ дѣлѣ" (рѣш. 76 г. № 238); и в), что въ случаяхъ помѣщенія оскорбительныхъ выраженій въ офиціальныхъ бумагахъ, слѣдуетъ различать, требуетъ ли законъ возвращенія подобныхъ бумагъ просителю въ виду помѣщенія въ нихъ оскорбительныхъ выраженій, или же нѣтъ; въ первомъ случаѣ обида должна почитаться заочною, а во второмъ —непосредственною и личною, причемъ Сенатомъ указано, что къ числу бумагъ возвращаемыхъ относятся исковыя прошенія, отзывы же на заочное рѣшеніе и просьбы о новомъ разсмотрѣніи дѣла къ числу такихъ бумагъ не относятся (рѣш. 1870 г. № 310 и 1448). Дѣйствительно, въ силу 5 п. 266 ст. Уст. гр. суд. прошеніе возвращается, когда въ немъ помѣщены укорительныя выраженія, а о возвращеніи по той же причинѣ отзывовъ и апелляціонныхъ жалобъ ни въ ст. 729, ни въ 755 Уст. Гр. Суд. не упоминается.

До сихъ поръ мы говорили объ обидахъ словесныхъ и письменныхъ, приравниваемыхъ закономъ къ словеснымъ обидамъ, далѣе мы будемъ говорить объ обидахъ дѣйствіемъ, но есть еще обиды, такъ назыв., *символическія*, и къ нимъ-то мы въ настоящее время и обратимся. Подъ символическою обидою понимается тотъ случай оскорбленія, когда оскорбитель, для выраженія своего презрѣнія къ обиженному, избралъ — какъ средство преступленія — не слово, или письмо, а какой либо знакъ, условное значеніе котораго именно и выражаетъ презрѣніе. Въ юридической наукѣ не является сомнѣнія въ томъ, что символическое оскорбленіе слѣдуетъ относить къ разряду

оскорбленій словомъ, а никакъ не дѣйствіемъ. Бернеръ ставитъ его „въ серединѣ между словесною обидою и обидою дѣйствіемъ", указывая, что многіе соединяютъ словесную и символическую обиду подъ названіемъ чистой или идеальной обиды. Г. Неклюдовъ (Т. II Рук. стр. 553) разъясняетъ, что „основаніе почему подобная (символическая) обида относится къ обидѣ словомъ, а не дѣйствіемъ, заключается въ томъ, что знакъ или символъ замѣняетъ собою слово (такъ глухонѣмые говорятъ постоянно знаками), выражая пластически, образно или фигурно то, что можно было бы выразить и рѣчью; посему обида символическая тождественна съ обидою словомъ".

До 1877 года Сенатъ стоялъ особнякомъ по вопросу о символическихъ обидахъ, относя ихъ къ оскорбленіемъ дѣйствіемъ, а не словомъ, и признавая, что „понятіе дѣйствія объемлетъ собою и всѣ символическіе знаки, которыми одно лицо можетъ выразить презрѣніе къ другому, какъ напр. показаніе фиги" (рѣш. 70 г. № 1614); въ рѣш. 73 г. № 969 Сенатъ, ссылаясь на предъидущее рѣшеніе, установилъ, что „показываніе однимъ лицомъ другому, съ желаніемъ выразить этимъ презрѣніе къ нему, задницы своей, независимо отъ нарушенія правилъ благопристойности, должно быть признано обидою дѣйствіемъ, а не словомъ". Еще въ 76 г. въ рѣш. № 115 Сенатъ признавалъ „обидное тѣлодвиженіе" оскорбленіемъ дѣйствіемъ, и только въ 77 году, въ рѣшеніи № 67, рѣшительно измѣнилъ свой взглядъ и призналъ что „исключительно образная, наглядно (символически) выраженная обида должна быть приравнена къ обидѣ словомъ, или на письмѣ, какъ напр., показаніе языка, кукиша, гримасы, какого либо обиднаго изображенія". Это Сенатское рѣшеніе очень подробно занимается опредѣленіемъ понятія оскорбленія дѣйствіемъ и намъ придется съ нимъ посчитаться при разсмотрѣніи 133-й ст. Мир. Уст.; замѣтимъ здѣсь еще только, не входя пока въ ближайшую оцѣнку этого взгляда, что къ обидѣ дѣйствіемъ, а не къ символической, Сенатъ относитъ и всѣ тѣ тѣлодвиженія, которыя, хотя и не сопряжены съ нарушеніемъ тѣлесной неприкосновен-

ности обиженнаго, но „направлены, въ большей или меньшей степени, противъ тѣлесной неприкосновенности обиженнаго лица“ или же „выражаютъ мысль о посягательствѣ“ на таковую.

Слѣдующія оскорбленія изъяты изъ подсудности мировой юстиціи: оскорбленіе дерзкими и грубыми словами Священнослужитля во время отправленія имъ службы Божіей (ст. 214 Улож. о нак.); оскорбленіе лицами иностранныхъ исповѣданій священнослужителя православной вѣры и не во время священнослуженія (ст. 216 Улож.); публичное оскорбленіе посла, посланника или инаго дипломатическаго агента (ст. 261 Ул.); оскорбленіе властей (ст. 279, 280, 281 и 283 Улож.); оскорбленіе чиновника при отправленіи имъ обязанностей службы и оскорбленіе чиновъ земской стражи, приравниваемое къ оскорбленію военнаго караула (ст. 286 Улож.); оскорбленіе частнаго лица въ камерѣ и во время присутствія (ст. 287 Улож.); оскорбленіе гминнаго войта (ст. 288-я Улож); оскорбленіе начальника подчиненнымъ, подчиненнаго начальникомъ и частнаго лица чиновникомъ при отправленіи имъ обязанностей службы (ст. 347, 394 и 400 Улож.); оскорбительный отзывъ въ печати (ст 1040 Улож.) и оскорбленіе не вышедшаго на поединокъ, „буде вслѣдствіе того произойдетъ поединокъ“ (ст. 1512 Улож.).

Отличіе обиды словомъ отъ клеветы мы разсмотримъ при толкованіи 136 ст. Уст. о нак.

131 ст. За нанесеніе обиды, на словахъ или на письмѣ, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, или въ публичномъ мѣстѣ или многолюдномъ собраніи, а равно лицу, хотя и не состоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи, но имѣющему, по особымъ къ нему отношеніямъ, право и на особое уваженіе, или же лицу женскаго пола, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

132 ст. За нанесеніе обиды, на словахъ или на письмѣ, родственнику въ восходящей линіи, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Ст. 131 и 132 перечисляютъ обстоятельства, увеличивающія вину оскорбителя, причемъ оскорбленіе, на словахъ или письмѣ, восходящихъ родственниковъ т. е. отца, матери, дѣда, бабки, прадѣда, прабабки и т. д., выдѣляется въ особую статью и можетъ быть обложено болѣе строгимъ наказаніемъ, именно: арестомъ при полиціи до трехъ мѣсяцевъ, причемъ денежнаго взысканія за это квалифицированное оскорбленіе не полагается.

Обстоятельства, увеличивающія вину оскорбителя, перечислены въ 131-й ст. не примѣрно, а опредѣлительно, то есть, кромѣ этихъ обстоятельствъ, никакія другія обстоятельства не могутъ вліять на вину подсудимиго на столько, чтобы наказаніе на него налагаемое превысило опредѣленное въ ст. 130-й. Въ этомъ же смыслѣ высказался и Сенатъ въ рѣшеніи своемъ за 71 г. № 1646, при чемъ имъ объяснено, что неуказаніе въ приговорѣ, какими именно увеличивающими вину обстоятельстаами сопровождалось оскорбленіе, лишаетъ Сенатъ всякой возможности удостовѣриться въ томъ, правильно-ли примѣнена 131-й ст. къ подсудимому, что и лишаетъ такой приговоръ силы судебнаго рѣшенія. Другими же Сенатскими рѣшеніями неоднократно разъяснялось, согласно, впрочемъ, и точному смыслу 131 ст., что для примѣненія ея достаточно признанія судомъ наличности одного изъ обстоятельствъ, въ ней указанныхъ. Съ другой стороны, совокупность всѣхъ обстоятельствъ, перечисленныхъ въ 131-й ст., не даетъ права суду выйдти изъ предѣловъ наказанія, устанавливаемыхъ этою статьею. Замѣтимъ еще, что въ виду установленія этими — 131 и 132—ст. только максимума наказанія, слѣдуетъ признать, что законъ не предписываетъ непремѣнно наказывать строже при наличности обстоятельствъ увеличивающихъ вину, а предоставляетъ это усмотрѣнію суда, обращающаго вниманіе и на обстоятельства уменьшающія вину оскорбителя, какъ и всякаго другаго обвиняемаго.

Разсмотримъ теперь ближе перечисленныя въ 131-й ст. обстоятельства, увеличивающія вину оскорбителя.

Оскорбленіе съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Намѣреніе оскорбить тогда можетъ быть признано заранѣе обдуманнымъ, когда судъ въ состояніи по обстоятельствамъ даннаго дѣла установить, что обвиняемый дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ раздраженія или же пришедшаго ему только что передъ оскорбленіемъ намѣренія, но что намѣреніе это существовало въ немъ еще и ранѣе столкновенія, и что онъ, имѣя время и возможность отказаться отъ нанесенія оскорбленія, таковое—не смотря на то—все таки нанасъ.

Оскорбленіе въ публичномъ мѣстѣ. Что слѣдуетъ понимать подъ публичнымъ мѣстомъ мы опредѣлили уже при разсмотрѣніи 38 ст., куда и отсылаемъ въ настоящее время читателей.

Оскорбленіе въ многолюдномъ собраніи. Въ рѣш. 1870 г. № 68 Сенатомъ опредѣлено было многолюдное собраніе, какъ „множество, т. е. значительное число собравшихся людей"; въ рѣшеніи же за 1874 г. № 657 разъяснено, что „подобнымъ же многолюднымъ собраніемъ должно быть, безъ сомнѣнія, признано, въ данномъ случаѣ, собраніе отъ 40 до 50 человѣкъ въ залѣ городскаго клуба". Такимъ образомъ, рѣшенія эти не устанавливаютъ съ точностью понятія многолюдства; несомнѣнно одно, что Сенатъ все таки требуетъ наличности очень многихъ людей и что требованіе это имѣетъ въ виду преимущественно большіе центры; для уѣзднаго же городка, а тѣмъ болѣе для деревни, цифра 40—50 человѣкъ чрезмѣрно велика, такъ какъ въ такомъ количествѣ, да еще не въ публичныхъ мѣстахъ, рѣдко когда собираются уѣздные обыватели. На нашъ взглядъ, общество человѣкъ въ 20 должно быть признаваемо для уѣзда многолюднымъ собраніемъ, не только въ виду относительности этого понятія, но также и въ силу того соображенія, что по условіямъ жизни въ захолустьѣ происшествіе, извѣстное двадцати лицамъ, немедленно дѣлается достояніемъ всего мѣстнаго общества. Г. Неклюдовъ признаетъ, къ сожалѣнію, понятіе многолюдности „яснымъ само собою", что и лишило насъ возможности услышать отъ него ближайшее опре-

дѣленіе этого понятія, такое опредѣленіе, которое облегчило бы примѣненіе 131 статьи.

Обида лицъ, имѣющихъ право, по особымъ къ нимъ отношеніямъ, и на особое уваженіе. Вставка *по особымъ къ нему отношеніямъ* облегчаетъ, на нашъ взглядъ, задачу разъясненія того, что слѣдуетъ понимать подъ лицомъ, имѣющимъ право на особое уваженіе. Вставка эта показываетъ, что законъ не имѣлъ въ виду выдѣлять, какъ имѣющихъ право на особое уваженіе, цѣлые классы лицъ и противополагать ихъ остальному населенію, но что имѣлось въ виду наказывать строже тѣхъ оскорбителей, которые дозволили себѣ презрительное отношеніе къ лицамъ, заслуживающимъ уваженіе подсудимыхъ *по особымъ къ нимъ отношеніямъ*, то есть въ виду тѣхъ отношеній, которыя существовали въ моментъ нанесенія оскорбленія между данными—оскорбителемъ и оскорбленнымъ. Такими лицами, имѣющими право на особое уваженіе, слѣдуетъ признавать боковыхъ восходящихъ родственниковъ: дядю, тетку и т. д., тестя и тещу, опекуновъ, воспитателей и т. п. Правильно, на нашъ взглядъ, Сенатъ присоединяетъ къ этимъ лицамъ хозяевъ по отношенію къ ихъ работникамъ и прислугѣ (рѣш. 74 г. № 87 и 75 г. № 176). Въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи Сенатомъ разъяснено: „всякое лицо, поступающее въ услуженіе другаго, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя обязательство вести себя въ отношеніи хозяина дома и семейства его съ особеннымъ уваженіемъ и почтеніемъ“. Неправильнымъ же, съ установленной нами выше точки зрѣнія, представляется намъ подведеніе подъ дѣйствіе 131 ст. прежняго владѣльца населеннаго имѣнія по отношенію къ временно—обязанному или выкупившему у него надѣлъ крестьянину (рѣш. 67 г. № 271) и священника и дьякона по самому ихъ сану священства (67 годъ № 238 и 69 г. № 635), такъ какъ при подобномъ толкованіи игнорируется выраженіе 131 ст. „по особымъ къ нему отношеніямъ“; другое дѣло отношеніе духовнаго сына къ своему духовному отцу: здѣсь, несомнѣнно, должна быть примѣняема 131-я ст. Уст. о нак. Затѣмъ, совсѣмъ уже непонятнымъ

является, почему особымъ уваженіемъ долженъ пользоваться членъ земской управы отъ лица, арендующаго отъ управы мостъ (рѣш. 68 г. № 343), тогда какъ, быть можетъ, по условіямъ договора, заключеннаго на аренду моста, членъ земской управы, отдававшій этотъ мостъ въ аренду, не вправѣ вовсе разсчитывать на особое къ нему съ чьей либо стороны уваженіе.

Оскорбленіе лица женскаго пола. Казалось бы, что эта часть 131 статьи не можетъ быть истолковываема различно, на дѣлѣ же оказалось не такъ. Г. Неклюдовъ защищаетъ ту мысль, что подъ дѣйствіе 131-й ст. подходитъ только оскорбленіе *мужчиною* женщины, Сенатъ же признаетъ, что и оскорбленіе женщиною женщины должно быть наказываемо тоже по 131 ст. Вся аргументація Г. Неклюдова исходитъ изъ того положенія, что лица женскаго пола приравниваются 131 статьею къ лицамъ, имѣющимъ право на особое уваженіе. Но положеніе это лишено основанія: союзъ „или" проходитъ черезъ всю статью, и только на немъ что либо основывать невозможно, другихъ же основаній къ предположенію, что лица женскаго пола указаны въ 131-й ст. потому, что имѣютъ право на особое къ нимъ уваженіе—нѣтъ. Ссылка г. Неклюдова на 2088 ст. Улож. 57 г. тоже не убѣдительна, такъ какъ „нарушеніе правилъ благопристойности и оскорбленіе въ обиженной нравственнаго чувства стыдливости", о которыхъ говорится въ этой статьѣ, можетъ такъ же послѣдовать со стороны женщины, какъ и со стороны мужчины. Сенатъ же въ разъясненіе своего взгляда указываетъ—въ рѣш. 72 г. № 216,—что „нанесеніе обиды, на словахъ или на письмѣ, лицу женскаго пола, независимо отъ того, кто виноватъ въ томъ: мужчина или женщина, составляетъ во всякомъ случаѣ проступокъ, предусмотрѣнный не 130-й а 131-й ст. Уст. о нак., такъ какъ въ послѣдней статьѣ не постановлено въ этомъ отношеніи никакого различія и самая цѣль усиленнаго въ ней наказанія состоитъ въ большемъ огражденіи женской чести, отъ кого бы посягательство на нее не происходило". Соображенія эти заставляютъ и насъ примкнуть къ изложенному, выше взгляду Сената.

Что же касается 132 ст., то напомнимъ, что дядя и тетка не считаются восходящими родственниками по отношенію къ своему племяннику или племянницѣ, тесть и теща состоятъ съ зятемъ своимъ или со снохою не въ родствѣ, а въ свойствѣ, подъ прямою же восходящею линіею законъ (736 ст. Код. Нап.) понимаетъ ту линію, „которая соединяетъ извѣстное лицо съ тѣми, отъ которыхъ оно происходитъ".

Возбуждается еще вопросъ: слѣдуетъ ли примѣнять 132 ст. при оскорбленіи усыновленнымъ своего усыновителя? Г. Неклюдовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, утверждая, что „механическая примѣсь къ семьѣ не можетъ замѣнить кровнаго родства" и ссылаясь на рѣш. Сен. за 68 г. № 188. Но рѣшеніе это имѣетъ въ виду лишь усыновленіе сельскими обывателями или, лучше сказать, приписку къ ихъ семействамъ, а въ 84 году—въ рѣш. № 28—Сенатомъ высказано, что „законъ признаетъ усыновителей и усыновленныхъ ими лицъ находящимися между собою въ отношеніяхъ родителей къ ихъ роднымъ дѣтямъ", такъ что ссылаться на Сенатъ въ подтвержденіе своего взгляда почтенному автору „Руководства для Мировыхъ Судей" не приходится. Присоединяясь съ своей стороны ко взгляду Сената, высказанному имъ относительно 19 ст. Уст. о нак., мы полагаемъ, что его слѣдуетъ имѣть въ виду и при примѣненіи 132 ст. Мир. Уст.; въ губерніяхъ же Царства Польскаго взглядъ этотъ слѣдуетъ примѣнять къ проступкамъ дѣтей узаконенныхъ, какъ это указано было нами при разсмотрѣніи 19-й ст. Мир. Уст.

Г. Неклюдовъ указываетъ еще, что судья долженъ установить, что между сторонами существовала „на дѣлѣ" родственная связь, ибо можетъ случиться, что внукъ не знаетъ своего дѣда. Трудно, однакоже, допустить существованіе такихъ „не помнящихъ родства", и врядъ ли суду слѣдуетъ останавливаться надъ этимъ вопросомъ.

133 ст. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ лицу, не состоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи,

если къ тому былъ данъ поводъ самимъ обиженнымъ, виновные подвергаются:

арестү не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

134 ст. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ безъ всякаго повода со стороны обиженнаго, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца.

135 ст. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, или же въ публичномъ мѣстѣ или многолюдномъ собраніи, а равно лицу, хотя и не состоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи (ст. 28), но имѣющему, по особымъ къ нему отношеніямъ, право и на особое уваженіе, или же лицу женскаго пола, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Обиду дѣйствіемъ Сенатъ опредѣляетъ какъ „нарушеніе тѣлесной неприкосновенности" (рѣш. 72 г. № 113), какъ „оскорбленіе дѣйствіемъ физическимъ, направленнымъ противъ тѣлесной неприкосновенности обиженнаго" (рѣш. 72 г. № 427, 74 г. № 24, 75 г. № 308). Такимъ образомъ, согласно этому опредѣленію обиды дѣйствіемъ, для наличности таковой необходимо, чтобы обидчикъ дотронулся чѣмъ либо до обиженнаго. Изъ этого опредѣленія вытекаетъ для насъ—съ одной стороны —возможность отдѣлить область обиды дѣйствіемъ отъ области обиды символической, съ другой же стороны — необходимость выдѣленія обиды дѣйствіемъ изъ сферы другихъ проступковъ, тоже нарушающихъ тѣлесную неприкосновенность потерпѣвшаго.

Выше мы видѣли что Сенатъ—въ рѣш. 77 г. № 67—окончательно установилъ тождественность обиды символической съ обидою словесной, но тогда же мы указали, что область обиды символической очень съужена Сенатомъ, подводящимъ, вопреки только что приведенному опредѣленію обиды дѣйствіемъ, подъ понятіе обиды дѣйствіемъ такія тѣлодвиженія обидчика, которыя, не нарушая тѣлесной неприкосновенности

обиженнаго, „выражаютъ мысль о посягательствѣ на таковую“. Въ видѣ примѣровъ Сенатъ указываетъ: плевокъ въ сторону обвинителя, угрозу кулакомъ, неприличное тѣлодвиженіе. На счетъ плевка можно согласиться съ Сенатомъ, что онъ является обидою дѣйствіемъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы установлено было, что обидчикъ прицѣливался, такъ сказать, въ обиженнаго, желая попасть въ него и нарушить такимъ путемъ его тѣлесную неприкосновенность; въ противномъ же случаѣ плевокъ явится лишь образнымъ — и весьма часто практикующимся — выраженіемъ презрѣнія къ личности потерпѣвшаго и долженъ быть признанъ обидою символическою. Неприличное же тѣлодвиженіе и угроза кулакомъ несомнѣнно неправильно отнесены Сенатомъ къ сферѣ обидъ дѣйствіемъ, такъ какъ по существу своему оба эти движенія относятся къ области обидъ символическихъ, выказывая знаками то презрительное отношеніе къ обиженному, которое могло быть выражено и словесно, и отъ котораго до обиды дѣйствіемъ такъ же далеко, какъ отъ заявленія умысла до исполненія; но какъ обида символическая оба эти движенія подлежатъ несомнѣнно наказанію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что рѣшеніе 1877 года № 67 дѣлаетъ шагъ — и довольно рѣшительный — къ правильному пониманію символической обиды, но по отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ Сенатъ останавливается еще на полдорогѣ. Затѣмъ другія движенія, упоминаемыя въ видѣ примѣровъ въ этомъ рѣшеніи, какъ то: бросаніе чѣмъ либо въ обиженнаго, хотя бы и съ промахомъ и промахъ при намѣреніи нанести ударъ — правильно признаются Сенатомъ обидою дѣйствіемъ, такъ какъ большая или меньшая мѣткость обвиняемаго не можетъ вліять на оскорбительность или неоскорбительность его дѣйствія; не говоримъ уже о хватаніи за платье, дерганье и т. п.: въ этихъ случаяхъ тѣлесная неприкосновенность обиженнаго безусловно нарушается. Г. Неклюдовъ находитъ, что если обвиняемый замахнется на кого либо и остановится по собственному побужденію, то дѣяніе его не

наказуемо, какъ покушеніе, остановленное по собственному побужденію. Но если придерживаться строго теоріи покушенія то вѣдь и покушеніе, остановленное по независѣвшимъ отъ обвиняемаго причинамъ, тоже наказуемо лишь въ особо указанныхъ въ Мировомъ Уставѣ случаяхъ и слѣдуетъ, будучи послѣдовательнымъ, признавать ненаказуемымъ и промахъ при бросаніи чѣмъ либо въ потерпѣвшаго, такъ какъ бросаніе съ такимъ промахомъ такъ же слѣдовало бы считать лишь покушеніемъ на оскорбленіе, какъ слѣдуетъ признавать лишь покушеніемъ на убійство выстрѣлъ въ кого либо съ цѣлью убить его, но съ промахомъ. Однакоже г. Неклюдовъ не считаетъ только покушеніемъ такое неудачное бросаніе въ потерпѣвшаго чѣмъ либо, а признаетъ это прямо обидою дѣйствіемъ, и намъ кажется, что вообще при оскорбленіи проступокъ слѣдуетъ считать оконченнымъ въ тотъ моментъ, когда ясно выразилось намѣреніе обидчика оскорбить потерпѣвшаго; пустилъ онъ въ него камнемъ, попалъ или не попалъ, онъ ясно выразилъ намѣреніе оскорбить дѣйствіемъ и сдѣлалъ все для того, чтобы это оскорбленіе имѣло мѣсто; замахнулся онъ и остановился — онъ все таки выразилъ намѣреніе оскорбить, и въ то время когда онъ замахивался, онъ символически оскорблялъ потерпѣвшаго, если его удержали, пока онъ замахивался, онъ выразилъ намѣреніе оскорбить дѣйствіемъ обвинителя и сдѣлалъ все съ своей стороны для этого; если же онъ остановился по своей волѣ, то —значитъ—ограничился обидою символическою и долженъ отвѣчать какъ за таковую: но оставлять безнаказаннымъ подобное замахиваніе намъ представляется лишеннымъ всякаго основанія.

Признакъ „нарушенія тѣлесной неприкосновенности", отграничивая сферу обиды дѣйствіемъ отъ области обидъ словомъ, на письмѣ и символической, не играетъ той же роли по отношенію къ другимъ проступкамъ и преступленіямъ, близко или отчасти подходящимъ къ обидѣ дѣйствіемъ, и не играетъ онъ этой роли по той простой причинѣ, что этимъ то именно признакомъ — нарушенія тѣлесной неприкосновенности—про-

ступокъ обиды дѣйствіемъ примыкаетъ къ этимъ другимъ проступкамъ и преступленіямъ. Поэтому, для отграниченія и отъ нихъ обиды дѣйствіемъ, необходимо обратить вниманіе на другіе признаки. Такими признаками могутъ служить во 1-хъ) характеръ самаго дѣйствія — для отграниченія обиды дѣйствіемъ отъ однихъ проступковъ, и во 2-хъ) характеръ намѣренія—для отграниченія отъ другихъ.

Нарушенія тѣлесной неприкосновенности могутъ быть различны и выражаться въ формѣ: нанесенія раны, т. е. разорванія или разсѣченія покрововъ человѣческаго тѣла, причиненія увѣчья, т. е. отнятія у человѣка какого либо органа или искалеченія его, въ формѣ повреждения здоровья,—нанесеніемъ побоевъ, подвергающихъ опасности жизнь обиженнаго, а также и въ формѣ причиненія истязаній или мученій. Несомнѣнно, что всѣ эти формы нарушенія тѣлесной неприкосновенности рѣзко отличаются по характеру своему отъ нанесенія обиды дѣйствіемъ, такъ что въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи объ оскорбленіи дѣйствіемъ и нельзя доказывать, что рана или увѣчье нанесены были съ намѣреніемъ оскорбить потерпѣвшаго. Но нашъ законъ знаетъ еще одинъ видъ нарушенія тѣлесной неприкосновенности, который по послѣдствіямъ своимъ не отличается ничѣмъ отъ обиды дѣйствіемъ, и для отличія котораго отъ нея необходимо ближайшее разсмотрѣніе намѣренія обвиняемаго: мы говоримъ объ „употребленіи насилія, однако безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья", составляющемъ предметъ 142-й ст. Мир. Устава. Отдѣльные случаи насилія, бывшіе предметомъ Сенатскихъ рѣшеній, какъ то: насильственное задержаніе въ комнатѣ посредствомъ запиранія, втаскиваніе въ домъ и связываніе веревкою, вырываніе изъ рукъ стакана, можно признать насиліемъ, такъ какъ изъ самого характера этихъ дѣйствій можно придти къ тому заключенію что они не имѣли цѣлью оскорбленіе потерпѣвшаго; но по отношенію къ случаю, чаще всего встрѣчающемуся на практикѣ, а именно, по отношенію къ легкимъ побоямъ является вопросъ: слѣдуетъ ли отнести ихъ къ обидѣ дѣйствіемъ

или же къ насилію, предусмотрѣнному 142 статьею. До 1883 года Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній признавалъ, что насильственныя дѣйствія всякаго рода, не имѣющія свойства тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, и совершенныя не съ цѣлью оскорбить или оказать презрѣніе къ личности, а ради самоуправнаго мщенія, подходятъ подъ дѣйствіе ст. 142-й, а не 134 или 135. Рѣшеніемъ Сената за 75 г. № 216 установлено, что „по дѣламъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ одного супруга въ отношеніи другаго, судъ долженъ съ точностью опредѣлять въ приговорѣ свойство, характеръ и цѣль подлежащихъ его разсмотрѣнію насильственныхъ дѣйствій, въ виду того, что между супругами не допускаются иски объ обидахъ и что въ этихъ случаяхъ наказанію подлежатъ лишь насильственныя дѣйствія, совершенныя однимъ супругомъ въ отношеніи другаго въ видѣ самоуправнаго мщенія или причиненіемъ потерпѣвшему супругу физическаго страданія, а не только съ намѣреніемъ показать презрѣніе къ его личности, тѣ лишь дѣйствія, составляющія самоуправство и насиліе, предусмотрѣнныя 142 ст. Уст. о нак., а не оскорбленія, предусмотрѣнныя 133-й ст. того же Устава“. Къ этому взгляду присоединяется и г. Неклюдовъ (стр. 573 Руков.). Но въ 1883 году Сенатъ—въ рѣш. № 28—рѣзко измѣнилъ свой взглядъ по вопросу о нанесеніи легкихъ побоевъ вообще и высказалъ, что побои легкіе слѣдуетъ относить къ обидѣ дѣйствіемъ. Въ подтвержденіе правильности этого своего заключенія Сенатъ указалъ, что „нанесеніемъ побоевъ всегда унижается достоинство человѣка, выражается презрѣніе къ его личности и такимъ образомъ въ этомъ дѣяніи совмѣщаются всѣ существенные признаки проступка обиды дѣйствіемъ“. „Въ виду сего—говорится далѣе въ этомъ рѣшеніи—такъ какъ въ Уставѣ о нак. не содержится особаго постановленія, которымъ бы опредѣлялась отвѣтственность за нанесеніе легкихъ побоевъ, надлежитъ признать, что виновные въ этомъ поступкѣ должны, смотря по обстоятельствамъ дѣла и по отношеніямъ ихъ къ потерпѣвшимъ, подвергаться одному изъ взысканій, опредѣленныхъ въ ст. 133—135 означеннаго Устава за обиды

дѣйствіемъ вообще". Что рѣшеніе это появилось во второй половинѣ 1883 года, ничего нѣтъ удивительнаго, такъ какъ время это было временемъ примѣненія Всемилостивѣйшаго Манифеста 15-го Мая 1883 года, дѣйствіе котораго не распространялось на лицъ, учинившихъ оскорбленія чести, а распространялось на лицъ, учинившихъ насиліе, поэтому вопросъ о томъ, признавать ли нанесеніе легкихъ побоевъ насиліемъ или обидою дѣйствительно становился вопросъ весьма существеннымъ. Но, тѣмъ не менѣе, съ правильностью этого новаго Сенатскаго взгляда намъ представляется труднымъ согласиться, и именно по тому соображенію, что не всегда нанесеніе побоевъ выражаетъ собою презрѣніе къ личности и не всегда они наносятся съ намѣреніемъ оскорбить, между тѣмъ самъ же Сенатъ признаетъ необходимымъ для состава проступка оскорбленія чести наличность намѣренія оскорбить. Данный случай нельзя приравнивать къ случаю произнесенія ругательныхъ словъ, такъ какъ въ томъ случаѣ никакой другой цѣли кромѣ оскорбленія и предположить невозможно; при нанесеніи же побоевъ намѣренія могутъ быть различныя, и вотъ, смотря по намѣренію, слѣдуетъ подводить этотъ проступокъ подъ обиду дѣйствіемъ, насиліе или самоуправство. Хотя ст. 1533 о нанесеніи тяжкихъ побоевъ и помѣщена въ отдѣлѣ о личныхъ оскорбленіяхъ, но изъ текста ея нельзя вывести, что нанесеніе тяжкихъ побоевъ преслѣдуется именно какъ личное оскорбленіе, такъ какъ въ статьѣ этой говорится не объ умыслѣ оскорбить, а объ умыслѣ нанести тяжкіе побои, и судъ, разсматривающій подобное дѣло, конечно, не доискивается въ дѣяніи обвиняемаго намѣренія оскорбить, что имѣло бы мѣсто, если бы нанесеніе тяжкихъ побоевъ имѣло характеръ оскорбленія чести, а устанавливаетъ лишь наличность нанесенія съ умысломъ тяжкихъ побоевъ. Такимъ образомъ, этотъ аргументъ въ пользу основательности новаго взгляда Сената тоже отпадаетъ. Замѣтимъ затѣмъ, что если ничего не остается въ пользу этого взгляда, то противъ него говоритъ то соображеніе, что съ примѣненіемъ его отпадаетъ проступокъ нанесенія побоевъ между супруга-

ми, такъ какъ побои эти—какъ оскорбленіе—между супругами не преслѣдуются, тогда какъ при старомъ своемъ взглядѣ Сенатъ признавалъ наказуемость этихъ побоевъ, какъ насилія, —по 142 ст. Съ другой стороны, и цѣлый рядъ самоуправствъ оставался бы безъ преслѣдованія по 142-й ст., такъ какъ самоуправство немыслимо безъ насилія, насиліе это въ большинствѣ случаевъ выражается въ формѣ побоевъ, если же побои не насиліе, то нѣтъ и самоуправства, а только оскорбленіе дѣйствіемъ, пожалуй, и то ненаказуемое, такъ какъ трудно допустить наличность намѣренія оскорбить въ дѣйствіяхъ лица, несомнѣнно только добивавшагося осуществленія своего права.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ тому выводу что по разбираемому нами вопросу слѣдуетъ придерживаться прежняго взгляда Сената, изложеннаго въ многочисленныхъ его рѣшеніяхъ, а не взгляда, выраженнаго въ рѣш. № 28, 83 года. Укажемъ еще въ заключеніе на мѣткую характеристику различія обиды и насилія, сдѣланную г. Лохвицкимъ въ его Курсѣ Рус. Угол. Права (стр. 588): „обида дѣйствіемъ можетъ состоять и въ ударѣ, но ударъ этотъ не долженъ быть тяжелый. Если кого либо ударяютъ рукою по лицу или слегка хлыстомъ — это, по понятіямъ общества, обида, потому что въ этомъ дѣйствіи не видно у причинившаго его никакого другаго намѣренія, кромѣ намѣренія оскорбить. Но если его бьютъ сильно—это нанесеніе побоевъ; никто не считаетъ здѣсь оскорбленной свою честь, никто не вызоветъ за это дѣйствіе на дуэль. Исторія и практика показываютъ, что желавшій вызвать на дуэль обыкновенно только дотрогивался перчаткой до лица противника, иначе общество не считало послѣдняго обязаннымъ выходить на поединокъ“.

Оканчивая ближайшее разсмотрѣніе понятія обиды дѣйствіемъ, замѣтимъ, что намъ не представляется ни необходимымъ, ни возможнымъ, перечислить всѣ тѣ формы, въ которыя можетъ вылиться оскорбленіе дѣйствіемъ и укажемъ лишь еще разъ, что для подведенія даннаго поступка подъ понятіе оскорбленія дѣйствіемъ, суду слѣдуетъ установить, что имѣло мѣ-

сто нарушеніе тѣлесной неприкосновенности обиженнаго и что обидчикъ имѣлъ намѣреніе его оскорбить.

Ст. 133-я преслѣдуетъ обиду дѣйствіемъ, „если къ тому былъ данъ поводъ самимъ обиженнымъ“ и наказываетъ менѣе строго, нежели ст. 134, преслѣдующая нанесеніе обиды дѣйствіемъ „безъ всякаго повода со стороны обиженнаго“. Въ чемъ же слѣдуетъ усматривать такой поводъ? Его слѣдуетъ усматривать въ неправильныхъ дѣйствіяхъ обиженнаго, въ вызывающемъ, хотя бы и не оскорбительномъ съ точки зрѣнія закона, обращеніи его, въ такъ назыв. „подзадориваніи“, въ неумѣстныхъ шуткахъ, небрежномъ обращеніи и т. п. Законныя же дѣйствія обиженнаго, хотя бы и непріятныя для обидчика, не могутъ считаться такимъ поводомъ.

Въ рѣш. 69 г. № 46 Сенатъ признаетъ, что поводъ къ обидѣ есть такое уменьшающее вину обстоятельство, подъ которымъ должно разумѣть не самую обиду, а лишь побудительную причину къ нанесенію оскорбленія. Рѣшеніе это, вѣроятно, имѣетъ въ виду 138 ст. Уст. о нак., говорящую о ненаказуемости равныхъ обидъ. Но статья эта въ данномъ случаѣ, на нашъ взглядъ, ни причемъ. Какъ мы увидимъ ниже, она устанавливаетъ ненаказуемость обиды въ томъ случаѣ, когда обиженный нанесъ обидчику равную или болѣе тяжкую обиду. Но она ничего не говоритъ о томъ случаѣ, когда обида, нанесенная обидчику обиженнымъ менѣе тяжка, нежели обида, нанесенная обидчикомъ обиженному, хотя и предшествовала ей. Въ подобномъ случаѣ, очевидно, эта послѣдняя обида, т. е. нанесенная обвиняемымъ потерпѣвшему, должна быть наказана, но не менѣе очевидно, что въ томъ случаѣ, если судъ признаетъ, что эта меньшая обида, нанесенная потерпѣвшимъ обвиняемому, была поводомъ къ оскорбленію симъ послѣднимъ потерпѣвшаго, то нѣтъ никакого основанія не примѣнять 133 ст. Уст. о нак., разъ что 138 ст. примѣнена быть къ данному случаю не можетъ.

И Прав. Сенатъ и г. Неклюдовъ подробно останавливаются на вопросѣ о томъ, можно ли устанавливать наличность повода къ обидѣ въ случаѣ нанесенія обиды дѣйствіемъ съ

увеличивающими вину обстоятельствами, и приходятъ къ отрицательному выводу. Разсужденія эти представляются намъ совершенно праздными въ виду того, что наказаніе по 135 ст. только *можетъ*, а *не должно* быть увеличиваемо, поводъ же можетъ быть несомнѣнно разсматриваемъ, какъ обстоятельство уменьшающее вину, съ примѣненіемъ 13-й ст. Мир. Уст., что признаетъ и г. Неклюдовъ, говоря, что „при опредѣленіи наказанія по 135 ст., ст. 133 можетъ быть примѣняема косвенно". Стало быть весь вопросъ сводится къ тому, какую статью ставить въ приговорѣ — 133 или 135—или же обѣ, что является безразличнымъ, какъ это признавалъ и Сенатъ, разъ что приговоръ постановленъ правильно и по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ данное дѣло.

Обстоятельства увеличивающія вину при обидѣ дѣйствіемъ совершенно тѣ же, какъ и обстоятельства увеличивающія вину при обидѣ словомъ или на письмѣ, поэтому мы не будемъ здѣсь повторять сказанное по поводу 131-й ст. Мир. Устава.

Равнымъ образомъ аналогичны и случаи неподсудности оскорбленія дѣйствіемъ, случаямъ неподсудности оскорбленія словомъ, съ тою разницею, что неподсудно еще мировой юстиціи „нанесеніе личной, какимъ либо оскорбительнымъ дѣйствіемъ, обиды отцу или матери, или иному родственнику по прямой восходящей линіи". Проступокъ этотъ предусмотрѣнъ 1534 ст. Улож. о нак., наказывается ссылкою на житьѣ въ Сибирь или отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія и можетъ доходить до судовъ мировой юстиціи лишь для примирительнаго разбирательства.

136 ст. За клевету, на словахъ или на письмѣ, виновные подвергаются:

арестy не свыше двухъ мѣсяцевъ.

Если же клеветою оскорблена честь женщины, или лица, хотя и не состоящаго съ виновнымъ въ родствѣ по восходящей линіи (ст. 28), но которое, по особымъ къ ви-

новному отношеніямъ, имѣло право и на особое уваженіе, то онъ подвергается:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Подъ клеветою слѣдуетъ понимать обвиненіе кого либо завѣдомо ложно въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Такъ опредѣляетъ клевету ст. 1535 Улож. о нак. и отъ этого опредѣленія не отступаетъ и Сенатъ, развивая и разъясняя его въ своихъ многочисленныхъ рѣшеніяхъ. Расчленимъ же выше приведенное законное опредѣленіе клеветы и разсмотримъ послѣдовательно всѣ вопросы, возбуждаемые этимъ опредѣленіемъ.

Клевета есть обвиненіе... Выраженіе „обвиненіе“, употребленное въ 1535-й ст. Улож. о нак., не вполнѣ точно, такъ какъ не точно выражаетъ мысль законодателя. Обвинять кого либо—въ точномъ смыслѣ этого слова—значитъ дѣлать кого либо виновнымъ передъ тою властью, которая караетъ виновныхъ, и дѣлать это именно съ желаніемъ вызвать эту кару. Но 1535 ст. Улож. вовсе не имѣетъ въ виду этотъ случай, составляющій содержаніе 940 ст., преслѣдующей за лживые доносы и отличающейся именно этимъ признакомъ „обвиненія“ отъ клеветы. Статья же 1535 Улож. употребляетъ это выраженіе „обвиненіе“ въ болѣе широкомъ смыслѣ указанія, приписыванія, распространенія передъ другими. Этимъ признакомъ клевета отличается отъ словесной обиды, такъ какъ обидчикъ, нанося оскорбленіе, имѣетъ въ виду только оскорбляемаго и желаетъ оскорбить его непосредственно, клеветникъ же, преслѣдуя ту же цѣль — оскорбленіе, — стремится къ ней путемъ разглашенія среди третьихъ лицъ ложныхъ объ оклеветанномъ свѣдѣній, путемъ приписыванія ему дѣяній, противныхъ правиламъ чести.

Для признанія клеветы распространенною нѣтъ необходимости въ установленіи, что она была разглашена передъ многими лицами, такъ какъ сообщеніе ея одному лицу достаточно для того, чтобы она сдѣлалась достояніемъ многихъ, по пословицѣ: хорошая слава лежитъ, а худая—бѣжитъ.

Сенатъ тоже понимаетъ выраженіе „обвиненіе“ въ смы-

слѣ распространенія, что и выражено имъ въ рѣш. 71 г. №568 и подтверждено въ рѣш. 72 г. №№ 749 и 1510, съ указаніемъ, что приписываніе дѣянія, противнаго правиламъ чести, непосредственно лицу обиженному, въ отсутствіи постороннихъ лицъ, составляетъ обиду. Другими же Сенатскими рѣшеніями установлено, что клевета можетъ быть какъ въ присутствіи, такъ и въ отсутствіи оклеветаннаго, такъ какъ главный признакъ этого преступленія заключается въ гласности и распространеніи обвиненія. Оклеветаніе кого либо въ его же присутствіи указываетъ лишь, по справедливому замѣчанію г. Неклюдова, на особенную дерзость клеветника и можетъ быть разсматриваемо какъ обстоятельство увеличивающее вину. Но само собою разумѣется, что приписываніе кому либо безчестныхъ дѣяній въ разговорѣ, происходившемъ на языкѣ, знакомомъ только обвиняемому и обвинителю и незнакомомъ остальнымъ лицамъ, присутствовавшимъ при этомъ разговорѣ, должно быть признано личною обидою, а не клеветою, такъ какъ о распространеніи въ подобномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Равнымъ образомъ нельзя признать распространеніемъ приписываніе кому либо безчестныхъ дѣяній, совершенное въ тѣсномъ семейномъ кругу: члены такого кружка стоятъ слишкомъ близко другъ къ другу, чтобы во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было бы требовать той же осторожности, какую необходимо слѣдуетъ соблюдать по отношенію къ постороннимъ; находить и въ данномъ случаѣ распространеніе клеветы значило бы доводить ригоризмъ до крайности и, будучи послѣдовательнымъ, слѣдовало бы признавать клеветникомъ человѣка, ведущаго напр. дневникъ и заносящаго въ него для себя разные позорящіе факты, быть можетъ и ложно приписываемые обиженному, которому дневникъ этотъ случайно попалъ въ руки. Вообще, клевета, не выходящая изъ сферы семейной — клеветника или же оклеветаннаго — не можетъ, на нашъ взглядъ, подходить подъ дѣйствіе 136 статьи.

Затѣмъ въ рѣш. 73 г. № 882 Сенатомъ разъяснено еще, что не соединяетъ въ себѣ признаковъ клеветы заявленіе о ли-

цѣ служащемъ его непосредственному начальству, сдѣланное лицомъ, обязаннымъ до нѣкоторой степени имѣть надзоръ за дѣйствіями обвиняемаго или находящимся съ нимъ въ служебныхъ отношеніяхъ, хотя бы это заявленіе и не вполнѣ оправдалось дознаніемъ, но сдѣлано безъ разглашенія его лицамъ стороннимъ.

Клевета есть обвиненіе завѣдомо ложное... Признакъ завѣдомой лживости обвиненія является необходимымъ для состава клеветы; завѣдомая лживость обвиненія равнозначуща въ клеветѣ умыслу, и при доказанности такой лживости нѣтъ надобности уже доказывать наличность умысла оклеветать, такъ какъ лживость эта и доказываетъ умыселъ. „Справедливость обвиненія"—говоритъ г. Неклюдовъ—„уничтожаетъ самое понятіе клеветы". Самое распространеніе завѣдомо ложнаго извѣстія о безчестномъ дѣяніи такъ же указываетъ на намѣреніе оскорбить клеветою, какъ произнесеніе ругательнаго слова указываетъ на намѣреніе оскорбить этимъ словомъ. Сенатъ держится по этому вопросу, какъ кажется, другаго взгляда, а именно отдѣляетъ умыслъ отъ завѣдомой лживости. По крайней мѣрѣ, въ рѣш. 72 г. № 1309 имъ высказано: „что хотя законъ понимаетъ подъ клеветой ложное обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, но что законы о клеветѣ могутъ быть примѣнены лишь въ такомъ случаѣ, когда одно лицо умышленно взводитъ на другое такое ложное обвиненіе, которое омрачаетъ честь и доброе имя и при томъ съ цѣлью нанести этимъ оскорбленіе". Въ томъ же смыслѣ высказался отчасти Сенатъ и въ рѣш. 72 г. № 1066. Изъ этихъ рѣшеній вытекаетъ, такимъ образомъ, что оклеветаніе, такъ сказать, по пути, для достиженія какихъ либо цѣлей, ненаказуемо, хотя бы это дѣйствительно было завѣдомо ложное обвиненіе кого либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Такъ въ рѣш. 72 г. № 1309 Сенатъ призналъ, что приписываніе кому либо самовольнаго похищенія и распродажи чужаго товара, хотя бы и вполнѣ голословное, а слѣдовательно признаваемое завѣдомо ложнымъ, является не клеветою, а лишь „изложеніемъ обстоя-

тельствъ дѣла въ качествѣ возраженія противъ иска, возраженія рѣзкаго и неприличнаго, но которое, тѣмъ не менѣе, не можетъ считаться клеветою". По нашему мнѣнію, Сенатъ смѣшалъ въ данномъ случаѣ понятія умысла и цѣли, и, требуя доказанности не только умысла оскорбить, но и того, что клевета имѣла единственною цѣлью оскорбленіе, съузилъ, вопреки точному смыслу 136-й статьи, рамки ея примѣненія. Умыселъ можно вывести, въ большинствѣ случаевъ, изъ самого дѣянія подсудимаго, и преступный умыселъ можетъ имѣть мѣсто и при преслѣдованіи самыхъ гуманныхъ цѣлей; это доказываютъ нерѣдко — и очень рельефно — защитники домашнихъ животныхъ, наносящіе побои людямъ для огражденія отъ таковыхъ —животныхъ: цѣль несомнѣнно гуманная, но средство не менѣе несомнѣнно преступное и подлежащее наказанію. Подобно тому и клеветники, обвиняя кого либо завѣдомо ложно въ безчестномъ дѣаніи, быть можетъ, *цѣлью* своею имѣютъ вовсе не нанесеніе оскорбленія оклеветанному, а достиженіе какихъ либо выгодъ, но нельзя же отрицать въ немъ *намѣреніе* оскорбить и нельзя же оставить дѣяніе его безнаказаннымъ. Вообще же правило: цѣль оправдываетъ средства не принадлежитъ къ числу тѣхъ правилъ, утвержденіе которыхъ въ обществѣ было бы желательно. Какъ кажется, Сенатъ, въ послѣднее время, съузилъ рамки этого своего толкованія и въ рѣш. 84 г. № 37 на вопросъ: могутъ ли быть преслѣдуемы въ значеніи лжедоноса или клеветы оправдательныя объясненія подсудимаго, представляемыя имъ въ свою защиту на судѣ, въ томъ случаѣ, когда объясненія эти содержатъ въ себѣ завѣдомо ложное обвиненіе другаго лица въ преступномъ или позорящемъ честь дѣяніи, *не составляющемъ предметъ судимаго дѣла*,—отвѣтилъ утвердительно, разъяснивъ, что „оставлять подобные извѣты неизслѣдованными по жалобамъ лицъ, до которыхъ они относились, значило бы лишать сихъ послѣднихъ законнаго огражденія чести ихъ". Рѣшеніе это послѣдовало по вопросу о примѣненіи тѣхъ статей закона, въ коихъ указывается какъ на обстоятельство особо увеличивающее вину подсудимаго на

возбужденіе подозрѣнія на невинныхъ или даже прямое оклеветаніе ихъ. Если и согласиться съ мнѣніемъ Сената, что на подобную клевету законъ смотритъ какъ на одинъ изъ способовъ защиты, хотя и не видно, на чемъ можно основывать это санкціонированіе клеветы, то и въ такомъ случаѣ, внѣ этихъ рамокъ судебной защиты по уголовному дѣлу, клевета должна почитаться клеветою и въ тѣхъ случаяхъ, когда клеветникъ смотритъ на нее хотя бы какъ на средство къ выигрышу гражданскаго процесса.

Установивъ, что умыселъ проявляется—при клеветѣ—въ завѣдомой ложности обвиненія, укажемъ теперь, что законъ предполагаетъ всегда добропорядочность поведенія всѣхъ и каждаго и въ силу того принципа, по которому обвинитель долженъ доказать свое обвиненіе, требуетъ, чтобы клеветникъ, желающій освободиться отъ наказанія за клевету, доказалъ справедливость своего обвиненія, или, иначе говоря, даетъ ему, какъ средство защиты, exceptio veritatis—возраженіе съ ссылкою на истину. Завѣдомая ложность приписыванія кому либо позорящаго дѣянія не можетъ имѣть мѣсто: во 1-хъ) въ томъ случаѣ, когда обвиняемый докажетъ, что данный фактъ былъ въ дѣйствительности, а во 2-хъ) въ томъ случаѣ, когда онъ приведетъ судъ къ тому убѣжденію, что распространяя слухъ о событіи, наличность котораго не доказана, онъ былъ убѣжденъ и имѣлъ къ тому серьезныя основанія, чтобы повѣрить существованію того дѣянія, въ ложномъ приписываніи котораго потерпѣвшему его впослѣдствіи обвиняютъ. Другими словами, клеветы не будетъ въ томъ случаѣ, если обвиняемый докажетъ, что его ввели въ заблужденіе такіе факты, которые, и при осторожномъ къ нимъ отношеніи, дѣлали весьма правдоподобнымъ тотъ выводъ, къ которому пришелъ обвиняемый въ клеветѣ.

Вышеизложенныя начала нашли себя подтвержденіе и въ Сенатскихъ рѣшеніяхъ. Такъ, въ рѣш. 72 г. № 129 разъяснено, что „не можетъ быть признано клеветою распространеніе слуха о фактѣ, хотя бы помрачающемъ честь, но дѣйствитель-

номъ". Въ рѣш. 71 г. № 1561—съ ссылкою на рѣш. 69 г. № 582 —высказано: 1) „не тотъ про кого распущенъ, имѣющій видъ клеветы, слухъ обязанъ для обвиненія клеветника доказать на судѣ лживость слуха, а напротивъ того, тотъ, кто распространяетъ слухъ касательно учиненія извѣстнымъ лицомъ дѣянія, противнаго правиламъ чести, обязанъ доказать, что распространяемый имъ слухъ не вымышленъ", и 2) „оглашеніе противнаго правиламъ чести поступка не можетъ быть признаваемо клеветою въ томъ случаѣ, если судебнымъ разбирательствомъ подтвердилось, что онъ дѣйствительно былъ учиненъ". Въ рѣш. 75 г. № 571 высказано, что „распространеніе о комъ либо ложныхъ извѣстій не составляетъ клеветы, если только распространяющій полагалъ, что разсказываемые имъ факты истинны".

И такъ, на клеветника возлагается обязанность доказать или, что дѣяніе, приписанное имъ оклеветанному, имѣло мѣсто или же, что онъ имѣлъ серьезныя основанія этому повѣрить. По отношенію къ оклеветанію кого либо приписываніемъ ему того или другаго преступленія или проступка, дѣло стоитъ очень просто въ томъ случаѣ, если клеветникъ можетъ доказать, что судъ установилъ наличность этого преступленія или проступка, или же что преступленіе это уже стало предметомъ судебнаго преслѣдованія; въ послѣднемъ случаѣ судъ, разбирающій дѣло о клеветѣ, конечно пріостановится разборомъ дѣла до постановленія приговора по дѣлу, съ которымъ клевета имѣетъ связь. Но какъ поступать суду въ томъ случаѣ, когда обвиняемый, защищаясь отъ обвиненія въ клеветѣ, желаетъ доказать справедливость разглашаемаго имъ извѣстія о совершеніи обвинителемъ преступнаго дѣянія, по которому еще не возбуждено преслѣдованія надлежащею властью? Г. Неклюдовъ утверждаетъ, что „Мировой Судья обязанъ, по просьбѣ обвиняемаго, отложить разборъ дѣла, назначивъ клеветнику срокъ для доказательства своего обвиненія передъ надлежащимъ судомъ". Это свое мнѣніе онъ основываетъ на томъ соображеніи, что „есть даже такіе случаи, въ коихъ справедли-

вость обвиненія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть доказываема предъ тѣмъ судомъ, коимъ разсматривается жалоба на оклеветаніе, какъ судомъ къ тому некомпетентнымъ; напр., если бы я оклеветалъ кого нибудь въ убійствѣ, то разумѣется, что я не могъ бы доказывать передъ мировымъ судьею справедливость своего обвиненія, ибо мировой судья не вправѣ разсматривать дѣло о лишеніи жизни“ (стр. 588 Т. II Руков.). Далѣе г. Неклюдовъ добавляетъ, что „если клевета заключалась въ обвиненіи въ такомъ дѣяніи, преслѣдованіе котораго возбуждается не иначе, какъ по жалобѣ обиженнаго, то въ такомъ случаѣ мировой судья вправѣ и самъ разсмотрѣть доказательства, представляемыя въ доказательство справедливости клеветы, ибо, въ этомъ случаѣ, клеветникъ, не будучи лицомъ потерпѣвшимъ, не вправѣ заявить жалобы или обвиненія противъ своего обвинителя“.

Остановимся прежде всего на бросающемся въ глаза противорѣчіи начала приведенной аргументаціи съ ея концомъ. Въ началѣ ея невозможность для мироваго судьи производить разбирательство по оклеветанію въ томъ или другомъ преступленіи ставится въ зависимость отъ границъ его компетентности; въ концѣ же вопросъ о томъ, разбирать или не разбирать мировому судьѣ такого рода дѣла, сводится къ вопросу: въ какомъ порядкѣ можетъ быть начато то дѣло, которое находится въ связи съ дѣломъ о клеветѣ. Но вѣдь существуютъ же дѣла, неподсудныя мировой юстиціи, а между тѣмъ начинающіяся лишь по жалобѣ потерпѣвшаго, и такихъ дѣлъ не мало (ст. 1482, 2 ч. 1483, весь отдѣлъ о преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ и т. д.); спрашивается затѣмъ: долженъ ли Мировой Судья пріостановить дѣло о клеветѣ въ томъ случаѣ, когда предметомъ клеветы было, положимъ, изнасилованіе, потому что дѣла объ изнасилованіяхъ неподсудны мировой юстиціи, или же онъ долженъ производить разслѣдованіе объ этомъ изнасилованіи, потому что дѣла этого рода не начинаются помимо жалобы потерпѣвшей, а также: почему ему неудобно разсматривать дѣло по обвиненію въ убій-

ствѣ, а удобно разсматривать дѣло по обвиненію въ изнасилованіи? Отвѣта на этотъ вопросъ въ Руководствѣ г. Неклюдова нѣтъ.

Теорія г. Неклюдова не даетъ отвѣта и на нѣкоторые другіе вопросы. Таковъ, напр., вопросъ о срокѣ. Спрашивается: съ чѣмъ долженъ сообразоваться Мировой Судья, при опредѣленіи этого срока „для доказательства своего обвиненія предъ подлежащимъ судомъ"; какъ великъ долженъ быть этотъ срокъ? Затѣмъ еще: какъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда судебное преслѣдованіе по закону не можетъ быть возбуждено (ст. 16 Уст. угол. суд. п. п. 1, 2 и 4)? Возьмемъ примѣръ приведенный въ Руководствѣ г. Неклюдова и положимъ, что я обвиняюсь въ оклеветаніи кого либо въ убійствѣ и желаю доказать отсутствіе признака намѣренной лживости моего разглашенія. Судья пріостановилъ дѣло о клеветѣ разбирательствомъ и далъ мнѣ срокъ, положимъ даже очень длинный, но до заявленія мною жалобы кому слѣдуетъ издается общій милостивый манифестъ, дарующій прощеніе, или же обвиняемый мною обвинитель умираетъ и мнѣ отказываютъ въ возбужденіи преслѣдованія. Срокъ истекъ, оклеветанный счастливо избѣгъ возможности прекращенія дѣла о клеветѣ за нехожденіемъ и пріостановленное дѣло вновь разбирается. Обвинительнаго приговора суда я по дѣлу объ убійствѣ представить не въ состояніи, такъ какъ и самое дѣло не начиналось; спрашивается, что же будетъ со мною: буду ли я признанъ клеветникомъ или нѣтъ, и если нѣтъ, то почему нѣтъ, а не да? Руководство г. Неклюдова не даетъ отвѣта и на этотъ вопросъ. Такое отсутствіе отвѣтовъ на вопросы, возникающіе при ближайшемъ разсмотрѣніи какой либо теоріи, такіе пробѣлы, въ ней оказавшіеся, обыкновенно приводятъ къ тому выводу, что теорія эта чѣмъ то грѣшитъ, что въ ней чего то не хватаетъ. Къ тому же выводу слѣдуетъ придти и въ настоящемъ случаѣ. По нашему мнѣнію пробѣлъ этотъ заключается въ томъ, что г. Неклюдовъ слишкомъ съуживаетъ размѣры того exceptionis veritatis, которымъ обвиняемый въ клеветѣ можетъ за-

щищаться и утверждаетъ, что обвиненіе въ клеветѣ падаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда обвиняемый въ клеветѣ докажетъ правдивость своего обвиненія, т. е. иначе, установитъ наличность объективнаго, имѣвшаго мѣсто въ дѣйствительности, факта. Но это право обвиняемаго въ клеветѣ вытекаетъ изъ необходимости для признанія даннаго поступка клеветою установленія завѣдомой ложности разглашенія, наличности того убѣжденія, что обвиняемый завѣдомо лгалъ. Признакъ этотъ чисто субъективный, и разъ что судъ придетъ къ убѣжденію, что обвиняемый не лгалъ, а разглашалъ что либо, будучи твердо убѣжденнымъ въ справедливости своихъ словъ, то судъ не признаетъ его клеветникомъ независимо отъ доказанности дѣйствительнаго существованія того дѣянія, которое приписывалъ обидчикъ потерпѣвшему. Можетъ обвиняемый въ клеветѣ оправдаться при помощи обвинительнаго приговора суда по дѣлу, состоящему въ связи съ дѣломъ о клеветѣ, тѣмъ лучше, но если сдѣлать онъ этого не можетъ, то это еще не значитъ, что для него все пропало, что онъ будетъ признанъ судомъ клеветникомъ и что ему напрасно стараться убѣдить судъ, что, приписывая данному лицу какое либо позорящее дѣяніе, онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, осмотрительно и говорилъ въ полномъ сознаніи справедливости своихъ словъ. Мы приводили уже взглядъ Сената по этому вопросу, высказанный имъ въ рѣш. 1875 г. № 571 и полагаемъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ правильности этого взгляда. Въ этомъ же смыслѣ Сенатъ высказался и въ рѣшеніяхъ за 74 г. № 740 и за 75 г. № 307. Если же мы пришли къ подобному убѣжденію, то для насъ становится яснымъ, что роль суда, разсматривающаго по дѣлу о клеветѣ обстоятельства совершенія какого либо преступленія, выходящаго изъ предѣловъ его власти, вовсе не та, какую даетъ ему г. Неклюдовъ, говоря, что Мировой Судья не вправѣ разсматривать дѣлъ о лишеніи жизни. Онъ не вправѣ ихъ разсматривать въ цѣли постановленія приговора, но если обвиняемый въ клеветѣ захочетъ доказать суду, что онъ имѣлъ полное основаніе придти къ тому убѣжденію,

что потерпѣвшій совершилъ убійство или, по крайней мѣрѣ, покушался на таковое, то суду нѣтъ основанія отказать обвиняемому въ провѣркѣ тѣхъ фактовъ, которые привели его къ этому убѣжденію, при чемъ судъ, конечно, будетъ оцѣнивать данные факты не въ ихъ объективномъ значеніи, а по отношенію къ тому впечатлѣнію, какое они могли произвести на лицо, обвиняемое въ клеветѣ.

Сенатъ признаетъ неправильнымъ пріостановленіе дѣла о клеветѣ и по соображеніямъ практическаго свойства, направленнымъ въ защиту оклеветанныхъ: такъ, въ рѣш. 71 г. № 536 имъ высказано, что „клевета ускользала бы отъ законнаго преслѣдованія, если для пріостановленія онаго клеветнику было бы достаточно заявить, что онъ въ свое время докажетъ передъ надлежащимъ судомъ справедливость оглашенныхъ имъ о комъ либо позорныхъ поступковъ, и такимъ образомъ дѣло о клеветѣ ставить въ зависимость отъ будущаго рѣшенія другаго дѣла“. Въ рѣшеніи же за 76 г. № 126 высказано: „неоднократными рѣшеніями Прав. Сената (1871 г. № 536, 1870 года № 1086 и друг.) уже было разъяснено, что искъ о клеветѣ, вслѣдствіе обвиненія кого либо въ безчестномъ дѣяніи, не можетъ быть пріостанавливаемъ на томъ лишь основаніи, что о такомъ дѣяніи можетъ быть возбуждено уголовное преслѣдованіе, которое можетъ подтвердить справедливость разглашаемыхъ фактовъ, ибо если признать противное, то обвиненіе въ клеветѣ ускользало бы отъ уголовнаго преслѣдованія, или отсрочивалось бы на неопредѣленное время по причинѣ, основанной на одномъ лишь предположеніи“. Такимъ образомъ, мнѣніе г. Неклюдова о порядкѣ производства дѣлъ о клеветѣ, неправильное и теоретически, на практикѣ вредитъ интересамъ обѣихъ сторонъ—и оклеветаннаго и обвиняемаго въ оклеветаніи, такъ какъ первому преграждаетъ путь къ скорѣйшему разсмотрѣнію дѣла и возстановленію его чести, а втораго лишаетъ возможности пользоваться правомъ защиты въ размѣрахъ, предоставленныхъ ему закономъ. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній и въ окончательномъ выводѣ мы приходимъ къ

полному убѣжденію въ несостоятельности взгляда, приводимаго по разсматриваемому нами вопросу Руководствомъ для Мировыхъ Судей.

Въ связи съ вопросомъ о завѣдомой ложности обвиненія стоитъ и вопросъ о неосторожной клеветѣ. Выше мы уже указали, что намѣреніе оскорбить проявляется при клеветѣ — въ распространеніи завѣдомо ложныхъ извѣстій о безчестныхъ дѣйствіяхъ кого либо; отсутствіе этого признака лишаетъ поступокъ обвиняемаго характера клеветы въ томъ случаѣ, когда судъ приходитъ къ убѣжденію, что обвиняемый, относясь съ полною осторожностью къ видѣнному имъ или слышанному, могъ—при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ—считать истиною то, что онъ впослѣдствіи разглашалъ. Неосторожной клеветы, на нашъ взглядъ, быть не можетъ, такъ какъ намѣреніе при клеветѣ является необходимымъ признакомъ состава проступка клеветы; одно изъ двухъ: или обвиняемый лгалъ или былъ убѣжденъ въ правдивости своихъ словъ, при чемъ конечно его слѣдуетъ признать сознательно лгавшимъ и въ томъ случаѣ, если онъ не съумѣетъ убѣдить судъ въ томъ, что свѣдѣнія сообщены были ему при обстановкѣ, исключавшей возможность относиться къ нимъ недовѣрчиво. Люди легковѣрные и невоздержные на языкъ будутъ быть можетъ и не особенно довольны этимъ причисленіемъ ихъ къ категоріи клеветниковъ, но судъ не можетъ поощрять подобное отношеніе къ чужимъ репутаціямъ и отдавать ихъ на произволъ людей, приписывающихъ другимъ съ легкимъ сердцемъ и неумѣстною на чужой счетъ откровенностью всякіе безчестные поступки.

Клевета есть обвиненіе завѣдомо-ложное кого либо... Выше мы видѣли, что опредѣленіе клеветы дается нашимъ законодательствомъ въ 1535 ст. Улож. о нак. Въ статьѣ этой говорится объ оклеветаніи кого либо несправедливо, „обвиняя его или жену его или членовъ его семейства“ и т. д. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что законъ — какъ и при другихъ оскорбленіяхъ—признаетъ оклеветаніе жены позорящимъ мужа и оклеветаніе кого либо изъ семейства—оскорбляющимъ остальныхъ

членовъ этого же семейства. Кого же слѣдуетъ понимать подъ членами семейства, мы уже указывали при разсмотрѣніи такъ называемыхъ посредственныхъ обидъ.

Клевета есть обвиненіе завѣдомо-ложное кого либо въ дѣяніи... Завѣдомо-ложное разглашеніе извѣстій о фактѣ тогда только можетъ быть признаваемо клеветою, когда оклеветанному приписывается совершеніе какого либо дѣйствія; приписываніе же ему какихъ либо свойствъ или же оскорбительное о немъ сужденіе, высказываемое за глаза и т. п. должно почитаться не клеветою, а заочною, а потому и ненаказуемою обидою. Такимъ образомъ, если бы Чацкій, узнавъ, что Софья Павловна Фамусова распространила завѣдомо ложный слухъ о его сумасшествіи, не удовольствовался бы произнесеніемъ своего великолѣпнаго монолога, а подалъ бы на Софью Павловну жалобу Мировому Судьѣ, обвиняя ее въ оклеветаніи его, то, конечно, проигралъ бы дѣло. Обвиненіе должно быть прямое, приписываніе дѣянія должно быть каттегорическое, утвердительное, не оставляющее сомненія въ томъ, что клеветникъ убѣжденъ въ справедливости распространяемой имъ клеветы, и — это главное — хочетъ передать это же убѣжденіе своимъ слушателямъ; при этомъ, конечно, тонкость отдѣлки разсказа, литературные пріемы, оригинальность оборотовъ рѣчи—не могутъ мѣшать суду придти къ тому убѣжденію, что передъ нимъ стоитъ клеветникъ и притомъ клеветникъ весьма опасный. Сенатская практика даетъ намъ богатый матеріалъ по разбираемому нами вопросу, и Сенатъ имѣлъ возможность высказать свой взглядъ подробно и детально, касаясь всѣхъ подробностей и оттѣнковъ этого вопроса, такъ что знакомство съ этими Сенатскими рѣшеніями представляется весьма полезнымъ. Такъ въ рѣш. 78 г. № 69 Сенатомъ — съ ссылкою на рѣшенія предъидущихъ годовъ —установлено, что обвиненіе для признанія его клеветою „должно заключать въ себѣ указаніе на какое либо опредѣленное преступное или безнравственное дѣяніе, ложно приписываемое клеветникомъ оклеветанному имъ лицу и тѣмъ самымъ позорящее честь сего послѣдняго. Между тѣмъ

обвиняемая, разглашая свѣдѣнія о томъ, что обвинитель дискредитованъ въ Министерствѣ—состоитъ подъ надзоромъ полиціи, не указывала ни на какое противозаконное или позорное дѣяніе его, послѣдствіемъ котораго могла бы быть дискредитація его въ Министерствѣ или порученіе его надзору полиціи"; по этому Сенатъ и не усмотрѣлъ въ дѣяніи ея клеветы.

Далѣе Сенатскимъ рѣшеніемъ 1873 г. № 351 разъяснено, что „оскорбительное предположеніе о возможности или вѣроятности безчестнаго дѣянія какого либо лица можетъ считаться лишь злостнымъ сужденіемъ о свойствахъ, дѣлающихъ его способнымъ къ безчестному дѣлу и въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть признано лишь личнымъ оскорбленіемъ, но никакъ не клеветою". Въ томъ же смыслѣ высказывается и Сенатское рѣшеніе № 230, за 1874 г., не усматривая клеветы въ выраженіи: онъ готовъ снять съ насъ послѣднюю рубаху. Въ рѣшеніяхъ этихъ послѣдовательно проводится взглядъ, высказанный Сенатомъ и раньше того; такъ въ рѣшеніи 68 г. № 830 высказано, что „оскорбительныя слова, не заключающія въ себѣ оскорбительнаго обвиненія, а представляющіяся намекомъ на преступленіе, ближе подходятъ къ простой обидѣ, чѣмъ къ клеветѣ", а въ рѣшеніи 70 г. № 1223—что „злостное и оскорбительное сужденіе о другомъ лицѣ, хотя бы оно было умышленно несправедливо, должно считаться обидою, а не клеветою, такъ какъ для послѣдней необходимо положительное обвиненіе кого либо въ безчестномъ или безнравственномъ дѣяніи". Въ рѣшеніи 70 г. № 1491 — высказано, что „приписаніе лицу какого либо желанія или намѣренія не можетъ считаться клеветою". Въ 67 году Сенатомъ признано—рѣш. № 77—что выраженіе „я тебѣ покажу" и „онъ высланъ былъ изъ Луги и не сосланъ только по Всемилостивѣйшему манифесту" не могутъ почитаться клеветою, какъ не содержащія указанія на какое либо позорное дѣяніе". Въ рѣш. 72 г. № 1499 Сенатомъ высказано, что „оскорбительное искаженіе значенія" дѣйствительно учиненнаго дѣйствія представляетъ не клевету, а личную обиду. Въ рѣшеніи же 73 г. № 759 Сенатъ указываетъ,

что нельзя признавать клеветою „сравненіе съ другимъ позорнымъ дѣйствіемъ такого поступка, который дѣйствительно совершенъ“. Наконецъ, въ рѣш. 68 г. № 474—высказано, что обращеніе къ женщинѣ съ оскорбительнымъ предложеніемъ, безъ распространенія ложныхъ и оскорбительныхъ свѣденій объ ея дѣйствіяхъ, должно быть признаваемо не клеветою, а оскорбленіемъ.

Вышеприведенныя Сенатскія рѣшенія имѣютъ въ виду случаи чрезмѣрно широкаго толкованія и примѣненія понятія клеветы и по тому самому носятъ характеръ какъ бы ограничительный, вводящій опредѣленіе о клеветѣ въ надлежащія его рамки. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ выводить, чтобы Сенатъ слишкомъ съуживалъ это опредѣленіе и чтобы не было рѣшеній, опровергающихъ формальное отношеніе къ понятію клеветы въ тѣхъ случаяхъ, когда суды оправдывали клеветниковъ, узко толкуя это понятіе. Такъ, рѣшеніемъ 70 года № 221 установлено, что понятіе клеветы не требуетъ непремѣнно точнаго опредѣленія мѣста и времени совершенія приписываемаго оклеветанному дѣянія; для него вполнѣ достаточно указанія на безчестный поступокъ или рядъ поступковъ, будто бы совершенныхъ даннымъ лицомъ. Въ рѣш. 1875 года № 241 Сенатъ призналъ клеветою дѣйствіе обвиняемаго, заключавшееся въ томъ, что получивъ отъ жены брата своего отказъ въ выдачѣ письма надписаннаго на имя мужа ея, онъ выбѣжалъ изъ дома ея, безъ пальто и шапки, и закричалъ, что его ограбили. Сенатъ нашелъ, что „изъ этихъ данныхъ слѣдовало заключить, что обвиняемый заявлялъ о событіи вовсе несовершившемся, сопровождая заявленіе свое такими дѣйствіями, которыя должны были придать ему нѣкоторую степень достовѣрности“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Сенатъ слишкомъ, на нашъ взглядъ, расширялъ понятіе клеветы. Такъ, въ рѣшеніи 73 г. № 533 признано, что распространеніемъ ложнаго слуха о томъ, что такому то былъ нанесенъ ударъ по щекѣ, составляетъ клевету. Трудно согласиться съ этимъ рѣшеніемъ въ этой его, отвлеченной отъ всѣхъ подробностей, формѣ, трудно

потому, что никакого дѣйствія оскорбленному не приписывалось; не приписывалось даже и пассивнаго, безразличнаго отношенія къ нанесенной обидѣ, неустановлена причина ни нанесенія оскорбленія, ниже причина оставленія его безъ отомщенія. Поэтому, намъ кажется, что распространеніе подобнаго слуха можетъ быть признано клеветою только при наличности того условія, что клеветникъ приписывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ получившему оскорбленіе такое поведеніе или же такіе поступки, которые идутъ въ разрѣзъ съ правилами чести и потому позорятъ его. Голый же фактъ полученія оскорбленія не можетъ быть связываемъ непремѣнно съ чѣмъ то безчестнымъ со стороны потерпѣвшаго, такъ какъ нельзя считать пятномъ на репутаціи честнаго человѣка ударъ, полученный имъ отъ нахальнаго негодяя, оскорбленіе, нанесенное въ состояніи полнаго опьяненія, или отъ лица, находящагося въ состояніи полной невмѣняемости и т. п.

Въ рѣш. 71 г. № 432 Сен. признано клеветою распространеніе слуха о томъ, что потерпѣвшая была въ публичномъ домѣ. Съ этимъ рѣшеніемъ трудно было бы не согласиться, если бы признать, что самое пребываніе въ публичномъ домѣ указываетъ на цѣль его, а именно на занятія оклеветанной развратомъ. Но Сенатъ призналъ въ этомъ рѣшеніи, что развратная цѣль тутъ не причемъ, такъ какъ „одно пребываніе женщины въ публичномъ домѣ есть уже дѣяніе, противное правиламъ чести". Что хотѣлъ сказать Сенатъ этимъ рѣшеніе неизвѣстно; г. Неклюдовъ же, приводя это рѣшеніе, снабдилъ его однимъ вопросительнымъ и двумя восклицательными знаками и, говоря откровенно, мы гораздо болѣе понимаемъ это — выраженное знаками—удивленіе почтеннаго юриста, нежели вызвавшее такіе знаки удивленія Сенатское рѣшеніе. Такъ же отнесся — и тоже на нашъ взглядъ, вполнѣ основательно — г. Неклюдовъ къ тому Сенатскому рѣшенію—№ 168 за 71 г.,—которымъ Сенатъ призналъ клеветою распространеніе ложнаго слуха о дѣвицѣ, что „одинъ солдатъ обнялъ ее, а другой таскалъ за волосы". Г. Неклюдовъ, высказываетъ, что „для подведенія подобнаго обвиненія подъ клевету необходимо создать совершенно

новое, не существующее въ законѣ понятіе послѣдней". Дѣйствительно, никакого дѣйствія этой дѣвицѣ въ данномъ случаѣ не приписывается и толкователь Сенатскихъ рѣшеній останавливается въ недоумѣніи передъ вопросомъ, почему Сенатъ признаетъ позорящею дѣвицу сказанную клевету: потому ли, что тасканіе ея за волосы однимъ солдатомъ показываетъ скорѣе всего на нежеланіе ея сдѣлать угодное храброму воину, или же потому, что обниманіе кѣмъ либо дѣвицы за талію является въ глазахъ Сената возможнымъ лишь съ согласія и даже поощренія со стороны самой обнимаемой? Ни то, ни другое толкованіе не могутъ имѣть мѣста и загадка, заданная этимъ рѣшеніемъ, остается неразрѣшенною. Близокъ къ этому случаю и случай распусканія кѣмъ либо слуховъ о томъ, что такая то женщина была изнасилована. Слѣдуетъ ли признавать, что въ данномъ случаѣ есть проступокъ клеветы и что обвиняемый желалъ приписать потерпѣвшей какое либо *дѣйствіе*, противное правиламъ чести, когда самое выраженіе показываетъ на сопротивленіе, оказанное женщиною лицу, *насильно*, противъ ея воли и вопреки ея сопротивленія, совокупившемуся съ нею. Но если такихъ добродѣтельныхъ женщинъ, сопротивлявшихся насилователямъ и восторжествовавшихъ надъ ними, древность ставила на пьедесталъ, то почему же новѣйшее время должно относиться безъ должнаго, смѣшаннаго съ сожалѣніемъ, почтенія къ жертвѣ изнасилованія, а вмѣсто того признавать еще, что совершенное надъ нею насиліе ложится пятномъ на ея репутаціи и должно почитаться позорящимъ ея честь? Несчастіе не есть еще позоръ и во всякомъ случаѣ не должно признаваться такимъ ни обществомъ, ни Судьями, по этому и ложное разглашеніе объ изнасилованіи кого либо скорѣе слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, подводить подъ „злостное сужденіе о свойствахъ даннаго лица" и признавать обидою, нежели приравнивать „оглашенію извѣстій о позорящихъ дѣйствіяхъ" и признавать клеветою.

Въ силу тѣхъ же соображеній мы находимъ, что одно приписываніе кому либо, хотя бы и женщинѣ, венерической

болѣзни, безъ уясненія желанія клеветника приписать наличность этой болѣзни непотребству, не можетъ считаться клеветою, какъ это признано Сенатскимъ рѣшеніемъ 70 г. № 1658. Венерическою болѣзнью можно заразиться и при самой добродѣтельной жизни, и если кто либо сообщаетъ о такомъ несчастіи, кому либо приключившемся, вовсе и не думая намекать на то, что сифилисъ явился какъ послѣдствіе разврата, то спрашивается: какое позорящее дѣяніе обвиняемый въ томъ приписываетъ потерпѣвшей? Сенатъ при установленіи общихъ началъ понятія клеветы послѣдовательно проводитъ ту мысль, что обвиненіе должно непремѣнно приписывать потерпѣвшему совершеніе какого либо дѣйствія, и потому нельзя не признать, что въ разсмотрѣнныхъ нами частныхъ случаяхъ, такъ поставленныхъ, какъ они поставлены въ этихъ рѣшеніяхъ, Сенатъ отступаетъ онѣ имъ же самимъ установленныхъ началъ и неправильно подводитъ эти отдѣльные случаи подъ понятіе клеветы, имъ же согласно закону опредѣленной.

Выше мы видѣли, что признакъ, „приписыванія дѣйствія“ является характернымъ признакомъ для отличенія клеветы отъ оскорбленія словомъ. Но существуетъ цѣлый рядъ оскорбительныхъ словъ, которыя, являясь словами ругательными или поносительными, вмѣстѣ съ тѣмъ приписываютъ обиженному совершеніе извѣстныхъ дѣйствій, или, иначе говоря, потому онѣ считаются поносительными, что приписываютъ тому лицу, къ которому онѣ обращены, совершеніе цѣлаго ряда позорящихъ дѣйствій; таковы напримѣръ слова: мошенникъ, воръ, взяточникъ, публичная женщина и т. п. По отношенію къ этой каттегоріи ругательныхъ словъ возникаетъ вопросъ: признавать ли произнесеніе ихъ обидою словомъ или же клеветою? Практика Сената по этому вопросу колеблется; въ виду же установленнаго выше опредѣленія клеветы, слѣдуетъ признать болѣе соотвѣтствующими этому опредѣленію слѣдущіе взгляды Сената: въ рѣш. Сен. 72 г. № 216 высказано что „всякое слово, которое, будучи браннымъ, соотвѣтствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общему понятію о какомъ либо преступномъ или без-

честномъ дѣйствіи, можетъ быть признано обидою или клеветою, смотря по тому, съ какимъ намѣреніемъ произнесено и какими обстоятельствами сопровождалось"; въ рѣшеніи же 73 г. № 163 — установлено, что обозваніе кого либо словами: мошенникъ, разбойникъ, воръ, можетъ быть признаваемо клеветою лишь въ томъ случаѣ, если виновный въ произнесеніи ихъ подразумѣвалъ подъ ними такія дѣянія, которыя должны быть признаваемы противными правиламъ чести". Далѣе въ обоихъ этихъ рѣшеніяхъ разъясняется, что только „опредѣлительное указаніе на какія либо позорящія обстоятельства" можетъ дать основаніе къ признанію произнесенія подобнаго бранняго слова клеветою, а не личною обидою. Въ Сенатскомъ рѣшеніи 1872 г. № 18 тоже высказано, что произнесеніе обвиняемымъ словъ „разбойникъ" „грабитель" могло бы быть признано оскорбленіемъ, а не клеветою, въ томъ случаѣ, если бы не сопровождалось хотя и голословнымъ указаніемъ на ограбленіе оклеветаннымъ своего компаніона; это же добавленіе обращало дѣяніе обвиняемаго въ клевету. Равнымъ образомъ въ рѣш. 75 г. № 256 Сенатомъ разъяснено, что „обвиненіе должно содержать въ себѣ прямое указаніе на извѣстные опредѣленные факты; обозваніе же кого либо словомъ „взяточникъ", безъ указанія на соотвѣтствующія сему названію преступныя дѣйствія, не составляетъ клеветы. Въ вышеприведенныхъ рѣшеніяхъ проводится, такимъ образомъ, та мысль, что одно употребленіе бранняго слова должно почитаться бранью, а не клеветою. Въ основаніи этого мнѣнія должна, какъ намъ кажется, лежать та мысль, что хотя извѣстная каттегорія бранныхъ словъ и заключаетъ въ себѣ какъ бы указаніе на цѣлый рядъ безчестныхъ дѣйствій, но что трудно придти къ тому убѣжденію, что употребившій подобное слово, безъ дальнѣйшаго его комментированія или иллюстрированія ссылкою на опредѣленный фактъ, хотѣлъ непремѣнно указать на дѣйствіе, а не на расположеніе, способность къ такимъ дѣйствіямъ обруганнаго лица, такъ какъ нерѣдко бранныя слова употребляютъ именно въ томъ смыслѣ, что данное лицо имѣетъ всѣ задатки для со-

вершенія безчестныхъ дѣяній, не говоря уже о томъ, что и безчестныя дѣйствія не такъ рѣзко отдѣляются отъ дѣйствій честныхъ, чтобы не было споровъ о томъ, безчестно или нѣтъ данное дѣяніе. Бранныя же слова охватываютъ слишкомъ широкое поле и поэтому страдаютъ неопредѣленностью, такъ что нельзя быть убѣжденнымъ въ знаніи того, что именно хотѣлъ сказать обидчикъ объ обиженномъ, выругавъ его бранными словами. Эта то неопредѣленность и исключаетъ возможность признанія клеветою произнесенія браннаго слова, если обвиняемый примѣромъ, ссылкою на опредѣленный фактъ или на рядъ фактовъ, не разъяснилъ того, что именно онъ хотѣлъ сказать и не уничтожилъ, такимъ путемъ, этой неопредѣленности, такъ какъ для клеветы необходимо приписаніе кому либо *опредѣленнаго* дѣянія.

Для лицъ же женскаго пола Сенатъ отступаетъ отъ этого своего взгляда и, выдѣляя слово „б...ь“ и „сволочь“ изъ каттегоріи другихъ бранныхъ словъ, находитъ, что слова эти могутъ быть признаны клеветою въ томъ случаѣ, „когда онѣ сказаны были не съ умысломъ лишь нанесть оскорбленіе, а съ умысломъ вселить въ слышавшихъ эти слова увѣренность въ томъ, что лицо, къ которому онѣ относятся, совершаетъ извѣстныя противныя правиламъ чести дѣйствія“ (рѣш. 1874 года № 155). „Умыселъ вселить увѣренность“ замѣняетъ здѣсь приписываніе *опредѣленнаго* дѣйствія, что является особенно неудачнымъ по отношенію къ слову „сволочь“ несоединенному вовсе съ понятіемъ совершенія, „извѣстныхъ противныхъ правиламъ чести дѣйствій“. И въ другихъ своихъ рѣшеніяхъ — 1870 года № 221, 1871 года № 13, 1872 г. № 103 — Сенатъ выдѣляетъ слово „б.....ь“ въ томъ смыслѣ, что находитъ клеветою обозваніе дѣвицы выраженіемъ, съ коимъ неразрывно связано понятіе о постоянномъ непотребствѣ и которое тождественно съ обвиненіемъ ея въ цѣломъ рядѣ противныхъ правиламъ женской чести дѣяній. Но то же самое можно сказать и о выраженіяхъ: мошенникъ, взяточникъ и т. п., чего Сенатъ не дѣлаетъ, такъ что мы не видимъ основаній

къ отступленію отъ общаго правила и по отношенію къ слову б.....ь.

Еще менѣе можно согласиться съ рѣшеніемъ Сената 68 г. № 488, которымъ признается клеветою, а не обидою, названіе женщины пьяницею. Не говоря уже о томъ, что названіе, „пьяница" можетъ быть признано оскорбительнымъ не только для женщины, но и для мужчины, не можемъ не замѣтить, что этотъ порокъ, несомнѣнно вредный и для самаго пьяницы и могущій вести къ вреднымъ послѣдствіямъ вообще по отношенію къ окружающимъ его и вызвать извѣстныя противныя правиламъ чести дѣйствія, все таки самъ по себѣ не связанъ безусловно съ какими либо дѣйствіями, и сказать о комъ либо, что онъ пьяница, еще не значитъ приписать ему какія либо безчестныя дѣйствія; приписывается ему одно дѣйствіе, — это то, что онъ чрезмѣрно пьетъ, но безчестнаго въ этомъ еще ничего нѣтъ, и пьяница можетъ быть честнѣйшимъ человѣкомъ, что нерѣдко и случается. Островскаго не упрекаютъ въ идеализаціи выводимыхъ имъ типовъ, однако же въ его пьесѣ „Бѣдность не порокъ" самымъ нравственнымъ и симпатичнымъ и съ гуманными движеніями сердца выставленъ горькій пьяница Любимъ Торцевъ. Г. Неклюдовъ высказываетъ (стр. 589 Рук.), что „оклеветаніе не имѣетъ мѣста, коль скоро приписываемое обвиняемому дѣяніе приписывается обиженному, какъ совершенное имъ не по отношенію къ третьему лицу, а по отношенію къ нему самому", и далѣе „для наличности клеветы необходимо, чтобы кто либо былъ оклеветанъ въ такой его дѣятельности, которая, выходя за предѣлы его личности, касается или его общественной жизни или его отношеній съ другими людьми; на этомъ основаніи, не было бы клеветою, если бы кто либо распускалъ о другомъ слухи, что онъ пьетъ запоемъ" и т. д. Почему же назвать женщину пьяницею значитъ приписать ей противныя правиламъ чести поступки, почему безчестно быть пьяницею — остается неразъясненнымъ этимъ Сенатскимъ рѣшеніемъ и — въ конечномъ выводѣ—мы находимъ, что эти Сенатскія рѣшенія, извращающія для лицъ

женскаго пола установленное самимъ Сенатомъ понятіе клеветы,—не должны почитаться рѣшеніями руководящими.

Клевета есть обвиненіе завѣдомо-ложное кого либо въ дѣяніи противномъ правиламъ чести. Мы подошли теперь къ последнему признаку понятія клеветы: приписываемое дѣяніе должно быть *противнымъ правиламъ чести.* При опредѣленіи того, что слѣдуетъ считать безчестнымъ суду слѣдуетъ обращать вниманіе на существующія въ обществѣ понятія о чести. Сенатомъ—въ рѣш. 70 г. № 882 — высказано, что „законъ не опредѣляетъ, что должно разумѣть подъ дѣяніемъ, противнымъ правиламъ чести, а подчиняетъ это опредѣленіе обще принятому понятію"; въ рѣшеніи же 72 г. № 1236—разъяснено, что „предметомъ клеветы могутъ быть не только поступки воспрещенные подъ страхомъ наказанія, но такъ же и тѣ, которые возбуждаютъ презрѣніе къ обвиняемому въ общественномъ мнѣніи, т. е. считаются безнравственными или по крайней мѣрѣ несоотвѣтствующими господствующему понятію о чести, или же положенію и званію обвиняемаго". Въ рѣшеніяхъ этихъ встрѣчаются и какъ бы отождествляются понятія безнравственнаго, безчестнаго и беззаконнаго. Но къ отождествленію ихъ нѣтъ основаній, такъ какъ понятіе нравственнаго или безнравственнаго шире понятія честнаго или безчестнаго, захватывая собою и ту область, въ которой для понятія о чести нѣтъ мѣста. Безнравственно, положимъ, лгать, но нельзя же утверждать, чтобы это было и безчестно; несоотвѣтствуетъ строгимъ понятіемъ о нравственности разгульная жизнь, но нельзя же видѣть въ ней что либо безчестное и т. д. Шире же или уже понятіе беззаконнаго сравнительно съ понятіемъ безчестнаго сказать трудно, и вѣрнѣе признать, что области этихъ понятій, часто совпадая, вообще же не совмѣстимы, такъ какъ многое безчестное не преслѣдуется закономъ и, на оборотъ, многое преслѣдуется закономъ не потому, что оно безчестно, а для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. Сенатъ устанавливаетъ какъ общее правило, что обвиненіе въ проступкѣ противозаконномъ или преступномъ должно быть приз-

наваемо клеветою и подробно разъясняетъ этотъ свой взглядъ въ рѣшеніи за 70 г. № 755. Въ рѣшеніи этомъ между прочимъ сказано: „не всѣ маловажные проступки, предусмотрѣнные въ уголовныхъ законахъ, противны правиламъ чести и возбуждаютъ въ общественномъ мнѣніи презрѣніе, ибо при извѣстномъ положеніи неразвитаго, мало свѣдущаго и неопытнаго обвиняемаго, сюда конечно нельзя отнести дѣяній, которыя были послѣдствіемъ не злого умысла, а неразумія и незнанія обязанностей, или которыя совершены по легкомыслію, невнимательности или нерадѣнію, въ исполненіи того, что предписано закономъ. Но если глубже вникнуть въ этотъ вопросъ и принять во вниманіе, что тотъ, кто взводитъ на другого ложное или несправедливое обвиненіе въ небываломъ проступкѣ, по самымъ побужденіямъ къ клеветѣ, умалчиваетъ обыкновенно о тѣхъ чертахъ этого проступка, которыя могутъ служить къ оправданію или уменьшенію вины обвиняемаго, а эти то именно черты и отнимаютъ у противозаконнаго поступка безнравственный или безчестный характеръ, то затѣмъ нельзя не признать что, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, подъ понятіе о клеветѣ подходитъ и всякое ложное обвиненіе въ противозаконномъ поступкѣ, развѣ бы обвинитель самъ указалъ, что законъ нарушенъ обвиняемымъ вслѣдствіе такихъ побужденій и причинъ, которыя, при извѣстномъ положеніи обвиняемаго, отнимаютъ у противозаконнаго проступка его безнравственный или безчестный характеръ, о чемъ можно судить только при судебномъ разсмотрѣніи каждаго даннаго случая, но не возможно установить никакого общаго правила. Отсюда слѣдуетъ, что законъ, какъ общее правило, имѣющее въ виду лишь обыкновенные, а не исключительно рѣдкіе случаи очевидно подводитъ подъ понятіе о клеветѣ и всякое несправедливое обвиненіе въ противозаконномъ поступкѣ". Сдѣланная въ концѣ этого рѣшенія оговорка заставляетъ склониться къ правильности взгляда Сената на разбираемый нами вопросъ, такъ какъ оговорка эта уничтожаетъ значеніе возраженія съ ссылкою на ничтожность и на безразличность съ точки зрѣнія чести тѣхъ

проступковъ, совершеніе которыхъ приписывается обвиняемому. Одно изъ двухъ: или обвиняемый и самъ не придавалъ значенія чего либо безчестнаго этому проступку и тогда трудно допустить, чтобы онъ безцѣльно завѣдомо лгалъ, а ближе всего придти къ заключенію, что онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе и, слѣдовательно, не клеветалъ, или же—что онъ завѣдомо лгалъ и тогда, конечно, обнаружится, что онъ придавалъ данному проступку неблаговидную окраску, подводящую его подъ каттегорію безчестныхъ проступковъ. Такой же случай, какъ завѣдомо-ложное обвиненіе кого либо, положимъ, въ недостаточномъ прикрѣпленіи ставней (ст. 125 Уст. о нак.) конечно долженъ быть признаваемъ случаемъ исключительнымъ и, какъ таковой, не можетъ служить основаніемъ для установленія общаго правила. Полемизируя съ этимъ Сенатскимъ рѣшеніемъ, г. Неклюдовъ указываетъ на будто-бы забывчивость Сената о томъ, что „полицейскія нарушенія суть упущенія, т. е. бездѣйствіе, а клевета—обвиненіе въ дѣяніи". Съ такимъ узкимъ пониманіемъ какъ полицейскихъ нарушеній, такъ и клеветы, нельзя согласиться. Бездѣйствіе тоже можетъ быть понимаемо какъ дѣяніе и такъ же можетъ быть безчестно, какъ и всякое другое дѣйствіе. Если, положимъ, человѣкъ вооруженный видитъ нападеніе, учиненное на беззащитнаго и вмѣсто подачи помощи уходитъ съ мѣста происшествія, то по отношенію къ событію этотъ уходъ будетъ бездѣйствіемъ, но самъ по себѣ онъ будетъ дѣйствіемъ и притомъ безчестнымъ. Равнымъ образомъ неправильно г. Неклюдовъ признаетъ бездѣйствіемъ, напримѣръ, быструю ѣзду и вообще въ данномъ случаѣ является нѣкоторое смѣшеніе понятій о дѣйствіи и бездѣйствіи. Неудаченъ, на нашъ взглядъ, и другой примѣръ, указываемый въ Руководствѣ для Мировыхъ Судей въ доказательство безразличности дѣянія съ точки зрѣнія чести, а именно случай обвиненія чиновниковъ банка въ показываніи постороннему банку лицу ассигнаціи новаго выпуска. Г. Неклюдовъ находитъ правильнымъ признаніе въ дѣйствіи чиновниковъ учиненія проступка по службѣ, а въ дѣяніи разказчика

отсутствіе клеветы, такъ какъ „показываніе бумажныхъ денегъ, само по себѣ, взятое, не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго чести“. Но здѣсь забывается, по нашему мнѣнію, что это показываніе бумажки не можетъ быть взято, „само по себѣ“, а что нужно помнить при этомъ, что чиновнику банка вмѣнено было въ обязанность сохраненіе въ данномъ случаѣ секрета и нарушеніе этого секрета являлось съ его стороны нарушеніемъ долга службы. Несомнѣнно, что существуютъ чиновники, придающіе очень мало значенія точному исполненію своихъ обязанностей и неотступленію отъ требованій службы, какъ бы серьезны эти требованія не были, но къ счастью не всѣ относятся такъ формально къ исполненію своихъ обязанностей и въ глазахъ многихъ еще обвиненіе въ нарушеніи служебнаго долга является обвиненіемъ въ безчестномъ дѣяніи. Сенатъ смотритъ на этотъ вопросъ совершенно такъ же, разъяснивъ въ рѣш. 73 г. № 882, что „сообщеніе свѣдѣній, подлежащихъ тайнѣ, составляетъ прямое нарушеніе служебныхъ обязанностей и по этому, обвиненіе въ такомъ дѣйствіи должностнаго лица лицемъ частнымъ, если таковое обвиненіе совершенно ложно и разглашается съ прямою цѣлью повредить чести и доброму имени должностнаго лица, должно быть признаваемо клеветою“. Взглядъ этотъ тѣмъ болѣе долженъ считаться правильнымъ, что - какъ разъяснено Сенатомъ въ рѣш. 78 г. № 4 — „такъ какъ ни въ Уставѣ о нак., ни въ Уложеніи нѣтъ спеціальной статьи, которая предусматривала бы оклеветаніе на словахъ или на письмѣ должностныхъ лицъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что въ отношеніи клеветы законъ не дѣлаетъ различія между должностными и частными лицами и что къ оклеветанію должностныхъ лицъ примѣняется статья 136“. Нестанетъ же и г. Неклюдовъ утверждать, что проступокъ по службѣ, въ чемъ бы онъ не заключался, не можетъ считаться безчестнымъ, отличить же въ этой сферѣ дѣятельности честное отъ безчестнаго, важное нарушеніе долга отъ формальнаго, даже и по отношенію къ службѣ безразличнаго, упущенія — есть дѣло суда и, на нашъ взглядъ, приводимое выше

рѣшеніе 70 г. № 755—можетъ дать въ этомъ отношеніи надежную руководящую нить.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что не все безнравственное может почитаться въ то же время и безчестнымъ, а такъ какъ для признанія разглашенія клеветою требуется обвиненіе именно въ чемъ либо безчестномъ, то обвиненіе въ безнравственномъ но въ тоже время не безчестномъ дѣяніи не можетъ считаться клеветою. Равнымъ образомъ нельзя признавать клеветою разглашеніе о комъ либо свѣдѣній хотя бы и завѣдомо-ложныхъ, но не приписывающихъ ему совершеніе чего либо безчестнаго, а только вредящихъ его интересамъ, безразлично, какимъ: коммерческимъ, личнымъ или же служебнымъ. Нельзя привлечь къ суду какъ клеветника лицо, разглашающее, что дѣла такого то идутъ плохо, такъ какъ плохо идти они могутъ такъ же точно при честномъ, какъ и при безчестномъ ихъ веденіи, а судъ не орудіе для коммерческихъ предпріятій, прочное утвержденіе которыхъ можетъ обойтись и безъ содѣйствія Устава о наказаніяхъ. Женихъ, получившій отказъ вслѣдствіе распущеннаго слуха о недостаточности его средствъ, тоже не долженъ смотрѣть на 136-ю статью какъ на сваху; такъ же точно какъ и чиновникъ, потерявшій мѣсто вслѣдствіе распространенія о немъ ложныхъ свѣдѣній, повредившихъ ему въ глазахъ начальства, тогда только можетъ преслѣдовать своего врага, когда онъ въ состояніи доказать, что тотъ приписывалъ ему дѣйствительно безчестные поступки, одинъ же фактъ опороченія въ глазахъ начальства еще не доказываетъ, что приписывалось ему безчестное дѣяніе. Это зависитъ отъ того, каково начальство; если, напримѣръ, кто либо сообщилъ бы печальной памяти Макшееву или Юханцеву, что подчиненный его обладаетъ чутьемъ для раскрытія взяточничества или разъясненія того, лежатъ ли въ запечатанныхъ пакетахъ голландскія процентныя бумаги или просто газетная бумага, и не разъ уже примѣнялъ свои способности къ открытію преступленій, то, кажется, не должно подлежать сомнѣнію, что этотъ подчиненный не долго продержался бы на службѣ, между тѣмъ какъ

трудно признать, что ему приписывалось въ данномъ случаѣ что либо безчестное. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда интересы даннаго лица терпятъ одновременно съ его честью, тамъ конечно клевета имѣетъ мѣсто; такъ въ рѣш. 70 г. № 882 — Сенатомъ разъяснено, что несправедливое или неосновательное распространеніе между людьми, считающими неполный разсчетъ съ кредиторами безчестнымъ поступкомъ, слуха о несостоятельности лица заключаетъ въ себѣ несомнѣнно намѣреніе оскорбить или повредить этому лицу.

Въ этомъ же рѣшеніи высказано, что законъ подчиняетъ опредѣленіе чести общепринятому понятію. Установленіе же того, какія мнѣнія существуютъ въ данномъ обществѣ по данному вопросу не можетъ быть, конечно, выведено путемъ экспертизы, а предоставляется убѣжденію суда, рѣшающаго дѣло по существу. Судъ долженъ при этомъ сообразоваться со взглядами существующими въ лучшей части общества, какъ потому, что оно имѣетъ большую возможность къ установленію взглядовъ наиболѣе истинныхъ, такъ и потому, что та часть общества, которая въ душѣ исповѣдуетъ совсѣмъ другую религію и иначе смотритъ на вопросы чести, никогда не рѣшается высказывать свои принципы открыто и, такимъ образомъ, хотя быть можетъ только и формально, но общественнымъ мнѣніемъ по вопросамъ чести и справедливости все таки слѣдуетъ признавать мнѣніе лучшей части общества.

Покончивъ съ ближайшимъ разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ элементовъ понятія клеветы, разсмотримъ нѣкоторые изъ вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи 136-й статьи Мироваго Устава.

Виды клеветы. Ст. 136-я предусматриваетъ два вида клеветы: на словахъ и на письмѣ, такъ же какъ и обида, съ тѣмъ отличіемъ, что помѣщеніе оскорбительнаго выраженія въ бумагѣ не предназначавшейся или не подлежавшей предъявленію обиженному—считается заочною обидою, а помѣщеніе въ такой же бумагѣ обвиненія кого либо въ безчестномъ дѣяніи должно почитаться клеветою. Сенатъ призналъ въ рѣш. 68 г. № 1039,

что клевета можетъ быть сдѣлана не только на письмѣ, но и посредствомъ знака или изображенія, замѣняющаго письмо. Поэтому вымазаніе воротъ дегтемъ, означающее по мѣстнымъ обычаямъ, обвиненіе живущей въ томъ домѣ женщины въ непотребномъ поведеніи, вполнѣ подходитъ подъ понятіе клеветы. Согласно вышеприведенному нами взгляду, мы считали бы болѣе правильнымъ признать въ этомъ символическое оскорбленіе.

По отношенію къ клеветѣ на письмѣ Сенатомъ разъяснено въ рѣш. 70 г. № 1052, — что давность исчисляется съ того времени, когда написано было письмо, а не съ того, когда содержаніе письма сдѣлалось извѣстнымъ оклеветанному. Намъ казалось бы болѣе правильнымъ принять другой начальный моментъ для исчисленія давности, а именно моментъ оглашенія письма, т. е. передачи письма по принадлежности, такъ какъ пока написанное письмо лежитъ, клевета не распространяется и свѣдѣніе составляетъ собственность только написавшаго письмо, подобно тому, какъ словесное обвиненіе тогда только является клеветою, когда позорящее извѣстіе кому либо сообщено.

Клевета между супругами. Въ рѣшеніи Сената 79 г. № 68 приведены подробныя соображенія въ пользу мнѣнія о наказуемости клеветы между супругами; въ немъ именно высказано такъ: „обида и клевета принадлежатъ къ одному роду проступковъ: оскорбленіе чести; какъ при обидѣ, такъ и при клеветѣ унижается нравственное достоинство личности. Но этимъ признакомъ и исчерпывается сходство между упомянутыми проступками; далѣе, какъ по своему составу, такъ и по послѣдствіямъ, они рѣзко отличаются одинъ отъ другого“. Перечисливъ эти отличія, Сенатъ продолжаетъ: „къ виду такого свойства клеветы и преслѣдованіе за этотъ проступокъ, путемъ суда, имѣетъ цѣлью не только наказаніе клеветника, но, и это главнымъ образомъ, — возстановленіе истины. При такомъ существенномъ различіи, по своему составу, обиды и клеветы, всѣ тѣ соображенія, по которымъ не допускаются иски

объ обидахъ между супругами, не могутъ быть примѣнены къ случаямъ оклеветанія однимъ супругомъ другого. Клевета лишаетъ незаслуженнаго добраго имени, которое не составляетъ подобно семейной чести общаго достоянія обоихъ супруговъ и потерпѣвшему отъ клеветы не можетъ быть отказано въ правѣ возвратить себѣ это имя и возстановить истину лишь потому, что клеветникомъ былъ супругъ". Указаніе на то, что доброе имя не составляетъ общаго достоянія обоихъ супруговъ представляется намъ нѣсколько неяснымъ въ виду дозволенія закономъ мужу преслѣдовать за клевету, распространенную о его женѣ; и почему честь у супруговъ общая, а доброе имя не общее? Указаніе Сената въ дальнѣйшемъ изложеніи — на возможность расторженія брачныхъ узъ — какъ на аргументъ особой важности — тоже представляется мало убѣдительнымъ, такъ какъ область предположеній весьма обширна, и въ другихъ своихъ рѣшеніяхъ самъ Сенатъ указываетъ на несостоятельность мнѣній, основанныхъ на предположеніяхъ, что видно и изъ того также, что, будучи послѣдовательнымъ, слѣдовало бы признавать ненаказуемость оскорбленія нанесеннаго мужчиною, хотя бы и женатымъ, замужной женщинѣ въ томъ предположеніи, что они овдовѣютъ и соединятся законнымъ бракомъ, слѣдовательно будутъ имѣть общую честь. Въ виду этихъ соображеній, это Сенатское рѣшеніе представляется намъ мало убѣдительнымъ.

Отличіе клеветы отъ ложнаго доноса и недобросовѣстное обвиненіе. Въ рѣш. Сената 71 г. № 846 установлено, что „по понятію о ложномъ доносѣ, въ составъ его должны входить: во 1-хъ) несправедливое обвиненіе не только въ безчестномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ преступномъ дѣяніи, во 2-хъ) намѣреніе навлечь на невиннаго уголовное преслѣдованіе, и въ 3-хъ) сообразное съ этимъ намѣреніемъ предъявленіе ложнаго обвиненія той власти, отъ которой зависитъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія". Примѣнительно къ этому разъясненію, основанному на сопоставленіи ст. 136 Уст. о нак. и ст. 1535 Улож. съ одной стороны и ст. 940 Улож. о нак. — съ другой,

слѣдуетъ признать, что заявленіе на кого либо передъ полиціею подозрѣнія, напр., въ кражѣ, должно быть подводимо подъ дѣйствіе не 136 ст. Уст. о нак., а ст. 940 Улож. о нак. и признаваться изъятымъ изъ вѣдомства мировой юстиціи. На томъ же основаніи Сенатомъ разъяснено, что ложное заявленіе, сдѣланное судебному слѣдователю какимъ либо лицомъ о томъ, что въ извѣстномъ трактирномъ заведеніи убили его отца и что онъ подозрѣваетъ въ убійствѣ содержателя трактира, составляетъ лжедоносъ, а не клевету. Въ рѣшеніи же Сената 75 г. № 298 высказано, что „обвиненіе кого либо предъ надлежащимъ судомъ въ преступленіи, если это обвиненіе не только не доказано, но и признано недобросовѣстнымъ, подходитъ подъ понятіе о ложномъ доносѣ, о которомъ упомянуто въ ст. 940 Улож. о нак.“. Такимъ образомъ и дѣла, возникающія вслѣдствіе жалобъ по дѣламъ, по коимъ обвиненіе признано въ мировыхъ установленіяхъ недобросовѣстнымъ, какъ и вообще дѣла по жалобамъ на заявленіе подлежащимъ властямъ неосновательныхъ обвиненій — подлежатъ изъятію изъ вѣдомства мировой юстиціи.

Клевета, не подсудная мировой юстиціи. Неподсудно мировой юстиціи: а) оклеветаніе родителей или иныхъ родственниковъ по прямой восходящей линіи, преслѣдуемое статьею 1539 Улож. о нак., б) клевета въ печатномъ или же инымъ образомъ распространенномъ и получившемъ гласность сочиненіи или письмѣ—2 п. 1535 ст. Улож. о нак. Отличіе въ этомъ случаѣ отъ клеветы на письмѣ, преслѣдуемой по 136-й ст. Уст. о нак., заключается въ распространеніи, т. е. въ написаніи сочиненія или письма въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ цѣли приданія ему большей гласности, причемъ 2 п. 1535 ст. требуетъ, чтобы письмо это „получило гласность“.

По 2-й части 136-й ст. усиливается наказаніе за оклеветаніе женщины и лицъ имѣющихъ право, по особымъ къ виновному отношеніямъ, и на особое уваженіе. Выраженія эти тѣ же, что и въ статьи 131-й Устава о нак., по этому сказанное нами при разсмотрѣніи 131-й статьи о томъ, какъ пони-

мать эти выраженія, относятся всецѣло и ко 2-й части 136-й статьи.

137 ст. За разглашеніе, съ намѣреніемъ оскорбить чью либо честь, свѣдѣній, сообщенныхъ втайнѣ, или же узнанныхъ вскрытіемъ чужаго письма или другимъ противозаконнымъ образомъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Для наличности проступка 137 ст. не требуется, какъ для клеветы, разглашенія свѣдѣній *завѣдомо-ложныхъ*. Напротивъ того, преслѣдуется разглашеніе фактовъ имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительности и преслѣдуется въ томъ случаѣ, а) когда свѣдѣнія эти были сообщены обвиняемому втайнѣ, или же узнаны вскрытіемъ чужаго письма или другимъ противозаконнымъ образомъ и б) когда при томъ разглашеніе это имѣло цѣлью оскорбить чью либо честь. Безъ наличности этихъ двухъ элементовъ нѣтъ проступка 137 ст. Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что свѣдѣнія, сообщенныя не втайнѣ или же добытыя законнымъ способомъ — могутъ быть разглашаемы, такъ же какъ могутъ быть разглашаемы свѣдѣнія, не заключающія въ себѣ ничего оскорбительнаго для потерпѣвшаго, хотя и добытыя незаконнымъ способомъ, а также не подходитъ подъ дѣйствіе 137 ст. разглашеніе добытыхъ такимъ путемъ оскорбительныхъ свѣдѣній, но разглашенныхъ не съ цѣлью оскорбленія (рѣш. 71 г. № 1792). Въ этомъ же рѣшеніи Сенатомъ высказано, что нарушеніе ст. 137-й, какъ вообще всѣхъ постановленій объ оскорбленіи, можетъ быть совершено не иначе, какъ умышленно. Какъ понимать выраженіе 137-й ст. „противозаконнымъ образомъ“ — указываетъ сопоставленіе его съ „вскрытіемъ чужаго письма“. Подобное вскрытіе, являясь предосудительнымъ, не составляетъ проступка, по этому и выраженіе „противозаконный“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ „предосудительный“; напр., путемъ подслушиванія, выпытыванія у прислуги и т. п. Замѣтимъ еще, что подрывъ кредита хозяину, сдѣланный путемъ

открытія его тайны приказчикомъ, предусмотрѣнъ 1187 статьею Улож. о нак. и изъятъ изъ вѣдомства мировой юстиціи.

138 ст. Означеннымъ въ статьяхъ 130 — 137 наказаніямъ виновные не подвергаются: 1) когда самъ обиженный нанесъ обидчику равную или болѣе тяжкую обиду, и 2) если обиженный будетъ требовать опредѣленнаго въ законахъ гражданскихъ безчестія.

По смыслу 138 ст. обидчикъ, т. е. на котораго принесена жалоба, въ томъ лишь случаѣ не подвергается наказанію, когда по убѣжденію суда ему нанесена равная или болѣе тяжкая обида; если же судъ признаетъ, что ему нанесена менѣе тяжкая обида, то долженъ приговорить его къ наказанію, принявъ, конечно, во вниманіе нанесенную ему обиду, какъ обстоятельство уменьшающее если не его вину, то, во всякомъ случаѣ, наказаніе, въ силу принципа, положеннаго въ основаніе ст. 138. Сенатомъ—въ рѣш. 68 г. № 91—высказано, что обиды однородныя не могутъ быть только потому признаваемы и одинаково важными, но, напротивъ того, степень важности зависитъ отъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла, и что большая или меньшая тяжесть обиды не стоитъ въ исключительной зависимости отъ способа оскорбленія, а опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ всѣми обстоятельствами, выражающими большую или меньшую степень презрѣнія къ личности обиженнаго и большую или меньшую степень чувствительности послѣдняго къ нанесенному ему оскорбленію. Въ рѣшеніи же 78 г. № 6 Сенатомъ высказано, что „оскорбленіе словомъ несомнѣнно можетъ иногда быть гораздо сильнѣе оскорбленія дѣйствіемъ и безошибочное заключеніе о томъ, представляются ли данныя оскорбленія равносильными между собою, можетъ быть выводимо только изъ подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ относящихся къ нимъ обстоятельствъ дѣла". Г. Неклюдовъ не соглашается съ этимъ взглядомъ Сената и кладетъ въ основаніе для различія оскорбленій налагаемое за нихъ наказаніе, забывая, однако-же, притомъ, что наказанія за оскорбительныя дѣйствія, предусматриваемыя ст. 130—137, разнятся между собою только своимъ

максимумомъ, минимумы же этихъ наказаній не опредѣлены и, слѣдовательно, нѣтъ основанія признавать, что не можетъ быть клеветы равносильной обидѣ словомъ, обиды словомъ — равносильной обидѣ дѣйствіемъ и т. п. По нашему мнѣнію, г. Неклюдовъ самъ опровергаетъ на стр. 603 свой взглядъ, высказанный на 601-й страницѣ того же Руководства. Равнымъ образомъ, многочисленнымъ рядомъ Сенатскихъ рѣшеній признано, что вопросъ о взаимности обидъ и ихъ равносильности, какъ вопросъ о фактѣ, подлежитъ исключительно разсмотрѣнію суда, рѣшающаго дѣло по существу, и не подлежитъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, требуя, все таки, чтобы Судъ, признавая равенство взаимныхъ обидъ, опредѣлялъ въ своемъ приговорѣ, въ чемъ состояли дѣйствія каждаго изъ виновныхъ (рѣш. 73 г. № 722) и точно обозначалъ въ приговорѣ, составляютъ-ли дѣйствія обиженнаго равную или болѣе тяжкую обиду сравнительно съ дѣйствіями обидчика (рѣш. 1871 годъ № 1906).

Ст. 138 можетъ быть примѣняема лишь въ отношеніи ст. 130—137 включительно, но въ этихъ предѣлахъ суду, рѣшающему дѣло по существу, предоставляется признавать равными и тяжкими словесное оскорбленіе съ одной стороны—съ обидою дѣйствіемъ, клеветою или разглашеніемъ свѣдѣній—съ другой, а также приравнивать клевету обидѣ дѣйствіемъ или разглашенію и т. д.; неподлежитъ затѣмъ никакому сомнѣнію, что 138 ст. можетъ быть примѣняема и къ взаимнымъ оклеветаніямъ и къ взаимному разглашенію слуховъ. Взглядъ этотъ выраженъ въ многочисленныхъ Сенатскихъ рѣшеніяхъ. Равнымъ образомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣйствіе 138-й ст. нераспростаняется — какъ это призналъ и Сенатъ тоже въ цѣломъ рядѣ рѣшеній—ни на 31, ни на 142 ст. Уст. о нак., такъ что, если судъ признаетъ, что взаимныя обиды нанесены были съ одной стороны полицейскому или другому сторожу во время отправленія имъ должности, а съ другой—этимъ сторожемъ частному лицу, то примѣненіе 138 ст. не можетъ имѣть мѣста; точно также не можетъ защищаться ссылкою на взаимность

обвиняемый въ произнесенiи угрозъ или въ самоуправствѣ. Замѣтимъ однакоже, что такъ какъ дѣла объ оклеветанiи должностныхъ лицъ — что мы видѣли уже выше — начинаются въ частномъ порядкѣ и оканчиваются примиренiемъ, то на этого рода проступки распространяется дѣйствiе 138 статьи.

Въ Сен. рѣш. 70 г. № 137 разъяснено, что для прекращенiя дѣла по 138 ст. необходимо, чтобы оба оскорбленiя относились къ числу тѣхъ, которыя предусмотрѣны въ ст. 130—137; но ст. 138-я не можетъ быть примѣняема въ тѣхъ случаяхъ, когда одна сторона обвиняется въ оскорбленiи, а другая въ клеветѣ, предусмотрѣнной въ ст. 1535-й Улож. о нак. Но затѣмъ, въ рѣш. 81 г. № 39, Сенатъ высказалъ, что при указанiи обвиняемымъ суду, разсматривающему о немъ дѣло, на нанесенiе ему самимъ обвинителемъ равнаго или болѣе важнаго оскорбленiя, „Судъ, согласно 119-й ст. Уст. угол. суд., обязанъ войти въ оцѣнку означеннаго обстоятельства и въ случаѣ признанiя указанныхъ дѣйствiй обвинителя доказанными и заключающими въ себѣ равносильную обиду, примѣнить 1 п. 138 ст. Уст. о нак., хотя бы дѣйствiя эти представляли такой видъ оскорбленiя, дѣло о которомъ, если бы оно было возбуждено самостоятельно, для привлеченiя къ отвѣтственности учинившаго оное, не подлежало бы вѣдомству суда, разбирающаго вступившее на его разсмотрѣнiе дѣло объ обидѣ“. Взглядъ этотъ высказанъ по поводу оскорбленiя, преслѣдуемаго 1535 статьею Улож. о нак. и по отношенiю *къ оскорбленiямъ* съ нимъ можно согласиться въ виду во 1-хъ) того соображенiя, что 1 п. 138 ст. говоритъ вообще объ обидахъ, указанiе же на ст. 130—137-я имѣетъ въ виду жалающихся на нанесенiя имъ этихъ обидъ, а не обвиняемыхъ въ нанесенiи ихъ, во 2-хъ) же потому, что начало взаимности равныхъ обидъ установлено и по отношенiю къ болѣе тяжкимъ обидамъ примѣчанiемъ подъ 1534 ст. Улож. о нак.; но въ силу тѣхъ же соображенiй мы никакъ не можемъ согласиться со взглядомъ г. Неклюдова, утверждающимъ, (стр. 603 Т. II), что „обвиняемый долженъ быть освобожденъ отъ наказанiя не только тогда, когда оказа-

жется, что обвинитель нанесъ ему личную обиду, но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обиженный совершилъ надъ нимъ какое либо болѣе тяжкое преступленіе противъ личности". Но и ст. 138-я Уст. о нак. и прим. къ 1534 ст. Улож. о нак. говорятъ только объ обидахъ, такъ что нѣтъ основанія подмѣнять это выраженіе выраженіемъ „преступленіе противъ личности". Г. Неклюдовъ говоритъ объ „абсурдѣ, заключающемся въ томъ что обвиняемаго освободятъ отъ наказанія за обиду дѣйствіемъ, если обвинитель нанесъ ему тяжкіе побои и накажутъ за обозваніе обиженнаго дуракомъ, если послѣдній нанесъ ему побои не только тяжкіе, но и подвергающіе опасности самую его жизнь". Но абсурдъ тутъ, по нашему мнѣнію, ни причемъ, такъ какъ не менѣе, пожалуй, абсурднымъ можно признать наказаніе обокраденнаго за оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ вора во время совершенія кражи, однакоже и г. Неклюдовъ не требуетъ, чтобы примѣнять правило о взаимности при указаніи обвиняемаго на совершеніе преступленія обиженнымъ противъ его имущества, такъ какъ г. Неклюдовъ говоритъ только о преступленіяхъ противъ личности. Вся суть въ томъ, что законъ понимаетъ только взаимность *обидъ* и говоритъ только объ обидахъ, по этому и суду слѣдуетъ оставаться въ тѣхъ же предѣлахъ. Замѣтимъ еще, что взаимность должна быть примѣняема одинаково, безразлично отъ того, кто изъ двухъ обидчиковъ пожаловался раньше, между тѣмъ, если согласиться со взглядомъ г. Неклюдова, одна сторона можетъ ссылаться на взаимность, если же другая сторона пожалуется напр. на самоуправство или на причиненіе увѣчья, то противная сторона уже не можетъ защищаться взаимностью, и, слѣдовательно, самое понятіе о взаимности уничтожается и искажается смыслъ 138-й статьи.

Взаимность не распространяется на оскорбленія, нанесенныя третьимъ лицомъ, вмѣшавшимся въ ссору, хотя бы онъ и былъ родственникомъ одного изъ ссорившихся. Такъ разъяснилъ Сенатъ въ рѣш. 70 г. № 706; но оскорбленія, нанесенныя лицомъ, имѣющимъ право вступаться за честь обиженнаго,

представляющимъ, слѣдовательно, лицо обиженное и нанесенныя по поводу оскорбленія ввѣреннаго его защитѣ лица — должны покрываться взаимностью.

Въ Сенатскомъ рѣшеніи 70 г. № 137 высказано, что для признанія обидъ взаимными нѣтъ надобности, чтобы онѣ были нанесены одновременно; въ рѣшеніи же 1878 г. № 6 взглядъ этотъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что „если только судъ, разсматривающій дѣло по существу, признаетъ существованіе причинной связи между взаимными оскорбленіями, то неодновременность этихъ оскорбленій не можетъ служить препятствіемъ къ примѣненію 138 ст. Уст. о нак.“. Причинная связь эта должна быть доказана, если же судъ пришелъ къ убѣжденію, что второе оскорбленіе вызвано какимъ нибудь новымъ обстоятельствомъ, а отнюдь не воспоминаніемъ о полученномъ оскорбленіи, то взаимность не можетъ имѣть мѣста въ томъ предположеніи, что старая обида забыта; это же предположеніе, очевидно, должно имѣть мѣсто и въ случаѣ покрытія перваго оскорбленія примиреніемъ или же давностью.

Вопросъ о взаимности можетъ быть возбужденъ или стороною, имѣющею право указать на нее и при разсмотрѣніи дѣла во 2-й инстанціи, при разсмотрѣніи его дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ (рѣш. 71 г. № 226), или же самимъ судомъ, при чемъ Сенатомъ въ рѣш. 81 г. № 39 разъяснено, что „примѣненіе 138 ст. Уст. о нак. относительно взаимности обидъ вовсе не обусловливается принесеніемъ обвиняемымъ въ обидѣ въ установленномъ порядкѣ жалобы на нанесеніе ему самимъ обвинителемъ его равнаго или болѣе тяжкаго оскорбленія и постановленіемъ по такой жалобѣ приговора подлежащимъ судомъ“, а требуетъ для сего лишь указанія на такое обстоятельство суду, разсматривающему о немъ дѣло, съ представленіемъ доказательствъ въ подтвержденіе онаго; въ рѣш. 79 г. № 11 указано, что примѣненіе 138-й ст. Уст. о нак. въ формѣ освобожденія обвиняемаго отъ наказанія или смягченія ему мѣры наказанія „лежитъ на обязанности самаго суда, независимо отъ воли и заявленія участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ“.

Поэтому, какъ скоро со стороны суда будутъ обнаружены, при разборѣ дѣла, факты, указывающіе на взаимность обидъ, „судъ обязанъ войдти въ оцѣнку относительной ихъ важности и значенія и въ такомъ только случаѣ имѣетъ право устранить примѣненіе 138-й ст. Уст. о нак., если признаетъ обиду, нанесенную обидчикомъ, болѣе тяжкою въ сравненіи съ обидою, нанесенною обиженнымъ".

Можетъ ли обвиняемый ссылаться, для установленія взаимности, на обвинительный объ обиженномъ приговоръ, состоявшійся по жалобѣ теперешняго обвиняемаго на теперешняго обвинителя по обвиненію сего послѣдняго въ обидѣ? Въ рѣш. Сената 71 г. № 723 и 72 г. № 408 было высказано, что взаимныя оскорбленія должны быть разсматриваемы совокупно, при чемъ въ первомъ изъ этихъ рѣшеній было разъяснено, что отдѣльное ихъ разсмотрѣніе лишаетъ возможности опредѣлить, которая изъ сторонъ подала поводъ къ взаимнымъ оскорбленіямъ и были ли онѣ равносильны. Но въ приведенномъ выше позднѣйшемъ рѣшеніи за 79 г. № 11 Сенатъ высказалъ, что существованіе судебнаго приговора, устанавливающаго фактъ нанесенія обиды обвинителемъ обвиняемому по второму дѣлу, облегчаетъ этому обвиняемому „средства его защиты и возможность примѣненія къ нему дѣйствія 138-й ст. Уст. о нак., въ случаѣ возбужденія противъ этой стороны преслѣдованія со стороны лица, уже осужденнаго судебнымъ приговоромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ признаетъ, что обвиненный вступившимъ въ законную силу приговоромъ въ нанесеніи обиды не можетъ разсчитывать освободиться въ виду взаимности отъ присужденнаго тѣмъ приговоромъ взысканія. Г. Неклюдовъ, съ своей стороны, находитъ, что если приговоръ надъ одною стороною, являющеюся во второмъ дѣлѣ потерпѣвшею, не былъ еще приведенъ въ исполненіе, то при признаніи судомъ— при разсмотрѣніи дѣла по его жалобѣ на обвинителя по первому дѣлу — взаимности равныхъ обидъ, судъ можетъ освободить обѣ стороны отъ наказанія, примѣняясь къ правиламъ объ отмѣнѣ наказанія за примиреніемъ сторонъ. Которое изъ

этихъ трехъ мнѣній правильно? Согласиться съ мнѣніемъ г. Неклюдова значило бы допустить возможность слишкомъ произвольнаго примѣненія 22 ст. Мир. Уст. 2-й п. этой статьи говоритъ объ отмѣнѣ наказанія вслѣдствіе *примиренія* съ обиженнымъ, при примѣненіи же правила о взаимности ни о какомъ примиреніи нѣтъ рѣчи и правила эти примѣняются часто не только помимо желанія сторонъ, но и вопреки ихъ явно выраженной воли; отмѣны же наказанія въ виду установленной впослѣдствіи взаимности обидъ законъ не предвидитъ. Относительно же взгляда, высказываемаго Сенатомъ въ рѣш. 79 г. № 11, замѣтимъ, прежде всего, что рѣшеніе это послѣдовало не по общему вопросу, а по вопросу частному и не касалось вовсе общаго вопроса о возможности представленія, такъ сказать, къ зачету обвинительныхъ приговоровъ по обвиненію самихъ жалобщиковъ въ нанесеніи обиды обвиняемому. Сенатъ въ рѣшеніи этомъ разсматривалъ; только вопросъ о принятіи въ соображеніе обвинительнаго приговора въ томъ исключительномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ *о томъ же самомъ событіи*, но только по жалобѣ прежняго обвиняемаго противъ прежняго обвинителя. Но и Сенатъ самъ признаетъ исключительность подобнаго случая умолчанія обвиняемымъ о взаимности обидъ при разсмотрѣніи дѣла по обвиненію его въ оскорбленіи, умолчанія съ цѣлью заявленія впослѣдствіи своей жалобы и устанавливаетъ возможность представленія обвинительнаго приговора къ зачету, какъ бы въ наказаніе такому обвиняемому, хотя ничѣмъ не опровергаетъ соображеній своихъ, изложенныхъ въ предъидущихъ рѣшеніяхъ. Соображенія же эти весьма вѣски, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что при такомъ разбирательствѣ трудно было бы установить связь между обидами, но и достиженіе полнаго уразумѣнія дѣйствительнаго отношенія взаимныхъ обидъ возможно только при одновременномъ разборѣ обоихъ дѣлъ, безъ такого же разбора примѣненіе 138 статьи обратилось бы въ простую формальность, въ примѣненіе къ правосудію первыхъ двухъ арифметическихъ правилъ—сложенія и вычитанія,—что врядъ ли имѣлъ

въ виду законодатель, вводя въ Уставъ о нак. правила о взаимности равныхъ обидъ. Поэтому мы признаемъ болѣе правильнымъ взглядъ первыхъ Сенатскихъ рѣшеній и находимъ, что исполнительные листы по разобраннымъ уже обидамъ не подлежатъ принятію къ зачету по новымъ дѣламъ и что въ такомъ случаѣ зачетъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ одной формѣ—формѣ примиренія сторонъ, возможнаго и по вступленіи приговора въ законную силу.

При примѣненіи 138 ст. слѣдуетъ избѣгать смѣшенія понятія о взаимности обидъ съ понятіемъ о поводѣ къ обидѣ. Поводъ къ обидѣ понятіе болѣе широкое и влекущее за собою только уменьшеніе наказанія; поводомъ можетъ быть признано и не преступное, а просто напр. неприличное, вызывающее поведеніе обвинителя, какія либо неправильныя его дѣйствія и т. п.; для взаимности же необходимо, чтобы съ обѣихъ сторонъ были нанесены обиды, поэтому обвиняемый, защищаясь указаніемъ на то, что обвинитель далъ ему поводъ къ обидѣ, не вправѣ требовать примѣненія 138 ст. Съ другой стороны, слѣдуетъ избѣгать примѣненія начала взаимности въ ущербъ обвинителю и признавать взаимностьобидъ тамъ, гдѣ со стороны потерпѣвшаго была только необходимая оборона. Конечно, необходимой обороны нельзя признавать ни при словесныхъ обидахъ, ни при клеветѣ, и вопросъ о ней можетъ возникать лишь при оскорбленіяхъ дѣйствіемъ, но и въ этихъ случаяхъ, какъ мы уже указывали при разсмотрѣніи 10 ст., весьма рѣдко можетъ встрѣтиться на практикѣ такой случай необходимой обороны, не перешедшей границы, которая могла бы повлечь за собою примѣненіе 10-й статьи; переходъ же границы такой обороны дѣлаетъ и дѣяніе обвинителя наказуемымъ, и оно подлежитъ разсмотрѣнію по правиламъ 138 статьи.

Какія послѣдствія примѣненія 138 статьи? При признаніи судомъ нанесенія обвинителемъ обвиняемому обиды менѣе тяжкой, нежели та, которую обвиняемый нанесъ обвинителю, наказаніе обвиняемому, уменьшенное въ виду нанесенной и ему обиды, должно имѣть мѣсто; при признаніи обиды нане-

сенной обвиняемому обвинителемъ равною или болѣе тяжкою—обвиняемый не подвергается наказанію „за взаимностью равныхъ обидъ" (приговоромъ неокончательнымъ); наказаніе же обвинителя—въ виду нанесенія имъ обвиняемому болѣе тяжкихъ обидъ—можетъ послѣдовать только въ томъ случаѣ, если обвиняемый просилъ о наказаніи обвинителя. Въ противномъ же случаѣ обвинитель не можетъ быть подвергнутъ наказанію и, на нашъ взглядъ, обвиняемый, лишь заявившій о взаимности, безъ просьбы о наказаніи, впослѣдствіи не можетъ просить о наказаніи обвинителя; признавать же противное, этому, значило бы дважды разбирать одно и тоже дѣло, такъ какъ по заявленію обвиняемаго о взаимности судъ разбиралъ дѣло по обстоятельствамъ имъ указаннымъ, оцѣнивалъ дѣйствія обвинителя по просьбѣ обвиняемаго, и если этотъ послѣдній довольствовался въ то время ссылкою на взаимность, то это, конечно, должно означать, что онъ не хотѣлъ наказанія обвинителя, а хотѣлъ только признанія взаимности равныхъ обидъ; измѣнять затѣмъ свое требованіе и добиваться вторичнаго разсмотрѣнія того же дѣла и съ той же точки зрѣнія и по отношенію къ тому же лицу—такой обвиняемый не имѣетъ права.

Редакція 138-й ст. показываетъ, что объ обвиняемомъ не постановляется въ виду взаимности оправдательный приговоръ а онъ только освобождается отъ наказанія. Отсюда слѣдуетъ вывести, что онъ все таки признается виновнымъ, но виновнымъ же признается и обвинитель и если обиды признаны равными, то и издержки (уплата вознагражденія свѣдущимъ людямъ и свидѣтелямъ въ силу 193 ст. Уст. угол. суд.) должны падать, по нашему мнѣнію, совокупно и на обвиняемаго и на обвинителя, превратившагося уже изъ обвинителя тоже въ обвиняемаго; въ случаѣ же признанія кого либо изъ нихъ виновнымъ въ нанесеніи болѣе тяжкихъ обидъ, уплата этого вознагражденія должна упасть на него, какъ на главнаго виновнаго, а при несостоятельности его — примѣнительно къ ст. 195—на нанесшаго менѣе тяжкую обиду. Казнѣ же въ этомъ случаѣ—при состоятельности сторонъ—нѣтъ никакого основа-

нія платить свидѣтелямъ, такъ какъ издержки эти принимаются на счетъ казны при неимѣніи въ виду виновныхъ (ст. 197 Уст. угол. суд.), въ данномъ же случаѣ виновные на лицо и освобождаются только отъ наказанія, по точному смыслу 138 ст. Мир. Уст.

До мировой юстиціи Царства Польскаго относится лишь 1-й п. 138 ст., 2-й п. до нея не относится, такъ какъ въ законахъ гражданскихъ Варшавскаго судебнаго округа, а именно въ Кодексѣ Наполеона, нѣтъ „безчестія", т. е. нѣтъ правилъ о гражданскомъ удовлетвореніи за обиду, которое знаетъ 1-я ч. X Т.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Объ угрозахъ и насиліи.

139 ст. За угрозу причинить кому либо насильственныя дѣйствія, виновные, не имѣвшіе при томъ корыстной или другой преступной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

140 ст. За угрозу на словахъ лишить кого либо жизни, или произвести поджогъ, виновные, не имѣвшіе при томъ корыстной или иной преступной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

141 ст. За означенную въ ст. 140-й угрозу, когда она сдѣлана на письмѣ, виновные, не имѣвшіе при этомъ корыстной или другой преступной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше двухъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей.

Угроза опредѣляется Сенатскимъ рѣшеніемъ 1871 года № 1368 какъ „стращаніе учинить надъ угрожаемымъ какое

либо преступное дѣйствіе или произвести поджогъ". Объ угрозѣ насильственными дѣйствіями говоритъ ст. 139, объ угрозѣ же лишить жизни или произвести поджогъ ст. 140, угроза же совершить какое либо другое преступленіе противъ имущества, напр. угроза похитить что либо—ненаказуема, если она не квалифицированная; квалифицированныя же угрозы изъяты изъ вѣдомства мировой юстиціи; таковы угрозы съ корыстною или иною преступною цѣлью—(ст. 1545 Улож. о нак.) и угрозы, имѣющія цѣлью принудить угрожаемаго къ какому либо противозаконному дѣянію (ст. 1548 Улож.). Угроза наказывается не какъ заявленіе намѣренія совершить преступленіе, что ненаказуемо по закону, а какъ самостоятельный проступокъ, нарушающій спокойствіе угрожаемаго лица. Поэтому—для примѣненія ст. 139—141 Уст. о нак.,—необходимо, чтобы угроза была настолько серьезна, чтобы угрожаемый почиталъ себя дѣйствительно въ опасности, хотя нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы обвиняемый былъ во время произнесенія угрозы вооруженъ тѣмъ оружіемъ, которымъ онъ грозитъ причинить насильственныя дѣйствія (рѣш. 71 г. № 254). Угроза неопредѣленная по содержанію не можетъ признаваться угрозою наказуемою. Угроза лишить кого либо жизни или произвести поджогъ наказывается строже угрозы насильственными дѣйствіями, а всего строже наказывается угроза на письмѣ. Впрочемъ Уставъ выдѣляетъ въ особую статью лишь угрозы на письмѣ поджогомъ или лишеніемъ жизни, изъ чего слѣдуетъ вывести, что угроза на письмѣ насильственными дѣйствіями должна быть подводима подъ дѣйствіе 139 ст. Угроза на словахъ можетъ быть обращена къ угрожаемому или непосредственно или при посредствѣ третьихъ лицъ, какъ это правильно разъяснилъ Сенатъ въ рѣш. 78 г. № 70, при чемъ указалъ, что „изъ наказуемости угрозъ, дѣлаемыхъ „посредствомъ другаго", ни въ какомъ случаѣ нельзя выводить наказуемости угрозъ заочныхъ. Между тѣми и другими очевидная и существенная разница. Въ угрозахъ, передаваемыхъ черезъ третьихъ лицъ по порученію или подстрекательству обвиняемыхъ,

явно выражается желаніе угрожающаго довести до лица потерпѣвшаго сдѣланную ему угрозу и тѣмъ самымъ причинить ему безпокойство и страхъ, при чемъ переданная такимъ образомъ лично потерпѣвшему угроза теряетъ уже свой заочный характеръ. Всего этого не существуетъ въ угрозахъ заочныхъ". Въ виду этихъ соображеній Сенатъ призналъ ненаказуемость заочныхъ угрозъ и соображенія эти въ равной степени относятся и къ угрозамъ на письмѣ, такъ что угроза въ письмѣ къ третьему лицу, безъ просьбы передать ее угрожаемому, должна почитаться угрозою заочною и, какъ таковая, не подлежитъ наказанію.

Угроза должна имѣть въ виду будущее зло, поэтому совершенно правильно г. Неклюдовъ признаетъ неудачнымъ рѣшеніе Сената 70 г. № 227, которымъ устанавливаются какія то косвенныя угрозы и подъ дѣйствіе 141 ст. подводится „выраженіе сожалѣнія о томъ, что подсудимый не имѣетъ въ рукахъ оружія, чтобы убить другого". Г. Неклюдовъ указываетъ далѣе, что молчаливая угроза кулакомъ, или палкою должна почитаться лишь символическою обидою, такъ какъ символическихъ угрозъ наука уголовнаго права не знаетъ и что, такъ какъ угроза ближе всего подходитъ ко словеснымъ оскорбленіямъ, то къ ней слѣдуетъ примѣнять и правила о ненаказуемости за этотъ проступокъ супруговъ и о правѣ лицъ, принадлежащихъ къ семейству угрожаемаго, возбуждать дѣла о подобныхъ проступкахъ.

Угроза насильственными дѣйствіями понимается Сенатомъ очень широко, а именно, какъ предвареніе угрожаемаго на словахъ или на письмѣ о намѣреніи нарушить его личную неприкосновенность (рѣш. 76 г. № 30). Такъ какъ нарушеніе личной неприкосновенности имѣетъ мѣсто и при оскорбленіяхъ дѣйствіемъ, то, очевидно, что Сенатъ признаетъ возможность угрозы и обидою дѣйствіемъ. Это становится еще очевиднѣе въ виду Сенатскаго рѣшенія 75 г. № 256, признавшаго выраженіе „я тебѣ рожу побью", какъ заключающее положительное обѣщаніе произвести насильственныя дѣйствія, вполнѣ подходящимъ подъ понятіе угрозы. Въ виду различія, дѣлаемаго и

самимъ Сенатомъ, между оскорбленіемъ дѣйствіемъ и насиліемъ и въ виду точнаго смысла 139 ст., мы склоняемся болѣе къ тому взгляду, что подобное заявленіе носитъ характеръ оскорбленія словомъ, что нисколько не вліяетъ на практическія послѣдствія, такъ какъ угроза насильственными дѣйствіями и приравнивается къ обидѣ словомъ и наказывается такъ же какъ и обида словомъ.

Относительно угрозы, нанесенной должностному лицу, мы отсылаемъ читателя къ ст. 31-й настоящаго Руководства, гдѣ вопросъ этотъ уже разсмотрѣнъ нами; добавимъ лишь, что подведеніе такихъ угрозъ подъ дѣйствіе 31-й ст. мы считаемъ правильнымъ въ томъ случаѣ, когда угроза нанесена при отправленіи обязанности службы, угроза же *по поводу* отправленія должности не можетъ быть подводима подъ 31-ю ст., такъ какъ ст. 31-я не преслѣдуетъ и оскорбленія по поводу отправленія обязанностей службы; такъ что подобнаго рода угроза подходитъ — на нашъ взглядъ — подъ дѣйствіе 139—141 ст. Мир. Устава.

142 ст. За самоуправство, а равно за употребленіе насилія, однако безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья (ст. 28) виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Статья 142 предусматриваетъ два проступка: самоуправство и употребленіе насилія. Обратимся сначала къ разсмотрѣнію проступка самоуправства.

Подъ самоуправствомъ слѣдуетъ понимать самовольное осуществленіе кѣмъ либо своего дѣйствительнаго или воображаемаго права съ насиліемъ надъ личностью потерпѣвшаго. *Самоуправство есть самовольное осуществленіе.....* самовольное—значитъ — своею властью, а не съ разрѣшенія или уполномочія подлежащихъ властей; „помимо установленныхъ властей или съ нарушеніемъ указаннаго въ законѣ порядка, собственною произвольною властью“, какъ говоритъ Сенатъ въ рѣш. 71 г. № 785 и 75 г. № 240. Въ томъ же рѣшеніи 71 года № 785 Сенатъ указываетъ, что произвольныя дѣйствія должны

быть направлены къ возстановленію правъ; далѣе мы увидимъ, что необходимъ элементъ насилія. Все это вовсе не вяжется съ мнѣніемъ Сената, что неосторожное самоуправство мыслимо и должно быть подводимо подъ дѣйствіе 1-й ч. 9-й ст. Мир. Уст. Мнѣніе это высказано Сенатомъ въ рѣш. 67 г. № 111 и подтверждено въ рѣш. 71 г. № 1664, причемъ основаніемъ къ этому мнѣнію служило то обстоятельство, что 142-я ст. не назначаетъ особаго наказанія за неосторожность. Но при разсмотрѣніи 9-й статьи мы уже указывали, что въ тѣхъ случаяхъ, когда намѣреніе требуется какъ непремѣнный элементъ для состава проступка, примѣненіе 1-й ч. 9-й ст.—не можетъ имѣть мѣста. Для проступка же самоуправства требуется напряженіе воли въ извѣстномъ направленіи, требуется, чтобы насильственное дѣйствіе обвиняемаго въ самоуправствѣ направлено было къ исполненію того, чего онъ въ данный моментъ стремится достигнуть; но въ этомъ и выражается намѣреніе при самоуправствѣ и отсутствіе такого намѣренія дѣлаетъ не мыслимымъ и самое самоуправство; такъ что, по нашему мнѣнію, неосторожнаго самоуправства, самоуправства безъ намѣренія, быть не можетъ.

Самовольное осуществленіе права возможно не только непосредственно тѣмъ лицомъ, право котораго находится въ данномъ случаѣ въ спорѣ, но и тѣми лицами, коимъ онъ поручилъ исполненіе самоуправнаго дѣйствія; лица эти отвѣчаютъ какъ соучастники, подговорившій же ихъ къ самоуправству отвѣчаетъ какъ подстрекатель. Въ этомъ смыслѣ высказался и Сенатъ въ рѣш. 72 г. № 480 и 74 г. № 244.

Осуществленіе права понимается какъ возстановленіе права, какъ полученіе того, чего прежде обвиняемый не имѣлъ; поэтому осуществленіе противополагается охраненію права, удержанію того, что было во владѣніи даннаго лица. Ненаказуемость подобнаго *охраненія* своего права вытекаетъ именно изъ наказуемости *осуществленія* или возстановленія права, вытекаетъ изъ того начала, что законъ охраняетъ отъ самоуправства именно фактическихъ владѣльцевъ спорныхъ пред-

метовъ. Въ этомъ смыслѣ Сенатъ высказался въ цѣломъ рядѣ рѣшеній. Такъ, въ рѣш. 75 г. № 104 высказано: „насильственныя дѣйствія, предпринятыя въ защиту своихъ правъ отъ угрожающей опасности, не могутъ быть вмѣняемы въ вину, когда обвиняемый находился въ положеніи, въ коемъ онъ не могъ оградить себя обратившись къ законной власти; при этомъ же условіи можетъ быть вмѣняемо въ вину такое насильственное дѣйствіе, которое предпринято уже по минованіи опасности, но если судомъ будетъ признано, что опасность эта не могла возобновиться“. Въ рѣш. 71 г. № 147 высказано, что охраненіе своего имущества силою не считается самоуправствомъ только въ случаѣ, когда охранявшій оное находился въ состояніи необходимой обороны. Вопросъ же о томъ, находилось ли въ состояніи обороны лицо, обвиняющееся въ самоуправствѣ, подлежитъ рѣшенію суда, разсматривающаго дѣло по существу. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ Сенатъ не призналъ самоуправствомъ и случаи задержанія кого либо подлежащею властью, вслѣдствіе ошибочныхъ, неправильныхъ или незаконныхъ требованій частнаго лица, ибо въ этихъ случаяхъ вина падаетъ не на частное лицо, обратившееся съ такимъ требованіемъ къ подлежащей власти, а на эту самую власть, исполнившую означенныя требованія (рѣш. 76 г. № 263 и 78 г. № 48).

Рѣшеніемъ 74 г. № 198 установлено, что отобраніе товара отъ лица, желавшаго неправильно имъ завладѣть, и тотчасъ по передачѣ товара, не составляетъ самоуправства. По рѣш. 70 г. № 1507 самовольное производство обыска у лица, собирающагося уѣхать, если обвиняемый не могъ обратиться для этого къ подлежащей судебной власти,—не есть самоуправство. 1) задержаніе владѣльцемъ лѣса лошадей, оставленныхъ похитителями лѣса на мѣстѣ порубки, 2) остановка и не пропусканіе лошадей черезъ лугъ, который обвиняемые имѣли право охранять отъ порчи и потравъ, 3) задержаніе чужаго скота на принадлежащихъ ему угодьяхъ и невозвращеніе его по первому требованію хозяина, 4) отобраніе ружья у самовольно

охотившагося на земляхъ обвиняемаго, сдѣланное съ цѣлью огражденія своего имущества отъ истребленія — не подходятъ подъ понятіе самоуправства, какъ это разъяснено Сенатомъ въ рѣшеніяхъ: 1) 71 г. № 505, 2) 72 г. № 1182, 3) 75 г. № 547 и 4) 72 г. № 1318. Изъ этихъ рѣшеній видно, что Сенатомъ допускается охраненіе не только движимости, но и недвижимости, что впрочемъ понятно само собою, такъ какъ и недвижимость можетъ быть также предметомъ самоуправнаго нападенія. Цѣлымъ рядомъ рѣшеній Сената охраняется и право владѣльца помѣщенія на выводъ изъ него такого лица, которое, не смотря на приглашеніе добровольно удалиться, не хотѣло этого сдѣлать (рѣш. 68 г. № 335). Сенатъ допускаетъ употребленіе при этомъ и „нѣкотораго рода физическаго насилія“ (рѣш. 71 г. № 767). Рѣшеніе это сдѣлалось тоже „въ нѣкоторомъ родѣ“ классическимъ, такъ какъ на него, съ основаніемъ и безъ основанія,—чаще же всего послѣднее—дѣлается масса ссылокъ по дѣламъ о самоуправствахъ. Въ 1870 году въ рѣш. № 1025 Сенатъ разъяснилъ, что подобное удаленіе составляетъ лишь мѣру, на которую нельзя отнять права у хозяина, при упорствѣ остающагося лица, къ охраненію его жилища, точно такъ же, какъ онъ имѣетъ неотъемлемое право задержать силою того, кто при нарушеніи его права не останется на мѣстѣ добровольно или выкажетъ намѣреніе бѣжать. Въ рѣш. 75 г. № 174 Сенатъ не призналъ самоуправствомъ выводъ ночью въ сѣни хозяйкою квартиры полураздѣтой своей мастерицы, мѣшавшой спать ея мужу громкимъ разговоромъ съ другою дѣвицею, усмотрѣвъ въ этомъ лишь устраненіе хозяйкою помѣщенія нарушенія тишины и спокойствія, произведеннаго сказанною мастерицею. То же признано Сенатомъ въ рѣш. № 176 за тотъ же годъ въ отношеніи удаленія хозяиномъ помѣщенія прислуги, нарушавшей въ помѣщеніи порядокъ.

Во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ послѣдовательно проводилась мысль о защитѣ фактическаго владѣнія, такъ что самовольное осуществленіе должно быть понимаемо при самоуправствѣ какъ самовольное нарушеніе чужаго фактическаго

владѣнія, конечно, съ насиліемъ. Въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, такъ напр. въ рѣш. 72 г. №№ 395, 748, 1458, Сенатъ разъясняетъ, что разрѣшеніе вопроса о самоуправствѣ не зависитъ отъ вопроса о правѣ собственности на имущество, а зависитъ отъ того, въ чьемъ фактическомъ владѣніи это имущество находилось. Въ рѣшеніи 74 г. № 624 Сенатъ указалъ, что „при заявленіи спора о принадлежности имущества, фактическій владѣлецъ не перестаетъ быть его владѣльцемъ и всякое произвольное нарушеніе его права на это владѣніе преслѣдуется закономъ". Въ рѣшеніи же 75 г. № 324 Сенатъ указалъ, что споръ о правѣ собственности на имущество, находящееся въ общемъ владѣніи сторонъ, можетъ быть предметомъ только гражданскаго судопроизводства а никакъ не основаніемъ для обвиненія въ самоуправствѣ. Въ рѣш. 73 г. № 859 разъяснено, что только самовольный нарушитель имущественнаго права, осуществленнаго уже владѣніемъ и пользованіемъ другаго лица, можетъ быть признанъ виновнымъ въ уголовномъ проступкѣ самоуправства, а не дѣйствительный владѣлецъ, ограждающій способами, не воспрещенными уголовными законами, осуществленное имъ право на имущество отъ самовольнаго нарушенія его другимъ лицомъ. Въ рѣш. 85 г. по дѣлу Врубля и др.—Сенатомъ высказано, что для примѣненія 142 ст. необходимо установить, что обвиняемые, воспрепятствовавшіе пахать землю, не пользовались фактически принадлежащимъ имъ сервитутнымъ правомъ пастбища на той землѣ, признавъ, слѣдовательно, что въ противномъ случаѣ они являются только охранителями своего фактическаго пользованія.

Какъ логическій выводъ изъ этого основанія являются тѣ Сенатскія рѣшенія, которыя признаютъ самоуправствомъ: 1) насильственный выводъ кого либо изъ трактира, хотя бы и его хозяиномъ, такъ какъ входъ въ трактиръ открытъ для публики и о нарушеніи тишины въ немъ хозяинъ обязанъ давать знать полиціи (рѣш. 1873 г. № 73); 2) вынутіе окошекъ и снятіе двери по приказанію хозяина, сдѣланное для вытисненія жильца изъ квартиры, (рѣш. 1872

годъ № 373 *à contrario*), и 3) осмотръ запертаго жильцами дома новымъ его собственникомъ вопреки волѣ жильцовъ (рѣш. 73 г. № 441), такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ имущество находилось въ фактическомъ владѣніи потерпѣвшихъ, обвиняемые же самовольно осуществили свое право, не будучи въ состояніи необходимой обороны и нарушая фактическое владѣніе потерпѣвшихъ. Въ рѣшеніи же 85 г. № 7 Сенатъ разъяснилъ, что при фактическомъ отдѣльномъ владѣніи однимъ изъ соучастниковъ частію имущества, находящагося вообще въ общемъ владѣніи, самоуправство можетъ имѣть мѣсто.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что самовольное осуществленіе предполагаетъ нѣчто активное, является какъ результатъ стремленія изъять что либо изъ чужаго фактическаго владѣнія и носитъ характеръ агресивный, характеръ нападенія. По этому, не говоря уже объ отсутствіи другаго признака, насилія, слѣдуетъ признавать дѣяніемъ ненаказуемымъ по закону такіе случаи осуществленія своего права, которые объектомъ своимъ имѣютъ вещь, находящуюся уже во владѣніи обвиняемаго. Практика Кассаціоннаго Сената, долго колебавшаяся по вопросамъ самоуправства, и по этому вопросу колебалась, признавая въ началѣ, что самовольное *удержаніе* кредиторомъ, взамѣнъ долга, денегъ, присланныхъ ему должникомъ для какого либо опредѣленнаго употребленія, подходитъ подъ понятіе самоуправства; но въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ своихъ—72 г. № 1312, 73 г. № 817, 74 г. № 107—Сенатъ признаетъ, что удержаніе, напр., приказчикомъ денегъ, которыя онъ долженъ былъ сдать хозяину, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ слѣдуютъ ему по разсчету, а также удержаніе части денегъ, слѣдующихъ за купленный товаръ, въ зачетъ прежняго долга продавца покупщику,—не составляетъ уголовно - наказуемаго проступка.

Самоуправство есть самовольное осуществленіе своего дѣйствительнаго или воображаемаго права..... Для понятія самоуправства безразлично, дѣйствительное или только воображаемое право самовольно осуществляетъ обвиняемый, такъ

какъ законъ, охраняя, какъ мы видѣли выше, даже незаконное владѣніе, не можетъ допустить самовольное осуществленіе даже и дѣйствительнаго права, разъ что обвиняемый стремится получить что либо путемъ не указаннымъ закономъ, самовольно, безъ помощи власти, къ тому предназначенной. Въ рѣш. 72 г. № 1013 Сенатомъ высказано, что самовольное отнятіе вещи, отданной въ пользованіе, значитъ несомнѣнно собственной вещи обвиняемаго, вполнѣ подходитъ подъ дѣйствіе ст. 142; въ рѣш. 70 г. № 240 Сенатъ, равнымъ образомъ, разъяснилъ, что насильственное взятіе собственной вещи, отданной въ пользованіе другаго лица, вполнѣ подходитъ подъ понятіе самоуправства, такъ какъ для полученія этой вещи обратно въ свое владѣніе необходимо получить разрѣшеніе судебнаго мѣста. На томъ же основаніи Сенатъ цѣлымъ рядомъ рѣшеній, которыя мы ближе разсмотримъ при разъясненіи признака насилія, признавалъ самоуправными дѣйствія домохозяевъ, стремившихся къ выселенію жильцевъ, хотя бы обязанныхъ выселиться,—помимо судебнаго рѣшенія; въ рѣшеніи же 75 г. № 314 признаны самоуправствомъ насильственныя мѣры, основанныя на судебномъ рѣшеніи, въ виду того, что обвиняемый не могъ присвоить себѣ право исполненія судебнаго рѣшенія помимо надлежащей власти.

Эта безразличность - по отношенію къ преступности дѣянія обвиняемаго—того, осуществлялъ ли онъ свое дѣйствительное или же только воображаемое право, имѣетъ весьма важное процессуальное значеніе въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ безусловно излишнимъ пріостановленіе производствомъ уголовнаго дѣла до разсмотрѣнія судомъ гражданскимъ, такъ называемыхъ, преюдиціальныхъ вопросовъ. Практика Сенатскихъ рѣшеній послѣдняго времени такъ же точно смотритъ на этотъ вопросъ. Такъ, въ рѣш. 73 г. № 883 Сенатомъ высказано: „что же касается возраженія подсудимаго о преждевременномъ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, то это возраженіе лишено всякаго основанія ибо, по неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, 27-я ст. Уст. уг. суд. не можетъ

имѣть примѣненія къ дѣламъ о самоуправствѣ, такъ какъ законъ охраняетъ отъ самоуправства всякое владѣніе, хотя бы и незаконное, а потому уголовному суду, разрѣшающему вопросъ о самоуправствѣ въ отношеніи имущества, нѣтъ никакого дѣла, кому оно принадлежитъ на правѣ собственности, или чѣмъ разрѣшится споръ, начатый объ этомъ правѣ, а онъ обязанъ лишь установить факты, опредѣляющіе право владѣнія этимъ предметомъ и разрѣшить вопросъ о самоуправствѣ на основаніи того, было ли нарушено право фактическаго владѣнія“.

Самоуправство есть самовольное осуществленіе своего дѣйствительнаго или воображаемаго права съ насиліемъ надъ личностью потерпѣвшаго. Послѣдній и самый существенный признакъ самоуправства это—насиліе надъ личностью потерпѣвшаго. Существенность этого признака для состава проступка самоуправства долго отрицалась Сенатомъ. Послѣднее въ этомъ смыслѣ Сенатское рѣшеніе послѣдовало въ 72 году № 1583; въ немъ Сенатъ—съ ссылкою на предъидущія рѣшенія—признавалъ, что по точному смыслу 142 ст. не требуется, чтобы самоуправство было соединено съ насиліемъ. Предъидущими же рѣшеніями разъяснялось, что ст. 142-я вовсе не требуетъ, чтобы самоуправство сопровождалось насиліемъ, такъ какъ за каждый изъ сихъ проступковъ налагается особое наказаніе. Противъ этого взгляда „какъ лишеннаго всякаго теоретическаго и законнаго основанія“ возставалъ въ свое время г. Неклюдовъ, ссылаясь на Бернера, признававшаго, что „ежели отнять отъ понятія самоуправства понятіе насилія, то оно обратится въ пустую абстракцію“, и указывая, что самоуправство помѣщено въ отдѣлѣ *о насиліи* и что исторія возникновенія этой статьи указываетъ, что самоуправство не мыслимо безъ насилія. Взглядъ этотъ сдѣлался въ настоящее время настолько безспорнымъ и новая практика Сената такъ рѣшительно и безповоротно высказывается въ этомъ же смыслѣ, что даже Н. С. Таганцевъ въ объективномъ своемъ сборникѣ нашелъ нужнымъ указать на этотъ поворотъ во взгля-

дахъ Сената, по этому мы и не находимъ нужнымъ далѣе останавливаться на развитіи доказательствъ въ пользу этого взгляда.

Но установивъ, что самоуправство немыслимо безъ насилія, мы далеко еще не покончили нашихъ счетовъ съ этимъ признакомъ, такъ какъ намъ необходимо условиться въ томъ, что понимать подъ насиліемъ, требуемымъ для признанія даннаго дѣянія самоуправствомъ. Полемизируя съ Сенатомъ, г. Неклюдовъ утверждаетъ, что подъ насиліемъ слѣдуетъ понимать насильственныя дѣйствія надъ личностью, т. е. иначе, нарушенія личной неприкосновенности потерпѣвшаго. Съ столь узкимъ понятіемъ насилія нельзя въ данномъ случаѣ согласиться, и мы примыкаемъ къ тому взгляду Сената, который высказанъ имъ въ многочисленныхъ рѣшеніяхъ и по которому насиліе можетъ быть не только физическое, но и нравственное. Такъ въ рѣш. 73 г. № 352 Сенатъ—съ ссылкою на предъидущія рѣшенія — высказалъ, что подъ самоуправствомъ законъ понимаетъ самовольное осуществленіе дѣйствительнаго или воображаемаго права въ отношеніи къ другому лицу, оспаривающему или непризнающему этого права; слѣдовательно, самоуправство немыслимо безъ совершенія, одновременно съ нарушеніемъ имущественныхъ правъ, какого либо физическаго или, по крайней мѣрѣ, нравственнаго насилія въ отношеніи лица потерпѣвшаго, такъ какъ безъ этого насилія оно ничѣмъ не отличалось бы отъ простаго гражданскаго правонарушенія. Взглядъ этотъ проводился затѣмъ Сенатомъ въ цѣлой массѣ рѣшеній. И такъ, насиліе можетъ быть и нравственное; подъ такимъ насиліемъ слѣдуетъ понимать такія дѣйствія, которыя ставятъ потерпѣвшаго въ невозможность поступать такъ какъ онъ хочетъ, а заставляютъ его поступать согласно волѣ обвиняемаго. Такимъ нравственнымъ насиліемъ слѣдуетъ признавать самовольное осуществленіе воли обвиняемаго въ присутствіи хозяина спорнаго предмета и вопреки его явно выраженной волѣ, хотя бы и безъ нарушенія тѣлесной неприкосновенности потерпѣвшаго. Въ данномъ случаѣ нравственное насиліе

очевидно, такъ какъ хозяину не остается ничего болѣе дѣлать, какъ заявить свой протестъ, потому что если законъ дозволяетъ охрану своего имущества, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, не требуется, чтобы каждый лезъ въ драку на защиту своей собственности; поэтому потерпѣвшему предоставляется на выборъ, или отнять спорный предметъ у насильно его берущаго, или же жаловаться на него за самоуправство.

Но и присутствіе хозяина и выраженіе имъ своей воли не всегда бываютъ необходимы для признанія даннаго дѣянія самоуправствомъ. Бываютъ случаи такого самовольнаго осуществленія своего права, когда, хотя дѣйствіе направлено только на имущество и въ отсутствіи хозяина, но когда несомнѣнно для всѣхъ и каждаго, и для обвиняемаго въ томъ числѣ, что дѣйствіе это прямо и непосредственно отражается на личности потерпѣвшаго и вынуждаетъ его къ безпрекословному исполненію желанія самоуправца. Таковы всѣ самовольныя дѣйствія, направленныя на предметы первой необходимости для человѣка, какъ напр. жилище, свѣтъ, тепло, пища и т. п.; таковы напр. самовольныя дѣйствія домохозяевъ по отношенію къ жильцамъ, населяющимъ ихъ недвижимости. Жить на улицѣ никому не приходится, какъ нельзя жить въ квартирѣ безъ свѣта, безъ печей и т. п.; поэтому домохозяинъ, приводящій квартиру жильца въ подобное невозможное состояніе, несомнѣнно дѣйствуетъ противъ личности своихъ жильцевъ, ставитъ ихъ въ необходимость очистки помѣщенія, чего онъ не вправѣ требовать иначе какъ по суду, а можетъ быть, и вовсе не вправѣ; поэтому, подобный домовладѣлецъ несомнѣнно долженъ быть признанъ виновнымъ въ самоуправствѣ, какъ самовольно осуществляющій свое дѣйствительное или только воображаемое право и, конечно, съ насиліемъ надъ личностью отсутствующаго въ тотъ моментъ жильца. Сенатъ высказался вообще въ этомъ смыслѣ въ рѣш. 73 г. № 392, указавъ, что самоуправство тогда лишь имѣло бы мѣсто, если бы дѣйствія обвиняемаго „являли какое либо насиліе физическое или нравственное, или, бывъ предприняты въ

присутствіи владѣльца имущества, явно противорѣчили бы выраженной имъ волѣ". Изъ этого рѣшенія видно, что Сенатъ выдѣляетъ нравственное насиліе, ставитъ его рядомъ съ самовольными дѣйствіями вопреки воли присутствующаго потерпѣвшаго и, такимъ образомъ, допускаетъ возможность и такого насилія, о которомъ мы говорили выше. Въ этомъ же смыслѣ Сенатъ высказывается и по частнымъ случаямъ. Такъ, въ рѣш. 71 г. № 791, Сенатъ, по поводу дѣйствій домовладѣлицы, въ цѣли расторженія невыгоднаго договора, забравшей вьюшки изъ печей, вынувшей рамы изъ оконъ и запершей ворота, высказалъ, что подобныя дѣйствія „направленныя къ тому, чтобы насильно заставить потерпѣвшую очистить занимаемое ею помѣщеніе" вполнѣ правильно подведены подъ самоуправство. Тоже самоуправствомъ Сенатъ призналъ: поступокъ хозяйки дома, пробравшейся въ квартиру жильца, залившей огонь на кухнѣ и вылившей изъ кострюли готовившійся обѣдъ (рѣш. 71 г. № 407); закрытіе домохозяиномъ воротъ дома, съ цѣлью воспрепятствовать свободному выѣзду и въѣзду жильца, на томъ основаніи, что срокъ найма квартиры кончился (рѣш. 73 г. № 732); ломаніе съ тою же цѣлью домовладѣльцемъ крыши дома (рѣш. 71 г. № 1467); поступокъ хозяина, приказавшаго запереть и заколотить квартиру постояльца за то, что тотъ не платитъ денегъ (рѣш. 71 г. № 801); не возвращеніе хозяиномъ гостинницы лицу, нанимающему въ оной номеръ, ключа отъ номера, сопровождаемое требованіемъ, для возвращенія ключа, уплаты слѣдующихъ ему денегъ (рѣш. 72 г. № 1166) и т. д.

Не останавливаясь затѣмъ на тѣхъ многочисленныхъ Сенатскихъ рѣшеніяхъ, которыя примѣняютъ къ отдѣльнымъ случаямъ установленныя выше общія положенія и покончивъ съ разъясненіемъ признаковъ проступка самоуправства, перейдемъ къ разсмотрѣнію отличія этого проступка отъ другихъ, соприкасающихся съ нимъ преступныхъ дѣяній.

Признакомъ насилія самоуправство сходится съ грабежемъ; различіе же между ними заключается въ томъ, что при грабежѣ отнимается *чужое* имущество, и чужое не только въ объ-

ективномъ смыслѣ, но и въ смыслѣ субъективномъ, иначе, при грабежѣ обвиняемый и въ мысляхъ не имѣетъ, что ему принадлежатъ какія либо права на похищаемое имущество, а отнимаетъ его какъ чужое, съ цѣлью присвоенія; при самоуправствѣ же, какъ мы это уже видѣли выше, обвиняемый осуществляетъ свое право, хотя бы и существующее только въ его воображеніи, на спорный предметъ, дѣйствуетъ, такъ сказать, *bona fide*, будучи убѣжденнымъ въ своей правотѣ. Иногда и грабители прикрываются маскою самоуправства, и въ такомъ случаѣ дѣломъ суда является провѣрка тѣхъ обстоятельствъ, на которыя ссылается обвиняемый а затѣмъ установленіе вывода, признавать ли данное дѣло самоуправствомъ или же только его симуляціею.

Но затѣмъ этотъ признакъ насилія является уже признакомъ, дающимъ возможность отличить самоуправство отъ проступковъ противъ чужой собственности, предусмотрѣнныхъ въ 145 и слѣд. статьяхъ Уст. о нак. Срываніе, напр., садовыхъ цвѣтовъ, самовольная охота на чужихъ земляхъ, проѣздъ черезъ чужіе луга или огороды и т. п., — учиненные безъ насилія, подходятъ подъ дѣйствіе той или другой статьи Мир. Устава, сообразно состава даннаго проступка, но окрашенныя характеромъ насилія дѣянія эти превращаются въ самоуправство и наказываются по 142 ст. Въ этомъ смыслѣ высказывался неоднократно и Сенатъ, да другого взгляда на данный вопросъ, по нашему мнѣнію, и быть не можетъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній признавать менѣе преступнымъ соединенное съ насиліемъ нарушеніе такого права, которое спеціально охраняется закономъ,—сравнительно съ насиліемъ, выразившемся по отношенію къ праву, такимъ особымъ закономъ неохраняемому; трудно было бы, напр., понять, почему взятіе чужаго имущества, наказываемое лишь въ случаѣ взятія его съ насиліемъ, подлежало бы болѣе строгому наказанію, нежели — тоже съ насиліемъ учиненная—порча чужаго имущества, тогда какъ и простая, безъ насилія, порча чужой движимости преслѣдуется по Мир. Уставу. То же соображеніе примѣнимо

и ко всему отдѣлу о проступкахъ противъ чужой собственности.

Наконецъ, для отличія самоуправства отъ насилія въ собственномъ смыслѣ слова признакъ насилія, очевидно, служить не можетъ и слѣдуетъ обращать съ этою цѣлью вниманіе на намѣреніе обвиняемаго: употребляетъ онъ насиліе съ цѣлью осуществленія права — онъ виновенъ въ самоуправствѣ; если же употребляетъ онъ насиліе ради самоуправнаго мщенія, неимѣя никакихъ предположеній на будущее время, — проступокъ его является насиліемъ. Намъ кажется, что отличить самоуправство отъ насилія можно практически по тому, въ какой формѣ должно ставить вопросъ о причинахъ проступка: при самоуправствѣ, мы спрашиваемъ, для чего обвиняемый совершилъ насиліе, при насиліи же — почему онъ его совершилъ; другими словами, учинившій самоуправство смотритъ впередъ, учинившій же насиліе—назадъ.

Въ заключеніе укажемъ еще, что отнесеніе самоуправства къ каттегоріи проступковъ противъ личности, а не противъ имущества, имѣетъ то значеніе, что потерпѣвшимъ отъ самоуправства слѣдуетъ считать не владѣльца спорнаго имущества, какъ таковаго, а лицо бывшее непосредственнымъ объектомъ самоуправнаго дѣйствія. Понятія эти совпадаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ имущества находится на лицо и является объектомъ насильственнаго дѣйствія; равнымъ образомъ, Сенатъ признаетъ потерпѣвшимъ владѣльца имущества, когда самовольное осуществленіе права послѣдовало въ присутствіи лица его замѣняющаго; но затѣмъ такое осуществленіе права съ насиліемъ надъ личностью рабочихъ или служителей отсутствующаго владѣльца — признается проступкомъ самоуправства лишь по отношенію къ этимъ рабочимъ или служителямъ, хозяинъ же не признается въ такомъ случаѣ потерпѣвшимъ отъ проступка. Сенатъ высказывается въ томъ же смыслѣ. Такъ, въ рѣш. 1875 г. № 50 имъ разъяснено, что „самоуправство есть проступокъ противъ личныхъ, а не имущественныхъ правъ, по этому то лицо, которое отъ самоуправ-

ства понесло только убытки, но не было непосредственнымъ объектомъ проступка, можетъ быть только гражданскимъ истцемъ, но не возбуждать уголовнаго преслѣдованія противъ виновныхъ въ самоуправствѣ". Такъ же высказался Сенатъ и въ рѣш. 74 г. № 133, разъяснивъ, что при согнаніи съ луга косцовъ отсутствовавшаго обвинителя, потерпѣвшимъ отъ преступленія лицомъ представляется не обвинитель, а его рабочіе, которымъ принадлежало право привлеченія обвиняемаго къ отвѣтственности, обвинитель же могъ обратиться къ обвиняемому лишь съ гражданскимъ искомъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, если таковые были причинены ему дѣйствіями обвиняемаго".

Разсмотримъ теперь 2-й проступокъ 142-й ст., а именно проступокъ насилія.

Насиліе есть проступокъ противъ тѣлесной неприкосновенности. Мы только что установили различіе между насиліемъ и самоуправствомъ, при разсмотрѣніи же 133 ст. говорили объ отношеніи насилія къ оскорбленіямъ дѣйствіемъ, въ особенности же по вопросу о легкихъ побояхъ, и тогда же высказали свое мнѣніе по поводу новаго взгляда Сената, относящаго легкія побои всегда къ обидѣ дѣйствіемъ; по этому здѣсь мы не будемъ возвращаться къ этому вопросу. Проступокъ насилія соприкасается съ другими нарушеніями тѣлесной неприкосновенности, а именно съ нанесеніемъ тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчій, предусмотрѣнными Уложеніемъ о нак. и изъятыми изъ подсудности мировой юстиціи; онъ соприкасается также съ преступленіемъ лишенія свободы; насиліе въ данномъ случаѣ отличается отъ лишенія свободы—по разъясненію Сен. рѣш. 67 г. № 84 —именно степенью насилія, или, лучше сказать отсутствіемъ насилія; такъ что подъ 142 ст. подводится удержаніе кого либо въ помѣщеніи помимо нарушенія его тѣлесной неприкосновенности. Такъ въ рѣш. 72 г. № 405 Сенатъ, съ ссылкою на Сравнительный Указатель, подвелъ подъ 142-ю ст. насильственное задержаніе посредствомъ запиранія лица въ комнатѣ. Признаемся что мы, съ своей стороны, не видимъ,

почему этотъ проступокъ не подходитъ подъ дѣйствіе 3-й ч. 1540 ст. Улож. о нак., предусматривающей самовольное и насильственное лишеніе свободы.

Какъ на примѣры насилія укажемъ: на удержаніе за руку въ публичномъ мѣстѣ (рѣш. 1866 г. № 85), вырваніе изъ рукъ стакана (рѣш. 68 г. № 290), битье и тасканіе за волосы (рѣш. 71 г. № 884) и т. п.

ГЛАВА XII.

О проступкахъ противъ правъ семейственныхъ.

143 ст. За отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій, дѣти ихъ, имѣющія достаточныя къ тому средства, подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Сверхъ того, они обязываются къ производству родителямъ соразмѣрнаго съ ихъ средствами пособія.

Обязанность дѣтей давать содержаніе (*alimenta*) родителямъ установлена 238 статьею Гражд. Улож. Ц. П. 1825 года, въ которой сказано: „дѣти должны давать содержаніе (*alimenta*) родителямъ и другимъ восходящимъ, находящимся въ нуждѣ“. Изъ сопоставленія этой статьи со статьею 341-ю того же Уложенія, въ силу которой отецъ управляетъ имуществомъ лично принадлежащимъ его несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, несомнѣнно вытекаетъ, что какъ ст. 238-я Гражд. Улож., такъ и ст. 143 Уст. о нак., имѣютъ въ виду исключительно дѣтей совершенно-лѣтнихъ, т. е. лицъ, имѣющихъ отъ роду „двадцать лѣтъ съ годомъ“, согласно 345 ст. того же Улож. 1825 года. Изъ сопоставленія же ст. 238 Улож. со ст. 143-й Мир. Уст., слѣдуетъ придти къ тому выводу, что хотя въ ст. 238 Улож. говорится объ обязанности давать содержаніе не только родителямъ, но и другимъ восходящимъ родственникамъ, но такъ какъ ст. 143 преслѣдуетъ отказъ въ доставленіи пособій толь-

ко родителямъ, то остальные восходящіе родственники вправѣ требовать выдачи содержанія лишь въ порядкѣ гражданскаго процесса, добиваться же наказанія нисходящихъ родственниковъ, отказавшихъ имъ въ доставленіи содержанія, они, по точному смыслу 143 й ст. Мир. Уст., не могутъ. Родители же могутъ, по нашему мнѣнію, или преслѣдовать своихъ дѣтей въ уголовномъ порядкѣ, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ и присужденія выдачи пособій, или же предъявить искъ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, не требуя вовсе наказанія сына по 143 ст. Уст. о нак. Какъ выводъ же изъ вышеизложеннаго мы считаемъ нужнымъ указать, что признаемъ неправильнымъ рѣшеніе Сената 74 г. № 286, въ которомъ высказано, что „не возможно признать, чтобы такой искъ, какъ вытекающій изъ уголовнаго правонарушенія, могъ быть разсматриваемъ въ гражданскомъ судѣ независимо отъ суда уголовнаго". Какъ мы видѣли выше, искъ этотъ вытекаетъ не изъ уголовнаго правонарушенія только, а изъ обязательства возлагаемаго закономъ на дѣтей и другихъ нисходящихъ, поэтому и можетъ быть, какъ всякій другой споръ о правѣ гражданскомъ, предметомъ разсмотрѣнія суда гражданскаго. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что если гражданскій искъ былъ присоединенъ родителями къ уголовному обвиненію и затѣмъ уголовное преслѣдованіе было прекращено по одной изъ причинъ, перечисленныхъ въ 16 ст. Уст. угол. суд., хотя бы, напримѣръ, за примиреніемъ сторонъ, то судъ обязанъ, по требованію обвинителя, разсмотрѣть его гражданское требованіе тогда же, не требуя отъ помирившагося обвинителя особаго о томъ исковаго прошенія. Это разъяснено было неоднократно Сенатомъ, между прочимъ высказано и въ рѣш. 76 г. № 334.

Для примѣненія 143 ст. необходимо, конечно, чтобы имѣлись на лицо всѣ элементы проступка, преслѣдуемаго 143 статьею; по этому нѣтъ никакого основанія подводить подъ дѣйствіе этой статьи неисполненіе дѣтьми договора, заключеннаго ими съ родителями о доставленіи имъ содержанія, каковые договоры часто встрѣчаются въ судебной практикѣ, хотя бы от-

вѣтчики и были поставлены въ просрочку по всѣмъ правиламъ Кодекса Наполеона. Такое неисполненіе договора можетъ влечь за собою лишь гражданскій искъ, такъ какъ хотя, съ одной стороны, для примѣненія 143 ст. и нѣтъ необходимости въ договорномъ соглашеніи сторонъ, но, съ другой стороны, необходимо установленіе какъ нужды родителей, такъ и наличности средствъ дѣтей, а факты эти не могутъ предполагаться существующими въ виду единственно существованія договора сторонъ.

И такъ, ст. 143-я можетъ быть примѣняема лишь по отношенію къ дѣтямъ по жалобѣ ихъ родителей, при чемъ должно быть установлено: а), что дѣти не просто не содержали родителей, а *отказывали* имъ въ содержаніи; б), что родители нуждаются и в), что дѣти имѣютъ достаточныя къ доставленію пособій средства. Понятія нужды и достатка — понятія относительныя, и установленная въ этомъ отношеніи судомъ фактическая сторона дѣла не подлежитъ повѣркѣ при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ (рѣш. 70 г. № 820). Пособіе же опредѣляется не соразмѣрно съ нуждою родителей, а соразмѣрно со средствами дѣтей, такъ что можетъ случиться какъ то, что размѣръ пособія будетъ не вполнѣ достаточенъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ родителей, такъ и то, что размѣръ этого пособія будетъ выходить изъ предѣловъ подсудности, установленной для мировой юстиціи.

144 ст. За подкинутіе или оставленіе ребенка, однако не въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя ожидать, что онъ будетъ найденъ другими (ст. 28), виновные въ томъ родители и вообще лица, обязанныя имѣть попеченіе о ребенкѣ, подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Ссылка въ текстѣ 144 ст. на ст. 28 Мир. Уст. указываетъ, что проступокъ 144 ст. близко соприкасается съ какимъ либо проступкомъ или преступленіемъ, изъятымъ изъ вѣдомства мировой юстиціи. И дѣйствительно, ст. 1513 и 1514 Улож. о нак.

преслѣдуютъ тоже за подкинутіе или оставленіе ребенка до семи лѣтъ отъ роду, но въ такихъ мѣстахъ „гдѣ нельзя было ожидать, что онъ будетъ найденъ другими". Ст. же 144 говоритъ о подкинутіи или оставленіи ребенка, но *не* въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя ожидать, что онъ будетъ найденъ другими. Разница въ наказаніяхъ громадная (арестъ — по Уставу, ссылка на поселеніе въ Сибирь — по Уложенію), примѣненіе же Устава или Уложенія зависитъ отъ опредѣленія характера той мѣстности, гдѣ оставленъ ребенокъ. Для примѣненія Уложенія суду необходимо придти къ тому убѣжденію, что обвиняемый полагалъ, что данная мѣстность, въ силу общихъ условій, не посѣщаема никѣмъ; разъ же, что нельзя придти къ такому убѣжденію слѣдуетъ примѣнять Уставъ о наказаніяхъ.

Употребляя выраженіе „ребенокъ", 144-й ст. не опредѣляетъ его возраста, но въ виду того, что ст. 1513 и 1514 Улож. о нак. говорятъ о дѣтяхъ лишь до 7-ми лѣтняго возраста, а также въ виду того, что о проступкѣ 144 ст. по отношенію къ дѣтямъ свыше семилѣтняго возраста говорится въ числѣ прочихъ проступковъ въ ст. 1516-й Улож. о нак., слѣдуетъ признать, что мировой юстиціи подсудны проступки подкинутія или оставленія дѣтей лишь до семилѣтняго возраста.

Выраженіе „подкинутіе" ясно само по себѣ, при толкованіи же выраженія „оставленіе" слѣдуетъ принимать во вниманіе выраженіе 1513 статьи Уложенія „съ намѣреніемъ", такъ какъ проступки Уложенія и Устава отличаются лишь — какъ мы видѣли выше—мѣстомъ оставленія ребенка. Подобное „оставленіе съ намѣреніемъ" равносильно подкинутію и указываетъ лишь на различіе чисто внѣшняго свойства: для того, чтобы подкинуть ребенка, нужно его принести, а оставить на мѣстѣ можно и приведеннаго ребенка. Намѣреніе при проступкѣ 144-й ст. направлено именно на оставленіе или подкинутіе ребенка, по этому оно является необходимымъ элементомъ состава даннаго проступка; ненамѣренное, затѣмъ, оставленіе не подлежитъ вовсе наказанію. Подъ лицами „вообще обязанными имѣть о ребенкѣ попеченіе", слѣдуетъ понимать — по

справедливому указанію г. Неклюдова—„всѣхъ лицъ, обязанныхъ заботою о ребенкѣ *по званію, долгу природы или обѣщанію*“ какъ это выражено въ ст. 1516 Улож. о нак.

Замѣтимъ въ заключеніе, что Сенатомъ — въ разъясненіе 144 ст., въ рѣшеніи 71 г. № 1828—высказано, что ст. 144 „не можетъ быть примѣняема къ тѣмъ случаямъ, когда какое либо неизвѣстное лицо оставляетъ ребенка по какому либо случаю въ чужомъ дворѣ или домѣ, въ присутствіи другого лица и не обнаруживая никакого намѣренія поставить ребенка въ такое положеніе, что онъ могъ бы получить нужную ему помощь только вслѣдствіе случайнаго отысканія его кѣмъ либо, а безъ того подвергался бы большей или меньшей опасности. Для примѣненія этой статьи необходимо, чтобы подкинувшіе или оставившіе ребенка дѣлали это тайно, то есть, скрывая себя, и при томъ, когда подкинутіе или оставленіе младенца было сдѣлано не въ виду другихъ людей и при томъ въ такомъ мѣстѣ и при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ нельзя было бы ожидать, что люди могутъ подать ему нужную помощь, и что оставленіемъ младенецъ подвергается опасности отъ стужи, вліянія воздуха или другихъ обстоятельствъ“.

ГЛАВА XIII.

О проступкахъ противъ чужой собственности.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О самовольномъ пользованіи чужимъ имуществомъ и поврежденіи онаго.

145 ст. За самовольное на чужихъ земляхъ, но не въ видѣ кражи, срываніе плодовъ или овощей, за собираніе ягодъ или грибовъ, за поврежденіе деревьевъ въ садахъ или срываніе садовыхъ цвѣтовъ, за вырѣзываніе дерна, а

равно за добываніе песку, глины и т. п., виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Все первое отдѣленіе послѣдней главы Устава о нак. имѣетъ предметомъ своимъ самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ и поврежденіе онаго. Признакъ „самовольности" необходимъ для состава проступка 145-й статьи, такъ какъ очевидно, что пользованіе чужимъ имуществомъ, а также и поврежденіе онаго съ разрѣшенія хозяина вещи — не подлежатъ наказанію. Перечисленіе въ 145 ст. способовъ пользованія чужимъ имуществомъ—только примѣрное, что ясно видно изъ фразы „и тому подобное", оканчивающей 145 статью; что именно можно еще подводить подъ дѣйствіе этой статьи мы укажемъ ниже, теперь же перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію признака „на *чужихъ* земляхъ". Подъ чужою по отношенію къ обвиняемому землею слѣдуетъ понимать не ту землю, которая принадлежитъ обвинителю на правѣ собственности, а ту, которою обвинитель фактически владѣетъ. Это положеніе нужно имѣть въ виду при разсмотрѣніи вообще всего настоящаго отдѣла; оно вытекаетъ изъ того же основанія, о которомъ мы упоминали при разсмотрѣніи 142 ст. Мир. Уст., и которое заключается въ томъ, что законъ охраняетъ фактическое, хотя бы и не законное, владѣніе какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ порядкѣ. Выводъ изъ этого положенія тотъ, что ст. 27-я Уст. угол. суд., въ силу которой дѣла пріостанавливаются до разрѣшенія судомъ гражданскимъ, между прочимъ, и вопроса о правѣ собственности на недвижимость, не можетъ и не должна быть примѣняема при разсмотрѣніи дѣлъ о проступкахъ 145 и слѣд. статей Уст. о нак. Въ этомъ же смыслѣ высказался и Сенатъ. Такъ, въ рѣш. 72 г. № 1322 высказано, что „для правильнаго примѣненія 146-й ст. Уст. о нак. (тоже говорящей о *чужихъ* земляхъ, лѣсахъ и водахъ), не требуется сужденія о правахъ собственности на воды, но достаточно признанія, что лицо, ловившее рыбу, знало, что воды, въ коихъ производило оно ловлю, были чужія, т. е. со-

стояли въ фактическомъ владѣніи другаго, и признаніе этого фактическаго владѣнія могло быть установлено судомъ, разсматривавшимъ уголовное дѣло, безъ нарушенія 27-й ст. Уст. уг. суд.“.

Въ виду вышеизложеннаго трудно согласиться съ рѣшеніемъ Сената 68 г. № 105, коимъ установлено, что самовольное пользованіе лугомъ, когда временное пользованіе имъ обвиняемыми окончилось, а въ ходатайствѣ ихъ объ оставленіи того луга въ ихъ владѣніи отказано, вполнѣ подходитъ подъ дѣйствіе ст. 145 Уст. о нак. Въ данномъ случаѣ фактическое владѣніе принадлежало обвиняемымъ и подлежало охраненію, хотя бы и не законное, если же обвиняемые продолжали пользоваться спорнымъ лугомъ, то противная сторона имѣла, очевидно, лишь право гражданскаго иска, а не уголовной жалобы по 145 ст. Мир. Устава.

Равнымъ образомъ, трудно намъ согласиться и съ мнѣніемъ, высказаннымъ г. Неклюдовымъ (стр. 632 Руков.) и заключающемся въ томъ, что „подъ чужою вещью въ правѣ уголовномъ разумѣется иногда и такая вещь, которая составляетъ собственность подсудимаго, но находится въ чужомъ пользованіи“. Далѣе г. Неклюдовъ примѣромъ разъясняетъ, что арендаторъ можетъ преслѣдовать по 145-й ст. отдавшаго ему въ аренду землю собственника за самовольное пользованіе этою землею. Намъ представляется, что такое примѣненіе 145 ст. Уст. о нак., и такое толкованіе выраженія „*чужая* земля“— являются слишкомъ широкими. Если законъ охраняетъ фактическаго владѣльца, то, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ это въ томъ предположеніи, что онъ является и собственникомъ этой недвижимости; это неоднократно высказывалось Гражд. Кассац. Деп. Пр. Сената, установившимъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, что искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія не можетъ быть предъявляемъ арендаторомъ недвижимости къ ея собственнику; если же фактическое владѣніе не можетъ быть охранаемо противъ собственника гражданскимъ искомъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, то тѣмъ менѣе основаній

имѣется для защиты фактическаго владѣльца отъ собственника, передавшаго ему землю по договору — путемъ уголовнаго процесса. Арендатору остается возможность предъявленія къ собственнику единственно гражданскаго иска объ исполненіи договора противною стороною или же о расторженіи его и объ уплатѣ вознагражденія за вредъ и убытки. Замѣтимъ только при этомъ, что мы говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый безспорно состоитъ собственникомъ данной недвижимости даже и по сознанію самаго обвинителя. Если же потерпѣвшій подалъ на него жалобу какъ на лицо постороннее и отрицаетъ принадлежность ему спорной недвижимости на правѣ собственности, то судъ уголовный не входитъ въ обсужденіе правъ обвиняемаго, не пріостанавливаетъ дѣла производствомъ, а разсматриваетъ единственно, владѣлъ ли фактически обвинитель спорною землею и нарушилъ ли это владѣніе обвиняемый, или же нѣтъ. Также слѣдуетъ подводить подъ дѣйствіе 145 ст. самовольное взятіе собственниками земли хлѣба, посѣяннаго арендаторами, такъ какъ хлѣбъ этотъ, на посѣвъ котораго арендаторъ употребилъ свой трудъ, долженъ считаться несомнѣнно его собственностью до разбора дѣла надлежащимъ судомъ.

Употребленное въ разбираемомъ нами отдѣленіи—а слѣдовательно и въ 145 ст.—выраженіе „чужое" слѣдуетъ понимать не въ объективномъ, а въ субъективномъ смыслѣ; иначе говоря, для признанія даннаго пользованія преступнымъ недостаточно того, чтобы земля эта была чужою для обвиняемаго, т. е. не находилась въ его фактическомъ владѣніи или пользованіи, но необходимо, чтобы обвиняемый *зналъ* что онъ пользуется чужою вещью *и хотѣлъ* воспользоваться этою вещью, именно какъ чужою. Что это такъ и что главную роль въ глазахъ закона при разсматриваемыхъ нами нарушеніяхъ играетъ именно это субъективное настроеніе обвиняемаго, видно во 1-хъ) изъ незначительности тѣхъ нарушеній, которыя преслѣдуются закономъ въ этомъ отдѣлѣ Мир. Устава, а во 2-хъ) доказывается тѣмъ, что безъ этого субъективнаго элемента, безъ этаго явно имѣющагося на лицо умысла попользоваться

чужимъ добромъ, пользованіе, хотя бы и незаконное, чужимъ имуществомъ носитъ характеръ гражданскаго правонарушенія и не можетъ быть преслѣдуемо въ уголовномъ порядкѣ. Поэтому мы вполнѣ согласны со взглядомъ Сената, высказаннымъ имъ въ рѣшеніи 76 г. № 43 и заключающемся въ томъ, что „самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ, не соединенное съ насиліемъ или сопротивленіемъ противъ владѣльца или хранителя этого имущества, составляетъ уголовный проступокъ, предусмотрѣнный Уставомъ о нак., въ томъ только случаѣ, когда посягательство обвиняемаго лица на чужую собственность было умышленное, т. е., когда оно учинено было, не по предполагаемому праву обвиняемаго на чужое имущество, и не при наличности спора его съ потерпѣвшимъ лицомъ о принадлежности этого имущества, а завѣдомо для виновнаго лица о незаконномъ пользованіи его чужою собственностью, и съ намѣреннымъ пренебреженіемъ имъ правъ законнаго и дѣйствительнаго владѣльца этого имущества“. Далѣе въ этомъ рѣшеніи Сенатъ — въ подтвержденіе своей мысли— сослался на Судеб. Уст. изд. Госуд. Канц., въ разсужденіяхъ коихъ по поводу 13 главы высказано, что „если виновный въ самовольномъ пользованіи чужимъ имуществомъ или въ его истребленіи дѣлаетъ это безъ намѣренія или не зная, что имущество не его, а чужое, то въ такомъ случаѣ онъ не можетъ быть подвергаемъ никакому взысканію, а обязанъ только вознаградить, гражданскимъ порядкомъ, причиненные имъ убытки“. Какъ выводъ же изъ вышеизложеннаго Сенатъ указываетъ, что „какъ нечаянное и случайное, такъ и не завѣдомо неосторожное пользованіе чужимъ имуществомъ, не составляетъ еще пользованія самовольнаго, преслѣдуемаго уголовнымъ закономъ“.

Остановимся теперь на выраженіи 145-й ст. „не въ видѣ кражи“. Выраженіе это, понятое буквально, какъ бы показываетъ, что то же самое самовольное на чужихъ земляхъ срываніе плодовъ или овощей, собираніе ягодъ или грибовъ и т. п. можетъ быть учиняемо и въ видѣ кражи, и въ такомъ случаѣ

должно быть наказываемо какъ кража. Подъ кражею понимается тайное похищеніе чужого движимаго имущества съ цѣлью присвоенія. Но и пользованіе не въ видѣ кражи можетъ быть тайное, оно тоже имѣетъ предметомъ своимъ чужое движимое имущество и совершается съ цѣлью присвоенія; цѣнность предмета тоже не можетъ служить указаніемъ для различенія самовольнаго пользованія отъ кражи, такъ какъ предметомъ похищенія могутъ быть тоже вещи крайне незначительной стоимости. Какъ же спрашивается, отличать проступокъ 145-й ст. отъ кражи? Замѣтимъ, что затрудненіе является только по отношенію къ плодамъ и произрастеніямъ не отдѣленнымъ отъ земли или отъ деревьевъ, такъ какъ похищеніе чужаго скошеннаго уже сѣна, а также увозъ ржи сжатой, но еще не убранной съ поля, слѣдуетъ признавать, безспорно, кражею, какъ это и признано Сенатомъ въ рѣш. 69 г. № 196 и 376; по отношенію же къ плодамъ и произрастеніямъ Сенатъ въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ устанавливалъ какъ граничную черту кражи отъ пользованія большую или меньшую доступность произрастеній, признавая кражею похищеніе плодовъ изъ огородовъ и садовъ, какъ мѣстъ оберегаемыхъ изгородью и охраняемыхъ стражею. Но эту попытку нельзя назвать удачною. Не говоря уже о томъ, что и поля могутъ быть огораживаемы и охраняемы стражею, нельзя не замѣтить, что не всякое тайное похищеніе плодовъ, хотя бы и изъ сада, можно признать кражею. Нельзя признать воромъ мальчишку, перелѣзшаго ночью черезъ заборъ и взлѣзшаго на яблонь съ цѣлью полакомиться яблоками. Болѣе удачнымъ слѣдуетъ признать разрѣшеніе вопроса, имѣющееся въ Сенатскомъ рѣшеніи 76 г. № 43, въ которомъ выражено, что проступки 145 ст. состоятъ „по большей части въ пользованіи естественными плодами или принадлежностями чужой недвижимой собственности и являются такимъ самовольнымъ и умышленнымъ нарушеніемъ правъ владѣльца на эту собственность, которое, по прямому значенію и свойствамъ своимъ, не подходитъ подъ признаки кражи, т. е. тайнаго похищенія чужаго имущества

владѣльцу точно извѣстнаго, и имъ охраняемаго, обыкновенными въ житейскомъ быту способами". Совокупность этихъ двухъ послѣднихъ признаковъ необходима — и на нашъ взглядъ—для признанія даннаго дѣянія кражею: точная извѣстность имущества хозяину и усиленное его охраненіе. Отсутствіе же одного изъ этихъ признаковъ обращаетъ самовольное пользованіе въ проступокъ 145 статьи.

Выше мы уже говорили, что ст. 145-я даетъ только примѣръ самовольнаго пользованія и что существуютъ и другіе виды такого пользованія, подходящіе тоже подъ дѣйствіе 145 статьи; такъ напр., согласно рѣш. Сената 70 г. № 1327 и 73 г. № 857, самовольное кошеніе сѣна на чужой землѣ должно быть подводимо подъ дѣйствіе 145-й ст., но въ виду того, что статьею этою преслѣдуется пользованіе, то одна только самовольная запашка чужой земли или засѣвъ ея, конечно, не можетъ подлежать уголовной отвѣтственности, какъ это признано и Сенатомъ въ рѣш. 73 г. № 138 и 74 г. № 610.

146 ст. За самовольную охоту, рыбную или иную ловлю на чужихъ земляхъ или въ чужихъ лѣсахъ и водахъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти руб.

Разъясняя 57 ст. Мир. Уст., мы указывали уже, что при разсмотрѣніи дѣлъ по обвиненію въ незаконной охотѣ слѣдуетъ имѣть въ виду Правила объ охотѣ 17 Іюля 1871 г. и налагать наказаніе, устанавливаемое этими Правилами. Тоже слѣдуетъ сказать и по поводу самовольной охоты, предусмотрѣнной 44 § этихъ Правилъ. Наказаніе налагаемое 44 § одинаково съ наказаніемъ, устанавливаемымъ ст. 146-ю, съ тѣмъ различіемъ однакоже, что денежный штрафъ въ 25 руб. можетъ быть накладываемъ лишь за третій случай самовольной охоты и тогда къ нему присоединяется отобраніе ружья и собакъ, за первый же разъ денежное взысканіе не можетъ превышать 5 руб., а за второй 10 руб.

146-я ст. составляетъ какъ бы продолженіе ст. 145-й, съ тѣмъ отличіемъ, что въ текстѣ 146 ст. не помѣщено выраже-

ніе „не въ видѣ кражи“. Пропускъ этотъ показываетъ, что по мысли законодателя подобная самовольная охота или ловля, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть признаваема кражею. Таковою почитается тайное похищеніе лишь такой дичи или рыбы, которая уже наловлена кѣмъ либо и хранится, хотя бы и живая, въ особыхъ помѣщеніяхъ, напр. рыба въ снастяхъ или въ прудѣ, какъ высказано и Сенатомъ въ рѣш. 71 г. № 1400 и 81 г. № 17. Затѣмъ все сказанное по поводу 145 ст. о характерѣ вообще проступковъ самовольнаго пользованія относится все цѣло и къ 146 статьѣ.

147 ст. За проходъ или проѣздъ чрезъ чужіе луга или поля до уборки съ нихъ посѣвовъ или травъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

148 ст. За прогонъ скота чрезъ чужіе луга или поля, а также за пастьбу скота на чужихъ земляхъ или въ чужомъ лѣсѣ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Тому же взысканію подвергаются виновные въ пастьбѣ скота въ станичныхъ лѣсахъ области войска Донскаго, гдѣ это запрещено.

149 ст. За проѣздъ или прогонъ скота чрезъ сады или огороды, а равно чрезъ луга, поля, рощи и пастбища, обнесенные оградами или канавками, или же когда о запрещеніи проѣзда чрезъ нихъ поставлены предостерегательные знаки, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Статьями 147, 148 и 149 преслѣдуется два проступка: а) проходъ и проѣздъ и б) прогонъ или пастьба скота; проходъ не приравненъ закономъ проѣзду, а прогонъ скота долженъ быть приравниваемъ пастьбѣ его, такъ какъ, очевидно, что при прогонѣ гдѣ либо скотъ непремѣнно и пасется, какъ это замѣтилъ и Сенатъ въ рѣш. 78 г. № 25.

Проходъ запрещается только чрезъ чужіе луга или поля, а не лѣса, и только до уборки съ нихъ посѣвовъ или травъ;

проходъ же чрезъ лѣса, а также чрезъ сады или огороды, а равно чрезъ луга, поля, рощи и пастбища, обнесенные оградами или канавками, или же когда о запрещеніи *проѣзда* чрезъ нихъ поставлены предостерегательные знаки, не можетъ считаться уголовнымъ проступкомъ. Подчеркнутое выраженіе показываетъ, что законъ не придаетъ никакого значенія предостерегательнымъ знакомъ о запрещеніи *прохода,* такъ что лицо, вошедшее въ садъ, у калитки котораго имѣется надпись, гласящая: постороннимъ входъ воспрещается, не можетъ быть наказано по 149-й ст. Мир. Уст. Этотъ взглядъ вытекаетъ не только изъ буквальнаго смысла ст. 147—149, сопоставленныхъ между собою, но и изъ того соображенія, что статьи эти охраняютъ чужое имущество, а не личность, и охраняютъ отъ дѣйствительныхъ нарушеній, не доводя защиту отвлеченнаго принципа право собственности до стѣсненія всѣхъ и каждаго единственно въ цѣли торжества этого принципа. Но съ другой стороны несомнѣнно, что появленіе кого либо въ чужомъ саду, прилежащемъ дому и составляющемъ какъ бы продолженіе домашняго очага, можетъ вызвать со стороны владѣльца сада предложеніе удалиться, неисполненіе чего можетъ повлечь за собою или принужденное „съ нѣкоторымъ насиліемъ" удаленіе непрошеннаго гостя изъ сада или же обвиненіе его въ самоуправствѣ, смотря по обстоятельствамъ дѣла.

Проѣздъ же чрезъ чужіе луга и поля наказуемъ не только при условіи не уборки съ нихъ посѣвовъ или травъ, но и при наличности условій, перечисленныхъ въ 149-й ст. Мир. Уст., а также проѣздъ запрещенъ и чрезъ другія мѣста, перечисленныя въ этой статьѣ; проѣздъ же чрезъ чужую но наѣзженную дорогу—по разъясненію рѣш. Сен. 70 г. № 717—ни въ какомъ случаѣ не подходитъ подъ ст. 149-й Уст. о нак., а проступокъ въѣзда въ лѣсъ предусмотрѣнъ ст. 167 Мир. Устава.

Прогонъ скота чрезъ чужіе луга или поля, а также пастьба скота въ чужомъ лѣсу составляетъ уголовный проступокъ во всякомъ случаѣ, примѣненіе же 149-й ст. обусловливается наличностью перечисленныхъ въ ней признаковъ. Буквальный

смыслъ 148-й ст. и выдѣленіе прогона скота изъ 147-й ст. лишаетъ насъ возможности согласиться съ мнѣніемъ г. Неклюдова, что и прогонъ скота чрезъ луга и поля запрещается лишь до уборки съ нихъ посѣвовъ или травъ: на нашъ взглядъ запрещеніе этого прогона абсолютное.

Относительно пастьбы замѣтимъ, что ее необходимо отличать отъ потравы въ собственномъ смыслѣ этого слова; отличіе это заключается въ томъ, что пастьба является умышленнымъ нагнаніемъ скота на чужую землю, и только пастьба можетъ быть преслѣдуема въ уголовномъ порядкѣ, потрава же можетъ влечь за собою лишь гражданскій искъ. Въ рѣш. 75 года № 716 Сенатомъ объяснено, что „потрава чужихъ угодій, задержанными на нихъ животными, имѣетъ послѣдствіемъ одну имущественную отвѣтственность со стороны владѣльцевъ этихъ животныхъ; потрава же вслѣдствіе самовольной пастьбы скота въ чужихъ угодіяхъ требуетъ обсужденія уголовнаго проступка, предусмотрѣннаго ст. 148 Уст. о нак.“. Въ рѣшеніи же 76 г. № 43 Сенатомъ разъяснено, что „хотя взысканіе за самовольную пастьбу скота не обусловливается непремѣннымъ нахожденіемъ виновнаго лица на мѣстѣ недозволенной пастьбы, но при этомъ нельзя не принять во вниманіе, что уголовное взысканіе можетъ быть обращено на отсутствующаго владѣльца скота не иначе, какъ при томъ условіи, что скотъ былъ впущенъ самовольно имъ самимъ, или же, съ вѣдома и согласія его, другимъ лицомъ, для пастьбы на чужую землю, хотя бы впускъ этотъ состоялъ не только въ умышленномъ вгонѣ, но и въ завѣдомомъ непринятіи необходимыхъ мѣръ для воспрепятствованія скоту перейти на чужую землю“. Въ томъ же смыслѣ высказался Сенатъ въ рѣш. 76 г. № 72; въ рѣшеніи же № 84 за тотъ же годъ Сенатъ высказалъ, что при признаніи судомъ, что пастухи пасли скотъ въ рощѣ по приказанію ихъ хозяевъ, послѣдніе являются участниками проступка и отвѣчаютъ по 148-й ст. Мир. Уст.

При разсмотрѣніи дѣлъ о самовольномъ пользованіи нерѣдко возникаетъ вопросъ о сервитутахъ, обременяющихъ

земли бывшихъ помѣщиковъ въ пользу недвижимой собственности бывшихъ ихъ крестьянъ; поэтому мы считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ вопросѣ. Статьею 11-ю Высочайшаго Указа 19 Февраля 1864 года установлено, что „крестьяне, и по пріобрѣтеніи ими въ собственность ихъ усадьбъ, сохраняютъ право на тѣ угодья (сервитуты), которыми они въ настоящее время (въ 1864 году) пользуются на основаніи престаціонныхъ табелей, контрактовъ, словесныхъ условій или по обычаю, какъ то: права на полученіе строеваго лѣса, дровъ, на сборъ сушняка, валежника, листьевъ для подстилки, на пастбище въ господскихъ лѣсахъ и на дворовыхъ или фольварочныхъ земляхъ“. 13 же Марта 1870 года состоялось Постановленіе Учред. Комитета, установившее правила о порядкѣ пользованія этими сервитутами. Въ виду этихъ законоположеній, суды мировой юстиціи, при обвиненіи крестьянъ въ самовольномъ пользованіи, напр., въ самовольной пастьбѣ скота на земляхъ помѣщика, и при наличности возраженія со стороны обвиняемыхъ, что пастьба эта предоставлена имъ „по табели“, должны, на нашъ взглядъ, поступать слѣдующимъ образомъ. Прежде всего суды должны помнить, что дѣла подобнаго рода возбуждаются не иначе, какъ по жалобамъ потерпѣвшихъ и что собираніе доказательствъ по этимъ дѣламъ на суды не возложено, если же обвиняемые заявляютъ о своемъ сервитутномъ правѣ, то суду надлежитъ, съ пріостановленіемъ дѣла слушаніемъ, предоставить обвиняемымъ возможность доказать свое возраженіе. При доказанности же этого возраженія, судъ не можетъ признавать дѣло себѣ неподсуднымъ, такъ какъ *въ уголовномъ* порядкѣ жалобы на самовольное пользованіе разбираются только судами мировой юстиціи, коммисары же разбираютъ дѣла эти лишь по вопросу о понесенныхъ потерпѣвшимъ убыткахъ и не могутъ налагать какія либо взысканія на перевысившихъ права свои на сервитутъ *въ уголовномъ* порядкѣ; такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, при наличности сервитутнаго права обвиняемыхъ, судъ долженъ постановить, по обвиненію ихъ въ самовольномъ пользованіи, не опредѣле-

ніе о прекращеніи дѣла по неподсудности, а оправдательный приговоръ.

По отношенію къ пастьбищному сервитуту слѣдуетъ замѣтить, что пастьба не можетъ быть признана самовольною, если она производилась именно на пастьбищѣ, обремененномъ такимъ сервитутомъ; самовольное же пользованіе такимъ пастьбищемъ, которое не обозначено въ ликвидаціонной табели какъ обремененное сервитутомъ, подходитъ подъ дѣйствіе 148 ст. Мир. Устава. Оправдательный же приговоръ по обвиненію въ самовольномъ пользованіи долженъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда пользованіе это происходило на пастьбищѣ, обремененномъ сервитутомъ, но когда обвиняемые пасли не такого рода скотъ, не въ такомъ количествѣ и не въ то время, какъ это назначено въ ликвидаціонныхъ табеляхъ или данныхъ; этого рода превышенія сервитутнаго права подлежатъ веденію Учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, согласно Высоч. утв. 21 Мая 1876 г. Положенію Комит. по дѣламъ Царства Польскаго.

150 ст. За свозъ на чужія земли камней, мусору, палыхъ животныхъ и другихъ нечистотъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Статья 150 напоминаетъ ст. 56 Мир. Уст.; различіе между ними состоитъ въ томъ, что ст. 56-я преслѣдуетъ проступокъ противъ общественнаго благоустройства, статья же 150—проступокъ противъ чужой собственности; затѣмъ 56 ст. можетъ быть примѣняема лишь при доказанности того факта, что обвиняемому было отведено мѣсто для своза нечистотъ, статья же 150-я можетъ быть примѣняема во всякомъ случаѣ при доказанности своза нечистотъ обвиняемымъ на чужую землю.

151 ст. За сопротивленіе при задержаніи животныхъ (скота или птицы) въ случаѣ потравы, а равно за самовольный уводъ задержанныхъ животныхъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

Ст. 151-я Мир. Уст. основана на предоставленномъ закономъ владѣльцу недвижимости правѣ охраненія своей недвижимости путемъ задержанія чужихъ животныхъ, пойманныхъ на потравѣ. Этимъ послѣднимъ признакомъ съуживается право задержанія чужихъ животныхъ и задержаніе ихъ *не* на потравѣ не допускается, такъ какъ задержаніе это имѣетъ цѣлью своею облегченіе потерпѣвшему собственнику недвижимости возможности полученія вознагражденія за понесенные имъ отъ потравы вредъ и убытки. Въ связи съ этимъ и сопротивленіе задержанію преслѣдуется лишь въ томъ случаѣ, когда скотъ задержанъ на потравѣ, въ противномъ же случаѣ, то есть когда животныя задерживаются не на потравѣ, со стороны ихъ владѣльца будетъ имѣть мѣсто уже не сопротивленіе, караемое по 151 ст., а охраненіе своего имущества, не составляющее уголовнаго проступка.

Сопротивленіе при задержаніи приравнивается уводу задержанныхъ животныхъ, съ тѣмъ отличіемъ, что сопротивленіе бываетъ явное, соединенное и съ насиліемъ, уводъ же преслѣдуется по 151 ст. тайный, а если и явный, то безъ употребленія насилія, такъ какъ уводъ съ употребленіемъ насилія, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки самоуправства. Сопротивленіе можетъ имѣть мѣсто только въ моментъ задержанія животныхъ на потравѣ, позднѣйшее же отбитіе животныхъ, уже находящихся во владѣніи лица ихъ задержавшаго, должно быть признаваемо тоже самоуправствомъ.

152 ст. За поврежденіе чужихъ канавъ, изгородей, или чужаго движимаго имущества, виновные подвергаются: денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Примѣчаніе. Независимо отъ взысканій по статьямъ 145—152, виновные обязаны уплатить владѣльцу поврежденнаго имущества вознагражденіе, опредѣленное въ положеніи о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ (особ. прил. къ зак. о сост. III).

Поврежденіе чужаго имущества предусматривается не только 152-ю статьею, но и другими статьями какъ Мир. Уст.,

такъ и Улож. о нак. Въ Мировомъ Уставѣ говорится: въ ст. 32 о поврежденіи и порчѣ предостерегательныхъ, межевыхъ и другихъ знаковъ; въ ст. 33—о порчѣ или поврежденіи гербовъ, памятниковъ и т. д.; въ 70 и 72 ст.—о порчѣ тротуаровъ, мостовыхъ и т. п., наконецъ ст. 145 преслѣдуетъ поврежденіе деревьевъ въ садахъ, а объ истребленіи лѣсовъ — говоритъ ст. 155 и слѣд. Мир. Устава. Уложеніемъ же предусмотрѣны: разрытіе могилъ и истребленіе и поврежденіе надгробныхъ памятниковъ (ст. 234 и 235), поврежденіе желѣзныхъ дорогъ (ст. 1081), поврежденіе телеграфовъ (ст. 1140), поврежденіе и истребленіе письменныхъ актовъ и документовъ (ст. 1622) и разрушеніе и поврежденіе строеній, кораблей или судовъ, или же лѣсовъ, садовъ и т. п., а равно рудниковъ (ст. 1621). Послѣдняя статья ближе всего подходитъ къ 152 ст. Мир. Уст., различіе же ихъ заключается въ томъ, что 1621 ст. Улож. имѣетъ въ виду недвижимости въ полномъ ихъ объемѣ, статья же 152-я Устава имѣетъ въ виду кромѣ движимостей, отдѣльныя части недвижимостей. Замѣтимъ еще, что истребленіе чужаго имущества огнемъ (поджогъ) изъято изъ вѣдомства мировой юстиціи и что тайное похищеніе чужаго движимаго имущества, но не съ цѣлью присвоенія, а съ цѣлью истребленія, должно быть подводимо подъ дѣйствіе 152 ст. Мир. Уст.

Понятіе *чужой* вещи въ статьяхъ объ истребленіи (152 и 153) нѣсколько иное, нежели въ предъидущихъ статьяхъ о пользованіи чужимъ имуществомъ. При самовольномъ пользованіи обращается вниманіе на то, въ чьемъ фактическомъ владѣніи находилась недвижимость и только самовольное пользованіе вещью, находившеюся въ чужомъ фактическомъ владѣніи, преслѣдуется въ уголовномъ порядкѣ. Проступокъ же поврежденія или истребленія чужой вещи можетъ имѣть мѣсто и въ томъ случаѣ, когда движимость находилась въ фактическомъ владѣніи истребителя, какъ напр. при закладѣ или отдачѣ на сохраненіе (ст. 1704 и 1706 Улож. о нак.). Въ такомъ случаѣ судъ входитъ въ разсмотрѣніе правъ собственности сторонъ на спорную движимость, не пріостановливая дѣла слушаніемъ

по 27-й ст. Уст. угол. суд., такъ какъ право собственности на движимость можетъ быть доказываема какъ свидѣтельскими показаніями, такъ и фактическими предположеніями (ст. 1703 и 1353 Код. Напол.).

Сенатскимъ рѣшеніемъ 85 г. № 3 подведена подъ дѣйствіе 152 ст. порча клеймъ на пняхъ срубленныхъ деревъ, въ виду Сравнительнаго Указателя и того вреда, который можетъ быть тѣмъ причиненъ лѣсовладѣльцу „нарушеніемъ плановъ его хозяйства“.

Что же касается примѣчанія къ ст. 152-й то, на нашъ взглядъ, оно не имѣетъ силы въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, такъ какъ оно основано на Положеніи о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, не дѣйствующемъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

153 ст. За убой или изувѣченіе чужихъ животныхъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не свыше ста рублей.

Убой или изувѣченіе, такъ же какъ и поврежденіе и какъ самовольное пользованіе, наказывается только умышленный. Подъ изувѣченіемъ слѣдуетъ понимать лишеніе животнаго, на всегда или только на нѣкоторое время, возможности пользоваться поврежденнымъ органомъ. По ст. 153-й преслѣдуется убой въ томъ случаѣ, когда умыселъ виновнаго заключался именно въ томъ, чтобы убить или изувѣчить животное, поэтому если животное убито съ цѣлью присвоенія, то дѣяніе обвиняемаго должно быть наказано какъ кража. Въ этомъ смыслѣ высказался Сенатъ въ рѣш. 1874 г. № 638, разъяснивши, съ другой стороны, въ рѣш. № 887 за 73 г., что лѣченіе животнаго такимъ средствомъ, отъ котораго оно пало, если это сдѣлано безъ умысла на убой, не подходитъ подъ 153 статью.

Самый важный вопросъ при разсмотрѣніи проступка 153 ст. заключается въ томъ, какими признаками отличается онъ отъ проступка 1624 ст. Улож. о нак. Въ статьѣ этой сказано: „за истребленіе рыбы въ прудахъ и рѣкахъ посредствомъ от-

равленія воды ядовитыми или сильно дѣйствующими веществами, виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. За отравленіе съ умысломъ чужаго скота или иныхъ не принадлежащихъ виновному домашнихъ животныхъ, изобличенные въ семъ дѣяніи подвергаются: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ, или аресту на время отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ, или же денежному взысканію не свыше двадцати рублей". И такъ, ст. 1624 Улож. говоритъ объ *отравленіи*, статья же 153 Уст. о нак. говоритъ объ *убоѣ* и казалось бы что *способъ* истребленія является единственнымъ признакомъ, отличающимъ проступокъ 1624 ст. Улож. отъ проступка 153-й ст. Устава; но Сенатъ иначе смотритъ на этотъ вопросъ и въ рѣш. Общ. Собр. 1-го и Касац. Департ. высказалъ — съ ссылкою на рѣш. Угол. Кас. Деп. за 73 годъ № 887 — что „къ поступку подсудимаго могла быть примѣнена ст. 153-я Уст. о нак. лишь въ томъ случаѣ, если бы было установлено, что онъ далъ лошади ядовитое лекарство умышленно, съ цѣлью отравить ее, и что существеннымъ признакомъ преступленія, предусмотрѣннаго въ ст. 1624 Улож. о нак., опредѣляющей наказаніе за отравленіе съ умысломъ чужаго скота или другихъ домашнихъ животныхъ или же рыбы въ прудахъ и рѣкахъ, разграничивающимъ это преступленіе отъ проступка, означеннаго въ ст. 153 Уст. о нак., представляется общеопасность дѣянія обвиняемаго, т. е. когда дѣйствія его направлены противъ цѣлаго стада, табуна, или большаго числа животныхъ и когда, слѣдовательно, потерпѣвшій подвергается гораздо болѣе значительному имущественному ущербу и разстройству въ хозяйствѣ, въ сравненіи съ тѣмъ убыткомъ, который наносится ему отравленіемъ одного или только нѣсколькихъ домашнихъ животныхъ". Съ этимъ Сенатскимъ рѣшеніемъ мы рѣшительно не можемъ согласиться.

Замѣтимъ прежде всего, что ссылка на рѣш. Угол. Кассац. Деп. Прав. Сената за 1873 г. № 887 представляется нѣсколко не точною, такъ какъ въ томъ рѣшеніи вовсе не имѣет-

ся тѣхъ соображеній, которыя приведены въ цитированномъ нами рѣшеніи 82 г. № 46: соображенія эти являются впервые въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи. Въ соображеніяхъ этихъ признакъ отравленія, какъ способъ уничтоженія, признакъ, такъ сказать, качественный, замѣненъ признакомъ количественнымъ, при чемъ Сенатъ не устанавливаетъ, да и не можетъ установить, ту границу, которая отдѣляетъ проступокъ 153-й ст. Устава отъ проступка 1624 ст. Уложенія, такъ какъ онъ признаетъ въ этомъ рѣшеніи, что отравленіе „большаго числа“ животныхъ подходитъ подъ дѣйствіе 1624 ст. Улож., отравленіе же 4-хъ лошадей призналъ предусмотрѣннымъ 153-ю статьею Устава. Съ какой же цифры слѣдуетъ считать это „большее число“? И какъ не признать, что понятіе это, какъ понятіе количественное,—относительно и что то самое количество, которое въ одномъ хозяйствѣ является незначительнымъ, въ другомъ хозяйствѣ является, на оборотъ, весьма значительнымъ. Шаткость этого признака очевидна сама по себѣ и основывать различіе на такомъ шаткомъ признакѣ значитъ давать поводъ къ постоянному смѣшенію проступковъ. Приданіе этому признаку такого рѣшающаго значенія вовсе не основано на текстѣ сравниваемыхъ узаконеній, такъ какъ и въ ст. 153 Уст. и въ 1624 ст. Улож. говорится о животныхъ въ множественномъ числѣ, и самъ Сенатъ признаетъ, что отравленіе напр. четырехъ лошадей подходитъ подъ дѣйствіе 153-й ст. Устава. Сенатъ говоритъ только о болѣе значительномъ имущественномъ ущербѣ и разстройствѣ въ хозяйствѣ, но развѣ отравленіе четырехъ лошадей у хозяина, у котораго только и было всего на все четыре лошади, не принесетъ большаго разстройства въ хозяйствѣ, нежели отравленіе 50 лошадей у хозяина, считающаго ихъ сотнями; между тѣмъ по взгляду Сената выходитъ какъ разъ на оборотъ.

Общеопасность дѣянія обвиняемаго слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, въ способѣ уничтоженія, въ употребленіи ядовитаго вещества, наказывать же строже только вслѣдствіе большаго ущерба, быть можетъ, случайнаго, значило бы нака-

зывать не по мѣрѣ содѣяннаго; притомъ же, убытокъ и разстройство въ хозяйствѣ можетъ быть причиненъ и путемъ *убоя* цѣлаго табуна или „большаго числа" животныхъ, а между тѣмъ Сенатъ ничего не говоритъ о томъ, да и не можетъ говорить, чтобы *убой* большаго числа животныхъ подходилъ подъ дѣйствіе 1624 ст. Улож., а не 153-й ст. Устава. Это тоже указываетъ на шаткость устанавливаемаго Сенатскимъ рѣшеніемъ признака. Наконецъ замѣтимъ, что въ ст. 1624 Улож., во 2-й ея части, въ новой редакціи, имѣется наказаніе денежнымъ штрафомъ до 20 руб., т. е. наказаніе значительно меньшее сравнительно съ наказаніемъ, устанавливаемымъ 153 ст. Устава — арестъ до мѣсяца и штрафъ до ста рублей, что можетъ быть понятно только въ томъ случаѣ, если признавать, что ст. 1624 Улож. караетъ и за отравленіе хотя бы и одного домашняго животнаго, такъ какъ иначе трудно объяснить себѣ, почему необходимо было устанавливать столь широкія рамки и допускать наказаніе по этой статьѣ отъ 4 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія до 20 руб. денежнаго взысканія. Если бы отравленіе, какъ способъ уничтоженія, не играло никакой роли при разграниченіи проступковъ 153 ст. Уст. и 1624 ст. Улож., то наказаніе по 1624 ст. не могло бы быть ниже наказанія по 153 ст. Уст., что въ настоящее время имѣетъ мѣсто; если же способъ уничтоженія имѣетъ значеніе, то его одного достаточно для разграниченія разсматриваемыхъ нами проступковъ, тѣмъ болѣе, что въ Уложеніи говорится только объ отравленіи, а въ ст. 153-й — только объ убоѣ, и не принято говорить: убой посредствомъ отравленія, а, напротивъ того, убой, обыкновенно, противополагается отравленію, или, лучше сказать, и въ обыденной жизни отравленіе выдѣляется изъ другихъ способовъ лишенія жизни. Говорятъ: убилъ выстрѣломъ изъ револьвера, убилъ ударомъ ножа, но не говорятъ: убилъ ядомъ, а просто—отравилъ.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ тому заключенію, что отравленіе хотя бы одной штуки домашняго скота или птицы подходитъ — вопреки взгляду Сенатскихъ рѣшеній

—не подъ дѣйствіе 153-й ст. Мир. Уст., а подъ дѣйствіе 1624 ст. Улож. о нак.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О похищеніи и поврежденіи чужаго лѣса.

154 ст. За похищеніе лѣса или лѣсныхъ произведеній, уже заготовленныхъ и сложенныхъ, а также изъ мѣстъ складовъ, устроенныхъ для ихъ храненія. виновные подвергаются:

взысканіямъ, опредѣленнымъ за кражу (ст. 169—172).

155 ст. За похищеніе изъ лѣса деревъ, какъ стоящихъ на корню, такъ и буреломныхъ и валежныхъ или частей ихъ, а также за самовольную порубку въ лѣсахъ, хотя и безъ вывоза срубленныхъ деревъ, виновные подвергаются, сверхъ отобранія похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса, или уплаты его стоимости:

въ первый разъ денежному взысканію, равному двойной цѣнѣ похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса;

во второй разъ—денежному взысканію, равному тройной цѣнѣ похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса, или же, сверхъ денежнаго взысканія, равнаго двойной цѣнѣ этого лѣса, аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ;

а въ третій или болѣе разъ — денежному взысканію, равному двойной цѣнѣ похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса, и заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Не считается повтореніемъ похищенія или самовольной порубки лѣса, когда они совершены хотя и не въ первый разъ, но по истеченіи двухъ лѣтъ со времени состоявшагося за прежній лѣсной проступокъ приговора.

Приступая къ разсмотрѣнію отдѣла о похищеніи и поврежденіи чужаго лѣса, необходимо прежде всего установить,

чѣмъ отличается понятіе кражи лѣса отъ понятія самовольной его порубки. Если мы обратимся сначала къ ст. 155-й, преслѣдующей порубку, то увидимъ, что она говоритъ о похищеніи деревъ, какъ стоящихъ на корню, такъ и буреломныхъ и валежныхъ или частей ихъ; слѣдовательно, похищеніе деревъ не стоящихъ на корню, а также не буреломныхъ или валежныхъ, должно подходить подъ дѣйствіе 154 ст. Мир. Уст. и приравниваться кражѣ. Изъ содержанія же этой послѣдней—154-й—статьи мы усмотримъ, что кражею она признаетъ „похищеніе лѣса или лѣсныхъ произведеній, уже заготовленныхъ и сложенныхъ, а также изъ мѣстъ складовъ, устроенныхъ для ихъ храненія". Такимъ образомъ, въ статьѣ этой говорится а) о лѣсѣ и б) о лѣсныхъ произведеніяхъ, и изъ сопоставленія ст. 154 со ст. 155 вытекаетъ, что похищеніе *лѣса* уже срубленнаго, или иначе, не стоящаго на корню вслѣдствіе затраченнаго на то труда, является кражею. Что же касается *лѣсныхъ произведеній*, то на первый взглядъ представляется, что похищеніе ихъ въ томъ лишь случаѣ составляетъ кражу, когда произведенія эти не только заготовлены, но и сложены, и что, слѣдовательно, похищеніе заготовленныхъ, но еще не сложенныхъ лѣсныхъ матеріаловъ должно разсматриваться не какъ кража, а какъ порубка. Въ такомъ смыслѣ высказался и Сенатъ въ рѣш. 71 г. № 996 и 72 г. №№ 1060 и 1584. Съ особенною ясностью высказался Сенатъ въ рѣш. 1872 г. № 1060, признавъ, что „похищеніе деревъ, хотя срубленныхъ хозяиномъ лѣса, но еще не сложенныхъ, не можетъ быть подводимо подъ 154 ст., такъ какъ въ этомъ проступкѣ не доставало бы существеннаго признака преступленія, предусмотрѣннаго этою статьею, а именно того, что лѣсъ, вырубленный его собственникомъ, былъ приведенъ уже въ какой либо порядокъ и превращенъ въ такъ называемый лѣсной матеріалъ, приготовленный для какого либо извѣстнаго употребленія". Но благодаря особой ясности этого рѣшенія, скорѣе обнаружилась, какъ это всегда бываетъ, ошибочность проводимаго въ этомъ рѣшеніи Сенатомъ взгляда, въ силу котораго даже выходило, что похищеніе *лѣса* мо-

жетъ быть наказываемо какъ кража лишь въ случаѣ похищенія *лѣснаго матеріала*, тогда какъ въ ст. 154 говорится о похищеніи лѣса *или* лѣснаго матеріала.

Но уже въ 1874 году, въ рѣш. № 153, Сенатъ отступилъ отъ этого взгляда, разъяснивъ, что ст. 154-я Мир. Уст. можетъ быть примѣнена къ похищенію вообще такого рода „лѣсныхъ произрастеній", „къ заготовкѣ коихъ владѣлецъ приложилъ свой трудъ, такъ что обвиняемый при похищеніи присвоиваетъ себѣ не только произведеніе лѣса, но и цѣнность употребленнаго владѣльцемъ лѣса труда". Далѣе въ этомъ рѣшеніи говорится: „если такимъ образомъ трудъ, употребленный владѣльцемъ на заготовку лѣсныхъ произведеній, есть существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 154 ст., то очевидно, что вопросъ о видѣ и средствахъ заготовки не можетъ имѣть вліянія на измѣненіе свойствъ этого преступнаго дѣянія. Поэтому, употребилъ ли владѣлецъ трудъ свой на срубку дерева съ корня или очистку бурелома отъ коры или вѣтвей, въ обоихъ случаяхъ похитившій заготовленныя лѣсныя произведенія подлежитъ взысканію по 154-й ст. Точно также не измѣняетъ существа проступка и то обстоятельство, что произведенія не были сложены. Хотя въ ст. 154 говорится о произведеніяхъ, заготовленныхъ и сложенныхъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что законъ не имѣетъ въ виду обусловливать примѣненіе этой статьи оовмѣстнымъ существованіемъ обоихъ этихъ признаковъ. Множество лѣсныхъ заготовленій, напр., бревна, хотя и заготовляются въ лѣсу, но складываются и сортируются уже по вывозѣ изъ лѣса; точно также и другія мелкія заготовленія нерѣдко остаются въ лѣсу несложенными, но не подлежитъ сомнѣнію, что похищеніе ихъ изъ лѣса должно преслѣдоваться по ст. 154, а не по 155 Уст. о нак.". Отъ этого своего взгляда Сенатъ не отступилъ и по настоящее время, и намъ представляется правильнымъ придерживаться этого взгляда по вопросу о разграниченіи проступковъ 154 и 155 ст. Мир. Устава.

Въ практикѣ Сената возбуждался вопросъ о свойствѣ

проступка обвиняемаго, похитившаго изъ подъ присмотра тотъ самый лѣсъ, въ самовольной порубкѣ котораго онъ обвиняется. Сенатъ — въ рѣш. 77 г. № 46 — по этому вопросу высказалъ, что „порубщики, увозящіе самовольно срубленный ими лѣсъ тайно отъ лица, которому онъ былъ отданъ на сохраненіе, совершаютъ преступленіе, вполнѣ соотвѣтствующее, по своимъ признакамъ, законному понятію о кражѣ (ст. 1644 Улож. о нак.), и что самовольная порубка чужаго лѣса, составляя самостоятельный проступокъ, предусмотрѣнный ст. 155-ю Уст. о нак., нисколько не уничтожаетъ противозаконности похищенія подсудимыми, хотя бы и того же самаго лѣса, но находившагося уже подъ присмотромъ“.

Хотя похищеніе уже срубленнаго лѣса подходитъ подъ понятіе кражи, но, тѣмъ не менѣе, Уст. о нак. не предусматриваетъ покушенія на похищеніе лѣса. Это признано и Сенатомъ, въ рѣш. 76 г. № 332, разъяснившимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что „обвиняемый, застигнутый въ то время, когда онъ забиралъ лѣсъ на свою подводу, долженъ быть признаваемъ уже изъявшимъ похищенное изъ владѣнія собственника, т. е. совершившимъ похищеніе лѣса, а не покушеніе на оное, и затѣмъ подлежитъ установленному за похищеніе лѣса взысканію или наказанію“.

155-я ст. преслѣдуетъ похищеніе деревъ *изъ лѣса* и самовольную порубку *въ лѣсахъ*. Согласно этому Сенатомъ въ рѣш. 71 г. № 1414 высказано, что „похищеніе березы изъ сада нельзя подвести ни подъ силу 145 ст., которая предусматриваетъ только повреждeніе деревьевъ, а не похищеніе ихъ, ни подъ ст. 155-й о похищеніи деревьевъ изъ лѣса, такъ какъ деревья, въ лѣсу находящіяся, вообще предназначены для срубки и похищеніе ихъ не имѣетъ столь преступнаго характера, какъ самовольная пилка или срубка деревьевъ, находящихся въ садахъ и не предназначенныхъ для рубки“. Равнымъ образомъ, въ рѣш. 78 г. № 7 Сенатомъ высказано, что „кража подобныхъ (вокругъ усадьбы посаженныхъ) деревьевъ, растущихъ не въ лѣсахъ и не предназначенныхъ для вырубки, пре-

слѣдуется не по 155 ст. и слѣд. Уст. о нак., а по 169 ст. того же Устава“.

155 ст. преслѣдуетъ порубки въ *чужихъ* лѣсахъ; хотя въ текстѣ 155-й ст. выраженіе это не помѣщено, но все отдѣленіе озаглавлено: о похищеніи и поврежденіи *чужаго* лѣса, поэтому порубку собственнаго своего лѣса, вырубка коего запрещена обвиняемому, должно подводить подъ дѣйствіе не 155, а 29 ст. Уст. о нак. Подъ *чужимъ* же по отношенію къ лѣсу слѣдуетъ понимать лѣсъ, находящійся *въ чужомъ фактическомъ владѣніи.* Въ рѣш. Сената 76 г. № 331 высказано, что разъясненіе вопроса о самовольной порубкѣ чужаго лѣса, какъ и вообще о самовольномъ пользованіи чужимъ имуществомъ, вовсе не зависитъ отъ права собственности на имущество, а отъ того: въ чьемъ фактическомъ владѣніи находилось это имущество во время совершенія проступка, такъ какъ самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ есть нарушеніе фактическаго владѣнія, охраняемаго закономъ отъ нарушеній, хотя бы даже оно было и незаконно“.

Признавая взглядъ этотъ вполнѣ правильнымъ, мы считаемъ, однакоже, нужнымъ замѣтить, что вопросъ о фактическомъ владѣніи имѣетъ безусловное значеніе, когда между сторонами или вовсе не возникаетъ вопросъ о правѣ собственности, или же когда онъ является между сторонами спорнымъ; когда же стороны не отрицаютъ того, что одна изъ нихъ состоитъ собственникомъ даннаго участка лѣса; а другая—фактическимъ его владѣльцемъ въ силу договора, то, очевидно, что обвиненіе въ самовольной порубкѣ не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи собственника, потому что лѣсъ этотъ ему не чужой, въ отношеніи же владѣльца — потому что лѣсъ этотъ находится въ его же фактическомъ владѣніи, такъ что споръ сторонъ подлежитъ разсмотрѣнію суда гражданскаго, съ постановленіемъ оправдательнаго приговора по уголовному обвиненію.

Равнымъ образомъ замѣтимъ, что обвиненіе въ порубкѣ не можетъ быть предъявлено къ одному изъ владѣльцевъ лѣса

находящагося въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, хотя бы право собственности обвиняемаго на спорный участокъ отрицалось обвинителемъ, если только фактическое владѣніе сторонъ было общее.

Что же касается умысла при порубкѣ, то Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній до 74 года высказывалъ, что порубка лѣса можетъ быть преслѣдуема по 155-й ст. лишь въ томъ случаѣ, если она произведена съ корыстною цѣлью, но затѣмъ въ рѣш. 76 г. № 247 имъ высказано, что „по смыслу 155 ст., для примѣненія правилъ этой статьи къ самовольнымъ порубщикамъ, вовсе не требуется, чтобы порубка была совершена съ корыстною цѣлью, такъ какъ статьею этою преслѣдуется вообще самовольная порубка, хотя бы даже и безъ вывоза срубленныхъ деревъ, а по пункту *е* ст. 156-й Уст. о нак. порубка лѣса не изъ нужды, а изъ корысти, служитъ только поводомъ къ увеличенію опредѣленнаго въ ст. 155 денежнаго взысканія на одну половину". Тотъ же взглядъ высказанъ и въ рѣш. 78 г. № 36, а въ рѣш. за 1886 г. по д. Ольшевскихъ Сенатомъ разъяснено, что такъ какъ по 155 ст. преслѣдуется не только похищеніе, но и порубка лѣса, то „Съѣздъ не имѣлъ основанія оправдывать обвиняемыхъ въ виду того, что, рубя лѣсъ обвинителя, они не имѣли цѣлью похищеніе чужаго лѣса". Съ правильностью взгляда этихъ послѣднихъ рѣшеній нельзя не согласиться и слѣдуетъ признать, что умыселъ при порубкѣ долженъ заключаться именно въ порубкѣ *завѣдомо чужаго* лѣса; порубка же чужаго лѣса по ошибкѣ не можетъ влечь за собою наказаніе по 155-й ст. Г. Неклюдовъ полагаетъ, что порубка чужаго дерева, сдѣланная исключительно для поврежденія чужаго имущества по злобѣ и т. п., подлежитъ наказанію не по 155, а по 152 ст. Мир. Уст. Въ виду вышеприведеннаго нельзя согласиться съ этимъ его взглядомъ, тѣмъ болѣе, что порча деревъ въ лѣсу—безразлично отъ цѣли этой порчи—подходитъ подъ дѣйствіе 2 п. 158 ст., которымъ предусматривается порча безъ порубки, порубка же очевидно подходитъ подъ дѣйствіе 155 статьи.

Выше мы сказали, что порубка чужаго лѣса по ошибкѣ не наказуема. Сенатъ — въ рѣш. 72 г. № 1212 — высказалъ, что къ неосторожной порубкѣ можетъ быть примѣняема 9 ст. Уст. о нак.; но на нашъ взглядъ, въ виду того, что знаніе о принадлежности лѣса обвинителю составляетъ необходимый признакъ проступка 155-й ст., примѣненіе въ данномъ случаѣ 9-й ст. не можетъ имѣть мѣста.

Относительно же окончанія проступка, мы уже указывали, при разсмотрѣніи 154-й ст., что, согласно Сен. рѣш. 76 г. № 332, захватъ подсудимаго въ то время, когда онъ забиралъ лѣсъ на свою подводу, даетъ право признать его изъявшимъ похищенное изъ владѣнія собственника, т. е. совершившимъ оконченное похищеніе, а не покушеніе на него.

Вопросъ о способахъ опредѣленія подсудности того или другого дѣла о порубкѣ мировой юстиціи нерѣдко возбуждался на практикѣ. Главнымъ образомъ возбуждалось сомнѣніе въ правильности постан. 21 п. Прав. 15-го Мая 1867 года, въ силу котораго разсмотрѣнію мировой юстиціи подлежали лишь тѣ дѣла, убытокъ по которымъ не превышалъ 100 рублей. Въ настоящее время не могутъ имѣть мѣста, на нашъ взглядъ, никакія сомнѣнія, такъ какъ, согласно 2 прим. къ 1 ст. Уст. о нак., дѣла о порубкахъ „подлежатъ вѣдомству мировыхъ судей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна похищенныхъ, самовольно срубленныхъ или поврежденныхъ лѣсныхъ произведеній не превышаетъ трехсотъ рублей". Примѣчаніе это основано на законѣ 18-го Дек. 85 г., увеличившемъ подсудность мировыхъ судей по дѣламъ о порубкахъ и давшемъ имъ право налагать денежныя взысканія до 900 руб. Очевидно, что прим. 2 къ 1-й ст. Мир. Уст. находится въ связи съ этимъ увеличеніемъ подсудности мировыхъ судей и имѣетъ въ виду возможность наложенія тройнаго штрафа отъ суммы 300 руб. Что же касается гминныхъ судовъ, то такъ какъ подсудность ихъ осталась неизмѣненною и они не могутъ разсматривать дѣла о проступкахъ противъ чужой собственности, когда цѣна похищеннаго или присвоеннаго превышаетъ 30 руб., то по от-

ношенію къ нимъ вопросъ о подсудности имъ дѣлъ о порубкахъ лишь на сумму не свыше 30 руб. представляется безспорнымъ.

По вопросу о возбужденіи и прекращеніи дѣлъ о порубкахъ мы высказались подробно при разсмотрѣніи 20-й ст. Мир. Уст., куда и отсылаемъ въ настоящее время нашихъ читателей.

Относительно наказаній за порубку замѣтимъ: а), что присужденіе къ уплатѣ стоимости порубленнаго или похищеннаго лѣса можетъ послѣдовать лишь въ томъ случаѣ, если обвиняемый забралъ порубленное дерево и таковаго у него уже не оказалось; б), что при второй порубкѣ суду предоставляется выборъ между присужденіемъ обвиняемаго къ уплатѣ тройной стоимости порубленнаго, или же двойной его стоимости съ присоединеніемъ тогда наказанія его арестомъ, къ которому въ такомъ случаѣ судъ уже обязанъ приговорить подсудимаго; в), что судъ обязанъ приговаривать къ тюремному заключенію за третью и слѣдующія порубки, при чемъ и 4-я и слѣдующія порубки продолжаютъ быть подсудными мировой юстиціи и г), что понятіе о повтореніи при учиненіи лѣсныхъ порубокъ то же, что установлено 3 пунктомъ 14 ст. Уст. о нак., т. е. — совершеніе новой порубки послѣ вошедшаго въ законную силу обвинительнаго о томъ же обвиняемомъ за прежпюю порубку приговора суда, причемъ, истеченіе двухлѣтняго срока исключаетъ возможность болѣе строгаго наказанія за второй проступокъ, какъ за повтореніе.

Въ заключеніе замѣтимъ, что при наличности доказаннаго возраженія о принадлежности обвиняемому лѣснаго сервитута, онъ въ томъ лишь случаѣ можетъ быть оправданъ по обвиненію въ лѣсной порубкѣ,—съ тѣмъ, что обвинитель можетъ жаловаться на него въ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ,— если порубка послѣдовала въ гаевый день и обвиняемый впущенъ былъ въ лѣсъ для пользованія сервитутомъ, согласно правиламъ, установленнымъ Пост. Учр. Ком. 16 Марта 70 г.; крестьянинъ же, тайно срубившій дерево въ лѣсу, хотя бы и

обремененномъ лѣснымъ сервитутомъ, и срубившій его не въ гаевый день и въѣхавши въ лѣсъ не по билету, долженъ разсматриваться какъ простой порубщикъ и подлежать дѣйствію 155-й статьи.

156 ст. Виновные въ совершеніи предусмотрѣнныхъ статьею 155 проступковъ, хотя бы и въ первый разъ, могутъ быть подвергнуты взысканіямъ и наказаніямъ, опредѣленнымъ въ той статьѣ за второй разъ: 1) когда похищеніе или порубка произведены въ заказныхъ рощахъ и участкахъ, а также въ лѣсахъ, обнесенныхъ заборомъ, изгородью, канавою или другою оградою; 2) когда эти проступки совершены ночью; 3) когда похититель или самовольный порубщикъ употребилъ какія либо средства, чтобы не быть опознаннымъ лѣсною стражею, или, на спросъ ея, отказался объявить свое имя, или выдалъ себя ложно за другаго; 4) когда порублены или вырваны съ корнемъ сѣмянныя или посаженныя деревья; 5) когда деревья спилены; 6) когда порубщикъ употребилъ какія либо особыя средства, чтобы скрыть слѣды порубки; 7) когда похищеніе или порубка учинены нѣсколькими лицами; 8) когда похищеніе или порубка сдѣланы не по нуждѣ, а изъ корысти.

157 ст. Не вмѣняются въ вину:

1) мелочныя порубки, сдѣланныя проѣзжающими въ лѣсу для необходимой въ пути починки, за исключеніемъ лишь деревъ посѣянныхъ и посаженныхъ, и

2) порубка или собираніе валежника и хвороста — въ казенныхъ лѣсахъ, когда, на основаніи Устава Лѣснаго, дѣйствія эти не считаются противозаконными.

158 ст. Опредѣленнымъ за самовольную порубку (ст. 155 и 156) взысканіямъ и наказаніямъ подлежатъ и тѣ:

1) кто будетъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, расчищать чужія лѣсныя угодья или предназначенныя подъ зарощеніе лѣсомъ поляны, а равно засаженныя или засѣянныя лѣсомъ мѣста;

2) кто будетъ дѣлать въ чужомъ лѣсѣ насѣчки для добыванія смолы, или соку, или же обнажать деревья для полученія коры, лыкъ и т. п., или другимъ образомъ портить растущія деревья;

3) кто, при дозволенной рубкѣ казеннаго лѣса, сдѣлаетъ порубку противъ назначеннаго количества деревъ или размѣровъ ихъ по длинѣ или толщинѣ, если притомъ перерубка окажется болѣе десяти на сто по количеству деревъ;

4) кто, при дозволенной рубкѣ казеннаго лѣса, вырубитъ лѣсъ не той породы, какъ было условлено, или же вырубитъ мачтовыя или другія запрещенныя деревья;

5) кто, получивъ дозволеніе на добываніе въ казенныхъ лѣсахъ смолы, дегтя, поташа, угольевъ, лыкъ, мочалы, лубьевъ, или на заготовленіе дровъ, ободьевъ, дугъ, оглобель и т. п. лѣсныхъ издѣлій, заготовитъ ихъ болѣе дозволеннаго количества, если притомъ излишекъ будетъ превышать десять на сто противъ дозволеннаго количества;

6) кто, при сплавѣ лѣса или лѣсныхъ издѣлій безъ билета, окажется виновнымъ въ незаконномъ ихъ пріобрѣтеніи.

Ст. 156 — 158 вызываютъ только слѣдующія указанія: а) подъ 1-й п. ея слѣдуетъ подводить порубки въ загайникахъ (называемыхъ въ Выс. утв. Прав. 31 Дек. 75 г. тоже заказниками); б) при наличности условій, перечисленныхъ въ ст. 156, наказаніе только *можетъ* быть увеличено, то есть, это увеличеніе наказанія предоставляется вполнѣ усмотрѣнію суда, и в) пункты: 3, 4 и 5 ст. 158-й не могутъ быть примѣняемы въ губерніяхъ Царства Польскаго, какъ имѣющіе въ виду проступки въ *казенныхъ* лѣсахъ.

159 ст. За укрывательство или покупку завѣдомо похищеннаго или самовольно срубленнаго другими лѣса и лѣсныхъ произведеній, виновные подвергаются, сверхъ

отобранія лѣса и лѣсныхъ произведеній, или уплаты ихъ стоимости:

въ первый разъ, денежному взысканію, равному цѣнѣ принятаго или купленнаго лѣса;

во второй разъ, тому же денежному взысканію или, сверхъ того, и аресту не свыше шести недѣль;

а въ третій или болѣе разъ — тому же денежному взысканію и заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ совершенія означенныхъ въ сей (159) статьѣ проступковъ лѣсопромышленниками, наказаніе имъ опредѣляется по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

Ст. 159-я выдѣляетъ проступокъ укрывательства или покупки завѣдомо похищеннаго лѣса и лѣсныхъ произведеній изъ таковыхъ же проступковъ укрывательства и покупки завѣдомо краденнаго, предусмотрѣнныхъ ст. 172 и 180-ю Уст. о нак. Сенатская практика по вопросу о примѣненіи 159-й ст. колебалась. Такъ, въ рѣш. 72 г. № 563 высказано, что „укрывательство завѣдомо похищенныхъ лѣсныхъ произведеній составляетъ по закону особый видъ укрывательства, предусмотрѣнный въ 159 ст., и что за существованіемъ этого спеціальнаго закона, общее наказаніе за укрывательство кражи, опредѣленное 172 ст. уже не можетъ быть примѣняемо". Въ рѣш. 73 г. № 471 выражено, что ст. 159-я относится до тѣхъ лишь лѣсныхъ произведеній, о коихъ упоминается въ ст. 154-й; въ рѣшеніи же 79 г. № 72 Сенатъ объяснилъ, что 159 ст. примѣняется лишь къ укрывательству лѣса, добытаго при условіяхъ, указанныхъ въ 155 статьѣ. Наконецъ, въ рѣш. 82 г. № 47 Сенатъ разъяснилъ, согласно своему первоначальному взгляду, что дѣйствіе 159-й ст. должно быть распространяемо на всѣ случаи покупки завѣдомо похищенныхъ лѣса или лѣсныхъ произведеній, хотя бы самое похищеніе ихъ и было учинено при условіяхъ, указанныхъ въ 154-й статьѣ. Это послѣднее рѣшеніе, какъ наиболѣе соотвѣтствующее точному смыслу 159-й ст., и слѣдуетъ примѣнять какъ къ случаямъ покупки

завѣдомо похищеннаго или срубленнаго лѣса и лѣсныхъ произведеній, такъ и къ случаямъ ихъ укрывательства. Проступокъ же 159-й ст. при учиненіи его лѣсопромышленникомъ изъятъ изъ вѣдомства мировой юстиціи, какъ предусмотрѣнный 822-ю ст. Улож. о нак.

160 ст. **За устройство въ чужихъ лѣсныхъ дачахъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, смолоугольныхъ печей, кирпичныхъ или иныхъ огнедѣйствующихъ заводовъ, а равно за сидку смолы или дегтя, за жженіе поташа, угольевъ или извести, также безъ разрѣшенія, виновные, сверхъ отобранія всѣхъ самовольныхъ построекъ, орудій, матеріаловъ и изготовленныхъ уже издѣлій, подвергаются:**

денежному взысканію не свыше ста рублей.

161 ст. **За порубку казеннаго лѣса или заготовку лѣсныхъ издѣлій не въ отведенныхъ для того участкахъ, виновные, сверхъ отобранія всего неправильно порубленнаго или заготовленнаго и лишенія права на рубку или заготовку въ отведенномъ участкѣ, подвергаются:**

денежному взысканію, равному цѣнѣ неправильно вырубленнаго или заготовленнаго.

Это взысканіе удвоивается въ случаѣ порубки или заготовки въ карабельныхъ или заказныхъ рощахъ или участкахъ. Опредѣленному въ сей статьѣ взысканію подвергаются также виновные въ производствѣ въ станичныхъ лѣсахъ области войска Донскаго рубки внѣ утвержденнаго плана лѣснаго хозяйства.

Примѣчаніе. Лѣсопромышленники Архангельской и Вологодской губерній за вырубку лѣса въ неотведенныхъ участкахъ при лѣсныхъ заготовкахъ въ дачахъ неустроенныхъ, въ которыхъ рубка производится урочищами и не отграниченными инструментально участками, не подвергаются опредѣленному въ сей (161) статьѣ взысканію.

161[1] ст. **За самовольный увозъ дозволеннаго къ рубкѣ казеннаго лѣса ранѣе срока, назначеннаго для освидѣтель-**

ствованія его лѣснымъ начальствомъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію, равному двойной цѣнѣ неправильно увезеннаго лѣса.

Тому же наказанію подлежатъ лица, которыя, купивъ въ казнѣ лѣсъ, приступятъ къ рубкѣ его безъ установленнаго билета или будутъ производить оную послѣ означеннаго въ билетѣ срока.

162 ст. За сидку смолы или дегтя, а также за жженіе поташа, угольевъ или извести не въ отведенныхъ лѣснымъ управленіемъ мѣстахъ, виновные, независимо отъ обязанности разобрать возведенныя ими постройки, подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

163 ст. *Отмѣнена* (1870 г. Окт. 26).

164 ст. За производство, при учетной продажѣ казеннаго лѣса, распиловки, продажи или недозволенной обдѣлки его въ самыхъ лѣсныхъ дачахъ, виновные подвергаются:

отобранію неправильно проданнаго, распиленнаго или обдѣланнаго лѣса.

Ст. 161 — 164 имѣютъ въ виду проступки, имѣющіе предметомъ своимъ казенные лѣса, а такъ какъ проступки эти въ силу ст. 110 Пол. о Прим. остались въ вѣденіи казеннаго управленія, то статьи 161 — 164 не имѣютъ практическаго примѣненія въ губерніяхъ Царства Польскаго.

165 ст. За неимѣніе, при сплавѣ законно пріобрѣтеннаго лѣса, надлежащихъ билетовъ, виновные въ томъ лѣсопромышленники подвергаются:

денежному взысканію, равному десяти процентамъ со стоимости лѣсныхъ товаровъ.

Если же билетъ не представленъ за утратою онаго, или представленъ несвоевременно, или безъ надлежащей надписи, то виновные подвергаются:

денежному взысканію, равному пяти процентамъ со стоимости лѣсныхъ товаровъ.

166 ст. За непредъявленіе, при сплавѣ судовъ, судовыхъ билетовъ, за предъявленіе билетовъ, не соотвѣтствующихъ клеймамъ на судахъ, а равно за неимѣніе на судахъ клеймъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію вдвое противъ посаженной или пофутной съ судовъ пошлины.

Сему же взысканію подвергаются судохозяева: а) если они не будутъ имѣть особыхъ билетовъ на лодки и челны, хотя выстроенные ими для судовъ, но отправленные отъ нихъ отдѣльно; б) если размѣры судна, показанные въ билетѣ, не согласны съ дѣйствительностью, и в) если суда были перестроены съ перемѣною размѣра, но о семъ не было предъявлено надлежащему начальству для отмѣтки на билетахъ. При обмѣрѣ судна не принимается во вниманіе неточность: по длинѣ судна до полувершка, а по ширинѣ до одного вершка на каждую сажень, по высотѣ же одного вершка на каждый аршинъ.

Ст. 165 и 166-я основаны на правилахъ Лѣснаго Устава, не имѣющаго примѣненія въ округѣ Варшавской судебной палаты.

167 ст. За ослушаніе или неповиновеніе, однако безъ насилія (ст. 28), оказанное лѣснымъ чинамъ или старжѣ, виновные въ похищеніи или самовольной порубкѣ подвергаются, независимо отъ слѣдующаго съ нихъ денежнаго взысканія:

аресту не свыше одного мѣсяца.

167[1] ст. За нахожденіе внутри чужаго лѣса, внѣ дороги, служащей для проѣзда, съ орудіями для рубки лѣса, или съ подводою для перевозки онаго, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

При разсмотрѣніи дѣла принимается въ соображеніе: имѣлъ ли захваченный въ чужомъ лѣсу право прохода или проѣзда черезъ этотъ лѣсъ, на основаніи статей 448 и 449 Законовъ Гражданскихъ; отдѣленъ ли этотъ лѣсъ отъ полей или

дорогъ канавою или изгородью; задержанъ ли обвиняемый днемъ или ночью; находились ли при немъ орудія для срубки или спиленія дерева; была ли задержанная при немъ повозка особенно приспособлена для перевозки лѣса, и другія подобныя обстоятельства, могущія служить для разъясненія дѣла. Обвиняемый освобождается отъ взысканія, если будетъ доказано, что онъ сбился съ дороги и находился въ лѣсу безъ намѣренія учинить порубку, похищеніе или поврежденіе онаго.

Ослушаніе или неповиновеніе, оказанное лѣснымъ чинамъ или стражѣ, съ насиліемъ — подходитъ подъ дѣйствіе 823 ст. Улож., какъ это разъяснено рѣш. Общ. Собр. Кас. Деп. Сен. 74 г. № 20. Подъ понятіе лѣсныхъ чиновъ или стражи нельзя подводить лѣсныхъ сторожей частныхъ лѣсовъ. Ослушаніе или сопротивленіе подлежитъ преслѣдованію по 167-й ст. Мир. Уст. лишь въ томъ случаѣ, когда оно оказано при совершеніи какого либо проступка изъ предусмотрѣнныхъ настоящимъ отдѣломъ о похищеніи и поврежденіи чужаго лѣса — „при поимкѣ, задержаніи или препровожденіи", какъ высказалъ Сенатъ въ рѣш. 71 г. № 771; ослушаніе же лѣсной стражи, учиненное не порубщикомъ, слѣдуетъ подводить не подъ 167, а подъ 30 ст. Уст. о нак.

167[1] ст. чрезвычайно подробна, даже черезчуръ подробна, такъ какъ въ ней говорится не только о проступкѣ и его наказаніи, но и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ повліять на убѣжденіе суда въ виновности обвиняемаго. За несуществованіемъ въ Судебныхъ Уставахъ Имп. Алек. II системы формальныхъ доказательствъ, на перечисленныя въ 167[1] ст. обстоятельства слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на примѣрное перечисленіе, не лишающее судъ возможности принимать во вниманіе и такія обстоятельства, которыя въ статьѣ этой не перечислены, но которыя могутъ повліять на постановленіи оправдательнаго приговора и при наличности обстоятельствъ, перечисленныхъ въ ст. 167[1], и на оборотъ.

168 ст. Денежныя взысканія, опредѣляемыя на основаніи статей 155 — 162 и 164 — 166, равно какъ отобранные

отъ виновныхъ лѣсъ и лѣсныя произведенія, а когда они скрыты или употреблены уже въ дѣло, то уплата ихъ стоимости обращаются въ пользу казны или частнаго владѣльца по принадлежности.

Примѣчаніе. Стоимость лѣса, самовольно вырубленнаго или похищеннаго какъ изъ частныхъ, такъ и изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, а равно взысканія за порубку, за укрывательство и за покупку завѣдомо похищеннаго лѣса, опредѣленныя статьями 155, 156, 158, 159 и 161 сего Устава, исчисляется по таксѣ, составляемой на основаніи статьи 592 Устава лѣснаго (изд. 1876 г.).

168[1] ст. Въ случаѣ самовольной порубки, похищенія и другихъ поврежденій частныхъ лѣсовъ, виновные, независимо отъ опредѣляемыхъ за то взысканій и наказаній (ст. 154 — 156, 157 (п. 1), 158 (п. 1, 2 и 6), 159, 160 и 167), обязаны, по требованію лѣсовладѣльца, доставить отобранные, самовольно вырубленные, или похищенные лѣсные матеріалы въ то имѣніе, изъ котораго они похищены.

По поводу этихъ статей замѣтимъ лишь, что такъ какъ опредѣленіе стоимости порубленнаго или похищеннаго лѣса по таксѣ основано на Лѣсномъ Уставѣ, не дѣйствующемъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, то, по нашему мнѣнію, опредѣленіе стоимости лѣса должно происходить не по таксѣ, а на основаніи оцѣнки, произведенной по каждому данному дѣлу отдѣльно.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О кражѣ.

169 ст. За кражу предмета цѣною не свыше *трехсотъ рублей* виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ.

Въ ст. 1644 Улож. о нак. имѣется такое опредѣленіе кражи: „кражею признается всякое, какимъ бы то ни было обра-

зомъ, но въ тайнѣ, безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа обстоятельствъ, похищеніе чужихъ вещей, денегъ, или иного движимаго имущества". Опредѣленіе это цѣликомъ взято изъ Уложенія 1845 года и его,—по замѣчанію Объяснительной Записки (Суд. Уст. изд. Гос. Канц.),—„нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ: въ немъ упущено, между прочимъ, одно изъ самыхъ важныхъ условій, именно совершеніе похищенія съ корыстною цѣлью, безъ чего оно и кражею считаться не можетъ". Далѣе въ Запискѣ этой сказано, что „вообще опредѣленія суть болѣе дѣло науки права и судебной доктрины, нежели закона, въ которомъ они часто опасны и потому должны бы быть избѣгаемы, кромѣ лишь случаевъ самой крайней необходимости". Въ рѣш. Сен. 1869 г. № 649 высказано, что существеннымъ условіемъ кражи являются: во 1-хъ), похищеніе вещи втайнѣ, безъ вѣдома и согласія ея хозяина, и чрезъ то нарушеніе его имущественнаго права, и, во 2-хъ), похищеніе съ цѣлью извлечь для себя изъ похищеннаго пользу. Согласно вышеизложенному, подъ кражею слѣдуетъ понимать: *тайное похищеніе чужаго движимаго имущества съ цѣлью присвоенія.*

Кража есть тайное похищеніе..... Этимъ признакомъ „*тайное*" кража отличается отъ грабежа, подъ которымъ понимается *открытое* похищеніе чужаго имущества. Открытымъ похищеніе можетъ быть и въ присутствіи хозяина вещи и въ его отсутствіи. Въ рѣш. Сен. 71 г. № 1417 выражено, что для признанія даннаго дѣянія грабежемъ требуется, чтобы „собственникъ, владѣлецъ имущества, или находящіеся при томъ свидѣтели, въ моментъ перехода имущества въ руки похитителя, сознавали, что это имущество незаконно переходитъ въ обладаніе другаго, противъ воли собственника или владѣльца". Въ рѣшеніи же Общ. Собр. Кас. Деп. Сен. за 74 г. № 30 высказано, что похищеніе денегъ въ присутствіи хозяина или постороннихъ лицъ можетъ быть признаваемо грабежемъ лишь въ томъ случаѣ, когда виновный сознавалъ, что хозяинъ имущества и постороннія лица могли видѣть его дѣяніе, но не оказывали

ему сопротивленія изъ опасенія насилія или угрозъ; похищеніе же денегъ во время сна пострадавшаго въ присутствіи постороннихъ лицъ, если только ни изъ чего нельзя заключить, что обвиненные знали, что эти лица могли видѣть похищеніе, подходитъ подъ понятіе кражи, а не грабежа. Въ рѣш. Сен. 73 г. № 980 сказано, что взятіе вещей въ присутствіи постороннихъ лицъ не теряетъ характера кражи, если оно было сдѣлано тайно отъ хозяевъ и если свидѣтели взятія не сознавали, что въ данномъ случаѣ совершается похищеніе. Наконецъ, въ рѣш. 75 г. № 342 выражено, что взятіе вещей, хотя и у лица, опоеннаго подсудимымъ до безчувственнаго состоянія, но въ присутствіи третьихъ лицъ, сознававшихъ совершаемое похищеніе, составляетъ грабежъ, а не кражу. Всѣ эти рѣшенія съ достаточною ясностью опредѣляютъ понятіе *тайнаго* похищенія и устанавливаютъ, что при отсутствіи одного изъ признаковъ: сознанія обвиняемымъ, что онъ похищаетъ открыто или же сознанія того присутствующимъ хозяиномъ вещи либо свидѣтелями похищенія, данное дѣяніе слѣдуетъ признавать не грабежомъ, а кражею.

Признакъ же „*похищенія*“ указываетъ на то, что кража мыслима лишь въ томъ случаѣ, если вещь не находилась во владѣніи похитителя, а изъята имъ изъ владѣнія ея хозяина или же третьяго лица. Признакомъ этимъ кража отличается отъ присвоенія.

Кража есть тайное похищеніе чужаго движимаго имущества.... Похищеніе *собственной* вещи не можетъ почитаться кражею. Въ рѣш. Сен. 70 г. № 1468 высказано, что кража непремѣнно предполагаетъ похищеніе имущества завѣдомо чужаго и что взятіе такого имущества, на которое обвиняемый считалъ себя имѣющимъ право, не можетъ составлять кражи. Но, съ другой стороны, въ рѣш. Сен. 81 г. № 17 разъяснено, что „для наказуемости кражи необходимо лишь, чтобы похищеаемое посредствомъ кражи имуществъ было, по отношенію къ похитителю, чужимъ; но при этомъ совершено безразлично, какимъ бы путемъ, хотя бы и незаконнымъ, имущество это ни

дошло въ руки лица, у котораго имущество похищается, такъ какъ въ силу положительнаго закона всякое, и даже и незаконное владѣніе охраняется правительствомъ отъ самоуправства и насилія". Это послѣднее рѣшеніе слѣдуетъ употреблять съ большою осмотрительностью, иначе придется признавать виновнымъ лицо, тайное отобравшее у вора свою собственную вещь, если признавать, что переходъ вещи къ вору „хотя бы и незаконнымъ путемъ" дѣлаетъ вещь чужою по отношенію къ ея прежнему владѣльцу. Ссылка на охраненіе *имущества* отъ самоуправства и насилія тоже не можетъ быть признана удачною, такъ какъ самоуправство и насиліе почитаются закономъ проступками противъ личности, а никакъ не противъ имущества. Вообще же это Сенатское рѣшеніе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что похищенное имущество можетъ почитаться чужимъ для похитителя тогда, когда, похищая его, онъ сознавалъ, что не имѣетъ на него никакихъ правъ въ глазахъ положительнаго закона, хотя и признавалъ за собою въ то время какое либо нравственное право. Такимъ образомъ и согласно этому толкованію не будетъ, съ одной стороны, признано воромъ лицо, тайно отобравшее обратно вещь, *у него же похищенную* или изъятую изъ его владѣнія незаконнымъ путемъ; съ другой же стороны, слѣдуетъ признавать кражею тайное похищеніе чужой вещи и въ томъ случаѣ, если обвиняемый, совершая похищеніе и имѣя разсчеты съ потерпѣвшимъ, предполагалъ поквитаться съ нимъ путемъ изъятія изъ его владѣнія вещи, чужой для похитителя, представлявшейся въ его глазахъ лишь эквивалентомъ понесенныхъ имъ по винѣ потерпѣвшаго убытковъ. Обстоятельство это можетъ повліять на уменьшеніе наказанія обвиняемому, но не лишаетъ дѣянія его характера кражи.

Въ виду того, что кражею признается похищеніе лишь *чужаго* имущества, нельзя признавать кражею похищеніе имущества, составляющаго общую собственность похитителя съ потерпѣвшимъ, причемъ нѣтъ никакой необходимости „въ предварительномъ опредѣленіи въ гражданскомъ порядкѣ, на

сколько нарушены права соучастниковъ“, какъ это неправильно разъяснено Сенатомъ въ рѣш. 69 г. № 261.

Вещи никому не принадлежащія, не могутъ быть предметомъ кражи, но нельзя считать все лежащее безъ присмотра какъ бы общею собственностью охотниковъ до чужаго, плохо лежащаго. Такъ, взятіе бороны, лежащей въ полѣ безъ присмотра, лошади, пасущейся безъ надзора — подходитъ подъ дѣйствіе 169-й ст. Вообще же нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы воръ, похищая вещь, зналъ, кому именно она принадлежитъ: достаточно того, чтобы онъ зналъ, что похищаетъ вещь, *чужую* для него, но кому либо принадлежащую.

Тайное похищеніе недвижимости немыслимо, но части недвижимостей, такъ назыв., *принадлежности*, признаваемыя Гражд. Кодексомъ недвижимостями по назначенію или по предмету (ст. 517 Код. Нап.), могутъ быть предметомъ кражи.

Похищенная вещь должна составлять чужое *имущество*, другими словами, должна имѣть извѣстную цѣну; похищеніе же вещи, никакой цѣны не имѣющей, нельзя признавать кражею. Цѣнность же данный предметъ можетъ имѣть или рыночную или такъ называемую *pretium aestimationis*, т. е. цѣну по тому значенію, какое вещь эта имѣетъ въ глазахъ ея владѣльца. Предметъ, имѣющій цѣнность *исключительно* этого послѣдняго рода, не можетъ, по нашему мнѣнію, быть объектомъ похищенія. Предположимъ тайное похищеніе того, что въ „Обыкновенной исторіи“ Гончарова окрещено названіемъ „вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній“, похищеніе, напр., локона волосъ „предмета“, засохшаго цвѣтка изъ „ея“ букета, обрывка матеріи и т. п. Похищеніе подобнаго предмета, конечно, высоко цѣнимаго счастливымъ его обладателемъ, врядъ ли можетъ быть признано кражею, такъ какъ кража имѣетъ въ виду вещи, состоящія въ гражданскомъ оборотѣ, а о какомъ же „оборотѣ“ можно говорить по поводу перечисленныхъ выше „вещественныхъ знаковъ“? Равнымъ образомъ нельзя, по нашему мнѣнію, наказывать за похищеніе вещи не имѣющей вообще никакой цѣнности. Предположимъ

тайное похищеніе изъ картофельной ямы двухъ картошекъ и спросимъ себя: неужели это похищеніе слѣдуетъ признавать кражею? Въ виду того, что картофель въ деревняхъ на штуки не продается и что ни одинъ здравомыслящій хозяинъ въ мірѣ не опредѣлитъ вамъ цѣну такой картошки поштучно, нельзя, очевидно, не придти къ тому убѣжденію, что въ данномъ случаѣ нѣтъ мѣста для примѣненія 169 ст. Мир. Уст.

Ниже, при разсмотрѣніи 181 ст., мы укажемъ, какъ опредѣлять цѣну похищеннаго, теперь же замѣтимъ лишь, что Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Сов. отъ 18 Мая 1882 года расширена по дѣламъ о кражахъ (до 300 руб.) лишь подсудность мировыхъ судей, гминные же суды по прежнему могутъ разбирать дѣла о кражахъ лишь на сумму не свыше 30 рублей.

Кража есть тайное похищеніе чужаго движимаго имущества съ цѣлью присвоенія. Выше мы видѣли, что по мнѣнію Объясн. Записки похищеніе безъ корыстной цѣли „и кражею считаться не можетъ". Сенатомъ — въ рѣш. 1871 г. № 43 — разъяснено, что кража предполагаетъ наличность у виновнаго желанія присвоить себѣ похищенное или распорядиться имъ какъ собственностью, по своему усмотрѣнію; поэтому взятіе вещи безъ всякаго намѣренія присвоитъ ее себѣ не составляетъ кражи. Въ рѣш. 70 г. № 1546 высказано, что тайное взятіе вещи не съ цѣлью присвоенія, а въ виду полученія отъ ея собственника могарыча за указаніе мѣста ея нахожденія, не составляетъ кражи. Въ виду же этихъ рѣшеній, и также въ виду соображеній, изложенныхъ при толкованіи 9-й ст. Мир. Уст., нельзя не признать лишеннымъ всякаго основанія выводъ Сенатскаго рѣшенія № 1196 за 72 г. о возможности неосторожной кражи. Тамъ, гдѣ нѣтъ намѣренія присвоить, нѣтъ вовсе кражи, а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о неосторожной кражѣ. Тайное же похищеніе не съ цѣлью присвоенія, а съ цѣлью истребленія чужаго имущества, слѣдуетъ признавать не кражею, а проступкомъ 152 ст. Мир. Уст.

Наказаніе по 169-й ст., безъ наличности обстоятельствъ, предусмотрѣнныхъ ст. 170-й и 171-й Мир. Уст., не можетъ

быть меньше трехъ и больше шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

170 ст. Опредѣленное въ ст. 169 тюремное заключеніе можетъ быть увеличено до одного года:

1) когда кража совершена въ церкви, часовнѣ или иномъ молитвенномъ домѣ (однако не церковнаго имущества и безъ оскорбленія святыни) или же на кладбищѣ, или съ мертваго, но безъ разрытія могилъ;

2) когда кража учинена ночью;

3) когда для совершенія кражи виновные влѣзли въ окно, перелѣзли черезъ стѣну, заборъ или иную ограду, или же вошли въ домъ подъ вымышленнымъ предлогомъ;

4) когда украдено необходимое для пропитанія того, кому оно принадлежало, и виновному это было извѣстно, или же когда украдена лошадь;

5) когда кража учинена по уговору нѣсколькихъ лицъ, однако безъ составленія особой шайки;

6) когда кража совершена въ присутственныхъ мѣстахъ, или въ многолюдныхъ собраніяхъ;

7) когда кража учинена слугами, работниками, подмастерьями или другими лицами, проживающими у того, чье имущество украдено (однако безъ уговора и сообщества съ другими наведенными для того людьми) и

8) когда кража совершена лицомъ, уже однажды осужденнымъ за кражу или мошенничество.

Ст. 170 не можетъ быть примѣняема внѣ случаевъ, перечисленныхъ въ ея восьми пунктахъ; возвышеніе наказанія въ виду наличности случаевъ, предусмотрѣнныхъ 170 статьею, предоставлено усмотрѣнію суда, а не обязательно для него, какъ это видно изъ употребленнаго въ 170-й ст. выраженія: „тюремное заключеніе *можетъ* быть увеличено"; въ приговорѣ затѣмъ должно быть указано основаніе, давшее возможность увеличить наказаніе согласно 170 ст., какъ это высказано Сенатомъ въ рѣш. 71 г. № 1851.

Разсмотримъ 170 статью по пунктамъ.

1-й пунктъ. Подъ молитвеннымъ домомъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ понимать молитвенные дома христіанскихъ исповѣданій, въ виду оговорки, помѣщенной въ этомъ пунктѣ въ скобкахъ и указывающей, что 1-й п. 170 ст. говоритъ только о такихъ молитвенныхъ домахъ, кража изъ которыхъ можетъ быть соединена и съ оскорбленіемъ святыни; статья же объ оскорбленіи святыни имѣетъ въ виду исключительно христіанскія вѣроисповѣданія, о чемъ сказано въ 230 ст. Улож.

Кража, соединенная съ оскорбленіемъ святыни (святотатство—ст. 231-й Улож.), а также кража церковнаго имущества (ст. 226-й Улож.)—изъяты изъ вѣдомства мировой юстиціи. Въ рѣш. 68 г. №№ 453 и 492 Сенатомъ высказано, что похищеніе иконъ, ризы съ иконъ, лампадокъ и другихъ священныхъ и освященныхъ предметовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, наказывается какъ простая кража. Слѣдуетъ добавить, что на похищеніе этихъ предметовъ тогда лишь можно смотрѣть какъ на простую кражу, когда оно совершено изъ частнаго дома, похищеніе же подобныхъ предметовъ, хотя бы и принадлежащихъ частнымъ лицамъ, но совершенное изъ церкви, слѣдуетъ признавать святотатствомъ.

Относительно же того, что слѣдуетъ понимать подъ церковнымъ имуществомъ, въ рѣш. 1876 г. № 88 высказано, что если похищенныя виновнымъ вещи не были еще записаны въ книгу церковнаго имущества, то похищеніе ихъ разсматривается какъ кража, а не какъ святотатство.

Взглядъ этотъ представляется намъ слишкомъ формальнымъ и ведущимъ къ противорѣчивымъ выводамъ. Положимъ, напр., что украдены деньги, собранныя во время богослуженія на церковь, но не занесенныя еще въ книгу. Несомнѣнно, что церковь будетъ признана лицомъ потерпѣвшимъ отъ кражи и дѣло будетъ возбуждено по жалобѣ представителя ея имущественныхъ интересовъ — церковнаго старосты, такъ что при возбужденіи дѣла и во все время его производства похищенное будетъ считаться имуществомъ церкви, но наказанъ будетъ обвиняемый за похищеніе денегъ, не составляющихъ цер-

ковнаго имущества! Обвиняемый при похищеніи зналъ, что деньги принадлежатъ церкви, это знали всѣ и каждый, и никто, кромѣ церкви, не вправѣ былъ бы заявить свои права на эти деньги; почему же формальный признакъ занесенія денегъ этихъ въ книгу можетъ вліять на составъ преступленія — понять трудно, но несомнѣнно, что судебная практика придерживается этого взгляда Сената, хотя наказаніе, устанавливаемое ст. 226 Улож. о нак. и не можетъ быть признано особенно строгимъ. Замѣтимъ еще, что въ пользу нашего взгляда говоритъ содержаніе ст. 227 и 232 Улож., въ которыхъ признаются церковнымъ имуществомъ деньги, находящіяся въ столбахъ или кружкахъ, выставленныхъ для сбора на церковь, хотя несомнѣнно, что деньги эти еще не попали въ приходную книгу церкви.

Кража на кладбищѣ или съ мертваго подходитъ подъ дѣйствіе 1 п. 170 ст. Г. Неклюдовъ указываетъ, что 1 п. 170 ст. имѣетъ въ виду только кладбища христіанскихъ вѣроисповѣданій, основываясь на томъ, что преступленіе разрытія могилъ помѣщено въ Уложеніи въ ряду преступленій противъ вѣры, подъ которою законъ разумѣетъ только вѣру христіанскую. Это же значеніе преступленію разрытія могилы (ст. 234 Улож.) придаетъ и Сенатъ въ рѣш. 79 г. № 61, а такъ какъ 1-й п. 170-й ст. Мир. Уст., очевидно, имѣетъ въ виду только тѣ кладбища, разрытіе могилъ на которыхъ можетъ быть преслѣдуемо по 234 ст. Улож., то слѣдуетъ признать, что и въ 170-й ст. Уст. о нак. подъ кладбищемъ понимается только кладбище христіанскихъ исповѣданій.

2-й пунктъ. Кража ночью. Что понимать подъ словомъ „ночь“ въ уголовномъ правѣ, весьма ясно опредѣляетъ Руководство г. Неклюдова (стр. 707). „Предназначеніе ночи—отдохновеніе, успокоеніе, *сонъ*; внѣшній признакъ ночи — потемки. Когда въ домѣ тишина, когда въ домѣ все спитъ, то разумѣется, что домовое имущество находится внѣ всякаго надзора, а посему его удобнѣе стащить, похитить и т. д.“ Далѣе Руководство устанавливаетъ необходимость наличности обо-

ихъ признаковъ: потемокъ и успокоенія или сна. Съ этимъ опредѣленіемъ вполнѣ можно согласиться.

3-й пунктъ—особыхъ разъясненій не требуетъ.

4-й пунктъ 170-й ст. говоритъ не только о томъ, что служитъ непосредственно къ пропитанію, но и томъ, что необходимо для доставленія пропитанія, какъ то. инструменты для рабочихъ, хлѣбъ въ зернѣ для землепашца и т. п. Въ 1880 году редакція 4 п. 170 ст. измѣнена въ томъ смыслѣ, что похищеніе лошади признано обстоятельствомъ, особо увеличивающимъ вину и дающимъ право на усиленіе наказанія до одного года, при чемъ то обстоятельство, у кого украдена лошадь и какая—рабочая или же предметъ роскоши—по тексту 4 п. 180 ст. безразлично. Кража же лошади лицомъ, занимающимся конокрадствомъ въ видѣ промысла, изъята — согласно закону 25 Ноября 1885 года—изъ вѣдомства мировой юстиціи и обложена болѣе строгимъ наказаніемъ.

5-й пунктъ. Кража шайкою преслѣдуется 1645-ю статьею Улож. и изъята изъ вѣдомства мировой юстиціи. Подъ шайкою понимается соединеніе нѣсколькихъ лицъ въ цѣли совершенія не одного, а нѣсколькихъ преступленій; при отсутствіи же доказанности подобнаго соглашенія впередъ на совершеніе цѣлаго ряда преступленій, нѣтъ понятія шайки и долженъ быть примѣняемъ — при совершеніи кражи, предусмотрѣнной 169-й ст. Мир. Уст.—5 п. 170 ст. Въ рѣш. 78 г. № 827 разъяснено, что „подъ употребленнымъ въ 5 п. 170 ст. выраженіемъ: *нѣсколькихъ лицъ* слѣдуетъ понимать не только болѣе двухъ, но и два лица“.

6-й пунктъ. Подъ „присутственнымъ мѣстомъ“ слѣдуетъ понимать все помѣщеніе, занимаемое учрежденіемъ, а не только камеру его, какъ указано и г. Неклюдовымъ, съ ссылкою на текстъ 287 ст. Улож. (говорящей о *камерѣ* присутствія) и на одно рѣшеніе Госуд. Совѣта.

7-й пунктъ тогда можетъ быть примѣняемъ, когда доказано будетъ по дѣлу, что кража совершена слугою, работникомъ, или подмастерьемъ у своего хозяина, причемъ для при-

мѣненія къ ихъ дѣянію 7-го п. 170 ст. нѣтъ необходимости въ установленіи факта проживательства ихъ въ квартирѣ ихъ хозяина, такъ какъ признакъ этотъ относится лишь до „другихъ лицъ". Такъ высказался и Сенатъ въ рѣш. 67 г. № 317. Выраженіе 7-го пункта „у *того*, чье имущество похищено" слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ той семьи, которой служитъ этотъ похититель. Подъ „другими же лицами, *проживающими* у того, чье имущество похищено" г. Неклюдовъ понимаетъ только лицъ, получающихъ отъ домохозяина жалованье или содержаніе. Съ этимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться, такъ какъ противъ него говоритъ самый текстъ 7-го п. 170 ст., въ которомъ *другія лица* выдѣлены изъ каттегоріи лицъ, могущихъ получать отъ домохозяина содержаніе, а если бы 7-й п. имѣлъ въ виду единственно лицъ служащихъ у потерпѣвшаго, то редакція его была бы совершенно другая и не было бы основанія говорить о „другихъ лицахъ" вообще. Такимъ образомъ, одинъ фактъ проживанія на квартирѣ у потерпѣвшаго можетъ служить основаніемъ для примѣненія 7-го п. 170-й ст. Тотъ же взглядъ высказалъ Сенатъ въ рѣш. 1872 г. № 1205, признавъ, что проживаніе лица, совершившаго кражу въ качествѣ гостя у обокраденнаго, даетъ право считать эту кражу домашнею. Но фактъ проживанія не *на* квартирѣ *у* попотерпѣвшаго, а *въ* одной квартирѣ *съ* потерпѣвшимъ, не даетъ еще права считать кражу домашнею, такъ какъ для этого необходимо установить, что подсудимый находился по отношенію къ потерпѣвшему въ состояніи подчиненности или же зависимости (рѣш. 77 г. № 41). Согласно этому и въ рѣш. 73 года № 875 Сенатъ высказалъ, что кража хозяиномъ квартиры у своего жильца не можетъ быть признаваема кражею съ особо увеличивающимъ вину обстоятельствомъ.

7 п. 170 ст. можетъ примѣняться и къ случаямъ похищенія лицами, перечисленными въ этомъ пунктѣ, по уговору съ другими лицами, причемъ безразлично, кому принадлежала инидіатива задуманнаго похищенія—домашнему вору или постороннему лицу, но только необходимо при этомъ прини-

мать въ соображеніе, кѣмъ именно совершена самая кража: домашнимъ ли воромъ или же постороннимъ лицомъ, такъ какъ въ случаѣ совершенія кражи этимъ послѣднимъ и по предварительному уговору съ лицомъ, подходящимъ подъ дѣйствіе 7 п. 170 ст., подобная кража должна почитаться кражею съ наведенными людьми, предусмотрѣнною 1649 статьею Улож. и изъятою изъ вѣдомства мировой юстиціи.

Для болѣе точнаго отграниченія кражи домашней, предусмотрѣнной 7 п. 170-й ст. Уст. о нак. отъ кражи квалифицированной, предусмотрѣнной ст. 1649 Улож. о нак., необходимо имѣть въ виду, что: а) согласно Сен. рѣш. 1873 г № 255, первая часть 1649 ст. не примѣняется въ томъ случаѣ, когда постороннія лица, хотя и условились о кражѣ съ домашними людьми, но никакого участія въ самой кражѣ не принимали; б) согласно рѣш. Сен. 75 г. № 193, одно участіе (безъ предварительнаго уговора, а слѣдовательно съ отсутствіемъ признака „наведенныхъ" людей) въ кражѣ лицъ, находящихся въ услуженіи у хозяина похищеннаго имущества, какъ пособниковъ при кражѣ этого имущества посторонними людьми, не дѣлаетъ кражу эту подходящею подъ дѣйствіе 1649 ст. Улож.; в) согласно рѣш. Сен. 72 г. № 859 домашняя кража признается совершенною съ наведенными людьми независимо отъ числа послѣднихъ, такъ что для примѣненія 1649 ст. достаточно, если посторонній участникъ былъ одинъ.

8-й пунктъ. Для примѣненія 8-го пункта 170-й ст. безразлично, былъ ли прежде обвиняемый осужденъ за кражу, или же за мошенничество, но, съ другой стороны, предварительное осужденіе за присвоеніе или растрату не можетъ влечь за собою примѣненіе 8-го пункта. Пунктъ этотъ говоритъ объ *осужденіи* и для примѣненія его достаточно того, чтобы до совершенія обвиняемымъ кражи, о немъ состоялся уже вошедшій въ законную силу обвинительный приговоръ по обвиненію его въ кражѣ либо мошенничествѣ, и нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы этотъ первый приговоръ былъ уже приведенъ въ исполненіе и чтобы обвиняемый отбылъ уже нака-

заніе за первый проступокъ. Взглядъ этотъ не расходится съ тѣмъ, что сказано было нами выше, при толкованіи 16-й ст., и не расходится, равнымъ образомъ, съ общими началами Мир. Уст. о повтореніи. Въ этомъ же смыслѣ высказался и Сен. въ рѣш. 71 г. № 686, 72 г. № 693 и 73 г. № 769; въ рѣш. же 74 г. № 711 Сенатъ разъяснилъ, что постановленіе 3 п. 14 ст. Уст. о нак. *о срокѣ*, по истеченіи коего совершеніе въ другой разъ того же или однороднаго съ прежнимъ проступка не признается повтореніемъ, — не можетъ имѣть примѣненія къ повторенію кражи, предусмотрѣнному въ 8-й п. 170-й ст. Затѣмъ въ рѣш. 75 г. № 294 Сенатъ призналъ неправильнымъ примѣненіе 8-го п. 170-й ст. къ укрывательству, совершенному послѣ осужденія за кражу, такъ какъ „изъ смысла 172-й ст. Уст. о нак. видно, что въ ней не упоминается объ увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, а только указано укрывательство, какъ обстоятельство, смягчающее вину подсудимаго и могущее служить поводомъ къ уменьшенію ему наказанія до половины“. Рѣшеніемъ этимъ Сенатъ отмѣняетъ свой взглядъ, высказанный въ рѣш. 69 г. № 50; правиленъ ли по нашему мнѣнію или нѣтъ этотъ взглядъ рѣшенія 1875 года — мы будемъ имѣть случай высказать при разсмотрѣніи 172-й ст. Мир. Устава.

170¹ ст. Виновные въ кражѣ подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года и шести мѣсяцевъ:

1) когда кража совершена посредствомъ взлома преградъ или запоровъ, препятствующихъ доступу во дворъ, въ строеніе или изъ одной его части въ другую, за исключеніемъ однако случаевъ, предусмотрѣнныхъ статьею 1647 Уложенія о наказаніяхъ;

2) когда кража совершена изъ запертыхъ хранилищъ движимаго имущества, посредствомъ разрушенія или поврежденія, на мѣстѣ преступленія, сихъ хранилищъ или же препятствующихъ доступу въ оныя запоровъ;

3) когда учинившій кражу въ обитаемомъ или необитаемомъ строеніи отомкнулъ, съ цѣлью совершенія оной, на препятствующихъ доступу преградахъ замки, посредствомъ отмычекъ или иныхъ орудій, или же принесенныхъ имъ поддѣльныхъ или подобранныхъ ключей, либо когда онъ отперъ такимъ же способомъ, на мѣстѣ преступленія, запертыя хранилища движимаго имущества.

Ст. 170[1] Уст. о нак. явилась результатомъ закона 18-го Мая 1882 года объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ; поэтому для болѣе правильнаго пониманія этой статьи слѣдуетъ, конечно, обратиться къ содержанію этого закона и къ объясненію его, составленному въ томъ же 82 году извѣстнымъ криминалистомъ Н. С. Таганцовымъ по порученію г. Министра Юстиціи. Прежде всего, однакоже, замѣтимъ, что кражи, предусматриваемыя 170[1] ст. Мир. Уст. подсудны въ Варшавскомъ судебномъ округѣ лишь мировымъ судьямъ, гминные же суды не могутъ разбирать подобныя дѣла. Въ виду этого, гминный судъ, получивъ дѣло по обвиненію кого либо въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 170[1] ст. Мир. Уст., долженъ не принимать таковое къ своему разсмотрѣнію; въ томъ же случаѣ, когда неподсудность дѣла обнаружится только при разборѣ дѣла, гминный судъ долженъ передать дѣло тому мировому судьѣ, въ участкѣ котораго преступленіе совершено. Передача дѣла должна быть произведена непосредственно гминнымъ судомъ, а не черезъ предсѣдателя съѣзда, такъ какъ, по точному смыслу 85 ст. Пол. о прим., къ предсѣдателю направляются дѣла, подлежащія передачѣ лишь въ общія судебныя установленія.

Выяснимъ прежде всего, что слѣдуетъ понимать подъ *взломомъ*.

Объясненіе Н. С. Таганцева говоритъ о взломѣ, что „всякій взломъ въ тѣсномъ смыслѣ (преодолѣніе преградъ) предполагаетъ употребленіе физической силы для преодолѣнія преградъ, каковы бы ни были размѣры этой силы, но проникновеніе въ помѣщеніе безъ насилія, благодаря особенному физиче-

скому состоянію помѣщенія, или иной встрѣтившейся похитителю преграды, не подходитъ подъ понятіе взлома". Поэтому „не можетъ быть почитаемо кражею со взломомъ похищеніе, совершенное черезъ отверстіе, образовавшееся отъ гнили; равнымъ образомъ не составляетъ взлома поднятіе одной или нѣсколькихъ потолочинъ, которыя не были скрѣплены между собою или не были прикрѣплены къ неподвижнымъ частямъ строенія".

„Средства — говорится далѣе — при помощи коихъ былъ выполненъ взломъ, а равно и самый способъ ихъ употребленія, по существу дѣла являются безразличными: поэтому взломъ можетъ быть сдѣланъ руками, палкою, или же спеціальнымъ и даже особо для того приспособленнымъ орудіемъ; взломъ можетъ являться въ видѣ подкопа подъ зданіе, пролома стѣнъ, потолка, разобранія крыши, забора, отбитія замка, разломанія или выталкиванія двернаго болта, отогнутія скобъ или прикрѣпъ, выставленія рамы, вырѣзыванія стеколъ въ окнѣ и т. д. Уложеніе 1845 года считало необходимымъ особо перечислить важнѣйшіе изъ этихъ пріемовъ или способовъ, но по редакціи закона 18 Мая всѣ они объемлются общимъ понятіемъ взлома преграды".

„Преграда, разрушаемая при взломѣ, должна быть предназначена и искуственно устроена или приспособлена для охраны вещи". „На этомъ основаніи не будетъ кражею со взломомъ похищеніе какого либо предмета, когда для таковаго похищенія были взломаны естественныя преграды, дѣлающія недоступною похищенную, вещь, какъ напр., ледъ, вмѣстилища, необходимыя для содержанія или переноса вещей газообразныхъ, жидкихъ или сыпучихъ и т. д.".

„Вещь является огражденною и похищеніе ея посредствомъ взлома преграды составляетъ квалифицированную кражу, хотя бы оказалось, что преграда была открыта съ иной стороны и даже объ этомъ было извѣстно виновному, но онъ не воспользовался почему либо этимъ инымъ путемъ".

„Взломъ, какъ средство похищенія, предполагаетъ такое

повреждение преграды, при которомъ бы для виновнаго сдѣлалось возможнымъ получить обладаніе вещью безотносительно къ тому, можно ли было этимъ путемъ проникнуть въ помѣщеніе или нѣтъ".

„Повреждение должно быть направлено на ограждающую вещь преграду, а потому повреждение самой похищаемой вещи не можетъ считаться взломомъ. Такимъ образомъ, похищеніе кирпичей изъ стѣны, досокъ изъ забора, шпалъ или рельсовъ съ полотна желѣзной дороги, замка или болта отъ двери и т. д. будетъ составлять простую, а не квалифицированную кражу".

„Взломъ долженъ не только сопровождать кражу, совпадать съ нею во времени, но онъ долженъ быть сдѣланъ для похищенія. Поэтому признаніе присяжными подсудимаго виновнымъ во взломѣ вещи, но безъ намѣренія совершить похищеніе, разумѣется, устраняетъ примѣненіе 1647-й ст. Улож. Воръ, во время кражи разбившій окно, шкатулку, но не съ цѣлью облегчить или содѣйствовать похищенію, а по чему либо иному, можетъ отвѣчать по правиламъ о совокупности преступленій за кражу и истребленіе имущества, но не за кражу со взломомъ; точно также взломъ двери, забора, учиненный воромъ для избѣжанія поимки, для скрытія слѣдовъ преступленія и т. д. не составляетъ взлома, указаннаго въ 1647 и 1659 ст.".

„Въ рѣш. Сената 67 г. № 472 подробно разъяснено, что законъ вовсе не требуетъ, чтобы взломъ былъ сдѣланъ для того, чтобы проникнуть въ помѣщеніе, гдѣ хранятся вещи, которыя желаютъ похитить. Напротивъ того, взломъ можетъ быть сдѣланъ и во време совершенія кражи, но только при условіи, чтобы взломъ былъ сдѣланъ до окончанія кражи. Поэтому, если виновный, будучи запертъ въ помѣщеніи, въ которомъ онъ совершилъ кражу, сдѣлалъ взломъ для того, чтобы выдти изъ этого помѣщенія, то онъ отвѣчаетъ за кражу со взломомъ, такъ какъ взломъ предшествовалъ окончанію кражи".

„Относительно покушенія на кражу со взломомъ Сенатомъ—въ рѣш. 68 г. № 568—разъяснено, что въ преступленіи

кражи со взломомъ, взломъ составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ преступленія, а въ дѣйствіи этомъ, если оно совершено до кражи, заключается начало приведенія въ исполненіе умысла на кражу со взломомъ, т. е. покушеніе. Относительно же соучастія при кражѣ со взломомъ, въ Объясненіи, согласно съ Сенатскимъ рѣшеніемъ 69 г. № 666, высказано, что „усиленіе наказанія (какъ за кражу со взломомъ) не можетъ быть примѣнено къ тѣмъ соучастникамъ, относительно коихъ судъ найдетъ, что они не только не участвовали во взломѣ, но и не знали объ его существованіи“.

Кража со взломомъ предусмотрѣна ст. 1647 Улож. и ст. 170[1] Мир. Уст., поэтому, разсмотрѣвъ самое понятіе взлома, общее обѣимъ этимъ статьямъ, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію различія, существующаго между этими статьями. Различіе это вытекаетъ не изъ характера дѣйствій подсудимаго, такъ какъ обѣ эти статьи одинаково говорятъ о взломѣ преградъ или запоровъ, препятствующихъ доступу во дворъ, въ строеніе или изъ одной его части въ другую, а вытекаетъ это различіе изъ характера того мѣста, куда воръ проникъ со взломомъ и заключается въ томъ, что 1647 ст. Улож. говоритъ объ *обитаемыхъ* строеніяхъ и о дворѣ *обитаемыхъ* строеній, статья же 170[1] Уст. о нак. говоритъ о дворахъ и строеніяхъ *необитаемыхъ*. Въ этомъ различіи весь центръ тяжести вопроса и поэтому слѣдуетъ главнымъ образомъ обратиться къ разъясненію понятія *обитаемаго* строенія.

Согласно „Объясненію“ Н. С. Таганцева „подъ обитаемымъ строеніемъ должно быть понимаемо не строеніе, предназначенное или приспособленное для жилья (жилое строеніе), но строеніе, въ которомъ во время совершенія преступленія дѣйствительно проживали люди; поэтому, отстраивающійся домъ, пока въ немъ кто либо не помѣстился на жительство, будетъ жилымъ, но не обитаемымъ строеніемъ; такой же характеръ будетъ имѣть домъ, который за ветхостью сдѣлался необитаемымъ; дача на время зимы, домъ или дача, оставшіеся не занятыми и т. д. Съ другой стороны, строеніе не жилое, т. е. не

предназначающееся для жилья, какъ баня, сарай, по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, напр. по случаю пожара дома и т. п., можетъ быть приспособлено для жилья и сдѣлаться обитаемымъ, но въ послѣднемъ случаѣ предполагая, конечно, дѣйствительное проживательство въ немъ людей, а не случайное ихъ тамъ пребываніе или временное нахожденіе; точно также къ обитаемымъ строеніямъ не могутъ быть причислены постройки, которыя служатъ только для собранія лицъ на извѣстное время и для извѣстныхъ дѣйствій, какъ напр., церкви, молитвенные дома, часовни, театры, если они въ то время не служили для проживанія какихъ либо лицъ. Такимъ образомъ сѣновалъ, на которомъ заночевалъ кучеръ, рига во время молотьбы, баня во время мытья, не получаютъ характера обитаемаго зданія. Строеніе становится обитаемымъ, какъ скоро въ немъ поселилось хотя бы одно лицо; поэтому отстроенный домъ будетъ обитаемымъ, коль скоро въ немъ будетъ занята только одна квартира. Далѣе, строеніе не теряетъ значенія обитаемаго, хотя бы въ моментъ совершенія кражи, по какимъ либо причинамъ, тамъ и не находились проживающіе въ немъ люди; на этомъ основаніи кража изъ запертой дворницкой или квартиры будетъ кражею изъ обитаемаго помѣщенія. Законъ, говоря объ обитаемомъ строеніи, не дѣлаетъ различія между его жилыми и не жилыми частями; такъ что кража съ лѣстницы чердака дома, изъ подвала, кладовыхъ и т. п. будетъ кражею изъ обитаемаго строенія. Но такое объединеніе жилыхъ и не жилыхъ частей строенія зависитъ, конечно, не отъ нахожденія ихъ подъ одною общею кровлею, а, какъ то указываетъ мотивъ закона, отъ соединенія ихъ однимъ общимъ ходомъ, напр., общею парадною или черною лѣстницею, такъ какъ только благодаря такому условію воръ, проникнувшій въ одну изъ такихъ частей, будетъ угрожать опасностью лицамъ, находящимся въ другихъ частяхъ. Поэтому, не жилыя части обитаемаго строенія какъ напр. этажи чердачные, подвальные или части обитаемаго зданія, отведенныя для помѣщенія дровъ, для каретныхъ сараевъ, конюшень, лавокъ и т. д., коль

скоро онѣ имѣютъ отдѣльные самостоятельные входы и не соединены общими ходами съ обитаемыми частями строенія, должны быть разсматриваемы какъ строенія необитаемыя".

Подъ дворомъ обитаемаго строенія — согласно тому же Объясненію — слѣдуетъ понимать усадьбы „въ широкомъ значеніи", усадебное мѣсто, т. е. огороженное пространство земли. „Такимъ образомъ, сюда подойдутъ дворы въ тѣсномъ смыслѣ, на которыхъ расположены службы и надворныя постройки, коль скоро въ одной общей оградѣ съ ними находится обитаемое строеніе, или когда онѣ соединены съ главнымъ дворомъ внутренними воротами. Но взломъ ограды садовъ или огородовъ и даже дворовъ, помѣщенныхъ отдѣльно отъ обитаемаго зданія и имѣющихъ свою особую ограду, не подходитъ подъ дѣйствіе 1647 статьи".

Подъ кражу, предусмотрѣнную 1647-й ст. Улож., подходитъ и кража со взломомъ изъ необитаемыхъ казенныхъ и общественныхъ зданій, охраняемыхъ стражею (2-й ч. 1647 ст.). „Подъ стражею — говоритъ Объясненіе — слѣдуетъ понимать не только нижнихъ воинскихъ чиновъ, снабженныхъ оружіемъ и поставленныхъ на караулѣ (часовые), но вообще всякое лицо, которое будетъ поставлено съ спеціальною цѣлью присмотра за ними и охраны ихъ отъ посягательствъ. Такой присмотръ долженъ быть исключительною обязанностью лица и предполагаетъ физическое нахожденіе охраняющаго около зданія, а не одно только наблюденіе или надзоръ".

По отношенію же къ ст. 170[1] Мир. Уст. въ Объясненіи Н. С. Таганцева высказано слѣдующее: „изъ соображенія разъясненій, приведенныхъ выше къ ст. 1647 и изъ мотивовъ новаго закона можно придти къ слѣдующему выводу. Похищеніе можетъ быть совершено: а) изъ частныхъ необитаемыхъ зданій, расположенныхъ отдѣльно отъ обитаемыхъ, обнесенныхъ или необнесенныхъ оградою, достроенныхъ или строящихся; б) изъ таковыхъ же казенныхъ или общественныхъ зданій, не охраняемыхъ стражею, или въ то время, когда при нихъ не было таковой охраны; в) со дворовъ, на которыхъ по-

мѣщаются необитаемыя строенія, частныя, казенныя или общественныя, охраняемыя или неохраняемыя стражею, понимая подъ дворомъ всякое огороженное пространство земли, на которомъ помѣщается вполнѣ или частью необитаемое строеніе; г) изъ необитаемыхъ строеній, находящихся на дворѣ обитаемыхъ зданій, если похититель не совершилъ при этомъ взлома преградъ, препятствующихъ доступу во дворъ, обитаемое зданіе или его часть, и д) изъ нежилыхъ или необитаемыхъ частей обитаемыхъ зданій, если онѣ не соединены общимъ ходомъ съ обитаемыми частями зданія и если воръ проникъ въ нихъ безъ взлома преградъ, препятствующихъ доступу во дворъ, обитаемое зданіе или его часть. Далѣе, кража изъ какихъ либо иныхъ мѣстъ, напр. изъ дворовъ, садовъ или огородовъ, хотя и обнесенныхъ оградою, но не примыкающихъ къ обитаемымъ или необитаемымъ строеніямъ, хотя бы виновный и проникъ въ нихъ со взломомъ преградъ, будетъ составлять простую кражу, наказуемую по 169 ст. Мир. Уст.“.

Рѣшенія Сената, собственно по характеристикѣ взлома, нисколько не отступаютъ отъ вышеизложенныхъ толкованій „Объясненія“, основанныхъ въ большинствѣ случаевъ именно на этихъ рѣшеніяхъ, поэтому мы и не находимъ нужнымъ приводить ихъ, ограничиваясь настоящимъ указаніемъ. Что же касается закона 18 Мая 1882 года, то въ рѣш. Сен. 1883 года № 21 высказано, что „по точному смыслу 1647 ст. Улож. о нак. (по закону 18 Мая 1882 года), не допускающей никакого исключенія по отношенію къ нежилымъ частямъ обитаемаго строенія, всякое проникновеніе похитителя въ какую бы то ни было часть обитаемаго строенія, должно быть наказуемо по этой статьѣ закона“. Взглядъ этотъ прямо противорѣчитъ взгляду Н. С. Таганцева. Мотивы этого Сенатскаго рѣшенія недостаточно убѣдительны, Н. С. Таганцевъ же основываетъ свое мнѣніе на мотивахъ къ закону 18 Мая 1882 года; трудно предсказать, удержится ли въ практикѣ Сената взглядъ рѣшенія его № 21, 1883 года, но мы лично склоняемся ко взгляду Н. С. Таганцева.

По поводу 2-го п. 170[1] ст. Мир. Уст. въ „Объясненіи“ высказано, что онъ соотвѣтствуетъ 2 ч. 1647 ст. Улож. прежней редакціи, съ тѣмъ добавленіемъ, что взломъ долженъ быть произведенъ на мѣстѣ и что „на этомъ основаніи уносъ запертыхъ хранилищъ и разломаніе ихъ впослѣдствіи не подойдетъ подъ дѣйствіе разбираемаго пункта“. „Похищенные или предполагаемые къ похищенію предметы—говорится въ „Объясненіи“ — должны находиться въ запертыхъ помѣщеніяхъ. Относительно этого послѣдняго понятія въ представленіи Господина Министра Юстиціи было высказано слѣдующее: что касается до „запертыхъ хранилищъ“, то подъ ними слѣдуетъ понимать лишь такія, запертыя на замокъ—висячій или внутренній—помѣщенія, которыя предназначены для храненія вещей (шкафы, сундуки, письменные столы и проч.)“. „Выраженіе *запертое*—говорится далѣе въ этомъ представленіи—весьма обстоятельно указываетъ, что хранилище должно быть заперто въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. заперто висячимъ или внутреннимъ замкомъ, а не быть простою упаковкою или хранилищемъ, на замокъ не запираемымъ (бочки и проч.)“.

Относительно же 3-го п. 170-й ст. Н. С. Таганцовымъ выражено, что для примѣненія этого пункта 170[1] ст. „законъ требуетъ наличности слѣдующихъ условій: 1) кража должна быть непремѣнно совершена въ обитаемомъ или необитаемомъ строеніяхъ; поэтому отомкнутіе замка на двери, ведущей во дворъ, въ садъ и т. п. и похищеніе вещей въ этихъ огороженныхъ мѣстахъ не будетъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ отвѣтственность за кражу; 2) виновный долженъ отомкнуть запоры или замки, находящіеся на преградахъ, препятствующихъ доступу въ строенія, или на самыхъ запертыхъ хранилищахъ, находящихся въ такихъ помѣщеніяхъ (кража же *со взломомъ* хранилищъ подходитъ подъ дѣйствіе 2-й ч. 170[1] ст. Мир. Уст., хотя бы хранилища эти „находились почему либо на улицѣ“). Искуственное же открытіе какихъ либо иныхъ преградъ, кромѣ замковъ внутреннихъ или висячихъ, безъ употребленія при томъ взлома, не придаетъ кражѣ значенія квалифицирован-

ной; такимъ образомъ, напр., проникновеніе въ помѣщеніе посредствомъ вынутія подворотни, выколачиванія клина и т. д. не даетъ права подводить таковую кражу подъ разбираемый пунктъ; 3) отомкнутые запоры или замки должны находиться на хранилищахъ, или на преградахъ, препятствующихъ доступу, понимая подъ этимъ не только преграды, находящіяся непосредственно въ самомъ строеніи, какъ напр. наружныя или внутреннія двери, окна, но и калитки или ворота, ведущія во дворъ зданія, коль скоро онѣ составляли преграду, препятствующую проникновенію въ самое строеніе; 4) отомкнутье можетъ быть произведено: во 1-хъ), посредствомъ отмычекъ или иныхъ орудій, т. е. какихъ либо предметовъ, предназначенныхъ или приспособленныхъ для открытія запоровъ; во 2-хъ), посредствомъ поддѣльныхъ или подобранныхъ ключей, т. е. ключей или изготовленныхъ спеціально для открытія даннаго замка или же пріисканныхъ изъ числа готовыхъ ключей и притомъ во всякомъ случаѣ принесенныхъ съ собою похитителемъ. На этомъ основаніи, отомкнутіе ключемъ, найденнымъ воромъ въ самомъ помѣщеній, будетъ ли этотъ ключь настоящій, принадлежащій къ отпираемому замку или нѣтъ, не подходитъ подъ третій пунктъ добавленія; точно также отомкнутіе найденнымъ или украденнымъ ключемъ, хотя бы принесеннымъ похитителемъ, но принадлежащимъ къ отпираемому замку, не придаетъ кражѣ значенія особенно тяжкаго преступленія“.

Резюмируя всѣ измѣненія, внесенныя въ узаконенія о кражѣ со взломомъ закономъ 18 Мая 1882 года, Н. С. Таганцевъ въ „Объясненіи“ своемъ указываетъ, что „по новому закону: 1) Кража изъ хранилищъ съ оторваніемъ паходящихся на нихъ печатей, кража запертыхъ хранилищъ, кража съ найденными или украденными ключами, а равно съ поддѣльными или подобранными ключами, не принесенными виновнымъ —утратило значеніе кражи съ особо увеличивающими вину обстоятельствами и наказывается какъ простая кража по ст. 169-й Мир. Уст. 2) Кража изъ нежилыхъ или необитаемыхъ частей обита-

емаго зданія, несоединенныхъ съ нимъ общимъ ходомъ, изъ необитаемыхъ построекъ, находящихся на дворѣ обитаемаго зданія, хотя бы при помощи взлома этихъ построекъ, но безъ взлома двора или обитаемаго зданія или какой либо его части; кража изъ отдѣльно стоящихъ необитаемыхъ зданій, за исключеніемъ казенныхъ и общественныхъ построекъ, охраняемыхъ стражею, или со дворовъ необитаемыхъ зданій, совершенная посредствомъ взлома преградъ, охраняющихъ доступъ въ эти помѣщенія, а равно кражи посредствомъ взлома хранилищъ, гдѣ бы таковыя не находились, и, наконецъ, кража въ обитаемыхъ или необитаемыхъ строеніяхъ посредствомъ отомкнутія запоровъ на помѣщеніяхъ или хранилищахъ, совершеннаго какими либо орудіями или принесенными виновнымъ поддѣльными или подобранными ключами — сдѣлалась подсудна мировымъ судьямъ".

Относительно отвѣтственности за кражу со взломомъ, предусмотрѣнную ст. 170[1] Мир. Уст., въ „Объясненіи" высказано, что отвѣтственность за эту кражу со взломомъ „отличается отъ другихъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 170 двумя особенностями: во 1-хъ) возвышенъ наивысшій размѣръ тюремнаго заключенія до 1 $^1/_2$ лѣтъ, и во 2-хъ), возвышеніе наказанія, сравнительно съ отвѣтственностью за простую кражу, указанную въ ст. 169, сдѣлано для судьи обязательнымъ, а не зависитъ отъ его усмотрѣнія, такъ что мировой судья за кражу со взломомъ, по общему правилу, не можетъ назначить тюремное заключеніе ниже шести мѣсяцевъ. Но и новою редакціею закона не уничтожается право мироваго судьи, при наличности обстоятельствъ, указанныхъ въ ст. 171, уменьшать назначенное за кражу наказаніе до $^1/_2$, т. е. опредѣлять, при условіяхъ въ 1-мъ пунктѣ добавленія указанныхъ, тюремное заключеніе отъ 3 до 9 мѣсяцевъ". Слова „въ первомъ пунктѣ добавленія указанныхъ" представляются намъ вполнѣ непонятными, такъ какъ мы рѣшительно не понимаемъ, почему и въ какомъ смыслѣ сдѣлано Н. С. Таганцовымъ это указаніе на ограниченіе права мироваго судьи уменьшить виновному наказаніе до по-

ловины въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ другими двумя пунктами 170[1] ст. Мир. Уст., и, признаемся, мы считаемъ эту вставку искаженною типографскою опечаткою.

171 ст. Слѣдующее виновному по статьямъ 169 — 170[1] наказаніе можетъ быть уменьшено до половины:

1) если виновный въ кражѣ добровольно возвратилъ украденное хозяину;

2) если кража совершена по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ, и

3) если цѣна похищеннаго не превышаетъ пятидесяти копѣекъ.

Согласно точному смыслу 171 ст. Сенатомъ въ многочисленныхъ рѣшеніяхъ разъяснено, что признаніе существованія тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину при кражѣ, и уменьшеніе наказанія по 171-й ст. Мир. Уст. вполнѣ зависитъ отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу; въ рѣшеніи же 1869 г. № 1003 разъяснено, что при наличности двухъ какихъ либо обстоятельствъ, изъ которыхъ каждое даетъ суду право уменьшать наказаніе на половину, напр. при покушеніи на кражу имущества цѣною менѣе 50 к., судъ не можетъ смягчить наказаніе болѣе чѣмъ на половину низшей мѣры, т. е. не можетъ назначить тюремное заключеніе менѣе чѣмъ на 1 ½ мѣсяца. Однакоже по отношенію къ малолѣтнему Сенатомъ—въ рѣш. 72 г. № 1411—высказано, что „несовершеннолѣтіе, не принадлежа къ числу обстоятельствъ, исчисленныхъ въ 13 и 171-й ст. Уст. о нак., составляетъ самостоятельное обстоятельство, уменьшающее вину и наказаніе — на основаніи особаго закона, изложеннаго въ 11-й ст. того же Устава. Поэтому смягченіе наказанія, въ силу сего особаго закона, должно быть произведено независимо отъ уменьшенія наказанія по какимъ либо другимъ законнымъ причинамъ“.

Возвращеніе украденнаго хозяину тогда только можетъ влечь за собою уменьшеніе наказанія, когда оно учинено *добровольно,* т. е. не подъ вліяніемъ принужденія, чѣмъ бы это принужденіе не обусловливалось. Такъ, воръ, пойманный съ полич-

нымъ, отдаетъ вещь, конечно, въ виду стеченія неблагопріятныхъ условій и не можетъ считаться отдавшимъ вещь добровольно. Но, съ другой стороны, не должно относиться слишкомъ формально и къ тому случаю, когда воръ отдаетъ хозяину только часть похищеннаго, разумѣется, если онъ поставленъ притомъ въ невозможность отдать остальную часть, истративъ ли ее, или по другимъ какимъ либо причинамъ. Похититель же, отдающій часть похищеннаго и приберегающій остальное для себя—не долженъ разсчитывать на уменьшеніе наказанія по 1 п. 171 ст.

Крайность, о которой говоритъ 2 п. 171 ст., должна быть соединена съ неимѣніемъ никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ, т. е. должна быть крайностью *голода* или же вообще невозможности удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей. Но эту крайность не слѣдуетъ смѣшивать съ состояніемъ принужденія отъ непреодолимой силы, влекущемъ за собою, въ силу 3 п. 10 ст., невмѣненіе проступка въ вину; для примѣненія же 2 п. 171 ст. нѣтъ необходимости въ установленіи того факта, что голодъ подсудимаго достигъ той степени напряженія, при которой онъ долженъ уже почитаться непреодолимою силою, противъ которой обвиняемый не въ состояніи былъ бороться.

3-й п. 171 ст. не требуетъ особыхъ разъясненій.

172 ст. За покушеніе на кражу, остановленное по независѣвшимъ отъ подсудимаго обстоятельствамъ, а равно за участіе въ кражѣ и за укрывательство похищеннаго, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за кражу; но Мировому Судьѣ предоставляется уменьшать это наказаніе до половины, соображаясь съ важностію покушенія или участія виновныхъ.

Общее понятіе о покушеніи мы дали при разсмотрѣніи 17 ст. Мир. Уст., теперь же укажемъ лишь на отличіе покушенія на кражу отъ совершившейся или оконченной кражи — съ одной стороны, и отъ приготовленія къ кражѣ — съ другой, замѣтивъ предварительно, что покушеніе на кражу, остановлен-

ное по собственной волѣ обвиняемаго, ненаказуемо и что уменьшеніе наказанія до половины предоставлено усмотрѣнію суда, разсматривающаго дѣло по существу.

Въ рѣш. Сен. 72 г. № 960 высказано, что кража считается совершившеюся съ того момента, какъ предметъ ея изъятъ изъ владѣнія собственника. Раньше же того — въ рѣш. 68 г. № 568 и 69 г. № 191 — Сенатомъ разъяснено, что предметомъ преступленія кражи слѣдуетъ считать право собственности на движимую вещь, и слѣдовательно, кража должна считаться совершившеюся, если право собственности на вещь вполнѣ нарушено, т. е. если вещь фактически перешла во владѣніе похитителя; покушеніемъ же на кражу слѣдуетъ считать такія внѣшнія дѣйствія, которыми явно выразилось намѣреніе похитить вещь, законно принадлежащую другому, и тѣмъ нарушить право собственности на оную законнаго владѣльца. Такимъ образомъ, для окончанія кражи необходимо только, чтобы похищенныя вещи на самомъ дѣлѣ перешли изъ владѣнія хозяина ихъ во владѣніе похитителя или, по крайней мѣрѣ, были поставлены въ такое положеніе, что, по понятію о правѣ собственности на движимыя имущества, могли быть почитаемы находящимися во владѣніи вора. Это принципіальное положеніе высказано Сенатомъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, причемъ въ рѣш. 68 г. № 274 разъяснено, что уносъ вещи вовсе не составляетъ необходимаго условія для признанія кражи совершившеюся, такъ какъ уносъ вещи служитъ только для избѣжанія опасности быть пойманнымъ и для извлеченія пользы изъ покраденнаго.

Согласно этому общему началу Сенатомъ признано: а), что задержаніе вора на мѣстѣ кражи съ похищенною имъ и спрятанною подъ полою шубы вещью не могло служить основаніемъ къ признанію дѣянія его покушеніемъ на кражу, такъ какъ задержаніе его послѣдовало уже по совершеніи кражи (рѣш. 72 г. № 111); б), что вынесеніе кулей съ овсомъ изъ амбара и положеніе ихъ на подводу составляетъ оконченную кражу, а не покушеніе на оную (рѣш. 72 г. № 1028); в), что

тотъ случай, когда воръ, похитивъ деньги изъ алтаря церкви, пробрался затѣмъ черезъ колокольню подъ крышу церкви, гдѣ и былъ захваченъ, слѣдуетъ признать оконченною кражею (рѣш. 68 г. № 274),—и т. д. Нельзя считать отступленіемъ отъ этого общаго начала и взглядъ высказанный Сенатомъ въ рѣш. 1867 г. № 191 и 68 г. № 310. Въ первомъ изъ этихъ рѣшеній признанъ покушеніемъ, а не кражею, тотъ случай, когда виновный, проникнувшій на чердакъ для похищенія, былъ тамъ запертъ съ покраденными вещами, во второмъ же — признано тоже покушеніемъ спрятаніе вещи на дворѣ у потерпѣвшаго съ тѣмъ, чтобы послѣ за нею придти. Трудно признать лицо вступившемъ во владѣніе вещью, когда—въ первомъ случаѣ—оно само находилось—такъ сказать—во владѣніи потерпѣвшаго, а во второмъ случаѣ—не могло вступить въ распоряженіе вещью и оставило ее на мѣстѣ и, слѣдовательно, во владѣніи потерпѣвшаго.

Относительно же отличія покушенія на кражу отъ приготовленія къ ней, Сенатомъ въ рѣш. 1871 г. № 835 разъяснено, что „ст. 169-я Уст. о нак. опредѣляетъ отвѣтственность за кражу оконченную, т. е. за тайное похищеніе чужой собственности, а 172-я ст.— за покушеніе на кражу, т. е. за такія дѣйствія, которыми началось уже приведеніе въ исполненіе намѣренія совершить кражу, но ни та, ни другая статья не могутъ имѣть примѣненія къ тѣмъ, которые хотя и имѣли намѣреніе совершить кражу, но не приступили еще къ исполненію этого намѣренія, такъ какъ на осн. 111-й ст. Улож. намѣреніе или умыселъ совершить преступленіе наказывается въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ“.

Въ отдѣльныхъ же случаяхъ Сенатъ призналъ покушеніемъ, а не приготовленіемъ: а) наложеніе воромъ руки на предметъ, который онъ предполагалъ похитить (рѣш. 76 г. № 152); б) дѣйствія подсудимаго, направленныя на то, чтобы проникнуть въ мѣсто храненія предмета кражи, а именно, проникновеніе въ чужую квартиру съ цѣлью похищенія (то же рѣш. и рѣш. 75 г. № 568); в) перелѣзаніе черезъ заборъ съ цѣлью по-

хищенія (рѣш. 71 г. № 889); г) выбиваніе косяковъ въ дверяхъ чужаго и нежилаго помѣщенія съ цѣлью произвести кражу, т. е. съ цѣлью отдѣлить эти косяки отъ неподвижныхъ частей зданія и присвоить ихъ затѣмъ себѣ (рѣш. 76 г. № 60) и т. д.

Затѣмъ въ 172 ст. говорится объ участіи въ кражѣ. Ст. 12-я Улож. о нак. опредѣляетъ участниковъ, какъ лицъ, непосредственно помогавшихъ главнымъ виновникамъ въ содѣяніи преступленія, или же доставившихъ средства для содѣянія преступленія, а также, старавшихся устранить препятствія, къ тому представлявшіяся. Поэтому участники соприкасаются— съ одной стороны — съ главными виновниками, т. е. съ тѣми, которые подстрекали на кражу или же совершили ее своими руками, а съ другой стороны съ укрывателями похищеннаго и съ покупателями завѣдомо краденнаго, если только эти послѣдніе до совершенія еще кражи не обѣщали главному виновному свое содѣйствіе.

Что же касается *укрывательства*, то обратимъ особое вниманіе на то, что 172-я ст. Мир. Уст. преслѣдуетъ укрывательство *похищеннаго*, и, слѣдовательно, не распространяется ни на укрывательство похитителя, ни на сокрытіе слѣдовъ преступленія, при чемъ сокрытіе преступника можетъ подходить подъ дѣйствіе лишь 64-й ст. Мир. Уст. Въ рѣш. 74 г. № 296 Сенатъ тоже высказалъ, что ст. 172-я имѣетъ въ виду только укрывательство похищеннаго, а не всякое сокрытіе слѣдовъ преступленія. Въ другихъ же Сенатскихъ рѣшеніяхъ разъяснено: а), что „корысть не составляетъ необходимаго условія и существеннаго признака укрывательства; посему цѣль, съ которою оно сдѣлано, можетъ служить только обстоятельствомъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ вину“ (рѣш. 1872 г. № 1100); б), что для признанія обвиняемаго укрывателемъ нужно, чтобы „похищенные или инымъ противозаконнымъ способомъ добытыя вещи, были имъ приняты съ знаніемъ о семъ“ (рѣш. 72 г. № 1338); в), что принятіе вещей, завѣдомо краденныхъ, какъ укрывательство подлежитъ наказанію независимо отъ того, открыты или не открыты главные виновники (рѣш.

71 г. № 547); въ этомъ рѣшеніи Сенатъ, вопреки другимъ своимъ рѣшеніямъ и притомъ неправильно, признаетъ, что всякое сокрытіе слѣдовъ кражи подходитъ подъ дѣйствіе 172-й ст.; г), что одно незнаніе принявшимъ завѣдомо краденное, у кого совершена кража, не устраняетъ примѣненія 172-й ст. Мир. Уст. (рѣш. 75 г. № 258); и д), что при признаніи судомъ доказаннымъ факта задержанія обвиняемаго съ краденными вещами, при отсутствіи прямыхъ доказательствъ совершенія имъ самой кражи, примѣненіе къ дѣянію обвиняемаго 172 ст. Уст. о нак. является правильнымъ.

Относительно же примѣненія 170 ст. къ случаямъ предусмотрѣннымъ 172 ст., замѣтимъ, что при признаніи подсудимаго виновнымъ въ покушеніи на кражу или же въ участіи въ кражѣ при наличности котораго либо изъ условій предусмотрѣнныхъ 170-й ст., наказаніе ему можетъ быть увеличено согласно 170-й ст. Въ рѣш. Сен. 1872 г. № 778 объяснено, что если покушеніе на кражу было совершено при обстоятельствахъ, указанныхъ въ ст. 170, то судъ можетъ усилить наказаніе по правиламъ, въ этой статьѣ означеннымъ, а затѣмъ уже уменьшить отвѣтственность по ст. 172-й. То же самое слѣдуетъ сказать и объ участіи въ кражѣ, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду разъясненіе, сдѣланное Сенатомъ въ рѣш. 75 г. № 526, признавшимъ, что наказаніе сообщника должно быть опредѣляемо по образу его дѣйствій и по его собственнымъ личнымъ отношеніямъ къ потерпѣвшему отъ преступленія, а не по личнымъ отношеніямъ зачинщика къ жертвѣ. Такимъ образомъ, главный виновный можетъ быть наказанъ по 169 и 170 ст., а соучастникъ только по 169 ст.; но можетъ случиться и на оборотъ, если, напр., соучастникъ былъ уже разъ осужденъ за кражу или мошенничество, главный же виновникъ совершаетъ кражу всего въ первый разъ.

Что же касается укрывательства, то по мнѣнію г. Неклюдова (стр. 717 Рук.) 170 ст. „не можетъ имѣть примѣненія къ укрывательству похищеннаго, ибо укрывателю, какъ не участвовавшему въ кражѣ, не можетъ быть постановлено въ вину

ни то, что воръ совершилъ кражу не днемъ, а ночью, ни то, что онъ сдѣлалъ похищеніе въ многолюдномъ собраніи, а не въ безлюдномъ мѣстѣ и т. п.; укрывателю часто даже не могутъ быть извѣстны тѣ обстоятельства, при которыхъ совершена кража". Сенатъ высказалъ въ рѣш. 68 г. № 262 и 69 г. № 432 другой взглядъ, а именно, что такъ какъ на осн. ст. 172 укрыватели кражи подлежатъ наказанію, за кражу положенному, то во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ судъ найдетъ при кражѣ наличность обстоятельствъ, указанныхъ въ 170 ст., онъ можетъ усилить наказаніе и укрывателямъ. Этотъ взглядъ Сената представляется намъ болѣе правильнымъ, нежели взглядъ г. Неклюдова, съ тѣмъ условіемъ, конечно, какъ это высказано и Сенатомъ въ рѣш. 69 г. № 50 и 72 г. № 946, чтобы было установлено, что укрыватель зналъ о способѣ совершенія кражи, и объ обстоятельствахъ сопровождавшихъ оную, а также съ тѣмъ ограниченіемъ, что 7 и 8-й п. 170-й ст. не могутъ имѣть примѣненія къ укрывательству (что высказано и Сенатомъ въ рѣш. 75 г. № 194), такъ какъ въ 8 п. говорится о самой кражѣ, а не объ укрывательствѣ и такъ какъ личныя отношенія одного изъ соучастниковъ въ преступленіи къ жертвѣ не могутъ вліять на мѣру отвѣтственности остальныхъ соучастниковъ.

Равнымъ образомъ ст. 172-я можетъ имѣть примѣненіе и при кражѣ со взломомъ, предусмотрѣнной 170[1] ст. Мир. Уст., и при этомъ укрыватели отвѣчаютъ по 169 ст. въ томъ случаѣ, если не будетъ доказано, что они знали о способѣ совершенія кражи, какъ это высказано и Сенатомъ въ рѣш. 68 г. № 174 и 71 г. № 825; въ противномъ же случаѣ укрыватели отвѣчаютъ по 170[1] ст. Уст. о нак.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О мошенничествѣ, обманахъ и присвоеніи чужаго имущества.

173 ст. За обмѣръ и обвѣсъ при продажѣ, куплѣ или мѣнѣ товаровъ или иныхъ вещей, а равно за другіе обманы въ количествѣ или качествѣ товара, или въ разсчетѣ

платежа, или же при размѣнѣ денегъ, виновные, когда цѣна похищеннаго не превышаетъ *трехсотъ рублей*, подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Гминнымъ судамъ проступки 173-й ст. подсудны въ томъ случаѣ, когда цѣна похищеннаго не превышаетъ *тридцати рублей.* Собственно о мошенничествѣ и обманахъ говорятъ ст. 173 и 2 п. 174, остальные пункты 174 ст. приравниваютъ къ обману нѣкоторыя преступныя дѣянія, статьи же 175 и 176 говорятъ лишь объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину, при чемъ ст. 173-я имѣетъ въ виду исключительно обманъ, такъ наз. торговый, а 174-я ст. преслѣдуетъ другіе виды обмана.

Подъ обманомъ вообще слѣдуетъ понимать выманиваніе у кого либо имущества посредствомъ введенія его умышленно въ заблужденіе относительно какого либо изъ элементовъ сдѣлки. Этимъ признакомъ обманъ отличается отъ другихъ видовъ присвоенія чужаго имущества; такъ, при присвоеніи въ тѣсномъ смыслѣ слова, вещь переходитъ къ обвиняемому законнымъ путемъ и преступленіе начинается уже по переходѣ имущества къ обвиняемому; при кражѣ, потерпѣвшій вовсе не знаетъ о переходѣ вещи къ обвиняемому, такъ какъ переходъ этотъ совершается тайно; при грабежѣ, вещь переходитъ отъ потерпѣвшаго къ обвиняемому помимо воли перваго изъ нихъ и обвиняемый вовсе не старается вселить въ потерпѣвшемъ убѣжденіе въ одинаковой выгодности для обѣихъ сторонъ совершаемой сдѣлки. Преступленіе обмана или мошенничества совершается всегда при какой либо сдѣлкѣ и успѣхъ обмана зависитъ отъ той степени довѣрія, которую обвиняемый съумѣлъ внушить потерпѣвшему. Но не все то, что принято называть въ жизни обманомъ и что дѣйствительно является обманомъ, понимаемомъ въ смыслѣ введенія договаривающейся стороны въ заблужденіе, является обманомъ уголовно наказуемымъ, и въ установленіи отличія обмана уго-

ловно—наказуемаго отъ обмана, не носящаго характера уголовнаго дѣянія, заключается главная трудность, испытываемая судами при примѣненіи на практикѣ разбираемыхъ нами нынѣ статей Мир. Уст. Къ вопросу этому мы еще вернемся, теперь же обратимся къ разсмотрѣнію перваго изъ перечисленныхъ въ ст. 173-й проступковъ торговаго обмана, а именно къ обмѣру и обвѣсу.

Выраженіе „обмѣръ“ имѣетъ въ виду обманъ покупателя при продажѣ такихъ товаровъ или предметовъ, которые продаются тою или другою *мѣрою,* отмѣриваются; выраженіе же „обвѣсъ“ имѣетъ въ виду тотъ же проступокъ, но при продажѣ продуктовъ, продаваемыхъ *на вѣсъ*, отвѣшиваемыхъ; но въ томъ и другомъ случаѣ преслѣдуется обманъ *не въ качествѣ, а въ количествѣ* товара. Обмѣръ и обвѣсъ близко подходятъ къ проступку 1176 ст. Улож., различіе же ихъ заключается въ томъ, что ст. 1176-я Улож. преслѣдуетъ употребленіе при продажѣ невѣрныхъ вѣсовъ или мѣръ въ томъ случаѣ, когда эта невѣрность заключается въ самихъ вѣсахъ или мѣрахъ, какъ орудіяхъ продажи, подъ дѣйствіе же 173-й ст. Мир. Уст. обмѣръ и обвѣсъ подходитъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и, между прочими, въ тѣхъ случаяхъ, когда продавецъ, продавая на вѣсахъ, самихъ по себѣ вѣрныхъ, обманываетъ покупателя путемъ обращенія этихъ вѣрныхъ вѣсовъ въ невѣрные при помощи какихъ либо приспособленій. Такъ Сенатомъ въ рѣш. 74 г. № 498 высказано, что ст. 1176 Улож. относится къ случаямъ употребленія невѣрныхъ вѣсовъ, дѣйствіе же подсудимаго, обвиняемаго въ обманѣ покупателей посредствомъ подкладыванія свинцовой пластинки, подходитъ подъ дѣйствіе 173 ст. Мир. Уст.

Въ рѣш. 76 г. № 338 Сенатомъ подведено подъ дѣйствіе 173 ст. дѣяніе подсудимаго, заключавшееся въ томъ, что онъ „хотя не лично, но чрезъ прикащика своего, обмѣривалъ при пріемѣ зерноваго хлѣба посредствомъ неправильно устроеннаго гребла“. Въ рѣш 71 г. № 1087 признано обмѣромъ употребленіе при наймѣ рабочихъ для обработки земли невѣрной

мѣры, съ цѣлью понудить ихъ посредствомъ такого обмана къ обработкѣ большаго противъ условія количества земли. Въ рѣш. 1876 г. № 3 Сенатомъ высказано, что употребленіе при продажѣ такихъ припасовъ, которые могутъ продаваться произвольными мѣрами, мѣры не установленной закономъ величины, не составляетъ проступка караемаго уголовными законами въ томъ случаѣ, когда самый договоръ купли и продажи такихъ припасовъ былъ заключенъ на неустановленную закономъ мѣру и когда при употребленіи таковой мѣры продавцами не были предприняты какія либо средства для введеніе покупателя въ заблужденіе относительно дѣйствительной величины употребляемой мѣры. Но тѣмъ же рѣшеніемъ подведена подъ дѣйствіе 173-й ст. продажа яблокъ на мѣру, по своему виду и наименованію сходную съ установленною закономъ, но не надлежащей величины, причемъ виновный ложно увѣрялъ покупателя, что мѣра по величинѣ равна казенной и препятствовалъ провѣрить эту мѣру. Затѣмъ въ рѣш. 84 г. № 26 Сенатомъ разъяснено во 1-хъ), что подъ дѣйствіе 1176 ст. Улож. нельзя подводить крестьянъ, торгующихъ съ возовъ, и во 2-хъ), что употребленіе при такой продажѣ невѣрной мѣры составляетъ наказуемый по 173-й ст. обмѣръ только въ томъ случаѣ, когда продавецъ „завѣдомо употреблялъ такую мѣру съ цѣлью обмана покупателя, въ ущербъ сего послѣдняго, относительно количества проданнаго имъ товара".

Выше мы видѣли, что проступокъ 1176 ст. Улож. не подсуденъ мировой юстиціи, какъ соединенный съ лишеніемъ подсудимаго права на торговлю; проступокъ же 1177 ст., наказываемый „какъ за обмѣръ", слѣдуетъ признавать и признается подсуднымъ мировой юстиціи. Проступокъ этотъ заключается въ употребленіи продавцами напитковъ, питейному и акцизному сбору подлежащихъ, при продажѣ оныхъ, неклейменой посуды. Въ рѣш. 70 г. № 738 Сенатомъ высказано, что употребленіе неклеймейныхъ *мѣръ* однородно съ употребленіемъ неклейменой посуды; въ рѣш. же 1871 г. № 543 разъяснено, что одно нахожденіе въ питейномъ заведеніи вина, разлитаго

въ посуду съ недомѣромъ, составляетъ покушеніе на обмѣръ, а въ рѣш. 71 г. № 1640—что ст. 1177 не можетъ примѣняться къ продажѣ вина изъ частнаго дома. Продажа же вина *невѣрными мѣрами*, какъ подходящая подъ дѣйствіе 1176 ст. Улож., неподсудна мировой юстиціи.

Относительно же *обвѣса* Сенатомъ признаны подходящими подъ дѣйствіе 173 ст.: 1) умышленное увеличеніе вѣса товара посредствомъ прибавленія къ нему глины и песку (рѣш. 71 г. № 20); 2) устройство при покупкѣ на вѣсъ такого приспособленія на вѣсахъ, съ помощью котораго производится обманъ покупателя (рѣш. 1871 г. № 831); 3) совершеніе при взвѣшиваніи товара такихъ дѣйствій (напр. дерганіе чашки вѣсовъ), которыя могли ввести въ заблужденіе лицо, сдающее или принимающее товаръ, на счетъ его дѣйствительнаго вѣса (рѣш. 1873 г. № 719); 4) обвѣсъ посредствомъ подкладыванія пластинки подъ чашку вѣсовъ (рѣш. 74 г. № 498).

Особенно подробныя Сенатскія разъясненія вызваны продажею неполновѣснаго хлѣба. Въ рѣш. 71 г. № 628 Сенатомъ высказано, что примѣненіе судомъ 173 ст. Мир. Уст. къ признанному имъ факту продажи обвиняемымъ хлѣба неполновѣснаго „оказывается правильнымъ, такъ какъ проступокъ его заключается въ полученіи, посредствомъ приготовленія неполновѣсныхъ хлѣбовъ, съ покупателя денегъ за большее количество товара, нежели въ дѣйствительности продавалъ, т. е. цѣлью его обмана было похищеніе чужаго имущества, въ чемъ именно и заключаются признаки дѣянія, составляющаго по закону мошенничество". Въ рѣш. 72 г. № 1581 указано, что выпускъ изъ своей пекарни для продажи хлѣба, не имѣвшаго надлежащаго вѣса, съ цѣлью воспользоваться барышомъ, происходящимъ отъ разницы между дѣйствительнымъ и предполагаемымъ вѣсомъ хлѣба, подходитъ подъ силу 173 ст., причемъ въ рѣш. 1872 же года №№ 1116 и 1259 разъяснено, что примѣненіе къ такому дѣянію 173 ст. обусловливается существованіемъ таксы на хлѣбъ. Болѣе подробно Сенатъ останавливается на этомъ вопросѣ въ рѣш. 74 г. № 738, разъяснивъ въ

немъ: 1), что продажа булокъ, вѣсъ которыхъ не опредѣленъ въ таксѣ, не можетъ быть подводима подъ дѣйствіе 173 ст.; 2), что при обвиненіи кого либо въ нарушеніи таксы, судъ имѣетъ полное право признать, что не смотря на присутствіе въ хлѣбѣ молока, масла и т. д. примѣсь эта, по незначительности своей, не измѣнила вовсе свойства и значенія разсматриваемаго хлѣба, какъ предмета необходимаго продовольствія, и подвергнуть продавца опредѣленному наказанію, такъ какъ признавать, что всякая примѣсь, какъ бы она незначительна ни была, можетъ давать право продавцу хлѣба нарушать установленную таксу, значило бы уничтожить обязательность таксы. Въ томъ же рѣшеніи высказано, что продажа хлѣба полновѣснаго, но выше цѣны, назначенной по таксѣ, наказуемо не по 173, а по 29 ст. Мир. Уст. Въ губерніяхъ Царства Польскаго такса введена декретомъ 7 Марта 1812 года (Дн. Зак. Т. IV), установившимъ таксы на хлѣбъ, мясо и проч.

Обманъ въ качествѣ товара. Общія начала по вопросу о наказуемости обмана въ качествѣ товара установлены Сенатомъ въ рѣш. 68 г. № 885 и 69 г. № 252. Въ рѣшеніяхъ этихъ Сенатомъ разъяснено, что подъ выраженіемъ „обманъ въ качествѣ товара“ должно разумѣть или простое умолчаніе продавца о незамѣченномъ или ускользающемъ отъ вниманія покупателя недостаткѣ товара или положительное удостовѣреніе продавца въ наличности такого качества, которое не существуетъ, или же, наконецъ, особыя приготовленія, которыя имѣли цѣлью скрыть отъ покупателя недостатки предмета и утвердить въ немъ убѣжденіе въ справедливости увѣреній продавца (рѣш. 68 г. № 885). Далѣе въ этомъ рѣшеніи высказано: „очевидно, что и въ передачѣ проданнаго имущества неустановленной доброты заключается также обманъ, но однакоже, обманъ этотъ, по силѣ самого закона, не преслѣдуется судомъ уголовнымъ, въ тѣхъ, конечно, видахъ, что отъ такого рода обмановъ, какъ преувеличеніе достоинства товара, умолчаніе о его недостаткахъ или удостовѣреніе въ такихъ качествахъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ, всякій при обыкно-

венной осторожности и вниманіи легко можетъ уберечься". Начало это развито Сенатомъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, такъ, въ рѣш. 73 г. № 959 высказано, что „для признанія обмана въ качествѣ товара наказуемымъ по уголовному закону, недостаточно уличенія обвиняемаго въ продажѣ предмета не подлежащаго качества и даже въ умолчаніи о его недоброкачественности, а необходимо, чтобы виновный, съ цѣлью похищенія чужаго имущества, употребилъ при продажѣ такія тайныя приготовленія или совершилъ такія дѣйствія, которыми бы ввелъ покупателя въ заблужденіе относительно дѣйствительныхъ качествъ и свойствъ покупаемаго предмета".

Правильность этого взгляда Сената, требующаго для наличности обмана „особыхъ приготовленій", отрицается г. Неклюдовымъ, замѣчающимъ, что „по закону (5 п. 175 ст.) особыя приготовленія образуютъ не признакъ преступнаго обмана, а лишь обстоятельство увеличивающее вину. Хотя замѣчаніе это вполнѣ основательно съ фактической стороны, но нельзя не замѣтить, что Руководство г. Неклюдова не даетъ никакихъ руководящихъ началъ для отличія обмана уголовно-наказуемаго отъ обмана гражданскаго, а установить это отличіе необходимо, такъ какъ нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, наказывать заключеніемъ въ тюрьму увѣреніе продавца, что Вы будете десять лѣтъ носить сапоги и не износите, тогда какъ они износились черезъ полгода, или же — божбу того же продавца, что товаръ его заграничный, тогда какъ онъ оказался мѣстнаго производства. Признакъ „особаго приготовленія" встрѣчался и въ тѣхъ статьяхъ Улож. 57 года, которыя замѣнены 173 ст. Мир. Уст.; такъ ст. 1879 Улож. 57 г. преслѣдовала отдачу ремесленникомъ поддѣльнаго за настоящее, т. е. обманъ съ „особымъ приготовленіемъ". Согласовать взглядъ Сената съ указаніемъ 3 п. 175-й ст. можно, быть можетъ, признавъ, что „особыя приготовленія", указываемыя въ 3 п. 175 ст. отличаются отъ „особыхъ приготовленій", какъ признака обмана, качественно, большею, такъ сказать, тонкостью отдѣлки, и что „особыя приготовленія", какъ признакъ обмана, слѣду-

етъ понимать въ широкомъ смыслѣ слова. На возможность такого толкованія указываетъ Сенатъ, признавшій въ рѣш. 71 года № 688, что „за неуказаніемъ въ законѣ, что именно должно считать особымъ приготовленіемъ, признаніе таковаго зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ совершеніе преступленія, по окончательному заключенію суда, разсматривающаго дѣло по существу". Затѣмъ Сенатъ нѣсколько расширилъ возможность примѣненія 173 ст., указавъ въ рѣш. 74 г. № 71, что соображенія его, высказанныя въ рѣш. 68 г. № 885 и др., не могутъ имѣть примѣненія къ такому дѣлу, „по которому подсудимый обвиненъ не въ преувеличиваніи достоинствъ продаваемаго товара или сокрытіи его недостатковъ, вслѣдствіе чего покупатели могли бы быть введены въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго качества товара, а въ обманѣ посредствомъ искаженія фактовъ, вслѣдствіе котораго покупатели были введены въ заблужденіе на счетъ самаго рода покупаемыхъ вещей". Рѣшеніе это имѣло въ виду продажу мѣдныхъ ключиковъ за золотые, хотя и безъ выставленія на нихъ клейма.

Согласно вышеизложенному Сенатъ призналъ обманомъ, не влекущимъ уголовной отвѣтственности: продажу больной лошади безъ употребленія какихъ либо особенныхъ мѣръ для сокрытія болѣзни (рѣш. 74 г. № 447); названіе полотна голандскимъ и разсказъ о томъ, что владѣлецъ живетъ въ Вѣнѣ и требуетъ немедленной высылки денегъ, хотя бы въ ущербъ торговлѣ (рѣш. 74 № г. 533); продажу гнилаго ситца вмѣсто добротнаго (рѣш. 69 г. № 456); продажу старой шубы съ завѣреніемъ, что мѣхъ ея годенъ для носки, когда оказалось противное (рѣш. 69 г. № 742), и т. д.

Съ другой стороны, Сенатъ призналъ обманомъ уголовно-наказуемымъ: приклеиваніе къ бутылкѣ поддѣльнаго вина ярлыковъ и клеймъ чужой фирмы, съ цѣлью возбудить въ покупателѣ довѣріе къ качеству вина (рѣш. 72 г. № 1656); обвертываніе льна худаго достоинства сверху льномъ лучшаго достоинства (рѣш. 68 г. № 865); передачу заказанной шапки изъ

подкрашенной мерлушки вмѣсто настоящей (рѣш. 67 г. № 529); поддѣлку у негодной лошади зубныхъ чашекъ и умолчаніе объ этомъ при продажѣ (рѣш. 70 г. № 681), и т. д.

Нѣсколько подробнѣе приходится остановиться на проступкѣ продажи надутаго мяса. Въ рѣш. 71 г. № 1460 Сенатомъ высказано, что надутіе теленка, для приданія мясу лучшаго вида при продажѣ составляетъ особое приготовленіе для обмана покупателя относительно качества товара, а потому подобный проступокъ вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію мошенничества. Отъ этого взгляда, несостоятельность котораго вполнѣ выяснена въ обстоятельной статьѣ г. Лаганова (журн. Гр. и Уг. пр. за 84 г.), Сенатъ впослѣдствіи отказался и въ рѣш. 81 года № 30 разъяснилъ, что „надуваніе мяса, съ цѣлью лишь придать ему лучшій видъ при продажѣ, не есть еще мошенническій поступокъ, но онъ является таковымъ въ томъ случаѣ, когда лицо, надувшее мясо, сдѣлало это съ намѣреніемъ обмануть покупателя и дѣйствительно обмапуло его, продавъ ему мясо низшаго качества за лучшее, и этимъ способомъ воспользовалось излишними деньгами за мнимыя качества своего товара". Далѣе Сенатъ разъясняетъ, что при отсутствіи этихъ признаковъ мошенничества, надуваніе мяса, признаваемое вреднымъ для здоровья ст. 861 Уст. Врач. XIII Т. Св. Зак., подходитъ подъ дѣйствіе 115 ст. Мир. Уст. Г. Лагановъ, въ упомяпутой выше статьѣ своей, находитъ, что въ виду непримѣненія въ губерніяхъ Царства Польскаго Врач. Уст. Имперіи, откуда взята Сенатомъ ст. 861, падуваніе мяса подходитъ въ Варш. суд. окр. подъ дѣйствіе не 115, а 29 ст. Мир. Уст. Мы же съ своей стороны, соглашаясь съ тѣмъ, что 861 ст. Уст. Врач. въ губерніяхъ Царства Польскаго не дѣйствуетъ, находимъ, что въ виду этого отсутствуетъ единственное основаніе для признанія подобнаго надуванія вообще вреднымъ для здоровья покупателей и что поэтому отпадаетъ основаніе и для признанія законнымъ требованія полиціи о прекращеніи надуванія мяса; такимъ образомъ мы полагаемъ, что дѣяніе это, не осложненное другими признаками, въ округѣ Варш. суд. пал. слѣдуетъ признавать ненаказуемымъ.

Обманъ при разсчетѣ платежа или при размѣнѣ денегъ. Въ случаѣ обвиненія кого либо въ обманѣ при разсчетѣ платежа, уголовное дѣло должно идти, не останавливаясь до разрѣшенія гражданскаго спора сторонъ, такъ какъ не исходъ уголовнаго дѣла зависитъ въ данномъ случаѣ отъ исхода гражданскаго процесса, а на оборотъ. Въ рѣш. Сен. 1874 г. № 203 выражено, что „для признанія проступка, предусмотрѣннаго 173 статьею подъ именемъ обмана въ разсчетѣ платежа или при размѣнѣ денегъ, необходимо присвоеніе денегъ или въ разсчетѣ или въ размѣнѣ посредствомъ обмана“. Другими рѣшеніями установлено: во 1-хъ), что умышленная недоплата денегъ за купленный товаръ, вслѣдствіе ложнаго утвержденія объ ихъ уплатѣ, вполнѣ подходитъ подъ понятіе обмана при разсчетѣ платежа (рѣш. 71 г. № 1571); во 2-хъ), что удержаніе долговой росписки, взятой у кредитора подъ предлогомъ уплаты, составляетъ обманъ при разсчетѣ платежа, если взявшій будетъ утверждать, что долгъ уплоченъ (рѣш. 69 г. № 10); въ 3-хъ), что покупка товара съ условіемъ уплаты денегъ по доставкѣ на домъ, если затѣмъ покупщикъ, принявъ товаръ, не только не уплатилъ денегъ, но ложно увѣрилъ лицо, которому было поручено ихъ принять, что таковыя уплочены при покупкѣ, чѣмъ и побудилъ оставить товаръ, вполнѣ подходитъ подъ ст. 173 (рѣш. 68 г. № 360); въ 4-хъ), что неотдача продавцемъ сдачи, при ложномъ утвержденіи, что сдача возвращена, составляетъ обманъ въ разсчетѣ платежа (рѣш. 70 г. № 915), и въ 5-хъ), что взятіе росписки въ полученіи денегъ, подъ предлогомъ немедленной ихъ уплаты, каковая однакоже не была произведена, подходитъ подъ ст. 173 (рѣш. 75 г. № 196). Всѣ вышеприведенные случаи обмана, а также и тѣ случаи, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, мыслимы только при завѣдомомъ введеніи потерпѣвшаго въ заблужденіе; этотъ признакъ является необходимымъ элементомъ для состава преступленія мошенничества, поэтому неосторожный обманъ не мыслимъ, а слѣдовательно немыслимо примѣненіе къ случаямъ подобнаго рода 9-й статьи Мир. Устава;

отсутствіе же этого признака дѣлаетъ дѣяніе обвиняемаго ненаказуемымъ.

174 ст. Опредѣленному въ статьѣ 173 наказанію подлежатъ и тѣ:

1) кто подмѣнитъ вещи, ввѣренныя ему для храненія, переноски, перевозки или инаго доставленія;

2) кто выманитъ у кого либо деньги или вещи чрезъ сообщеніе ложныхъ извѣстій, или подъ видомъ выгодныхъ предпріятій, мнимыхъ расходовъ по какому либо дѣлу, благотворительныхъ приношеній, или инымъ мошенническимъ образомъ;

3) кто, получивъ уплату долга, не возвратитъ заемное письмо, вексель, росписку, или подписанный покупателемъ счетъ, или не означитъ на нихъ о полученіи слѣдовавшихъ денегъ, съ намѣреніемъ вновь потребовать уплаченное;

4) кто, при полной уплатѣ долга, не возвратитъ данный въ обезпеченіе займа закладъ, и

5) кто, не имѣя на то уполномочія, отдастъ въ наемъ или безмездное пользованіе чужое движимое имущество, съ намѣреніемъ присвоить себѣ слѣдующія за наемъ деньги, или извлечь изъ сего другую противозаконную выгоду.

Подмѣнъ вещей. 1-й п. 174 ст. предусматриваетъ проступокъ, близко подходящій къ присвоенію, предусмотрѣнному 177 ст. Мир. Уст., и тѣмъ лишь отличается отъ него, что при проступкѣ 174 ст. присвоеніе совершается при помощи обмана, выразившагося въ подмѣнѣ вещей. Съ другой стороны, проступокъ 1-го п. 174-й ст. слѣдуетъ отличать отъ случая тайнаго уноса чужой вещи съ замѣною ея своею — худшаго качества, что, согласно рѣш. Сен. 1873 г. № 1004, составляетъ кражу а не мошенничество; для состава этого послѣдняго преступленія необходимо, чтобы подмѣнена была вещь не тайно похищенная, а ввѣренная подсудимому для храненія, перевозки, переноски или инаго доставленія.

Выманиваніе имущества путемъ обмана. Формы обмана, служащаго для выманиванія денегъ или вещей, перечислены во 2 п. 174 ст. только примѣрно; это видно изъ того, что, перечисляя разные пути для выманиванія денегъ, 2-й п. 174 ст. оканчивается словами: „или инымъ мошенническимъ образомъ". Равнымъ образомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что преслѣдуетъ 2-й п. 174 ст. выманиваніе *денегъ* или *вещей* въ широкомъ значеніи этихъ словъ, такъ что подъ дѣйствіе этой статьи слѣдуетъ подводить и выманиваніе мошенническимъ образомъ не только наличныхъ денегъ, но и обязательствъ и т. п.

Выраженіе закона: „чрезъ сообщеніе ложныхъ извѣстій" Сенатъ, съ ссылкою на многія свои предъидущія рѣшенія, разъяснилъ въ рѣш. 1874 г. № 501 въ томъ смыслѣ, что „для правильнаго примѣненія 2-го п. 174 ст. Уст. о нак. требуется, чтобы судъ, разсматривающій существо дѣла, призналъ, что сообщенныя обвиняемымъ въ мошенничествѣ свѣденія были дѣйствительно ложны и что онѣ были таковы, что могли побудить обманутаго къ невыгодной для него сдѣлкѣ". Въ рѣш. Сен. 1869 г. № 321 высказано, что для понятія мошенничества необходимо, или чтобы похищенное имущество было чужое, или, по крайней мѣрѣ, чтобы на него простиралось извѣстное право другаго лица, что подтверждено и рѣш. Сен. 73 г. № 880, въ которомъ указано, что обманное полученіе имущества, хотя и принадлежащаго виновному, но описаннаго за долги и отданнаго на сохраненіе другому лицу, составляетъ мошенничество.

Многочисленными Сенатскими рѣшеніями разъяснено, что понятіе мошенничества немыслимо безъ употребленія обмана, какъ *средства* извлеченія для себя выгоды, и что обманъ долженъ предшествовать полученію имущества; если же полученію имущества не предшествовалъ обманъ, то хотя бы оно и было незаконно присвоено лицомъ получившимъ его, все таки подобнаго рода дѣяніе не можетъ быть подведено подъ признаки какого либо преступленія (рѣш. 71 г. № 852, 72—186, 75 г. — 576 и др.); далѣе Сенатомъ разъяснено, что для бытія мошенничества необходимо, чтобы обманутый передалъ иму-

щество обманщику подъ вліяніемъ обмана (рѣш. 71 г. № 1303) и что полученіе имущества безъ обмана, — при чемъ обвиняемый воспользовался нетрезвымъ состояніемъ потерпѣвшаго для покупки вещи за низкую цѣну, но не прибѣгалъ ни къ ложному увѣренію, ни къ другимъ средствамъ, — не можетъ почитаться мошенничествомъ (рѣш. Сен. 75 г. № 134).

Укажемъ теперь подробнѣе, какой характеръ должно носить это сообщеніе ложныхъ извѣстій и т. д. для возможности подведенія дѣянія обвиняемаго подъ 2 п. 174 ст. Мир. Устава.

Въ рѣш. Сената 80 г. № 25 высказано — съ ссылкою на прежнія рѣшенія, — что „для уголовно наказуемаго обмана необходимо, чтобы онъ выразился въ какихъ либо внѣшнихъ фактахъ, т. е., чтобы обманывающій предпринялъ какія либо дѣйствія, или особыя приготовленія, для вовлеченія потерпѣвшаго въ обманъ, или ложно увѣрилъ бы его въ существованіи не существующихъ обстоятельствъ, или, на оборотъ, — въ отсутствіи такихъ обстоятельствъ, которыя на самомъ дѣлѣ есть“. Въ рѣш. 75 г. № 147 разъяснено, что „ложное увѣреніе, имѣвшее послѣдствіемъ заключеніе невыгодной сдѣлки, тогда только можетъ имѣть значеніе обмана уголовнаго, когда оно относится къ фактамъ будто бы существующимъ или прошедшимъ и которые между тѣмъ никогда не существовали и не существуютъ, но нельзя приравнивать къ такого рода обманамъ ложныя увѣренія, относящіяся къ событіямъ предполагаемымъ въ будущемъ, развѣ бы при этомъ были сдѣланы какія либо особыя приготовленія или приняты мѣры для придачи такимъ ложнымъ увѣреніямъ характера достовѣрности“. Согласно этимъ разъясненіямъ и въ рѣш. 75 г. № 652 Сенатомъ указано, что одни ложныя увѣренія, безъ представленія какихъ либо удостовѣреній въ томъ, что то или другое дѣйствіе будетъ имѣть извѣстныя послѣдствія, не составляетъ еще обмана во внѣшнихъ фактахъ. Въ рѣш. 76 г. № 144 Сенатъ еще подробнѣе развилъ свой взглядъ, разъяснивъ въ немъ, что „обманъ, въ смыслѣ уголовномъ, можетъ заключаться лишь въ такихъ дѣйствіяхъ, послѣдствіемъ которыхъ по-

терпѣвшее лицо введено было въ заблужденіе или относительно самого существа какой либо сдѣлки по имуществу, или относительно правъ обвиняемаго на передачу ему имущества, или наконецъ относительно выгодъ, которыхъ ожидало для себя обманутое лицо; причемъ необходимо, чтобы обманныя дѣйствія были въ непосредственной связи со сдѣлкою по имуществу, т. е. были прямою и ближайшею причиною отчужденія имущества". Въ рѣш. 75 г. № 183 Сенатомъ разъяснено, что „уголовно наказуемымъ обманомъ считается обманъ въ какихъ либо внѣшнихъ фактахъ, извращеніе которыхъ склоняетъ обманутаго къ передачѣ своего имущества или къ вступленію въ невыгодную по имуществу сдѣлку, и при томъ такой обманъ, отъ котораго нельзя уберечься посредствомъ *обыкновенныхъ въ житейскомъ быту осторожности, предусмотрительности и вниманія къ своимъ интересамъ*".

Выше приведенныя рѣшенія, взаимно одно другое дополняющія, слѣдуетъ признать руководящими по разбираемому нами вопросу; подчеркнутыя же нами выраженія указываютъ, что въ дѣлахъ о мошенничествахъ Сенатъ даетъ большой просторъ судамъ, разбирающимъ существо дѣла, и что по этому нельзя обвинять Сенатскія рѣшенія, какъ это иногда дѣлаютъ, въ слишкомъ формальномъ отношеніи къ преступленію мошенничества—въ смыслѣ съуженія области уголовно наказуемаго обмана. Такое формальное отношеніе къ подобнаго рода дѣламъ въ особенности немыслимо для мировой юстиціи здѣшняго края, гдѣ въ дѣлахъ о мошенничествахъ и обманахъ, торговыхъ и просто житейскихъ, непремѣнно являются въ роли обвиняемыхъ юркіе еврейчики, наметавшіеся долговременною и успѣшною практикою въ „гешефтахъ" сомнительнаго достоинства; въ роли же потерпѣвшихъ являются непремѣнно крестьяне, въ большинствѣ безграмотные, весьма часто довѣрчивые и никогда не развитые на столько, чтобы быть въ состояніи уберечься отъ сѣтей плутоватыхъ сыновъ Израиля, давно позабывшихъ о томъ, какъ они на рѣкахъ Вавилонскихъ сидѣли и плакали, и думающихъ только о томъ, какъ бы нажить

какъ можно больше, трудясь какъ можно меньше, а — лучше того — и совсѣмъ не трудясь. Крестьяне Привислянскихъ губерній только теперь, со времени крестьянской реформы, начинаютъ по немногу выходить изъ того состоянія отупѣнія и почти одичанія, въ которомъ ихъ застала эта реформа; только теперь освобождаются они отъ того состоянія забитости и приниженности, которое является послѣдствіемъ „шляхетской“ исторіи Польши и въ которомъ охотно оставило бы ихъ на вѣки вѣчные пресловутое „іерусалимское дворянство“. Факты эти нельзя не помнить и съ ними необходимо считаться при обсужденіи вопроса о томъ, насколько „обыкновенныя въ житейскомъ быту осторожность, предусмотрительность и вниманіе къ своимъ интересамъ“ могли охранить подобныхъ потерпѣвшихъ отъ мошенничествъ и обмановъ еврейскаго населенія страны.

Примѣняя къ отдѣльнымъ случаямъ свои общія соображенія о мошенничествѣ, Сенатъ призналъ подходящими подъ дѣйствіе 2 п. 174 ст. Мир. Уст.: 1) выманиваніе долговой росписки посредствомъ мнимаго обѣщанія немедленной, взамѣнъ документа, выдачи означенной въ ней суммы, съ отказомъ, по передачѣ росписки, отъ уплаты, подъ предлогомъ, будто деньги уже уплочены (рѣш. 72 г. № 115); 2) выдача безграмотному, при займѣ у него денегъ, недѣйствительнаго обязательства, напр., безъ подписи, подъ видомъ дѣйствительнаго (рѣш. 1871 г. № 735); 3) выманеніе денегъ вслѣдствіе ложнаго увѣренія, что въ обезпеченіе займа будетъ дана шуба, уже ранѣе того проданная другому лицу (рѣш. 71 г. № 1398); 4) взятіе въ долгъ товара подъ видомъ приказчика другого лица (рѣш. 1875 г. № 345); 5) сообщеніе ложныхъ свѣденій о томъ, гдѣ находится пропавшая лошадь, сдѣланное для того, чтобы выманить деньги на водку (рѣш. 76 г. № 101); 6) взиманіе денегъ за перевозъ свыше таксы, съ употребленіемъ при этомъ особаго приготовленія, а именно скрытіе самой таксы (рѣш. 75 г. № 349); 7) выставленіе портнымъ цѣны употребленнаго имъ матеріала выше дѣйствительно уплоченной имъ, если онъ при этомъ обѣ-

щалъ доставить удостовѣреніе въ вѣрности цѣны отъ лица, у котораго купленъ матеріалъ (рѣш. 68 г. № 804), —и т. д. Рѣшеніемъ Сената 1885 г. № 18 подведено подъ 174 ст. „вымогательство отъ крестьянъ денежной платы подъ предлогомъ охраненія ихъ отъ кражи лошадей и подъ угрозою таковою въ случаѣ не взноса денегъ".

Остановимся еще на тѣхъ Сенатскихъ рѣшеніяхъ, въ которыхъ обсуждался вопросъ объ обманѣ при заключеніи запрещенной сдѣлки и при принятіи на себя ходатайства объ освобожденіи отъ военной службы.

По этимъ вопросамъ руководящими слѣдуетъ признавать рѣшенія Сената 81 г. № 19 и 1875 г. № 613. Въ первомъ изъ этихъ рѣшеній разъяснено, что для безнаказанности обмана при противозаконныхъ сдѣлкахъ необходимо, чтобы обманъ выразился въ неисполненіи обѣщанія совершить сдѣлку, воспрещенную закономъ не только подъ угрозою ея несостоятельности, но и подъ страхомъ наказанія за нее, и притомъ завѣдомо для обѣихъ сторонъ, т. е. при такой сдѣлкѣ, которая, еслибы была исполнена въ дѣйствительности, неизбѣжно влекла бы за собою отвѣтственность, какъ совершившаго мошенничество, такъ и потерпѣвшаго отъ онаго. Во второмъ же рѣшеніи высказано, что взятіе денегъ для освобожденія отъ рекрутства тогда только дѣлается мошенничествомъ, когда основаніемъ передачи является обманъ и сообщеніе какихъ либо ложныхъ свѣденій о своемъ положеніи или вліяніи, черезъ что лицо дающее было вовлечено въ заблужденіе.

3 пунктъ. Невозвращеніе оплоченнаго документа. Необходимыми элементами проступка 3 п. 174 ст. являются: а) полученіе долга; б) невозвращеніе заемнаго письма, векселя, росписки или подписаннаго покупателемъ счета и в) намѣреніе вновь потребовать уплоченное.

а) Полученіе долга. — Фактъ имѣвшей уже разъ мѣсто уплаты долга можетъ быть доказываемъ лишь существованіемъ судебнаго рѣшенія по гражданскому дѣлу по иску, предъявленному кредиторомъ, причемъ въ этомъ искѣ ему отка-

заю именно по причинѣ уплаты уже долгъ. Въ этомъ смыслѣ высказался и Сенатъ въ рѣш. 73 г. № 990 и 74 г. № 73, разъяснивъ въ нихъ, что „хотя предъявленіе истцемъ заемнаго документа ко взысканію, при утвержденіи отвѣтчикомъ о произведенной по оному уплатѣ, съ точки зрѣнія сего послѣдняго, всегда имѣетъ характеръ требованія вторичной уплаты долга, но этого недостаточно для возбужденія уголовнаго, по силѣ 3 п. 174 ст. Мир. Уст., преслѣдованія истца, которое можетъ наступить лишь по признаніи гражданскимъ судомъ факта первой уплаты". Въ рѣшеніи же 74 г. № 672 высказано, что признаніе судомъ гражданскимъ *замѣны* одного обязательства другимъ равносильно признанію полученія долга по первому обязательству.

б) Невозвращеніе документа. Въ 3 п. 174-й ст. перечислены документы, невозвращеніе коихъ можетъ влечь за собою при извѣстныхъ условіяхъ уголовное преслѣдованіе; это именно: заемныя письма, векселя, росписки и подписанные покупателемъ счеты; но въ Сен. рѣш. 1871 г. № 1009 выражено, что „примѣненіе помянутаго 3 п. 174 ст., по духу и общему смыслу своему, не можетъ ограничиваться исчисленными въ немъ случаями невозврата заемнаго письма, векселя, росписки и счета или необозначеніемъ на сихъ документахъ полученія уплаты, а относится ко всякому дѣйствію, выражающему сознательное намѣреніе вторично взыскать уже оплоченный долгъ". Тоже и въ рѣш. 1874 г. № 515 Сенатомъ объяснено, что 3 п. 174 ст. Уст. о нак. не имѣетъ въ виду исключительно случаи вторичнаго требованія уплаты долга, возникшаго изъ займа или продажи, но вообще всѣ случаи требованія уплаты денегъ, уже разъ полученныхъ, сопровождавшагося обманомъ, хотя бы эти отношенія возникли изъ условія". Рѣшенія эти, на нашъ взглядъ, болѣе соотвѣтствуютъ духу разъясняемаго ими закона, нежели слишкомъ формальный взглядъ г. Неклюдова (стр. 739 Руков.), полагающаго, что объектомъ проступка 3 п. 174 ст. могутъ быть только долговыя обязательства „и притомъ имѣющія силу доказательство въ гражданскомъ процессѣ".

в) Намѣреніе вновь потребовать уплоченное. Многими Сенатскими рѣшеніями разъяснено, что одно невозвращеніе кредиторомъ должнику заемнаго обязательства не составляетъ еще предусмотрѣннаго 3 п. 174 ст. Мир. Уст. преступнаго дѣянія, для наличности коего, по точному смыслу закона, необходимо, чтобы причиною удержанія документа было доказанное обстоятельствами дѣла намѣреніе вновь потребовать уплаты долга, и чтобы намѣреніе это, въ свою очередь, выразилось какими либо дѣйствіями, напр., представленіемъ долговаго обязательства ко взысканію. По рѣш. 1881 г. № 7 представленіе долговаго обязательства ко взысканію, съ утайкою полученной уплаты неозначеніемъ ея на обязательствѣ, является существеннымъ признакомъ преступленія 3 п. 174 ст.; въ рѣшеніи же 74 г. № 292 и 75 г. № 551 разъяснено, что „одно только требованіе платежа безъ обмана, есть ни что иное, какъ предъявленіе неосновательнаго гражданскаго иска, не влекущее за собою никакихъ послѣдствій, кромѣ указанныхъ въ Уст. граж. судопр.“, и что „примѣненіе 3 п. 174 ст. предполагаетъ наличность умысла, т. е. предполагаетъ взысканіе съ утайкою прежней уплаты и съ преступнымъ намѣреніемъ вновь получить уплоченное; признаніе же судомъ, что обвиняемый предъявилъ требованіе объ уплатѣ денегъ по забывчивости, которую и сознаэлъ самъ еще въ гражданскомъ судѣ, устраняетъ примѣненіе 174-й ст.“.

Оторваніе или отрѣзаніе платежныхъ росписокъ на документѣ съ цѣлью вторичнаго полученія уплоченныхъ денегъ прежде подводилось Сенатомъ подъ дѣйствіе 1622 или 1657 ст. Улож., какъ истребленіе части документа; рѣшеніемъ же 81 г. № 46 дѣяніе это подведено подъ 3 п. 174-й ст. Мир. Уст.

4 пунктъ. Невозвращеніе заклада. Рѣшеніемъ Сен. 71 г. № 1015 разъяснено, что „ст. 174-я Мир. Уст. помѣщена въ отдѣлѣ о мошенничествѣ, слѣдовательно, предусмотрѣнный въ 4 п. оной невозвратъ заклада, при полной уплатѣ долга, составляетъ именно похищеніе чужой собственности посредствомъ какого либо обмана“, и что неуказаніе въ приговорѣ

суда фактовъ, изъ коихъ выведенъ преступный характеръ поступка подсудимаго, является поводомъ кассаціи приговора. Слѣдовательно, простое невозвращеніе заклада, само по себѣ, еще не можетъ считаться мошенничествомъ.

5-й пунктъ. Отдача чужаго имущества въ пользованіе. Пунктъ этотъ 174 ст. разъясненъ Сенатомъ въ томъ смыслѣ: а), что 174-я ст. предусматриваетъ случаи отдачи заложеннаго имущества въ пользованіе, т. е. тѣ случаи, когда лицо, принявшее залогъ, распоряжается имъ безъ согласія заложившаго его съ корыстною цѣлью, и что поэтому 5 п. 174 ст. не можетъ быть примѣненъ въ томъ случаѣ, когда залогоприниматель самъ пользовался заложенною вещью, напр. носилъ ее, такъ какъ въ этомъ случаѣ виновный не извлекалъ никакой пользы, а только пользовался безъ согласія хозяина, что можетъ служить основаніемъ лишь для гражданскаго иска (рѣш. 1870 г. № 1171); 2), что отдача въ наемъ квартиры въ чужомъ домѣ и полученіе за нее денегъ, благодаря ложному увѣренію, что домъ принадлежитъ отдающему квартиру, подходитъ подъ 5 пунктъ 174 статьи (рѣш. 73 года № 810), и 3), что 5 пунктъ 174 статьи, „преслѣдуя отдачу въ наемъ чужаго имущества съ корыстнымъ намѣреніемъ, какъ одинъ изъ видовъ мошенничества, предусматриваетъ дѣяніе, которое направлено противъ правъ дающаго деньги, въ ошибочномъ предположеніи о заключеніи имъ договора найма, а не противъ правъ собственника отдаваемаго въ наемъ имущества“ (рѣш. 80 г. № 46). Поэтому Сенатъ въ рѣшеніи этомъ призналъ ненаказуемымъ провозъ кондукторомъ желѣзной дороги пассажировъ безплатно или и за взимаемую по взаимному съ провозимыми соглашенію плату, какъ дѣяніе, не заключающее въ себѣ обмана по отношенію къ провозимымъ.

175 ст. За означенные въ статьяхъ 173 и 174 проступки, наказаніе можетъ быть увеличено до шести мѣсяцевъ:

1) когда они учинены лицомъ, уже однажды осужденнымъ за кражу или мошенничество;

2) когда они совершены по уговору нѣсколькихъ лицъ;

3) когда для совершенія обмана сдѣланы были какія либо особыя приготовленія;

4) когда виновный, по званію своему или мѣсту, или же по особымъ къ обманутому отношеніямъ, внушалъ особое къ себѣ довѣріе;

5) когда обманутъ малолѣтній, престарѣлый, слѣпой или глухонѣмой;

6) когда для совершенія обмана употреблены суевѣрные обряды, и

7) когда виновный выдавалъ себя за чьего либо повѣреннаго или служителя, или присвоивалъ себѣ ложное имя.

176 ст. Слѣдующее виновному, по статьямъ 173—175, наказаніе можетъ быть уменьшено до половины, если означенные въ этихъ статьяхъ проступки сопровождались обстоятельствами, указанными въ ст. 171-й. Въ случаѣ покушенія на мошенничество, или участія въ немъ, соблюдается правило, изложенное въ ст. 172-й.

176[1] ст. Лица, завѣдомо имѣющія какіе либо способы къ удовлетворенію своихъ кредиторовъ, но умышленно не объявившія объ этомъ суду или полиціи въ случаяхъ и порядкѣ, опредѣленныхъ правилами гражданскаго судопроизводства, а также сдѣлавшія при семъ объявленіи ложныя показанія, хотя бы отъ этого и не послѣдовало ущерба, подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до восьми мѣсяцевъ.

Статьи 175-я и 176-я не вызываютъ особыхъ разъясненій, такъ какъ въ нихъ повторяется большею частью содержаніе ст. 170, 171 и 172 Мир. Уст. Относительно же ст. 176[1] замѣтимъ, что она основана на Правилахъ 7-го Марта 1879 года о производствѣ дѣлъ о несостоятельности и къ губерніямъ Царства Польскаго не относится въ виду 4 п. Указа Прав. Сената отъ 7-го Марта 79 года. Въ силу этого 4-го пункта въ губерніяхъ Прибалтійскихъ и Царства Польскаго личное задержаніе по гражданскимъ дѣламъ временно оставлено на существующихъ основаніяхъ.

177 ст. За присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, ввѣреннаго для сохраненія, переноски или перевозки или же опредѣленнаго употребленія, виновные, когда цѣна присвоеннаго или растраченнаго не превышаетъ трехсотъ рублей, подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года.

Если же растрата совершена только по легкомыслію и виновные добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, то они подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Ст. 177 обнимаетъ собою два вида преступленій противъ чужой собственности: присвоеніе и растрату, причемъ 2-я ч. 177 ст. имѣетъ въ виду только растрату, такъ что за присвоеніе нельзя наказывать арестомъ. Понятія преступленій присвоенія и растраты и ихъ взаимное соотношеніе разъяснены Сенатомъ въ рѣш. 72 г. № 1243, въ которомъ онъ высказалъ, что „177 ст. Уст. о нак., для признанія предусмотрѣннаго ею дѣянія преступнымъ, не требуетъ совмѣстнаго существованія присвоенія и растраты чужаго имущества, но опредѣляетъ наказаніе за присвоеніе или же за растрату, по той, безъ сомнѣнія, причинѣ, что присвоеніе ввѣреннаго чужаго движимаго имущества есть противозаконное обращеніе въ свою собственность этого имущества, чрезъ удержаніе его подъ ложнымъ предлогомъ, что оно не было получено, или же возвращено и употреблено по назначенію, а растрата есть издержаніе или отчужденіе такого противозаконно присвоеннаго имущества, и слѣдовательно понятіе о растратѣ чужаго имущества исключаетъ уже вопросъ о присвоеніи его".

Существенное отличіе присвоенія и растраты отъ кражи, мошенничества и самоуправства заключается въ томъ, что присвоеніе или растрата могутъ быть совершены по отношенію только къ такому чужому имущества, которое ввѣрено было обвиняемому добровольно и безъ всякихъ съ его стороны ухищреній, такъ что вступленіе его во владѣніе присвоенною ве-

щью послѣдовало вполнѣ законно, преступленіе же началось уже по передачѣ ему вещи ея владѣльцемъ. Въ этомъ же смыслѣ высказался и Сенатъ въ рѣш. 72 г. № 249. Такимъ образомъ, первый признакъ, необходимый для состава проступка 177-й ст., заключается въ томъ, что имущество было обвиняемому *ввѣрено*. Перечисляя случаи такого ввѣренія имущества, 177-я ст. говоритъ о передачѣ вообще для *опредѣленнаго* употребленія". Это выраженіе указываетъ, съ одной стороны, что присвоеніе и растрата могутъ имѣть мѣсто не только въ случаяхъ передачи имущества для сохраненія, перевозки или переноски, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ передачи имущества; съ другой же стороны, оно ограничиваетъ понятіе передачи признакомъ *опредѣленнаго* употребленія, отмежевывая имъ области наказуемаго и ненаказуемаго и указывая, что преступленіе присвоенія или растраты не можетъ имѣть мѣста по отношенію къ вещи, переданной въ полное распоряженіе обвиняемаго, съ предоставленіемъ ему права употреблять ее какъ только ему заблагоразсудится. Сенатъ въ рѣш. 72 г. № 1313 высказалъ, что „одинъ изъ существенныхъ признаковъ преступленія 177-й ст. заключается въ томъ, чтобы имущество, о растратѣ коего идетъ рѣчь, дано было для точно опредѣленнаго употребленія, а подъ точно опредѣленнымъ употребленіемъ нельзя признавать выдачу денегъ на такой расходъ, который предоставленъ произволу того, кто получилъ деньги".

Фактъ передачи вещи обвиняемому для извѣстнаго употребленія можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями, путемъ какого бы рода сдѣлки имущество это ни перешло къ обвиняемому. Въ этомъ отношеніи 27 ст. Уст. угол. суд. не можетъ быть примѣняема, такъ какъ при примѣненіи 177 ст. Мир. Уст. рѣчь можетъ идти исключительно объ имуществѣ движимомъ, причемъ для уголовнаго суда важно не то, для какого именно употребленія вещь передана обвиняемому, а лишь тотъ фактъ, что вещь передана не въ произвольное его распоряженіе, а для опредѣленнаго употребленія.

Преступленіе 177-й ст. можетъ имѣть предметомъ своимъ

только *чужую* вещь. По отношенію къ этому признаку возбуждается вопросъ о правильности примѣненія 177-й ст. къ случаямъ растраты имущества, находящагося на правѣ общей собственности обвиняемаго съ потерпѣвшимъ, а также — къ растратѣ имущества заарестованнаго и отданнаго на храненіе владѣльцу его.

Первый случай разъясненъ Сенатомъ (рѣш. 70 г. № 859) въ томъ смыслѣ, что растрата имущества, находящагося въ общей собственности, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки преступленія растраты, что и весьма понятно, такъ какъ обвиняемый растрачиваетъ вмѣстѣ со своею и чужую собственность; растрата же вещи, относительно самаго владѣнія котораго шелъ споръ, признана Сенатомъ не подходящею подъ дѣйствіе 177 ст. (рѣш. 70 г. № 237).

Второй случай—растрата заарестованнаго имущества—вызвалъ многочисленныя Сенатскія разъясненія, смыслъ которыхъ тотъ, что самовольная продажа собственнаго имущества, описаннаго за долги и оставленнаго у его владѣльца только на сохраненіе, составляетъ растрату, такъ какъ имущество, подвергшееся описи, изъемлется изъ владѣнія собственника и не можетъ быть имъ отчуждаемо. Хотя въ рѣш. 72 г. № 298 Сенатомъ подведенъ подъ понятіе растраты и уносъ вещи, не отданной на храненіе собственнику ея, но выше мы уже видѣли, что Сенатъ въ рѣш. 75 г. № 354 призналъ дѣяніе это кражею; другими же рѣшеніями разъяснено: а), что продажа хозяиномъ описаннаго имущества тогда только подходитъ подъ понятіе растраты, когда описанное имущество было ему сдано и имъ принято на храненіе, если же имущество находилось у другого лица, и взятіе его хозяиномъ было не тайное и не сопровождалось ни насиліемъ, ни обманомъ, то дѣяніе это не составляетъ уголовнаго проступка (рѣш. 75 г. № 582); б), что употребленіе въ свою пользу имущества, описаннаго за долгъ приставомъ, но отданнаго на храненіе не подсудимому, не подходитъ подъ понятіе растраты (рѣш. 74 г. № 238); в), что растрата заарестованнаго имущества, учиненная его хозяиномъ, подходитъ

подъ ст. 177 и въ томъ случаѣ, когда имущество, хотя и было отдано на храненіе судебнымъ приставомъ третьему лицу, но симъ послѣднимъ передано виновному (рѣш. 79 г. № 56) и г), что примѣненіе 177 ст. можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаѣ отдачи собственнику вещи на храненіе *для продажи* за его долги, а не просто для храненія (рѣш. 80 г. № 44).

По отношенію же къ хранителю *чужаго* заарестованнаго имущества Сенатомъ высказано, что для примѣненія къ нему наказанія по 177-й ст. необходимо, чтобы судъ призналъ, что онъ выдалъ хранимое имущество съ преступнымъ намѣреніемъ т. е. для присвоенія или растраты его. Г. Неклюдовъ находитъ, что если должникъ, продавъ имущество, въ состояніи удовлетворить немедленно кредитора, то о растратѣ „не можетъ быть и рѣчи" (стр. 749 Рук.). Положеніе это спорное и, на нашъ взглядъ, примѣненіе 2 ч. 177 ст. все таки должно имѣть мѣсто.

Затѣмъ, существеннымъ признакомъ собственно *присвоенія* является *запирательство*. Сенатомъ—въ рѣш. 71 г. № 576 —по этому вопросу высказано, что „по закону (ст. 2272 Ул. о нак. изд. 57 г., ст. 1681 и 1682 Улож. 66 г. и ст. 177 Мир. Уст.) присвоеніемъ чужой вещи называется удержаніе ея не по спору объ ея принадлежности, а подъ ложнымъ предлогомъ, что она не была получена, или что она уже возвращена, или передана, или употреблена по назначенію, или же, что она истреблена или утрачена, а равно присвоеніемъ признается и растрата чужаго движимаго имущества". Очевидно, что предлогъ этотъ долженъ быть *ложный*, и что для растраты въ предлогѣ этомъ нѣтъ необходимости, такъ какъ самый фактъ растраты чужаго имущества заключаетъ уже въ себѣ элементъ присвоенія. Тотъ же взглядъ высказалъ Сенатъ и въ рѣш. 75 года № 644 и 85 г. по д. Пакцика. Въ рѣшеніи же 74 г. № 53 разъяснено, что одно ложное отрицаніе полученія *задатка* по договору еще не составляетъ преступленія, предусмотрѣннаго 177 ст. Мир. Уст., очевидно потому, что задатокъ этотъ переданъ былъ обвиняемому не для опредѣленнаго употребленія, а въ полное его распоряженіе.

Съ своей стороны мы находимъ, что такое ограниченіе понятія запирательства при присвоеніи непремѣннымъ требованіемъ, чтобы обвиняемый утверждалъ, что вещь не получена, отдана, употреблена по назначенію, потеряна или же похищена—не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ жизни и не вытекаетъ изъ понятія присвоенія. Положимъ, напр., что данная вещь отдана при свидѣтеляхъ извощику для доставки по назначенію, собственникъ вещи уходитъ, и, возвратившись черезъ 10 минутъ, при тѣхъ же свидѣтеляхъ требуетъ возврата понадобившейся ему зачѣмъ либо вещи; извощикъ, припрятавъ уже вещь, отказывается выдать ее подъ тѣмъ предлогомъ, что *купилъ* ее у потерпѣвшаго. Вещь цѣнная, возможности купить ее извощикъ не имѣлъ ни малѣйшей, свидѣтели это безусловно подтверждаютъ, какъ равно и то, что все время присутствовали при случившемся и что о сдѣлкѣ купли — продажи не было и не могло быть рѣчи. Спрашивается: почему такой извощикъ не долженъ быть признанъ присвоившимъ себѣ ввѣренную ему вещь и въ чемъ видоизмѣняется характеръ его дѣянія въ томъ случаѣ, когда онъ также завѣдомо ложно и тоже съ цѣлью присвоенія увѣряетъ, что вещь потеряна? Почему въ послѣднемъ случаѣ онъ подлежитъ наказанію по 177 ст., а въ первомъ случаѣ не подвергается вовсе уголовной отвѣтственности? Намъ кажется, что правильнѣе было бы дать въ этомъ отношеніи большій просторъ суду, разсматривающему дѣло, и который, конечно, съумѣетъ отличить присвоеніе отъ гражданскаго правонарушенія, чтобы ни говорилъ обвиняемый въ оправданіе неотдачи ввѣренной ему для извѣстнаго употребленія вещи.

Присвоеніе и растрата считаются совершившимися не съ того момента, когда имущество было ввѣрено, а съ того, когда оно присвоено или растрачено (рѣш. 71 г. № 1653); поэтому совершеніемъ преступленія присвоенія нужно считать моментъ запирательства (рѣш. 1870 г. № 20), такъ что и давность присвоенія должна считаться не съ того времени, когда вещь дана на сохраненіе или для извѣстнаго употребленія, а съ того, ког-

да получившій вещь отказывается отъ ея возвращенія (рѣш. 71 г. № 685). Само собою разумѣется, что это запирательство должно быть соединено съ окончательнымъ обращеніемъ вещи въ свою пользу, такъ что отказъ въ выдачѣ вещи, а затѣмъ выдача ея по предъявленіи иска не можетъ считаться присвоеніемъ (рѣш. 73 г. № 370).

Сенатское рѣшеніе 1876 г. № 38 признаетъ присвоеніемъ обращеніе вещи въ свою пользу и при отсутствіи признака запирательства, находя, что вынесеніе мѣди изъ стѣнъ завода, гдѣ она должна была переплавляться, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки присвоенія. Рѣшеніе это идетъ въ разрѣзъ со всѣми другими разъясненіями Сената и не можетъ быть принимаемо къ руководству. Моментомъ окончанія присвоенія Сенатъ неоднократно указывалъ запирательство, поэтому до этого момента нѣтъ и присвоенія. Равнымъ образомъ нѣтъ и покушенія на присвоеніе, такъ какъ, по справедливому замѣчанію г. Неклюдова (752 стр. Рук.), „покушеніе немыслимо въ присвоеніи и растратѣ, ибо оно тутъ совпадаетъ съ совершеніемъ И дѣйствительно: присвоеніе выражается въ отрицаніи права собственника, но отрицаніе права есть уже присвоеніе совершившееся; никакого начала исполненія тутъ и быть не можетъ, ибо преступленіе начинается и оканчивается отрицаніемъ права. Тоже самое должно сказать и о растратѣ: никакая растрата не мыслима безъ присвоенія; по сему всякое покушеніе на растрату будетъ совершившееся присвоеніе“.

При разсмотрѣніи 9 ст. мы уже изложили нашъ взглядъ на умыселъ при присвоеніи и растратѣ и на невозможность примѣненія къ этимъ преступленіямъ 1-й ч. 9-й ст.; поэтому мы не будемъ повторять уже разъ изложенное, замѣтивъ лишь, что легкомысліе, о которомъ говоритъ 2 ч. 177-й ст., вовсе не есть та неосторожность или ненамѣренность, о которой говоритъ 1-я ч. 9-й ст., и что по мнѣнію г. Неклюдова „присвоеніе чужаго имущества, какъ похищеніе онаго, очевидно можетъ быть только умышленное“.

Перейдемъ теперь къ толкованію 2-й ч. 177 ст.

Выше мы сказали, что 2 ч. 177 ст. не можетъ быть примѣняема къ присвоенію; въ этомъ же смыслѣ высказывается и г. Неклюдовъ, замѣчая, что легкомысленнаго присвоенія быть не можетъ во 1-хъ) въ виду буквальнаго смысла 2 ч. 177 ст., а также въ виду того, что „легкомысленное присвоеніе не мыслимо и само по себѣ, ибо коль скоро обвиняемый не возвращаетъ требуемую отъ него вещь въ то время, когда она находится у него, не только по требованію обиженнаго, но даже и въ то время, когда онъ привлеченъ къ суду, то тѣмъ самымъ доказывается уже, что онъ удерживаетъ вещь вполнѣ сознательно и обдуманно, а не легкомысленно“. Въ томъ же смыслѣ высказывается и г. Лохвицкій (Курсъ Рус. Угол. Прав. стр. 652).

Существуютъ однакоже Сенатскія рѣшенія (67 г. № 267 и 71 г. № 1287), признающія, что 2 ч. 177-й ст. можетъ относиться и къ присвоенію. Рѣшенія эти въ виду вышеизложеннаго слѣдуетъ признать неправильно разъясняющими смыслъ 2-й ч. 177-й ст. Уст. о нак. и даже прямо нарушающими ея смыслъ, такъ какъ не безъ основанія же 2 ч. 177 ст. говоритъ *только* о растратѣ, тогда какъ въ 1-й части говорится и о растратѣ и о присвоеніи.

Многими Сенатскими рѣшеніями затѣмъ — уже согласно точному смыслу 2-й ч. 177-й ст.—разъяснено, что она можетъ быть примѣняема только въ тѣхъ случаяхъ, когда на лицо есть оба указанныя въ ней условія: совершеніе растраты по легкомыслію, *причемъ* обвиняемый добровольно обязался вознаградить потерпѣвшаго. Наличность же одного только изъ этихъ двухъ условій, при отсутствіи другого, дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе 2-й ч. 177 ст.

Легкомысліе обвиняемаго должно выводиться судомъ какъ изъ поведенія его при и по совершеніи преступленія, такъ и изъ всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла. Отличительный признакъ легкомыслія долженъ въ данномъ случаѣ заключаться— по справедливому указанію г. Лохвицкаго—въ томъ, что „лицо совершаетъ растрату безъ злого намѣренія окончательно лишить хозяина принадлежащаго ему имущества; оно дѣлаетъ

это въ увѣренности, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ состояніи возвратить растраченное". Суды, обыкновенно, гораздо шире толкуютъ понятіе легкомыслія, но дѣлается это, вѣроятно, изъ желанія облегчить слишкомъ тяжелую участь виновнаго въ растратѣ, часто вызывающаго къ себѣ сожалѣніе и помимо легкомысленнаго, въ строгомъ смыслѣ слова, характера своей растраты.

Обязанность же вознаградить потерпѣвшаго разъяснена Сенатомъ въ рѣш. 71 г. № 1656 въ томъ смыслѣ, что „законъ не требуетъ непремѣнно совершившагося вознагражденія потерпѣвшаго отъ растраты, а довольствуется лишь тѣмъ, что виновный добровольно обязывается его вознаградить, и даже не отвергаетъ своей обязанности вознаградить потерпѣвшаго"; въ рѣшеніи же 81 г. № 21 высказано, что „такое добровольное сознаніе со стороны обвиняемаго своей обязанности можетъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и не представляется достаточнаго основанія ограничивать наличность этого факта однимъ категорическимъ заявленіемъ обвиняемаго передъ судомъ о сознаніи имъ свой обязанности вознаградить потерпѣвшаго".

Въ виду же того, что вознагражденіе потерпѣвшаго, въ формѣ ли уже состоявшейся уплаты, или же въ какой либо другой формѣ, служитъ основаніемъ лишь для примѣненія 2-й ч. 177 ст., Сенатомъ вполнѣ правильно разъяснено, что возвращеніе похищеннаго путемъ присвоенія не уничтожаетъ виновности, а только уменьшаетъ наказаніе (рѣш. 1872 г. № 183 и друг.).

178 ст. За присвоеніе найденныхъ денегъ или вещей, или же найденнаго въ чужой землѣ клада, виновные, когда имъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго, подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройной суммы или цѣны денегъ или вещей.

За повтореніе сего проступка, а равно въ случаѣ, когда виновнымъ не только былъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго, но притомъ найденное было отъ нихъ требовано, или имъ

было извѣстно, что о сей потерѣ объявлено установленнымъ порядкомъ, они могутъ быть подвергнуты:

заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ недѣль до шести мѣсяцевъ.

179 ст. За необъявленіе установленнымъ порядкомъ, въ теченіе трехъ недѣль, о найденныхъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ деньгахъ или вещахъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше суммы или цѣны утаенныхъ денегъ или вещей.

Тому же взысканію подвергается каждый, на чьей землѣ окажется, или къ чьему стаду пристанетъ пригульный, пришлый, неизвѣстно кому принадлежащій скотъ, если, въ теченіе семидневнаго срока, не заявитъ о томъ мѣстной полиціи или сельскому начальству.

Обѣ части 178 ст. и ст. 179 имѣютъ между собою то общаго, что объектомъ проступковъ, ими предусмотрѣнныхъ, является находка, вещь безъ хозяина; отличаются же проступки эти одинъ отъ другого разными привходящими признаками. Поэтому, а также и потому, что признакомъ безхозяйности вещи проступки 178 и 179-й ст. отличаются отъ кражи и грабежа, обратимся прежде всего къ ближайшему разсмотрѣнію того, что слѣдуетъ понимать подъ вещью *найденною*.

Многими Сенатскими рѣшеніями разъяснено, что для понятія находки необходимо, чтобы обрѣтеніе имѣло мѣсто тогда, когда законный владѣлецъ почитаетъ вещь окончательно потерянною и не имѣетъ возможности немедленно возстановить свое право на нее, или, иначе, что находка можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда она сдѣлана при такихъ условіахъ, при которыхъ найденная вещь должна считаться потерянною.

Согласно этому опредѣленію Сенатомъ признана не находкою, а кражею: находка вещи въ жилищѣ ея хозяина (рѣш. 70 г. № 71); присвоеніе сумки, взятой съ почтовыхъ саней, встрѣченныхъ на дорогѣ безъ проводника (рѣш. 72 г. № 1610); присвоеніе хозяиномъ квартиры вещей, оставленныхъ кѣмъ

либо (рѣш. 71 г. № 783); похищеніе денегъ, зарытыхъ кѣмъ либо, при доказанности, что обвиняемый видѣлъ, какъ владѣлецъ зарывалъ эти деньги (рѣш. 70 г. № 1502). Рѣшеніемъ же 83 г. № 24 разъяснено, что обрѣтеніе потерянныхъ долговыхъ документовъ не можетъ быть подводимо подъ понятіе находки въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ „одно нахожденіе такого документа въ фактическомъ обладаніи такого лица, право собственности котораго на этотъ документъ не перешло къ этому лицу установленнымъ въ законѣ порядкомъ, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ для фактическаго обладателя чужимъ долговымъ документомъ оно не устанавливаетъ право собственности на имущество, а дѣйствительный собственникъ этого имущества не лишается имущественныхъ правъ чрезъ утрату фактическаго обладанія документомъ".

1-я ч. 178-й ст. имѣетъ въ виду тотъ случай присвоенія найденныхъ денегъ или вещей, или же найденнаго въ чужой землѣ клада, когда нашедшему извѣстенъ хозяинъ найденнаго; 2-я ч. 178 ст. имѣетъ въ виду обстоятельства, особо увеличивающія вину нашедшаго, статья же 179-я говоритъ о находкѣ вещей или денегъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, и наказываетъ не самое присвоеніе этихъ вещей, а необъявленіе о находкѣ ихъ установленнымъ порядкомъ, въ трехнедѣльный срокъ. Въ этой послѣдней статьѣ не говорится ничего о кладахъ, что слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что законъ признаетъ кладъ всегда принадлежащимъ собственнику той земли, въ которой онъ найденъ; поэтому присвоеніе клада подходитъ подъ дѣйствіе только 178-й статьи.

Выраженіе 178-й ст.: „когда имъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго" слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что для подведенія присвоенія найденнаго подъ 178 ст. безразлично, зналъ ли обвиняемый хозяина найденныхъ вещей въ самый моментъ находки, или же узналъ о немъ впослѣдствіи и продолжалъ удерживать найденную вещь и присвоивать ее себѣ. Этотъ послѣдній случай несомнѣнно подходитъ подъ дѣйствіе 178-й ст.; первый же случай тогда лишь можно признавать присвое-

ніемъ найденнаго, а не кражею, когда обвиняемый, зная въ моментъ находки хозяина вещи, былъ въ томъ убѣжденіи, что вещь эта имъ потеряна; въ этомъ смыслѣ высказался и Сенатъ въ рѣш. 73 г. № 980.

Выраженіе ст. 178-й: „*присвоеніе* найденнаго" приводитъ г. Неклюдова къ тому заключенію, что и при присвоеніи найденнаго, какъ и вообще при присвоеніи, слѣдуетъ обращать вниманіе на запирательство нашедшаго и только въ этомъ случаѣ признавать наличность уголовно наказуемаго дѣянія, т. е. что должно имѣть мѣсто отрицаніе находки, утвержденіе, что она выдана потерпѣвшему и т. д.; но подобный отказъ удовлетворить требованіе собственника вещи выдачею ея ему предусмотрѣнъ 2-ю частью 178 ст., какъ обстоятельство, особо увеличивающее вину и, слѣдовательно, законъ шире понимаетъ присвоеніе найденнаго, нежели присвоеніе ввѣреннаго имущества, т. е. большему количеству фактовъ даетъ значеніе обстоятельствъ, доказывающихъ присвоеніе найденнаго. Если, положимъ, будетъ доказано, что нашедшій вещи, зная ихъ хозяина, впродолженіи болѣе или менѣе долгаго срока не принималъ никакихъ мѣръ къ передачѣ вещи ея собственнику, а пользовался ею какъ таковой, то, на нашъ взглядъ, примѣненіе 1 ч. 178-й ст. можетъ имѣть мѣсто и въ томъ случаѣ, если обвиняемый не отрицалъ, что нашелъ вещь и удержалъ ее — вслѣдствіе той или другой причины, если только судъ признаетъ причины эти вымышленными. Если же обвиняемый, на требованіе хозяина вещи отдать ее, отвѣчаетъ отказомъ, то этотъ отказъ, хотя бы ничѣмъ и немотивированный, слѣдуетъ признавать достаточнымъ для подведенія дѣянія обвиняемаго подъ дѣйствіе 2 ч. 177 ст. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, присвоеніе *найденнаго* не слѣдуетъ отождествлять, какъ это дѣлаетъ г. Неклюдовъ, съ присвоеніемъ *ввѣреннаго*, такъ какъ въ первомъ случаѣ нѣтъ мѣста для предположеній о существованіи между сторонами какихъ либо отношеній по имуществу чисто гражданскаго характера.

Извѣстность хозяина имѣетъ значеніе при примѣненіи

178 ст. только до тѣхъ поръ, пока найденная вещь находится въ рукахъ нашедшаго ее; если же онъ узналъ кто ея хозяинъ, или что о пропажѣ ея объявлено установленнымъ порядкомъ, уже послѣ того, какъ вещь эта перешла въ чужое владѣніе, то, по нашему мнѣнію, къ дѣянію обвиняемаго можетъ быть примѣнена только 179 ст. Мир. Уст.

Такъ какъ взысканіе по 1-й ч. 178-й ст. опредѣлено тройною стоимостью потеряннаго, то, въ виду 1-й ст. Уст. о нак., присвоеніе найденнаго, превышающаго 100 руб., изъято изъ вѣдомства мировой юстиціи.

Повтореніемъ проступка 178-й ст. слѣдуетъ считать совершеніе его по вступленіи въ законную силу обвинительнаго о томъ же обвиняемомъ приговора по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ именно 178 статьею. Совершеніе этого проступка въ третій, четвертый и т. д. разъ не выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства мировой юстиціи. То же слѣдуетъ сказать и о совершеніи проступка 178 ст. лицами привилегированныхъ сословій. Въ этомъ отношеніи рѣш. Общ. Собр. Кас. Деп. Сената 72 г. № 98 разъяснено, что „хотя 178 ст. Уст. о нак. и помѣщена въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: о мошенничествѣ, обманахъ и присвоеніи чужаго имущества, но къ ст. 181 она относиться не должна", такъ какъ въ ст. 181-й говорится лишь о кражѣ, мошенничествѣ и растратѣ или присвоеніи чужаго имущества, а въ статьяхъ Уложенія, устанавливающихъ особое, въ видѣ изъятія, наказаніе тюремнымъ заключеніемъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ для дворянъ, священно-служителей, монашествующихъ и почетныхъ гражданъ (что и дѣлаетъ нѣкоторыя дѣла о нихъ неподсудными мировой юстиціи), сдѣланы ссылки только на статьи 169—177 Мир. Уст., а о ст. 178 вовсе не упоминается.

Сенатскимъ рѣшеніямъ 68 г. № 358 установлено, что необъявленіе о находкѣ погашается не шестимѣсячною, а двухлѣтнею давностью. Мнѣніе это основательно опровергаетъ г. Неклюдовъ, указывая, что оно основано единственно на помѣщеніи 179 ст. рядомъ съ присвоеніемъ, и что по Уложенію

двухлѣтняя давность не существуетъ для проступковъ, наказываемыхъ арестомъ или денежнымъ взысканіемъ.

Ст. 178-я преслѣдуетъ присвоеніе, поэтому неосторожное присвоеніе находки не можетъ имѣть мѣста. Статья же 179-я возлагаетъ на нашедшаго вещи или деньги особую обязанность, почему, равнымъ образомъ, и къ проступку 179 ст. не можетъ быть примѣняема 1-я ч. 9 ст. Мир. Уст.

2-я ч. 179 ст. имѣетъ въ виду случай незаявленія начальству въ теченіе 7 дней о пригульномъ „скотѣ".

Выраженіе это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено, не понимая подъ нимъ, слѣдовательно, и пришлыхъ домашнихъ *птицъ*, необъявленіе о которыхъ является поэтому ненаказуемымъ. Въ статьѣ этой сказано: „неизвѣстно кому принадлежащій скотъ", поэтому удержаніе у себя скота извѣстно кому принадлежащаго слѣдуетъ подводить подъ дѣйствіе 178-й ст. Вообще же какъ о животныхъ, такъ и о домашней птицѣ слѣдуетъ сказать, что они, какъ и всякое другое движимое имущество, владѣніе которымъ равносильно правооснованію, могутъ быть предметомъ и кражи и присвоенія и проступка 1-й ч. 179 ст., причемъ кража ихъ отличается отъ присвоенія найденныхъ тѣми же признаками, о которыхъ упомянуто было въ началѣ разбора 178 статьи.

180 ст. За покупку или принятіе въ закладъ завѣдомо краденнаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Но если означенные въ сей статьѣ проступки совершаются въ видѣ ремесла, то виновные подвергаются наказанію какъ за кражу.

180[1] ст. За пріемъ въ закладъ отъ нижнихъ воинскихъ чиновъ казеннаго оружія, казеннаго платья или амуничныхъ вещей, виновные, сверхъ возвращенія всего принятаго ими въ закладъ безъ всякаго за то платежа, подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройной цѣны вещей.

180 ст. говоритъ о „покупкѣ или принятіи въ закладъ“, т. е. преслѣдуетъ пріобрѣтеніе добытыхъ преступленіемъ вещей путемъ одного изъ двухъ договоровъ: купли продажи и займа съ закладомъ движимости, но буквальное выраженіе этой статьи „покупка“ не слѣдуетъ понимать въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ договоръ этотъ понимается въ гражданскомъ правѣ и будетъ вполнѣ правильнымъ подведеніе подъ дѣйствіе 180 ст. и пріобрѣтенія такой вещи путемъ, положимъ, обмѣна. Также точно Сенатъ — въ рѣш. 69 г. № 797 — призналъ, что продажа вещей на завѣдомо краденныя деньги (т. е. пріобрѣтеніе завѣдомо краденныхъ денегъ путемъ выдачи за нихъ вещей) вполнѣ подходитъ подъ 180 ст. Мир. Уст., „какъ дѣяніе весьма сходное съ покупкою завѣдомо краденныхъ вещей“. Но *продажу* и *отдачу* въ закладъ завѣдомо похищенныхъ вещей слѣдуетъ подводить подъ дѣйствіе не 180, а 172 или 176 ст. Уст. о нак., въ томъ случаѣ, если самое преступленіе подсудно мировой юстиціи, какъ высказываетъ Сенатъ въ рѣш. 67 г. № 76 и 70 г. № 156 и г. Неклюдовъ (стр. 764 Рук.). Равнымъ образомъ, въ виду точнаго смысла 180 ст., слѣдуетъ считать укрывательствомъ кражи, а не проступкомъ 180 ст.: а) *пріемъ* завѣдомо краденнаго имущества, хотя бы и безъ знанія обстоятельствъ, сопровождавшимъ кражу (рѣш. 74 г. № 140 и 75 г. № 258); б) *полученіе* въ свою пользу завѣдомо краденныхъ денегъ (рѣш. Сен. 71 г. № 1898) и в) *принятіе* краденной шубы на сохраненіе (рѣш. 72 г. 72 г. № 845).

Предметъ покупки или принятія въ закладъ долженъ быть *завѣдомо похищенный.* Это признакъ весьма существенный и отсутствіе его дѣлаетъ дѣяніе обвиняемаго не наказуемымъ. Многими Сенатскими рѣшеніями разъяснено, что для примѣненія ст. 180-й вовсе не требуется, чтобы покупщикъ зналъ въ точности способъ похищенія или присвоенія чужаго продаваемаго ему имущества, но достаточно, чтобы ему было извѣстно, что продаваемая вещь не можетъ законно принадлежать продавцу. Съ другой стороны, тоже цѣлымъ рядомъ Се-

натскихъ рѣшеній устанавливается, что если покупщикъ завѣдомо краденныхъ вещей зналъ не только о способѣ ихъ пріобрѣтенія, но и о самомъ случаѣ совершившейся кражи, зналъ о лицѣ, у котораго имущество украдено, то онъ долженъ быть признанъ виновнымъ въ скрытіи слѣдовъ преступленія, а не въ дѣяніи, предвидѣнномъ ст. 180; равнымъ образомъ слѣдуетъ признавать пособникомъ преступленія лицо, купившее краденныя вещи въ томъ случаѣ, если оно дало заранѣе обѣщаніе на таковую покупку.

Ст. 180 говоритъ объ имуществѣ „завѣдомо краденномъ или полученномъ чрезъ обманъ“. Болѣе широкое толкованіе этого выраженія установлено тоже многими рѣшеніями Сената, разъяснившими, что ст. 180 имѣетъ въ виду покупку или принятіе въ закладъ вещей пріобрѣтенныхъ не только посредствомъ кражи, но вообще добытыхъ однимъ изъ способовъ присвоенія или похищенія имущества, означенныхъ въ 4-мъ Отдѣлѣ 13 главы Мир. Уст., и что такъ какъ къ числу этихъ способовъ принадлежитъ и присвоеніе или растрата чужаго имущества, ввѣреннаго для сохраненія или опредѣленнаго употребленія, то и принятіе въ закладъ или покупка подобнаго незаконно присвоеннаго имущества вполнѣ подходитъ подъ ст. 180. По поводу изложеннаго взгляда Сената г. Неклюдовъ справедливо замѣчаетъ, что „предметомъ покупки или принятія въ закладъ должно быть имущество *похищенное*, имущество же не похищенное не можетъ быть предметомъ 180 ст. Согласно этому не могутъ быть преслѣдуемы по 180 ст. покупка и принятіе въ закладъ имущества *найденнаго* (ст. 178 — 179 Уст. о нак.). Этотъ выводъ основывается на точномъ текстѣ 180 ст. Мир. Уст. и оправдывается практикою всѣхъ Европейскихъ государствъ. Причина къ тому очень простая: во первыхъ, законодательства обыкновенно не требуютъ объявленія о находкѣ вещей незначительной цѣнности; во вторыхъ, нельзя ставить на одну доску удержаніе находки съ похищеніемъ: между тѣмъ и другимъ громадная разница. Независимо отъ того примѣненіе ст. 180 къ покупкѣ и къ принятію въ закладъ

дки представлялось бы явно несообразнымъ, такъ какъ пщикъ подвергался бы, по самому закону, болѣе строгому занію, чѣмъ продавецъ".

Проступокъ 180-й ст. подсуденъ мировой юстиціи незави- отъ того, при какихъ обстоятельствахъ и какими лицами рпшено то преступленіе, путемъ котораго добыты куплен- вещи; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что покупка или нятіе въ закладъ имущества добытаго путемъ *насилія*, ъ предусмотрѣнныя ст. 1702 и 1705 Улож. о нак., не под- ятъ подъ дѣйствіе 180 ст. Мир. Уст.

Покушеніе на проступокъ 180 ст. не наказуемо, какъ не- дусмотрѣнное особо Уставомъ о нак.; давность же проступ- 180 ст.—двухлѣтняя, а не шестимѣсячная. Взглядъ этотъ сказанъ Сенатомъ въ рѣш. 79 г. № 47, въ которомъ разъяс- но, что „хотя предусмотрѣнные 180 ст. Уст. о нак. проступ- и получили, съ изданіемъ этого Устава, значеніе самостоя- льнаго уголовнаго правонарушенія, но и по происхожденію 30 ст., и по мѣсту, которое ей отведено въ Уставѣ о нак., и, конецъ, по самому существу своему, должны быть отнесены ь разряду проступковъ противъ чужой собственности, име- уемыхъ въ законахъ уголовныхъ кражею, мошенничествомъ, рисвоеніемъ, и посему не могутъ быть изъяты—отъ дѣйствія бщихъ правилъ, установленныхъ относительно преслѣдованія наказанія кражи, мошенничества и присвоенія, а слѣдова- ельно не могутъ быть и погашаемы давностью шестимѣсяч- юю, установленною 21-ю ст. Уст. о нак. для менѣе важныхъ проступковъ".

По поводу 180 ст. г. Неклюдовъ высказываетъ, что „еже- ли имущество будетъ продаваемо или отдаваемо въ закладъ не посторонним, а самимъ похитителемъ, то въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть подвергнутъ наказанію по совокупности преступленій, согласно 16-й ст. Уст. о нак.". Взглядъ этотъ представляется намъ рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ. Самъ г. Неклюдовъ нѣсколько выше высказываетъ, что такіе продавцы отвѣчаютъ какъ пособники похищенія, слѣдователь-

но, по его мнѣнію, самъ похититель долженъ отвѣчать въ г
добномъ случаѣ и какъ главный виновникъ и какъ пособни
самому себѣ?! Очень жаль, что взглядъ этотъ высказанъ г. Н
клюдовымъ безъ всякихъ мотивовъ.

Для примѣненія 2-й ч. 180-й ст. суду необходимо устан
вить, что проступокъ 180 ст. совершенъ *въ видѣ ремесла.* В
рѣш. Сен. 75 г. № 655 высказано, что скупъ завѣдомо краден
ныхъ вещей, въ видѣ ремесла, требуетъ не единичной покуп
ки краденныхъ вещей, а обращеніе покупки ихъ и перепродажи въ обычное занятіе; въ рѣш. же 73 г. № 424 выражено, что „для примѣненія 2-й ч. 180-й ст. вовсе не требуется, чтобы обвиняемый нѣсколько разъ судился бы за покупку краденныхъ вещей. Напротивъ того, судъ можетъ и при обвиненіи кого либо въ первый разъ обнаружить доказательство того, что обвиняемый покупаетъ краденныя вещи по ремеслу“.

О проступкѣ 2-й ч. 180 ст. Мир. Уст. говоритъ и ст. 931 Улож. о нак. Статья эта помѣщена въ отдѣлѣ Уложенія „о составленіи злонамѣренныхъ шаекъ и пристанодержательствѣ; въ текстѣ ея сказано: „тѣ, которые, не имѣя прямыхъ сношеній съ злонамѣренною шайкою, или даже и не зная о существованіи оной, постоянно и какъ бы въ видѣ промысла занимаются скупомъ и перепродажею предметовъ, завѣдомо похищенныхъ или противозаконно провезенныхъ“. Сенатское рѣшеніе 78 г. № 22, вопреки точному смыслу 931-й ст., высказало, что для примѣненія ея къ виновному необходимо установить, что скупленные предметы были похищены образовавшеюся для похищенія чужаго имущества шайкою, и что подсудимый, хотя и не состоялъ съ нею въ прямыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ, *но зналъ о ея существованіи,* и что въ противномъ случаѣ слѣдуетъ примѣнять „позднѣйшій законъ“—180 ст. Мир. Уст. На нашъ взглядъ, рѣшеніе это представляется несостоятельнымъ въ виду того соображенія, что ст. 180-я Мир. Уст. и ст. 931 Улож. говорятъ о разныхъ предметахъ: 180-я ст. говоритъ о покупкѣ въ видѣ ремесла *отъ разныхъ лицъ,* статья же 931 говоритъ о скупѣ и перепродажѣ *отъ однихъ и тѣхъ же*

лицъ, входящихъ въ составъ шайки, причемъ признакъ знанія о существованіи шайки давалъ бы основаніе къ примѣненію уже не 931 ст., а наказанія, установленнаго для соучастниковъ шайки, подобно тому, какъ знаніе покупателемъ о совершившейся кражѣ даетъ основаніе примѣнять не 180, а 172-я ст. Мир. Уст.

Замѣтимъ наконецъ, что подъ дѣйствіе не 180 ст. Уст., а 931 ст. Улож. подходятъ — въ виду 2 ч. этой статьи — „лица, занимающіяся, въ видѣ промысла, скупомъ или сбытомъ завѣдомо краденныхъ лошадей“.

Ст. 180[1] Мир. Уст. имѣетъ въ виду исключительно *закладъ*, и притомъ непремѣнно *нижними воинскими чинами*, казенныхъ вещей, входящихъ въ составъ ихъ военнаго обмундированія; покупка же отъ нижнихъ чиновъ завѣдомо похищенныхъ казенныхъ вещей подходитъ подъ дѣйствіе 180-й ст. Мир. Устава.

181 ст. Наказаніе за кражу, мошенничество и присвоеніе или растрату чужаго имущества опредѣляется виновнымъ по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ:

1) когда эти преступныя дѣйствія совершены дворянами, священнослужителями, монашествующими или почетными гражданами, во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ, и

2) когда они совершены лицами другихъ сословій въ третій разъ, или хотя и въ первый или второй разъ, но на сумму свыше *трехсотъ рублей*, или при обстоятельствахъ предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 220—231, 232 (ч. 2), 234, 1645, 1646, 1647, 1649, 1650—1654, 1657, 1658, 1668—1670, 1672 и 1673 Уложенія о наказаніяхъ.

Въ 181 статьѣ сгруппированы всѣ случаи кражъ, мошенничествъ и присвоеній или растратъ неподсудныхъ мировой юстиціи. Въ статьѣ этой двѣ части: первая часть говоритъ о тѣхъ случаяхъ, когда неподсудность является послѣдствіемъ совершенія одного изъ подсудныхъ вообще мировой юстиціи преступленій „дворянами, священнослужителями, монашествующими или почетными гражданами“. Но прежде чѣмъ перейти

къ ближайшему разсмотрѣнію 1-й ч. 181 ст., остановимся надъ вопросомъ, о какихъ именно преступленіяхъ говоритъ 181 ст. Мир. Уст.

Преступленія эти точно перечислены въ ней: кражи, мошенничества и присвоенія или растраты; о какихъ либо другихъ преступныхъ дѣяніяхъ въ 181-й ст. не упоминается и нѣтъ основаній подводить ихъ подъ дѣйствіе этой статьи. Въ этомъ смыслѣ высказался и Сенатъ. Такъ, въ рѣш. 70 г. № 24 (Общ. Собр.) выражено, что ст. 181 не можетъ быть примѣнима къ случаямъ порубки и похищенія срубленнаго лѣса, такъ какъ въ случаяхъ этого рода принадлежность виновнаго къ тому или другому сословію не имѣетъ вліянія на подсудность. Въ рѣш. 1868 г. № 624 разъяснено, что 181 ст. не распространяется на необъявленіе о найденныхъ вещахъ, указанное въ ст. 179, а въ рѣш. 72 г. № 96 (Общ. Собр. Угол. и 1 Деп.) — что не всѣ преступленія, учиненныя лицами привилегированныхъ сословій и влекущія заключеніе въ тюрьму, изъемлются изъ вѣдомства мировыхъ установленій, а только указанныя въ ст. 169—177. Что же касается укрывательства похищеннаго, то хотя въ рѣш. 71 г. № 1150 высказано было Сенатомъ, что и укрывательство, подобно покупкѣ завѣдомо краденнаго, не подходитъ подъ дѣйствіе 181 ст., въ виду ея смысла, но рѣш. 1880 г. № 27 (Общ. Собр.) разъяснено, что лица дворянскаго происхожденія, виновныя въ укрывательствѣ кражи, а не въ покупкѣ завѣдомо краденнаго, согласно со ст. 1656 Уложенія, не подлежатъ вѣдомству мировыхъ установленій. Дѣйствительно, въ ст. 1656 Улож. говорится о преступленіяхъ предусмотрѣнныхъ ст. 169 — 172 Уст. о нак., безъ выдѣленія изъ ихъ числа укрывательства похищеннаго. Замѣтимъ еще, что кражи и мошенничества, совершенныя лицами привилегированныхъ сословій, потому изъяты изъ вѣдомства мировой юстиціи, что наказаніе за нихъ для этихъ лицъ соединено съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 1656 и 1667 Улож.).

Обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію 1 ч. 181 ст.

На первомъ планѣ поставлены *дворяне*. Такъ какъ мировой юстиціи Царства Польскаго приходится имѣть дѣло и съ русскими дворянами и съ дворянами польскаго происхожденія, то мы укажемъ на способы пріобрѣтенія и того и другаго дворянства. Положеніе о дворянствѣ русскомъ изложено въ законахъ о состояніяхъ (Т. IX Св. Зак.), Положеніе же о дворянствѣ въ Царствѣ Польскомъ, изданное 25 Іюня 1836 года, помѣщено въ 19 т. Дневн. Зак. И по IX т. Св. Зак. и по Полож. 36 года, дворанство раздѣляется на потомственное и личное (ст. 181 Мир. Уст. говоритъ вообще о дворянствѣ) и пріобрѣтается оно: службою военною и гражданскою, полученіемъ Россійскаго Императорскаго Ордена лицами на службѣ состоящими и по особенной Монаршей милости; сообщается же дворянство — потомственное — родомъ и бракомъ, личное же — только бракомъ, причемъ по ст. 12 Пол. 1836 г. дворянство потомственное по роду сообщается всѣмъ законнымъ дѣтямъ и потомкамъ обоего пола: 1) отъ лицъ, кои до изданія настоящаго закона были дворянскаго состоянія, и 2) отъ лицъ, пріобрѣвшихъ дворянство послѣ изданія настоящаго закона. И по тому и по другому Положенію о дворянствѣ дочь и вдова потомственнаго дворянина сохраняютъ свое состояніе и по выходѣ впослѣдствіи за мужъ за не дворянина. Потомственное дворянство даютъ: чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена Владиміра и Георгія всѣхъ степеней, другіе же россійскіе ордена — только первыхъ степеней; личное же дворянство даетъ чинъ IX класса и нисшія степени орденовъ Св. Анны и Св. Станислава. Далѣе въ законахъ этихъ говорится подробно о доказательствахъ дворянскаго происхожденія. Лишенныя возможности, за неимѣніемъ мѣста, дѣлать выписки по этому предмету, мы укажемъ лишь, что нерѣдко обвиняемые ссылаются на свою принадлежность къ дворянству, но для признанія ихъ заявленій основательными необходимо требовать представленія доказательствъ; въ большинствѣ же случаевъ лица эти оказываются дворянами такъ называемыми „не легитимованными", т. е. не утвержденными въ своихъ правахъ Ге-

рольдіею. Утвержденіе же это требуется статьею 55 Положенія 36 г., возлагавшею обязанность представленія доказательствъ своего дворянскаго происхожденія Герольдіи на всѣхъ лицъ, пріобрѣвшихъ дворянское званіе до изданія закона 1836 года. На это былъ данъ одиногодичный срокъ, продленный затѣмъ до 1840 года.

Далѣе въ 1-й ч. 181-й ст. говорится о священнослужителяхъ и монашествующихъ. Выше мы уже говорили, что вездѣ гдѣ въ Уставѣ говорится о священнослужителяхъ, слѣдуетъ понимать, что это относится ко всѣмъ христіянскимъ вѣроисповѣданіямъ; то же слѣдуетъ замѣтить и о монашествующихъ. Тогда же мы упоминали, что слѣдуетъ различать священнослужителей и церковнослужителей, и такъ какъ ст. 181 говоритъ только о первыхъ, то подводить вторыхъ подъ дѣйствіе 181 ст. нѣтъ основаній. Дьячки, псаломщики, причетники относятся къ числу церковно-служителей и не подходятъ подъ дѣйствіе 181 ст., подъ которую, однакоже, слѣдуетъ подводить ихъ дѣтей, но уже въ силу того основанія, что они, по закону 26-го Мая 1869 г., пользуются всѣми правами личныхъ почетныхъ гражданъ. Вышеизложенное разъяснено въ рѣшеніяхъ: 72 г. № 1461, 74 г. №№ 193 и 730, 75 г. № 285 и 76 г. №№ 88 и 133. По отношенію же къ дѣтямъ *священнослужителей* Сенатомъ—въ рѣш. 73 г. № 288 и 75 г. № 643 —разъяснено, что они, какъ лица пользующіяся правами дѣтей личныхъ дворянъ, слѣдовательно принадлежащія къ потомственному почетному гражданству, подходятъ подъ дѣйствіе 181-й ст. Мироваго Устава.

Почетное гражданство тоже бываетъ и потомственное и личное; почетное гражданство пріобрѣтается: рожденіемъ, ученою степенью, продолжительностью пребыванія въ гильдіи и полученіемъ грамоты на потомственное почетное гражданство. Почетными потомственными гражданами признаются по праву рожденія: законныя дѣти личныхъ дворянъ и не имѣющія права высшаго состоянія, дѣти священнослужителей православнаго вѣроисповѣданія (подробнѣе см. ст. 292 т. IX Св. Зак. по

прод. 1872 г.; тамъ же говорится и о личномъ потомственномъ гражданствѣ).

Во второй части 181 ст. говорится прежде всего о неподсудности мировой юстиціи третьей кражи, мошенничества или присвоенія и совершенія тѣхъ же преступныхъ дѣяній на сумму свыше трехсотъ рублей. По поводу третьей кражи повторимъ только неоднократно высказанное и прежде, что повтореніемъ кражи слѣдуетъ считать совершеніе таковой послѣ суда и наказанія за предъидущую кражу, что укрывательство кражи не идетъ въ счетъ при примѣненіи 181 ст., и что каждое изъ преступленій считается отдѣльно, т. е. что кражи не идутъ въ счетъ для третьяго мошенничества и на оборотъ (рѣш. 75 г. № 294). Относительно третьяго присвоенія и третьей растраты имѣется единственное, но чрезвычайно важное, рѣшеніе Сената — 78 г. № 23 — въ которомъ разъяснено, что „хотя 181 ст. Уст. о нак. и предписываетъ наказаніе за совершеніе присвоенія или растраты на сумму менѣе 300 руб. въ третій разъ опредѣлять по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ, но такъ какъ статья эта введена въ наше законодательство при дѣйствіи Улож. о нак., изд. 1857 г., въ которомъ за совершеніе присвоенія или растраты въ третій разъ опредѣлялись наказанія, соединенныя съ ограниченіемъ правъ состоянія и потому выходящія изъ предѣловъ предоставленной мировымъ судьямъ власти (1 ст. Уст. о нак.), и такъ какъ въ послѣдовавшемъ въ 1866 году, послѣ согласованія Улож. о нак. изд. 1857 г. съ Уст. о нак., новомъ изданіи Уложенія о нак., за совершеніе присвоенія или растраты на сумму менѣе 300 руб. въ третій разъ не положено наказанія, соединеннаго съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, подобно тому какъ это установлено относительно кражи и мошенничества (ст. 1655, 1672 и 1673-й Улож. о нак.), то засимъ и не представляется законнаго основанія къ изъятію дѣлъ о совершеніи присвоенія или растраты чужаго имущества на сумму менѣе 300 руб. въ третій или болѣе разъ изъ вѣдомства Мировыхъ судебныхъ установленій“.

Что же касается цѣны похищеннаго, то замѣтимъ, что слѣдуетъ отличать совокупность нѣсколькихъ кражъ отъ кражи, такъ называемой длящейся, такъ какъ только въ послѣднемъ случаѣ стоимость похищеннаго опредѣляется суммою всего похищеннаго, при совершеніи же нѣсколькихъ отдѣльныхъ кражъ подсудность опредѣляется не суммою всего похищеннаго, а стоимостью того похищеннаго предмета, который превышаетъ цѣнностью своею предметы другихъ кражъ, стоимость которыхъ должна поглощаться стоимостью этого предмета. Относительно же производства оцѣнки похищенныхъ вещей, Сенатомъ разъяснено, что цѣнность эта, при несогласіи сторонъ, опредѣляется самимъ судомъ, на основаніи представленныхъ сторонами доказательствъ, формальная же оцѣнка стоимости похищеннаго производится только въ томъ случаѣ, когда судъ найдетъ это нужнымъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ перечисленныхъ въ 181 ст. Уст. статей Уложенія о нак., которыя предусматриваютъ случаи кражъ и мошенничествъ, изъятыхъ изъ подсудности мировой юстиціи.

Ст. 220—231 Улож. Статьи эти преслѣдуютъ святотатство, т. е. ограбленіе церквей, похищеніе освященныхъ предметовъ, похищеніе церковнаго имущества; онѣ разсмотрѣны нами—на сколько это нужно для цѣлей нашего Руководства—при толкованіи 1-го п. 170-й ст. Мир. Уст.

Ст. 232 (2-я ч. по прод. 1883 г.). 1-я ч. 232 ст. Улож. о нак. преслѣдуетъ за „покражу денегъ изъ столбовъ или кружекъ выставленныхъ безъ образовъ и крестовъ при церквахъ и часовняхъ, для сбора не на церкви, а для пособія бѣднымъ или же на другое благотворительное употребленіе"; наказаніе за это преступленіе опредѣлено по ст. 170[1] Уст. о нак. и по ст. 1659[1] Улож. о нак. Второю частью 232 ст. приговариваются къ тому же наказанію виновные въ похищеніи изъ такихъ столбовъ и кружекъ „даже и денегъ, на церковь собираемыхъ, если доказано, что они не знали о истинномъ предназначеніи сего сбора" и только въ томъ случаѣ дѣяніе это выходитъ изъ

предѣловъ вѣдомства мировой юстиціи, „когда похищеніе учинено такимъ лицомъ, коему не могло быть неизвѣстно, что украденная имъ сумма принадлежала церкви, или же въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не дозволяли въ томъ сомнѣваться".

Ст. 234. Статья эта говоритъ о разрытіи могилъ для ограбленія или же съ иною цѣлью.

Ст. 1645. Имѣетъ въ виду кражу шайкою „для того или вообще для воровства составившеюся". Опредѣленіе шайки мы дали при разсмотрѣніи 5 п. 170 ст.

Ст. 1646. Имѣетъ въ виду кражу „учиненную во время пожара, наводненія или при иномъ несчастномъ случаѣ". Въ рѣш. Сен. 76 г. № 56 высказано, что ст. 1646 вовсе не требуетъ, чтобы похищенныя вещи находились въ горѣвшемъ зданіи, а примѣняется, напр., къ похищенію вещей выброшенныхъ на улицу.

Ст. 1647 (по прод. 1883 г.). Статья эта говоритъ о кражѣ со взломомъ изъ обитаемаго строенія, или съ его двора, или изъ находящихся во дворѣ построекъ, и разсмотрѣна нами при изложеніи 170[1] ст. Мир. Уст.

Ст. 1649 (по прод. 1883 г.). Въ этой статьѣ говорится о кражѣ слугами, работниками и т. д. по уговору и въ сообществѣ съ наведенными на домъ людьми; содержаніе ея и границы были предметомъ нашего разсмотрѣнія при изложеніи 7 п. 170 ст. Уст. о нак.

Ст. 1650—1654. Въ статьѣ 1650 говорится о кражѣ „въ гостинницахъ, постоялыхъ дворахъ и другихъ подобныхъ симъ заведеніяхъ, самыми содержателями сихъ заведеній или же людьми ихъ". Рѣшеніемъ Общ. Собр. 1-го и Кас. Деп. Сен. 74 г. № 21 разъяснено, что такъ какъ „содержатели постоялыхъ дворовъ подвергаются по Уложенію о наказаніяхъ изд. 1857 г., такъ и изданія 1866 года, за кражу тѣмъ же наказаніямъ, какія опредѣлены за кражу учиненную слугами, рабочими, подмастерьями и проч., а изъ кражъ сихъ послѣднихъ лицъ подвергаются, съ изданіемъ Уст. о нак., наказанію по

Улож. только кражи, учиненныя со взломомъ и съ наведенными людьми; за простую же кражу ниже 300 руб. они подвергаются наказанію указанному въ Уст. о нак., то затѣмъ и содержатели постоялыхъ дворовъ, обвиняемые въ простой кражѣ ниже означенной суммы, подлежатъ наказанію тоже по Уставу о нак.". То же высказано и въ рѣш. Общ. Собр. 78 г. № 23; въ рѣшеніи же Общ. Собр. 80 г. № 47 разъяснено, что харчевня не можетъ быть отнесена къ такимъ заведеніямъ, которыя предназначены для пріюта путешествующимъ или проѣзжающимъ людямъ. Замѣтимъ еще, что подъ дѣйствіе 1650 ст. можетъ быть подводима только кража, совершенная именно у путника, а не у постояннаго обитателя подобнаго заведенія. *1651 ст.* преслѣдуетъ кражу „сундуковъ, чемодановъ или тюковъ съ почтовыхъ повозокъ, дилижансовъ и другихъ учрежденныхъ правительствомъ, обществомъ или частными людьми, для путешественниковъ или перевоза клади, транспортовъ"; *статья же 1652* преслѣдуетъ кражу „чемодановъ, тюковъ или иныхъ вещей изъ повозокъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ". Рѣшеніями 71 г. № 204 и 74 г. №№ 142 и 472 дѣйствіе статьи 1651 распространено и на кражи изъ вагоновъ желѣзныхъ дорогъ; относительно же собственно товарныхъ вагоновъ Сенатомъ—въ рѣш. 76 г. № 142 — указано, что подъ дѣйствіе 1651 ст. Улож. подобная кража подходитъ только въ томъ случаѣ, если она совершена была „во время движенія вагона въ пути, или же. хотя и при остановкѣ вагона на станціи, но изъ вагона, задѣланнаго для пути, или же изъ задѣланнаго хранилища клади, находившагося въ этомъ вагонѣ". Въ рѣшеніи же Общ. Собр. 79 г. № 62 кража изъ вагона, достигшаго мѣста назначенія и стоявшаго на запасномъ пути, не подходитъ подъ дѣйствіе 1651 ст., а наказывается какъ простая кража.

Статья же 1652 Улож. разъяснена Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что ее слѣдуетъ примѣнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда кража совершена во время пути или на станціяхъ, гдѣ безопасность сообщеній требуетъ особыхъ огражденій, но не

можетъ быть отнесена къ кражѣ съ повозокъ или саней въ городахъ, или на улицахъ (рѣш. 1868 г. № 542 — и Общ. Собр. 73 г. № 3).

Ст. 1653 говоритъ о томъ случаѣ, когда при кражѣ или покушеніи на оную, виновный имѣлъ при себѣ какое либо оружіе, или иное орудіе, которымъ онъ могъ нанести смерть или увѣчье. Въ рѣш. 73 г. № 235 высказано, что опредѣленіе закона „орудіе, коимъ можно причинить смерть или увѣчье“, „надлежитъ понимать въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. разумѣть подъ этимъ не всякое орудіе, коимъ лицо, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ или по предварительномъ истязаніи своего противника, можетъ нанести ему смерть или увѣчье, а лишь опасное орудіе, коимъ и безъ особенныхъ благопріятныхъ для нападающаго условій, и при свободной защитѣ, можно нанести смерть или увѣчье“. Тоже и въ рѣш. 76 г. № 227 Сенатъ высказалъ, что „если не различать орудій, употребленныхъ для взлома, отъ тѣхъ, которыя законъ въ 1653 и 1654 ст. Улож. приравниваетъ къ оружію, то почти всякую кражу со взломомъ пришлось бы считать кражею вооруженною, такъ какъ едва ли есть орудіе взлома, которымъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нельзя - бы было нанести увѣчье или смерть“. Затѣмъ, многочисленными Сенатскими рѣшеніями разъяснено, что для понятія вооруженной кражи достаточно, чтобы виновный имѣлъ при себѣ оружіе или орудіе, которомъ бы онъ могъ причинить смерть или увѣчье, независимо отъ того, было ли оно взято виновнымъ для взлома или находилось при немъ случайно и было ли оно употреблено для взлома или нѣтъ; если же совершающій кражу взялъ съ собою оружіе съ цѣлью нападенія или для угрозъ или употребилъ его для этого, то дѣяніе считается не кражею, а грабежомъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 1642 Улож.

Статья же 1654 говоритъ о кражѣ со взломомъ, учиненной „нѣсколькими сговорившимися на то лицами“, причемъ, нѣкоторые или же одинъ изъ нихъ были вооружены“.

Ст. 1657 и 1658 — говорятъ о похищеніи „принадлежа-

щихъ другимъ крѣпостей, или межевыхъ плановъ или книгъ, или другихъ какихъ либо актовъ, документовъ или бумагъ" и т. д., при чемъ ст. 1658 имѣетъ въ виду похищеніе ихъ у частныхъ лицъ. При обсужденіи вопроса о подведеніи даннаго дѣянія подъ дѣйствіе ст. 1657 или 1658 Улож. необходимо обращать вниманіе на то, имѣлъ ли подсудимый своею цѣлью похищеніе именно документа, или же документъ этотъ случайно и для него непредвидѣнно попалъ въ число похищенныхъ предметовъ; очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ дѣяніе обвиняемаго не можетъ быть подводимо подъ дѣйствіе этихъ статей Уложенія. Сенатскими же рѣшеніями разъяснено, что перечисленіе различныхъ документовъ ст. 1657 сдѣлано только въ видѣ примѣра, и что для примѣненія ст. 1657 совершенно безразлично, имѣлъ ли истребленный документъ дѣйствительную силу, или же онъ могъ бы быть признанъ недѣйствительнымъ судомъ гражданскимъ, если бы о томъ былъ предъявленъ споръ.

Ст. 1668—1670 Улож. преслѣдуютъ мошенничество съ выдачею себя „за лицо, дѣйствующее по порученію какого либо присутственнаго мѣста или начальства", или когда виновный „присвоивалъ себѣ не принадлежащее ему званіе"; а также если при томъ „надѣвалъ на себя мундиръ или же какой либо знакъ отличія, принадлежащій присвоенному имъ званію"; статьею же 1670 преслѣдуется употребленіе обмановъ „для обыгранія въ игрѣ запрещенной или незапрещенной".

Наконецъ, *ст. 1672 и 1673* предусматриваютъ учиненіе мошенничества въ третій разъ и болѣе трехъ разъ.

Конецъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
19	еврйеками	еврейками
34	разъясвеінемъ	разъясненіемъ
38	Янъ	Юзефъ
42	нарушепія	нарушенія
49	паказанія	наказанія
53	осталбсь	осталась
54	зак.	закона
67	одно	одну
103	постуиивъ	поступивъ
110	наканія	наказанія
114	уменьшающій	уменьшающія
139	;	,
149	,	;
185	стр. 9	стр. 36
186	какого	кого
202	чужей	чужой
205	;	,
229	Поьскаго	Польскаго
237	мяся	мяса
248	гулящей	гуляющей
249	29-й	29-я
251	42-й	42-я
260	пособничестса	пособничества
262	возврата	разврата
264	имѣеть	имѣетъ
—	игорпаго	игорнаго
271	ухру	цхру
289	гражданскуя	гражданскую
291	позднѣшій	позднѣйшій
307	на	не

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
320	пропущено слово „какъ“	
321	кромѣ строеній	кромѣ того строенія
333	наблюленіемъ	наблюденіемъ
334	времени	временно
400	штрафъ	пожаръ
—	20 января 1881 года	11 мая 1882 года
407	тяжесть	скорость
439	нанасъ	нанесъ
459	обвинитель	оклеветанный
—	оклеветанный	обвинитель
460	малъ	лгалъ
498	вытисненія	вытѣсненія
514	охранаемо	охраняемо
532	оовмѣстнымъ	совмѣстнымъ
547	похищеаемое	похищаемое
550	картофелъ	картофель
554	приво	право
—	раскоши	роскоши
560	време	время
613	дворанство	дворянство

